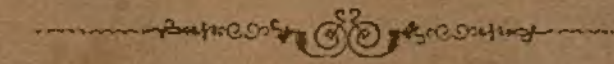
СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

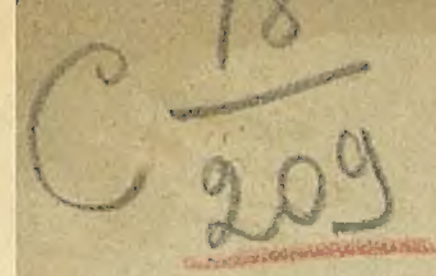
ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

ТОМЪ II.

РИГА, 1879.
Печатано въ типографіи А. І. Липинскаго, на Зюндерской улицѣ,
въ домѣ Попова.

Содержанiе I-го тома.

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

ТОМЪ II.

РИГА, 1879.

Печатано въ типографіи А. І. Липинскаго, на Зюндерской улицѣ,
въ домѣ Попова, № 1.

Дозволено цензурою. Рига, 24 октября 1878 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изложивъ въ І-мъ томѣ „Сборника" цѣль и назначеніе его и представивъ книгу вниманію лицъ, интересующихся прошлымъ Прибалтійскаго края, составитель ея имѣетъ нѣкоторыя основанія сказать, что его трудъ не прошелъ рѣшительно ужъ незамѣченнымъ въ той части русской публики, которая къ исторіи Прибалтійскаго края не относится свысока, какъ къ предмету маловажному и нелюбопытному.

Правда, наши столичные журналы и газеты, какъ и вся мѣстная печать Прибалтійскаго края, не упомянули ни однимъ словомъ о появленіи „Сборника" и обошли совершеннымъ умолчаніемъ предпріятіе, задуманное не такъ легкомысленно, какъ кажется, быть можетъ на первый взглядъ, тѣмъ не менѣе на книгу, 2-й томъ коей представляется нынѣ, обратилъ вниманіе ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, обратили вниманіе также историческое изданіе „Древняя и Новая Россія", „Указатель по дѣламъ печати" и не совсѣмъ малое число мѣстныхъ и иногородныхъ читателей.

Общее мнѣніе лицъ, ознакомившихся съ содержаніемъ I-го тома „Сборника", указало составителю, что основная мысль его труда по существу своему совершенно вѣрна, что останавливаться на первомъ шагѣ еще никакъ не слѣдуетъ, что изданіе переводовъ ливонскихъ лѣтописей и монографій по ливонской исторіи не есть дѣло никому не нужное, никому не любопытное и потому совершенно безполезное.

Это именно и побудило составителя продолжать его трудъ и представить публикѣ новый томъ „Сборника", который бы по своему содержанію былъ достоинъ вниманія ея.

Составитель не можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но онъ позволяетъ себѣ, однакоже, думать, что представляемый томъ до нѣкоторой степени уже чуждъ выдающихся недостатковъ I-го тома.

Въ I отдѣленіи этаго тома составитель помѣстилъ такого рода статьи и матеріалы, которые касаются времени самостоятельной Ливоніи. Въ этихъ статьяхъ и двухъ полныхъ лѣтописяхъ Вартберга и Рюссова безпрерывно упоминаются выступившіе на историческую сцену архіепископъ и епископы съ ихъ вассалами, великій и провинціальный магистры съ орденскими чинами, рижскій магистратъ съ гильдіями, упоминаются различныя учрежденія, получившія уже опредѣленную организацію.

Въ чемъ-же, однако, состояли эти учрежденія, каковы были права состояній въ самостоятельной Ливоніи, въ тѣ времена, которыя описываетъ Вартбергъ и Рюссовъ?

По мнѣнію составителя, это не излишне знать, чтобы ясно и отчетливо разумѣть показанія названныхъ лѣтописцевъ, чтобы правильно судить о причинахъ событій и поводахъ, побуждавшихъ властителей древней Ливоніи дѣйствовать въ томъ либо другомъ смыслѣ, въ томъ либо другомъ направленіи. Составитель „Сборника“ потому и предположилъ отвѣтъ на вопросъ объ учрежденіяхъ и правахъ состояній древней Ливоніи помѣстить какъ-бы вступленіемъ къ представляемымъ въ этомъ томѣ лѣтописямъ и статьямъ. Спеціалистъ въ подобномъ вступленіи, конечно, вовсе не нуждается, но „Сборникъ“ имѣетъ въ виду такихъ читателей, для которыхъ старинная организація учрежденій и состояній самостоятельной Ливоніи не вполнѣ извѣстна и слѣд. требуетъ краткаго, но точнаго разъясненія.

Подобное разъясненіе отнюдь не будетъ какою либо новостію (оно уже сдѣлано во введеніяхъ къ своду мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, дѣйствующему съ 1846 г. въ Прибалтійскомъ краѣ по нынѣ); тутъ только сгрупируется, сведется къ общему итогу то, что извѣстно объ организаціи правительственныхъ учрежденій и правъ состояній въ Ливоніи въ 350 лѣтній періодъ ея самостоятельности, продолжавшейся до средины XVI столѣтія.

Изъ лѣтописи Генриха Латышскаго, помѣщенной въ I-мъ томѣ „Сборника“, читатель уже знаетъ какъ шло завоеваніе Прибалтійскаго края нѣмецкими пришельцами и знаетъ, что крестоносцы и пилигримы (странствующіе богомольцы) изъ Германіи являлись въ Ливонію сколько для помощи епископу, столько же и потому, что предпочитали войну съ язычниками на берегахъ Двины отдаленнымъ

и опаснымъ походамъ въ Азію, тѣмъ болѣе, что самъ римскій первосвященникъ (глава всего тогдашняго католическаго міра) провозгласилъ равнозначительность для спасенія души похода въ Ливонію съ походомъ въ Азію на освобожденіе отъ невѣрныхъ Святой Земли и Іерусалима.

Почти ежегодно епископъ Альбертъ ѣздилъ въ Германію, чтобы привлечь къ походу въ Ливонію новыхъ пилигримовъ, которые, обыкновенно, служили епископу только одинъ годъ времени и потомъ возвращались на родину.

Альбертъ, конечно, лучше чѣмъ кто либо изъ его современниковъ понималъ, что подобными пилигримствами не возможно удержать за собою земли новокрещенныхъ ливонскихъ туземцевъ, не возможно было бороться и съ русскими, столкновеніе съ которыми было неминуемо, какъ невозможно было съ успѣхомъ отбиваться и отъ всегда неожиданныхъ и всегда опустошительныхъ вторженій въ Ливонію литовцевъ. Учредить постоянную военную силу, построить укрѣпленные города и привлечь въ новокрещенную землю постоянное, осѣдлое и притомъ надежное пришлое нѣмецкое населеніе составило задачу дѣятельности умнаго, настойчиваго и энергическаго Альберта, и онъ, можно сказать, если не совсѣмъ, то въ значительно большой степени добился осуществленія своихъ плановъ и предположеній уже въ первые годы своего епископства.

Въ 1201 г. была основана Рига; въ 1202 или 1203 г. послѣдовало учрежденіе новаго рыцарскаго ордена, названнаго орденомъ братьевъ войска Христова (fratres militiae Christi) или меченосцевъ (gladiferi, ensiferi, Schwertbrüder). Папа Инокентій III-й, разрѣшивъ учрежденіе рыцарскаго ордена для исключительной борьбы съ ливонскими язычниками, особою буллою предписалъ новому ордену принять одежду и уставъ рыцарей Храма (темпліеровъ) съ тою разницею, что новые рыцари должны были на бѣлой мантіи носить, вмѣсто одного краснаго креста, изображеніе краснаго меча подъ малымъ крестомъ также краснаго цвѣта. Этою же самою буллою новому ордену предписывалось признавать надъ собою верховную власть рижскаго епископа. Епископъ Альбертъ назначилъ рыцаря Винно Рорбахскаго (фонъ Рорбаха) магистромъ новаго ордена и на содержаніе рыцарства опредѣлилъ третью часть земель, какъ уже завоеванныхъ къ 1202 году, такъ и тѣхъ, которыя подлежали покоренію впослѣдствіи; остальныя двѣ трети всѣхъ земель должны были принадлежать церкви, т.-е. епископу. Нѣтъ надобности распространяться о меченосцахъ, потому что въ этомъ же томѣ читатель имѣетъ особую статью о нихъ.

Учреждая постоянную военную силу, Альбертъ всемѣрно старался, во первыхъ, привлечь въ Ригу осѣдлое нѣмецкое населеніе и съ этою цѣлью предоставилъ этому городу весьма значительныя права и преимущества, дабы нѣмецкому купцу, ремесленнику и вообще горожанину было изъ за чего бросать свою родину и переселяться въ невѣдомую страну и, во вторыхъ, удержать пилигримовъ по возможности въ большомъ числѣ отъ возвращеній на родину. Съ этою именно цѣлію онъ началъ раздавать наиболѣе вліятельнымъ и родовитымъ пилигримамъ завоеванныя земли, но не иначе какъ на ленномъ правѣ и съ обязанностію отправлять военную службу. Вотъ изъ этихъ то пилигримовъ, получившихъ отъ епископа въ ленное владѣніе нѣкоторыя ливонскія земли и образовалось впослѣдствіи сословіе лифляндскихъ вассаловъ (Mannen, Vasallen), родоначальниковъ нынѣшнихъ лифляндскихъ и курляндскихъ дворянъ.

Дѣйствуя шагъ за шагомъ, неуклонно покоряя своей власти земли ливовъ и летовъ (латышей), удачно отражая нападенія русскихъ, епископъ Альбертъ къ 1219 г. распространилъ свои завоеванія до Эстляндіи и Финскаго залива, но тутъ со стороны эстонцевъ (чуди по русскимъ лѣтописямъ) встрѣтилъ сопротивленіе столь сильное, что обратился за помощью къ тогдашнему воинственному королю датскому Вольдемару II, который въ 1219 г. и высадился на эстонскій берегъ, овладѣлъ большею частью нынѣшней эстляндской губерніи, основалъ замокъ Ревель, учредилъ тутъ епископство съ зависимостью отъ архіепископа лундскаго и роздалъ участвовавшимъ въ походѣ этомъ нѣмцамъ и датчанамъ завоеванныя имъ земли на ленномъ правѣ. Эти то лица, получившія въ ленное владѣніе эстонскія земли и были родоначальниками эстляндскихъ вассаловъ, впослѣдствіи обратившихся въ эстляндскихъ дворянъ.

Нѣтъ никакой надобности разсказывать подробности завоеваній эсто-латышскихъ земель, но довольно замѣтить, что по мѣрѣ завоеванія въ покоряемыхъ земляхъ учреждались одно вслѣдъ за другимъ, подъ зависимостью рижскаго епископа, епископства: леальское, дерптское, эзельское, семигальское и курляндское. Въ каждомъ же изъ этихъ епископствъ орденъ меченосцевъ имѣлъ опредѣленную на содержаніе свое часть земель.

Какъ ни прочно, повидимому, германскіе выходцы утвердились въ ново-завоеванной землѣ, какъ ни старался Альбертъ увеличить число вассаловъ и число меченосцевъ, увеличить городскія населенія, но нѣмецкое господство въ краѣ было-бы неминуемо сокрушено подъ соединенными ударами литовцевъ, русскихъ и самихъ новокрещенцовъ, если бы при преемникѣ Альберта, епископѣ риж-

скомъ Николаѣ (здѣсь не мѣшаетъ сказать, что рижскій епископъ возведенъ римскимъ папою въ санъ архіепископа, а рижское епископство обращено въ архіепископство въ 1255 г.) не произошло въ земляхъ языческихъ пруссовъ, единоплеменныхъ съ литовцами, событіе, оказавшее самое рѣшительное вліяніе на весь ходъ историческаго развитія не только Пруссіи и Литвы, но и всей Ливоніи, даже всей Западной Россіи.

Этимъ событіемъ было появленіе въ земляхъ пруссовъ знаменитаго Тевтонскаго ордена. О событіи этомъ необходимо разсказать подробнѣе, тѣмъ болѣе, что и Вартбергъ, и Рюссовъ, когда говорятъ о рыцарствѣ и ихъ дѣяніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, разумѣютъ уже не меченосцевъ, а именно братьевъ Тевтонскаго ордена.

Въ 1190 году во время послѣднихъ усилій христіанъ удержаться въ Палестинѣ учредился подъ стѣнами Птоломаиды (Акры) Тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы. Новые рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, они обязывались ходить за больными и биться съ врагами христіанъ; только нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ орденъ. Уставъ его былъ строгій; рыцари жили вмѣстѣ, спали на твердыхъ ложахъ, ѣли скудную пищу за общей трапезой, не могли безъ позволенія начальниковъ выходить изъ дому, писать и получать письма, не смѣли ничего держать подъ замкомъ, чтобы не имѣть и мысли объ отдѣльной собственности. Каждаго вновь вступавшаго встрѣчали суровыми словами: „Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у насъ спокойно и весело; нашъ уставъ — когда хочешь ѣсть, то долженъ поститься, когда хочешь поститься, то долженъ ѣсть; когда хочешь спать, то долженъ бодрствовать, когда хочешь бодрствовать, долженъ идти спать. Для ордена ты долженъ отречься отъ отца, отъ матери, отъ брата и сестры и въ награду за это орденъ дастъ тебѣ хлѣбъ, воду, да рубище“.

По взятіи Птоломаиды англійскимъ королемъ Ричардомъ Львиное Сердце и французскимъ Филиппомъ Августомъ въ 1191 г. Тевтонскому ордену было назначено мѣстопребываніе въ этомъ городѣ, гдѣ былъ устроенъ и главный орденскій домъ.

Сначала этотъ орденъ былъ незначителенъ: все его достояніе заключалось въ немногихъ имѣніяхъ въ Сиріи и Палестинѣ, дарованныхъ на его содержаніе. Но слава о подвигахъ рыцарей съ удивительною быстротою распространилась по Западной Европѣ. Тевтонскіе рыцари скоро обогатились недвижимыми имуществами, которыя получили въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Евро-

ны. Четвертый магистръ ордена Германъ Зальца (избранный въ 1210 г.) пріобрѣлъ для ордена значительныя владѣнія въ Сициліи и Германіи, принялъ титулъ великаго магистра или гохмейстера (magister generalis, summus magister) и для управленія замками и помѣстьями въ Германіи назначилъ орденскихъ чиновъ, командоровъ и фохтовъ.

Тѣмъ не менѣе орденъ видѣлъ всю невозможность удержаться въ Палестинѣ и съ полной готовностью согласился бы бросить свое мѣстопребываніе въ Азіи и борьбу съ сарацинами, лишь-бы представился къ тому удобный и достойный ордена случай.

Случай этотъ дѣйствительно представился и притомъ такой, который наиболѣе соотвѣтствовалъ цѣли и назначенію ордена.

Въ то время, когда шло покореніе Ливоніи и западныя русскія области терпѣли страшныя бѣдствія отъ набѣговъ Литвы, волости польскія, преимущественно Мазовія, еще болѣе терпѣли отъ набѣговъ пруссовъ, народа единоплеменнаго съ литвою и латышами. Тогдашній князь мазовецкій Конрадъ былъ доведенъ до отчаянія этими набѣгами, ибо не имѣлъ никакихъ средствъ обороняться отъ хищниковъ. Однажды шайка пруссовъ пришла къ нему требовать лошадей и платья; Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія, а между тѣмъ не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что-же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Зазвалъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшихъ пановъ съ женами и во время пира велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать пруссамъ. Но подобныя средства не всегда можно было употреблять, потому Конрадъ сталъ думать о другихъ. Слухъ объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ въ Ливоніи меченосцевъ и пилигримовъ дошелъ до него и онъ напалъ на мысль учредить рыцарскій орденъ для постоянной борьбы съ пруссами.

Орденъ былъ учрежденъ подъ именемъ Христова ордена и Конрадъ далъ ему во владѣніе замокъ Добрынь. Но орденъ оказался рѣшительно безсильнымъ для борьбы съ язычниками. Пруссы осадили Добрынь и навели такой страхъ на рыцарей, что четверо или пятеро хищниковъ спокойно грабили подъ стѣнами самаго замка и никто не смѣлъ остановить ихъ. Конрадъ видѣлъ, что на подвиги добрынскихъ рыцарей плохая надежда и потому обратился за помощію къ гремѣвшему славою Тевтонскому ордену. Германъ фонъ Зальца принялъ приглашеніе Конрада бороться съ прусскими язычниками, обязался защищать польскія владѣнія отъ хищниковъ и на свое содержаніе взялъ землю Холмскую или Кульмскую. Императоръ германскій Фридрихъ II-й въ 1226 г. предоставилъ ордену владѣніе названною землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ

впредь отъ пруссовъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ мазовецкихъ князей. Въ 1228 г. въ новыхъ владѣніяхъ ордена явился первый областной магистръ Пруссіи Германъ Балкъ съ сильнымъ отрядомъ рыцарей. Въ 1230 г. послѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ и орденъ началъ свою кровавую дѣятельность на новой почвѣ. Загорѣлась война съ прусскими язычниками, тянувшаяся 55 лѣтъ. Язычники, не связанные другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ, отважно боролись со своимъ опаснымъ врагомъ, но, конечно, должны были рано или поздно пасть. Они были неподготовлены къ соединенному, дружному дѣйствію; каждая ихъ область (Пруссія была раздѣлена на 11 областей) боролась поодиночкѣ съ военнымъ братствомъ, на сторонѣ котораго была строгая дисциплина, военное искуство и религіозное одушевленіе. Всякое пораженіе для пруссовъ наносило имъ незамѣнимыя потери; потери же ордена были для него нечувствительны. Ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобы пролить кровь свою въ священной борьбѣ подъ хоругвію Дѣвы Маріи и св. Георгія. Противъ суроваго дикаря Западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Исходъ борьбы не подлежалъ сомнѣнію, орденъ однако дорого заплатилъ за свои успѣхи.

Здѣсь не мѣсто разсказывать подробности борьбы тевтонскихъ рыцарей съ прусскими и литовскими язычниками; замѣтимъ только, что чуть лишь Тевтонскій орденъ вступилъ въ предѣлы Пруссіи въ 1229 г. какъ въ Римъ прибыли къ великому магистру Герману Зальцу послы изъ Ливоніи отъ меченосцевъ съ предложеніемъ соединить оба ордена, такъ какъ они оба имѣли одну и ту же цѣль — борьбу съ язычниками на берегахъ Балтійскаго моря. Посольство это не имѣло успѣха. Ливонскіе меченосцы, повидимому, не пользовались блистательной репутаціей, къ тому же, вѣроятно, и Тевтонскій орденъ не желалъ вмѣшиваться въ ливонскія дѣла. Меченосцы были предоставлены собственнымъ силамъ, которыхъ вовсе не было достаточно для борьбы съ туземцами и русскими, еслибы только послѣдніе могли сообщить постоянство своимъ дѣйствіямъ. Въ 1234 г. князь Ярославъ (см. исторію Соловьева, т. III-й, стр. 153) со своими полками и новгородцами выступилъ на нѣмцевъ подъ Юрьевъ и сталъ недалеко отъ города, отпустивъ людей своихъ воевать окрестную страну для сбора съѣстныхъ припасовъ, что называлось тогда „воевать въ зажитіе“. Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Юрьева, другіе изъ Оденпе (Медвѣжья голова), но Русскіе побили ихъ; нѣсколько лучшихъ нѣмцевъ пало въ битвѣ, но больше погибло ихъ

въ рѣкѣ, когда подъ ними обломался ледъ. Русскіе, воспользовавшись побѣдою, опустошили ихъ землю, истребили хлѣбъ; тогда нѣмцы поклонились князю и Ярославъ заключилъ съ ними миръ на всей своей правдѣ. Тутъ то, повидимому, Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, — ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Іоанну Грозному поводомъ лишить Ливонію независимости, какъ о томъ изложено ниже въ лѣтописи Рюссова.

Надобно полагать, что этотъ походъ Ярослава былъ главнѣйшею причиной, побудившей меченосцевъ возобновить старанія о соединеніи обоихъ орденовъ въ одинъ. Въ 1235 г. Германъ Зальца отправилъ въ Ливонію двухъ своихъ командоровъ Эренфрида Нейенбургскаго и Арнольда Нейендорфскаго разузнать положеніе меченосцевъ и состояніе дѣлъ въ Ливоніи. Командоры возвратились и привели съ собою троихъ депутатовъ отъ меченосцевъ. Въ Марбургѣ (постоянное мѣстопребываніе великаго магистра и средоточіе управленія Тевтонскаго ордена) собрался рыцарскій капитулъ и ливонскіе рыцари обстоятельно были допрашиваемы объ ихъ уставѣ и правилахъ, образѣ жизни, владѣніяхъ и отношеніяхъ къ епископу рижскому; потомъ спрошены были командоры, посыланные въ Ливонію. Эренфридъ Нейенбургскій представилъ поведеніе меченосцевъ вовсе не въ привлекательномъ свѣтѣ, описывалъ ихъ людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общаго блага. „А эти“ — прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на присутствующихъ меченосцевъ, — „да еще четверо, мнѣ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ“. Арнольдъ Нейендорфскій подтвердилъ слова своего товарища. Капитулъ сталъ обсуждать вопросъ принимать ли меченосцевъ въ соединеніе или нѣтъ. Сначала воцарилось всеобщее молчаніе, а потомъ единогласно рѣшили дожидаться прибытія великаго магистра, не присутствовавшаго въ собраніи капитула.

Однако же медлить нельзя было. Въ 1236 г. меченосцы напали на Литву, но потерпѣли жестокое пораженіе: ихъ магистръ (Вольквинъ) былъ окруженъ литовцами и погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Тогда остальные меченосцы отправили посла въ Римъ представить папѣ безпомощное состояніе ордена, церкви Ливонской, и настоятельно просить о соединеніи ихъ съ орденомъ Тевтонскимъ. Папа Григорій IX-й призналъ необходимость такого соединенія и утвердилъ сліяніе орденовъ буллою отъ 14-го Мая 1237 г. Главныя условія этаго соединенія были: 1-е, чтобъ орденъ Тевтонскій вступилъ во владѣніе землями, принадлежавшими меченосцамъ; 2-е, чтобъ

въ Ливоніи онъ признавалъ себя вассаломъ мѣстныхъ епископовъ, и 3-е, чтобъ часть Эстляндіи, которую меченосцы отняли у короля датскаго, была возвращена Даніи.

Меченосцы прекратили свое существованіе и всѣ ихъ земли составили провинцію ордена Тевтонскаго (всѣ владѣнія ордена раздѣлялись на четыре провинціи: Сицилію, Германію, Пруссію и Ливонію). Ливонская провинція получила одинаковое устройство съ прусскою провинціей, получила своего провинціальнаго магистра, свой провинціальный капитулъ и своихъ орденскихъ командоровъ и фохтовъ.

Съ появленіемъ въ Ливоніи Тевтонскаго ордена, военныя дѣла быстро измѣнялись къ лучшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ появился и зародышъ раздора между орденомъ и рижскимъ архіепископомъ.

Сейчасъ было сказано, что на основаніи акта о соединеніи, Тевтонскій орденъ въ Ливоніи долженъ былъ находиться въ такой-же подчиненности епископамъ, къ какой были меченосцы. Но ливонская провинція получила то же устройство, какъ и провинція прусская, отношенія же Тевтонскаго ордена въ Пруссіи къ мѣстнымъ епископамъ были совершенно другія, чѣмъ отношенія меченосцевъ къ епископу рижскому. Въ Пруссіи орденъ былъ независимъ отъ мѣстной духовной власти и тамошніе епископы, числомъ четыре, были ему подчинены въ гражданскомъ управленіи. Провинціальные ливонскіе магистры скоро стали тяготиться своимъ подчиненіемъ духовной власти, скоро начали стремиться стать на одну ногу съ прусскою провинціею; здѣсь то и кроются причины борьбы между свѣтскою и духовными властями, разгорѣвшейся впослѣдствіи въ открытую вражду. Съ появленіемъ въ Ливоніи Тевтонскаго ордена ясно уже обозначились правительственныя учрежденія ея и, до нѣкоторой степени, права ея состояній, вѣрнѣе сказать, права ея корпорацій.

Вся Ливонія дѣлилась на двѣ части: собственно Ливонію (нынѣш. Лифляндская и Курляндская губ.) и Эстонію (нынѣшняя Эстляндская губ.). Въ собственной Ливоніи, по завоеваніи края, образовались слѣдующія области: 1) Архіепископство Рижское, которое заключало въ себѣ на правой сторонѣ Двины всю нынѣшнюю Лифляндію за исключеніемъ уѣздовъ Дерптскаго и Феллинскаго, а на лѣвой — Семигалію отъ Динабурга до Гольдингена, составлявшую до 1251 г. отдѣльное епископство, а съ этаго времени соединенное съ архіепископствомъ рижскимъ; 2) Епископство Дерптское, въ составъ котораго входила сѣверо-восточная часть нынѣшней Лифляндіи, т. е. нынѣшніе уѣзды Дерптскій и Феллинскій; 3) Епископство Эзельское, заключавшее въ себѣ островъ Эзель и юго-западную часть

нынѣшней Эстляндской губерніи, т. е. округъ Викскій. Епископство леальское, первоначально бывшее самостоятельнымъ, присоединено сперва къ дерптскому, а потомъ — къ эзельскому епископству). 4) Епископство Курляндское, которое первоначально простиралось отъ рѣки Виндавы, вдоль моря, до р. Нѣмана и Куришъ - гафа, а съ 1329 г. заключало въ себѣ только западную часть нынѣшней Курляндіи, начиная съ Гольдингена. (Въ 1329 г. епископъ курляндскій уступилъ Тевтонскому ордену Мемель, страну, прилегающую къ Куришъ - гафу и всю землю на лѣвомъ берегу Нѣмана, что и вошло въ составъ владѣній Тевтонскаго ордена). 5) Въ каждомъ изъ этихъ эпископствъ ливонская отрасль Тевтонскаго ордена имѣла опредѣленную на свое содержаніе часть земель (въ рижскомъ, эзельскомъ епископствѣ одну треть, въ дерптскомъ — половину, въ курляндскомъ — двѣ трети). Изъ земель этихъ составилась пятая область, извѣстная подъ именемъ Ливонской провинціи Тевтонскаго ордена.

Эстонію составляли округи: Гарріенъ и Вирландъ съ Алентакомъ, находившіеся во владѣніи королей датскихъ. Округи эти съ 1347 г. вошли въ составъ владѣній Тевтонскаго ордена, но однако-же сохранили прежнее свое устройство и въ нѣкоторомъ смыслѣ отдѣлялись отъ прочихъ частей Ливоніи. Во времена шведскаго владѣнія оффиціальное названіе Эстоніи было: Княжество Эстовъ въ Ливоніи.

Въ Эстоніи было учреждено Вольдемаромъ II-е епископство Ревельское, которое въ іерархическомъ отношеніи подчинялось митрополитанской каѳедрѣ архіепископа лундскаго, состоя подъ верховнымъ покровительствомъ королей датскихъ. Это Епископство перешло въ XIV столѣтіи вмѣстѣ со всею Эстляндіею подъ власть Тевтонскаго ордена; отношенія его къ великому магистру были сперва тѣ же, какъ и у прусскихъ епископовъ; впослѣдствіи ревельское епископство сдѣлалось болѣе независимымъ, а епископъ ревельскій признанъ также княземъ имперскимъ и самобытнымъ властителемъ обширныхъ епископскихъ маетностей, какъ и прочіе ливонскіе епископы.

Изъ лѣтописи Генриха Латышскаго уже видно, что папы считали Ливонію своимъ достояніемъ и посредствомъ буллъ отдавали епископамъ распоряженія по управленію Ливоніей.

Мѣстныя власти, руководствуясь этими буллами, дѣйствовали обыкновенно съ предварительнаго согласія и утвержденія папъ, и для того имѣли въ Римѣ своихъ прокураторовъ, какъ ходатаевъ передъ папскимъ престоломъ.

Но если папы считали Ливонію своимъ достояніемъ въ качествѣ повелителей римско-католическаго міра, то и императоры германскіе, считая себя наслѣдниками древнихъ Цесарей, и потому свѣтскими главами всего христіанскаго міра, въ Ливоніи видѣли ленную провинцію священной римской имперіи. На этомъ основаніи они давали епископамъ и ордену жалованныя грамоты, подтверждали мѣстную державную власть ихъ, въ видѣ имперскаго лена, возводили архіепископовъ и епископовъ, а потомъ и орденскихъ магистровъ въ санъ князей имперскихъ, обѣщая имъ свое покровительство и предоставляя себѣ и наслѣдникамъ своимъ право верховной державной власти надъ Ливоніею.

Понятно безъ всякихъ объясненій, что подобная зависимость мѣстныхъ властей отъ папъ, и отъ германскихъ императоровъ способствовала лишь раздорамъ между епископомъ и орденомъ и обусловливала слабость Ливоніи.

Въ каждой изъ перечисленныхъ областей подъ защитою епископскихъ и орденскихъ замковъ возникали города, которые своими учрежденіями и законами рѣзко отличались отъ земства. Первое мѣсто между городами занимала Рига. Въ ней находилось мѣстопребываніе архіепископа и его капитула. По числу жителей, обширности торговли, по пространству принадлежащихъ ей земель и, наконецъ, по важности своего значенія въ союзѣ ганзейскихъ городовъ, Рига первенствовала передъ всѣми городами Ливоніи, изъ которыхъ значительнѣйшимъ былъ древній Юрьевъ или Дерптъ. Учрежденія Риги служили образцомъ для прочихъ городовъ Ливоніи и многія сохранились доже до послѣдняго времени.

Каждый епископъ управлялъ своею областью независимо отъ прочихъ. Первое мѣсто между епископами занималъ архіепископъ рижскій. По дѣламъ церковнымъ ему подчинялись всѣ остальные ливонскіе епископы.

Выше было сказано, что меченосцы, а потомъ и ливонская отрасль Тевтонскаго ордена первоначально подчинялись епископамъ, какъ ихъ вассалы. Тевтонскій орденъ, впрочемъ, не долго оставался въ ленной зависимости отъ епископовъ. Сначала онъ присвоилъ себѣ полную державную власть надъ принадлежавшими ему въ Ливоніи землями, потомъ вступилъ въ борьбу съ архіепископомъ рижскимъ и, оставшись побѣдителемъ, распространилъ предѣлы своей области и пріобрѣлъ первенство надъ всѣми епископами ливонскими.

Здѣсь, повторяемъ, совершенно не мѣсто входить въ подробности борьбы свѣтской и духовной власти въ Ливоніи, замѣтимъ только, что посреди борьбы этихъ двухъ властей возникла и третья

власть, именно власть городскихъ общинъ. Вся Ливонія явилась сценою борьбы партій и отъ этаго въ теченіи 350 лѣтъ своего самостоятельнаго существованія она не пріобрѣла никакой внутренней прочности; Ливонія была ни монархіей, ни республикой, и потому такъ легко и распалась при первомъ серьезномъ напорѣ на нее Іоанна Грознаго.

Властители отдѣльныхъ ливонскихъ областей понимали однако же весь вредъ отсутствія политической связи между собою, и потому думали связь эту создать общими съѣздами (собраніями), на которыхъ могли быть бы обсуждаемы мѣры къ сохраненію мира, къ къ веденію войны противъ общаго непріятеля и другія дѣла, касавшіяся всѣхъ областей. Первый примѣръ такого съѣзда происходилъ въ 1304 г., когда магистръ и сановники ордена, епископы дерптскій, эзельскій, а равно вассалы короля датскаго, въ земляхъ Гарріенъ и Вирландъ, собрались въ Дерптѣ и заключили между собою союзъ, къ которому впослѣдствіи приступили капитулъ и вассалы рижскіе. Подобные съѣзды бывали неоднократно въ продолженіи XIV столѣтія. Знатнѣйшіе вассалы приглашались на съѣзды, но однако же прямое и непосредственное участіе ихъ въ дѣлахъ съѣздовъ начинается лишь съ половины XV столѣтія, когда вассалы до того усилились, что епископы и орденъ, въ междоусобной борьбѣ между собою принуждены были искать ихъ помощи. Съ этаго времени съѣзды начали называться ландтагами. (Landtag, gemeiner Landes Tag, gemeine Tages Leistung, gemeiner Tag)

Ландтаги созывались не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ надобности. Сначала право созыва ландтага принадлежало епископу рижскому, впослѣдствіи архіепископъ и магистръ согласились не иначе, какъ вмѣстѣ, созывать ландтаги, въ концѣ же самобытнаго существованія Ливоніи правомъ созывать ландтаги пользовался исключительно одинъ магистръ.

На ландтаги собирались обыкновенно: архіепископъ рижскій, епископы: дерптскій, эзельскій, курляндскій и ревельскій, магистръ ордена, члены капитуловъ архіепископа и епископовъ, ландмаршалъ и нѣкоторые сановники ордена, или простые рыцари по довѣренности прочихъ орденскихъ братьевъ, уполномоченные вассаловъ архіепископскихъ, епископскихъ и орденскихъ и земель Гарріена и Вирланда, и депутаты отъ городовъ: Риги, Дерпта и Ревеля.

Обыкновеннымъ мѣстомъ собранія для ландтаговъ сначала былъ городъ Валкъ, а въ послѣдствіи Вольмаръ. Нѣкоторые ландтаги собирались въ Феллинѣ, другіе — въ Ригѣ и Венденѣ.

Предметомъ совѣщаній на ландтагахъ были: 1) Дѣла общественныя: разсмотрѣніе споровъ между властителями и вассалами, прекращеніе самоуправства и установленіе внутренняго порядка, опредѣленія наказаній за нарушеніе мира и за насилія; объявленіе войны и заключеніе мира (на что требовалось согласіе всѣхъ сословій); назначеніе числа войска отъ каждаго сословія и количество контрибуціи въ военное время. 2) Дѣла судебныя между частными лицами, по коимъ ландтаги составляли высшую инстанцію. 3) Изданіе новыхъ законовъ, измѣненіе и дополненіе существующихъ, въ особенности въ томъ, что касалось до благоустройства и благочинія, до выдачи бѣглыхъ крестьянъ, до установленія монетной системы и пр.

Дѣлопроизводство на ландтагахъ въ концѣ самостоятельности Ливоніи было слѣдующее: канцлеръ орденскаго магистра созывалъ властителей, вассаловъ и уполномоченныхъ отъ городовъ именемъ и по уполномочію магистра. По прибытіи членовъ ландтага въ назначенное мѣсто, канцлеръ открывалъ засѣданіе рѣчью, въ которой благодарилъ собраніе отъ имени магистра за прибытіе на ландтагъ. За симъ онъ читалъ пункты, предлагаемые на разсмотрѣніе, и вручалъ каждому сословію особый ихъ экземпляръ.

Вслѣдъ за тѣмъ собраніе расходилось; каждое сословіе имѣло свои совѣщанія отдѣльно и изъявляло свое мнѣніе. Сословій же было четыре: первое составлялось изъ архіепископа рижскаго, епископовъ дерптскаго, эзельскаго, курляндскаго и ревельскаго, аббатовъ фалкенаскаго и падисскаго и прочихъ членовъ епископскихъ капитуловъ; второе изъ магистра съ сановниками и рыцарями ордена; третье сословіе составлялось изъ членовъ епископскихъ совѣтовъ и членовъ совѣта Гарріена и Вирланда и вассаловъ какъ орденскихъ, такъ и епископскихъ владѣній; четвертое сословіе состояло изъ бургомистровъ и депутатовъ городовъ Риги, Дерпта и Ревеля.

По разсмотрѣніи предметовъ отдѣльными сословіями, назначалось общее собраніе ландтага; въ немъ дѣла рѣшались не большинствомъ голосовъ, а общимъ согласіемъ, котораго всѣми средствами старались достигнуть. Когда въ такомъ согласіи не успѣвали, то заключеніе не постановлялось или же по крайней мѣрѣ оно было обязательно только для согласившихся сословій. Въ заключеніе изъ постановленій сословій составлялся ландтагскій рецессъ, или ландтагское положеніе (Landtagesrezess, Landtagesabschied).

Теперь предстоитъ разсмотрѣть ливонскія правительственныя учрежденія въ епископскихъ областяхъ и въ орденской области.

Было уже сказано выше, что каждая епископская область управлялась независимо одна отъ другой. Каждый епископъ былъ въ предѣлахъ своей области верховнымъ властителемъ подъ покровительствомъ папы и императора. Епископу принадлежали власти законодательная, судебная и распорядительная, но эта власть ограничивалась состоявшимъ при немъ капитуломъ. Вѣдомству капитула принадлежали: непосредственное участіе въ законодательствѣ и въ дѣлахъ правительственныхъ; избраніе епископа и представленіе избранныхъ на утвержденіе папы; непосредственное управленіе епископствомъ вслучаѣ отсутствія или кончины епископа. На содержаніе епископа и капитула были опредѣлены особыя мастности (bona mensae, Tafelgüter), которыми управляли епископскіе фохты, начальствовавшіе и въ отдѣльныхъ замкахъ епископа.

Въ XV столѣтіи, когда сословіе вассаловъ усилилось и стало домогаться участія въ правительственныхъ дѣлахъ, въ каждомъ епископствѣ, сверхъ капитула, образовался епископскій совѣтъ, состоявшій изъ членовъ капитула и извѣстнаго числа епископскихъ вассаловъ по назначенію епископа. Въ совѣтѣ рижскаго архіепископства присутствовало еще нѣсколько членовъ рижскаго магистрата, а въ совѣтѣ епископства дерптскаго нѣсколько членовъ дерптскаго магистрата. Составленный такимъ образомъ совѣтъ считался главнымъ административнымъ и судебнымъ мѣстомъ въ епископствѣ. Всѣ распоряженія, сдѣланныя епископомъ вопреки мнѣнію совѣта, считались противозаконными.

До начала XVI столѣтія исключительно капитулы избирали архіепископа и епископовъ, но съ этого времени начали участвовать въ выборахъ и свѣтскіе члены епископскихъ совѣтовъ.

Относительно правительственныхъ учрежденій въ орденской области замѣтимъ слѣдующее:

Всѣ земли, отдѣленныя первоначально въ епископствахъ на содержаніе меченосцевъ, по соединеніи орденовъ, поступили въ распоряженіе Тевтонскаго ордена, высшее управленіе которымъ находилось въ рукахъ великаго магистра и главнаго капитула. Ливонская провинція ордена находилась подъ управленіемъ магистра и состоявшихъ при немъ провинціальнаго капитула и учрежденнаго съ XIV-го столѣтія орденскаго или тайнаго совѣта. Первоначально ливонскій магистръ былъ избираемъ великимъ магистромъ и главнымъ капитуломъ; съ 1520 г. ливонскимъ братьямъ Тевтонскаго ордена было предоставлено право свободнаго избранія магистра, а съ 1527 года,

когда магистръ Вальтеръ Плетенбергъ былъ возведенъ въ достоинство имперскаго князя и получилъ отъ германскаго императора ленную инвеституру на орденскія земли въ Ливоніи, ливонскій магистръ явился независимымъ властителемъ края. Обыкновенное мѣстопребываніе магистра было въ замкѣ Венденѣ.

Провинціальный капитулъ состоялъ изъ орденскихъ сановниковъ: ландмаршала (предводителя войскъ), командоровъ, фохтовъ и простыхъ орденскихъ братьевъ. Онъ собирался, по приглашенію магистра, обыкновенно въ Венденѣ. Предметами его совѣщаній были: избраніе командоровъ и фохтовъ; изданіе провинціальныхъ статутовъ съ утвержденія великаго магистра и главнаго капитула; принятіе желающихъ вступить въ орденъ и, наконецъ, съ 1520 года избраніе магистра.

Орденскій или тайный совѣтъ состоялъ изъ однихъ лишь орденскихъ сановниковъ; его согласіе требовалось во всѣхъ дѣлахъ особой важности.

Въ Ливоніи считалось семь командоровъ и семь фохтовъ. Командоры имѣли свое пребываніе въ Феллинѣ, Перновѣ, Маріенбургѣ, Динабургѣ, Гольдингенѣ, Виндавѣ и Добленѣ. Фохты: въ Зонненбургѣ (на островѣ Эзелѣ), Ервенѣ (Вейсенштейнѣ), Розитенѣ, Гробинѣ, Кандау, Зельбургѣ и Баускенбургѣ (Баускѣ).

По присоединеніи въ 1347 г. (покупкою у датскаго короля Вольдемара III-го) Эстоніи къ орденскимъ землямъ, къ числу командоровъ и фохтовъ прибавились: командоръ ревельскій и фохты: везенбергскій, тольсбургскій, нишлотскій и нарвскій.

Командоры и фохты управляли каждый своимъ округомъ, чиня въ немъ судъ и расправу совмѣстно съ нѣкоторыми вассалами, гдѣ таковые были. Орденскіе вассалы вообще имѣли гораздо меньше вліянія на управленіе орденскою областію, чѣмъ вассалы въ епископствахъ.

Судебныя учрежденія были одинаковы какъ въ епископскихъ, такъ и въ орденскихъ владѣніяхъ.

Первою инстанціей въ дѣлахъ гражданскихъ были мангерихты. Они состояли изъ манрихтера, по назначенію властителя области, двухъ засѣдателей и нѣсколькихъ присяжныхъ, по приглашенію манрихтера. Вторую инстанцію составляли въ епископскихъ областяхъ совѣтъ епископовъ, а въ орденской области — совѣтъ орденскій. Третью и послѣднюю инстанцію составляли общіе ландтаги.

Судъ уголовный въ земляхъ ордена производили командоры и фохты, а въ епископскихъ — такъ называемые „епископскіе фохты", съ засѣдателями изъ вассаловъ.

Съ конца XV-го столѣтія дѣла по владѣнію крестьянами, по выдачѣ бѣглыхъ, по опредѣленію штрафовъ за ихъ передержательство, производились гакенрихтерами.

Для производства суда и расправы въ каждой области сверхъ судебныхъ засѣданій манрихтера, которыя открывались каждыя шесть недѣль въ этомъ округѣ, были еще составляемы ежегодно общія судебныя засѣданія, или мантаги, на которые являлись всѣ вассалы области. Передъ началомъ совѣщаній на мантагѣ присутствующіе снимали оружіе, и провозглашался земскій миръ. Мантаги рѣшали дѣла тяжебныя; впрочемъ, на мантагахъ иногда разсуждали и постановляли опредѣленія и по дѣламъ общественнымъ.

Эстонія, находившаяся первоначально во власти королей датскихъ, въ теченіи непродолжительнаго времени была во власти меченосцевъ, по соединеніи орденовъ была возвращена датчанамъ и находилась въ ихъ власти до 1347 г.; въ этомъ году она была продана тевтонскому ордену. Правительственныя учрежденія Эстоніи, т. е. округи Гарріена и Вирланда, нѣсколько отличались отъ ливонскихъ. Высшее провинціальное управленіе было ввѣрено королевскому намѣстнику и состоявшему при немъ земскому совѣту. Земскій совѣтъ составлялся изъ 12 членовъ, по 6 изъ каждаго округа (ландратовъ). По переходѣ Эстоніи къ тевтонскому ордену, въ ней было введено и орденское управленіе. Эстонія вошла въ составъ земель ордена, но въ видѣ особой области.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о городскихъ учрежденіяхъ.

Верховная власть надъ Ригою, съ самаго основанія города, принадлежала епископамъ, а впослѣдствіи архіепископамъ рижскимъ. Отъ нихъ городъ получилъ свое устройство и первые свои законы. Архіепископы имѣли высшую судебную власть въ городѣ, и въ первыя времена пользовались половиною всѣхъ доходовъ, судебныхъ взысканій и штрафовъ. Въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ архіепископы принуждены были раздѣлять власть свою надъ Ригою съ магистрами, которые, со времени реформаціи, не рѣдко успѣвали и совершенно устранять ихъ отъ обладанія городомъ.

Главное управленіе городомъ сосредоточивалось въ магистратѣ. Магистратъ первоначально состоялъ изъ однихъ только ратсгеровъ (консуловъ), которыхъ въ 1231 году было уже 12.

Впослѣдствіи въ составъ магистрата вошло нѣсколько бургомистровъ (проконсуловъ). Въ первое время магистратъ избирался на одинъ годъ. Члены, выходя, назначали сами своихъ преемниковъ изъ другихъ граждапъ перваго сословія, или древнихъ родовъ (собственно cives), но впослѣдствіи члены магистрата могли быть избираемы изъ сословія купцовъ, потомъ уже члены избирались на всю жизнь. Замѣщеніе вакансій, открывавшихся смертію, производилось самимъ магистратомъ.

Магистратъ управлялъ городомъ и завѣдывалъ всѣми городскими установленіями, принималъ въ гражданство, издавалъ уставы для гильдій и цеховъ, замѣщалъ всѣ городскія должности, за исключеніемъ фохта, опредѣлялъ вѣсы и мѣры, завѣдывалъ городскимъ имуществомъ, обращалъ въ пользу города выморочныя имѣнія, и въ полномъ своемъ составѣ былъ второю инстанціею городскаго суда.

Судъ въ первой инстанціи какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, принадлежалъ городскому судьѣ или такъ называемому фохту, который былъ избираемъ сначала самими гражданами, а впослѣдствіи магистратомъ изъ бургомистровъ и утверждаемъ въ должности архіепископомъ. Городской судья занималъ первое мѣсто въ магистратѣ и отправлялъ судъ и расправу по законамъ городскимъ, собственною властію избирая себѣ помощника, а въ случаѣ надобности и замѣстителя. Со времени подчиненія Риги власти магистровъ, вмѣстѣ съ фохтомъ засѣдалъ членъ ордена, обыкновенно комендантъ (Hauscomtur рижскаго замка). Вѣдомство городскаго фохта простиралось не только на гражданъ, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, но и на лицъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ епископа и ордена, по уговорамъ заключеннымъ и по преступленіямъ, учиненнымъ въ городѣ, или въ округѣ его. Духовенство вовсе не подлежало городскому суду.

Вторую инстанцію суда, какъ сказано, составлялъ магистратъ въ полномъ его составѣ. Третью-же и послѣднюю инстанцію составлялъ архіепископъ и магистръ. Въ концѣ самостоятельности Ливоніи судебная власть явилась въ вѣдомствѣ одного магистрата. Отдѣльное существованіе городскаго судьи вовсе прекратилось и должность его, вмѣстѣ съ названіемъ фохта, перешла къ одному изъ бургомистровъ, который, не подлежа никакому особенному утвержденію въ должности, вмѣстѣ съ нѣсколькими ратсгерами, составлялъ судъ первой инстанціи по всѣмъ дѣламъ гражданъ. Отсюда ведетъ свое происхожденіе нынѣшній фохтейскій судъ въ Ригѣ.

Всѣ малые города ливонскіе, не исключая и Дерпта, получили учрежденія, сходныя съ рижскими, чрезъ особыя грамоты, отъ епископовъ и магистровъ. Управленіе вездѣ находилось въ рукахъ мѣстныхъ магистратовъ, составъ которыхъ былъ различенъ, смотря по обширности и по многолюдности городовъ.

Ревель также управлялся магистратомъ, состоявшимъ изъ бургомистровъ и ратсгеровъ, которые первоначально избирались всѣмъ обществомъ гражданъ, а впослѣдствіи магистратъ самъ назначалъ новыхъ, на мѣсто выбывшихъ своихъ членовъ. Ревельскій магистратъ, какъ и рижскій, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ какъ административную, такъ и судебную власть надъ городомъ. Иногда дѣла, производившіяся въ ревельскомъ магистратѣ, были переносимы въ магистратъ города Любека, къ рѣшенію котораго магистратъ ревельскій прибѣгалъ и въ случаѣ сомнѣній. Никакой другой апелляціи на рѣшеніе ревельскаго магистрата не было.

Судъ въ первой инстанціи принадлежалъ городскому судьѣ, называвшемуся, какъ и въ Ригѣ, фохтомъ; онъ былъ членомъ магистрата, и избирался имъ на всю жизнь.

Изъ малыхъ городовъ Эстоніи, Гапсалю было предоставлено пользоваться законами и учрежденіями Риги, а Нарва и Везенбергъ имѣли устройство, сходное съ устройствомъ Ревеля.

Во все время владычества епископовъ и ордена, населеніе Ливоніи дѣлилось на двѣ рѣзко отличавшіяся между собою группы: туземцы, т. е. племена эстовъ, ливовъ, летовъ, куроновъ и семигаловъ, и пришельцы (нѣмцы), или побѣжденные и побѣдители. Туземцы образовали собою состояніе крестьянъ; между пришельцами же существовали четыре корпораціи: духовенство, орденъ, вассалы и горожане (граждане), впослѣдствіи образовавшіе состоянія: духовное, дворянское и городское.

Прежде всего разсмотримъ эти четыре корпораціи. Первенствующее изъ нихъ было духовенство. Устройство его и права въ земляхъ Ливоніи были такія же, какъ и въ прочихъ римско-католическихъ земляхъ, и опредѣлялись каноническими правилами и уставами духовныхъ орденовъ. Первоначально духовенство всецѣло управляло епископствами, впослѣдствіи и именно съ XV-го столѣтія, капитулы должны были раздѣлить власть съ сословіемъ вассаловъ и образовать епископскіе совѣты. На ландтагахъ епископы со своими капитулами составляли особое сословіе и пользовались, какъ было сказано выше, правомъ голоса на равнѣ съ прочими тремя сословіями.

Земли, не отданныя епископами вассаламъ въ видѣ леновъ, опредѣлялись на содержаніе епископовъ съ ихъ капитулами и назывались столовыми имѣніями. Крестьяне, водворенные въ столовыхъ имѣніяхъ, назывались епископскими крестьянами (Stifts-Bauern). Самыя же столовыя имѣнія управлялись епископскими фохтами.

Въ Эстоніи духовенство состояло подъ особеннымъ управленіемъ ревельскаго епископа, какъ своего епархіальнаго начальства и капитула его. Ревельскій епископъ не имѣлъ державной власти какъ прочіе епископы въ Ливоніи; онъ и капитулы его владѣли лишь тѣми землями, которыя были опредѣлены на содержаніе имъ королями датскими или же пріобрѣтенными въ послѣдствіи. Первоначально ревельскій епископъ и его капитулъ получали десятину, то есть десятое зерно со всѣхъ воздѣланныхъ земель въ Эстоніи, но впослѣдствіи десятинный сборъ былъ отмѣненъ; вмѣсто него епископъ и капитулъ получили отъ рыцарства Гарріена и Вирланда особыя земли. Ревельскій епископъ принималъ участіе въ общихъ ливонскихъ ландтагахъ.

Реформація сокрушила власть епископовъ во всей Ливоніи и Эстоніи; все населеніе этихъ странъ обратилось къ протестантскому ученію, такъ что ко времени распаденія Ливоніи католическаго духовенства въ ней почти уже не было.

Вторую корпорацію пришельцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ составлялъ орденъ, сперва меченосцевъ, а съ 1237 г. тевтонскій. Объ устройствѣ ордена меченосцевъ и его управленіи изложено въ особой статьѣ, помѣщенной въ этомъ томѣ; относительно-же устройства и управленія ордена тевтонскаго замѣтимъ вкратцѣ слѣдующее:

Тевтонскій орденъ, какъ и орденъ меченосцевъ, состоялъ изъ военныхъ и духовныхъ братьевъ. Первые несли военную службу, вторые отправляли богослуженіе. Какъ тѣ, такъ и другіе жили въ орденскихъ земляхъ подъ начальствомъ командоровъ и фохтовъ. Изъ братьевъ каждаго замка составлялся домашній конвентъ (по меньшей мѣрѣ изъ 12 военныхъ и 6 духовныхъ братьевъ). При каждомъ конвентѣ состояли братья-служители и полубратья (простые воины, или свѣтскія лица, исправлявшія разныя должности: поваровъ, ремесленниковъ и проч.).

Для вступленія въ орденъ требовалось произнесеніе обѣтовъ цѣломудрія, нищеты и безусловнаго повиновенія; для вступленія въ число военныхъ братьевъ требовалось доказательство дворянскаго происхожденія.

Всѣ братья слѣдовали уставу св. Августина и носили установленную одежду. По обѣту нищеты, братья не могли владѣть никакимъ имуществомъ, но на содержаніе каждаго конвента были назначены доходы съ опредѣленнаго округа, которымъ управлялъ начальникъ замка — командоръ или фохтъ. Всѣ братья конвента участвовали въ еженедѣльныхъ домашнихъ капитулахъ; орденскіе чины избирались изъ военныхъ братьевъ.

Орденскія земли составляли общественную собственность ордена.

На ландтагахъ орденъ являлся особымъ сословіемъ, состоявшимъ изъ магистра, орденскихъ командоровъ и фохтовъ и нѣсколькихъ другихъ братьевъ ордена.

Третью корпорацію или сословіе нѣмецкихъ пришельцевъ составляли вассалы.

Всѣ лица, получившія лены, именовались вассалами епископскими или орденскими, смотря потому, отъ кого они получили эти лены. Всѣ вассалы данной области составляли рыцарство и людство или просто рыцарство, называвшееся земскимъ въ отличіе отъ рыцарства орденскаго. Сами вассалы называли себя первоначально или рыцарями или оруженосцами, а съ конца XV столѣтія дворянами. Съ этого времени для означенія сословія вассаловъ начало входить въ употребленіе слово дворянство — Adel, Adelschaft, Nobiles.

Вассаломъ почитался каждый ленный владѣлецъ. Непремѣннымъ условіемъ для вступленія въ сословіе вассаловъ составляло пожалованіе или инвеститура лена. Въ началѣ инвеститура была возобновляема при всякой перемѣнѣ правленія и всякомъ переходѣ имѣнія. Впослѣдствіи, при всякомъ вступленіи новаго властителя въ управленіе давалась общая присяга на вѣрность и общее утвержденіе леннаго владѣнія. Вслучаѣ перехода леннаго имѣнія не по праву наслѣдства требовалась всякій разъ новая инвеститура.

Первоначально вассалы не составляли никакого особаго сословія, не имѣли ни представителей, ни съѣздовъ. Но когда между епископами и орденомъ возникли (съ конца XIII столѣтія) распри и даже войны, вассалы каждой области стали сближаться между собою для взаимной обороны и защиты своихъ правъ и владѣній. Такое сближеніе, образованіе корпораціи, происходило постепенно и къ срединѣ XV столѣтія вассалы являются уже сословіемъ, участвуя во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ Ливоніи чрезъ своихъ депутатовъ,

которыхъ они отправляли на ландтаги и съѣзды. Къ концу самостоятельности Ливоніи, вассалы каждой области имѣли уже своего выборнаго предводителя (Ritterchaft - Hauptmann) и свою общественную кассу и имѣли право собираться для общихъ совѣщаній. Такія собранія или съѣзды собиралъ предводитель, извѣщая верховнаго властителя области о времени съѣзда и предметахъ совѣщаній. Съѣзды вассаловъ составлялись не въ опредѣленные сроки, а въ необходимыхъ только случаяхъ, но въ теченіе времени отъ одного съѣзда до другаго, предводитель, четыре старшія члена совѣта и четыре выборные депутата составляли особую делегацію земскаго рыцарства для завѣдыванія дѣлами, нетерпящими отлагательства и для охраненія правъ и пользъ своего сословія. Постановленія ихъ имѣли обязательную силу для всѣхъ вассаловъ.

Инвеститура, т. е. пожалованіе, жалованная грамота отъ епископа или орденскаго магистра, составляла необходимую принадлежность леннаго владѣнія. Инвеститура имѣла два вида: ленъ жаловался или одному лицу, или нѣсколькимъ лицамъ въ совокупности. Этотъ второй видъ лена назывался инвеститурою на союзное наслѣдованіе (Samende Hand, Investitura simultanea), потому что пожалованный нѣсколькимъ лицамъ ленъ оставался въ общемъ ихъ владѣніи, и по прекращеніи мужескаго пола однаго изъ состоящихъ въ союзѣ, участокъ его переходилъ къ прочимъ владѣльцамъ.

Лицо, получившее ленъ отъ епископа или орденскаго магистра, обязано было принести ему присягу въ качествѣ вассала на службу и вѣрность съ обязанностію личной службы на конѣ и содержанія на свой счетъ опредѣленнаго числа воиновъ. За это вассалъ дѣлался полнымъ владѣльцемъ даннаго ему лена: пользовался съ него всѣми доходами, угодьями и десятинами, и чинилъ судъ и расправу надъ водворенными въ пожалованной ему землѣ крестьянами. При всякой перемѣнѣ правленія, владѣльцы лена должны были въ опредѣленный срокъ испросить отъ новаго властителя подтвержденія своихъ правъ на владѣнія, и принести ему присягу на службу и вѣрность.

Первоначально наслѣдство въ ленахъ было очень ограничено. Обыкновенно лены переходили къ однимъ только сыновьямъ, а лены съ правомъ союзнаго наслѣдованія только къ получившимъ совокупную инвеституру. Съ теченіемъ времени и съ усиленіемъ вассаловъ право передавать лены по наслѣдству расширилось. Архіепископскіе вассалы въ 1457 году добились, что архіепископъ Сильвестръ даровалъ имъ право наслѣдства въ ленахъ до пятаго колѣна въ обоихъ полахъ, какъ было въ Гарріенѣ и Вирландѣ. Скоро право

это распространилось и въ другихъ ливонскихъ областяхъ, такъ что къ концу самостоятельности Ливоніи ленныя имѣнія вассаловъ потеряли свой прежній характеръ: переходя по праву наслѣдства въ отдаленныя степени родства, они почти уже не могли сдѣлаться вымороченными.

Права и обязанности эстонскихъ вассаловъ, т.-е. вассаловъ въ округахъ Гарріенъ и Вирландъ были вообще тѣ же самыя, какъ и въ прочихъ частяхъ Ливоніи. Эстонскіе вассалы управлялись своими земскими совѣтниками (ландратами), которые составляли для нихъ и высшую судебную инстанцію. Вассалы Эстоніи имѣли свои съѣзды, имѣли право посылать своихъ депутатовъ на общіе ландтаги.

Вассалы какъ ливонскіе, такъ и эстонскіе, не подлежали никакому наказанію безъ суда, ни лично, ни по имуществу. Ихъ нельзя было взять подъ стражу или арестовать, но слѣдовало позвать къ суду и въ явкѣ ихъ взять съ нихъ рыцарское слово. Вассалы подлежали суду равныхъ себѣ, и сами имѣли въ своихъ помѣстьяхъ судъ даже уголовный надъ своими крестьянами. Они были свободны отъ всякихъ податей, налоговъ и повинностей, за исключеніемъ службы на конѣ и поставки опредѣленнаго по пространству лена числа вооруженныхъ пѣшихъ ратниковъ. Торговля собственно не дозволялась вассаламъ, но они могли продавать произведенія земли своей иностраннымъ купцамъ за наличныя деньги.

Переходимъ теперь къ четвертой корпораціи или сословію, къ гражданству.

Рига была основана въ то время, когда въ германскихъ городахъ начали уже образовываться тѣснѣйшіе союзы горожанъ между собою для взаимнаго вспомоществованія, для поддержанія городской промышленности, для обезпеченія кормленія. Такіе союзы назывались гильдіями и цехами; каждый изъ такихъ союзовъ имѣлъ свои уставы (шраги), свое управленіе и свои сходки для обсужденій дѣлъ общественныхъ и постановленія рѣшеній по нимъ.

Въ Ригѣ, чуть лишь основался этотъ городъ и былъ обнесенъ стѣною, чуть лишь появились въ немъ осѣдлые, вызванные по большей части изъ Германіи жители, какъ появились и союзы съ позволенія епископа, по крайней мѣрѣ въ грамотѣ епископа Альберта отъ 1208 г. уже сказано, что никакая гильдія (Gilda) не можетъ быть учреждаема безъ утвержденія епископа. Купцы составили свой союзъ, ремесленники — свой. Купеческій союзъ, купеческое общество получило названіе большой гильдіи или гильдіи св. Маріи (Mariengilde); ремесленный союзъ сталъ называться малою гильдіею или, по своему патрону, гильдіею св. Іоанна (St. Iohannisgilde).

Когда именно появились эти гильдіи, съ точностію неизвѣстно, но несомнѣнно, что появились очень рано, едва ли не въ первые годы существованія Риги (они сохранились и по нынѣ). Древнѣйшіе уставы (шраги) ихъ были составлены въ 1354 г., но оригиналы ихъ уже не существуютъ. Эльтерманъ большой гильдіи Фрелихъ въ 1610 г. издалъ уставъ 1354 г. со всѣми дополненіями, послѣдовавшими съ 1354 г. Этотъ именно Фрелиховскій уставъ и былъ принятъ въ основаніе при составленіи устава малой гильдіи, который изданъ во время польскаго или шведскаго владычества.

Сравнивая эти уставы съ послѣдовавшими въ нихъ измѣненіями, оказывается, что обѣ гильдіи постоянно стремились къ расширенію своихъ правъ и къ концу самостоятельности Ливоніи добились уже того, что безъ вступленія въ братство той либо другой гильдіи никакой городской житель не смѣлъ заниматься ни торговлей, ни мастерствомъ, ни какою либо городскою промышленностію.

Для вступленія въ общество, въ „компанію" большой гильдіи, требовалось представить доказательства о пріобрѣтеніи отъ магистрата права мѣстнаго гражданства, о честномъ происхожденіи и непорочномъ поведеніи. Принятіе допускалось не иначе какъ съ согласія всего общества; ремесленниковъ, духовныхъ и латышей (летовъ) вовсе не принимали въ большую гильдію.

Для вступленія въ общество малой гильдіи, состоявшее изъ однихъ только цеховыхъ мастеровъ, требовалось также полученіе отъ магистрата правъ гражданства, представленіе свидѣтельства о честномъ происхожденіи и о полученіи званія мастера въ одномъ изъ цеховъ.

При поступленіи въ гильдію вносилась опредѣленная сумма денегъ.

Каждая изъ гильдій управлялась своими выборными эльтерманами и старшинами. Эти лица составляли старшинскія думы (скамьи старшинъ—Aeltesten - bänke). Обѣ думы (большой и малой гильдіи) въ дѣлахъ, касавшихся всѣхъ гражданъ, участвовали въ совѣщаніяхъ магистрата. Каждая дума имѣла право составлять уставы для своего общества, подлежавшіе утвержденію магистрата.

Малая гильдія состояла изъ цеховыхъ мастеровъ. Мастера отдѣльныхъ ремеслъ соединялись между собою и составляли цехи, имѣвшіе каждый свое управленіе и свой уставъ. Всѣ цехи были подчинены магистрату, который утверждалъ ихъ уставы.

Было уже сказано, что рижскій городовой магистратъ управлялъ всѣмъ городскимъ обществомъ, имѣя свои собранія и уставы. Въ первые годы существованія Риги магистратъ, кажется,

вѣдалъ лишь одними гражданами (cives), которые и избирали его. Граждане же, по происхожденію своему, принадлежали къ рыцарству, отъ этого они считались на равнѣ съ вассалами и пользовались тѣми же правами, не смѣшиваясь ни съ купцами, ни съ другими городскими обывателями. Но съ теченіемъ времени и съ расширеніемъ торговли, граждане начали постепенно болѣе и болѣе сливаться съ купечествомъ, наконецъ, совершенно отдѣлились отъ вассаловъ, образовали особое состояніе, представителемъ котораго явился магистратъ, ставшій уже самъ назначать своихъ членовъ только изъ прежнихъ гражданъ (cives) и изъ купцовъ. Мало по малу магистратъ сдѣлался первенствующимъ городскимъ сословіемъ и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ власть и управленіе городомъ. Съ учрежденіемъ ландтаговъ магистратъ посылалъ на нихъ своихъ депутатовъ, но и обѣ гильдіи имѣли право въ случаяхъ особенно важныхъ посылать на ландтагъ своихъ депутатовъ.

При самомъ основаніи Риги, епископъ Альбертъ предоставилъ ей нѣкоторое количество земель, изъ которыхъ и составился городской или патримоніальный округъ (Marchia civitatis, Patrimonialgebiet), управлявшійся магистратомъ и городскимъ фохтомъ. Земли эти раздавались гражданамъ въ аренду. За участіе въ завоеваніи Эзеля, Курляндіи и Семигаліи, граждане (cives) города Риги получили третью часть этихъ областей, но впослѣдствіи они потеряли всѣ свои надѣлы, и городской округъ ограничился лишь первоначальнымъ надѣломъ отъ епископа Альберта, да нѣкоторыми землями на лѣвомъ берегу Двины, купленными еще въ XIII столѣтіи и остающимися за городомъ и по настоящее время.

Городу Ригѣ были предоставлены важные и обширные источники доходовъ. Кромѣ патримоніальнаго округа, кромѣ лавокъ, домовъ (ратуша, гильдейскіе дома и пр.) городу были предоставлены доходы по судебнымъ выдѣламъ, пошлины съ меда и пива, доходы съ торговли, выморочныя имѣнія гражданъ обращались также въ пользу города. Городъ имѣлъ гербъ, употребляющійся и по нынѣ, и флагъ черный съ бѣлымъ крестомъ.

Магистратъ и городской фохтъ вѣдали всѣми тяжебными и уголовными дѣлами гражданъ въ учрежденныхъ для этого городскихъ судахъ.

Члены большой и малой гильдій имѣли обширныя права: имъ однимъ было предоставлено право заниматься городскими промыслами въ Ригѣ, сверхъ того они одни имѣли право безпошлиннаго судоходства по Двинѣ, безпрепятственной торговли во всей Ливоніи,

не подлежа береговому праву. Право варенія пива и меда съ уплатою опредѣленной пошлины было также предоставлено однимъ членамъ гильдій.

Малые города Ливоніи имѣли устройство и законы, заимствованные отъ Риги съ самыми ничтожными, по мѣстнымъ условіямъ, измѣненіями. Вездѣ существовали магистраты, вездѣ были и двѣ гильдіи, каждый городъ имѣлъ свои земли и свои источники доходовъ.

Права городскаго состоянія въ Эстоніи были почти тѣ же самыя, что и въ Ливоніи.

Въ Ревелѣ, какъ и въ Ригѣ, купцы образовали свой союзъ, большую гильдію; ремесленники — два союза, двѣ гильдіи: св. Олая и св. Канута. Нѣкоторые цехи принадлежали къ одной, а другіе — ко второй гильдіи. Граждане, поселившіеся въ Вышгородѣ, образовали третью самостоятельную гильдію — каѳедральную (Domgilde), состоявшую изъ однихъ вышгородскихъ ремесленниковъ.

Каждая гильдія имѣла свое управленіе, своихъ эльтермановъ, свои старшинскія думы. Ревельскій магистратъ, какъ и рижскій, составлялъ отдѣльное правительственное сословіе. Его права, его отношенія къ гильдіямъ, какъ и права гражданъ и судебныя учрежденія какъ устройство, и права состояній въ малыхъ эстонскихъ городахъ были совершенно сходны съ рижскими, такъ что останавливаться на изложеніи этихъ предметовъ было бы излишне.

Вотъ все существенно важное, что относится до правъ состояній, лучше сказать корпорацій, во время самостоятельности Ливоніи и владычества въ ней епископовъ и ордена. Четыре корпораціи, изъ которыхъ только впослѣдствіи образовались состоянія: духовное, дворянское и городское, составляли одну (не весьма многочисленную — тысячь до 200 никакъ не болѣе) группу прибалтійскаго населенія, группу пришельцевъ и завоевателей. Вторую группу прибалтійскаго населенія составляли туземцы, т. е. завоеванныя племена эстовъ, ливовъ, летовъ, куроновъ и семигаловъ. Изъ этой довольно многочисленной группы (составлявшей никакъ не менѣе одного милліона) образовалось состояніе крестьянъ.

Тутъ по порядку слѣдовало бы разсказать объ обращеніи этой второй группы въ крѣпостное состояніе, о разныхъ родахъ крестьянъ, объ установленіи крѣпостнаго состоянія, о правахъ и

обязанностяхъ крестьянъ во времена самостоятельной Ливоніи. Но обо всѣхъ этихъ предметахъ было уже разсказано въ 1-мъ томѣ „Сборника“ въ статьѣ объ Арсеньевѣ и Сиверсѣ, на стр. 470 и слѣд., потому составитель имѣетъ основаніе не повторять сказаннаго прежде. Онъ считаетъ достаточнымъ здѣсь замѣтить только, что во времена владычества епископовъ и ордена, съ начала XIII-го до средины XVI-го столѣтія, непроходимая бездна лежала между завоевателями и покоренными, между группами пришельцевъ и группами туземцевъ. Никакой связи, ничего общаго не было между этими двумя группами, и результаты отсутствія такой связи изложены уже у Рюссова.

Этимъ составитель заканчиваетъ свое вступленіе къ представляемымъ въ первомъ отдѣленіи этого тома статьямъ и лѣтописямъ, полный переводъ которыхъ на русскій языкъ здѣсь является въ первый разъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края.

I. **Доблепъ.** Статья пастора Билленштейна.

II. **Орденъ меченосцевъ.** Статья Бунге.

III. **Нѣмецкая контора въ Полоцкѣ.** Статья Гильдебранда.

IV. **Ливонская лѣтопись** Германа Вартберга.

V. **Ливонская лѣтопись** Бальтазара Рюссова.

ДОБЛЕНЪ.

Очеркъ древняго быта семигаловъ.

(Статья добленскаго пастора Биленштейна, изъ I-го номера „Baltische Monatsschrift“ 1873 года, стр. 1 — 25).

Изъ всѣхъ созданій только человѣкъ имѣетъ прошлое и будущее. Только человѣкъ имѣетъ исторію. Только человѣкъ можетъ задавать себѣ вопросъ: что было и что будетъ? — и можетъ интересоваться отвѣтомъ на эти вопросы. Внѣшняя жизнь отдѣльныхъ лицъ и человѣчества подвергается въ теченіе времени извѣстнымъ измѣненіямъ, причемъ въ познаніяхъ, въ волѣ, въ мысляхъ и въ способностяхъ человѣка замѣчается преуспѣяніе. Исторія есть постепенное развитіе быта изъ малѣйшихъ началъ до цѣлей совершенства. Только человѣкъ имѣетъ исторію своего быта.

Птица и въ настоящее время вьетъ свое гнѣздо, какъ вила за 6000 лѣтъ тому назадъ. Лѣсные звѣри ведутъ тотъ же самый образъ жизни и имѣютъ тѣ же самые нравы, какъ при Адамѣ и Ноѣ. Какую разницу между тѣмъ видимъ въ отношеніяхъ человѣка, въ его жилищѣ, въ одеждѣ, правахъ, законахъ и государственныхъ учрежденіяхъ въ теченіе времени лишь одного столѣтія.

Сегодня мы бросимъ взглядъ на прошлое нашей родины. Въ наше время все больше и больше цѣнится отечество и любовь къ нему ростетъ какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ народахъ.

Мы не только граждане всего міра, но и курляндцы. Поэтому нужно, чтобы мы обращали вниманіе не только на царство Божіе, обнимающее небо и землю, но и на земное царство, которое служитъ намъ родиною на время нашей жизни.

Не есть ли то недостатокъ нашего школьнаго образованія, если мы больше знаемъ древній бытъ грековъ и римлянъ, чѣмъ исторію своего отечества, если умѣемъ перечислить всѣхъ французскихъ или англійскихъ королей, но мало или ничего не знаемъ о странѣ, въ которой живемъ.

Какая причина тому, что исторія нашей родины намъ столь неизвѣстна и что мы имѣемъ такъ мало живыхъ преданій и сказаній о древнихъ временахъ? Одна изъ этихъ причинъ состоитъ въ томъ, что у насъ находится весьма мало памятниковъ древнихъ временъ, съ которыми были связаны воспоминанія, преданія и сказанія людей. Нашъ Прибалтійскій край въ этомъ отношеніи нѣсколько отсталъ сравнительно съ западными европейскими странами, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются памятники древности, по неволѣ напоминающіе наблюдателю прошлыя столѣтія и даже тысячелѣтія и живо рисующія ему минувшее.

Впрочемъ, не будемъ черезъ чуръ жаловаться. И у насъ есть памятники отдаленныхъ временъ въ развалинахъ нашихъ замковъ. На одинъ изъ такихъ замковъ мы желаемъ обратить вниманіе читателя. Это Добленскій замокъ, лежащій въ центрѣ Курляндской губерніи на большой дорогѣ и весьма многимъ извѣстный. Кто изъ прохожихъ или проѣзжихъ не любовался видомъ могучаго зданія, которое своими стѣнами напоминаетъ отдаленное прошлое? Эти стѣны, если умѣть смотрѣть и понимать ихъ, представляютъ собою всѣ историческія перемѣны, которыя происходили въ Курляндской губерніи. Въ развалинахъ Добленскаго замка мы видимъ остатки языческаго быта и начала христіанской церкви въ этой странѣ, мы видимъ тутъ слѣды господства ордена, коимъ Прибалтійскій край былъ завоеванъ и открытъ западному просвѣщенію. Съ этими стѣнами связаны воспоминанія о двухсотъ-лѣтней независимости Курляндскаго герцогства до тѣхъ поръ, пока ему пришлось подчиниться могущественному императорскому скипетру, управляющему нами нынѣ. Этотъ замокъ свидѣтельствуетъ о средневѣковой романтикѣ, и развалины его приводятъ насъ къ новому времени, когда умственныя силы имѣютъ больше значенія, чѣмъ стѣны и валы, чѣмъ мечи и панцыри.

Если въ нижеслѣдующихъ строкахъ я попытаюсь поднять завѣсу, закрывающую отъ насъ древнія времена Доблена, то прошу о снисхожденіи, такъ какъ мнѣ все таки удалось собрать и составить лишь немногое. Это не непрерывная лѣтопись, не связное изложеніе хоть бы и самаго существеннаго изъ того, что случалось въ Добленѣ и его окрестностяхъ, а лишь небольшая картина изъ древнѣйшихъ временъ.

I.

Прошу читателя мысленно перенестись за тысячу лѣтъ назадъ, причемъ однимъ или даже нѣсколькими столѣтіями больше или меньше ровно ничего не значитъ. Чѣмъ отдаленнѣе время, тѣмъ медленнѣе совершаются перемѣны во внутреннихъ и внѣшнихъ отно-

шеніяхъ человѣка. Въ настоящее время совершается и измѣняется въ теченіе одного десятилѣтія гораздо больше, чѣмъ прежде въ древнія времена совершалось и измѣнялось въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій.

Что же было при Добленѣ у древнихъ семигаловъ задолго до прибытія нѣмецкихъ завоевателей въ среднюю Курляндію?

Существуютъ поэтическіе умы, которые желали бы убѣдить себя и другихъ, что въ этихъ странахъ въ тѣ времена царилъ золотой вѣкъ, господствовали благосостояніе, спокойствіе, справедливость, набожность и благоденствіе. Историки должны сознаться, что они не могутъ отыскать ни тутъ, ни въ другомъ какомъ либо мѣстѣ рая, который, будто бы, существовалъ за тысячу лѣтъ тому назадъ. Такого рая слѣдуетъ искать во времена отдаленнѣйшія, гораздо отдаленнѣйшія.

[История показываетъ, что за тысячу лѣтъ предъ симъ тутъ не было никакого рая, а, напротивъ, было много дикости какъ въ людяхъ, такъ и въ природѣ.]

Одно, что не измѣнилось до настоящаго времени — это возвышенія почвы, холмы и долины. Самыя воды уже перемѣнились. Онѣ протекали гораздо въ большихъ массахъ по долинамъ и низменностямъ, чѣмъ въ настоящее время. И если мы теперь мысленно перенесемся въ тогдашнія времена и посмотримъ съ добленскихъ высотъ на обширную равнину на югъ и востокъ, то вмѣсто плодородныхъ полей увидѣли бы непрерывные лѣса, тянувшіеся до края горизонта и, вмѣсто многочисленныхъ усадебъ и мызъ, увидѣли бы лишь кое гдѣ поднимающіеся столбы дыма.

Какой же народъ жилъ тутъ въ тѣ времена и какимъ языкомъ говорилъ? Тѣ же самые звуки раздавались тутъ, какіе раздаются и въ наше время. Тутъ жили латыши. Исторія не знаетъ, когда они поселились въ этихъ мѣстахъ и какихъ прежнихъ жителей они вытѣснили, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что предъ латышами здѣсь жили другіе народы. Тутъ на низменности (земейсъ-галсъ), на которой рѣчки стекали въ Аа между Ауцомъ и Тауэркальнскимъ лѣсомъ, жили латыши и носили названіе семигаловъ (земгалѣши) въ противоположность латышамъ, жившимъ на востокъ отъ Тауэркальнскаго лѣса на южной сторонѣ Двины, называвшимся зелонами (зелѣши, Зельбургъ), или же вообще нагорными жителями (аугшъ-галѣши).

Недалеко отъ нихъ, жили народы другаго, финскаго племени. Тотчасъ же за Двиною отъ Риги до Салиса на всей западной полосѣ Лифляндіи, на взморьѣ, жили ливы; на курляндскомъ берегу снова жили ливы (ликбеши, ливи), а далѣе во внутри края по Виндавѣ и Абавѣ можетъ быть до Тукума и Фрауэнбурга жили куроны (корсь), которые были не латышскаго, но финскаго происхожденія, и мало по малу приняли латышскіе обычаи и языкъ.

И такъ мы находимся въ древней латышской странѣ, отдѣленной отъ взморья лѣсами и топями и недоступной еще въ тѣ времена ни собирателямъ янтаря, финикіянамъ, ни любознательнымъ грекамъ, ни воинственнымъ искателямъ приключеній норманамъ и нѣмцамъ.

Взглянемъ же ближе на этотъ мнимый рай, состояніе котораго скорѣе походитъ на состояніе Адама, когда его изгнали изъ эдема и ему пришлось вести борьбу за существованіе.

Хотя и латыши принесли съ собою изъ своей древней прародины новѣйшіе виды хлѣбовъ и проч., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ языкъ (рудзи — рожь; квѣши — пшеница; мѣжи — ячмень; аузасъ — овесъ; зирни — горохъ; линии — ленъ; канѣпесъ — конопля и проч., всѣ эти слова незаимствованныя), но на первыхъ порахъ, послѣ переселенія изъ Азіи, земледѣліе на берегахъ Курляндской Аа и Двины было весьма незначительное. Обильныя водою озера и рѣки доставляли голодному рыбу, а дѣвственные лѣса — годную въ пищу дичь, за которую, конечно, приходилось бороться съ хищными звѣрями. Тутъ мысленно мы могли бы увидѣть, какъ тогдашніе семигалы преслѣдовали сильнаго зубра (зубрсъ) и лося, какъ подстерегали медвѣдя или волка, строили западни бобрамъ и выдрамъ на берегахъ рѣкъ, ловили рысей и куницъ тамъ, гдѣ въ настоящее время плугъ проводитъ свои борозды.

Близъ поселка между пнями деревъ пасется маленькое стадо, доставляющее владѣльцу молоко, шерсть и кожи. Малорослая, но крѣпкая лошадь, носитъ всадника на охоту и на войну. Сосѣднія и даже единокровныя племена не знаютъ ничего о райскомъ спокойствіи, о которомъ мечтаютъ поэтическія натуры. Когда зима наведетъ свои мосты на рѣки и дастъ возможность переходить по топямъ, когда пройдутъ сильнѣйшіе морозы (около февраля), мужчины предпринимаютъ набѣгъ или на куроновъ, или на ливовъ, или на литовцевъ. Пройдетъ немного времени и на нихъ изъ мщенія нападаютъ сосѣди. Вотъ какъ происходили эти древнія войны, о коихъ существуютъ еще старинныя сказанія. Оружіемъ служили каменные топоры, каменные молоты, палицы, копья съ остріемъ изъ кремня. Происходитъ набѣгъ; разсѣянные далеко другъ отъ друга поселки энергично защищаются. Мужчинъ убиваютъ, а женщинъ уводятъ въ плѣнъ. Стада угоняютъ и скудное имущество, состоящее изъ одежды, пищи, главнѣйше изъ посуды и оружія, уносится, а хижины сжигаются. Часть населенія, спасшаяся быстрымъ бѣгствомъ въ трущобахъ дикаго лѣса, собирается вновь на пепелище, когда пронесется опустошительная буря, отъискиваетъ убитыхъ и оплакиваетъ ихъ. Они собираются воздать имъ послѣднюю честь похоронами; выносятъ ихъ на высокую гору, гдѣ находится обширное кладбище, обведенное гранитными глыбами. Кругомъ, подобно пчелинымъ ячейкамъ, поста-

влены небольшіе изъ камней круги, нѣсколько футовъ въ діаметрѣ. Тутъ каждое семейство имѣетъ свое мѣсто. Устраиваютъ костеръ и огонь истребляетъ бренные останки отца семейства, сына и брата, павшихъ въ борьбѣ со врагомъ. Нѣсколько горстей угля и превратившихся въ пепелъ костей кладутъ въ эти небольшіе круги, гдѣ они должны пролежать столѣтія до тѣхъ поръ, пока позднѣйшіе потомки забудутъ значеніе камней и воспользуются ими какъ пригоднымъ матеріаломъ для своихъ построекъ. Неумолимый плугъ смѣшиваетъ пепелъ праотцевъ съ землею, обращая ее въ плодоносную пашню.

Печальная обязанность исполнена. Усопшіе почіютъ. Живые возвращаются къ пепелищу, тащутъ новыя бревна изъ ближайшаго лѣса и строютъ вновь простую хижину изъ сыраго лѣса. Домъ (намсъ), соотвѣтствующій кухнѣ современныхъ намъ старыхъ крестьянскихъ домовъ, вмѣщалъ въ себѣ лишь очагъ для варенія пищи и отопленія и не имѣлъ ни трубъ, ни оконъ, ни мебели. Нынѣшніе латыши среднюю часть своихъ домовъ до сихъ поръ называютъ «намсъ» — домъ, въ воспоминаніе древнихъ временъ. Всѣ остальныя комнаты представляютъ уже роскошь, расширеніе намса.

Такую то хижину съ крышею изъ древесной коры — другой онъ не знаетъ — строитъ спасшійся отъ набѣга и старательно точитъ новое оружіе, терпѣливо буравитъ каменный обухъ, чтобы вставить въ него топорище и ждетъ зова старшины, начальника поселка, чтобы принять въ отместку смѣлый набѣгъ на сосѣдей и поступить со врагомъ точно такъ-же, какъ тотъ поступилъ съ нимъ.

Вотъ оно райское спокойствіе, вотъ право и безопасность и благоденствіе тогдашняго времени!

Однако, въ какомъ же положеніи находился Добленъ въ описываемыя мною времена? На берегахъ Берзы возвышалась уже въ тѣ времена крутая зеленая гора, по которой извивается теперь почтовая дорога отъ моста. Правда, что ни дороги, ни моста тогда не было; однако, зеленая гора, защищаемая съ одной стороны рѣкой, а съ другой и третьей стороны рвомъ, который теперь углубленъ и расширенъ, съ четвертой, южной стороны, искусственнымъ глубокимъ рвомъ, вынутая земля изъ котораго образуетъ валъ на краю замковой горы. До сихъ поръ можно ясно видѣть обѣ конечности этаго стариннаго рва тамъ, гдѣ понижаются стѣны орденскаго замка какъ со стороны Берзы, такъ и со стороны почтовой дороги; фундаментъ стѣнъ ясно показываетъ покатости стариннаго рва. На срединѣ нынѣшняго двора замка, конечно, нѣтъ и слѣдовъ рва, потому что валъ обрушился въ ровъ и засыпалъ его. Въ тѣ времена, когда валъ еще былъ въ цѣлости, на горѣ не было никакого зданія; латыши не знали еще ни извести, ни каменьщичьяго искусства; вокругъ горы, вмѣсто стѣнъ, былъ устроенъ бревенчатый заборъ. Узенькій проходъ чрезъ валъ былъ загражденъ крѣпкими воротами съ деревян-

ными задвижками. Въ крошечномъ внутреннемъ дворѣ замка, гдѣ теперь находятся развалины церкви съ ея четырьмя башенками, стояло нѣсколько деревянныхъ построекъ для храненія съѣстныхъ припасовъ и для защиты отъ непогоды малочисленнымъ обитателямъ, которыхъ число увеличивается, на сколько хватитъ мѣста во время набѣговъ, когда сосѣди ищутъ себѣ убѣжища.

Вотъ Добленъ древнѣйшаго времени, служившій укрѣпленнымъ мѣстомъ Семигаліи при тогдашнемъ способѣ войны.

Тогда еще не являлся могущественный завоеватель, еще никакой священникъ не проповѣдывалъ евангелія въ семигальскихъ лѣсахъ, еще процвѣтала вѣра въ Перкуна. Нѣтъ сомнѣнія, что недалеко отъ горы Добеля находился жертвенникъ «Идольская гора», воспоминаніе о которомъ исчезло въ народѣ лишь по той причинѣ, что на его мѣстѣ раскинулось нынѣшнее мѣстечко со своею новѣйшею культурою въ хорошемъ и худомъ смыслѣ этого слова. Если сравнить извѣстные изъ другихъ источниковъ факты, что подобныя, служившія для богослуженія, мѣста у языческихъ латышей обыкновенно находились противъ замковъ на противоположномъ берегу рѣкъ и что священныя мѣста языческаго времени обыкновенно приспособлялись и къ христіанскимъ надобностямъ, потому смѣемъ думать, что тогдашніе добленцы, вѣроятно, приносили своимъ божествамъ молитвы и жертвы именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ христіанская церковь.

II.

Опустимъ завѣсу надъ мрачною картиною древнѣйшаго времени и обратимся къ другой картинѣ.

Прошло опять нѣсколько столѣтій. Переселявшіяся индогерманскія племена давно уже жили въ своихъ европейскихъ мѣстахъ пребыванія. Даже и противоположное движеніе народовъ отъ запада на востокъ, то-есть крестовые походы, окончились, не достигнувъ своей цѣли, но, тѣмъ не менѣе, оказавъ огромное вліяніе на исторію просвѣщенія и государствъ западной Европы. Прошла и блистательная эпоха Гогенштауфеновъ съ ея битвами и пѣснями.

Что было въ тѣ времена въ Семигаліи, что въ Добленѣ? Деревянный заборъ на зеленой, крутой горѣ на берегу Берзы стоитъ по прежнему, окруженный высокимъ бревенчатымъ заборомъ, острые концы котораго высятся въ воздухѣ.

Возрастающее постепенно, не смотря на опустошительные набѣги и войны, населеніе нуждается въ новыхъ жилищахъ. Подъ замкомъ возникло уже мѣстечко — посадъ, построенный на правомъ берегу Берзы. Бревенчатый заборъ защищаетъ посадъ отъ набѣга враговъ. Замокъ служитъ убѣжищемъ при большой опасности. Лѣса

порѣдѣли; плуги превратили большія лѣсныя пространства въ пашни. Рожь, пшеница, ячмень и овесъ составляютъ уже значительную потребность населенія. Всѣ эти виды хлѣбовъ изъ XIII-го вѣка найдены были на развалинахъ бывшаго замка Терветена, гдѣ они пожаромъ были засушены и такимъ образомъ сохранились отъ сгніенія цѣлыя 600 лѣтъ.

Торговые пути еще не открыты, но промыслы и знанія уже значительно распространились. Каменные топоры и ножи еще существуютъ, но употребляются лишь при обрядахъ богослуженія и при суевѣрномъ колдовствѣ.

У мужчинъ уже по большей части желѣзное оружіе; они стрѣляютъ изъ лука и метаютъ копья съ желѣзными наконечниками. Мечи еще рѣдки и лишь знатные люди, можетъ быть, князья могутъ ихъ пріобрѣсти отъ немногихъ болѣе искусныхъ кузнецовъ, умѣющихъ выдѣлывать изъ желѣза сталь. Мужчины рубятъ лѣсъ желѣзнымъ топоромъ и воздѣлываютъ огороды желѣзною лопатою. Сверхъ того они носятъ съ собою загадочный цельтъ, орудіе, похожее на нынѣшній рычагъ съ остріемъ. За поясомъ у нихъ длинный, четырехъ-угольный брусокъ; нѣкоторые носятъ карманный круглый брусокъ, на которомъ можно точить копья и стрѣлы.

Маленькая Курляндія не составляетъ еще никакого государства. Каждая мѣстность имѣетъ своего начальника, живущаго съ сосѣдями въ дружбѣ или враждѣ.

Семигальскіе начальники связаны между собою узами племеннаго родства. Главныя мѣстопребыванія ихъ въ Мезотенѣ (на рѣкѣ Мухѣ), Терветенѣ (нынѣшн. Гофцумбергѣ) и Доблепѣ. Далѣе находимъ еще замки Сакенъ или Сакатенъ (на Спаренскомъ озерѣ, близь Далена), Сидабре (Гросъ-Ауцъ), Добенъ (близь Добельсберга). Тутъ кончается Семигалія и начинается Курляндія *).

Отъ Доблена и Мезотена до Двины простираются непроходимые лѣса и болота, затрудняющіе, или вовсе пресѣкающіе сообщеніе со страною ливовъ.

Тѣмъ не менѣе въ Семигалію проникаютъ вѣсти о могучихъ желѣзныхъ мужахъ, построившихъ близь Икскуля замокъ и ниже по теченію рѣки городъ. Начальникъ Терветена и Мезотена, Вестгардъ или Вестеръ, который на литовской границѣ находится въ постоянной опасности отъ набѣговъ литовцевъ, какъ разсказываетъ Генрихъ Латышъ, вступаетъ въ переговоры съ нѣмецкими рыца-

---

*) Замѣчательно, какъ старая граница до сихъ поръ оставила свои слѣды въ нѣкоторыхъ обычаяхъ. Такъ отъ подножія Добенбурга на западъ жнутъ рожь косами на длинномъ косовищѣ, въ то время какъ на восточной сторонѣ употребляютъ косы съ короткимъ косовищемъ.

рями и предлагаетъ имъ въ 1205 году свои услуги противъ ливовъ, эстовъ и литовцевъ, чтобы въ замѣнъ снискать себѣ ихъ покровительство и помощь.

Однако, дружба эта не искренняя. Вестеръ не принимаетъ христіанства, распространеніе котораго въ Прибалтійскомъ краѣ представляло главную цѣль ордена и его войнъ. Когда мезотенцы, изъ боязни литовцевъ, въ 1219 году приняли христіанство, Вестеръ вышелъ изъ своего замка Терветена и осаждалъ христіанъ въ Мезотенѣ до тѣхъ поръ, пока они, наконецъ, не оставили замка и не переселились въ Ригу.

Съ тѣхъ поръ судьбы Семигаліи становятся уже положительно извѣстными. Если не добровольно, то насиліемъ она должна быть подчинена ордену. Совершеніе призванія лишь при помощи проповѣди между варварами почти всегда невозможно, а въ тѣ времена, при господствовавшихъ средневѣковыхъ воззрѣніяхъ, было даже немыслимо.

Началась безпрерывная борьба, одинъ крестовый походъ слѣдовалъ за другимъ до тѣхъ поръ, пока Семигалія, въ 1290 году, подчинилась нѣмцамъ. Въ этой борьбѣ Добленъ играетъ немаловажную роль. Съ паденіемъ Доблена и сосѣднихъ языческихъ замковъ, совершалось подчиненіе рыцарямъ всей нынѣшней курляндской губерніи и начался періодъ сравнительнаго спокойствія.

Замѣчательно, что Добленъ былъ послѣдній, который покорился пришельцамъ. Нѣмецкій рыцарскій орденъ изъ Пруссіи проникъ въ западную Курляндію. Между 1238 — 1243 г. Дитрихъ Грюнингенскій построилъ замокъ Гольдингенъ; съ тѣхъ поръ была проложена военная дорога, по которой рыцари ходили изъ Кенигсберга и Мемеля черезъ Гробинъ, Дурбенъ, Гольдингенъ и Тукумъ къ морю и затѣмъ по взморью къ устью Двины или же около Бабитскаго озера прямо къ Ригѣ.

Въ Лифляндіи построенъ былъ на Двинѣ и въ Гавьѣ (Лифляндской Аа) цѣлый рядъ замковъ. Орденъ началъ посылать свои передовые посты уже въ Семигалію, смотря по тому, какъ этого требовали его военные походы. На Семигальской Аа построенъ былъ первый орденскій замокъ, впослѣдствіи Митава — Конрадомъ Мандерномъ въ 1263 — 1266 гг. Вальтеръ Нордекъ взялъ приступомъ Терветенъ и оставилъ въ немъ нѣмецкій гарнизонъ въ 1270 — 1272 гг., который оставался тутъ почти до 1279 г., когда семигалы снова овладѣли Терветеномъ и, укрѣпивъ его, сдѣлали главнымъ пунктомъ своихъ оборонительныхъ войнъ противъ непрерывно повторявшихся нападеній рыцарей.

Изъ этихъ печальныхъ временъ сохранился въ устахъ народа весьма любопытный памятникъ — народная пѣснь, въ которую, конечно, вошли многія черты изъ новѣйшаго времени, но которая

носитъ, однако, въ себѣ столь явный отпечатокъ древнѣйшихъ временъ, что возможно найти въ ней первоначальный ея смыслъ.

Въ этой пѣснѣ латышъ предостерегаетъ бѣднаго землепашца въ видѣ жаворонка (цирюлитъ! мазъ путинь!), чтобъ онъ не садился на большой дорогѣ, а то придутъ знатные люди и уведутъ его въ Вацземе (нѣмецкая страна, часто вообще въ смыслѣ чужбины); тамъ предстоитъ ему невольничество; придется рубить лѣсъ, выжигать уголь и ковать панцыри (брунясъ кальтъ — слова, неоспоримо указывающія на старинное происхожденіе пѣсни); тамъ онъ долженъ будетъ принимать участіе въ войнѣ и проч. Это картина того времени, когда нѣмецкіе завоеватели въ самомъ дѣлѣ заставляли своихъ плѣнныхъ работать при постройкахъ и служить имъ во время походовъ; картина того времени, когда туземцы, при приближеніи чужихъ, искали убѣжища въ укрѣпленныхъ замкахъ, лѣсахъ и болотахъ. Вацземе пѣсни навѣрно означаетъ не отдаленную Германію, а занятыя уже нѣмцами части Прибалтійскаго края, именно Ригу и ея окрестности, которыя для семигаловъ составляли уже чужую страну. Въ дальнѣйшемъ содержаніи пѣсни упоминается и объ отступленіи чужихъ воиновъ и «лѣли кунги» (знатные господа), о которыхъ говорится въ началѣ пѣсни, называются въ концѣ ея уже «дѣва дэли» (божьи сыны), о которыхъ неизвѣстно, откуда они явились и куда они исчезли.

О томъ же времени разсказываетъ намъ древняя, 600 лѣтъ тому назадъ написанная риѳмованная нѣмецкая хроника, которая не вѣрно носитъ имя Альнеке, какъ автора, и заключаетъ въ себѣ слѣдующій эпизодъ о Доблене:

Между 1279 — 1281 гг. господствовалъ въ Гольдингенѣ, въ орденскомъ замкѣ, фохтъ Іоганъ Охтенгузенъ, необыкновенно храбрый и воинственный человѣкъ, которому поручено было держать въ повиновеніи склонныхъ къ отпаденію отъ христіанства и къ сопротивленію противъ нѣмецкаго господства куровъ. Онъ, однако, не довольствовался ввѣреннымъ ему округомъ и наводилъ ужасъ на язычниковъ и внѣ своихъ владѣній. О немъ такъ разсказываетъ упомянутая хроника:

«Вреда онъ много наносилъ язычникамъ, которымъ онъ сталъ въ бремя; онъ зналъ всѣ пути и всѣ дороги; по временамъ предпринимая набѣги во внутрь страны, гдѣ жили семигалы, опустошалъ ее огнемъ и грабилъ. Подъ Терветеномъ и подъ Добленомъ нечаянно онъ часто появлялся, враговъ будилъ поутру и крѣпко имъ умѣлъ надоѣдать».

Разъ гольдингенскіе рыцари постановили предпринять снова подобный походъ. Высланы были послы къ курамъ, чтобъ они какъ уже подчиненные приняли участіе въ походѣ, что они и сдѣлали довольно охотно, такъ какъ жили во враждѣ съ семигалами и надѣ-

ялись получить часть военной добычи. Они собрались, пѣшіе и конные, съ оружіемъ и провіантомъ. Число участвующихъ въ походѣ рыцарей весьма незначительно. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ куровъ, упоминается поименно лишь о четырехъ орденскихъ рыцаряхъ, Охтенгузенъ былъ пятый. Ихъ, однако, достаточно противъ неприготовленнаго врага, неподозрѣвающаго приближающейся опасности.

«Густымъ лѣсомъ и по худымъ дорогамъ — говоритъ хроника — онъ велъ своихъ отважныхъ воиновъ, какъ пѣшеходовъ, такъ и всадниковъ; имъ стоила не мало затрудненій постройка многочисленныхъ мостовъ; тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ несли на спинѣ и съѣстные припасы».

Въ тѣ времена не было еще дорогъ и также не было возможности отыскать достаточное количество пищи въ густыхъ, малообитаемыхъ лѣсахъ.

«На границѣ «страны», то есть доблевской области, не далеко отъ самаго Доблена — вѣроятно, въ гросберзенскихъ лѣсахъ, Охтенгузенъ остановился въ лѣсу. Тутъ вблизи непріятеля надо ускорить походъ, чтобы застать врага въ расплохъ. Поэтому воины оставляютъ здѣсь провіантъ, какъ лишнее бремя, и даже забываютъ его. Охтенгузенъ съ однимъ рыцаремъ и 50-ю курами на борзыхъ коняхъ спѣшитъ впереди къ цѣли своего предпріятія — къ Доблену. Главный отрядъ пѣхоты слѣдуетъ за нимъ столь быстро, на сколько это возможно. Охтенгузенъ со своими 50-ю всадниками вскорѣ появляется предъ Добленомъ; однако, извѣстіе о приближеніи его должно быть все таки было въ Добленѣ получено кѣмъ то, потому что доблевскіе семигалы ожидаютъ непріятеля предъ воротами и въ боевомъ порядкѣ идутъ ему на встрѣчу, не желая его допускать близко къ замку и посаду. Поле, на которомъ семигалы встрѣчаютъ враговъ, не можетъ быть никакое другое, какъ поле и лугъ между нынѣшнимъ Добленомъ и Гросберзенскою школою. Тутъ то происходило сраженіе и гольдингенскій фохтъ остался побѣдителемъ. Его панцырь и панцырь его орденскаго брата рѣшаютъ судьбу битвы, потому что съ одними курами Семигалы успѣли бы справиться, но предъ желѣзными мужами, предъ «дѣва дэли», они не устояли и, обратившись въ бѣгство, искали убѣжища за своимъ палисадомъ. Охтенгузенъ, опередивъ своихъ, успѣлъ уже въѣхать вмѣстѣ съ бѣжавшими въ ворота посада; но тутъ въ минуту наибольшей опасности судьба перемѣнилась. Одинъ изъ семигальскихъ удальцовъ подбѣжалъ къ Охтенгузену и ударилъ фохта подъ шлемъ, такъ что тотъ упалъ съ лошади.

Лѣтопись не разсказываетъ, чѣмъ ударилъ семигальскій удалецъ фохта, копьемъ ли, топоромъ ли, или камнемъ, однако, Охтенгузенъ лежитъ раненый на землѣ и только одинъ орденскій братъ, подъѣхавъ къ нему, успѣлъ защищать его до тѣхъ поръ, пока подо-

спѣлъ отрядъ 50 куровъ и спасъ Охтенгузена съ его оружіемъ и панцыремъ отъ семигальскихъ стрѣлъ, которыя сыпались на него изъ воротъ и палисада.

Нападеніе на Доблепъ произошло рано поутру. До полудня продолжалась перестрѣлка изъ луковъ. Риѳмованная хроника говоритъ, что войска фохта одержали побѣду, но это значитъ, вѣроятно, лишь, что они успѣли удержаться на своихъ мѣстахъ, потому что они вскорѣ затѣмъ все таки рѣшились отступить и такимъ образомъ затѣянное взятіе Доблена не удалось.

«Рыцари со своимъ отрядомъ пошли теперь предъ замокъ на чудесную равнину» (Хрон. ст. 9,027).

Это была, вѣроятно, опять гросберзенская равнина; тутъ сдѣланы были носилки для раненыхъ куровъ и повѣшены межъ двухъ лошадей. Охтенгузенъ успѣлъ немного поправиться и ѣхалъ снова верхомъ; онъ ожидалъ преслѣдованія и потому составилъ отдѣльный отрядъ для защиты отъ нападенія. Семигалы въ самомъ дѣлѣ не медлили воспользоваться своими успѣхами. Уже при самомъ началѣ битвы послы были отправлены къ Намейзе, начальнику въ Терветенѣ; сосѣди скоро собрались оказать помощь Доблену. Лучшіе изъ добленскихъ удальцовъ соединились съ ними и догнали Охтенгузена подъ стоявшимъ уже въ то время въ развалинахъ древнимъ замкомъ Бабитеномъ, однако раненый Охтенгузенъ отбилъ ихъ нападеніе и семигалы, потерявъ множество раненыхъ и убитыхъ, обратились въ бѣгство.

Лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ это сраженіе (ст. 9,038 и слѣд.):

«Намейзе вскорѣ явился, привелъ съ собою много воиновъ, числа я вамъ не могу назвать: онъ былъ начальникомъ въ Терветенѣ и прибылъ со своими воинами, чтобы преслѣдовать орденскихъ братьевъ; онъ собралъ лучшихъ воиновъ, которые были въ добленскомъ замкѣ, и съ ними пошелъ въ догонку орденскихъ братьевъ; войска Намейзе спали лишь немного и торопились, пока, наконецъ. догнали отрядъ рыцарей; объ этомъ сообщено было Охтенгузену, который былъ еще весьма боленъ, о чемъ онъ сильно сожалѣлъ. Однако, Господь Богъ утѣшилъ его и избавилъ его отъ слабости; когда Охтенгузенъ почувствовалъ въ себѣ новую силу, тогда душа его возрадовалась; онъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ. Намейзе, со своими всадниками, прискакалъ изъ лѣса; узнавши, что фохтъ со своимъ войскомъ приготовился къ защитѣ, они слѣзли съ лошадей; ихъ пѣшій отрядъ пришелъ вскорѣ за ними; тутъ оба рыцаря вышли противъ нихъ; фохтъ, не смотря на свою рану, стоялъ во главѣ своего отряда и, увидѣвъ непріятеля, подбѣжалъ къ одному и кольнулъ его и тутъ завязалась битва. Что мнѣ сказать о ней? Семигаламъ было худо; ихъ войско было разбито и пятьдесятъ

ихъ остались мертвыми на полѣ сраженія; другіе, не желая продолжать сраженія, обратились въ бѣгство, бросивъ около пятидесяти щитовъ; семигалы бѣжали какъ угорѣлые. Орденскіе братья раздѣлили добычу съ курами, принимавшими участіе въ походѣ. Битва происходила около замка Бабитепа, сгорѣвшаго въ древнія времена. Орденскіе братья и куры возвращались весело домой, гдѣ ихъ хорошо встрѣчали. Такъ окончился этотъ походъ».

Это было первое сраженіе подъ Добленомъ, о которомъ упоминаетъ риѳмованная хроника, но не послѣднее; хроника разсказываетъ подробно еще о шести набѣгахъ и осадахъ, предпринятыхъ орденомъ противъ языческаго Доблена въ теченіи одного десятилѣтія. Первыя четыре нападенія произошли въ 1279 — 1281 гг. (Охтенгузенъ подходилъ къ Доблену два раза лѣтомъ 1279 г. и Конрадъ Фейхтвангенъ осенью 1280 г. и лѣтомъ 1281 г.), послѣдніе два набѣга предпринималъ магистръ Куртъ Герцогенштейнъ зимою 1288—1289 и лѣтомъ 1289 г.

За этими подробно описанными набѣгами слѣдовалъ еще цѣлый рядъ неперечисленныхъ нападеній, которыя, наконецъ, заставили семигаловъ оставить замокъ Добленъ въ 1289 или 1290 году.

Любопытно прослѣдить подробности этихъ битвъ по сообщеніямъ риѳмованной хроники; изъ ея описаній мы получаемъ картину тогдашняго дикаго, суроваго времени, въ коемъ желѣзомъ и кровью при безчисленныхъ страданіяхъ и слезахъ народа положено было основаніе господству просвѣщенія и христіанства.

Охтенгузенъ, едва возвратившись отъ перваго набѣга на Добленъ въ Гольдингенъ, немедлено сталъ приготовляться ко второму; важность Семигаліи было уже сознаваема; завоеваніе соединительнаго звѣна между Курляндіею и Лифляндіею, между Двиною и Виндавою сдѣлалось историческою необходимостью.

Рыцари собрались изъ разныхъ замковъ, и куры также были снова приглашены къ походу. На зеленой равнинѣ, предъ лѣсомъ, собрались куры, и къ нимъ присоединились тутъ фохтъ, комтуръ и братья изъ гольдингенскаго замка. Наняты были проводники и войска отправились въ походъ.

Они имѣли скверный путь, по безпредѣльнымъ равнинамъ и болотамъ, пока, наконецъ, дошли до послѣдняго лѣса предъ Добленомъ. Тутъ самые ловкіе удальцы отряда куровъ и рыцари съ фохтомъ Охтенгузеномъ пошли впередъ къ Доблену пѣшкомъ (потому что они хотѣли незамѣченными подкрасться къ посаду и замку); лошадей тихо вели за ними. Охтенгузенъ въ самомъ дѣлѣ успѣлъ подойти къ замку и такимъ образомъ, что его замѣтили только тогда, когда онъ уже стоялъ подъ горою и вошелъ въ посадъ. Только что поднималась утренняя заря, семигалы еще спали; куры, заставъ ихъ въ расплохъ, убили около 300 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ

во время сна; всѣ, не успѣвшіе спастись въ замкѣ, попали въ руки христіанъ; посадъ былъ сожженъ и захвачено было много добычи.

Это было осенью въ 1279 г. Комтуръ (неизвѣстно, который именно) между тѣмъ тоже прибылъ съ остальнымъ войскомъ. Добыча, по обычаю тогдашняго времени, было снесена въ одну кучу и отправлена въ Гольдингенъ.

Побѣдители уводили съ собою женщинъ и дѣтей, лошадей и скотъ изъ Доблена въ Курляндію. Возвратившись во свояси, они раздѣлили добычу между собою. Семигалы горевали, что на нихъ такъ часто нападаютъ изъ Курляндіи и что они не могутъ отбить тѣхъ нападеній; они понесли весьма значительные потери и убытки».

Бросимъ теперь взглядъ на тогдашніе размѣры Доблена. Кажется, что Добленъ въ тѣ времена былъ не меньше нынѣшняго. Если 300 человѣкъ было взято въ плѣнъ, то всетаки значительное число жителей успѣло спастись въ замкѣ; это можно заключить по обстоятельству, что Добленъ вскорѣ затѣмъ былъ вновь построенъ. Въ настоящее время въ мѣстечкѣ не больше какъ 600 жителей.

Одинъ годъ прошелъ для Доблена въ спокойствіи; въ то время продолжалась война между Терветеномъ и Ригою. Намейзе предпринялъ зимою изъ Терветена безуспѣшный набѣгъ къ Двинѣ, однако, на обратномъ пути ему удалось взять въ плѣнъ преслѣдовавшаго его неосторожно Гергарда Кацеиэленбогена, котораго привели въ Литву, гдѣ онъ кончилъ свою жизнь въ вынужденномъ поединкѣ.

Преемникомъ его былъ Конрадъ Фейхтвангенъ, прибывшій въ Лифляндію въ іюлѣ 1280 г. изъ Пруссіи. Первый его походъ былъ осенью 1280 г. къ Доблену, который на этотъ разъ подверженъ былъ правильной осадѣ, въ которой участвовали всѣ лифляндскіе фохты и самъ дерптскій епископъ, Фридрихъ Газельдерфъ, со своими рыцарями. Посадъ взятъ былъ приступомъ; кто не успѣлъ спастись въ замокъ, былъ или убитъ, или взятъ въ плѣнъ. Предъ замкомъ построена была блида, т. е. орудіе для бросанія каменныхъ ядеръ въ замокъ; вскорѣ должны были быть построены и другія орудія, которыя извѣстны были тогдашнему военному искуству, однако, часъ Доблена еще не пробилъ. Къ освобожденію его появились литовскія войска; узнавъ о приближеніи ихъ, магистръ Конрадъ счелъ нужнымъ обратиться противъ нихъ; онъ снялъ осаду; блида была разрушена.

Въ окрестностяхъ Слаккенкаппи, вѣроятно, на югѣ отъ Доблена сразились христіанскія войска съ литовскими, которыя, въ виду численнаго перевѣса христіанъ, обратились въ бѣгство. Вѣроятно, вслѣдствіе приближающейся зимы, Конрадъ не возобновилъ немедленно осаду Доблена, однако, лѣтомъ 1281 г. два войска, общею численностію въ 1,400 человѣкъ, предприняли изъ Риги походъ, одинъ отрядъ направился къ Доблену, другой — къ Терве-

тену. Въ Доблене сожженъ посадъ и затемъ отрядъ соединился съ войскомъ, осаждавшимъ Терветенъ, который вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію.

Послѣ этого тяжелаго трехлѣтія наступило семь лѣтъ сравнительнаго спокойствія для Семигаліи. Начальникъ семигаловъ, Намейзе, переселился въ Литву и участвовалъ тамъ въ походахъ литовцевъ на Пруссію.

Семигалы мало по малу начинали уклоняться отъ исполненій договора, заключеннаго ими по взятіи Терветена; Вилькинъ Шауэрбургъ, бывшій магистромъ Лифляндіи съ 1283 г., построилъ зимою съ 1286 — 87 года близь Терветена замокъ Гейлигенбургъ, слѣды укрѣпленій котораго до сихъ поръ видны у Гофцумберга и извѣстны подъ неправильнымъ названіемъ шведскихъ шанцовъ.

Семигалы и самаиты храбро, но тщетно нападали на этотъ замокъ; сосѣдство ордена было терветянамъ до того непріятно, что они, наконецъ, рѣшились оставить Терветенъ и поселиться въ замкѣ Ракатенѣ, близь Илена. Съ тѣхъ поръ положеніе и значеніе Доблена совсѣмъ измѣнились; Добленъ сдѣлался излишнимъ постомъ, отрѣзаннымъ отъ сношеній съ югомъ, откуда онъ всегда получалъ подкрѣпленія. Гейлигенбургскіе рыцари безпрерывно набѣгали какъ на Добленъ, такъ и на Ракатенъ. Семигалы пытались вытѣснить рыцарей изъ Гейлигенбурга, зимою въ 1287 — 88 г., однако, оружіе ихъ оказалось безсильнымъ противъ желѣзныхъ панцырей и щитовъ рыцарей....

Но возвратимся снова къ Доблену. Замокъ на зеленой горѣ все стоитъ; жители его перестали уже нападать явно на Гейлигенбургъ и ограничиваются вылазками на отряды, везущіе туда или въ Ригу провіантъ. Дороги въ Семигалію сдѣлались съ тѣхъ поръ столь опасными, что рыцари вынуждены всякій транспортъ провіанта и другихъ потребностей изъ Риги сопровождать сильными отрядами войска. Два набѣга семигаловъ къ Двинѣ заставили, наконецъ, и рижскихъ рыцарей предпринять походъ. Пять сотъ рижанъ преслѣдуютъ 1,400 семигаловъ, рижане ночью застигаютъ ихъ въ расплохъ и почти всѣхъ убиваютъ.

Годъ 1288 клонится къ своему концу. Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ семигалы сами оставили замокъ и сожгли Терветенъ. Замокъ Добленъ все еще стоитъ на берегу Берзы и посадъ построенъ снова послѣ пожаровъ 1279 и 1281 г.

Зимою съ 1288 — 89 годъ магистръ Куно Герцогенштейнъ отправляетъ отрядъ въ Гейлигенбургъ, чтобъ доставить туда транспортъ провіанта, который привезенъ въ Митаву на судахъ и тутъ наложенъ на сани. Часть отряда (600 человѣкъ изъ 6,000) идетъ черезъ посадъ Добленъ, населеніе котораго спаслось въ замкѣ, и, сжегши, соединился съ главнымъ войскомъ, въ Гейлигенбургѣ.

Такимъ образомъ, гроза еще разъ миновала замокъ Добленъ, но за то разразилась надъ Ракеномъ или Ракатеномъ близь Илепа. Войска магистра приступили къ замку, но приступъ былъ отбитъ.

Лѣтомъ 1289 г. два отряда выступили въ Семигалію, одинъ изъ Риги противъ Сидобренбурга, близь Гроссъ-Ауценскаго озера, другой изъ Гольдингена противъ Доблена. Что еще осталось отъ посада и что было вновь построено сожжено до тла, такъ что остался уже одинъ замокъ. Съ тѣхъ поръ повторяются нападенія за нападеніями, приступъ за приступомъ. Семигаламъ пришлось плохо, тѣмъ болѣе, что и литовскіе друзья ихъ оставили. Едва семигалы успѣютъ построить себѣ новые дома — появляется непріятель и сжигаетъ ихъ постройки; едва успѣютъ вспахать свои поля — непріятель набѣгаетъ, уводитъ мущинъ и лошадей въ плѣнъ; едва успѣютъ они собрать хлѣбъ — непріятель отнимаетъ его у нихъ. Тутъ-то появляется самый неодолимый непріятель — голодъ, который заставляетъ сдавать многія укрѣпленія, между прочими Добленъ и Ракатенъ. Добленъ не былъ взятъ непріятелемъ, а жители сами вышли изъ него и оставили его пустымъ осенью 1289 г. Часть ихъ обратилась въ Литву, другая — въ Ракатенъ. Вскорѣ затѣмъ происходило то же самое, что съ Добленомъ, съ Ракатеномъ и Сидобреномъ. Укрѣпленія, оставленныя пустыми, были сожжены орденомъ.

О жителяхъ Ракатена сообщаетъ лѣтописецъ риѳмованной хроники (тоже самое можно примѣнить и къ Доблену) слѣдующее:

«Они оставили замокъ и свое наслѣдство, родину нѣмецкому ордену и переселились въ другую страну; я никогда не хотѣлъ узнать, какія страданія пришлось имъ тамъ переносить».

Однако, не всѣ семигалы выселились, только тѣ, которые полагали всѣ свои надежды на оружіе; остальные остались на родинѣ и помогали строить новое зданіе, которое мало по малу возникало изъ пепла на зеленой, выжженной горѣ, на берегу Берзы.

Орденъ меченосцевъ.

Статья доктора Ф. Г. Бунге.

(Изъ „Baltische Geschichtsstudien von Dr. F. G. Bunge, 2-te Lieferung: Der Orden der Schwertbrüder. dessen Stiftung, Verfassung und Auflösung. Leipzig, 1875, s. 98).

I.

Основаніе ордена меченосцевъ.

Генрихъ Латышскій, повѣствуя въ IV главѣ своей лѣтописи (см. «Приб. Сборн.» томъ I, стр. 90) какъ епископъ ливонскій Альбертъ въ четвертый годъ своего епископства, т. е. весною 1202 г., оставилъ нѣсколько пилигримовъ и съ прочими выѣхалъ въ Германію (§ 1-й), какъ затѣмъ его братъ Энгельбертъ, изъ духовныхъ Неймюнстера прибылъ въ Ригу (§ 2-й) и скоро вслѣдъ затѣмъ былъ избранъ (§ 3-й) пробстомъ соборнаго капитула, перенесеннаго годъ тому назадъ изъ Икскуля въ Ригу (§ 4-й); повѣствуя какъ Альбертъ построилъ въ Динаминдѣ цистерціенскій монастырь и посвятилъ въ аббаты его брата Теодориха Торейдскаго (§ 5-й) — продолжаетъ: § 6-й. Въ это время названный братъ Теодорихъ, предвидя вѣроломство ливовъ и невозможность противиться массѣ язычниковъ, а также для того, чтобы увеличить число вѣрующихъ и сохранить церковь между язычниками, учредилъ рыцарскій орденъ братьевъ воинства Христова, коему папа Инкентій III-й далъ уставъ тампліеровъ (храмовниковъ).

Какъ ни точенъ кажется съ перваго взгляда разсказъ современнаго лѣтописца, но при болѣе внимательной оцѣнкѣ его, являются сомнѣнія, особенно при сличеніи со свидѣтельствами другихъ источниковъ, какъ на счетъ основателя ордена, такъ и насчетъ времени основанія. Нельзя упускать изъ виду того, что Генрихъ

Латышскій повѣствуетъ здѣсь о событіяхъ, которыя происходили до его личнаго присутствія и познанія событій, онъ слѣдовательно почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ или изъ документовъ, вѣроятно, изъ того и другаго источника, потому нельзя не сличать его показаній съ другими свидѣтельствами. Самый разсказъ Генриха Латышскаго даетъ поводъ къ сомнѣніямъ о достовѣрности приведенной имъ послѣдовательности событій. Не только въ § 4 VI-й главы Генрихъ перескакиваетъ назадъ на предъидущій годъ, но и въ § 5 у него епископъ Альбертъ, покинувшій Лифляндію (§ 1) и еще не возвратившійся домой (VII, 1), основываетъ динаминдскій монастырь; даже еще болѣе: извѣстіе объ основаніи этого монастыря и посвященіи Теодориха въ его аббаты Генрихъ повторяетъ черезъ три года, не обращая вниманія на прежнее свое сообщеніе и не объясняя, даже не упоминая объ немъ. Если изъ словъ въ это время, которыми лѣтописецъ связываетъ (§§ 5 и 6) предположить, что основаніе ордена послѣдовало одновременно съ основаніемъ монастыря, то и тогда ничего не выигрывается для точнаго указанія года основанія. Противъ одновременности основанія монастыря и учрежденія ордена говоритъ то обстоятельство, что монастырь былъ основанъ епископомъ, а орденъ напротивъ братомъ Теодорихомъ въ отсутствіе епископа.

Намъ кажется возможнымъ разрѣшить эти противорѣчія предположеніемъ, что передъ лѣтописцемъ при начертаніи имъ §§ 3, 5 и 6 VI-й главы лежала булла Инокентія III, въ которой три выше названныя учрежденія соборнаго капитула, динаминдскаго монастыря и ордена упоминаются почти въ томъ-же порядкѣ и такимъ образомъ, что можно судить объ ихъ одновременности. Тогда повѣствованіе Генриха было бы только парафразомъ этой буллы. Но и эта булла не даетъ никакого вѣрнаго свѣдѣнія для опредѣленія времени основанія ордена, потому что въ ней недостаетъ указанія года первосвященства папы. Но какъ она помѣчена: Rome apud S. Petrum, IV idus Octobris, то весьма вѣроятно, что булла эта принадлежитъ къ 1204, можетъ быть даже къ 1202 г., и такъ какъ учрежденіе ордена, какъ мы уже видѣли, произошло во время отсутствія Альберта изъ Ливоніи, то оно послѣдовало въ промежутокъ времени не раньше весны 1202 до весны 1203 г. и не позднѣе середины 1204 года.

Въ лѣтописи Генриха Латышскаго по рукописи Замойскаго указывается на брата Теодориха Торейдскаго, какъ на основателя ордена. Въ позднѣйшихъ текстахъ лѣтописи учрежденіе ордена приписывается епископу Альберту съ аббатомъ, братомъ Теодорихомъ (Дитрихомъ), а также и въ выше упомянутой буллѣ Инокентія III Альбертъ называется основателемъ ордена. Ливонская риѳмованная хроника напротивъ разсказываетъ, что папа далъ порученіе епископу Альберту основать «духовное житіе (ein geistliches Leben zu stiften,

стихи 595 — 600). Германъ Вартбергъ приписываетъ учрежденіе ордена даже непосредственно папѣ Инокентію III, съ чѣмъ согласна также такъ называемая позднѣйшая гохмейстерская хроника. Однако эти послѣднія показанія, кромѣ ихъ позднѣйшаго происхожденія, мало правдоподобны по той причинѣ, что о случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, судятъ пристрастно и какъ окажется ниже — совершенно тенденціозно. Поэтому они не могутъ поколебать свидѣтельства Генриха Латышскаго, подтверждаемаго другимъ современникомъ Альберихомъ, который впрочемъ ошибается въ томъ, что называетъ Теодориха (Дитриха) епископомъ, каковымъ онъ былъ гораздо позднѣе.

Если мы затѣмъ примемъ за достовѣрное, что орденъ былъ основанъ братомъ Теодорихомъ (Дитрихомъ), то должно казаться въ высшей степени страннымъ, что такой важный шагъ, какъ основаніе рыцарскаго ордена, былъ совершенъ не самимъ Альбертомъ, но монахомъ, занимавшимъ въ то время только подчиненное положеніе. Дѣло становится однакоже правдоподобнымъ, если предположить, что основаніе было совершено, во время отсутствія Альберта изъ Ливоніи, Теодорихомъ, как ъ его замѣстителемъ. Но даже и при этомъ предположеніи едва-ли возможно, чтобы Теодорихъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ съ большею правдоподобностью можно предположить, что учрежденіе ордена было задумано раньше или однимъ Альбертомъ, или совмѣстно съ Теодорихомъ, и что послѣдній, въ отсутствіе Альберта, приступилъ только къ осуществленію этого плана, вывелъ на свѣтъ проектированный орденъ, или, какъ выражается нашъ лѣтописецъ, поставилъ (instituit) нѣкоторыхъ братьевъ рыцарскаго ордена Христова, т. е. учредилъ орденъ на дѣлѣ.

II.

Начало ордена. Его назначеніе. Основы его управленія.

Безъ всякаго сомнѣнія орденъ при своемъ началѣ былъ незначителенъ и число его членовъ не велико. Мы не находимъ также, чтобы въ орденъ въ первое время поступали лица изъ особенно знатныхъ фамилій. Не раньше какъ только въ 1205 г. мы видимъ его принимающимъ участіе въ военномъ походѣ противъ языческихъ туземцевъ и приступающимъ такимъ образомъ къ исполненію своей миссіи. Послѣдняя состояла въ охранѣ и защитѣ новоучрежденныхъ въ Ливоніи христіанскихъ церквей и въ покореніи и обращеніи въ христіанство ея враговъ.

Поэтому во всемъ устройствѣ ордена находимъ два элемента: воинскій и религіозный. Въ отношеніи послѣдняго ордену былъ предписанъ папою къ руководству уставъ храмоваго ордена (темпліе-

ровъ); уставъ этотъ служилъ также основаніемъ для свѣтскаго и военнаго управленія, на сколько онъ былъ примѣнимъ къ мѣстнымъ условіямъ. На основаніи этого устава члены-братья ордена дѣлились на три разряда: братья-рыцари, братья-священнослужители и братья-служащіе. Во главѣ ихъ стоялъ орденскій магистръ, которому были подчинены нѣсколько низшихъ начальниковъ и чиновниковъ. Братьямъ-рыцарямъ было назначено особое одѣяніе, съ особенными знаками, для отличія отъ храмовниковъ; они сражались подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Братьямъ другихъ двухъ разрядовъ была назначена каждому особенная одежда. Орденъ находился въ зависимости отъ епископовъ, въ епархіяхъ которыхъ лежали его владѣнія. Когда въ 1207 г. число орденскихъ братьевъ значительно увеличилось, они заявили притязанія на часть завоеванной земли, которая была дарована епископу Альберту германскимъ императоромъ и имперіею какъ властителю земли. Епископъ уступилъ имъ третью часть земли, однако, въ духѣ того времени, только въ видѣ лена. Съ учрежденіемъ новыхъ епископствъ орденъ вошелъ въ подобное же соглашеніе съ ихъ прелатами и пріобрѣлъ такимъ образомъ мало по малу большія владѣнія земли, которыя онъ къ концу своего существованія увеличилъ нѣкоторыми завоеваніями. Чѣмъ больше возростало такимъ образомъ могущество ордена, тѣмъ сильнѣе становилось его стремленіе освободиться отъ подчиненія епископамъ. Онъ выпрашивалъ и неоднократно получалъ утвержденія императора на владѣніе землями, какъ уступленными епископомъ, такъ и самостоятельно завоеванными, но все-таки не достигъ желанной цѣли; потому что при его сліяніи съ тевтонскимъ (нѣмецкимъ) орденомъ съ 1237 года папа съ совершенною точностію опредѣлилъ продолженіе прежней зависимости ордена отъ ливонскихъ епископовъ.

III.

Названія ордена и его членовъ.

Самое первое и безъ сомнѣнія самое вѣрное названіе членовъ ордена, встрѣчаемое у Генриха Латышскаго и употребляемое также въ современныхъ папскихъ буллахъ и императорскихъ грамотахъ, было: «Fratres militiae Christi» или сокращенно «Fratres militiae», часто съ прибавленіемъ «in Livonia» или «de Livonia». Названіе это переводилось «братьями рыцарства (вѣрнѣе рыцарской службы) Христова». Рѣже, но тоже съ давняго времени встрѣчается, прилагавшееся встарину и къ темпліерамъ, названіе «Milites Christi» и равнозначущее съ нимъ «Milites Dei» Названіе это встрѣчается въ лѣтописяхъ Альбериха и

Арнольда Любекскаго, какъ нѣмецкое «Gottes Ritter» встрѣчается въ Ливонской риѳмованной хроникѣ, а русское «Божій дворянинъ» встрѣчается въ договорѣ князя смоленскаго Мстислава съ Висби и Ригою отъ 1229 года. Названіе меченосцевъ «Swert brüdere» не встрѣчается ни въ одномъ современномъ историческомъ документѣ, а лишь въ риѳмованной хроникѣ и въ хроникахъ нѣмецкаго ордена; названіе это, взятое отъ меча, находившагося въ гербѣ ордена и на плащахъ орденскихъ братьевъ, сдѣлалось самымъ употребительнымъ. Хотя въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ подлинникахъ лѣтописи Генриха Латышскаго встрѣчается въ одномъ мѣстѣ выраженіе: «Fratres gladiferi», но это выраженіе очевидно позднѣйшее прибавленіе. Только въ срединѣ XVI столѣтія появляется названіе: «Fratres ensiferi». Въ нѣкоторыхъ буллахъ папы Григорія IX орденскіе братья называются «Fratres militiae templi de Livonia» или «Fratres, templariorum ordinem in Livonia profitentes». Всѣ эти названія относятся впрочемъ лишь къ первому разряду орденскихъ братьевъ, къ братьямъ рыцарямъ.

Для обозначенія всѣхъ орденскихъ братьевъ, ордена въ его совокупности какъ корпораціи, въ источникахъ встрѣчается особенное выраженіе крайне рѣдко. Въ одной грамотѣ императора Оттона IV-го находимъ названіе «Conventus Christi militum»; въ грамотѣ императора Фридриха II — «Magister domus militiae Christi»; въ прусской хроникѣ Петра Дузбургскаго — «Magister de ordine militum Christi». Впрочемъ, словомъ «ordo» называетъ корпорацію тотчасъ-же послѣ ея учрежденія не только папа Инокентій III, но и самъ орденъ даетъ себѣ названіе «ordo & collegium fratrum militiae Christi». Обыкновенно же вездѣ въ источникахъ, гдѣ рѣчь идетъ обо всемъ орденѣ, встрѣчается «Fratres militiae Christi» или «Magister & fratres militiae (Christi)», или «Magister militiae & fratres eius». Можно было бы смотрѣть на слово «Militia», какъ на опредѣленіе корпораціи, если бы, какъ уже было замѣчено, не было вѣрнѣе переводить его «рыцарской службой». Поэтому нельзя оправдывать того, что новѣйшіе историки для опредѣленія ордена какъ корпораціи употребляютъ просто выраженіе «Рыцарство». Оно имѣетъ собственно болѣе широкое значеніе и уже въ то время въ Ливоніи были другіе рыцари и другое рыцарство, не принадлежавшіе къ ордену. Но также и названіе «Орденское рыцарство», строго говоря, не можетъ относиться ко всему ордену, потому что не всѣ орденскіе братья были орденскими рыцарями; но такъ какъ орденскіе рыцари были самымъ важнымъ и властительнымъ классомъ, то часть принята за цѣлое и отъ ихъ имени давали имя всей корпораціи.

Съ теперешнимъ употребленіемъ языка болѣе всего сообразно называть всю корпорацію орденомъ, а именно орденомъ меченосцевъ, членовъ же его вообще орденскими брать-

ями и между ними различать: братьевъ рыцарей или орденскихъ рыцарей, братьевъ священниковъ или орденскихъ священниковъ и служащихъ братьевъ или орденскихъ служителей.

IV.

Орденскій уставъ.

Ордену меченосцевъ былъ предписанъ уставъ ордена темпліеровъ. Уставъ этотъ, составленный знаменитымъ цистерціенскимъ аббатомъ Бернгардомъ Клервоскимъ въ 1128 г., на основаніяхъ орденскаго устава св. Бенедикта, заключалъ въ себѣ нѣкоторыя правила устава цистерціенцевъ. Этотъ уставъ, въ его первобытной формѣ, не существуетъ; самый древній его списокъ имѣетъ не мало прибавленій изъ позднѣйшаго времени, которыя однако не восходятъ ранѣе 1180 г. Этотъ списокъ устава, состоящаго изъ 72 пунк., написанъ на латинскомъ языкѣ и напечатанъ сначала въ Miraei deliciae ordinum equestrium (Кельнъ **1613**) стр. 226 и слѣд., а также и въ исторіи ордена темпліеровъ В. Ф. Вильке, т. II (Leipzig 1827. 8.), стр. 203 — 222.

Кромѣ этого настоящаго орденскаго устава, у темпліеровъ были еще подробные статуты, которые были включены въ уставъ уже въ XII вѣкѣ и расширили его мелочными опредѣленіями. Единственный извѣстный теперь подлинникъ устава темпліеровъ носитъ заглавіе: «Les retraits et les etablissements de la maison du Temple», въ немъ содержится не мало прибавленій, доходящихъ до конца XIII вѣка. Онъ изданъ на провансальскомъ нарѣчіи и раздѣляется на 31 главу. Нѣмецкій переводъ его Фр. Мюнтеръ помѣстилъ въ сочиненіи: Statutenbuch des Ordens der Tempelherren (т. I, Берлинъ 1794. 8). Въ этомъ переводѣ отдѣльныя главы оригинала приведены въ порядокъ, раздѣлены на восемь книгъ со включеніемъ въ надлежащія мѣста выпущенныхъ пунктовъ стараго устава.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что указанный выше латинскій орденскій уставъ служилъ руководствомъ для братьевъ ордена меченосцевъ. Однако болѣе чѣмъ вѣроятно, что меченосцы слѣдовали также и статутамъ — Retraits — насколько они принадлежатъ началу XIII вѣка и не противорѣчатъ старому уставу, тѣмъ болѣе, что статуты эти дополняютъ уставъ въ отношеніи многихъ постановленій, которыя еще не существовали во время составленія основнаго устава и появились только въ теченіи XII вѣка. Поэтому въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, который впрочемъ долженъ ограничиться лишь главными чертами, будетъ обращено достодолжное вниманіе и на статуты.

V.

Орденскіе обѣты.

Кто хочетъ быть орденскимъ братомъ, долженъ прежде всего на всю свою жизнь дать слѣдующіе четыре обѣта:

1) Обѣтъ послушанія. Онъ обязываетъ брата къ совершенному отреченію отъ собственной воли и къ безусловному и немедленному повиновенію и исполненію приказовъ орденскаго магистра или его замѣстителя. Безъ разрѣшенія этихъ начальниковъ, братъ не смѣетъ покидать жилища ордена, ни получать, ни писать писемъ, хотя бы и къ родителямъ. Какія либо посылки отъ родителей онъ не можетъ принять раньше, пока не доложитъ магистру. Впрочемъ, орденскіе начальники не подлежатъ этому послѣднему правилу.

2) Обѣтъ цѣломудрія запрещаетъ братьямъ сношенія съ женскимъ поломъ. Запрещаетъ даже пристально смотрѣть на лицо женщины, не говоря уже о томъ, что запрещаетъ цѣловать женщину, не исключая матери и сестры.

3) По обѣту бѣдности ни одинъ братъ не смѣлъ имѣть какой либо собственности; особенно онъ не смѣлъ безъ позволенія имѣть или возить при себѣ деньги. Все, что членъ ордена имѣетъ или пріобрѣтаетъ, принадлежитъ ордену какъ корпораціи, поэтому все, полученное братомъ путемъ подарка или завѣщанія, должно быть передаваемо орденскому магистру или орденскому капитулу. Безъ позволенія старшихъ ни одинъ изъ братьевъ не смѣетъ мѣнять или требовать какой либо вещи отъ другаго, хотя бы и самой ничтожной стоимости. Ни одинъ братъ не смѣетъ имѣть замка у своего чемодана или сундука. Изъ этого исключаются только путешествующіе братья, магистръ и командоры.

4) Эти три обѣта, обязательные для всѣхъ вообще духовныхъ и рыцарскихъ орденовъ, у темпліеровъ и у ордена меченосцевъ дополнялись четвертымъ обѣтомъ: посвящать всю свою жизнь борьбѣ съ невѣрными.

VI.

Орденскіе братья.

1. *Вообще.*

Хотя орденскій уставъ предписываетъ, чтобы лица, желающія вступить въ орденъ, подвергались до ихъ принятія испытанію (Noviciat), продолжительность котораго зависитъ отъ усмотрѣнія

магистра, однако это правило почти вовсе не исполнялось у темпліеровъ, особенно въ последнее время. На сколько его соблюдали братья-мечепосцы — неизвѣстно; однако можно предположить, что, пока потребность увеличенія числа братьевъ была настоятельна — а такъ было вѣроятно до распаденія ордена — время испытанія очень сокращалось. По тѣмъ же причинамъ правило орденскаго устава не принимать въ орденъ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ безъ сомнѣнія соблюдалось у мечепосцевъ строже, чѣмъ у темпліеровъ, такъ какъ первымъ важнѣе всего было пріобрѣтать мужей, могущихъ тотчасъ же вступать въ бой.

Каждый братъ обязанъ непремѣнно присутствовать при ежедневныхъ и ежечасныхъ богослуженіяхъ, если тому не препятствуютъ какія нибудь возложенныя на него начальникомъ служебныя обязанности въ другомъ мѣстѣ и произведенная ихъ исполненіемъ большая усталость или серьезная болѣзнь. Послѣ начала послѣдней вечерни (Complete) до первой утрени (Prime) каждый братъ долженъ соблюдать глубокое молчаніе, которое можетъ быть прерваннымъ только въ крайнемъ случаѣ. О совершеніи молитвъ, соблюденіи праздничныхъ и постныхъ дней и т. д. орденскіе статуты содержатъ особенно много подробныхъ правилъ.

Братья должны жить въ мирѣ другъ съ другомъ, но также и смотрѣть другъ за другомъ. Если кто замѣтитъ за другимъ ошибку, то долженъ укорить его въ ней; если это не поможетъ, долженъ повторить увѣщаніе въ присутствіи третьяго брата, а если и это окажется безуспѣшнымъ, то увѣщаніе повторить предъ собраніемъ конвента. Старыхъ и слабыхъ братьевъ должно почитать, обращаться съ ними съ уваженіемъ и въ отношеніи тѣлесныхъ ихъ потребностей, на сколько это дозволяетъ уставъ, содержать ихъ менѣе строго. За больными братьями слѣдуетъ старательно ухаживать въ особенныхъ больничныхъ комнатахъ; только магистръ можетъ, если онъ боленъ, оставаться въ своей комнатѣ.

Всѣ братья имѣютъ общее жилище въ домахъ (замкахъ) ордена. Они ѣдятъ, не исключая и магистра и остальныхъ начальниковъ, за общимъ столомъ. За трапезой братъ священникъ читаетъ святой урокъ, чтобы братья тѣмъ лучше хранили молчаніе.

Одѣяніе братьевъ должно быть простое, одинаковаго цвѣта, смотря по разрядамъ: бѣлое, черное или коричневое — и изъ грубой ткани (burellum); такъ-же просто должно быть устройство постели для сна. Каждый братъ получаетъ необходимыя вещи изъ запасовъ орденскаго дома. Поношенныя платья, лишь только они будутъ замѣнены новыми, отдаются братьямъ низшаго разряда или бѣднымъ. Точно то же дѣлается и съ военнымъ вооруженіемъ. Волоса на головѣ должны быть острижены и борода также должна быть коротко подрѣзана.

Въ удовольствіяхъ братья, по своимъ обѣтамъ, а именно по обѣту бѣдности, были ограничены. Уставъ запрещалъ охоту, и именно охоту съ хищными птицами; даже братъ не смѣлъ сопровождать брата, идущаго на охоту съ хищною птицею.

2. Братья рыцари.

Братья рыцари или орденскіе рыцари составляли первый, самый важный властительный классъ орденскихъ братьевъ, изъ нихъ однихъ избирались высшіе орденскіе сановники.

Кто хотѣлъ быть рыцаремъ, долженъ былъ отвѣчать клятвенно на слѣдующіе предлагаемые ему вопросы: 1) что онъ происходитъ изъ рыцарскаго рода и что его отецъ былъ рыцаремъ или могъ бы быть имъ; 2) что онъ рожденъ въ законномъ бракѣ и 3) что онъ не женатъ; 4) что онъ не принадлежитъ ни къ какому другому ордену и не принималъ никакого посвященія; 5) что у него нѣтъ долговъ, которыхъ онъ не могъ бы заплатить изъ своего имущества; 6) что онъ здоровъ и не зараженъ никакою скрытною болѣзнью, наконецъ, 7) что онъ никому, т. е. изъ темпліеровъ, не сдѣлалъ или не обѣщалъ подарка съ цѣлью сдѣлаться членомъ ордена черезъ его посредство. Когда всѣ эти требованія были удовлетворены, то кандидатъ долженъ былъ дать орденскіе обѣты и тогда въ собранномъ капитулѣ былъ торжественно принимаемъ въ орденъ, причемъ магистръ возлагалъ на него плащъ брата рыцарей и опоясывалъ шнуркомъ. Впрочемъ, принимаемый заранѣе долженъ былъ снискать званіе рыцаря, такъ какъ орденскій братъ не могъ быть пожалованъ рыцаремъ. Каждый братъ рыцарь получалъ отъ ордена полное вооруженіе со всѣми принадлежностями: щитомъ, мечемъ, копьемъ и палицей. Въ распоряженіи его были три лошади и оруженосецъ для прислуги. Оружіе должно было быть хорошее и прочное, но по возможности простое, безъ всякаго украшенія. Одѣяніе состояло изъ длиннаго, съ вырѣзкою на верху, бѣлаго кафтана и особенно отличающаго братьевъ рыцарей бѣлаго плаща, на которомъ на груди съ лѣвой стороны темпліеры носили красный крестъ, котораго нижній конецъ былъ длиннѣе трехъ другихъ. На бѣломъ же плащѣ братьевъ рыцарей меченосцевъ былъ красный мечъ и надъ нимъ крестъ темпліеровъ. Знакъ меча долженъ не только отличать братьевъ меченосцевъ отъ храмовыхъ рыцарей, но и показывать, что они не подчинены послѣднимъ.

3. Братія священники.

Для принятія въ разрядъ братьевъ священниковъ требовались тѣ же условія, что и отъ братьевъ-рыцарей, за исключеніемъ только перваго и четвертаго, потому что имъ не нужно было быть

рыцарскаго рода, но за то они должны были уже раньше принять духовный санъ. Между обѣтами, кажется, также выпускался четвертый, о борьбѣ съ невѣрными. Торжественному посвященію предшествовало чтеніе опредѣленныхъ псалмовъ.

Орденское платье, получаемое священникомъ отъ магистра, состояло изъ узкаго и застегнутаго бѣлаго кафтана съ краснымъ крестомъ на груди. Бороду братья священники должны были брить. Они имѣли право только на кушанье и одѣяніе отъ ордена. Однако другіе братья должны были особенно почитать ихъ, они получали лучшія платья ордена, сидѣли за столомъ рядомъ съ магистромъ и имъ прислуживали первымъ. Ни одинъ братъ несмѣетъ исповѣдываться у какого либо другаго, а не орденскаго священника, и только отъ него можетъ получить отпущеніе грѣховъ.

Отъ этихъ орденскихъ священниковъ, которые исполняли свою должность въ орденскихъ замкахъ и домахъ, сопровождали членовъ ордена въ походахъ, нужно отличать клериковъ, которые были назначаемы священниками въ церкви, находившіяся въ орденскихъ областяхъ, и не должны были быть орденскими братьями.

4. *Служащіе братья.*

Служащіе братья ордена меченосцевъ въ туземныхъ хроникахъ и грамотахъ называются «servi fratrum militiae», а въ своей совокупности называются «familia fratrum militiae», служащіе братья назывались у темпліеровъ «famuli» или «fratres servientes». При ихъ принятіи имъ предлагались тѣ же вопросы, какъ и братьямъ рыцарямъ, они однако не могли быть рыцарскаго рода. Принимаемый долженъ былъ удостовѣрить, что онъ ни чей слуга или рабъ. Послѣ послѣдовавшаго принятія, они должны были поклясться въ вѣрности ордену.

Весьма вѣроятно, что и въ орденѣ меченосцевъ, какъ и въ орденѣ храмовыхъ рыцарей, служащіе братья раздѣлялись на два подраздѣленія: братьевъ оруженосцевъ, fratres armigeri и братьевъ ремесленниковъ, fratres opifices. Къ первымъ принадлежали вѣроятно и часто упоминаемые у Генриха Латышскаго стрѣлки и арбалетчики братьевъ; къ послѣднимъ принадлежали менѣе почетные: кузнецы, повара, пекари и домашнія слуги.

Одѣяніе служащихъ братьевъ состояло изъ кафтана (у оруженосцевъ — изъ кольчуги) темнаго, чернаго или коричневаго цвѣта, у темпліеровъ съ краснымъ крестомъ; очень вѣроятно, что у братьевъ меченосцевъ также и въ этомъ разрядѣ прибавлялся мечъ. У каждаго была въ распоряженіи лошадь, а у братьевъ оруженосцевъ легкое вооруженіе. Послѣдніе также ѣли за однимъ столомъ съ рыцарями и священниками и во всѣхъ отношеніяхъ тѣ обращались съ

ними какъ съ братьями. Изъ нихъ же братья рыцари получали оруженосцевъ, которые въ военныхъ походахъ ѣхали передъ ними, везли ихъ вещи и вели лошадей.

5. Собратія ордена.

Кромѣ перечисленныхъ членовъ при орденѣ меченосцевъ, какъ и при темплієрахъ состояли въ видѣ собратьевъ «Confratres» и другіе члены, не дававшіе никакихъ обѣтовъ, но пользовавшіеся благодѣяніями ордена. Къ нимъ же принадлежали вѣроятно встрѣчавшіеся въ видѣ исключеній женатые братья. При принятіи собратій не обращали вниманія на званіе поступавшаго. Рижскій бюргеръ имѣлъ даже право «отправиться въ орденъ», если бралъ съ собой все свое движимое и недвижимое имущество. Благодѣянія или преимущества, которыми пользовались такіе собратья, состояли главнымъ образомъ въ посѣщеніи богослуженія въ орденскихъ церквахъ, именно въ случаѣ интердикта, въ погребеніи на кладбищахъ ордена, въ служеніи панихидъ и т. п. Вѣроятно такимъ собратьямъ не было запрещено выступать во всякое время изъ ордена, но затѣмъ вѣроятно слѣдовало удержаніе части внесеннаго имущества.

VII.

Чины и должности ордена.

1. Орденскій магистръ.

Во главѣ ордена стоялъ орденскій магистръ, Magister fratrum militiae Christi, или сокращенно Magister militiae. Хотя Генрихъ Латышскій упоминаетъ о первомъ магистрѣ братьевъ меченосцевъ, Венно, только въ 1208 г., спустя 4 или 5 л. послѣ основанія ордена, однако не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ назначенъ главою ордена съ самаго учрежденія его, потому что рыцарскій орденъ, основанный по образцу темплієровъ, немыслимъ безъ верховной главы. Магистръ выбирался орденскими братьями изъ числа орденскихъ рыцарей; выборъ не нуждался въ утвержденіи. Мѣстомъ жительства магистра была Рига. У него были въ распоряженіи четыре лошади, которыхъ онъ могъ себѣ выбирать, и для услуженія оруженосецъ изъ дворянскаго рода. Къ нему назначался такъ же, какъ и великому магистру темплієровъ, орденскій священникъ—«каппеланъ», который вѣроятно исправлялъ должность секретаря или канцлера и хранилъ орденскую печать. Печать изображала эмблему ордена: мечъ, надъ которымъ находился крестъ, и имѣла вокругъ надпись: (S) D(omini) MAGISTRI ET FR(atru)M MILICIE CRI(sti).

Всѣ братья были обязаны повиноваться магистру. Магистръ вообще имѣлъ неограниченную власть, однако долженъ былъ въ извѣстныхъ важнѣйшихъ случаяхъ слѣдовать совѣту своего конвента или орденскаго капитула. У него не было ключа къ сокровищницѣ ордена. Однако, ему было позволено дѣлать подарки постороннимъ, то есть не принадлежащимъ къ ордену лицамъ, умѣренной цѣнности деньгами, оружіемъ и доспѣхами, лошадьми и т. п.

На войнѣ онъ имѣлъ власть полководца не только по отношенію къ орденскимъ братьямъ, но онъ былъ также — по крайней мѣрѣ со времени выбора втораго магистра Волквина въ 1208 г. — главнокомандующимъ всего христіанскаго войска въ Ливоніи.

2. *Остальныя орденскія должности.*

Нельзя предполагать, чтобы во время короткаго существованія ордена меченосцевъ и при его вообще очень ограниченныхъ размѣрахъ въ немъ могъ развиться такой же кругъ должностей, какой былъ у темпліеровъ. О должностяхъ у меченосцевъ въ источникахъ встрѣчаются только отрывочныя случайныя указанія, изъ которыхъ, однако, при сличеніи съ учрежденіями храмовыхъ рыцарей, можно составить себѣ приблизительную картину внутренней организаціи ордена меченосцевъ.

Источники упоминаютъ:

1) О наставникѣ «Praeceptor», который послѣ смерти магистра Волквина велъ переговоры о соединеніи ордена меченосцевъ съ тевтонскимъ орденомъ. Этому сану безъ сомнѣнія соотвѣтствуетъ санъ великаго командора темпліеровъ, котораго должность существовала только во время упраздненія магистерства.

2) Орденскій братъ Бертольдъ уже въ 1208 году обозначается нѣкоторымъ образомъ п е р в ы м ъ между орденскими братьями въ Венденѣ, затѣмъ часто называется братомъ Бертольдомъ венденскимъ, а съ 1212 года обыкновенно Bertoldus, magister (а также magister militiae de Wenden). Когда въ 1217 году онъ палъ въ битвѣ съ эзельцами и русскими, «магистромъ венденскимъ» является братъ Родольфъ, слѣдов., является преемникомъ Бертольда. Но этотъ Родольфъ еще при жизни Бертольда называется «magister fratrum militae» и имѣлъ тогда, какъ кажется, своимъ мѣстопребываніемъ Зигевольдъ. Также и въ другихъ случаяхъ братья венденскіе и зигевольдскіе являются въ видѣ особыхъ отдѣленій братства, которыя поэтому имѣли своихъ особыхъ начальниковъ, коихъ тождественность съ п р о в и н ц і а л ь н ы м и м а г и с т р а м и храмовниковъ несомнѣнна. Если же въ принадлежащей къ рижскому епископству орденской землѣ были назначены два такіе магистра, то не безъ большаго вѣроятія можно предположить, что и въ орденскихъ областяхъ дру-

гихъ епископствъ, дерптскаго и эзельскаго, можетъ быть также и семигальскаго и курляндскаго, а также и во вновь завоеванной Эстоніи, были свои провинціальные магистры.

Къ концу существованія ордена упоминается:

3) Командоръ венденскій по имени Реймундтъ. Это впрочемъ вѣроятно только другое названіе должности провинціальнаго магистра, потому что очень неправдоподобно, чтобы въ одномъ и томъ же замкѣ и въ одной и той же области исправляли должности въ одно время двое высшихъ сановниковъ.

4) Начальники меньшихъ орденскихъ замковъ назывались, какъ кажется, попечителями; по крайней мѣрѣ въ риѳмованной хроникѣ упоминается о трехъ такихъ попечителяхъ, Гартмутѣ, Луппрехтѣ и Маркварде Бурбонскомъ, кои являются начальниками орденскихъ братьевъ, жившихъ въ замкѣ Ашераденѣ.

5) Сомнительно, чтобы у ордена меченосцевъ былъ полководцемъ особый орденскій маршалъ, такъ какъ онъ нигдѣ не упоминается въ источникахъ: орденскій магистръ обыкновенно самъ является полководцемъ. Напротивъ можно предположить, что, какъ у темпліеровъ, такъ и у меченосцевъ были назначаемы:

6) казначей или треслеръ, управлявшій орденскими сокровищами, а также и драппиръ, въ вѣдѣніи котораго находились пріобрѣтеніе, сохраненіе и раздача платья и военныхъ доспѣховъ орденскимъ братьямъ, такъ какъ эти двѣ должности необходимы были при самомъ учрежденіи ордена.

7) Въ источникахъ часто упоминаемые орденскіе фохты были собственно не столько орденскіе, сколько административные чиновники, поэтому о нихъ будетъ рѣчь ниже.

VIII.

Орденскіе конвенты и капитулы.

Живущіе въ одномъ орденскомъ домѣ или замкѣ братья составляли конвентъ, во главѣ коего стояли проживавшіе тамъ высшіе орденскіе сановники, или магистръ, или попечители. Собранія братьевъ конвента, въ коихъ обсуждались и рѣшались дѣла ордена, назывались капитулами и происходили, какъ кажется, не регулярно и въ опредѣленное время, а по мѣрѣ надобности. Орденскій магистръ не былъ обязанъ собирать всѣхъ братьевъ своего конвента на обыкновенный капитулъ, но могъ выбирать тѣхъ, кого считалъ самыми способными и осмотрительными. Если же нужно было рѣшать важнѣйшія дѣла, то онъ обязанъ былъ созывать все орденское братство для такъ называемаго генеральнаго капитула. Къ

числу такихъ важнѣйшихъ дѣлъ принадлежали: пріемъ орденскихъ братьевъ, назначеніе высшихъ орденскихъ сановниковъ, отчужденіе земель, предпріятіе военнаго похода и заключеніе перемирія или мира. Но и въ этихъ случаяхъ капитулъ не имѣлъ рѣшающаго голоса; напротивъ, орденскому магистру было предоставлено, по выслушаніи капитула, дѣлать то, что онъ считалъ за лучшее и цѣлесообразное.

IX.

Орденская область.

Ливонская риѳмованная хроника, хроника Германа Вартберга и нѣмецкая гохмейстерская хроника, а также большое число слѣдовавшихъ за ними лѣтописцевъ указываютъ, что при самомъ учрежденіи ордена состоялись постановленія или папы, или епископа Альберта, чтобы ордену была предоставлена третья часть или вообще часть завоеванной земли въ наслѣдственное владѣніе. Правдоподобнѣе, однако же, и вѣрнѣе подтверждаемый документами разсказъ Генриха Латышскаго о томъ, что только въ 1207 г., слѣд., спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія ордена, когда увеличилось число его братьевъ, орденъ потребовалъ отъ епископа Альберта въ награду за свою «работу» предоставить ему третью часть какъ завоеванной, такъ и еще подлежащей завоеванію земли.

Не въ задачѣ этой статьи разсматривать въ подробности многіе и продолжительные переговоры, которые велись о дѣлежѣ земель между епископомъ Альбертомъ и другими епископами съ орденомъ. Напротивъ, здѣсь гораздо важнѣе указать, не останавливаясь на переговорахъ и обмѣнахъ участковъ мелкихъ земли, замковъ и т. п. — вообще, какъ орденъ пріобрѣлъ мало по малу дѣлежомъ съ епископами, а послѣ и собственнымъ завоеваніемъ, обширныя помѣстья, которыми онъ управлялъ до времени своего распаденія. Здѣсь будутъ указаны только фактическія послѣдствія; разсмотрѣніе же правъ ордена на пріобрѣтенную такимъ образомъ землю и его отношенія къ епископамъ, а также и къ Германской имперіи, будетъ сдѣлано ниже.

Такъ какъ епископъ Альбертъ и орденъ не могли придти къ соглашенію между собою на счетъ раздѣла земель, потому вопросъ объ этомъ раздѣлѣ они представили на судъ папы Инокентія III го, который въ 1210 году и присудилъ предоставить ордену треть уже завоеванной земли ливовъ и летовъ; на счетъ же земель, подлежащихъ еще покоренію, орденъ обязанъ былъ условливаться съ вновназначаемыми въ тѣ земли епископами, при чемъ за папою оставалось право на дальнѣйшія распоряженія. Сообразно съ такимъ приговоромъ

былъ предпринятъ прежде всего раздѣлъ земель ливовъ и летовъ, причемъ ордену досталась треть по лѣвому берегу Аа до Двины. Послѣ учрежденія дерптскаго епископства, ордену была удѣлена въ 1224 г. половина земель, а именно западная часть епископства — мѣстности Сакала, Нурмегунде, Моха и половина Вайги. При основаніи эзельскаго епископства въ 1228 г. орденъ получилъ отъ него третью часть земель, изъ коихъ нѣкоторыя находились на островахъ Эзелѣ и Мовѣ, а остальныя въ Викѣ. Точно также въ епископствахъ семигальскомъ и курляндскомъ орденъ получилъ по трети ихъ земель отъ каждаго, однако о времени этого раздѣла, а также о положеніи и границахъ этихъ третей неизвѣстно ничего положительнаго. Какъ бы то ни было, но орденъ получилъ болѣе чѣмъ третью часть, около 36 проц. завоеванной земли, между тѣмъ какъ остальныя неполныя двѣ трети были распредѣлены между пятью епископами. Но еще болѣе: въ 1227 г. орденъ отнялъ у датчанъ эстонскіе округи: Гарріенъ, Вирландъ и Іервенъ, изъ которыхъ не далъ ничего ни одному епископу, и этимъ самымъ распространилъ свою территорію до такого пространства, которое равнялось почти всѣмъ епископскимъ владѣніямъ, вмѣстѣ взятымъ. Орденскія владѣнія простирались отъ Финскаго залива и Наровы до другаго берега Двины, большею частью въ сплошныхъ границахъ (безъ всякихъ черезполосицъ). Если принять въ основаніе теперешнее пространство Прибалтійскихъ губерній, то орденъ меченосцевъ владѣлъ въ концѣ третьяго десятилѣтія XIII вѣка:

Гаррійскимъ округомъ	почти въ	100	геогр.	□ м.
Вирскимъ	« « «	95	«	« «
Іервенскимъ	« « «	45	«	« «
3-ю частью Эзеля и Вика	«	65	«	« «
Перново-феллинскимъ округ.	«	145	«	« «
Бол. частью венденск. окр.	«	130	«	« «
Въ Семигаліи приблизительно	«	60	«	« «
Въ Курляндіи	« «	90	«	« «
Всего вообще	около	730	геогр.	□ м.

Территоріи же епископовъ составляли:

Рижскаго — рижскій и часть венденскаго округа	около	260	□ м.
Дерптскаго — дерпт. округъ	«	170	« «
Эзельскаго — двѣ трети Эзеля и Вика	«	140	« «
Семигальскаго	«	120	« «
Курляндскаго	«	180	« «
Вмѣстѣ	около	870	□ м.

Слѣдовательно орденъ по землевладѣнію былъ сильнѣе рижскаго епископства почти въ три раза, дерптскаго и курляндскаго болѣе чѣмъ въ четыре раза, епископа эзельскаго въ пять и семигальскаго въ шесть разъ.

X.

Внѣшнія отношенія ордена.

1) *Къ епископамъ вообще.*

Главная разница въ политическомъ положеніи между орденомъ храмовниковъ и орденомъ меченосцевъ состояла въ томъ, что первый стоялъ внѣ всякой епископской судебной власти, второй же напротивъ — даже по отношенію своей свѣтской власти — былъ подчиненъ епархіальнымъ епископамъ. Поэтому-то лишь только орденъ меченосцевъ окрѣпъ до нѣкоторой степени, главное его стремленіе было направлено на то, чтобы освободиться отъ епископской зависимости. Это стремленіе скоро повело къ обоюднымъ интригамъ, затѣмъ къ разногласіямъ, и наконецъ послѣ соединенія меченосцевъ съ могущественнымъ тевтонскимъ орденомъ, къ окончательному разрыву, такъ какъ послѣднему, который до тѣхъ поръ, подобно ордену храмовниковъ, пользовался независимостью, было поставлено условіемъ для слiянія зависимость въ ливонскихъ владѣніяхъ отъ епископа, какъ она существовала при меченосцахъ. Почти непрерывная внутренняя вражда и скучныя тяжбы передъ императорами и папами составляютъ въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ главнѣйшее содержаніе внѣшней и внутренней исторіи Ливоніи. Объ этихъ раздорахъ и тяжбахъ — подробности ихъ здѣсь не умѣстны — упоминается тутъ лишь для того, чтобы замѣтить, что орденскіе лѣтописцы, очевидно изъ желанія доказать первобытную независимость ордена отъ епископовъ, даже превосходство перваго надъ послѣдними, представляютъ обоюдное отношеніе ордена къ епископамъ ложно, даже вполнѣ извращенно. Въ особенности они неправы, когда увѣряютъ, будто орденъ тотчасъ же при своемъ основаніи получилъ часть земли въ вѣчное, свободное владѣніе, будто орденъ былъ принятъ подъ защиту (непосредственную) папскаго престола, будто епископъ Альбертъ тотчасъ послѣ основанія ордена вступилъ въ него членомъ.

Напротивъ отношеніе ордена къ епископамъ, какъ описывается у современника Генриха Латышскаго и подтверждается другими документами, было совсѣмъ другаго рода. Орденъ меченосцевъ получилъ во владѣніе часть земли какъ епископскій ленъ и долженъ былъ подчиняться епископамъ. И такое отношеніе должно было сохраняться не только къ первому пожалованію, къ епископу Альберту рижскому, но и къ епископамъ дерптскому и эзельскому, и

безъ сомнѣнія также и къ епископамъ семигальскому и курляндскому. Это отношеніе не было, какъ думаютъ многіе, отмѣнено или измѣнено полученными орденомъ императорскими охранными грамотами и привиллегіями. Напротивъ оно было вмѣстѣ ясно перенесено и на тевтонскій орденъ при присоединеніи къ нему ордена меченосцевъ и впослѣдствіи было неоднократно признаваемо первымъ. Только въ 1360 г. архіепископъ рижскій отказался отъ своего леннаго главенства надъ орденомъ. Такой же отказъ, безъ сомнѣнія, послѣдовалъ единовременно, если еще не раньше, со стороны остальныхъ епископовъ, хотя объ этомъ и не сохранилось доказательствъ, засвидѣтельствованныхъ документами.

2) Ленная зависимость отъ епископовъ.

Въ силу предоставленной епископамъ ленной власти надъ орденомъ, онъ былъ обязанъ:

1) Принести присягу (орденскій магистръ мѣстному епископу), въ вѣрности (fidelitas) и послушаніи (obedientia). Но послушаніе имѣло здѣсь уже другое, кромѣ леннаго, значеніе, а именно оно заключало въ себѣ также и каноническое послушаніе, которое орденскій магистръ обязанъ оказывать епископу, какъ своему духовному властителю. Это каноническое послушаніе въ источникахъ вездѣ стоитъ на заднемъ планѣ, потому что ленный властитель былъ духовнаго званія, но и вассалъ его принадлежалъ также къ церковному товариществу, за то всегда выставляется другое послушаніе, основанное на правѣ леннаго властителя. Оба эти вида послушанія тѣсно связаны одинъ съ другимъ и не могутъ быть раздѣляемы, напротивъ тамъ, гдѣ идетъ дѣло о послушаніи магистра епископу, нужно всегда подразумѣвать это послушаніе въ обоихъ видахъ—свѣтскомъ и духовномъ, какъ совершенно тождественныхъ. Обѣщаніе ленной вѣрности должно было по уставу совершаться клятвенно, принесеніемъ ленной присяги, iuramentum fidelitatis или homagium, съ которою, вѣроятно, связывалось и обѣщаніе каноническаго послушанія, или такъ называемая Obedieniia eid. Только въ видѣ исключенія присягу могло замѣнять торжественное обѣщаніе съ символическимъ дѣйствіемъ рукопожатія, obedientia manualis. Это обѣщаніе вѣрности послушанія должно было быть возобновляемо при всякой перемѣнѣ какъ леннаго властителя, такъ и вассала, слѣдовательно при всякой перемѣнѣ какъ епископа, такъ и орденскаго магистра.

2) Ленная вѣрность обязываетъ вассала прежде всего къ ленной службѣ. Служба эта (servitium temporale) для ордена меченосцевъ состояла, повидимому, только въ томъ, чтобы орденъ былъ готовъ во всякое время охранять и защищать страну и церковь отъ ея враговъ, особенно отъ язычниковъ.

3) Орденъ подлежалъ суду епископа, а именно его духовной, такъ и свѣтской юрисдикціи. Послѣднюю епископъ имѣлъ не только надъ магистромъ, но и надъ всѣми лицами, принадлежащими къ ордену, какъ орденскими братьями, такъ и другими жителями орденскихъ областей — надъ послѣдними, впрочемъ, только во второй инстанціи, такъ какъ въ первой инстанціи ихъ судьей былъ орденскій магистръ.

Что касается до свидѣтельства Генриха Латышскаго (глава XI, 3, въ «Приб. Сборн.», т. I-й, стр. 123) о томъ, что магистръ долженъ былъ отдавать епископу «для оказанія послушанія» четвертую часть собранной въ его области десятины, то, безъ сомнѣнія, подъ словомъ «послушаніе», лѣтописецъ подразумѣвалъ только каноническое послушаніе.

2. *Отношеніе ордена къ германскому императору и имперіи.*

Стремленіе ордена освободиться отъ наложеннаго на него папою епископскаго главенства или, по крайней мѣрѣ, ослабить значеніе этого главенства, обнаруживается очень рано въ попыткахъ достигнуть этой цѣли посредствомъ императорской верховной власти. Уже въ началѣ 1212 года орденъ исходатайствовалъ отъ императора Оттона IV утвержденіе и взятіе подъ императорскую защиту не только настоящихъ владѣній, но и тѣхъ, которыя впредь будутъ законно покорены или отняты у невѣрныхъ, «не нарушая, однако, договоровъ, заключенныхъ орденомъ по этому поводу съ епископами рижскимъ и эстонскимъ». Въ слѣдующемъ году орденъ представилъ императору, что за дарованную ему епископомъ рижскимъ землю онъ долженъ оказывать ему, по приказанію папы, только малыя и умѣренныя свѣтскія службы (temporalia obsequia) и что онъ это дѣлаетъ скорѣе изъ почтенія передъ его духовнымъ саномъ (ob reverentiam ecclesiasticam), чѣмъ вслѣдствіе какого либо другаго обязательства, что онъ, орденъ, впослѣдствіи отвоевалъ у язычниковъ сосѣднія съ рижскимъ епископствомъ, но внѣ его лежащія мѣстности, Угену и Сакалу, на счетъ которыхъ орденъ не заключалъ договора ни съ епископомъ рижскимъ, ни съ кѣмъ бы то ни было, а поэтому имѣетъ право на свободное владѣніе этими землями. На этотъ разъ императоръ безъ дальнѣйшаго разбирательства и сношеній утвердилъ представленіе ордена. Когда же, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, названныя области (Угена и Сакала) были прочно завоеваны, и изъ нихъ было образовано дерптское епископство, и дерптскій епископъ отдѣлилъ часть земель ордену, тогда

орденскій магистръ въ 1226 г. снова обратился къ тогдашнему императору Фридриху II-му, испросилъ и получилъ отъ него не только утвержденіе на владѣніе всѣми прежде предоставленными ордену землями епископами ливонскимъ (Рига) и леальскимъ (Дерптъ), но и утвержденіе всѣхъ впредь имѣющихъ быть завоеванными владѣній и правъ, а также и горную регалію въ первыхъ. Когда въ 1227 году орденъ самостоятельно завоевалъ провинціи Ревель (Ривеле), Іервенъ, Гарріенъ и Вирландъ, то вѣчное владѣніе этими принадлежащими къ имперіи землями было обезпечено ордену римскимъ королемъ Генрихомъ VII (сыномъ Фридриха II (velut nobis et imperio eadem bona attinebant). Наконецъ, въ 1232 г. орденъ получилъ отъ императора Фридриха II жалованную грамоту, по которой императоръ принимаетъ подъ защиту и охрану имперіи и свою магистра, братьевъ и подданныхъ (homines) ордена и ихъ преемниковъ, съ ихъ домами (замками), ихъ владѣніями, всѣхъ движимымъ и недвижимымъ, духовнымъ и свѣтскимъ имуществомъ, которыми они въ то время законно владѣли въ Ливоніи, землѣ летовъ и на Эзелѣ, а также земли Сакалу, Моху, Алемпойсъ, Нормегунде, Іервенъ и половину Вайгеле со всѣми принадлежностями, ихъ части земель въ Семигаліи и Курляндіи и все что они законнымъ путемъ пріобрѣтутъ въ будущемъ въ этихъ странахъ и другихъ — такъ что орденъ будетъ въ безопасности въ рукахъ императора и имперіи и никто изъ орденскихъ не будетъ подсуденъ фохтейскому суду (jus advocatiae).

Во всѣхъ этихъ императорскихъ жалованныхъ и охранныхъ грамотахъ особенное удареніе дѣлается на томъ, что утвержденіе относится до законнымъ образомъ — iusto titulo — пріобрѣтеннымъ или подлежащимъ къ пріобрѣтенію владѣніямъ, въ нѣкоторыхъ же грамотахъ преимущественное вниманіе обращается на договоры, заключенные съ епископами. Слѣдовательно, въ нихъ признается и утверждается владѣнное право, на основаніи котораго происходитъ пріобрѣтеніе, въ договорахъ же ничего не измѣняется. Владѣнное-же право ордена на свою часть въ областяхъ, принадлежавшихъ къ епископствамъ, было ничто иное, какъ ленное право, дарованное ему епископами; поэтому проистекавшее изъ этого отношеніе епископа къ ордену нисколько не измѣнялось императорскими грамотами. Оно также ничуть неизмѣнялось и дарованнымъ въ послѣдней грамотѣ освобожденіемъ отъ всякой подсудности фохтейству, потому что такое освобожденіе не имѣетъ никакой связи съ леннымъ отношеніемъ. Единственное практическое дѣйствіе этихъ грамотъ состоитъ поэтому въ особенномъ мирѣ, дарованномъ ими ордену, его членамъ и подданнымъ, ихъ владѣніямъ и имуществу, мирѣ, который высказывается такъ, что всякое нарушеніе его влечетъ за собою особенное наказаніе. Политическое отношеніе ордена къ императору и имперіи напротивъ было мнимовассальное; ливонскіе епископы въ

отношеніи къ имперіи были имперскими вассалами, въ отношеніи же къ ордену ленными властителями.

3. *Отношеніе къ папѣ.*

Несравненно большее политическое вліяніе, чѣмъ императоръ, на Ливонію имѣли вообще папы. Ко времени основанія ордена меченосцевъ, при папѣ Иннокентіи III-емъ, римскій престолъ достигъ высшаго пункта своей власти и могущества. Папа вообще считался не только духовнымъ, но и свѣтскимъ главою надъ всѣмъ христіанствомъ. Но въ особенно тѣсное отношеніе къ нему стала Ливонія при обращеніи ея въ христіанство. Его старанія способствовали больше всего къ введенію въ этомъ краѣ христіанства; новые землевладѣльцы были исключительно духовнаго званія; епископъ Альбертъ посвятилъ всю Ливонію пресвятой Дѣвѣ Маріи. Папа вслѣдствіе этого считалъ себя настоящимъ главнымъ властителемъ страны и объявилъ Ливонію собственностью римскаго престола. Поэтому всѣ спорные вопросы, особенно между орденомъ и епископами, обращались къ его папскому судилищу: папа рѣшалъ споры или непосредственно самъ, или же черезъ своихъ легатовъ — и эти рѣшенія составляютъ основу всего политическаго устройства страны.

4. *Отношеніе къ городу Ригѣ.*

Городъ Рига былъ участникомъ въ раздѣлѣ земель ливовъ и летовъ между епископомъ Альбертомъ и орденомъ. Однако уже черезъ нѣсколько лѣтъ орденскій магистръ заявилъ передъ папой притязанія на треть быстро обогатившагося города, а именно на часть рижскихъ городскихъ доходовъ съ десятинъ, фохтейства, монеты и рыболовства, ссылаясь на будто бы заключенное съ епископомъ соглашеніе. Но такъ какъ это требованіе не нашло удовлетворенія, то въ 1226 г. — при посредничествѣ легата, епископа Вильгельма Моденскаго, орденскій магистръ заключилъ съ только что учрежденнымъ магистратомъ города Риги договоръ, по которому взаимныя отношенія договаривавшихся сторонъ были выражены такъ:

Магистръ и братья должны жить съ бюргерами города въ добромъ согласіи и быть вѣрными епископу рижскому, какъ своему господину и духовному отцу, а также и рижской церкви, какъ своей госпожѣ и духовной матери; по отношенію же къ лицамъ, какъ и вещамъ города, магистръ и братья должны не только охранять и поддерживать (manutenere) городъ и его область (ora), но и расширять; то же самое бюргеры должны дѣлать по отношенію лицъ и вещей магистра и братьевъ. Орденскіе братья должны быть считаемы

настоящими бюргерами Риги, однако, сохраняя за собою свои привилегіи, такъ что братья не подчиняются судебной власти города, а остаются подсудными исключительно епископу. Городскія учрежденія (consuetudines civitatis) отдаются въ распоряженіе магистра и братьевъ какъ и самимъ бюргерамъ, но только на сколько они о томъ просятъ или могутъ ими воспользоваться, и съ удержаніемъ бюргерскихъ земель въ городской чертѣ. Двое орденскихъ братьевъ принимаются въ составъ городскаго магистрата, въ засѣданіяхъ коего они могутъ присутствовать, когда хотятъ и могутъ. Въ походахъ, которые предприняты не для одной только защиты и обороны, городъ поддерживаетъ магистра, на сколько это городу окажется подходящимъ (conveniens); въ такой же мѣрѣ магистръ поддерживаетъ городъ. Если городъ налагаетъ сборъ (collecta) на земли, то магистръ платитъ столько-же, сколько и бюргеры; дома, въ которыхъ живутъ магистръ и братья, освобождаются, однако, отъ сбора. Если налагается сборъ съ имуществъ (collecta secundum existimationen divitiarum), то магистръ платитъ столько, сколько бюргеръ, имущество котораго оцѣнено въ семьсотъ марокъ. Наконецъ, каждому бюргеру дозволено поступать въ орденъ братьевъ рыцарства Христова, со всѣмъ своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, но съ условіемъ, что онъ остается у города въ долгу за свой земельный участокъ.

XI.

Устройство и управленіе орденской области.

1. *Властитель области.*

До сихъ поръ мы разсматривали орденъ меченосцевъ преимущественно какъ рыцарскій орденъ, теперь переходимъ къ изображенію отношеній ордена и его магистра къ орденской области и ея жителямъ. Такъ какъ вообще туземные источники доставляютъ намъ объ этомъ предметѣ немногія и скудныя данныя, потому для нашего изложенія мы должны воспользоваться тѣмъ, что извѣстно о подобныхъ же отношеніяхъ, существовавшихъ въ это время въ нѣмецкихъ территоріяхъ Римской имперіи.

Основаніе и существованіе ордена меченосцевъ совпадаетъ со временемъ болѣе точнаго опредѣленія въ Германіи земскаго верховнаго властительства.

Оно опредѣлилось прежде всего въ правѣ суда, которое, по понятіямъ того времени, составляло сущность правительственной власти. Ливонскіе епископы, возведеніемъ ихъ въ званіе имперскихъ

князей, пріобрѣли въ своихъ территоріяхъ полное земское властительство. Такъ какъ съ пожалованіемъ леновъ ордену, епископы переносили на его главу, орденскаго магистра, всѣ права, какія получили отъ императора и имперіи, а между ними также и право суда въ орденской области, то орденскій магистръ является также земскимъ властителемъ въ этой области, хотя его властительская власть ограничена зависимостью отъ епископовъ и особенно въ томъ отношеніи, что онъ лично самъ подвергается непосредственному суду мѣстнаго епископа. За то его полной свѣтской юрисдикціи подчинялись не только члены ордена, но и всѣ прочіе жители орденской территоріи.

Къ числу правъ земскаго властителя принадлежало, кромѣ того, еще право взимать пошлины и чеканить монету. Послѣднее право, кажется, не принадлежало орденскому магистру, а было предоставлено епископамъ. Хотя горная регалія и была дарована ордену императоромъ, однако, въ орденской территоріи не было случая пользоваться ею. Точно также орденскій магистръ не имѣлъ случая воспользоваться правомъ участія въ земскомъ законодательствѣ; по крайней мѣрѣ, о такомъ участіи нѣтъ ни малѣйшаго доказательства. Но правомъ возведенія укрѣпленій магистръ пользовался, отстраивая взятые у туземцевъ замки, и закладывая новые. Не имѣется никакихъ свѣдѣній о закладкѣ укрѣпленныхъ городовъ на орденской землѣ. Наконецъ, освобожденіе отъ участія императора и имперскихъ чиновниковъ въ ленныхъ административныхъ дѣлахъ, дарованное германскимъ земскимъ властителямъ, подразумѣвалось само собою въ Ливоніи, по ея отдаленности отъ Германіи.

2. *Территорія.*

Относительно орденской территоріи нужно прежде всего отличать прежнія датскія области (Ревель, Гарріенъ и Вирландъ), которыя орденъ самостоятельно завоевалъ только въ 1226 году, и тѣ земли, которыя онъ получилъ въ ленъ отъ епископовъ. Въ первыхъ большая часть земли была роздана королемъ датскимъ въ ленъ его воинамъ и чиновникамъ. Поэтому орденъ нашелъ въ Эстоніи значительное вассальное сословіе, съ которымъ долженъ былъ считаться. Но мы не будемъ излагать частности возникшихъ въ Эстоніи запутанныхъ отношеній, такъ какъ при этомъ пришлось бы пуститься въ подробный разборъ ихъ датскаго происхожденія, а это уклонило бы насъ отъ предположенной цѣли.

Совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Эстоніи, устроились дѣла въ земляхъ, дарованныхъ ордену епископами. Епископъ Альбертъ еще до раздѣла земель своего епископства съ орденомъ отдалъ въ ленъ

помѣстья нѣсколькимъ частнымъ лицамъ. При дѣлежѣ эти ленныя помѣстья принимались во вниманіе только въ томъ отношеніи, что Альбертъ обѣщалъ ордену замѣнить ихъ другими помѣстьями, а впослѣдствіи и замѣнилъ. Самыя ленныя помѣстья остались послѣ этого въ епископской части, между тѣмъ какъ ордену досталась часть, не обремененная ленными владѣніями, каковою она и осталась, потому что не встрѣчаемъ нигдѣ и слѣда вассаловъ ордена меченосцевъ. Впослѣдствіи орденъ хотя и поднялъ притязанія на треть ранѣе отданныхъ епископомъ ленныхъ земель, однакоже не добился ничего. Что и въ другихъ частяхъ, полученныхъ орденомъ отъ остальныхъ епископовъ не было ленныхъ помѣстій, видно уже изъ того, что этими епископами раздѣлъ былъ произведенъ тотчасъ же по учрежденіи епископствъ.

И такъ вся территорія ордена была непосредственно подчинена магистру, и ея обитатели, кромѣ ордена въ замкахъ и духовенства въ приходахъ, жившіе въ деревняхъ и отдѣльныхъ дворахъ (такъ называемыя усадьбы), были все туземцы. Туземцы, обыкновенно называемые людьми магистра (homines magistri), хотя и удерживали за собою свою личную свободу и право на владѣніе землей, но на нихъ смотрѣли какъ на подчиненныхъ, подданныхъ ордена и магистра и они были обязаны къ различнаго рода службамъ. Чтобы орденъ устраивалъ особенные дворы, извѣстные позднѣе подъ именемъ «alodia» или «curiae» и чтобы онъ въ нихъ велъ хозяйство на свой счетъ, то это не правдоподобно.

3. *Земское управленіе.*

Если въ XIII столѣтіи, даже въ самыхъ большихъ территоріяхъ Германіи, не было по опредѣленному плану устроенной земской организаціи, то такой организаціи при неустроенномъ состояніи Ливоніи въ началѣ этого столѣтія и подавно не было. Но однако же самая организація ордена во многомъ отношеніи дополняла недостатокъ земской организаціи. Орденскіе сановники, а именно провинціальные магистры, были, вѣроятно, въ то же время и высшіе административные чиновники своего округа; какъ низшими административными чинами были лица, упоминаемыя подъ именемъ фохтовъ (advocati), которые не имѣли постояннаго мѣста жительства, но разъѣзжали для исправленія своей должности по назначеннымъ имъ округамъ. Дѣленія должностей по различнымъ вѣтвямъ управленія не было: одному и тому-же фохту поручались какъ собственно администрація и полиція въ округѣ, такъ и сборъ земскихъ властительскихъ доходовъ съ подданныхъ округа. Фохтъ въ то же время былъ и судьею; онъ былъ предсѣдателемъ суда, онъ же велъ дѣла, про-

изпосилъ и исполнялъ судебные приговоры. Судьями же, постановлявшими рѣшенія, избирались лица одного сословія съ противниками. Туземные старшины (seniores) могли принимать участіе въ земскомъ управленіи; изъ нихъ по преимуществу выбирались судьи.

Наконецъ, все управленіе орденскою областію сосредоточивалось у орденскаго магистра, какъ земскаго властителя и настоящаго представителя судебной власти въ странѣ. Онъ могъ, какъ было уже сказано выше, апелировать мѣстному епископу, какъ высшему судьѣ, и вѣроятно не только въ дѣлахъ судебныхъ, но и въ дѣлахъ административныхъ.

4. *Земскіе доходы.*

Относительно доходовъ съ земли,

1) уже выше было сказано, что непосредственно насчетъ ордена земли еще не обработывались и поэтому не доставляли дохода.

2) Точно также замѣчено было и о дарованныхъ ордену доходныхъ регаліяхъ, что доходъ съ нихъ едва можетъ быть принятъ во вниманіе. Исключеніе составляетъ однако право суда, потому что въ документахъ нерѣдко упоминается о взиманіи судебныхъ издержекъ и денежныхъ штрафовъ, наложенныхъ судомъ.

3) Главный доходъ составляла десятина (decima), которая была наложена на туземцевъ, по мѣрѣ ихъ постепеннаго покоренія и обращенія въ христіанство, въ видѣ Богомъ установленной подати. При раздѣлѣ земель между епископами и орденомъ, послѣднему также была предоставлена десятина въ его области, однако, орденъ долженъ былъ удѣлять четвертую ея часть мѣстному епархіальному епископу. Въ 1211 г., по просьбѣ туземцевъ, десятина была преобразована въ годовую дань (census), которая опредѣлялась мѣрой (modius) зерноваго хлѣба въ 18 дюймовъ величиной съ каждой лошади или плуга. Эта мѣра не могла быть измѣняема ни епископами, ни магистромъ. Впрочемъ, вслучаѣ отпаденія отъ христіанской вѣры, виновнымъ угрожали введеніемъ снова десятины. Эта десятина и равнозначущая ей дань была сначала введена въ пользу церкви, но скоро, не смотря на папскія запрещенія, перешла во владѣніе помѣщиковъ; а въ орденской области она собиралась въ пользу ордена. Этотъ сборъ десятины и дани производился фохтами, а гдѣ ихъ не было, то особыми послами.

4) Не маловажнымъ источникомъ доходовъ вѣроятно были также и контрибуціи, которыя взимались съ возстававшихъ туземцевъ не только натурою, но и деньгами, а также и добычи, взятыя съ туземцевъ во время войнъ съ ними.

Всѣ эти доходы стекались въ орденскую казну, которою управлялъ орденскій чиновникъ или казначей, и изъ которой удовлетворялись всѣ потребности ордена и его членовъ.

5. *Военное управленіе.*

Сущность военнаго управленія ордена уже изложена при описаніи военной организаціи его. Здѣсь-же главнымъ образомъ слѣдуетъ указать на то, что относится къ служебнымъ обязанностямъ остальныхъ классовъ земскихъ жителей, а также иностранцевъ.

Хотя орденскій магистръ имѣлъ главное начальство надъ всѣмъ христіанскимъ войскомъ, созваніе войска, однако, исходило не отъ него, а отъ епископовъ, его ленныхъ властителей, и прежде всего отъ епископа рижскаго. Во все время епископства Альберта, онъ хотя и не былъ по титулу архіепископомъ, но пользовался правами митрополита и рѣшительно считался первымъ между земскими ливонскими князьями. Ему поэтому принадлежало право вызова на войну и въ силу этого права онъ призывалъ въ составъ войска, кромѣ ордена:

1) навербованныхъ въ Германіи пилигримовъ и крестоносцевъ, которые въ первое время составляли главную составную часть сражавшагося съ туземцами войска. Кажется, что пилигримы и крестоносцы иногда составляли особое отдѣльное войско съ собственнымъ вождемъ, dux peregrinorum, но обыкновенно-же войско раздѣлялось на отряды ордена и епископовъ. По крайней мѣрѣ въ 1226 году легатъ, епископъ Вильгельмъ моденскій, установилъ, чтобы по прибытіи перваго корабля съ пилигримами въ Динаминдъ, епископъ рижскій имѣлъ право въ теченіи десяти дней выбрать десятерыхъ изъ «добровольныхъ» пилигримовъ для службы себѣ и своимъ замкамъ; по истеченіи этого десятидневнаго срока позволяется какъ пробсту, такъ и орденскому магистру, а также и городу Ригѣ принять въ свою службу «добровольныхъ пилигримовъ». Но обыкновенно эти пилигримы и крестоносцы оставались въ странѣ только одинъ годъ; только не многіе изъ нихъ были

2) прикрѣпляемы къ Ливоніи епископами тѣмъ, что тѣ давали имъ въ ленъ помѣстья и создавали такимъ образомъ въ своихъ вассалахъ, viri episcopi, новую часть своего войска.

3) Прислуга епископовъ, familia, servi episcopi, которая повидимому была очень многочисленна, была преимущественно обязана военной службой.

4) Бюргеры города Риги, а также прибывшіе въ Ригу (временно) купцы, принимали участіе въ бояхъ съ туземцами. А именно бюргеры, по крайней мѣрѣ съ 1231 г., когда они

получили отъ рижскаго епископа ленныя помѣстья (въ Курляндіи), образуютъ особый отрядъ войска.

5) Наконецъ, всѣ туземцы, которые были въ состояніи носить оружіе и которые подчинялись нѣмцамъ или договорами, или были ими покорены оружіемъ, должны были выступать въ походъ и впослѣдствіи составляли обыкновенно большинство войска. На тѣхъ, которые не слушались призыва, налагался денежный штрафъ. Отъ военной службы были освобождаемы только крестьяне, поселенные на земляхъ, принадлежащихъ соборнымъ церквамъ.

Что христіанское войско раздѣлялось на перечисленные выше разряды, можно заключить изъ того, что каждое отдѣленіе, — большею частью по крайней мѣрѣ,—имѣло собственное знамя. Главное знамя, о которомъ говорится чаще всего, было знамя пресвятой Дѣвы Маріи, затѣмъ часто упоминается о знаменахъ ордена и города Риги. Даже у отдѣльныхъ племенъ туземцевъ, кажется, были собственныя знамена, по крайней мѣрѣ разъ упоминается бѣлое и красное полосатое знамя летовъ (латышей).

6. *Церковное управленіе.*

При различныхъ раздѣлахъ земель ордену доставались и церкви, находившіяся въ его надѣлахъ. Этимъ орденъ пріобрѣлъ право патронатства какъ надъ ними, такъ и надъ вновь построенными имъ церквами. Поэтому же самому орденскій магистръ имѣлъ право, вслучаѣ открывавшихся вакансій, представлять епархіальному епископу подходящихъ лицъ и епископъ не могъ отказать въ ихъ посвященіи. Между этими священниками нужно различать два разряда: тѣхъ, которые исправляли духовную службу у самихъ орденскихъ братьевъ въ замкахъ, а также и въ походахъ, и такихъ, которые были назначены священниками приходскихъ церквей для остальныхъ жителей орденской области. Первые должны были быть орденскими братьями, вторые ими не были.

Для содержанія послѣднихъ, а также и вообще для церковныхъ потребностей, назначалась первоначально десятина. Но когда впослѣдствіи десятина, а также замѣнившая ее дань, досталась помѣщику, то помѣщикъ, а въ орденской землѣ, слѣдовательно, магистръ, должны были взять на свое попеченіе и содержаніе духовенство и вообще церкви. Для части ордена въ рижской епархіи было опредѣлено, чтобы каждая приходская церковь получала изъ епископской четверти десятины или дани половину мѣры, съ трехъ четвертей ордена полторы мѣры хлѣба ежегодно, кромѣ остальныхъ доходовъ церкви, которые, вѣроятно, состояли изъ дохода съ пашень и луговъ и приношеніяхъ прихожанъ. Но остается не рѣшеннымъ, было ли приведено въ испол-

неніе распоряженіе папы Григорія IX-го, чтобы всѣ приходскія церкви во всѣхъ епархіяхъ Ливоніи получали треть десятины.

Относительно своей духовной должности (in spiritualibus) всѣ духовныя лица въ орденскихъ земляхъ, не только приходскіе, но и орденскіе священники, были подсудны мѣстному епископу, которому вообще принадлежала духовная власть надъ всею епархіею. Орденскіе священники были уволены отъ обыкновенныхъ платежей епископу — десятиной, примиціей, приношеніемъ и соборнымъ (cathedraticum). Орденскіе священники, при церкви св. Георгія въ Ригѣ, занимали исключительнымъ образомъ по отношенію къ епископу почти независимое положеніе. Епископу предоставлялось также, какъ слѣдствіе духовной ему подсудности и какъ средство для его исполненія, право визитацій въ орденской области и орденъ былъ обязанъ принимать епископа въ замкахъ одинъ разъ, а въ приходѣ два раза ежегодно.

Уже въ 1211 г. орденъ пытался убѣдить папу назначить для ордена особеннаго епископа въ завоеванныхъ имъ, орденомъ, областяхъ, въ надеждѣ занять отъ него менѣе зависимое положеніе, однако же папа отказалъ въ исполненіи такой просьбы.

XII.

Соединеніе ордена братьевъ меченосцевъ съ тевтонскимъ орденомъ.

Къ концу третьяго десятилѣтія XIII-го вѣка орденъ меченосцевъ достигъ занятіемъ датской Эстоніи высшей точки своего могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число его враговъ. Прежде всего орденъ долженъ былъ ожидать нападенія сильной еще въ то время Даніи и новаго отнятія Эстоніи; на восточной границѣ русскіе ждали только удобнаго случая, чтобы возвратить отобранную у нихъ часть земли эстовъ и летовъ; на югѣ куры и семигалы не были еще окончательно покорены, а за ними хищный народъ литовцевъ грозилъ своими опустошительными набѣгами. Эти опасности — не мало увеличивавшіяся ненадежностью побѣжденныхъ туземцевъ, особенно эстовъ — побудили орденскаго магистра Волквина, вѣроятно уже въ 1231 году, къ рѣшенію предпринять соединеніе своего ордена съ тевтонскимъ орденомъ, который именно въ то время предпринялъ завоеваніе Пруссіи. Переговоры объ этомъ, однако, затянулись на шесть лѣтъ, задержанные отчасти разными сомнѣніями великаго магистра тевтонскаго ордена, Германа Зальца, отчасти же, и главнымъ образомъ, мѣрами, предпринятыми противъ меченосцевъ королемъ Вольдемаромъ II датскимъ. Только роковое пораженіе меченос-

цевъ, которое они потерпѣли отъ литовцевъ при Саулѣ въ Курляндіи 22 сентября 1236 года, рѣшило дѣло. 12 мая 1237 года въ Витербо папой Григоріемъ IX-мъ совмѣстно съ великимъ магистромъ Германомъ Зальца, совершенъ былъ торжественный актъ сліянія ордена братьевъ меченосцевъ тевтонскимъ орденомъ, причемъ папа освободилъ двухъ присутствовавшихъ рыцарей меченосцевъ отъ устава ихъ ордена, велѣвъ имъ снять прежнее орденское одѣяніе и надѣть бѣлые плащи съ черными крестами тевтонскихъ орденскихъ рыцарей.

Такъ орденъ меченосцевъ, какъ самостоятельное учрежденіе, кончилъ свое существованіе послѣ почти тридцатитрехлѣтняго знаменитаго бытія.

Нѣмецкая контора въ Полоцкѣ.

Статья Германа Гильдебранда.

(Изъ 22-й части „Baltische Monatsschrift" за іюль и августъ 1873 г., стр. 342 — 381).

Съ незапамятныхъ временъ Двина составляла главный путь международныхъ сношеній. Русскіе по Двинѣ ходили къ морю и въ Готландъ, а скандинавы — на славянскій востокъ. Варяжскіе дары, коими въ 1147 г. былъ одаренъ одинъ смоленскій князь, по видимому, составляли плоды подобныхъ сношеній.

Норманы указали нѣмцамъ путь по Двинѣ, какъ указали путь въ Неву. Въ срединѣ XII столѣтія нижне-саксонцы появились въ устьѣ Двины, чтобы въ мирномъ состязаніи вытѣснить съ поля своихъ учителей. Русская торговля составляла собственно жизненный нервъ новоучредившейся колоніи. Едва только стѣны Риги возвысились на столько, что могли противостоять нападеніямъ язычниковъ, едва окрестные ливы подчинились нѣмецкому господству и христіанской вѣрѣ, какъ въ 1210 году орденскій братъ Арнольдъ съ товарищи былъ посланъ къ полоцкому князю, чтобы заключить прочный миръ и открыть купцамъ вольную дорогу въ полоцкія владѣнія. При посредствѣ княжескаго посла Лудольфа «разумнаго и богатаго мужа изъ Смаленцике (Смоленскъ)» состоялась первая связь съ Ригою [1]). Два года спустя пришлось опять отстаивать выговоренныя свободы отъ непріязненнаго и непостояннаго князя [2]), и снова чрезъ семнадцать лѣтъ состоялся извѣстный договоръ, послужившій на цѣлыя столѣтія прочною основою для торговыхъ сношеній средней Россіи съ Западомъ. Это было въ 1229 году, когда Мстиславъ Давидовичъ Смоленскій, при посредствѣ своего «лучшаго попа» Еремея и сотника Пантелея, заключилъ съ рижскими и

---

[1]) См. Лѣт. Генриха Латышскаго XIV, 7 и 8.

[2]) См. тамъ же XVI, 2.

готландскими купцами, отъ своего собственнаго имени и отъ имени князей полоцкаго и витебскаго, договоръ; по этому договору торговля обѣихъ сторонъ устанавливалась на основаніяхъ полной взаимности и всевозможной свободы. Всякое право, коимъ латинцы пользовались въ русскихъ земляхъ, было предоставлено русскимъ въ Ригѣ и на «готскомъ берегу». «Но рижскій епископъ, магистръ божьихъ рыцарей (меченосцевъ) и всѣ владѣльцы земель предоставляютъ латинцамъ и русскимъ вольный путь по Двинѣ отъ ея начала до впаденія въ море». И подобно тому, какъ русскимъ былъ вольный путь въ Готландъ и въ Травэ, такъ и западнымъ народамъ былъ вольный путь въ русскія земли, дабы всякому было вольно покупать и продавать всякій товаръ [3]).

Такимъ образомъ были даны условія для развитія сношеній въ большихъ размѣрахъ. На грубо отесанныхъ плотахъ безпрерывно сплавлялись по Двинѣ избытки сырыхъ произведеній Востока, и суда, нагруженныя произведеніями промышленнаго Запада, поднимались вверхъ по рѣкѣ. Бойкій русскій торговецъ приходитъ въ Ригу и уходитъ изъ нее, и постоянное русское населеніе съ тѣхъ поръ имѣло пребываніе въ Ригѣ, подъ защитою ея стѣнъ. Что рано уже была сознаваема важность посредническаго положенія, которое принимали эти русскіе поселенцы въ отношеніи къ краю — это вполнѣ доказываетъ предоставленіе имъ уже въ XIII-мъ столѣтіи гражданскихъ правъ въ Ригѣ (см. Гильдебранда, Рижскую Долговую Книгу, вступленіе стр. LXXVII). Точно также и нѣмецкій купецъ пользовался въ русскихъ городахъ равноправностью съ коренными жителями ихъ. Смоленскъ, повидимому, вначалѣ болѣе всего привлекалъ къ себѣ нѣмецкихъ купцовъ, здѣсь они еще до 1229 г. основали свою собственную церковь. Впослѣдствіи торгово-политическое значеніе города на Днѣпрѣ потеряло свое значеніе: оно перешло къ городу, находившемуся въ благопріятнѣйшихъ природныхъусловіяхъ для сношеній съ Западомъ, къ Полоцку.

Этотъ городъ, имя коего упоминается нынѣ лишь изрѣдка отъ времени до времени, нѣкогда пользовался громкою извѣстностью; этотъ городъ, нынѣ пустынный и бѣдный, былъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, театромъ весьма оживленной жизни. Здѣсь разыгравалось достойное воспоминанія, хотя и давно забытое дѣйствіе изъ средне-вѣковой торговой жизни. Блескъ нѣмецкаго двора св. Петра въ Новгородѣ почти совершенно затмилъ въ воспоминаніи потомковъ полоцкую контору, конечно, не столь блестящую, какъ новгородскій дворъ. Только въ новѣйшія времена Напьерскій изъ рижскихъ архи-

---

[3]) См. Бунге Livl. Urkundenbuch 1, № 101.

вовъ вывелъ на свѣтъ Божій краснорѣчивыя доказательства о бойкой жизни, какая нѣкогда кипѣла въ Полоцкѣ. Мы снова предприняли пыльную горно-заводскую работу, чтобы изъ оставшихся шлаковъ извлечь кое-какія зерна настоящаго металла. При помощи, конечно, далеко не полныхъ преданій, попытаемся снова изобразить картину прошлыхъ дней.

Когда въ Полоцкѣ учреждалась контора, въ большихъ факторіяхъ «общаго нѣмецкаго купечества» за границей развились уже болѣе или менѣе прочные обычаи. Эти обычаи служили здѣсь, по необходимости, первообразомъ, но примѣнялись сообразно мѣстнымъ условіямъ. Въ то время, какъ въ Лондонѣ и Бергенѣ торговля исключительно изъ года въ годъ производилась постоянно проживавшими тамъ уполномоченными агентами (факторами, лигерами), въ Новгородѣ происходилъ постоянный обмѣнъ, безпрерывный приливъ и отливъ нѣмецкихъ поселенцевъ двора. Прибывавшіе весною купцы должны были оставлять осенью свое мѣстопребываніе; точно также и гостямъ (купцамъ) зимнимъ дозволялось пребывать лишь до вскрытія рѣкъ. Только въ видѣ исключенія можно было отступить отъ подобнаго запрещенія, а пребываніе на мѣстѣ свыше одного года и одного дня влекло за собою потерю правъ двора. Подобною принудительною, противорѣчащею новѣйшимъ воззрѣніямъ, мѣрою думали обезпечить участіе многихъ лицъ въ торговыхъ сношеніяхъ и распредѣлить, по возможности, равномѣрнѣе выгоды отъ такихъ сношеній. Подобный порядокъ мало прилагался въ Полоцкѣ, ибо постоянно жившій въ Ригѣ нѣмецкій купецъ, вслѣдствіе оживленной дѣятельной торговли, какую вели здѣсь русскіе, никоимъ образомъ не могъ быть отлученъ отъ полоцкаго рынка. Потому то въ Полоцкѣ мы находимъ какъ нѣмецкихъ купцовъ, которые имѣли свое постоянное жительство между русскими, такъ и такихъ купцовъ, которые проживали тутъ временно и, по окончаніи своихъ торговыхъ дѣлъ, оставляли контору. Повидимому, число временно пріѣзжавшихъ значительно превосходило число постоянно жившихъ въ Полоцкѣ купцовъ; по крайней мѣрѣ, о временно проживавшихъ только была рѣчь въ шрагахъ (уставахъ) 1393 г.

Но также и въ другомъ отношеніи замѣчается нѣкоторое разнообразіе, которое нельзя подвести ни къ какому одностороннему строгому порядку. Рядомъ съ хозяевами, которые, при помощи своихъ приказчиковъ, вели самостоятельно свои дѣла, въ Полоцкѣ находились лица, называемыя лигерами, которыя торговали по порученію или отъ отдѣльныхъ рижскихъ или заморскихъ фирмъ, или торговали какъ уполномоченные отъ цѣлыхъ торговыхъ обществъ. Такъ, въ 1413 году, факторъ Тидекс Бенсбергъ, былъ представителемъ трехъ рижскихъ домовъ [4]).

---

[4]) Напьерскій, Russisch-Livländische Urkunden, № 184.

Хотя всякому, кто пользовался правомъ общаго нѣмецкаго купца, были открыты всѣ факторіи этого купечества, не исключая полоцкой, тѣмъ не менѣе географическое положеніе Полоцка объясняетъ — почему полоцкій рынокъ былъ исключительно посѣщаемъ рижанами, которые здѣсь являлись почти преобладающими купцами. Лишь прусскіе города, именно Гданскъ, впослѣдствіи конкурировали съ лифляндцами, высылая изъ Ковны по всей Литвѣ и преимущественно въ Полоцкъ факторовъ для продажи своихъ товаровъ [5]). Гданскіе и кенигсбергскіе купцы, которые однажды въ началѣ XV столѣтія изъ литовскаго плѣна просили рижскій магистратъ о заступничествѣ предъ магистромъ ордена [6]), лишились свободы, конечно если не въ самомъ Полоцкѣ, то въ окрестностяхъ Двины.

Гораздо опаснѣе и тягостнѣе конкуренція была со стороны тевтонскаго ордена, какую онъ дѣлалъ своимъ собственнымъ подданнымъ. Извѣстны обширныя купеческія предпріятія прусскихъ и лифляндскихъ рыцарей, предпріятія тѣмъ тягостнѣйшія мѣстному торговому миру, что члены ордена заявляли притязанія на всѣ торговыя вольности (преимущества) городовъ, въ особенности же на иностранныя конторы, но въ то же время не хотѣли соблюдать существовавшихъ торговыхъ постановленій. Прусское «господское помѣстье» подавало поводъ къ сильнымъ неудовольствіямъ въ новгородскомъ дворѣ. Въ Полоцкѣ участіе лифляндскаго ордена въ торговлѣ, на сколько извѣстно, не подавало повода къ большимъ спорамъ. Динабургскій командоръ направилъ въ Полоцкъ свои спекуляціи: однажды русскіе задержали у него большое количество соли [7]), въ другой разъ въ 1553 году онъ послалъ въ Полоцкъ товары, часть коихъ должна была быть отправленною въ Смоленскъ и Москву [8]). Даже командоръ голдингенскій, не смотря на значительное разстояніе, не отказывался отъ участія въ полоцкой торговлѣ; онъ однажды, въ началѣ XV столѣтія, отказался платить установленную конторою подать на томъ основаніи, что въ то время у него не было никакого имѣнія въ Полоцкѣ [9]).

Хотя на счетъ внѣшнихъ отношеній полоцкой нѣмецкой колоніи источники говорятъ очень недостаточно, тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ, что контора въ Полоцкѣ не составляла, подобно тому, какъ въ Новгородѣ, особаго двора, на которомъ были построены жилые дома и амбары и который былъ окруженъ валомъ

---

5) Гиршъ, Danzigs Handels und Gewerbsgeschichte, стр. 164.

6) Напьерскій, ном. 200.

7) Напьерскій, ном. 195.

8) Напьерскій, ном 384.

9) См. во внѣшнемъ рижскомъ магистратскомъ архивѣ письмо безъ означенія даты въ рижскій магистратъ.

и рвомъ, рѣзко отграничиваясь отъ русскаго города. Въ Полоцкѣ нѣмцы раздѣльно жили другъ отъ друга въ различныхъ домахъ или дворахъ, которые они нанимали у туземныхъ жителей. Однажды, при происшедшихъ со стороны русскихъ арестованіяхъ, всякое сообщеніе между нѣмцами было почти совершенно пресѣчено. Это видно изъ современнаго письма, писаннаго въ Ригу: «Сидимъ мы здѣсь отдѣльно по домамъ; умретъ кто изъ насъ, другой и не узнаетъ о томъ» [10]). Нѣмцамъ дозволялось имѣть самостоятельное хозяйство въ отдѣльныхъ дворахъ, но запрещалось имъ на тѣхъ дворахъ заводить корчмы. Средоточіемъ внѣшней жизни и сношеній колоніи была латинская церковь, мѣсто для постройки которой было въ 1406 году отведено великимъ княземъ Витовтомъ — повидимому, не безъ денежно [11]), ибо впослѣдствіи была рѣчь о возвышеніи установленной подати съ церкви. За недостаткомъ большихъ и въ особенности безопасныхъ отъ огня складовъ, латинская церковь въ Полоцкѣ, подобно тому какъ и въ Новгородѣ, служила, кромѣ богослужебныхъ цѣлей, такъ же и главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Однажды, нѣмецкій купецъ поручилъ купленный имъ воскъ «поставить въ церкви» [12]); въ другой разъ, во время осады — въ церковь снесли всѣ товары.

При самостоятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, строго корпоративный образъ жизни въ Полоцкѣ не могъ быть соблюдаемъ, какъ въ другихъ конторахъ. Но что рижскій магистратъ обращалъ вниманіе на сохраненіе внѣшняго благочинія и порядка, на миръ и тишину между колонистами, заключаемъ это изъ того, что онъ неоднократно и настоятельно запрещалъ нѣмецкимъ купцамъ въ Динабургѣ — такое запрещеніе безусловно могло относиться и къ Полоцку — предаваться игрѣ въ кости [13]).

Не столько во внѣшности, сколько во внутренней организаціи появляется корпоративное устройство нѣмецкаго поселенія въ Полоцкѣ. Стремленія къ усиленію личной безопасности и имущества, къ сохраненію ихъ собственныхъ правъ и къ всевозможному извлеченію пользы изъ данныхъ торговыхъ льготъ должны были и тутъ повести къ тѣсному сближенію между собою земляковъ. Если имѣются свѣдѣнія объ уставѣ полоцкой конторы сравнительно лишь позднѣйшаго времени, то виною этому составляетъ неполнота источниковъ, которые начинаютъ становиться обильнѣйшими только съ конца XIV столѣтія. Основнымъ закономъ полоцкой нѣмецкой колоніи слѣдуетъ считатъ изданные въ 1393 году рижскимъ магистратомъ

---

[10]) Тамъ же, въ архивѣ, письмо безъ означенія даты къ Корту, Фишу Люберту и Витенборху.

[11]) См. Бунге, Livl. Urkundenbuch, IV, ном. 1658.

[12]) См. у Напьерскаго, ном. 198.

[13]) См. у Напьерскаго ном. 128.

шраги [14]), составленные по образцу постановленій о новгородскомъ дворѣ. Шраги эти были прочитываемы всѣмъ вновь прибывавшимъ купцамъ, которые, при своемъ отъѣздѣ, обязывались дать эльтерману, вмѣсто присяги, увѣреніе о томъ, что они исполнили всѣ постановленія шраговъ. Если кто либо отказывался дать такое увѣреніе или сознавался въ нарушеніи какой-либо статьи шраговъ, то о томъ сообщалось рижскому магистрату для дальнѣйшаго взысканія съ виновнаго. Эти же самыя постановленія были обязательны въ Полоцкѣ и для прибывающихъ нѣмцевъ изъ Витебска.

Всѣ состоявшіе на лицо купцы, какъ самостоятельные, такъ и управлявшіе чужою торговлею, составляли общее собраніе (gemeine Steven), которому предоставлено было право постановлять рѣшенія по дѣламъ конторы. Постановленія эти обыкновенно подвергались одобренію рижскаго магистрата. Общему собранію (штевену) законъ не предоставлялъ судебной власти, которая исключительно принадлежала собранію рижскаго магистрата. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ происходило такъ, что общее собраніе судило всѣ нарушенія шраговъ, рѣшало всѣ жалобы нѣмцевъ другъ на друга, и рижскій магистратъ служилъ въ такихъ случаяхъ аппеляціонною инстанціею. Можно бы привести много доказательствъ, что нарушители постановленій были приглашаемы въ собраніе [15]), которое и приговаривало ихъ къ наказанію.

Общее собраніе избирало также, по своему усмотрѣнію, голову (гаупта) всего поселенія изъ своей среды. Избранный долженъ былъ обѣщать добросовѣстное соблюденіе шраговъ и одна изъ главнѣйшихъ его обязанностей состояла въ заботѣ о всестороннемъ соблюденіи ихъ. Узнавъ о нарушеніи закона, голова долженъ былъ созывать общее собраніе (штевенъ), которое и разсматривало дѣло подъ его предсѣдательствомъ. Онъ обязанъ былъ поддерживать сношенія съ городомъ Ригою и передавать рижскому магистрату всѣ сообщенія и желанія общества; онъ также былъ законнымъ представителемъ въ отношеніи къ русской общинѣ и къ полоцкому градоначальству. Сначала у него не было никакихъ постоянныхъ помощниковъ для дѣлопроизводства, но за то члены колоніи обязаны были подъ штрафомъ одной серебряной монеты помогать ему во всѣхъ дѣлахъ. Почетное званіе головы составляло, повидимому, главнѣйшую награду его трудовъ, потому что случайный доходъ отъ извѣстныхъ штрафовъ, напримѣръ, полфердинга съ тѣхъ лицъ, которыя не присутствовали при чтеніи законовъ, могъ быть весьма незначительный. Срокъ должности головы не опредѣлялся и кончался лишь съ выѣздомъ

---

[14]) Шрагъ-уставъ. См. у Напьерскаго, № 117.

[15]) См. письмо полоцкаго купца въ Ригу, писанное во второе воскресенье послѣ пасхи 1409 г. во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

избраннаго головою лица; если-же голова хотѣлъ выѣхать, то купцы должны были, вслѣдъ за заявленіемъ объ отъѣздѣ, избрать ему преемника.

Въ началѣ XV столѣтія произошли важныя преобразованія въ уставѣ, о которыхъ, впрочемъ, сохранились лишь случайныя свѣдѣнія. Именно въ нѣкоторыхъ письмахъ конторы отъ 1408 и 1409 гг. сохранились подписи: эльтерманы и мудрѣйшіе (Olderleute und Weisseste) нѣмецкаго полоцкаго купечества [16]. При тогдашнемъ развитіи полоцкой торговли, нѣмецкое поселеніе достигло цвѣтущаго состоянія и тогда явилось множество занятій, превосходившихъ силы одного человѣка. Тогда то и произошли измѣненія въ уставѣ, образцомъ для коихъ, повидимому, служилъ уставъ новгородскаго двора. Подобно тому, какъ въ Новгородѣ управленіе дѣлами перешло въ руки двухъ эльтермановъ св. Петра и ихъ двухъ помощниковъ (мудрѣйшихъ), такъ и въ Полоцкѣ стали выбирать вмѣсто одного — двухъ эльтермановъ, въ помощь коимъ назначались тоже два лица, называвшіяся «мудрѣйшими» и служившія постоянными помощниками эльтерманамъ. Довольно вѣроятно, что судебная власть, которую до сихъ поръ эльтерманъ, при недостаткѣ засѣдателей, исполнялъ совмѣстно съ общимъ собраніемъ, съ тѣхъ поръ — какъ и въ Новгородѣ — была предоставлена однимъ эльтерманамъ и ихъ помощникамъ.

Текущіе расходы на содержаніе конторы покрывались изъ штрафныхъ денегъ. Если требовались чрезвычайные расходы на отправленіе пословъ изъ Риги къ полоцкому намѣстнику или къ литовскому великому князю, то нужныя средства для этого собирались прежде всего въ Ригѣ и пополнялись податью съ товаровъ, пришедшихъ въ Ригу изъ Полоцка, Витебска и Смоленска, а также и съ отправленныхъ изъ Риги товаровъ вверхъ по Двинѣ. Сборъ такой, повидимому, не превосходилъ $^1/_4$ проц. стоимости товаровъ. Впрочемъ, Рига, вѣроятно, назначала сборъ не самовластно, но по предварительномъ сношеніи съ конторою о количествѣ и срокѣ уплатъ. Однажды контора сообщила въ Ригу, что относительно сбора не послѣдовало еще рѣшенія, такъ какъ лигеры не считаютъ себя вправѣ платить подать съ товаровъ, принадлежащихъ ихъ хозяевамъ. Въ другомъ случаѣ контора отказалась уплачивать дальнѣйшую подать, потому что оная уплачивалась уже въ теченіе двухъ лѣтъ и, слѣдовательно, расходы Риги должны быть покрытыми [17].

---

[16]) См. въ томъ же архивѣ письма въ Ригу отъ 31 декабря 1408 и отъ втораго воскресенья послѣ пасхи 1409 г.

[17]) См. въ томъ же архивѣ два, безъ обозначенія даты, письма, писанныя въ срединѣ XV столѣтія.

Предоставленныя въ Полоцкѣ нѣмецкому купечеству льготы были, повидимому, весьма обширны, какими оно не пользовалось ни въ какой другой изъ своихъ восточныхъ факторій. Правда и то, что если прочитать письма конторы въ Ригу, то окажется, что въ виду постоянно повторявшихся жалобъ на притѣсненія и насилія, должно было выработаться мнѣніе, что всѣ присяги давались будто для того, чтобы нарушать ихъ. Ни у той, ни у другой стороны не было настоящей силы и воли для исполненія этихъ присягъ.

Договоръ 1229 г. и всѣ договоры, заключавшіеся впослѣдствіи между ливонцами и полоцкими владѣтелями, объявляли Двину вольнымъ торговымъ путемъ и всѣ сухопутныя дороги для купцовъ вольными же. Если это условіе безпрестанно нарушалось и подавало поводъ къ постояннымъ спорамъ, то виновниковъ тому слѣдуетъ, по преимуществу, искать на нѣмецкой сторонѣ. При сношеніяхъ съ Новгородомъ, было въ обычаѣ условливаться объ извѣстныхъ уступкахъ, которыя, однако, считались лишь формальностями и вовсе не исполнялись. Такъ, напримѣръ, новгородцы выговорили себѣ вольное сообщеніе съ моремъ, а между тѣмъ нѣмцы разными насиліями успѣвали оттѣснять новгородцевъ отъ моря все болѣе и болѣе. Лишь не многія изъ русскихъ судовъ, осмѣливавшихся выйти въ Финскій заливъ, возвращались обратно. Точно также нѣмцы старались затруднить пользованіе правомъ вольнаго торга и полочанамъ, отстаивавшимъ оное съ большою настойчивостію. Еще до 1400 года Тидеманъ, Ніенбругге и Любертъ Виттенборхъ, будучи послами въ Литвѣ отъ Риги, писали въ рижскій магистратъ: «Сообщите намъ ваше мнѣніе о смоленскомъ договорѣ. Въ немъ, какъ вамъ извѣстно, написано, что русскіе имѣютъ право плаванія отъ Готланда къ Травѣ, а это для насъ очень неудобно» [18]). Вслѣдствіе этого и русскіе въ свою очередь старались соотвѣтствующимъ образомъ ограничить права нѣмцевъ, а именно воспрепятствовать имъ ходить далѣе Полоцка. Въ составленномъ русскими въ 1405 году проектѣ договора находилось условіе: «а мимо города Польтескъ нѣмецкому купцю не ходити, торговати нѣмцемъ у Полотьсцѣ» [19]). Конечно, на это условіе не обращали вниманія при заключеніи, при посредничествѣ великаго князя Витовта, Копыскаго мира. Были одобрены вновь старинныя условія на счетъ того, чтобы купцамъ были вольны всѣ пути по морю и по сушѣ: «Также могутъ полочане мимо Ригу у землю, а рижане мимо Полтескъ у землю, кудѣ хочютъ, то на обѣ сторонѣ мѣжи насъ волно, водою и землею», сказано въ договорѣ [20]). Какъ

---

18) См. у Напьерскаго, № 126.

19) См. у Напьерскаго, № 154.

20) См. у Напьерскаго, № 164.

долго такое условіе сохранялось въ силѣ — неизвѣстно, но уже въ сороковыхъ годахъ русскимъ былъ прегражденъ путь къ морю, а нѣмцамъ — въ Витебскъ и Смоленскъ. Полоцкій начальникъ напалъ на множество отправляемыхъ полоцкою конторою въ Витебскъ и Смоленскъ саней, нагруженныхъ солью, и арестовалъ грузъ, запретивъ всѣмъ русскимъ, подъ штрафомъ 10 рублей, возить нѣмецкіе товары въ названные города. При переговорахъ съ королемъ Казиміромъ, во время которыхъ были прочитаны привиллегіи нѣмецкихъ купцовъ, король заявилъ, что до тѣхъ поръ, пока его подданнымъ будетъ загражденъ водяной путь — и море, вѣдь, тоже вода — каждый нѣмецъ, зашедшій за Полоцкъ, потеряетъ свой товаръ и будетъ утопленъ [21]). Наконецъ, рижскій посолъ Германъ Сундернъ призналъ за полочанами право вольнаго проѣзда, послѣ чего полочане съ своей стороны заявили готовность открыть нѣмцамъ путь въ Витебскъ и Смоленскъ. При этомъ полочане съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ спрашивали: «А дастъ ли панъ князь вашъ мештерь (магистръ) купцомъ полочаномъ за море путь чистъ?» [22]) Переписка между Ригою и Гданскомъ свидѣтельствуетъ, что эти сомнѣнія имѣли основанія, и что Рига не думала исполнять свои обѣщанія. Въ 1470 г. рижане писали гданчанамъ, что они съ недавняго времени имѣютъ съ полочанами много распрей и хлопотъ: полочане все хотятъ со своими товарами изъ Риги плавать по морю, чего имъ дозволить нельзя. Теперь полочане просятъ помощи у своего короля. На вопросъ Риги, какъ къ этому дѣлу намѣренъ относиться Гданскъ, гданчане отвѣчали, что къ нимъ издревле приходятъ какъ русскіе, такъ и литовцы, армяне, татарскіе басурмане и подольцы, но имъ, гданчанамъ, неизвѣстно — ходятъ ли эти люди въ Любекъ и другіе приморскіе города [23]). Ссылка на подобную аналогію не заставила полочанъ отказаться отъ предоставленнаго имъ права и, такимъ образомъ, вопросъ о вольномъ пути служилъ и впослѣдствіи предметомъ вѣчныхъ споровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предлогомъ къ притѣсненіямъ купечества.

Въ то время, какъ нѣмцы въ Новгородѣ торговали лишь съ новгородскими горожанами и въ сношенія съ княземъ вступали не иначе какъ чрезъ горожанъ же, въ конторахъ на Двинѣ господствовала въ этомъ отношеніи полная свобода. Нѣмцы, безъ всякаго посредничества, сносились къ туземцами, такъ и съ пріѣзжими. Рига въ концѣ XIII столѣтія могла упрекать витебскаго князя въ грубомъ

---

[21]) См. письмо купца въ Ригу отъ 1448 и 1451 гг. во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

[22]) См. у Напьерскаго, № 266.

[23]) См. у Напьерскаго, № 258.

нарушенія договора, когда тотъ на рынкѣ велѣлъ объявить, чтобы гость не торговалъ съ гостемъ [24]). Правда, что этимъ правомъ нельзя было пользоваться и впослѣдствіи безъ нѣкоторыхъ препятствій. При переговорахъ въ 1400 г. рижскихъ пословъ съ полочанами, послѣдніе заявили, что рижане первые затемнили смыслъ обоюдныхъ отношеній; наконецъ, полочане сдѣлали уступку и согласились, что торговать можно съ кѣмъ угодно [25]). Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ этого, полочане старались установить, чтобы нѣмцы торговали непосредственно только съ гостями литовскими, съ новгородскими же и москвичами торговать имъ можно не иначе, какъ при посредствѣ туземцевъ. При этомъ полочане объясняли, что такое постановленіе направлено главнымъ образомъ противъ новгородцевъ, которые мѣшаютъ имъ въ сношеніяхъ съ дворомъ (гостиннымъ) св. Петра и противъ Москвы, которая наложила на нихъ пошлины съ товаровъ [26]). Такое постановленіе не было, впрочемъ, включено въ Копыскій мирный договоръ, но жалобы нѣмцевъ все-таки не стихали и впослѣдствіи: «они (т. е. полочане) отнимаютъ у насъ права», говорили нѣмцы, «и запрещаютъ гостямъ торговать съ нами. А въ Полоцкѣ есть и москвичи, и другіе иногородные, которые вынуждены потому отправлять свои товары обратно домой».

Жители нѣмецкихъ факторій дѣлили съ горожанами торговлю обыкновенно такимъ образомъ, что конторщики занимались оптовою, а горожане розничною продажею. Въ началѣ въ Полоцкѣ и въ этомъ отношеніи не было для чужеземцевъ никакихъ ограниченій. Горожане, которымъ такой порядокъ грозилъ обѣдненіемъ, старались прежде всего устранить насильственно такія привиллегіи, а именно запрещали нѣмцамъ, подъ смертною казнію и потерею имущества, продавать свои товары въ розницу и покупать меньше полкорабельнаго фунта воска или 500 штукъ мѣховъ [27]). Въ 1405 г. предполагалось такія ограниченія опредѣлить договоромъ [28]); однако же обоюдныя отношенія установились не ранѣе, какъ по заключеніи Копыскаго мира; при этомъ нѣмцамъ были предоставлены ихъ прежнія свободы въ отношеніи къ покупкамъ, но воспрещена розничная продажа товаровъ [29]). Лишь «молодымъ людямъ» (приказчикамъ) было,

---

[24]) См. у Напьерскаго, № 49.

[25]) См. у Напьерскаго, № 127... dat men copen mach wat men wil unde mit weme, dat men wil.

[26]) См. у Напьерскаго, № 154.

[27]) См. письмо купца въ Ригу, писанное въ концѣ XIV столѣтія во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

[28]) См. у Напьерскаго, № 154.

[29]) См. у Напьерскаго, № 160.

кажется, дозволено продавать въ розницу на рынкѣ разные москательные и мелочные товары.

Странную противоположность къ даннымъ нѣмецкому купечеству, но часто нарушаемымъ свободамъ составляютъ многочисленныя ограниченія, возложенныя на него собственными шрагами и всѣмъ законодательствомъ союза. Чтобы предупредить частные споры, дававшіе поводъ къ большимъ замѣшательствамъ, нѣмецкіе купцы должны были, по возможности, держаться въ сторонѣ отъ русскихъ и избѣгать всякаго тѣснаго съ ними сближенія; нѣмцамъ не дозволялось вступать съ русскими въ компанію и брать отъ нихъ товаръ на коммисію. Нарушеніе каждаго изъ этихъ постановленій влекло за собою штрафъ въ 10 марокъ серебра.

Въ сношеніяхъ съ русскими и литовцами, нѣмецкіе купцы должны были сохранять большія предосторожности и, прежде всего, не должны были открывать никакого кредита ни русскимъ, ни литовцамъ. Извѣстно, что запрещеніе всякой продажи товаровъ въ долгъ впослѣдствіи повторялось безчисленное множество разъ, какъ купеческимъ обществомъ, такъ и ганзейскими съѣздами. Но подобное запрещеніе, какъ несостоятельное на практикѣ, никогда строго не соблюдалось. Рижская торговля съ русскими издревле производилась почти исключительно въ кредитъ (на долгъ). При бѣдности капиталовъ въ русскихъ земляхъ, сдѣлалось почти правиломъ, что рижскіе купцы за получаемые товары или давали задатокъ, или платили деньги впередъ; отпускали же свои товары русскимъ купцамъ обыкновенно въ долгъ. Такъ какъ нѣмецкая торговля въ Полоцкѣ производилась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Ригѣ, потому, не смотря на всѣ ганзейскія запрещенія, продажа товаровъ въ кредитъ была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Имѣются многія доказательства, что полоцкая контора производила такую продажу открыто, и рижскій магистратъ, подчиняясь обстоятельствамъ, даже ободрялъ такой образъ дѣйствій. Такъ, однажды, контора сообщила магистрату: «Вамъ извѣстно, что мы здѣсь пребываемъ съ вашего согласія, чтобы собрать долги». Въ другой разъ контора писала въ магистратъ, что немедленно выѣхать нѣмцамъ изъ Полоцка никакъ нельзя, «потому что наши должники, по большей части, еще не пріѣзжали и мы догадываемся, что они нарочно не съѣзжаются, дабы мы уѣхали и нашъ товаръ остался-бы у нихъ въ рукахъ» [30]). Однажды, нѣмецкое купечество въ Полоцкѣ вовсе не кстати вспомнило про это рѣдко соблюдаемое запрещеніе. Когда великій князь Витовтъ, осенью 1400 года, потребовалъ въ долгъ сукна, обѣщаясь уплатить за него въ Вильнѣ чрезъ двѣ или три недѣли, то купцы отказали дать въ долгъ,

---

[30]) См. письмо безъ даты отъ начала XV столѣтія и у Напьерскаго, № 198.

ссылаясь на запрещеніе, въ силу котораго нѣмцамъ нельзя давать въ долгъ товаровъ русскимъ и литовцамъ. Такой неумѣстный отвѣтъ прогнѣвалъ Витовта и онъ выразился, что подобнаго сраму ему ни разу не приходилось испытывать отъ нѣмцевъ и что они поступаютъ такъ, будто въ его земляхъ нѣтъ ни одного честнаго человѣка. Послѣдствіемъ этого поступка нѣмцовъ были многочисленныя стѣснительныя для торговли распоряженія. Витовтъ написалъ рижскому магистрату, что запрещеніе отпуска товаровъ въ долгъ можетъ быть очень удобно для нѣмецкаго купечества, но для него, князя, весьма позорно и прискорбно, когда его ставятъ на одну доску съ его подданными и крестьянами и отказываютъ ему довѣрить столь незначительное количество товара и на столь короткое время. Далѣе Витовтъ писалъ, что вслѣдствіе этого, теперь и онъ въ пользу своихъ подданныхъ издастъ законъ, чтобы нѣмцы не смѣли заходить дальше Полоцка. Рижскій магистратъ извинился предъ Витовтомъ, рѣшительно порицая отказъ, сдѣланный князю въ Полоцкѣ, и увѣряя князя, что въ поступкѣ полоцкихъ нѣмцевъ рижскій магистратъ не имѣлъ никакаго участія. Витовтъ отвѣтилъ, что все случившееся онъ забываетъ и готовъ и впредь относиться дружелюбно ко всѣмъ желаніямъ Риги [31]).

Рядъ дальнѣйшихъ распоряженій касался предосторожностей при покупкѣ русскихъ товаровъ. Извѣстно, что уже въ XIII вѣкѣ поддѣлка товаровъ была вещью весьма обыкновенною. Такъ, напримѣръ, къ воску примѣшивали смолу, сало, песокъ, гороховую и желудевую муку, даже камни, старое желѣзо; къ мѣховымъ товарамъ въ тюкахъ вставляли негодные мѣха. Чтобы не дѣлаться жертвою подобныхъ обмановъ, нѣмецкіе купцы должны были привозить покупаемый воскъ къ себѣ и свидѣтельствовать его качество постукиваніемъ или прокалываніемъ, а мѣховой товаръ, при покупкѣ, превосходящій 250 штукъ, должны были дома подвергать подробному осмотру. При покупкѣ болѣе 1,000 шт., купцы должны были приводить къ осмотру съ собою особыхъ свидѣтелей [32]).

При отсутсвіи всякой конкуренціи, было вовсе не трудно заставлять русскихъ, посредствомъ единства и согласія, подчиняться всѣмъ, въ высшей степени стѣснительнымъ для нихъ мѣропріятіямъ. Русскіе вынуждены были подчиняться, хотя и не охотно, многимъ другимъ торговымъ обычаямъ. Такъ, напримѣръ, было въ обычаѣ отдавать даромъ кусочки воска, отскакивавшіе при постукиваніи его. Если, однако, случалось, что въ Полоцкъ прибывали польскіе или

---

[31]) См. у Напьерскаго, №№ 135 и 136, и во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата письмо Витовта въ Ригу отъ суботы послѣ 11.000 дѣвъ 1400 г.

[32]) См. у Напьерскаго, № 117.

верхненѣмецкіе купцы, не соблюдавшіе постановленій ганзы, то естественно, что торговыя дѣла полоцкой конторы шли очень плохо. Такъ, въ 1437 году, контора извѣщала Ригу, что постановленіе объ осмотрѣ мѣховъ на дому причиняетъ конторѣ большой убытокъ. «Мы — писала контора — давно бы сбыли свой товаръ, если бы могли торговать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ чужеземцы, прибывающіе изъ Вильны и Польши. Русскіе смѣются намъ въ глаза, когда мы требуемъ отъ нихъ исполненія постановленія объ осмотрѣ, и задумываютъ открыть для себя другія мѣста сбыта въ Гданскѣ, Бреславлѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ, гдѣ мѣховой товаръ принимаютъ, не подвергая его строгому осмотру» [33]).

Если такими мѣропріятіями нѣмецкое купечество старалось оградить себя отъ обмановъ со стороны русскихъ, то оказалось необходимымъ положить предѣлъ и нечестности, какую дозволяло себѣ нѣмецкое купечество съ своей стороны сознательно при продажѣ плохаго русскаго товара на западныхъ рынкахъ. Англійскимъ и фландрскимъ факторіямъ ганзы приходилось напчаще при такой продажѣ спорить и имѣть столкновенія. Въ 1346 году постановленъ былъ высокій штрафъ для каждаго, кто впредь станетъ покупать поддѣльный мѣхъ въ русскихъ конторахъ и въ ливонскихъ городахъ [34]). Въ полоцкомъ шрагѣ 1393 года повторяется это постановленіе съ добавленіемъ, что изъ торговли исключается также и поддѣльный воскъ [35]).

Ганзѣ пришлось наложить на торговлю еще болѣе стѣснительныя узы, чтобъ оградить русскихъ купцовъ отъ многочисленныхъ бывшихъ въ ходу обсчитываній со стороны нѣмцевъ. Русскіе постоянно жаловались, что привозимые тюки суконъ не имѣютъ надлежащей длины, что въ серединѣ тюка товаръ гораздо хуже, чѣмъ снаружи; жаловались и на то, что сельдяныя бочки привозятся меньшихъ размѣровъ, чѣмъ-бы слѣдовало, и что нижніе слои сельдей гораздо хуже верхнихъ. Вслѣдствіе подобныхъ злоупотребленій, явилась необходимость допускать на русскіе рынки такое сукно, за производствомъ котораго имѣлось строгое наблюденіе, и подвергать всѣ остальные товары тщательному, иногда весьма стѣснительному, контролю.

Ганзѣ приходилось бороться постоянно и тщетно съ безсовѣстностію торговцевъ. Выгоды, доставляемыя обманомъ, были столь велики и столь соблазнительны, что самые высокіе штрафы не могли устранять обмановъ. По изданному въ 1338 году въ Ригѣ торговому уставу, всякій нѣмецкій купецъ, уличенный въ конторѣ на верхней

---

33) См. письмо конторы отъ 1437 года во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

34) См. у Напьерскаго, № 88.

35) См. у Напьерскаго, № 117.

Двинѣ въ привозѣ поддѣльнаго товара, долженъ былъ быть отправленъ въ Ригу и тамъ преданъ суду. Точно также слѣдовало поступать и съ русскими купцами, уличенными въ обманѣ въ Ригѣ, и отправлять ихъ въ Полоцкъ [36]). Какъ видно, съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были строгія постановленія. Въ Ригѣ обманщикъ подвергался большому штрафу; въ Полоцкѣ съ обманщиками поступали еще строже. Великій князь Витовтъ, заботившійся вообще объ устройствѣ правильной торговли, сообщилъ однажды рижскому магистрату слѣдующее: «Увѣдомляемъ васъ, любезные друзья, что мы строго наказали на имуществѣ всѣхъ уличенныхъ въ поддѣлкѣ товаровъ и лишь изъ милосердія даровали имъ жизнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы приказали, чтобы впредь всякій уличенный въ поддѣлкѣ товара былъ нещадно лишенъ имущества и жизни» [37]).

Впослѣдствіи, около половины XV-го вѣка, и русскіе, по примѣру ганзы, сдѣлали попытку принять предупредительныя мѣры противъ обмановъ. Въ Полоцкѣ устроена была топильная печь, по образцу виленской публичной топильни, въ которой перетапливался весь воскъ; послѣ перетопки, воскъ штемпелевали, въ доказательство его чистоты. Нѣмцы несправедливо возстали противъ этого нововведенія, заявляя притязанія на старинное право осматривать и поступивать воскъ у себя на дому, ссылаясь при этомъ, что еслибы они отказались отъ этого права, то у нихъ современемъ отнимутъ право осматривать у себя и мѣховой товаръ [38]). Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, какъ часто нѣмцы упрямымъ пристрастіемъ къ старымъ обычаямъ сопротивляются совершенно справедливымъ нововведеніямъ. Это не по старинѣ — вотъ доводъ, который они чаще всего приводили противъ новыхъ предложеній, и самое строгое осужденіе такихъ предложеній заключалось въ словахъ: это нововведеніе (dat sin nye funde)!

Правительства и города, заключавшіе договоры, всегда хорошо понимали, что и ихъ собственный интересъ требуетъ неограничивать, по возможности, сношеній и торговли; поэтому они никогда не выговаривали себѣ прямыхъ выгодъ, какъ, напримѣръ, таможенныхъ сборовъ. Во всѣхъ договорахъ постоянно повторяется постановленіе, чтобы ни съ ливонской, ни съ русско-литовской стороны не было устраиваемо таможенной границы. «А рубежа (писалось въ договорахъ) не чинити промеже себѣ на обѣ стороны, ни нѣмцомъ, ни полочаномъ» [39]). Это постановленіе во всѣ времена строго соблю-

---

[36]) См. у Напьерскаго, № 74.

[37]) См. письмо отъ суботы послѣ 11,000 дѣвъ 1400 года въ архивѣ рижскаго магистрата.

[38]) См. тамъ-же письмо купца въ Ригу, отъ средины XV столѣтія.

[39]) Сравни у Напьерскаго, № 132.

далось. Лишь въ началѣ XVI вѣка литовцы жаловались, однажды, что динабургскій командоръ несправедливо подвергаетъ товаръ ихъ, купцовъ, осмотру и налагаетъ пошлину. Единственный прямой доходъ общинъ съ торговли составляли пошлины съ публичныхъ вѣсовъ; эти пошлины въ Ригѣ поступали въ городскую кассу; въ Полоцкѣ же ихъ дѣлили по ровну между боярами и горожанами. Впослѣдствіи при великомъ князѣ Александрѣ, пошлины съ вѣсовъ поступали въ государственную казну, что, однако, снова было отмѣнено въ 1511 году Сигизмундомъ I и старый порядокъ востановленъ [40]).

Одною изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшихъ задачъ договоровъ составляло опредѣленіе вѣсовъ и мѣръ. Прежде всего были опредѣлены отношенія рижскаго вѣса къ полоцкому и затѣмъ было постановлено, чтобы въ Полоцкѣ соль, продаваемую русскимъ, взвѣшивать на тѣхъ-же вѣсахъ и тѣми-же гирями, какими взвѣшивали воскъ, продаваемый нѣмцамъ; была установлена также одна и та же плата за взвѣшиваніе какъ въ Ригѣ, такъ и въ Полоцкѣ. Вѣсовщики должны были, при вступленіи въ свои должности и, вообще, въ случаѣ нужды, цѣловать крестъ, въ свидѣтельство того, что они обоимъ сторонамъ будутъ мѣрить ровною мѣрою. При взвѣшиваніи вѣсовщики должны были отойти отъ вѣсовъ и не класть рукъ на вѣсовыя чашки. Кромѣ того, въ Копыскомъ договорѣ 1406 года постановлено было, что Рига должна была посылать свои вѣсы и гири въ Полоцкъ на свой счетъ, но въ случаѣ порчи полочане, должны были отдавать ихъ въ починку на свой счетъ въ Ригѣ [41]).

Такимъ образомъ за рижскимъ магистратомъ было признано въ нѣкоторомъ отношеніи право надзора за вѣсами въ Полоцкѣ; правомъ этимъ магистратъ, повидимому, пользовался мало, потому что и съ нѣмецкой, и съ русской стороны въ магистратъ безпрестанно поступали жалобы. Уже въ 1408 году полоцкая контора сообщила магистрату, что трое вѣсовъ имѣютъ недостатки, четвертые-же вѣсы, по мнѣнію русскихъ, вѣрны, но въ нихъ, однако, внизу сдѣлана пробоина такая большая, что чрезъ нее можно просунуть кулакъ. Эту пробоину русскіе заткнули кускомъ свинца, вѣсомъ въ два рыночныхъ фунта, который или вынимаютъ, или вставляютъ, смотря по обстоятельствамъ. Безмѣнъ также не вѣренъ: взвѣшивать на немъ соль очень не выгодно. Такъ какъ Рига не заботилась немедленнымъ устраненіемъ подобныхъ неправильностей, то жалобы дѣлались все настойчивѣе и настойчивѣе: «Мы уже не разъ — говорится въ одномъ

---

[40]) См. во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата привиллегію Сигизмунда I Полоцку отъ 20 іюля 1511 г.

[41]) См. у Напьерскаго, № 160.

письмѣ въ рижскій магистратъ изъ полоцкой конторы — писали къ вамъ о невѣрности вѣсовъ; теперь они хуже чѣмъ когда либо и съ каждымъ днемъ ухудшаются. Это причиняетъ намъ такой убытокъ, что мы предпочитаемъ товаръ нашъ оставлять по цѣлымъ годамъ въ амбарахъ непроданнымъ, чѣмъ дозволять русскимъ обкрадывать насъ столь явнымъ образомъ». Изъ Риги прислали, наконецъ, давно ожидаемые вѣсы, но споры этимъ не кончились: полочане хотя и соглашались принять новыя гири и новыя чашки, но никакъ не соглашались принять новаго коромысла (вѣсовой рычагъ); нѣмцы рѣшительно настаивали на пріемѣ. Полоцкій начальникъ тщетно старался примирить спорившихъ [42]). Когда около половины XV вѣка въ Полоцкѣ были получены новыя гири, то вскорѣ оказалось, что одна изъ гирь на три рыночныхъ фунта легче другихъ. Тогда русскіе, продавая товаръ нѣмцамъ, настаивали на употребленіи легкой гири, нѣмцы же на употребленіи тяжелой. Отсюда возникали новые споры [43]). Это, конечно, не удивительно, потому что справедливость и честность мало уважались въ тѣ времена. Такъ, напримѣръ, контора отказалась однажды передать русскимъ новые вѣсы для повѣрки ихъ со старыми: при повѣркѣ бросилась бы въ глаза чрезмѣрная между ними разница!

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ — обязательно ли для всѣхъ пользованіе вѣсами или нѣтъ — оставался всегда нерѣшеннымъ: полочане утверждали, что такое пользованіе обязательно, и настаивали, чтобы запрещено было продавать соль, не взвѣшенную на вѣсахъ, или, по крайней мѣрѣ, что бы съ соли были взимаемы вѣсовыя деньги. Нѣмцы, естественно, отстаивали противоположное мнѣніе и иногда оставляли соль непроданною, или-же прямо противились сказанному требованію. Послѣдствіемъ этого были насильственныя мѣры: «русскіе — такъ контора жаловалась однажды магистрату — отобрали у насъ наши плащи и надѣли ихъ на своихъ служителей, которые и носятъ тѣ плащи на нашихъ глазахъ» [44]).

Въ торговыхъ сношеніяхъ между Ригою и Полоцкомъ различались лѣтнія и зимнія поѣздки: лѣтомъ по рѣкамъ, зимою по сухопутнымъ дорогамъ. Ежегодно, при половодьи, нагруженные струги и плоскодонныя суда сплавлялись внизъ по Двинѣ; въ теченіе лѣта они нагружались въ Ригѣ и отправлялись вверхъ по рѣкѣ обратно домой. Съ открытіемъ зимней дороги, длинные караваны саней отправлялись въ Ригу и Полоцкъ. Вслѣдствіе большей дешевизны и удобства, водяной путь предпочитался сухопутному, тѣмъ болѣе, что

---

42) См. письмо конторы въ Ригу отъ 1408 г. во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

43) См. тамъ-же письмо купца въ Ригу отъ средины XV столѣтія.

44) См. тамъ же письмо безъ даты въ Ригу отъ средины XV столѣтія.

суда сплавлялись не только внизъ по теченію Двины, но и вверхъ. Доказательства, что суда сплавлялись и внизъ, и вверхъ по Двинѣ, видимъ въ томъ, что полочане жаловались однажды, что рижане не нагрузили струговъ, которымъ слѣдовало итти въ Полоцкъ; полоцкій посолъ жаловался архіепископу Сильвестру, что рижане не позволяютъ вывозить соль на стругахъ; полоцкая контора писала въ Ригу: «Когда наши ладьи и товары прибыли изъ Риги; наконецъ, полоцкій начальникъ писалъ въ Ригу: а еще магистръ товаръ у нихъ (русскихъ) пограбилъ и суды отъималъ.... что пѣши пришли къ Полоцку» [45]).

Прежніе струги и ладьи, конечно, не были тѣхъ размѣровъ, какіе нынѣ. Надобно полагать, что то были легкія суда, двигаемыя частью веслами, частью бичевою. Перевозка товаровъ изъ Полоцка въ Витебскъ и Смоленскъ, по большей части, производилась также по рѣчному пути, причемъ приходилось на волокѣ между Двиною и Днѣпромъ перегружать товаръ на телѣги и отправлять его къ берегу Днѣпра. Ни у русскихъ, ни у нѣмецкихъ купцовъ не было своихъ судовъ; они нанимали суда и судорабочихъ у полоцкихъ судовщиковъ, промыселъ которыхъ составлялъ рѣчной сплавъ. Купцы обыкновенно сами сопровождали свои товары или посылали съ ними своихъ прикащиковъ. Рѣдко бывало, чтобы русскіе и нѣмецкіе купцы ѣхали вмѣстѣ: у нихъ бывали безпрестанные споры. Въ Ригѣ пристанью для струговъ служилъ Ризинговъ ручей. Когда городъ въ 1529 году не сдѣлалъ распоряженія объ очищеніи ручья, отчего нѣсколько русскихъ судовъ погибло, то Полоцкъ жаловался на это орденскому магистру [46]).

Нѣмецкіе товары въ Полоцкѣ выгружались на берегъ особыми русскими носильщиками и складывались или по дворамъ, или въ церкви. Главные изъ привозныхъ товаровъ были: соль, фландрскія и англійскія шерстяныя издѣлія, голландскія и вестфальскія полотна, затѣмъ желѣзо, мѣдь, олово и свинецъ, сельди, вино, пиво и пряные коренья. Русскіе съ своей стороны вывозили: воскъ, который при католическомъ богослуженіи находилъ обширный сбытъ, мѣха, шкуры, кожу, сало, золу и деготь. Пенька и ленъ появились на рынкахъ въ большомъ количествѣ лишь въ концѣ XV столѣтія. Хлѣбъ вовсе не былъ вывознымъ товаромъ, и даже во время неурожаевъ ввозился въ Россію изъ Ливоніи. Такъ какъ благородныхъ металловъ и монетъ до самаго XV столѣтія было мало въ обращеніи, потому внутренняя торговля въ Россіи основывалась на простой мѣнѣ.

---

[45]) См. у Напьерскаго, № 266.

[46]) Копія съ жалобы отъ 1529 года находится во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

На подобную мѣну нѣмецкіе купцы соглашались тѣмъ охотнѣе, что, при посредствѣ ея, ихъ западныя конторы находили огромный сбытъ для своихъ товаровъ. Хотя серебро и не имѣло въ тѣ времена значенія денегъ, тѣмъ не менѣе оно составляло весьма любимый и охотно спрашиваемый товаръ, который и ввозился въ Россію въ большемъ количествѣ, не смотря на послѣдовавшія впослѣдствіи запрещенія ганзы [47]).

Управленіе сношеніями съ Полоцкомъ находилось всецѣло въ рукахъ Риги. Правда, что договоръ 1229 года заключенъ былъ и отъ имени готландскаго нѣмецкаго купечества и полоцкая колонія всегда причислялась къ конторамъ Готланда и впослѣдствіи къ преемницѣ ихъ — ганзѣ. Всѣ, пользовавшіеся правомъ нѣмецкаго купца, имѣли свободный доступъ въ Полоцкъ. Основные законы ганзейскаго союза имѣли силу также и въ Полоцкѣ. Такъ, напримѣръ, если нѣмецкій купецъ выѣзжалъ изъ Полоцка, не давши извѣстнаго увѣренія эльтерману, то дѣло это поступало на рѣшеніе рижскаго магистрата. Общія, касавшіяся рижской торговли, постановленія, какъ напримѣръ, запрещеніе 1346 года о непокупкѣ впредь поддѣльныхъ мѣховъ, должны были быть соблюдаемы и въ Полоцкѣ. Особыхъ, касающихся одной полоцкой конторы, законовъ не было никогда издаваемо ни купеческимъ обществомъ, ни ганзою. Верховная власть надъ полоцкою конторою всегда оставалась за Ригою. Въ то время какъ въ Новгородѣ управленіе дѣлами нѣмецкаго двора перешло въ ливонскіе города и Дерптъ только въ XV столѣтіи, Рига съ самаго начала господствовала надъ полоцкою конторою.

Рига была представительницею конторы въ сношеніяхъ къ полоцкой общинѣ и ея владѣтелямъ, русскимъ удѣльнымъ князьямъ, и впослѣдствіи къ великимъ князьямъ литовскимъ. Ни русскіе, ни литовцы никогда не признавали нѣмецкаго купеческаго собранія и его эльтермана въ Полоцкѣ равноправною властью, съ которою имъ можно было бы вступать въ переговоры и заключать договоры. Всякое и малѣйшее между конторою и полочанами условленное постановленіе нуждалось въ утвержденіи со стороны Риги, а если случалось дѣло по важнѣе, то послѣдняя немедленно отправляла въ Полоцкъ своихъ пословъ. Цѣлый рядъ сохранившихся договоровъ XIII, XIV и XV вѣковъ и касающихся русско-нѣмецкихъ торговыхъ дѣлъ помѣченъ въ своемъ заглавіи Ригою.

Ригѣ принадлежало также и право надзора надъ законодательною дѣятельностію конторы по части ея внутреннихъ дѣлъ.

Впрочемъ и тутъ большая часть законодательной власти принадлежала Ригѣ, которая составила основныя правила устройства

---

[47]) Сравни Рюзенкампфа: «Der deutsche Hof zu Nowgorod», стр. 118 и слѣд.

конторы и производимой ею торговли: такъ, напримѣръ, шраги 1393 года и вѣсовыя правила 1338 года. Рижскій магистратъ имѣлъ въ своихъ рукахъ также и судебную власть надъ конторою, имѣлъ право наказывать нарушенія правилъ, рѣшать взаимныя жалобы нѣмцевъ и впослѣдствіи пользовался даже и уголовнымъ правомъ надъ всѣми уголовными преступленіями, совершенными нѣмцами въ Полоцкѣ. Хотя нарушенія правилъ обыкновенно представляемы были на рѣшеніе общаго собранія конторы, тѣмъ не менѣе рижскій магистратъ всегда служилъ апелляціонною инстанціею. Переписка полоцкихъ нѣмцевъ съ Ригою лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, какую всевластную роль играла Рига въ конторѣ. Безъ вѣдома и согласія Риги въ полоцкой конторѣ положительно ничего нельзя было сдѣлать.

Единственнымъ владѣтелемъ, съ которымъ Рига раздѣляла свою власть въ отношеніи къ конторамъ, былъ ливонскій магистръ. Общеизвѣстна тѣсная связь между орденомъ и купечествомъ, обусловленная общими интересами въ отношеніи къ русскимъ сосѣдямъ. Въ теченіе столѣтій орденъ во время войны и мира оказывалъ купечеству сильную поддержку и служилъ его защитникомъ; купечество же съ своей стороны старалось всегда и вездѣ поддерживать и содѣйствовать планамъ ордена. Такъ и въ Полоцкѣ мы видимъ часто купечество и орденъ въ качествѣ союзниковъ. Договоры, касавшіеся обыкновенно не только торговыхъ, но и политическихъ дѣлъ, заключались часто при участіи въ нихъ и ордена. Впрочемъ, участіе это принималъ орденъ иногда и въ чисто-торговыхъ вопросахъ. Такъ въ древнѣйшихъ торговыхъ правилахъ конторы находится въ заголовкѣ не только имя Риги, но и магистра ордена: «Такова воля ливонскаго магистра и города Риги» [48]).

Мнѣніе, что подобно тому какъ нѣмецкая контора въ Лондонѣ давала приказанія бостонской и линнской, такъ и меньшія нѣмецкія конторы въ Россіи подчинены были новгородскому двору, слѣдуетъ считать ошибочнымъ [49]): оно основывается на извѣстномъ распоряженіи новгородскаго двора отъ 22 февраля 1346 г. [50]), въ которомъ говорится, что съ будущаго Михайлова дня запрещается покупка поддѣльныхъ мѣховъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Феллинѣ и Готландѣ. Если изъ этого заключать о подчиненіи новгородскаго двора въ отношеніи къ Полоцку, то надо признать и то, что дворъ св. Петра управлялъ русскою торговлею въ ливонскихъ городахъ и даже надо полагать, что новгородскій дворъ

---

48) См. у Напьерскаго, № 74.

49) См. у Ризенкампфа: »Der deutsche Hof zu Nowgorod«, стр. 100 и слѣд.

50) См. у Напьерскаго, № 88.

пользовался правомъ давать въ дѣлахъ русской торговли приказанія нѣмецкому купечеству на Готландѣ. Ошибочность такого мнѣнія очевидна. Не новгородскій дворъ управлялъ нѣмецкимъ купечествомъ на Готландѣ, городомъ Висби и городскимъ союзомъ, а наоборотъ, они управляли новгородскимъ дворомъ. Потому то о подчиненіи ливонскихъ городовъ и полоцкой колоніи новгородскому двору не можетъ быть и рѣчи. Можно даже доказать, что между Новгородомъ и двинскими колоніями не было вообще никакихъ оффиціальныхъ сношеній. Не изъ Новгорода, а изъ Риги сообщено было нѣмецкимъ купцамъ въ Динабургѣ — а слѣдовательно и полоцкимъ — извѣстное постановленіе, касавшееся торговли мѣхами [51]).

Опираясь на могущество ордена и поддерживаемое вліяніемъ Риги, нѣмецкое купечество пріобрѣло себѣ въ Полоцкѣ чрезвычайно самостоятельное положеніе въ отношеніи къ русскимъ. Это проявляется въ судебныхъ дѣлахъ. Въ прежнихъ договорахъ, а также въ договорѣ, заключенномъ съ Гедиминомъ въ 1338 году, главное значеніе придается исключительно мѣстному характеру права. Мѣсто, въ которомъ споръ произошелъ, или въ которомъ было совершено преступленіе, рѣшаетъ обыкновенно вопросъ — по какому закону и въ какомъ судѣ должно было быть разбираемымъ. Хотя взаимные споры между нѣмцами были предоставляемы рѣшенію рижскаго магистрата, по жалобы нѣмцевъ на русскихъ и литовцевъ, или наоборотъ, должны были разбираться тамъ, гдѣ произошелъ споръ. Такимъ образомъ, мѣстный полоцкій судья разбиралъ возникавшія въ Полоцкѣ жалобы нѣмцевъ на русскихъ и жалобы русскихъ на нѣмцевъ. Подобное же начало впослѣдствіи соблюдалось въ отношеніи къ уголовнымъ дѣламъ. Совершонная нѣмцемъ въ Россіи кража должна была судиться на мѣстѣ преступленія.

Въ этихъ воззрѣніяхъ скоро совершилась, однако, перемѣна. По средневѣковымъ понятіямъ, каждый, находящійся на чужбинѣ, сохранялъ за собою право суда по законамъ его отечества. Такъ и въ Полоцкѣ было постановлено, чтобы въ уголовныхъ дѣлахъ вопросъ о подсудности опредѣлялся не мѣстомъ, гдѣ совершено преступленіе, а національностью подсудимаго. Въ полоцкомъ торговомъ уставѣ, составленномъ въ 1338 г., встрѣчается постановленіе: что нѣмецъ, уличенный въ продажѣ поддѣльнаго товара, предается суду въ Ригѣ [52]). Постановленіе это обобщилось въ договорѣ, заключенномъ въ 1406 г., въ которомъ было опредѣлено, что нѣмцы и рускіе, совершившіе преступленіе на чужбинѣ, должны быть судимы въ

---

[51]) См. у Напьерскаго, № 128.
[52]) См. у Напьерскаго, № 74.

своей родинѣ и по своимъ законамъ [53]). Копыскій договоръ придалъ этому постановленію силу закона на вѣчныя времена [54]).

Въ гражданскихъ дѣлахъ, однако, пришлось, по необходимости, придерживаться стараго порядка. Точно такъ, какъ прежде полоцкій нѣмецъ предъявлялъ свои жалобы на русскихъ княжескому суду, такъ и теперь долженъ былъ обращаться къ велико-княжескому намѣстнику или сотнику, и самъ также подлежалъ его суду. Въ этомъ отношеніи никакой новизны не вводилось, потому въ Копыскомъ договорѣ о гражданскихъ дѣлахъ не упоминалось. Тѣмъ не менѣе, тогдашнія отношенія характеризуются въ договорѣ 1406 года слѣдующимъ постановленіемъ. «Потомъ полочаномъ стеречи нѣмецкихъ купцовъ какъ своя братья, и право судити ему и право дѣяти во всякомъ дѣлѣ, безъ всякой хитрости» [55]). О томъ, какъ на практикѣ производились судебныя дѣла, мы имѣемъ очень мало свидѣтельствъ; но изъ сохранившагося все-таки видно, какъ много приходилось терпѣть жителямъ полоцкой конторы отъ недостатка развитія понятій о правѣ и отъ медленности судебной процедуры, именно съ тѣхъ поръ, когда судъ начали производить велико-княжескіе намѣстники и ихъ подчиненные.

Еще менѣе согласовалось съ договорами и справедливостію обстоятельство, что нѣмцевъ нерѣдко привлекали къ суду по чужимъ дѣламъ и имъ приходилось отвѣчать за грѣхи своихъ земляковъ и своего начальства. Почти во всѣхъ договорахъ между Ригою и Полоцкомъ находится извѣстное постановленіе, что, въ случаѣ споровъ между русскими и нѣмцами, обѣ стороны не должны привлекать къ суду непричастныхъ къ дѣлу лицъ. Но именно это постановленіе чаще всего было нарушаемо. Если случалось, что нѣмецъ уѣзжалъ, не заплативъ своихъ долговъ русскимъ, то русскіе взыскивали долги съ перваго встрѣчнаго изъ его земляковъ. Если въ Ригѣ русскій потерпѣлъ убытокъ, то въ Полоцкѣ требовали съ нѣмцевъ вознагражденія за этотъ убытокъ. Если кто-либо изъ подданныхъ ордена совершалъ проступокъ на границѣ, то за этотъ проступокъ отвѣчали полоцкіе нѣмцы. Такія насилія совершались не только отдѣльными лицами, но цѣлыми общинами и даже намѣстниками. Однажды въ Ливоніи у какого-то русскаго отняли пару лошадей: полоцкая контора должна была платить за отнятое. «За это придется отвѣчать либо мнѣ, либо кому другому» — пишетъ эльтерманъ въ Ригу.

---

[53]) См. тамъ-же, № 153: «Потомъ, аще который нѣмчинъ извиниться у Полочьсце, того нѣмчина отослать у Ригу; ратмане его судягъ по своей правдѣ». Точно также и обратно.

[54]) См. тамъ-же, № 160.

[55]) См. тамъ-же, № 153.

Когда динабургскій командоръ заперъ въ тюрьму какого-то провинившагося въ орденской землѣ русскаго, то въ Полоцкѣ заперли въ тюрьму одного нѣмецкаго купца и задержали его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока русскій не былъ освобожденъ. Правда, что и въ Ригѣ не очень строго соблюдали законы и нерѣдко дорого поплачивались за то. Такъ, напримѣръ, полоцкій намѣстникъ въ 1450 г. писалъ въ рижскій магистратъ: «Какой-то нѣмецъ, по имени Викбольдъ, ограбилъ нашихъ земляковъ, находившихся въ Ригѣ, связалъ ихъ и держитъ ихъ въ безчестномъ мѣстѣ. Мы — прибавляетъ намѣстникъ съ насмѣшкою — оказали Викбольду такую же честь, какую онъ оказалъ нашимъ землякамъ. Не вмѣняйте намъ этого во зло, потому что вы люди умные и ученые, и поймите, что безнаказанно никакъ нельзя нарушать постановленія великаго князя Витовта, заключившаго Копыскій договоръ» [56]).

Отвѣчать невиновнымъ за чужіе проступки, лишаться свободы и имущества, приходилось иногда не только отдѣльнымъ лицамъ, но и всей нѣмецкой колоніи. Хотя полоцкая контора и находила въ Лифляндіи сильную поддержку, тѣмъ не менѣе связь съ нею иногда сопряжена была съ опасностію и не разъ угрожала конторѣ совершенною гибелью. По договорамъ, политическія дѣла не должны были имѣть никакого вліянія на торговыя сношенія Лифляндіи съ Литвою; жители конторы, въ случаѣ войны, имѣли право безпрепятственнаго выѣзда изъ Полоцка со своими товарами. Въ мирныя времена въ Полоцкѣ говаривали: «всякій товаръ, прибывшій съ миромъ изъ Риги, долженъ съ миромъ и отойти туда» [57]). Но въ военное время трудно было соблюдать это правило. При возникающей враждѣ въ Лифляндіи, мирныя условія забывались, и въ нѣмецкихъ купцахъ видѣли соотечественниковъ и союзниковъ ордена, съ которымъ приходилось воевать. На нѣмецкомъ купечествѣ отмщали за удары, наносимые орденомъ.

Рѣдко случалось, чтобы въ виду предстоящей войны о прекращеніи торговыхъ сношеній было заявлено въ Ригѣ или динабургскому командору или, по крайней мѣрѣ, самой конторѣ. Если же такое заявленіе и послѣдовало, то все таки нѣмецкому купечеству давали чувствовать свою ненависть къ ордену. Витовтъ, однажды, предваряя нѣмецкихъ купцовъ о войнѣ съ орденомъ, приказалъ имъ выѣхать изъ Полоцка въ четырехнедѣльный срокъ и прибавилъ, что если купцы не уѣдутъ, то ихъ выгонятъ изъ города палками, или бросятъ въ тюрьмы [58]). Случалось обыкновенно и хуже. Отъ этого

---

[56]) См. письмо Клауса Рымана въ магистратъ, безъ даты, отъ первой половины XV столѣтія во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата.

[57]) См. у Напьерскаго, № 160.

[58]) См. у Напьерскаго, № 193.

всякій, даже и неосновательный, слухъ о войнѣ наводилъ на купцовъ паническій ужасъ. Такъ, однажды, шутникъ Остафекъ распустилъ слухъ, что въ Ригѣ хотятъ посадить русскихъ въ тюрьму и что ему запретили тамъ покупать соль. Эльтерманъ заставилъ Остафека сознаться, въ присутствіи русскихъ старшинъ, что всѣ его разсказы вздоръ и выдуманы съ пьяныхъ глазъ. Тѣмъ не менѣе, торговля остановилась и многіе русскіе купцы, собиравшіеся ѣхать въ Ригу, не поѣхали туда, а отправились въ Литву. При всякомъ даже отдаленномъ слухѣ о войнѣ начинались придирки къ конторѣ. Рижскому магистрату, жаловавшемуся, однажды, на разныя стѣсненія въ торговлѣ, Витовтъ отвѣчалъ: «Объ этомъ вы должны были увѣдомить насъ раньше, пока еще мы находились съ орденомъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Если дѣла не дойдутъ до войны, то на ваши жалобы будетъ обращено надлежащее вниманіе» [59]).

Само собою разумѣется, что какъ только положеніе становилось угрожающимъ, Рига старалась предостеречь полоцкихъ нѣмецкихъ купцовъ, чтобы они торопились сбывать свои товары и незамѣтно уѣзжали изъ Полоцка. Такое увѣдомленіе давалось секретно и сохранялось въ тайнѣ. Когда вы прочтете это письмо — говорится въ одномъ подобномъ увѣдомленіи — то пусть всѣ купцы дадутъ клятву эльтерману сохранять это дѣло въ тайнѣ, чтобы русскіе о немъ ничего не узнали». Не всегда, однако, предостереженія помогали. Русскіе успѣвали нападать на контору и забирали товары. Плѣнные нѣмцы служили залажниками безопасности русскихъ, подвергшихся, быть можетъ, плѣну въ Ригѣ. Забранные товары служили вознагражденіемъ за убытки, причиненные войною русскимъ торговцамъ. Когда однажды Рига просила великаго князя Витовта объ освобожденіи нѣмцевъ и ихъ имущества, то Витовтъ потребовалъ прежде всего вознагражденія за опустошенія, совершенныя магистромъ въ Полоцкой области, въ которой не было объявлено о разрывѣ, и оканчивалъ письмо угрозою: «Мы увѣдомляемъ васъ, что если полочанамъ не вознаградятъ ихъ убытковъ, то очень можетъ случиться, что ваши купцы и ихъ имущество никогда не увидятъ родины». Во время войны 1410 г. много рижскаго товара было захвачено въ Полоцкѣ. О возвращеніи товаровъ литовцы и слышать не хотѣли, считая подобныя притязанія неумѣстными. «Если рижскій магистратъ исходатайствуетъ у ордена — такъ отвѣчали литовцы — возвращеніе товаровъ, захваченныхъ у литовскихъ купцовъ въ Рагнитѣ, то мы воротимъ товаръ и нѣмецкимъ купцамъ [60]).

Во времена, лучше намъ извѣстныя, повидимому, рѣдко проходило десятилѣтіе, чтобы нѣмецкіе купцы въ Полоцкѣ не под-

---

[59]) См. письмо Клауса Рымана въ магистратъ, во внѣшнемъ архивѣ.

[60]) См. у Напьерскаго, № 183.

вергались осадамъ. Въ магистратскомъ архивѣ сохранилось очень много писемъ съ надписью: «отъ нашихъ бѣдныхъ плѣнниковъ въ Полоцкѣ». Тонъ этихъ писемъ печальный и трогательный; въ нихъ выражались настоятельнѣйшія просьбы о скорѣйшемъ освобожденіи какъ купцовъ, такъ и ихъ товаровъ. Купцы въ Полоцкѣ содержались въ большемъ угнетеніи; они были лишены утѣшенія видѣться другъ съ другомъ — русскіе постоянно устрашали ихъ сильными угрозами; товары и имущества полочане грозили или сжечь до тла, или ограбить и подѣлить между собою. «Если мы не выйдемъ скоро отсюда — говорилось въ одномъ письмѣ — то вы можете проститься съ вашимъ добромъ, да и съ нами тоже. Вы не вѣрите опасности, но повѣрите -- когда испытаете ее вашими собственными убытками. Великій князь и его начальники постановили задержать товаръ и если вспыхнетъ пожаръ, то все пропадетъ. Если что не сгоритъ въ церкви, то разграбится во время пожарной тревоги. Насъ потомъ убьютъ и скажутъ, что мы подожгли городъ. Но вы никакъ не думайте, чтобы вамъ кто-нибудь хоть пфеннигъ возвратилъ: этого не будетъ — пока стоитъ Рига» [61]). Послѣ многомѣсячныхъ страданій, выпускали, наконецъ, плѣнныхъ на волю, но имущество ихъ часто погибало навсегда. Проходило много времени, пока довѣріе снова возстановлялось, пока новый договоръ не скрѣплялся крестнымъ цѣлованіемъ. Затѣмъ нѣмецкій купецъ со своими товарами снова появлялся въ Полоцкѣ, чтобы получить тутъ богатый барышъ или вновь потерять свое имущество. Невѣрность и опасность положенія такъ описывалъ эльтерманъ Клаусъ Риманъ: «Съ купеческими дѣлами въ Полоцкѣ очень плохо, ибо тутъ нѣтъ никакой честности. По наклонной дорогѣ тутъ идетъ все впередъ, такъ что я желалъ бы быть въ Ригѣ».

Краткій историческій обзоръ ясно показываетъ, сколь многимъ перерывамъ и перемѣнамъ подвергалась полоцкая торговля въ теченіи столѣтій. Правда, за длинные промежутки времени мы не имѣемъ никакихъ преданій, однако же, сохранилось большое число договоровъ, изъ которыхъ можно судить о развитіи торга. Каждый изъ такихъ договоровъ открываетъ собою новый періодъ и служитъ доказательствомъ — какія насильственныя перемѣны происходили въ торговыхъ отношеніяхъ. Характеристичная черта Риги тутъ та, — что какъ скоро война или другое какое-либо замѣшательство грозило пресѣченію торга, то Рига не прибѣгала — какъ то часто случалось противъ Новгорода — къ притѣсненіямъ русскихъ. Рига всегда медлила употреблять обоюдо-острое оружіе, которое, поражая противника, могло нанести тяжкія раны и ей самой.

---

[61]) См. во внѣшнемъ архивѣ рижскаго магистрата письма конторы въ Ригу къ Либерту Витенборху и Энгельберту Вите отъ начала XV столѣтія.

Тридцать пять лѣтъ спустя послѣ заключенія основнаго смоленскаго договора 1229 года, литовскій князь Герденъ заключилъ новый мирный договоръ между Ливоніею и подчиненными ему русскими землями при верхней Двинѣ; по этому договору за торговлею сохранялись прежнія льготы. Опираясь, повидимому, на этотъ договоръ, полоцкій князь Изяславъ предложилъ ливонскимъ владѣтелямъ и городу Ригѣ цѣловать вмѣстѣ съ нимъ крестъ и открыть торговыя сношенія. Но не прошло, вѣроятно, и столѣтія, какъ полоцкій епископъ Іаковъ, ссылаясь на вновь заключенный торговый договоръ между Ригою и литовцемъ Витеномъ, требовалъ и просилъ вольнаго отпуска хлѣба [62]). Вотъ письмо епископа, писанное около 1300 г.

«Поклонъ и благословеніе отъ Якова, епископа полоцкаго, пробстовп, намѣстнику бискуплю, и дѣтямъ моимъ ратманамъ. Былъ есмь не дома, во отца своего митрополита, а нынѣ есмь на своемъ мѣстѣ у Святой Софіи. А нынѣ есмь увидалъ любовь ваша правая съ сыномъ моимъ, съ Витеномъ (литовскій князь, съ 1285 по 1315, преемникомъ ему былъ Гедеминъ. Кажется, что Витень былъ изъ рода полоцкихъ князей и переселился въ Семигалію изъ Полоцка. Въ 1326 г. удѣльнымъ княземъ полоцкимъ былъ Войно, сынъ Витеня); такоже, дѣти была любовь ваша первая съ полочаны, съ дѣтьми моими, что вамъ было надобно, то было ваше. А нынѣ что дѣтямъ моимъ надобно, того имъ не бороните; а нынѣ абы есме пустили жито у Полотеско. А язъ кланяюсь и благословляю, и Бога молю за васъ дѣти своя.

Аже будетъ полочанинъ чимъ виноватъ рижанину, я за тѣмъ не стою своими дѣтьми, исправу дамъ. Аже будетъ рижанинъ чѣмъ виноватъ полочанину, вы дайте имъ исправу такоже. А язъ вамъ кланяюся, дѣтямъ своимъ, и благословляю и Бога молю».

Жалоба рижскаго магистрата, относящаяся къ XIII столѣтію, къ витебскому князю Михаилу достаточно доказываетъ, что торговля, хотя и стѣсняемая различными обстоятельствами, но была вообще оживленною съ нѣмецкой стороны.

Вотъ эта жалоба [63]):

---

62) См. у Напьерскаго, № 38.

63) Этотъ весьма любопытный документъ напечатанъ въ сборникѣ Напьерскаго подъ № 49 и въ VI томѣ сборника Бунге: Liv- Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, Riga 1875 г., подъ № MMMLIX.

Оригиналъ этой жалобы, писанный на пергаментѣ, на русскомъ языкѣ, хранится въ архивѣ рижскаго магистрата. Жалоба эта, не скрѣпленная печатью, обращена къ витебскому князу Михаилу Константиновичу, по всей вѣроятности, сыну полоцкаго князя Константина. Года и числа не обозначено, но, по всей вѣроятности, они относятся къ 1300 г.

Гильдебрандъ въ своей статьѣ о полоцкой конторѣ ограничился извлеченіемъ изъ этого документа важнѣйшихъ пунктовъ, здѣсь жалоба представляется вполнѣ въ томъ видѣ, какъ напечатана у Бунге, безъ малѣйшей перестановки или передѣлки словъ, но съ примѣненіемъ лишь, для удобства чтенія, нынѣшняго правописанія.

«Поклонъ отъ ратмановъ рижскихъ и отъ всѣхъ горожанъ ко князю витебскому Михаилу. И нынѣ пришли предъ насъ наши горожане и то намъ повѣдали съ великою жалобою: которые были зимусь (прошлою зимою) съ тобою въ Витебскѣ, какъ ты еси товаръ у нихъ отнялъ силою и неправдою. То было и первое: былъ у тебя одинъ дѣтина, нашъ горожанинъ, иногды (прежде) не бывалъ у васъ; тогда рать была литовская подъ городомъ, онъ же хотѣлъ въ рать (къ литовцамъ) итти — дѣвки купить, и взялъ мецъ (мечь) съ собою, по нашей пошлинѣ (обычаю). Тогда идя путемъ, заблудилъ къ монастыреви, и выскочивша 3 чернеца, же четвертый человѣкъ иный съ ними, ту его, емъше, били и рвали, и мечь вызетили (отняли) силою у него. И потомъ, княже, ты на другой день емъ его, оковалъ еси и держалъ его еси до тогоже дня, а товара еси отъялъ на 3 берковьскы (берковца) воску. Княже, ты еси неправду дѣялъ. Забылъ еси, княже, своего крестнаго цѣлованія, занеже самъ вѣдаешь, какъ не тако есть миръ докончанъ. Миръ докончанъ на старый миръ, и на томъ кресть цѣлованъ, какъ то намъ вашей братьи правду дати, а обиды не створити, ни малу ни велику, нашей братьи правду дать, товара силою не грабить, человѣка не мучить безъ вины. Княже, слышишь самъ отъ своей братьи, какъ мы вашей братьи не обидѣли, не грабили товара силою безъ правды, како ты, княже, дѣешь.

А се тебѣ повыдываемъ другую обиду: за грѣхи приводилось (случилось) такъ: какъ то сидѣл дружина, въ пирѣ піючи, другъ друга зарѣзилъ (ранилъ) до смерти; и какъ тотъ бой удѣялся, тогда онъ, убоявся живота, утеклъ (бѣжалъ) къ тебѣ, княже. Нѣмцы же, то увѣдавше, ажо (что) къ тебѣ утеклъ разбойникъ, и пришли предъ княже нѣмцы и молися тебѣ: выдай намъ разбойника. И ты, имъ выдавъ разбойника, потомъ, княже, шелъ еси въ разбойникову клѣть, товаръ еси разбойниковъ взялъ, и иныхъ людей товаръ былъ тутъ, и то поималъ (взялъ) еси, княже. Тутъ еси неправду дѣялъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не такъ есть миръ докончанъ межь землей. Аже другъ друга убьеть до смерти, и имутъ того человѣка, кто разбой учинитъ, тому дати вину, по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени. И нынѣ мы молимся тебѣ, абы тотъ товаръ отдалъ его племени.

А се тебѣ третью обиду повѣдываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ съ разбойниковымъ товаромъ въ клѣти, какъ тотъ поѣхалъ изъ Витебска въ Смоленскъ, попустилъ же въ разбойниковой клѣти волны (шерсти) же овчины на пять серебра. Онъ же въ Смоленскѣ услышавъ, аже ты его товаръ съ разбойниковымъ товаромъ взялъ, и онъ уборзѣ (немедля) на конь всѣдъ, поѣхалъ въ Витебскъ, и молился тебѣ, княже, абы ты его товаръ отдалъ, что еси взялъ съ разбойниковымъ товаромъ изъ клѣти, то ты ему не

далъ. Ты еси, княже, не правду дѣялъ. И нынѣ, княже, мы ся тебѣ молимъ, какъ то тотъ товаръ отдай, что еси взялъ безвинной вины сей.

Еще, княже, мы тебѣ повѣдаемъ четвертую обиду, въ чемъ ты еси неправду дѣялъ, какъ ты нынѣ новую правду ставилъ, какъ то есме не чували (слышали) отъ отцовъ, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ нашихъ. Аже ты велишь кликать сквозь торгъ: гость съ гостемъ не торгуй! Княже, въ томъ еси неправду дѣялъ. Княже, аже еси такъ въ своемъ сердцѣ, такъ то еси неправою думою думалъ. Будутъ (буде) тебѣ, княже, лишіе (злые) люди ту думу поддали, то не въ честь тебѣ дали ту думу; то есть тебѣ, княже, достойно, аже бы ты тые (тѣхъ) люди казнилъ, какъ то бышь новые люди боялися, кто лихую думу поддаваетъ. Княже, нашъ горожанинъ Фредрикъ [64]) продалъ человѣку мѣхъ соли, и онъ услышалъ, аже ты не велѣлъ гостеви съ гостемъ торговать, и обвѣстился тебѣ, княже, и ты ему велѣлъ продать, и онъ шелъ съ тѣмъ человѣкомъ соль вѣсить, какъ то еще соли не вѣсили. Твои дворяне стояли тутъ во дворѣ: у Фредрика ключь взяли силою клѣтной и пошли прочь. Потомъ твой дѣтскій (изъ боярскихъ дѣтей) Плосъ, пришедъ, реклъ Фредрику: пойди ко князю! И онъ пошелъ къ тебѣ, по твоему слову. И какъ то пришелъ мосту, реклъ Плосъ: пойди семо, здѣсь князь, не ведя его къ тебѣ, княже, же къ себѣ въ истобку (избу), ту порты съ него снемъ, за шею оковалъ, и руки, и ноги, и мучилъ его такъ, какъ то буди Богу жаль. И потомъ ты дѣтскіе свое (боярскихъ дѣтей) пославъ на его подворье, и велѣлъ еси товаръ его разграбить, на четыре капи (копы, 32 лисфунта) воску. И нынче мы ся тебѣ молимъ, абы ты тотъ товаръ отдалъ, княже. И самъ вѣдаешь, аже неправдою еси свое крестное цѣлованье забылъ.

И се нынѣ пятую обиду повѣдываемъ: какъ то нѣмцы послали своихъ коней изъ Смоленска въ Витебкъ, то ты, княже, тѣхъ коней обозрѣлъ, и улюбилъ еси одного коня, тотъ конь былъ Герлаховъ [65]), то ты его хотѣлъ безъ измѣны. Тѣ люди рекли: княже, мы коня не дамы, ни продамы его, не смѣемъ: конь Герлаховъ. И ты, княже, давалъ еси на коня 10 изроевъ, и они не взяли. То ты реклъ, княже: дайте вы мнѣ коня, я васъ провожу изъ Смоленска и сквозь Касплю, а учаны (лодки) хочу проводить съ коньми и до Полоцка. Тѣ дали тебѣ коня, по твоему слову, княже; далъ же еси приставъ своего человѣка Прокопія, и пріѣхалъ Прокопій къ Смоленску той первое, и дали ему скорлата портъ же чаторъ (пурпуровую одежду). Прокопьева слово такъ: въ который день вы будете готовы, я съ вами готовъ буду. Въ тотъ же день, по его слову, приготовились

---

[64]) Dominus Friedericus Institor, бывшій въ Полоцкѣ въ 1297 — 1299 году.
[65]) Герлахъ Розе былъ рижскимъ ратсгеромъ съ 1286 по 1307 г.

есме были, и рекли есме Прокопію: се мы готовы, поѣдемъ! Прокопьево тако: не могу я изъ свѣта въ тьму ѣхати. Прокопій, на конь свой всѣдъ, поѣхалъ въ Витебскъ, а нашу братью попустилъ (оставилъ). Княже, тѣмъ словомъ не дослужился еси того коня. Аже бы ты въ своемъ словѣ стоялъ, и нашу братью проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня. И нынѣ мы ся тебѣ молимъ, какъ то отдай Герлаху коня, а либо 10 изроевъ, что еси самъ первое давалъ на коня. Или (если) того не дашь, ни коня ни серебра, Герлахъ хочетъ своего коня искать, какъ можетъ.

А се еще шестую обиду повѣдаемъ, про Ильбранта [66]), что твой братъ торговалъ съ нимъ на 30 изроевъ: 17 заплатилъ, а 13 изроевъ не заплатилъ. И нынѣ, мы ся тебѣ молимъ: отдай Ильбранту товаръ, своего брата души постерегая.

И нынѣ седьмую обиду повѣдываемъ, какъ то были нашей братьи поѣхати изъ Витебска въ Смоленскъ, тогда Литва изъимала ихъ на пути, въ твоемь городѣ, княже, вязали ихъ и мучили, и товаръ отъимали у нихъ. А въ твоей волости ся то дѣяло. Товара взяли тутъ на 50 гривенъ серебра корнаго и на 3 серебра. Княже, тебѣ было той обиды постеречь. Аже бы ся то дѣяло при твоемъ отцѣ, Константинѣ, той бы обиды николи же была нашей братьи, какъ ся тогда удѣяло. И нынѣ, княже, мы ся тебѣ молимъ, какъ то тѣмъ людямъ отплати тотъ товаръ, которымъ то дѣялось въ твоей волости и въ твоемъ городѣ. И нынѣ, княже, пришелъ предъ насъ шахматъ же Фредрикъ, и то намъ повѣдалъ съ жалобою, какъ ты еси торговалъ съ ними и не заплатилъ. Княже, то было тебя достойно, у кого купить, тому заплати, то они бы на тя не жаловали.

И нынѣ восьмую обиду повѣдываемъ, про вѣсы, какъ то слышимъ отъ своей братьи, аже ты, княже, лишнее емлешь, какъ то есме не чували ни отъ отчины, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ. И нынѣ мы ся вамъ молимъ всѣмъ сердцемъ, княже, какъ то есть миръ доконченъ и крестъ цѣлованъ на старый миръ, тако и нынѣ, княже, отложи лишнее и всяку неправду: атъ стоитъ старый миръ твердо, какъ докончано. И нынѣ, княже, то буди тебѣ вѣдомо: аже не отложишь лишняго дѣла и всякую неправду, мы хочемъ Богу жаловаться, и тѣмъ, кто правду любитъ, а кривду ненавидитъ. Мы своей обиды не положимъ, а болѣе не можемъ терпѣть».

Утвержденіе литовскаго господства подъ властью Гедимина повлекло за собою утвержденіе прочнаго положенія дѣлъ и послужило въ пользу нѣмецкой торговлѣ. Названный князь относился къ Ригѣ отмѣнно благосклонно и этотъ городъ, руководимый по преимуществу

---

[66]) Ильбрандтъ — это рижскій бюргеръ Гильдебрандъ, бывшій въ Полоцкѣ въ 1293 г. (См. тоже 6-ю ч. Бунге, стр. 163).

матеріальными интерессами, сохранялъ къ Гедимину больше вѣрности, чѣмъ того требовала патріотическая ливонская политика. Заключенный въ 1323 г. общій миръ объявилъ торговлю вольною, а перемиріе, заключенное чрезъ 15 лѣтъ при участіи Полоцка и Витебска, снова открывало купечеству обѣихъ сторонъ сношенія по старинѣ [67]). Время правленія Ольгерда было вообще благопріятно торговлѣ, хотя походы ордена противъ язычниковъ и вторженія литовцевъ въ Ливонію часто нарушали правильный ходъ торга. Возникшіе съ 1377 г. раздоры за престолъ, мѣстомъ которыхъ были также и области верхней Двины, на долго прервали всякія торговыя сношенія. Въ 1381 году предъ Полоцкомъ стало ливонское войско, чтобы возстановить на княжескомъ престолѣ позорно изгнаннаго жителями Скиргайлу. Полоцкъ пожелалъ лучше подчиниться магистру, чѣмъ своему старому тирану. Черезъ четыре года полоцкій князь Андрей въ самомъ дѣлѣ представилъ ордену ленное господство, но этотъ князь лишь короткое время могъ сохранить за собою правленіе.

Рѣшительный поворотъ къ лучшему наступилъ съ того времени, когда Витовтъ утвердилъ свою власть надъ всей Литвою и достигъ великокняжескаго достоинства. Во время его правленія торговля полоцкой конторы, не смотря на частные перерывы, достигла высшей степени своего процвѣтанія, такъ что періодъ Витовтова правленія, не взирая на военныя тревоги, считался въ воспоминаніяхъ потомства золотымъ. Обильная корреспонденція тогдашнихъ купцовъ съ рижскимъ магистратомъ представляетъ тому лучшія доказательства. Уже въ 1399 году Витовтъ далъ Ригѣ увѣрительную грамоту, по которой учреждались правильныя торговыя сношенія, въ чемъ полочане и рижане должны были цѣловать крестъ [68]). Въ 1405 году былъ выработанъ проектъ мирнаго договора; этотъ проектъ, по которому за нѣмцами сохранялись ихъ прежнія льготы, послужилъ основаніемъ Копыскаго договора, который въ 1407 г., послѣ обоюднаго пересмотра, былъ принятъ Ригою и Полоцкомъ во всѣхъ пунктахъ и на долгое время установилъ правила для нѣмецко-русско-литовской торговли. Наслѣдники Витовта не добавляли ничего новаго къ этимъ правиламъ: всѣ они лишь подтверждали Копыскій договоръ [69]).

Миръ, однакоже, не долго продолжался. Уже въ 1409 году нѣмецкіе купцы въ Полоцкѣ, а русскіе купцы въ Ригѣ, были посажены въ тюрьмы и выпущены были на волю лишь послѣ продолжительныхъ переговоровъ. Непосредственно затѣмъ вспыхнувшая кровопролитная война повлекла за собою сильныя замѣшательства въ

---

[67]) См. у Напьерскаго, № 83.

[68]) См. тамъ же, № 122.

[69]) См. тамъ же, №№ 153 и 154, 164(а) и 164(б).

торговлѣ: арестованные въ то время нѣмецкіе товары, кажется, никогда не были возвращены. Положеніе дѣлъ и послѣ войны оставалось весьма опаснымъ; воюющія стороны не заключали мира, а возобновляли лишь перемирія. Къ концу 1414 и въ началѣ 1415 г., магистръ и великій князь заключили между собою перемиріе; перемиріе это чрезъ пять лѣтъ было возобновлено. Оно кончилось, повидимому, со смертію Витовта, послѣдовавшею въ октябрѣ 1430 года. Вспыхнувшая затѣмъ десятилѣтняя борьба за господство между Свидригайломъ и Сигизмундомъ много вредила интересамъ торговли и вредила тѣмъ сильнѣе, что орденъ принялъ участіе въ борьбѣ и сражался то за одного, то за другаго претендента. Только въ январѣ 1439 года послѣдовало со стороны великаго князя Сигизмунда утвержденіе Копыскаго договора. Со вступленіемъ на престолъ Казиміра съ 1440 года наступило продолжительное время внѣшняго мира; полоцкая контора съ этого времени уже не была безпокоима ливонско-литовскою войной. Король утвердилъ Копыскій договоръ въ 1447 г. [70]).

Торговля, временно пріостановившаяся было, по случаю открывшейся чумы въ Ригѣ, скоро достигла своего прежняго развитія; но неожиданно возникшій раздоръ между Ригою и Полоцкомъ далъ худой оборотъ дѣламъ. Весною 1466 г. полоцкіе бояре и горожане чрезъ проѣзжаго нѣмецкаго купца прислали въ Ригу «тяжкое неслыханное посольство со страшными угрозами». Не хотѣли вѣрить слухамъ, будто полочане хотятъ мстить нѣмцамъ въ Полоцкѣ, если только какой-либо полочанинъ въ Ригѣ будетъ избитъ или оттасканъ за волосы, но слухи эти подтвердилъ прибывшій въ Ригу ратманъ Германъ Сундернъ. Жалобы на дурное обращеніе съ русскими были не лишены основаній, хотя въ объясненіи, которое впослѣдствіи на этотъ счетъ архіепископъ Сильвестръ далъ королю Казиміру, дѣло представляется совершенно въ другомъ свѣтѣ. «Въ Ригу — писалъ королю архіепископъ — прибываютъ изъ нѣмецкихъ земель и сѣверныхъ королевствъ много всякой корабельной сволочи, корабельщиковъ и матросовъ, которые день и ночь проводятъ въ кабакахъ и винноторговляхъ». Когда пьяная сволочь дерется и прибьетъ какого либо пьянаго полочанина, то въ этомъ не виноваты ни властитель города, ни магистратъ. Напротивъ, всегда бываетъ, что обиженному дается защита по его праву.

Угроза полочанъ была принята въ Ригѣ за отказъ отъ договора: купцы постановили не отсылать въ Полоцкъ товаровъ, не грузить нанятые струги и задержать въ Ригѣ наличный русскій товаръ до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены вѣрныя свѣдѣнія; думали такимъ образомъ обезпечить безопасность находящихся въ Полоцкѣ нѣмцевъ. Какъ только архіепископъ узналъ о возникшихъ

---

[70]) См. тамъ же, №№ 171 и 172, 189 и 190, 209, 242 и 246.

недоразумѣніяхъ, то тотчасъ же предложилъ свое посредничество и созвалъ въ свой замокъ Кокенгузенъ уполномоченныхъ пословъ отъ обѣихъ сторонъ. Въ присутствіи властителя Риги, пробста, декана и другихъ архіепископскихъ мужей, русскіе жаловались, что въ то время, какъ ихъ угрозы оставались лишь на словахъ, и не переходили въ дѣло, ихъ земляковъ въ Ригѣ безпрестанно обижаютъ и бьютъ и даже обрѣзываютъ у нихъ бороды. Затѣмъ русскіе потребовали вознагражденія за арестованные товары и за то, что напятые у нихъ струги были отправлены въ Полоцкъ безъ груза. Рижане отвѣчали, что русскіе должны требовать вознагражденія съ тѣхъ, которые своими угрозами сдѣлались виновниками раздора, но какъ и рижане съ своей стороны заявили притязанія на вознагражденіе убытковъ, то архіепископъ предложилъ составить смѣшанную коммисію изъ пословъ его, архіепископа, и пословъ королевскихъ, которая разсмотрѣла бы всѣ притязанія на вознагражденіе убытковъ и, по мѣрѣ возможности, уладила бы дѣло. Полочане требовали, чтобы весь споръ былъ рѣшенъ королемъ, вслѣдствіе чего дальнѣйшіе переговоры съ архіепископомъ прекратились; остались также безъ результатовъ и переговоры съ рижскимъ магистратомъ и нѣкоторыми орденскими властями. Полочане, до отъѣзда своего, предложили возстановить торговыя сношенія, ручаясь при этомъ головою въ безопасности купцовъ, которые поѣдутъ въ Полоцкъ. Рижане первоначально не соглашались, требуя, большаго ручательства, тѣмъ не менѣе купцы поѣхали въ Полоцкъ — ихъ тамъ немедленно же арестовали [71]). Для освобожденія ихъ были приняты всевозможныя мѣры: были отправлены послы къ королю въ Смоленскъ, Вильну и Троки, но король и велико-княжескій совѣтъ къ этому дѣлу относились столь равнодушно, что нѣмецкіе товары были возвращены рижанамъ лишь въ мартѣ 1471 года и только тогда состоялось постановленіе, чтобы въ предстоящемъ сентябрѣ послы съ обѣихъ сторонъ съѣхались на границѣ для обсужденія всѣхъ жалобъ. Съѣздъ этотъ, однако, не состоялся, и продолжавшійся 12 лѣтъ споръ рѣшенъ былъ только въ 1478 г. тѣмъ, что Рига отказалась отъ вознагражденія за убытки, заплатила Полоцку за его убытки 100 рублей и обѣ стороны обязались соблюдать прежніе договоры [72]).

Тогда въ Полоцкѣ контора вновь открылась, но дни ея были уже сочтены. Правда, что контора просуществовала все XV столѣтіе и даже до начала XVI вѣка, но на мѣсто прежней бойкой торговли — являлся все большій и большій застой: торговля начала принимать другое направленіе. Русско-литовскія войны въ началѣ XVI столѣтія нанесли сильный ударъ городу Полоцку и отняли у

---

[71]) См. тамъ же, №№ 253, 256 и 257.

[72]) См. тамъ же, №№ 260, 261 и 265.

нѣмецкихъ торговцевъ охоту отправлять свои товары въ этотъ городъ. Нерасположеніе полоцкаго туземнаго населенія къ своекорыстному, пользующемуся обширными привиллегіями и стѣсняющему мѣстные заработки чужеземцу постоянно возрастало, такъ что литовское законодательство вынуждено было обратить вниманіе на эти обстоятельства. 20 іюля 1511 г. король Сигизмундъ даровалъ Полоцку привиллегіи, отнимавшія у нѣмецкой колоніи ея существенныя выгоды и потрясшія основанія ея существованія. Привиллегіи эти имѣли для конторы почти тоже самое значеніе, какъ закрытіе въ 1494 г. нѣмецкаго двора въ Новгородѣ. Всѣ ограниченія, которыхъ русскіе напрасно добивались съ 1405 года, пали теперь на нѣмцевъ. Нѣмцамъ запрещенъ былъ доступъ въ Витебскъ и Смоленскъ, и торговля ихъ ограничена Полоцкомъ; тутъ они должны были торговать лишь съ горожанами, а не съ гостями и не съ пріѣзжими — да и то лишь оптомъ.

Послѣдній смертельный ударъ колоніи былъ нанесенъ въ началѣ XVI столѣтія новою торговою политикою ливонцевъ. Со времени уничтоженія новгородскаго двора, ливонцы поняли, что существованіе полоцкой конторы совершенно противорѣчитъ ихъ интересамъ. Сѣверо - русская торговля перешла въ ливонскіе города и выгодами ея ливонцы начали пользоваться исключительнѣе противъ прежняго. Съ изданіемъ закона о томъ, что гость не можетъ торговать съ гостемъ, былъ отнятъ доступъ къ торговлѣ всѣмъ другимъ ганзейскимъ городамъ. Слѣдствіемъ такого поворота въ воззрѣніяхъ, полоцкая контора непремѣнно должна была погибнуть. Съ наступленіемъ новаго времени, открывшаго торговлѣ новые дотолѣ неизвѣстные пути и разорившаго стѣснявшія ея узы, полоцкая контора, послѣ перемѣнчивой, продолжавшейся многія столѣтія жизни, прекратила свое существованіе.

Приложенія къ статьѣ
о
полоцкой нѣмецкой конторѣ.

Въ 1857 г. археографическая коммисія издала грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами въ XII-го, XIII-го и XIV-го вѣка, найденныя въ рижскомъ архивѣ извѣстнымъ изслѣдователемъ ливонской исторіи Карломъ Эдуардомъ Напьерскимъ (род. въ Ригѣ 21 мая 1793 г., изучалъ богословіе въ Дерптѣ съ 1810 по 1812 г., съ 1815 г. пасторъ въ Ней-Пебальгѣ, съ 1829 г. директоръ губернской гимназіи въ Ригѣ, съ 1851 членъ рижскаго цензурнаго комитета, умеръ 2 сентября 1864 года).

Изъ этого собранія грамотъ составитель „Сборника" признаетъ неизлишнимъ представить документы, относящіеся до полоцкой нѣмецкой конторы и торговли Полоцка съ Ригою, при чемъ для удобства въ чтеніи онъ измѣнилъ старинное правописаніе грамотъ на нынѣшнее, не измѣняя, впрочемъ, въ нихъ ни одного слова.

I

Грамота литовскаго князя Гердена о заключеніи имъ, въ качествѣ князя полоцкаго и витебскаго, мирнаго договора съ ливонскимъ магистромъ; обѣ стороны отказались отъ извѣстныхъ областей и установили разныя торговыя отношенія. Въ Ригѣ, 22 декабря 1264 г.

Князь Герденъ (верховный властитель Полоцка и Витебска по смерти Миндовга, послѣдовавшей осенью 1263 г.) кланяется всѣмъ тѣмъ, кто видѣлъ сію грамоту. Тѣ люди, что нынѣ живы суть, а

тѣмъ, кто на послѣ придутъ, тѣмъ вѣдомо буди, какъ миръ есмы сотворили промежи местеря (надобно разумѣть магистра Конрада фонъ Мендерна, съ 1263 на 1264 г. до 1267 г.) и съ ратманы рижскими и съ полочаны и Видьбляны. Такъ какъ грамота написана, такъ имъ надъ всею землею отступити, что есть Летыгольская земля, какъ не вступатися на тую землю, что князь Константинъ (Давыдовичъ, братъ Мстислава?) далъ местерю съ своею братьею, съ своею грамотою и съ печатью, како болѣ того на ту землю не поискивати. Верху того про ту пакость, что ся въ розмирьи створило, какъ имъ отъ обою сторону отступили, что Русская земля слыветъ Полоцкая; отъ той земли местерю и братьи его отступити бо всею правдою. Верху того нѣмецкому гостю въ полоцкую вольно ѣхати и торговати, такожъ полочаномъ и видибляниму вольно гостити въ Ригу и на готскій берегъ. А гдѣ будетъ кто кому виноватъ, въ томъ городѣ правити, гдѣ тотъ человѣкъ живетъ, индѣ судъ ему не искати; въ которой волости человѣкъ извинится, ту ему правда дати, или вина его. А старому миру стояти князя Герденя, князь тыпхъ, и кто по немъ будетъ: что поклепани на рѣзкѣ и что слыветъ Летыгольская земля, отъ того ся отступили со своею правдою; местерь такоже братья его отступили, что слыветъ полоцкая земля со всею правдою. Сію грамоту тогда написана въ Ригѣ, коли Богъ былъ 1000 лѣтъ и 200 и 60 лѣтъ и 4 лѣта по Рождествѣ Божіи дни за три дня".

II

Грамота полоцкаго князя Изяслава ливонскому магистру и рижанамъ о свободной торговлѣ и продолженіи мирныхъ сношеній (около 1265 года).

„Слово Изяслава, князя полоцкаго, къ епископу и къ местерю и ко всѣмъ вельневицемъ и ратманамъ и всѣмъ горожанамъ. Полотескъ, Видьбескъ одно есть, а волы есмы Божіи, и въ Мойшелгове (князь Войшелгъ Миндовговичъ), а Изяславъ со мною одно. На семъ ко мнѣ цѣловати крестъ въ правду, любовь имѣти и миръ: какъ было при первыхъ князьяхъ полоцкихъ, полочаномъ, видьбляномъ вольно торговати въ Ригѣ на Готскомъ берегу и въ Любцѣ, а рубежи не дѣяти. А кому съ кѣмъ тяжа, судъ дати безъ перевода, а суженаго не посуживати, а гдѣ кому годно, ту тяжется; поручники и должники и холопы выдати. А что ся въ рать дѣяло и въ рубежахъ,

про то вамъ не мщати, ни намъ вамъ мещати. Чего ся есма отступили въ Ризѣ, къ тому вамъ не прінскивати ни людей, ни земли, ни воды, ни борти. На семъ же цѣлуйте ко мнѣ крестъ по любви въ правду, безъ всякаго извѣта.

III

Грамота рижскаго архіепископа (Іоанна II-го) къ великому князю Ѳеодору Ростиславичу смоленскому, въ которой онъ обвиняетъ жителей Витебска въ несправедливой жалобѣ на рижанъ (1281 — 1297 г.).

Благословеніе отъ митрополита рижскаго къ своему милому сынови, князю великому Ѳеодору, и къ его дѣтямъ, и къ владыкѣ, и къ намѣстнику и ко всѣмъ боярамъ. То буди тебѣ вѣдомо про ту жалобу, что витьбляне жаловалися па рижаны, чѣмъ то хотѣли оправитися противу Гелмина (купецъ изъ Мюнстера), и ихъ слово таково. Хотѣли ся тѣмъ словомъ оправити и рекли такъ предъ княземъ Брянскимъ: выѣхали 50 мужъ изъ Риги и убили человѣка, и взяли 10 берковцевъ воску. И нынѣ я, митрополитъ, тако молвлю, какъ то витибляне неправдою жалобилися на рижаны, и нынѣ то есть мнѣ вѣдомо, аже рижане суть въ томъ невиновати; и нынѣ я тому дивился, аже твой намѣстникъ слушаетъ всякаго человѣка слова. А та правда есть промежи васъ и насъ: гдѣ ся тяжа почнетъ, ту кончати. И нынѣ я молюся вамъ, какъ то можете стояти въ той правдѣ и въ крестномъ цѣлованьи. Аже имѣть жалобитися васъ кто на рижаны, или Гелмина, или кто иный, и вышлите къ намъ, а мы правду дамы по Божьей правдѣ.

IV

Правая грамота смоленскаго великаго князя Ѳеодора Ростиславича по судному дѣлу о нѣмецкомъ колоколѣ (1284 г.).

Се язъ, князь смоленскій Ѳедоръ, судилъ есмь Биреля съ Армановичемъ про колоколъ, про нѣмецкій. Бирель правъ, а Армановичъ виноватъ. Выдалъ есмь Армановича и съ дворомъ нѣмцамъ

за колоколъ. А ту были на судѣ со мною бояре мои: Григорій, намѣстникъ Данило, Артемій, Микула Дядковичъ, Лука окольничій, Путята Дядковичь, а отъ нѣмецъ были на судѣ искали колокола: Янъ, Альбретъ изъ Брюсжвика, Генци, Яганъ Варендорпръ. Мойсей, княжь печатникъ Өедоровъ, печаталъ. Сія же грамата писана быть пщло было отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ и 80 лѣтъ и 3 лѣта, и на лѣто четвертое лѣто писана. А Өедорко писецъ княжъ писалъ.

V

Торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою о вѣсѣ товаровъ, о платѣ за вѣсъ и относительно товаровъ, подлежащихъ браку (около 1330 г.)

Тако хочемъ мы горожане съ мештеремъ: пережe, какъ вѣсити воскъ на скалвахъ, и вамъ чинити также, не тяжелей нашего полупуда тотъ товаръ, который вѣсити на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ, а коли товаръ на стану станетъ, отступи прочь, а рукою не приймай; а вѣсцеви (вѣсильщику) креетъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какій товаръ будетъ. А нѣмцамъ дати вѣсчаго отъ берковска заушая отъ воску, отъ мѣди, отъ олови; а соль вѣсити въ пудный ремень, отъ берковца взяти ему долгая, отъ рубля дати ему долгая. А въ Ригѣ русскому купцови отъ вѣса дати ему отъ берковца полъ овря, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю; а соль вѣсити пуднымъ ременемъ, отъ берковца дати ему отъ вѣса любескій и отъ гривны серебра любекской. А вѣситъ чистый воскъ безъ подсады, безъ смолы, безъ сала, какъ верхъ, такъ исподъ. Аже привезетъ нечистый товаръ, и нелюбъ будетъ, поѣхати ему назадъ со своимъ товаромъ, и свой князь тамо казнитъ его. Аже найдутъ у нѣмецъ нечистый товаръ въ русской земли: пойти ему назадъ съ товаромъ въ Ригу, тамъ его свой князь судитъ.

VI

Грамота смоленскаго князя Александра Глѣбовича къ рижанамъ о подтвержденіи прежнихъ дружественныхъ сношеній Смоленска съ Ригою (около 1300 г.)

Поклонъ отъ князя смоленскаго, отъ Александра, отъ Глѣбовича къ ратманамъ къ рижскимъ и ко всѣмъ горожанамъ. Како есте были въ любви съ отцомъ моихъ Глѣбомъ, и съ моемъ стрыемъ Ѳедоромъ, такъ будьте и со мною въ любви; а язъ той же любви хочу съ вами. Гостей ко мнѣ пущайте, и путь имъ чистъ, а мои мужи къ вамъ ѣдутъ, и путь имъ чистъ.

ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА
ГЕРМАНА ВАРТБЕРГА.

Die livländische Chronik
Hermann's von Wartberge.

Aus dem Lateinichen übersetzt

von

Ernst Strehlke.

BERLIN und REVAL.

1864.

Отъ переводчика.

Во 2-мъ томѣ „Scriptores rerum Prussicarum“, изданномъ Т. Гиршемъ, М. Теппеномъ и Эрнстомъ Штрельке была помѣщена лѣтопись Германа Вартберга, написанная на латинскомъ языкѣ и находившаяся въ архивѣ данцигскаго магистрата. Отдѣльный оттискъ этой лѣтописи Штрельке издалъ въ Лейпцигѣ въ 1863 г.

По выходѣ въ свѣтъ этой лѣтописи, эстляндскій ландратъ, баронъ Р. Толь (Кукерскій) поручилъ Штрельке издать оную въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Вслѣдствіе такого порученія въ маѣ 1864 года въ Берлинѣ и Ревелѣ вышла книга подъ заглавіемъ: Die livländische Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinischen übersetzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864, s. 66.

Переводъ этой книги и представляется здѣсь. Но кто такой былъ Германъ Вартбергъ?

Вотъ нѣкоторыя подробности о немъ, сообщенныя Штрельке въ примѣчаніяхъ къ переводу лѣтописи.

Германъ Вартбергъ (von Wartberge — Вартбергскій) былъ капеланомъ (священникомъ) ливонскаго провинціальнаго магистра, слѣд. былъ духовнымъ братомъ тевтонскаго ордена (о разрядахъ орденскихъ братьевъ см. на стр. XIX вступленія въ этомъ томѣ). РодинаВарт-

берга, происходившаго быть можетъ изъ бюргеровъ (горожанъ), находилась гдѣ-то въ Вестфаліи, странѣ, дворянство и бюргерство которой принимало значительное участіе въ колонизаціи нынѣшнихъ Прибалтійскихъ губерній. Надобно полагать, что Вартбергъ прибылъ въ Ливонію или вошелъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшія связи съ дворомъ ливонскаго магистра около 1358 года, потому что съ этаго именно года лѣтопись его подробнѣе противъ предшествовавшихъ годовъ Въ 1366 г. онъ уже исполнялъ важную должность повѣреннаго ливонской отрасли тевтонскаго ордена при заключеніи въ Данцигѣ договора между орденомъ и его старинными противниками, архіепископомъ рижскимъ и прочими ливонскими епископами. Это заставляетъ предполагать, что въ то время онъ былъ немолодымъ уже человѣкомъ. До насъ дошла написанная имъ официіальная бумага противъ притязаній духовенства и съ опроверженіемъ взводимыхъ духовенствомъ на орденъ обвиненій.

Занимая официіальное положеніе при ливонскомъ магистрѣ, Вартбергъ, при составленіи своей лѣтописи, могъ пользоваться архивными документами орденскаго замка въ Ригѣ; онъ не только велъ дипломатическіе переговоры ордена съ духовенствомъ, но и самъ лично участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ ордена. Онъ неоднократно сопровождалъ ливонскаго магистра Арнольда Фитингофа (управлявшаго орденомъ съ 1360 по 1364 г.) и Вильгельма Фримерсгейма (съ 1364 по 1385 г.) въ ихъ походахъ на литовскихъ язычниковъ. Однажды, въ 1372 г., Вартбергъ съ магистромъ и отрядомъ рыцарей возвращались домой въ Ливонію изъ Маріенбургскаго главнаго капитула въ Пруссіи. На дорогѣ, при Святой Аа, на нихъ напали литовцы, но были отражены, благодаря мужеству рыцарей. Подъ 1380 г. упоминается объ уполномоченномъ ливонскаго магистра Германѣ, коему было поручено заключить перемиріе съ княземъ литовскимъ Ягелло и полочанами. По всей вѣроятности, этотъ Германъ былъ ни кто иной, какъ Германъ Вартбергъ.

Вартбергъ писалъ свою лѣтопись, вѣроятно, не многимъ позднѣе того года, которымъ она кончается. При составленіи ея онъ очевидно пользовался, кромѣ документовъ ордена, мирныхъ трактатовъ, договоровъ съ мѣстными епископами и пр,. еще и другими офиціальными орденскими бумагами, какъ-то донесеніями магистру орденскихъ сановниковъ о военныхъ событіяхъ и проч. Ему были извѣстны и тѣ сочиненія, въ которыхъ до него уже излагалась исторія Ливоніи, именно лѣтопись Генриха Латышскаго, риѳмованная хроника и небольшая латинская ливонская хроника, относящаяся къ первой четверти XIV столѣтія и отрывки изъ которой сохранились въ другихъ современныхъ сочиненіяхъ именно въ лѣтописяхъ каноника замландскаго, динаминдскаго, ронебургскаго и позднѣе у Виганда Марбургскаго.

Нельзя сказать, чтобы Германъ Вартбергъ пользовался своими источниками съ тою добросовѣстностію и вѣрностію, какія можно требовать отъ безпристрастнаго лѣтописца. Гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ тевтонскаго ордена къ его противникамъ — духовенству и городамъ, у Вартберга вездѣ проглядываетъ, что онъ и тѣломъ и душою былъ настоящимъ повѣреннымъ ордена и усерднымъ защитникомъ справедливости его правъ. Впрочемъ, большая часть его лѣтописи посвящена военнымъ дѣйствіямъ ордена въ Ливоніи, преимущественно описаніямъ войнъ съ литовцами и русскими. Онъ касается современныхъ прусскихъ дѣлъ только тогда, когда они имѣютъ непосредственное отношеніе къ этимъ войнамъ. Въ своей провинціальной замкнутости, Вартбергъ оставилъ намъ превосходный матеріалъ для ливонской исторіи того времени, когда развитіе орденской власти въ Ливоніи достигло до высшей почти своей степени.

Тѣмъ болѣе вѣса имѣетъ лѣтопись Вартберга, что лишь чрезъ 200 лѣтъ послѣ него появляется въ Ливоніи другой историкъ, Бальтазаръ Рюссовъ, сочиненіе котораго имѣетъ для ливон-

ской исторіи XVI вѣка первенствующее значеніе, такое же самое какое имѣетъ лѣтопись Генриха для первоначальной исторіи Ливоніи.

Нѣкоторые писатели XV и XVI столѣтій пользовались лѣтописью Вартберга, но съ того времени и Вартбергъ, и его лѣтопись были совершенно забыты. Лишь въ новѣйшее время Вартбергъ вышелъ изъ забытья. Остается желать, чтобы были найдены другія старѣйшія и лучшія рукописи этой лѣтописи, чѣмъ представляемая теперь.

Всѣ примѣчанія, которыя помѣщены подъ текстомъ лѣтописи, принадлежатъ переводчику и издателю оной Эрнсту Штрельке.

Ливонская хроника

Германа Вартберга.

Прежде всего нужно знать, что въ то время, когда въ Ливоніи господствовало еще языческое суевѣріе, по волѣ Божескаго милосердія, въ гавань р. Двины прибыли на корабляхъ съ товарами купцы, съ купцами прибылъ и достопочтенный старый священникъ, по имени Мейнардъ. Онъ посвятилъ себя проповѣди единственно ради вѣчной награды, и распространялъ слово Господа нашего Іисуса Христа между идолопоклонниками ливами. Послѣ съ теченіемъ времени названные купцы основали, съ позволенія ливовъ, самую первую церковь въ деревнѣ Икскулѣ. Затѣмъ по ихъ, ливовъ, просьбамъ они построили тамъ же замокъ. И вотъ, послѣ того какъ тамошняя церковь была основана для спасительнаго руководства ливовъ, достопочтенный отецъ Мейнардъ посвящается въ епископы и нарекается ливонскимъ въ лѣто Господне 1143. И онъ жилъ двад- 1186
цать три года въ этой должности, которую вѣрно правилъ, и скон- 1196
чался въ мирѣ [1]. 12 Октября.

---

[1]) Разсказъ Германа Вартберга о началѣ нѣмецкихъ отношеній въ Ливоніи, для исторіи которыхъ авторитетомъ служитъ лѣтопись Германа Латышскаго, страдаетъ значительными невѣрностями. Главная ошибка та, что для согласованія показаннаго въ рпемованной хроникѣ невѣрно года 1143 г. съ годомъ прибытія епископа Альберта послѣ смерти втораго епископа Бертольда, послѣдовавшей у Вартберга въ 1178, а на самомъ дѣлѣ въ 1198 году, вставленъ епископъ Альбертъ 1, котораго никогда не бывало. Вслѣдствіе этого произошли и другія погрѣшности, большею частью, впрочемъ, исправленные на поляхъ. На самомъ дѣлѣ также и епископская дѣятельность въ это время въ Ливоніи занимала гораздо важнѣйшее мѣсто, чѣмъ это допускаетъ Вартбергъ.

Икескула это Искуль, на юго-востокъ отъ Риги, недалеко отъ праваго берега Двины.

1196 Въ лѣто Господне 1167 ливонскимъ епископомъ былъ пре-
1198 освященный Бертольдъ, котораго ливы, собравшіе снова вѣро-
24 Іюля. ломно войско, свирѣпо умертвили при Песчаной Горѣ [2]).

Въ 1178 преосвященный Альбертъ былъ епископомъ въ Ливоніи. Когда въ его время папа Иннокентій III-й замѣтилъ, что духовный мечъ приноситъ слишкомъ мало пользы у невѣрныхъ, онъ присовокупилъ къ нему также и видимый мечъ, а
1202 именно орденъ братьевъ рыцарства Христова, которымъ онъ назначилъ третью часть земель всего епископства (епархіи), видя что безъ помощи ордена тѣ страны не могутъ быть покорены или быть удержаны послѣ покоренія. Поэтому святѣйшій папа милостиво принялъ этотъ орденъ послѣ его основанія подъ покровительство св. апостола Петра и свое собственное и приказалъ ему соблюдать правила братьевъ храмовниковъ, но носить на платьѣ другой знакъ, именно мечъ и крестъ, чтобы показать, что они (новые рыцари) не подчиняются братьямъ храмовымъ рыцарямъ. Упомянутые братья избрали себѣ тогда магистромъ искуснаго мужа, по имени Винно, который долженъ былъ «творить брань людемъ» [3]) и вѣрно управлять ихъ союзомъ. Но тотъ же папа Иннокентій послалъ преосвященнаго
1225 Вильгельма епископа моденскаго легатомъ въ ливонскую провинцію; легатъ этотъ, такъ какъ число вѣрующихъ увеличилось, раздѣлилъ землю между епископомъ и братьями, и тому и другимъ назначилъ ихъ части.

Въ это время въ Ливоніи былъ только одинъ епископъ, съ титуломъ «епископа ливонскаго», тотъ самый, къ которому обращены были отъ папы Иннокентія слѣдующія декреталіи: «Объ образѣ жизни и благопристойности духовенства: Господь Богъ, который, и т. д., далѣе: «о разводахъ»; далѣе: «о церковныхъ наказаніяхъ и ихъ ослабленіи».

Затѣмъ братья, равно какъ и пилигримы начали сообща постройку города Риги, и построили тамъ, послѣ отвода и представленія имъ трети города, красивый и крѣпкій замокъ. Послѣ же
Лѣтомъ 1201 постройки города, ради безопасности, доставляемой мѣстомъ, церковь была перенесена въ Ригу и епископъ названъ въ то же время «рижскимъ епископомъ», онъ не былъ еще архіепископомъ, а только суффраганомъ архіепископа бременскаго. Епископъ этотъ избралъ себѣ жилище въ названномъ городѣ Ригѣ вмѣстѣ съ упомянутыми братьями, такъ что ихъ отдѣляла другъ отъ друга только стѣна, что и теперь продолжается. И ни тогда ни когда нибудь позднѣе у епископа не было судебной свѣтской власти, или какихъ бы то ни было

---

[2]) Песчаная гора находилась у Риги.

[3]) И сотворитъ (Іуда Маккавей) брань людемъ. См. I Маккавейскія 2, 66. Такими борцами вѣры часто именовали рыцарей тевтонскаго ордена въ очень многихъ какъ ихъ собственныхъ, такъ и иностранныхъ документахъ.

чиновников въ городѣ Ригѣ; но жители сами судились и управлялись въ Ригѣ и до сихъ поръ всегда неограничено приводили въ исполненіе свѣтскіе законы.

Но братья помянутаго рыцарства Христова споспѣшествовали мужественно и вѣрно дѣлу вѣры, для котораго они были посланы, и подчинили церкви и христіанской вѣрѣ многими войнами съ помощью пилигримовъ и божьимъ заступленіемъ не только Ливонію, но и сосѣднія земли летовъ и эстовъ. Вслѣдствіе этого названный легатъ, нынѣ кардиналъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ устроилъ еще другія каѳедральныя церкви, именно на Эзелѣ и въ Дерптѣ. Магистръ же названнаго рыцарства Христова построилъ послѣ покоренія ливовъ и летовъ нѣсколько замковъ, а именно Зегевольдъ, Венденъ и Ашераденъ. Однако онъ разрушилъ и уничтожилъ совершенно Кокенгузенъ и Герцеке, въ которыхъ тогда жили еретики (русскіе).

Въ лѣто Господне 1198 епископомъ Риги былъ Альбертъ второй, по порядку же четвертый. На второмъ году послѣ его посвященія былъ основанъ и построенъ у устья Двины цистерціанскій монастырь, названый Горою св. Николая или Динаминдомъ. 1202

Въ то же время избранъ былъ первый эстонскій епископъ по имени Теодорихъ, такъ какъ церковь росла и число вѣрующихъ увеличилось. Въ Семигаліи же былъ избранъ епископомъ Ламбертъ. 1211

Наконецъ Винно, магистръ помянутаго рыцарства Христова, вмѣстѣ съ его капеланомъ (священникомъ) Іоанномъ, ни въ чемъ невиновные, были свирѣпо умерщвлены братомъ того же ордена Вигбертомъ. Этотъ Винно управлялъ своими братьями и страной 18 лѣтъ. 1224 Въ началѣ 1209

Въ 1211 году жилъ второй магистръ братьевъ рыцарства Христова, Вольквинъ, не менѣе способный, благочестивый и честный мужъ. Онъ мудро велъ войны Господни, и братья ордена вѣрно помогали ему.

Онъ же покорилъ эстовъ и эзельцевъ христіанской вѣрѣ и наложилъ на нихъ дань; онъ построилъ также, а именно изъ камня, замокъ Феллинъ и небольшой ревельскій замокъ, и укрѣпилъ ихъ самымъ лучшимъ образомъ башнями и глубокими рвами. Онъ произвелъ также и другія постройки около Дерпта и Одемпе, о коихъ я ради краткости не упоминаю.

Далѣе онъ завоевалъ Изборкъ [4]), русскій замокъ. Плесковскіе же русскіе (псковичи) подчинились ему послѣ того, какъ онъ сжегъ ихъ городъ. 1249 16 сентября

---

[4]) Изборкъ это Изборскъ, Плесковъ—Псковъ;Ногардъ — Новгородъ; Капорье — Копорье между Нарвой и Ораніенбаумомъ.

Для охраны замка, равно какъ и для увеличенія числа обращенныхъ,
1242 мартъ магистръ оставилъ здѣсь двухъ орденскихъ братьевъ съ небольшимъ числомъ людей. Но когда новгородцы узнали объ этомъ, они захватили внезапно оставшихся братьевъ вмѣстѣ съ ихъ людьми.

1241 Далѣе онъ построилъ у русскихъ замокъ по имени Капорію и наложилъ въ то же время дань на ватландскихъ русскихъ. (См. въ концѣ, примѣч. 1).

1210 Въ его время земли летовъ и ливовъ были раздѣлены; часть-же назначенная братьямъ досталась имъ вмѣстѣ съ десятинами, церквами и всѣми свѣтскими доходами, братья не были обязаны также платить изъ этого соборной дани (Kathedraticum) [5].

Въ томъ же году 19 декабря была освящена въ Ригѣ цер-
1225 ? ковь св. Георгія выше названнымъ кардиналомъ преосвященнымъ Вильгельмомъ моденскимъ, при сослуженіи трехъ другихъ епископовъ.

Далѣе былъ заключенъ договоръ съ епископомъ Герма-
1224 23 іюля номъ Леальскимъ о земляхъ Саккельнѣ, Мохѣ и Нормекундѣ съ принадлежностями къ нимъ.

Затѣмъ въ 1225 г. легатомъ апостольскаго престола, пре-
1225 5 Апрѣля освященнымъ Вильгельмомъ моденскимъ было совершено устройство церквей въ Ригѣ.

Имъ же были сдѣланы полезныя распоряженія касательно
1226 15 марта границы города Риги по обѣ стороны Двины и еще касательно многаго другаго.

Далѣе въ лѣто Господне 1228, въ пятницу, 18 августа, куроны и семигалы овладѣли замкомъ Динаминдомъ, и монахи были безчеловѣчно умерщвлены различнымъ образомъ.

Въ это время Курляндія не была еще христіанскою или обращенною въ правовѣрное ученіе, почему магистръ и его братья вмѣстѣ со множествомъ пилигримовъ, возбужденные рвеніемъ къ Богу, собрались въ многочисленное войско, чтобы отомстить смерть монаховъ, двинулись въ названную землю и подчинили тотъ дикій народъ христіанству. Вслѣдствіе этого кардиналъ получившій титулъ священника церкви св. Сабины [6]), котораго прежде звали моденскимъ, назначилъ, въ свою тогдашнюю частую бытность въ Ливоніи, епископа Энгельберта и подчинилъ ему эту страну. Съ этимъ епископомъ братья рыцарства Христова заключили, съ согласія названнаго легата, договоръ такого содержанія, что епископъ получаетъ двѣ части, а братья третью часть всей земли въ Курляндіи.

---

[5]) Kathedraticum это ежегодная дань мѣстному епископу, въ знакъ признанія его духовной власти.

[6]) Вильгельмъ, бывшій епископъ моденскій, не былъ кардиналомъ-священникомъ римской приходской церкви св. Сабины, а скорѣе кардиналомъ епископомъ Сабины, одного изъ семи лежащихъ вблизи Рима епископствъ, управлявшихся кардиналами.

Когда затѣмъ магистръ и братья рыцарства Христова выдержали бой при рѣчкѣ Иммернѣ [7]), они настоятельно просили чрезъ 1229
пословъ и письмами великаго магистра ордена братьевъ св. маріинскаго госпиталя нѣмцевъ въ Іерусалимѣ, Германа Зальскаго
(фонъ Зальца) присоединить ихъ къ своему ордену. Это по извѣст- 1229
нымъ причинамъ замедлилось, именно изъ за замковъ и земель Ревеля, Гарріена и Вирланда, равно какъ и Іервена, на которыя заявилъ свои притязанія Вольдемаръ, король датскій, увѣряя, что они принадлежатъ ему.

Послѣ многихъ славныхъ и счастливыхъ битвъ съ невѣрными, магистръ Вольквинъ, въ предпринятомъ имъ походѣ противъ невѣрныхъ литовцевъ, былъ убитъ тѣми литовцами вмѣстѣ съ господиномъ Газельдорномъ и графомъ Даненбергомъ, пятидесятью орденскими братьями и множествомъ вѣрующаго народа въ Саульской землѣ [8]), въ день св. Морица и его сомучениковъ (22 сентября 1236 г.).

Послѣ того, какъ и епископъ Энгельбертъ, духовенство курляндской церкви и тамошній христіанскій народъ были совершенно истреблены, куроны впали въ свое прежнее невѣріе.

Послѣ этого печальнаго событія, оставшіеся въ живыхъ братья рыцарства Христова вмѣстѣ съ епископами рижскимъ, дерптскимъ и эзельскимъ повторили въ очень жалобныхъ письмахъ къ папѣ Григорію IX прежнюю просьбу, представляя ему надежду, что соединенные въ одну паству они скоро уничтожили бы побѣдоносной рукой враждебныя силы противниковъ. И такъ выше названный святѣйшій папа Григорій рѣшилъ съ общаго совѣта карди-
наловъ въ 1235 году соединить тѣхъ братьевъ съ условіемъ, чтобы 1237
упомянутыя выше земли были возвращены выше названному королю.

Послѣ того какъ соединеніе, какъ сказано, было совершено, упомянутый великій магистръ названнаго госпиталя въ Іерусалимѣ, братъ Германъ Зальца, послалъ брата Германа Балка въ Ливонію и съ нимъ брата Дитриха Гронингенскаго и назначилъ брата Германа Балка сановникомъ или магистромъ братьевъ въ Ливоніи.

Когда такимъ образомъ было принято братьями рыцарства Христова одѣяніе упомянутаго ордена и въ 1238 г., со дня воплоще-
нія Господа Бога, замки и земли возвращены были братьями королю, 1328
страна же Іервенъ была уступлена братьямъ многократно упомяну-
тымъ королемъ въ видѣ милостиваго дара, тогда братья въ Ливоніи 7 іюня.

---

[7]) Иммернъ, прежде Имера, Эмернъ, вѣроятно теперешняя Зедде, впадающая съ востока въ Буртнекское озеро.

[8]) Саульская земля. Мѣстность Раденъ около Бауска зовется по латышски Сауле.

начали сильно сердиться на своего магистра брата Германа Балка за эту уступку. Онъ поэтому покинулъ Ливонію, назначивши своимъ замѣстителемъ брата Дитриха Гронингенскаго и, вернувшись къ великому магистру, былъ уволенъ отъ должности.

Въ лѣто Господне 1240 г. замѣщающій должность магистра братъ Дитрихъ Гронингенскій покорилъ снова Курляндію, выстроилъ въ ней два замка Гольдингенъ и Амботенъ, и побудилъ куроновъ къ
1245 принятію святаго крещенія добротою и силою, за что онъ и получилъ отъ легата преосвященнаго Вильгельма и затѣмъ отъ святѣйшаго папы Иннокентія утвержденіе права на владѣніе двумя
7 и 9 февраля третями Курляндіи, такъ что прежній договоръ, заключенный о Курляндіи съ братьями рыцарства, или какой либо другой, не имѣлъ уже силы въ сравненіи съ этимъ. Онъ заключилъ также условіе съ
1242 преосвященнымъ епископомъ эзельскимъ о земляхъ Сворве и Коце, далѣе о томъ, что деревня Легальсъ должна на половину принадлежать братьямъ.

Нужно замѣтить, что въ епископствѣ семигальскомъ за преосвященнымъ Ламбертомъ, о которомъ говорилось выше,
1236 слѣдовалъ братъ Генрихъ Люткеленбергскій, вышедшій изъ ордена миноритовъ. Послѣ того какъ преосвященный Энгельбертъ, епископъ курляндскій, былъ убитъ со своимъ духовенствомъ литовцами, этотъ братъ Генрихъ Семигальскій былъ легатомъ, епископомъ Вильгельмомъ моденскимъ, смѣщенъ и переведенъ отъ курляндской церкви. А семигальская церковь была затѣмъ присоединена къ рижской.

Братъ же Дитрихъ Гронингенскій оставался въ Ливоніи во все время при двухъ нижеупоминаемыхъ магистрахъ, исполняя по порученію великаго магистра должность замѣстителя магистра и помогалъ имъ вездѣ съ вѣрностью совѣтомъ и дѣломъ.

Въ 1241 г. Андрей Фельфенскій былъ магистромъ въ Ливоніи. Въ его время эзельцы отложились отъ вѣры и избили христіанскій народъ вмѣстѣ съ бывшимъ на лицо духовенствомъ, причемъ преосвященный Генрихъ, ихъ епископъ, едва избѣжалъ смерти. Но когда выше названный магистръ ихъ снова покорилъ, онъ имъ даровалъ нѣкоторыя права и вольности, которыя впослѣдствіи этотъ епископъ утвердилъ.

Въ 1245 году магистромъ въ Ливоніи былъ братъ Генрихъ Гиппенбергскій, терпѣвшій сильныя нападенія отъ язычниковъ. Затѣмъ, уволенный отъ должности, онъ удалился въ Германію.

Въ 1250 году магистромъ былъ братъ Андрей Стирлантъ. Въ его время Миндовъ, король литовскій и его супруга

Марта приняли крещеніе и получили отъ святѣйшаго папы Иннокентія IV королевскую литовскую корону.

Во время этого магистра орденскій намѣстникъ въ Германіи Эбергардъ Сейненскій былъ присланъ въ Ливонію съ полномочіемъ отъ великаго магистра. Въ ихъ время въ 1252 г. былъ 1252
выстроенъ замокъ Мемель. Бывали также закладки и устройства 1253
церквей въ Курляндіи, какъ въ части епископа, такъ и въ областяхъ
братьевъ; далѣе происходилъ раздѣлъ земли Курляндіи; далѣе раздѣлъ 1254
земель Вика и Эзеля; далѣе распредѣленіе и раздѣлъ земель Оппемеле; затѣмъ подарокъ земель Зеловъ, а именно Веддена, Полоня, 1255
Малейзина и Товракса съ принадлежащими къ нему угодями съ 1257
утвержденіемъ святѣйшаго папы. 1260

Въ 1255 г. Анно былъ магистромъ въ Ливоніи. Онъ совершилъ большой походъ въ землю самовъ (самаитовъ). Онъ даровалъ эзельцамъ, послѣ ихъ неоднократнаго отложенія, нѣкоторыя права, дабы кроткою приманкою успѣшнѣе возвратить ихъ въ вѣрѣ.

Онъ построилъ также мельницу, лежащую у Мутина на Дангѣ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ великимъ магистромъ. Въ концѣ 1256

Въ 1256 г. Людвигъ былъ замѣстителемъ магистра въ Ливоніи; онъ, говорятъ, вошелъ въ мирное соглашеніе съ архіепископомъ Альбертомъ рижскимъ насчетъ трети замка Герцеке и земли Зеловъ, равно какъ и на счетъ десятинъ съ замковъ Зегевольда и Венденa; но его порицаютъ за многое: во первыхъ, за то, что соглашеніе съ архіепископомъ насчетъ десятинъ было излишне, такъ какъ все равно братья рижскаго и другихъ епископствъ должны были получать свою часть вмѣстѣ съ десятинами, церквами и всѣми свѣтскими доходами, а также должны были чинить судъ надъ горожанами; далѣе за то, что это условіе онъ заключилъ безъ утвержденія капитула, будучи самъ только короткое время лишь замѣстителемъ магистра.

Въ 1257 году магистромъ въ Ливоніи былъ Борхардъ Горнгузенскій. Онъ построилъ сначала замокъ въ Добеленѣ, затѣмъ замокъ Карзове. Онъ даровалъ также бюргерамъ Мемельбурга нѣкоторыя права, которыя впослѣдствіи утвердилъ преосвященный епископъ Генрихъ курляндскій. Тамъ же было сдѣлано постановленіе насчетъ церкви св. Іоанна. 1258

Но вмѣстѣ съ 150-ю братьями онъ былъ убитъ преслѣдовавшими ихъ литовцами въ день св. Маргариты (13 Іюля 1260 г. когда куры во второй разъ впали въ прежнее невѣріе [9]). Маршалъ ордена (предводитель войска) со многими пилигримами былъ убитъ въ томъ же сраженіи, а восемь братьевъ измѣной претерпѣли въ

---

[9]) Карзове нынѣ Юрбургъ на Мемелѣ. Мемельбургъ нынѣшній Мемель. Въ рукописи, вмѣстѣ 150 показано 200, но это ошибка.

замкѣ Вартайенѣ [10]) мученичество. Послѣ битвы нѣкій Георгъ исполнялъ должность магистра.

Въ слѣдующемъ году (1261) въ день св. Власія (3 февраля) была битва съ литовцами у Леневардена.

Въ 1261 г. братъ Вернеръ былъ магистромъ. Въ его время Миндовъ, король литовскій, отложился отъ вѣры. Русскіе же заняли Дерптъ и разрушили его до тла. Далѣе тотъ король изгналъ изъ своихъ земель братьевъ и всѣхъ христіанъ. А магистръ разрушилъ въ Курляндіи, два замка, именно Кертенѣ и Ампильтенъ [11]), сжегши ихъ до тла вмѣстѣ съ людьми обоего пола и вообще всѣмъ, что въ нихъ было. Затѣмъ тотъ же магистръ Вернеръ былъ раненъ однимъ сумасшедшимъ братомъ; уволенный отъ должности, онъ возвратился на кораблѣ въ Германію лечиться.

Въ 1263 г. магистромъ былъ братъ Конрадъ Мандернскій. Онъ построилъ въ 1265 г. Митаву и замокъ Виттенштеенъ [12]). Онъ оставилъ ливамъ десятину отъ скота, чтобы они съ тѣмъ ревностнѣйшею вѣрою боролись противъ язычниковъ. Онъ получилъ
1265 5 апрѣля также землю Цомгафе отъ епископа Эмунда въ видѣ залога за издержки, сдѣланныя при постройкѣ замка Амботена. Далѣе онъ даровалъ бюргерамъ Пернова нѣкоторыя вольности, которыя были
1309 утверждены Гергардомъ Іоркскимъ, тогдашнимъ ливонскимъ магистромъ.

Въ его же время король литовскій Миндовъ былъ убитъ однимъ знатнымъ литовцемъ, хотѣвшимъ завладѣть королевствомъ. Но сынъ короля, находившійся у русскихъ и услышавшій объ убійствѣ отца, возвратился въ Литву, чтобы отомстить убійство отца. Всѣхъ христіанъ, которыхъ онъ нашелъ плѣнными въ своемъ государствѣ, онъ милостиво отправилъ назадъ въ Ригу къ магистру. Но
1263 затѣмъ онъ дался въ обманъ литовцамъ, составилъ съ ними заговоръ и послалъ въ томъ же году войско въ Викъ и Перновъ и опустошилъ эти области въ Срѣтеніе Господне (2-го февраля). А недѣлю
въ февралѣ спустя послѣ этого праздника была дана литовцамъ битва при Динаминдѣ (см. въ концѣ, прим. 2).

Во время этого магистра въ Курляндіи замокъ Грезе [13]) былъ до тла разрушенъ и сожженъ, а скотъ и всѣ другія вещи были взяты. Затѣмъ онъ возвратился въ Германію.

---

[10]) Вартайенъ нынѣшній Вартаенъ въ кирхшпилѣ Дурбенъ.

[11]) Кертененъ и Ампильтенъ—нынѣшній Кротингенъ, Кредингенъ въ Виленской губерніи и вѣроятно Импельтъ на курляндской границѣ съ Литвою.

[12]) Виттенштеенъ, нынѣ на верхнегерманскомъ нарѣчіи Вейсенштейнъ.

[13]) Грезе, нынѣшній Грёзенъ на правомъ берегу Виндавы, гдѣ рѣка эта вступаетъ въ Курляндію.

Въ 1267 г. магистромъ былъ братъ Оттонъ, о святости котораго доказываютъ многія свидѣтельства. Онъ выстроилъ церковь въ Монѣ.

Въ 1268 г. Димитрій, русскій король (князь), собралъ многотысячное войско и смѣло двинулся въ Вирландъ, опустошая его грабежемъ и пламенемъ. Безстрашно и мужественно вышелъ противъ него преосвященный Александръ, епископъ дерптскій, съ вассалами своей церкви, орденскими братьями изъ Феллина, Виттенштеена и Леаля и ихъ людьми и вассалами, равно какъ и съ вассалами короля датскаго, между тѣмъ какъ магистръ Оттонъ сражался у Двины съ литовцами. Въ битвѣ бывшей при Магольмской церкви палъ преосвященный епископъ Александръ съ двумя орденскими братьями; а народъ, собранный въ войско, избилъ при вторичномъ столкновеніи у какой-то рѣчки 5,000 русскихъ и обратилъ остальныхъ въ бѣгство (см. въ концѣ прим. 3). 1268 18 февраля 23 апрѣля

Магистръ Оттонъ же былъ убитъ литовцами на льду съ 52 орденскими братьями и 600 христіанами, при Каруснѣ въ Викѣ, въ день св. Юліаніи (16 февраля).

Въ 1270 г. послѣ этой битвы нѣкій братъ Андрей исполнялъ должность магистра въ Ливоніи. И онъ также палъ вмѣстѣ съ 20 орденскими братьями въ томъ же году въ битвѣ съ литовцами.

Въ томъ же году (1270) магистромъ былъ братъ Вольтеръ Нортэкскій. Въ его время были подчинены семигалы и обложены данью. Онъ произвелъ раздѣлъ Семигаліи съ рижскимъ соборнымъ капитуломъ, далѣе договоръ съ архіепископомъ о постройкѣ тамъ замка. 1272 послѣ 21 апрѣля 7 октября 1271 27 августа

Въ 1274 г. магистромъ былъ братъ Эрнстъ. Онъ построилъ замокъ Динабургъ; онъ заключилъ также договоръ съ Рудольфомъ Унгернскимъ; далѣе (заключилъ договоръ) съ рижскимъ соборнымъ капитуломъ о постройкѣ плотины въ Ирбѣ; далѣе онъ даровалъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Іоанномъ, архіепископомъ рижскимъ, и преосвященнымъ Германомъ, епископомъ эзельскимъ, нѣкоторыя льготы купцамъ въ Ливоніи. Онъ предпринялъ большой походъ въ страну литовцевъ въ Кернове[14]) и литовцы, преслѣдуя, убили его 5 марта 1278 г. вмѣстѣ съ 71 братомъ у Ашераденa; точно также (убили) и Эйларда Обергенскаго, начальника ревельской земли, вмѣстѣ съ его людьми, далѣе рыцарей Тизенгаузена и Генриха Врангеля со многими другими жителями и пилигримами. 1277 29 марта

Послѣ этого мѣсто магистра замѣщалъ братъ Гергардъ Кацепельбогенскій.

---

[14]) Кернове, нынѣ Кѣрново — резиденція литовскихъ князей на Виліи.

Въ 1280 году магистромъ былъ братъ Конрадъ Вухтвангенскій; въ его время семигалы вторично отложились отъ
1279 вѣры и умертвили 20 братьевъ вмѣстѣ съ ихъ людьми, разрушили
1279 весною до основанія построенный братьями замокъ Терветенъ [15]). Впослѣдствіи Конрадъ былъ великимъ магистромъ.
129

Въ 1282 г. магистромъ былъ братъ Виллекинъ Эндорпскій. Онъ выстроилъ Гейлигенбергъ въ Семигаліи.

Онъ же утвердилъ бюргерамъ Феллина 29 Іюня 1283 года границы городской земли съ ихъ правами (Авезе и Вахтерспе).

Далѣе онъ основалъ и освятилъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Іоанномъ, архіепископомъ рижскимъ, церкви въ Вольмарѣ, Венденѣ, Буртникѣ и Трикатенѣ въ участкахъ братьевъ [16]). Съ тѣмъ-же архіепископомъ онъ заключилъ сдѣлку касательно сидегундскихъ крестьянъ.

Когда Виллекинъ въ одномъ походѣ противъ семигаловъ дошелъ до одного мѣста, называемаго Грозе [17]), то былъ убитъ вмѣстѣ съ 34 братьями и другими въ 1287 году, на другой день послѣ Благовѣщенія (26 марта).

Въ лѣто Господне 1288 братъ Коно Гаттенштеенскій былъ магистромъ. Онъ опустошилъ мало по малу всю Семигалію. Семигальскіе замки Ратленъ, Добеленъ, Соддобернъ и Терветенъ онъ разрушилъ до основанія [18]).

Въ 1290 г. магистромъ былъ братъ Гальтъ. Онъ жилъ спокойно и мирно со всѣми епископами и духовенствомъ, безъ вреда своему ордену.

9 мая Въ свой первый годъ, онъ заключилъ союзъ съ курляндскимъ епископомъ, преосвященнымъ Эдмундомъ, насчетъ замка Амботена, принятаго Гальтомъ отъ Эдмунда со всѣми доходами, принадлежащими къ епископскому столу для охраненія и содержанія въ порядкѣ, для пользы и прибыли какъ земель Курляндіи, такъ и католической вѣры. Этотъ-же епископъ уступилъ тому же магистру 90 гаковъ земли въ области Нормесъ [19]), въ видѣ залога, на сдѣланныя уже и еще предвидимыя издержки на упомянутый замокъ.

---

[15]) Замки Терветенъ и Гейлигенбургъ лежали при теперешнемъ дворѣ на Горѣ въ Семигаліи на Тервитѣ, притокѣ рѣки Свенты или Шведты.

[16]) Трикатенъ въ двухъ миляхъ на востокъ отъ Вольмара. Сидегундс это нынѣшній Сиггунде на югъ отъ Зегевольда.

[17]) Грозе. Мѣстечко Грозенъ лежитъ въ Курляндіи рядомъ съ имѣніемъ Веезатенъ и Нейенбургскомъ кирхшпилѣ.

[18]) Названные четыре семигальскіе замка кажется были: Ракетенъ, также Ракенъ, можетъ быть нынѣшній Раггенгофъ; или Раттенъ нынѣшній Раденъ около Бауска; Добленъ на западъ отъ Митавы; по Калмейеру около двора (усадьбы) Судраббе или на Судраббѣ, притокѣ Платоны, вытекающей въ Литвѣ. О Терветенѣ см. прим. 15.

[19]) Нормесъ, по Кальмейеру, находился у Шлека на юго-востокъ отъ Пильтена.

Гальтъ заключилъ союзъ и полюбовную сдѣлку съ архіепископомъ рижскимъ, преосвященнымъ Іоанномъ, по поводу различныхъ возникшихъ вопросовъ, вслѣдствіе которой архіепископъ предоставилъ ему и ордену въ венденскомъ округѣ островъ въ три гака, за который былъ поднятъ споръ, такъ какъ границы братьевъ, повидимому, перешли за этотъ предѣлъ.

Онъ заключилъ также договоръ съ преосвященнымъ Генрихомъ, епископомъ эзельскимъ, о четверти семи киликундовъ [20]) и о четверти лена въ Викѣ и о многихъ другихъ спорныхъ предметахъ. Онъ умеръ въ 1292 г.

Въ 1295 г. магистромъ былъ братъ Генрихъ Динстелагскій. Онъ заключилъ съ епископомъ Бернгардомъ деритскимъ и его капитуломъ союзъ на вѣчныя времена. Онъ умеръ 28 октября 1296 г. После 30 апрѣля

Въ 1297 году магистромъ былъ братъ Бруно. Въ его время рижскіе бюргеры первый разъ начали войну съ орденомъ. Соединившись съ литовцами, они разрушили дворъ, т.-е. замокъ, построенный для 60 братьевъ, и конвентъ, каковымъ замкомъ орденъ владѣлъ съ перваго основанія города Риги; тамъ было обыкновенное мѣстожительство магистра. Замокъ былъ разрушенъ вмѣстѣ съ остальными домами, построенными для нуждъ братьевъ, и двумя крѣпкими и высокими башнями. Они разрушили также и другую башню, у подножія которой была мельница съ четырьмя колесами, называемая Бартольдовой; изъ нея они увели и взяли въ плѣнъ шесть братьевъ; все остальное было взято въ видѣ добычи. 29 и 30 Сентября 1298 іюнь

Далѣе тѣ же переодѣтые бюргеры, съ помощью литовцевъ, измѣной взяли замокъ Карксъ [21]), который они разрушили огнемъ со всѣмъ, что въ немъ было, причемъ умерщвленъ одинъ духовный братъ ордена и трое другихъ братьевъ съ ихъ людьми.

Въ 1298 году, недѣлю спустя послѣ Троицы (1 Іюня), тѣ же бюргеры, въ сообществѣ съ литовцами, убили магистра Бруно вмѣстѣ съ 60 братьями, безчисленнымъ множествомъ народа, когда онъ ихъ преслѣдовалъ при рѣкѣ Трейдерѣ [22]). Послѣ избіенія болѣе 3000 человѣкъ, литовцы подѣлили съ рижанами добычу и возвратились домой. Далѣе тѣ же бюргеры построили, при входѣ въ свой городъ, замокъ для невѣрныхъ, который и по нынѣ называется «литовскимъ замкомъ». Въ томъ же году вмѣстѣ съ литовцами они осадили Нейермюленъ, гдѣ въ день апостоловъ Петра и Павла (29-го іюня), они были побиты и оттѣснены въ воду.

---

[20]) Семь Килегундъ это такъ называемый Страндвикъ.

[21]) Карксъ нынѣ Каркусъ, на западъ отъ южной конечности Вирцъервскаго озера.

[22]) Трейдера — теперешняя Аа.

Въ 1299 г. магистромъ былъ братъ Готфридъ Рогс. Въ его время раздоръ съ рижанами продолжался.

Въ 1307 году, въ праздникъ св. Процесса и Мартиніана (2 іюля), сражались съ литовцами передъ Ригой. Затѣмъ магистръ заключилъ съ рижанами перемиріе и договоръ, по которому онъ получилъ отъ нихъ тѣ гаки земли, которыми они владѣли въ Курляндіи, и на Эзелѣ въ участкахъ братьевъ.

Въ 1309 г. магистромъ былъ братъ Гергардъ Іорке. Онъ снова отстроилъ въ 1313 г. замокъ Динабургъ, который братья разрушили, чтобы освободить рыцаря Іоанна Икскуля, взятаго въ плѣнъ язычниками литовцами въ замкѣ Герцекѣ.

Въ томъ же году нѣсколько морскихъ разбойниковъ изъ города Риги ограбили на Эзелѣ приходъ Киликунде. На возвратномъ пути буря пригнала ихъ на берегъ у Дондангена. Братъ Эвергардъ Мунгеймскій, виндавскій командоръ, велѣлъ ихъ взять въ плѣнъ и, по отсѣченіи ступней, повѣсить за изувѣченныя ноги на деревьяхъ. Жители же Риги, вслѣдствіе этого, послали черезъ преосвященнаго архіепископа (онъ былъ изъ минориткаго ордена) Фридриха жалобу на орденъ къ римскому двору, вслѣдствіе чего святѣйшій папа велѣлъ явиться къ двору упомянутому командору. Когда онъ явился въ Римъ, архіепископъ въ слѣдующихъ словахъ жаловался въ общемъ собраніи кардиналовъ: «Святѣйшій отецъ, вотъ тотъ командоръ, который безъ всякой причины велѣлъ повѣсить за шею моихъ рижскихъ гражданъ». Командоръ отвѣтилъ на это: «Святѣйшій отецъ, дѣло было не такъ, это ложь. Я поймалъ нѣсколькихъ морскихъ разбойниковъ, ограбившихъ приходъ, по имени Килекунде; я судилъ ихъ по праву той страны и, какъ они того заслужили, повѣсилъ за ноги на деревьяхъ!» Тогда святѣйшій папа Климентъ сказалъ: «О, еслибы и у насъ здѣсь были такіе судьи!» и наложилъ на архіепископа по этому дѣлу вѣчное молчаніе.

Въ 1315 году, во время этого магистра, была дороговизна и голодъ въ Ливоніи, такъ что люди убивали съ голода своихъ дѣтей, вырывали изъ могилъ трупы умершихъ, снимали съ висѣлицъ повѣшенныхъ, варили и пожирали ихъ.

Въ томъ же году изъ Кокенгузена должны были везти послѣ свадьбы новобрачную въ домъ ея мужа съ многими провожатыми и большою пышностью; отрядъ литовцевъ, пришедшихъ тайно въ страну, узналъ отъ одного жителя того города о свадебномъ поѣздѣ. Они устроили въ лѣсу засаду и, когда бюргеры выѣхали за городъ, они внезапно напали на нихъ и взяли въ плѣнъ дѣвушекъ и женщинъ; они убили нѣсколько мальчиковъ, между тѣмъ другіе убѣжали, и увели съ собой всѣхъ, которыхъ захватили.

Въ 1316 г. въ суботу послѣ Quasimodogeniti (24 апрѣля), бюргеры рижскіе совершенно сожгли во время перемирія динаминдское

предмѣстіе; они убили найденнаго тамъ орденскаго брата вмѣстѣ со всѣмъ христіанскимъ народомъ, и начали такимъ образомъ вторую войну и раздоръ.

Въ 1318 г. явился тотъ-же магистръ Гергардъ, вмѣстѣ съ командорами феллинскимъ, венденскимъ и динаминдскимъ, къ Авиньонскому двору, вызванный туда, и нашелъ уже тамъ великаго магистра Карла, который равнымъ образомъ былъ вытребованъ со своими сановниками для оправданія противъ преосвященнаго Фридриха, архіепископа рижскаго. Послѣ многихъ переговоровъ и счастливаго окончанія орденскихъ дѣлъ, они получили въ 1327 году 1 августа (вѣрнѣе 25 іюля 1319 г.) утвержденіе о динаминдскомъ домѣ (замкѣ) отъ святѣйшаго папы Іоанна XXII.

Въ 1321 году, около пасхи (19 апрѣля), онъ построилъ въ Семигаліи замокъ Мезотенъ противъ язычниковъ.

Въ послѣдующее время возникъ большой раздоръ между ливонскими орденскими сановниками о магистерствѣ брата (Іоанна) Госпгорстскаго и брата Іоанна, называемаго Унгенаде, для прекращенія коего великій магистръ прислалъ въ Ливонію брата Бартольда Кетельгода замѣстителемъ магистра [23]).

Въ 1323 году замѣститель магистра Кетельгодъ предпринялъ большой походъ на Псковъ, и завоевалъ псковскую землю и городъ (см. въ концѣ, прим. 4).

Въ 1323 г. рижскіе бюргеры послали письма отъ имени литовскаго короля во всѣ приморскіе города и къ папѣ Іоанну XXII того содержанія, что король хочетъ креститься со всѣмъ своимъ народомъ. Для этого папа прислалъ въ Ливонію одного епископа и аббата [24]), которыхъ братья ордена направили къ королю вмѣстѣ съ посланниками епископовъ. Но король отвѣчалъ, что онъ никогда не думалъ ни о вѣрѣ, ни о крещеніи; если же они хотятъ вести переговоры о мирѣ, то онъ согласенъ; въ противномъ случаѣ они увидятъ удасться ли имъ выбраться изъ его земли. Такимъ образомъ король принудилъ ихъ къ заключенію вѣчнаго мира. Когда миръ былъ подписанъ и снабженъ печатями, король созвалъ войско и, безопасный отъ нападенія со стороны Ливоніи и Пруссіи, перешелъ границу, которую и 1326
опустошилъ со всѣми сосѣдними землями (см. въ концѣ, прим. 5).

Въ то же время Кетельгодъ возвратился къ великому магистру.

Въ 1324 году магистромъ былъ братъ Реймаръ Гане. Онъ велъ переговоры и совѣщанія съ епископами и вассалами ливонскихъ странъ, въ особенности земель Гарріена и Вирланда, о зло-

---

[23]) Имени Іоанна нѣтъ въ рукописи; имя Бартольдъ ошибка или самаго лѣтописца, или переписчика — слѣдуетъ Конрадъ.

[24]) Епископа Варѳоломея Электскаго изъ архіепископства Нарбонскаго и аббата Бернгарда изъ Санъ-Теофрида, изъ епископства Пюи въ южной Франціи.

бѣ и невѣріи туземцевъ. Онъ возобновилъ также у ливовъ и летовъ извѣстныя распоряженія и учрежденія.

Въ 1328 г. магистромъ былъ братъ Эвергардъ Мунгеймскій. Когда около Тройцы (послѣ 21-го мая) онъ принялъ санъ магистра, ливонскіе братья уступили прусскимъ братьямъ мемельскій замокъ со всѣми доходами и расходами на вѣчныя времена.

Въ томъ же году въ четвергъ, наканунѣ дня Іоанна Крестителя (23-го Іюня), во время брата Фридриха, архіепископа рижскаго, преемника преосвященнаго Іоанна Шверинскаго, архіепископа рижскаго, рижскіе бюргеры напали ночью на замокъ Динаминдъ, и не, будучи въ состояніи занять его, сожгли укрѣпленія, построенныя съ большими трудами и издержками, вмѣстѣ съ церковью. Болѣе ста человѣкъ какъ мущинъ, такъ и женщинъ умертвили они тамъ, и причинили братьямъ, не отрекаясь отъ нихъ, убытокъ болѣе чѣмъ на 400 марокъ.

Осенью того-же года четверть годнымъ (Quatember) постомъ (21 сент., вѣрн. 1329 г. 2 апр.) рижскіе бюргеры, задумавшіе изгнать орденскихъ братьевъ, послали двухъ отъ городскаго магистрата, а именно Генриха Тралове и Бернгарда Дарзова, и двухъ отъ общины, именно Герлаха Влиссенбарта и Эртмара Реднепниге, своими послами къ литовскому королю, которые ему сказали и обѣщали, что для изгнанія ордена и христіанства изъ тѣхъ странъ, ему, королю, будутъ очищены всѣ замки и крѣпости рижской епархіи. Когда братья узнали объ этомъ, они отняли у бюргеровъ силой пять замковъ, находившихся въ сосѣдствѣ съ литовскими землями. Когда король пришелъ со своимъ войскомъ на р. Двинѣ, онъ узналъ, что замки находятся въ рукахъ братьевъ. Воспламененный яростью на это, онъ накинулся на упомянутыхъ пословъ съ угрожающими словами. Но тѣ отвѣтили ему въ утѣшеніе, что поведутъ его туда, гдѣ онъ можетъ нанести большой вредъ ордену.

И они въ самомъ дѣлѣ повели его со всѣмъ его войскомъ всего на сорокъ миль черезъ рижскій округъ, давая ему проводниковъ и удовлетворяя другія потребности. Литовцы опустошили окрест-
1329 ности Каркса въ день Воздвиженія (15-го сентября) и оставались тамъ до слѣдующей среды (20 сентября). Въ слѣдующую пятницу (22 сентября) они опустошили огнемъ приходъ Гельмеде, который владѣлъ 400 гаками земли, чѣмъ они нанесли ордену убытку болѣе чѣмъ на 6000 марокъ серебра. Въ слѣдующую суботу (23-го сентября) они отправились въ приходъ Пейстеле, гдѣ король со своими двумя братьями въ теченіи двухъ ночей пользовались церковью какъ конюшнею для своихъ лошадей и совершали безчисленныя постыдныя дѣла въ присутствіи св. Тайнъ; все прочее они опустошили и сожгли огнемъ. Къ этой церкви принадлежало 300 гаковъ земли. Убиты были тамъ болѣе 400 человѣкъ, прочихъ же они взяли въ

плѣнъ. Затѣмъ они двинулись въ область Сакелу, гдѣ въ Тарвестѣ [25]), они опустошили и сожгли приходъ, имѣвшій 200 гаковъ земли, убили также двухъ духовныхъ братьевъ ордена и рыцаря Николая Ропскаго, кромѣ 400 человѣкъ, которыхъ они убили, или взяли въ плѣнъ и увели съ собой. Ордену былъ этимъ причиненъ убытокъ въ 6,000 марокъ чистаго серебра и болѣе. Вынужденные такимъ насиліемъ, братья осадили городъ Ригу и покорили его въ концѣ концовъ, и, хотя бюргеры заслуживали всякое наказаніе, братья всетаки заключили съ ними дружескій договоръ, причемъ преосвященный архіепископъ и его церковь удерживали всѣ свои права. Братья также отстроили снова сами собственными трудами и на собственный счетъ ихъ домъ (замокъ) и другія строенія, которыми были ограблены, на другомъ, указанномъ имъ бюргерами мѣстѣ, на которое архіепископъ не имѣлъ никакого свѣтскаго права, но на которомъ стояла конюшня для лошадей бюргеровъ и мельница, которая молола лошадьми, равно какъ и печь для обжиганія извести. И если бы братья не стали жить съ бюргерами, то не подлежитъ сомнѣнію, что бюргеры снова, какъ и прежде, составляли-бы заговоръ съ язычниками (см. въ концѣ, прим. 6). 30 марта 1330

Въ 1330 г. краковскій король, съ помощью отрядовъ нѣмцевъ, венгровъ, поляковъ и литовцевъ, съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ, враждебно перешелъ Кульмскую землю около Михайлова дня (29 сентября) и опустошилъ все грабежемъ и огнемъ.

Въ 1329 году литовскій король явился для пользы рижанъ съ большимъ войскомъ передъ епископскимъ замкомъ Пильтеномъ, на который и напалъ съ различными осадными орудіями. При пожарѣ города, внѣ замка, были умерщвлены одинъ орденскій братъ и двое слугъ. Послѣ опустошенія страны, онъ снова отступилъ въ свою землю. 1330 послѣ 4 мар[та]

Когда же былъ заключенъ договоръ съ рижскими бюргерами (1330, 30-го марта), магистръ Эвергардъ началъ предпринимать походъ противъ литовцевъ, чего прежде не могло быть, по причинѣ соглашенія между бюргерами и литовцами и по зависти первыхъ.

Въ 1330 году тотъ же магистръ двинулся со своимъ войскомъ въ литовскую землю, которая называется Сантеголмъ. Совершивши грабежъ и пожаръ, они умертвили около 500 литовцевъ, которые сопротивлялись имъ. Изъ христіанъ были убиты двое братьевъ и 40 (слугъ?) недѣлю спустя послѣ дня св. Лаврентія (17-го августа).

---

[25]) Гельмеде не много западнѣе южной конечности Вирцъервскаго озера, Нейстель немного южнѣе Феллина. Въ мѣстности Сакельнѣ лежитъ Феллинъ. Тарвестъ близъ западнаго берега названнаго озера.

Въ 1331 г., въ день святыхъ Косьмы и Даміана (27 сентября), прусскіе и литовскіе братья напали на краковскаго короля въ его собственной польской землѣ, причемъ они убили 5,000 человѣкъ, хотя и съ нѣкоторой потерей изъ своего войска. Братья наступали съ такой силой, что папа [26]), не зная дѣла въ подробности, по просьбамъ ихъ противниковъ, издалъ противъ братьевъ суровый приговоръ. Вотъ оно какіе и какого рода враги!

Въ 1332 году тотъ же магистръ предпринялъ походъ въ землю невѣрныхъ самаитовъ до дворовъ Мазейки и Виндейки [27]).

Въ 1333 году онъ заключилъ дружескій договоръ съ замѣстителемъ рижскаго архіепископа Маркwардомъ и съ соборнымъ капитуломъ.

Въ томъ-же 1333 г., послѣ Срѣтенія (2 февраля), ливонскіе братья вмѣстѣ съ прусскими боевыми силами двумя отрядами двинулись въ землю самаитовъ, которую они опустошили грабежемъ и огнемъ, обративъ въ бѣгство литовцевъ.

Въ 1333 г. тотъ-же магистръ былъ передъ Вилькенбергомъ.

Въ томъ-же году съ многочисленнымъ войскомъ на ладьяхъ онъ былъ передъ Полоцкомъ.

Въ 1334 году тотъ же магистръ повелъ войско въ страну Дубингенъ и Сиккуленъ, гдѣ было убито 1,200 литовцевъ обоего пола. И тогда онъ былъ со своими людьми только за четыре мили отъ Вельнена [28]). Затѣмъ онъ повелъ многочисленное войско въ Плоцеке, въ этомъ походѣ находился также графъ Аренсбергъ [29]).

Въ 1335 году, въ посту (1 марта до 16 апрѣля), тотъ же магистръ построилъ противъ невѣрныхъ замокъ Доббелеенъ [30])

Въ 1339 г., послѣ Рождества (т. е. послѣ 25-го декабря 1338 г.), онъ построилъ замокъ Терветенъ.

Въ томъ же году, послѣ Срѣтенія Господня (послѣ 2 февраля), тотъ же магистръ предпринялъ походъ на самаитовъ. Двѣ ночи оставался онъ тамъ, причиняя тяжкіе убытки. Онъ возвратился домой по причинѣ сильнаго холода, такъ какъ многіе погибли отъ мороза, или поотмораживали члены.

---

[26]) Папа Іоаннъ XXII.

[27]) Мазейке можетъ бытьМозейкишкиблизъ Свѣнты (притокъ Виліи) въ двухъ миляхъ отъ Виндейкена, нынѣ Виндейки, около Ширвинты, которая также впадаетъ въ Вилію.

28) Вилькенберге это Вилкомиръ на Свѣнтѣ; Плоцке — Полоцкъ на Двинѣ; Дубингенъ, Дубинки въ шести миляхъ на сѣверовостокъ отъ Кернова; Сиккуленъ можетъ быть Шешоле между Вилкомиромъ и Дубинками; Вельненъ — Вильна.

[29]) Графа Аренсбергскаго звали Вильгельмомъ.

[30]) Доббелеенъ нынѣшній Добленъ въ Семигаліи.

Въ 1340 г. онъ предпринялъ свой послѣдній походъ, который однакоже не кончилъ, по случаю непостоянной погоды, и который поэтому назвали мокрымъ.

Построивши затѣмъ замокъ въ Ригѣ, отозванный великимъ магистромъ онъ оставилъ страну въ мирѣ.

Въ 1340 году, въ день св. Іоанна Крестителя (24 іюня), магистромъ сдѣлался Борхардъ Дрейплевскій.

Въ его время псковичи вели переговоры съ канониками и Вольдемаромъ Врангелемъ, кокенгузенскимъ фохтомъ, и другими сановниками архіепископа рижскаго; для того, чтобы сдѣлать переговоры болѣе успѣшными, магистръ послалъ въ Псковъ орденскаго брата нѣкоего Генриха, знавшаго русскій языкъ. Когда они уже собрались и совѣщались, нѣсколько русскихъ тайно проникли на постоялые дворы нѣмцевъ, ѣли и пили тамъ, а что осталось — раскидали. Пьяные, они начали ругать нѣмцевъ и напали на ихъ людей. Поднялся шумъ; нѣсколько русскихъ было убито, крикъ доходитъ до занятыхъ переговорами, которые по всѣмъ направленіямъ разбѣжались въ разныя стороны. Когда русскіе не могли отомстить за себя, они напали на дерптскій округъ. Орденъ послалъ на собственный счетъ 400 человѣкъ для сбора близъ Киримпе [31]). Когда же наступила сильнѣйшая нужда, то они послали на помощь дерптцамъ всѣ свои силы.

Въ 1341 году графъ Лоенскій съ 36 рыцарями былъ въ Ливоніи [32]).

Въ 1342 году, въ день Благовѣщенія (25 марта), тотъ-же магистръ построилъ два замка противъ еретиковъ, именно Фрауенбургъ [33]), въ области дерптскаго епископа, и Маріенбургъ, въ области братьевъ; послѣдній замокъ командоръ Герлахъ Гаренскій впослѣдствіи укрѣпилъ стѣнами.

Когда тотъ же магистръ въ 1343 г. пошелъ съ войскомъ на корабляхъ противъ тѣхъ же еретиковъ, наканунѣ дня св. Георгія (22-го апрѣля), новокрещенные ревельскаго округа отложились, отрекаясь отъ вѣры. Они убивали своихъ собственныхъ господъ и всѣхъ нѣмцевъ вмѣстѣ съ малыми ребятами, бросая дѣтей о камни и ввергая ихъ въ огонь, или въ воду. Они дѣлали то, о чемъ позорно и говорить, а именно разрѣзали мечами женщинъ и прокалывали копьями находившихся въ ихъ чревахъ дѣтей. Дома и другія строенія они подожгли, церкви спалили до тла: точно также

---

31) Замокъ Киримпе при рѣкѣ Воо, впадающей въ озеро Пейпусъ, принадлежалъ дерптскому епископу. Въ концѣ фразы въ рукописи очевидно ошибка, а именно сказано: тогда дерптцы послали на помощь все свое войско.

32) Графство Лоенъ или Лооцъ находилось въ Лимбургѣ.

33) Фрауенбургъ или Нейгаузенъ, на юго-востокъ отъ Псковскаго озера.

и монастырь Падесъ; 28 монаховъ они умертвили различными муками, аббатъ же спасся только съ немногими. А тѣхъ, которыхъ пощадили мущины, тѣмъ жесточе убивали освирѣпѣвшія женщины. Число убитыхъ обоего пола доходило до 1,800 человѣкъ. Недовольные этимъ, они осадили тѣхъ вассаловъ и другихъ христіанъ, которые спаслись вмѣстѣ съ епископомъ и духовенствомъ въ замкѣ и городѣ Ревелѣ; кромѣ того, какъ разсказываютъ, похитили они Распятіе изъ загороднаго госпиталя и повѣсили его рядомъ съ трупами повѣшенныхъ, и даже, какъ увѣряютъ, пригвоздили къ кресту христіанскаго мальчика на подобіе того, какъ былъ распятъ Спаситель.

Въ томъ же году новокрещеные изъ эзельской епархіи (епископства), отрекшись отъ христіанской вѣры, осадили епископа вмѣстѣ съ его духовенствомъ и другими христіанами въ гапсальскомъ замкѣ, наканунѣ дня св. Іакова (24 іюля). Также замокъ Пойденъ на Эзелѣ они осадили подобнымъ же образомъ. Когда замокъ былъ сданъ имъ послѣ переговоровъ, съ условіемъ свободнаго отступленія съ невредимыми членами и имуществомъ, новокрещеные побили камнями до смерти своего фохта брата Арнольда и священника брата Іоанна вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими братьями и людьми ордена; они также утопили въ морѣ нѣсколькихъ монаховъ и нѣсколькихъ лицъ изъ бѣлаго духовенства и убили очень много вассаловъ и христіанъ обоего пола. Кромѣ того они построили изъ большихъ бревенъ довольно обширное и сильное укрѣпленіе, думая найти въ немъ убѣжище вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и вещами. Однако, когда магистръ узналъ о степени опасности, онъ послалъ братьямъ на помощь храбрыхъ и искусныхъ въ бояхъ людей, числомъ около 630. Магистръ и братья поднялись теперь со всей своей силой и сражались съ упомянутыми отступниками въ двухъ битвахъ, въ одной — въ Гарріенѣ, въ другой — передъ Ревелемъ, въ которыхъ пало около 12,000 нехристіанъ, а другіе были обращены въ бѣгство; впрочемъ, также и съ потерей для братьевъ, потому что было убито нѣсколько храбрыхъ дворянъ, не считая простаго народа.

Въ среду, на первой недѣлѣ великаго поста, въ 1344 г. (17 февраля) названный магистръ двинулся на Эзель, соединивши свое войско съ прусскимъ вспомогательнымъ войскомъ, и разрушилъ тамъ упомянутое бревенчатое укрѣпленіе, причемъ было убито около 10,000 язычниковъ, также и ихъ король по имени Вессе былъ повѣшенъ на одной осадной машинѣ, послѣ того какъ у него были оторваны ноги. Въ укрѣпленіи же язычники убили 500 христіанъ. Когда затѣмъ наступила оттепель, магистръ былъ принужденъ покинуть со своими островъ и возвратиться домой, между тѣмъ, какъ
1345 упомянутые эзельцы пребывали въ своемъ отступничествѣ и невѣріи. Однако, по истеченіи года, магистръ снова съ большимъ войскомъ двинулся на эзельскіе острова. И вотъ послѣ того, какъ онъ опу-

стошилъ нѣсколько мѣстностей, эзельцы прислали пословъ, которые просили мира и обѣщали снова принять христіанскую вѣру. Они снова были приняты въ лоно церкви, безъ наложенія дальнѣйшаго вещественнаго наказанія [34]).

Въ то самое время, когда магистръ, по случаю этихъ событій, былъ на Эзелѣ, въ 1345 году литовскій король собралъ сильное войско и прошелъ черезъ земли братьевъ, и измѣной нѣкоего человѣка, по имени Палс, онъ захватилъ сначала замокъ Терветенъ, построенный братомъ Эвергардомъ Мунгеймскимъ, когда послѣдній былъ магистромъ, и разрушилъ замокъ огнемъ до тла, причемъ были убиты восемь братьевъ съ ихъ людьми, не считая простаго народа. Затѣмъ король подошелъ къ замку Митову, завоеванному имъ передъ тѣмъ вмѣстѣ съ прилегавшею землею; но такъ какъ замокъ былъ сложенъ изъ плитъ, то онъ не могъ разрушить его; онъ увелъ, однако, съ собой священниковъ вмѣстѣ съ восемью братьями и около 600 человѣкъ изъ народа. Далѣе король литовскій двинулся къ Ригѣ и черезъ Нейермюленъ въ мѣстность Зегевольда, гдѣ его встрѣтилъ одинъ ливъ изъ старшинъ съ увѣреніемъ, что онъ изъ новокрещенныхъ и избранъ въ короли надъ всѣмъ ливскимъ народомъ; если литовскій король хочетъ слѣдовать его совѣту, то подчинать себѣ всю страну. Литовскій же король спросилъ его, что нужно сдѣлать съ ливонскимъ магистромъ. Тогда ливъ отвѣтилъ, что они прогонятъ его вмѣстѣ со всѣми нѣмцами. Но король сказалъ: «Мужикъ! — ты не будешь тутъ королемъ!» и велѣлъ ему отрубить голову на полѣ передъ замкомъ Зегевольдомъ. Затѣмъ онъ двинулся въ область Торейде и Кремунъ, гдѣ онъ разрушилъ всѣ церкви и умертвилъ священниковъ. Онъ произвелъ большое кровопролитіе, убивъ около 2,000 человѣкъ и многихъ уведши въ плѣнъ.

Но тотъ же магистръ Борхардъ построилъ на Эзелѣ хорошій, крѣпкій замокъ, который братъ Госвинъ расширилъ впослѣдствіи [35]). 1345 и слѣдующіе

Во время этого магистра одинъ литовецъ со злымъ умысломъ притворился, будто онъ хочетъ принять христіанство со всѣмъ своимъ домомъ. Онъ повелъ это дѣло тайно съ командоромъ ашераденскимъ. Затѣмъ измѣнникъ самъ пошелъ къ литовскому королю и разсказалъ ему, о чемъ онъ условился и указалъ ему время и часъ сходки. Король съ войскомъ незамѣтно пришелъ прямо на означенное мѣсто и напалъ со своими на нашихъ, непредупрежденныхъ и

---

[34]) ...безъ дальнѣйшаго вещественнаго наказанія, т. е. вѣроятно, безъ тѣлеснаго наказанія, или лишенія жизни, имущества, такъ какъ церковное покаяніе, какъ бы то ни было ничтожно, всегда считалось неизбѣжнымъ.

[35]) Новопостроенный замокъ на Эзелѣ, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, былъ, вѣроятно, Зоненбургъ.

невооруженныхъ, причемъ погибло пятнадцать орденскихъ братьевъ. Онъ убилъ и свирѣпо умертвилъ также и знатнѣйшихъ въ округахъ Зегевольда, Вендена и Ашерадена и многихъ другихъ изъ двинскихъ мѣстностей. Затѣмъ онъ съ радостію возвратился домой.

Въ 1345 году, въ день св. Луціи (13 декабря), въ замкѣ Маріенбургѣ происходилъ общій капитулъ, на которомъ великимъ магистромъ былъ избранъ братъ Генрихъ Дуземеръ. На другой день (14 декабря), братъ Госвинъ былъ имъ назначенъ магистромъ ливонскимъ. Въ его время случилось счастливое событіе для ливонскихъ братьевъ. Потому что названный великій магистръ купилъ, по побужденію Госвина, земли Гарріена съ замками Ревелемъ, Везенборхомъ и Нарвою за 19,000 марокъ чистаго серебра отъ свѣтлѣйшаго датскаго короля Вольдемара, сообразно королевской грамотѣ (1346 г. 29 августа) и утвержденія папы Климента VI, каковые документы въ томъ же году, въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя (29-го августа) и въ слѣдующемъ (1347 г.), въ день Всѣхъ Святыхъ (1 Ноября), и были переданы братьямъ вмѣстѣ съ замками [36]). Упомянутый магистръ улучшилъ тотчасъ же названные замки стѣнами и рвами, употребивъ большія деньги на ихъ укрѣпленіе и постройку башенъ.

Онъ же возвелъ и улучшилъ замки Гробинъ, Добленъ и Динабургъ, послѣдній съ четырьмя башнями и съ мѣстомъ около него, кромѣ другихъ замковъ и крѣпостей.

Въ 1348 г. тотъ же магистръ Госвинъ Герикскій предпринялъ походъ противъ самаитскихъ литовцевъ въ селеніе Гедегиннень, которое теперь зовутъ Буссике [37]).

Въ томъ же году, въ день св. Валентина (14-го февраля), онъ опустошилъ до основанія землю Саулію съ замками, хотя она была многолюдна, за то, что жители, какъ казалось, были преданы литовцамъ и поддерживали ихъ въ ихъ успѣхахъ уплатой дани и другими вещами.

Въ томъ же году прусскіе братья опустошали съ войскомъ въ продолженіи цѣлой недѣли землю языческихъ литовцевъ. На девятый день, въ Срѣтеніе (2 февраля) была дана при рѣчкѣ Стребенѣ [38]) битва, въ которой пало болѣе 10,000 литовцевъ и русскихъ, призванныхъ на помощь изъ различныхъ мѣстъ, какъ то: Лантмара, Брейзика [39]), Витебска, Смоленска и Полоцка. Пармантъ, король

---

[36]) Утвержденіе папы Климента VI-го послѣдовало только 8 февраля 1348 г., и потому лѣтописецъ невѣрно совмѣстилъ утвержденіе съ королевскою грамотою отъ 29 августа 1346 г.

[37]) Буссике можетъ быть нынѣшній курляндскій Бاускъ.

[38]) Стребене по нѣмецки обыкновенно Стребье, по литовски Страва, притокъ Нѣмана.

[39]) Лантмаръ — это Владиміръ; Брейзике — Брестъ.

русскій, братъ Алгарда и Кейнстута, литовскихъ королей, былъ также убитъ въ этомъ сраженіи. Изъ христіанъ же пали 8 братьевъ съ 42 хорошими мужами (см. въ концѣ, прим. 7).

Въ томъ же году былъ большой урожай, такъ что послѣ дня святаго Іоанна Крестителя (24 іюня) уже были новый хлѣбъ и плоды. А вина было привезено въ такомъ изобиліи, что въ Ригѣ и другихъ городахъ было записано больше бочекъ вина, чѣмъ пива [40]).

Въ первый годъ этого магистра, около пасхи (1346 года послѣ 16 Апрѣля), литовцы совершенно разрушили замокъ Мезотенъ, причемъ были умерщевлены командоръ, братъ Рихардъ Бахеймскій съ нѣсколькими орденскими братьями и домашнею прислугою, равно какъ и поселянами обоего пола.

Въ 1350 году дерптскіе бюргеры убили предъ своимъ городомъ изъ новообращенныхъ орденскими братьями поселянъ 30 человѣкъ, изувѣчили двоихъ и ранили кромѣ того десятерыхъ, силою ограбивъ у нихъ въ тоже время ихъ вещи. Орденъ спустилъ дерптцамъ это, хотя бы и могъ отомстить. А дерптцы помирились съ друзьями пострадавшихъ.

Въ 1351 года господствовало большая смертность (см. въ концѣ, прим. 8). Затѣмъ папа Иннокентій VI, по навѣту архіепископа Вромольда Винфгузенскаго, на орденъ издалъ публичный приговоръ (1353 года 12 августа), вслѣдствіе котораго преосвященный епископъ вестераскій [41]) отлучилъ отъ церкви орденъ (1354 г. 23 октября). Однако-же этотъ приговоръ впослѣдствіи былъ смягченъ объясненіемъ достопочтеннаго отца Франца, кардинала Санъ-Маркскаго (1359 года 23 декабря).

Въ это время хотѣли переселиться въ Ливонію изъ Литвы литовцы изъ Стрипейке, Опптена, Мезевильте и Анстейтена; однакожъ имъ въ томъ было отказано магистромъ [42]).

Въ 1357 г. какая то ядовитая саранча, прилетѣвшая изъ за моря весною и лѣтомъ, заражала по ночамъ воздухъ своимъ гніеніемъ, поѣдая также всю листву съ деревьевъ.

Въ 1358 году двинулся въ походъ названный Госвинъ съ войскомъ и разрушилъ наканунѣ дня обращенія св. Павла (24-го

---

40) Было записано, вѣроятно, при взятіи таможенныхъ пошлинъ.

41) Епископомъ вестераскимъ въ это время былъ Магнусъ.

42) Стрипейке, теперешнее Стрипейки въ Самантенѣ въ восьми миляхъ на юго-западъ отъ Динабурга; Опптенъ нынѣ Упита недалеко отъ лѣваго берега Невяжи (по нѣмецки Навезе); Мезевильте, вѣроятно, Вейшвильты со всѣмъ близко на востокъ отъ Упиты. Анстейтенъ, въ противоположность литовской нижней землѣ или Самантену, есть литовская верхняя земля отъ Виліоны къ Нѣману.

января) прекрасно построенный замокъ Добиценъ [43]) въ Саулинѣ; здѣсь погибло около ста душъ отъ тѣхъ дикихъ людей. Также и два орденскіе брата, именно Іоганнъ Гане и Клавенбеке, были сброшены со стѣнъ и убиты.

Въ томъ-же году великій магистръ Винрихъ, какъ было сказано раньше, пришелъ въ помощь магистру Госвину въ страну невѣрныхъ самаитовъ. Они причинили много убытку язычникамъ.

Тогда-же случилось, что одинъ мнимый родственникъ императора, измѣнившій ордену человѣкъ, по имени Плаве, распространилъ для поруганія ордена между приближенными императора слухъ о томъ, будто литовцы хотятъ креститься въ католическую вѣру. Императоръ, легковѣрно повѣривши ему, послалъ для изслѣдованія дѣла архіепископа пражскаго, герцога троппаускаго и нѣмецкаго магистра [44]). Великій магистръ, доставивши надежныхъ проводниковъ, препроводилъ ихъ съ большими издержками къ литовцамъ, гдѣ они объяснили цѣль своего посольства. Но литовцы потребовали слѣдующей пограничной линіи: сначала начиная отъ Мазовіи до верховья рѣки Алле; затѣмъ по Алле внизъ до впаденія Алле въ рѣку Прегель, затѣмъ рѣкою Прегелемъ до Фришъ-гафа; далѣе до моря и оттуда вдоль моря до того мѣста, гдѣ Двина впадаетъ въ море; затѣмъ по Двинѣ вверхъ, до того мѣста, гдѣ въ Двину впадаетъ рѣчка, вытекающая изъ озера Лубана, и отъ этой рѣчки вдоль названнаго озера по прямой дорогѣ въ Россію. Далѣе, они потребовали, чтобы орденъ, для защиты ихъ отъ нападенія татаръ, былъ переведенъ въ пустыни между татарами и русскими, и чтобъ орденъ не удерживалъ за собой никакого права на русскихъ, но чтобы вся Россія цѣликомъ принадлежала литовцамъ, и сказали: «Если мы достигнемъ нашихъ требованій, то исполнимъ волю императора». Вслѣдствіе этого послы, ничего не сдѣлавши, возвратились назадъ, такъ какъ нашли требованія литовцевъ несоразмѣрно великими.

Въ 1359 году тотъ же Госвинъ предпринялъ большой походъ противъ литовцевъ въ страну Попилленъ [45]), при этомъ у лошадей въ очень большемъ количествѣ отпадали копыта.

Онъ умеръ, наконецъ, въ глубокой старости 10 сентября.

Въ 1360 году магистромъ былъ братъ Арнольдъ Фитингофскій, искусный воинъ. Послѣ праздника св. Матѳея

---

[43]) Добиценъ, вѣроятно, нынѣшній Подубисъ на рѣкѣ Дубиссѣ, по нѣмецки Добезе. Саулинъ — мѣстность, получившая названіе отъ Шавлей, мѣстечко къ сѣверу отъ Подубиса.

[44]) Плаве, вѣроятно, одинъ изъ рода Рейсовъ, изъ Плауена. Архіепископа пражскаго звали Арнестомъ Пардубицкимъ, герцога троппаускаго звали Іоанномъ; нѣмецкимъ магистромъ былъ Вольфрамъ Нелленбургскій.

[45]) Попилленъ или Попели, въ одной мили отъ семигальской границы на югъ отъ Радзивилишекъ, или Попиліанъ на Виндавѣ въ Самаитенѣ.

(25 февраля), онъ предпринялъ походъ на дворъ одного боярина по имени Эгиптена, который хвалился, что можетъ изгнать и изгонить изъ Ливоніи всѣхъ христіанъ и нѣмцевъ, и уже назначилъ различные замки своимъ родственникамъ и друзьямъ. Магистръ покорилъ этотъ дворъ и окрестную мѣстность.

Въ томъ-же году, послѣ Воздвиженія св. Креста (14 сентября), литовскіе короли съ двумя отрядами жестоко опустошили.... [46]) и сожгли церкви. Хвастаясь, они возвратились съ добычею домой.

Въ 1361 году, послѣ дня апостола Матѳея (24 февраля), литовцы завоевали подступомъ церковь Лепеверде; съ добычей и плѣнными они возвратились домой. Въ то же время, раздѣливъ свое войско, они были передъ Митовомъ.

Въ-томъ же году, въ суботу наканунѣ Юдики (13-го марта), литовскій король Кейнстутъ былъ взятъ въ плѣнъ въ одной битвѣ пруссаковъ съ литовцами и привезенъ въ Маріенбургъ.

Въ томъ же году осенью магистръ Арнольдъ предпринялъ походъ, въ которомъ взялъ въ плѣнъ всѣхъ челядинцевъ литовца Зивы. Печальный слѣдовалъ Зива за своими людьми и добровольно сдѣлался хорошимъ руководителемъ ливонскихъ христіанъ.

Въ томъ-же году, послѣ Мартинова дня (послѣ 11 ноября, именно 16 ноября), плѣнный Кейнстутъ, незамѣченный, убѣжалъ изъ замка Маріенбурга и возвратился домой въ свою землю (см. въ концѣ, прим. 9).

Въ 1362 г. магистръ Арнольдъ предпринималъ четыре похода противъ язычниковъ: первый въ день обращенія Павла (25 января) до такъ называемой святой деревни Сетенъ; второй походъ предпринялъ сейчасъ же вслѣдъ за первымъ (въ февралѣ) съ нѣкоторыми гостями изъ Германіи; третій на корабляхъ, по просьбѣ великаго магистра въ вербное воскресенье (послѣ 16 апрѣля), для разрушенія замка Каўве [47]). Великій магистръ же пришелъ къ названному замку съ войскомъ на корабляхъ во вторникъ передъ днемъ Юдики (29-го марта), который и осадилъ, думая, что въ немъ находится убѣжавшій король Кейнстутъ. Но замокъ, выведенный изъ камня и укрѣпленный также высокими стѣнами, трудно было завоевать, особенно когда въ то же время явились оба короля со всей своей силой. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ трудовъ и долгое время повторяемыхъ битвъ, замокъ былъ покоренъ наканунѣ Пасхи (16-го апрѣля). Въ плѣнъ было въ немъ взяты сынъ короля Кейнстута, начальникъ замка съ его сыномъ и 37 другихъ; остальные, около 2,000 отборныхъ и сильныхъ людей, погибло отъ

---

[46]) ... названій нѣтъ въ рукописи.

[47]) Сетенъ вѣроятно Шати на Виліи; Каўве, по нѣмецки Каўенъ, нынѣ Ковна.

огня и меча Изъ братьевъ пали 7, а изъ другихъ 20. Четвертый походъ магистръ предпринималъ осенью.

Въ томъ же году, въ пятницу на недѣлѣ послѣ Троицы (10-го іюня), названный магистръ участвовалъ въ съѣздѣ со своими орденскими чинами и епископами Германомъ эзельскимъ, Людвигомъ ревельскимъ и Іоанномъ дерптскимъ, съ пробстами и канониками рижскими и другихъ монастырей, съ аббатами изъ Фалкена и Падеса, далѣе съ рыцарями, оруженосцами и бюргерами всей земли у длиннаго моста при дерптскомъ монастырѣ. Въ ихъ присутствіи магистръ жаловался, что преосвященный Іоаннъ, епископъ дерптскій, порочитъ его и орденъ передъ королями и князьями, равно какъ и передъ приморскими городами, что онъ можетъ доказать достовѣрными письмами; далѣе, что этотъ епископъ въ свое время не сдѣлалъ ничего, или только мало для борьбы съ литовцами, такъ какъ магистръ присылалъ ему всегда вѣрную помощь, когда онъ только велъ войну съ еретиками; далѣе, что онъ значительно обманываетъ подданныхъ магистра при покупкѣ и продажѣ, давая именно подданнымъ ордена, если они что нибудь продавали въ городѣ, шесть любекскихъ шиллинговъ за ногату [48]); когда же они покупали что нибудь, то должны давать 7 шиллинговъ тѣми же деньгами за ногату же. Наконецъ, дѣло было улажено вмѣшательствомъ третейскихъ судей, прелатовъ и рыцарей, и епископъ попросилъ прощенія у магистра и обѣщалъ, что напишетъ королямъ и князьямъ, что дѣло рѣшено дружелюбно, и впредь также онъ будетъ исправнѣе въ помощи; далѣе обѣщалъ, что любекскій шиллингъ будетъ ходить въ Дерптѣ, какъ и по всей Ливоніи, по 6 любекскихъ за ногату. Все это обѣщалъ епископъ; но когда возвратился домой, то приказалъ своимъ людямъ брать съ нашихъ 7 любекскихъ за ногату. Вслѣдствіе этого феллинскій командоръ приказалъ своимъ людямъ не возить ничего въ Дерптъ, а только въ другія земли ордена, пока епископъ не откажется отъ свой прихоти. Названный епископъ обѣщалъ также при первой обѣднѣ преосвященнаго эзельскаго епископа Конрада и въ присутствіи его, какъ и тогдашняго магистра брата Борхарда Дресnлевенскаго и другихъ, что онъ будетъ другомъ ордена. Но впослѣдствіи онъ подалъ гнусную жалобу святѣйшему папѣ Урбану V, будто магистръ и орденъ притѣсняютъ его и его людей враждебно и гораздо жесточе, чѣмъ невѣрныхъ, стѣсняютъ его въ монетномъ правѣ и что далѣе магистръ объявилъ вражду ему и его людямъ. Епископъ добился даже назначенія коммисіи по этому дѣлу, хотя то и было несовмѣстно

---

[48]) Ногата или нагата. Уже у Генриха Латышскаго упоминается о ногатахъ, какъ о ходячей монетѣ.

съ его достоинствомъ, ибо какъ гласитъ изреченіе: «только злой вспоминаетъ съ непріязнею содѣянный грѣхъ» 49).

Въ 1363 г., послѣ Срѣтенія (2-го февраля), названный магистръ предпринялъ походъ въ землю Опитенъ и другія мѣстности по близости, которыя онъ и опустошилъ всѣ.

Въ томъ же году великій магистръ, послѣ Пасхи (2-го апрѣля), съ войскомъ на корабляхъ покорилъ нѣсколько замковъ въ Литвѣ; сначала замокъ Кауве, коего возстановленіе было начато съ удивительнымъ и необъяснимымъ стараніемъ; затѣмъ Пистенъ и Велюнъ, которые онъ разрушилъ до основанія.

Въ то же время при ледоходѣ случилось большое наводненіе, такъ что окрестности рижскаго замка стали непроходимы.

Въ томъ-же году осенью магистръ предпринялъ походъ противъ литовцевъ въ страну Опитенъ, которую и опустошилъ, забравъ съ собою плѣнныхъ.

Въ 1364 г. великій магистръ Винрихъ и лифляндскій магистръ Арнольдъ, послѣ Срѣтенія (2 февраля), сошлись съ двумя войсками въ земли языческихъ литовцевъ у замка Вилькенбете 50), гдѣ они 9 дней опустошали, сожигали, уводя многихъ въ въ плѣнъ, и избивали большую часть людей. Между тѣмъ король Кейнстутъ сжегъ и истребилъ съѣстные припасы нашихъ отрядовъ и фуражъ для лошадей.

Въ томъ же году въ прусскомъ Маріенбургѣ была тайкомъ проломана стѣна башни и сокровища были украдены и воровски унесены, однако не совершенно выбраны.

Магистръ Арнольдъ умеръ 11 іюля сего же года.

Въ 1364 году магистромъ былъ братъ Вильгельмъ Врimерсгеймскій; онъ принялъ должность 29 сентября.

Въ 1365 году онъ предпринялъ походъ въ страну Опитенъ, которую опустошилъ.

Въ томъ же году, послѣ дня св. Валентина (14 февраля), литовцы завоевали три замка въ Пруссіи, а именно Шалауербургъ въ Рагнитѣ, Кауступитенъ и Сплиттернъ. Они увели изъ нихъ всѣхъ людей, убили одного орденскаго брата по своему суевѣрному обычаю и сожгли замки.

Въ томъ же году, послѣ праздника веригъ св. Петра (послѣ 1-го августа), братъ Зиффридъ, гольдингенскій командоръ, предпринялъ съ курляндцами походъ противъ литовцевъ, въ которомъ

---

49) Стихъ этотъ находится въ нравственныхъ двухстишіяхъ Діонисія Катона, II, 15. Все двухстишіе такого содержанія:

Забудь бранныя слова прошлой ссоры!
Только злой вспоминаетъ съ непріязнью содѣянный грѣхъ!

50) Вилькенбете, вѣроятно, нынѣшній Вилкоміръ.

онъ убилъ 400 человѣкъ съ потерею одного орденскаго брата и одиннадцати своихъ ратниковъ.

Въ томъ же году, въ день св. Іакова (25 іюня), сынъ Кейстута, короля литовскаго, пришелъ съ пятнадцатью вассалами язычниками въ замокъ Кенигсбергъ, былъ крещенъ и получилъ имя Генриха. Императоръ впослѣдствіи возвелъ его въ герцог-
до 1372 31 марта ское достоинство. Нѣмецкіе гости подарили ему много подарковъ. Онъ послѣ того остался приверженцемъ христіанства и привелъ, во время тотчасъ же предпринятаго похода послѣ Успенія, великаго магистра въ литовскую землю близь замковъ Вильнена и Вилькенберга, гдѣ послѣдній все опустошилъ. Онъ сжегъ также и замокъ Керновъ и Мейзегале, оставаясь тамъ 12 дней, и вывелъ изъ плѣна многихъ христіанъ, а также и множество другихъ литовцевъ, а остальныхъ же умертвилъ.

Въ томъ же году магистръ Вильгельмъ былъ въ теченіи шести дней въ Литвѣ и опустошилъ все грабежемъ и огнемъ.

Въ 1366 году тотъ-же магистръ въ половинѣ поста (послѣ 15 марта) повелъ войско противъ русскихъ на Полоцкъ.

Въ томъ же году преосвященный Вромольдъ, архіепископъ рижскій, написалъ великому магистру, что онъ желалъ въ его присутствіи въ Данцигѣ вести переговоры, по поводу своего спора съ магистромъ и ливонскими братьями, и желаетъ пригласить туда магистра съ орденскими чинами. Сначала же онъ тайно съумѣлъ добыть отъ папы Урбана V письма къ различнымъ епископамъ. Тотъ же папа написалъ также къ великому магистру, чтобы онъ привелъ къ соглашенію ливонскаго магистра съ великимъ магистромъ. Онъ написалъ также и ливонскому магистру, чтобы онъ помирился съ архіепископомъ; иначе папа будетъ принужденъ поступить строже. Когда же магистры съ орденскими чинами прибыли на съѣздъ, они нашли уже тамъ письма папы. И архіепископъ явился со своимъ братомъ, преосвященнымъ Іоанномъ, епископомъ дерптскимъ, съ епископомъ любекскимъ, равно и съ его суффраганами изъ Помераніи, Кульма, Эрмланда и Замланда. Епископъ ревельскій былъ тоже тамъ; далѣе также и пробсты, деканы и каноники упомянутыхъ монастырей, и рыцари, оруженосцы, бюргеры различныхъ городовъ, духовные и свѣтскіе и много другаго достойнаго вѣры народа. Въ ихъ присутствіи архіепископъ рижскій жаловался настойчиво и рѣзко на магистра и лифляндскихъ орденскихъ чиновъ за ихъ господство надъ городомъ, за непослушаніе и нарушеніе вассальной присяги, за неуплату десятины и нѣкоторыхъ другихъ повинностей, на много другихъ вещей, причемъ онъ началъ съ распространенія христіанства въ Ливоніи, и ничего не пропустилъ по своему дѣлу. Вотъ онъ тотъ, что писалъ о желаніи дружелюбно вести переговоры! Точно также его братъ, преосвященный Іоаннъ, епископъ дерптскій, черезъ

чуръ злобно и преувеличенно жаловался на ливонскихъ орденскихъ сановниковъ изъ за епископскихъ денегъ (доходовъ), изъ за синодскихъ визитацій (онъ хотѣлъ, чтобы синоды въ орденскихъ церквахъ состояли изъ двухъ сотъ и болѣе товарищей), изъ за монетнаго права, котораго онъ еще не имѣлъ въ ту пору, и изъ за многаго другаго, что злобно написалъ, клевеща на ливонскихъ братьевъ. Однако, братъ Германъ [51]), капеланъ магистра, отвѣтилъ на всѣ упреки и притязанія не дерзко, но съ кротостію, по примѣру Господа. Тѣмъ не менѣе великій магистръ, ради сохраненія мира и покоя въ Ливоніи, заключилъ договоръ, или полюбовную сдѣлку между обѣими сторонами, который утвердили архіепископъ своей печатью и печатью рижскаго капитула [52]) и великій магистръ своей печатью и орденской буллою, равно какъ и ливонскій магистръ. Но что это соглашеніе не было соблюдено, то въ томъ не вина ливонскихъ братьевъ, но вина архіепископа и рижскаго капитула, которые при рижскомъ дворѣ исходатайствовали себѣ позволеніе не поступать по оному.

Въ 1367 году, во вторникъ послѣ Estomihi (т.-е. 2 марта), тотъ же ливонскій магистръ повелъ войско противъ литовцевъ въ землю Опитенъ, которую онъ опустошалъ огнемъ и мечемъ въ теченіе четырехъ дней. Вслѣдствіе этого, литовскій король выставилъ свое войско на войну и послалъ своего сына съ лучшими боярами королевства на развѣдки. На нихъ наткнулся братъ Робинъ, товарищъ (кумпанъ) магистра, посланный за фуражемъ для лошадей, съ незначительнымъ отрядомъ. Робинъ напалъ на нихъ, убилъ нѣсколькихъ, увелъ съ собою въ плѣнъ восемнадцатерыхъ, хорошо вооруженныхъ, хотя и былъ со своими безъ (надлежащаго) вооруженія, и возвратился затѣмъ къ своимъ.

Въ томъ же году, въ воскресенье до предшествовавшаго похода (28-го февраля), братъ Геннингъ, маршалъ ордена, сражался въ сѣверныхъ частяхъ Литвы. Заставъ литовцевъ въ расплохъ, онъ раздѣлилъ свое войско на три части. Два дня онъ ихъ всѣхъ избивалъ остріемъ меча; пожаромъ и убійствомъ онъ опустошилъ мѣстности Сетенъ, Варлове, Свинаненъ, Калейненъ и Сальвиссовъ вблизи стараго замка Кауена, равно и мѣстность Калевитенъ до Новаго Кауена, и увелъ съ собой 800 плѣнныхъ. Онъ взялъ съ собой въ Пруссію также и конскій заводъ короля съ 50 кобылицами [53]).

---

[51]) Братъ Германъ — это самъ лѣтописецъ.

[52]) Въ подлинникѣ нужно было бы читать: „cum sigillo suo et capituli Rigensis".

[53]) Перечисленныя мѣстности нынѣ называются: Шатыле вблизи Виліи, Ворлово, Свиланы на Виліи (Калейненъ не существуетъ болѣе); Сальвиссове должно быть лежало недалеко отъ Ковны между Эйгуле на Виліи и Румшисками на Мемелѣ; Калевитенъ находился, вѣроятно, между Старою и Новою Ковною (на островѣ Віргалленѣ).

Въ томъ же году, на рождество Богородицы (8 сентября), великій магистръ Винрихъ пошелъ на замокъ Велюнъ. Когда тамошній гарнизонъ узналъ объ этомъ, то самъ сжегъ замокъ. Затѣмъ онъ пошелъ вверхъ къ Новому Каусну. Шесть дней сряду онъ опустошалъ нижеслѣдующія мѣстности: Эрагеленъ, Пернарвенъ, Галленъ, Собсновъ, Тракенъ, Гезове и Бастове, и многіе при этомъ лишились жизни [54]).

Въ то же время гольдингенскій командоръ, братъ Зиффридъ,
1367 опустошалъ съ куронами землю Саре грабежемъ и огнемъ, и увелъ изъ нея нѣсколько плѣнныхъ [55]).

Нужно знать, что русскіе въ третій разъ помѣшали братьямъ и дерптскому епископу въ рыболовствѣ на озерѣ Пейпусѣ. Когда же однажды рыбаки епископа и братьевъ встрѣтили русскихъ на этомъ озерѣ, то рыбаки частью утопили, частью повѣсили русскихъ, раззоривъ и сжегши въ то же время ихъ хижины и сѣти. Вслѣдствіе этаго русскіе разорили деревню Розитскаго фохта [56]), не объявивъ предварительно войны братьямъ. Тогда, послѣ дня св. Маврикія (22 сент.), магистръ вторгся со своимъ войскомъ въ псковскую землю; въ первую ночь онъ достигъ замка Изеборха, во вторую шелъ по дорогѣ къ Пскову, въ третью достигъ замка Пскова, сжигая по пути города.

Въ день св. Клеоѳаса (25 сентября), магистръ послалъ впередъ маршала, брата Андрея Штенбергскаго, и зегевольдскаго командора съ небольшимъ отрядомъ войска, чтобы развѣдать броды по рѣчкамъ. Имъ вышли на встрѣчу русскіе со знаменами, но были опрокинуты и перебиты при преслѣдованіи. Маршалъ возвратился къ своимъ, завладѣвъ знаменами и оружіемъ. Между тѣмъ магистръ опустошалъ шесть дней со значительнымъ грабежемъ и пожаромъ землю по обѣ стороны рѣки Моде [57]).

Въ тоже время братъ Гельмихъ Дебенборгскій, ревельскій командоръ, по распоряженію магистра, перешелъ съ фохтами гарріенскимъ и вирландскимъ, равно какъ и іервенскимъ и оверпаленскимъ, Нарову въ Ватландъ. Онъ опустошалъ ихъ страну [58]) пять дней сряду огнемъ.

Въ тоже время динабургскій командоръ Дитрихъ Фридахъ съ розитскимъ фохтомъ двинулись противъ варнацкихъ и

---

[54]) Велюнъ — нынѣ Вилены на Нѣманѣ. Эйрагола на Дубисѣ, Пернаровъ, Гилацына (Собновъ болѣе не существуетъ), Трокини, Буда Гайчевска, или Гойцевъ, Почтовъ.

[55]) Саре, вѣроятно, Шораны на сѣверо-западъ отъ нынѣшнихъ Шавлей.

[56]) Розитенъ, или Рѣжица, въ польской Лифляндіи.

[57]) Моде — нынѣ Великая.

[58]) ихъ страну поставлено въ томъ смыслѣ, будто передъ тѣмъ уже было сказано «ватландскіе русскіе». Ватландъ — это вотская пятина.

велійскихъ русскихъ [59]), которыхъ встрѣтили невооруженными и опустошали ихъ землю два дня. На возвратномъ пути еретики преслѣдовали ихъ. Произошло сраженіе, въ которомъ наши побѣдили и убили 29 вооруженныхъ людей, вооруженіе которыхъ они принесли домой въ видѣ добычи. Остальные русскіе, покрытые ранами, въ страхѣ отступили къ себѣ домой.

Въ томъ же году, наканунѣ праздника св. апостоловъ Симона и Іуды (27 октября), псковичи сосредоточили свои войска передъ новымъ орденскимъ домомъ (замкомъ) Фрауенбургомъ и сожгли деревню передъ нимъ. Но дерптцы собрались и убили 100 человѣкъ вооруженныхъ изъ нихъ. Въ день послѣ всѣхъ святыхъ (2 ноября), тѣ же русскіе были съ другимъ войскомъ на корабляхъ передъ Нарвой, гдѣ они сожгли форштаты и все лежавшее внѣ замка. Съ третьимъ войскомъ они были у приходской церкви Іеви [60]), которую разрушили. Тамъ имъ встрѣтился братъ Германъ Фрилингузенскій, везенбергскій фохтъ, и Одоардъ Лоденскій, которыхъ они убили съ другими пятью нашими. Но они въ то же время потеряли триста человѣкъ у устья рѣки Наровы.

Въ 1368 г., въ воскресенье Iudica (26 марта), была начата постройка замка Шрундена въ Курляндіи въ мѣстности, называемой Бандове.

Въ томъ же году, послѣ праздника св. Варнавы (послѣ 11 Іюня), магистръ съ преосвященнымъ Іоанномъ, епископомъ дерптскимъ, повелъ большое войско на русскихъ. Они осаждали замокъ Изборхъ впродолженіи двухъ недѣль машинами и другими военными снарядами, но не имѣли никакого успѣха. Послѣ ихъ отступленія, новгородцы послали гонцовъ посредниками для мирныхъ переговоровъ, однако съ вѣроломнымъ намѣреніемъ. Ни епископъ, ни магистръ не знали о посольствѣ, а между тѣмъ эти новгородцы, еще заранѣе снабженные оружіемъ, тайно поспѣшили въ Псковъ и намѣревались освободить осажденныхъ въ этомъ замкѣ русскихъ.

Въ томъ же году, послѣ Петра и Павла (послѣ 29 Іюня), великій магистръ, братъ Винрихъ, построилъ замокъ, по имени Маріенбургъ, противъ Велюнской горы.

Въ томъ же году, въ день св. Бернарда аббата (20-го
августа), ландмаршалъ, братъ Андрей Штенбергскій, съ 1368
съ командорами курляндскимъ, зегевольдскимъ и братьями (....)
опустошили слѣдующія мѣстности въ Опитенѣ, именно: Малове, Визе-

---

[59]) Варнацъ и Велинъ, нынѣ Воронецъ и Велія на юго-западъ отъ него. Слово еретики (Irrgläubigen) здѣсь вездѣ относится къ русскимъ.

[60]) Іеви теперь Іеве въ Эстляндіи вирландскомъ округѣ.

вильте, Свайникенъ, Прейвизикенъ и Невезеникенъ[61]), при этомъ былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ рижскій замокъ Гердейко, сынъ благороднаго боярина Стирнейки, вмѣстѣ съ женой Мессы, всѣмъ его домомъ и многими другими, причемъ самъ Мессе, братъ названнаго Гердейки, сынъ упомянутаго боярина, едва спасся.

Въ томъ же году, въ день Рождества Богородицы (8 сентября), магистръ братъ Вильгельмъ, предпринялъ второй походъ противъ еретиковъ въ землю Астрове, пробылъ тамъ пять дней и возвратился назадъ съ добычей и плѣнными.

Въ томъ же году, въ тотъ же день (8-го сентября), фохтъ епископа дерптскаго со своими людьми былъ передъ замкомъ Изборхомъ. Онъ увелъ съ собой много скота и плѣнныхъ.

Въ томъ же году и въ то же время маршалъ опустошилъ по ту сторону Навезы въ Литвѣ слѣдующія мѣстности, именно: Бастове и Ромагинъ[62]), а когда онъ подошелъ къ замку Кауве, который незамѣтнымъ образомъ былъ вторично отстроенъ, то покорилъ и завоевалъ его на другой день, и перекололъ 600 вооруженныхъ, которыхъ онъ нашелъ тамъ, за исключеніемъ немногихъ изъ высшаго дворянства, которыхъ онъ увелъ въ плѣнъ съ собой. Изъ нашихъ трое были убиты, сброшенные со стѣнъ; на жизнь раненыхъ была надежда.

Въ томъ же году преосвященный Конрадъ, епископъ эзельскій, прибылъ въ Ригу замѣстителемъ преосвященнаго Вромольда, архіепископа рижскаго, и праздновалъ свое посвященіе въ четверть-годномъ (Quatember) посту (20 сент.). Въ слѣдующее воскресенье (24 сентября) онъ далъ на архіепископскомъ дворѣ большой обѣдъ, на который пригласилъ магистра, ландмаршала, равно какъ и командоровъ динаминдскаго, зегевольдскаго и митавскаго. Въ слѣдующій вторникъ (26-го сентября), магистръ пригласилъ его къ себѣ.

Въ томъ-же году, послѣ дня св. Діонисія (послѣ 9 окт.), ландмаршалъ предпринялъ третій походъ съ зегевольдцами, розитцами, ашераденцами и динабуржцами противъ веліенскихъ еретиковъ, которыхъ онъ хотя и встрѣтилъ предупрежденными, но оставался тамъ двѣ ночи, умерщвляя и опустошая все. Онъ увелъ съ собой скотъ и около ста плѣнныхъ, между тѣмъ какъ изъ нашихъ погибло шестеро при фуражировкѣ.

---

[61]) Малове можетъ быть Малайны при Поневѣжѣ; Визевильте теперь Вейшвильцы; Свайникенъ нынѣшній Звойнишки; Прейвейзикенъ, нынѣшніе Превочки около Новаго Города (Новемяста); Невезеникенъ, нынѣ верхній Поневѣжъ.

[62]) Астрове нынѣ Островъ на Великой. Навезе, нынѣ Нѣвяжа, Ромагинъ, вѣроятно, Романы на сѣверъ отъ Вильки.

Въ 1369 г., въ суботу Reminiscere (24 февр.), магистръ предпринялъ съ ландмаршаломъ и жителями Сакке [63]) и Каркса походъ противъ русскихъ, именно противъ Варнаца, гдѣ четыре ночи происходило большее кровопролитіе, и уведено было въ плѣнъ пятьдесятъ человѣкъ.

Въ то же время, ревельскій командоръ, братъ Гельмихъ съ обитателями Гарріена, Вирланда и Оберналена, равно какъ съ вассалами и бюргерами дерптскаго монастыря, опустошалъ также въ теченіи четырехъ ночей страну тѣхъ же русскихъ, причемъ не считая убитыхъ, было взято въ плѣнъ 301 человѣкъ.

Во время этихъ событій Альгерде (Ольгердъ), король литовскій, пока магистръ и ландмаршалъ были въ отсутствіи, опустошилъ земли Ашерадена и Цизегаля, равно какъ и владѣнія монахинь въ Пефольтѣ [64]). Одинъ орденскій братъ со своимъ мальчикомъ былъ также убитъ ими на дорогѣ. Затѣмъ король возвратился домой съ добычей и плѣнными.

Въ томъ же году, въ день св. Пасхи (31-го марта) русскіе завоевали Кирипме, грабя и разоряя этотъ городокъ, и увели съ собой добычу и плѣнныхъ.

Въ томъ же году, въ воскресенье Misericordia (послѣ 15 апр.), великій магистръ, братъ Винрихъ, началъ строить въ литовской землѣ замокъ по имени Годесвердеръ на одномъ островѣ, на которомъ король Кейнстутъ передъ тѣмъ три раза строилъ замокъ Кауве, разрушенный однако тѣмъ же магистромъ. Онъ окончилъ постройку замка послѣ праздника св. Тройцы (послѣ 20 мая).

Въ томъ же году, послѣ дня св. Іакова (послѣ 25 іюня), ливонскій магистръ повелъ войско на Псковичей; въ псковской землѣ оно пробыло 9 дней и причинило псковичамъ много убытку. 1369

Въ томъ же году на другой день послѣ св. Протія и Гіацинта (12 сентября) литовскіе короли взяли недавно отстроенный замокъ Годесвердеръ. Для его покоренія они соорудили, кромѣ прочихъ боевыхъ орудій, 18 метательныхъ машинъ и осаждали замокъ въ теченіи пяти недѣль. Они однако не разрушили его, но построили рядомъ на томъ же островѣ еще другой замокъ. Братьевъ и другихъ, бывшихъ тамъ, они увели въ плѣнъ.

Въ томъ же году ландмаршалъ съ обитателями Зегевольда и Вендена, послѣ Матвѣева дня (21 сентября), были передъ русскимъ замкомъ, называемомъ Велія и въ теченіи двухъ ночей причиняли тамъ убытки.

---

[63]) Сакке иначе Саккала — мѣстность, на которой находится Феллинъ.

[64]) Цизегале нынѣ Сиселгаль; Пефольтъ, вѣроятно, Пебальгъ. Монахини были женскаго Цистерціанскаго монастыря св. Маріи въ Ригѣ.

Въ то же время гробинскій фохтъ съ нѣсколькими курляндцами, которыхъ онъ собралъ, былъ въ Литвѣ, гдѣ онъ выжегъ нѣсколько деревень и поля и перебилъ много людей. Литовцы, однако, преслѣдовали его и умертвили сто человѣкъ изъ его отряда.

Въ то же время нарвскій фохтъ, переходя черезъ Нарову, потерялъ пятьдесятъ человѣкъ изъ своихъ, убитыхъ русскими.

Въ томъ же году, въ ночь на св. Матѳея (съ 20 на 21 сентябрь), русскіе сожгли три деревни нарвскаго фохта и убили около ста душъ обоего пола.

Въ томъ-же году, послѣ Всѣхъ Святыхъ (1 ноября), старшій маршалъ ордена, братъ Геннингъ Шиндеконъ велъ переговоры съ литовскими королями о выкупѣ плѣнныхъ, взятыхъ при покореніи замка Годесвердера. Когда послѣ оконченнаго договора маршалъ на возвратномъ пути дошелъ до Рагнита, ему встрѣтилось посланное великимъ магистромъ многочисленное войско. Вслѣдствіе этого, онъ повернулъ назадъ съ войскомъ и, вмѣстѣ съ освобожденными плѣнными, въ день св. Мартина (11 Ноября), благополучно прибылъ снова на упомянутый островъ, на которомъ нашелъ построенными два новыхъ замка. Когда литовцы замѣтили ихъ, то покинули тѣ два новые замка, зажгли ихъ и перешли въ старый замокъ, чтобы отстоять его. Однако, старый замокъ былъ всетаки покоренъ, причемъ въ плѣнъ было взято 309 воиновъ и убито 54; остальные вмѣстѣ съ начальниками погибли въ пламени. Тамъ нашли также шесть метательныхъ машинъ и другія четыре большія военныя снаряды, которые всѣ безъ исключенія были сожжены. На всѣ эти убытки литовскіе короли смотрѣли съ противоположнаго берега, будто пораженные громомъ.

Въ 1370 г., въ день св. Фабіана и Севастіана (20 января), ландмаршалъ, братъ Андрей Штенбергскій, съ курляндцами, литовцами и кокенгузенцами былъ въ литовской землѣ. Сначала онъ вторгнулся въ землю Свайникенъ, затѣмъ перешелъ съ войскомъ въ Превайзиникенъ, гдѣ пробылъ двѣ ночи. Онъ побывалъ также и въ другихъ мѣстахъ, а именно въ Маловѣ, Вензенѣ, Минаневѣ до Ремгаллена, Радена и Эгинтена [65]), причемъ было убито 600 и взято въ плѣнъ 300 человѣкъ обоего пола; изъ нашихъ же пали трое.

Въ то же время братъ Арнольдъ Альтенскій, нарвскій фохтъ, перешелъ со своими людьми Нарову для битвы со псковичами, причинившими ему убытки прошлою осенью. Онъ нашелъ ихъ въ новгородскихъ деревняхъ, убилъ нѣсколько изъ нихъ и привелъ съ собой 200 плѣнныхъ.

---

[65]) Вензенъ можетъ быть Вайвазы на сѣверо-востокѣ отъ верхняго Поневѣжа, между Невяжой и Лавенной, Раденъ, вѣроятно, Руды, Эгинтенъ можетъ быть Эгинговице, противъ нижняго Поневѣжа или Оганце на западъ отъ Новаго Города (Новемясто)

Въ томъ же году ливонскій магистръ повелъ войско противъ велинскихъ еретиковъ, замокъ которыхъ онъ, въ Срѣтеніе (2-го февраля), окружилъ со всѣхъ сторонъ, и такъ держалъ въ осадѣ до пятаго дня, причемъ онъ потерялъ двоихъ изъ своихъ людей. Торейдцы же и кремунцы [66]) потеряли при фуражировкѣ 24 человѣка. Земля была сильно опустошена.

Когда въ ту же зиму распространился слухъ о союзѣ литовцевъ и русскихъ съ другими союзными народами, великій магистръ послалъ главнаго маршала на развѣдки. Послѣдній встрѣтилъ ихъ, въ Срѣтеніе (2 февраля), въ расплохъ и разбилъ ихъ на голову, причемъ въ плѣнъ было взято 220 человѣкъ. Но плѣнные сообщили ему вѣрное извѣстіе о сборѣ большаго литовскаго войска. Только одну ночь оставался онъ тамъ и возвратился тотчасъ же къ великому магистру, который вслѣдствіе этого собралъ тотчасъ же въ Кенигсбергѣ земское ополченіе изъ братьевъ и туземцевъ тѣхъ земель, однако не все, такъ какъ ему было неизвѣстно, когда и гдѣ литовцы вторгнутся въ страну. Они же пришли со всей силой со многими тысячами въ воскресенье Exurge domine, которое пришлось на 17 февраля, раннимъ утромъ въ землю самантовъ къ замку Рудову. Въ полдень противъ нихъ вышли великій магистръ и главный маршалъ, и произошла битва, въ которой пало около 5,500 храбрыхъ мужей, большею частью русскихъ, не считая тѣхъ, кои, разсѣявшись по пустынѣ, погибли отъ холода. Такъ Везевильтс, благородный бояринъ, погибъ отъ мороза. Изъ нашихъ же пали главный маршалъ, командоръ и замковый командоръ Бранденбургскій, командоръ реденскій съ двадцатью другими орденскими братьями и нѣсколькими другими знатными людьми изъ Пруссіи; изъ иностранцевъ пали три храбрыхъ мужа, а именно Арнольдъ Ларетттскій съ двумя другими рыцарями; общая потеря нашихъ не превышала 300 человѣкъ.

Въ томъ-же году, въ суботу послѣ Reminiscere (9 марта), гольдингенскій командоръ вмѣстѣ съ курляндцами напалъ на литовскую землю, которую онъ опустошилъ, а именно: Плутенъ, Малове, Варненъ и Меденикенъ [67]) по направленію къ такъ называемому Плудденскому озеру, причемъ онъ переночевалъ въ Верзевенѣ и увелъ съ собой 320 человѣкъ обоего пола, также 430 головъ рогатаго скота и лошадей, кромѣ многихъ, которыхъ велѣлъ убить. Онъ возвратился домой со своими безъ потери.

---

[66]) Торэйденъ и Кремунъ — Трейденъ и Кремонъ, два замка архіепископа рижскаго.

[67]) Варненъ нынѣ Ворны на востокъ отъ города Мемеля, рядомъ съ нимъ Меденикенъ теперь Мидингяны. Остальныя мѣста нужно искать по сосѣдству.

Затѣмъ литовцы устроили засаду у берега моря, около такъ называемой Святой Аа, о чемъ было дано знать гробинскому фохту. Онъ отправилъ развѣдчиковъ, которые однако были по пути неосторожны. Вслѣдствіе этого, находившіеся въ засадѣ литовцы перебили изъ нихъ 20 человѣкъ.

Лѣтомъ того же года ливонскіе братья не могли предпринимать никакого похода, по случаю неблагопріятной погоды и слишкомъ частыхъ дождей. Однако братъ Ротгеръ, главный маршалъ, послалъ нѣсколькихъ людей съ замландскимъ фохтомъ на помощь къ рагнитскому командору, который оставался въ литовской землѣ, хотя она и была предупреждена, все таки двѣ ночи, опустошая слѣдующія земли, а именно: Эрагеленъ, Перпарве и Гезове.

Осенью тотъ же маршалъ послалъ легкіе отряды въ землю Дрогоценъ, гдѣ они оставались четыре ночи, убивая и опустошая, и увели въ плѣнъ 106 человѣкъ, равно какъ и 61 лошадь и 9 шоковъ (шокъ — 60 штукъ) быковъ и коровъ. Командоръ рагнитскій со 100 изъ своихъ людей поѣхалъ на корабляхъ выше на литовцевъ, уничтожилъ два двора (усадьбы) съ жителями обоего пола въ землѣ Гезове и захватилъ 20 лошадей и 9 воловъ, которыхъ и увелъ съ собой.

Въ 1371 г. зима была такая сырая и непостоянная, что нельзя было ни привести дань съ Каркса въ Ригу на саняхъ, ни предпринять какого либо военнаго похода.

Въ томъ же году, накапунѣ дня Рождества св. Іоанна Крестителя (23 іюня), магистръ ливонскій со своими орденскими чинами, епископъ дерптскій Іоаннъ со своими канониками, имѣли съѣздъ съ викаріемъ и пробстомъ Риги, вассалами обоихъ сторонъ, ратманомъ любекскимъ, Іоанномъ Шепенстеде, равно какъ и другими нѣмецкими купцами и важными высокопоставленными русскими, какъ изъ Новгорода, такъ и Пскова, передъ замкомъ Фрауэнбургомъ, принадлежащимъ дерптскому епископу. Въ ихъ собраніи, до самаго кануна Петра и Павла (28 іюля), шли переговоры и рѣшались при этомъ прежніе спорныя дѣла. Магистръ и дерпскій епископъ, ради дорогаго мира, простили русскимъ всѣ причиненные ими до начала войны несправедливости и убытки. Магистръ возвратилъ также купцамъ всѣ ихъ имѣнія, цѣною въ 30,000 марокъ, которыя были у нихъ задержаны во время войны, когда незаконнымъ образомъ, тайно и противъ позволенія магистра, но съ вѣдома тѣхъ купцовъ, эти земли были сторгованы и куплены русскими. Далѣе было опредѣлено, что обѣ стороны удержатъ свои земли и границы въ рыболовствѣ, рѣкахъ и все какъ было по прежнему.

Въ томъ же году, во вторникъ послѣ Варѳоломеева дня (26-го августа), братъ Винрихъ Книпродскій, великій

магистръ и главный маршалъ двинулись въ походъ со своими людьми; затѣмъ они раздѣлились, а именно великій магистръ вторгся въ землю Россіене, которую и опустошилъ со всѣми окрестностями, между тѣмъ какъ маршалъ двинулся въ землю Видукеленъ [68]), которую онъ также опустошилъ. Они находились въ пяти миляхъ другъ отъ друга. На другой день они встрѣтились въ землѣ Вайкенѣ, дошли вмѣстѣ до Эрагелена, затѣмъ въ Пернарве, Галве, Гезовъ и Бастове и въ другія сосѣднія мѣстности, которыя всѣ опустошили въ теченіе одной недѣли грабежемъ и огнемъ, уничтожая полевые плоды и уводя многихъ въ плѣнъ.

Въ то же время братъ Вильгельмъ, ливонскій магистръ, вторгся въ землю литовцевъ и опустошилъ слѣдующія мѣстности, а именно: Вельце, Минапенъ, Маловъ, Превейстке, Свайнике, земли Опитенъ, Линковъ, Цвіенъ, Стренгевъ, Опителакенъ, Азе, Ваке, Слапneберце и Каллеберце; затѣмъ внизъ по рѣкѣ Невезѣ по обѣ стороны до двора Альгеминненъ въ арвистской землѣ, гдѣ Альгельмининъ, великій бояринъ, избралъ себѣ мѣсто жительства [69]). Тутъ онъ пробылъ четыре дня. Не потерявъ никого изъ своихъ людей, онъ возвратился домой.

Тотъ же ливонскій магистръ увеличилъ ревельскій замокъ и укрѣпилъ его двумя очень крѣпкими башнями и высокими стѣнами; далѣе онъ выстроилъ въ Ригѣ башню или привратный домъ около воротъ; далѣе тамъ-же выстроилъ дома для больныхъ братьевъ [70]). Онъ сдѣлалъ и другія большія издержки для богоугодныхъ цѣлей.

Въ 1372 году, послѣ масляницы (послѣ 10 Апрѣля), магистръ собралъ войско на литовцевъ, возвратился, однако, назадъ въ Ригу, по случаю болѣзни, пославъ ландмаршала и нѣкоторыхъ другихъ орденскихъ чиновъ въ землю Ланкенинкенъ [71]). Тамъ они оставались двѣ ночи, опустошили землю вмѣстѣ съ окрестностями и увели съ собой много плѣнныхъ, лошадей и скота.

Въ томъ-же году, въ то же время, въ Пруссіи были Леопольдъ, австрійскій герцогъ, съ 1,500 лошадьми, графы (вѣрнѣе герцоги) Стефанъ и Фридрихъ баварскіе, далѣе (два?) герцоги (о)польскіе, далѣе ландграфъ луттенбергскій и графъ гальскій [72])

---

[68]) Видукеленъ нынѣ Виндукле въ двухъ миляхъ на западъ отъ Россіенъ.

[69]) Вельцы недалеко къ югу отъ Верхняго Поневѣжа. Одинъ Линковенъ лежитъ на Нѣвяжѣ. Опитолоки на той же рѣчкѣ не много выше Кейданъ. Шлапоберце и Кольпоберце на западъ отъ рѣки. Арвистенъ нынѣ Орвистовъ въ трехъ четвертяхъ мили отъ Кейданъ.

[70]) Дома для больныхъ братьевъ въ орденскихъ замкахъ иначе такъ называемые Infirmaria, больницы.

[71]) Ланкенинкенъ можетъ быть нынѣшній Лукникъ, близь Ворны.

[72]) Ландграфство Лейхтенбергъ находилось въ верхнемъ Пфальцѣ около рѣки Рааба; графство Гальсъ въ Нижней Баваріи на Ильцѣ.

со многими другими храбрецами, которые всѣ охотно двинулись бы противъ литовцевъ; но погода не допустила этого, такъ какъ рѣки не замерзли. Графъ гальскій съ пятидесятью другими дошелъ до Риги, послѣ воскресенья Юдики (послѣ 14 марта), они возвратились однако назадъ въ Пруссію за недостаткомъ провіанта и фуража для лошадей послѣ Quasimodogeniti (послѣ 4 Апрѣля).

Въ томъ же году, послѣ Успенія (15-го августа), братъ Винрихъ Книпродскій, великій магистръ, предпринялъ успѣшный походъ противъ литовцевъ въ землю Медешке въ мѣстности Перстервизѣ и побывалъ такъ съ войскомъ во всѣхъ тѣхъ странахъ по ту сторону Навзы до тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается Нерге, и пробылъ тамъ 10 дней [73]).

Въ томъ же году, въ то же время, ливонскій магистръ, хотя и двинулся съ войскомъ, но былъ принужденъ вернуться назадъ по болѣзни, пославъ (вмѣсто себя) ландмаршала, брата Андрея Штенбергскаго, который съ войскомъ напалъ на земли язычниковъ. Первый растахъ, т. е. привалъ, онъ сдѣлалъ въ Кистенасѣ, гдѣ были опустошены слѣдующія мѣстности: именно Минаненъ, Вельценъ и Малу. Второй привалъ онъ сдѣлалъ въ Веленстѣ, гдѣ были опустошены слѣдующія мѣстности, а именно: Сильнике, Барклене, Ремигалле, Сукейне, Лискейпенъ, Црейбе. Третій привалъ въ Салкаппенѣ, причемъ были опустошены мѣстности Вейзеке, Вайзевильте и Опитенъ. Четвертый растахъ, по направленію къ самаитамъ, былъ въ
1372 Эгинтенѣ, опустошены при этомъ мѣстности: Лауденъ, Кніенъ, Бурве, Линкове, Сазенъ. Пятый разстахъ былъ Датиненъ, опустошенныя мѣстности : Берце, Рамоэ, Слаппиберце, Мегене, Датиске, Зазати, Верго. Шестой растахъ былъ въ Андигенкути; тутъ были опустошены мѣстности: Раммине, Бабине, Гайдине, Каріанове, Лабунове, Пединсъ, Каппліусъ и Нармайне. Седьмой растахъ былъ при Кралиновѣ, причемъ были опустошены мѣстности: Опителаке, Рады и Штренге. Восьмой растахъ былъ Эгглантѣ, причемъ были опустошены: Свапике, Превайзике и Невезенике. Девятый привалъ Салвейте находился на Невезѣ; опустошенная при немъ мѣстность зовется Вадахте [74]).

---

[73]) Перге другое названіе Виліи; Паузе, Навезе это Нѣвяжа. Перстевизе, вѣроятно, Бершты, въ 3/4 мили на сѣверо-востокѣ отъ Мѣдниковъ, находящихся при Россіенахъ.

[74]) Нынѣ не возможно уже указать, гдѣ находились всѣ эти мѣстности. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были указаны выше; нѣкоторыя имена, вѣроятно, переиначены въ рукописи. Во всякомъ случаѣ мѣстности эти лежали большею частью около верхняго и средняго теченія Нѣвяжи, какъ Борклоини и Барклоинія, Упита, Васканы, Вейшвильцы, Линкове, Датновъ, Берцы, Слапоберцы, Мегіаны, Роминія, Бобіяны, Кейданы, Корново, Лабуновъ, Нармоине, Кароликовъ у Венцеголы (?), Опитблоки, Ради, Зноймики, Превочки, Поневежъ, Водокты вблизи Упиты, однако на западъ отъ Нѣвяжи.

Когда въ томъ же году ливонскій магистръ и орденскіе сановники, вслѣдствіе вызова, находились въ большомъ капитулѣ въ Маріенбургѣ въ Пруссіи, на другой день послѣ св. Діонисія (10-го октября) и на возвратномъ пути прибыли въ Розитенъ [75]), мемельскій командоръ послалъ имъ на встрѣчу письмо съ предостереженіемъ, что 350 литовскихъ разбойниковъ устроили засаду противъ насъ у морскаго берега и что онъ тоже написалъ о томъ и гробинскому фохту. Когда же мы, наканунѣ дня 11,000 дѣвъ (20 октября), прибыли въ Мемель, насъ встрѣтилъ гробинскій фохтъ съ нѣсколькими братьями и воинами изъ Курляндіи съ заявленіемъ, что все безопасно. Посланные лазутчики показали точно то же. То же самое увѣрялъ и братъ Генрихъ Рамбовскій, съ нѣкоторыми другими встрѣтившій насъ у рѣки Святой Аа. Но вотъ! Когда телѣги и нѣкоторые изъ нашихъ перешли рѣку, непріятель бросился на насъ, убилъ десятеро нашихъ и ранилъ названнаго брата Генриха. Принужденные отступать и собрать свои силы, мы совѣтывались, что дѣлать дальше. Когда же враги увидѣли, что мы не менѣе храбры, то съ обоихъ сторонъ поднялся воинственный крикъ, продолжавшійся съ девяти часовъ до вечера; наши помѣрялись со врагами, внушили имъ страхъ и обратили ихъ въ бѣгство, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были убиты или погибли въ рѣкѣ.

Въ томъ же году великій магистръ, братъ Винрихъ Книпродскій, въ день Всѣхъ Святыхъ (1-го Ноября), велъ переговоры съ литовскими королями, именно съ Альгердомъ и Кейстутомъ, и освободилъ всѣхъ находившихся въ Литвѣ плѣнныхъ, взамѣнъ коихъ выдали литовцевъ.

Въ 1373 г. ливонскій магистръ, братъ Вильгельмъ Вримерсгеймскій, послѣ дня св. Валентина (14-го февраля), повелъ войско въ землю языческихъ литовцевъ, гдѣ онъ пробылъ восемь ночей, такъ какъ жители не были предупреждены. Первый привалъ онъ сдѣлалъ передъ замкомъ Таураге, второй — въ деревнѣ Гавейкенѣ, третій — въ деревнѣ Надувенѣ, четвертый — на дворѣ Гирдемантеса, пятый — въ деревнѣ Эйнарѣ, шестой — въ Муловѣ, седьмой — въ Лаббенарѣ, восьмой — передъ замкомъ Ленгемене. Опустошены слѣдующія мѣстности: Таураге, затѣмъ округъ въ Виттена, Антецельве, Видениске, земля Енкретасъ, Сильнике, Лоумене, Гедерейте, Освіамъ Линнане, Добинге, округъ Гейдойаттенъ, Асдубингенъ, Анстиштирне съ округомъ Ленгеменомъ. Въ плѣнъ было взято около тысячи человѣкъ обоего пола, не считая убитыхъ, и захвачено много лошадей [76]).

---

[75]) Розитенъ на курляндской низменности.

[76]) Подъ названными мѣстностями, которыя всѣ лежатъ между верхнимъ теченіемъ Свенты и Виліи, мы узнаемъ теперешніе: Тавроги, Лебонары, Лингмяны, Видзенишки, Лумяны, Гедроице, Дубинки, Подубинки.

Въ томъ же году братъ Андрей, ландмаршалъ, собралъ снова войско въ 350 человѣкъ, съ которыми, въ ночь на Oculi mei (съ 19-го на 20-е марта), въ часъ перваго сна, разграбилъ деревню около замка Узупалле, всѣхъ жителей перебилъ и сжегъ самую деревню. Уведши 70 лошадей, онъ невредимо возвратился домой.

Въ то же время Спрогайле (Свиригайло), сынъ литовскаго короля Альгарда (Ольгерда), былъ съ 600 вооруженныхъ людей передъ замкомъ Динабургомъ, гдѣ они, однако, сожгли только нѣсколько домовъ передъ городомъ.

Въ томъ-же году, послѣ Пасхи (послѣ 17 апрѣля), митавскій командоръ послалъ восьмерыхъ подстерегателей (Wegelagerer) [77]), которые, пришедши въ одну литовскую деревню, застали въ корчмѣ шестнадцать человѣкъ и сожгли ихъ въ томъ же домѣ, по двухъ взяли въ плѣнъ и увели съ собой.

Въ томъ же году, въ суботу передъ днемъ Quasimodogeniti (24 апрѣля), Андрей, полоцкій князь, былъ со своими людьми передъ замкомъ Динабургомъ, гдѣ онъ захватилъ нѣсколькихъ изъ нашихъ съ ихъ лошадьми и увелъ съ собой.

Въ томъ же году, черезъ недѣлю послѣ Успѣнія (22 августа), братъ Винрихъ, великій магистръ, повелъ своихъ людей противъ литовцевъ въ землю Аустгейтенъ, гдѣ его не пропустилъ король Кейнстутъ со своимъ войскомъ. Великій магистръ двинулся дальше въ землю при Нерге, гдѣ надѣялся пройти. Но король помѣшалъ ему также и здѣсь, равно какъ и при другой переправѣ. И такъ великій магистръ опустошилъ землю около Нерги до Валкенберга. Затѣмъ онъ повелъ свое войско въ землю Сейменъ [78]) и оставался около десяти ночей въ странѣ язычниковъ, причиняя имъ много убытку.

Въ томъ же году, въ то же время, братьями была начата постройка замка въ землѣ зеловъ [79]).

Въ томъ же году магистромъ была построена шестиколесная мельница при Песчаной горѣ передъ городомъ Ригой.

Въ 1374 г. динабургскій командоръ былъ со своими людьми, наканунѣ Вознесенія Господня (10 мая), въ Россіи передъ новымъ замкомъ, гдѣ на замковомъ мосту было убито трое русскихъ, девятеро другихъ были взяты въ плѣнъ, равно захвачено и 120 головъ крупнаго скота, не считая уведенныхъ или съѣденныхъ овецъ.

---

[77]) Wegelagerer — подстерегатель. Старое теперь болѣе не употребляющееся названіе такихъ подстерегателей былъ струтеръ (Struter) отъ слова Strut — кустъ, слѣдовательно, струтеръ значитъ кустарный воръ; struten значитъ вырывать съ корнемъ.

[78]) Валкенберге можетъ быть нынѣ Валиногродекъ на Виліи, или описка вмѣсто Вилькенберга, т. е. Вилькомира? Сейменъ нынѣ Сейны.

[79]) Зеландскій замокъ это Зельбургъ на Двинѣ.

Въ томъ же году, въ день Рождества Богородицы (8-го сентября), главный маршалъ былъ съ двумя отрядами въ Аустейтенѣ, въ литовскихъ земляхъ, которыя онъ съ войскомъ опустошалъ три дня и три ночи.

Въ томъ же году, въ то же время, ливонскій магистръ съ войскомъ былъ пять дней и пять ночей въ литовскихъ земляхъ, которыя сильно опустошилъ, также убилъ нѣсколькихъ людей, а другихъ увелъ съ собой. Въ то время въ Ливоніи измѣннически убѣжали къ литовцамъ два брата, а именно Іоаннъ Ланцебергъ и Фридрихъ Миссенскій, храбрые мужи, съ проводникомъ, по имени Биллене, а также со всѣмъ оружіемъ и вещами, изъ которыхъ ничего не оставили дома, и со многими лошадьми, не только собственно имъ принадлежащими, но и съ украденными ими у магистра и кандаускаго фохта.

Въ томъ же году, въ день св. апостола Матѳея (21-го сентября), динабургскій командоръ съ 100 изъ своихъ людей двинулся сухимъ путемъ въ Россію, и когда онъ оставилъ Двину за собой въ двухъ миляхъ, то между тѣмъ подошли князья полоцкіе и одрискіе [80]) съ войскомъ къ замку Динабургу, захватили весь скотъ командора и крестьянъ, пасшійся на лугу передъ замкомъ, какъ-то коровъ, овецъ, свиней и лошадей, равно какъ и одного человѣка, который объявилъ князьямъ объ упомянутомъ отсутствіи командора. Вслѣдствіе этого, князь Андрей полоцкій съ 250 своими лучшими людьми поспѣшилъ за нимъ въ погоню. Командоръ оставилъ между тѣмъ за собой двухъ соглядатаевъ, которые лишь только узнали объ этомъ, тотчасъ же поспѣшили къ командору, находившемуся въ пяти миляхъ отъ Двины на мѣстѣ, гдѣ онъ думалъ переночевать, и сообщили ему все. Командоръ пошелъ назадъ по широкой и пространной степи, но по другой дорогѣ. На другой день они невредимо пришли въ замокъ Динабургъ. Въ ту же ночь, еще до возвращенія командора, и остальная часть русскаго войска въ страхѣ отступила отъ замка.

На другой день послѣ этого, сюда пришло 50 вооруженныхъ людей изъ округа Розитена, гдѣ они все опустошили, и въ бродъ подошли къ замку Динабургу. Командоръ, по недостатку лошадей, не могъ ихъ преслѣдовать.

Когда замокъ Динабургъ, какъ разсказываютъ, былъ осажденъ ими, въ ту же ночь убѣжалъ въ замокъ одинъ слуга полоцкаго князя, который сказалъ, что князья хотѣли, еслибы командоръ оставался дома (въ замкѣ), стоять три ночи передъ замкомъ и послать между тѣмъ отрядъ, называемый зарникомъ, до самаго Крейцбурга.

---

[80]) Одриске вѣроятно, нынѣшняя Дрисса при впаденіи Дриссы въ Двину ниже Полоцка.

Въ 1375 г. магистръ и орденскіе чины со всѣхъ концевъ Ливоніи собрались въ многочисленное войско и въ день св. Агаты (5 февраля) дошли до слѣдующихъ литовскихъ мѣстностей, а именно Таураге, Уттенъ, Балнике, Налиске, Зессоленъ, Виденниске, Гедерейтенъ и части земли Дубингена и Асдубингена [81]), гдѣ они въ теченіи десяти дней все опустошали огнемъ и мечемъ, увели 600 человѣкъ обоего пола и затѣмъ невредимые только съ потерею одного человѣка возвратились домой. Стоялъ ужасный холодъ и снѣгъ былъ глубокъ и твердъ, такъ что все войско могло подвигаться только по одиночкѣ одинъ за другимъ. Братъ Андрей Штенбергскій, ландмаршалъ, въ теченіи 21 года искусно исправлявшій свою должность, умеръ вслѣдствіе паденія дерева, которое во время этого похода неожиданно обрушилось на него.

Въ томъ же году, главный маршалъ, братъ Готфридъ Линденскій съ жителями Эльбинга, Бранденбурга, Балги и Кристбурга, равно какъ и обоими фохтами самландскими и еще нѣсколькими гостями изъ Германіи были въ Литвѣ. Въ день св. Схоластики (10 февраля) они опустошили ниже поименованныя земли грабежемъ и огнемъ. Онъ раздѣлилъ свое войско на три отряда, такъ что пришедшіе изъ Кристбургя и Балги переночевали въ деревнѣ по имени Свирдекейнендорпъ, самъ маршалъ и гости изъ Германіи съ фохтами самландскими въ Свенте-Ацере, пришедшіе изъ Эльбинга и Бранденбурга въ Стагенискенѣ. На другой день (11-го февраля), соединившись, они вошли въ Санилискенъ, гдѣ ночевали второй разъ, обративъ передовое войско противъ замка Тракена и на полъ мили по ту сторону къ деревнѣ Детаргесдорпъ, гдѣ и переночевало все войско. На другой день они возвратились къ названному замку, гдѣ они и нашли короля Кейстута, ведшаго переговоры съ маршаломъ. Затѣмъ они опустошили мѣстность около Стребе до впаденія ея въ Мемель. Такъ они пробыли семь ночей въ назван-
1375 ныхъ литовскихъ земляхъ и увели съ собой 715 плѣнныхъ обоего пола, не считая тѣхъ, которые достались на долю гостей.

Въ томъ же году, вскорѣ послѣ возвращенія пруссаковъ, въ двинскіе мѣстности вторглись Кейнстутъ, король литовскій съ тремя сыновьями своего брата, короля Альгерда, а также съ сыномъ смоленскаго князя; далѣе Андрей, князь полоцкій съ своими

---

[81]) Наименованныя здѣсь литовскія мѣстности въ области рѣкъ Свѣнтой и Виліи уже отчасти упомянуты выше. Тевтонскій орденъ дѣлалъ нападенія изъ Ливоніи, между тѣмъ какъ прусскіе рыцари съ войсками часто опустошали литовскія земли на востокъ и на западъ отъ этихъ земель. Балнике есть Больники на востокъ отъ Вилкомира; Зессоленъ — Шешоле на юго-востокъ отъ Вилкоміра; Свенте Ацоро значитъ Святое озеро; Стагелискенъ это Столкписки на западъ отъ Вильны; Санилискинъ тепер. Сумилишки; Тракенъ—Троки; Стребе нынѣ Страва.

людьми въ пятницу передъ днемъ Estomihi (2 марта). Они раздѣлили свое войско по примѣру пруссаковъ на три отряда, опустошили помѣстья преосвященнаго архіепископа рижскаго и особенно владѣнія Тизенгузена, а именно прежде всего мѣстность Крейцбурга, далѣе Локштеенъ, Барзоне, Эрле, Пепалге, Кессовенъ до Балтове и увели съ собой плѣнныхъ [82]). Ордену, однако, не смогли нанести никакого вреда по трудности пути и по причинѣ глубокаго снѣга; но они оставались недѣлю въ земляхъ архіепископа, хотя переносили и сами большія потери. Потому что шесть пойманныхъ динабургскимъ командоромъ литовцевъ объявили, что по трудности пути они потеряли болѣе 100 лошадей и что убито было 50 человѣкъ. Также 50 утонуло со всѣмъ оружіемъ при замкѣ Герцеке, гдѣ дѣлали попытку переплыть рѣку. Далѣе лежали убитыми на дорогѣ, вблизи замка Динабурга, двое русскихъ — одинъ по имени Андрей, сынъ одного великаго бояриина изъ Витенбеке, который держалъ себя какъ король; другой же — великій бояринъ изъ Полоцка по имени Радеке, изъ свиты короля.

Въ томъ же году попечитель Инстербурга съ обитателями Замланда и Натангена былъ въ воскресенье Laetare (послѣ 1 апрѣля) въ Литвѣ, гдѣ они съ ранняго утра до вечера слѣдующаго дня производили опустошеніе и увели съ собой 87 плѣнныхъ, не считая убитыхъ.

Въ томъ же году, въ пятницу передъ Юдикой (6 апрѣля), розитскій фохтъ съ 400 туземцами и новокрещенными былъ въ полоцкой землѣ, которую они опустошили и увели изъ нея 86 человѣкъ обоего пола и 100 лошадей. Въ вербное воскресенье (15 апрѣля) они невредимые возвратились домой.

Въ томъ же году 300 человѣкъ отборныхъ литовцевъ сдѣлали себѣ челны изъ древесной коры у берега Двины, на которыхъ и приплыли къ мѣстечку Ликстену [83]). Здѣсь они спрятали свои лодки и проникнули по сушѣ до округа розитскаго. Динабургскій командоръ и его люди, провѣдавшіе объ этихъ литовцахъ, сначала разорили ихъ лодки, потомъ перебили часть литовцевъ, въ числѣ всего 200 человѣкъ, причемъ у нихъ была отнята ихъ добыча въ 40 человѣкъ, другая же часть была обращена въ бѣгство и погибла затѣмъ въ пустынѣ.

Въ томъ же году, послѣ Петра и Павла (послѣ 29 Іюня), рагнитскій командоръ со своими людьми и съ 300 человѣкъ, при-

---

[82]) съ сыномъ князя смоленскаго Святослава Іоанновича I-го 1386 г. Перечисленныя мѣстности суть Крейцбургъ, Лаздонъ, Берзонъ, Эрлаа на Огерѣ, Пефольтъ, Зельцау (или Зесвегенъ?), Бяльтонъ на Огерѣ. Герцеке лежалъ противъ Зельсбурга. Витенбеке — это Витебскъ.

[83]) Ликстенъ, вѣроятно, теперешняя Ликсна ниже Динабунга на правой сторонѣ Двины.

сланныхъ ему главнымъ маршаломъ, вторгся въ литовскую землю Вайкенъ, гдѣ наполнилъ все грабежемъ и убійствомъ. Литовцы же зашли имъ въ тылъ въ пустыню, и хотя плѣнные это предсказывали, командоръ, презирая всѣ толки плѣнныхъ, пошелъ впередъ. За то онъ и потерпѣлъ пораженіе. Потому что когда литовцы соединились всѣ въ пустынѣ, въ надеждѣ на свое превосходство, бросились на нихъ спереди, сзади и съ обоихъ сторонъ, то наши были принуждены оставить свою добычу и плѣнныхъ. Сколько пало язычниковъ — неизвѣстно; изъ нашихъ же погибли командоръ съ 11 братьями и 19 другихъ. Кромѣ того, литовцы взяли въ плѣнъ орденскаго брата и семерыхъ ратниковъ.

Въ томъ же году, послѣ Рождества Богородицы (послѣ 8 сентября), братъ Робинъ, ландмаршалъ ливонскій, двинулся противъ литовцевъ въ Опитенъ. Когда онъ подошелъ сюда, нѣсколько человѣкъ изъ его войска, незамѣченные, зашли впередъ до литовскихъ засѣкъ, гдѣ они нашли литовцевъ съ ихъ женами и дѣтьми и имуществомъ, бѣжавшихъ отъ прусскаго войска, которое, какъ будетъ разсказано ниже, находилось въ то же время въ Литвѣ. Послѣ того какъ упомянутые застрѣльщики (струтеры) [84]) такъ завладѣли добычей, они убили нѣкоторыхъ изъ находившихся въ засѣкѣ. Когда же литовцы увидѣли ихъ незначительное число, они начали сопротивляться, снова отняли у нихъ добычу и убили около 25 рядовыхъ изъ нихъ. Однако, одинъ изъ нихъ, тяжело раненый, съ трудомъ возвратился ночью къ войску и доложилъ объ исходѣ дѣла. Когда наступило утро, ландмаршалъ (со своими людьми) нашелъ тѣла убитыхъ обнаженными и ограбленными; они сожгли трупы и пошли затѣмъ дальше. И они пробыли въ упомянутой землѣ Опитенъ только одну ночь, во первыхъ оттого, что ихъ войско было очень не велико, во вторыхъ страна была уже предупреждена за шесть дней впередъ.

Въ томъ же году, въ суботу послѣ Всѣхъ Святыхъ (3-го ноября), князь Андрей полоцкій двинулся со всей своей конницей и ладьями къ замку Динабургу. Онъ сжегъ все сѣно командора и поселянъ и нисколько его не уцѣлѣло; онъ также увелъ съ собой пятнадцать человѣкъ и лошадей поселянъ. Далѣе онъ угналъ также убойный скотъ командора, въ которомъ командоръ нуждался послѣ цѣлый годъ.

Въ томъ же году, въ день св. Каликста (14 октября), въ Пруссіи въ Маріенбургѣ происходилъ большой капитулъ. Нужно замѣтить, что ливонскіе братья еще не вполнѣ выплатили великому магистру деньги, занятые для покупки ревельской земли. Когда же

---

[84]) Струтерами назывались въ средневѣковыхъ источникахъ Пруссіи легковооруженные люди, которые всегда въ небольшомъ количествѣ шли впереди войска для воинскихъ развѣдокъ.

ливонскіе братья медлили съ уплатой, то великій магистръ напомнилъ имъ это и велѣлъ имъ заплатить 10,000 (?) марокъ прусскою монетой, послѣ чего они совершенно освободятся отъ всякихъ притязаній со стороны прусскихъ братьевъ. Эти 5,000 марокъ [85]) заплатилъ единственно изъ своего дохода отъ должности братъ Альбертъ Бренкенскій, бывшій тогда венденскимъ фохтомъ. Должно замѣтить, что никто изъ ливонскихъ орденскихъ сановниковъ и никогда до этого времени, находясь въ должности, не располагалъ такою суммою денегъ, какъ онъ.

Въ 1376 г., на недѣлѣ послѣ Пасхи (14 — 20 апрѣля), пѣшіе братья въ Ливоніи соединились, по примѣру струтеровъ, въ 1376
числѣ 600 [86]), противъ язычниковъ. Ихъ знаменосцемъ и начальникомъ былъ братъ Дитрихъ Гольтейскій, доблинскій командоръ. Прибывъ въ земли язычниковъ, они опустошили все огнемъ и мечемъ, захватили 40 человѣкъ обоего пола, а также 59 лошадей и 40 головъ крупнаго скота, которыхъ всѣхъ увели съ собой и, кромѣ того, множество перебили, хотя и пробыли тамъ только одну ночь. Они ее провели во дворѣ одного боярина, по имени Дринигайло, котораго также взяли въ плѣнъ и увели съ собой.

Въ томъ же году, послѣ праздника Іоанна Крестителя (24 іюня), Кейнстутъ, литовскій король, опустошилъ въ Пруссіи мѣстности по обѣ стороны рѣки Мемеля до Велова, сдѣлавъ набѣгъ на землю недалеко отъ замка Нервекетъ [87]), который лежитъ въ мѣстности Надрауенъ въ 3-хъ миляхъ отъ города Велова. Оттуда они поворотили къ замку Инстербургу, гдѣ сдѣлали нападеніе и увели съ собой около 400 человѣкъ обоего пола вмѣстѣ съ дѣтьми. Они увели также изъ конскаго завода при замкѣ Инстербургѣ 50 кобылицъ съ двумя случными жеребцами и 60 другими жеребцами и жеребятами. Жители деревень потеряли весь свой скотъ и все остальное имущество.

Въ томъ-же году, послѣ праздника веригъ св. Петра (послѣ 1 августа), тотъ-же король былъ передъ митавскимъ замкомъ, сжегъ посадъ и угналъ оставленныхъ на пастбищѣ лошадей и скотъ. Во время этого похода, онъ былъ передъ замкомъ Доблиномъ; и, сжегши сѣно въ обоихъ замковыхъ округахъ, литовцы увели изъ нихъ около 40 плѣнныхъ обоего пола.

Въ томъ же году, во вторникъ передъ Успеніемъ Богородицы (12 августа), динабургскій командоръ и обитатели Розитена и Зельбурга съ другими воинскими людьми преосвященнаго архіепископа

---

[85]) Которое нибудь изъ этихъ чиселъ, 10,000 или 5,000, невѣрно.

[86]) Въ рукописи не сказано своихъ людей.

[87]) Веловъ нынѣ Велау; Нервекете нынѣ Норкитенъ.

рижскаго, были передъ Новымъ замкомъ въ Литвѣ по ту сторону Динабурга, гдѣ они убили 13 человѣкъ и 20 лошадей, а также сожгли сѣно и хлѣба вокругъ того замка вмѣстѣ съ мостомъ. Между тѣмъ одинъ орденскій братъ Іоаннъ Бловеръ убѣжалъ измѣнникомъ въ упомянутый Новый замокъ

Въ то же время полоцкій князь былъ со всѣмъ своимъ войскомъ передъ замкомъ Розитеномъ; въ одну ночь онъ сжегъ все передъ замкомъ; командоръ же захватилъ около ста кораблей, на которыхъ тотъ приплылъ по рѣкѣ, у Новаго замка, разрушилъ нѣкоторые изъ нихъ, а другіе увелъ со всѣмъ грузомъ.

Въ 1376 г. литовцы прошли чрезъ землю герцога мазовецкаго до округа Сольдау въ остеродскомъ командорствѣ, гдѣ, явившись такъ неожиданно, они убили или взяли въ плѣнъ около 800 человѣкъ.

Нужно замѣтить, что венгерскій король предоставилъ оппельнскому герцогу нѣкоторыя земли, кои принадлежали братьямъ литовскихъ королей, а именно Георгу Бельзскому и Люберту Луцикскому [88]). Вслѣдствіе этого, тотъ герцогъ началъ враждовать и дѣлать нападенія на земли названныхъ королей. Короли же, раздраженные этимъ, призвали своего брата Кейнстута, который со всѣмъ своимъ войскомъ пришелъ къ нимъ на помощь. Соединившись, они враждебно вторглись въ польскую землю, въ четвергъ передъ Всѣми Святыми (30 октября), и, опустошая, грабя и убивая, прошли вверхъ по Вислѣ на 4 1/2 мили отъ Кракова. При этомъ они причинили такое пораженіе и бѣдствіе между рыцарями, дворянами, дѣвушками и почтенными женщинами, о какихъ никогда не было слыхано въ прошедшія времена.

Въ 1377 г. главный маршалъ и остальные прусскіе орденскіе чины, въ Срѣтеніе (2 февраля), пошли на литовцевъ, причемъ
1377 пробыли въ странѣ 11 ночей и дошли до замка и города Вильны, гдѣ тогда жилъ король Альгердъ, произвели опустошенія, а также сильно повредили жатву огнемъ и мечемъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ язычниковъ ограбили майн [89]), т. е. хижины, въ которыхъ сохранялся провіантъ и фуражъ для лошадей на четыре дня, и сожгли ихъ. Поэтому маршалъ былъ принужденъ, вслѣдствіе недостатка продовольствія, возвратиться со своими людьми, что ему и удалось исполнить безъ вреда.

Въ томъ же году, въ то же время, магистръ и ливонскіе братья двинулись со своими людьми противъ литовцевъ, вторглись къ нимъ въ день св. Схоластики (10 февраля), четыре ночи опустошали все убійствомъ и огнемъ, и взяли въ плѣнъ и убили около

---

[88]) Белзе нынѣ Бѣльцъ въ Галиціи; Луцикъ нынѣ Луцкъ на Волыни.
[89]) Майенъ, эстонское слово значитъ хижина.

300 человѣкъ. Они, однако, не могли здѣсь оставаться дольше, по причинѣ большихъ снѣговъ.

Въ томъ же году, наканунѣ вербнаго воскресенья (21-го марта), король Кейнстутъ со своими сыновьями и сыновьями Альгерда, своими двоюродными братьями, съ большимъ войскомъ, также состоявшимъ изъ русскихъ, враждебно вторгся въ Курляндію (никто не былъ предупрежденъ объ этомъ заранѣе), и причинили на многіе года неисправимый вредъ въ области Гольдингена и въ помѣстьяхъ каноников курляндскаго монастыря опустошеніемъ, грабежемъ и избіеніемъ скота и людей. Число убитыхъ и плѣнныхъ доходило до 700, причемъ, однако, были также взяты въ плѣнъ и умерщвлены нѣсколько литовцевъ. Тогда же былъ взятъ въ плѣнъ одинъ бояринъ по имени Пексте, тракенскій фохтъ короля литовскаго, гнусный презритель и мучитель плѣненныхъ христіанъ.

Въ томъ же году, братъ Робинъ, ландмаршалъ, двинулся, послѣ Тройцы (послѣ 24-го мая), съ жителями Вендена, Зегевольда, Кандова, Митова и Добелеена въ землю Оштенъ, гдѣ онъ все опустошилъ огнемъ и мечемъ и 120 человѣкъ взялъ въ плѣнъ и увелъ съ собой, а также угналъ 280 боевыхъ коней и 260 головъ крупнаго скота. Также взята была въ плѣнъ жена одного боярина, по имени Канталге, съ его сыновьями и со всѣмъ его домомъ. Когда этотъ бояринъ разсудилъ, что его потеря непоправима, онъ черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ за своей женой и сыновьями, получивъ сначала отъ магистра свободный пропускъ. Онъ прибылъ въ Ригу и обѣщалъ перейти въ христіанство. Чрезъ нѣсколько дней туда же пришелъ Бивапе, сынъ Эгинта, опитскаго боярина, съ однимъ слугой и четырьмя лошадьми.

Въ томъ же году, въ то же время, умеръ Альгарденъ, главный литовскій король. При его похоронахъ, сообразно литовскому суевѣрію, было совершено торжественное шествіе, съ сожженіемъ различныхъ вещей и 18 боевыхъ коней.

Въ томъ-же году, магистръ и орденскіе чины повели вверхъ по рѣкѣ Двинѣ большое войско къ Новому замку русскихъ, лежавшему почти въ 11-ти миляхъ за нашимъ замкомъ Динабургомъ; они прибыли туда въ день св. Варѳоломея (24-го августа), и поставили четыре осадныя машины, а также два другихъ военныхъ орудія, такъ называемыя гуки. Дней съ тринадцать магистръ храбро съ большими усиліями и издержками трудился при осадѣ этого замка, но не достигъ ничего.

Въ томъ же году, въ пятницу передъ Рождествомъ Богородицы (4 сент.), великій магистръ Винрихъ и другіе орденскіе чины сдѣлали набѣгъ на литовскія земли Видукеленъ и Кразіенъ и на другія сосѣднія въ самантскомъ королевствѣ, причемъ они 8 дней опустошали все, избивая и сожигая. Въ этомъ войскѣ находился также

герцогъ австрійскій со своими людьми и начальниками, числомъ около 100 человѣкъ.

Въ томъ же году, въ то же время, король венгерскій былъ съ многочисленнымъ войскомъ въ земляхъ невѣрныхъ, а именно ладемарскихъ [90]). Опустошивъ часть ихъ, тотъ же король осадилъ замокъ Бельзе, въ которомъ было мѣстопребываніе Георга, сына Нарманте [91]). Однако, когда король простоялъ около замка почти семь недѣль, Георгъ началъ бояться опасности для себя и своихъ, и уступилъ королю замокъ вмѣстѣ съ землею и людьми. Король принялъ замокъ и отдалъ его своимъ польскимъ совѣтникамъ. И такъ этотъ замокъ, въ которомъ жили еретики, принадлежитъ теперь къ венгерской коронѣ. Король затѣмъ взялъ съ собой Георга съ женой и сыновьями, и подарилъ ему взамѣнъ замокъ въ Венгріи съ людьми, землей и со всѣмъ къ нему принадлежащими владѣніями и имуществомъ. Во время осады вышеупомянутаго замка, король послалъ отрядъ, завоевавшій два другіе русскіе замка.

Въ то же время, когда онъ еще осаждалъ замокъ, ему добровольно подчинились Коддере, братъ покойнаго литовскаго короля Альгерда, и Любертъ, сынъ того же короля, съ женами, дѣтьми и всѣми домашними [92]). Они предоставили себя его милости и поклялись ему въ вѣрности. Король возвратилъ имъ въ Руси нѣсколько замковъ, но взялъ, для безопасности, въ заложники ихъ сыновей.

Къ концу того же года, великій магистръ Винрихъ послалъ балгскаго командора съ 600 человѣкъ противъ еретиковъ. Онъ напалъ на нихъ въ рождественскій сочельникъ (24 декабря), и разбилъ ихъ съ большимъ опустошеніемъ, причемъ раскинулъ свои палатки до замка Бѣлица [93]). Опустошивъ въ одну ночь мѣстность, онъ взялъ въ ней въ плѣнъ 200 человѣкъ обоего пола. Они увели бы еще больше, еслибы имъ не помѣшала оттепель; и такъ эти погибли отъ меча. Они увели также съ собой 1,000 головъ крупнаго скота и 100 лошадей.

---

[90]) Видукеленъ и Кразіенъ нынѣ Видукле и Кроце; Ладемаръ, вѣроятно, Лодомерія, Владиміръ.

[91]) Нарманте, павшій въ битвѣ при Стребе въ 1348 г., былъ братъ Ольгерда и Кейнстута.

[92]) Въ переводѣ здѣсь, гдѣ въ рукописи стоитъ братъ, поставлено сынъ и наоборотъ. Нужно предполагать, что переписчикъ перемѣшалъ слова filius и frater. Коріатъ Михаилъ тотъ же что и Коддере; въ Торнской лѣтописи подъ 1382 годомъ онъ встрѣчается подъ именемъ Кодара — былъ братъ Ольгерда, а Любертъ Луцкій сынъ послѣдняго. Само собой правдоподобнѣе, что лѣтописецъ назвалъ дядю прежде племянника.

[93]) Балгскаго командора звали Дитрихомъ Эльнерскимъ. Бѣлицъ теперешняя Бѣлица.

Въ то же время, названный магистръ послалъ рагнитцевъ и инстербургцевъ съ 500 человѣкъ противъ литовцевъ. Когда они дошли до рѣки Мемеля, они нашли ее вскрывшеюся, ледъ потрескался и былъ такъ некрѣпокъ, что они тутъ не могли устроить переправы. И такъ они пошли дальше внизъ по рѣкѣ. Здѣсь они встрѣтили такое скопленіе льда, что осторожно перешли одинъ за другимъ. Затѣмъ, въ день Рождества (25-го декабря), они вторглись въ землю Слависловъ, въ которой причинили много убытку опустошеніемъ, грабежемъ и убійствомъ, а также увели оттуда 100 язычниковъ обоего пола и 200 лошадей. На возвратномъ пути они принуждены были строить мосты съ обоихъ береговъ, и невредимые возвратились домой [94]).

Въ 1378 году, братъ Вильгельмъ, магистръ ливонскій, послалъ ландмаршала брата Робина противъ русскихъ въ области замка Менделена, которые были преданы язычникамъ и поддерживали ихъ. Онъ напалъ въ воскресенье послѣ Епифанія (10-го января), и опустошалъ страну два дня, умерщвляя людей, сожигая жилища и убивая скотъ; а также они увели съ собой 300 русскихъ обоего пола и 400 лошадей.

Въ томъ же году, въ пятницу передъ Валентиновымъ днемъ (12-го февраля), братъ Вильгельмъ, ливонскій магистръ, со своими людьми храбро выступилъ противъ литовцевъ, а именно въ Опитенъ, гдѣ онъ, впродолженіе 9 дней и ночей, убивалъ, сожигалъ и все опустошалъ и разрушалъ. Первый привалъ былъ въ Липковѣ, второй въ Сандениске, третій въ Руденѣ, четвертый въ Локенѣ, затѣмъ двѣ ночи стояли передъ замкомъ Вилкенбергомъ; седьмой привалъ былъ въ Баллелленѣ, восьмой въ Ландуктенѣ, девятый въ Минаненѣ [95]). Число плѣнныхъ обоего пола доходило до 521, число лошадей до 723. Также была взята въ плѣнъ жена боярина Вилсгайлена съ дочерью и тремя сыновьями, а также Шовеминне съ сыномъ, далѣе Мантеминне, далѣе Ранкене и Дунгеле, Биллене и Гегертъ.

Въ томъ же году, снова возвратился назадъ недавній измѣнникъ Іоаннъ Ланцбергъ.

---

[94]) Мосты, вѣроятно, надъ водой по берегамъ до крѣпкаго льда на срединѣ рѣки.

[95]) Подъ названными мѣстностями узнаемъ: Упиту въ верховьяхъ Нѣвяжи, Руды, Локяны, Вилкоміръ, Болделы на сѣверъ оттуда, Монюны (?).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ЛѢТОПИСИ

ГЕРМАННА ВАРТБЕРГА

(Составлены по даннымъ, изложеннымъ въ третьемъ томѣ «Исторіи Россіи» Соловьева).

I

Къ страницѣ 90-й. *Онъ (Волквинъ) завоевалъ Изборкъ... наложилъ дань на ватландскихъ русскихъ.*

Съ паденіемъ Юрьева (Дерпта) въ 1224 году (см. Генриха Латышскаго XXVIII, 5; въ Приб. Сборн. томъ I, стр. 265) завершилось покореніе земель латышей и эстонцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Завоеватели и папа очень хорошо, однако, понимали, что ихъ господство въ краѣ можетъ упрочиться лишь съ полнымъ устраненіемъ вліянія полочанъ, псковичей и новгородцевъ на ливонскихъ туземцевъ, а это вліяніе несомнѣнно существовало съ древнѣйшихъ временъ (см. напр. Генриха Латышскаго I, 3; въ Приб. Сборн., т. I, стр. 74). Устраненіе же вліянія могло совершиться лишь дальнѣйшими завоеваніями, но уже чисто русскихъ земель.

Явныя попытки на такія завоеванія начали обнаруживаться лѣтъ черезъ 15 послѣ паденія Юрьева. Первыми выступили шведы, еще при епископѣ Альбертѣ, пытавшіеся утвердиться въ Ливоніи, но не успѣвшіе въ томъ (см. Генриха Латышскаго XXIV, 3; въ Приб. Сборн., стр. 235).

Въ Швеціи борьба между готскимъ и шведскимъ владѣтельными домами кончилась къ 1222 году, за два года до взятія

Юрьева и появленія татаръ въ Россіи. Борьба кончилась усиленіемъ власти вельможъ, между которыми первое мѣсто занялъ родъ Фолькунговъ, владѣвшій наслѣдственно достоинствомъ ярла. Представитель этого рода, Бюргеръ, побуждаемый папою, рѣшился предпринять крестовый походъ на новгородскія земли съ прямою цѣлью подчинить ихъ католичеству. Въ 1240 году шведское войско явилось въ устьѣ Ижоры. Когда новгородскій князь Александръ Ярославовичь узналъ о намѣреніи Бюргера итти на Ладогу, то, не ожидая ни помощи отъ своего отца, ни общаго сбора всѣхъ силъ новгородской волости, съ небольшою дружиною напалъ на шведовъ 15 іюля 1240 г. и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе на берегахъ Невы, за что и получилъ прозваніе Невскаго. Въ сказаніи о подвигахъ князя Александра, шведы не иначе называются какъ римлянами. Шведы начали войну во имя католичества, потому то невская побѣда для Новгорода и остальной Руси имѣла религіозное значеніе.

Шведы были отбиты, но не такъ легко было совладать съ ливонскими нѣмцами, стремившимися къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ также во имя католичества. Послѣ паденія Юрьева, они нападали на псковскія земли, а въ 1233 году, въ сообществѣ съ русскими князьями, изгнанными изъ Новгорода (Борисъ Нѣгочевичъ и др.), и княземъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра псковскаго, захватили Изборскъ, но псковичи отняли назадъ ихъ городъ. Въ томъ же году ливонскіе нѣмцы напали на новгородскія земли, тогда новгородскій князь Ярославъ въ 1234 году, соединившись съ псковичами и переяславскими полками, самъ вторгся въ Ливонію, ставъ подъ Дерптомъ, разбилъ ливонцевъ и заключилъ съ ними миръ «на всей своей правдѣ», — о чемъ уже и было сказано во вступленіи къ этому тому, на стр. VII.

Миръ по правдѣ продолжался не болѣе шести лѣтъ. Одновременно съ Бюргеромъ, поднялись и ливонцы. Въ сентябрѣ 1240 года, слѣдовательно уже послѣ разбитія шведовъ, они вмѣстѣ, съ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, взяли снова Изборскъ. Псковичи бросились на выручку, но были разбиты, потеряли своего воеводу Гаврилу Гориславича (по нѣмецкимъ источникамъ Гервольта), бѣжали, а нѣмцы, по слѣдамъ ихъ, подступили къ Пскову, пожгли посады, окрестныя деревни и цѣлую недѣлю стояли подъ городомъ. Псковичи должны были исполнять всѣ ихъ требованія, дали дѣтей своихъ въ заложники, пустили къ себѣ орденскихъ братьевъ для управленія Псковомъ. Съ орденскими братьями сталъ править Псковомъ какой-то Твердило Ивановичъ, псковскій измѣнникъ, подведшій, какъ утверждаетъ лѣтописецъ, нѣмцевъ на Псковъ.

Овладѣніемъ Пскова орденскіе братья не удовольствовались: они напали на вотскую пятину (ватландскихъ русскихъ по Вартбергу), наложили дань на жителей и заложили крѣпость въ Копорьи погостѣ (Капорію по Вартбергу), стали грабить и опустошать новгородскія земли, и появились верстахъ въ 30 отъ Новгорода, избивая купцовъ. Новгородцы вынуждены были обратиться къ Ярославу, чтобы онъ имъ снова прислалъ своего сына Александра (Невскаго), который, послѣ побѣды надъ Бюргеромъ, въ тотъ же годъ выѣхалъ изъ Новгорода, разсорившись съ жителями этого города.

Князь Александръ Ярославичъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1241 году и тотчасъ же пошелъ на ливонцевъ къ Копорью, взялъ крѣпость, привелъ нѣмецкій гарнизонъ ся въ Новгородъ и перевѣшалъ измѣнниковъ вожанъ и чудь, которые вмѣстѣ съ нѣмцами воевали противъ русскихъ.

По взятіи Копорья, Александръ Невскій въ слѣдующемъ 1242 году, когда пришло на помощь русское войско съ Низовой земли, подступилъ къ Пскову и взялъ его, при чемъ погибло 70 рыцарей со множествомъ простыхъ ратниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ Александръ вошелъ въ ливонскія земли и 5-го апрѣля 1242 года на солнечномъ восходѣ далъ сраженіе ливонцамъ на Псковскомъ озерѣ, на самомъ на льду. Сраженіе это въ русскихъ лѣтописяхъ называется ледовымъ побоищемъ. Нѣмцы были разбиты на голову; они потеряли 500 человѣкъ убитыми, 50 взятыми въ плѣнъ, а чуди (вѣрнѣе простыхъ ратниковъ) погибло безчисленное множество. Александръ съ торжествомъ возвратился въ Псковъ; плѣнныхъ рыцарей вели пѣшкомъ подлѣ коней ихъ, а псковичи, игумны и священники со крестами вышли на встрѣчу князю.

Послѣ этого ледоваго побоища, князь Александъ уѣхалъ во Владиміръ проститься съ отцемъ, отправлявшимся въ орду. Въ его отсутствіе ливонцы прислали въ Новгородъ пословъ съ поклономъ, которые говорили: «Что мы зашли мечемъ Вотъ, Лугу, Псковъ, Летголу, отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ, тѣми размѣняемся: мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите».

На томъ и помирились. Ливонскіе рыцари, отбитые отъ псковскихъ и новгородскихъ земель, все вниманіе свое обратили на довершеніе покоренія Курляндіи.

II

Къ страницѣ 93 — 94. *Миндовъ принялъ крещеніе.... Куроны во второй разъ впали въ невѣріе... Миндовъ отложился отъ вѣры.*

Миндовъ—это литовскій князь Миндовгъ. Принятіе христіанства и за тѣмъ отпаденіе его отъ христіанства составляетъ событіе, заслуживающее, чтобы вспомнить о немъ.

Тевтонскій (нѣмецкій) орденъ, вслѣдствіе приглашенія Конрада, князя мазовецкаго (см. вступл. къ этому тому, стр. VI), появился въ Пруссіи въ 1228 году; рыцари вышли на правый берегъ рѣки Вислы у того мѣста, гдѣ возвышался священный дубъ язычниковъ, и не замедлили укрѣпиться въ этомъ пунктѣ. Здѣсь въ 1231 г. они заложили укрѣпленный городъ и назвали его Торномъ, въ знакъ того, что для нихъ отворяются ворота въ Пруссію (Thor — ворота). Язычники бросились разорять новую крѣпость, но тщетно: рыцари безъ особеннаго труда отбили нападенія и сами постепенно стали входить въ земли пруссовъ; городки прусскихъ старшинъ падали одинъ за другимъ, и въ занимаемыхъ пришельцами земляхъ въ пунктахъ, мало-мальски важныхъ въ военномъ отношеніи, начали закладываться и возводиться крѣпкіе замки.

Тевтонскій орденъ утверждался въ Пруссіи, благодаря тому обстоятельству, что страна эта (см. вст. къ этому тому, стр. VII) была подѣлена на 11 областей, не связанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ. Вслѣдствіе такой раздѣльности, пруссы не могли сообщить единства своей оборонѣ, они не могли соперничать въ ратномъ дѣлѣ съ военнымъ братствомъ, получавшимъ подкрѣпленія извнѣ, и терпѣли пораженія даже и тогда, когда выходили въ поле въ числѣ, вдвое превышавшемъ рыцарское войско.

Для утвержденія своей власти, орденъ дѣйствовалъ сколько энергически, столько же и искусно: льготами привлекалъ нѣмецкихъ колонистовъ въ новоустроенные города, покоряемые земельные участки раздавалъ въ лены надежнымъ германскимъ выходцамъ, отбиралъ у силою крещенныхъ пруссовъ дѣтей и отсылалъ ихъ учиться въ Германію. Однимъ словомъ, завоевывая прусскія земли, орденъ вмѣстѣ съ тѣмъ и германизовалъ ихъ.

Пруссы, озлобленные притѣсненіями, тяжкими работами, надменностію своихъ побѣдителей, покидали родину и толпами бѣжали или за Нѣманъ къ своимъ единоплеменникамъ литовцамъ, или къ князю поморскому Святополку, который вначалѣ былъ дѣятельнымъ союзникомъ ордена, но вскорѣ разгадалъ, что рыцари несравненно опаснѣе хищныхъ пруссовъ, и потому принялъ сторону язычниковъ. Святополкъ, возбудивъ къ возстанію четыре прусскія области, истребилъ множество пришельцевъ, женъ и дѣтей увелъ въ неволю, срылъ до основанія много орденскихъ замковъ, цѣлыхъ 12 лѣтъ боролся съ рыцарями, но все-таки не могъ ничего сдѣлать съ братствомъ, легко пополнявшимся свѣжими силами крестоносцевъ, шедшихъ изъ Западной Европы на помощь ордену. Въ 1253 г. онъ долженъ былъ заключить съ орденомъ окончательный миръ и бросить на произволъ судьбы пруссовъ.

Въ слѣдующемъ 1254 году прибыло въ Пруссію большое ополченіе крестоносцевъ подъ предводительствомъ Пршемысла Отто-

кара, короля чешскаго, Оттона, маркграфа бранденбургскаго, и Рудольфа, графа габсбургскаго, родоначальника австрійскаго дома. Орденъ съ этими крестоносцами предпринялъ завоеваніе прусской области Самбіи, лежавшей къ сѣверу за Прегелемъ. Область эта была страшно опустошена, и рыцари, въ честь чешскаго короля, заложили въ ней новый городъ, названный Кенигсбергомъ (Кролевцомъ).

Рыцари, по видимому, становились твердою ногою въ Пруссіи, но имъ скоро, однакоже, пришлось считаться съ тѣми самыми хищными литовцами, къ которымъ бѣжали пруссы, не желавшіе покоряться пришельцамъ.

Литовцы, подобно пруссамъ, жили раздѣльно въ земляхъ своихъ, и ихъ князья, подобно прусскимъ, также не знали никакого политическаго союза между собою, занимаясь лишь разбойническими набѣгами на сосѣдей. Литовцы, какъ не были дики, но поняли, однакоже, опасность, надвигавшуюся на нихъ изъ за Нѣмана со стороны тевтонскихъ рыцарей и съ сѣвера со стороны ливонской отрасли этаго военнаго братства. Опасность потерять свою независимость и сдѣлаться добычею ордена побудила литовскихъ князей стремиться къ единовластію, которое только и могло сообщить единство ихъ дѣйствіямъ.

Изъ числа литовскихъ князей, въ срединѣ XIII столѣтія, начинаетъ возвышаться Миндовгъ, князь жестокій, хитрый, не разбиравшій средствъ для достиженія цѣли и не останавливавшійся ни передъ какимъ злодѣйствомъ, если оно казалось ему выгоднымъ.

Долго Миндовгъ внутри Литвы велъ борьбу со своими родичами. Онъ, быть можетъ, и доконалъ бы ихъ всѣхъ, но съ сѣвера его безпрерывно отвлекалъ ливонскій орденъ, а съ юга — Русь, преимущественно знаменитый князь галицкій Даніилъ, приходившійся даже родственникомъ Миндовгу, ибо племянница Миндовга была за этимъ княземъ. Братья жены Даніила Тевтивилъ и Едивидъ враждовали съ Миндовгомъ, и когда провѣдали, что Миндовгъ намѣренъ ихъ умертвить, бѣжали къ Даніилу, который и принялъ ихъ сторону.

Около этого времени ливонцы (см. выше прим. I) помирились съ русскими и направили свои усилія на покореніе Курляндіи, жители которой обратились къ Миндовгу съ просьбою, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ рыцарей и принялъ въ свое подданство. Миндовгъ охотно согласился на подобную просьбу, но когда увидѣлъ, что племянникъ его Тевтивилъ прибылъ въ Ригу, гдѣ принялъ крещеніе и сталъ дѣйствовать, чтобы побудить орденъ къ совмѣстному дѣйствію съ Даніиломъ галицкимъ противъ Литвы, то Миндовгъ прибѣгнулъ къ слѣдующему срѣдству:

Онъ тайно послалъ къ магистру ливонскаго ордена Андрею Стирлапту (фонъ Штукланду) богатые дары съ предложеніемъ: «если убьешь или выгонишь Тевтивила — получишь еще больше». Ливонскій магистръ принялъ дары, но отвѣтилъ, что хотя и питаетъ къ Миндовгу сильную дружбу, но не можетъ входить въ какія бы то ни было соглашенія съ язычникомъ. Тогда Миндовгъ испросилъ свиданіе съ магистромъ, свидѣлся лично и крестился въ католичество, ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что еще въ 1246 году былъ крещенъ въ православіе.

Папа, какъ только получилъ извѣстіе о крещеніи Миндовга, немедленно принялъ его подъ покровительство св. Петра, предписалъ рижскому епископу, чтобы никто не смѣлъ обижать новообращеннаго, и поручилъ епископу Кульмскому вѣнчать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ.

Миндовгъ получилъ королевскій титулъ, но остался тѣмъже язычникомъ, какимъ и былъ: приносилъ жертвы своимъ богамъ по прежнему и выказывалъ себя ревностнымъ католикомъ лишь въ глазахъ ордена. Тевтивилъ бѣжалъ въ Жмудь къ своему дядѣ Выкынту и сталъ готовиться къ войнѣ съ Миндовгомъ, на помощъ которому пришли нѣмцы. Князь Даніилъ прислалъ Тевтивилу русское вспомогательное войско, но война, начавшаяся въ 1252 г., не имѣла никакихъ рѣшительныхъ результатовъ; въ слѣдующемъ году Даніилъ самъ вторгся въ Литву, но и литовцы не оставались въ дому: сынъ Миндовга опустошилъ окрестности Турійска. Наконецъ противники помирились въ 1255 году: сынъ князя Даніила, Шварнъ, вступилъ въ бракъ съ дочерью Миндовга, а старшій братъ его, Романъ, получилъ кое-какія земли.

Миндовгъ все казался усерднымъ сыномъ папы и однажды завѣщалъ тевтонскому ордену всю Литву, но тутъ же, обманывая орденъ и папу, въ 1259 году подстрекнулъ пруссовъ къ общему возстанію и толпами литовцевъ наводнилъ Курляндію.

Литовцы принялись грабить орденскія земли; отрядъ рыцарей вышелъ противъ хищниковъ, но на берегахъ Дубры потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Литовцы разсѣяли орденскій отрядъ, а плѣнныхъ рыцарей сожгли въ жертву своимъ богамъ.

Эта побѣда послужила знакомъ къ возстанію пруссовъ на истребленіе христіанъ. Жители каждой области выбрали себѣ особыхъ вождей, которые всѣ были воспитаны въ Германіи, и въ условленный день въ 1260 г. напали на христіанъ, перебили всѣхъ, кто не успѣлъ скрыться въ замкахъ, и пожгли христіанскіе дома и церкви.

Миндовгъ все выжидалъ и, лишь когда увидалъ, что соплеменники его, пруссы, начали общее возстаніе, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся въ 1260 году отъ христіанства и королевскаго

титула и съ войскомъ вторгся въ Пруссію, предавая, по тогдашнему военному обычаю, все встрѣчное огню и мечу. Рыцари, подкрѣпленные изъ Германіи, выступили противъ повстанцевъ, но въ двухъ кровопролитныхъ битвахъ потерпѣли сильныя пораженія: только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя орденомъ, остались ему вѣрными, за что и были въ конецъ разорены литовцами и пруссами.

Такъ началось въ Пруссіи возстаніе, продолжавшееся 14 лѣтъ. Ограбивъ прусскія орденскія земли, Миндовгъ возвратился въ Литву, и, какъ говоритъ лѣтописецъ, сталъ гордиться такъ, что непризнавалъ себѣ никого равнымъ.

Въ 1262 г. умерла у Миндовга жена, о которой онъ очень жалѣлъ. У покойной была сестра за Довмонтомъ, княземъ нальщанскимъ; Миндовгъ послалъ сказать ей: «сестра твоя умерла, пріѣзжай сюда плакаться по ней». Когда та пріѣхала, онъ сказалъ: «сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобы другая дѣтей ея не мучила» — женился на свояченицѣ. Довмонтъ, озлобившись на это, сталъ думать, какъ бы умертвить Миндовга, и нашелъ себѣ союзника въ князѣ жмудскомъ, Тренятѣ, племянникѣ Миндовга отъ его сестры. Въ 1263 г. Миндовгъ послалъ все свое войско за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, а Довмонтъ, находившійся въ войскѣ, улуча удобное время, объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказывали ему дурное, и потому возвратился въ Литву ко двору Миндовга; засталъ Миндовга въ расплохъ и убилъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Тренята сталъ княжить въ Литвѣ на мѣстѣ Миндовга.

Между тѣмъ орденъ, получивъ сильныя подкрѣпленія изъ Германіи, открылъ наступательныя дѣйствія противъ возставшихъ пруссовъ. Борьба приняла прежній характеръ: каждая область снова защищалась отдѣльно и, конечно, не могла устоять противъ рыцарей. Послѣ возстанія 1260 г., пруссы поднимались еще четыре раза, но все было напрасно: къ 1283 г., послѣ борьбы, продолжавшейся болѣе 50 лѣтъ, тевтонскій орденъ окончательно утвердился въ Пруссіи, и немедленно открылъ наступательное движеніе въ Литву. Съ этого времени главная сцена борьбы рыцарей съ литовскими племенами переходитъ съ береговъ Вислы и Прегеля на берега Нѣмана.

III

Къ страницѣ 95-й. *Русскіе заняли Дерптъ... Дмитрій, русскій король, собралъ многотысячное войско... въ битвѣ при Магольмской церкви палъ преосвященный епископъ Александръ.*

Миръ, заключенный въ 1242 г. (см. прим. I) со псковичами, новгородцами и ливонцами, продолжался не долго — всего какихъ нибудь десять лѣтъ; открытая вражда, при совершенной

неопредѣленности отношеній и границъ, обнаружилась въ 1256 году. Въ этомъ году шведы и датчане съ финнами прошли по Наровѣ, и стали чинить городъ на этой рѣкѣ. Новгородцы, сидѣвшіе въ это время безъ князя, послали въ суздальскую землю къ Александру (Невскому) за полками, разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море. Но еще раньше, въ 1253 г., ливонскіе нѣмцы, ободренные успѣхами въ Литвѣ, нарушили договоръ, подступили къ Пскову, сожгли его посады, но самаго города взять не могли, и какъ прослышали, что на выручку Пскова приходитъ полкъ новгородскій, то сняли осаду и ушли. Новгородцы не довольствовались такимъ удаленіемъ, но сами пошли за Нарову и «положили пусту нѣмецкую волость». Псковичи со своей стороны также вступили въ Ливонію и разбили нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ на встрѣчу. Тогда нѣмцы послали въ Псковъ и Новгородъ просить мира на всей волѣ новгородской и псковской — и помирились.

Миръ продолжался до 1262 года. Въ этомъ году русскіе князья — братъ Невскаго, Ярославъ, и сынъ Дмитрій вмѣстѣ съ Миндовгомъ литовскимъ, Трейнятомъ жмудскимъ и Тевтивиломъ полоцкимъ уговорились (въ первый разъ тутъ русскіе заключили союзъ съ литовцами) ударить вмѣстѣ на орденъ. Миндовгъ явился подъ Венденомъ, но, не дождавшись русскихъ, возвратился въ Литву, опустошивъ страну. Русскіе, по удаленіи литовцевъ, осадили старую отчину свою Юрьевъ, взяли и сожгли посады, забрали много полону и товара всякаго, но юрьевской крѣпости взять не могли, потому что былъ городъ Юрьевъ, какъ выражается лѣтопись, твердъ въ три стѣны, и множество людей въ нихъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили на городѣ крѣпкую.

Русскіе вышли изъ Ливоніи. Лѣтъ 5 прошло, въ теченіи которыхъ не было ни мира, ни войны: ливонцы не переходили псковскихъ и новгородскихъ земель, ни русскіе не нападали на земли орденскія. Въ это то время, сильныя усобицы происходили въ Литвѣ, и одинъ изъ литовскихъ князей, по имени Довмонтъ, съ дружиною и цѣлымъ своимъ родомъ, явился въ Псковъ, принялъ православіе и имя Тимоѳея, и былъ посаженъ псковичами на столѣ св. Всеволода. Довмонтъ скоро прославился удачными походами на своихъ хищныхъ единоплеменниковъ, на Литву.

Въ 1267 году новгородцы собрались было итти на литовцевъ, но дорогою раздумали, пошли за Нарову на Раковоръ (Везенбергъ), много земли опустошили, но города не взяли и, потерявъ 7 человѣкъ, ушли домой; но скоро рѣшились предпринять походъ поважнѣе. Подумавши съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, послали за сыномъ Невскаго, княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, звать его изъ Переяславля съ полками, послали и къ великому князю Яросла-

ву, и тотъ прислалъ сыновей своихъ съ войскомъ. Тогда новгородцы сыскали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и начали чинить пороки на владычнемъ дворѣ. Нѣмцы — рижане, феллинцы, юрьевцы, услыхавъ о такихъ сборахъ, отправили въ Новгородъ пословъ, которые объявили гражданамъ: «намъ съ вами миръ, перевѣдывайтесь съ датчанами—колыванцами (ревельцами) и раковорцами (везенбергцами), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чѣмъ и крестъ цѣлуемъ», — и точно поцѣловали крестъ. Новгородцы, однако, этимъ не удовольствовались, послали въ Ливонію привести ко кресту всѣхъ бискуповъ и Божіихъ дворянъ (рыцарей), и тѣ присягнули, что не будутъ помогать датчанамъ Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны нѣмцевъ, новгородцы выступили въ походъ подъ предводительствомъ семи князей, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонтъ съ псковичами. Въ январѣ мѣсяцѣ 1268 года пошли они въ нѣмецкую землю и начали ее опустошать по обычаю: въ одномъ мѣстѣ русскіе нашли огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество чуди; три дня стояли полки предъ пещерою и никакъ не могли добраться до чуди; наконецъ, одинъ изъ мастеровъ, который былъ при машинахъ, догадался пустить въ пес воду; этимъ средствомъ чудь принуждена была покинуть свое убѣжище, и была перебита. Отъ пещеры русскіе пошли дальше къ Раковору, но когда достигли рѣки Кеголы, 12 февраля 1268 г., то вдругъ увидали передъ собой полки нѣмецкіе, которые стояли какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся земля нѣмецкая, обманувши новгородцевъ ложною клятвою. Русскіе, однако, не испугались, пошли къ нѣмцамъ за рѣку и начали ставить полки: псковичи стали по правую руку, князь Дмитрій Александровичъ съ переяславцами и съ сыномъ великаго князя Святославомъ стали по правую же руку, по выше; по лѣвую сталъ другой сынъ великаго князя, Михаилъ съ тверичами, а новгородцы стали въ лицо желѣзному полку противъ великой свиньи (нѣмецкій строй клиномъ), и въ такомъ порядкѣ схватились съ нѣмцами. Было побоище страшное — говоритъ лѣтописецъ — какого не видали, ни отцы, ни дѣды; русскіе сломили нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ до города Раковора; но дорого имъ стоила эта побѣда: посадникъ съ 13-ю знаменитѣйшими гражданами полегли на мѣстѣ, много пало и другихъ добрыхъ бояръ, а черныхъ людей безъ числа, иные пропали безъ вѣсти, и въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Сколько пало непріятелей—видно изъ того, что конница русская не могла пробираться по ихъ трупамъ; но у нихъ оставались еще свѣжіе полки, которые, во время бѣгства остальныхъ, успѣли врѣзаться свиньею въ обозъ новгородскій. Князь Дмитрій хотѣлъ немедленно напасть на нихъ, но другіе князья его удержали: «время уже къ ночи — говорили они — въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ». Такимъ образомъ оба войска остановились

другъ противъ друга, ожидая разсвѣта, чтобы начать снова битву; но когда разсвѣло, то нѣмецкихъ полковъ уже не было болѣе видно: они бѣжали въ ночь. Новгородцы стояли три дня на костяхъ (на полѣ битвы), на четвертый тронулись, везя съ собою избіенныхъ братій, честно отдавшихъ животъ свой, по выраженію лѣтописца.

Но Довмонтъ съ псковичами хотѣли воспользоваться побѣдою, опустошили Ливонію до самаго моря и, возвратившись, наполнили землю свою множествомъ полона. Латины (нѣмцы), собравши остатокъ силъ спѣшили отмстить псковичамъ — пришли тайно на границу, сожгли нѣсколько псковскихъ селъ и ушли назадъ, не имѣя возможности предпринять что нибудь важное: ихъ было только 800 человѣкъ, но Довмонтъ погнялся за ними съ 600 чел. дружины и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 г. магистръ пришелъ подъ Псковъ съ силою тяжкою: 10 дней нѣмцы стояли подъ городомъ, и съ урономъ принуждены были отступить. Между тѣмъ явились новгородцы на помощь и погнались за непріятелемъ, который успѣлъ, однако, уйти за рѣку, и откуда заключилъ миръ на всей волѣ новгородской.

Оставалось покончить съ датчанами ревельскими, и въ томъ-же году самъ великій князь Ярославъ послалъ сына Святослава въ Низовую землю собирать полки: собрались всѣ князья и безчисленное множество войска пришло въ Новгородъ; былъ тутъ и баскакъ великій владимірскій, именемъ Амраганъ, и всѣ вмѣстѣ хотѣли выступить на Колывань. Датчане испугались и прислали просить мира: «кланемся на всей вашей волѣ, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте». Новгородцы подумали и заключили миръ на этихъ условіяхъ.

IV

Къ страницѣ 99-й. *Въ 1323 году замѣститель магистра Кетельводъ, предпринялъ большой походъ на Псковъ и завоевалъ псковскую землю и городъ.*

Въ 1269 году новгородцы и псковичи, какъ сказано выше въ 3-мъ прим., примирились съ орденомъ, военныя дѣйствія стихли, а между тѣмъ въ Литвѣ обстоятельства складывались такъ, что соединеніе Руси, т. е. Западной Россіи съ Литвою являлось дѣломъ готовымъ совершиться. Въ это именно время снова выступилъ на сцену сынъ Миндовга, знаменитый своимъ безчеловѣчіемъ и жестокостію и рѣзкими переходами въ своей жизни — Войшелкъ. Онъ еще при жизни отца, будучи княземъ новогрудскимъ и, «пребывая въ поганствѣ» — по выраженію лѣтописца — убивалъ всякій день по 3, по 4 человѣка; въ который день не убивалъ никого — былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого, то и развеселится. Этотъ-то князь принялъ православіе, постригся въ монахи, отправился было на

Аѳонскую гору, но, вслѣдствіе смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, возвратился домой и построилъ себѣ свой особый монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ, между Литвою и Новогрудкомъ.

Выше въ 2 примѣчаніи было разсказано, какъ былъ убитъ Миндовгъ и кто послѣ него сталъ княжить въ Литвѣ. То былъ Тренята, князь жмудскій. Онъ послалъ сказать брату своему Тевтивилу, княжившему въ Полоцкѣ: «пріѣзжай сюда, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово». Братъ пріѣхалъ, но, при дѣлежѣ, они разсорились: Тевтивилъ сталъ думать какъ бы убить Треняту, а Тренята — какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила. Тренята дѣйствительно отдѣлался, убивъ Тевтивилла; онъ сталъ княжить одинъ, но не долго накняжилъ: четверо конюшихъ Миндовга, мстя смерть его, убили Треняту, когда онъ шелъ въ баню. Остался въ живыхъ такимъ образомъ сынъ Миндовга — Войшелкъ Узнавъ о смерти своего отца и опасаясь за свою жизнь, онъ бѣжалъ изъ монастыря въ Пинскъ, когда же провѣдалъ здѣсь, что и Тренята убитъ, то съ пинскимъ войскомъ вошелъ въ Новогрудокъ, и оттуда въ Литву, гдѣ, охотно принятый отцовскими приверженцами, сталъ княжить во всей землѣ литовской, истребляя своихъ враговъ. И перебилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались — говоритъ лѣтописецъ. Войшелкъ утвердился въ Литвѣ съ помощію зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича волынскаго, признавъ послѣдняго отцемъ своимъ и господиномъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, означало признаніе зависимости отъ Василька (брата знаменитаго Даніила галицкаго). Литва готовилась окончательно слиться съ Русью подъ властью одного изъ сыновей Даніиловыхъ, но, однако, такое сліяніе было прервано въ самомъ началѣ.

Въ 1268 году Войшелкъ снова заключился въ монастырь, отдавъ всѣ свои владѣнія своему зятю Шварну. Но Шварнъ умеръ бездѣтнымъ, и литовцы снова вызвали Войшелка изъ монастыря для управленія ихъ страною. Братъ Шварна, Левъ Даниловичъ, желалъ самъ быть наслѣдникомъ брату въ Литвѣ, но Войшелкъ не хотѣлъ этаго. Возникъ раздоръ, кончившійся тѣмъ, что, когда Войшелкъ и Левъ пріѣхали въ Владиміръ - Волынскій, по приглашенію Василька Романовича, чтобы помириться, то за пирушкой въ монастырѣ враги перессорились, и Войшелкъ былъ убитъ Львомъ. Литовцы не пожелали Льва и выбрали себѣ единоплеменнаго князя — Тройдена. О мирномъ сліяніи съ Русью съ тѣхъ поръ уже не было и рѣчи.

Вся вторая половина XIII вѣка прошла въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ новгородцевъ со шведами, все еще не оставлявшими мысли утвердиться въ новгородскихъ земляхъ, и новгородцевъ и псковичей съ ливонскимъ орденомъ и литовцами, не оставлявшими въ покоѣ придвинскихъ и принейпускихъ русскихъ земель.

Шведы небольшими партіями вторгались въ новгородскія земли въ 1283, 1292, 1293, 1295 г., но терпѣли неудачи; наконецъ, въ 1300 г. съ большимъ войскомъ вошли въ Неву и поставили при устьѣ Охты городъ, назвавъ его Ландскроною (вѣнцомъ земли). Это уже былъ не простой набѣгъ, а опасный замыселъ, противъ котораго слѣдовало уже принять рѣшительныя мѣры и притомъ всѣми силами. Въ 1301 г. великій князь Андрей прибылъ на помощь новгородцамъ, осадилъ Ландскрону, взялъ ее, срылъ, и частію истребилъ, частію увелъ въ неволю шведскій гарнизонъ. Шведамъ не удалось такимъ образомъ утвердиться въ новгородскихъ земляхъ, но не удалось также и датчанамъ утвердиться на русской сторонѣ рѣки Наровы: новгородцы въ 1294 г. сожгли заложенный датчанами городокъ.

Замиреніе новгородцевъ съ датчанами и шведами послѣдовало въ 1302 г. Миръ продолжался, однако, не болѣе 8 лѣтъ. Съ 1310 г. начались опять взаимныя набѣги, при чемъ и новгородскія, и шведскія земли терпѣли опустошенія.

Шведы и датчане старались утвердиться въ земляхъ новгородскихъ, ливонскіе рыцари также не покидали намѣренія овладѣть Псковомъ. Въ 1298 году Довмонтъ отбилъ отъ Пскова ливонскихъ рыцарей. Это былъ послѣдній подвигъ его: въ слѣдующемъ году этотъ знаменитый князь умеръ, и псковичи лишились сколько мужественнаго, столько-же и умнаго предводителя. Орденъ помирился съ псковичами и лѣтъ 20 не трогалъ ихъ, но въ 1322 г. нѣмцы, во время мира, перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Наровѣ, опустошивъ часть псковской области.

Псковичи не могли оставить въ покоѣ нѣмцевъ за этотъ поступокъ, хотя и видѣли, что собственными силами не могутъ бороться съ орденомъ. Получить помощь отъ новгородцевъ нельзя было во первыхъ потому, что новгородцы сами были заняты войною со шведами, а во вторыхъ и потому, что между Новгородомъ и Псковомъ начались уже распри изъ за того, что Псковъ не желалъ оставаться подъ опекою своего старшаго брата Новгорода. Нельзя было ждать помощи и отъ русскихъ князей, занятыхъ своими усобицами, потому псковичи рѣшились обратиться въ Литву за княземъ Давидомъ. Когда тотъ прибылъ, псковичи вмѣстѣ съ нимъ пошли за Нарову и опустошили землю до самаго Ревеля.

Нѣмцы не остались въ долгу: въ мартѣ 1323 года пришли подъ Псковъ со всею силою, стояли у города три дня и три ночи и ушли съ позоромъ, но въ маѣ явились опять, загордившись, какъ говоритъ псковскій лѣтописецъ, въ силѣ тяжкой, безъ Бога; пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и на коняхъ, со стѣнобитными машинами, подвижными городками и многимъ замышленіемъ. На первомъ приступѣ убили посадника; стояли у города 18 дней, били стѣны

машинами, придвигали городки, приставляли лѣстницы. Въ это время много гонцевъ гоняло изъ Пскова къ великому князю Юрію Даниловичу и къ Новгороду, со многою печалію и тугою, потому что очень тяжко было въ то время Пскову, какъ вдругъ явился изъ Литвы князь Давидъ съ дружиною, ударилъ, вмѣстѣ съ псковичами, на нѣмцевъ, прогналъ изъ за рѣку Великую, машины отнялъ, городки зажегъ. И побѣжали нѣмцы со стыдомъ; а князь великій Юрій и новгородцы не помогли — прибавляетъ псковскій лѣтописецъ.

Въ то время, когда новгородцы боролись со шведами, а псковичи — съ орденомъ, у литовцевъ, продолжавшихъ свои опустошительные набѣги на всѣ окрестныя русскія, псковскія и орденскія земли, совершились весьма важныя событія, на долго обусловившія весь ходъ развитія Западной Россіи.

Было сказано выше, что, по убіеніи Войшелка, литовцы выбрали себѣ князя изъ своего народа. При Тройденѣ и его преемникахъ продолжалось и закончилось начатое прежде, со времени еще Миндовга, утвержденіе литовскаго господства въ русскихъ княжествахъ — полоцкомъ, туровскомъ и отчасти волынскомъ. Въ 1315 году знаменитый Гедиминъ произвелъ перемѣну въ династіи князей литовскихъ. Одни говорятъ, что Гедиминъ былъ конюшимъ князя Витенеса, убилъ его и овладѣлъ престоломъ; другіе утверждаютъ, что Гедиминъ былъ сыномъ Витенеса и получилъ престолъ литовскій по смерти отца, пораженнаго громомъ. Какъ бы то ни было, но Гедеминъ въ 1320 году овладѣлъ владимірскимъ княжествомъ, потомъ овладѣлъ луцкимъ княжествомъ, а въ 1321 г. овладѣлъ и Кіевомъ, который сдался ему послѣ двухъ-мѣсячной осады. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева. Гедиминъ собралъ такимъ образомъ подъ свою власть западную половину Россіи, въ то время, когда восточная половина ея собиралась подъ власть московскихъ князей, потомковъ св. Владиміра. Россія раздѣлилась на двѣ половины: восточную (рюриковичи) и западную (гедеминовичи). Явилось литовско-русское княжество, и важнѣйшую часть литовскаго войска стали съ этого времени составлять русскіе — полочане, жители Новогрудска, Гродна и пр.

Тевтонскому ордену приходилось съ этого времени бороться уже не съ отдѣльными, мелкими племенами, но съ цѣлымъ княжествомъ, пріобрѣтавшимъ все больше и больше силъ и значенія.

V

Къ страницѣ 99. *Въ 1323 г. рижскіе бюргеры послали къ папѣ Іоанну XXII письма отъ имени литовскаго короля.*

Въ 1323 году Гедиминъ дѣйствительно послалъ письмо къ папѣ и между прочимъ выражался такъ (см. 278 прим. къ 4 тому

исторіи Россіи Карамзина): «Одолѣвая христіанъ въ битвамъ, я не хочу истреблять ихъ, а только защищать отъ враговъ, подобно всѣмъ другимъ государямъ. Монахи доминиканскіе и францисканскіе окружаютъ меня: даю имъ волю учить и крестить людей въ моемъ государствѣ; самъ вѣрю Святой Тройцѣ, желаю повиноваться тебѣ, главѣ церкви и пастырю царей; ручаюсь и за моихъ вельможъ: только усмири злобу нѣмцевъ».

Папа немедленно отправилъ въ Литву Варѳоломея, епископа алетскаго, и Бернарда, игумена пюйскаго.

Посольство это не имѣло никакого успѣха, потому что тевтонскій орденъ въ 1324 году изъ за Нѣмана снова открылъ военныя дѣйствія противъ литовцевъ. Раздраженный этимъ Гедиминъ сказалъ посламъ: «Папу вашего не знаю и знать не хочу; исповѣдую вѣру моихъ предковъ и остаюсь въ ней до смерти».

VI

Къ страницѣ 101. *И если бы братья не стали жить съ бюргерами, то не подлежитъ сомнѣнію, что бюргеры снова, какъ и прежде, составляли бы заговоръ съ язычниками.*

Разсказъ о взятіи Риги рыцарями требуетъ нѣкотораго поясненія.

Епископъ Альбертъ учредилъ орденъ меченосцевъ въ предположеніи создать военную силу, которая, находясь въ подчиненіи ему, способствовала бы упрочить нѣмецкое и католическое господство въ Ливоніи. Рыцари дѣйствительно помогли епископу утвердиться въ Ливоніи, но оставаться въ постоянномъ подчиненіи ему не желали. Миръ между двумя властями — свѣтскою и духовною, между двумя учрежденіями — епископствами и орденомъ, не могъ сохраняться и соперничество между ними скоро превратилось въ явную вражду. Эта вражда въ особенности обнаружилась при магистрѣ Бруно и архіепископѣ Іоаннѣ фонъ - деръ - Фохтѣ. Рига поддерживала архіепископа, но какъ военныя силы города и архіепископа были незначительны для борьбы съ рыцарями, то для этой борьбы были призваны литовцы-язычники. Съ 1297 года началась опустошительная война между орденомъ и архіепископомъ. Въ теченіи 18 мѣсяцевъ было дано 9 сраженій, въ которыхъ рыцари почти всегда одерживали побѣды, но въ 1298 году литовскій князь Витенесъ, предшественникъ, если не отецъ Гедимина, вторгся въ Ливонію и на рѣкѣ Аа нанесъ рыцарямъ жестокое пораженіе: магистръ Бруно, 60 рыцарей и множество простыхъ ратниковъ легло въ этой битвѣ. Рижане съ литовцами осадили орденскую крѣпость Неймюль, но тутъ на помощь ливонскимъ братьямъ подошли орденскіе братья изъ Пруссіи и разбили рижское и литовское войско.

Ливонскіе епископы, видя совершенную невозможность бороться открытою силою съ тевтонскимъ орденомъ, рѣшились сдѣлать попытку дѣйствовать другимъ путемъ. Въ это время шелъ процессъ надъ храмовниками, кончившійся, какъ извѣстно, упраздненіемъ этого ордена и сожженіемъ его магистра. Ливонскіе епископы, въ надеждѣ, что и тевтонскій орденъ можетъ подвергнуться участи храмовниковъ, въ 1308 г. подали папѣ обвинительный актъ, въ коемъ приписывали ордену неуспѣхъ въ обращеніи литовцевъ, обвиняли рыцарей въ истребленіи жителей Семигаліи, когда они уже были христіанами, наконецъ — и это было, повидимому, для ордена очень опасно, — доносили, что когда рыцарь получалъ въ сраженіи раны, то другіе рыцари добивали раненаго и трупъ его сжигали по обычаю язычниковъ.

Папа Климентъ V-й нарядилъ особую коммисію для разслѣдованія жалобы епископовъ, но дѣло кончилось ничѣмъ.

Епископы ливонскіе, конечно, не могли довольствоваться такимъ результатомъ и потому чуть лишь противъ ордена возстали архіепископъ гнѣзненскій и епископы куявскій, плоцкій и познанскій, и когда король польскій завелъ споръ съ орденомъ о Помераніи, архіепископъ рижскій и рижане немедленно пристали къ нимъ, утверждая не безъ нѣкоторыхъ основаній, что литовцы давно бы приняли католичество, если бы тому не препятствовали имъ рыцари.

Возникло новое дѣло, перенесенное къ папѣ, имѣвшему въ тѣ времена свою резиденцію въ Авиніонѣ. Великій магистръ выигралъ дѣло: оправдался во всѣхъ обвиненіяхъ и представилъ папѣ подлинное письмо архіепископа рижскаго и рижанъ, въ которомъ они просили литовскаго князя напасть на орденскія владѣнія.

Обманувшись въ надеждѣ повредить ордену у папы, рижане завели новыя сношенія съ литовскими язычниками противъ рыцарей. Тогда ливонскій магистръ рѣшился покончить дѣло оружіемъ. Онъ осадилъ Ригу, цѣлый годъ держалъ ее въ осадѣ и голодомъ довелъ рижанъ до того, что они запросили мира. Магистръ принудилъ ихъ явиться въ станъ рыцарей и у ногъ магистра сложить всѣ свои привиллегіи. Рижане были принуждены засыпать часть своихъ крѣпостныхъ рвовъ, понизить валы, а магистръ построилъ новый замокъ, который господствовалъ надъ городомъ и сдерживалъ рижанъ.

VII

Къ страницѣ 107-й. *Нармантъ, русскій король, братъ литовскихъ королей — Альгарда и Кейнстута....*

Нармáнтъ это Нармантъ-Глѣбъ, князь туровскій и пинскій; Альгардъ и Кейнстутъ—это знаменитые литовскіе князья Ольгердъ и Кейстутъ.

Съ 1315 года Гедиминъ является первенствующимъ литовскимъ княземъ и къ концу своей жизни имѣлъ нѣкоторое право титуловаться великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ, такъ какъ юго-западная Россія (называвшаяся Русью по преимуществу) признавала уже власть его надъ собою. Безспорно, что Гедиминъ былъ замѣчательный воинъ и правитель, умѣвшій сообразоваться съ обстоятельствами времени. Въ подчинившихся ему земляхъ, онъ вездѣ оставилъ старый порядокъ, посажалъ только своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Проживая въ Вильнѣ, городѣ, имъ же основанномъ, онъ старался о привлеченіи ганзейскихъ купцевъ въ Литву, о привлеченіи ремесленниковъ и мастеровыхъ въ свои города, вообще заботился о нарядѣ въ своихъ земляхъ, которыя онъ такъ или иначе собралъ въ нѣчто цѣлое, слѣд., произвелъ въ Западной Россіи то же самое, начало чему въ Восточной Россіи положили князья московскіе одновременно съ нимъ.

Онъ умеръ въ 1339 г., оставивъ семерыхъ сыновей, именно: отъ первой жены: Монтвида (князя карачевскаго и слонимскаго, скоро умершаго послѣ отца), Наримаита - Глѣба (князя туровскаго и пинскаго, убитаго въ дѣлѣ на рѣкѣ Стравѣ, какъ пишетъ Вартбергъ); отъ второй жены Ольги, русской княжны, Гедиминъ оставилъ Ольгерда, который, женившись на дочери князя витебскаго, получилъ Витебскъ и княжество витебское въ приданное за женою, и Кейстута, князя троцкаго. Отъ третьей жены, Еввы, также княжны русской, Гедиминъ оставилъ Любарта - Владиміра (князя волынскаго), Коріата-Михаила (князя новогрудскаго) и, наконецъ, Евнутія (князя виленскаго).

Изъ семерыхъ гедиминовичей самые способные и самые энергическіе были Ольгердъ и Кейстутъ. Всю жизнь свою они жили между собою очень дружно, а русскій лѣтописецъ (Никон. III, 174) про Ольгерда замѣчаетъ, что онъ былъ очень уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, и занимался дѣлами правительственными день и ночь; былъ воздерженъ; вина, пива, меду и никакого хмѣльнаго напитка не пилъ, и отъ этого пріобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоевалъ и увеличилъ свое княжество.

Ольгердъ и Кейстутъ, сговорившись между собою, рѣшились изгнать Евнутія изъ Вильны. Кейстутъ, не дождавшись прибытія Ольгерда, занялъ Вильну, захватилъ Евнутія въ плѣнъ, и когда Ольгердъ пришелъ изъ Витебска, то сказалъ: «Тебѣ, Ольгерду, слѣдуетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить за одно». И посадилъ Кейстутъ Ольгерда на великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евнутію дали Изяславль (по русскимъ же извѣстіямъ, Евнутій изъ Вильны бѣжалъ въ Псковъ, оттуда въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Москву къ тогдашнему князю

Симеону Гордому, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ). Потомъ оба князя уговорились между собою, чтобы всей братьи слушаться Ольгерда, и условились: что добудутъ — городъ ли, волость ли, все дѣлить по поламъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другаго. Ольгердъ и Кейстутъ поклялись въ томъ, и сдержали слово.

Ольгердъ явился самымъ опаснымъ противникомъ Восточной Россіи и, быть можетъ, явился бы дѣйствительнымъ княземъ обѣихъ половинъ Россіи (восточной и западной), если бы тевтонскій орденъ изъ за Нѣмана и ливонская отрасль ордена изъ Курляндіи не отвлекали его отъ Москвы и русскихъ князей. Но въ томъ то и дѣло, что ливонскіе рыцари, по усмиреніи рижанъ въ 1330 году, когда развязались съ опаснымъ своимъ соперникомъ, въ лицѣ горожанъ, тотчасъ же начали усиленныя дѣйствія противъ Пскова и Литвы, а тевтонскіе рыцари, послѣ окончательнаго покоренія Пруссіи въ 1283 году, открыли наступленіе на Литву изъ за Нѣмана съ прямою уже цѣлію покорить своей власти литовцевъ точно такъ же, какъ покорили пруссовъ. Извѣстно, что замыслы ордена не удались: ливонскіе братья не покорили Пскова; не смогли утвердиться въ Литвѣ и прусскіе братья, но, чтобы отбиваться отъ рыцарей, Ольгерду и Кейстуту приходилось напрягать всѣ свои силы, приходилось оставлять московскихъ князей въ покоѣ въ самыя критическія для нихъ минуты. Восточная половина Россіи не подпала власти предпріимчиваго Ольгерда, именно вслѣдствіе того, что тевтонскіе рыцари, стремясь покорить Литву, отвлекали силы Ольгерда отъ московскихъ предѣловъ на Нѣманъ.

VIII

Къ страницѣ 107-й. *Въ 1351 году была очень большая смертность.*

Смертность происходила, конечно, отъ заразительной болѣзни, которая извѣстна въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти. Пишутъ, что эта чрезвычайно скоротечная болѣзнь, обнаруживавшаяся воспаленіемъ желѣзъ и кровохарканіемъ, началась въ Китаѣ, истребила тамъ до 13 милліоновъ народа, проникла въ Грецію и Египетъ, и около 1346 г. появилась въ странахъ каспійскихъ и черноморскихъ. Изъ Египта черную смерть генуэзскіе корабли завезли въ Италію, откуда она перешла во Францію, Англію и Германію, всюду производя чрезвычайную смертность. Цѣлые города буквально запустѣли. Въ 1349 г. черная смерть появилась въ Швеціи, отсюда проникла въ Ливонію въ 1351 г., а уже изъ Ливоніи весною 1352 г. во Псковъ. Въ августѣ 1352 г. черная смерть обнаружилась въ Новгородѣ, а въ 1353 году появилась въ Москвѣ. Митро-

политъ московскій Өеогностъ, великій князь Симеонъ Гордый, двое сыновей его и братъ Андрей — пали жертвами заразы. Черная смерть распространилась и въ другихъ городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлоозерскѣ не осталось ни одного жителя.

IX

Къ страницѣ 109. *Кейстутъ взятъ въ плѣнъ... бѣжалъ изъ Маріенбургскаго замка....*

Все время отъ окончательнаго покоренія пруссовъ, съ 1283 года до Ольгерда и Кейстута, на берегахъ Нѣмана кипѣла ожесточенная, кровавая борьба тевтонскихъ рыцарей съ литовцами: рыцари безпрестанно вторгались въ литовскія земли, литовцы въ свою очередь врывались въ орденскія владѣнія. Эти набѣги сопровождались чрезвычайными опустошеніями, тѣмъ не менѣе ордену никакъ не удавалось стать твердо на литовскомъ берегу Нѣмана: рѣчные походы ихъ были неудачны, не отличались особенными удачами и сухопутные походы ихъ.

Чтобы судить до какого ожесточенія доходила борьба, приводимъ слѣдующій отнюдь не одиночный случай:

Въ 1336 году въ Пруссію прибыли маркграфъ бранденбургскій, графъ геннебергскій и графъ намурскій съ войсками помогать ордену въ войнѣ съ язычниками. Великій магистръ воспользовался случаемъ и вмѣстѣ съ прибывшими союзниками вступилъ въ Литву, чтобы разорить литовскій острожекъ Пунэ, служившій притономъ литовцамъ, возвращавшимся съ набѣговъ въ Пруссію. Въ острожкѣ укрылось до 4,000 литовцевъ съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ. Осажденные отчаянно оборонялись, но и христіанское войско рѣшилось добиться Пунэ во чтобы то ни стало: били стѣны таранами, подкапывались подъ самый острожекъ. Видя невозможность защиты, литовцы, когда стѣны острожка грозили уже обрушеніемъ, перебили женъ и дѣтей, сложили огромный костеръ среди острожка, зажгли его и потомъ стали умерщвлять другъ друга. Начальникъ острожка Маргеръ самъ перебилъ множество своихъ товарищей, ему помогала какая то старуха, убившая топоромъ сто ратниковъ и умертвившая потомъ саму себя. Нѣмцы тѣмъ временемъ ворвались въ острожекъ. Маргеръ бросился на нихъ съ частью оставшихся въ живыхъ товавищей и, когда тѣ были перебиты до одного человѣка, побѣжалъ въ подземелье, гдѣ была спрятана его жена; тутъ онъ убилъ ее, а потомъ и самаго себя. Пунэ съ грудами литовскихъ тѣлъ достался нѣмцамъ.

Съ 1345 года, когда великимъ магистромъ былъ избранъ Генрихъ Арфбергскій (фонъ-Арфбергъ) борьба съ литовцами сдѣлалась гораздо ожесточеннѣе противъ прежняго. Арфбергъ проникъ до Трокъ

Симеону Гордому, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ). Потомъ оба князя уговорились между собою, чтобы всей братьи слушаться Ольгерда, и условились: что добудутъ — городъ ли, волость ли, все дѣлить по поламъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другаго. Ольгердъ и Кейстутъ поклялись въ томъ, и сдержали слово.

Ольгердъ явился самымъ опаснымъ противникомъ Восточной Россіи и, быть можетъ, явился бы дѣйствительнымъ княземъ обѣихъ половинъ Россіи (восточной и западной), если бы тевтонскій орденъ изъ за Нѣмана и ливонская отрасль ордена изъ Курляндіи не отвлекали его отъ Москвы и русскихъ князей. Но въ томъ то и дѣло, что ливонскіе рыцари, по усмиреніи рижанъ въ 1330 году, когда развязались съ опаснымъ своимъ соперникомъ, въ лицѣ горожанъ, тотчасъ же начали усиленныя дѣйствія противъ Пскова и Литвы, а тевтонскіе рыцари, послѣ окончательнаго покоренія Пруссіи въ 1283 году, открыли наступленіе на Литву изъ за Нѣмана съ прямою уже цѣлію покорить своей власти литовцевъ точно такъ же, какъ покорили пруссовъ. Извѣстно, что замыслы ордена не удались: ливонскіе братья не покорили Пскова; не смогли утвердиться въ Литвѣ и прусскіе братья, но, чтобы отбиваться отъ рыцарей, Ольгерду и Кейстуту приходилось напрягать всѣ свои силы, приходилось оставлять московскихъ князей въ покоѣ въ самыя критическія для нихъ минуты. Восточная половина Россіи не подпала власти предпріимчиваго Ольгерда, именно вслѣдствіе того, что тевтонскіе рыцари, стремясь покорить Литву, отвлекали силы Ольгерда отъ московскихъ предѣловъ на Нѣманъ.

VIII

Къ страницѣ 107-й. *Въ 1351 году была очень большая смертность.*

Смертность происходила, конечно, отъ заразительной болѣзни, которая извѣстна въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти. Пишутъ, что эта чрезвычайно скоротечная болѣзнь, обнаруживавшаяся воспаленіемъ желѣзъ и кровохарканіемъ, началась въ Китаѣ, истребила тамъ до 13 милліоновъ народа, проникла въ Грецію и Египетъ, и около 1346 г. появилась въ странахъ каспійскихъ и черноморскихъ. Изъ Египта черную смерть генуэзскіе корабли завезли въ Италію, откуда она перешла во Францію, Англію и Германію, всюду производя чрезвычайную смертность. Цѣлые города буквально запустѣли. Въ 1349 г. черная смерть появилась въ Швеціи, отсюда проникла въ Ливонію въ 1351 г., а уже изъ Ливоніи весною 1352 г. во Псковъ. Въ августѣ 1352 г. черная смерть обнаружилась въ Новгородѣ, а въ 1353 году появилась въ Москвѣ. Митро-

политъ московскій Осогностъ, великій князь Симеонъ Гордый, двое сыновей его и братъ Андрей — пали жертвами заразы. Черная смерть распространилась и въ другихъ городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлоозерскѣ не осталось ни одного жителя.

IX

Къ страницѣ 109. *Кейстутъ взятъ въ плѣнъ... бѣжалъ изъ Маріенбургскаго замка:...*

Все время отъ окончательнаго покоренія пруссовъ, съ 1283 года до Ольгерда и Кейстута, на берегахъ Нѣмана кипѣла ожесточенная, кровавая борьба тевтонскихъ рыцарей съ литовцами: рыцари безпрестанно вторгались въ литовскія земли, литовцы въ свою очередь врывались въ орденскія владѣнія. Эти набѣги сопровождались чрезвычайными опустошеніями, тѣмъ не менѣе ордену никакъ не удавалось стать твердо на литовскомъ берегу Нѣмана: рѣчные походы ихъ были неудачны, не отличались особенными удачами и сухопутные походы ихъ.

Чтобы судить до какого ожесточенія доходила борьба, приводимъ слѣдующій отнюдь не одиночный случай:

Въ 1336 году въ Пруссію прибыли маркграфъ бранденбургскій, графъ геннебергскій и графъ намурскій съ войсками помогать ордену въ войнѣ съ язычниками. Великій магистръ воспользовался случаемъ и вмѣстѣ съ прибывшими союзниками вступилъ въ Литву, чтобы разорить литовскій острожекъ Пунэ, служившій притономъ литовцамъ, возвращавшимся съ набѣговъ въ Пруссію. Въ острожкѣ укрылось до 4,000 литовцевъ съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ. Осажденные отчаянно оборонялись, но и христіанское войско рѣшилось добиться Пунэ во чтобы то ни стало: били стѣны таранами, подкапывались подъ самый острожекъ. Видя невозможность защиты, литовцы, когда стѣны острожка грозили уже обрушеніемъ, перебили женъ и дѣтей, сложили огромный костеръ среди острожка, зажгли его и потомъ стали умерщвлять другъ друга. Начальникъ острожка Маргеръ самъ перебилъ множество своихъ товарищей, ему помогала какая то старуха, убившая топоромъ сто ратниковъ и умертвившая потомъ саму себя. Нѣмцы тѣмъ временемъ ворвались въ острожекъ. Маргеръ бросился на нихъ съ частью оставшихся въ живыхъ товавищей и, когда тѣ были перебиты до одного человѣка, побѣжалъ въ подземелье, гдѣ была спрятана его жена; тутъ онъ убилъ ее, а потомъ и самаго себя. Пунэ съ грудами литовскихъ тѣлъ достался нѣмцамъ.

Съ 1345 года, когда великимъ магистромъ былъ избранъ Генрихъ Арфбергскій (фонъ-Арфбергъ) борьба съ литовцами сдѣлалась гораздо ожесточеннѣе противъ прежняго. Арфбергъ проникъ до Трокъ

и, встрѣтивъ литовско-русскіе полки, нанесъ имъ жестокое пораженіе при рѣчкѣ Стребене (Стравѣ) въ 1348 году. Ольгердъ не замедлилъ отмстить, вступилъ въ Пруссію, разграбилъ множество орденскихъ имѣній, но на возвратномъ пути былъ настигнутъ великимъ магистромъ и потерпѣлъ новое сильное пораженіе.

Въ то самое время, когда на берегахъ Нѣмана шла ожесточенная борьба, ливонскіе рыцари, управившись съ рижанами, начали отступленіе на Псковъ: въ 1341 году, безъ всякаго объявленія войны, нѣмцы перебили псковскихъ пословъ; псковичи за это разорили нѣсколько ливонскихъ деревень. Началась мелкая война: нѣмецкія партіи жгли и грабили псковскія, а псковичи — нѣмецкія земли. Ливонскіе рыцари стали, наконецъ, готовиться къ серьезному походу, тогда псковичи обратились за помощью въ Витебскъ къ Ольгерду. Нѣмцы между тѣмъ осадили Изборкъ. Ольгердъ и Кейстутъ и мужи ихъ «литовяне» пришли на помощь, но серьезной помощи, однако, не оказали: нѣмцы сами отступили отъ Изборска.

Въ маѣ 1343 г. псковичи съ изборянами поѣхали воевать нѣмецкую землю. Пятеро сутокъ воевали они деревни около Одемпэ (Медвѣжья Голова) и съ награбленною добычею и захваченнымъ полономъ поѣхали въ Псковъ. Нѣмцы нагнали ихъ недалеко отъ Новаго Городка (Нейгаузена), на Маломъ Борку. Была сѣча большая — говоритъ псковскій лѣтописецъ — и Богъ помогъ псковичамъ: побили они нѣмцевъ и стали на костяхъ. Съ этихъ поръ шесть лѣтъ прошло безъ взаимныхъ набѣговъ, но въ 1348 г., когда псковское войско билось вмѣстѣ съ новгородцами противъ шведовъ, ливонцы начали жечь псковскія села, а весною 1349 года внезапно стали подъ Изборскомъ, и потомъ поставили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою. Псковичи подняли всю свою область, обступили и сожгли эту новую крѣпость, причемъ гарнизонъ ея частью сгорѣлъ, а частью былъ перебитъ псковичами.

Важныхъ послѣдствій не произошло, однако, изъ этихъ набѣговъ, какъ не произошло ничего особеннаго и изъ похода, предпринятаго въ 1348 г шведами на новгородскія земли (шведы, однако, овладѣли Орѣшкомъ).

Двадцать лѣтъ прошло въ безпрерывныхъ войнахъ на границахъ псковскихъ земель и по Нѣману, Ольгердъ въ это время дѣлалъ неоднократные походы на восточную Россію, но постоянно и всегда долженъ былъ спѣшить назадъ, на Нѣманъ, гдѣ рыцари не давали ни минуты покоя литовцамъ. Въ 1360 г., 13-го марта, Ольгердъ, Кейстутъ и его сынъ Патрикій сошлись съ орденскимъ войскомъ на литовскихъ границахъ; бились цѣлый день и рыцари одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ, его свалили съ коня и поволокли въ плѣнъ. Патрикій бросился спасать отца, но не могъ ничего сдѣлать: онъ былъ сброшенъ съ коня

и едва самъ не попался въ плѣнъ. Рыцари отвели Кейстута въ свою столицу Маріенбургъ и засадили въ тюрьму. День и ночь стража стояла у дверей, и кромѣ слуги, приносившаго пищу, къ плѣннику никого не пускали. Но этотъ слуга, приближенный къ магистру, былъ литовецъ родомъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и подвиги литовскаго князя пробудили въ этомъ слугѣ давно уснувшую любовь къ своему отечеству: онъ далъ средство Кейстуту бѣжать изъ тюрьмы къ зятю своему, князю мазовецкому. Кейстутъ, однако, не захотѣлъ возвращаться домой, не отомстивъ рыцарямъ. Онъ взялъ у нихъ два замка и ограбилъ ихъ, на возвратномъ пути былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ плѣнъ, вторично ушелъ изъ неволи, и сталъ снова готовиться къ борьбѣ съ рыцарями, потому что въ 1362 году они овладѣли Ковной.

На этотъ разъ Кейстуту не пришлось лично перевѣдаться со своими врагами. У Ольгерда Гедеминовича — говоритъ лѣтописецъ — былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышляетъ, на что собираетъ большое войско; этою то хитростію онъ и забралъ города и земли, и поплѣнилъ многія страны, воевалъ онъ не столько силою, сколько мудростію. Съ Кейстутомъ онъ, помогая тверскому князю, устремился въ 1363 году на Москву, въ ноябрѣ три дня стоялъ подъ Кремлемъ, страшно опустошилъ всѣ окрестности и увелъ съ собою безчисленное множество народа и скота. Братья ушли изъ подъ Москвы, чтобы отбиваться отъ ордена, дѣйствовавшаго, какъ видно изъ показаній Вартберга, все настойчивѣе и настойчивѣе.

X

Къ страницѣ 133-й. Вартбергъ довелъ свою лѣтопись до 1378 года, когда тевтонскій орденъ и въ Пруссіи и въ Ливоніи достигъ значительной силы и могущества. Долго ли жилъ послѣ этого Вартбергъ — неизвѣстно, но, вѣроятно, очень недолго, потому что не преминулъ бы намѣтить, что, со смертію Ольгерда, возникла распря между престарѣлымъ Кейстутомъ и его племянникомъ Ягайломъ (въ православіи Яковомъ); орденъ вмѣшался въ эту распрю и Кейстутъ въ 1379 году былъ измѣною схваченъ и задушенъ въ тюрьмѣ.

Со смертію Кейстута, врага самаго непримиримаго и самаго страшнаго, ордену мелькнула было надежда овладѣть всею Литвою. Уже орденъ вмѣшался въ распрю, возникшую между Ягайломъ Ольгердовичемъ и Витовтомъ Кейстутовичемъ, уже въ 1384 году Нѣманъ покрылся многочисленными орденскими судами со всякаго рода стро-

ительными матеріалами для возобновленія старой Ковны (ключа въ Литву, не разъ переходившаго изъ рукъ въ руки), уже орденъ вывелъ стѣны новой Ковны, получившей названіе Ритерсвердера, но соперничавшіе князья во время увидѣли, что Литвѣ готовится участь Пруссіи. Они примирились между собою; Витовтъ, получивъ значительныя волости, отказался отъ союза съ орденомъ и оба князя, соединивъ литовско-русскіе полки осадили Ритерсвердеръ. Три недѣли продолжалась осада; каждый день происходили ожесточенныя схватки и, наконецъ, новая крѣпость пала. Ключь къ Литвѣ снова явился въ рукахъ литовцевъ, причемъ орденъ понесъ огромную потерю: 150 братьевъ и знатныхъ рыцарей легло въ битвахъ, 55 орденскихъ братьевъ, 250 свѣтскихъ рыцарей пошло въ неволю. Орденъ потерялъ, кромѣ незамѣнимаго Ритерсвердера, три другіе свои крѣпкіе замка и слишкомъ 100 квадратныхъ миль новопріобрѣтенной земли. Надежды на завоеваніе Литвы значительно ослабѣли, въ особенности ослабѣли съ того времени, когда рѣчь зашла о соединеніи Польши съ Литвою, которое и совершилось въ 1385 году, когда Ягайло принялъ католичество съ обѣщаніемъ распространять его въ Литвѣ и на Руси и обвѣнчался на наслѣдницѣ польскаго престола Ядвигѣ. Ягайло, короновавшись польскимъ королемъ, явился ревностнымъ католикомъ. Папскіе легаты видѣли, какъ Ягайло заботился о распространеніи католичества въ своихъ земляхъ, видѣли, что язычество вездѣ исчезло и что только одна Жмудь упорно противилась католичеству. Ордену приходилось прекращать свою дѣятельность, именно и состоявшую въ борьбѣ съ язычниками. Тщетно орденъ разглашалъ, что Литва обратитъ въ язычество всю Польшу, что новый король обманываетъ и папу и христіанство: такого рода разглашеніямъ уже никто не вѣрилъ. Императоръ вошелъ въ союзъ съ Ягайломъ, и ордену съ каждымъ годомъ приходилось все труднѣе и труднѣе набирать охотниковъ для борьбы съ литовцами. Западная Европа предоставляла орденъ своимъ собственнымъ силамъ, коихъ было далеко недостаточно для борьбы съ силами Литвы, Руси и Польши.

Впрочемъ, нѣкоторое время орденъ могъ разсчитывать на свое торжество, когда въ 1394 году возникла сильная рознь между родными братьями Ягайломъ и Свидригайломъ Ольгердовичами изъ за Витебска. Орденъ хотя вмѣшался въ распрю, но ничего не успѣлъ; напротивъ вынужденъ былъ въ 1398 году заключить вѣчный миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйти изъ Литвы.

Жмудь, какъ противница католицизму, была исключена изъ договора. Жмудь эта и составила яблоко раздора между орденомъ и Витовтомъ. Раздоръ продолжался съ нѣкоторыми перерывами до 1410 года, когда, наконецъ, Витовтъ, соединившись съ Ягайломъ, сразился съ орденомъ подъ Грюнвальдомъ (Танебергомъ). Рыцари потерпѣли страшное пораженіе: потеряли великаго магистра Юнгин-

гена, 40,000 убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ. Мужество и искуство военнаго братства оказались безсильными противъ соединенныхъ силъ трехъ восточныхъ народовъ. Витовтъ этою битвою положилъ конецъ посягательствамъ на завоеваніе Литвы и подорвалъ силы ордена до того, что его дальнѣйшее существованіе, продолжавшееся, впрочемъ, еще болѣе столѣтія, до 1525 г., являлось ничѣмъ инымъ, какъ продолжительною агоніею Потерянныя силы ордена не восполнялись уже рыцарями изъ Западной Европы, потому что онъ уже не велъ войнъ съ невѣрными, и самое существованіе его являлось уже безцѣльнымъ и не нужнымъ.

Ливонская отрасль тевтонскаго ордена, имѣвшая цѣлію также борьбу съ невѣрными, продолжала свое существованіе до 1561 года, но она пала вслѣдствіе уже другихъ причинъ и другихъ событій, изложеніе которыхъ читатель найдетъ въ лѣтописи Рюссова.

ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА

въ которой разсказывается

какъ была впервые открыта Ливонія и обращена въ христіанство; кто были первые правители этой страны, начиная отъ перваго магистра тевтонскаго ордена до послѣдняго, и о подвигахъ каждаго изъ нихъ;

о

НЕОБЫЧАЙНЫХЪ И ЧУДЕСНЫХЪ СОБЫТІЯХЪ,

совершавшихся въ странѣ во время перемѣны ливонскихъ сословій и послѣ того времени до 1583 года.

Полезное и пріятное для чтенія.

Описано кратко и достовѣрно

ревельцемъ

БАЛЬТАЗАРОМЪ РЮССОВЫМЪ

Вторично со всѣмъ стараніемъ пересмотрѣно, исправлено, улучшено и увеличено многими разсказами самимъ авторомъ.

1584

Печатано въ Бартѣ, въ княжеской типографіи, Андреемъ Зейтнеромъ.

Отъ переводчика.

Ливонская лѣтопись Бальтазара Рюссова, безспорно, составляетъ для исторіи Прибалтійскаго края матеріалъ весьма цѣнный и въ особенности важный для исторіи событій, повлекшихъ за собою прекращеніе существованія ливонскаго ордена, переходъ Эстляндіи подъ власть шведовъ, затѣмъ Лифляндіи подъ власть поляковъ, и образованіе самостоятельнаго курляндскаго герцогства подъ ленною зависимостью Польши. Рюссовъ съ особенною подробностію разсказываетъ ходъ современныхъ ему происшествій, старается объяснить причины ихъ, видимо заботясь о полнотѣ и вѣрности своихъ сообщеній.

О личности Бальтазара Рюссова (Руссова) не сохранилось почти никакихъ данныхъ. Не смотря на тщательныя справки у нѣмецкихъ авторовъ, писавшихъ о Рюссовѣ и его лѣтописи, переводчикъ только и узналъ, что Бальтазаръ Рюссовъ былъ ревельскій уроженецъ, въ 1563 г. былъ посвященъ пасторомъ въ ревельской протестантской церкви св. Олая съ назначеніемъ проповѣдникомъ въ ревельскую протестантскую свято-духовскую церковь (эстонской общины); умеръ въ 1600 г. Будучи пасторомъ, Рюссовъ не могъ не знать по эстонски, и не могъ не знать быта и положенія современнаго ему эстонскаго крестьянства и отношенія его къ властителямъ земли: ордену, мѣстному епископу и ихъ вассаламъ. Превосходная глава въ его лѣтописи, озаглавленная: „доброе старое время въ Ливоніи“ (2 часть, 49) доказываетъ его хорошее знакомство съ современнымъ ему ливонскимъ обществомъ. Мрачными красками онъ изображаетъ это положеніе, но его изображеніе вовсе не преувеличено: оно, между прочимъ, подтверждается другимъ современникомъ паденія Ливоніи, русскимъ военноначальникомъ, впослѣдствіи выходцемъ въ Литву, извѣстнымъ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ.

Рюссовъ писалъ свою лѣтопись на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи; она имѣла по настоящее время четыре изданія.

Первое изданіе было напечатано въ Ростокѣ въ 1578 г. Это изданіе было пересмотрѣно авторомъ, дополнено и доведенное до 1583 г., было отпечатано въ 1584 году въ Бартѣ, въ Помераніи.

Третье изданіе лѣтописи Рюссова, но уже въ переводѣ на верхне-нѣмецкое нарѣчіе, было сдѣлано въ Ревелѣ въ 1845 г. старшимъ учителемъ классическихъ древностей въ ревельскомъ домскомъ училищѣ Эдуардомъ Пабстомъ. Онъ сличилъ оба вышеназванныя старинныя изданія лѣтописи, ростокское и бартское, сравнилъ ихъ, соединилъ ихъ, такъ сказать, въ одно, и затѣмъ текстъ сопроводилъ нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями.

Это третье изданіе лѣтописи Рюссова и представляется здѣсь въ полномъ переводѣ на русскій языкъ.

Четвертое изданіе лѣтописи Рюссова сдѣлано въ 1846 г. извѣстнымъ Напьерскимъ и помѣщено въ первомъ томѣ „Scriptores rerum Livonicarum". Оно вышло и отдѣльнымъ оттискомъ, сопровожденное словаремъ и указателемъ личныхъ именъ.

Посвященіе или предисловіе автора.

Почтеннѣйшимъ, достоуважаемымъ, высокоученымъ и благомудрымъ, всемилостивѣйшимъ моимъ государямъ бургомистрамъ и ратманамъ достохвальнаго императорскаго вольнаго имперскаго города Бремена.

Прежде всего милость и миръ Бога Отца чрезъ Христа, нашего единаго Спасителя и Ходатая! Почтеннѣйшіе, достоуважаемые, высокоученые и благомудрые всемилостивые государи! Не только священное Писаніе, но и нѣкоторый опытъ доказываютъ, что благочестивая и вѣрная власть составляетъ одинъ изъ величайшихъ даровъ Божіихъ, какими только можетъ обладать человѣческій родъ на землѣ; и если какой городъ или какая страна награждена такимъ даромъ, то можетъ несомнѣнно считать его благоволеніемъ и милостью Божіею. Потому что чрезъ такую власть подданные испытываютъ много добра, именно процвѣтаютъ христіанская вѣра, церкви, школы, призрѣніе убогихъ, хорошее управленіе, миръ, хлѣбъ насущный, охраненіе благочестивыхъ и наказаніе преступныхъ, вмѣстѣ со всякимъ благоустройствомъ, чистой нравственностью и честностью. Гдѣ существуютъ такія добродѣтели у благочестивыхъ и вѣрныхъ правителей, тамъ благоугодно пребывать и Всемогущему Богу со всевозможными богатыми временными и вѣчными благами. Но если у какой страны или города нѣтъ этого дара, тамъ ясно можно

видѣть и замѣчать неудачи и гнѣвъ Божій. Такой даръ благочестивыхъ и мудрыхъ властей и правителей даровалъ Богъ по своей милости и Ливоніи въ началѣ христіанскаго управленія. Потому что когда Всемогущій Богъ захотѣлъ собрать и избрать себѣ христіанскую церковь изъ ливонскихъ язычниковъ, то Онъ, по милости своей, поставилъ вѣрныхъ епископовъ, правителей и подвижниковъ героевъ изъ общины достохвальнаго города Бремена, которые были первыми повелителями и правителями Ливоніи и привели къ познанію Бога и къ христіанству бѣдный языческій народъ съ большимъ усердіемъ, трудами и заботами; въ тѣ времена всѣ добродѣтели благочестивыхъ и вѣрныхъ епископовъ и правителей ярко сіяли въ Ливоніи, и въ то время положено очень хорошее начало, направленное единственно къ славѣ Божіей и спасенію и благосостоянію душъ бѣдныхъ неразумныхъ людей. Но послѣ того какъ первые благочестивые и вѣрные епископы, а также и первые мудрые магистры тевтонскаго ордена въ Ливоніи исполнили самый тяжелый и грубый трудъ, оставивъ своимъ преемникамъ большія земли, крѣпкіе замки и укрѣпленные бурги и города, доведя несчастныхъ неразумныхъ людей до нѣкоторыхъ познаній о Богѣ, надѣясь, что преемники, по ихъ примѣру, какъ подобаетъ вѣрнымъ епископамъ и правителямъ, также будутъ заботиться единственно о славѣ Божіей и о душевномъ благосостояніи бѣдныхъ, неразумныхъ ливонцевъ, которые были еще несовершенны въ познаніяхъ о Богѣ, — явился большой недостатокъ въ такихъ мудрыхъ руководителяхъ. Потому что многіе изъ послѣдующихъ епископовъ въ Ригѣ, Дерптѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Ливоніи, а равно и многіе послѣдующіе магистры тевтонскаго ордена въ Ливоніи забыли, по легкомыслію, о благихъ примѣрахъ своихъ предшественниковъ и о порученной имъ отъ Бога обязанности, начавъ междоусобныя брани, такъ что многіе епископы изъ обѣихъ обителей, именно въ Ригѣ и Дерптѣ, призывали иногда на помощь и вооружали противъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи невѣрныхъ русскихъ и литовцевъ; и такія усобицы и внутреннія войны между епископами и орденомъ велись зачастую не изъ за чего болѣе, какъ изъ за временныхъ почестей, верховной власти и пышности. Такъ какъ санъ епископа былъ первымъ въ странѣ, а братья ордена и магистры, сначала призванные въ страну епископами, теперь возвысились надъ епископами и забрали въ свои руки верховную власть, то между рыцарями и епископами возникли постоянныя распри, тайная ненависть и недоброжелательство, чрезъ что и случались войны, наносившія ливонскимъ землямъ большой, видимый вредъ и пагубу. Вслѣдствіе того, слава Божія, заботы о церквахъ и школахъ оставались въ небреженіи; простые и неразумные ливонскіе крестьяне не слышали дальнѣйшаго наставленія въ познаніяхъ о Богѣ, чрезъ что не мало былъ возбужденъ гнѣвъ Божій. Это было почти въ средѣ

ливонскаго правительства до могущественнаго Вольтера Плеттенберга, во времена котораго магистра пришелъ конецъ ливонской самостоятельности. Потому что когда этому достохвальному магистру содѣйствовало счастіе и побѣда надъ московитами, и онъ, одолѣвъ ихъ въ битвѣ подъ Псковомъ, пріобрѣлъ этимъ продолжительный миръ, и въ его управленіе опять поднято чистое спасительное ученіе св. Евангелія, то сатана въ продолжительное время мира и спокойствія посѣялъ между чистыми сѣменами Слова Божія и нѣкоторыя плевелы, какъ то: плотскую гордость, нѣгу, высокомѣріе, роскошь, невоздержность и другіе грубые пороки и грѣхи, которые распространились какъ между правителями, такъ и подданными; между дворянами и между бюргерами ливонская свобода и своеволіе весьма возрасли. Какъ правители, такъ и простые дворяне не хотѣли ограничить роскоши въ своихъ одеждахъ и нарядахъ. Ибо простые сановники, какъ командоры и фохты, подобно королямъ и князьямъ, хотѣли щеголять и хвастать золотыми цѣпями, трубами и драгоцѣнными одеждами въ противность всякому приличію. Одинъ витенштейнскій (вейсенштейнскій) фохтъ, по имени Гинцъ (Генрихъ) фонъ Тюленъ, носилъ цѣпь въ 21 фунтъ изъ венгерскаго золота, а одинъ ревельскій командоръ изъ хвастовства водилъ вездѣ передъ собой трехъ трубачей — невиданная вещь даже у многихъ достохвальныхъ герцоговъ и владѣтельныхъ князей. Подобной роскоши и пышности хотѣли подражать и многіе другіе сановники, каноники, дворяне и все, что лежало на шеѣ у бѣднаго крестьянина; почему бѣдный крестьянинъ не могъ жить хорошо, а долженъ былъ страдать и переносить всякаго рода произволъ, бѣдность и насиліе отъ большой толпы притѣснителей, такъ какъ власти не обращали на то никакого вниманія. О церквахъ и школахъ не слишкомъ заботились. Въ иныхъ мѣстахъ, въ глубинѣ страны, церкви, къ приходу которыхъ принадлежали на четыре и пять милей въ окружности до восьми и девяти помѣщичьихъ дворовъ (усадебъ), со всѣми ихъ крестьянами и свободными жителями, стояли въ запустѣніи и разрушеніи не только во время военныхъ опасностей, но и въ спокойное время, когда не слышно было ни о войнѣ, ни о несчастіяхъ. И во всей странѣ, которую можно сравнить съ могущественнымъ королевствомъ, не было ни одного университета или хорошей школы, только въ главныхъ городахъ существовали ничтожныя частныя училища. И хотя нѣсколько разъ незадолго до паденія страны небрежнымъ образомъ обсуждался на ландтагахъ вопросъ объ учрежденіи хорошей школы, но на дѣлѣ ничего не состоялось. Потому что большая часть ливонскихъ сословій тому противились, боясь, что если учрежденіе училища состоится, то на ихъ епископства, аббатства, настоятельства, фохтейства и помѣстья падутъ налоги и убытки. Поэтому такое доброе дѣло никогда не могло осуществиться, и стали приходить въ

упадокъ вся церковная дисциплина, свободныя искуства, записываніе происшествій и всѣ ingeniosae virtutes, а напротивъ весьма умножились безбрачіе, сластолюбіе и другіе грубые пороки. Ни въ одномъ помѣстьѣ цѣлой страны не было назначено суперинтендента, который бы наблюдалъ за проповѣдниками внутри страны; поэтому каждый проповѣдникъ былъ свободнымъ человѣкомъ, любившимъ пожить въ свое удовольствіе, какъ и прочіе: проповѣдывалъ онъ по своей охотѣ и желанію въ нѣсколько недѣль разъ. Власть и надзоръ суперинтендентовъ въ городахъ не простиралось далѣе стѣнъ, окружавшихъ городъ. По недостатку школъ, многія церкви внутри страны оставались безъ пасторовъ. Потому откуда же ихъ было взять, когда во всей странѣ не было ни университета, ни хорошаго училища? Если какой-нибудь бѣдный человѣкъ и хотѣлъ поучить сына, то, по недостатку средствъ, не могъ отправить его въ училище за предѣлы своей страны. А если внутри страны гдѣ нибудь при церкви и былъ назначенъ пасторъ, то онъ обыкновенно бывалъ иноземецъ и не зналъ ливонскаго невѣмецкаго языка. Какая отъ этого была польза бѣднымъ ливонскимъ крестьянамъ, это можетъ разсудить всякій благоразумный человѣкъ; потому то язычество оставалось въ силѣ у большой части туземныхъ ливонскихъ жителей: изъ тысячи крестьянъ едва ли можно было найти одного, знавшаго «Отче нашъ», не говоря о пяти главахъ катехизиса. Воскресный или праздничный день по нынѣ у всякаго въ Ливоніи, будь онъ высокаго или низкаго званія, находится въ презрѣніи, небываломъ ни въ какомъ мѣстѣ всего христіанскаго міра. Этотъ день употребляютъ на свадебныя пирушки, крестины, шумныя гульбища, угощенія, холостыя попойки, пьянство и всякаго рода сластолюбіе; власти ничѣмъ тому не препятствуютъ, какъ будто Богъ учредилъ и назначилъ этотъ день единственно для такихъ легкомысленныхъ поступковъ.

Поелику же епископы, братья ордена, дворяне и всѣ правители, поставленные Богомъ заботиться о церквахъ и школахъ, совершенно забыли о Божіемъ праздникѣ и объ обязанностяхъ, назначенныхъ имъ отъ Бога, то Всемогущій Господь долженъ былъ воспрянуть и наказать какъ правителей и дворянъ, такъ и подвластныхъ имъ всѣхъ вмѣстѣ, ради примѣра и предостереженія всѣхъ другихъ. Подобно тому, какъ въ Священномъ Писаніи находимъ много такихъ примѣровъ, что Всемогущій не благоволитъ о погибели никакого человѣка, а тѣмъ паче великихъ государствъ, герцогствъ, земель и городовъ; и когда Богъ хотѣлъ наказать страну или городъ за грѣхи и преступленіе, то Онъ не посылалъ это наказаніе безъ предостереженія и внезапно; напротивъ, Онъ долго терпѣлъ эти преступленія и побуждалъ людей къ покаянію чрезъ своихъ вѣрныхъ служителей, не видя же истиннаго и дѣйствительнаго покаянія и обращенія и послѣ многократныхъ, мудрыхъ увѣщаній, Онъ не избавлялъ, наконецъ,

виновныхъ отъ праведнаго наказанія, которымъ Онъ хотѣлъ выразить свой Божескій гнѣвъ противъ грѣха и преступленія, въ примѣръ всѣмъ другимъ людямъ. Такъ по отечески поступилъ милостивый Господь и съ Ливоніею, которую онъ въ изобиліи одарилъ не только всѣмъ необходимымъ для плотской жизни, но и явилъ свою богатую милость, даровавъ спасительное, чистое ученіе св. Евангелія, посредствомъ пророческихъ и апостольскихъ писаній и аугсбургскаго исповѣданія, черезъ что Онъ достаточно ясно открылъ свою милосердую, Божескую волю ливонскимъ правителямъ и подданнымъ. Но такъ какъ большинство людей злоупотребляли такими высокими, милостивыми благодѣяніями Божіими и вели себя въ отношеніи Бога неблагодарно и непослушно и нисколько не обращали вниманія на продолжительное долготерпѣніе и милостивое предостереженіе Божіе, которое онъ имъ объявлялъ не только посредствомъ нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ служителей, но также огненною кометою, носившеюся по небу во время великаго поста 1556 года; но люди эти изо дня въ день погружались все въ большіе и горшіе грѣхи и пороки, такъ что самые тяжкіе и грубые пороки и постыдныя дѣйствія многіе считали за честь и добродѣтели, то ихъ, наконецъ, постигло Божіе праведное возмездіе въ такой мѣрѣ, что они сдѣлались посмѣшищемъ и притчей для всѣхъ московитовъ и татаръ, какъ это хорошо извѣстно цѣлому свѣту, и всѣ благоразумные и умные люди, которымъ знакомы древнія ливонскія сказанія, должны сознаться, что перемѣна и разрушеніе древняго ливонскаго господства, дворянства и вообще всѣхъ городовъ и замковъ не есть дѣло московита, а дѣло всемогущаго Бога, который принужденъ былъ употребить московита какъ бичь противъ Ливоніи. По этому поводу ливонцы могутъ сказать съ пророкомъ Давидомъ: «Господи, «праведенъ еси, и судъ Твой праведенъ есть», а также: «Благо ми, яко смирилъ мя еси, да познаю праведность Твою».

И еслибы всемогущій Богъ, по особенной милости, не наказалъ Ливонію, то содомскіе грѣхи, описанные въ 16 гл. у Езекіиля, казались бы въ настоящее время въ Ливоніи слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ ливонскими грѣхами.

Справедливость же требуетъ, чтобы такой ужасающій примѣръ Божьяго праведнаго возмездія не былъ преданъ забвенію и переданъ потомству письменно, въ примѣръ и предостереженіе, совмѣстно съ такими удивительными и чудесными происшествіями, случившимися во время перемѣны правленія и гибели древняго ливонскаго правительства, дворянства и многихъ городовъ, замковъ и бурговъ, а также и великія злоключенія, испытанныя достохвальными христіанскими королями и государями, которые изъ чувства христіанской любви заступались за разоренную Ливонію и хотѣли, съ большею опасностью для своихъ наслѣдственныхъ земель, выр-

вать ее изъ пасти московита и вновь устроить. Это то побудило меня въ простотѣ сердца кратко изложить и напечатать въ лѣтописи не только тѣ грустныя событія, совершившіяся въ наше время въ Ливоніи, quaeque ipse miserrima vidi, но и древнія происшествія, отъ начала христіанскаго правленія, сколько я ихъ могъ собрать изъ древнихъ, писанныхъ, достовѣрныхъ хроникъ и книгъ. Каковую (лѣтопись) я вознамѣрился посвятить Вашей Чести (Ewer Ehrbaren Wohlweisen) по слѣдующимъ причинамъ:

Потому что достохвальный городъ Бременъ есть по истинѣ матерью многихъ ливонскихъ городовъ и замковъ, такъ какъ онъ воспринималъ почти всю Ливонію отъ купели и помогъ, послѣ Господа Бога, чрезъ своихъ дѣтей, приводить эту страну отъ язычества къ христіанству, и отъ глубокой тьмы идолопоклонства къ спасительному свѣту познанія о Богѣ. Потому что древнія ливонскія хроники, совмѣстно со многими другими, доказываетъ ясно и неоспоримо, что бременскіе купцы сначала приплыли съ большою опасностію въ Ливонію, а затѣмъ впервые водворили тамъ христіанство при помощи, послѣ Бога, ученаго священника, по имени Мейнарда, который потомъ былъ назначенъ первымъ епископомъ въ Ливоніи. Послѣ Мейнарда, вторымъ епископомъ въ Ливоніи былъ Бартольдъ, бременецъ, который первый заложилъ и основалъ городъ Ригу. Послѣ Бартольда третьимъ ливонскимъ епископопомъ былъ избранъ Альбрехтъ, также бременецъ, который былъ вѣнцомъ всѣхъ послѣдующихъ ливонскихъ епископовъ, прилежаніе, труды и заботы котораго нельзя достаточно восхвалить. Онъ пріобрѣлъ также всѣ другія епископства въ Ливоніи, устроилъ ихъ и роздалъ соотчичамъ, бременцамъ, которые вмѣстѣ съ епископомъ Альбрехтомъ были правителями и властителями въ Ливоніи того времени и со всѣмъ стараніемъ основали города: Ригу, Дерптъ, Кокенгузенъ (Леаль) и еще многіе другіе замки и бурги, церкви и обители со вкладами, и стяжали земли своею кровью и обратили ихъ въ христіанскую вѣру.

Но такъ какъ языческія земли въ Ливоніи были через чуръ пространны и могущественны, а упомянутый епископъ Альбрехтъ обладалъ слишкомъ малыми силами, то папа назначилъ ему въ помощь рыцарскій орденъ, который долженъ былъ съ тѣхъ поръ помогать епископствамъ и пріобрѣтать земли и охранять ихъ.

Но когда новоприбывшій рыцарскій орденъ оказался слишкомъ слабымъ въ сравненіи съ ливонскими племенами и другими окружными врагами, то епископъ Альбрехтъ отправился за помощью въ Германію и привезъ обратно съ собой достохвальнаго герцога саксонскаго, именуемаго также Альбрехтомъ, вмѣстѣ съ другими графами и другими дворянами германскаго происхожденія, склонивъ ихъ къ тому усердными просьбами и своимъ уважительнымъ видомъ; всѣ они совершили дальній путь, какъ пилигримы,

водой и сушей, и прибыли въ Ливонію послѣ великихъ опасностей и оказали великую рыцарскую помощь епископамъ и ордену. Поэтому такъ какъ уроженцы Бремена были первыми епископами и правителями въ Ливоніи и пользовались верховной властью въ странѣ, то несомнѣнно, что они вытребовали въ Ливонію многихъ молодыхъ людей, бременскихъ бюргеровъ съ ихъ сыновьями, какъ своихъ соотечественниковъ и родственниковъ, изъ которыхъ многіе вступили въ тевтонскій орденъ и многіе сражались какъ воины съ язычниками. Потому что сначала, какъ повѣствуютъ лѣтописи, въ ливонскій нѣмецкій орденъ считались достойными вступать не только люди дворянскаго происхожденія, но и бюргерскія дѣти изъ городовъ, преимущественно изъ Бремена и Любека, которые для Ливоніи сдѣлали не только не менѣе, нежели дворяне, но даже и болѣе того.

И послѣ того какъ пріѣзжіе изъ Бремена держали себя хорошо, то епископы, ихъ соотечественники, поддерживали ихъ преимущественно передъ всѣми другими, подарили ихъ пристойными ленными владѣніями, откуда ведутъ свой родъ многіе изъ ливонскихъ дворянъ. Потому что достойно считать благородными тѣхъ, которые своими мужественными подвигами способствовали покоренію столь могущественныхъ, языческихъ земель, обращенію ихъ въ христіанство и подчиненію священной римской имперіи. И еще до нынѣ существуетъ въ здѣшней странѣ честный, древній, дворянскій родъ, носящій имя Вашей Чести (Ewer Ehrbare Wohlweisen) достохвальнаго города «Бременъ», на вѣчное свидѣтельство и и память, что въ древности родъ этотъ вышелъ изъ Бремена и т. д.

Поэтому, въ виду такихъ великихъ благодѣяній, оказанныхъ въ Ливоніи достохвальнымъ городомъ Бременомъ, и кромѣ того въ виду великой дружбы, помощи и благоволенія, которые Ваша Честь многократно изъ христіанской любви являли Ливоніи и въ особенности городу Ревелю, моему отечественному городу и моей родинѣ, хотѣлъ я по долгу и справедливости посвятить эту простую и скромную лѣтопись и напечатать ее въ честь достохвальнаго города и его общины, прилежно и униженно прося, дабы Ваша Честь приняла отъ меня это посвященіе благосклонно и милостиво. Такъ готовъ я снова всегда охотно и усердно просить Всемогущаго Бога о счастливомъ правленіи и благополучіи Вашей Чести. Писано въ Ревелѣ, 1577 г.

Вашихъ милостей
готовый къ услугамъ

Бальтазаръ Рюссовъ,
проповѣдникъ въ Ревелѣ.

ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ РЮССОВА

ЧАСТЬ I-я,

въ которой кратко разсказывается о введеніц христіанства въ эту страну и о состояніи ея.

СОДЕРЖАНІЕ. О Ливоніи. Какъ бременскіе купцы открыли Ливонію. Епископъ Мейнардъ. Епископъ Бартольдъ. Епископъ Альбрехтъ, меченосцы и ихъ магистръ Винно, Германъ леальскій. Шведы въ Леалѣ, епископство эзельское. Датчане въ Эстоніи, постройка Ревеля. Смерть магистра Винно. Магистръ Волквинъ и Альбрехтъ саксонскій. Вольквинъ пріобрѣтаетъ Ревель. Покореніе эстовъ, епископство дерптское. Графъ арнштедскій. Смерть магистра Вольквина, похвала времени. Конецъ меченосцамъ.

О Ливоніи.

Ливонія получила свое названіе отъ ливовъ, которые издревле были жителями этой страны и еще теперь обитаютъ въ ней; вся Ливонія занимаетъ почти 120 миль въ длину, если считать отъ Нарвы до Мемеля, и 40 миль въ ширину. Вся эта страна сначала раздѣлялась на три главныя части, именно: землю эстовъ (Эстляндію), землю летовъ (Летляндію) и землю куровъ (Курляндію), которыя вмѣщаютъ другія земли. Эстляндія самая важная и лучшая часть, въ которой заключаются: Гарріенъ, Вирландъ, Аллентакенъ, Вайдель, Оденпэ (дерптскаго епископства), Гервенъ и Викъ. Къ Эстляндіи принадлежатъ еще нѣкоторые острова или гольмы (островки), какъ-то: Эзель, Дагеденъ, Моне, Вормсэ, Врангэ, Кіэнъ, Водесгольмъ и еще другіе, гдѣ живетъ много народу. Изъ нихъ Эзель и Дагеденъ самые большіе; потому что Эзель имѣетъ 14 миль въ длину, а Дагеденъ 9 миль, и по 4 мили въ ширину.

Племена, населяющія упомянутыя земли и острова, всѣ говорятъ по эстонски. На нѣкоторыхъ же островкахъ въ употребленіи шведскій языкъ, что доказываетъ происхожденіе жителей этихъ мѣстъ изъ Швеціи и Финляндіи. Но у высшихъ классовъ, какъ дворянъ, такъ и бюргеровъ, общимъ языкомъ былъ нѣмецкій.

Эти города и замки, вмѣстѣ съ ихъ посадами, находились въ разныхъ частяхъ эстонской земли. Именно въ Гарригенѣ лежатъ городъ и замокъ Ревель, вмѣстѣ съ Фегефюромъ и Падисомъ. Въ Вирландѣ находятся дома (орденскіе замки) Всзенбергъ, Тольсборгъ и Боргольмъ. Въ Аллентакенѣ лежатъ крѣпости Нарве, Эцъ и Ніешлотъ. Въ Одеппе или дерптскомъ епископствѣ лежатъ городъ и замокъ Дерптъ, а также Вернебеке, Киримпэ, Ольденторне, Гельмеде, Ригенъ и Ранденъ. Въ Ісрвенѣ находятся дома (орденскіе замки) Виттенштейнъ, Лансъ, Оверпаленъ, Феллинъ, Тарвестъ и Карксъ. Въ Викѣ находятся дома (замки) Леаль, Лоде, Габзель, Фикель вмѣстѣ съ городомъ и замкомъ Перновъ. На Эзелѣ лежатъ дома (замки) Аренсборгъ и Зонненборгъ, съ ихъ посадами.

Другая главная часть Ливоніи, именно земля леттовъ, заключаетъ въ себѣ также и страну ливовъ, и имѣла свой отдѣльный языкъ, который для эстовъ не понятенъ. Города и крѣпости съ мѣстечками въ этой части суть: Рига, Кокенгузенъ, Венденъ, Вольмаръ, Леппевардъ, Ніемеле, Керкгольмъ, Дунемюнде, Даленъ, Икскуль, Роненборгъ, Зосвегенъ, Зегевольде, Ашераде, Шмильтенъ, Трейденъ, Кремонъ. Лемзель, Зельборгъ, Моріенборгъ, Дуненборгъ, Шваненборгъ, Фрауэнборгъ, Лютценъ, Розитенъ, Маріенгузенъ, Юргенсборгъ, Роне, Бюртникъ, Трикатенъ, Рунгенъ, Пуркель, Эрмисъ, Гохрозенъ, Моянъ, Эрле, Барзомъ, Кальценовъ и многія другія.

Третья главная часть Ливоніи, Курляндія, заключаетъ въ себѣ также и Семигалію. Народы этой области употребляютъ языки курскій, ливскій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и литовскій, и отдѣлены отъ леттовъ рѣкой Дюной. Замки и мѣстечки въ Курляндіи суть: Митовъ, Гольдингенъ, Кандовъ, Доббеленъ, Дюрбенъ, Виндовъ, Тукемъ, Ніегусъ, Тальзенъ, Грубинъ, Пильтенъ, Ангермюнде, Донданrенъ, Амботенъ съ мѣстечкомъ Газенпотенъ. Замокъ (домъ) Баускенборгъ находится въ Семигаліи.

Между замками (домами) и мѣстечками этихъ трехъ главныхъ областей и островов только 9 составляютъ каменные города, малые и большіе, именно: Рига, Ревель, Дерптъ, Нарва, Феллинъ, Перновъ, Венденъ, Вольмаръ и Кокенгузенъ. Въ этихъ городахъ, замкахъ и ихъ посадахъ, при орденскомъ правленіи, жили и управляли нѣмцы.

Эта страна на востокѣ граничитъ съ Московіею, на югъ съ Литвою и Пруссіею, на западъ ее омываетъ море, а на сѣверѣ за моремъ прямо лежитъ Финляндія. Въ Ливоніи также чрезвычайно

дворянскихъ дворовъ и деревень и много дворянъ, урожденцевъ нѣмецкихъ земель. Это очень ровная страна и въ ней много болотъ, лѣсовъ, зарослей и пустошей; кромѣ того много стоячихъ озеръ и рѣкъ, обильныхъ рыбой, такъ что буквально нѣтъ ни одного замка, мѣстечка, двора или деревни, въ коихъ бы не находилось отличныхъ озеръ, или проточныхъ рѣкъ, или ручьевъ, гдѣ водятся различныя рыбы и раки; и это въ такомъизобиліи, что врядъ ли когда какому нибудь крестьянину запрещали ловить рыбу и раковъ, и продавать какъ вздумается. Изо всѣхъ стоячихъ ливонскихъ озеръ самыя большія: Пейбесъ и Ворцъервъ; потому что Пейбесъ, какъ полагаютъ, имѣетъ 15 миль въ длину и 7 миль въ ширину, и лежитъ оно на юго-восточной границѣ; оно отдѣляетъ Эстляндію отъ Россіи, имѣетъ 72 притока и истокъ, который, минуя Нарву, впадаетъ въ открытое море. Ворцъервъ, шириною въ 2 мили и длиною въ 7 миль, находится между землями, принадлежащими Феллину, Тарвесту и дерптскому монастырю. Оба эти упомянутыя озера очень обильны рыбой, и лѣтомъ, въ особенности же зимою, при самой дорогѣ снабжаютъ рыбой различныхъ породъ многія мѣстности и всю Эстляндію.

И кромѣ множества рѣкъ и проточныхъ ручьевъ въ Ливоніи, все таки въ ней самая значительная и большая рѣка есть Двина, которая вытекаетъ изъ Россіи, и течетъ мимо города Риги, впадаетъ въ открытое море и не меньше Эльбы у Гамбурга.

Эта страна также изобилуетъ дичью, какъ то: оленями, зайцами, сернами и всевозможными дикими птицами, которыхъ всѣ мѣстные крестьяне вольны ловить и продавать безъ малѣйшаго спора или препятствія. Къ тому же эта земля превосходитъ многія другія земли производствомъ меда, льна, зерноваго хлѣба и другихъ плодовъ. Потому что въ одномъ городѣ Ревелѣ ежегодно безъ малѣйшаго вздорожанія можно было ежегодно имѣть болѣе десяти тысячъ ластовъ лишней ржи, кромѣ того, что еще могли отдать другія города и мѣстечки, и притомъ цѣна была такъ низка, что на всемъ свѣтѣ дешевле не могло быть. Потому что еще въ правленіе послѣдняго магистра можно было у крестьянъ купитъ цѣлый ластъ ржи или солоду за 12 тал., а въ этой странѣ ластъ и шефель больше, нежели въ другихъ земляхъ и городахъ. Потому то очень много кораблей голландскихъ, любекскихъ и другихъ вывозили многія тысячи ластовъ ржи изъ ливонскихъ городовъ.

Въ этой странѣ не было также недостатка въ разныхъ породахъ скота и домашней птицы. Потому что за отличнаго жирнаго вола платили 3 тал., а за откормленную свинью 1½ тал. Сверхъ всего этого въ ливонскихъ городахъ между русскими ливонскими дворянами и крестьянами шла такая оживленная торговля, въ особенности же въ Ригѣ и Ревелѣ, что трудно было найти лучшую въ другихъ земляхъ и городахъ. Рига и Ревель лежатъ на разстояніи болѣе

пятидесяти нѣмецкихъ миль другъ отъ друга; каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ такіе превосходные амбары, подъемы (эмпоріи) и штапели (мѣста для складыванія товаровъ) для всѣхъ націй, господъ и земель, подобныхъ которымъ не найти ни въ одномъ городѣ по всему берегу балтійскаго моря, исключая города Данцке; чрезъ что дѣти многихъ бѣдняковъ, прибывшихъ сюда на службу изъ нѣмецкихъ земель, скоро достигли большей знатности и богатства.

И такъ какъ эта страна принимала нѣмцевъ за гостей, и нѣмцы въ ней были распорядителями и правителями, то туземцы такъ уважали ихъ, что и самаго ничтожнаго дворянскаго слугу и ремесленника называли господиномъ и юнкеромъ. И дворовой работникъ или ремесленникъ - подмастерье считалъ за большой стыдъ и безчестіе ходить и путешествовать по этой странѣ пѣшкомъ, потому что дворяне доставляли его даромъ другъ къ другу, ради нѣмецкаго языка, а крестьяне возили куда онъ хотѣлъ, на лошади и телѣгѣ за самое ничтожное вознагражденіе; и дорогой ему нечего было заботиться о своемъ прокормленіи, которое онъ получалъ отъ нѣмцевъ безвозмездно, а отъ туземныхъ крестьянъ (ненѣмцевъ) имѣлъ продовольствіе для себя и для лошади на цѣлыя сутки за любекскій шестакъ (Sechsling). И нѣмецъ, кто бы онъ ни былъ, навлекалъ на себя неудовольствіе, еслибы, не заѣхавъ, проѣхалъ мимо дворянской усадьбы, гдѣ всякій нѣмецъ, ради нѣмецкаго языка, встрѣчалъ любезный, пріятный и гостепріимный пріемъ, и получалъ все безплатно. И если случалось нѣмцу совершить что либо достойное наказанія, то всегда, ради его нѣмецкаго происхожденія, его болѣе щадили, нежели не нѣмцевъ (туземцевъ). Нѣмцевъ также не назначали на презираемыя должности, чтобы не причинить безчестія другимъ нѣмцамъ. Однимъ словомъ, Ливонія была такой страной, что всѣ тѣ, которые прибыли въ нее изъ Германіи и другихъ земель, когда узнавали ея богатства и испытали хорошую жизнь въ ней, должны были думать и говорить: Livland — Blivland (Ливонія — такою и останься!). Потому что тамъ не было недостатка ни въ чемъ, что служитъ на землѣ къ удовольствіямъ, радости и благосостоянію для человѣка. Но въ продолжительную московитскую войну произошла большая перемѣна во всемъ великолѣпіи, радостяхъ и благосостояніи, о которыхъ я упомянулъ.

Эта страна была вполнѣ варварской и языческой, до покоренія и обращенія этой страны нѣмцами въ христіанство жители ея не имѣли понятія о городахъ, мѣстечкахъ, замкахъ, церквахъ или обителяхъ: нѣмцы это все построили и учредили. И до водворенія въ ней христіанской вѣры ливонскіе язычники предавались мерзкому идолопоклонству, обожая солнце, луну и звѣзды, а также змѣй и другихъ животныхъ. Также они считали святыней многія рощи, изъ которыхъ не смѣли вырубить ни одного дерева, и они находились въ

такомъ заблужденіи, будто тотъ, кто срубитъ дерево или кустъ въ мнимой святынѣ, долженъ немедленно погибнуть и умереть. Такое суевѣріе и пустое заблужденіе осталось еще и по нынѣ во многихъ мѣстахъ, гдѣ не проповѣдуется слово Божіе.

Правителями этой страны были вопервыхъ магистръ со своими командорами и фохтами, потомъ архіепископъ рижскій совмѣстно съ другими четырьмя епископами: дерптскимъ, эзельскимъ, курляндскимъ и ревельскимъ. Магистръ имѣлъ свой дворъ, какъ властительный князь, въ Венденѣ; архіепископъ въ Кокенгузенѣ, епископъ дерптскій имѣлъ свое мѣстопребываніе въ замкѣ, въ Дерптѣ; епископъ эзельскій въ Аренсбургѣ, а епископъ курляндскій жилъ со своимъ дворомъ въ Пильтенѣ, а епископъ ревельскій на Борхгольмѣ въ Вирландѣ. Изъ всѣхъ этихъ ливонскихъ правителей, магистровъ, командоровъ, фохтовъ, епископовъ, настоятелей и монаховъ не существуетъ болѣе ни одного: московитъ всѣхъ ихъ изгналъ изъ страны, или они погибли инымъ образомъ.

О томъ, какъ первоначально открыта Ливонія и обращена въ христіанство.

1. Какъ бременскіе купцы нашли Ливонію въ 1158 г.

Въ лѣто Господа нашего 1158, во времена императора Фридриха Барбароссы, къ Ливоніи подъѣхали на парусныхъ судахъ бременскіе купцы и противъ воли были прибиты бурей и непогодой къ мѣстности, обитаемой ливами, гдѣ нашли злой, языческій народъ. И когда язычники замѣтили христіанскихъ купцовъ, то обошлись съ послѣдними самымъ жестокимъ образомъ, ограбили имущество и многихъ убили. Купцы оборонялись стрѣляя, бросая въ непріятеля камни пращами и вступая въ рукопашный бой, и также убили многихъ язычниковъ. Наконецъ, заключили миръ, который обѣ стороны съ клятвой обѣщали сохранять. Тутъ купцы обрадовались, ободрились и смѣло стали ѣздить въ эту страну, потому что имъ казалось, что самъ Богъ послалъ ихъ сюда. И у нихъ было много добра на корабляхъ, которое они обмѣняли съ большею выгодою и барышемъ на другой товаръ. Тогда они заключили миръ еще крѣпче съ язычниками-ливонцами такъ, чтобы они часто могли снова пріѣзжать, и чтобы всѣ тѣ, которые пріѣдутъ съ ними и захотятъ вести торгъ, были включены въ миръ и встрѣчены привѣтливо. Это случилось въ устьѣ Двины въ Ливоніи, и бременскіе купцы поѣхали обратно въ свою страну и снова часто пріѣзжали со своимъ товаромъ, пріѣзжали и многіе другіе купцы въ большемъ числѣ, которые всѣ были хорошо принимаемы. И это продолжалось долгое время, и имъ счастливилось. Наконецъ, они со своимъ товаромъ пробрались въ эту страну на шесть миль и сложили тамъ свой товаръ съ

согласія язычниковъ, и многіе купцы остались на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ язычники дали имъ право построить торговый домъ (факторію). Тогда они выстроили великолѣпное зданіе у Двины на горѣ и замокъ (бургъ, городокъ) такой крѣпкій, что въ немъ могли сидѣть смѣло; и городокъ этотъ былъ названъ Укскуль. Но язычники не думали, что изъ этого для нихъ выйдетъ что либо дурное. Недолго спустя былъ выстроенъ и домъ (замокъ) Даленъ. Это были первыя крѣпости христіанъ въ Ливоніи.

Прим. перев. Ливы, племя родственное съ эстами-финнами, обитали въ юго-западной части нынѣшней лифляндской губерніи. Въ настоящее время они всѣ олатышились. Подробности о бременскихъ купцахъ, приведенныя выше, сообщаетъ рифмованная хроника, но вѣрны ли эти подробности? Не согласнѣе ли съ истиною сказать, что Двина съ незапамятныхъ временъ составляла путь международныхъ сношеній обитателей скандинавскаго и ютландскаго полуострововъ съ народами, населявшими земли двинскаго бассейна, что устья Двины были извѣстны мореходамъ гораздо ранѣе XII столѣтія. Если бременскіе купцы и не первые открыли устья Двины, то во всякомъ случаѣ они первые завязали правильныя торговыя сношенія съ ливами. Какъ бы то ни было, но извѣстія объ этихъ сношеніяхъ и первыхъ поселеніяхъ обратили на себя вниманіе бременскаго архіепископа, который не могъ пропустить благопріятнаго случая для распространенія предѣловъ римской церкви. Онъ объявилъ объ этомъ папѣ Александру III, и тотъ велѣлъ ему отправить къ ливамъ искуснаго миссіонера. Архіепископъ отправилъ туда (около 1184 года) священника августинской зигебергской обители Мейнгарда (надобно предполагать, что Мейнгардъ зналъ по ливски).

Разсказъ о постройкѣ Икскульскаго замка значительно разнится отъ разсказа Генриха Латышскаго о той же постройкѣ (см. Приб. Сб. I, стр. 75). По Генриху, починъ постройки Икскульскаго замка принадлежитъ Мейнгарду. Въ началѣ 1185 года литовцы опустошили ливскую землю; отъ ярости литовцевъ Мейнгардъ спасся тѣмъ, что съ обитателями деревни Икскуль, въ которой онъ жилъ, скрылся въ лѣсахъ. Когда литовцы удалились, то онъ сталъ укорять ливовъ за то, что у нихъ нѣтъ крѣпостей, и обѣщалъ построить имъ замокъ, если они примутъ крещеніе. Ливы обѣщались, и лѣтомъ 1185 года началась постройка замка каменьщиками, прибывшими изъ Готланда.

Очень быть можетъ, что купцы дали денегъ на постройки какъ Икскульскаго, такъ и другаго Гольмскаго или Даленскаго замка, потому что и для нихъ весьма важно было имѣть на Двинѣ укрѣпленные складочные пункты. Ливы обманули Мейнгарда: некрещеные отказались креститься, а крещеные отреклись отъ христіанства. Семигалы, латышское племя, обитавшее въ области рѣки курляндской Аа, провѣдавъ о постройкѣ замка въ Икскулѣ, пытались

веревками стянуть его въ Двину, но, конечно, не сдвинули съ мѣста каменной постройки, но были переранены изъ метательныхъ орудій и отступили, ничего не сдѣлавъ — говоритъ Генрихъ.

2. Епископъ Мейнертъ, до 1193 года.

Однажды пріѣхалъ въ эту страну съ купцами ученый священникъ, по имени Мейнертъ, монахъ изъ Зегеберга. Этотъ священникъ такъ умѣлъ себя поставить, что всѣ ему благопріятствовали. Онъ началъ проповѣдывать язычникамъ и поучать ихъ со всѣмъ усердіемъ, такъ что многихъ обратилъ въ христіанство.

По сосѣдству съ новымъ бургомъ Укскулемъ жилъ нѣкій язычникъ, очень богатый, имѣвшій сильныхъ друзей и много владѣній. Этотъ человѣкъ назывался Коббе (Копе, Каупо) и по милости Божіей сдѣлался христіаниномъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе изъ его друзей и подвластныхъ: всѣ они крестились у этого священника Мейнерта, чему весьма были рады купцы. И когда въ странѣ распространился слухъ, что Коббе со своими друзьями и приближенными принялъ христіанство, то литовцы, русскіе, эсты и куроны стали подниматься и браться за оружіе, потому что услышали, что въ Ливонію проникла христіанская вѣра и что она распространяется здѣсь.

Этотъ священникъ Мейнертъ поѣхалъ къ папѣ, чтобы добыть епископа; съ нимъ поѣхалъ и Коббе со многими христіанами. И когда они прибыли въ Римъ, то папа Александръ III, выслушавъ разсказъ и, узнавъ о всѣхъ дѣлахъ и народахъ этой страны, назначилъ этого священника Мейнерта епископомъ, и повелѣлъ ему проповѣдывать въ Ливоніи и, приложивъ всевозможное стараніе, творить что найдетъ наилучшимъ. Случилось это въ 1170 г.

Когда же епископъ Мейнертъ и Коббе снова прибыли въ Ливонію, то христіане, какіе были въ Ливоніи, чрезвычайно обрадовались, что получили епископа. И его каѳедра была поставлена тамъ, гдѣ теперь находится Рига. И могущество христіанъ возрастало чрезвычайно въ этой землѣ, и этотъ епископъ Мейнертъ усердно проповѣдывалъ и обратилъ многихъ отъ язычества къ христіанству. Онъ былъ епископомъ 23 года и скончался въ 1193 году.

Прим. перев. Этотъ разсказъ о первомъ ливонскомъ епископѣ Мейнгардѣ во многомъ не сходится съ разсказомъ Генриха Латышскаго объ этомъ проповѣдникѣ (см. Прибалт. Сборн. I, стр. 74 и слѣд.).

Августинскій монахъ, священникъ зигебергской (въ Голштейнѣ) обители Мейгардъ прибылъ въ ливонскую землю съ нѣмецкими купцами, по всей вѣроятности, нѣсколько ранѣе 1184 г. Гдѣ Мейнгардъ выучился по ливски — Генрихъ не упоминаетъ, но говоритъ — и его свидѣтельствомъ вполнѣ объясняется дальнѣйшій ходъ

событій — что Мейнгардъ приступилъ усердно къ божескому дѣлу, „получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ полоцкаго князя Владиміра, которому языческіе ливы (жившіе по Двинѣ) платили дань". Мейнгардъ поселился въ деревнѣ Икесколѣ — нынѣшній Икскуль, на Двинѣ близь Риги — здѣсь онъ построилъ церковь, и въ этой деревнѣ ливы Ило и Вицо были первыми, принявшими католичество.

Священникъ Мейнгардъ былъ посвященъ на ливонское епископство въ 1186 г. бременскимъ архіепископомъ Гартвигомъ III-мъ. Затѣмъ Мейнгардъ вовсе не былъ въ Римѣ: ливы его стерегли и не пускали отъ себя изъ боязни, чтобы онъ, возвратившись изъ за моря, не привелъ съ собою христіанскаго войска. Тайно отъ ливовъ Мейнгардъ послалъ къ папѣ Целестину III (бывшему папою съ 1191 по 1198 годъ) своего помощника по проповѣди, монаха цистерціанскаго ордена, Теодориха (Дитриха, впослѣдствіи съ 1211 г. епископа эстонскаго). Генрихъ не упоминаетъ, чтобы кто изъ ливовъ сопровождалъ Теодориха, да и самъ Теодорихъ пробрался чрезъ ливскую землю, только прибѣгнувъ къ „благочестивой хитрости": онъ поѣхалъ (къ устью Двины, конечно) верхомъ, облаченный въ стулу, съ молитвенникомъ и святою водою, будто для посѣщенія больнаго, и тѣмъ объяснялъ спрашивавшимъ причину своей поѣздки.

Трудно сказать въ которомъ именно году былъ Теодорихъ въ Римѣ, но, кажется, что послѣ 1193 года, потому что папа Целестинъ въ этомъ году узналъ отъ пріѣзжихъ изъ Ливоніи о дѣлахъ и положеніи Мейнгарда, ободрялъ и поощрялъ его къ настойчивости.

Мейнгардъ умеръ не въ 1193 г., какъ показываетъ Рюссовъ, а 12 октября 1196 г., какъ свидѣтельствуетъ надпись въ рижскомъ протестантскомъ соборѣ, куда тѣло Мейнгарда было перенесено изъ Икскульской церкви. Есть, впрочемъ, свидѣтельство, что Мейнгардъ умеръ не въ октябрѣ, а 14 августа 1196 года.

3. *Епископъ Бартольдъ, до 1204 г.*

Тогда христіане отправили пословъ къ архіепископу бременскому, дабы снова получить епископа. Къ нимъ былъ посланъ бременецъ, по имени Бартольдъ, который былъ вторымъ епископомъ въ Ливоніи. Когда этотъ епископъ прибылъ въ Ливонію, тогда поднялись ливы, русскіе и литовцы, и хотѣли выгнать изъ Ливоніи епископа вмѣстѣ со всѣми христіанами. Но епископъ Бартольдъ вмѣстѣ съ другими христіанами рыцарски оборонялся. При этомъ Коббе былъ смертельно раненъ, и около 300 христіанъ легли на полѣ битвы у Кокенгузена. Однако же, христіане удержались и къ нимъ подоспѣла помощь. Вскорѣ послѣ того Коббе умеръ отъ полученныхъ ранъ.

Этотъ епископъ Бартольдъ первый заложилъ Ригу, на что очень негодовали эсты; вслѣдствіе этого они ополчились, собравъ всѣ свои силы и подступили къ Ригѣ, дабы воспрепятствовать начатой постройкѣ. Но на помощь къ христіанамъ подошло много пилигри

мовъ, съ которыми епископъ Бартольдъ вышелъ противъ эстонскихъ враговъ и далъ имъ сраженіе. При томъ епископъ Бартольдъ былъ убитъ, послѣ одиннадцатилѣтняго управленія; съ нимъ погибло болѣе 1,100 христіанъ, а язычниковъ убито 600. Поле сраженія осталось за христіанами.

Прим. перев. Разсказъ Рюссова о второмъ ливонскомъ епископѣ Бертольдѣ далеко не сходится съ разсказомъ Генриха (см. Приб. Сборн. I, стр. 80 и 81).

Дѣйствительно, ливонскіе христіане просили бременскаго архіепископа о назначеніи преемника Мейнгарда и цистерціанскій монахъ, абатъ лукскаго (въ Ганвверѣ) монастыря Бертольдъ былъ посвященъ въ ливончкіе епископы. Онъ прибылъ яъ Икскуль безъ всякаго войска, но, замѣтивъ недружелюбіе къ себѣ ливовъ, возникшее, повидимому, изъ за вопроса о погребеніи мертвыхъ (язычники сжигали трупы) и содержаніт кладбищъ, тайно ушелъ изъ Икскуля, пробрался на кораблѣ въ Готландъ, а оттуда въ Саксонію, гдѣ и принесъ папѣ, архіепископу и всѣмъ христіанамъ жалобу на паденіе ливонской церкви. Папа Ценестинъ III буллою, состоявшеюея ни въ какомъ случаѣ не позднѣе 1197 г. (онъ умеръ въ январѣ 1198 г.), объявилъ крестовый походъ на ливовъ.

Съ собраннымъ войскомъ Бертольдъ возвратился въ Ливонію, началъ непріязненныя дѣйствія съ ливами, и въ сраженіи, происходившемъ 24 іюля 1198 ва тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи была построена Рига, былъ убитъ.

Бертольдъ вовсе не основывалъ Риги и весь разсказъ Рюссова о гибели Бертольда не вѣренъ. Онъ былъ ливонскимъ епископомъ не 11 лѣтъ, а всего полтора года.

4. *Епископъ Альбрехтъ, меченосцы и ихъ магистръ Винно. Германнъ леальскій.*

Послѣ смерти епископа Бартольда, христіане были очень опечалены; они послали въ Бременъ просить архіепископа, чтобы онъ имъ снова выслалъ епископа. Въ то же самое время находился въ Бременѣ почтенный мужъ, по имени Альбрехтъ. Этотъ 3-й, былъ назначенъ и утвержденъ епископомъ въ Ливоніи, папой Инокентіемъ III, въ 1204 г., въ Римѣ. И папа также основалъ рыцарскій орденъ, въ помощь епископу Альбрехту. Эти братья ордена должны были съ тѣхъ поръ жить въ Ливоніи и помогать при покореніи всей страны. Тогда папа даровалъ ордену и утвердилъ за нимъ всѣ пріобрѣтенныя земли и всѣхъ людей въ Ливоніи, и все что они или ихъ потомки когда либо пріобрѣтуть, такъ что они должны владѣть на вѣчныя времена этими землями какъ наслѣдственные, свободные повелители, и быть защитниками святой церкви. Эти братья ордена должны были носить бѣлые плащи съ перекрещенными мечами и красной звѣздой и назывались меченосцами (братьями меча).

Въ томъ же 1204 г. главою и магистромъ въ этомъ орденѣ братства меченосцевъ былъ избранъ почтенный мужъ, по имени Винно. И епископъ Альбрехтъ и Винно со всѣмъ усердіемъ старались привлечь въ орденъ возможно больше дворянъ. И много народу ѣхало въ Ливонію Бога для и ради папскаго разрѣшенія отъ грѣховъ, чтобы сражаться противъ враговъ христіанства. Этотъ магистръ Винно много и часто сражался съ нехристями; онъ убилъ за одинъ разъ русскаго князя и 600 русскихъ съ нимъ, и отнялъ отъ язычниковъ замки Герсекъ и Кокенгузенъ.

Около этого времени епископъ Альбрехтъ основалъ оба епископства Леальское и Уггенусское, и нѣкто по имени Германнъ, аббатъ изъ Бремена, былъ первымъ епископомъ въ Леалѣ; онъ же тамъ выстроилъ замокъ Леаль и монастырь пресвятой Дѣвы. Этотъ Германнъ впослѣдствіи былъ назначенъ первымъ епископомъ въ области Уггенуской. Въ тоже время епископъ Альбрехтъ началъ строить много церквей и обителей, кромѣ того соборную церковь въ Ригѣ и монастырь въ Динамюндѣ, который впослѣдствіи братья ордена присоединили къ строеніямъ динаминдскаго замка.

Прим. перев. Бременскій канопикъ Альбертъ или Альбрехтъ (на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи) былъ посвященъ въ санъ ливонскаго епископа не въ 1204 году, а въ 1198 г. (см. Приб. Сб. томъ I, стр. 84).

О меченосцахъ см. выше статью Бунге на стр. 16 и слѣд.

Герсикъ и Кукейносъ (Кокенгузенъ) были не языческія, то есть ливскія, а русскія владѣнія. Замокъ Кукейносъ русскіе, заслышавъ о предпринимаемомъ на нихъ походѣ крестоносцевъ, сами зажгли и покинули, въ 1208 году; князь же кукейноскій Вячко удалился въ Россію (см. Приб. Сб. томъ I, стр. 130) и впослѣдствіи въ 1224 году погибъ при штурмѣ Юрьева (Дерпта) нѣмцами.

Герсикъ былъ взятъ и сожженъ крестоносцами въ 1209 г. (см. Приб. Сборн. томъ I, стр. 142), при чемъ была взята въ плѣнъ и супруга князя герсикскаго Всеволода, родомъ литвинка (дочь литовца Даугерута). Генрихъ Латышскій называетъ Герсикъ дьявольскою сѣтью на Двинѣ для крещеныхъ и некрещеныхъ, а князя Всеволода отъявленнымъ врагомъ латинянъ.

Чтобы освободить изъ плѣна русскихъ, князь Всеволодъ вошелъ въ соглашеніе съ Альбертомъ, передалъ свое княжество церкви св. Маріи и получилъ его обратно изъ руки епископа, признавъ его своимъ отцемъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, означало признаніе надъ собою власти епископа.

О Герсикѣ Генрихъ Латышскій упоминаетъ еще подъ 1215 годомъ (см. Приб. Сборн. т. I, стр. 184 и 188), затѣмъ дальнѣйшая судьба этого русскаго замка и его князя Всеволода остается неизвѣстною.

На мѣсто русскаго замка Кукейноса въ 1208 году былъ построенъ Альбертомъ кокенгузенскій замокъ. Этотъ замокъ, вѣрнѣе

крѣпостца, существовалъ до 1700 г., когда шведы, видя невозможность защищать его отъ русско-саксонскихъ войскъ, покинули его, разрушивъ и взорвавъ стѣны. Развалины кокенгузенской крѣпостцы существуютъ и по нынѣ.

Но гдѣ именно былъ Герсикъ? Вотъ что оказывается по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (см. Рижск. Вѣстн. 1878 г., № 191):

Еще до послѣдняго времени, остатками древняго Герсика, бывшаго нѣкогда главною твердынею русскаго княжества того же имени и пребываніемъ многоупоминаемаго въ бояхъ начала 13 вѣка князя Виссевальда (Всеволода), а впослѣдствіи состоявшаго во владѣніи рижскаго архіепископа, пока, наконецъ, въ концѣ XIV вѣка неисчезаетъ изъ памятниковъ его имя, считались находящіяся близъ Штокмансгофа, въ юго-восточной Лифляндіи, на берегу Западной Двины, развалины каменной ограды.

Подробныя изслѣдованія, произведенныя въ 1874 г. митавскимъ живописцемъ Дерингомъ, убѣдили его, что предположеніе это невѣрно, что упомянутыя развалины никакъ не могутъ быть остатками города и замка Герсика, а принадлежатъ древнему епископскому замку Локстену (или Лукенштейну?), что и подтвердилось недавнимъ (на святкахъ 1877 г.) открытіемъ въ митавскомъ музеѣ описи памятниковъ, относящихся къ Локстену или Штокмансгофу, между которыми находится и пожалованіе въ 1437 г. имѣнія Локстенъ въ ленное владѣніе нѣкоему Аренду Штокману. Изъ упомянутыхъ изслѣдованій Деринга оказалось далѣе, что Герсикъ долженъ былъ лежать ближе къ Динабургу, причемъ всѣ признаки указываютъ на мѣстность между имѣніями: Ливенгофъ и Царьградъ. Все это самымъ обстоятельнымъ образомъ изложено въ протоколахъ засѣданій курляндскаго общества литературы и искусства за 1874 г.; относящаяся сюда статья была помѣщена и въ „Прибалт. Ежемѣсячн.“ 1874 г., выпускъ 5, стр. 422 и слѣд. Вслѣдствіе полученнаго г. Дерингомъ, изъ вѣрнаго источника, изустнаго заявленія о существованіи въ той мѣстности древнихъ укрѣпленій, а именно близъ самой усадьбы Шлосбергъ (ливенгофскаго полумызка), онъ недавно предпринялъ изслѣдованіе упомянутой мѣстности и, къ удовлетворенію своему, нашелъ какъ все мѣстоположеніе вообще, такъ и образованіе почвы въ частности, до того согласными со сказаніями памятниковъ, что пришелъ къ убѣжденію, что городъ Герсикъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго полумызка Шлоссберга и что возвышающаяся въ непосредственной близи его, надъ берегомъ Западной Двины, почти отвѣсная, отдѣльная гора, съ земляною оградою и рвомъ, была носительницею прежней резиденціи князя Всеволода.

Текущая здѣсь вообще съ юга на сѣверъ Западная Двина, между усадьбами Царьградъ и Шлосбергъ, дѣлаетъ поворотъ, обходя вокругъ лишь постепенно и значительно возвышающаго изъ праваго прибрежья и подходящаго къ самой Двинѣ Пиликальна (такъ называютъ эту гору окрестные латыши).

Круто, почти отвѣсно, поднимается это возвышеніе, съ двинской стороны, до высоты, приблизительно, 45 футовъ, составляя, можно сказать, на дальнемъ разстояніи, высочайшую точку окрестностей *). Особенно низменнымъ является противолежащій курляндскій берегъ, а также и съ этой стороны рѣки, по направленію къ югу, гдѣ усадьба Царьградъ, въ $2^1/_2$ верстахъ разстоянія, стоитъ у самой воды. Основный чертежъ горы представляетъ нѣсколько неправильный овалъ; такой же видъ имѣетъ и поверхность ея, окруженная съ краевъ земляною насыпью, которая, впрочемъ, уже въ значительной мѣрѣ лишилась прежней своей высоты, потому что съ незапамятныхъ временъ вспахивается; послѣдняя представляетъ, въ настоящее время, внутренность весьма мелкой котловины (правильнѣе блюда). Пашня эта имѣетъ одну десятину пространства. Окружность насыпи составляетъ около 930 футовъ, а поперечникъ ея, съ востока на западъ, 310 футовъ, съ сѣвера же на югъ лишь 274 рейнскихъ фута.

Здѣсь, съ южной, точнѣе же юго-западной стороны, гдѣ гора непосредственно примыкаетъ къ Западной Двинѣ, ежегодные разливы водъ мало по малу, посредствомъ подмыва, уносили большіе клочки почвы, такъ что образовалась отвѣсная стѣна, выказывающая наружу бурожелтую твердую глину, изъ коей состоитъ гора, между тѣмъ какъ другіе откосы ея, всѣ, впрочемъ, довольно крутые, поросли травою, кустарниками и невысокими деревцами. На юго-западномъ краю стоитъ довольно большая липа, у самаго того мѣста, гдѣ начинается глинистый обрывъ; коренья ея, вѣроятно, воспрепятствовали дальнѣйшему обрушенію почвы, а съ внутренней стороны и вспахиванію; тамъ и доселѣ еще находится высочайшая точка насыпи. На западной сторонѣ городищенскаго холма находится похожая на ущелье, живописная долинка, по которой протекаетъ, съ востока, ручей Истикке, впадающій, близь липы, въ Западную Двину, отдѣляя съ сѣвера и запада весь полумызокъ, со включеніемъ городищенской горы, отъ прочей возвышенности. Съ юго-восточной стороны Пиликальна тянется широкій, глубокій ровъ, въ прямомъ южномъ направленіи, къ Западной Двинѣ. Онъ очевидно искуственнаго происхожденія: объ этомъ свидѣтельствуетъ весь видъ его. Онъ составляетъ продолженіе рытвины, тянущейся съ востока, ограничивающей полумызокъ съ южной его стороны и отводящей весеннія воды въ Двину. Отъ долины Истикке, вокругъ сѣверо-восточной стороны городищенской горы, тянется широкій, глубокій ровъ до вышеупомянутаго рва. Этотъ сѣверо-восточный ровъ кажется, большею частію, дѣломъ природы. Высочайшая точка его ложбины находится ровно на сѣверной сторонѣ холма; глубина ея, считая отъ вершины насыпи, составляетъ тамъ 24 фута, ширина же рва въ томъ мѣстѣ простирается до 104 футовъ, т. е. отъ вершины земля-

---

*) Легко объяснить себѣ поэтому, какимъ образомъ въ позднѣйшее время, когда на вершинѣ уже не было замка, за Герцикомъ утвердилось названіе «горы» (mons Gertziche), въ качествѣ характеристическаго прозвища.

наго вала до (нынѣшняго) шлоссбергскаго жилаго дома, находящагося прямо на сѣверъ отъ городищенской горы и притомъ на довольно пологомъ тамъ южномъ откосѣ рва. Здѣсь же находится и выходъ на городищенскую гору, узенькая, крутая тропинка, пересѣкающая крайнюю земляную насыпь; впрочемъ, она можетъ быть и новѣйшаго происхожденія, будучи проложена къ находящемуся на вершинѣ горы полю. Городищенская гора, вслѣдствіе высоты своей, своихъ крутыхъ откосовъ и широкихъ, глубокихъ рвовъ, была, во всякомъ случаѣ, сильною твердынею, и довольно просторна для постройки (деревяннаго) княжескаго терема.

Остатковъ каменныхъ стѣнъ не видно, по крайней мѣрѣ, на вспаханной вершинѣ; впрочемъ, ихъ, по настоящему, и ожидать нельзя, при народномъ способѣ построекъ у древнихъ русскихъ, возводившихъ свои зданія, какъ извѣстно, изъ дерева. Городу же Герсику достаточно было мѣста для распространенія съ трехъ сторонъ городищенской горы; вѣроятно же онъ занималъ лишь мѣсто нынѣшняго полумызка, между ручьемъ Истикке и южнымъ рвомъ, а часть его стояла, можетъ быть, и по ту сторону ручья, гдѣ послѣдній, недалеко отъ устья, принимаетъ южное направленіе и тѣмъ образуетъ узкій и невысокій береговой кряжъ. Тамъ находится теперь печь для обжиганія извести, около которой въ множествѣ найдены человѣчьи кости (а также шлемъ и шпоры), кои, впрочемъ, могутъ относиться и къ новѣйшимъ временамъ.

Съ подробностями повѣствованій о бояхъ, завоеваніяхъ и т. п., сообщаемыми Генрихомъ Латышскимъ въ его лѣтописи, мѣстность и ея детали вполнѣ согласны; да и обнародованный за послѣднее время памятникъ (Извѣстія по ливонской исторіи, XII, 2 стран. 378) подтверждаетъ предположеніе, что Герсикъ находился на мѣстѣ нынѣшней шлоссбергской усадьбы, такъ какъ въ памятникѣ этомъ (1348 г.), какъ предметъ купли, наряду съ другими ленными помѣстьями (вѣроятно епископскими) встрѣчается и „имѣніе Лепенъ, со всѣми его межами съ (et) Герцике". Очевидно, что тутъ Герсикъ полагается въ извѣстномъ ближайшемъ отношеніи къ Лепену. Лепенъ— это, вѣроятно, нынѣшній крейцбургскій Ливенгофъ (Лепенъ, Лебенъ, Левенъ, Ливенъ), куда принадлежитъ и Шлоссбергъ въ качествѣ полумызка. Впрочемъ, Лепенъ встрѣчается уже въ поименованныхъ въ статьѣ Деринга памятникахъ 1211 года, какъ замокъ, лежащій близь Герсика.

Рюссовъ пишетъ, что первымъ леальскимъ (эстонскимъ) епископомъ былъ Германнъ. Это не такъ.

Первымъ эстонскимъ епископомъ былъ абатъ динаминдскаго цистерціанскаго монастыря Теодорихъ (Дитрихъ), посвященный въ этотъ санъ епископомъ Альбертомъ въ 1212 г. Онъ былъ убитъ эстами въ 1219 г. (см. Приб. Сб. томъ I, стр. 221) въ Ревелѣ. На его мѣсто епископъ Альбертъ назначилъ абата бременскаго бенедиктинскаго св. Павла монастыря Германа, который въ 1220 г. и былъ посвященъ въ епископы эстонскіе магдебургскимъ архіепископомъ. Онъ прибылъ въ Ливонію только въ 1224 году, задержанный

датскимъ королемъ, и въ этомъ году, послѣ покоренія Юрьева, является епископомъ въ Унгауніи и Дерптѣ (см. Приб. Сб. I, стр. 269 и также прим. къ ст. 10).

5. Шведы въ Леалѣ, 1208 г. Епископство эзельское.

Въ 1208 г., когда епископъ Германъ леальскій находился въ отсутствіи у епископа Альбрехта, въ Ливонію пришелъ изъ Швеціи король Іоаннъ съ многочисленнымъ войскомъ и привелъ съ собою священниковъ и епископовъ, кои должны были проповѣдывать христіанство язычникамъ-эстамъ. И когда король прибылъ въ Рокель, то пошелъ прямо на Викъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ замокъ Леаль, оставилъ тамъ своего епископа съ нѣсколькими священниками, а также и Кароля, полководца съ 500 человѣкъ, и занявъ это мѣсто, король возвратился обратно въ Швецію, приказавъ строго оберегать замокъ Леаль. Когда же король удалился изъ Ливоніи, тогда эзельцы и виковцы снова осадили замокъ со всѣми своими силами и угрожали ему огнемъ. И когда шведы выступали противъ непріятелей, не полагая, что они такъ сильны, то были всѣ окружены и убиты. Послѣ того эзельцы и виковцы штурмовали замокъ, взяли его и епископа, равномѣрно какъ и намѣстника Кароля, со всѣми находившимися при немъ людьми убили, самый замокъ сожгли и уничтожили. Такимъ образомъ, какъ нѣмцы, такъ и шведы снова лишились замка Леаля и всего Вика, чѣмъ чрезвычайно огорчились епископъ Альбрехтъ и всѣ христіане страны. Немного спустя, однако, епископъ Альбрехтъ снова покорилъ виковцевъ и привелъ ихъ въ повиновеніе. Тогда они должны были снова отстроить замокъ Леаль, и туда былъ назначенъ и водворенъ другой епископъ, также называвшійся Германномъ. Въ то время соборъ находился въ древнемъ Перновѣ, такъ какъ въ цѣлой Эстоніи еще не было выстроено ни одного другаго замка или мѣстечка. Съ тѣхъ же поръ какъ былъ выстроенъ Габсель, перенесли соборъ изъ древняго Пернова въ Габсель, а съ тѣхъ поръ, какъ на Эзелѣ основанъ Аренсборгъ, каѳедра епископа перенесена изъ Леаля въ Аренсборгъ. Тогда епископство леальское утратило это названіе и стало называться **эзельскимъ**.

Прим. перев. Шведы появились въ Леалѣ не въ 1208 году, а въ 1220. Разсказъ объ истребленіи здѣсь шведовъ сходенъ съ разсказомъ Генриха Латышскаго (см. Пр. Сб. I, стр. 235). Леаль былъ вновь покоренъ въ 1223 году (тамъ же, стр. 260). Эзельскіе туземные замки были окончательно покорены и эзельцы приняли крещеніе въ 1226 г. (см. тамъ-же, стр. 283).

6. Датчане въ Эстоніи. Ревель выстроенъ, 1223 г.

Когда епископъ Альбрехтъ снова овладѣлъ виковцами и заставилъ ихъ повиноваться, тогда король датскій Вольдемаръ II-й,

также вздумалъ испробовать счастья у эстовъ, и выслалъ впередъ въ Ливонію войско, которое покорило земли Гаррингенъ, Вирландъ и Іервенъ. Не много же лѣтъ спустя, король датскій Вольдемаръ II прибылъ самолично, со множествомъ народа и епископомъ лунденскимъ, въ Ливонію и началъ строить городъ Ревель, въ 1223 году. Точно такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени датчане выстроили замки Везенбергъ и Нарву, чтобы изъ нихъ покорять и охранять окружныя земли. Тогда то датскіе ревельскіе епископы основали и тщательно выстроили мало по малу всѣ церкви и монастыри въ Гарріенѣ и Вирландѣ, при помощи щедрыхъ пособій отъ датскихъ королей.

Прим. перев. Земли ливовъ были окончательно покорены въ 1206 году. Вслѣдъ затѣмъ началось покореніе земель латышей и эстовъ. Покореніе латышскихъ земель совершилось безъ особеннаго труда, но эсты были не такъ уступчивы: они оказали сильное сопротивленіе завоевателямъ, не разъ сами наступали на нѣмцевъ и когда въ 1217 г. начали дѣйствовать совмѣстно съ новгородцами и псковичами, то явились уже столь опасными противниками нѣмцамъ, что епископъ Альбертъ, вмѣстѣ съ эстонскимъ епископомъ Теодорихомъ и семигальскимъ епископомъ Бернардомъ, въ 1218 г. прибыли къ королю датскому Вольдемару и убѣдительно просили его, дабы онъ въ слѣдующемъ году послалъ въ Эстонію свой флотъ для обузданія эстовъ и для противодѣйствія нападеніямъ русскихъ (см. Приб. Сборн. I, стр. 213). „И король, услышавъ — говоритъ Генрихъ — о большой войнѣ русскихъ и эстовъ противъ ливонцевъ, обѣщалъ въ слѣдующемъ году придти въ Эстонію какъ въ честь Пресвятыя Дѣвы, такъ и ради крещенія грѣховъ своихъ“ (и, конечно, ради увеличенія владѣній своихъ и лундскаго архіепископа).

Въ слѣдующемъ 1219 г. датскій король дѣйствительно ополчился и отплылъ въ Эстонію, съ нимъ были преосвященный лундскій Андрей, епископъ шлезвигскій Николай и епископъ аргунскій Петръ, также былъ съ нимъ епископъ эстонскій Теодорихъ и славянскій князь рюгенскій Вацлавъ. Датчане высадились въ ревельской провинціи, стали въ замкѣ ревельцевъ Линданизенѣ, сломали этотъ замокъ и стали строить новый. Этотъ новый замокъ и былъ началомъ нынѣшняго Ревеля. 15 іюня 1219 года эстонскіе язычники напали на датчанъ, умертвили епископа Теодориха, и обратили было датчанъ въ бѣгство, но славянскій князь поправилъ дѣло: сразился съ эстами, и когда датчане воротились и перешли въ наступленіе, то эсты потерпѣли сильное пораженіе (см. Приб. Сбор. I, стр. 221).

Извѣстно, что датская помощь подвергла епископа Альберта большой опасности: онъ чуть было не лишился всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи. Альберту, однако, удалось въ 1223 г. склонить датскаго короля удовольствоваться одною Эстоніею и оставить Ливонію во власти Альберта. Меченосцы въ 1226 году вытѣснили было совсѣмъ датчанъ изъ Эстоніи, но по акту соединенія орденовъ (см. вступленіе къ этому тому, стр. VIII) отъ 14 мая 1237 г. долж-

ны были возвратить датчанамъ ихъ эстонскія владѣнія. Болѣе ста лѣтъ датчане оставались въ Эстоніи, и когда возникло общее возстаніе эстовъ, датчане, видя невозможность держаться въ прибалтійскомъ краѣ, продали всѣ свои эстонскія владѣнія тевтонскому ордену, какъ то будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

7. *Смерть магистра Винно, 1223 г.*

Въ то самое время, какъ датчане начали усиливаться въ Ливоніи, епископъ Альбрехтъ и магистръ Винно также не медлили войною и постройками. Тогда магистръ Винно совершилъ много добрыхъ дѣлъ и построилъ замки Зегевольде, Венденъ и Ашераденъ. Но тамъ находился нѣкто, бывшій тайнымъ врагомъ магистра Винно; и когда этотъ измѣнникъ улучилъ время, то убилъ магистра вмѣстѣ съ его капеланомъ. Такова была кончина благочестиваго магистра, послѣ 18 лѣтняго управленія. Этого измѣнника, который былъ начальникомъ въ Венденѣ, впослѣдствіи схватили и колесовали. Случилось это въ 1223 году.

Прим. перев. Первый магистръ меченосцевъ Винно фонъ Рорбахъ былъ умерщвленъ братомъ рыцарства Вигбертомъ не въ 1223 г., а въ началѣ 1209 года (см. подробности убійства въ Приб. Сборн. I, стр. 141 и у Вартберга въ этой книгѣ на стр. 89).

8. *Магистръ Волквинъ и Альбрехтъ саксонскій.*

Въ 1223 году, по смерти Винно, магистромъ меченосцевъ въ Ливоніи, былъ избранъ братъ, по имени Волквинъ, который былъ магистромъ благочестивымъ, справедливымъ и вѣрнымъ своему ордену. Онъ выстроилъ замокъ Феллинъ, къ великой досадѣ эстовъ. И когда магистръ послалъ для водворенія въ замкѣ Феллинѣ своихъ братьевъ ордена съ людьми, то эсты напали на нихъ на дорогѣ и всѣхъ перебили. Когда же нѣмцы увидѣли и убѣдились, что язычники слишкомъ сильны въ сравненіи съ епископами и орденомъ, то епископъ Альбрехтъ былъ принужденъ ѣхать моремъ въ Саксонію за помощью. И когда онъ прибылъ въ Саксонію, то убѣдилъ герцога Альбрехта Саксонскаго отправиться въ Ливонію на помощь христіанамъ со своими рыцарями и пилигримами. Когда же эсты узнали объ этомъ, что въ страну прибыло много христіанъ, то они собрались, чтобы противостоять тѣмъ пилигримамъ и снова изгнать ихъ изъ своей страны.

Этотъ герцогъ Альбрехтъ Саксонскій былъ принятъ въ Ригѣ магистромъ Волквиномъ съ большими почестями. При этомъ герцогъ держалъ такую рѣчь къ магистру: «Любезный магистръ, мы сюда прибыли какъ пилигримы, чтобы огорчать враговъ Божіихъ, и такъ какъ вы къ нимъ идете, то и мы послѣдуемъ за вами со своими пилигримами и раздѣлимъ съ вами добро и зло». Тогда герцогъ и

магистръ пошли противъ эстовъ, была большая битва, и язычниковъ было убито болѣе 1,500, а остальные бѣжали въ заросли и пустыри; христiане же овладѣли полемъ битвы и потеряли не болѣе 60 человѣкъ и двухъ братьевъ ордена. Когда же герцогъ и магистръ привели въ повиновенiе часть эстовъ, то они отправились обратно въ Ригу съ большею радостью. И когда они туда прибыли, снова поднялись iервенцы вмѣстѣ съ эзельцами, пришедшими къ нимъ на помощь. Тогда герцогъ Альбрехтъ и магистръ Волквинъ снова выступили въ походъ и прибыли въ Iервенъ, гдѣ нашли противъ себя уже и эзельцевъ, и снова была большая битва при Канделѣ на полѣ, гдѣ было убито много язычниковъ, а также и нѣсколько христiанъ. Тогда нѣкоторое время продолжался миръ, и герцогъ Альбрехтъ снова уѣхалъ въ Саксонiю, совершивъ въ Ливонiи многiе рыцарскiе подвиги.

Прим. перев. Эстонскiй замокъ Феллинъ (Филиндe въ Сакалѣ) былъ взятъ ливонцами въ 1210 г. (см. Приб. Сборн. I, стр. 156 и слѣд). Герцогъ Альбертъ (по Генриху Левенборгскiй, то-есть Лауэнбургскiй, по другимъ источникамъ Орламиндскiй, Гольштейнскiй и пр.) былъ племянникъ датскаго короля Вольдемара II, и прибылъ въ Ливонiю въ 1217 г. Про него Генрихъ пишетъ: „Его положилъ Господь въ колчанѣ своемъ, яко стрѣлу избранну, и послалъ въ оное время въ Ливонiю для освобожденiя своей церкви отъ супостатовъ ея" (эстонцевъ и русскихъ, которые въ это время съ особенною силою напирали на нѣмцевъ, и вынудили епископа Альберта обратиться, какъ сказано выше, за помощью къ датчанамъ. (См. Приб. Сб. I, стр. 208).

Большая битва, о которой говоритъ Рюссовъ, происходила 21 сентября, не далеко отъ Феллина (подробности о ней см. въ Пр. Сб. I, стр. 208). Магистръ Волквинъ и герцогъ Альбертъ дѣйствительно нанесли эстамъ сильное пораженiе.

Вторая большая битва происходила при деревнѣ Каретенѣ (въ рифмованной хроникѣ Каридаль), въ 1220 году; въ ней участвовалъ герцогъ не лауэнбургскiй, а Альбертъ-же, но герцогъ Саксенъ-ангальтскiй или Саксонскiй, какъ его называютъ Генрихъ и Рюссовъ.

9. *Волквинъ прiобрѣтаетъ Ревель.*

Съ тѣхъ поръ какъ магистръ Волквинъ со своимъ орденомъ начиналъ прiобрѣтать могущество въ Ливонiи, это сильно не нравилось датчанамъ въ Ревелѣ. Они стали изыскивать средства заставить магистра бездѣйствовать, съ тѣмъ чтобы имъ самимъ прiобрѣсти земли и стать твердой ногой въ Ливонiи. Поэтому они укрѣпили замокъ Ревель и, надѣясь на своего могущественнаго короля, который могъ имъ помочь, они придумали такую хитрость: они послали къ магистру подставнаго легата, какъ будто онъ посланъ папою; этотъ легатъ долженъ былъ объявить магистру отъ имени папы, чтобы магистръ велъ себя смирно, и болѣе не вредилъ

язычникамъ, и не безпокоилъ ихъ, развѣ если язычники нападутъ на христіанскія земли и нанесутъ имъ вредъ. По случаю такихъ извѣстій отъ легата, магистръ и весь христіанскій народъ пришли въ ужасъ и сильно огорчились, не зная, какъ это понимать, потому что папа самъ этотъ орденъ утвердилъ и опредѣлилъ ему свободно владѣть всѣмъ, что онъ отниметъ у язычниковъ и братья ордена сохранятъ эти пріобрѣтенія на вѣчныя времена какъ свободные землевладѣльцы. Но такъ какъ примѣтили, что съ легатомъ дѣло нечисто, то его такъ отправили, что онъ туда не пожелалъ болѣе возвратиться. Это побудило магистра Волквина отнять у датчанъ замокъ и городъ Ревель, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями, что онъ и совершилъ. Когда же магистръ Волквинъ положилъ конецъ датскому господству въ Ливоніи, то укрѣпилъ каменный замокъ и снабдилъ его высокими стѣнами и башнями, что мы имѣемъ передъ глазами до сего дня.

Прим. перев. Меченосцы овладѣли эстонскими датскими владѣніями въ 1226 г. Обстоятельство это служило поводомъ тевтонскому ордену отказывать меченосцамъ въ соединеніи орденовъ, потому что датчане не желали добровольно уступать меченосцамъ эстонскія земли, а тевтонскому ордену не было никакого расчета ввязываться въ войну съ Даніею, государствомъ въ то время далеко не слабымъ.

10. Завоеваніе Дерпта, 1230 г.

Въ то же самое время русскіе владѣли замкомъ Дерптомъ (который на ихъ языкѣ называется Юрьевъ городъ), съ прилежащими къ нему землями. И послѣ того, какъ христіане сдѣлали напрасную попытку овладѣть, то они просили мира у тѣхъ русскихъ въ Дерптѣ. Эти не хотѣли заключить мира, но оказали, по поводу своей крѣпости большую гордость и злобу, что чрезвычайно раздосадовало епископа Альбрехта, магистра Волквина и всѣхъ братьевъ ордена. Потому всѣ они тайно вооружились со всѣмъ стараніемъ, чтобы еще разъ попытать счастья противъ русскихъ въ Дерптѣ; къ нимъ примкнули епископъ Германъ уггенскій и графъ Альбрехтъ Орлемюндскій, прибывшіе служить ордену.

Когда всѣ они были вооружены, то отправились во всемъ сборѣ къ Ворцгерву и придвинулись быстро оттуда къ Дерпту, а Дерптъ въ то время не былъ каменнымъ городомъ или замкомъ, а только замкомъ изъ дерева и бревенъ, и былъ укрѣпленъ землянымъ валомъ отъ нападенія. Это нѣмцы хорошенько узнали впередъ. Но русскіе, по своему обычаю, отвѣчали надмѣнно и надѣялись получить помощь отъ Новгорода и Пскова. Нѣмецкіе же рыцари, замѣтивъ, что этотъ замокъ нельзя завоевать безъ большихъ силъ, начали его со всѣмъ стараніемъ штурмовать. И не смотря на то, что русскіе и эсты мужественно сопротивлялись и причинили нѣмцамъ

большой вредъ огнемъ и другими способами, нѣмцы ихъ всетаки, наконецъ, одолѣли и взяли замокъ штурмомъ, и всѣхъ находившихся въ немъ русскихъ и эстовъ вмѣстѣ съ княземъ того замка убили, и затѣмъ замокъ до тла сожгли и разрушили. Когда же вспомогательное войско пришло къ Пскову и узнало, что Дерптъ былъ взятъ такимъ образомъ, то всѣ они, печальные и огорченные, ушли назадъ. Христіане же очень возрадовались во всей странѣ о такой великой побѣдѣ. Случилось это въ 1230 году.

Прим. перев. Паденіе Юрьева произошло не въ 1230 году, какъ показано у Рюссова, а въ августѣ 1224 года, когда въ южной Россіи впервые появились татары.

Подробности взятія Юрьева изложены у Генриха въ XXVIII главѣ (Прib. Сб. I, стр. 265 и слѣд.).

Крестоносцы праздновали взятіе Юрьева какъ великое торжество; играли на свирѣляхъ и музыкальныхъ инструментахъ — говоритъ Генрихъ — съ боемъ въ литавры и возвратились въ Ливонію, славя Господа Бога за побѣду, яко благъ и въ вѣкъ милость Его.

Крестоносцы дѣйствительно имѣли полное право торжествовать, потому что Юрьевъ составлялъ для нихъ пунктъ первостепенной важности, безъ овладѣнія которымъ было немыслимо полное покореніе всей сѣверной части Ливоніи, обитаемой эстонцами, народомъ отважнымъ и далеко не такимъ покорнымъ, какими были латыши.

Не излишне здѣсь указать на значеніе Юрьева какъ для русскихъ, такъ и для епископа Альберта.

Съ давнихъ временъ, гораздо ранѣе прибытія нѣмецкихъ завоевателей, гораздо ранѣе XI столѣтія, быть можетъ даже ранѣе равноапостольнаго князя Владиміра, ливскія и латышскія племена, обитавшія въ придвинскихъ земляхъ вошли въ подчиненныя (а подчиненность въ тѣ времена выражалась данью) отношенія къ Полоцку, какъ эстонскія племена, населявшія нынѣшнюю эстляндскую губернію и сѣверные уѣзды лифляндской губерніи пришли въ связи и столкновенія съ новгородцами и ихъ младшими братьями псковичами. Новгородцы и псковичи ходили на чудь (эстонцевъ) за данью, брали дань, уводили полонъ, но и чудь не оставалась въ долгу: при всякомъ удобномъ случаѣ она нападала на новгородскія и псковскія деревни, предавая ихъ опустошеніямъ. Для удержанія чуди до нѣкоторой степени въ покорности, Ярославъ и основалъ въ 1030 г. укрѣпленный земляными валами городъ Юрьевъ (названный такъ по христіанскому имени этого князя), нынѣшній Дерптъ.

Тѣмъ не менѣе новгородцы не стали твердою ногою въ чудскихъ земляхъ: власть ихъ была больше номинальною, вліяніе на чудь весьма небольшое. Ни новгородцы, ни псковичи не утвердились въ Эстоніи, но и не могли утвердиться въ силу собственнаго своего безнарядья, вѣчныхъ ссоръ съ князьями и граждан между собою. Вѣчевое устройство Новгорода и Пскова обусловливало слабость и раздѣльность силъ этихъ своеобразныхъ республикъ, не

могло сообщить единства дѣйствій ни противъ чуди, ни противъ заграничныхъ пришельцевъ, когда ясно обнаружилось, что проповѣдь католичества равнозначительна полному покоренію земли.

Придвинскія земли ливовъ и латышей съ издревле находились въ подчиненіи князей полоцкихъ. Епископъ Альбертъ засталъ на Двинѣ два русскіе укрѣпленные города Кукейносъ (нынѣ Кокенгузенъ) и Герсикъ (нынѣ шлоссбергская усадьба — полумызокъ крейцбургскаго Ливенгофа). Что это подчиненіе несомнѣнно существовало, доказываетъ уже то обстоятельство, что Мейнгардъ, явившись въ Ливонію, началъ проповѣдь христіанства между ливами, получивъ на то дозволеніе полоцкаго князя. Епископъ Альбертъ, однакоже, не встрѣтилъ въ полоцкихъ князьяхъ опасныхъ для себя противниковъ вслѣдствіе отношеній, въ какихъ находились полоцкіе князья къ прочимъ русскимъ княжескимъ родамъ.

Извѣстно, что, по смерти Ярослава въ 1054 году, на Руси утвердилось княженіе цѣлымъ родомъ. Земли, занятыя первыми варяго-русскими князьями, раздѣлились между двумя линіями рюрикова дома: первую линію составило потомство Изяслава, старшаго сына св. Владиміра, вторую линію составило потомство Ярослава Владиміровича. Изяславъ получилъ отъ своего отца волость своего дѣда Рогволода—полоцкое княжество. Но Изяславъ умеръ еще при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, т. е. не будучи великимъ княземъ, потому и потомство его не могло двигаться къ старшенству и мѣнять волость, а должно было ограничиться одною полоцкою волостью, которая и была утверждена за нимъ Ярославомъ. Внуки Рогволода явились такимъ образомъ отдѣленными отъ ярославичей, и полоцкое княжество явилось предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Силы эти и безъ того небольшія постоянно ослаблялись усобицами полоцкихъ князей между собою и ярославичами, ссорами съ горожанами, еще же болѣе хищническими набѣгами литовцевъ.

Полоцкіе князья рѣшительно были не въ силахъ бороться съ крестоносцами и стоявшимъ во главѣ ихъ епископомъ Альбертомъ, человѣкомъ необыкновенно энергическимъ и дѣятельнымъ. Слабостью полоцкихъ князей вполнѣ объясняется почему русскіе сами бросили Кукейносъ въ 1208 году, почему овладѣніе Герсикомъ произошло безъ особенныхъ большихъ трудовъ для крестоносцевъ, почему полоцкій князь не могъ принудить Альберта платить условленную дань за ливовъ, обращенныхъ въ католичество.

Слабость полоцкаго княжества, совершенное отсутствіе всякаго единства въ дѣйствіяхъ новгородцевъ, псковичей и полочанъ послужило въ пользу крестоносцевъ, способствовали ихъ успѣхамъ несравненно больше, чѣмъ превосходство ихъ вооруженія и военнаго искуства предъ тогдашними русскими.

Съ 1212 года, когда крестоносцы начали наступать на нынѣшніе сѣверные уѣзды Лифляндской губерніи, эстонцы ищутъ союза съ русскими и вмѣстѣ съ ними начинаютъ войну съ пришельцами, центромъ всѣмъ противниковъ латинства и крестоносцевъ является Юрьевъ, гдѣ съ 1208 года начальникомъ сдѣлался Вячко,

бывшій кокенгузенскій князь, самый непримиримый и самый заклятый врагъ латинства и крестоносцевъ. Все, что было недовольно пришельцами бѣжало къ Вячку въ Юрьевъ. Епископъ Альбертъ отлично понималъ, что такое значитъ Вячко и Юрьевъ для некрещеныхъ въ католичество ливовъ, латышей и эстонцевъ, отлично понималъ, что крестоносцамъ не удержаться въ Ливоніи при совмѣстномъ дѣйствіи противъ нихъ русскихъ и туземныхъ эсто-латышскихъ племенъ, если не подорвать ихъ силъ въ корнѣ.

Овладѣть Юрьевымъ, какъ центромъ всего враждебнаго крестоносцамъ, овладѣть во чтобы то ни стало и было задумано и исполнено Альбертомъ. На овладѣніе Юрьевымъ двинуты были всѣ силы, какими только располагали пришельцы въ Ливоніи: въ походъ пошли всѣ меченосцы, пришлые крестоносцы, купцы и граждане рижскіе, крещеные ливы и леты. 15 августа 1224 г. Юрьевъ былъ осажденъ и палъ, не поддержанный ни полочанами, ни псковичами, ни новгородцами. Всѣ мущины въ Юрьевѣ были умерщвлены, за исключеніемъ слуги князя суздальскаго; ему дали лошадь и отправили въ Новгородъ донести о судьбѣ Юрьева, а новгородскій лѣтописецъ записалъ: „того же лѣта убиша князя Вячка нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взяша".

Послѣдствія паденія Юрьева оказались въ высшей степени благопріятными для Альберта и ордена (см. Приб. Сб. I, стр. 208): эзилійцы въ томъ же 1224 г. освободили изъ плѣна брата епископа Теодориха, викцы изъявили покорность и заплатили двойную дань, варбольцы, а также вирландцы и гервенійцы, также покорились, и поднесли епископу и господамъ дань и подарили лошадей. Послы псковскіе и новгородскіе также явились въ Ригу, „просили того, что служитъ къ миру (см. тамъ же, стр. 270) и приняли ихъ рижане — говоритъ Генрихъ — и заключили миръ съ ними и заплатили русскимъ дань, которую они всегда имѣли въ Толовѣ. Толовскихъ же латышей рижскій епископъ подѣлилъ со своими братьями рыцарства; епископъ взялъ себѣ двѣ части, а третью предоставилъ братьямъ рыцарства".

Здѣсь не излишне замѣтить, что православіе начало распространяться въ средѣ эстонскихъ и латышскихъ язычниковъ еще до прибытія Мейнгарда. Толовскіе латыши были православными (см. Приб. Сб. I, стр. 184); сыновья старшины ихъ Талибальда перешли въ католичество въ 1214 г.

Съ паденіемъ Юрьева, бывшаго центромъ православія въ чудскихъ земляхъ, православіе совершенно исчезаетъ между туземнымъ латышскимъ населеніемъ.

11. *Покореніе эстовъ. Епископство дерптское.*

Когда же эсты, эзельцы и другіе, отпавшіе отъ христіанъ, услышали о случившемся въ Дерптѣ, то они весьма испугались и въ большомъ страхѣ прислали просить пощады у епископа Альбрехта, опять освободили всѣхъ христіанъ, какіе у нихъ находились и предлагали вдвойнѣ уплатить подать, которую задерживали.

После того эсты повсюду должны были собираться и кроме церквей и обителей строить свои собственные дома и деревни; и все те, которые до сихъ поръ долгое время скрывались въ дикихъ местахъ, должны были выйти, чтобы безпрепятственно возделывать свои нивы, чего они не делали уже многие годы. Те же эсты, кои честно вели себя въ отношении немцевъ, освобождены отъ дани и дворовой службы. Отсюда свободные люди получили свое начало въ Ливонии, и многие изъ нихъ пользуются этой свободой понынѣ.

Когда же во всей Эстонии водворился прочный миръ, тогда епископъ Германъ угенский снова началъ строить раззоренный замокъ Дерптъ изъ камня и извести, и окончилъ его такимъ, какимъ онъ стоитъ теперь, и перенесъ туда свой столъ. Новый домъ или замокъ Дерптъ епископъ Германъ поручилъ четыремъ мужамъ, которыхъ онъ тамъ посадилъ главноначальниками, именно своему родному брату Дидериху, Энгельбрехту Тизенгаузену, Гельмольду Люпенборгскому и старому владѣльцу Даленскому. Соборъ въ Дерптѣ онъ основалъ на Эмбекѣ и назначилъ въ него настоятелемъ своего брата Отмара и отдалъ ему въ ленное владѣние много деревень. Тогда епископство угенское лишилось этого имени и сталъ называться дерптскимъ епископствомъ. Соборныхъ священниковъ въ Дерптѣ называли въ то время канониками и регулярами. Этотъ епископъ дерптский Германъ выстроилъ также много монастырей и обителей, къ тому-же еще и монастырь Фалькена, и жилъ довольно долгое время; и когда онъ совершилъ путешествие въ Римъ и ему минуло 77 лѣтъ и онъ ослѣпъ, тогда онъ вступилъ монахомъ въ монастырь Фалькена и окончилъ тамъ свою жизнь; онъ еще при жизни передалъ епископство нѣкоему Александру, котораго онъ выписалъ изъ дальнихъ земель. Это былъ второй епископъ дерптский.

Прим. перев. Послѣдствия падения Юрьева были дѣйствительно тѣ, какия указаны здѣсь Рюссовымъ. Епископъ эстонский Германъ (см. Приб. Сб. I, стр. 231) былъ задержанъ датскимъ королемъ и не былъ пропускаемъ въ Ливонию до самаго того времени, когда Генрихъ Черный Шверинский взялъ въ плѣнъ короля 7-го мая 1223 г. на островѣ Лэе у Фюнена и увелъ его въ Саксонию (король Вольдемаръ пробылъ въ плѣну до 21-го декабря 1225 г). Епископъ Альбертъ вмѣстѣ съ Германомъ эстонскимъ отправились (лѣтомъ 1224 г. до осады еще Юрьева) къ плѣнному королю и пришли, наконецъ, къ соглашению на счетъ того, кому владѣть приобрѣтенными землями въ Ливонии: почти вся нынѣшняя Эстляндская губерния осталась за датчанами, Унгаунию отдали епископу Герману, меченосцы получили Саккалу, а Викъ съ семью килегундами достался рижскому епископу.

Послѣ падения Юрьева и гибели Вячки, который со своими юрьевцами былъ петлею — говоритъ Генрихъ — и сущимъ дьяволомъ для окрестныхъ эстовъ (вѣрнѣе для всѣхъ латинянъ), епископъ

Германъ отправился въ Унгаунію и прежде всего началъ строить замокъ Одемпэ. Его ближайшіе подвижники указаны у Рюссова совершенно вѣрно: Энгельбертъ Тизенгаузенскій, Гельмгольдъ Люнебургскій, Іоганъ Даленскій и родной братъ епископа Теодорихъ (Дитрихъ, Дидерихъ) получили земли въ ленное владѣніе. Они были первыми вассалами дерптскаго епископства. На мѣсто выжженнаго и разореннаго Юрьева, Германъ заложилъ каменный замокъ, нынѣшній Дерптъ, построилъ здѣсь соборъ и монастырь. Сюда то въ новый замокъ и монастырь Германъ перенесъ епископскую каѳедру; съ этого времени и слѣдуетъ считать основаніе дерптскаго епископства: епископъ Германъ съ этого времени сталъ именоваться не эстонскимъ, а уже дерптскимъ.

12. Графъ Арнштедъ.

Около этого времени прибылъ въ Ливонію также графъ Арнштедъ изъ Тюрингіи со многими пилигримами, который вмѣстѣ съ магистромъ Волквиномъ разбилъ эзельцевъ у Винтергартена, убилъ около 2,300 человѣкъ, молодыхъ и старыхъ, покорилъ эзельцевъ и привелъ ихъ въ повиновеніе. Послѣ такой побѣды магистръ Волквинъ двинулся съ пилигримами въ Семигалію, и также покорилъ эти народы, и убилъ изъ нихъ за одинъ разъ 1,600 человѣкъ. Тутъ же, при этомъ сраженіи легло болѣе 300 христіанъ. Послѣ того семигалы снова вооружились противъ магистра и дали ему сраженіе, въ которомъ семигалы снова были побѣждены и потеряли болѣе 500 человѣкъ, и христіанъ также убито 200.

Послѣ того возстали литовцы и собрали огромную толпу народа противъ магистра. Магистръ же и графъ Тюрингскій со своими пилигримами также ополчились. Тогда сражались съ большимъ жаромъ съ обѣихъ сторонъ такъ, что убито литовцевъ болѣе 2,000, а изъ людей магистра 600. Однако, за нѣмцами осталось поле битвы и имъ достались въ добычу около 1,500 лошадей. Послѣ этого графъ отправился со своими пилигримами обратно домой, въ свою землю, послѣ того какъ честно потрудился для христіанъ.

Прим. перев. Эзельскій походъ, о которомъ разсказываетъ здѣсь Рюссовъ, происходилъ вотъ по какому случаю:

Послѣ соглашенія Альберта съ королемъ датскимъ, паденія Юрьева и относительнаго успокоенія Ливоніи, епископъ Альбертъ (см. Приб. Сборн. I, стр. 272) послалъ къ папѣ Гонорію III-му священника Маврикія просить о присылкѣ въ Ливонію легата отъ апостольскаго престола для опредѣленія отношеній церкви и ордена въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, для улаженія различныхъ спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ при дѣлежѣ земель, вообще для устройства страны.

Папа избранъ сѣвернымъ легатомъ для Ливоніи и Пруссіи, Семигаліи, Самланда и Курляндіи, Эстоніи, Вирланда, Готланда и Рюгена своего вице-канцлера, епископа (съ 1222 года) моденскаго Вильгельма

(савойца родомъ, бывшаго монаха картезіанскаго ордена), и далъ ему 31 декабря 1224 года обширныя полномочія.

Епископъ Вильгельмъ, въ сопровожденіи пилигримовъ и многочисленной свиты, прибылъ въ Ригу 1 іюня 1225 г., объѣздилъ почти всю Ливонію, и исполнилъ порученіе папскаго престола съ большимъ тактомъ и умѣньемъ: онъ далъ нарядъ землѣ, устроилъ церковь, опредѣлилъ по возможности отношенія между побѣдителями и побѣжденными, опредѣлилъ дѣлежъ земель между епископомъ, орденомъ и городомъ Ригою и пр.

Епископъ Вильгельмъ пробылъ въ Ливоніи до весны 1226 года и, когда открылась навигація, на кораблѣ отправился изъ Риги въ Готландъ. Въ ожиданіи попутнаго вѣтра, его корабль долго не выходилъ въ открытое море, и тутъ то онъ узналъ (неизвѣстно, впрочемъ, чрезъ кого и отъ кого), что озилійцы (эзельцы), славившіеся морскими разбоями, напали на Швецію, страшно разорили страну (см. Приб. Сборн. I, стр. 279), и съ награбленнымъ полономъ возвратились домой на свой островъ, продавая плѣнныхъ женщинъ куронамъ, такимъ же отчаяннымъ морскимъ разбойникамъ, какими были сами. По прибытіи въ Готландъ, епископъ объявилъ крестовый походъ на эзельскихъ разбойниковъ. Зимою 1226 г. начатъ походъ, а въ январѣ 1227 г. крестоносцы (исключительно нѣмцы), и съ ними епископъ Альбертъ и Волквинъ, перешли по льду на Эзель и осадили замокъ Монъ. Эзельцы отчаянно защищались, но крестоносцы 3 февраля все-таки овладѣли Мономъ и сожгли его до тла, за тѣмъ двинулись во внутрь острова на замокъ Валдію. Валдійцы покорились безъ боя и запросили крещенія. Священники (см. Приб. Сборн. I, стр. 282) вошли въ замокъ, освятили колодезь, находившійся по срединѣ замка, наполнили водою бочку, окрестили прежде всего старшинъ и знатныхъ озилійцевъ, потомъ другихъ мущинъ и женщинъ, крестили и мальчиковъ. И насталъ — говоритъ Генрихъ — большой натискъ мущинъ и женщинъ, которые съ утра до вечера кричали: «скорѣй меня крестите!» такъ что сами священники, коихъ было пять, а потомъ шесть, устали отъ труда крещенія.

Папа, 5 мая 1227 г., поставилъ новокрещеныхъ эзельцевъ подъ кровъ св. Петра, а въ началѣ 1228 года динаминдскій абатъ Готфридъ Наумбургскій былъ посвященъ въ епископы Эзеля. Съ этаго времени и начинаетъ свое существованіе епископство эзельское. Къ нему впослѣдствіи было присоединено леальское епископство, т. е. викскій округъ, отдѣленное отъ епископства дерптскаго.

Походъ въ Курляндію, о которомъ упоминаетъ въ этой статьѣ Рюссовъ, былъ предпринятъ по слѣдующему случаю:

18 августа 1228 г. куроны и семигалы напали на Динаминдъ, ограбили тамошній монастырь и умертвили находившихся тамъ монаховъ. Въ отомщеніе за это, Волквинъ съ пилигримами вступилъ въ Семигалію, разбилъ язычниковъ и овладѣлъ ихъ землями. Изъ покоренныхъ земель тогда составилось курляндское епископство, первымъ епископомъ котораго является Энгельбертъ. Съ этого времени начинается

окончательное покореніе Курляндіи, съ жителями которой меченосцы и епископъ Альбертъ имѣли уже неоднократныя непріязненныя столкновенія (см. Приб. Сборн. I, стр. 222 и слѣд.).

Вступивъ въ Курляндію, меченосцы придвинулись къ литовскимъ землямъ, и стали ближайшими сосѣдями литовцевъ, народа въ то время дикаго, жившаго по преимуществу грабежемъ и хищничествомъ и простиравшаго свои набѣги на сравнительно огромныя пространства, такъ какъ ихъ разбойничьи шайки, всегда неожиданно, доходили иногда до Финскаго залива, доходили до Пскова, Новгорода и Смоленска, и до приднѣпровскихъ земель къ Кіеву. Плано-Картени, проѣхавшій чрезъ кіевскую область въ 1245 году, говоритъ, что онъ во все продолженіе пути находился въ безпрестанномъ страхѣ предъ литовцами.

Съ 1229 года, Курляндія является главнымъ полемъ дѣятельности меченосцевъ, тутъ начинается кровавая борьба съ курляндскими латышами и литовцами. Древняя съ незапамятныхъ временъ и неизвѣстно отчего существовавшая вражда между курляндскими латышами и литовцами раздѣлила эти два родственныя между собою племени. Въ силу этой вражды латыши и литовцы не съумѣли сообщить единства своимъ дѣйствіямъ противъ ордена, и тѣмъ облегчили ему покореніе всѣхъ земель по лѣвому берегу Двины, начиная отъ Динабурга до Мемеля.

13. Кончина магистра Волквина, 1238 года. Похвала времени.

Послѣ того времени, въ Ливонію прибыли графъ Данненбергскій и дворянинъ Іоганъ Газельдерпъ со многими пилигримами, чтобы сражаться съ врагами христіанъ. Магистръ Волквинъ также ополчился со своими людьми и, собравъ свои наибольшія силы, выступилъ въ походъ совмѣстно съ графомъ и пилигримами, и затѣмъ двинулся въ Литву со множествомъ народа. Литовцы же также были ополчены и сразились съ магистромъ. Тогда христіанское войско было уничтожено, и магистръ Волквинъ и графъ Данненбергскій также убиты въ этомъ сраженіи, вмѣстѣ съ 58 братьями ордена и многими пилигримами. Случилось это въ 1238 году. Такимъ образомъ окончилъ свою жизнь этотъ достохвальный магистръ, послѣ 15 лѣтняго правленія, совершивъ много добрыхъ дѣлъ и испытавъ многія невзгоды во время своего управленія.

Во времена же епископа Альбрехта въ Ригѣ и магистра Волквина, въ Ливонію пріѣзжали не только герцогъ Альбрехтъ Саксонскій, графъ Альбрехтъ Орлемюндскій, графъ Арнштедскій изъ Тюрингіи и графъ Данненбергскій, но тогда и послѣ того времени пріѣзжали еще многіе государи, какъ-то: Вальдемаръ, король датскій, Барнимъ, князь померанскій, нѣсколько графовъ гольштинскихъ, стадскихъ, ольденборгскихъ, фонъ деръ липпе и другіе многіе графы и дворяне, которые не изъ за своей пользы, а ради всего любезнаго

христіанства, чтобы доставить ему наилучшее благосостояніе, прибыли въ Ливонію, совершая дальній путь водою и сушей, при великихъ опасностяхъ, и приносили великую рыцарскую помощь епископамъ и магистрамъ, предлагая имъ свое имущество и кровь, и обратили бѣдныя языческія земли въ христіанство.

Прим. пер. Епископъ Альбертъ кончилъ свою тревожную, дѣятельную жизнь 27 янв. 1229 г. въ основанной имъ Ригѣ и былъ похороненъ въ рижскомъ соборѣ, имъ же построенномъ и существующемъ по нынѣ (рижскій соборъ (Domkirche) строился 10 л. и былъ вполнѣ готовъ къ 1210 г. Стоитъ взглянуть на эту огромную, не лишенную красоты и величія постройку, чтобы подивиться дѣятельности знаменитаго епископа. Для возведенія въ теченіе 10 лѣтъ такаго зданія, какъ рижскій соборъ съ прилегающимъ къ нему обширнымъ монастырскимъ трехъ - этажнымъ зданіемъ, надобно было располагать значительно большими деньгами, а такъ какъ весь строительный матеріалъ, какъ то: кирпичь, известь, желѣзо и проч. приходилось привозить моремъ изъ за границы, изъ за границы же привозить мастеровыхъ и рабочихъ, то задача строителя усложнялась этимъ до крайности. Откуда Альбертъ добывалъ деньги на работы — неизвѣстно, но, конечно, сборами и пожертвованіями въ Германіи, куда онъ ежегодно ѣздилъ какъ за пилигримами, такъ и именно за этими сборами. Какъ бы то ни было, но онъ добывалъ деньги и притомъ значительныя деньги, потому что, кромѣ собора и другихъ необходимыхъ зданій въ новооснованномъ городѣ, Альберту нужно было окружать Ригу стѣною, а такая работа, которую онъ также выполнилъ въ сравнительно короткое время, не могла стоить дешево).

Рижскій капитулъ, въ силу предоставленнаго ему папою Иннокентіемъ III 1 декабря 1223 г. права выбора епископа, избралъ 29 апрѣля 1229 г. рижскимъ епископомъ магдебургскаго каноника Николая, который вступилъ въ управленіе рижскимъ епископствомъ и вообще Ливоніею съ 1231 года.

При жизни этого-то епископа погибъ Волквинъ, но только не въ 1238 году, какъ показано у Рюссова, а 22 сентября 1236 г. (см. выше лѣтопись Вартберга, стр. 91). Меченосцы въ этотъ день были на голову разбиты литовцами, а слѣдствіемъ ихъ пораженія было избіеніе всего духовенства новооснованнаго курляндскаго епископства, всѣхъ христіанъ, и отпаденіе отъ христіанства всѣхъ крещеныхъ куроновъ.

14. Конецъ ордена меченосцевъ, 1238 г

Этотъ магистръ Волквинъ, при жизни своей, въ 1234 г., началъ хлопотать у великаго магистра въ Пруссіи, Германа Зальца, и у всего тевтонскаго ордена о принятіи въ братство тевтонскаго ордена всѣхъ меченосцевъ въ Ливоніи, что не могло состоятся такъ скоро, по случаю вмѣшательства короля датскаго, который имѣлъ претензіи къ братіи меченосцевъ изъ за города Ревеля и принадлежавшихъ къ

нему земель. Наконецъ, однако же, послѣ многократныхъ просьбъ магистра и послѣ долгаго обсужденія этого предложенія прусскими рыцарями ордена и также потому, что у нихъ послѣдовало соглашеніе съ королемъ датскимъ, были они приняты въ тевтонскій орденъ и слились съ нимъ, что и подтверждено и скрѣплено папой Григоріемъ XI, въ 1238 году, въ то самое время, когда былъ убитъ магистръ Волквинъ.

Прим. перев. Рюссовъ не упоминаетъ, что ходатайство о соединеніи орденовъ началось еще съ 1229 года, чуть лишь тевтонскій орденъ появился въ Пруссіи и возобновилось съ 1234 года, послѣ того какъ новгородскій князь Ярославъ (см. вступленіе стр. VII и 135 стр. этаго тома) нанесъ меченосцамъ сильное пораженіе и принудилъ ихъ заключить миръ на всей его, князя Ярослава, правдѣ. Сліяніе орденовъ произошло и утверждено буллою папы Григорія IX отъ 14 мая 1237 г.

ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ РЮССОВА
часть II-я,

отъ перваго магистра тевтонскаго ордена въ Ливоніи до послѣдняго.

СОДЕРЖАНІЕ. Германъ Балкъ. Гинрихъ фонъ Геймборгъ. Дидерихъ фонъ Гренингенъ. Андрей фонъ Стукландъ. Эвергардъ, графъ Зейненскій. Анно фонъ Зангергузенъ. Борхартъ фонъ Горнгузенъ. Юргенъ фонъ Эйкштатъ. Вернеръ фонъ Брейтгузенъ Конрадъ фонъ Мандернъ. Отто фонъ Роденштейнъ. Андрей. Вольтеръ фонъ Нордекъ. Эрнстъ фонъ Расборгъ Конрадъ фонъ Фухтеванге. Виллекенъ фонъ Шурборгъ. Конрадъ фонъ Гертогенштейнъ. Больто фонъ Гогенбахъ. Гинрихъ фонъ Думпесгагенъ Бруно. Готфридъ. Конрадъ фонъ Іоке. Эвергардъ фонъ Монгеймъ. Борхардъ фонъ Дрейлеве. Госвинъ фонъ Эркъ. Арнольдъ фонъ Фитингофъ. Вильгельмъ фонъ Фримерзенъ. Лобе фонъ Ульзенъ. Вольдемаръ фонъ Бриггеней. Конрадъ фонъ Фитингофъ. Дидерихъ Тиркъ. Сивертъ Ландеръ фонъ Шпангеймъ. Цизе фонъ Рутенбергъ. Франко фонъ Керсдорпъ. Гинрикъ Шунгель фонъ Букенорде. Гейденрикъ Финкъ фонъ Аверберге. Іоганнъ Остгофъ фонъ Менгденъ. Іоганъ фонъ Вольдгузенъ. Бернгардъ фонъ деръ Борхъ. Іоганнъ Фридахъ фонъ Лоринкгофъ. Вольтеръ фонъ Плетенбергъ. Германъ фонъ Бриггеней. Турниръ въ Ревелѣ. Споры между ревельцами и дворянствомъ. Споры купцовъ съ ремесленниками. Пожаръ въ Ригѣ. Плясуны на канатѣ въ Ревелѣ. Іоганъ фонъ деръ Реке. Доброе старое время въ Ливоніи. Гинрихъ фонъ Галенъ. Ревель и Любекъ разлучаются. Пожаръ въ Ревелѣ. Переговоры съ московитами. Отношенія къ Швеціи. Ландтагъ въ Перновѣ. Знаменіе кометы. Келарь Терпигоревъ въ Дерптѣ. Война между орденомъ и архіепископомъ Вильгельмомъ. Вильгельмъ фонъ Фэрстенбергъ. Поводы къ русской войнѣ. Начало войны съ русскими. Легкомысліе ливонцевъ. Новые переговоры. Потеря Нарвы и слѣдствія этого. Русскіе осаждаютъ Везенбергъ. Суетность везенбергцевъ. Потеря Дерпта и конецъ епископства. Какъ потеряны замки. Нужда въ Ревелѣ. Краткій экстрактъ о причинахъ московитской войны противъ Ливоніи. Готгардъ Кетлеръ. Нѣмецкіе послы отправляются въ Россію. Татарскіе послы въ Ливоніи. Какъ уничтожилась ревельская торговля. Эзельское и курляндское епископства дѣлаются датскими. Русскіе овладѣваютъ

Маріенборгомъ. Герцогъ Магнусъ Гольштейнскій. Русскіе въ Гарригенѣ. Пораженіе нѣмцевъ у Эрмиса. Ландтагъ въ Перновѣ, паденіе Феллина, плѣнъ Фюрстенберга. Русскіе предъ Венденомъ и Вольмаромъ. Ольденбокемъ спасаетъ Витенштейнъ. Русскіе въ Викѣ. Схватки предъ Ревелемъ. Бунтъ крестьянъ. Ревель передается шведамъ. Безсиліе магистра. Конецъ ордена. 1238 — 1561 г.

---

1. Германъ Балкъ, первый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1231 — 45 г.

Послѣ того какъ магистръ Волквинъ совершилъ много рыцарскихъ подвиговъ въ Ливоніи вмѣстѣ съ епископомъ Альбрехтомъ и, наконецъ, достигъ въ Пруссіи у нѣмцевъ того, что орденъ меченосцевъ въ Ливоніи долженъ былъ быть принятымъ въ составъ тевтонскаго ордена и слиться съ послѣднимъ, и послѣ того какъ самъ онъ палъ въ сраженіи и не могъ вступить въ тевтонскій орденъ: то послѣ его смерти былъ избранъ первымъ магистромъ (провинціальнымъ магистромъ) тевтонскаго ордена въ Ливоніи въ 1238 г. Германъ Балкъ, коего нѣкоторые называютъ Германъ Фальке (соколъ) можетъ быть ради его славныхъ подвиговъ, и который былъ передъ тѣмъ 7 лѣтъ ландмаршаломъ въ Пруссіи. Этотъ магистръ первый принесъ съ собою въ Ливонію одѣяніе тевтонскаго ордена, въ которое былъ облеченъ. Тогда окончилъ свое существованіе орденъ меченосцевъ въ Ливоніи, и получило начало новое братство тевтонскаго ордена.

Во времена этого магистра, по волѣ императора Фридриха II, и чрезъ переговоры папы Григорія IX, который имѣлъ тогда въ Ливоніи пышно обстановленнаго легата, городъ Ревель со всѣми принадлежавшими къ нему землями уступленъ снова добровольно, но неохотно, королю датскому. Въ замѣнъ того король датскій посвятилъ и подарилъ на вѣчныя времена тевтонскому ордену въ Ливоніи всю землю Іервенъ и послалъ также ордену уважительное войско на помощь противъ язычниковъ; съ этимъ войскомъ магистръ Германъ Балкъ ополчился противъ русскихъ, которые постоянно наносили большой вредъ ордену, а въ особенности епископу Герману дерптскому, изъ за отнятаго у нихъ дерптскаго замка. Изъ за этого магистръ двинулся въ Россію съ большимъ войскомъ и подступилъ къ Изеборгу (Изборскъ) и тамъ сразился съ русскими, многихъ изъ нихъ убилъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Послѣ того магистръ и епископъ Германъ дерптскій со всѣмъ войскомъ стали лагеремъ подъ русскимъ городомъ Псковомъ и хотѣли штурмовать городъ. Но русскіе въ Псковѣ пожелали мира и предложили сдаться ордену, что и случилось съ согласія Герполька, русскаго князя. Тогда замокъ и городъ Псковъ, оба были переданы магистру, и магистръ размѣстилъ въ замкѣ и въ городѣ братьевъ ордена и христіанъ, и всѣ вмѣстѣ хвалили и благодарили Бога за великое одолѣніе, и послѣ того воз-

вратились обратно въ Ливонію. Но Александръ, князь новгородскій, снова отнялъ Псковъ отъ ордена, въ лѣто 1244. Христіане, хотя и оборонялись рыцарски, однако, должны были, наконецъ, уступить. Тогда было убито 70 братьевъ ордена и много нѣмцевъ, а 6 братьевъ взяты въ плѣнъ и замучены до смерти. Этотъ магистръ правилъ 6 лѣтъ и скончался въ 1245 году.

Прим. переводч. По сліяніи орденовъ, главный капитулъ тевтонскаго ордена избралъ ливонскимъ провинціальнымъ магистромъ брата Германа Балка, который въ срединѣ 1237 г. прибылъ въ Ригу въ сопровожденіи 60 превосходно вооруженныхъ рыцарей. Съ Балкомъ прибылъ Дитрихъ фонъ Греннигенъ (Греннигенскій). Онъ засталъ здѣсь папскаго легата, того самаго Вильгельма, который уже былъ въ Ливоніи въ 1226 г.

Разсказъ Рюссова о Германѣ Балкѣ весьма разнится отъ показаній Вартберга (см. выше стр. 91 и 92). Балкъ вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ срединѣ 1237 года и позаботился прежде всего уладить отношенія къ Даніи на основаніяхъ акта о сліяніи орденовъ. Онъ уступилъ обратно датскому королю Ревель съ принадлежащими къ нему землями, и хотя получилъ отъ этого короля въ видѣ милостиваго дара округъ Іервенскій, но, кажется, что сдѣлка съ датчанами крайне непонравилась бывшимъ меченосцамъ, по крайней мѣрѣ Вартбергъ пишетъ, что Балкъ покинулъ Ливонію, вслѣдствіе неудовольствій съ рыцарями, оставивъ своимъ замѣстителемъ Дитриха фонъ Греннигена. Въ которомъ именно году Балкъ покинулъ Ливонію — съ точностію неизвѣстно, но едва ли не въ августѣ 1238 г., потому что 1 августа легатъ Вильгельмъ изъ Риги отправился въ Ревель, чтобы присмотрѣть на мѣстѣ за приведеніемъ въ исполненіе соглашенія съ датчанами. Изъ Ревеля отправился легатъ въ Пруссію. Балкъ умеръ 5 марта 1239 г., и въ томъ же мѣсяцѣ, именно 19 марта, умеръ и великій магистръ тевтонскаго ордена знаменитый Германъ фонъ Зальца, четвертый по порядку орденскій магистръ и основатель могущества тевтонскаго ордена.

Дитрихъ фонъ Греннигенъ оставался замѣстителемъ магистра два года, 1239 и 1240 г. Онъ и епископъ Германъ дерптскій, а не Балкъ, начали войну съ Псковомъ въ септябрѣ 1240 года (см. выше стр. 135). Война была очень удачна для ливонцевъ; войсками, однако, предводительствовалъ не Греннигенъ, а рижскій командоръ Андрей фонъ Фельфенъ (Фельфенскій), такъ какъ самъ Греннигенъ отправился въ Венецію на выборъ великаго магистра тевтонскаго ордена вмѣсто Зальцы. Рыцари и орденское войско взяли Псковъ, который и сдался имъ, но не съ согласія воеводы Герполька (Гаврилы Гориславича), потому что этотъ воевода погибъ при попыткѣ выручить изъ осады Изборскъ, а скорѣе съ согласія псковскихъ же измѣнниковъ, изъ которыхъ псковскій лѣтописецъ называетъ какого то Твердилу Ивановича, правившаго Псковомъ вмѣстѣ съ орденскими братьями до самаго того времени, когда Александръ Невскій сталъ въ началѣ 1242 года подъ Псковомъ и взялъ

его штурмомъ, при чемъ погибло 70 рыцарей со множествомъ простыхъ орденскихъ ратниковъ.

Въ 1241 году, какъ пишетъ Вартбергъ, магистромъ въ Ливоніи былъ бывшій рижскій командоръ Андрей фонъ Фельфенъ, а Дитрихъ Грёнингенъ остался, по прежнему, замѣстителемъ. Во время магистерства Фельфена произошло 5 апрѣля 1242 г. ледовое побоище на Псковскомъ озерѣ (см. выше стр. 136). — Александръ Невскій разбилъ ливонцевъ на голову, послѣ чего магистръ послалъ въ Новгородъ пословъ мириться съ русскими. Ливонцы отступились отъ всѣхъ своихъ завоеваній (Воть, Лугу, Псковъ, Летголу).

Андрей фонъ Фельфенъ былъ магистромъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1245 г.

2. *Гинрихъ фонъ Геймборгъ, второй магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1245 — 47 г.*

Въ 1245 г. великій магистръ прусскій назначилъ магистромъ въ Ливонію Генриха фонъ Геймборга. Во времена этого магистра правилъ Николай, четвертый епископъ рижскій, который выстроилъ въ Ригѣ монастырь босоногихъ — монаховъ. Этотъ магистръ просилъ увольненія отъ своей должности по слабости здоровья, послѣ двухъ лѣтъ правленія.

Прим. перев. Гинрихъ фонъ Геймборгъ (по Вартбергу Генрихъ фонъ Гиппенборгъ, Гинненбергскій) былъ ливонскимъ магистромъ съ 1245 по 1250 годъ. Дитрихъ фонъ Грёнингенъ, по свидѣтельству Вартберга, оставался и при немъ замѣстителемъ, какъ и при его предшественникѣ Андреѣ Фельфенскомъ.

3. *Дидерихъ фонъ Грёнингенъ, третій магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1247 — 50 г.*

Въ 1247 году великій магистръ прусскій Конрадъ, ландграфъ тюрингенскій, прислалъ въ Ливонію другаго магистра, по имени Дидериха фонъ Грёнингена, который ополчился со множествомъ народа противъ куроновъ, двинулся въ ихъ землю и. убивъ многихъ изъ нихъ, оставался нѣкоторое время въ ихъ странѣ, гдѣ выстроилъ Гольдингенъ и Амботенъ, и оставивъ много своего народа въ этихъ замкахъ, приказалъ всюду объявить куронамъ, что всѣмъ тѣмъ, которые чрезъ крещеніе примутъ христіанство и которые подчинятся ордену и захотятъ платить ему дань -- будетъ дарована жизнь. Но они неохотно хотѣли креститься, такъ что объ этомъ было много ссоръ, и многіе братья ордена были убиты прежде, нежели куроновъ могли покорить и обратить въ христіанскую вѣру.

Куроны, замѣтивъ какъ строго поступаетъ орденъ, присоединились къ Миндову, литовскому князю, и совершенно отдались ему, а онъ былъ также врагомъ христіанъ. Этотъ князь собралъ множе-

ство народу и двинулся со всѣми своими силами въ Куронію къ Амботену. Тогда магистръ и Бервартъ, маршалъ, сдѣлали засаду со своими людьми въ лѣсу, и когда литовцы хотѣли штурмовать амботенскій бургъ и не остереглись магистра, тогда магистръ и маршалъ внезапно на нихъ напали. Литовскій князь обратился въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ, и при этомъ бѣгствѣ было убито болѣе 1,500 литовцевъ, многіе взяты въ плѣнъ и отнятъ весь ихъ обозъ. У христіанъ же убито только 4 брата ордена и 10 иныхъ людей. Послѣ такой побѣды магистръ занялъ укрѣпленныя мѣста страны и еще болѣе ихъ укрѣпилъ, что стоило многихъ трудовъ, много братьевъ ордена при этомъ лишились жизни. Послѣ трехлѣтняго управленія, магистръ Дидерихъ отказался отъ дальнѣйшаго управленія, и впослѣдствіи великій магистръ отправилъ его легатомъ къ папѣ по дѣламъ ордена.

Примѣч. перев. Дитрихъ или Дидерихъ Греннингенъ дѣйствительно снова покорилъ Курляндію, которая, послѣ гибели Волквина въ 1236 году, отложилась отъ христіанства, и дѣйствительно выстроилъ въ Курляндіи — Гольдингенъ и Амботенъ, но это происходило не въ 1247 году, какъ пишетъ Рюссовъ, а въ 1240 г., когда Дитрихъ былъ замѣстителемъ Балка. Около этого же времени для удержанія въ повиновеніи куроновъ были заложены замки Газенпотъ, Виндава, Донданген и Ашермюнде.

Около этаго времени, когда орденцы, заключивъ миръ съ русскими, всѣ силы свои обратили на Курляндію, между литовскими князьями началъ возвышаться Миндовгъ (см. примѣч. 2-е къ лѣтописи Вартберга, стр. 136 и сл.). По смерти своего отца Рингольда въ 1238 г. Миндовгъ велъ борьбу со своими четырьмя родичами и достигъ первенствующаго положенія, подчинивъ своей власти верхнюю и нижнюю Литву.

Куроны, тѣснимые рыцарями и принуждаемые ими силою къ принятію христіанства, обратились къ Миндовгу съ просьбою защитить ихъ отъ рыцарей и принять въ свое подданство. Миндовгъ охотно согласился на предложеніе, вступилъ въ Курляндію съ большимъ войскомъ, и въ 1244 году осадилъ новопостроенный замокъ Амботенъ. Пять недѣль онъ безуспѣшно осаждалъ этотъ замокъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе, когда Дитрихъ Греннингенъ, орденскій маршалъ Бернгардъ фонъ Гаренъ (у Рюссова Бервартъ) съ 30 рыцарями и 400 крещеныхъ куроновъ зашли въ тылъ литовцамъ и внезапно напали на нихъ. Миндовгъ бѣжалъ, понеся огромную потерю; слѣдомъ за нимъ орденское войско вступило въ литовскія земли и, опустошивъ ихъ, воротилось домой съ большею добычею.

Къ 1246 г .завершено было покореніе Курляндіи и дѣлежъ курляндскихъ земель: двѣ трети ихъ получилъ орденъ, а остальная треть была предоставлена мѣстному епископу.

4. Андрей фонъ Стукландъ, четвертый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1250 — 56 г.

Въ 1250 г. магистромъ въ Ливоніи объявленъ Андрей Стукландъ, который велъ себя въ отношеніи всѣхъ честно и великодушно. Во времена этого магистра возстали противъ ордена литовцы, самаиты и семигалы, надѣясь совершенно изгнать орденъ изъ страны. Тогда магистръ Андрей Стукландъ быстро вооружился со своими братьями и рыцарствомъ и пошелъ на встрѣчу непріятелямъ, многихъ изъ нихъ убилъ, плѣнилъ и выжегъ ихъ земли, раззорилъ и опустошилъ и дошелъ до бурга, въ которомъ жилъ король Миндовъ, вокругъ всѣ земли ограбилъ и обошелъ, и всѣхъ, кого нашелъ, избилъ и полонилъ; затѣмъ отправился въ Самантію (Жмудь), и тамъ хозяйничалъ точно также, какъ и въ Литвѣ. Послѣ такого покоренія онъ возвратился въ Ригу съ большою радостью и тріумфомъ и привезъ съ собою богатую добычу, изъ которой магистръ отдалъ большую часть на славу Божію и бѣднымъ, а остальное раздѣлилъ между своими воинами.

Послѣ того магистръ со своими братьями и всѣмъ войскомъ прошелъ по Семигаліи, поступилъ и тамъ также какъ въ Литвѣ и Самантіи, и также привезъ богатую добычу. Семигалы же прислали къ магистру просить мира и предложили платить ордену налогъ и подать. Сошлись на томъ, что семигалы будутъ вести себя смирно и будутъ платить налогъ и ежегодную подать.

Король Миндовъ литовскій также прислалъ къ магистру Андрею и желалъ вести съ нимъ переговоры. Магистръ же, посовѣтовавшись со своими братьями и рыцарствомъ, отправился къ королю въ назначенное мѣсто. И когда они любезно встрѣтились и поговорили, то король приказалъ приготовить отличную трапезу и пригласилъ магистра въ гости; во время обѣда магистръ велъ много ласковыхъ разговоровъ съ королемъ, такъ что, наконецъ, магистръ убѣдилъ короля обѣщать, что онъ приметъ христіанство. И король пожелалъ, чтобы магистръ выхлопоталъ у папы, дабы короля и его королеву тотчасъ послѣ крещенія короновали какъ христіанскаго короля, что ему магистръ Андрей Стукландъ и обѣщалъ. Тогда король повеселѣлъ и обѣщалъ подарить ордену кусокъ земли. Король и магистръ разстались дружески. По возвращеніи домой, магистръ немедленно сообщилъ объ этомъ папѣ Иннокентію, который тому чрезвычайно обрадовался и далъ магистру полномочіе короновать короля по христіанскому обряду и обычаю.

Въ то время во главѣ управленія рижскимъ епископствомъ находился Альбрехтъ, второй по имени, каноникъ бременскій; онъ былъ пятымъ епископомъ рижскимъ и администраторомъ епископства любекскаго. Этотъ епископъ Альбрехтъ и магистръ Андрей Стукландъ заказали двѣ великолѣпныя короны и, въ сопровожденіи

епископа Генриха кульмскаго и другихъ, а также и многихъ другихъ духовныхъ лицъ и рыцарей, отправились съ большою торжественностью въ Литву къ королю, который принялъ ихъ съ большею пышностью и богатымъ угощеніемъ. Тогда король Миндовъ и его королева Марта приняли христіанство, крестились и были коронованы по христіанскому обряду магистромъ и епископомъ Альбрехтомъ. И магистръ отдалъ королю всю литовскую землю въ ленное владѣніе отъ имени папы. Въ то же время было крещено и много прочаго народа. По окончаніи всего, епископы и магистръ возвратились домой. Случилось это въ 1255 году. Во дни управленія этого магистра епископство рижское переименовано въ архіепископство, и епископъ Альбрехтъ, второй по имени, сдѣлался первымъ архіепископомъ рижскимъ, и получилъ верховную власть надъ всѣми епископами въ Ливоніи, подобно тому какъ великій магистръ въ Пруссіи достигъ верховной власти надъ всѣмъ орденомъ какъ въ Ливоніи, такъ и въ Пруссіи, и пользовался ею. Этотъ магистръ Андрей управлялъ шесть лѣтъ, потомъ отказался отъ званія магистра и уѣхалъ въ Германію.

Прим. перев. Орденскій братъ Андрей фонъ Стукландъ (вѣрнѣе Андрей Стирлантъ, какъ его называетъ Вартбергъ) былъ дѣйствительно ливонскимъ магистромъ съ 1250 г. и исполнялъ должность эту до 1255 г.

Самымъ выдающимся событіемъ времени магистерства Стирланта дѣйствительно было принятіе католичества литовскимъ княземъ Миндовгомъ. Событіе это открывало блистательные виды для папы, и въ самомъ дѣлѣ оно могло бы повести за собою важныя послѣдствія, если бы папа имѣлъ дѣло съ человѣкомъ не столь коварнымъ и не столь хитрымъ, какимъ былъ Миндовгъ, въ сущности такой же варваръ, какими были всѣ литовцы его времени.

Миндовгъ пріобрѣлъ съ 1238 года, по смерти своего отца Рингольда, первенствующее значеніе между своими родичами, изъ которыхъ важнѣйшими были: дядя его Выкынтъ и двое племянниковъ Едивидъ и Тевтивиллъ. Еще въ 1247 г. Выкынтъ овладѣлъ Витебскомъ, Тевтивилъ — Полоцкомъ, а Едивидъ — друцкими землями. Это возбудило подозрительность Миндовга. Въ 1251 г., но кажется вѣрнѣе, что въ 1248 г., онъ послалъ дядю и племянниковъ воевать къ Смоленску, сказавъ имъ: „что кто возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ“. Но этотъ походъ былъ хитростію со стороны Миндовга (см. исторію Россіи Соловьева, т. 3, стр. 221): онъ воспользовался отсутствіемъ родичей, чтобы захватить ихъ волости и богатство, послѣ чего отправилъ войско, чтобы нагнать и убить ихъ самихъ. Князья, однако, во время узнали о намѣреніяхъ Миндовга, и убѣжали къ Даніилу галицкому, за которымъ была сестра Тевтивила и Едивида. Миндовгъ послалъ сказать Даніилу, чтобы тотъ не вступался за изгнанниковъ; но Даніилъ не послушался сколько по родству съ послѣдними, столько же и потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ

обстоятельствомъ для обезсиленія Литвы: посовѣтовавшись съ братомъ, онъ послалъ сказать князьямъ польскимъ: „Время теперь христіанамъ итти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы". Поляки обѣщали итти на войну, но обѣщанія не исполнили. Тогда романовичи стали искать противъ Миндовга другихъ союзниковъ, и отправили Выкынта къ ятвягамъ и въ Жмудь и къ нѣмцамъ въ Ригу. Выкынту удалось серебромъ и дарами уговорить ятвяговъ и половину Жмуди подняться на Миндовга; нѣмцы также прислали сказать Даніилу: „для тебя помирились мы съ Выкынтомъ, хоть онъ и погубилъ много нашей братьи" — и обѣщались также итти на помощь изгнанникамъ. Обнадеженные этимъ романовичи выступили въ походъ: Даніилъ послалъ брата на Волковыйскъ, сына — на Слонимъ, а самъ пошелъ къ Здитову, побрали много городовъ и возвратились домой. Потомъ Даніилъ отправилъ Тевтивилла съ русью и половцами воевать земли Миндовга, но нѣмцы все не двигались. Тогда Тевтивиллъ самъ отправился въ Ригу, гдѣ и принялъ католичество. Это было въ 1248 году. Орденъ только послѣ этого началъ готовиться къ войнѣ.

Миндовгъ увидѣлъ, что ему вовсе не подъ силу бороться одновременно и съ романовичами и съ орденомъ, потому и прибѣгнулъ къ переговорамъ съ магистромъ Стирлантомъ.

Переговоры, о которыхъ упоминаетъ Рюссовъ, происходили, по всей вѣроятности, въ началѣ 1251 года. Миндовгъ условіемъ перехода въ католичество поставилъ полученіе отъ папы королевскаго титула, за это обѣщалъ признать надъ собою инвеституру папы и предоставить ордену участокъ земли въ своихъ владѣніяхъ для основанія тутъ епископской каѳедры.

Папа Иннокентій, получивъ отъ Стирланта и, конечно, отъ рижскаго епископа Николая донесенія объ этихъ переговорахъ, согласился въ іюнѣ 1251 года на предлагаемые Миндовгомъ условія.

Иннокентій, пишетъ Рюссовъ, чрезвычайно обрадовавшись такому обороту дѣлъ, поручилъ Стирланту совершить коронованіе Миндовга по христіанскому обряду и обычаю.

Коронованіе совершалъ въ іюлѣ 1253 года, епископъ кульмскій Генрихъ (Гейденрейхъ) въ присутствіи магистра Андрея. Обрядъ коронованія не совершилъ епископъ рижскій Николай, быть можетъ, по своей болѣзни, потому что осенью 1253 года онъ умеръ, оставивъ по себѣ память человѣка вовсе не войнолюбиваго, но много заботившагося о своемъ епископствѣ. Рижскій капитулъ и прочіе ливонскіе епископы избрали ему преемникомъ бременскаго каноника и администратора любекскаго епископства А л ь б е р т а (Альбрехта), который и вступилъ въ управленіе рижскимъ епископствомъ съ 1254 г. Въ слѣдующемъ 1255 году епископъ Альбертъ былъ возведенъ папою въ санъ архіепископа, и рижское епископство съ того времени стало именоваться а р х і е п и с к о п с т в о м ъ.

Важнѣйшею причиною радости папы, кромѣ признанія Миндовгомъ его главенства, были, конечно, открывавшіеся виды на учрежденіе въ Литвѣ соборной церкви и епископства, а равно и виды на присоединеніе къ католичеству другихъ русскихъ земель.

Неизлишне здѣсь вспомнить, что папы никакъ не покидали надежды такъ или иначе присоединить русскихъ къ католичеству. Еще въ 1207 году, при жизни епископа Альберта, папа Иннокентій III-й писалъ къ русскому духовенству и мирянамъ о посылкѣ къ нимъ легата, дабы „онъ дщерь возвратилъ къ дщери и члены къ головѣ". Затѣмъ папа Григорій IX писалъ въ Россію отъ 16 ноября 1224 г. (послѣ взятія Юрьева, см. Пр. Сб. I, стр. 270), чтобы русскіе поддерживали своими пожертвованіями епископовъ ливонскаго (рижскаго), зелонскаго и леальскаго (эстонскаго). Потомъ папа Иннокентій IV сдѣлалъ попытку дѣйствовать и на князя Александра Невскаго. Однажды (см. ист. Россіи Соловьева, т. III, стр. 197) явились къ этому князю послы изъ великаго Рима отъ папы, который велѣлъ сказать Александру: „слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика земля твоя: поэтому прислали мы къ тебѣ отъ 12 кардиналовъ двоихъ хитрѣйшихъ — Галда и Гелмонта, да послушаешь ученія нашего". Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все случившееся отъ сотворенія міра до седьмаго вселенскаго собора, прибавивъ: „все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ". Иннокентій IV послалъ и письмо къ Александру, въ которомъ уговаривалъ русскаго великаго князя обратиться къ римской церкви, по примѣру его отца, Ярослава, который будто бы, по свидѣтельству Плано-Карпини, обратился въ латинство въ ордѣ (у Плано-Карпини такого свидѣтельства именно и нѣтъ).

Въ восточной Россіи дѣло о присоединеніи къ католичеству могло считаться для папы совершенно безуспѣшнымъ, но за то богатые виды открылись папамъ въ Западной Россіи, когда князь галицкій Даніилъ, послѣ поѣздки своей въ орду въ 1250 году, завязалъ сношенія съ папою Иннокентіемъ IV о соединеніи церквей. Князь Даніилъ хотя и получилъ отъ Батыя утвержденіе за собою всѣхъ своихъ земель, но глубоко оскорблялся татарскимъ главенствомъ и сталъ искать средствъ къ сверженію татарскаго ига. Другаго средства не было, какъ созвать крестовый походъ на изгнаніе татаръ, но о крестовомъ походѣ, о заключеніи союза съ католическими державами не возможно было и думать, не принадлежа римской церкви. Папа крайне обрадовался предложеніямъ Даніила, послѣдовавшимъ, быть можетъ, и по внушеніямъ Альберта Зуэрбеера, назначеннаго папскимъ легатомъ для сѣверныхъ странъ вмѣсто извѣстнаго кардинала Вильгельма и видѣвшагося съ княземъ Даніиломъ въ 1247 г. еще до поѣздки его въ орду. Папа немедленно же отправилъ доминиканского монаха Алексѣя (см. ист. Россіи Соловьева, т. 3, стр. 217) съ товарищемъ для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даніила, поручилъ Альберту легатство и на Руси, позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просфорахъ, призналъ законнымъ бракъ Даніилова брата Василька на одной изъ родственницъ, уступилъ требованію Даніила, чтобы никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ лицъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ областяхъ безъ позволенія князя.

Присоединеніе Миндовга къ католичеству и коронованіе его послѣдовало въ 1253 г., слѣд. въ то самое время, когда вопросъ о соединеніи церквей въ Западной Россіи былъ во всемъ ходу.

Въ 1253 году папа писалъ ко всѣмъ христіанамъ Чехіи, Моравіи, Сербіи и Помераніи, проповѣдуя крестовый походъ на татаръ, въ 1254 г. писалъ къ христіанамъ ливонскимъ и прусскимъ о томъ же, но все было напрасно: время крестовыхъ походовъ прошло, и на татаръ никто не двинулся. Папа тогда предложилъ Даніилу королевскій титулъ за соединеніе съ римскою церковью. Но Даніилъ отказался отъ титула; въ 1255 г. папскіе послы снова явились къ Даніилу съ короною и обѣщаніемъ помощи. Даніилъ не хотѣлъ принимать, не полагаясь на пустыя обѣщанія, но былъ, однакоже, уговоренъ матерью своею и князьями польскими, которые говорили ему: „прими только вѣнецъ, а мы уже будемъ помогать тебѣ на поганыхъ". Даніилъ короновался въ Дрогичинѣ въ 1255 г.

Событіе это осталось, какъ извѣстно, безъ всякихъ послѣдствій: Даніилъ, не видя отъ папы никакой помощи, прервалъ съ нимъ всякія сношенія; впрочемъ, титулъ королевскій остался навсегда за княземъ галицкимъ.

Надежды папы на Даніила не осуществились, какъ не осуществились надежды и на Миндовга (см. выше въ этомъ томѣ, стр. 94 и 140), о чемъ будетъ сказано ниже.

5. Эвергартъ, графъ Зейненскій, пятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1256 — 58 г.

Въ 1256 году званіе магистра въ Ливоніи получилъ Эвергартъ, графъ Зейненскій, который былъ управителемъ благочестивымъ и мудрымъ. Его приняли въ Ливоніи съ большими почестями, и не успѣлъ онъ вступить въ должность, какъ уже ополчился со своимъ народомъ противъ самаитовъ, отправился въ ихъ землю, и тамъ грабилъ, жегъ, много народу избилъ и полонилъ, и затѣмъ съ великой воинской славой снова возвратился въ Ригу. Также онъ предпринималъ походъ въ Курляндію и многіе другіе, сражаясь съ врагами ордена. Послѣ двухлѣтняго управленія, онъ заболѣлъ, велѣлъ себя отвезти въ Германію, гдѣ и умеръ.

Прим. перев. По словамъ Вартберга (см. выше стр. 93), графъ Зейненскій Эвергартъ или Эбергадтъ не былъ ливонскимъ магистромъ, а былъ орденскимъ намѣстникомъ въ Германіи и былъ присланъ въ Ливонію въ 1252 г. съ полномочіемъ отъ великаго магистра для совмѣстныхъ, какъ кажется, дѣйствій съ магистромъ Стирлантомъ, который былъ ливонскимъ магистромъ съ 1250 по 1255 г.

6. Анно фонъ Зангергузенъ, шестой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1258 — 61 г.

Въ 1258 году великій магистръ прусскій Поппо послалъ въ Ливонію новаго магистра, котораго звали Анно

Зангергузенъ. Этотъ магистръ велъ многократныя войны съ семигалами и самантами и, послѣ трехлѣтняго управленія въ Ливоніи, былъ призванъ въ Пруссію на должность великаго магистра, въ 1261 г.

Прим. перев. Показанія Рюссова здѣсь значительно расходятся съ показаніями Вартберга. Послѣ Андрея Стирланта ливонскимъ магистромъ былъ дѣйствительно Анно, но не въ 1258 г., а въ 1255 г. Былъ онъ призванъ на должность великаго магистра не въ 1261 г., а въ концѣ 1256 г.; замѣстителемъ его въ Ливоніи оставался на самое, впрочемъ, короткое время нѣкто Людвигъ, такъ какъ ливонскимъ магистромъ въ 1257 г. былъ уже назначенъ Борхартъ Горнгузенъ.

7. Борхартъ фонъ Горнгузенъ, седьмой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1261 — 64 г.

Въ 1261 году званіе магистра въ Ливоніи принялъ на себя Борхартъ фонъ Горнгузенъ. Этотъ магистръ однажды отправился осмотрѣть замки въ Курляндіи, и когда онъ находился недалеко отъ Мемеля, на него напали язычники, до тѣхъ поръ прятавшіеся въ лѣсу. Съ магистромъ же было не болѣе 40 братьевъ ордена и 550 сопровождавшихъ его воиновъ, съ которыми онъ храбро оборонялся отъ язычниковъ и послѣднихъ много убилъ.

Изъ христіанъ тогда осталось только 12 братьевъ ордена, самъ же магистръ былъ раненъ и спасся бѣгствомъ въ Мемель вмѣстѣ со своими людьми. Когда онъ выздоровѣлъ отъ ранъ, то возвратился со своими людьми въ Ригу, и тамъ ополчился противъ тѣхъ самыхъ язычниковъ, именно противъ самантовъ, дабы отомстить за ихъ продѣлку. Но саманты просили о мирѣ, который имъ и даровалъ на два года, по совѣту архіепископа рижскаго. Между тѣмъ магистръ велъ многія войны противъ другихъ язычниковъ.

Когда окончилось двухлѣтнее перемиріе съ самантами, снова разгорѣлась война между литовцами, самантами и орденомъ. Послѣ того, какъ обѣ стороны сразились на полѣ и съ обѣихъ сторонъ пало много народу, язычники одержали верхъ и оставили за собою поле битвы. Тутъ убито 33 брата ордена. Но магистръ снова ополчился со множествомъ народа, прибывшаго изъ Германіи на службу ордену, и снова предложилъ литовцамъ и самантамъ дать сраженіе; однако, они не смѣли подойти. Тогда магистръ двинулся въ Семигалію и, взявъ тамъ штурмомъ одинъ бургъ, углубился далѣе въ страну, выстроилъ бургъ, названный Доббеленомъ, посадилъ въ немъ много своихъ людей. Этому магистру было много хлопотъ съ литовцами, самантами, русскими и семигалами, которые всѣ соединились съ цѣлью общими силами выгнать нѣмцевъ изъ Ливоніи. Подъ конецъ этотъ магистръ Борхартъ былъ убитъ на полѣ битвы у Дурбена литовцами и самантами вмѣстѣ со многими братьями

ордена и другими воинами, въ 1264 году. Въ тотъ же самый разъ язычники снова взяли замки Керзовъ и Доббеленъ. Этотъ магистръ управлялъ 3 года и 6 мѣсяцевъ. Въ битвѣ-же при Дурбенѣ погибъ и маршалъ прусскій вмѣстѣ съ 150 братьями ордена и многими дворянами. Кромѣ того 8 братьевъ ордена взяты въ плѣнъ и 5 замучены до смерти.

Примѣч. перев. Борхартъ Горнгузенъ былъ ливонскимъ магистромъ съ 14 апрѣля 1257 г., а не съ 1261, какъ показываетъ Рюссовъ, и погибъ не въ 1264 г., а 13 іюля 1260 г. въ битвѣ у озера Дурбы.

Этой, весьма важной по своимъ послѣдствіямъ, битвѣ предшествовали слѣдующія обстоятельства.

На земляхъ между Куршгафомъ и Фришгафомъ жили самы, племя родственное самаитамъ (самогитамъ). Въ ихъ то землѣ въ 1252 году Эвергардъ графъ Зейненскій, орденскій ландмейстеръ (военноначальникъ), тотъ самый, что былъ посланъ въ Ливонію съ полномочіемъ отъ великаго магистра, основалъ замокъ Мемель (Мемельбургъ), для удержанія въ покорности окрестныхъ язычниковъ.

Этотъ то Мемель язычники и старались разрушить какъ замокъ, дѣйствительно для нихъ опасный, и не разъ осаждали его, но все безуспѣшно. Такъ ливонскій магистръ Анно фонъ Зангергузенъ въ 1255 году долженъ былъ выручать Мемель изъ осады, при чемъ самъ чуть не погибъ.

Въ 1257 году, когда кенигсбергскій командоръ Борхартъ фонъ Горнгузенъ сдѣлался ливонскимъ магистромъ, онъ, вскорѣ по прибытіи въ Ригу, получилъ извѣстіе, что самаиты готовятся напасть на Мемель. Съ 30 рыцарями и 500 куронами, предводимыми Бернгардомъ фонъ Гареномъ онъ на другой же день выступилъ въ походъ на выручку Мемеля, подоспѣлъ во время, отбилъ язычниковъ, но самъ былъ раненъ. Самаиты запросили мира и получили его на два года, какъ сказано у Рюссова, до 1259 года.

Въ 1259 году военныя дѣйствія возобновились. Миндовгъ въ это время составилъ отважный планъ: поднять противъ тевтонскаго ордена всю Пруссію и вытѣснить орденцевъ изъ Курляндіи, но все еще таился и все притворялся усерднымъ сыномъ папы (см. выше стр. 139).

Толпы литовцевъ-самаитовъ вторглись въ Курляндію. На встрѣчу имъ вышли орденскіе отряды изъ Мемеля и Гольдингена, подъ начальствомъ Бернгарда фонъ Гарена. Подъ Шоденомъ произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ пало 33 рыцаря. Литовцы одержали верхъ, ограбили страну, и удалились въ свои земли, но скоро въ томъ-же 1259 году возвратились, и стали подъ Мемелемъ. Тогда самъ магистръ Борхартъ выступилъ на выручку этаго замка; литовцы не ждали его прибытія, но сняли осаду и чрезъ лѣса отступили въ свои дома. Магистръ не преслѣдовалъ ихъ и возвратился въ Ригу.

Семигалы въ это время, видя, что орденцы оставили Литву безъ преслѣдованія, отреклись отъ христіанства и возстали противъ

ордена. Въ Ригѣ магистръ, по совѣщаніи съ командорами, рѣшилъ для удержанія въ покорности семигаловъ построить на ливонской границѣ замокъ Доблепъ. Зимою съ 1259 на 1260 г. дѣйствительно замокъ былъ построенъ и снабженъ гарнизономъ и запасами. Такъ въ Курляндіи появился цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ: Мемель, Георгенбургъ, Амботенъ, Доблепъ, а потомъ вскорѣ былъ отстроенъ и замокъ Карзовъ.

Весною 1260 г. Курляндію снова наводнили толпы литовцевъ, и курляндскіе латыши находились въ полномъ возстаніи. Для усмиренія этого возстанія, ливонскій магистръ обратился за помощью какъ къ датчанамъ въ Ревель, такъ и къ орденцамъ въ Пруссію. Помощь не замедлила: изъ Пруссіи прибылъ отрядъ рыцарей съ крестоносцами подъ начальствомъ орденскаго маршала Генриха Боталя, прибылъ и датскій отрядъ подъ начальствомъ шведскаго герцога Карла. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ Мемель. Сюда направился и ливонскій отрядъ подъ начальствомъ магистра Борхарта.

Собравшись у Мемеля, христіанское войско рѣшилось двинуться на Георгенбургъ. Литовцы, разсѣявшись по Курляндіи и грабя деревни, стали сосредоточиваться у Дурбена, у озера того же имени. Предводители христіанъ, послѣ военнаго совѣта, рѣшились напасть на язычниковъ, но 13 іюля 1260 г. были сами атакованы съ двухъ сторонъ и потерпѣли рѣшительное пораженіе. Бой продолжался 8 часовъ. Простые ратники орденскаго войска бѣжали первые, литовцы умертвили 150 рыцарей, въ томъ числѣ магистра Борхарта, орденскаго маршала Боталя и шведскаго герцога Карла. Изъ 14 рыцарей, попавшихъ къ плѣнъ, 8 были принесены въ жертву богамъ и сожжены живыми, 6 другихъ были замучены.

Послѣдствія дурбенскаго пораженія были въ высшей степени неблагопріятны для ордена: курляпскіе новокрещеные отложились отъ христіанства, и въ Пруссіи началось общее возстаніе. Миндовгъ съ своей стороны также отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, въ томъ-же 1260 г. вторгся въ Пруссію (см. выше въ этомъ томѣ, стр. 139), жестоко опустошая тамошнія орденскія владѣнія.

8. *Юргенъ фонъ Эйкштатъ, восьмой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1264 — 67 г.*

Въ 1264 году послѣ Борхарта Горнгузена, магистромъ въ Ливоніи былъ избранъ Юргенъ фонъ Эйкштадтъ, бывшій коадъюторомъ у Борхарта. И когда онъ захотѣлъ отомстить литовцамъ за смерть своего предшественника, то ему едва не пришлось испытать то же, что испыталъ его предшественникъ. Поэтому онъ былъ принужденъ заключить съ литовцами миръ. Между тѣмъ какъ магистръ воевалъ съ литовцами, эзельцы вновь отпали отъ христіанства. За отпаденіе, магистръ пошелъ на нихъ войною, множество изъ нихъ убилъ подъ рощей у Кармеля, и такимъ образомъ снова привелъ ихъ

къ повиновенію. Во времена этого магистра христіане въ Ливоніи находились въ большей опасности.

Прим. перев. По Вартбергу (см. выше, стр. 94), Юргенъ (т. е. Георгъ) Эйхштетскій, послѣ умерщвленія магистра Борхарта, исполнялъ лишь должность магистра въ теченіе одного года, до 1261 года.

Георгъ фонъ Эйхштетъ былъ зегевольдскимъ командоромъ и, при вступленіи своемъ въ должность магистра, засталъ орденскія дѣла въ положеніи весьма неблистательномъ: христіане не только въ Ливоніи, но и въ Пруссіи, вслѣдствіе возстаній туземцевъ, находились, какъ справедливо отмѣтилъ Рюссовъ, въ большей опасности.

Пораженіе, понесенное рыцарями при Дурбенѣ, служило какъ бы сигналомъ для общаго возстанія въ Пруссіи и въ Курляндіи. И тамъ, и здѣсь туземцы обнаруживали явныя намѣренія не только возвратиться къ прежнему положенію своей языческой жизни, но и истребить всѣхъ пришельцевъ. Они, быть можетъ, и успѣли бы въ своихъ намѣреніяхъ, еслибы съумѣли сообщить своимъ дѣйствіямъ необходимое въ такихъ случаяхъ единство. Но такого единства не было, потому орденъ, хоть и съ трудомъ, хоть и не скоро, но въ концѣ концевъ все таки осилилъ возстаніе.

Туземное курляндское населеніе, соединившись съ литовцами, къ осени 1260 г., изгнало нѣмцевъ изъ южной Курляндіи и Семигаліи. Сѣверная Курляндія, защищенная укрѣпленными замками (бургами) Гольдингеномъ, Виндавою и Доидангеномъ, находились еще во власти рыцарей; но замки Георгенбургъ и Добленъ должны были сдаться туземцамъ. Обратное взятіе этихъ замковъ и новое покореніе южной Курляндіи сдѣлалось главною задачею ливонскаго ордена.

Георгъ фонъ Эйхштетъ собралъ войско, чтобы идти въ Курляндію, но получилъ извѣстіе о возстаніи, обнаружившемся на Эзелѣ: эзельцы, поощренные примѣромъ куроновъ, напали на нѣмцевъ. Собранное войско Георгъ отправилъ въ Курляндію, а самъ съ вассалами архіепископа, съ крещеными ливами, латышами и эстонцами, зимою 1260 года, когда проливъ, отдѣлявшій Эзель отъ материка, покрылся прочнымъ льдомъ, вступилъ на этотъ островъ. Озлобленные рыцари не давали никому пощады, предавая огню всѣ встрѣчныя деревни. Подъ Кармелемъ, въ самой срединѣ острова, произошло упорное сраженіе: эзельцы потерпѣли пораженіе и на третій день послѣ сраженія, въ началѣ 1261 г., запросили пощады. Рыцари заключили съ ними миръ на условіяхъ прежняго мира, заключеннаго въ 1255 году. Эзельцы снова признали надъ собою власть нѣмцевъ.

Между тѣмъ орденское войско, посланное въ Курляндію, двигалось къ Гольдингену и снова овладѣло замкомъ Синтелисомъ (нынѣ Дзинтеркъ, полумызокъ у Априкена), который за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ покоренъ литовцами. Орденское войско, гдѣ не проходило, жестоко мстило отпавшимъ туземцамъ: всѣ дѣти

старше 11-ти лѣтняго возраста были умерщвлены, всѣ женщины уведены въ неволю. Газенпотъ въ началѣ 1261 года сдался добровольно, начальники орденскаго войска взяли въ заложники дѣтей газенпотскихъ старшинъ и воротились въ Ригу, куда прибылъ съ Эзеля и исправлявшій должность магистра Георгъ фонъ Эйхштетъ.

Не успѣли рыцари отдохнуть съ походовъ, какъ въ Ригу пришла вѣсть, что литовскія толпы, предводимые самимъ Миндовгомъ, вторглись въ Ливонію. Орденское войско тотчасъ же выступило въ походъ, но подъ Ленневарденомъ 3 февраля 1261 г. потерпѣло сильное пораженіе. Исправлявшій должность магистра Георгъ фонъ Эйхштетъ былъ раненъ въ этомъ сраженіи и, вслѣдствіе раны, уже не могъ предводительствовать орденскимъ войскомъ. Больной, онъ сдалъ свою должность въ срединѣ 1261 года Вернеру фонъ Брейтгузену.

Въ Пруссіи въ это время кипѣла ожесточенная борьба. Крестоносцы изъ Германіи и Польши устремились на помощь тевтонскому ордену, но подъ Покарвономъ, послѣ кровавой битвы, потерпѣли 22 января 1261 г. сильнѣйшее пораженіе. Пруссы осадили орденскіе замки Кенигсбергъ, Крейцбургъ и Бартенштейнъ, всюду истребляя христіанъ.

Въ этой крайности папа Урбанъ IV (Іаковъ Панталеонъ, бывшій легатомъ въ Пруссіи) провозгласилъ 25 марта 1261 года въ Германіи крестовый походъ на пруссовъ. Новое ополченіе крестоносцевъ, предводимое орденскимъ ландмейстеромъ Гельмрихомъ фонъ Рехбергомъ, поспѣшило на выручку Кенигсберга и здѣсь одержало побѣду надъ возставшими туземцами. Война въ Пруссіи возобновилась съ усиленною яростію; крестоносцы открыли наступательныя дѣйствія. Пруссы стали, по прежнему, защищаться раздѣльно и, конечно, рано или поздно, но должны были пасть подъ ударами ордена, постоянно подкрѣпляемаго крестоносцами.

9. Вернеръ фонъ Брейтгузенъ, девятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1267 — 69 г.

Послѣ Юргена фонъ Ейкштата на должность магистра въ Ливоніи былъ избранъ Вернеръ фонъ Брейтгузенъ. Этому магистру Вернеру причинили много хлопотъ король Миндовъ литовскій, который сдѣлался христоотступникомъ и мамелюкомъ, затѣмъ князь русскій и, наконецъ, Траматъ, князь самантскій, которые три князя составили союзъ, дабы изгнать изъ Ливоніи орденъ вмѣстѣ со всѣми нѣмцами. Когда же, однако, король Миндовъ пришелъ съ войскомъ изъ Литвы и, подойдя къ Вендену, не нашилъ въ Ливоніи своего союзника, русскаго князя, тогда онъ въ большой злобѣ возвратился обратно, не оставивъ нанести ливонцамъ ощутительный вредъ. Послѣ его ухода, является со всѣмъ своимъ войскомъ русскій князь, грабитъ и опустошаетъ все епископство дерптское и беретъ городъ Дерптъ, и когда онъ не могъ скоро овладѣть дерптскимъ замкомъ, и

магистръ подошелъ со вспомогательнымъ войскомъ, то князь разграбилъ городъ Дерптъ, совершенно выжегъ его и затѣмъ ушелъ обратно въ Россію. Магистръ же и дерптскій епископъ, снабдивъ городъ снова людьми, послѣдовали за русскими въ ихъ землю, грабили тамъ и жгли и избили очень много русскихъ. Тутъ магистръ заболѣлъ; по этой причинѣ онъ принужденъ былъ возвратиться въ Ригу слабымъ и больнымъ, хотя съ великой славой и большей добычей.

Пока магистръ воевалъ въ Россіи, самаитскій князь Траматъ со всѣмъ своимъ войскомъ ворвался въ Викъ, въ глубину Эстоніи, и нанесъ тамъ чрезвычайный вредъ. Магистръ, не смотря на свою слабость, приказалъ въ Ригѣ собрать войско изъ братьевъ ордена, гражданъ и слугъ, дабы дать отпоръ Трамату на его возвратномъ пути. Когда же Траматъ находился на обратномъ пути и хотѣлъ снова отправиться въ Самантію черезъ епископство рижское, тогда два войска встрѣтились у динаминдскаго монастыря при лунномъ свѣтѣ, и ночью дали такое кровопролитное сраженіе, что мѣсто битвы отъ крови было совсѣмъ красное. Однако, нѣмцы удержали поле сраженія за собою и потеряли только 9 братьевъ ордена и немногихъ гражданъ и слугъ, а Траматъ бѣжалъ къ королю Мендову въ Литву. Этотъ магистръ ходилъ также войною на куроновъ, въ Курляндію, онъ сильно опустошилъ эту страну, убилъ много народу, взялъ три замка, въ числѣ которыхъ находился Грубинъ, и всѣ три сжегъ до тла. Магистръ Вернеръ, послѣ двухлѣтняго управленія орденомъ, испросилъ увольненіе отъ должности, отправился въ Германію и тамъ водворился на покоѣ.

Прим. перев. Сличивъ разсказъ Рюссова о магистрѣ Вернерѣ фонъ Брейтгузенѣ (пишется иногда фонъ Брицдузенъ) съ показаніями Вартберга (см. выше стр. 94), находимъ значительныя разногласія, требующія поясненія.

Братъ рыцарства Вернеръ былъ ливонскимъ магистромъ не съ 1267 г., какъ сказано у Рюссова, а съ средины 1261 г., когда раненый Георгъ сложилъ съ себя орденскія дѣла. Далѣе Вернеръ управлялъ ливонскимъ орденомъ не до 1269, а лишь до іюля 1263 г.

Этому магистру дѣйствительно много хлопотъ причинили, какъ пишетъ Рюссовъ, „христоотступникъ и мамелюкъ“ Миндовгъ и литовцы, и русскій князь Дмитрій, сынъ знаменитаго Невскаго. Въ 1262 г. русскіе князья (см. выше стр. 141) Ярославъ (братъ Невскаго) и Дмитрій Александровичъ впервые заключили союзъ съ князьями Миндовгомъ литовскимъ, Трейнятомъ жмудскимъ и Тевтивиломъ полоцкимъ, чтобы вмѣстѣ ударить на орденъ; ударили дѣйствительно, но не вмѣстѣ, и тѣмъ дали возможность оправиться ордену. Миндовгъ, по уговору, сталъ подъ Венденомъ, но русскіе не пришли. Тогда Миндовгъ, разоривъ ливонскія земли, возвратился домой. По удаленіи литовцевъ изъ подъ Вендена, русскіе осадили свою старинную отчину Юрьевъ (Дерптъ), пожгли посады, забрали много поло-

ну, но крѣпости взять не могли и ушли въ свои предѣлы. Магистръ не преслѣдовалъ русскихъ, какъ пишетъ Рюссовъ, но послалъ орденское войско подъ начальствомъ гольдингенскаго командора Бруно въ Курляндію, которое успѣло захватить въ свои руки бурги Гробинъ, Меркесъ и Лазенъ.

Отсутствіемъ орденскаго войска воспользовался князь жмудскій Трейнята. Въ концѣ 1262 г. и началѣ 1263 г., зимою онъ предпринялъ сильный набѣгъ на Ливонію, пробрался далеко внутрь страны въ округъ Викъ, пожигая и опустошая все встрѣчное, и разграбилъ Перновъ 3 февраля 1263 г. Возвратный путь онъ предпринялъ чрезъ земли рижскаго архіепископства, но подъ Динамюндомъ, чрезъ недѣлю послѣ ограбленія Пернова, потерпѣлъ совершенное пораженіе, какъ то вполнѣ вѣрно и разсказано Рюссовымъ.

Кровопролитное динамюндское сраженіе не повлекло за собою никакихъ особенно выгодныхъ для ордена послѣдствій.

Въ срединѣ 1263 г., магистръ Вернеръ былъ раненъ какимъ-то сумасшедшимъ братомъ рыцарства, затѣмъ былъ уволенъ отъ должности и отправился въ Германію лечиться (см. выше стр. 94), а его мѣсто въ томъ же 1263 году занялъ Конрадъ фонъ Мандернъ, называемый также и Медемомъ.

10. Конрадъ фонъ Мандернъ, десятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1269 — 72 г.

Въ 1269 г. званіе магистра въ Ливоніи получилъ Конрадъ фонъ Мандернъ; этотъ магистръ выстроилъ прекрасный домъ (замокъ) Виттенштейнъ въ Іервенѣ и домъ (замокъ) Митовъ въ Курляндіи. Во времена этого магистра нѣкій воевода убилъ короля литовскаго Мендова, какъ собаку, который такимъ образомъ стяжалъ достойную награду за свое отступничество. Этому магистру пришлось также имѣть дѣло съ русскими, куронами и самантами, онъ съ ними много разъ сражался, и однажды потерялъ въ битвѣ 600 человѣкъ и 20 братьевъ ордена, а въ другой разъ 10 братьевъ. Этотъ магистръ просилъ объ увольненіи отъ должности по причинѣ своей старости, пробывъ магистромъ три года, и отправился въ Германію.

Прим. перев. Магистръ Конрадъ фонъ Мандернъ (Мандернскій, такъ же Медемъ) управлялъ ливонскими орденскими дѣлами не съ 1269 г. по 1272 г., какъ показано у Рюссова, а съ середины 1263 г. по 1267 годъ.

Въ его время, осенью 1263 г., погибъ Миндовгъ (подробсти см. выше стр. 140) и въ Литвѣ сталъ княжить тотъ самый Тренята, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ ограбилъ Викскую область и Перновъ и былъ разбитъ подъ Динамюндомъ.

Во все время магистерства Конрада, ливонцы не воевали съ русскими, но все вниманіе обратили на покореніе курляндскихъ туземцевъ. Въ 1265 г. Конрадъ, для удержанія въ покорности ихъ, заложилъ замокъ Митаву. За годъ передъ тѣмъ, въ 1264 г., Кон-

радъ сдѣлалъ набѣгъ на Семигалію, но на возвратномъ пути попалъ у какой-то засѣки на засаду туземцевъ, выдержалъ съ ними упорный бой, и, потерявъ 600 ратниковъ и 20 рыцарей, лишь съ большимъ трудомъ достигъ до Риги, не кинувъ, однако же, полону и добычи. Въ другой разъ въ 1265 г., послѣ уже основанія Митавы, Конрадъ также попалъ на засаду близъ этого новаго замка; туземцы истребили его отрядъ, убили 10 рыцарей, но онъ самъ спасся бѣгствомъ въ Митаву.

Основавъ въ 1266 г. замокъ Вейсенштейнъ (нынѣ уѣздный городъ Эстляндской губерніи), для защиты отъ вторженія новгородцевъ, магистръ Конрадъ за преклонностію лѣтъ въ 1267 г. отказался отъ магистерства и удалился въ Германію. Великій магистръ Анно и его капитулъ предоставили ливонскимъ братьямъ избрать себѣ магистра. Выборъ ихъ палъ на брата Оттона фонъ Люттенберга (называвшагося также и Роденштейномъ).

11. *Отто фонъ Роденштейнъ, одиннадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1272 — 74 г.*

Въ 1272 г. въ санъ магистра въ Ливоніи возведенъ господинъ Отто фонъ Роденштейнъ, который велъ большую войну съ русскими; и когда онъ отправился на поле сраженія противъ непріятеля, то непріятель оказался сильнѣе и могущественнѣе, нежели предполагалось, и напалъ онъ на магистра весьма стремительно. Оба полчища сразились. Но магистръ, при помощи Божіей, одержалъ побѣду, убилъ болѣе 5,000 русскихъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство; въ этомъ сраженіи погибъ также Александръ, епископъ дерптскій, со многими христіанами. Послѣ такой побѣды, магистръ двинулся въ Россію съ 18,000 войскомъ сухимъ путемъ и съ нѣсколькими тысячами на корабляхъ, грабилъ тамъ и жегъ, взялъ замокъ Изеборгъ (Изборскъ), выжегъ два города и обложилъ большой городъ Псковъ; эта война и рознь, наконецъ, окончились переговорами съ князьями московскимъ и новгородскимъ, затѣмъ послѣдовалъ миръ, и магистръ со своимъ войскомъ ушелъ изъ Россіи обратно.

Годъ спустя, онъ принужденъ былъ бороться съ литовцами и семигалами, которые напали на Эзель и опустошили эту область. Тогда магистръ Отто, Зифридъ ревельскій намѣстникъ датскаго короля, Фредерикъ епископъ дерптскій и епископъ Германъ леальскій быстро ополчились и встрѣтились съ литовцами на льду, гдѣ сражались съ такой силой, что обѣ стороны понесли большія потери. Тутъ убитъ магистръ Отто съ 52 братьями и 600 нѣмцами, а епископъ Германъ леальскій раненъ; литовцы одержали побѣду и уѣхали по льду на твердую землю съ огромной добычей. Случилось это въ 1274 г.

П р и м ѣ ч. п е р е в. Оттонъ фонъ Роденштейнъ (онъ же Люттенбергъ) правилъ орденскими дѣлами съ 1267 г., а не съ 1272 г., какъ показано у Рюссова.

Подробности о войнѣ съ русскими и о сраженіи при магольмской церкви (при рѣчкѣ Кеголѣ) уже изложены выше на стр. 142.

По заключеніи въ 1269 г. мира съ новгородцами, магистръ Оттонъ получилъ извѣстіе, что на Эзель вторглись литовцы. Зимою 1269 г. онъ выступилъ къ Эзелю и въ началѣ 1270 года соединился съ ревельскимъ намѣстникомъ Зигфридомъ и епископомъ дерптскимъ, предполагая по льду изъ Вика перейти на Эзель. У Карузена на льду, при переходѣ чрезъ проливъ между Мономъ и Вердеромъ, стояли уже литовцы, укрѣпившись своими санями. Орденское войско атаковало литовцевъ 16 февраля 1270 года. На литовскія укрѣпленія пошелъ самъ магистръ съ главными орденскими силами, но былъ убитъ съ 52 рыцарями. Тогда епископъ дерптскій Фридрихъ и епископъ эзельскій Германъ съ леальскими братьями повели атаку на литовцевъ, но также не удачно: Германъ былъ тяжело раненъ, и христіанское войско понесло большую потерю. Литовцы, какъ справедливо замѣчаетъ Рюссовъ, одержавъ побѣду, безпрепятственно воротились домой съ огромной добычей. На мѣсто убитаго магистра, братья рыцарства избрали въ 1270 года брата Андрея Вестфальскаго.

12. Андрей, двѣнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1274 года.

Въ 1274 году, тотчасъ послѣ смерти магистра Отто, въ разгарѣ войны, главою ордена явился Андрей, чтобы окончить эту войну съ литовцами, самантами и семигалами; но онъ вскорѣ, въ томъ-же году, былъ убитъ литовцами, вмѣстѣ съ 20 братьями ордена. Въ это время управлялъ Іоаннъ ф. Лунепъ, второй архіепископъ рижскій.

Прим. перев. Братъ Андрей Вестфальскій не былъ магистромъ, а лишь замѣстителемъ (вице-магистромъ) и управлялъ орденскими дѣлами лишь самое короткое время, потому что 21 сентября 1270 г. былъ убитъ въ сраженіи съ литовцами (гдѣ именно, у Вартберга не указано). Послѣ его смерти, ливонскимъ магистромъ въ концѣ 1270 г. былъ избранъ Вольтеръ фонъ Нортекъ (Нортекъ или Нордекъ близъ Гиссена въ Обергиссенѣ). Показаніе Рюссова, будто во время Андрея рижскимъ архіепископствомъ управлялъ архіепископъ Іоаннъ, несправедливо: архіепископъ Альбертъ умеръ лишь при слѣдующемъ магистрѣ, 1 іюля 1274 г.

13. Вольтеръ фонъ Нордекъ, тринадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1275 — 78 г.

Въ 1275 году званіе магистра въ Ливоніи перешло къ Вольтеру фонъ Нордеку, который магистръ совершилъ много славныхъ подвиговъ противъ самантовъ и семигаловъ и одержалъ много побѣдъ, затѣмъ овладѣлъ замками Тарвейтеномъ и Мейзатеномъ, разрушилъ ихъ и привелъ въ повиновеніе себѣ семигаловъ, а землями подѣлился съ

капитуломъ; послѣ четырехлѣтняго управленія, онъ отказался отъ должности и уѣхалъ въ Пруссію.

Прим. перев. Вольтеръ фонъ Нордекъ былъ магистромъ не съ 1275 по 1278 г., какъ показано здѣсь у Рюссова, а съ конца 1270 г. по 1274 г. Онъ дѣйствительно въ 1270 г. овладѣлъ замкомъ Терветеномъ, въ 1271 г. замками Мезотеномъ и Ратеномъ (Раденъ у Бауска) и покорилъ семигаловъ, принудивъ ихъ снова принять христіанство и платить дань. Въ октябрѣ 1272 г. произошелъ раздѣлъ Семигаліи между рижскимъ соборнымъ капитуломъ и орденомъ. Вольтеръ отказался отъ магистерства за болѣзнью, и уѣхалъ въ Пруссію (въ Марбургъ, въ орденскій капитулъ). Его мѣсто въ началѣ 1274 года занялъ Эрнстъ фонъ Расборгъ (или Расбургъ).

14. Эрнстъ фонъ Расборгъ, четырнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1278 — 79 г.

Въ 1278 г. магистромъ въ Ливоніи былъ сдѣланъ Эрнстъ фонъ Расборгъ, начавшій строить великолѣпный домъ (замокъ) Дюнебоергъ, къ великой досадѣ всѣхъ окрестныхъ язычниковъ. Потому они всѣми силами старались воспрепятствовать этому дѣлу, но тщетно: магистръ ополчился со своими братьями и рыцарствомъ, какъ только могъ сильнѣе, и Элертъ, датскій намѣстникъ въ Ревелѣ, прошелъ къ магистру также на помощь.

Съ такимъ ополченіемъ магистръ двинулся въ Литву, туда онъ внесъ убійства, грабежъ и пожаръ, а вынесъ оттуда много добычи. Но литовцы скоро послѣдовали за магистромъ въ Ливонію, и дошли съ войскомъ до замка Ашераденъ. Здѣсь противники сразились и дали битву. Но такъ какъ у язычниковъ была огромная толпа, то христіане должны были потерпѣть пораженіе. Тутъ убитъ магистръ Эрнстъ вмѣстѣ съ 71 братомъ ордена и множествомъ дворянъ, и язычники овладѣли знаменемъ нашей Пресвятой Дѣвы, которое несъ рыцарь Генрихъ фонъ Тизенгаузенъ, и убили знаменосца. Датскій намѣстникъ ревельскій пытался вновь овладѣть полемъ битвы, но былъ при этомъ раненъ, и подъ нимъ убитъ его конь. Случилось въ посту 1279 г.

Прим. перев. Магистръ Эрнстъ фонъ Расборгъ основалъ динабургскій замокъ въ скоромъ времени послѣ своего вступленія въ управленіе орденскими дѣлами. Года за два до этаго, литовцы, во время одного набѣга, умертвили своего же земляка Сукса, принявшаго католичество и постоянно сопровождавшаго рыцарей въ ихъ походахъ. Рыцари, чтобы отомстить смерть имъ весьма полезнаго литовца, сдѣлали набѣгъ въ литовскія земли и въ 1273 г., еще при Вольтерѣ, нанесли литовцамъ сильное пораженіе при рѣчкѣ Дубена, впадавшей въ Двину. Литовцы не оставались въ долгу и постоянно тревожили орденскія владѣнія въ Семигаліи. Ма-

гистръ заложилъ динабургскій замокъ какъ передовой постъ противъ литовцевъ и русскихъ. Мѣсто было выбрано весьма удачно и Рюссовъ справедливо замѣчаетъ, что постройка замка внушила большую досаду окрестнымъ язычникамъ, такъ какъ въ Динабургъ явился довольно сильный нѣмецкій гарнизонъ, мѣшавшій набѣгамъ на Ливонію. Не нравилось появленіе новой крѣпости на Двинѣ и полочанамъ.

Литовскій князь Тройденъ, тотъ самый, который впослѣдствіи послѣ смерти Войшелка (см. выше стр. 144) сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, рѣшился овладѣть Динабургомъ. Вмѣстѣ съ русскими, онъ осадилъ новую крѣпость и сталъ разбивать стѣны ея большою метательною машиною. Осада была совершенно неудачна: литовцы и русскіе отступили. Тогда магистръ рѣшился самъ вторгнуться въ Литву, пригласивъ на помощь датчанъ изъ Ревеля. На помощь магистру прибылъ ревельскій датскій намѣстникъ Эйлардъ (Элертъ) фонъ Обергъ. Походъ былъ удаченъ для рыцарей: они, разоряя литовскія земли, дошли до Кернова на Виліи, бывшаго столицею литовскихъ князей, и съ добычей возвращались домой, но у Ашерадена были окружены литовцами и потерпѣли сильное пораженіе. Ашераденское сраженіе происходило, по Вартбергу, 5 марта 1278 г., по другимъ же источникамъ 5 марта 1279 года. Кажется, что обозначеніе Вартберга вѣрнѣе. Въ ашераденскомъ сраженіи былъ убитъ магистръ; въ должность его вступилъ братъ Гергодъ фонъ Кацепельбогенъ.

1 іюля 1274 г. умеръ рижскій архіепископъ Альбертъ II-й, почти все время управленія своего архіепископствомъ проведшій въ спорахъ то съ Ригою, то съ орденомъ изъ за даней, изъ за десятинъ, изъ за дѣлежа земель, изъ за подсудности. Главною, а быть можетъ, и единственною причиною этихъ споровъ была неопредѣленность отношеній ордена къ епископамъ и къ рижскому архіепископу въ частности.

Хотя споры и восходили на разрѣшеніе папъ, но, разрѣшая частныя случаи, папскія буллы всетаки не опредѣляли отношеній ордена къ епископамъ, а отъ этого и источникъ распрей не уничтожался. Впрочемъ, открытая вражда между орденомъ и рижскимъ архіепископомъ обнаружилась гораздо позднѣе, лѣтъ чрезъ 20 послѣ смерти архіепископа Альберта, преемникомъ которому былъ архіепископъ Іоаннъ.

15. Конрадъ фонъ Фухтеванге, пятнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1279 — 81 г.

Въ 1279 г. должностью магистра въ Ливоніи былъ облеченъ Конрадъ фонъ Фухтеванге, который былъ также и ландмейстеромъ прусскимъ и занималъ обѣ должности въ одно и то же время. Во все время управленія этого магистра продолжалась постоянная война между самаитами, семигалами и орденомъ. Послѣ трехлѣтняго управленія, онъ отправился въ Пруссію, гдѣ впослѣдствіи получилъ санъ

великаго магистра. Такимъ образомъ этотъ магистръ занималъ три высшія должности тевтонкаго ордена.

Прим. перев. Вицеландмейстеръ ливонскій (замѣститель военноначальника) братъ Гергардъ фонъ Каценельбогенъ донесъ великому магистру Герману фонъ Гельдрунгену о гибели ливонскаго магистра Эрнста фонъ Расберга въ ашераденскомъ сраженіи. Великій магистръ, получившій въ это время извѣстіе о гибели и орденскаго ландмейстера Конрада, постановилъ ландмейстерскую должность въ Пруссіи и Ливоніи сосредоточить въ рукахъ одного полководца, Конрада фонъ Фейхтвангена.

Семигалы, ободренные ашераденскою битвою и умерщвленіемъ магистра, незамедлили возстать на нѣмцевъ, и весною 1279 года осадили орденскій замокъ Терветенъ. Предводителемъ ихъ явился одинъ ихъ старшина, по имени Намейзе, знакомый съ бывшимъ магистромъ Вольтеромъ фонъ Нордекомъ и водившійся съ рыцарями. Этотъ то Намейзе, получивъ пощечину отъ какого то рыцаря, поклялся отомстить за то ордену. Зная злобу семигаловъ за обложеніе ихъ данью въ пользу архіепископа и ордена, онъ, немедленно-же послѣ ашераденскаго сраженія, поднялъ семигаловъ и явился во главѣ возстанія.

Семигалы, осадивъ Терветенъ, выжгли предмѣстье этаго замка и умертвили всѣхъ христіанъ, бывшихъ тамъ, пощадивъ какого-то Бартольда, который выучилъ семигаловъ дѣйствовать изъ нѣмецкихъ самострѣловъ, найденныхъ въ предмѣстьи. Гарнизонъ Терветена защищался отчаянно, но когда семигалы начали дѣйствовать самострѣлами, то, видя невозможность дальнѣйшей обороны, рыцари къ числѣ 15 человѣкъ, зажгли замокъ и бросились на осаждавшихъ. Они были всѣ перебиты, замокъ достался въ руки семигаловъ, которые не замедлили отстроить его вновь.

Въ Эльбингѣ въ это время собрался орденскій капитулъ. Тутъ-то было постановлено послать на помощь въ Ливонію орденскій отрядъ подъ начальствомъ Конрада, гдѣ ливонскими орденскими дѣлами завѣдывалъ названный выше Гергардъ фонъ Каценельбогенъ. Конрадъ прибылъ въ Ливоніи 13 іюля 1280 г.

Къ этому именно времени и относятся дѣла подъ Добленомъ (см. выше статью „Доблелъ“, стр. 8 и слѣд.).

Два года провелъ Конрадъ въ Ливоніи, почти въ безпрерывной войнѣ съ семигалами и литовцами, но, получивъ свѣдѣнія о происшедшихъ перемѣнахъ и смерти многихъ сановниковъ ордена, поспѣшилъ въ Пруссію, гдѣ по смерти великаго магистра Гартмана фонъ Гильдрунгена (19 авг. 1283 г.) онъ былъ избранъ великимъ магистромъ. Ливонскимъ магистромъ по удаленіи Конради, является Вилликенъ.

16. Вилликенъ фонъ Шурборгъ, шестнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1281 — 87 г.

Въ 1281 году въ Феллинѣ ливонскимъ магистромъ былъ избранъ Вилликенъ фонъ Шурборгъ, котораго многіе называютъ также

Виллемомъ фонъ Эндорфомъ; этотъ магистръ велъ большія войны съ литовцами, Самантами и семигалами и убилъ ихъ предводителя. Онъ выстроилъ Святую Гору въ Семигаліи и кромѣ того три замка Вольмаръ, Буртникъ и Трикатенъ. Наконецъ, въ одномъ сраженіи семигалы одолѣли и убили его съ 33 братьями ордена; 16 братьевъ были взяты въ плѣнъ, изъ которыхъ многіе были привязаны нагими къ лошадямъ и до смерти забиты дубинами; многіе были привязаны къ деревяннымъ рѣшеткамъ и такимъ образомъ были брошены въ огонь и сожжены. Этотъ магистръ управлялъ пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ.

Прим. перев. Вилликенъ фонъ Шурбергъ (называвшійся также и фонъ Эндорфомъ), по вступленіи въ 1282 г. въ должность ливонскаго магистра, преимущественное вниманіе свое обратилъ на покореніе возставшихъ противъ нѣмцевъ семигаловъ, дѣлавшихъ вмѣстѣ съ литовцами безпрерывныя вторженія и набѣги на орденскія владѣнія. Чтобы затруднить такіе набѣги, магистръ рѣшился построить новый замокъ у Терветена. Все лѣто свозили строительные матеріалы въ Митаву, откуда, когда наступила зима, ихъ перевезли къ Терветену и здѣсь на горѣ построили новую крѣпость (замокъ) Гейлигенбергъ. Семигалы не замедлили напасть на новую крѣпость, но были отбиты. Тогда они рѣшились сдѣлать набѣгъ на самую Ригу, но объ ихъ намѣреніи какими то путями провѣдалъ гейлигенбергскій командоръ и далъ знать о томъ въ Ригу. Рижане вооружились, но непріятель не показывался. Ночью (великимъ постомъ 1287 года) семигалы, воспользовавшись оплошностью рижанъ, не затворившихъ городскихъ воротъ, вошли въ городъ, напали на орденскую конюшню, приспособленную для помѣщенія войска, подожгли ее, перебили находившихся людей, и ушли домой. Тутъ пришла вѣсть, что семигалы напали на Икскуль, выжгли посады. Магистръ съ отрядомъ рыцарей пошелъ къ Икскулю и, не заставъ тутъ непріятелей, погнался за ними чрезъ лѣса и болота. Дастигнувъ до Грозе (въ нейбургскомъ кирхшпилѣ), отрядъ рыцарей былъ окруженъ семигалами и 26 марта 1287 г. погибъ. Въ свалкѣ былъ убитъ и магистръ.

17. Конрадъ фонъ Гертогенштейнъ, семнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1287 — 89 г.

Въ 1287 году должность магистра въ Ливоніи сталъ исполнять Конрадъ фонъ Гертогенштейнъ, предпринимавшій многократные походы противъ безпокойныхъ самантовъ, въ отомщеніе имъ за смерть своего предшественника; онъ снова овладѣлъ бургомъ Добберномъ, котораго лишился магистръ Борхартъ Горнгузенъ, и семигальскими крѣпостями Раттеномъ и Сидробеномъ, разгромилъ, сжегъ и разрушилъ ихъ. Тогда семигалы снова были приведены въ повиновеніе. Этотъ магистръ управлялъ два года.

Прим. перев. Избранный, по смерти Вилликена, ливонскій магистръ Конрадъ фонъ Герцогенштейнъ (называется у Варт-

берга Коно Гатгенштеенскимъ, у Альнеке — Гацигенштейнскимъ). Собравъ значительныя по тому времени военныя силы (до 6,000 ч.), онъ вступилъ въ Курляндію, и постепенно овладѣлъ всѣми укрѣпленными пунктами семигаловъ. Мужественно отбивались они отъ нападеній, въ мартѣ 1289 года сдѣлали даже набѣгъ къ Дерпту, но дальнѣйшая борьба съ паденіемъ и разрушеніемъ ихъ укрѣпленій въ Добленѣ, Терветенѣ, Ратгенѣ и др. оказывалась уже невозможною. Митавскій командоръ предложилъ имъ покориться безусловно — и семигалы, съ 1280 г., ведшіе ожесточенную борьбу съ орденомъ, покорились. Съ окончательнымъ покореніемъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Курляндскую губернію, орденъ приблизился къ владѣніямъ литовскихъ князей. Тевтонскій орденъ къ 1283 г. окончательно уже покорилъ пруссовъ — и приблизился также къ литовскимъ владѣніямъ, къ Нѣману. Рѣшительная борьба съ литовскими князьями становилась на очереди, и не замедлила обнаружиться какъ на Нѣманѣ, такъ и съ курляндской границы.

18. Больто фонъ Гогенбахъ, восемнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1289 — 94 г.

Въ 1289 г. должность магистра въ Ливоніи занялъ Больто фонъ Гогенбахъ; во времена этого магистра, между тѣмъ какъ въ странѣ царствовалъ временный миръ отъ русскихъ, литовцевъ, самаитовъ и прочихъ язычниковъ, снова поднялась и началась война зависти и честолюбія между орденомъ и епископами въ Ливоніи. Этотъ магистръ управлялъ пять лѣтъ.

Прим. перев. Послѣ десяти лѣтнихъ тревогъ и ожесточенной борьбы въ Семигаліи, стоившей ордену большихъ потерь (однихъ рыцарей погибло до 600), въ Ливоніи наступила тишина, и новый магистръ Больтъ фонъ Гогенбахъ (по Вартбергу, Гальтъ см. выше стр. 96), смѣнившій Конрада (Коно, Куно) Герцогенштейна (Гатгеенштейна), могъ, находясь въ мирѣ съ сосѣдями, заняться внутренними дѣлами ордена. Тутъ послѣдовало заключеніе различныхъ сдѣлокъ съ епископами, но тутъ же начался и раздоръ между орденомъ и епископами.

Неопредѣленность отношеній между орденомъ и епископами была едва ли не важнѣйшею причиною раздоровъ. По акту соединенія орденовъ отъ 14 мая 1237 г., ливонскій орденъ долженъ былъ признавать себя вассаломъ мѣстныхъ епископовъ, но въ 1279 году императоръ Рудольфъ распространилъ на ливонскую отрасль всѣ права тевтонскаго ордена. Епископы не желали терять своихъ правъ на главенство, но и орденъ не хотѣлъ уступать дарованнаго ему императоромъ. Къ этому присоединились и запутанности отъ дѣлежа земель. Орденъ сталъ жаловаться, что епископы не уважаютъ ихъ правъ, епископы въ свою очередь жаловались, что орденъ не исполняетъ своихъ вассальныхъ обязанностей.

Епископа Николая въ 1254 г. смѣнилъ епископъ Альбертъ, возведенный въ санъ архіепископа въ 1255 г. Послѣ его смерти риж-

скимъ архіепископомъ правили съ 1274 по 1285 г. Іоганнъ I-й фонъ Линенъ, и съ 1285 по 1295 г. Іоганнъ II-й фонъ Фехтенъ. При учрежденіи рижскаго архіепископства, папа Инокентій IV подчинилъ прочія епископства этому архіепископству и утвердилъ за рижскою церковью ея владѣнія, именно городъ Ригу и замки Торейду, Леневарденъ, Икскуль, Даленъ, Кокенгузенъ и пр. Впрочемъ, до конца XIII-го столѣтія орденъ и епископы кое-какъ ладили между собою; открытая распря началась съ 1296 г. и продолжалась до 1330 года, какъ о томъ будетъ упомянуто ниже.

19. Гинрихъ фонъ Думпесгагенъ, девятнадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1294 — 96 г.

Въ 1294 г. магистерскаго достоинства въ Ливоніи достигъ Гинрихъ фонъ Думпесгагенъ, который заключилъ договоръ и миръ съ дерптскимъ епископомъ Бернгардомъ. Но этотъ миръ не долго сохраняли епископы, чрезъ что возникли большія и безполезныя войны. Этотъ магистръ управлялъ два года.

Прим. перев. По договору съ дерптскимъ епископомъ Бернгардомъ II (1285 — 1303), между прочимъ, всѣ крѣпости дерптскаго епископства предоставлялось занять орденскими гарнизонами для лучшей обороны епископства отъ вторженій псковичей.

20. Бруно, двадцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1296 — 98 г.

Въ 1296 г. магистромъ въ Ливоніи былъ сдѣланъ Бруно, во времена котораго магистра возникла большая война между орденомъ и третьимъ архіепископомъ, Іоанномъ фонъ деръ Фехтэ, совмѣстно съ рижскимъ капитуломъ. Потому что, какъ названный епископъ совмѣстно со своимъ капитуломъ и всѣмъ епископствомъ соединился съ литовцами и другими язычниками и ввелъ множество тѣхъ язычковъ въ страну, такъ и магистръ Бруно принужденъ былъ ополчиться съ союзниками своего ордена. И когда оба полчища сошлись на полѣ и сразились подъ Трейденомъ, тогда рижское, епископское войско съ невѣрными литовцами одержали побѣду, и убили магистра Бруно вмѣстѣ съ 60 братьями ордена; чрезъ это епископскіе люди и рижскіе бюргеры сдѣлались очень дерзкими и обложили Нізмюле—орденскій замокъ, отъ котораго были отбиты. Тутъ рижанъ погибло около 400, нѣкоторые были убиты, другіе оттѣснены въ воду, гдѣ должны были потонуть. Случилось это въ 1298 г.

Прим. перев. Ливонскій магистръ Бруно былъ убитъ 1-го іюня 1298 года.

Не излишне здѣсь привести нѣкоторыя подробности о предшествовавшихъ этой катастрофѣ событіяхъ.

Извѣстно, что, основавъ въ 1201 г. Ригу, епископъ Альбертъ старался привлечь въ новый городъ, который онъ имѣлъ полное и неоспоримое право называть своимъ созданіемъ, осѣдлое, и притомъ надежное нѣмецкое населеніе, которое бы могло защитить городъ отъ враждебныхъ покушеній туземцевъ и русскихъ. Привлечь же такое населеніе можно было не иначе, какъ предоставленіемъ новому городу обширныхъ правъ и преимуществъ, чтобы нѣмецкому купцу и ремесленнику было изъ за чего бросать родину и переселяться въ страну невѣдомую и притомъ явно враждебную пришельцамъ. Епископъ такъ и сдѣлалъ: построилъ городъ, обвелъ его крѣпкою стѣною и далъ немаловажныя политическія права и обширныя преимущества въ торгѣ и промыслахъ всѣмъ нѣмецкимъ купцамъ и ремесленникамъ, которые составили первое городское населеніе, первое бюргерство. Расчетъ умнаго епископа оправдался: въ Ригу явились люди не безъ денегъ и не безъ заграничнаго кредита, люди, способные не только защищать свой городъ, но и принять дѣятельное участіе совмѣстно съ епископомъ въ его походахъ на эсто-латышскія земли.

Пользуясь хорошо избраннымъ географическимъ положеніемъ своего города, рижскіе бюргеры незамедлили повести прибыльную торговлю съ русскими, населявшими обширныя земли Двинскаго бассейна, а участвуя въ епископскихъ походахъ, пріобрѣли и не безъ доходныя земли. Рига была сборнымъ пунктомъ пилигримовъ, пріѣзжавшихъ въ Ливонію изъ Германіи, а это дало возможность нанимать ихъ въ свою службу и посылать въ походы вмѣстѣ съ рыцарями и епископскими вассалами. Однимъ словомъ, обстоятельства складывались весьма благопріятно для рижскихъ бюргеровъ, которые скоро разбогатѣли и, что всего важнѣе, сплотились въ массу, способную, въ случаѣ общей опасности, дѣйствовать единодушно.

Скоро послѣ своего основанія, Рига вступила въ ганзейскій союзъ, а это было вовсе не маловажное дѣло въ тѣ времена, потому что ганза ворочала всею торговлею сѣвера и располагала далеко не маловажными средствами.

Рижскіе епископы (съ 1255 года архіепископы) съ капитуломъ имѣли свое мѣстопребываніе въ Ригѣ, такъ какъ сюда еще Альбертъ перенесъ свою каѳедру изъ Икскуля послѣ отстройки въ 1210 году собора и монастыря (нынѣшняя Domkirche). Рижскіе бюргеры всегда признавали надъ собою главенство своего архіепископа и жили въ ладу съ нимъ, частію изъ благочестія, видя въ архіепископѣ верховную власть, установленную папою, а частію и изъ благодарности за полученныя отъ епископовъ и архіепископовъ права и преимущества, которыхъ не бюргеры не имѣли. Съ своей стороны и архіепископъ со своимъ капитуломъ, имѣя высшую судебную власть въ городѣ и исправно получая половину всѣхъ доходовъ, судебныхъ взысканій и штрафовъ, не имѣли повода быть не довольными бюргерами, своими дѣтьми, какъ выражались въ тѣ времена епископы и католическіе и православные (епископъ полоцкій, напр., называетъ своими дѣтьми рижскихъ ратмановъ, см. выше стр. 68).

Орденъ меченосцевъ, а потомъ и ливонская отрасль тевтонскаго ордена имѣли также свое мѣстопребываніе въ Ригѣ; рыцари имѣли здѣсь свой домъ, т. е. замокъ для помѣщенія своего конвента, имѣли и другія строенія, построенныя для разныхъ орденскихъ нуждъ какъ внутри, такъ и внѣ города; но нельзя сказать, чтобы рыцари и бюргеры жили въ ладу между собою. Чуть лишь совершился первый раздѣлъ земель ливовъ и латышей между епископомъ Альбертомъ и орденомъ, какъ орденскій магистръ заявилъ предъ папою свои притязанія на треть города (см. выше стр. 35). Первый папскій легатъ, епископъ Вильгельмъ Моденскій, кое-какъ уладилъ въ 1226 году отношенія ордена къ городу, которыя остались по своему существу безъ особенныхъ перемѣнъ и по соединеніи орденовъ. Городу сильно не нравилось, что орденскія земли подходятъ подъ самыя стѣны Риги, что слѣд. орденъ, если захочетъ, всегда можетъ поставить бюргеровъ въ затруднительное положеніе, пресѣкши подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ городъ, не нравилось и то, что орденъ имѣлъ значительныя земли и по приморскому берегу, слѣд. могъ, если захочетъ, мѣшать и торгу. Какъ бы то ни было, но лѣтъ 50 прошло съ 1226 года, въ теченіе которыхъ рыцари и бюргеры жили между собою если и не въ дружбѣ, то безъ явнаго раздора, который появился, когда императоръ Рудольфъ въ 1279 г. распространилъ на ливонскую отрасль всѣ права тевтонскаго ордена. Рыцари, основываясь на томъ, что Ливонія есть имперскій ленъ, стали съ этаго времени стремиться сдѣлать Ригу подсудною себѣ, что, конечно, крайне не нравилось бюргерамъ, не безъ основанія видѣвшимъ въ подобныхъ стремленіяхъ опасность не только для своихъ привиллегій, но и для всѣхъ своихъ имуществъ. Раздраженіе явилось, но, однако, не выходило наружу ни при епископѣ Іоаннѣ І-мъ фонъ Линенѣ (1274 — 85), ни при архіепископѣ Іоаннѣ II-мъ фонъ Фехтенѣ (1285 — 95). Въ 1295 г. архіепископъ Іоаннъ II-й умеръ и на его мѣсто въ томъ же году былъ избранъ рижскимъ архіепископомъ Іоаннъ III-й, графъ Шверинскій, который и вступилъ въ управленіе рижскимъ архіепископствомъ со всѣми правами главенства надъ Ригою, которыя всегда принадлежали рижской церкви и были утверждены за нею папою Александромъ при учрежденіи рижскаго архіепископства.

Въ томъ же 1295 г. былъ избранъ магистромъ братъ Генрихъ Динстелагскій, тотъ самый, который заключилъ союзъ съ дерптскимъ епископомъ Бернгардомъ II-мъ. Онъ правилъ орденомъ очень не долго, потому что умеръ 28 сентября 1296 г., на его же мѣсто былъ избранъ братъ Бруно, прибывшій въ Ригу лишь въ августѣ 1297 года.

Тутъ то произошло событіе, само по себѣ незначительное, но достаточное для того, чтобы произвести взрывъ при напряженности отношеній.

Городъ, для защиты отъ наводненій, выстроилъ на правомъ берегу Двины больверкъ и отъ него, для удобнѣйшей доставки дровъ въ городъ, началъ строить мостъ на близь лежавшій островъ.

Мостъ имѣлъ и раздвижную часть для пропуска судовъ. Работы еще не были кончены, какъ къ мосту прибылъ какой то корабль, раздвижная часть была покрыта досками и кораблю нельзя было подойти къ городу. Орденскіе слуги разбросали доски, причемъ поссорились съ рабочими, работавшими на мосту, и въ ссорѣ побили ихъ. Эта драка и послужила поводомъ къ разрыву между городомъ и орденомъ.

Кажется, что все это дѣло происходило раннею весною 1297 года. Въ Ригѣ не было еще магистра, но не было въ городѣ и архіепископа Іоанна III-го, который въ это время находился за границей.

Бюргеры, видя самоуправство орденскихъ слугъ, спросили командоре орденскаго рижскаго замка, произошло ли оно съ его вѣдома или нѣтъ. Командоръ далъ отвѣтъ утвердительный. Тогда бюргеры заговорили о вознагражденіи и о томъ, то подобное самоуправство произведетъ дурное впечатлѣніе въ ганзейскихъ городахъ. Командоръ не обратилъ на это вниманія, и съ своей стороны заявилъ, что велитъ разорить въ полъ дня все, что рижане настроятъ въ десять дней. Замѣститель магистра, управлявшій дѣлами ордена, пошелъ далѣе: велѣлъ бюргерамъ непремѣнно разобрать мостъ и впредь до разобранія запретилъ подвозить въ Ригу съѣстные припасы изъ окрестныхъ, принадлежавшихъ ордену, деревень, что равнялось объявленію города въ осадномъ положеніи.

За отсутствіемъ архіепископа, рижскіе бюргеры рѣшились обратиться къ папѣ съ жалобою на орденъ. Соборный капитулъ между тѣмъ и нѣкоторые изъ епископовъ явились посредниками въ спорѣ и устроили такъ, что орденъ и городъ заключили между собою перемиріе на опредѣленное время. Рыцари воспользовались этимъ перемиріемъ, чтобы привести свой рижскій замокъ въ оборонительное положеніе и въ возможность дѣйствовать изъ него по городу, стянули къ замку изъ окрестныхъ своихъ замковъ человѣкъ 500 вооруженнаго народа, и заняли городской госпиталь св. Георгія (нынѣ конвентъ св. Духа). За три дня до окончанія перемирія, прибылъ въ Ригу архіепископъ (новый магистръ прибылъ еще въ августѣ) и, явившись въ орденскій станъ, заявилъ, что бюргеры готовы сломать мостъ. „Не мостъ составляетъ причину вражды — отвѣтилъ магистръ — а двадцать лѣтъ тянущіяся пререканія между городомъ и орденомъ“. Перемиріе, однако, продолжили до 29-го сентября, впредь до прибытія изъ Любека и другихъ ганзейскихъ городовъ пословъ, которые уладили бы споръ.

Но еще до этого орденскіе ратники произвели пожаръ въ городѣ. Въ отмѣстку ли за это, или просто изъ желанія повредить ордену, но бюргеры, по видимому, съ согласія архіепископа, разрушили орденскіе амбары внѣ города и орденскій георгіевскій дворъ внутри города.

Послѣ этаго о мирѣ нельзя было и думать, — но, однакоже, перемиріе продолжили еще до 11 ноября. Тутъ магистръ узналъ, что рижскіе бюргеры входятъ въ соглашеніе о помощи съ

эзельскимъ епископомъ. Онъ немедленно же пошелъ на этаго епископа и, овладѣвъ Леалемъ и островомъ Эзелемъ, лишилъ тѣмъ архіепископа большой поддержки. На дерптскаго епископа нельзя было также расчитывать, потому что магистръ и съ нимъ совладалъ очень скоро.

Архіепископъ. оставленный безъ помощи отъ прочихъ епископовъ, не могъ не видѣть, что бороться ему одному съ рижанами противъ ордена невозможно, что и ему грозитъ участь, постигшая эзельскаго и дерптскаго епископовъ. Онъ завелъ поэтому сношенія съ литовскими послами о помощи, и поручилъ соборному капитулу заявить ганзейскимъ городамъ, что литовцы крестились бы, если бы орденъ не мѣшалъ тому. Раздраженный этимъ магистръ занялъ архіепископскіе замки Кокенгузенъ и Трейденъ, захватилъ самаго архіепископа въ Трейденѣ и заперъ его въ Феллинѣ.

Рижане тогда разорили орденскій замокъ, убили въ немъ нѣсколько рыцарей, разорили и орденскую церковь.

Литовскій князь Витень, приглашенный въ Ливонію, охотно явился на помощь рижанамъ и, по обычаю литовцевъ, страшно разорилъ все встрѣчное. Весною 1298 г. онъ снова появился въ Ливоніи, соединился съ рижскими и архіепископскими людьми, измѣною захватилъ замокъ Каркусъ, перебилъ тамъ рыцарей и, разсѣявъ свои хищныя толпы по Ливоніи, сталъ жечь церкви, деревни, избивая, по тогдашнему обычаю, попадавшихся въ руки мущинъ, и уводя въ неволю женщинъ и дѣтей. Съ награбленною добычею и многимъ полономъ онъ возвращался домой. Магистръ Бруно съ отрядомъ рыцарей вышелъ на встрѣчу Витеню, 1 іюня 1298 г. сразился съ нимъ у рѣки Лифляндской Аа и потерпѣлъ совершенное пораженіе Литовцы убили магистра и съ нимъ 60 рыцарей и, подѣливъ добычу съ рижанами (см. выше стр. 67), осадили орденскій замокъ Нейермюленъ.

21 Готфридъ, двадцать первый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1298 — 1307 г

Въ 1298 г., въ самый разгаръ войны съ рижскимъ архіепископствомъ, въ ливонскіе магистры былъ избранъ Готфридъ. Во времена этого магистра въ странѣ продолжался добрый миръ ради внѣшнихъ враговъ, но внутреннюю войну между орденомъ и епископами не могли и не хотѣли такъ скоро прекратить. Этотъ магистръ управлялъ 8 лѣтъ. Въ это время въ Ригѣ былъ четвертымъ архіепископомъ Іоаннъ, графъ Шверинскій.

Прим. перев. Готфридъ фонъ Рогге былъ ливонскимъ магистромъ съ 1299 по 1309 годъ.

Почти все время магистерства Рогге прошло въ переговорахъ, соглашеніяхъ и новыхъ раздорахъ архіепископа съ Ригою. Послѣ умерщвленія магистра Бруно, литовцы осадили Нейрмюленъ, но не имѣли уже прежней удачи. Кенигсбергскій командоръ Бер-

тольдъ фонъ Бригафеидъ разбилъ ихъ 29 іюня 1298 г. опустошилъ архіепископскія имѣнія, обобралъ изъ архіепископскаго бурга серебряные сосуды и дорогіе вещи на 6000 марокъ, потомъ и самъ сдѣлалъ набѣгъ на литовскія земли, куда изъ за Нѣмана вторгся и бранденбургскій командоръ. Набѣги эти, подобно многимъ предшествовавшимъ, не повлекли за собою никакихъ серьезныхъ результатовъ. Архіепископъ находился въ плѣну, и рижскій капитулъ, для его освобожденія, обратился было за помощью къ королю датскому Эриху VI. Тотъ обѣщалъ помочь на не безвыгодныхъ, конечно, для себя условіяхъ, но помощи однако никакой не подалъ.

Тѣмъ не менѣе со смертію Бруно дѣла приняли оборотъ для ордена не совсѣмъ благопріятный: папа, получивъ донесеніе о ливонскихъ происшествіяхъ отъ великаго магистра и, конечно, отъ ливонскаго духовенства, 12-го января 1299 г. потребовалъ, дабы обѣ спорившія стороны прибыли въ Римъ къ іюлю мѣсяцу на папскій судъ и дабы орденъ немедленно же освободилъ архіепископа съ возвращеніемъ ему всѣхъ церковныхъ имѣній.

Архіепископъ Іоаннъ III-й былъ освобожденъ и скоро отправился въ Римъ, чтобы лично принести жалобу папѣ на орденъ. Эзельскій епископъ Конрадъ не замедлилъ также принести папѣ жалобу, что орденъ силою захватилъ и опустошилъ его епископство, ограбилъ въ эзельскомъ епископствѣ церкви и больницы, умертвивъ много народа. Не упустилъ также пожаловаться папѣ и епископъ курляндскій, обвиняя орденъ въ томъ, что онъ грабилъ крещеныхъ уже семигаловъ, церкви опустошалъ, издѣвался даже надъ святынею: дары топталъ ногами, покровъ отъ чаши подарилъ какой то женщинѣ на головной уборъ. Рига съ своей стороны жаловалась на орденъ, что рыцари подрываютъ рижскую торговлю, что бюргеры должны добывать себѣ съѣстные припасы изъ дальнихъ мѣстъ, такъ какъ орденъ не дозволяетъ провоза припасовъ въ Ригу изъ ближайшихъ окрестностей.

Іоаннъ III не дожилъ до папскаго рѣшенія по этимъ жалобамъ: онъ умеръ въ іюлѣ 1300 г. Вслѣдствіе этого, папа Бонифацій VIII назначилъ 19 декабря 1300 г. преемникомъ ему своего капелана Изарна Такконп, бывшаго предъ тѣмъ легатомъ въ Даніи. Новый архіепископъ, принявъ, повидимому, во вниманіе, что если въ бывшихъ распряхъ орденъ былъ виновенъ въ открытіи, безъ достаточныхъ основаній, непріязненныхъ дѣйствій съ Ригою, то и покойный архіепископъ былъ неправъ, когда вошелъ въ союзъ съ язычниками, сталъ заботиться покончить дѣло мировою и предложилъ условія: обѣ стороны, т. е. орденъ и архіепископъ, пусть бросятъ претензіи на взаимныя убытки, георгіевская церковь въ Ригѣ пусть будетъ снова отдана рыцарямъ, но рыцарей въ самомъ городѣ, чтобы не проживало больше 10 человѣкъ, чтобы они въ самой Ригѣ не занимали никакихъ башенъ и никакихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Мостъ, подавшій поводъ къ распрѣ, пусть остается, но съ раздвижною частію для пропуска судовъ; торгъ пусть будетъ воленъ и безпошлиненъ для обѣихъ сторонъ. За архіепископомъ должно, по прежнему,

оставаться право верховной власти надъ Ригою, но вопросъ объ орденскихъ имѣніяхъ въ городской чертѣ и о спорныхъ имѣніяхъ рижскихъ бюргеровъ въ Ливоніи пусть рѣшитъ папа. Условія эти папа одобрилъ съ присовокупленіемъ, однако, что орденъ не только долженъ отдать обратно архіепископу всѣ его имѣнія, но и вознаградить рижскую церковь за понесенные убытки.

Архіепископъ Изарнъ прибылъ въ Ригу въ 1301 г. Великій магистръ Готфридъ фонъ Гогенлоэ также прибылъ въ Ливонію съ 50 рыцарями, чтобы окончательно помирить архіепископа съ ливонскимъ магистромъ Готфридомъ фонъ Рогге, и успѣлъ въ томъ: архіепископъ помирился съ орденомъ на вышеизложенныхъ условіяхъ, при чемъ было положено также, чтобы орденъ возстановилъ разрушенные замки эзельскаго епископа и чтобы на Эзелѣ никакихъ новыхъ крѣпостей не возводилъ.

Мировая эта состоялась въ іюнѣ 1302 года. Архіепископъ затѣмъ началъ хлопотать, чтобы помирить орденъ и съ городомъ, но рижскіе бюргеры, лучше сказать магистратъ и обѣ гильдіи, никакъ не хотѣли мириться на условіяхъ, предлагаемыхъ архіепископомъ. Это упрямство, говорятъ, и было одною изъ причинъ, что Изарнъ въ концѣ 1302 г. отказался отъ сана рижскаго архіепископа и выѣхалъ изъ Риги, будучи назначенъ папою лундскимъ архіепископомъ. Цѣлый годъ рижская архіепископская каѳедра оставалась незамѣщенною и лишь 31 марта 1304 г. папа назначилъ рижскимъ архіепископомъ чешскаго минорitскаго монаха Фридриха. Новый архіепископъ видѣлся въ Венеціи съ великимъ магистромъ тевтонскаго ордена Зигфридомъ фонъ Фейхтвангеномъ, обѣщалъ ему уважать права ливонскаго ордена, лишь бы только орденъ защищалъ ливонскую церковь отъ всѣхъ ея враговъ и въ томъ же году отправился въ Ригу. Онъ былъ встрѣченъ и принятъ въ Ливоніи съ большими почестями, немедленно же принялъ присягу на вѣрность себѣ отъ города Риги и вассаловъ рижской церкви, и вступилъ въ управленіе всѣмъ архіепископствомъ безъ всякой помѣхи съ чьей бы то ни было стороны. Ему удалось привести къ соглашенію орденъ и городъ Ригу на условіяхъ, выработанныхъ при его предшественникѣ. Актъ этаго соглашенія не сохранился, но, кажется, что существенными пунктами его были: Рига, по прежнему, остается подсудною архіепископу, но Ливонія остается подъ главенствомъ папы. Орденъ долженъ возвратить Ригѣ всѣ городскія имѣнія и дома; между городомъ и орденскимъ замкомъ должна быть выстроена стѣна съ воротами для пѣшеходовъ; въ городѣ могутъ проживать орденскіе братья численностію не свыше 20 человѣкъ; въ капитулъ орденскіе братья могутъ являться не свыше 30 человѣкъ. Орденъ не имѣетъ права возводить въ городѣ ни башень, ни другихъ укрѣпленій; мостъ на Двинѣ остается, лишь бы онъ не мѣшалъ судоходству. Относительно 1,500 гаковъ земли въ Курляндіи и 400 гаковъ на Эзелѣ, требуемыхъ городомъ отъ ордена, пусть рѣшитъ папа. Рижскіе бюргеры должны непремѣнно отказаться отъ союза съ литовцами.

Соглашеніе кое-какъ состоялось, но тутъ же и порвалось по слѣдующему случаю:

Въ 1303 году литовскіе хищники напали на динаминдскій монастырь, ограбили его, перебили монаховъ, воспользовавшись тѣмъ, что монастырь этотъ не былъ достаточно укрѣпленъ. Орденъ предложилъ динаминдскому абату продать монастырь за 4,000 марокъ. Абатъ согласился, сдѣлка совершилась 26 мая 1305 года и орденъ немедленно же занялъ динаминдскій бургъ и укрѣпилъ его сообразно потребности.

Надобно замѣтить, что Динаминдъ (замокъ и монастырь), находившійся при самомъ устьѣ Двины, имѣлъ большое значеніе для рижской торговли и городу Ригѣ совсѣмъ не все равно было: находился ли динаминдскій бургъ въ рукахъ ордена, или въ рукахъ абата, подчиненнаго архіепископу. Еще гораздо ранѣе, именно въ 1263 году, городъ Рига взялъ съ тогдашняго динаминдскаго абата Вильгельма письменное обязательство никому не уступать, безъ согласія города, ни динаминдскаго бурга, ни приписныхъ къ нему земель въ Семигаліи и по рѣкѣ Лифляндской (Трейденской) Аа. Какъ только динаминдскій бургъ явился въ рукахъ ордена, то рижане тотчасъ же протестовали противъ сдѣлки, совершенной между орденомъ и абатомъ, не только безъ согласія, но даже и вѣдома рижскихъ бюргеровъ. Архіепископъ, говорятъ, по этому поводу самъ совѣтовалъ бюргерамъ не прерывать связей и союза съ литовцами и не исполнять условій соглашенія съ орденомъ, именно вслѣдствіе занятія орденомъ динаминдскаго бурга. Этаго мало; архіепископъ, не желавшій, чтобы устья Двины находились въ орденскихъ рукахъ, въ сентябрѣ того-же 1305 года, подалъ папѣ обширную рѣзко написанную жалобу, въ которой обвинялъ орденъ не только въ непослушаніи ему, архіепископу, какъ верховному владыкѣ страны, но и въ стремленіяхъ взять верхъ надъ нимъ. Нѣтъ человѣка, писалъ архіепископъ, который бы не былъ оскорбленъ орденомъ; орденъ есть самый заклятый врагъ не только рижской, но и всей римской церкви; своимъ поведеніемъ и поступками орденъ подрываетъ вѣру и нравственность: не строитъ для новокрещеныхъ церквей, не назначаетъ священниковъ, такъ что туземцы остаются въ невѣріи, по старому; не пускаетъ ни одного монаха поселиться между новокрещенцами; хватаетъ даже архіепископскихъ миссіонеровъ и запрещаетъ имъ проповѣдывать евангеліе между язычниками и новокрещеными. Отлученнымъ отъ церкви братьямъ орденъ даетъ высшія мѣста и назначенія безъ духовнаго отпущенія грѣховъ; великаго поста не соблюдаетъ. Посягаетъ на судебную власть архіепископа и еще недавно изгналъ изъ курляндскаго епископства всѣхъ каноников, замѣстивъ ихъ своими, орденскими. Самопроизвольно поднимаютъ рыцари оружіе на христіанъ, умерщвляя тѣхъ, кто противится имъ. Такъ недавно, не смотря на заключенное соглашеніе, они перебили рижскихъ бюргеровъ и многія тысячи народа умертвили при противозаконномъ взятіи острова Эзеля. Язычникамъ орденъ продаетъ оружіе, желѣзо и другіе товары, находится съ ними въ постоянныхъ связяхъ: замокъ Динабургъ про-

данъ имъ за триста марокъ и покинулъ имъ архіепископскій замокъ (дворъ) въ Полоцкѣ. Орденъ захватилъ архіепископскіе замки Икскуль, Митаву и Кирхгольмъ, присвоилъ себѣ Лубанское озеро и землю Астигерве и еще недавно забралъ въ свои руки динаминдскій архіепископскій замокъ и монастырь.

Многія изъ этихъ обвиненій были преувеличены, многія совершенно невѣрны, но нѣкоторыя были и справедливы. Орденскій прокураторъ при римскомъ дворѣ отвѣчалъ въ 1306 г. на эти обвиненія и опровергалъ ихъ довольно удачно: орденъ никогда не отступалъ отъ духовной подсудности архіепископу, не мѣшалъ проповѣдникамъ, не способствовалъ отпаденію отъ христіанства Семигаліи. Многіе изъ крещеныхъ семигаловъ воротились въ язычество отъ того, что архіепископскій капитулъ не озаботился постройкою для защиты ихъ надежныхъ бурговъ. Торгуютъ съ язычниками не братья рыцарства, а рижскіе бюргеры. Въ Курляндіи орденскіе каноники назначаются съ согласія архіепископа, даннаго еще за 40 лѣтъ предъ симъ. Полоцкъ никогда не былъ во власти ордена. Динабургъ и Митава выстроены орденомъ, а вовсе не архіепископомъ. Динабургъ рыцари не продавали, а его русскіе разрушили. Икскуль, составляющій архіепископскій ленъ, заложенъ ордену вассаломъ рижской церкви Іоанномъ Икскулемъ за 300 марокъ. На Эзель орденъ поднялъ оружіе за то, что эзельскій епископъ вошелъ въ союзъ съ рижанами и литовцами. Впрочемъ, орденъ, согласно договора съ архіепископомъ Изарномъ, уже возмѣстилъ епископскіе убытки.

Весною 1306 года архіепископъ Фридрихъ поѣхалъ самъ къ папскому двору, пребывавшему въ это время въ Авиньйонѣ, для личныхъ объясненій, а между тѣмъ рижскіе бюргеры никакъ не могли забыть потери Динаминда. Хотя они и заплатили ордену 1000 марокъ за рыцарскій Георгіевскій дворъ внутри города, но двора все таки рыцари имъ не сдавали, требуя, чтобы рижане отказались отъ союза съ литовцами. Рижане же не только не хотѣли отказываться отъ союза, но напротивъ, подстрекнули литовцевъ сдѣлать набѣгъ на орденскія земли. Литовцы не заставили себя долго просить и въ іюнѣ 1306 г. уже грабили ливонскія владѣнія, находя себѣ защиту подъ самыми стѣнами Риги, по всей вѣроятности, въ литовскомъ замкѣ (см. выше стр. 97). Рыцари не могли подступиться къ грабителямъ и, наконецъ, дали 700 марокъ рижанамъ, чтобы они только не помогали литовцамъ. Когда язычники стали подъ самой Ригой нещадно избивать попавшихся имъ плѣнныхъ, то рыцари 2-го іюля 1307 г. напали на литовцевъ и въ свою очередь перебили съ тысячу хищниковъ.

Рижане и тутъ, однако, не думали отставать отъ своихъ союзниковъ и прямо же заявили въ 1309 г. епископамъ дерптскому, эзельскому и эстонскому (датскому) рыцарству, что не откажутся отъ союза съ литовцами до тѣхъ поръ, пока орденъ не отдастъ Динаминда рижанамъ.

Папа Бонифацій VIII, въ бурныя времена своего папства, мало обращалъ вниманія на ливонскія дѣла; болѣе серьезное вни-

маніе на нихъ обратилъ его преемникъ Климентъ V, но уже при преемникѣ Рогге магистрѣ Гергардѣ Іоркѣ.

22. Конрадъ фонъ Іокке, двадцать второй магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1307 — 27 г.

Въ 1307 г. мѣсто ливонскаго магистра получилъ Конрадъ фонъ Іокке, который собралъ большое войско изъ туземныхъ заграничныхъ воиновъ, кромѣ того ему на помощь было прислано изъ Пруссіи много воиновъ, предводителемъ коихъ былъ нѣкто по имени Кетельгедтъ; съ такимъ ополченіемъ магистръ пошелъ въ Россію и осадилъ городъ Псковъ, взялъ и разграбилъ его, и привезъ съ собою непомѣрно громадную добычу, принудивъ русскихъ такимъ образомъ къ миру. Этотъ магистръ выстроилъ замокъ Мейзатенъ въ Семигаліи и многіе другіе замки.

Во время управленія этого магистра въ 1315 году была въ Ливоніи и во всѣхъ окрестныхъ земляхъ такая неслыханная, ужасная дороговизна на хлѣбъ и другіе необходимые продукты, что многія сотни людей умерли съ голоду, которыхъ бросали въ большія крестьянскія ямы и хоронили; даже доходило до того, что нѣкоторые родители убивали своихъ дѣтей и ѣли ихъ, и нѣкоторые родители отъ недостатка въ хлѣбѣ запирали своихъ дѣтей въ жаркихъ баняхъ, чтобы дѣти задохлись. Въ то же время случилось, въ Эстляндіи, въ одной деревнѣ, называвшейся Пуггетъ, что работникъ съ голоду убилъ своего отца и хотѣлъ его съѣсть, при этомъ былъ схваченъ и подъ тяжелымъ наказаніемъ былъ замученъ до смерти. И если тогда случалось, что на висѣлицѣ вѣшали вора, то его бѣдные люди ночью снимали и съѣдали. Этотъ голодъ и эта дороговизна продолжались три года по той причинѣ, что хлѣбъ, какъ рожь, такъ и ячмень, всякій годъ вымерзали на полѣ.

Во время этого магистра была также война между орденомъ и епископомъ эзельскимъ, въ которой магистръ отнялъ отъ епископа дома (замки) Гапсель, Лодс и Леаль вмѣстѣ со всѣмъ Викомъ. Наконецъ, этотъ раздоръ прекращенъ и улаженъ Изарномъ, пятымъ архіепископомъ рижскимъ. Послѣ того Изарнъ оставилъ свое архіепископство и уѣхалъ въ Италію, откуда прибылъ.

Прим. перев. Разсказъ Рюссова о событіяхъ, происходившихъ во времена магистерства Гергарда Іорке (Іокке) далеко не полонъ и далеко не вѣренъ. Во первыхъ, магистръ Іорке управлялъ ливонскими орденскими дѣлами не съ 1307 по 1327 г., какъ показано у Рюссова, а съ 1309 по 1324 г., во вторыхъ война со псковичами и осада Пскова были не въ 1307, а въ 1323 г. (см. выше стр. 98 и прим. 4 на стр. 143), далѣе архіепископомъ рижскимъ во времена Іорке былъ не Изарнъ, оставившій Ливонію, какъ сказано въ предъидущемъ примѣчаніи, еще въ концѣ 1302 г., а Фридрихъ, затѣмъ ни

слова не сказано о распряхъ между орденомъ и архіепископомъ, продолжавшихся при Іоркѣ.

У Вартберга (см. выше стр. 98 и 99) указаны важнѣйшія событія, происшедшія во времена Іорке; не излишне, однако, привести здѣсь нѣкоторыя подробности о распряхъ между архіепископомъ и орденомъ, то стихавшихъ, то снова разгоравшихся и тянувшихся до покоренія орденомъ Риги въ 1330 г.

Папа Климентъ V, возведенный на папскій престолъ французскимъ королемъ Филиппомъ IV, явился врагомъ всего тевтонскаго ордена. Въ 1309 году онъ поручилъ Іоанну, архіепископу бременскому, и Францу Маліано, канонику лаонскому, изслѣдовать на мѣстѣ ливонскія дѣла по жалобамъ архіепископа, а въ слѣдующемъ 1310 году (19 іюня) издалъ, по ходатайству рижскаго архіепископа Фридриха противъ тевтонскаго ордена буллу, въ которой на основаніи жалобъ ливонскихъ епископовъ, поданныхъ еще въ 1308 году, обвинялъ орденъ въ томъ, будто рыцари добивали раненыхъ ратниковъ и трупы ихъ сжигали, будто самъ магистръ избѣгъ этой участи единственно по просьбѣ своего оруженосца. Обвиненіе весьма важное, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, сжиганіе труповъ противорѣчило ученію о воскресеніи мертвыхъ и составляло характеристичное различіе между языческими и христіанскими нравами. Отъ обвиненія въ сжиганіи труповъ недалеко уже было до обвиненія въ ереси и до участи, постигшей темпліеровъ, подвергнуть которой тевтонскій орденъ были не прочь какъ рижскій архіепископъ, такъ и прочіе епископы прусскіе и ливонскіе.

Въ мартѣ 1312 года въ Ригу прибылъ папскій слѣдователь Францъ Маліано и потребовалъ, чтобы орденъ очистилъ Динаминдъ и затѣмъ сталъ собирать обвинительные пункты на орденъ. Такихъ пунктовъ оказалось 230. Но эти обвиненія не повели, однако, ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ: рыцари добыли отъ эрцъ-абата Генриха фонъ Цистерца утвержденіе покупки динаминдскаго монастыря, а деньгами и богатыми подарками (папа получилъ 4,000 зол. гульденовъ) побудили папскій дворъ къ молчанію. Въ слѣдующемъ 1313 году епископы ревельскій и эзельскій, эстонское дворянство и города Ревель и Дерптъ (они еще въ 1304 г. составили между собою союзъ) взялись быть посредниками между орденомъ и Ригою и дѣйствительно кое-какъ успѣли примирить соперниковъ. Орденъ долженъ былъ снова отстроить Динабургъ, что онъ и исполнилъ въ 1313 г. (см. выше стр. 98).

Папа Климентъ V-й умеръ 20 апрѣля 1314 г. На папскій престолъ вступилъ Іоаннъ XXII, французъ родомъ; въ томъ же 1314 г., получивъ свѣдѣнія, что римская церковь въ принадлежащей св. Петру Ливоніи пришла въ упадокъ скорѣе отъ безбожія христіанъ, чѣмъ отъ враждебности язычниковъ, что многіе, желавшіе принять христіанство, отступились отъ своего намѣренія и новокрещенцы, за недостаткомъ пастырей, впали опять въ язычество, потребовалъ, чтобы вассалы архіепископа рижскаго (Розенъ, Икскуль, Тизенгаузенъ, Унгернъ, Паленъ) явились въ Авиньйонъ для объясненій о

положенiи дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа приказывалъ ордену возвратить рижскому архiепископу Динаминдъ и прочiя отобранныя имѣнiя и прислать уполномоченныхъ въ Авиньйонъ для объясненiй. Должны были прибыть въ Римъ также уполномоченные отъ епископа эзельскаго и отъ рижскаго капитула, равно и абатъ Цистерцъ долженъ былъ представить папѣ отчетъ и объясненiе о продажѣ Динаминда, такъ какъ церковныя имущества могутъ быть отчуждаемы лишь съ папскаго разрѣшенiя.

Чрезъ нѣкоторое время папа вызывалъ къ своему двору и великаго магистра.

Общiй съѣздъ къ папскому двору послѣдовалъ, однако, не ранѣе какъ въ 1318 г., послѣ того, какъ рижскiе бюргеры, не смотря на заключенное съ орденомъ перемирiе, напали (24 апрѣля 1316 года) на динаминдское предмѣстiе, перебили тамъ не мало народа и начали такимъ образомъ новый раздоръ съ орденомъ.

Въ 1318 году великiй магистръ Карлъ Трирскiй, ливонскiй магистръ Гергардъ Iоркъ со всѣми сановниками, архiепископъ рижскiй со своими и нѣкоторые прусскiе епископы прибыли въ Авиньйонъ. Спорили долго, но однакоже орденъ оправдался отъ взводимыхъ на него обвиненiй, и папа 25 iюля 1319 года утвердилъ Динаминдъ за орденомъ.

Въ 1322 году ливонскiй магистръ Гергардъ Iоркъ сложилъ съ себя должность и когда въ орденѣ возникъ споръ о выборѣ преемника (см. выше стр. 99), великiй магистръ, для прекращенiя спора, прислалъ 19 iюня 1322 года въ Ливонiю Конрада Кетельгода (Кессельгута) замѣстителемъ магистра.

Конрадъ Кетельгодъ управлялъ дѣлами ливонскаго ордена два года, весьма безпокойные для ордена. Въ эти годы дѣйствующимъ лицомъ въ Ливонiи является знаменитый литовскiй князь Гедиминъ (см. выше стр. 146).

Въ 1322 г., едва ли не по приглашенiю архiепископа рижскаго, онъ вторгся въ Ливонiю, опустошилъ землю до Дерпта и, захвативъ до 1,000 человѣкъ въ плѣнъ, завелъ сношенiя съ Ригою и архiепископомъ о заключенiи такого же дружественнаго и торговаго союза, какой существовалъ при предшественникѣ его Витененѣ (Витенѣ). Но какъ Псковъ явился также союзникомъ Гедимина (братъ Гедимина, гродненскiй князь Давидъ сдѣлался псковскимъ княземъ), потому командоры венденскiй и динаминдскiй съ четырьмя эстонскими вассалами отъ имени всей Ливонiи заключили (28 января 1323 г.) наступательный и оборонительный союзъ съ новгородцами противъ литовцевъ и ихъ союзниковъ рижанъ и псковичей. Нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и опустошили часть псковской земли. Псковичи тотчасъ же послали за Давидомъ и въ февралѣ 1323 г. опустошили землю до Ревеля. Слѣдствiемъ этаго была война со Псковомъ (см. выше стр. 145). Конрадъ осадилъ Псковъ 13-го марта и потомъ 15 мая 1323 г., но серьезнаго ничего не достигъ, напротивъ самъ былъ разбитъ Давидомъ и вынужденъ былъ помириться съ псковичами.

Въ февралѣ и мартѣ 1323 года, въ то время, когда орденъ и псковичи находились въ войнѣ между собою, Гедиминъ сдѣлалъ набѣгъ на Курляндію, опустошилъ земли отъ Мемеля до Семигаліи и увелъ оттуда въ плѣнъ тысячь 20 народа. Но тутъ разнеслась вѣсть, что Гедиминъ желаетъ принять католичество (см. выше стр. 99 и 147). Онъ написалъ письмо къ папѣ (нѣкоторые, впрочемъ, сомнѣваются въ подлинности письма литовскаго князя), которое рижскіе бюргеры отправили въ ганзейскіе города и папѣ. Вѣсть о намѣреніи Гедимина принять католичество разнеслась по Ливоніи и побудила архіепископа, епископовъ эзельскаго и дерптскаго, намѣстника ревельскаго, города Ригу и Дерптъ и орденъ отправить посольство къ Гедимину въ Вильну (6 августа 1323 г.). Посольство это было дружественно принято Гедиминомъ 8 сентября того же года, но литовскій князь, не отрекаясь отъ письма къ папѣ, повелъ рѣчь не о вѣрѣ, а о мирѣ, т. е. о вопросѣ самомъ существенномъ сколько для Риги, столько же и для Гедимина. Миръ заключили 2 октября 1323 года, при чемъ главное условіе состояло въ томъ, что сухопутныя и водяныя сообщенія Ливоніи съ Литвою дѣлаются свободными для договаривавшихся сторонъ.

Кетельгодъ послѣ этого уѣхалъ въ Пруссію, а ливонскимъ магистромъ избранъ братъ Реймаръ Гане, о которомъ Рюссовъ не упоминаетъ вовсе, но который управлялъ съ 1324 года ливонскими орденскими дѣлами по 1328 г.

Папа нарядилъ особое посольство къ Гедимину. Легаты (Варѳоломей, епископъ алетскій, и Бернардъ, абатъ пюйскій) прибыли въ Ригу 22-го сентября 1324 г., подтвердили миръ, заключенный 2 октября 1323 года подлежавшимъ къ сохраненію по крайней мѣрѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ, отправились къ Гедимину, но рѣшительно ни въ чемъ не успѣли, потому что рыцари изъ за Нѣмана, непризнававшіе помянутаго договора, еще до пріѣзда легатовъ, вторгнулись въ Литву и опустошили даже предмѣстье Вильны (22 мая 1324 г.). Мстя за этотъ набѣгъ, литовцы разорили въ Мазовіи 80, а въ Плоцкомъ епископствѣ 37 деревень. О мирѣ между тевтонскимъ орденомъ и Литвою не могло быть и рѣчи.

Неудачу папскаго посольства, уничтоженіе плановъ на счетъ присоединенія Гедимину къ католичеству, архіепископъ Фридрихъ приписывалъ ордену, и не переставалъ враждовать съ нимъ. Вражда съ особенною силою обнаружилась въ 1328 г., когда ливонскимъ магистромъ явился гольдингенскій командоръ Эвергардъ фонъ Мангеймъ, человѣкъ рѣшительный и умѣвшій располагать военными силами ордена.

23. Эвергардъ фонъ Монгеймъ, двадцать третій магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1327 — 41.

Въ 1327 г. на должность магистра въ Ливоніи поступилъ Эвергардъ фонъ Монгеймъ, гольдингенскій командоръ, который былъ мужъ честный, мудрый и благочестивый и сдѣлалъ много добра ордену

въ Ливоніи. При немъ снова возникла война между орденомъ и рижанами. Изъ любви къ свободѣ рижане поспѣшно ополчились и подступили къ орденскому дому (замку) Динамюнде до тла сожгли посадъ передъ замкомъ, убили много народа молодаго и стараго, на что магистръ и весь орденъ очень разгнѣвались.

По этой причинѣ магистръ, Эвергардъ фонъ Монгеймъ, съ большими силами обложилъ городъ Ригу и занялъ всѣ дороги и пути, дабы къ рижанамъ не было никакого подвоза, что, наконецъ, должно было принудить ихъ просить помилованія. Тогда они приложили все стараніе извѣстить объ этомъ ландмаршала, чтобы онъ взялъ на себя въ этомъ дѣлѣ посредничество между магистромъ и городомъ Ригой и испросилъ бы снова для нихъ помилованіе, такъ какъ магистръ отъ большой досады не хотѣлъ съ ними вступить въ сношенія. Наконецъ, послѣ переговоровъ былъ заключенъ миръ. Тогда рижане должны были пасть къ ногамъ магистра и просить помилованія, кромѣ того они должны были передать свой городъ со всѣми его правами, вольностями и привиллегіями магистру и ордену, и срыть ворота и стѣны. Это случилось въ 1330 г., въ день св. Гертруды. Послѣ того магистръ даровалъ имъ новыя привиллегіи и вольности, оказалъ имъ милость и затѣмъ въ то же время выстроилъ рижскій замокъ, а также и другіе замки и бурги. По окончаніи этой войны магистрь напалъ на землю русскаго короля Сатата и тамъ онъ грабилъ, жегъ и убивалъ по той причинѣ, что русскіе соединились съ литовцами противъ Пруссіи; чрезъ это король литовскій былъ принужденъ начать войну противъ Ливоніи. Тогда магистръ поспѣшно ополчился и встрѣтился съ непріятелемъ, и они сразились между собою. Но магистръ одержалъ побѣду, убилъ много литовцевъ и ранилъ самаго короля, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Послѣ такой побѣды, когда непріятель былъ изгнанъ изъ страны, магистръ двинулся въ Самантію и тамъ такъ хозяйничалъ, что саманты должны были просить мира. Тогда заключенъ и воздвигнутъ миръ между литовцами, самантами и Ливоніей.

Когда же былъ миръ съ литовцами и самантами, тогда поднялись противъ ордена русскіе во Псковѣ. Противъ нихъ также ополчился магистръ вмѣстѣ съ графомъ Аренсборгскимъ, который прибылъ на службу ордену со многими всадниками. Когда же этотъ магистръ продолжалъ воевать съ русскими и другими язычниками, тогда настала такая холодная зима, какой дотолѣ никто не помнилъ, такъ что перемерзло до смерти множество христіанъ и язычниковъ, и однажды одинъ всадникъ сказалъ другому: «Если бы я былъ римскимъ королемъ, то отдалъ бы половину своего царства за теплую комнату». Этотъ примѣръ и тому подобные другіе достаточно доказываютъ, какихъ трудовъ стоило милымъ нашимъ предкамъ бороться за дорогое христіанство.

Этотъ магистръ также основалъ и выстроилъ въ странѣ много замковъ и бурговъ, и страна во время его управленія очень расширилась. Во время этого магистра управлялъ Фридерикъ, шестой архіепископъ рижскій, родомъ изъ Чехіи. И когда этотъ магистръ Эвергардъ состарѣлся, то онъ взялъ увольненіе отъ должности у великаго магистра въ Пруссіи, послѣ 14 лѣтняго управленія, и отправился въ Кельнъ, гдѣ сталъ жить на покоѣ и былъ сдѣланъ командоромъ при церкви св. Екатерины.

Прим. перев. Магистръ Эвергардъ фонъ Мангеймъ управлялъ ливонскими орденскими дѣлами съ 1328 по 1340 годъ.

Выдающимся событіемъ этого времени было дѣйствительно покореніе Риги, повлекшее за собою большія и важныя перемѣны въ отношеніяхъ ливонскихъ властителей между собою. У Вартберга (см. выше на стр. 100 и 101) совершенно вѣрно разсказаны обстоятельства, вынудившія орденъ осадить Ригу въ январѣ 1329 года. Рыцари объявили, что для спасенія христіанства, Рига должна быть оторвана отъ литовцевъ и въ январѣ 1329 года обложили городъ. Рижане просили помощи отъ папы и отъ приморскихъ городовъ, но помощи не откуда не явилось. Съ октября 1329 г. рыцари пресѣкли всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ и къ марту 1330 года довели горожанъ до крайности. Когда въ городѣ осталось муки всего 3 ½ ласта для неимущихъ, магистратъ и община собрались на совѣтъ. Первенствующій бургомистръ Мейе и ратсгеръ Іоганъ Бельке изложили безвыходность положенія города и спрашивали, что дѣлать дальше. Община рѣшилась сдаться.

Тогда городскіе уполномоченные пришли въ Мюльграбенъ, гдѣ была главная квартира магистра и запросили мира. Магистръ прежде всего потребовалъ, чтобы городъ предоставилъ въ распоряженіе ордену Песочную и Святодуховскую башню съ ихъ воротами и сложилъ у ногъ магистра всѣ городскія привиллегіи. Уполномоченные согласились и дали въ томъ 23 марта 1330 г. письменное удостовѣреніе. извѣстное подъ именемъ обнаженной грамоты (Nackende Brief) Вслѣдъ за симъ 30 марта городскіе уполномоченные принуждены были подписать такъ называемую примирительную грамоту (Sühnebrief), по которой бюргеры обязались возмѣстить ордену его убытки, вмѣсто разрушеннаго двора св. Георгія отвести новое мѣсто для постройки орденскаго замка (въ городской части, называемой святодуховскою, нынѣшній замокъ стоитъ именно на этомъ мѣстѣ) и на его содержаніе платить въ годъ по 100 марокъ; затѣмъ обязались помогать ордену во всѣхъ его войнахъ, кромѣ войны съ архіепископомъ; предоставить мѣсто и голосъ въ городскомъ судѣ командору рижскаго замка, уступить ордену участокъ земли предъ Якубскими воротами и десятину съ рыбной ловли, сдѣлать вклады на поминовеніе душъ убитыхъ и пр.

Магистръ въѣхалъ въ городъ не чрезъ ворота, а чрезъ проломъ, сдѣланный въ городской стѣнѣ. Это, по старому обычаю,

означало что магистръ является въ городъ побѣдителемъ. 15 августа 1330 года магистръ далъ ордену свою примирительную грамоту (Versöhnungsbrief), въ которой обѣщалъ сохранять всѣ городскія привиллегіи, вольности и права, которыя не противорѣчатъ заключеннымъ съ городомъ 23 и 30 марта договорамъ, отдать городу сады, выгоны, нѣсколько земельныхъ участковъ и право рыбной ловли въ орденскихъ водахъ; орденскіе люди, провинившіеся въ городѣ, судятся по городскому праву и вслучаѣ отсутствія орденскаго фохта имѣютъ полную силу приговоры фохта городскаго, за исключеніемъ, однако, уголовныхъ дѣлъ.

Рига такимъ образомъ явилась въ зависимости отъ ордена. Архіепископъ Фридрихъ не является уже сюда: онъ до самой своей смерти (1340 г.) жилъ при римскомъ дворѣ, а преемникъ его Энгельбертъ, дерптскій епископъ (18 окт. 1341 г.) перенесъ архіепископское мѣстопребываніе изъ Риги въ Кокенгузенъ.

Папа взглянулъ неблагопріятно на покореніе Риги и потребовалъ у ордена (7 мая 1330 г.) удовлетворить архіепископа. Орденскій прокуроръ Конрадъ заявилъ, что Рига взята по праву войны за то, что архіепископъ съ литовцами опустошилъ орденскія земли, что орденъ взялъ епископскія замки не для удержанія за собою, а лишь для защиты, и что, наконецъ, Рига не есть архіепископскій, а имперскій городъ. Папа потребовалъ однакоже возвратить архіепископу его замки, его столовыя имѣнія у Лубанскаго и Буртнекскаго озерахъ и вознаградить убытки по совѣстливой оцѣнкѣ. Папское письмо имѣло несомнѣнное вліяніе на то, что магистръ Мангеймъ далъ ордену грамоту отъ 15 августа на сравнительно легкихъ условіяхъ. Дѣло о вознагражденіи архіепископа и возвращеніи ему замковъ и столовыхъ имѣній тянулось до 1336 г., когда папа назначилъ экзекуторомъ дерптскаго епископа и, подъ угрозою отлученія отъ церкви, потребовалъ исполненія его рѣшенія по вознагражденію архіепископа. Орденъ исполнилъ требованіе, но Рига все-таки оставалась въ его рукахъ, чѣмъ и кончилась распря, тянувшаяся цѣлыя десятилѣтія.

Рига присягнула ордену и, въ знакъ признанія главенства его надъ городомъ, въ городской гербъ включенъ орденскій крестъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Мангеймъ былъ хоть и строгимъ, но справедливымъ, даже милостивымъ властителемъ Риги. Большая часть бюргеровъ, однакоже, не забывала своего архіепископа, и тѣмъ способствовала къ появленію впослѣдствіи двоевластія надъ городомъ.

24. Борхардъ фонъ Дрейлеве, двадцать четвертый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1341 — 47.

Въ 1341 г. на должность магистра въ Ливоніи поступилъ Борхардъ фонъ Дрейлеве, который магистръ въ началѣ своего управленія, въ день Благовѣщенія, сталъ строить великолѣпные замки на русской границѣ: Маріенборгъ и Фрауэнборгъ, къ великой досадѣ

русскихъ, которые потому и собрались, чтобы снова разрушить эти замки, выстроенные слишкомъ близко къ ихъ землѣ. И когда они подошли къ Маріенборгу и развели ужасный, густой дымъ, чтобы уничтожить въ замкѣ нѣмцевъ, тогда нѣмцы оборонялись истинно по рыцарски и убили 82 русскихъ, не считая раненыхъ. Хотя нѣмцы и терпѣли великую бѣду отъ дыма, но они все таки одержали побѣду. Тогда Арнольдъ Фитингофъ назначенъ былъ первымъ командоромъ въ Маріенбургѣ. Эта война съ русскими продолжалась еще нѣкоторое время, въ которое магистру пришлось достаточно потрудиться вмѣстѣ со всѣмъ своимъ орденомъ.

Во время управленія этого магистра въ 1343 году въ ночь на св. Георгія гарріенскіе крестьяне въ Ливоніи совершили ужасное злодѣяніе, безжалостно умертвивъ и предавъ смерти всѣхъ дворянъ нѣмцевъ, молодыхъ и старыхъ, женщинъ и дѣвицъ, дѣтей дворянскихъ и слугъ, и всѣхъ, кто только былъ нѣмецкаго происхожденія. Тогда нѣмцы находились въ большой бѣдѣ и опасности отъ мятежныхъ крестьянъ въ Гарріенѣ и Вирландѣ, въ Викѣ и на Эзелѣ и во всей Эстоніи. Въ ту самую ночь, когда совершены убійства, нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣвицъ изъ дворянъ бѣжали безъ одеждъ и обуви чрезъ лѣса и болота въ Виттенштейнъ, а нѣкоторые въ Ревель. Тогда не было дано пощады и монастырямъ, потому что въ монастырѣ въ Падисѣ также убито 28 монаховъ. Послѣ того крестьяне собрались въ числѣ 10,000 человѣкъ, избрали изъ своей среды королей и князей и осадили городъ Ревель вмѣстѣ съ датскимъ намѣстникомъ въ ревельскомъ замкѣ. Подобную же игру затѣяли и викскіе крестьяне и осадили въ Гапселѣ своего епископа со всѣми канониками и многими дворянами. Кромѣ того эзельскіе крестьяне въ то же лѣто на день св. Іакова убили на Эзелѣ всѣхъ нѣмцевъ и осадили также орденскаго фохта вмѣстѣ со всѣмъ конвентомъ въ Пойдѣ; и когда фохтъ со своимъ конвентомъ не могъ долѣе держаться въ Пойдѣ, то онъ потребовалъ для себя и своихъ людей свободнаго пропуска, что ему крестьяне торжественно обѣщали, но не сдержали слова. Потому что когда фохтъ со своими спутниками отступилъ отъ Пойды, то крестьяне всѣхъ ихъ убили и умертвили, такъ что ни одинъ изъ нихъ не спасся.

Ревельскіе крестьяне отправили своихъ пословъ къ епископу въ Або и въ Выборгъ, прося помощи, и обѣщали шведамъ выдать городъ Ревель. Но между тѣмъ датскій намѣстникъ просилъ помощи у магистра Борхарда фонъ Дрейлеве. Этотъ магистръ, внявъ усиленнымъ просьбамъ какъ намѣстника, такъ и притѣсненныхъ дворянъ, быстро ополчился, чтобы избавить городъ Ревель отъ осады и наказать мятежныхъ крестьянъ.

Когда же крестьяне подъ Ревелемъ узнали о прибытіи магистра, то отправили къ магистру своихъ пословъ и предлагали

сдаться ему съ такимъ условіемъ, что они хотѣли быть данниками только магистра и ордена; но никакого дворянина не хотѣли они признавать за власть надъ собою, или предпочитали всѣ умереть, потому что дворяне довольно долго оказывали имъ большое высокомѣріе и всякаго рода тиранства. Но властители и другіе дворяне, друзья которыхъ были умерщвлены крестьянами, усердно просили магистра, чтобы онъ не оказывалъ милосердія убійцамъ и не оставлялъ бы столь ужасныхъ убійствъ безнаказанными. Затѣмъ магистръ продолжалъ войну и постепенно въ схваткахъ уложилъ много крестьянъ, чрезъ это нанесъ имъ значительный уронъ; наконецъ, онъ напалъ на крестьянъ подъ Ревелемъ и убилъ ихъ почти всѣхъ, около 10,000 человѣкъ. Послѣ такой побѣды была большая радость и торжество какъ у датскаго намѣстника, такъ и у всѣхъ нѣмцевъ въ странѣ, и въ городѣ Ревелѣ. Тогда они толпами бѣжали изъ города и съ радостью осматривали трупы. За такое благодѣяніе датскій намѣстникъ ласково благодарилъ магистра и просилъ его о дальнѣйшей помощи противъ шведовъ, которыхъ ожидали. Тогда магистръ поручилъ замокъ и городъ Ревель властителю Госвину ф. Эрке, командору феллинскому, совмѣстно съ королевскимъ намѣстникомъ и самъ поспѣшно двинулся къ Габселю, чтобы освободить отъ осады епископа и другихъ нѣмцевъ въ Габселѣ. Но когда викскіе крестьяне подъ Габселемъ узнали о прибытіи магистра, то всѣ они бѣжали въ лѣса и болота, и такимъ образомъ габсельцы также были спасены. Между тѣмъ прибыли финны изъ Выборга на нѣсколькихъ корабляхъ, которые снарядили крестьянскіе послы, и когда они услышали, что крестьяне разбиты и городъ Ревель освобожденъ отъ осады, то они подошли къ городу Ревелю и относительно крестьянъ прикинулись, будто ничего не знаютъ, а стали жаловаться на различныя вещи по датскимъ дѣламъ. Тогда командоръ Госвинъ фонъ Эрке и намѣстникъ ласково ихъ уговорили и успокоили, хорошо угостили и такимъ образомъ отправили ихъ съ добрымъ отвѣтомъ. Когда же прочіе крестьяне страны услышали, что такъ случилось съ друзьями ихъ подъ Ревелемъ, то нѣкоторые изъ нихъ пригласили русскихъ, чтобы они опять бились съ нѣмцами; можетъ быть къ нимъ отойдутъ всѣ крестьяне въ странѣ. Русскіе не долго медлили, но скоро вторглись въ епископство дерптское. Но епископскіе люди и нѣкоторые вассалы мужественно встрѣтили русское полчище при Одеппе и уложили ихъ на мѣстѣ болѣе 1,000, а остальныхъ обратили въ бѣгство. При этомъ убиты и нѣкоторые братья ордена и многіе дворяне, между ними нѣкто по имени: Іоаннъ фонъ Левенвольде.

Затѣмъ Борхардъ фонъ Дрейлеве, магистръ ливонскій, двинулся на Эзель къ Винтерстагену, дабы наказать мятежныхъ крестьянъ, убившихъ фохта съ цѣлымъ конвентомъ въ Пойдѣ и всѣхъ нѣмцевъ, которые тамъ находились; и онъ сталъ лагеремъ со своимъ

войскомъ въ Каррисѣ, гдѣ онъ стоялъ спокойно цѣлыхъ восемь дней и его войско опустошило эзельскую землю вдоль и поперегъ и убилъ около 9,000 человѣкъ, старыхъ и малыхъ. Но тутъ эзельцы пожелали помилованія, которое и получили цѣною тяжелыхъ условій и уговоровъ. Тогда они должны были отдать все свое оружіе и отвезти его въ замокъ Леаль; кромѣ того они должны были немедленно начать строить замокъ Зонненборгъ, если только они хотѣли остаться въ живыхъ. Это случилось въ 1345 г.

Въ то время какъ магистръ находился со своимъ войскомъ на Эзелѣ, въ страну во время его отсутствія вторглись литовцы и ночью при посредничествѣ одного измѣнника семигала овладѣли замкомъ Тарветеномъ въ ночь на Reminiscere, убили тамъ 8 братьевъ ордена и еще другихъ нѣмцевъ, затѣмъ они поспѣшно двинулись далѣе на Митаву, совершенно сожгли посадъ, такъ что огонь перебросился въ самый бургъ Митовъ, гдѣ многіе братья ордена съ 600 другихъ людей погибли отъ пожара.

Тогда литовцы стремительно дошли до самой Риги, пробыли тамъ половину ночи и оттуда двинулись къ Ніэмеле и быстро овладѣли Форбургомъ. Но ихъ снова отбили. Затѣмъ они отправились подъ Зегевольде и у Валка стояли спокойно двѣ ночи, и кругомъ страну ужасно опустошили, угнали изъ округа зегевольдскаго до 260 человѣкъ, а также изъ епископства рижскаго болѣе 1,000 чел. и много скота. Случилось это постомъ въ 1345 г.

Говорятъ, что также во времена этаго магистра произошло возстаніе феллинскихъ крестьянъ, которые сговорились между собою убить въ замкѣ Феллинѣ командора вмѣстѣ со всѣми нѣмцами. И такъ какъ замокъ былъ сильно укрѣпленъ, то они придумали хитрую продѣлку, какъ имъ незамѣтнымъ образомъ выполнить свой замыселъ. Заведено было обыкновеніе, что крестьяне феллинской области должны были приводить и отдавать въ замокъ Феллинъ свою подать хлѣбомъ. Поэтому крестьяне условились такъ, что ихъ большое множество, по силѣ равное нѣмцамъ въ замкѣ, всѣ въ одинъ день поѣдутъ въ замокъ Феллинъ на своихъ саняхъ и съ большими хлѣбными мѣшками; но въ своемъ мѣшкѣ каждый вмѣсто хлѣба долженъ былъ ввезти въ замокъ по сильному мужику съ оружіемъ; и когда они въ достаточномъ количествѣ пріѣдутъ, то всякій долженъ будетъ скоро развязать свой мѣшокъ и выпустить изъ него мужика, а такимъ образомъ они всѣ общими силами должны были ударить на нѣмцевъ и перебить ихъ. Этотъ замыселъ очень понравился крестьянамъ и назначенъ былъ день, въ который это должно было совершиться, именно въ вечеръ св. Ѳомы. Но объ этомъ мошенничествѣ донесла и открыла нѣмцамъ феллинскаго замка одна старуха, сынъ которой также былъ участникомъ въ этомъ заговорѣ, потому что она заботилась объ сынѣ — пришла къ нѣмцамъ и

просила ихъ, чтобы они пощадили ея сына; она также сообщила нѣмцамъ какимъ знакомъ будетъ помѣченъ мѣшокъ, въ которомъ будетъ находиться ея сынъ. Эта прозьба была исполнена за объявленное ею извѣстіе; когда же крестьяне прибыли къ замку Феллину съ санями и мѣшками, то ихъ впустили столько, со сколькими надѣялись справиться. Тутъ нѣмцы были уже на готовѣ съ оружіемъ и всѣхъ въ мѣшкахъ покололи и подушили. Въ наказаніе за это и въ память на вѣчныя времена нѣмцы положили и назначили на всѣхъ крестьянъ феллинской области, даже и на не виновныхъ, новую дань, которую они обязаны были платить въ вечеръ св. Ѳомы. Этотъ магистръ управлялъ шесть лѣтъ.

Прим. перев. Магистръ Борхардъ Дрейлеве, по показаніямъ Вартберга (см. выше стр. 103) управлялъ ливонскими орденскими дѣлами съ 24 іюня 1240 по 14 декабря 1355 г., а не съ 1341 по 1337 г., какъ показано у Рюссова.

Магистръ Дрейлеве смѣнилъ Мангейма въ то время, когда орденъ совершенно уже управился съ Ригою, когда внутренняя борьба въ Ливоніи стихла. Съ 1323 по 1341 г. (см. выше стр. 146) ливонцы не трогали псковичей и въ псковской лѣтописи не отмѣчено за это время ни одного извѣстія о войнѣ съ орденомъ. Войны не было: ордену было не до Пскова во всѣ эти 18 л., но и псковичи, новгородцы и полочане вовсе не находились въ такомъ положеніи, чтобы воспользоваться ливонскими смутами. Чуть лишь смуты кончились и у ордена развязались руки, какъ начались и непріязненныя дѣйствія противъ Пскова, а чтобы начать ихъ, достаточно было самаго незначительнаго повода.

У Вартберга (см. выше стр. 103) указано изъ за чего начались непріязненныя дѣйствія. Нѣмцы убили 9 сентября 1341 г. (во Псковѣ, по Вартбергу, въ селѣ на Опочкѣ по псковскому лѣтописцу пословъ 5 мужъ), псковичи не замедлили напасть на дерптскія земли и стали кланятся новгородцамъ о помощи, зная, что нѣмцы не оставятъ набѣга безъ отомщенія. Новгородцы помощи не дали, нѣмцы пришли въ декабрѣ 1341, пришли со всею силою, поставили городокъ (Нейгаузенъ на рѣкѣ Пивжѣ) на псковской землѣ. Псковичи начали мелку войну, ѣздили воевать нѣмецкія села. Какъ производилась эта война, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа лѣтописца (см. исторію Россіи Соловьева, III, стр. 318): двое удальцевъ: Филипъ Ледовигъ и Олферій Релковичъ, подговоривши 60 человѣкъ порѣчанъ (село Порѣчье, въ псковскомъ уѣздѣ) послали спросить островичей (городъ Островъ, псковской губерніи): „Хотите ли ѣхать воевать Латыгору“. Островичи согласились и назначили срокъ, когда собираться всѣмъ вмѣстѣ на княжемъ селѣ — Изгояхъ. Порѣчане прибыли, но островичи замедлили, а между тѣмъ нѣмецкій отрядъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 200 человѣкъ, явился опустошать псковскую область; 60 человѣкъ псковичей, не дожидаясь товарищей, схватились биться съ нѣмцами, бились съ солнечнаго восхода до

полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человѣкъ своихъ, утомились и отступили: очень были имъ тогда „притужко“ — говоритъ лѣтописецъ. Нѣмцы не преслѣдовали ихъ, а начали переправлять трупы своихъ убитыхъ за рѣку Великую; въ это время явились островичи съ посадникомъ своимъ Васильемъ Онисимовичемъ, ударили со свѣжими силами на нѣмцевъ; однихъ убили, другихъ потопили въ рѣкѣ, а тѣ, которые переплыли ее съ трупами, бросились бѣжате, покинувъ мертвыхъ.

25 марта 1342 г. магистръ заложилъ противъ псковичей два замка Фрауэнбургъ и Маріенбургъ и потомъ осадилъ Изборскъ. Хотя литовскіе князья Ольгердъ и Кейстутъ и прибыли въ Псковъ на помощь, но помощи, однако, не оказали. Ольгердъ говоритъ псковичамъ: „сидите въ городѣ, не сдавайтесь, бейтесь съ нѣмцами, и если только не будетъ у васъ крамолы, то ничего вамъ не сдѣлаютъ. А если мнѣ пойти со всею силою на ихъ великую силу, то столько тамъ падетъ мертвыхъ, и кто знаетъ чей будетъ верхъ?“ Пять дней нѣмцы стояли подъ Изборскомъ, и вдругъ отступили, пожегли „пороки“ и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что онъ потому не могъ долго держаться. Псковичи стали уговаривать Ольгерда креститься и сѣсть у нихъ на княженіи. Ольгердъ отказался, говоря, что уже крещенъ, но согласился, чтобъ сынъ его Андрей крестился и остался княжить въ Псковѣ. Литовскіе князья вышли изъ псковской области, истребивъ, однако, въ ней хлѣба и травы.

Въ маѣ 1343 года псковичи съ изборянами пошли воевать нѣмецкую землю. Пять дней и пять ночей воевали они села около Одемпэ, не слѣзая съ коней, воевали тамъ, гдѣ не бывали ихъ отцы и дѣды, и поѣхали назадъ во Псковъ съ большимъ полономъ. Нѣмцы нагнали ихъ близъ Новаго городка (Нейгаузена), вступили въ бой и потерпѣли пораженіе.

Лѣтъ пять послѣ этого орденъ не возобновлялъ своихъ нападеній на псковскія земли, отвлеченный отъ Пскова возстаніемъ эстонскихъ туземцевъ, начавшимся съ 22 апрѣля 1343 года, возстаніемъ, не бывалымъ по своимъ размѣрамъ и свирѣпости.

До послѣдняго времени оставалось неизвѣстнымъ, какимъ источникомъ руководствовался Рюссовъ при описаніи событій, происходившихъ въ первой половинѣ XIV столѣтія (главнымъ источникомъ при описаніи предшествовавшихъ событій служила риѳмованная хроника Альнеке). Это разъяснилось, когда въ библіотекѣ бременскаго музейнаго общества была найдена въ 1870 году рукопись ливонской хроники Реннера. Рукопись эта была издана въ 1876 г. въ Гетингенѣ Рихардомъ Гаусманомъ и Константиномъ Кельбаумомъ подъ заглавіемъ: „Iohann Renner's Livländiche Historien“, — того самаго Реннера, котораго бременская хроника находится въ рукописныхъ (неизданныхъ понынѣ) спискахъ во многихъ германскихъ библіотекахъ и о ливонской хроникѣ котораго встрѣчали упоминанія въ прошломъ столѣтіи.

Іоганнъ Реннеръ родился въ срединѣ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія въ Текленбургѣ близь Оскабрика. Съ 1556 по 1560 годъ онъ находился на службѣ въ Ливоніи у іервенскаго фохта Берта фонъ Шмертена, изъ Ливоніи около 1560 г. воротился на родину въ Германію, служилъ въ Шпейерѣ, а потомъ въ Бременѣ и умеръ, по всей вѣроятности, около 1533 г.

Онъ, слѣдовательно, былъ современникомъ Рюссову и проживалъ въ Ливоніи въ самый разгаръ ливонско-русской войны и записывалъ все видѣнное и слышанное. Записки его составляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи ливонскихъ событій съ конца пятидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Но къ своимъ запискамъ онъ предпослалъ полный обзоръ всей предшествовавшей исторіи Ливоніи, при чемъ руководствовался риѳмованною хроникою Альнкеке, дошедщею до насъ, и другою хроникою, также риѳмованною, написанною, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей лѣтописи, священникомъ Варѳоломеемъ Генекеномъ (Hoeneken), которая до насъ не дошла, хотя и есть указанія, что она существовала еще въ началѣ XVII столѣтія. Очень быть можетъ, что эта хроника со временемъ гдѣ нибудь и найдется въ древнихъ архивахъ, но въ настоящее время она извѣстна лишь по тѣмъ выпискамъ, которыя сдѣлалъ изъ нея Реннеръ. Эта вторая риѳмованная хроника разсказываетъ ливонскія событія съ 1315 (вѣрнѣе съ 1328 г.) по 1348 годъ и ею то именно пользовался и Рюссовъ при составленіи своего описанія ливонскихъ событій съ 1315 по 1348 г.

Это оказывается изъ сличеній разсказовъ Рюссова и Реннера (обѣ писаны на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи), причемъ оказывается также, что Реннеръ дѣлаетъ выписки изъ Генекена несравненно обильнѣе, чѣмъ то дѣлалъ Рюссовъ.

Издатели лѣтописи Реннера напечатали все то, что онъ заимствовалъ изъ другихъ авторовъ и обѣихъ хроникъ особымъ мелкимъ шрифтомъ и отмѣтили на поляхъ откуда именно и что заимствовано, за тѣмъ все, что принадлежитъ самому Реннеру, напечатали шрифтомъ болѣе крупнымъ, такъ что читатель совершенно ясно видитъ, что именно и откуда выписано и что именно есть собственное произведеніе лѣтописца.

Эстонское возстаніе 1343 года, важное по своимъ послѣдствіямъ, и Рюссовъ и Реннеръ изложили по риѳмованной хроникѣ Генекена, съ тою разницею, что Реннеръ не былъ такъ скупъ на выписки, какъ Рюссовъ, потому составитель этой книги и призналъ неизлишнимъ помѣстить здѣсь изъ Реннера нижеслѣдующую цѣлую главу объ эстонскомъ возстаніи, напечатанную на стр. 86 — 93 „Livländische Historien“.

Какъ эстонцы въ Гарріенѣ, Викѣ и на островѣ Эзелѣ начали большую рѣзню, умертвили всѣхъ нѣмцевъ и призвали на помощь шведовъ и русскихъ, изъ чего произошла жестокая война; однако, все опять приведено къ доброму концу.

Въ 1343 г., въ ночь на Юрьевъ день, случилась большая рѣзня въ Гарріенѣ, ибо гарріенскіе эстонцы захотѣли имѣть собственныхъ королей и начали дѣло такимъ образомъ. Стоялъ на возвышеніи домъ, который въ ночь на Юрьевъ день захотѣли зажечь, затѣмъ они хотѣли разомъ произвести нападеніе и умертвить всѣхъ нѣмцевъ, съ женами и дѣтьми. Такъ и сдѣлано было, и начали они убивать дѣвъ, женъ, слугъ, служанокъ, благородныхъ и простыхъ, молодыхъ и старыхъ; всѣ, кто былъ нѣмецкой крови, долженъ былъ умереть. Въ падисскомъ монастырѣ они умертвили 28 монаховъ и сожгли монастырь. Они сожгли всѣ дворянскія усадьбы, бродили по странѣ взадъ и впередъ и умерщвляли всѣхъ попадавшихся имъ нѣмцевъ. Затѣмъ выбрали они себѣ четырехъ эстонскихъ крестьянъ королями, которые надѣли позлащенныя шпоры и пестрыя мантіи, на голову надѣли себя дѣвичьи діадемы (въ то время употреблявшіяся и позлащенныя), похищенныя ими, повязали вокругъ тѣла позлащенные пояса : это было королевскимъ ихъ нарядомъ. Кто спасся отъ мужчинъ изъ женъ и дѣтей, тѣхъ убивали эстонскія бабы, жгли церкви и обители. Когда это случилось, то короли эти съ эстонцами удалились и осадили Ревель съ 10,000 человѣкъ, тамъ они разбили рыцарей. Но они опасались, что, если не получатъ помощи извнѣ, то владычество ихъ просуществуетъ недолго. Посему они отправили въ Швецію къ абовскому фохту за помощью, сообщая, что они умертвили всѣхъ нѣмцевъ въ Гарріенѣ, за то, что тѣ измучили, истязали, притѣсняли, такъ что они даже за великую и тяжкую работу свою не имѣли мякиннаго хлѣба; за это нѣмцамъ пришлось въ свою очередь поплатиться; и такъ, если онъ подастъ имъ добрый совѣтъ и помощь, то они покорятся ему; осадили они также Ревель, который передадутъ ему безъ удара меча. Фохтъ обѣщалъ вскорѣ придти къ нимъ съ большимъ войскомъ. Такимъ образомъ, посланцы прибыли опять съ радостью подъ Ревель и принесли вѣсть, что фохтъ вскорѣ прибудетъ съ большимъ войскомъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того викскіе эстонцы также умертвили всѣхъ нѣмцевъ, коихъ могли найти, подобно тому, какъ это случилось въ Гарріенѣ; выступили въ путь и осадили Гапсаль, умертвивъ въ Викѣ 1,800 человѣкъ, старыхъ и малыхъ.

Въ этой бѣдѣ спасался бѣгствомъ, кто только могъ. Такимъ образомъ, мужчины, женщины и дѣти, голые и босые, прибѣжали въ Вейсенштейнъ и сообщили фохту объ плачевной рѣзнѣ, случившейся въ Гарріенѣ. Получены были также письма въ Викъ, того-же

содержанія, тогда фохтъ поспѣшно написалъ магистру ордена. Магистръ тотчасъ же послалъ къ эстонцамъ орденскаго брата, умѣвшаго говорить ихъ языкомъ и знакомаго имъ, велѣвъ сказать имъ, что сообщено о великой рѣзнѣ, совершенной ими; онъ же, въ воскресенье послѣ праздника св. Креста, прибудетъ въ Вейсенштейнъ, куда они должны прислать своихъ посланцевъ, такъ какъ тамъ онъ разсмотритъ, какой поводъ они имѣли къ подобному нападенію, и если вина окажется за нѣмцами, то онъ приложитъ тщаніе опять все направить къ лучшему. Это понравилось эстонцамъ, такъ какъ они, вѣроятно, разсудили, что не въ состояніи долго провоевать съ магистромъ. Магистръ прибылъ въ Вейсенштейнъ, приказавъ своимъ людямъ слѣдовать за собою, а также и изъ архіепископства рижскаго. Разъ въ деревню Равеникъ пришло 500 эстонцевъ, стали тамъ варить и жарить, захватили большой скотный дворъ и хотѣли гнать скотъ въ лагерь подъ Ревель. Узналъ объ этомъ братъ Іоаннъ ф. Витте, командоръ тальковскій, взялъ себѣ на помощь копьюшаго вейсенштейнскаго съ другими орденскими служивыми, ворвался къ эстонцамъ въ деревню и убилъ ихъ 300 чел.; остальные спаслись бѣгствомъ. Такимъ образомъ нѣмцы отправились опять домой. Объ этой новости сообщено было магистру; онъ очень обрадовался и прибылъ въ Вейсенштейнъ, какъ выше сообщено. Туда прибыли: братъ Госвинъ ф. Герке, командоръ феллинскій, братъ Диркъ ф. Рамбоувъ, командоръ рижскій, братъ Вилькенъ ф. Ильзеде, фохтъ іервенскій, братъ Германъ ф. Незенъ, братъ Андрей ф. Штейнбергъ и многіе другіе сановники ордена; туда же прибылъ епископъ ревельскій и четыре эстонскіе короля съ тремя служивыми. Тогда магистръ спросилъ четырехъ королей, зачѣмъ они столь бѣдственно умертвили и избили нѣмцевъ отъ стараго до малаго. На это одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что ихъ такъ долго мучили и истязали, что они не могли дальше вытерпѣть или ждать. Магистръ опять спросилъ, зачѣмъ они убили бѣдныхъ монаховъ въ Падисѣ. Тѣ отвѣчали, что за ними было вины довольно, и если бы еще оказался въ живыхъ нѣмецъ, хоть бы въ локоть длиною, то и тотъ долженъ умереть; но если онъ (магистръ) хочетъ принять ихъ въ подданство (такъ какъ они подвластны королю датскому), то они будутъ ему повиноваться, а впрочемъ не хотятъ имѣть никакихъ баръ или господъ. Магистръ отвѣчалъ, что ему не подобаетъ оставлять безъ наказанія убійцъ, совершившихъ подобную рѣзню, какой не слыхано отъ сотворенія міра; такъ пусть же они остаются въ томъ мѣстѣ, пользуясь полной свободой, пока онъ явится опять съ любовью и не отомститъ эстонцамъ. Услышавъ эти слова, короли разсердились и потребовали, чтобы ихъ отпустили къ ихъ войску и имъ попытать счастія; также хотѣлось бы имъ поступить по крайнему разумѣнію. Они говорили также тайно, что убьютъ всѣхъ

этихъ господъ и тогда охотно умрутъ съ великою славою. Выслушавъ ихъ, магистръ отправился оттуда и приказалъ іервенскому фохту хорошенько обходиться съ этими гостями. Это случилось на вышкѣ въ Вейсенштейнѣ. Тогда одинъ изъ эстонцевъ вознамѣрился убить фохта; это замѣтилъ его отрокъ (оруженосецъ) и заслонилъ собою своего господина, бывъ притомъ раненъ въ грудь и дважды въ руку. Тогда приспѣла привратная стража этого сановника и изрубила въ куски всѣхъ этихъ эстонцевъ и королей и служивыхъ.

Немедленно магистръ двинулся съ великою силою къ Ревелю, прибылъ въ деревню, называемую Киммоле и остался тамъ сутки, чтобъ дать собраться войску. Однажды въ воскресенье, рано утромъ, до разсвѣта, пришли 200 человѣкъ эстонцевъ и хотѣли распространить свои поиски до этого мѣста; на нихъ произведено было нападеніе и 100 человѣкъ изъ нихъ было убито; другіе же спаслись бѣгствомъ. Вскорѣ затѣмъ пришло еще 100 человѣкъ эстонцевъ, ничего не знавшихъ объ этомъ пораженіи; поэтому они были окружены нѣмцами и 60 человѣкъ изъ нихъ убито. Когда это случилось, то сѣли за столъ и принялись за ѣду, но лошади стояли осѣдланныя, на случай появленія вновь непріятеля. Въ это время примчался слуга брата оберпаленскаго фохта и принесъ извѣстіе, что эстонцы появились съ большими силами и хотятъ разбить фохта, а потому и требовалъ поспѣшной помощи. Немедленно же сѣли на коней и помчались къ фохту, стоявшему въ полумилѣ разстоянія оттуда. По прибытіи нѣмцевъ, непріятели бѣжали въ болото, называемое Канневеръ. Оно лежало, однако, такъ, что туда можно было проникнуть со всѣхъ сторонъ. Тогда магистръ сказалъ своимъ, чтобы они сражались пѣшіе; на это они согласились, слѣзли съ коней и вошли въ болото по горло. Изъ нихъ были убиты братъ Германъ ф. Незенъ и еще два орденскіе брата, четверо дворянъ и 14 крестьянъ; однако и эстонцевъ спаслось немного. Магистръ вышелъ изъ болота, мокрый и въ грязи; но узнавши, что крестьяне опять собрались, онъ обратился къ своимъ съ рѣчью и снова вступилъ въ болото къ крестьянамъ, и убили всѣхъ попавшихся имъ и возвратились потомъ въ лагерь. Однако фохтъ іервенскій долженъ былъ оставаться у болота и наблюдать за непріятелемъ. Послѣдній черезъ толмача своего велѣлъ кликнуть кличъ, что, ежели кто еще живъ и сдается, тотъ будетъ помилованъ. Тогда вышли 15 эстонцевъ, оставшихся неуязвленными, одинъ за другимъ, и просили пощады; если таковая будетъ имъ дана, то они съ женами и дѣтьми переселятся въ Вейсенштейнъ; слово пощады было имъ сказано, почему они и сдались, а 1,600 человѣкъ было убито въ этомъ болотѣ Канневеръ. Тогда фохтъ іервенскій двинулся въ Киммеле для соединенія съ другими.

Оттуда магистръ отправился къ Ревелю и, приблизившись къ городу въ середу на одну милю, собралъ своихъ на совѣтъ и

сказалъ, что есть большое болото, длиною въ милю, въ которомъ могъ бы засѣсть непріятель, увидя сіе многочисленное войско; поэтому онъ совѣтуетъ послать впередъ двѣ хоругви съ тѣмъ, чтобы задержать его и не дать ему скрыться въ это болото. Это было имъ по мысли, для чего избраны были фохтъ треденскій и фохтъ венденскій, которые и двинулись туда. Тамъ фохтъ венденскій обратился къ эстонцамъ, говоря, что магистръ послалъ спросить ихъ, не думали ли они положить оружіе и сдаться; если они это сдѣлаютъ, то будутъ помилованы, съ тѣмъ однако, чтобы выдать зачинщиковъ рѣзни. На это эстонцы согласились. Между тѣмъ, по приближеніи главныхъ силъ, фохтъ поѣхалъ навстрѣчу магистру и сказалъ ему о томъ, что онъ сдѣлалъ, а также и то, что эстонцы хотятъ сдаться, не обнажая меча. Затѣмъ магистръ собралъ все войско и сообщилъ имъ это, требуя ихъ совѣта. Тутъ всѣ возстали противъ этого и сказали, что, такъ какъ эстонцы умертвили ихъ друзей и родныхъ, то они хотятъ отомстить за это и не желаютъ помилованія этихъ убійцъ. Такимъ образомъ фохтъ опять былъ посланъ къ эстонцамъ и отказалъ имъ въ пощадѣ, предоставляя имъ право сопротивляться. Эстонцы немедленно же побѣжали въ упомянутое болото, но это мало имъ помогло, ибо въ короткое время было убито ихъ 3,000, напротивъ чего убитъ былъ одинъ молодой рыцарь ордена. Когда бой окончился, вышло много народу изъ города Ревеля посмотрѣть на убитыхъ; между ними былъ одинъ гражданинъ, который также сталъ ходить промежъ мертвыхъ, какъ вдругъ вскочилъ на ноги эстонецъ, нагой и облитый кровью, и чуть не умертвилъ гражданина (такая была у нихъ вражда къ нѣмцамъ, что полумертвый хотѣлъ еще убить гражданина); это замѣтилъ всадникъ, примчался и докончилъ эстонца. Затѣмъ магистръ поставилъ свой шатеръ у замка на полѣ. Тутъ приведенъ былъ къ магистру взятый въ плѣнъ нѣмецъ, который, боясь за свою жизнь, передался къ эстонцамъ; онъ признался, что черезъ 5 дней прибудетъ фохтъ абовскій со многою силою и окажетъ помощь эстонцамъ, ибо шведы давно уже замышляли захватить въ свои руки Ревель. Такимъ образомъ этотъ измѣнникъ-нѣмецъ былъ повѣшенъ за ноги. Затѣмъ прибыли изъ замка королевско-датскіе начальники въ Ревелѣ, благодарили магистра за спасеніе и за то, что они избавились отъ эстонцевъ и притомъ объяснили: лишась женъ, дѣтей и всего имущества, они не могутъ сопротивляться шведской коронѣ, да и не могутъ съ честью принять на себя отвѣтственность за отнятіе у короля датскаго этихъ мѣстностей (ибо Гарріенъ съ Ревелемъ и Вирландія, гдѣ лежитъ Везенбергъ, принадлежали датской коронѣ); почему и просятъ магистра быть ихъ покровителемъ и дать имъ начальникомъ господина Госвина фонъ Герке, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ и намѣстникомъ везенбергскимъ. Магистръ не имѣлъ охоты накликать на

себя опасность и мѣшаться въ дѣла чуждыхъ странъ, но, въ виду вышеупомянутой нужды, согласился на это, сказавъ однако: такъ какъ эти крѣпости имѣютъ незначительные доходы, то онъ желаетъ знать, какъ съ ними поступать, чтобы изъ за нихъ не было убытку. Они же возразили, что въ теченіе года израсходовано будетъ сверхъ надлежащей дани, то они ему охотно заплатятъ и дадутъ ему въ томъ запись съ приложеніемъ печатей. Такимъ образомъ Госвинъ ф. Герке назначенъ былъ начальникомъ этихъ крѣпостей отъ имени королевскаго. Затѣмъ умерщвлены были главнѣйшіе эстонцы и зачинщики рѣзни.

Въ одну пятницу послѣ того магистръ снялся съ лагеря, двинулся къ Гапсалю и затѣмъ хотѣлъ освободить епископа и поповъ отъ осады; когда эстонцы замѣтили это, то побѣжали въ болота, лѣса и трясины.

Въ слѣдующее воскресенье приплылъ фохтъ выборгскій съ большимъ войскомъ къ Ревелю, но не дерзнулъ выйти на берегъ.

Въ понедѣльникъ прибылъ фохтъ абовскій, по имени Николай Сонъ; тотъ вышелъ на берегъ, но не зналъ, что эстонцы уже разбиты. На рейдѣ стояло любекское судно; съ него отправился корабельщикъ на лодкѣ къ фохту абовскому и разсказалъ ему, въ какомъ положеніи находились дѣла и что эстонцы разбиты, а также, что магистръ избранъ охранителемъ страны гарріенской и вирландской. При этой вѣсти фохтъ разсердился и сталъ грозить, впрочемъ отправилъ гонца въ Ревель и требовалъ свободнаго пропуска. Магистратъ далъ ему таковой съ тѣмъ, чтобы онъ самъ прибылъ на берегъ. Когда же онъ прибылъ въ замокъ къ брату Госвину фонъ Герке, то началъ разсказывать о высокомѣріи короля датскаго въ отношеніи къ его государю, королю шведскому, почему онъ и хочетъ отомстить ему, захвативъ эту страну, о чемъ ему и слѣдуетъ подумать. На это Госвинъ отвѣчалъ, что ему не приходилось бы снова угрожать странѣ, претерпѣвшей великое бѣдствіе отъ эстонцевъ: еслиже между обоими королями возникнетъ непріязнь, то онъ постарается окончить ее по добру. Этимъ фохтъ удовольствовался и они заключили между собою миръ. Но послѣдній въ тотъ же день еще былъ нарушенъ, ибо шведы на лодкахъ пристали къ берегу, захватили ревельскій городской скотъ и угнали его, или закололи, и снова возвратились въ Швецію.

Между тѣмъ два эстонца изъ Гарріена прибыли во Псковъ и сообщили русскимъ, что всѣ гарріенскіе нѣмцы съ магистромъ и братьями ордена убиты и что эстонцы избрали себѣ короля; если они хотятъ постараться получить славу, то могутъ пріобрѣсти себѣ страну. Тогда русскіе собрали 5,000 человѣкъ, вторглись въ епископство дерптское, ужасно грабили и жгли, умерщвляли близь Оденпе людей и скотъ, что имъ ни попадалось. Братъ Дидрихъ

фонъ Рамбоувъ стоялъ тогда въ Кириппе и, получивъ о томъ вѣсть, собралъ братьевъ ордена, оруженосцевъ и цѣлый отрядъ войска; на помощь ему пришли вассалы епископства и братъ Гиллебрантъ фонъ Лептенъ, фохтъ оберпаленскій, а также оба фохта: карбусскій и сакальскій; послалъ онъ также грамоты въ Оденпе. Эти грамоты господинъ Іоаннъ Икскуль вручилъ одному эстонцу для доставки въ Тарвастъ, чтобы и тѣ пришли; по крестьянинъ дорогою добрался до пива и завалился тамъ, такъ что грамоты не достигли своего назначенія. Такимъ образомъ, братъ Диркъ со своимъ отрядомъ двинулся противъ русскихъ и напалъ на нихъ; братъ Іоаннъ де Витте отважно бросился въ среду непріятелей. Въ той же хоругви былъ рыцарь, по имени Іоаннъ фонъ Левенвольде; тотъ, съ частію епископскихъ вассаловъ, бросился на непріятеля и обратилъ его въ бѣгство, такъ что русскихъ погибло болѣе тысячи, прочіе-же бѣжали. Напротивъ того, пали господинъ Іоаннъ Левенвольде и братъ Іоаннъ де Витте съ двумя другими братьями и четырнадцатью человѣками нѣмцевъ.

Въ навечеріе св. Іакова того же 1343 года, эзельцы умертвили всѣхъ нѣмцевъ, стараго и малаго, подобно тому, какъ это случилось въ Гарріенѣ, утопили священниковъ въ морѣ и двинулись въ тотъ же день къ замку Пойде, передъ которымъ стояли восемь дней, очень хорошо зная, что замку не откуда получить помощи. Не въ состояніи будучи удержать замокъ, фохтъ собралъ людей на совѣтъ, чтобы просить мира и сдать замокъ. Это всѣмъ имъ понравилось, а потому они послали къ крестьянамъ и велѣли имъ сказать, что полюбовно хотятъ сдаться. Крестьяне этому обрадовались, согласились свободно выпустить ихъ, съ тѣмъ однако, чтобы они ничего не брали съ собою; каждому же господину разрѣшалось взять двухъ лошадей и сколько войдетъ во вьюкъ, дворяне же могли взять по одной лошади и по мечу. Когда, такимъ образомъ, врата были отперты, то они съ горестью удалились, крестьяне же не сдержали обѣщанія и побили всѣхъ каменьями. Такъ погибъ фохтъ съ пятью братьями ордена со множествомъ другаго народа. Магистръ Борхардъ написалъ великому магистру прусскому плачевную грамоту о помощи и сообщилъ ему объ этихъ бѣдственныхъ событіяхъ въ Ливоніи. Тотъ прислалъ ему немедленно 2 командоровъ, 27 братьевъ и 600 хорошо вооруженныхъ воиновъ. Тѣ прибыли въ Ригу на корабляхъ въ навечеріе всѣхъ Святыхъ Божіихъ. Магистръ обрадовался ихъ прибытію и распредѣлилъ войско тамъ и сямъ; между ними былъ Вячеславъ (Вацлавъ—Witzlaus), князь рюгенскій. Молва разнеслась повсюду, что великій магистръ прислалъ въ Ливонію десять тысячъ человѣкъ. Поэтому русскіе стали готовиться къ отпору. Гарріенцы сдѣлали двѣ засѣки, а эзельцы — одну, за коими они хотѣли защищать своихъ женъ, дѣтей и имущество. Въ началѣ зимы магистръ съ многочислен-

нымъ войскомъ двинулся въ Гарріенъ и опустошилъ всю страну, а затѣмъ пѣшкомъ приступилъ къ засѣкамъ. Затѣмъ послѣдовали крестьяне и напали на непріятелей. При этомъ тяжко ранены были два господина, одинъ изъ Пруссіи, другаго же звали братъ Буффъ; оба умерли потомъ, но за то непріятели были побиты.

Затѣмъ братъ Госвинъ, начальникъ ревельскій, захотѣлъ узнать сколько погибло эстонцевъ съ тѣхъ поръ, когда началась первая рѣзня; поэтому, онъ послалъ молодаго парня изъ деревни въ деревню и оказалось сорокъ тысячъ человѣкъ, старыхъ и малыхъ.

Потомъ магистръ предпринялъ походъ на островъ Эзель, но подойдя къ Зунду, нашелъ его не замерзшимъ, почему онъ съ грустію и воротился назадъ. Но скоро затѣмъ пришелъ человѣкъ и принесъ извѣстіе, что Зундъ крѣпко замерзъ и что можно чрезъ него перейти. Тогда магистръ собралъ свое войско, двинулся на Эзель, грабилъ и жегъ, а потомъ отправился къ засѣкѣ; та была велика и обширна, и въ ней то собрались крестьяне. Онъ приблизился къ ней предъ восходомъ солнца и напалъ на непріятелей. Засѣка же была тщательно завалена деревьями и укрѣплена брустверомъ; въ одномъ мѣстѣ ее растащили крючьями. Затѣмъ братъ Арнтъ фонъ Герке, товарищъ зегевольдскій, со знаменемъ вскочилъ на доски, и хотя ему проткнули руку, все таки онъ не покинулъ знамени, но вмѣстѣ съ другими ворвался въ засѣку. Приэтомъ пали 3 орденскіе брата и 9,000 эзельцевъ мужескаго пола. Оттуда магистръ двинулся къ деревнѣ Нектисъ. Туда прибыли посланцы отъ эстонцевъ, пали къ ногамъ магистра и просили пощады, обѣщаясь никогда не дѣйствовать противъ христіанства, но быть впредь покорными; такимъ образомъ были они прощены. Но недолго хранили они свое обѣщаніе, а вновь отпали, какъ сказано будетъ засимъ.

Въ Гарріенѣ также собралось много крестьянъ, для того, чтобы взять Феллинъ. Но, не въ состояніи будучи совершить это силою, они пустились на выдумки и велѣли посадить себя въ мѣшки съ рожью (которою они ежегодно должны были вносить дань) и такимъ образомъ ввезти въ замокъ. Но это доказала женщина, сынъ которой былъ въ томъ числѣ, котораго она упросила помиловать. Такимъ образомъ, всѣ другіе были схвачены и брошены въ тайникъ (это былъ весьма глубокій погребъ въ землѣ), гдѣ они погибли и ихъ кости еще и понынѣ тамъ. Таковый былъ исходъ войны въ Гарріенѣ и начинается опять разсказъ объ эзельцахъ.

Что же вызвало этотъ кровавый эпизодъ ливонской исторіи?

Изъ ливонскихъ властителей, датскіе короли были самыми щедрыми на раздачи леновъ. Извѣстно, что при самомъ первомъ подчиненіи Эстоніи своему владычеству, датскіе короли раздали много

земельныхъ участковъ въ лены своимъ подручникамъ со всѣми пользами, десятинами и доходами, но однакоже съ оставленіемъ за туземцами, проживавшими въ ленныхъ владѣніяхъ, ихъ земельныхъ участковъ. Но датскіе короли, по смерти Вольдемара I, явились столь слабыми, что рѣшительно не могли обуздывать своихъ вассаловъ не только въ отдаленной Эстоніи, но и въ самой Даніи. Барщина, подводная и воинская повинность, опредѣлявшіяся первоначально по размѣрамъ земельныхъ участковъ, находившихся въ собственности у туземцевъ, стали мало по малу зависѣть отъ усмотрѣнія господъ (вассаловъ, помѣщиковъ). Усмотрѣнія же эти были таковы, что эстонцамъ, народу несравненно болѣе упорному и стойкому, чѣмъ латыши, ничего не оставалось дѣлать, какъ отпадать отъ христіанства. Они не разъ и отпадали, но тѣмъ хуже становилась участь отпавшихъ. Силою принужденные къ повиновенію, они обращались въ дрелловъ, т. е. людей, неимѣвшихъ никакихъ политическихъ правъ, людей, составлявшихъ вещь своего господина, т. е. такихъ людей, которыми первоначально были военноплѣнные или купленные невольники.

Жаловались на своихъ суровыхъ и ненасытныхъ господъ эстонскіе крестьяне королю, но что могъ сдѣлать безсильный датскій король со своими могущественными вассалами?

Эстонцамъ туземцамъ ничего не осталось дѣлать, какъ поголовно возстать на своихъ помѣщиковъ.

Подробности эстонскаго возстанія у Вартберга (см. выше стр. 103, 104 и 105) сходны съ описаніемъ Рюссова. Послѣдствіемъ эстонскаго возстанія была продажа Эстоніи тевтонскому ордену, но эта продажа произошла уже при преемникѣ Борхарда, ливонскомъ магистрѣ Госвинѣ фонъ Эркенѣ, назначенномъ въ эту должность 14 декабря 1345 г. (см. выше стр. 106).

25. Госвинъ фонъ Эркъ, двадцать пятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1347 — 60 г.

Въ 1347 году званія магистра удостоился Госвинъ ф. Эркъ, командоръ феллинскій, во время управленія котораго въ Ливоніи великій магистръ въ Пруссіи, господинъ Генрихъ Тюземеръ, откупилъ отъ короля Вольдемара III и брата его Отто земли Гарригенъ и Вирландъ вмѣстѣ съ тремя городами и замками Ревелемъ, Нарвою и Везенбергомъ, со всѣми принадлежащими имъ правами и вольностями, за 19,000 мар. лотнаго, чистаго серебра по кельнскому вѣсу. Эта покупка произошла въ замкѣ Маріенборгѣ въ Пруссіи въ 1347 году, въ день Іоанна Крестителя. Тогда Отто, братъ короля, вступилъ въ тевтонскій орденъ. Послѣ того, въ день Всѣхъ Святыхъ того же года, датчане должны были уступить ордену названные земли и города. Такимъ образомъ, Гарригенъ и Вирландъ однимъ Вольдемаромъ были присоединены къ датской коронѣ, а другой Вольдемаръ ихъ отъ нея отторгнулъ, и отъ Вольдемара II до Вольдемара III Гарригеномъ и Вирландомъ управляли одинъ за другимъ десять коро-

лей. Въ томъ самомъ году, когда датчане удалились изъ замка Ревеля, былъ туда назначенъ первый командоръ по имени Борхардъ ф. Дрейлевенъ, благородный братъ предъидущаго магистра, родомъ изъ Саксоніи.

Этотъ магистръ Госвинъ велъ многія большія войны съ витебскими, смоленскими и псковскими русскими и убилъ ихъ въ одномъ сраженіи болѣе 10,000 (въ день Срѣтенія), въ которомъ сраженіи также пали 8 братьевъ ордена и многіе христіане. Въ слѣдующемъ году онъ также воевалъ съ самантами, вторгнулся въ ихъ землю, грабилъ тамъ, убивалъ и жегъ, въ особенности въ Тракенѣ, Кнетовѣ, Гейдегалленѣ и въ землѣ Зоуловъ, штурмовалъ замки Кула, Базиве, Дуббезине и Целу, взялъ ихъ и до тла сжегъ и раззорилъ, затѣмъ съ великою славою возвратился домой. Этотъ магистръ управлялъ 14 лѣтъ. Въ его времена архіепископствомъ ливонскимъ управлялъ Фромгольдъ ф. Фифгузенъ, седьмой архіепископъ рижскій.

Прим. перев. О времени магистерства Госвина (съ 14 декабря 1345 г. по 10 сентября 1359) у Вартберга (см. выше стр. 106, 107 и 108) сообщено несравненно больше подробностей, чѣмъ у Рюссова. Ни тотъ, ни другой ни упоминаютъ, однако, о дѣйствіяхъ ордена противъ Пскова, вѣроятно, по ихъ незначительности. Лѣтъ шесть послѣ сраженія на Маломъ Борку (близь Нейгаузена), происходившаго лѣтомъ 1343 г., нѣмцы и псковичи не трогали другъ друга, но въ 1348 г., въ томъ же самомъ году, въ которомъ прусскіе рыцари одержали блистательную побѣду на Стравѣ надъ литовско-русскими полками (см. выше, стр. 152), въ то время, когда войско псковское находилось въ новгородскихъ областяхъ, помогая Новгороду въ войнѣ съ шведами, нѣмцы начали жечь псковскія села, а весною 1349 г. отрядъ ихъ явился внезапно у Изборска. Въ это время жилъ въ Псковѣ литовскій князь Юрій Витовтовичъ; онъ вышелъ противъ нѣмцевъ и былъ убитъ при первой стычкѣ: была тогда въ Псковѣ скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя и положили его въ церкви св. Тройцы. Въ томъ же 1349 году нѣмцы поставили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою; псковичи подняли всю свою область и поѣхали — одни въ лодкахъ, другіе на лошадяхъ, пріѣхали къ новому городку, обступили и зажгли его; нѣмцы и чудь, кои въ немъ были, одни сгорѣли, другіе пометались изъ крѣпости, и были побиты псковичами.

Въ 1348 же году шведскій король Магнусъ предпринялъ крестовый походъ на русскихъ (въ папскихъ буллахъ, называвшихся язычниками), осадилъ Орѣшекъ, сталъ крестить въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рать пустилъ, у всѣхъ попадавшихся въ его руки русскихъ велѣлъ стричь бороды, а потомъ перекрещивать въ латинство. Король взялъ Орѣшекъ, но осенью 1348 года новгородцы со псковичами взяли его обратно. Въ 1349 году король Магнусъ опять приплылъ къ русскимъ берегамъ,

переночевалъ подъ Копорьемъ, но, узнавъ о приближеніи новгородцевъ, ушелъ въ море, гдѣ отъ бури потерялъ много войска. Новгородцы пошли къ Выборгу, пожгли окрестности, разбили шведовъ, сдѣлавшихъ высадку, но послѣ въ Дерптѣ размѣняли плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, и заключили миръ.

Во время магистерства Госвина совершена для ордена весьма важная сдѣлка по покупкѣ Эстоніи.

Извѣстно, что Эстоніею еще при епископѣ Альбертѣ въ 1219 г. овладѣли датчане, меченосцы въ 1226 г. заняли эту страну, но по акту соединенія орденовъ отъ 14 мая 1237 года должны были снова уступить ее датчанамъ. Съ тѣхъ поръ властителями Эстоніи и оставались датскіе короли, управляя ею чрезъ своихъ намѣстниковъ и щедро раздавая земельные эстонскіе участки въ лены датскимъ дворянскимъ родамъ.

Датскіе вассалы явились помѣщиками, господами въ своихъ ленахъ черезъ чуръ своевольными, забывая, что эстонцы народъ нетакой терпѣливый какъ латыши. Цѣлое столѣтіе туземцы прожили подъ властію датчанъ и хотя за это время и происходили частныя возмущенія, но общаго взрыва, общаго возстанія не было.

Возстаніе эстонскихъ туземцевъ, начавшееся въ ночь съ 23 на 24 апрѣля 1343 г., по своей свирѣпости и жестокости имѣетъ мало себѣ подобныхъ. Уже за нѣсколько лѣтъ до возстанія была рѣчь о продажѣ Эстоніи тевтонскому ордену, такъ какъ датскій король, обезсиленный внутренними неурядицами въ своемъ королевствѣ, ясно видѣлъ, что ему было невозможно удержать за собою отдаленную отъ королевства провинцію. Но дѣло о продажѣ не подвигалось впередъ до общаго возстанія туземцевъ.

Датскіе вассалы, королевскіе ревельскіе совѣтники, будучи не въ состояніи собственными силами усмирить туземцевъ, обратились въ маѣ 1343 г. за помощію къ тогдашнему ливонскому магистру Борхарту фонъ Дрейнлеве. Магистръ въ это время воевалъ со псковичами (см. выше стр. 152), но согласился помочь на условіи занять Эстонію и возвратить ее датской коронѣ лишь по уплатѣ издержекъ на военныя надобности. Вассалы и королевскіе совѣтники согласились на это условіе, и въ октябрѣ 1343 г. совмѣстно съ ревельскимъ епископомъ, ревельскимъ капитуломъ и прочимъ духовенствомъ въ особой грамотѣ заявили необходимость временнаго занятія Эстоніи орденомъ. Магистръ въ два года 1343 и 1344 г. усмирилъ возстаніе, истребивъ нѣсколько десятковъ тысячь эстонскихъ туземцевъ. Въ 1346 году, когда возстаніе было уже подавлено, король датскій Вольдемаръ IV прислалъ въ Ревель своимъ намѣстникомъ Стигота Андерсона, чтобы принять Эстонію снова въ свое владѣніе. Магистръ, не получивши никакого вознагражденія за военныя издержки, конечно, и не думалъ о подобномъ возвратѣ, напротивъ задержалъ за собою эстонскіе замки и прислалъ въ Эстонію бывшаго феллинскаго командора Госвина фонъ Герике (впослѣдствіи ливонскій магистръ) для управленія этою страною. Датскіе вассалы, не будучи въ состояніи усмирить возстаніе туземцевъ въ Алентакенѣ, обратились за по-

мощью опять къ ордену и заложили ему замокъ Нарву за 1423 марки серебра. Въ сентябрѣ 1345 г. король самъ прибылъ въ Ревель и нашелъ, что эстонскіе города, вассалы и духовенство вовсе не склонны возвратиться къ Даніи, напротивъ желаютъ оставаться подъ главенствомъ ордена. Утвержденіемъ привиллегій, увеличеніемъ доходности съ леновъ король думалъ преклонить на свою сторону вассаловъ и духовенство — но все было тщетно. Тогда, видя свое безсиліе и невозможность удержать Эстонію за собою, онъ началъ переговоры съ орденомъ о продажѣ этой земли. Въ маѣ 1346 года онъ выѣхалъ изъ Ревеля и поручилъ Стиготу Андерсону и другому своему уполномоченному продолжать переговоры. Переговоры кончились въ августѣ 1346 года тѣмъ, что орденъ обязался за Эстонію съ городомъ Ревелемъ уплатить датской коронѣ 19000 кельнскихъ марокъ (на наши деньги около 247 тыс. руб.) и кромѣ того выдать маркграфу бранденбургскому, помогавшему усмирить возстаніе (см. выше стр. 104), вознагражденія за военныя издержки 6 тыс. марокъ. Сыновья герцога Кнута Порсе разрѣшили магистратъ и эстонское рыцарство отъ ихъ присяги королю и объявили ихъ подданными тевтонскаго ордена на томъ основаніи, что датскій эстонскій наслѣдный принцъ Оттонъ еще прежде отказался отъ датской короны и самъ вступилъ въ тевтонскій орденъ. Окончательная сдѣлка совершилась въ Маріенбургѣ. Датскій король и Оттонъ прибыли сюда и 29 августа 1346 года подписали актъ продажи. Актъ этотъ былъ утвержденъ императоромъ 20 сентября 1346 г., а папою Климентомъ VI-мъ — 2 февраля 1348 г.

Великій магистръ утвердилъ 4 ноября 1346 г. всѣ резонныя и справедливыя (rationabilia et justa) права и привиллегіи какъ Эстоніи вообще, такъ и Ревеля въ частности, и принялъ присягу отъ датскаго рыцарства. Эстонія, такимъ образомъ, перешла подъ власть ордена. 1 ноября 1347 г. управленіе Эстоніею было передано ливонской отрасли ордена, которая обязалась уплатить великому магистру деньги, израсходованныя имъ при покупкѣ страны. Окончательный расчетъ съ великимъ магистромъ по этой покупкѣ послѣдовалъ 14 октября 1375 года (см. выше у Вартберга, стр. 129).

26. Арнольдъ ф. Фитингофъ, двадцать шестой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, съ 1360 года.

Въ 1360 году магистерства въ Ливоніи достигъ Арнольдъ ф. Фитингофъ, командоръ Маріенборгскій, который магистръ предпринималъ многіе замѣчательные походы зимой и лѣтомъ противъ язычниковъ, взялъ въ Литвѣ замокъ Кауну, забралъ съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ короля Константина съ его сыномъ и многими дворянами, убилъ тамъ около 2,000 человѣкъ и затѣмъ до тла сжегъ и совершенно разрушилъ этотъ замокъ.

Прим. перев. По смерти магистра Госвина (10 сентября 1359 года), въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами всту-

нилъ братъ Арнольдъ фонъ Фитингофъ, пробывшій магистромъ также до своей смерти, послѣдовавшей 11 іюля 1364 г. (см. выше стр. 108 — 111).

Въ то время, какъ ливонскій орденъ пріобрѣлъ Эстонію, на берегахъ Нѣмана (см. выше стр. 151) шла ожесточенная борьба тевтонскаго ордена съ литовско-русскими князьями Ольгердомъ и Кейстутомъ, борьба, принявшая обширные размѣры съ того времени, когда великимъ магистромъ былъ избранъ (13 декабря 1345 г.) Генрихъ Дуземеръ фонъ Арфбергъ (см. выше стр. 106 и 152). Въ 1360 году тевтонскій орденъ нанесъ литовцамъ сильное пораженіе, взявъ въ плѣнъ Кейстута (подробности см. выше на стр. 153). Въ 1362 г. великій магистръ Винрихъ фонъ Книпроде, узнавъ о приготовленіяхъ Кейстута вторгнуться въ Пруссію, рѣшился предупредить его и осадилъ Ковну — литовскій замокъ, находившійся при сліяніи Виліи съ Нѣманомъ и въ военномъ отношеніи составлявшій ключь къ Литвѣ. Въ началѣ 1362 года орденское войско съ большимъ числомъ крестоносцевъ, прибывшихъ изъ Англіи, Даніи, Чехіи, Германіи и Италіи выступило въ походъ. Великій магистръ, пригласивъ участвовать въ походѣ и ливонскаго магистра Фитингофа съ его войскомъ, обложилъ Ковну 29 марта въ надеждѣ, что въ этомъ замкѣ находится самъ Кейстутъ. Въ апрѣлѣ къ Ковнѣ на корабляхъ прибыло и ливонское войско. Литовцы оборонялись отчаянно; наконецъ, стѣна не выдержала напора орудій и рухнула; орденское войско 15 апрѣля вломилось въ крѣпость и немедленно зажгло ее. Почти всѣ литовцы погибли или отъ огня, или отъ меча. Ольгердъ и Кейстутъ стояли надъ Нѣманомъ, смотрѣли на гибель Ковны и не могли подать помощи. Въ плѣнъ взятъ не король, какъ пишетъ Рюссовъ, а сынъ Кейстута съ начальникомъ замка и его сыномъ и 37 другими литовцами. Всѣ прочіе (тысячъ до двухъ) погибли. Орденское войско на развалинахъ Ковны весело отпраздновало Пасху, но воротилось назадъ, такъ какъ впереди стояли Ольгердъ и Кейстутъ въ готовности принять сраженіе.

Много крови и литовцамъ и ордену стоила Ковна. Послѣ разоренія замка въ 1362 году, литовцы немедленно же возстановили его, великій магистръ 2 апрѣля 1363 года взялъ его снова и разорилъ. Литовцы снова отстроили замокъ; нѣмцы въ сентябрѣ 1368 года снова его взяли, перебивъ весь гарнизонъ (см. выше стр. 116). Въ апрѣлѣ 1369 года великій магистръ рѣшился стать твердо на правомъ берегу Нѣмана и въ милѣ отъ Ковны заложилъ замокъ Готесвердеръ. 12 сентября Ольгердъ и Кейстутъ взяли этотъ замокъ, увели гарнизонъ въ плѣнъ, и рядомъ съ замкомъ построили другой. 11 ноября того же 1369 г. нѣмцы взяли оба замка, перебивъ гарнизонъ, который самъ сжегъ оба замка. Въ 1384 г. нѣмцы возобновили старую Ковну, давъ ей названіе Ритерсвердера. Литовцы и русскіе, послѣ упорной трехнедѣльной обороны этой крѣпости, взяли ея въ слѣдующемъ году, нанеся ордену огромныя потери (см. выше стр. 154).

27. Вильгельмъ ф. Фримерзенъ, двадцать седьмой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи.

После Арнольда Фитингофа должность магистра наследовалъ Вильгельмъ ф. Фримерзенъ, во время коего бывали также тяжелые походы противъ русскихъ, литовцевъ и семигаловъ. Во время этого магистра восьмымъ архіепископомъ рижскимъ былъ Іоаннъ ф. Синтенъ.

Прим. перев. Орденскій братъ Вильгельмъ фонъ Вримгерсгеймъ принялъ должность магистра, по смерти Арнольда, 29 сентября 1364 года, и правилъ орденскими дѣлами по 1394 г. Съ особенною подробностью Вартбергъ описалъ походы этаго магистра до 1378 года (см. выше стр. 111 — 133) и уже изъ этаго описанія видно, что тевтонскій орденъ въ это тридцатилѣтіе рѣшительно не давалъ покоя Литвѣ ни на одинъ годъ и тѣмъ самымъ не давалъ возможности воинственнымъ и предпріимчивымъ литовскимъ князьямъ Ольгерду и Кейстуту, а потомъ и ихъ наслѣдникамъ дѣйствовать противъ московскихъ князей, сосредоточивавшихъ подъ свою власть восточную Россію. Если Литва была для восточной Россіи оплотомъ, о которой сокрушались силы тевтонскаго ордена и крестоносцевъ; то ожесточенная борьба съ орденомъ сдерживала литовскихъ князей, постоянно и безпрерывно отвлекала ихъ отъ востока на западъ и тѣмъ самымъ дала возможность московскому государству закончить свою внутреннюю борьбу и укрѣпить свои силы. Съ этой точки зрѣнія борьба ордена съ Литвою имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи всей восточной Европы.

Ливонскій магистръ Вильгельмъ и великій магистръ въ Пруссіи Винрихъ, люди, безспорно, энергическіе и воинственные, жили и дѣйствовали почти одновременно, весь вѣкъ свой проведя въ походахъ, набѣгахъ и кровопролитныхъ схваткахъ. Они оба были современниками княженія въ Москвѣ Дмитрія Іоанновича Донскаго (1362 — 89) и оба были свидѣтелями весьма важныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ Западной Россіи и ея отношеній къ Польшѣ.

Если орденъ не давалъ минуты покоя литовцамъ, то не зналъ покоя также и Псковъ. Вотъ что говорятъ на этотъ счетъ наши лѣтописи (см. Соловьева, Ш, стр. 375). Съ 1349 и по 1362 года на псковскихъ и новгородскихъ границахъ было сравнительно тихо : шведы не воевали съ новгородцами, псковичи и орденъ не безпокоили другъ друга. Но вотъ въ 1362 г. пригнали нѣмцы и перебили на Лудвѣ (въ нынѣшнемъ Гдовскомъ уѣздѣ) нѣсколько сотъ головъ на миру;за это псковичи задержали нѣмецкихъ купцовъ, коихъ было тогда много въ Псковѣ. Въ слѣдующемъ 1363 году пріѣхали въ Новгородъ послы нѣмецкіе изъ Юрьева и Феллина договариваться со псковичами; пріѣхали и псковичи; наговорили много, а поѣхали прочь безъ мира, за что купцовъ новгородскихъ задержали въ Юрьевѣ. Тогда новгородцы отправили туда своихъ пословъ, по боярину изъ каждаго конца, которымъ удалось „смолвить въ

любовь" (помирить) нѣмцевъ со псковичами: нѣмцы отпустили новгородскихъ купцовъ, а псковичи — нѣмецкихъ, взявши съ нихъ серебро за головы убитыхъ на Лудвѣ. Миръ, какъ обыкновенно, былъ непродолжителенъ; на этотъ разъ миротворцемъ хотѣлъ быть великій князь московскій, и въ 1367 г. посолъ его Никита пріѣхалъ въ Юрьевъ, жилъ здѣсь долго, но не сдѣлавши ничего добраго, возвратился во Псковъ, а вслѣдъ за нимъ явилась рать нѣмецкая и пожгла посадъ; но стояла только одну ночь подъ городомъ и ушла назадъ. Въ то же время нѣмецкая другая рать явилась у Велья (мѣстечко псковской губ., опочкинскаго уѣзда) и разбила псковскую погоню: много пало головъ добрыхъ людей. Потомъ псковичи отправились къ Новому Городку (Нейгаузену) воевать чудь, причемъ небольшой отрядъ охочихъ людей подъ начальствомъ Селила Скертовскаго поѣхалъ въ разгонъ въ Киримпе (мыза въ Дерптскомъ уѣздѣ), наткнулся на отрядъ нѣмецкій и былъ разбитъ имъ. Князь псковскій Александръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ убитыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился назадъ.

Псковичи отправили пословъ сказать новгородцамъ: „Господа братья! Какъ вы заботитесь объ насъ, своей братьѣ младшей?" Новгородцы задержали пословъ нѣмецкихъ; потому что новгородскіе купцы были задержаны въ Юрьевѣ и другихъ городахъ ливонскихъ, и въ 1368 г. отправили войско къ Изборску, осажденному нѣмцами. Нѣмцы бросили осаду, заслышавши о приближеніи новгородцевъ, но въ слѣдующемъ году явились опять подъ Псковомъ, выстояли подъ нимъ три дня и двѣ ночи, и ушли, ничего не взявши; лѣтописецъ упоминаетъ только имена двухъ убитыхъ псковичей и одного взятаго въ плѣнъ и затравленнаго нѣмцами. Въ 1370 году новгородцы и псковичи захотѣли отомстить рыцарямъ за ихъ нападенія, и пошли къ Новому Городку, но не взяли его, потому что былъ твердъ — говоритъ новгородскій лѣтописецъ, — а псковской жалуется на новгородцевъ, зачѣмъ они отъ Городка не пошли въ нѣмецкую землю, а возвратились назадъ, не пособивши ни мало псковичамъ, которые одни сожгли Киримпе и взяли множество добычи. Нѣмцы одни были побиты, а другіе задохлись отъ зноя въ погребахъ. Въ 1371 году новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ съ тысяцкимъ и двумя другими боярами заключилъ миръ съ нѣмцами подъ Новымъ Городкомъ (см. выше стр. 120); но подъ 1377 г. лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ новгородскихъ молодыхъ людей къ Новому Городку: они стояли долго подъ городомъ, посадъ весь взяли, волость всю потравили, полона много привели и сами пришли всѣ по здорову.

Въ это время въ Литвѣ произошли важныя перемѣны, имѣвшія большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ борьбы ордена съ литовцами. Въ 1377 г. умеръ Ольгердъ, постригшись предъ смертью въ монахи. Великимъ княземъ сталъ сынъ его Ягайло (въ православіи Яковъ), и дядя Кейстутъ, князь троцкій, присягнулъ племяннику. Но Ягайло взялъ старшинство не по праву, по мимо старшаго брата; братья не замедлили поссориться и двое Ольгердовичей Андрей и Дмитрій вступили въ службу къ московскому князю Ди-

трію Донскому. Лѣнивый, коварный, любившій удовольствія и слабый характеромъ Ягайло началъ усобицу съ Андреемъ Кейстутовичемъ, княземъ полоцкимъ, и призвалъ на помощь себѣ нѣмцевъ. Старикъ Кейстутъ раздраженный поступками и союзомъ Ягайла съ нѣмцами явился съ войскомъ предъ Вильною, взялъ ее, взялъ въ плѣнъ и Ягайлу съ его договорною грамотою съ нѣмцами.

Сынъ Кейстута Витовтъ прибылъ въ Вильну и здѣсь они рѣшили посадить Ягайлу на княженіе въ Витебскъ, а Кейстуту быть великимъ княземъ. Недолго Кейстутъ пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова Ольгердова, Іуліанія, и ея дѣти завели сношенія съ нѣмцами; Ягайло также присталъ къ дѣйствіямъ противъ дяди. Воспользовавшись отсутствіемъ Кейстута изъ Вильны, Ягайло овладѣлъ этимъ городомъ и Троками. Кейстутъ поспѣшилъ походомъ на Ягайлу, вошедшаго въ союзъ съ нѣмоами. Ягайло коварно заманилъ къ себѣ въ станъ Кейстута съ Витовтомъ и схватилъ ихъ обоихъ. Плѣнныхъ свезли въ Крево, гдѣ Кейстута задушили въ тюрьмѣ, но Витовтъ спасся и бѣжалъ въ Плоцкъ.

Это происходило въ то время, когда московскій князь Дмитрій напрягалъ всѣ силы восточной Россіи на борьбу съ татарами (Мамай, Куликовская битва, Тохмамышъ).

Витовтъ не оставилъ въ покоѣ Ягайла; вошелъ въ сношенія съ орденомъ, для котораго раздоръ между литовскими князьями открывалъ дорогу къ покоренію Литвы, и началъ войну со своимъ соперникомъ. Великій магистръ Конрадъ Цельнеръ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Витовтомъ (здѣсь впервые подлѣ хоругви ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское) и овладѣлъ Троками. Но Ягайло, когда великій магистръ вышелъ изъ Литвы, снова овладѣлъ Троками. Тогда Витовтъ, чтобы получить рѣшительную помощь отъ ордена, принялъ католичество, объявилъ себя вассаломъ ордена и лучшую часть собственной Литвы и Жмуди уступилъ во владѣніе ордену. Орденъ, вслѣдствіе этаго, въ 1384 г. рѣшился возобновить старую Ковну и заложилъ крѣпость Ритерсвердеръ.

Враждовавшіе братья скоро, однако же, поняли, къ чему можетъ послужить ихъ дяльнѣйшій раздоръ. Они во время помирились, Витовтъ отказался отъ союза, перемѣнилъ католичество на православіе, и оба брата нанесли ордену сильное пораженіе — предвѣстникъ окончательнаго низложенія военнаго братства.

28. Лоббе ф. Ульзенъ, двадцать восьмой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, до 1394 (96) г.

Послѣ Вильгельма ф. Фримерзена магистромъ въ Ливоніи сталъ Лоббе ф. Ульзенъ, во время управленія коего было совершенное спокойствіе отъ внѣшнихъ враговъ, но съ дерптцами и туземцами снова началась война.

Прим. перев. Братъ Лоббе фонъ Ульзенъ управлялъ ливонскими орденскими дѣлами до своей смерти, послѣдовавшей въ

1396 г. Рюссовъ не объясняетъ съ какими дерптцами и туземцами началась въ послѣдніе годы война и изъ за чего именно. А между тѣхъ эта война — вѣрнѣе споръ — для ордена имѣла очень важное значеніе. Этотъ эпизодъ ливонской исторіи на столько любопытенъ, что заслуживаетъ упоминанія болѣе подробнаго, чѣмъ то сдѣлано у Рюссова.

После примирительной грамоты, данной магистромъ Мангеймомъ городу Ригѣ 30 марта 1330 года, послѣ занятія орденомъ Динаминда, послѣ возведенія орденскаго замка (нынѣшній замокъ стоитъ именно на мѣстѣ прежняго), рижане не могли особенно благоволить къ ордену, владѣвшему устьемъ Двины и слѣд. рижскою гаванью, могущему всегда такъ или иначе влiять на рижскую торговлю и оружіемъ укротить упрямыхъ и непокорныхъ. Не могли благоволить къ ордену и архіепископъ съ прочими епископами, потому что орденъ хоть на бумагѣ и числился вассаломъ ливонскаго духовенства, но на дѣлѣ стремился быть верховнымъ властителемъ всей земли. Отсюда безконечныя пререканія и споры: архіепископъ и епископы жаловались и не безъ основаній на то, что орденъ притѣсняетъ ихъ, стѣсняетъ въ мѣстномъ правѣ, лишаетъ доходовъ, захватываетъ ихъ замки; орденъ съ своей стороны жаловался и тоже не безъ основаній, что архіепископъ и епископы порочатъ рыцарей предъ королями и князьями, предъ приморскими городами, не оказываютъ ордену надлежащей помощи въ войнѣ съ язычниками литовцами и еретиками русскими, а если орденъ и держалъ свои гарнизоны въ епископскихъ замкахъ, то это происходитъ отъ того, что духовныя лица военнаго дѣла не смыслятъ и оборонять своихъ замковъ отъ враждебныхъ покушеній не въ состояніи.

Не разъ бывали и съѣзды для уложенія споровъ, для опредѣленія взаимныхъ отношеній, но эти съѣзды не приводили ни къ какимъ результатамъ (см. выше стр. 110 — 112), но и не могли привести, потому что ни орденъ, ни духовенство и не думали уступить въ чемъ бы то ни было другъ другу.

Нѣтъ надобности излагать подробности этихъ споровъ, достаточно сказать, что споры продолжались при архіепископѣ Фромгольдѣ фонъ Финфгаузенѣ (смѣнившемъ 17 марта 1346 года Энгельберта), при его преемникѣ Зигфридѣ фонъ Бломбергѣ (съ 11 февраля 1370 г.), извѣстнымъ своимъ споромъ объ одѣяніи духовенства орденскаго и архіепископскаго, кончившимся тѣмъ, что въ 1373 году неорденскому духовенству воспрещено было носить бѣлыя мантіи съ черными крестами, присвоенная духовными братьями ордена, а носить черное одѣяніе августинскихъ монаховъ; споръ съ особенною силою разгорѣлся при Іоаннѣ фонъ Синтенѣ, сдѣлавшимся архіепископомъ, по смерти Сигфрида, 23 октября 1374 года.

Главнымъ спорнымъ пунктомъ при архіепископѣ Іоаннѣ фонъ Синтенѣ было то обстоятельство, что орденъ постоянно забиралъ архіепископскіе лены то покупкою, то принятіемъ въ залогъ. Въ 1388 г. архіепископскій вассалъ Германъ Икскуль заложилъ ордену въ 4000 маркахъ очень важный архіепископскій замокъ Икскуль.

Это подало поводъ архіепископу Іоанну фонъ Синтену подать формальную жалобу папѣ Бонифацію IX, который буллою отъ 10 мая 1391 г. объявилъ недѣйствительными всѣ обманнымъ образомъ совершенныя купчія и закладныя на архіепископскіе лены и, подъ угрозою церковнаго отлученія, воспретилъ совершать таковыя впредь. Рыцари на подобную угрозу, неподкрѣпленную оружіемъ, отвѣтили тѣмъ, что заняли архіепископскій замокъ Салисъ. Тогда архіепископъ, неувѣренный въ своей собственной безопасности въ Ригѣ, сѣлъ на корабль съ частью своихъ канониковъ и отправился въ Любекъ. Рыцари, захвативъ рижскаго пробста и одного каноника, заключили ихъ въ тюрьму, объяснивъ чрезъ орденскаго прокуратора въ Римѣ, что они арестовали пробста и каноника, какъ главныхъ заводчиковъ смуты.

Архіепископъ изъ Любека послалъ къ папѣ и нѣмецкимъ князьямъ жалобы на самоуправство ордена, который, въ свою очередь, не стѣсняясь юридическими формальностями, занялъ всѣ архіепископскіе замки и арестовалъ всѣхъ рижскихъ канониковъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто архіепископъ состоитъ въ тайномъ союзѣ съ язычниками-литовцами и русскими. Архіепископъ удвоилъ свои жалобы: многіе нѣмецкіе князья и самъ императоръ Венцель приняли сторону архіепископа; Венцель написалъ великому магистру, чтобы онъ немедленно приказалъ освободить арестованныхъ канониковъ и отдать имъ захваченные замки и бурги, такъ какъ тѣ и другіе составляютъ лены римской имперіи. Великій магистръ отвѣчалъ, что орденъ занялъ архіепископскіе лены временно и для пользы христіанства по той причинѣ, что архіепископъ со своими бѣжалъ, не оставивъ въ замкахъ необходимыхъ гарнизоновъ.

Архіепископъ обратился и къ польскому королю Владиславу (Ягайло) съ жалобою на орденъ. Король въ отвѣтѣ своемъ на жалобу совѣтовалъ архіепископу просить папу, чтобы онъ назначилъ экзекуторами для возвращенія архіепископскихъ имѣній его, короля, и королевскаго брата Витовта, причемъ Ягайло не пощадилъ рѣзкихъ словъ на осужденіе ордена, назвавъ рыцарей волками въ овечьей шкурѣ и врагами слова Божія и истинной вѣры. Гонецъ, везшій этотъ отвѣтъ архіепископу, попалъ въ руки орденскихъ сановниковъ, которые и узнали такимъ образомъ содержаніе королевскаго письма.

Предстояло рѣшить дѣло папѣ. Въ 1387 году на папскій престолъ въ Римѣ вступилъ Бонифацій IX, въ то время какъ, въ Авиньйонѣ жилъ и правилъ папа Климентъ VII. Объ этомъ Бонифаціи IX-мъ остались свидѣтельства, что онъ былъ плохой знатокъ богословія и больше всего на свѣтѣ уважалъ оружіе и золото: торговалъ духовными мѣстами и за деньги готовъ былъ сдѣлать что угодно. Орденскій прокураторъ написалъ магистру, что въ Римѣ кто имѣетъ и даетъ, тотъ все и получитъ, а одинъ изъ кардиналовъ сказалъ прокуратору: „Тевтонскій орденъ могущественъ и богатъ, а между тѣмъ не оказываетъ никакой чести святому отцу: это меня удивляетъ!“ Орденъ, конечно, воспользовался такимъ яснымъ указаніемъ, не пожалѣлъ снабдить римскій дворъ богатыми дарами (шпе-

ribus pretiosis), и за то узналъ не только всѣ тайны своего противника, но и получилъ наставленіе какъ лучше всего опровергнуть архіепископскія жалобы.

Подарки свое дѣло сдѣлали: ордену было предоставлено удержать за собою всѣ секвестрованныя имѣнія архіепископа и рижской церкви, съ тѣмъ чтобы уплачивать папѣ ежегодной аренды 11,500 золотыхъ гульденовъ. Въ мартѣ 1394 года магистръ уплатилъ наличными первые пять тысячъ золотыхъ гульденовъ и въ награду за то получилъ отъ Бонифація IX буллу отъ 20 марта 1394 года, въ которой было сказано, что въ рижскомъ архіепископствѣ никто не можетъ быть назначенъ ни каноникомъ, ни на какую либо другую должность, если предварительно не приметъ обѣтовъ тевтонскаго ордена (т. е. не-сдѣлается духовнымъ братомъ ордена), что духовныя лица рижскаго архіепископства должны быть не августинскаго ордена, а тевтонскаго, и потому должны носить одѣяніе сего послѣдняго.

Послѣ такой буллы архіепископу Іоанну фонъ Синтену не оставалось ничего сдѣлать, какъ сложить съ себя архіепископство. Это онъ исполнилъ и охотно принялъ отъ папы назначеніе быть патріархомъ александрійскимъ. На его мѣсто рижскимъ архіепископомъ былъ избранъ Іоаннъ фонъ Валенродъ (двоюродный братъ великаго магистра Конрада Валенрода), предварительно избранія вступившій въ орденъ и признавшій надъ собою полную власть ордена. Папа, по просьбѣ великаго магистра, издалъ 7 апрѣля 1397 года буллу, въ которой постановилъ, чтобы впредь въ рижскіе архіепископы избирать только брата тевтонскаго ордена.

Орденъ явился такимъ образомъ полнымъ властителемъ рижскаго архіепископства и не замедлилъ сдѣлать попытки овладѣть и прочими епископствами. Начали съ епископа дерптскаго, коимъ былъ въ это время секретарь императора Карла IV Дитрихъ Дамеровъ (съ 21 декабря 1378 г.). Онъ уже и прежде враждовалъ съ орденомъ, былъ однажды орденомъ удаленъ съ епископства. Теперь орденъ предложилъ Дитриху или платить ежегодную дань, или удалиться съ дерптской епископской каѳедры. Но тутъ орденъ встрѣтилъ неожиданное и сильное сопротивленіе. Дитрихъ преклонилъ на свою сторону не только императора Венцеля, но, вступивъ въ союзъ съ русскими, съ литовцами (самаитами) и, кажется, съ тогдашними морскими разбойниками, извѣстными подъ именемъ Виталіевыхъ братьевъ и грабившими на Балтійскомъ морѣ, преклонивъ также на свою сторону многихъ архіепископскихъ вассаловъ, въ томъ числѣ сильнаго и богатаго Тизенгаузена, возсталъ на орденъ и противъ силы выставилъ свои силы. Противники сразились у Пейпускаго озера; бой былъ однако нерѣшителенъ: тутъ явились посредники со стороны императора, которые 15 іюля 1397 года въ Данцигѣ примирили соперниковъ. Епископъ дерптскій обязался оказывать законное повиновеніе архіепископу Валенроду, архіепископъ же и орденъ обязались не нападать вооруженною силою на епископа. Орденъ обязался примириться со всѣми вассалами архіепископа (здѣсь они

впервые являются какъ корпорація), обязался возвратить Тизенгаузену замокъ Берзонъ, вмѣсто Кокенгузена дать другое имѣніе; орденъ не будетъ требовать съ епископствъ ратниковъ; дороги въ орденскихъ земляхъ для всѣхъ жителей дерптскаго епископства дѣлаются свободными и пр.

Данцигское соглашеніе произошло когда ливонскимъ магистромъ, по смерти Лоббе фонъ Ульзена (1396 г.), былъ уже Вальдемаръ фонъ Бригген ей.

29. Вольдемаръ ф. Брюггеней, двадцать девятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1394 — 1402 (1396 — 1404) г.

Въ 1394 году званіе магистра въ Ливоніи получилъ Вольдемаръ ф. Брюггеней, который магистръ довершилъ начатую войну съ дерптцами. Потому что жители Дерпта соединились съ невѣрными псковскими русскими, литовцами и самаитами противъ ордена. И когда эти названные враги прибыли къ дерптцамъ вдоль Пейбеса и сильно опустошили Ливонію, тогда магистръ Вольдемаръ также вооружился по возможности съ друзьями ордена, и съ большимъ мужествомъ снова выбилъ враговъ изъ страны, и эта битва не обошлась безъ значительныхъ потерь съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ обѣ стороны были выслушаны по этому дѣлу въ Данцигѣ и, наконецъ, улажены и враждовавшіе примирены.

Во время управленія этаго магистра, Конрадъ ф. Юнгингенъ, великій магистръ въ Пруссіи, даровалъ рыцарству въ Гарригенѣ и Вирландѣ особыя великія вольности и привиллегіи, преимущественно предъ всѣми другими дворянами въ Ливоніи, именно, что дочери, какъ и сыновья дворянъ могутъ наслѣдовать въ упомянутыхъ земляхъ не только движимое, но и недвижимое имущество, какъ то: участки земли, дворы и деревни, замки и бурги до пятаго колѣна, вопреки всѣмъ леннымъ правамъ. Такая милость и вольность дана, утверждена письменно и скрѣплена печатью великимъ магистромъ прусскимъ въ Данцигѣ въ 1397 году, въ день Маргариты.

Кромѣ того гарріенскимъ и вирскимъ дворянамъ дали на всегда какъ привиллегію сначала королей датскихъ, а затѣмъ великихъ магистровъ прусскихъ, великое рыцарское право, по которому въ судѣ засѣдали шесть гарріенскихъ и шесть вирскихъ совѣтниковъ и два сановника, именно командоръ ревельскій и фохтъ везенбергскій, и что этотъ судъ выскажетъ и приговоритъ, то признавалось правомъ, и спорившіе должны были подчиняться приговору, и затѣмъ слѣдовало всегда безъ всякаго оспариванія исполненіе приговора посредствомъ манрихтера, который по ливонскому рыцарскому праву былъ фохтомъ; а на этотъ судъ никто не могъ апелировать даже и властителю земли.

Далѣе дворянство имѣло право издавать смертные приговоры въ своемѣ дворѣ и своемъ имѣніи, и если преступникъ бывалъ захваченъ въ дворянскомъ помѣстьѣ, то и подлежалъ суду не начальства, а того дворянина, въ предѣлахъ и границахъ котораго совершилось преступленіе.

И чѣмъ щедрѣе ливонское дворянство было одарено привилегіями, тѣмъ скуднѣе были права въ судѣ бѣдныхъ крестьянъ этой земли. Ибо бѣдный крестьянинъ не имѣлъ никакого другаго права, кромѣ того, которое предоставлялъ ему помѣщикъ или фохтъ. И бѣдный человѣкъ не смѣлъ жаловаться ни какой высшей власти на какое бы то ни было насиліе и несправедливость. И если умирали крестьянинъ и его жена, оставивъ дѣтей, то опека надъ дѣтьми учреждалась такая, что господа брали къ себѣ все, что оставалось послѣ родителей, а дѣти должны были находиться нагіе и босые у очага помѣщика, или же побираться милостынью по городамъ, лишаясь всего родительскаго имущества. И все, чѣмъ владѣлъ бѣдный крестьянинъ, принадлежало не ему, а господамъ И если крестьянину случалось немного провиниться, то ему помѣщикъ или ландфохтъ, котораго здѣсь называли ландкнехтомъ, безъ всякаго милосердія и человѣческаго чувства, приказывалъ раздѣть до нага, и не щадя возраста, его стегали длинными, острыми розгами. Только богатый крестьянинъ могъ во всякое время откупиться приличнымъ подаркомъ. Бывали многіе и такіе дворяне, которые обмѣнивали и вымѣнивали своихъ бѣдныхъ крестьянъ и подвластныхъ на собакъ и гончихъ. Такое и подобныя своеволія, несправедливости и тиранства должны были терпѣть и переносить бѣдные крестьяне этаго края отъ дворянъ и ландкнехтовъ, оставленные властями безъ всякаго вниманія.

Такъ между крестьянами въ Ливоніи было въ обычаѣ языческое, противное христіанскому ученію право, въ чемъ винить слѣдуетъ не столько крестьянъ, сколько господъ, позволявшихъ такія вещи. Потому что если кто нибудь былъ убитъ и лишенъ жизни, то ближайшіе друзья убитаго употребляли свой собственный судъ и расправу и убійцу, на томъ мѣстѣ, гдѣ его найдутъ и поймаютъ, немедленно казнили безъ палача, хотя бы онъ совершилъ убійство, защищая свою жизнь. И если настоящаго убійцу нельзя было поймать, то за него нерѣдко расплачивался его ближайшій другъ, а иногда даже дитя въ колыбели убивали вмѣсто отца. Этотъ магистръ управлялъ восемь лѣтъ.

Прим. перев. Рюссовъ упоминаетъ здѣсь о рыцарскомъ правѣ. Когда же оно появилось въ Ливоніи? Что служило руководствомъ властителямъ при внутреннемъ управленіи ливонскихъ областей?

Основаніемъ и руководствомъ служили прежде всего буллы папъ и грамоты римскихъ императоровъ, далѣе кодексы (собранія

законовъ области или состоянія), потомъ положенія ландтаговъ и, наконецъ, договоры между мѣстными властителями края.

Германскіе пришельцы принесли съ собой свои обычаи, свои уставы и ленную-систему. Эти обычаи и уставы, обязательные для вассаловъ каждой области, были собраны въ отдѣльныя книги (книги правъ — „Rechtsbücher"), изъ которыхъ важнѣйшія были для Лифляндіи: право рыцарское, викъ-эзельское ленное право, правила для адвокатовъ (formulare procuratorum) Фабри, крестьянскія узаконенія; для Эстляндіи: ленное право Вольдемара-Эриха, красная книга.

Книга о рыцарскомъ и земскомъ правѣ дошла до насъ въ трехъ разныхъ видахъ: древнее, среднее и исправленное. Нельзя сказать съ точностію къ которому именно году относится составленіе этихъ сборниковъ, но, по всей вѣроятности, книга о древнѣйшемъ и первомъ лифляндскомъ рыцарскомъ и земскомъ правѣ (хранится въ архивѣ лифляндскаго дворянства въ Ригѣ) составлена не въ XIII, а въ XIV столѣтіи. Она состоитъ изъ 67 главъ, въ которыхъ говорится объ инвеститурѣ на лены и о правахъ и обязанностяхъ вассаловъ, объ опекѣ, о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ по дѣламъ о ленахъ, о владѣніи крестьянами и проч. Среднее рыцарское право состоитъ изъ 249 главъ. Кажется, что сборникъ этотъ былъ составленъ частнымъ лицомъ первоначально для руководства однихъ вассаловъ рижскаго архіепископства, но въ XV столѣтіи оно дѣйствовало уже во всей Ливоніи, какъ имѣющее силу закона. Исправленное рыцарское право, по всей вѣроятности, относится къ XV столѣтію и есть не что иное, какъ среднее право, приведенное въ извѣстную систему и раздѣленное на три книги.

Викъ-эзельское ленное право есть сборникъ обычаевъ и узаконеній, дѣйствовавшихъ въ эзельскомъ епископствѣ. Сюда вошли статьи изъ древняго и средняго рыцарскаго права съ нѣкоторыми сокращеніями.

Formulare procuratorum (правила для адвокатовъ) есть не что иное, какъ уставъ судопроизводства. Книга эта составлена синдикомъ ливонскаго ордена Діонисіемъ Фабри въ 1533 — 1538 г., слѣд. относится къ послѣднимъ годамъ самостоятельности Ливоніи.

Въ рыцарскомъ правѣ, касающемся почти исключительно вассаловъ, встрѣчаются постановленія и о крестьянахъ, но въ древнія времена были и особыя крестьянскія положенія, изъ которыхъ извѣстно: „Крестьянское право ливовъ", приписываемое епископу Альберту и другое озаглавленное: Diet seint dye vornemlichen Rechte vonn denn Bischöfen von Leyffland und vonn Rittern Gotz und vonn denn deutchen und oldenn Lyfflenderren, то есть, сіи суть главнѣйшіе законы епископовъ лифляндскихъ, рыцарей божіихъ, нѣмцевъ и древнихъ лифляндцевъ. Этотъ второй сборникъ сходенъ съ крестьянскимъ правомъ ливовъ, но содержитъ въ себѣ, кромѣ исчисленія преступленій и наказаній, и гражданскія постановленія относительно наслѣдства вдовъ и дѣтей.

Въ Эстоніи, во времена ливонской самостоятельности, законами служили грамоты королей датскихъ, данныя эстонскимъ вассаламъ съ 1238 по 1347 годы, грамоты великихъ и ливонскихъ магистровъ и ленное право Вольдемара-Эриха. Сборникъ законовъ, извѣстный подъ именемъ леннаго права, составленъ въ 1315 году по приказанію датскаго короля Эриха VII и заключаетъ въ себѣ постановленія Вольдемара II о правахъ вассаловъ. Многіе изслѣдователи не безъ основаній полагаютъ, что древнее рыцарское право лифляндское заимствовано изъ леннаго права Вольдемара-Эриха, которое въ свою очередь заимствовано изъ леннаго права саксонскаго. Въ Вольдемаръ-Эрихскомъ ленномъ правѣ говорится о ленной инвеституръ, о наслѣдованіи въ ленныхъ владѣніяхъ, объ опекѣ надъ малолѣтними, о назначеніи королевскаго намѣстника съ правомъ судить и назначать судей, о судопроизводствѣ.

Въ срединѣ XVI столѣтія секретарь эстляндскаго рыцарства, по требованію ландратовъ Гарріена и Вирланда, собралъ въ одну книгу всѣ грамоты и привиллегіи, дарованныя рыцарству, опредѣленія общихъ ливонскихъ ландтаговъ и постановленій дворянства гарріенскаго и вирландскаго. Книга эта, по переплету, названная к р а с н о ю (хранится въ архивѣ эстляндскаго дворянства въ Ревелѣ) долгое время служила единственнымъ основаніемъ правъ и преимуществъ эстляндскаго дворянства.

Ливское крестьянское право дѣйствовало и въ Эстоніи. Рюссовъ обращаетъ особенное вниманіе на привиллегію, дарованную эстонскимъ вассаламъ великимъ магистромъ Конрадомъ фонъ Юнгингеномъ въ 1397 г. Дѣйствительно, это весьма важная привиллегія, такъ какъ ею права наслѣдства въ ленахъ распространены до пятаго колѣна мужскаго и женскаго пола. Привиллегія эта впослѣдствіи, въ 1452 году, была подтверждена великимъ магистромъ Эрлихгаузеномъ, а съ 1457 г. распространилась и на всю Ливонію, какъ о томъ уже упомянуто выше, въ введеніи на стр. XXI.

30. Конрадъ ф. Фитингофъ, тридцатый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, съ 1402 (1404—13) г.

Въ 1402 г. управлять въ должности магистра ливонскаго началъ Конрадъ ф. Фитингофъ, который велъ ожесточенную войну противъ русскихъ и предпринялъ походъ въ псковскую область, гдѣ имѣлъ сраженіе съ русскими при водахъ Модды (Великая), убилъ изъ нихъ 7000 человѣкъ и отбросилъ множество ихъ въ воду, такъ что они должны были потонуть. Послѣ такой побѣды магистръ хотѣлъ далѣе преслѣдовать своихъ враговъ, но долженъ была воротиться ради пруссаковъ, на которыхъ сильно нападали Ягелло, король польскій, и Витольдъ, великій князь литовскій, чтобы подать помощь и освобожденіе пруссакамъ.

Во время управленія этаго магистра въ 1407 г., въ день св. Вита, начата постройка великолѣпнаго монастыря Маріендаль, ордена св. Бригиты, на разстояніи около мили отъ Ревеля.

Начало постройкѣ положили три богатыхъ купца, именно: Гинрихъ Швальбергъ, Гинрихъ Гуксеръ и Герлахъ Крузе, которые купцы отдали для этой цѣли все свое имущество и сами пошли въ братство монастыря, и Гинрихъ Швальбергъ былъ строителемъ монастыря и строилъ его 29 лѣтъ. Въ этомъ монастырѣ жили какъ монахи, такъ и монахини, отдѣленные одни отъ другихъ каменною стѣною.

Прим. перев. Конрадъ фонъ Фитингофъ вступилъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами въ 1404 г., когда старинный споръ между орденомъ и архіепископомъ окончился данцигскимъ соглашеніемъ въ явную пользу перваго, когда орденъ явился полнымъ властителемъ рижскаго архіепископства, ибо самъ архіепископъ Іоаннъ фонъ Валенродъ былъ духовнымъ братомъ ордена, когда и прочіе епископства подчинялись его вліянію.

Управившись съ домашними дѣлами, орденъ не замедлилъ обратиться на своего стариннаго врага Псковъ и вступилъ къ нимъ въ ожесточенную борьбу, не повлекшую за собою, однако, никакихъ особенно важныхъ результатовъ. Битва, о которой упоминаетъ Рюссовъ, происходила на Логозовицкомъ полѣ (псковскаго уѣзда, по дорогѣ къ Изборску). Ей предшествовали слѣдующія обстоятельства (см. Соловьева, IV, стр. 41):

Въ 1406 г. пришелъ „местеръ рижскій" (Конрадъ Фитингофъ), разсказываетъ псковскій лѣтописецъ, и ходилъ со всею силою двѣ недѣли по псковской волости. Жители пригорода Велья (опочкинскаго уѣзда при рѣчкѣ Вельи), въ числѣ 150 человѣкъ, помолились Богу и св. Михаилу и ударили на нѣмцевъ: поганые не выдержали и бѣжали. Это было въ августѣ. Въ октября 1406 года псковичи подняли всю свою волость и сами пошли въ нѣмецкую волость, подстерегли нѣмецкую рать, убили у нея 20 человѣкъ, да 7 взяли живыхъ; потомъ пошли за Новый Городокъ, встрѣтили другую нѣмецкую рать, ударили и на нее, убили 315 нѣмцевъ, потеряли своихъ 34 человѣка, и возвратились домой съ большею добычею.

Въ слѣдующемъ 1407 г. пріѣхалъ въ Псковъ Константинъ, братъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича (1389 — 1425 г.), и послалъ слугу своего въ Новгородъ просить помощи на нѣмцевъ, новгородцы помочь отказались. Тогда князь Константинъ, будучи юнъ верстою, по выраженію лѣтописца, но совершенъ умомъ, поднявши всю область псковскую и пригороды, пошелъ воевать за Нарову. Повоевали много погостовъ, много добычи взяли, со временъ князей Довмонта и Давыда псковичи еще не были такъ далеко въ нѣмецкой землѣ. Благополучно возвратились псковичи домой, но скоро князь Константинъ уѣхалъ отъ нихъ и дѣла перемѣнились.

Магистръ Конрадъ пришелъ ко Пскову со всею силою. Псковичи вышли къ нему на встрѣчу; четыре дня стояли непріятели другъ противъ друга и бились объ рѣку. Нѣмцы не отважились перейти ее и пошли уже назадъ, какъ псковичи, ободренные этимъ отступленіемъ, перешли рѣку, и погнались за ними. Тогда нѣмцы оборотились и на Логозовицкомъ полѣ нанесли псковичамъ сильное пораженіе: убили 3 посадниковъ, множество бояръ и сельскихъ людей, всего 700 человѣкъ (а не 7000, какъ пишетъ Рюссовъ). Это побоище было столь же сильное — говоритъ лѣтописецъ — какъ ледовое (см. выше стр. 136) и раковорское (см. выше стр. 142). Нѣмцамъ побѣда стоила также дорого и они не могли воспользоваться ею. Въ то же время и другая рать псковская была разбита за Паровою, принуждена была бросить свои лодки и бѣжать отъ непріятеля.

Въ слѣдующемъ 1408 г. магистръ опять пришелъ со всею силою на псковскую волость, ходилъ двѣ недѣли, безуспѣшно осаждалъ Велье и вышелъ, ничего не достигнувъ. Псковичи пошли на нѣмецкую землю, но потерпѣли неудачу. Въ 1409 г. магистръ опять ходилъ на псковичей, разбилъ псковскихъ охочихъ людей, но никакихъ важныхъ результатовъ не достигъ. Въ слѣдующемъ 1410 году псковскіе посадники и бояре съѣхались съ рыцарями у Киремпе и заключили миръ по старинѣ, на псковской волѣ.

Магистръ вынужденъ былъ заключить миръ, ради пруссаковъ — говоритъ Рюссовъ. Дѣйствительно, въ этомъ году 15 іюля произошла роковая для ордена катастрофа — грюнвальдская битва, въ коей ливонцы хотя и принимали, но самое незначительное участіе. Послѣдствія этой битвы уже указаны выше на стр. 154.

Позднею осенью 1410 г. магистръ Фитингофъ прибылъ съ 30-ю только всадниками въ Пруссію, скоро послѣ него прибыли архіепископъ рижскій и епископъ вюрцбергскій. Въ воскресенье предъ днемъ св. Мартина единогласно великимъ магистромъ былъ избранъ Генрихъ фонъ Плауенъ, спасшій для ордена Маріенбургъ. Въ декабрѣ 1410 года послѣдовало перемиріе между Польшею и орденомъ, а въ февралѣ 1411 г. въ Торнѣ заключенъ былъ миръ между Польшею и Литвою съ одной и Пруссіею и Ливоніею съ другой стороны. Король польскій обязался возвратить ордену всѣ занятые замки, границы оставались тѣ же, что и до войны; Жмудь должна находиться въ пожизненномъ владѣніи Ягелла и Витовта и по ихъ смерти перейти ордену; великій магистръ обязался заплатить 100,000 копъ грошей за военныя издержки.

31. Дидерикъ Тюркъ, тридцать первый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, около 1413 (13 — 18) г.

Послѣ Конрада ф. Фитингофа магистромъ въ Ливоніи былъ избранъ Дидерикъ Тюркъ, при которомъ былъ добрый миръ и который управлялъ не долго. Во время этаго магистра архіепископомъ

рижскимъ былъ Іоаннъ ф. Вальрадъ, изъ дворянъ франкской земли, съ великою пышностью отправленный отъ ливонскихъ сословій къ императору Сигизмунду и на соборъ въ Костанцъ; онъ также способствовалъ осужденію Іоанна Гусса. И когда онъ обратно прибылъ въ Ригу, то въ скорости умеръ. Во времена этого магистра въ 1413 году Витольдъ, великій князь литовскій, отнялъ отъ московита княжество Смоленское.

Прим. перев. Время магистерства Фитингофа можно назвать временемъ единовластія ордена въ Ливоніи. Архіепископъ и епископы были ничѣмъ инымъ, какъ орденскими сановниками. Великій магистръ Конрадъ фонъ Юнгингенъ еще болѣе возвысилъ значеніе ливонскаго ордена, издавъ законъ, по которому всѣ высшія и доходныя должности въ краѣ могли быть замѣщаемы лишь орденскими братьями. Не орденскому духовенству такое преобладаніе ордена, пріобрѣтенное у папы Бонифація IX, конечно, не могло нравиться, и оно искало случая, чтобы освободиться отъ тягостнаго для него порядка вещей.

По смерти Фитингофа, ливонскимъ магистромъ былъ избранъ Дитрихъ ф. Торкъ. Въ его время происходилъ знаменитый въ исторіи католичества соборъ въ Констанцѣ, созванный императоромъ Сигизмундомъ и папою Іоанномъ XXIII-мъ по соглашенію съ Франціею, Англіею и Испаніею для улаженія церковныхъ дѣлъ, дошедшихъ до крайней степени разнузданности. Соборъ предположено было открыть въ ноябрѣ 1414 года и присутствовать на немъ приглашалось множество духовныхъ лицъ, свѣтскихъ государей и ихъ уполномоченныхъ.

Въ ноябрѣ 1414 г. архіепископъ рижскій Валенродъ отправился въ Констанцъ въ качествѣ уполномоченнаго великаго магистра въ сопровожденіи многочисленной свиты. Валенродъ, человѣкъ очень умный и образованный, скоро снискалъ расположеніе императора Сигизмунда и получалъ отъ него различныя важныя порученія. Здѣсь, конечно, не мѣсто приводить подробностей о ходѣ дѣлъ на Констанцскомъ соборѣ, достаточно лишь замѣтить, что тутъ было рѣшено низложить трехъ, существовавшихъ въ то время папъ, и вмѣсто нихъ избрать одного. Выборъ палъ на Оттона Колону, который и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Мартина V. Здѣсь же на соборѣ было предположено архіепископу рижскому Валенроду предоставить доходное и спокойное епископство Лютихское, а архіепископомъ рижскимъ назначить епископа курскаго Іоанна Габунди. Валенродъ, какъ только увѣрился, что ему не возвратиться уже въ Ригу, то представилъ собору положеніе духовенства въ Ливоніи и возсталъ противъ ордена. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе и не могла не остаться безъ вліянія на будущій образъ дѣйствій его преемника. Изъ Констанца Валенродъ отправился прямо въ Лютихъ, гдѣ скоро и умеръ.

Ливонскій магистръ Торкъ умеръ въ 1415 году. Преемникомъ ему былъ Зигфридъ Ландеръ ф. Шпангеймъ, при которомъ и начались новыя распри между архіепископомъ и орденомъ.

Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ не въ 1413 году, какъ пишетъ Рюссовъ, а гораздо ранѣе, именно въ 1395 году, послѣ того какъ орденъ въ 1394 г. осаждалъ Вильну и вынужденъ былъ, чтобы только безпрепятственно выйти изъ Литвы, заключить съ Витовтомъ миръ. Смоленскомъ овладѣлъ Витовтъ, воспользовавшись усобицей, бывшей между смоленскимъ княземъ Юріемъ Святославичемъ и его братьями за удѣлы. Смоляне, недовольные литовцами, завели сношенія съ княземъ Юріемъ, который въ августѣ 1401 г. и отобралъ Смоленскъ у литовцевъ. Витовтъ осадилъ Смоленскъ осенью 1401 года, но удачи не имѣлъ, въ 1404 году осадилъ снова и опять безуспѣшно. Тогда князь Юрій отправился въ Москву просить помощи, а смоленскіе бояре, доброжелательствовавшіе Витовту, сдали ему Смоленскъ.

32. Зивертъ Ландеръ фонъ Шпангеймъ, тридцать второй магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1415 — 25 (18 — 28) г.

Въ должности магистра ливонскаго послѣ магистра Дидериха Тюрка слѣдовалъ Зивертъ Ландеръ ф. Шпангеймъ, во все время управленія котораго шла война съ литовцами. Во время этаго магистра происходили великіе раздоры, ссоры и брань между городомъ и женскимъ монастыремъ въ Ревелѣ, который раздоръ прекратилъ и примирилъ въ 1422 г. Въ его время архіепископствомъ рижскимъ управлялъ Іоаннъ Габундъ, епископъ курляндскій, и онъ былъ десятымъ архіепископомъ. Этотъ магистръ управлялъ десять лѣтъ.

Прим. перев. Магистръ Шпангеймъ, о коемъ сохранились извѣстія какъ о человѣкѣ своевольномъ, не уважавшемъ ни совѣсти, ни нравственности, вступилъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами въ 1415 г. Рюссовъ ограничивается только упоминаніемъ, что въ его время рижскимъ архіепископствомъ управлялъ Іоаннъ Габунди, смѣнившій Валенрода, но онъ не упоминаетъ, что съ Іоанна Габунди начинается попытка освобожденія архіепископа отъ ордена.

Было уже выше разсказано какимъ образомъ ордену удалось занять первенствующее положеніе въ Ливоніи и подчинить себѣ духовную власть, и было упомянуто, что, по постановленію великаго магистра, рижскимъ архіепископомъ могъ быть лицо, принадлежащее къ ордену, т. е. изъ духовныхъ братьевъ ордена (см. выше стр. 258).

Послѣ Валенрода былъ назначенъ рижскимъ архіепископомъ Іоаннъ Габунди, вовсе не принадлежащій къ числу орденскихъ братьевъ, и въ санѣ этомъ былъ признанъ рижскимъ капитуломъ, — хотя великій магистръ и прилагалъ всяческія старанія, чтобы отклонить подобное назначеніе. Осенью 1418 г. новый архіепископъ прибылъ въ Ригу и принялъ въ управленіе архіепископство. Можно

было предполагать, что Шпангеймъ, не боявшійся прибѣгать ни къ какимъ насиліямъ, встрѣтилъ архіепископа недружелюбно, потому что онъ былъ назначенъ противъ воли ордена, не принадлежалъ, какъ бы слѣдовало по буллѣ Бонифація, къ ордену, не обнаруживаетъ даже желанія вступить въ орденъ, но вышло на оборотъ: неукротимый Шпангеймъ дружески принялъ архіепископа, гостепріимно угостилъ его, передалъ ему, согласно данцигскаго договора, городъ Ригу, даже сдалъ ему часть архіепископства со всѣми замками и имѣніями (очень быть можетъ потому, что орденъ не уплатилъ съ нихъ папѣ условленной аренды). Причина такого дружелюбія и гостепріимства заключалась вовсе не въ томъ, чтобы Шпангеймъ отрекся отъ добытыхъ его предшественникомъ правъ на подчиненіе себѣ духовной власти, а въ томъ, что тевтонскій орденъ послѣ гринвальдскаго разгрома никакъ не могъ оправиться и находился въ самомъ печальномъ положеніи: многіе изъ братьевъ выступили изъ ордена, казна была пуста и нечѣмъ было уплачивать контрибуціи, къ довершенію въ средѣ оставшихся братьевъ появились враждебныя другъ другу партіи, въ странѣ (Пруссіи) свирѣпствовалъ голодъ и повальныя болѣзни, и польскій король Ягайло грозилъ новою войною. Великому магистру, на случай войны съ Польшею, необходимо было получить помощь изъ Ливоніи, а для этого необходимо было, чтобы у ливонскаго магистра были развязаны руки для посылки въ Пруссію вспомогательныхъ отрядовъ. Великій магистръ поэтому и приказалъ Шпангейму избѣгать всячески столкновеній и непріязненныхъ дѣйствій съ архіепископомъ.

Іоаннъ Габунди, конечно, очень скоро разгадалъ причины дружелюбія къ себѣ ордена и немедленно же постарался воспользоваться слабостью ордена, чтобы поставить ливонскую церковь на прежнюю высоту. Онъ послалъ въ Римъ своего каноника Арнольда фонъ Бринкена хлопотать объ отмѣнѣ буллы папы Бонифація. Арнольдъ повелъ дѣло столь искусно, что папа Мартинъ V, 13 января 1423 г. издалъ буллу о пріостановленіи дѣйствія буллы папы Бонифація впредь до распоряженій, 22 декабря того же 1423 г. послѣдовала новая булла, которою булла папы Бонифація отмѣнялась формально и навсегда, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось вновь вступающимъ каноникамъ архіепископства носить августинское одѣяніе, т. е. черныя мантіи.

Орденскій прокураторъ Тиргартъ усиленно хлопоталъ, чтобъ противодѣйствовать этимъ булламъ, но совершенно безуспѣшно. Чрезъ три года, именно 13 ноября 1426 г., состоялась новая булла, въ силу которой рижская церковь должна была возвратиться къ тому положенію, въ какомъ находилась до буллы Бонифація, и всему рижскому соборному капитулу назначалось августинское одѣяніе. Булла эта не застала уже въ живыхъ ни архіепископа Габунди, ни магистра Шпангейма: они оба умерли въ 1424 году. Архіепископомъ былъ избранъ рижскій соборный пробстъ (настоятель) Геннингъ Шарфенбергъ, а ливонскимъ магистромъ братъ Циссе фонъ Оргисъ Руттенбергъ. Въ выборахъ этихъ двухъ высшихъ представителей власти участвовали и два депутата отъ Риги, Фельзанъ и Зольтрумъ.

32. Цизе фонъ Рутенбергъ, тридцать третій магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1425 — 34 (28 — 37) г.

Въ 1425 г. магистромъ въ Ливоніи былъ Цизе ф. Рутенбергъ, въ управленіе котораго 1433 г., 11 мая, совершенно выгорѣлъ весь городъ Ревель вмѣстѣ съ соборомъ и всѣми церквами и монастырями и со всѣми органами и колоколами, отъ коего пожара загорѣлись также всѣ сады и сараи внѣ города и сгорѣли со множествомъ народа. Во времена этаго магистра Гинрихъ Уксель выстроилъ въ Ревелѣ при соборѣ епископское подворье.

Этотъ магистръ храбро ополчился со своимъ войскомъ противъ литовцевъ и двинулся въ Литву съ большими силами, гдѣ онъ воевалъ двѣнадцать недѣль, и предалъ всю Литву убійствамъ, грабежу и пожарамъ. Тогда онъ со многими братьями ордена заболѣлъ сильнымъ кровотеченіемъ и умеръ на обратномъ пути, послѣ девятилѣтняго управленія. Во время этаго магистра одиннадцатымъ архіепископомъ рижскимъ былъ Гинрикъ, бывшій соборный настоятель въ Ригѣ.

Прим. перев. Во время этаго магистра уже ясно обнаружилась разница въ положеніи между тевтонскими братьями въ Пруссіи и Ливоніи. До самой грюнвальдской битвы тевтонскій орденъ въ Пруссіи былъ несравненно сильнѣе, богаче и значительнѣе, чѣмъ его отрасль въ Ливоніи. Великій магистръ занималъ видное мѣсто между европейскими государями, ливонцы къ нему обращались за помощью и подкрѣпленіемъ, назначеніе ливонскаго магистра необходилось безъ его вліянія и указанія, онъ былъ дѣйствительно верховною главою всего ордена. Но все измѣнилось послѣ грюнвальдской битвы: орденская казна истощилась, великій магистръ потерялъ свое значеніе въ ряду государей; орденъ видимо ослабѣвалъ, не получая подкрѣпленій съ Запада. Но не ослабѣвалъ и не падалъ ливонскій орденъ. Напротивъ, занявъ верховное положеніе въ Ливоніи, онъ богатѣлъ и могъ располагать порядочными силами. Къ тому же въ ливонской отрасли не замѣчалось партій, какія обнаружились въ Пруссіи (верхніе и нижніе нѣмцы), здѣсь орденъ состоялъ почти исключительно изъ нижне-нѣмцевъ, и потому внутреннихъ раздоровъ въ самомъ орденѣ не замѣчалось. Великому магистру не разъ приходилось выпрашивать денегъ у ливонцевъ. Ливонскимъ братьямъ было очень хорошо извѣстно положеніе ихъ прусскихъ братьевъ, они понимали свою силу, потому и стали тяготиться подчиненіемъ слабѣйшему. Ниже будетъ указано въ чемъ выразилось желаніе ливонскихъ братьевъ освободиться отъ подчиненности великому магистру.

Важное значеніе для ливонцевъ начинаютъ пріобрѣтать ландтаги (см. выше вступл. стр. XII и XIII). Отъ временъ Рутенберга дошелъ до насъ первый рецессъ (ландтагское положеніе) ландтага, происходившаго въ 1424 г. Изъ этаго именно рецесса узна-

емъ, что такое были дреллы въ древней Ливоніи (см. Приб. Сб. т. I, стр. 473).

Ландтаги служили къ скрѣпленію связи между ливонскими властителями, но этому скрѣпленію много мѣшало соперничество между архіепископомъ и орденомъ.

Выше уже было сказано, что архіепископу Іоанну Габунди удалось получить отъ папы Мартина V буллы, ставившія рижскаго архіепископа въ независимое положеніе отъ ордена. По смерти Габунди въ 1424 году, рижскимъ архіепископомъ былъ избранъ, въ противность желанія ордена, рижскій соборный пробстъ Геннингъ Шарфенбергъ. Онъ шелъ по слѣдамъ своего предшественника и задумалъ воспользоваться слабостью ордена, чтобы упрочить положеніе не только свое, но и прусскихъ епископовъ, что ему, впрочемъ, не удалось. Въ началѣ 1426 г. онъ пригласилъ прусскихъ епископовъ прибыть въ Ригу на провинціальный синодъ, на которомъ предполагалось просить папу о назначеніи для Пруссіи особаго архіепископа, чѣмъ, конечно порывалась бы зависимость прусскихъ епископовъ отъ ордена. Великій магистръ не допустилъ своихъ епископовъ на синодъ, написавъ архіепископу, что за бѣдностію и недостатками прусскіе епископы въ Ригу прибыть не могутъ. 13 ноября 1426 г. состоялась папская булла о присвоеніи всему рижскому соборному капитулу чернаго августинскаго одѣянія и возвращеніи къ тому же положенію, въ какомъ рижская церковь находилась до бонифаціевскихъ буллъ. Спокойный и миролюбивый Шарфенбергъ не желалъ воспользоваться побѣдою, хотя и могъ бы, такъ какъ случай къ тому представился очень скоро. Въ томъ же 1426 году псковичи, по безчисленнымъ примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, напали на дерптское епископство и ограбили въ немъ много деревень. Магистръ Рутенбергъ помощи епископу Дитриху не подалъ, въ ожиданіи, вѣроятно, подороже продать ее епископу, когда тотъ попроситъ помощь. Дитрихъ, однако, магистра не просилъ, а призвалъ на помощь литовцевъ, которые и прогнали псковичей во свояси. Магистръ Руттенбергъ страшно разсердился на дерптскаго епископа и грозилъ начать съ нимъ войну за обращеніе къ литовцамъ. Въ это время въ Ригѣ происходилъ провинціальный синодъ. Архіепископъ изложилъ съѣзду всѣ обиды, наносимыя орденомъ церкви, и снарядилъ цѣлое посольство, для представленія папѣ въ Римѣ жалобъ на орденъ. Въ посольствѣ находились соборный ревельскій деканъ, нѣсколько дерптскихъ канониковъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій Риги и Дерпта, желавшихъ путешествіемъ въ Римъ довершить свое образованіе.

Посольство, состоявшее изъ 16 человѣкъ, зимою 1426 года выѣхало изъ Риги, но достигнувъ до деревни Ливы на рѣчкѣ Бартау (гдѣ нынѣ Либава) попались въ руки гробинскаго фохта Госвина фонъ Ашенберга, который всѣхъ и взялъ въ плѣнъ, ограбивши до чиста (не безъ основаній подозрѣвали, что фохтъ поступалъ такъ не безъ соизволенія магистра). Дѣло это постарались замять.

Между тѣмъ въ 1428 году, для рѣшенія спора между орденомъ и духовенствомъ по поводу послѣдней буллы объ одѣяніи, былъ наряженъ въ Валкѣ третейскій судъ. Судъ далъ рѣшеніе вовсе не въ пользу архіепископа, чѣмъ, конечно, вражда и соперничество не умалялась. Этотъ же судъ приговорилъ искать на фохтѣ Госвинѣ пограбленныхъ вещей съ посольства, буде таковые у него „отыщутся". Само собою разумѣется, что ничего не отыскалось.

Здѣсь нѣтъ надобности излагать подробности споровъ объ одѣяніи, достаточно лишь замѣтить, что новый папа Евгеній IV, принявъ сторону ордена, буллою отъ 22 февраля 1431 г. приказалъ ливонскимъ каноникамъ снова носить бѣлое орденское одѣяніе.

Булла эта подготовила разрывъ, къ тому же и Рига стала жаловаться, что орденъ не соблюдаетъ примирительной грамоты 1330 года. Новое столкновеніе дѣлалось неизбѣжнымъ. Оно, впрочемъ, обнаружилось позднѣе, о чемъ въ своемъ мѣстѣ и будетъ сказано.

Рюссовъ отмѣчаетъ походъ магистра Рутенберга въ Литву самымъ выдающимся фактомъ за все время его управленія. Это совершенно вѣрно. Походъ въ Литву происходилъ въ 1433 году по слѣдующему поводу:

23 октября 1430 года умеръ въ Трокахъ отъ черной оспы знаменитый литовскій князь Витовтъ Кейстутовичъ, тотъ самый, который нанесъ тевтонскому ордену въ Пруссіи ударъ, отъ котораго это военное братство оправиться уже никогда не могло. Русскіе и литовскіе вельможи немедленно же провозгласили великимъ княземъ литовскимъ брата Ягайлова, Свидригайла Ольгердовича, который въ свою очередь незамедлилъ обнаружить явное намѣреніе отложиться отъ Польши. Польскіе вельможи, не желая лишаться выгодъ, происходившихъ для Польши отъ соединенія съ Литвою, всемѣрно старались отклонить Свидригайла отъ его намѣренія и захватили Подолію. Изъ за этаго захвата скоро началась война между Свидригайломъ и Ягайломъ, война, принявшая самый ожесточенный характеръ, ибо обратилась въ борьбу между двумя народностями — русскою и польскою.

Свидригайло, 19 іюня 1431 года, заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ тевтонскимъ орденомъ, не забывшимъ грюнвальдской битвы. Воспользовавшись тѣмъ, что Ягайло выступилъ на Волынь для дѣйствій противъ русскихъ и, понадѣявшись на миръ съ орденомъ, вывелъ войска съ прусской границы, великій магистръ объявилъ войну Польшѣ; 17 августа вторгся въ польскія области и, мстя за жестокости, совершенныя поляками за 20 лѣтъ тому назадъ въ орденскихъ владѣніяхъ, страшно опустошилъ польскія земли, выжегши въ теченіе нѣсколькихъ недѣль 24 города и до 1000 деревень. Прусское орденское войско не находило нигдѣ сопротивленія. Въ это время и русскіе на Волыни жестоко грабили латинское духовенство и умерщвляли плѣнныхъ поляковъ.

Ягайло и польскіе вельможи, видя совершенную невозможность бороться со Свидригайломъ, поспѣшили заключить съ нимъ 2 сентября въ Луцкѣ перемиріе и назначили съѣхаться въ Парчевѣ

для заключенія вѣчнаго мира. Свидригайло на съѣздъ не явился и не прислалъ своихъ уполномоченныхъ, тогда польскіе вельможи прибѣгнули къ лукавству: рѣшились выставить соперника Свидригайлѣ и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Зная, что Свидригайло держится русскихъ и покровительствуетъ православію, чѣмъ были недовольны литовскіе вельможи, изъ которыхъ многіе уже приняли католичество, польскіе вельможи уговорили вельможъ литовскихъ свергнуть Свидригайла и принять къ себѣ въ князья Витовтова брата Сигизмунда Кейстутовича, князя стародубскаго. Составился заговоръ, князь стародубскій нечаянно напалъ на Свидригайла и выгналъ его изъ Литвы. Русь, т. е. Малороссія, Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлу, который изъ Литвы прибѣжалъ въ Полоцкъ и немедленно же обратился за помощью къ ливонскому магистру Рутенбергу, никакъ не желая уступить Литвы Сигизмунду, присоединившему это княжество, вопреки желанію литовскихъ вельможъ, къ Польшѣ тотчасъ же послѣ объявленія его литовскимъ княземъ.

Расчетъ польскихъ вельможъ вполнѣ оправдался: въ Литвѣ началось междоусобіе. Въ ноябрѣ 1432 г. Свидригайло, вспомоществуемый ливонскимъ орденскимъ войскомъ, находившимся подъ начальствомъ командоровъ ашераденскаго и динабургскаго, подступилъ къ Вильнѣ, но потерпѣлъ неудачу. Въ слѣдующемъ 1433 году магистръ Рутенбергъ, собравъ многочисленное войско, лично повелъ его въ Литву на помощь Свидригайлу (объ этомъ именно походѣ и говоритъ Рюссовъ въ этой главѣ), и въ теченіе двѣнадцати недѣль жестоко опустошалъ литовскія земли. Осенью 1433 года въ ливонскомъ вспомогательномъ войскѣ обнаружилась эпидемія, истребившая множество народа. Отъ этой то эпидеміи магистръ Рутенбергъ самъ заболѣлъ, и въ началѣ ноября 1433 года умеръ на возвратномъ пути въ Ливонію.

Въ то самое время, когда Руттенбергъ вступилъ въ Литву (лѣтомъ 1433 года), Ягайло, заключивъ союзъ съ гусситами, и мстя ордену за его вторженіе въ Польшу, вступилъ въ Пруссію и подвергъ орденскія владѣнія чрезвычайному опустошенію: все было ограблено и сожжено, въ Помераніи остались цѣлыми только четыре деревни. Ягайло, разоривъ Пруссію, отпустилъ гусситовъ домой и въ Брестѣ заключилъ съ великимъ магистромъ перемиріе на всей своей волѣ, какъ выражались наши лѣтописцы: орденъ долженъ былъ уступить Польшѣ замки въ Неймаркѣ, отказаться отъ всякихъ связей съ Свидригайломъ и пр.

При такихъ-то обстоятельствахъ, когда великій магистръ потерпѣлъ полное пораженіе отъ Ягайла, ливонскимъ орденскимъ сановникамъ пришлось избирать себѣ магистра по смерти Рутенберга. Они хотѣли имѣть у себя магистромъ ревельскаго командора Розенберга, но великій магистръ его не утвердилъ, а назначилъ въ 1434 году ливонскимъ магистромъ своего родственника Франка фонъ Кресдорфа (въ современныхъ документахъ его называли Керкдорфомъ, Герсдорфомъ, Керкгофомъ и пр).

34. *Франко ф. Керсдорпъ, тридцать четвертый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1434 — 36 (?) (37 — 39) г.*

Послѣ Цизе ф. Рутенберга магистромъ въ Ливоніи былъ Франкъ ф. Керсдорпъ, который продолжалъ войну съ литовцами, начатую его предшественникомъ; и когда онъ выступилъ противъ литовцевъ съ сильнымъ войскомъ, то у него въ одномъ сраженіи было убито двѣнадцать тысячъ человѣкъ знатнѣйшихъ и благороднѣйшихъ воиновъ. Никогда еще прежде не было въ Ливоніи, подобнаго этому, урона, чрезъ что Ливонія чрезвычайно ослабѣла.

У этаго магистра въ Ригѣ были собраны огромныя сокровища изъ золота и серебра, именно сокровища одного умершаго феллинскаго командора: 30,000 марокъ золота и 600 марокъ лотнаго серебра, кромѣ столовой серебряной посуды. Къ тому же виттенштейнскій фохтъ, Гельвикъ ф. Гильзенъ по имени, при своей жизни, доставилъ магистру полную бочку денегъ, а послѣ смерти того же фохта магистръ также получилъ сто тысячъ марокъ розенобелей (анг. золот. монета, съ изображеніемъ розы) и различной монеты, кромѣ литаго серебра и столовой серебряной посуды, которыя Вольтеръ ф Керсдорпъ, братъ магистра, бывшій въ то время великимъ командоромъ въ Пруссіи, вывезъ изъ Риги въ Пруссію, что сильно не нравилось прочимъ сановникамъ въ Ливоніи, которые объ этомъ постоянно писали Павлу ф. Росдорпу, великому магистру въ Пруссіи, и Вольтеру ф. Керсдорпу, но ничего все таки не получили. Этотъ магистръ Франкъ ф. Керсдорпъ былъ возведенъ въ санъ магистра ливонскаго Павломъ ф. Росдорпомъ, великимъ магистромъ въ Пруссіи, противъ согласія и желаній всѣхъ сановниковъ ливонскихъ. Онъ управлялъ 10 лѣтъ.

Прим. перев. 30 мая 1434 года умеръ Ягайло, и поляки возвели на престолъ сына его Владислава, не безъ смутъ, впрочемъ, и сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ вельможъ. Перемѣна, совершившаяся въ Польшѣ, не измѣнила положенія Литвы и Руси : здѣсь, по прежнему, шла борьба между Сигизмундомъ и Свидригайломъ, въ которой принялъ участіе магистръ Рутенбергъ и продолжалъ принимать его преемникъ. Осенью 1434 года ливонское орденское войско тремя отрядами вступило въ Жмудь, но потерпѣло пораженіе: два отряда, находившіеся подъ начальствомъ гольдингенскаго командора, были совершенно истреблены, а третій спасся лишь съ большимъ трудомъ. Положеніе ливонскаго магистра Керсдорфа являлось опаснымъ тѣмъ болѣе, что прусскіе братья не могли оказать ему никакой серьезной помощи, а Сигузмундъ вошелъ въ тайные переговоры съ архіепископомъ рижскимъ Геннингомъ Шарфенбергомъ, не имѣвшимъ, какъ сказано выше, ни причинъ, ни поводовъ быть довольнымъ орденомъ. Тѣмъ не менѣе въ августѣ 1435 года Керсдорфъ собралъ значительно большое войско и, соеди-

нившись съ Свидригайломъ и его русскими полками, вступилъ снова въ Литву. На помощь литовцамъ польскій король Владиславъ прислалъ 8,000 поляковъ. Керсдорфъ и Свидригайло встрѣтились съ литовскими войсками 1 сентября на рѣкѣ Свѣнтой у Вилкоміра. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ ливонцы и Свидригайло были разбиты на голову. Свидригайло бѣжалъ съ русскими въ ближайшій замокъ, а оттуда въ Россію; магистръ-же со всѣми братьями и прочими своими (cum universis fratribus et omni suorum numero) былъ окруженъ литовцами, которые частію истребили, частію взяли въ плѣнъ орденское войско. Магистръ получилъ двѣ раны въ голову и палъ въ битвѣ, съ нимъ погибло много орденскихъ сановниковъ (Лоде, Врангель, Рутенбергъ, Фирксъ, двое Керсдорфовъ и проч.), семь ливонскихъ знаменъ досталось литовцамъ. Общую потерю войска Свидригайла и Керсдорфа опредѣляютъ въ 20,000 человѣкъ и столько же боевыхъ коней. Пораженіе у Свѣнтой для ливонскаго ордена было столь же пагубнымъ, какъ и Грюнвальдская битва для прусскаго, хотя и не повлекла за собою такихъ гибельныхъ послѣдствій, какія произошли для Пруссіи послѣ катастрофы 15 іюля 1410 года.

9 сентября 1435 года ливонскій орденскій маршалъ донесъ великому магистру о гибельномъ сраженіи на Свѣнтѣ и просилъ о немедленной присылкѣ изъ Пруссіи 400 вооруженныхъ рыцарей. Великій магистръ тотчасъ прислалъ 200 братьевъ и съ ними новаго магистра. Но ливонскіе братья, раздраженные на Керсдорфа за увозъ изъ Ливоніи въ Пруссію несмѣтныхъ богатствъ вейсенштейнскаго командора, отослали новаго магистра обратно въ Пруссію, а сами выбрали ливонскимъ магистромъ своего маршала (командующаго войсками) фонъ Букенворде, прозывавшагося Шунгелемъ (въ нѣкоторыхъ документахъ писался онъ Штемпелемъ). Великій магистръ утвердилъ выборъ въ началѣ 1426 г., получивъ подарки изъ Ливоніи.

31 декабря 1435 года въ Брестѣ былъ заключенъ вѣчный миръ между орденомъ и Польшею. Орденъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ всякихъ связей съ Свидригайломъ, но всѣ орденскіе плѣнные, какіе только не находились въ рукахъ польскихъ и литовскихъ послѣ брестскаго перемирія, не были освобождены, но остались въ неволѣ.

Показаніе Рюссова на счетъ увоза изъ Ливоніи богатствъ вейсенштейнскаго фохта совершенно вѣрно, но не вѣрно показаніе, что Керсдорфъ правилъ ливонскими орденскими дѣлами десять лѣтъ: онъ правилъ ими съ 1433 года по 1 сентября 1435 г., когда былъ убитъ на Свѣнтой.

35. Гинрикъ Шунгель фонъ Букенорде, тридцать пятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1436 — 39 (?) (39 — 42) г.

Въ 1436 г. ливонскія сословія выдвинули магистромъ въ Ливоніи Гинрика Шунгель фонъ Букенорде, безъ согласія и воли великаго магистра въ Пруссіи, который всегда имѣлъ право назна-

ченія и выбора. И когда Павелъ фонъ Росдорпъ, великій магистръ въ Пруссіи, обвинялъ въ томъ сановниковъ ливонскихъ, то они въ извиненіе себѣ ставили такой предлогъ, что, такъ какъ въ то время они вели войну съ литовцами, то и должны были поспѣшно избрать себѣ главу. Въ сущности же причина была та, что Франкъ Керсдорфъ, который не заслужилъ себѣ отъ нихъ почета, былъ возведенъ въ достоинство магистра противъ ихъ воли.

Этотъ магистръ Гинрикъ Шунгель прекратилъ всѣ спорные пункты между капитуломъ въ Ригѣ и орденомъ, и заключилъ дружескій договоръ съ Геннингомъ ф. Шарфенбергомъ, двѣнадцатымъ архіепископомъ рижскимъ, который договоръ сохранялся не долго; потому что всегда существовали непомѣрные соперничество, ненависть и зависть между архіепископами и магистрами въ Ливоніи изъ за верховной власти, и рижскихъ граждан не мало смущало то, что орденскія власти построили такъ близко къ городу Ригѣ крѣпость Динамюнде, замокъ Ригу и Ніэмюле, дабы вытѣснить изъ города жителей, почему они и стали держать сторону епископовъ. И между упомянутыми сторонами была постоянная война. Этотъ магистръ управлялъ $2^1/_2$ г.

Прим. перев. Вскорѣ послѣ сраженія на Свѣнтѣ, литовцы (жмудины, саманты) въ октябрѣ 1435 г. вступили въ Курляндію, опустошили часть этой области и сожгли замокъ Дурбенъ, въ окрестностяхъ котораго происходило гибельное для ордена сраженіе въ 1260 году (см. выше стр. 206). Букенворде все свое вниманіе обратилъ на укрѣпленіе пограничныхъ крѣпостей, и затѣмъ приложилъ стараніе войти въ соглашеніе съ архіепископомъ рижскимъ, который находился въ союзѣ съ великимъ княземъ литовскимъ. Архіепископъ Геннингъ еще въ 1434 году принесъ жалобу на орденъ собору, происходившему въ то время въ Базелѣ. Соборъ потребовалъ въ 1435 году, чтобы Керсдорфъ прислалъ въ Базель двухъ своихъ уполномоченныхъ для присутствія при разбирательствѣ споровъ между орденомъ и ливонскимъ духовенствомъ. Когда Керсдорфъ палъ въ битвѣ на Свѣнтѣ, его преемникъ Букенворде поспѣшилъ самъ уладить споры съ архіепископомъ, чтобы возстановить спокойствіе въ краѣ и оправиться отъ недавняго пораженія. Онъ созвалъ ландтагъ въ Валкъ, и здѣсь 4 декабря 1435 года состоялось общее примиреніе.

Ландтагъ объявилъ земскій миръ на шесть лѣтъ, на это время запрещались всѣ ссоры, самоуправство и употребленіе вооруженной силы: всѣ спорные вопросы должны въ теченіе этого времени разрѣшаться или третейскимъ судомъ, или судомъ обыкновеннымъ. Архіепископъ и его капитулъ остаются навсегда при черномъ августинскомъ одѣяніи, и орденъ не будетъ принуждать духовенство употреблять бѣлое одѣяніе. Орденъ обязался уплатить архіепископу двадцать тысячъ марокъ за разныя земельные участки, отошедшіе отъ него. Что касается до города Риги, то было положено оставить этотъ городъ на прежнемъ положеніи, при всѣхъ его правахъ

и преимуществахъ въ теченіе 12 лѣтъ, и въ теченіе этого времени ни орденъ, ни архіепископъ не должны давать городу никакихъ жалованныхъ грамотъ и никакихъ новыхъ правъ.

Это ландтагское постановленіе было утверждено базельскимъ соборомъ 28 сентября 1436 года; утвержденіе, однако, стоило ливонцамъ 40 или 50,000 гульденовъ.

Букенворде умеръ въ декабрѣ 1437 года. Во время управленія его орденскими ливонскими дѣлами, орденскія дѣла въ Пруссіи запутывались все больше и больше, великій магистръ Руссдорфъ падалъ все ниже и ниже, теряя свое значеніе. Никто не хотѣлъ ему повиноваться, и во всѣхъ прусскихъ орденскихъ владѣніяхъ начала уже проявляться анархія: дни ордена въ Пруссіи уже были сочтены. Но какъ прусскія орденскія дѣла мало касались Ливоніи, потому и о тогдашнихъ событіяхъ подробности здѣсь не у мѣста.

36. Гейденрихъ Финкъ фонъ Аверберге, тридцатъ шестой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1439 — 53 (?) (42 — 56) г.

Послѣ Гинрика Шунгеля магистромъ въ Ливоніи былъ сдѣланъ Гейденрикъ Финкъ фонъ Аверберге, который предпринялъ два тяжелыхъ похода противъ русскихъ и сильно опустошилъ ихъ землю. Онъ построилъ замокъ Баушкенборгъ и управлялъ 14 лѣтъ.

Прим. перев. По смерти Букенворде (въ декабрѣ 1437 г.) ливонскіе орденскіе братья приступили къ выбору новаго магистра, причемъ необошлось безъ споровъ и раздоровъ. Избиратели раздѣлились на двѣ партіи: рейнландцевъ и вестфальцевъ (великій магистръ Русдорфъ самъ былъ рейнландецъ и потому покровительствовалъ первой партіи). По обычаю, ливонскіе братья должны были представить великому магистру на утвержденіе одного изъ двухъ кандидатовъ. Выборы происходили въ Пасху 1438 года, причемъ меньшинство (рейнландцы) избрали кандидатомъ на должность магистра іервенскаго фохта Нотлебена, а большинство (вестфальцы) венденскаго командора Винка или Финка фонъ Оверберга. Обѣ партіи снарядили посольства отъ себя и послали къ великому магистру ходатайствовать объ утвержденіи своего кандидата.

Магистръ послалъ въ Ливонію командоровъ эльбингскаго и рагнитскаго съ письмомъ къ ливонскимъ сановникамъ отъ 17 апрѣля 1438 года и новымъ уставомъ для ливонскаго ордена. Прусскіе сановники объявили Нотлебена магистромъ, а Финка — ландмаршаломъ (командующимъ войсками). Партія вестфальцевъ не признала такого назначенія, отказала въ повиновеніи Нотлебену, вооружила всѣ свои замки. Рейнландцы, составлявшія меньшинство, видя невозможность бороться открытою силою съ вестфальцами, вступили съ ними въ переговоры и въ Феллинѣ положили: Нотлебена оставить іервенскимъ фохтомъ, а Финка признать намѣстникомъ ордена.

Финкъ былъ человѣкъ смѣлый и рѣшительный. Онъ незамедлилъ принять намѣстничество, и въ іюлѣ 1438 году созвалъ ланд-

тагъ въ Перновъ. Здѣсь, по его настоянію, былъ отвергнутъ присланный Русдорфомъ проектъ устава для ливонскаго ордена, затѣмъ на ландтагѣ, происходившемъ въ Валкѣ 4 октября 1438 г., всѣ сословія признали Финка намѣстникомъ и присягнули ему на вѣрность. Актъ такого признанія подписали Нотлебенъ и прочие рейнландцы.

Великому магистру Русдорфу было не до Ливоніи въ это время. Пруссія видимо разлагалась, рѣчь уже заходила объ образованіи прусскаго союза, который былъ дѣйствительно и образованъ 14 марта 1440 въ Маріенвердерѣ. Здѣсь не мѣсто излагать подробности о прусскихъ событіяхъ, достаточно лишь замѣтить, что въ декаарѣ 1440 года великій магистръ Русдорфъ отказался отъ своей должности, а на его мѣсто въ началѣ 1441 г. великимъ магистромъ былъ избранъ Конрадъ фонъ Эрлихсгаузенъ, человѣкъ, безспорно, очень способный, но уже не могшій воспрепятствовать общему распаденію, которое шло въ Пруссіи. Въ іюлѣ 1441 г. онъ призналъ Финка ливонскимъ магистромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ новый уставъ ливонскаго ордена, разработанный еще въ 1438 году ландтагомъ въ Перновѣ.

Во все это время, съ самаго сраженія на Свѣнтѣ, по курляндской границѣ шла мелкая война съ литовцами. Сигизмундъ Кейстутовичъ, великій князь литовскій, не долго наслаждался своимъ торжествомъ надъ Свидригайломъ (бѣжавшимъ въ Москву и умершимъ тамъ въ 1452 г.): двое братьевъ, русскихъ князей — Иванъ и Александръ Чарторыйскіе составили заговоръ и въ 1440 году умертвили Сигизмунда. Литовскіе вельможи, по убіеніи Сигизмунда, раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ литовскимъ Владислава Ягайловича (короля польскаго), другіе сына убитаго Сигизмунда — Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла, находившагося въ Москвѣ. Король польскій, избранный въ то время на венгерскій престолъ, поспѣшилъ въ Венгрію, а въ Литву, по совѣту польскихъ вельможъ, отправилъ роднаго брата своего, молодаго Казиміра Ягайловича въ качествѣ, однако же, не великаго князя, а намѣстника польскаго. Литовскіе и нѣкоторые русскіе вельможи приняли Казиміра, но и слышать не хотѣли ни о какомъ намѣстничествѣ: они сами провозгласили Казиміра великимъ княземъ литовскимъ. Польскіе вельможи, чувствуя свое безсиліе воевать съ русскими и литовцами, придумали средства обезсилить Литву и безъ войны: предложили раздѣлить литовско-русскія земли между Казиміромъ Ягайловичемъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ и Болеславомъ, княземъ мазовецкимъ, но литовскіе вельможи помѣшали такому дѣлежу.

Литовцы и русскіе, однако, не отказались отъ Польши и отъ соединенія съ нею. Въ 1444 году Владиславъ, король польскій и венгерскій, былъ убитъ подъ Варною въ сраженіи съ турками, и ему, какъ бездѣтному, долженъ былъ наслѣдовать 18-ти лѣтній Казиміръ литовскій. Поляки тотчасъ же стали звать его на польскій престолъ. Казиміръ, по настоянію литовцевъ, два года не соглашался ѣхать въ Польшу, наконецъ, когда въ 1446 году, на Петроковскомъ сеймѣ, поляки заговорили о выборѣ въ короли князя

мазовецкаго Болеслава, тестя и покровителя Михаила Сигизмундовича, соперника Казиміра, великій князь литовскій согласился принять и корону польскую. Такъ съ 1446 г. снова стала затягиваться связь Литвы съ Польшею.

Всѣ эти неурядицы отвлекали и Польшу и Литву отъ ордена, но отвлекали также и отъ восточной Россіи, гдѣ также наряда не было, гдѣ князь Василій Васильевичъ Темный не имѣлъ еще на столько силы, чтобы побороть своихъ родичей и чтобы оказать серьезную помощь псковичамъ и новгородцамъ въ ихъ борьбѣ съ ливонскимъ орденомъ.

Новгородцы безпрестанно воевали со шведами и ливонскими нѣмцами. Въ 1444 г. нѣмцы пожгли посадъ у города Ямы и берегъ повоевали, и въ Новгородъ прислали сказать: „Не мы васъ воюемъ, а воюетъ васъ изъ за моря князь Клевскій, мститъ вамъ за своего проводника и толмача“ (см. Соловьева, IV, стр. 117). Князь клевскій дѣйствительно ѣздилъ чрезъ Россію въ Палестину и претерпѣлъ непріятности, потому что его именемъ нѣмцы грабили новгородскую землю. Зимою 1444 года новгородцы пошли въ нѣмецкую землю за Нарову, пожгли и поплѣнили все около Ругодива (Нарвы), по берегамъ Наровы до Чудскаго озера.

Магистръ Финкъ не остался въ долгу: со всѣми своими силами пришелъ подъ городъ Яму, билъ его пушками и стоялъ пять дней, пожегъ и поплѣнилъ по вотской землѣ, по Ижорѣ, и по Невѣ, но города взять не могъ и съ урономъ долженъ былъ возвратиться домой. Новгородцы собрались мстить, пошли опять за Нарову, но конскій падежъ помѣшалъ походу. Въ 1446 году съѣхались новгородцы съ нѣмцами для заключенія мира, но магистръ захотѣлъ Острова, и потому разъѣхались безъ мира.

У псковичей съ нѣмцами происходили безпрестанно мелкія столкновенія: въ 1427 году нѣмцы убили шесть человѣкъ опочанъ-бортниковъ, убили на русской землѣ; другіе подошли къ Опочкѣ, посѣкли и пожгли все на миру и на крестномъ цѣлованіи; иные въ то же время косили сѣно на псковской землѣ; псковичи за это поѣхали на нихъ въ двухъ насадахъ, сѣно пожгли, схватили 7 человѣкъ чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. На слѣдующій годъ, впрочемъ, заключенъ былъ миръ съ магистромъ (Рутенбергомъ), жителями Юрьева и со всею землею нѣмецкою, по старому крестному цѣлованію, только безъ Новгорода, потому что новгородцы не помогли ни чѣмъ, по словамъ псковскаго лѣтописца. Семь лѣтъ продолжался этотъ миръ, но въ 1436 г. (при магистрѣ Керсдорфѣ), псковичи захватили гостей нѣмецкихъ съ товарами, всего 24 человѣка, и посадили ихъ въ тюрьму, за то, что нѣмцы, во время мира, стали захватывать псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году (при магистрѣ Финкѣ) заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ, но тотчасъ же послѣ этого псковичи съ княземъ Александромъ Чарторыйскимъ поѣхали подъ Новый Городокъ нѣмецкій (Нейгаузенъ), истребили все жито и повѣсили 7 чухонъ, схвативши ихъ на своей землѣ. Подъ 1448 г. псковскій лѣтописецъ говоритъ о похо-

дѣ новгородцевъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ противъ ливонскихъ и тевтонскихъ рыцарей и короля шведскаго: новгородцы стали на Паровѣ, и бились чрезъ руку съ нѣмцами; Богъ помогъ новгородцамъ: они побили много враговъ, иныхъ побили на морѣ въ судахъ (бусахъ), другіе потонули въ морѣ, 84 человѣка попалось въ плѣнъ и съ ними два князя; добычи было много взято русскими. Въ то же время отрядъ нѣмецкій потерпѣлъ пораженіе подъ Ямою отъ новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Суздальскаго. Эта неудача, какъ видно, заставила быть сговорчивѣе: въ 1449 г. псковичи отправили своихъ пословъ на съѣздъ, на рѣку Парову, вмѣстѣ съ послами новгородскими, и заключенъ былъ выгодный для русскихъ миръ на 25 лѣтъ съ магистромъ ордена и епископомъ юрьевскимъ: нѣмцы возвратили со стыдомъ и срамомъ, по выраженію лѣтописца, всѣ старины псковскія, которыя прежде отняты были юрьевцами.

Объ этихъ то столкновеніяхъ и упоминаетъ Рюссовъ. Въ послѣдніе годы магистерства Гейденрика Финка произошло событіе, важное по своимъ послѣдствіямъ.

Было выше сказано, что рижскій архіепископъ Геннингъ Шарфенбергъ заключилъ въ 1435 году соглашеніе съ орденомъ на шесть лѣтъ; въ 1438 году это соглашеніе было продолжено на слѣдующіе 6 лѣтъ. Къ концу этого срока, великій магистръ Конрадъ фонъ Эрлихсгаузенъ въ 1446 г. послалъ въ Римъ своего управляющаго съ секретнымъ порученіемъ выяснить папѣ всѣ выгоды для папскаго престола произойти могущія, если, послѣ смерти рижскаго архіепископа Геннинга, на рижскую архіепископскую каѳедру будетъ назначенъ кто либо изъ духовныхъ братьевъ ордена.

Престарѣлый Геннингъ умеръ 5 апрѣля 1448 года, и ливонскій орденъ не жалѣлъ денегъ, чтобы рижская архіепископская каѳедра досталась орденскому канцлеру и капелану великаго магистра Сильвестру Штодевешеру. Рижскій соборный капитулъ съ своей стороны хлопоталъ всячески, чтобы каѳедра была замѣщена не орденскимъ духовнымъ. Но какъ орденъ былъ богаче капитула и предложилъ въ Римѣ сумму несравненно большую (на подарки было израсходовано болѣе 4,300 червонцевъ), чѣмъ могъ предложить капитулъ, потому осенью 1448 года и состоялась папская булла, которою рижскимъ архіепископомъ назначался Сильвестръ, въ виду его усердія къ вѣрѣ, его познаній и добродѣтелей.

Сильвестръ былъ, безспорно, человѣкъ умный и свѣдущій, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма коварный и безсовѣстный. Онъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ игралъ столь важную роль въ Ливоніи, такъ что нельзя не упомянуть о немъ подробнѣе.

Онъ родился въ Торнѣ въ 1407 году, и образованіе свое получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ съ 1427 г. былъ студентомъ, потомъ бакалавромъ, магистромъ и затѣмъ ассесоромъ философскаго факультета, пріобрѣвъ себѣ извѣстность рѣчами и сочиненіями, изъ которыхъ коментаріи на Аристотеля снискали ему особенную славу въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. Въ 1440 году онъ

вступилъ въ орденъ и скоро снискалъ къ себѣ неограниченное довѣріе великаго магистра Эрлихсгаузена, который его сдѣлалъ своимъ капеланомъ и орденскимъ канцлеромъ. Этотъ-то Сильвестръ, получивъ архіепископскую каѳедру, обѣщалъ великому магистру не снимать съ себя орденскаго одѣянія, заставить рижскій капитулъ принять это одѣяніе, снова ввести въ силу буллу Бонифація IX и уничтожить договоръ, заключенный 4 декабря 1435 г. между Геннингомъ и Букенворденомъ. Въ Ливоніи противъ папскаго назначенія не хотѣли спорить, и въ Маріенбургъ явились рижскій соборный пробстъ Дитрихъ Нагель и орденскіе рыцари Карлъ Фитингофъ и Эвальдъ Паткуль, чтобы испросить у Сильвестра подтвержденія своихъ правъ и привиллегій. Сильвестръ, въ жизнь свою никогда не стѣснявшійся обѣщаніями, пасхою 1449 г. не только подтвердилъ всѣ привиллегіи, не только обѣщалъ расширить ихъ, но и заявилъ, что безъ согласія ливонскихъ сословій не начнетъ ни какой войны. Духовнымъ рижскимъ депутатамъ 19 апрѣля онъ обѣщалъ оставить соборный капитулъ при одѣяніи, установленномъ папою Мартиномъ, и не закладывать ордену ни одиаго церковнаго имѣнія. Успокоенные депутаты уѣхали въ Ливонію, а Сильвестръ постарался успокоить и магистра, давъ ему 19 мая обѣщаніе не снимать орденскаго одѣянія и заставить рижскихъ канониковъ надѣть снова это одѣяніе. И великій магистръ и рижскіе депутаты успокоились, не подозрѣвая, что для Сильвестра и словесныя и письменныя обѣщанія ровно ничего не значатъ.

30 мая 1449 года Сильвестръ въѣхалъ въ Ливонію при обстановкѣ, далеко не блистательной: на одной купленной и парѣ нанятыхъ лошадей. На границѣ Курляндіи начался рядъ парадныхъ встрѣчъ: рыцари не щадили ни угощеній, ни подарковъ, ни колокольнаго звона на торжественныя встрѣчи. Соборные каноники, орденскій пробстъ и орденскій секратарь выѣхали изъ Риги за 10 миль на встрѣчу новаго архіепископа и сопровождали его до Двины, гдѣ для перевозки владыки уже стоялъ богато украшенный корабль. Архіепископъ на этомъ кораблѣ пріѣхалъ въ замокъ Даленъ, гдѣ пробылъ двое сутокъ, съ тѣмъ чтобы въ предстоящее воскресенье совершить торжественный въѣздъ въ городъ, парадно разукрашенный.

Торжественный въѣздъ открывали архіепископскіе фохты, мужи и служители въ богатыхъ одеждахъ болѣе чѣмъ на 2,000 лошадяхъ, предъ ними гремѣли трубы и литавры; за этимъ кортежемъ слѣдовали рыцари и мужи магистра также въ богатыхъ уборахъ, а за ними — рижскіе бюргеры. Отъ городскихъ воротъ до собора стояли ученики и монахи. Соборные каноники представили архіепископу обычную формулу присяги. Архіепископъ въ орнатѣ (ризѣ) вступилъ въ соборъ, и при входѣ произнесъ обычную присягу уважать свободу города. При громогласныхъ восклицаніямъ и благодарственныхъ гимнахъ, онъ вошелъ въ соборъ и занялъ свое возвышенное мѣсто. По отслуженіи обѣдни (мессы), Сильвестръ оставилъ соборъ, предъ нимъ, по орденскому обычаю, несли обнаженный мечъ.

Соборные каноники угостили архіепископа роскошнымъ обѣдомъ, за которымъ служили ему самыя знатныя духовныя лица,

одѣтыя въ шелкъ и бархатъ, украшенныя драгоцѣнными цѣпями и лентами. На другой день архіепископа угощали рыцари. Въ понедѣльникъ происходила присяга архіепископу духовенства и его вассаловъ. Сильвестръ подтвердилъ лены, цѣловалъ каждаго вассала, съ каждаго бралъ обѣщаніе быть ему усерднымъ и вѣрнымъ. Въ заключеніе соборные каноники передали новому архіепископу серебро, драгоцѣнности, сосуды, кресты вмѣстѣ съ епископскою митрою. Магистратъ-же съ своей стороны поднесъ новому владыкѣ штуку дорогаго алаго сукна, много мѣховъ и бочку ренскаго вина.

Едва ли какого архіепископа Ливонія встрѣчала съ большимъ торжествомъ. Новый архіепископъ не замедлилъ показать себя, но это уже произошло не при Финкѣ. Магистръ Гейденрикъ Финкъ умеръ въ августѣ 1450 года. Ливонскіе сановники не замедлили представить великому магистру Людвигу ф. Эрлихсгаузену двухъ командоровъ на должность ливонскаго магистра. Утвержденіе пало на ревельскаго командора Іоанна ф. Менгдена, по прозванію Остгофа, который въ томъ же 1450 г. и вступилъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами.

37. Іоаннъ Остгофъ фонъ Менгеденъ, тридцать седьмой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1453 — 72 (?) (56 — 75) г.

За Гейденрикомъ Финкомъ ф. Аверберге въ магистерскомъ званіи въ Ливоніи слѣдовалъ Іоаннъ Остгофъ ф. Менгеденъ, который собралъ прекрасное войско на помощь ордену въ Пруссіи противъ мятежныхъ городовъ и, когда онъ съ этимъ войскомъ хотѣлъ двинуться въ Пруссію, то выполнить это помѣшала ему ливонская внутренняя война. Потому онъ употребилъ это собранное войско противъ Сильвестра, тринадцатаго архіепископа рижскаго, и осадилъ архіепископа въ Кокенгузенѣ, взялъ замокъ, захватилъ тамъ архіепископа въ плѣнъ, и затѣмъ забралъ и ограбилъ всѣ дворы и помѣстья архіепископства и капитула, за что пріобрѣлъ мало благодарности у ордена въ Пруссіи, который въ то время находился въ большей нуждѣ. Наконецъ, между упомянутыми сторонами былъ заключенъ договоръ въ Кирхгольмѣ, 1453 года.

Во времена этого магистра рижская марка равнялась по цѣнѣ четыремъ съ половиною талерамъ на современный намъ счетъ. Потому что въ древнихъ подлинныхъ закладныхъ или долговыхъ свидѣтельствахъ находимъ слѣдующее: Я Н. признаю, что долженъ монастырю Маріендамо ордена св. Бригиты пятьдесятъ новыхъ рижскихъ марокъ, считая на каждую новую рижскую марку семь лотовъ чистаго хорошаго лотнаго серебра ревельскаго вѣса. Эта запись писана въ 1466 году.

Въ 1472 году въ Ревель прибыла моремъ чрезъ Любекъ дѣвица изъ Греціи, царскаго рода константинопольскихъ Палеологовъ. Отсюда она была увезена къ великому князю московскому,

Ивану Васильевичу, первому по имени, съ коимъ она была обручена. Этотъ магистръ Іоаннъ Остгофъ управлялъ 19 лѣтъ.

Прим. перев. Въ то время какъ Іоаннъ фонъ Менгденъ въ 1450 году вступилъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами, управленіе орденскими дѣлами въ Пруссіи находилось въ рукахъ великаго магистра Людвига фонъ Эрлихсгаузена, недавно предъ тѣмъ избраннаго въ эту должность по смерти его дяди Конрада. Трудныя и тяжелыя времена наступили для Пруссіи.

Послѣ грюнвальдской битвы орденъ явился столь ослабленнымъ, что не получая уже подкрѣпленій изъ Западной Европы, никакъ не могъ обойтись безъ помощи дворянства и городовъ. Дворянство же и города, составивъ союзъ между собою, стали требовать, чтобы при великомъ магистрѣ находился совѣтъ, состоящій изъ выборныхъ отъ ордена, дворянства и главныхъ городовъ, и чтобы въ этомъ совѣтѣ рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла. Вслѣдствіе этихъ стремленій, между орденомъ и союзомъ начались неудовольствія и распри, кончившіяся тѣмъ, что въ 1453 году послы отъ дворянъ и городовъ прусскихъ явились къ польскому королю Казиміру съ просьбою принять ихъ въ свое подданство на вассальныхъ отношеніяхъ. Казиміръ согласился, и слѣдствіемъ этого была война съ орденомъ, война продолжительная и опустошительная, ведшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ.

Здѣсь не мѣсто излагать подробности прусскихъ дѣлъ, не оказывавшихъ большаго вліянія на Ливонію, да и ливонскимъ рыцарямъ въ тѣ времена, когда Пруссія обращалась въ польскій ленъ, было вовсе не до прусскаго союза. Въ Ливоніи выступилъ на сцену архіепископъ Сильвестръ, о прибытіи котораго въ Ригу было разсказано въ предшествовавшемъ примѣчаніи.

Рюссовъ слишкомъ коротко упоминаетъ о борьбѣ архіепископа съ орденомъ, а между тѣмъ эта борьба и кирхгольмскій договорѣ составляютъ одинъ изъ важныхъ эпизодовъ исторіи Риги и отношеній архіепископа къ ордену. Эпизодъ этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсказа, чѣмъ то сдѣлано у Рюссова.

Архіепископъ Сильвестръ, принятый съ такимъ почетомъ орденомъ и рижанами, 25 іюля 1450 года утвердилъ всѣ права и преимущества Риги, и затѣмъ положилъ конецъ спору, тянувшемуся болѣе ста лѣтъ объ одѣяніи духовенства. Въ маѣ 1451 г. прибыло въ Ригу посольство отъ великаго магистра, въ числѣ котораго находился деканъ эрмландскаго епископства Пластвегъ, выдавшій себя за папскаго коммисара и потребовавшій отъ рижскаго капитула, подъ угрозою отлученія и наложенія запрещенія на имѣнія, введенія въ силу буллы папы Евгенія отъ 1437 г. объ одѣяніи. Такой обманъ, совершенный по порученію великаго магистра и не безъ вѣдома Сильвестра, удался; на ландтагѣ въ Вольмарѣ было постановлено (вольмарская грамота): отмѣнить всѣ прежнія буллы и соглашенія объ одѣяніи, архіепископу же и соборному капитулу впредь и

навсегда носить одѣяніе одинаковое съ орденскимъ духовенствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что орденъ не долженъ вмѣшиваться въ выборъ высшаго духовенства и въ архіепископствѣ не имѣть никакой юрисдикціи и визитаціоннаго права. О Ригѣ и о правѣ властительства надъ нею въ вольмарской грамотѣ не упоминалось ни слова.

Въ это время (1451 г.) изъ Риги выѣхалъ въ Данцигъ рижскій городской секретарь (писарь) съ тѣмъ, чтобы войти въ соглашеніе касательно включенія и ливонскихъ городовъ въ прусскій союзъ. Но этотъ союзъ, ограничивавшій власть ордена и духовенства, не могъ, конечно, нравиться и рижскому архіепископу. Потому-то онъ и задумалъ уничтожить силою всѣ свободы и привиллегіи Риги и затѣмъ раздѣлить съ магистромъ власть надъ городомъ, лишеннымъ правъ. Для приведенія въ исполненіе своего замысла, онъ, вмѣстѣ съ соборнымъ пробстомъ Нагелемъ, личнымъ врагомъ Риги, отправился въ замокъ Салисъ, гдѣ проживалъ магистръ Менгденъ и повелъ переговоры съ симъ послѣднимъ. Менгденъ и орденскій маршалъ Плетенбергъ, зная въ какомъ печальномъ положеніи очутился великій магистръ въ Пруссіи вслѣдствіе именно своихъ распрей съ прусскими городами, сначала не желали затѣвать новой борьбы съ Ригою, но, однакоже, въ концѣ концевъ согласились на предложеніе Сильвестра, сговорились, написали условія, подписали ихъ, но печатей пока не прикладывали (это было сдѣлано въ послѣдствіи въ Кирхгольмѣ, отчего и договоръ, состоявшійся въ Салисѣ, называется **кирхгольмскимъ**).

Плетенбергъ посовѣтовалъ вооружиться и дѣйствовать быстро, не откладывая времени. Его послушали и назначили собраться ландтагу въ Кирхгольмѣ. Ландтагъ собрался 21 августа 1452 года. Рыцари и земство явились сюда въ полномъ вооруженіи и потребовали, чтобы Рига выслала своихъ депутатовъ для выслушанія жалобъ своихъ властителей и принесенія оправданія. Рига выслала шестерыхъ депутатовъ отъ магистрата и шестерыхъ отъ гильдій. Въ Кирхгольмѣ имъ предъявили цѣлый рядъ жалобъ, на который они должны были отвѣтить чрезъ три дня (срокъ этотъ увеличили на 6 дней). Срокъ еще не вышелъ, а уже властители постарались сжечь городскія деревни у Нейермюлена и отобрать у крестьянъ Дуббенаа (Депенаа или Дуббенаа отъ латышскаго слова диббенъ или дуббенъ, означающаго нижнее теченіе водъ, впослѣдствіи Дуббельнъ) скотъ и пожитки.

Что-же оставалось дѣлать городскимъ депутатамъ и самому городу по жалобамъ своихъ властителей, бывшимъ и судьями въ ихъ же собственномъ дѣлѣ, какъ не согласиться на всѣ требованія ордена и архіепископа? Согласились, написали договоръ въ трехъ экземплярахъ, привѣсили печати, и 30 ноября 1452 года экземпляры эти вручили одинъ архіепископу, другой магистру, а третій рижскому магистрату.

По этому договору, орденъ и архіепископъ признаются верховными властителями города; городъ присягаетъ имъ обоимъ

и предоставляетъ имъ начальственное участіе въ чеканѣ монеты и въ рыбной десятинѣ; городъ принимаетъ участіе лишь въ войнѣ, которую поведетъ орденъ съ иноземными врагами; городъ не издаетъ никакого закона безъ одобренія властителей; городъ обязуется заплатить ордену 1,000 рейнскихъ гульденовъ, выдать ему свое лучшее орудіе „льва“, отдать ему нѣсколько земельныхъ участковъ и садовъ; архіепископу городъ долженъ отдать одну квадратную милю земли между Ригою и Икскулемъ, а соборному пробсту Нагелю на его надобности дать девять крестьянскихъ дворовъ съ крѣпостными людьми.

Въ этомъ состояла сущность кирхгольмскаго договора, установившаго двоевластіе надъ Ригою.

По заключеніи договора, оба новые властителя совершили торжественный въѣздъ въ городъ. Магистратъ сопровождалъ тріумфаторовъ. Каноники, монахи и ученики стояли шпалерами отъ Песочныхъ воротъ до собора и пѣли: Tua est potentia, tuum regnum, domine! (Твоя сила, Твое царство, Господи!). Въ ратушѣ бюргеры должны были присягнуть на вѣрность обоимъ властителямъ и эрцъ-фохту Эннигаузену, а рыцарь Юргенъ Икскуль внесъ въ ратушу два меча, какъ символъ двоевластія на вѣчное воспоминаніе. Властители не пожалѣли послать денегъ въ Римъ, и потому папское утвержденіе кирхгольмскаго договора послѣдовало очень скоро: оно состоялось 17 января 1453 года.

Само собою разумѣется, что городу не могло нравиться положеніе между двумя мечами, и онъ не замедлилъ попытаться устранить отъ себя либо тотъ, либо другой. Устранить легчайшій, т. е. архіепископскій, показалось удобнѣе, потому рижане и завязали сношенія съ Менгденомъ объ уничтоженіи кирхгольмскаго договора. Въ мартѣ 1454 года Менгденъ прибылъ въ Ригу, сложилъ съ города уплату 1,000 гульденовъ, далъ кое-какія права, вошелъ съ бюргерами въ соглашеніе и послалъ орденскаго секретаря Ферстенова къ архіепископу въ замокъ Роннебургъ пригласить его на переговоры касательно Риги. „Чего же хотятъ рижане?“ — спросилъ архіепископъ. „Они хотятъ только одного господина“ — былъ отвѣтъ. „Но кого же?“ „Меньшая часть желаетъ васъ, но прочіе говорятъ, что не хотятъ имѣть попа господиномъ“.

Само собою разумѣется, что Сильвестръ отказался отъ уничтоженія кирхгольмскаго договора и приложилъ всякое стараніе, чтобы разъединить городъ съ орденомъ. Онъ тотчасъ же написалъ въ городъ, что уничтожитъ кирхгольмсій договоръ, если Рига присягнетъ ему одному, какъ законному властителю, при чемъ обѣщалъ навсегда уступить городу одно спорное имѣніе Кисъ (нынѣ Титеръ-Эссеръ) и снова отдать треть земель въ Курляндіи, Семигаліи и Эзелѣ, которые принадлежали городу въ XIII столѣтіи, и также уничтожить въ Ригѣ орденскій замокъ.

Такія обѣщанія не могли не соблазнить городъ. Онъ склонился на сторону архіепископа и Сильвестръ заявилъ магистру, что кирхгольмскій договоръ слѣдуетъ уничтожить. Отъ этого былъ непрочь и магистръ, обѣщавшій еще прежде городу уничтоженіе

договора. 21 апрѣля 1454 года архіепископскій и орденскій списки договора, за печатями городскихъ уполномоченныхъ, въ присутствіи Сильвестра и орденскаго секретаря, были сожжены, причемъ, однако, и Сильвестръ, и Менгденъ не забыли на всякій случай припрятать точныя копіи съ этихъ сожженныхъ документовъ.

Договоръ уничтожили, и Менгденъ сталъ хлопотать, чтобы городъ призналъ окончательно надъ собою власть ордена, а для этого не щадилъ обѣщаній, но и Сильвестръ также не дремалъ и повелъ дѣло такъ, что соглашеніе ордена съ городомъ состояться не могло. Рижане потребовали уничтоженія орденскаго рижскаго замка, на что Менгденъ никакъ не могъ согласиться; онъ выѣхалъ изъ Риги, оставивъ своего уполномоченнаго вести дальнѣйшіе переговоры. Рижане стали готовиться къ осадѣ замка, строить палисадъ и проч. Тутъ то, во время работъ, какой-то рижскій рабочій былъ убитъ стрѣлою, пущенною изъ замка. Рижане тогда прервали сношенія съ Менгденомъ, своего „Льва" (орудіе) поставили противъ замка и наняли въ городскую службу отрядъ бискайцевъ, находившихся въ это время въ Ригѣ. На два дня, однако, заключили перемиріе, во время коего изъ замка стрѣлою же былъ убитъ какой-то латышскій рабочій. Тогда архіепископъ облачился въ орнатъ и съ десятью канониками, въ облаченіяхъ-же, явился въ ратушу и разрѣшилъ городъ отъ его присяги ордену. Завязалось открытое сраженіе съ рыцарями, причемъ послѣдніе сожгли одну городскую башню, разорили нѣсколько деревень подъ Ригой и напали на архіепископскія имѣнія.

Сильвестръ, видя, что рыцари не щадятъ архіепископскаго добра, отправился въ Венденъ къ магистру и завелъ переговоры о заключеніи перемирія на шесть недѣль. Перемиріе заключили, и на 8 сентября 1454 г. назначили быть лантагу въ Вольмарѣ. До ландтага Сильвестръ прибылъ въ Ригу и предложилъ магистрату, чтобы городъ призналъ архіепископа своимъ единственнымъ главою. Рижане заявили, что непремѣнно признаютъ, если только архіепископъ исполнитъ свое обѣщаніе: отдастъ городу Кисъ, уничтожитъ рижскій орденскій замокъ и уступитъ городу треть Курляндіи и Эзеля. Такихъ обѣщаній Сильвестръ не думалъ и прежде исполнять, а теперь — и подавно. Онъ отправился на лантагъ, и здѣсь 23 сентября 1454 года заключилъ съ Менгденомъ тайный договоръ, по которому рижскій замокъ со всѣми принадлежностями къ нему должно было предоставить ордену съ возстановленіемъ кирхгольмскаго договора.

Рижане тогда поспѣшили бросить архіепископа и войти въ переговоры съ Менгденомъ. Переговаривали двое сутокъ и, наконецъ въ Вольмарѣ 25 сентября 1454 г. пришли къ соглашенію, по которому магистръ выдалъ рижанамъ 9 ноября того же года жалованную грамоту, называемую остгофскою привилегіею. Орденъ утверждалъ за городомъ его владѣнія по древней привиллегіи легата Вильгельма, за исключеніемъ замка; рижане должны ставить только 30 всадниковъ въ случаѣ внѣшней войны; мангеймская примирительная грамота остается въ своей силѣ и пр.

Этою грамотою прекратилась на время смуты; въ февралѣ 1457 г. на ландтагѣ въ Вольмарѣ былъ заключенъ миръ на десять лѣтъ, и враждебныя дѣйствія не начинались до самой смерти Менгдена, происшедшей въ маѣ 1469 года. Преемникомъ ему 7 января 1470 года былъ избранъ Іоаннъ фонъ Вольтгузенъ Герстъ (называвшійся ниже Ферзеномъ).

38. Іоаннъ фонъ Вольдгузенъ, тридцать восьмой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, до 1477 (75 — 77) г.

Послѣ Іоанна Остгофа фонъ Менгедена магистромъ ливонскимъ былъ избранъ Іоаннъ фонъ Вольдгузенъ, который построилъ замокъ Тольсборгъ въ Вирландѣ. И затѣмъ, послѣ того какъ онъ управлялъ полтора года, братья ордена, вопреки всякому праву и справедливости, свергнули его съ должности магистра, сдѣлали его плѣнникомъ въ Гельмеде, и свезли въ Венденъ, гдѣ онъ долженъ былъ умереть въ темницѣ, послѣ чего Ливонію постигло большее несчастіе и наказаніе.

Прим. перев. Здѣсь необходимо указать на невѣрность показаній Рюссова на счетъ времени управленія ливонскими орденскими дѣлами магистра Іоанна фонъ Вольтгузена. Онъ былъ избранъ магистромъ 7 января 1470 года, а смѣненъ и заключенъ въ венденскую башню не въ 1477 году, а въ мартѣ 1471 года.

Софья Ѳоминишна Палеологъ дѣйствительно прибыла въ Ревель въ сентябрѣ 1472 г., но только не при магистрѣ Менгденѣ, а уже при преемникѣ Вольтгузена фонъ деръ Борхѣ. Софья Ѳоминишна прибыла въ Москву 12 ноября 1472 года и къ тотъ же день была обвѣнчана съ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ, вступившемъ въ княженіе по смерти своего отца, послѣдовавшей 27 марта 1462 года.

За что же былъ смѣненъ и заключенъ въ Венденѣ магистръ фонъ Вольтгузенъ?

Кажется за сношенія со псковичами.

Выше было упомянуто (см. стр. 278), что псковичи и новгородцы въ 1449 году заключили миръ съ орденомъ на 25 лѣтъ. Миръ этотъ продолжался, однако, не болѣе 8 лѣтъ. Въ 1458 году начались опять ссоры за границы и мелкая война. Псковскій лѣтописецъ пишетъ, что въ этомъ году князь Александръ Чарторыйскій съ псковскими посадниками поѣхали на спорную землю, сѣно покосили, церковь поставили, чудь перевѣшали. Но въ слѣдующемъ 1459 г. поганые латины — говоритъ лѣтописецъ — не вѣруя въ крестное цѣлованіе, напали нечаянно на спорное мѣсто, сожгли церковь и 9 человѣкъ. Псковичи, мстя за тѣ головы неповинныя, съ княземъ Александромъ поѣхали въ насадахъ и ладьяхъ въ нѣмецкую землю, и также много людей, мущинъ и женщинъ, пожгли. Нѣмцы спѣшили отомстить: въ Березской волости выжгли 42 двора, людей

же Богъ сохранилъ. Тогда пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода, назначилъ срокъ для съѣзда и мирныхъ переговоровъ, но нѣмцы не явились. Псковичи послѣ этого съ княземъ Александромъ поѣхали въ нѣмецкую землю, и много вреда надѣлали, повоевали землю нѣмецкую на 70 верстъ, и три ночи въ ней ночевали: много добра пограбили и погостовъ много пожгли, божницу великую выжгли, сняли съ нея крестъ и четыре колокола; со множествомъ другихъ плѣнниковъ привели во Псковъ и попа нѣмецкаго.

Нѣмцы, конечно, не замедлили бы напасть на псковичей, но обстоятельства уже начали принимать другой характеръ, весьма опасный для всей Ливоніи. Въ восточной Россіи заканчивалось сосредоточеніе земель, княженіе цѣлымъ родомъ прекращалось и московскій князь является уже княземъ на столько могущественнымъ, что не только Ливоніи, но и самой Литвѣ нельзя было пренебрегать его силою.

Къ 1460 г. князь московскій уже принялъ псковскія дѣла подъ свое покровительство и весьма вѣроятно, что именно это обстоятельство, а вовсе не походъ псковичей, побудило нѣмцевъ искать мира. Въ 1460 году нѣмецкіе послы пріѣхали во Псковъ и здѣсь, съ согласія уже великаго князя, между орденомъ и псковичами заключено было перемиріе на 5 лѣтъ: положили псковичамъ ловить рыбу на своемъ берегу, а юрьевцамъ и епископу ихъ на своемъ, кромѣ того нѣмцы обязались возвратить иконы и всѣ вещи, награбленныя ими въ прежнюю войну (см. Соловьева, IV, стр. 120).

Перемиріе это продолжалось не болѣе трехъ лѣтъ, какъ пошли опять ссоры: нѣмцы посадили въ тюрьму въ Дерптѣ посла и гостя псковскаго, псковичи засадили въ тюрьму нѣмецкаго гостя; нѣмцы зимою пришли къ Новому городку и начали бить стѣны его пушками; псковичи собрались на снѣхъ, но не застали нѣмцевъ, кои бѣжали и замокъ свой покинули. Но скоро пришла опять вѣсть что нѣмцы воюютъ псковскія села, тогда псковичи пошли и опять не застали нѣмцевъ, убѣжавшихъ въ свою землю. Посадники и псковичи стали думать куда бы пойти за нѣмцами? Рѣшили итти къ Воронью камню. Когда вся псковская сила была уже на озерѣ, пришелъ какой-то доброхотъ изъ за рубежа, чудинъ, и сказалъ, что сила нѣмецкая въ ночь ударитъ на Колпино. Псковичи пошли къ Колпину и на разсвѣтѣ увидѣли, что нѣмцы уже воюютъ по волости, церковь колпинскую зажгли и добычи много побрали. Псковичи, не медля, ударили на нѣмцевъ и обратили ихъ въ бѣгство. Не дивно ли и не достойно ли памяти — говоритъ лѣтописецъ, что въ такой страшной сѣчѣ изъ псковской рати не былъ убитъ ни одинъ человѣкъ, тогда какъ нѣмецкіе трупы лежали мостомъ. Въ тоже время охочіе псковскіе люди ходили на нѣмецкую землю и воротились съ большимъ полономъ. Встарину этимъ и кончили бы дѣло до новаго набѣга нѣмцевъ, но теперь Псковъ находился уже подъ властію великаго князя московскаго и вотъ, по челобитью псковичей, явился къ нимъ воевода московскій Ѳедоръ Юрьевичъ, пошелъ за Великую и осадилъ Нейгаузенъ. Осада, однако, была

неудачна: пушку разорвало и вся сила отошла отъ Нейгаузена, потому что былъ онъ крѣпокъ — замѣчаетъ лѣтописецъ.

Магистръ Менгденъ прислалъ пословъ своихъ, честныхъ людей и нѣмцевъ добрыхъ, договориться о перемиріи. Перемиріе заключили на девять лѣтъ: епископъ дерптскій обязался давать дань великому князю по старинѣ, русскій конецъ въ своемъ городѣ и русскія церкви держать по старинѣ же, по старымъ грамотамъ, а не обижать.

Въ 1469 году, когда срокъ перемирію еще не кончился, нѣмцы пришли на псковскую землю, побили у псковичей 26 чел., и хоромы пожгли, но этотъ набѣгъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Въ 1471 году пріѣхалъ во Псковъ посолъ отъ магистра Вольтгузена и объявилъ на вѣчѣ. что князь местеръ хочетъ устроить себѣ столъ въ Вельядѣ (Феллинѣ), хочетъ переѣхать туда изъ Риги, хочетъ держать со псковичами миръ крѣпкій, но требуетъ, чтобы они уступили ему нѣкоторыя земли и воды. Псковичи дали отвѣтъ: „Воленъ князь местеръ — гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и княженіе держитъ, городъ ему свой, а что онъ намъ о землѣ и водѣ говоритъ, то земля и вода святой Тройцы, псковская вотчина добыта трудомъ великихъ князей всея Руси, тамъ у насъ теперь и города стоятъ, а миръ мы хотимъ держать до срока“ (см. Соловьева V, стран. 171).

Кажется, что эти сношенія и послужили поводомъ къ низложенію магистра.

39. Бернгардъ фонъ деръ Борхъ, тридцать девятый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1477 — 86 г.

Въ 1477 г. магистерскаго достоинства въ Ливоніи достигъ Бернгардъ фонъ деръ Борхъ. Этотъ магистръ, бывъ вовлеченъ въ войну съ русскими, ополчился противъ нихъ и собралъ 100,000 человѣкъ войска изъ заграничныхъ и туземныхъ воиновъ и крестьянъ; съ этимъ народомъ онъ напалъ на Россію, опустошительно прошелъ по этой странѣ и выжегъ предмѣстье Пскова, ничего болѣе не сдѣлавъ.

Когда онъ воротился изъ Россіи, то русскіе послѣдовали за нимъ въ Ливонію, и здѣсь совершали еще болѣе ужасныя безчинства и жестокости, нежели какія онъ совершилъ въ Россіи, и совершенно выжгли области Феллинъ и Тарвестъ вмѣстѣ съ посадомъ, много народу убили и взяли въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія, забрали много колоколовъ изъ церквей и увезли ихъ изъ Ливоніи вмѣстѣ съ другимъ награбленнымъ добромъ. Тутъ оправдалось изреченіе Соломона, въ которомъ онъ говоритъ: «Мужъ и конь уготовляются на день брани: отъ Господа же помощь». Подобное же видѣли и на этомъ магистрѣ. Потому что хотя онъ, какъ уже сказано, и собралъ такую силу народа противъ рускаго, какой

никогда не собиралъ ни одинъ магистръ ни до него, ни послѣ, а все таки онъ съ нею достигъ очень малаго. Въ 1479 году Иванъ Васильовичъ, первый по имени, великій князь московскій, подчинилъ своей власти могущественное княжество Новгородъ вмѣстѣ съ городомъ, которое до того времени пользовалось своимъ собственнымъ господствомъ. Послѣ же завоеванія этаго города и княжества Новгорода великій князь, согласно московитскому обычаю и привычкѣ, увелъ всѣхъ прежнихъ жителей съ ихъ женами и дѣтьми и разсѣялъ, распредѣливъ ихъ по другимъ московскимъ землямъ и городамъ, а городъ Новгородъ снова заселилъ другими дерзкими народами.

Во время управленія этого магистра Симонъ фонъ деръ Борхъ, епископъ ревельскій, бывшій соборный настоятель въ Гильдезгеймѣ, двоюродный братъ магистра, выстроилъ епископскіе замки Борхольмъ и Фегефюэръ и значительно распространилъ и улучшилъ епископство ревельское.

Также во времена этаго магистра возникла снова война между архіепископомъ Стефаномъ Грубеномъ, который былъ четырнадцатымъ архіепископомъ, и гражданами Риги и между магистромъ и его приверженцами, причиной которой былъ магистръ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Симономъ фонъ деръ Борхомъ, епископомъ ревельскимъ. Тогда архіепископство рижское снова отдано въ жертву и разграблено, а городъ Рига обложенъ осадою; и хотя рижане вмѣстѣ съ архіепископомъ и потерпѣли достаточно нужды чрезъ продолжительную осаду; однако, магистръ все таки не могъ сдѣлать имъ никакого вреда. Потому что рижане вмѣстѣ съ архіепископомъ сильно защищали свой городъ, такъ что магистръ долженъ былъ со стыдомъ удалиться. Послѣ того рижане продолжали нападеніе и зажгли замокъ Ригу, который былъ очень близко построенъ къ ихъ городу, разрушили его и совершенно уничтожили, и затѣмъ осадили и взяли замокъ Динамюнде. Когда же папа Сикстъ IV узналъ о несправедливостяхъ магистра и его друзей, то онъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ подвергъ отлученію, потому Бернгардъ фонъ деръ Борхъ былъ смѣщенъ съ должности магистра послѣ девятилѣтняго управленія.

Прим. перев. Хронологическія указанія Рюссова здѣсь требуютъ исправленія. Вопервыхъ магистръ Бернгардъ фонъ деръ Борхъ управлялъ ливонскими дѣлами не съ 1477 по 1486 годъ, а съ 1471 по 18 ноября 1483 года; во вторыхъ осада Пскова происходила не въ 1477 году, а въ августѣ 1480 г.

Время магистерства Борха прошло почти все во внутреннихъ неурядицахъ, спорахъ съ архіепископомъ и Ригою.

Менгденъ, при своей жизни, умѣлъ поддерживать кое какъ тишину, но чуть лишь онъ умеръ и его мѣсто заступилъ Вольтгузенъ, какъ архіепископъ Сильвестръ началъ дѣйствовать противъ ордена съ цѣлію уничтоженія остгофской привилегіи (см. выше

стр. 284). Но новый магистръ въ мартѣ 1471 году былъ смѣщенъ и заключенъ въ Венденъ. По вступленіи въ магистерство избраннаго на его мѣсто Бернгарда фонъ-деръ-Борха, всѣ властители и сословія Ливоніи собрались на ландтагъ въ Вольмарѣ и здѣсь 21 января 1472 г. заключили на 10 лѣтъ земскій миръ. Съ этого мира и начинаются безконечные переговоры между орденомъ, архіепископомъ и Ригою. Городъ не хотѣлъ отказаться отъ остгофской привиллегіи, орденъ настаивалъ на исполненіи кирхгольмскаго договора. Спорили и переговаривали долго. Наконецъ, въ 1472 г., орденъ пришелъ къ соглашенію съ городомъ, и Борхъ выдалъ городу грамоту, называемую борховою привиллегіею, въ которой кирхгольмскій договоръ снова уничтожался и остгофская грамота снова подтверждалась. Сильвестръ, конечно, остался недоволенъ такимъ соглашеніемъ, сталъ жаловаться на орденъ папѣ и германскимъ князьямъ, заключилъ союзъ съ дерптскимъ епископомъ и шведами, сталъ приводить въ оборонительное положеніе свои замки и нанялъ заграницей солдатъ (Söldner — жолнѣровъ). Епископы курляндскій (Мартинъ) и замландскій (Іоаннъ) пытались примирить противниковъ, но тщетно.

Магистръ со своимъ двоюроднымъ братомъ, ревельскимъ епископомъ Симономъ фонъ-деръ-Борхомъ, положили дѣйствовать болѣе рѣшительно, тѣмъ не менѣе 3 марта 1477 г. на вольмарскомъ ландтагѣ соперники заключили снова 10-ти лѣтній миръ, что не помѣшало, однако, Сильвестру продолжать интриговать противъ ордена: онъ отлучилъ Ригу отъ церкви. Симонъ Борхъ поѣхалъ въ Римъ и 19 ноября 1477 г. привезъ оттуда разрѣшеніе снять отлученіе.

Сильвестръ все не унимался, тогда магистръ и орденъ съ ливонскимъ дворянствомъ и городами подали папѣ 7 августа 1478 года обширную жалобу (извѣстную подъ именемъ виттенштейнской грамоты). Какая резолюція послѣдовала по этой жалобѣ — неизвѣстно, но вѣроятно никакой, потому что въ декабрѣ, не задолго до Рождества 1478 года, прибылъ на помощь Сильвестру въ архіепископскій замокъ Салисъ небольшой шведскій отрядъ, состоявшій всего изъ 200 вооруженныхъ человѣкъ. Тогда магистръ рѣшился дѣйствовать иначе и потребовалъ, чтобы Рига прислала ордену условленную помощь, но Рига, ссылаясь на мегденову грамоту, отказалась принимать всякое участіе въ спорѣ.

Магистръ осадилъ Салисъ и чрезъ недѣлю овладѣлъ имъ; шведы сдались, получивъ дозволеніе возвратиться на родину съ своимъ оружіемъ и снаряженіемъ. Затѣмъ магистръ занялъ всѣ архіепископскіе замки, взялъ, наконецъ, и Кокенгузенъ, гдѣ находился архіепископъ съ соборнымъ капитуломъ. Сильвестра онъ засадилъ въ кокенгузенскую башню, а канониковъ разослалъ подъ арестъ по разнымъ замкамъ.

Послѣ этого магистръ торжественно вступилъ въ Ригу, принялъ въ замкѣ 4-хъ бургомистровъ, отслужилъ въ соборѣ молебенъ съ пѣніемъ „Тебѣ Бога хвалимъ", и овладѣлъ всѣмъ архіепископствомъ. Епископъ Симонъ фонъ-деръ-Борхъ поселился въ риж-

скомъ деканатствѣ и такимъ образомъ оба стали неограниченными властителями всей земли.

19 іюля 1479 г. Сильвестръ умеръ въ Кокенгузенѣ (слухъ пошелъ, будто отъ яда), и Симонъ, еще въ январѣ 1479 г. представленный великимъ магистромъ на утвержденіе папы въ санѣ рижскаго архіепископа и теперь снова представленный на утвержденіе, сталъ поступать будто онъ и въ самомъ дѣлѣ получилъ архіепископство. Папа Сикстъ, получивъ извѣстія о дѣйствіяхъ обоихъ Борховъ и о смерти Сильвестра, издалъ 19 августа 1479 г. буллу, въ которой „сына зла" магистра и его приверженцевъ отлучилъ отъ церкви, объявилъ всѣ дѣйствія каноииковъ, совершенныя въ пользу ордена, незаконными, какъ вынужденныя силою, и затѣмъ другою буллою назначилъ рижскимъ архіепископомъ бывшаго орденскаго прокуратора, епископа тройскаго, Стефана фонъ Грубена, и приказалъ всей епархіи и въ особенности Ригѣ принять Стефана какъ отца и пастыря и оказывать ему повиновеніе.

Оба Борха рѣшились апеллировать будущему папѣ и будущему собору (ad futuram papam et futurum concilium), а Бернгардъ заявилъ, что не сдастъ Стефану ни Риги, ни рыцарства архіепископа. Оба они начали поступать съ Ригою черезъ-чуръ самоуправно и тѣмъ отклонили городъ отъ себя.

Посреди всѣхъ этихъ замѣшательствъ, началась война съ русскими, принявшая для Ливоніи весьма опасный характеръ.

Въ 1473 г. истекалъ срокъ перемирію, заключенному между псковичами и орденомъ на 9 л. (см. выше стр. 287). Послы ливонскіе и псковскіе съѣхались въ Нарвѣ для дальнѣйшихъ переговоровъ, но ни въ чемъ не могли согласиться и разъѣхались безъ мира. Тогда псковичи обратились въ Москву къ великому князю, чтобы онъ оборонилъ ихъ отъ нѣмцевъ. Вслѣдствіе этой просьбы, въ концѣ 1473 г. прибылъ въ Псковъ знаменитый воевода московскій князь Данило Дмитріевичъ Холмскій съ большимъ войскомъ. Ливонцы запросили мира на всей волѣ псковичей. Миръ, лучше сказать, перемиріе было заключено въ 1474 году на 30 лѣтъ. По договору, дошедшему до насъ, постановлено (см. Соловьева, V, стр. 172): святыя Божіи церкви въ Юрьевѣ въ русскомъ концѣ и русскій конецъ держать имъ (ливонцамъ) честно по старинѣ и по крестному цѣлованію, а не обижать. Дани благовѣрныхъ великихъ князей русскихъ царей, старые залоги честному бискупу юрьевскому за восемь лѣтъ отдать тотчасъ-же, по крестному цѣлованію, а отъ этого времени благовѣрнымъ великимъ князьямъ русскимъ царямъ на честномъ бискупѣ юрьевскомъ дань свою брать по старинѣ, по тому крестному цѣлованію. А новгородскому послу и гостю путь чистъ на Юрьевъ со всякимъ товаромъ, водою и горою (сухимъ путемъ); между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ и пр.

30-ти лѣтнее перемиріе продолжалось очень не долго: въ нѣмецкихъ городахъ стали задерживать псковскихъ купцовъ, отнимать у нихъ товары; псковичи въ 1478 году сдѣлали набѣгъ, а 1 января 1480 года нѣмцы явились передъ Вышгородкомъ, взяли его

и жителей перебили, и въ ту же зиму осадили Гдовъ и сожгли его посадъ. Псковичи обратились къ великому князю за помощью, и когда московская рать прибыла — пошли на юрьевскую волость, осадили Юрьевъ и хотя не взяли, но жестоко опустошили окрестности: воевода московскій и его сила много добра въ Москву повезли съ собою; чуди и чудокъ и ребятъ головами повели многое множество безъ числа, говоритъ лѣтописецъ. Магистръ фонъ-деръ-Борхъ, въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, осадилъ Изборскъ и попалилъ окрестности; лѣтомъ 1481 г. съ большимъ войскомъ снова вступилъ въ псковскія земли, а въ августѣ осадилъ Псковъ. Осада была неудачна: нѣмцы потеряли свои лодки и ушли домой, принужденные снять осаду.

Отмщеніе не замедлило послѣдовать, но уже не ничтожнымъ пограничнымъ набѣгомъ: 20,000 московская рать, вмѣстѣ съ псковичами и новгородцами, зимою 1481 г. вступила въ Ливонію и цѣлыя четыре недѣли опустошали страну: сожгли Феллинъ, взяли замки Тарвастъ, Каркусъ, Роннебургъ, и много золота и серебра вынесли изъ этихъ городовъ, а другаго добра — и счесть нельзя; въ плѣнъ взяли безчисленное множество нѣмцевъ и нѣмокъ, чуди и чудокъ и дѣтей малыхъ (см. Соловьева, V, стр. 174).

Магистръ не выходилъ въ поле, далъ возможность русскимъ безнаказанно опустошить страну. Этимъ онъ сильно вооружилъ противъ себя рыцарей, и вассаловъ, и города.

Въ маѣ 1481 года, въ то время, когда магистръ воевалъ въ псковскихъ земляхъ, изъ Кенигсберга, гдѣ находился въ это время Стефанъ ф. Грубенъ, назначенный рижскимъ архіепископомъ, въ Ригу были доставлены буллы Сикста IV объ отлученіи Борха отъ церкви и назначеніи архіепископа. Рижане еще прежде, раздраженные разными требованіями Борха, положили быть послушными папѣ, и въ этомъ смыслѣ написали письмо магистру.

Борхъ еще въ апрѣлѣ 1481 года послалъ гольдингенскаго командора Малинкродта къ великому магистру и къ императору Фридриху III. Императоръ призналъ ливонскаго магистра имперскимъ княземъ, и предоставилъ ему права великаго магистра какъ надъ Ригою, такъ и надъ архіепископомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ писалъ къ папѣ объ утвержденіи Симона рижскимъ архіепископомъ, и въ благопріятномъ для ордена смыслѣ писалъ къ королямъ польскому и датскому.

Магистръ потребовалъ, вслѣдствіе императорскаго распоряженія, покорности отъ Риги; рижане отвѣтили, что останутся въ послушаніи папскому престолу.

Тогда магистръ стянулъ къ Ригѣ осадную артиллерію изъ Вендена, Трейдена и др. замковъ. Вечеромъ въ Ивановъ день (24 іюня) 1481 г. рижане ударили въ штурмовой колоколъ и ополчились на орденъ. Прочіе епископы и рыцарство Гарріена и Вирланда пытались было помирить враждующія стороны, но тщетно. Съ іюня по октябрь продолжались безплодные переговоры, а 31 октября городъ объявилъ, что противъ императорскаго распоряженія будетъ

апелировать папѣ и отказываетъ магистру, уподобившемуся Іудѣ Искаріоту, въ послушаніи. Папа Сикстъ IV одобрилъ такое постановленіе рижанъ, и буллою отъ 11 декабря 1481 г. разрѣшилъ Ригу отъ присяги магистру и приказалъ городу признавать престолъ св. Петра и назначеннаго отъ него архіепископа Стефана своимъ единственнымъ главою и властителемъ.

Началась мелкая война съ обычными въ тѣ времена опустошеніями: рыцари не разъ зажигали городъ, не разъ бились съ горожанами, но не могли достигнуть никакого серьезнаго результата. Наконецъ, 27 марта 1482 г., заключили перемиріе съ рижанами на два года, по Ивановъ день 1484 года: враждебныя стороны прекратили военныя дѣйствія, сохранивъ за собою все то, чѣмъ владѣли по день перемирія.

Въ томъ же 1482 году было заключено перемиріе и съ русскими на 10 лѣтъ.

Папа не призналъ императорскаго распоряженія на счетъ ливонскаго магистра и Риги — напротивъ, отлучивъ магистра отъ церкви, буллою отъ 14 іюля 1482 г. наложилъ на орденъ интердиктъ, запретивъ духовенству служить обѣдни въ орденскихъ церквахъ до тѣхъ поръ, пока орденскіе люди будутъ послушны папѣ.

Посреди такихъ замѣшательствъ, безплодныхъ переговоровъ, не менѣе безплодныхъ ландтаговъ, въ Ригу 29 іюля 1483 года прибылъ архіепископъ Стефанъ: онъ торжественно былъ принятъ городомъ, подтвердилъ его права и привиллегіи и принялъ присягу горожанъ въ вѣрности. Тогда магистръ, не обращая вниманія на заключенное перемиріе, началъ военныя дѣйствія противъ Риги, приславъ городу чрезъ рижскаго командора замка (коменданта) складную грамоту (объявленіе войны). Городъ тотчасъ же послалъ городскаго военнаго начальника Гартвига Вингольда занять архіепископскіе замки. Вингольдъ занялъ Кокенгузенъ и, порядочно ограбивъ орденскія владѣнія до Лембурга и Шуена, возвратился въ Ригу. Магистръ тогда осадилъ Кокенгузенъ, но безуспѣшно, а рижане осадили Динаминдъ и послѣ четырехъ-недѣльной осады взяли эту столь важную для нихъ крѣпость, которою рыцари овладѣли въ 1305 году (см. выше стр. 226). Въ Ригѣ послѣ этого было большое торжество: ремесленники и рабочіе вышли изъ города, разрушили орденскую башню, а смѣлый Вингольдъ, отобравъ у рыцарей многіе замки, подступилъ къ самому Вендену, гдѣ находился магистръ, не выходившій въ поле, и дозволившій Вингольду грабить орденскія земли, и съ большею добычею возвратился въ Ригу.

Бездѣйствіе и нерѣшительность магистра, выказанныя во время недавняго вторженія русскихъ, бездѣйствіе и нерѣшительность, выказанныя нынѣ противъ рижанъ и Вингольда, побудило орденскихъ сановниковъ смѣнить магистра. 19 ноября 1483 г. они явились въ Венденъ, созвали горожанъ, прибыли въ венденскій замокъ и объявили магистру, что онъ не можетъ оставаться въ своей должности, а долженъ сдать ее ревельскому командору Іоанну Фрейману фонъ Лорингову, котораго они избрали магистромъ.

Борхъ не противился, согласился на все и выговорилъ себѣ дозволеніе провести остатокъ своихъ дней въ Леалѣ и Перновѣ. Симонъ фонъ-деръ-Борхъ, послѣ смѣщенія магистра, уѣхалъ въ свое епископство въ Ревель. Бернгардъ Борхъ умеръ въ 1486 году, а его двоюродный братъ Симонъ — въ 1492 году.

40. Іоаннъ Фридахъ фонъ Лоринкгофъ, сороковой магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1486 — 95 г.

Въ 1486 г. на должность магистра въ Ливоніи поступилъ Іоаннъ Фридахъ фонъ Лоринкгофъ, командоръ въ Ревелѣ, во время котораго еще продолжалась война между вышеупомянутыми сторонами. Когда обѣ стороны выступили въ поле и дали сраженіе у Трейдена, тогда рижане выиграли сраженіе и убили 6 командоровъ и фохтовъ, а 6 взяли въ плѣнъ и привезли въ Ригу съ большимъ тріумфомъ.

Въ 1492 г. Иванъ Васильевичъ, великій князь московскій, началъ строить замокъ Ивангородъ, по нѣмецки русскую Нарву, на ливонской границѣ. И замокъ былъ начатъ постройкою на Божье Тѣло, и чрезвычайно быстро оконченъ въ то же лѣто къ Успенію Богородицы со многими высокими, толстыми башнями и крѣпкими стѣнами; и послѣ того этотъ самый замокъ былъ однажды занятъ шведами и, такъ какъ онъ отстоялъ слишкомъ далеко отъ шведскаго государства, то его предлагали ливонскому магистру. Но магистръ не хотѣлъ его принять, такъ какъ между Россіей и Ливоніей было заключено перемиріе, которое магистръ не хотѣлъ нарушить, почему шведы снова отправились къ своимъ кораблямъ съ большою добычей, награбленной въ замкѣ. Затѣмъ русскіе снова заняли замокъ и построили его еще крѣпче и сильнѣе, нежели онъ былъ прежде, и снабдили его народомъ. И послѣ того времени, какъ замокъ былъ готовъ, христіане въ Ливоніи, а въ особенности жители Нарвы, должны были терпѣть оттуда много поруганій и насмѣшекъ, такъ что вкратцѣ того невозможно и описать. Потому что русскіе изъ новаго замка Ивангорода и во время перемирія стрѣляли въ ливонскую Нарву такъ много и часто, какъ имъ было угодно, и убили многихъ знатныхъ особъ, именно Іоанна Мейнингенскаго, бургомистра въ Нарвѣ, и многихъ другихъ. И когда къ нимъ послали спросить, по какой причинѣ они это дѣлаютъ; то они не знали какими бы только насмѣшками и издѣваньемъ принять тѣхъ пословъ, и творили всевозможныя шутки, какія только могли придумать, надъ жителями Нарвы; все это описать не прилично. Таковое случилось въ 1494 г.

Въ этомъ году великій князь, въ противность всякой справедливости, приказалъ арестовать всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, находившихся въ Новгородѣ, и схватившіе ихъ сняли съ нѣмцевъ чулки и башмаки и заключили ноги ихъ въ желѣзныя колодки и бросили

ихъ въ тѣсныя башни, гдѣ нѣкоторые должны были сидѣть по три года, а нѣкоторые — по 9 лѣтъ. Причиной же, почему это случилось, было то, что ревельцы, по нѣмецкому праву, сварили до смерти русскаго, который чеканилъ въ ихъ городѣ фальшивые шиллинги, и еще другаго русскаго, захваченнаго на противоестественномъ поступкѣ сожгли по христіанскому праву, на что озлобились другіе русскіе и ложно донесли своему великому князю эту жалобу и другую и побудили его къ тому, что онъ долженъ былъ отомстить на нѣмецкихъ купцахъ, находившихся въ Новгородѣ въ конторскомъ дворѣ. Кромѣ того великій князь требовалъ съ большою настойчивостью и великими угрозами отъ властителей Ливоніи, чтобы выдать ему ревельцевъ, осудившихъ его русскихъ на смерть. Но онъ не могъ достигнуть исполненія своей воли. Потому что власти сословій и городовъ совокупно дали обязательство, скорѣе терпѣть величайшую нужду, нежели отдаться въ такое подчиненіе Русскому. Этотъ магистръ управлялъ 9 лѣтъ.

Прим. перев. Магистръ Іоаннъ Фрейтагъ ф. Лорингговенъ началъ управлять ливонскими орденскими дѣлами съ 19 ноября 1483 года, а не съ 1486 года, какъ показано у Рюссова Впрочемъ, Фрейтагъ первоначально назывался намѣстникомъ, и въ этомъ званіи былъ утвержденъ великимъ магистромъ, титулъ же ливонскаго магистра получилъ дѣйствительно въ 1486 году, послѣ смерти Бернгарда Борха.

Будучи продолжительное время ревельскимъ командоромъ, Фрейтагъ имѣлъ многихъ приверженцевъ себѣ между рыцарствомъ Гарріена и Вирланда, и могъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе и помощь при тѣхъ тяжелыхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ ему пришлось принять на себя управленіе дѣлами. Рига была въ открытой враждѣ съ орденомъ и, не думая въ чемъ бы то ни было уступить рыцарямъ, продолжала осаду орденскаго замка Витенштейна, замокъ этотъ горожане обвели рвомъ съ цѣлію выморить голодомъ орденскій гарнизонъ.

Тутъ, къ довершенію запутанностей, въ Ригѣ 20 декабря 1483 года умеръ хилый здоровьемъ архіепископъ Стефанъ (отъ яда, какъ утверждали нѣкоторые, не имѣя на то доказательствъ). Для управленія архіепископскими имѣніями тотчасъ же образовалась особая коммисія изъ соборнаго пробста Гильгенфельда, архіепископскаго рыцаря Розена и бургомистра Шенинга (здѣсь впервые Рига приняла участіе въ управленіи архіепископствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняла на себя и всю тяжесть войны).

Приступили къ выбору архіепископа. Городъ и каноники, по рекомендаціи начальника рижскаго войска, выставили кандидатомъ гильдесгеймскаго каноника, графа Генриха Шварцбургскаго; великій магистръ поставилъ своего кандидата, орденскаго канцлера Николая Крейдера; ливонскій-же магистръ кандидатомъ выставилъ ревельскаго соборнаго каноника Михаила Гильдебранда. Кандидатовъ предста-

вили на утвержденіе папѣ, которымъ былъ въ то время Иннокентій VIII-й, любившій деньги не хуже своихъ предшественниковъ. Фрейтагъ, при представленіи своего кандидата, не упустилъ приложить 3,000 золотыхъ гульденовъ, и папа въ 1484 году на рижскую архіепископскую каѳедру назначилъ Гильдебранда.

Рыцари эстонскіе, даже рыцари и вассалы архіепископа держали сторону Фрейтага, но Рига ни мало этимъ не смущалась. 10 февраля 1484 г. Фрейтагъ съ сильнымъ войскомъ сталъ подъ Ригою и осадилъ ее, но рѣшительно безуспѣшно. Тогда, видя что ему не одолѣть сильно укрѣпленнаго города, видя, что нельзя подать помощи даже своему рижскому замку Виттенштеену, стѣсненному рижанами, онъ рѣшился завалить каменьями устья Двины у Динаминда, пресѣчь доступъ заграничнымъ кораблямъ, и тѣмъ подорвать рижскую торговлю.

Рижане провѣдали грозившую имъ опасность и поднялись едва ли не поголовно. 22 марта 1484 года выступилъ изъ города командующій войсками Вингольдъ со своею конницею, въ главѣ гильдій пошли бургомистръ Куртъ фонъ Левенъ и ратсгеры Эдуардъ Штеверъ и Іоаннъ Гольцгаузенъ, рота (компанія) черноголовыхъ также ополчилась, къ войску присоединился пробстъ Гильзенфельдъ съ 40 всадниками и дворянами архіепископства. Рижане направились къ Штинтскому озеру, оттуда по льду пробрались къ Динаминду, и нанесли ордену сильнѣйшее пораженіе. Командоры гольдингенскій, динабургскій, зельбургскій и ревельскій и три другіе рыцаря были убиты; 23 знатныхъ рыцаря, въ томъ числѣ командоры митавскій, виндавскій и зоннебургскій попались въ плѣнъ. 6 рыцарей утонули при Дубенаа (нынѣ Дубельнъ). Богатая добыча досталась рижанамъ, но они не преслѣдовали орденское войско, а вошли въ Динаминдъ и сожгли тутъ всѣ постройки, какія только принадлежали ордену.

Послѣ динаминдскаго сраженія, Фрейтагъ предложилъ рижанамъ помириться съ орденомъ. Рижане потребовали сдать имъ рижскій орденскій замокъ Виттенштеенъ; магистръ сказалъ, что скорѣе потеряетъ половину своей земли, чѣмъ отдастъ замокъ. Военныя дѣйствія возобновились съ особенною силою, когда въ концѣ апрѣля, съ открытіемъ навигаціи, горожане Ревеля и Ростока прислали рижанамъ достаточный запасъ провіанта и военныхъ снарядовъ.

Рижане положили штурмовать Витенштеенъ 17 мая 1484 года. Магистратъ обѣщалъ „жолнѣрамъ“ (Söldner — наемное войско) отдать всю добычу, кромѣ колоколовъ и большихъ орудій, и выставилъ въ ратушѣ и на городскихъ воротахъ объявленіе, въ которомъ вызывалъ всѣхъ желающихъ сразиться съ рыцарями прибыть въ этотъ день въ 8 часовъ утра на городской рынокъ (нынѣ фонтанъ предъ ратушею). Охотниковъ нашлось достаточно. Четыре бургомистра повели рижанъ на замокъ и предложили гарнизону сдаться. Гарнизонъ, истощенный долговременною осадою, видя невозможность держаться, 18 мая сдался на капитуляцію и былъ отведенъ въ Нейрмюленъ. Дня чрезъ три, магистратъ объявилъ, чтобы всѣ, старый и малый, нѣмецъ и вольный ненѣмецъ, шли ломать замокъ.

Долго стѣны крѣпкаго замка не поддавались ломкѣ, но подложили пороху и 17 іюня стѣны замка, при безконечномъ торжествѣ горожанъ, рухнули. Самая крѣпкая башня, называвшаяся „свинцовою", однако, устояла и была разрушена лишь 15 августа. Изъ обломковъ камня и кирпича отъ разрушеннаго замка бюргеры, которые были побогаче, построили себѣ новые дома.

Рыцари, раздраженные неудачами и потерею рижскаго замка, напали на архіепископскіе замки Крейцбургъ, Икскуль, Сесвегенъ и др. и опустошали ихъ, свирѣпствуя „хуже турокъ и татаръ", какъ сказано въ современномъ описаніи. Въ половинѣ іюля начались, однако, переговоры о соглашеніи между Ригою и орденомъ, и 22 августа было заключено перемиріе впредь до окончательнаго назначенія и утвержденія архіепископа.

Папа, какъ сказано выше, утвердилъ рижскимъ архіепископомъ Михаила Гильдебранда, но рижане не хотѣли его принимать, желая архіепископомъ своего кандидата графа Шварцбурга. Изъ за этого возникли новыя пререканія и новые споры, и только когда Шварцбургъ отказался отъ архіепископскаго сана, рижане приняли Михаила, который въ свою очередь принялъ и предложенныя ему условія. Поселившись близъ Риги въ Блюменталѣ (нынѣ малый Юнгфернгофъ), новый архіепископъ 1 марта 1486 г. имѣлъ торжественный въѣздъ въ Ригу, принялъ присягу, а на другой день подписалъ такъ называемый „блюментальскій договоръ", въ которомъ были изложены его отношенія къ городу. Договоръ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ впервые упоминается объ учрежденіи епископскихъ совѣтовъ (см. вступленіе, стр. XIV).

Чрезъ нѣсколько дней, 14 и 15 марта, при посредствѣ всѣхъ прелатовъ былъ заключенъ въ Ригѣ вѣчный миръ между орденомъ и городомъ. Орденъ согласился на миръ не столько во вниманіе къ посредничеству, сколько во вниманіе къ тому обстоятельству, что за нѣсколько времени предъ симъ въ Ригу (въ ноябрѣ 1485 года) на помощь рижанамъ прибыло 4,000 ч. шведскаго войска подъ начальствомъ Нильса Эрихсона Гильденштерна. Положили: за орденомъ и за городомъ оставить во владѣніи взятыя земли; спорные вопросы предлагать на рѣшеніе или папѣ или шестерымъ городамъ; рѣки и дороги открываются всѣмъ; пошлины и сборы отмѣняются; установляется вѣчный миръ и противъ нарушителя возстаетъ вся земля; плѣнныхъ рыцарей орденъ выкупитъ за 20,000 марокъ; рижскій орденскій замокъ и Динаминдъ остаются за городомъ; рижская церковь принимаетъ во владѣніе всѣ свои прежніе замки и имѣнія вмѣстѣ съ Ригою и пр.

Вѣчный миръ продолжался только до 1489 года. Въ этомъ году орденъ, собравшись съ силами, началъ новую войну съ Ригою. Здѣсь впервые выступаютъ на сцену орденскій ландмаршалъ (впослѣдствіи магистръ) знаменитый Плетенбергъ. Рижане, не смотря на заключенный союзъ со шведами, терпѣли неудачи за неудачами и, наконецъ, въ мартѣ 1491 г. были на голову разбиты рыцарями. Потерявъ въ этомъ сраженіи всѣ свои силы, рижане принуждены были

согласиться на всѣ условія, какіе имъ продиктовали побѣдители. 30 марта 1491 г. въ Вольмарѣ былъ заключенъ между Ригою и орденомъ миръ, по которому рижскій магистратъ съ непокрытыми головами долженъ былъ просить прощенія у ордена за всѣ причиненныя ему обиды; Рига должна была отказаться отъ союза со шведами; отпустить плѣнныхъ безъ всякаго выкупа; рижскій орденскій замокъ Витенштеенъ отстроить вновь на свой счетъ въ теченіе шести лѣтъ и сдать ордену; отдать ордену Динаминдъ и всѣ прочія свои завоеванія, двѣ церкви (одну въ Ригѣ — Іоанновскую, и одну въ Динамюндѣ) уступить ордену; выдать всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ и впредь таковыхъ не принимать и пр.

Этимъ вольмарскимъ миромъ 1491 года, называемымъ вольмарскимъ приговоромъ (Abspruch, Affspröcke) кончились смуты, тянувшіяся 20 лѣтъ.

Впрочемъ, магистръ Фрейтагъ, въ виду готовившейся войны съ русскими, смягчилъ нѣкоторыя изъ самыхъ тяжелыхъ условій вольмарскаго приговора, но тѣмъ не менѣе самый существенный вопросъ, именно вопросъ о главенствѣ и властительствѣ надъ Ригой остался нерѣшеннымъ: Рига всетаки осталась при двоевластіи и должна была присягать символическому двойному мечу: орденскому и архіепископскому.

Въ это время уже на Ливонію надвигалась гроза, несравненно опаснѣе всякихъ папскихъ отлученій, гроза со стороны московскаго великаго князя Іоанна Васильевича.

Было выше сказано (см. стр. 290); что между ливонцами и русскими въ 1482 г. было заключено перемиріе на 10 лѣтъ. Когда срокъ этому перемирію кончился, то Іоаннъ Васильевичъ въ 1492 году, какъ совершенно вѣрно указываетъ Рюссовъ, приказалъ построить противъ Нарвы каменную крѣпость Ивангородъ. Въ 1493 году магистръ предложилъ перемиріе еще на десять лѣтъ. Перемиріе заключили (см. Соловьева, V, стр. 175), но въ томъ же году начались и непріятности, о которыхъ разсказываетъ Рюссовъ. Именно эти непріятности и повели къ войнѣ. Но война эта произошла уже не при Ларинговенѣ: онъ умеръ 20 мая 1494 года, на его же мѣсто 7 іюля былъ единогласно избранъ, а 9 октября 1494 года утвержденъ великимъ магистромъ, Вольтеръ ф. Плетенбергъ.

41. Вольтеръ фонъ Плетенбергъ, сорокъ первый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1495 — 1535 г.

Въ 1495 г. магистромъ въ Ливоніи былъ объявленъ Вольтеръ ф. Плетенбергъ, который былъ превосходный и разумный мужъ. Онъ превосходно велъ большія войны, первоначально съ рижанами, и принудилъ ихъ снова отстроить замокъ Ригу, который они передъ тѣмъ разрушили. И дабы еще успѣшнѣе удержать ихъ въ повиновеніи, сильно укрѣпилъ замокъ Динамюнде, находившійся невдалекѣ

отъ Риги. Точно также велѣлъ онъ съизнова построить и вывести три прекрасныя высокія башни въ Венденѣ.

Затѣмъ когда Русскій совершенно былъ склоненъ къ войнѣ, и, вопреки всякимъ справедливымъ причинамъ, навязался на нее и показалъ свою враждебность пожарами, грабежами и убійствами не только вокругъ Нарвы, какъ выше сказано, но и въ епископствѣ рижскомъ, въ Дерптѣ и по другимъ мѣстамъ на семьдесятъ миль въ окружности, то озабоченныя ливонскія сословія, послѣ многократныхъ обсужденій, нашли нужнымъ попытать счастья и спасенія въ открытой войнѣ съ безпокойнымъ Русскимъ и соединились союзомъ съ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, который былъ женатъ на дочери Московита Еленѣ, и этотъ союзъ, такъ какъ онъ былъ направленъ противъ отца его жены, былъ подтвержденъ не только припечатанными грамотами, но и личными присягами въ томъ, что они вмѣстѣ хотѣли напасть со всѣмъ войскомъ на Московита, чему чрезвычайно радовались всѣ литовцы и ливонцы.

Когда же великій магистръ былъ готовъ къ войнѣ со своими воинами и друзьями ордена, и къ назначенному времени сталъ на полѣ лагеремъ со всѣми своими силами, въ той надеждѣ, что великій князь Александръ сдѣлаетъ то же самое, оказалось, что ни одинъ литовецъ не ополчился на войну по той причинѣ, что скончался Іоаннъ Альбертъ, король польскій, братъ Александра, великаго князя литовскаго, и Александръ долженъ былъ отправиться въ Польшу для полученія короны, чрезъ что ливонцы подверглись большой непріятности, будучи оставлены союзникомъ и слишкомъ слабы однимъ противиться Московиту. Но не смотря на то Вольтеръ Плетенбергъ, магистръ ливонскій, совмѣстно съ другими сословіями страны, предпринялъ это дѣло съ Божіею помощью въ 1501 году, выступилъ въ походъ въ Россію, въ четвергъ послѣ Вареоломея, съ 4,000 всадниковъ, порядочнымъ количествомъ ландскнехтомъ и крестьянъ и съ нѣсколькими полевыми орудіями и вскорѣ встрѣтился съ 40,000 русскихъ, изъ которыхъ онъ много убилъ и другихъ обратилъ въ бѣгство, и гнался за ними около трехъ миль и отнялъ у нихъ весь ихъ обозъ, а изъ своихъ людей понесъ не особенный уронъ. Послѣ того магистръ опустошилъ большую часть московитской земли грабежемъ и пожарами, разграбилъ замки Островъ, Кросновъ и Изборгъ, а въ Ивангородѣ убилъ много людей и все выжегъ. Наконецъ, магистръ принужденъ былъ снова возвратиться въ Ливонію по причинѣ мора отъ истеченія кровью, появившагося между воинами. Между тѣмъ какъ магистръ хозяйничалъ такимъ образомъ къ Россіи, другое полчище русскихъ въ Ливоніи также не были праздными, и тамъ нанесли не менѣе убытка убійствами и пожарами, чѣмъ то передъ тѣмъ сдѣлалъ магистръ въ Россіи. И послѣ того времени какъ магистръ Вольтеръ Плеттенбергъ ушелъ изъ Россіи со своимъ войскомъ и

большой награбленной добычей и, когда всѣ его воины, по причинѣ истеченія кровью, были разсѣяны и лежали тамъ и сямъ на квартирахъ по бургамъ, а самъ магистръ также страдалъ отъ большаго тѣлеснаго изнуренія, чему каждый весьма печалился; тогда Русскій со всѣми своими силами второй разъ напалъ на Ливонію и самымъ жестокимъ образомъ опустошилъ и разорилъ все епископство дерптское, половину епископства рижскаго, область маріенбургскую, Трикатенъ, Эрмисъ, Тарвестъ, Феллинъ, Ланcъ, Оберпаленъ, Вирландъ и область Нарву. Въ то время Русскій такъ хозяйничалъ въ Ливоніи, что недосчитывались около 40,000 человѣкъ, старыхъ и малыхъ, которые были убиты и уведены въ плѣнъ. Его однако встрѣтила изрядная неудача передъ Гельмеде, гдѣ у него убито болѣе 1,500 русскихъ вмѣстѣ съ главнымъ полководцемъ, княземъ Александромъ Оболенскимъ. Этотъ набѣгъ русскіе совершили чрезвычайно быстро, прежде нежели успѣли сойтись ливонскія сословія со своимъ народомъ. Случилось это въ посту 1502 года.

Въ августѣ 1502 года всѣ ливонскія сословія снова ополчились и выступили въ походъ съ 2,000 всадниковъ и 1,500 нѣмецкихъ служивыхъ людей пѣхоты и нѣсколькими сотнями крестьянъ и нѣсколькими полевыми орудіями. Литовцы же опять не явились, вопреки всѣмъ клятвеннымъ обязательствамъ. Не смотря на то, магистръ Вольтеръ фонъ Плетенбергъ дошелъ во имя Божіе до Пскова, и къ счастію своему захватилъ въ плѣнъ двухъ русскихъ, которые дали ему всѣ свѣдѣнія, какъ велико число полчища у Московита, и какъ великій князь московскій считалъ ненужнымъ давать сраженіе магистру, а намѣревался окружить такую ничтожную кучку нѣмцевъ своимъ многочисленнымъ войскомъ и гнать передъ собою въ Москву какъ скотъ, а затѣмъ занять всю Ливонію. Когда же магистръ узналъ о дерзости Русскаго, то онъ внимательно обдумалъ свои дѣла и съ Іудою Маккавеемъ возложилъ свою надежду на Всевышняго. И когда вечеромъ на Воздвиженіе Креста непріятель наступалъ съ великимъ буйствомъ и крикомъ, магистръ безстрашно предсталъ глазамъ непріятелей, которые очень удивились смѣлости малочисленнаго нѣмецкаго народа. И когда обѣ стороны близко подошли другъ къ другу, то русскіе окружили всѣхъ людей магистра. Такъ какъ магистръ видѣлъ, что ему никуда со своими людьми уйти нельзя, то онъ ободрился и сначала велѣлъ стрѣлять по русскимъ изъ орудій, которыя въ русскихъ хорошо попали; потомъ онъ чрезвычайно храбро и смѣло бросился на непріятеля и силою три раза пробился чрезъ толпу войскъ, убилъ много русскихъ, а остальныхъ съ Божіею помощью обратилъ въ бѣгство. Но такъ какъ онъ со своими людьми былъ совершенно утомленъ, то не могъ далѣе преслѣдовать непріятеля, но стоялъ на мѣстѣ до третьяго дня и поджидалъ непріятеля, не придетъ ли онъ снова. Но онъ не явился

и не хотѣлъ снова принять такой горячей ванны. Въ этой битвѣ легло много тысячъ русскихъ. Магистръ же всадниковъ потерялъ не много, а только 400 служилыхъ людей съ ихъ начальникомъ Матѳеемъ, перновцемъ, поручика и фенриха (прапорщика). Нѣкто же, по имени Лука Гамерстеде, схватилъ барабанъ, и съ нимъ лукавымъ образомъ перебѣжалъ къ непріятелю. Эта побѣда ливонцевъ была по истинѣ чудомъ Господнимъ, что такая маленькая горсть людей, какъ сказано выше, одолѣла болѣе нежели 90,000 человѣкъ и обратила ихъ въ бѣгство.

При этомъ можно видѣть, что за военные люди московиты тамъ, гдѣ противъ нихъ выказывается небольшая настойчивость. Послѣ такой побѣды и одоленія магистра, Московитъ заговорилъ иначе и пожелалъ мира, который магистръ по своему желанію получилъ на многіе годы и пользовался имъ. Причиною же того, что Московитъ такъ легко заключилъ миръ съ ливонцами, было не одно это пораженіе, но и то, что у него въ то время были еще другіе враги, и онъ хотѣлъ посѣтить еще другія земли, именно королевство казанское, княжество смоленское, княжество псковское и еще другія, которыя еще въ то время не находились въ его власти. Въ 1505 г. этотъ Иванъ Васильевичъ скончался, и его сынъ Василій наслѣдовалъ управленіе, который пошелъ войною на княжество и городъ Псковъ и завоевалъ ихъ въ 1509 г.

Въ 1513 году этотъ магистръ Вольтеръ фонъ Плетенбергъ откупился у маркграфа Альбрехта, великаго магистра въ Пруссіи, отъ присяги въ вѣрности и отъ ленной зависимости, такъ что магистрамъ въ Ливоніи съ тѣхъ поръ не было болѣе надобности получать ленныя инвеститутуры отъ великаго магистра въ Пруссіи.

Этотъ магистръ во время своего управленія приказалъ чеканить золотыя монеты, которыя по вѣсу, величинѣ и пробѣ равнялись португальскимъ, и которыя назывались португальцами, и въ странѣ были очень обыкновенны.

Въ 1522 году въ управленіе этого магистра по ливонскимъ городамъ началъ проявляться свѣтъ божественнаго Евангелія.

Этотъ достохвальный магистръ своими дивными подвигами достигъ того, что былъ принятъ въ число князей римской имперіи со всѣми послѣдующими за нимъ магистрами; онъ былъ первымъ, носившимъ княжескій титулъ, и получилъ это право отъ императора Карла пятаго. Въ 1528 году родился Иванъ Васильевичъ, по имени второй, великій князь московскій, который въ наше время воевалъ съ Ливоніей и изгналъ отсюда тевтонскій орденъ вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ, какъ это будетъ разсказано послѣ. Въ 1532 году начата постройка вала и высокаго ронделя въ Ревелѣ. Въ томъ же году отъ огня, разложеннаго самими же монахами, загорѣлись и выгорѣли прекрасный монастырь и монастырская церковь

въ Ревелѣ. Въ то же самое время въ Ревелѣ свирѣпствовала такая сильная моровая язва, о какой никогда не думано и не слыхано. Во время этого магистра архіепископствомъ рижскимъ управляли одинъ за другимъ слѣдующіе архіепископы, именно: Михаилъ Гиллебрантъ, сынъ ревельскаго бюргера, послѣ него Касперъ Линде, а за нимъ Іоаннъ Бланкфельдъ и Ѳома Шениніъ, сынъ рижскаго бургомистра, наконецъ, маркграфъ Вильгельмъ Бранденбургъ, бывшій девятнадцатымъ и послѣднимъ архіепископомъ въ Ригѣ во времена существованія ордена. Этотъ маркграфъ Вильгельмъ, подстрекаемый многими викскими дворянами, которые были недовольны своими прежними властями и епископомъ Рейнгольдомъ Буксгевденомъ, былъ вовлеченъ въ междоусобную войну съ названнымъ Рейнгольдомъ Буксгевденомъ и взялъ отъ названнаго епископа замки Лоде, Леаль, и Габсель вмѣстѣ съ цѣлымъ Викомъ, въ ноябрѣ 1532 года, и впослѣдствіи по настоятельнымъ просьбамъ Вольтера Плетенберга, долженъ былъ ихъ снова возвратить прежнему епископу. Этотъ магистръ управлялъ 41 годъ и умеръ на Оеліі въ 1535 году.

Прим. перев. Вальтеръ фонъ Плетенбергъ, безспорно, принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ способныхъ магистровъ, какихъ только имѣлъ ливонскій орденъ съ самаго своего учрежденія. Плетенбергъ происходилъ изъ стариннаго и знатнаго вестфальскаго рода; въ ранней молодости онъ вступилъ въ тевтонскій орденъ, въ которомъ нѣкоторые его родичи уже прежде снискали себѣ извѣстность. Такъ его соименникъ Вальтеръ фонъ Плетенбергъ былъ митавскимъ командоромъ въ 1426 году. Прибывъ въ Ливонію, онъ обратилъ на себя вниманіе своими воинскими талантами и скоро получилъ высокое званіе орденскаго ландмаршала (командующаго войсками). Въ послѣдніе годы магистерства Лоринговена, человѣка склоннаго болѣе къ монастырской, чѣмъ къ боевой жизни, онъ управлялъ орденскими дѣлами, онъ же кончилъ и войну съ Ригою.

По вступленіи въ должность магистра, Плетенбергъ все свое вниманіе обратилъ какъ на упроченіе внутренняго мира въ Ливоніи, такъ и на упроченіе въ ней власти ордена. Чтобы предотвратить новыя возстанія Риги, онъ укрѣпилъ Динаминдъ, всѣ мѣры принялъ для скорѣйшаго окончанія постройки орденскаго замка въ Ригѣ, укрѣпилъ Венденъ, для сообщенія же самому ордену внутренней силы и единства сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ ливонскій орденъ вступали лишь одни нижне-нѣмцы. Онъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ опасность, грозившую ордену со стороны московскаго великаго князя, и много заботился о пріобрѣтеніи ливонцамъ союзниковъ. Заботы въ союзахъ оказались, однако, тщетными: орденъ въ Пруссіи находился уже самъ при послѣднемъ издыханіи, императоръ, папа, ганзейскіе города, Польша и Литва находились въ такомъ положеніи, что серьезной помощи отъ нихъ и ждать было нельзя. Кенигсбергскій командоръ былъ правъ, когда писалъ вели-

кому магистру: „Старый государь русскій вмѣстѣ со внукомъ своимъ управляетъ одинъ всѣми землями, и сыновей своихъ не допускаетъ до правленія, не даетъ имъ удѣловъ; это для магистра ливонскаго и ордена очень вредно: они не могутъ устоять предъ такою силою, сосредоточенною въ однихъ рукахъ".

Плетенбергъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, и къ его чести слѣдуетъ сказать, что онъ съумѣлъ очень хорошо распорядиться своими не слишкомъ большими силами.

Все, что разсказываетъ Рюссовъ о войнѣ ливонцевъ съ русскими, во время магистерства Плетенберга, подтверждается и русскими источниками. Въ 1492 году, по истеченіи срока десятилѣтнему перемирію, русскіе выстроили крѣпость Ивангородъ. Въ 1493 году перемиріе было продолжено еще на десять лѣтъ, по грамотѣ, дошедшей до насъ, въ которой между прочимъ постановлялось, что „землѣ и водѣ великаго Новгорода съ княземъ мистромъ старый рубежъ; изъ Чудскаго озера стержнемъ Наровы рѣки въ Соленое море; церкви русскія въ мисторовѣ державѣ, въ архіепископской державѣ и въ бискупскихъ державахъ, по всюду держать по старинѣ, а не обижать". Неудовольствія и непріятности, однакоже, начались въ томъ же 1493 году, именно изъ за казни въ Ревелѣ двухъ русскихъ, какъ указываетъ Рюссовъ. Русскій лѣтописецъ (П. С. Р. Л. IV, 275) говоритъ, что ревельцы купцамъ новгородскимъ многія обиды чинили и поруганія, нѣкоторыхъ живыхъ въ котлахъ варили безъ обсылки съ великимъ княземъ и безъ обыску; также было поруганіе и посламъ великокняжескимъ, которые ходили въ Римъ и нѣмецкую землю, да и старымъ купцамъ новгородскимъ много было обидъ и разбоевъ на морѣ. Іоаннъ потребовалъ, чтобы ливонское правительство выдало ему ревельскій магистратъ; магистръ, какъ и слѣдовало ожидать, отказалъ. Подъ предлогомъ неисправленія ревельцевъ и отказа въ выдачѣ магистрата, Іоаннъ уничтожилъ въ 1495 г. ганзейскую контору въ Новгородѣ, арестовавъ 49 человѣкъ нѣмецкихъ купцовъ изъ 13 городовъ и отнявъ у нихъ товары. Но уничтоженіе новгородской ганзейской конторы въ сущности произошло не вслѣдствіе „неисправленія" ревельцевъ, а въ силу союза, заключеннаго въ этомъ году съ королемъ датскимъ, врагомъ ганзы, который, уступая Москвѣ часть Финляндіи и обѣщая помощь въ войнѣ противъ Швеціи, требовалъ, чтобы Іоаннъ за эту уступку дѣйствовалъ противъ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ.

Магистръ просилъ освободить арестованныхъ купцовъ; купцовъ освободили, но товаровъ не отдали. Магистръ сталъ готовиться къ войнѣ, и объявилъ войну задержаніемъ въ Ливоніи псковскихъ купцовъ, когда заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ Александромъ. Псковичи послали гонца въ Москву за помощью, и великій князь прислалъ войско подъ начальствомъ князей Василія Шуйскаго и Данила Пенко. Въ августѣ 1501 года русское войско сошлось съ орденцами въ 10 верстахъ отъ Изборска на Сиренцѣ. Плетенбергъ нанесъ здѣсь русскимъ сильное пораженіе. Псковичи, говоритъ лѣтописецъ, первые схватились съ непріятелемъ, и пер-

вые побѣжали. Нѣмцы напустили вѣтеръ на русскую силу и пыль изъ пушекъ и пищалей; когда послѣ бѣгства псковичей, нѣмцы обратили пушки и пищали на московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна отъ стуку пушечнаго и пищальнаго, что заставило и москвичей обратиться въ бѣгство.

Дѣло было рѣшено, очевидно, превосходствомъ орденской артиллеріи предъ „нарядомъ" московскимъ.

Плетенбергъ осадилъ Изборскъ, но изборяне отбились; за тѣмъ взялъ и сжегъ Островъ и снова возвратился къ Изборску, гдѣ снова разбилъ русскихъ. Удачи эти не послужили, однако, въ пользу ливонцамъ: въ ихъ войскѣ обнаружилась болѣзнь и оно возвратилось въ Ливонію, а въ ноябрѣ 1501 г., великій князь выслалъ на магистра новую рать подъ начальствомъ князя Александра Оболенскаго. Войско русское опустошило все дерптское епископство, часть эстонскаго епископства и часть архіепископства рижскаго. 24 ноября 1501 года русское войско сразилось съ орденскимъ подъ Гельмедомъ. Русскіе — говоритъ Рюссовъ — потерпѣли пораженіе, потерявъ 1,500 человѣкъ и князя Оболенскаго. Но псковскій лѣтописецъ утверждаетъ противное: русскіе побили нѣмцевъ, десять верстъ гнали ихъ, не смотря на то, что въ первой-же схваткѣ былъ убитъ воевода Оболенскій. Изъ нѣмецкой рати — говоритъ лѣтописецъ — не осталось даже вѣстоноши, который бы далъ знать магистру (онъ въ это время былъ боленъ и находился въ Феллинѣ) о пораженіи орденцевъ; москвичи и татары сѣкли враговъ не саблями свѣтлыми, а били какъ свиней шестоперами.

Плетенбергъ, не имѣя союзниковъ, плохо поддерживаемый рыцарствомъ, успѣлъ, однако, снарядить войско и въ августѣ 1502 года подступилъ къ Пскову, чтобы отомстить русскимъ за прошедшій набѣгъ. Московскіе воеводы, князья Данило Щеня и Василій Шуйскій поспѣшили на помощь Пскову, заставили Плетенберга отступить отъ этого города и вступить съ ними въ битву. Битва произошла 13 сентября 1502 года на берегахъ озера Смолина и была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и ожесточенныхъ. Магистръ со своимъ сравнительно небольшимъ войскомъ не только устоялъ противъ преобладающихъ силъ русскихъ, но нанесъ имъ пораженіе и со славою отступилъ въ свои предѣлы.

Слава оказалась, однако же, совершенно безполезною: орденъ не могъ уже бороться съ московскимъ государствомъ, даже и въ союзѣ съ Польшею и Литвою. Великій магистръ писалъ къ папѣ: Русскіе хотятъ или покорить всю Ливонію, или, если не смогутъ этого по причинѣ крѣпостей, то хотятъ въ конецъ опустошить ее, перебивши, или отведши въ плѣнъ сельскихъ жителей; они уже проникли до половины страны, магистръ ливонскій не въ состояніи противиться такимъ силамъ, отъ сосѣдей же плохая помощь; христіанство въ опасности, и потому святой отецъ долженъ провозгласить или крестовый походъ, или юбилей.

Святой отецъ не провозгласилъ ни того, ни другаго; Ливонія же спаслась отъ паденія на этотъ разъ единственно тѣмъ, что

Александръ, князь литовскій, не могъ по договору мириться съ Іоанномъ безъ Ливоніи, а Іоаннъ желалъ помириться съ Литвою. Потому то Іоаннъ въ января 1503 года и далъ опасный листъ нѣмецкимъ посламъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: Іоаннъ Божіею милостію Царь и Государь всея Руси и проч. магистру ливонской земли, архіепископу и епископу юрьевскому и инымъ епископамъ и всей землѣ ливонской. Присылали вы бить челомъ къ брату нашему и зятю, Александру, о томъ, что хотѣли къ намъ слать бить челомъ своихъ пословъ. И мы вамъ на то листъ свой опасный дали".

Нѣмецкіе послы прибыли въ Москву вмѣстѣ съ литовскими. Есть извѣстіе, что бояре московскіе, которымъ было поручено переговорить съ ними послѣ того, какъ кончились переговоры съ Литвою, относились къ посламъ нѣмецкимъ не съ особеннымъ уваженіемъ (см. Соловьева, V, стр. 179): разговаривая съ ними, господаря ихъ и ихъ самихъ позорили и многія неприличныя слова говорили.

Іоаннъ не хотѣлъ даже имѣть и дѣла съ ливонцами, а велѣлъ лишь намѣстникамъ своимъ новгородскому и псковскому взять съ ливонскою землею перемиріе на шесть лѣтъ по старинѣ, какъ было прежде. Послы хотѣли, чтобы перемирныя грамоты были писаны не отъ имени намѣстниковъ, но въ этомъ имъ было рѣшительно отказано. Перемиріе было заключено на 6 лѣтъ по старинѣ: епископъ юрьевскій долженъ платить старинную дань, но плѣнныхъ ливонцевъ русскіе не отпустили. Это перемиріе было возобновлено 25 марта 1508 года преемникомъ Іоанна царемъ Василіемъ Іоанновичемъ на 14 лѣтъ, 1 сентября 1517 года перемиріе продолжили на 10 лѣтъ и, наконецъ, въ 1531 году продолжили на новые 20 лѣтъ. Это уже была послѣдняя отсрочка.

Какъ бы то ни было, но Ливонія продолжительнымъ миромъ съ русскими, наступившимъ съ 1503 г., всецѣло обязана была Плетенбергу: безъ его удачныхъ дѣйствій подъ Изборскомъ и Псковомъ Ливонія прекратила бы свое независимое существованіе еще при Іоаннѣ III.

Плетенбергово время было ознаменовано для Ливоніи очень многими важными событіями, о нѣкоторыхъ не излишне упомянуть здѣсь.

Во время похода на Псковъ, магистръ предъ сраженіемъ при озерѣ Смолинѣ (13 сентября 1502 года) далъ обѣтъ совершить паломническое странствованіе въ Іерусалимъ, если одержитъ побѣду. Побѣду онъ одержалъ, но исполнить обѣта не имѣлъ ни охоты, ни желанія, къ тому же и здоровье его было слишкомъ слабо, чтобы вынести продолжительный путь. Католическіе прелаты въ подобныхъ случаяхъ никогда не затруднялись: они разрѣшили магистра отъ его обѣта съ тѣмъ, чтобы на поклоненіе гробу Господню онъ послалъ кого либо своимъ замѣстителемъ. Быть такимъ замѣстителемъ согласился феллинскій командоръ Рупертъ съ условіемъ, чтобы его паломничество совершалось въ качествѣ посольства и сопровождалось пятнадцатью всадниками. Магистръ согласился, и Рупертъ

въ сопровожденіи орденскаго синдика Діонисія Фабера или Фабри (см. выше стр. 261) отправился въ 1504 году сперва къ императорскому и папскому дворамъ, чтобы получить тамъ рекомендательныя письма къ султану Солиману, а потомъ въ Іерусалимъ (впослѣдствіи Фабри и его провожатые благополучно воротились въ Ливонію).

Не дешево обошлась ордену дорога Руперта, но и не мало денегъ она доставила Ливоніи. Вопервыхъ императоръ Максимиліанъ, послѣ свиданія съ Рупертомъ въ Брюсселѣ, далъ 13 сентября 1505 года ливонскому ордену привиллегію взимать во всѣхъ ливонскихъ гаваняхъ со всѣхъ заграничныхъ кораблей опредѣленную, смотря по величинѣ груза, пошлину на войну противъ русскихъ. Эта привиллегія доставляла ордену порядочный доходъ. Папа съ своей стороны для войны съ русскими же разрѣшилъ продажу индульгенцій (письменнаго разрѣшенія отпущенія грѣховъ, содѣянныхъ и имѣвшихъ содѣяться). Этотъ источникъ дохода доставлялъ, однако, въ орденскую кассу не очень много, потому что треть дохода шла въ папскую кассу, другая треть расходилась по рукамъ продавцевъ, а лишь треть доставалась ордену.

Въ Плетенбергово время кончилъ свое существованіе тевтонскій орденъ въ Пруссіи. Это событіе для Ливоніи имѣло особенную важность въ томъ смыслѣ, что ливонскій магистръ явился вполнѣ самостоятельнымъ княземъ римской имперіи, освободившись отъ всякой зависимости отъ великаго магистра.

Прусскіе братья, какъ было неоднократно уже замѣчаемо, послѣ Грюнвальдской битвы (1410 года) уже никогда не могли оправиться. Пошли раздоры и усобицы; прусскіе города и дворянство явились непріязненными ордену и въ 1440 г., для охраненія своихъ правъ, заключили такъ называемый прусскій союзъ, въ 1454 г. вступившій въ открытую борьбу съ орденомъ. Союзъ, овладѣвъ большею частію орденскихъ замковъ, предложилъ королю польскому Казиміру обладаніе всею Пруссіею (см. выше стр. 281). Король согласился и вслѣдствіе этого началась съ орденомъ война, тянувшаяся до 1466 года.

Въ этомъ году орденъ былъ принужденъ заключить миръ съ королемъ въ Торнѣ, по которому западная Пруссія съ городами Данцигомъ, Торномъ, Эльбингомъ и Маріенбургомъ и епископствами Вармійскимъ и Кульмскимъ сдѣлалась областію Польши, а восточная Пруссія съ городомъ Кенигсбергомъ оставлена ордену въ видѣ лена короны польской. Великій магистръ обращался въ польскаго вассала и обязанъ былъ присягать королю польскому, какъ своему ленному государю. Въ 1511 г. великимъ магистромъ былъ избранъ Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій, отказавшійся отъ присяги. Послѣдствіемъ такого отказа была новая война съ Польшею, кончившаяся тѣмъ, что Альбрехтъ заключилъ въ 1525 году съ королемъ польскимъ въ Краковѣ договоръ, по которому сложилъ съ себя званіе великаго магистра и получилъ съ титуломъ герцога всю Пруссію въ видѣ наслѣдственнаго лена отъ королевства польскаго.

Тевтонскій орденъ въ Пруссіи рушился: всѣ орденскіе братья перешли въ свѣтское состояніе, но нѣкоторая часть ихъ, однако, удалилась въ Германію, гдѣ и присоединилась къ германскимъ братьямъ, избравшимъ себѣ новаго великаго магистра, мѣстопребываніемъ котораго и его послѣдующихъ преемниковъ былъ Мергентгеймъ (орденъ тевтонскій въ Германіи былъ признанъ членомъ франконскаго округа римской имперіи и просуществовалъ до 1806 года, когда римская имперія пала и образовался рейнскій союзъ. Всѣ недвижимыя имущества ордена перешли во владѣніе членовъ рейнскаго союза).

Во время распаденія прусскаго ордена власть великаго магистра надъ ливонскимъ орденомъ была чисто номинальною: ливонскіе магистры дѣйствовали самостоятельно и еще до Плетенберга сравнивались съ имперскими князьями. Предъ началомъ русской войны, Плетенбергъ просилъ помощи у императора, но не получилъ ничего. Быть можетъ, уже въ то время онъ подумывалъ сдѣлаться совершенно независимымъ отъ великаго магистра, тѣмъ болѣе, что на аугсбургскомъ сеймѣ было постановлено на счетъ прусскихъ и ливонскихъ орденскихъ владѣній, что великій магистръ и магистръ ливонскій Плетенбергъ (по примѣру его предшественниковъ Борха и Лорингофена) все чѣмъ владѣютъ со всѣми регаліями должны получать въ ленъ отъ римскаго императора и имперіи.

Они сравнивались съ имперскими князьями, и вотъ причина почему въ русскихъ офиціальныхъ бумагахъ начала XVI столѣтія ливонскій магистръ именовался княземъ-мистромъ.

Плетенбергъ, послѣ заключенія перемирія съ русскими, перестадъ заискивать въ имперіи, и въ 1507 году въ Ливоніи строго запретилъ всякія апеляціи по суднымъ дѣламъ къ имперскимъ князьямъ или имперскому суду. Въ 1512 году вся римская имперія была раздѣлена на 10 округовъ, причемъ Чехія, Пруссія и Ливонія вошли въ составъ одного округа, противъ чего властители этихъ земель, и въ особенности Плетенбергъ, протестовали на сеймѣ въ Трирѣ изъ опасенія, что имперія наложитъ на нихъ большія дани.

Но Плетенбергу, однако, не было расчета вполнѣ отдѣлиться отъ имперіи, напротивъ, было гораздо выгоднѣе, на случай войны съ русскими, быть въ связи съ имперіею.

Въ 1520 г. великій магистръ Альбрехтъ Бранденбургскій, находясь уже на краю гибели, далъ ливонскому ордену особую грамоту, которою разрѣшилъ ливонскихъ братьевъ свободно избирать себѣ магистра; великій же магистръ и главный капитулъ обязывались утверждать и признавать ливонскимъ магистромъ того, на кого падетъ выборъ. Въ то же время непосредственная власть надъ Эстоніею уступлена великимъ магистромъ ливонскому ордену. Грамота эта была подтверждена актомъ, состоявшимся въ Гробинѣ. Когда же Альбрехтъ Бранденбургскій въ 1525 г. сложилъ съ себя званіе великаго магистра и сдѣлался герцогомъ Пруссіи и вассаломъ Польши, то Плетенбергъ сдѣлался совершенно независимымъ обладателемъ орденскихъ земель въ Ливоніи. Императоръ Карлъ V,

по ходатайству Плетенберга, утвердилъ 5 августа 1527 г. за ливонскимъ орденомъ всѣ его права и привиллегіи, въ томъ числѣ и свободный выборъ магистра; вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ возвелъ ливонскаго магистра въ санъ князя римской имперіи. Съ этого именно времени ливонскіе магистры во всѣхъ грамотахъ и бумагахъ стали именоваться князьями.

Но самыя важныя, самыя существенныя перемѣны въ Ливоніи повлекли за собою не отдѣленіе ливонскаго ордена отъ прусскихъ братьевъ, а та церковная реформа, которая была произведена въ Германіи и вообще въ западной Европѣ Лютеромъ и его послѣдователями.

Исторіи реформаціи въ Ливоніи въ послѣдующемъ томѣ будетъ посвящена особая статья, въ которой и будетъ изложено обстоятельно какимъ образомъ лютеранское ученіе проникло въ Ливонію и какія послѣдствія повлекло за собою. Здѣсь достаточно ограничиться пока краткимъ замѣчаніемъ, что протестантство или, какъ выражается Рюссовъ, „свѣтъ Божественнаго Евангелія" дѣйствительно начало проникать въ Ливонію съ 1522 г. и въ сравнительно короткое время сдѣлало чрезвычайно быстрые успѣхи. Вассалы по деревнямъ, граждане по городамъ приняли новое ученіе (о крестьянахъ, или какъ ихъ называла въ Ливоніи не нѣмцахъ, никто и не заботился: ихъ просто перечислили изъ католичества въ лютеранство). Плетенбергъ, хотя и былъ главою католическаго ордена, но покровительствовалъ церковной реформѣ и тѣмъ самымъ, конечно, способствовалъ чрезвычайному успѣху протестантства. Рижане первые приняли новое ученіе, и когда рижскій архіепископъ Іоаннъ Бланкенфельдъ, смѣнившій Михаила, изгналъ изъ Кокенгузена проповѣдниковъ новаго ученія, то рижане поднялись противъ архіепископа, запретили ему въѣздъ въ городъ, захватили архіепископскія имѣнія, и объявили, что отнынѣ они будутъ признавать надъ собою власть лишь одного магистра. Плетенбергъ съ своей стороны подтвердилъ рижанамъ ихъ привиллегіи и совершенно уничтожилъ кирхгольмскій договоръ.

Архіепископскіе вассалы пошли далѣе рижанъ: они схватили самаго архіепископа и, заключивъ его въ тюрьму въ Ронебургѣ, держали его тамъ шесть мѣсяцевъ, и потомъ привезли на ландтагъ въ Вольмаръ. Здѣсь 15 іюня 1526 года архіепископъ и всѣ прочіе епископы торжественно и единогласно подчинили себя покровительству Плетенберга, который подъ именемъ протектора сдѣлался такимъ образомъ настоящимъ владѣтелемъ Ливоніи. Бланкенфельдъ протестовалъ противъ вольмарскаго ландтага, но его протестъ остался безъ послѣдствій.

Преемникъ Бланкенфельда, умершаго 9 ноября 1527 года, архіепископъ Ѳома Шенингъ былъ уступчивѣе и снисходительнѣе къ реформаціи. За это Рига возвратила ему архіепископскія имѣнія, которыя онъ раздѣлилъ со своимъ коадъюторомъ Вильгельмомъ Бранденбургскимъ, братомъ перваго прусскаго герцога Альбрехта. Въ

1530 году архіепископъ заключилъ съ Ригою трактатъ, обезпечивавшій городу важныя права и преимущества.

Одновременно съ Ригою лютеранское ученіе распространилось въ Ревелѣ, Дерптѣ и другихъ городахъ. Вездѣ города, принимая протестантство, заботились сколько о распространеніи своихъ правъ, столько же и объ огражденіи ихъ отъ посягательствъ со стороны своихъ католическихъ властителей — и вездѣ успѣвали въ томъ.

Претекторство орденскаго магистра надъ прочими ливонскими властителями продолжалось лишь до смерти Плетенберга. Онъ уже съ 1533 году чувствовалъ себя столь больнымъ, что назначилъ орденскаго маршала Германа фонъ Бриггена, по прозванію Газенкампа, себѣ коадъюторомъ, который и управлялъ орденскими дѣлами въ послѣдніе годы жизни магистра. Плетенбергъ умеръ 18 февраля 1535 года въ Венденѣ, въ церкви св. Іоанна, во время утренняго богослуженія.

42. Германъ фонъ Брюггеней, иначе называемый Газенкампъ, дѣлается сорокъ вторымъ магистромъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1535 — 49 г.

Казнь дворянина ревельцами, 1535 г.

Въ 1535 г. въ должности ливонскаго магистра слѣдовалъ Германъ фонъ Брюггеней, иначе называемый Газенкампъ, во время котораго магистра знатный дворянинъ, по имени Іоаннъ Уксель фонъ Ризенбергъ, былъ заключенъ въ Ревелѣ въ тюрьму за то, что убилъ до смерти своего собственнаго крестьянина. И когда друзья убитаго крестьянина заперли въ городѣ свиту (провожатыхъ) этаго дворянина, и онъ все-таки осмѣлился явиться въ Ревель, тогда пошли къ нему многіе изъ его добрыхъ друзей и гражданъ города, и предостерегали его и усердно уговаривали быть особенно осторожнымъ, потому что ему предстоитъ большая опасность. Онъ пренебрегъ такимъ предостереженіемъ и совершенно не думалъ, чтобы его преслѣдовали изъ за его крестьянина, а еще менѣе того, чтобы его схватили и приговорили къ смерти. Недолго спустя, приходитъ Ботъ Шредеръ, городской фохтъ, беретъ его подъ арестъ и ведетъ въ тюрьму. И когда онъ увидѣлъ серьезность суда, то охотно желалъ бы видѣть дѣло иначе; и хотя онъ и предлагалъ за себя довольно денегъ и добра, но ему это нисколько не помогло. Наконецъ, его казнили мечемъ между городскими воротами, 7 мая 1535 г., что причинило большое неудовольствіе всему ливонскому дворянству, и казалось дворянамъ большимъ чудомъ, что такой богатый и знатный человѣкъ изъ дворянъ былъ осужденъ на смертную казнь изъ за крестьянина. Этимъ было взволновано все дворянство, преимущественно въ Гаріенѣ и Вирландѣ.

Прим. перев. Германъ фонъ Бриггенъ былъ коадъюторомъ орденскаго магистра съ 1533 года и потому, по смерти Пле-

тенберга, былъ признанъ магистромъ безъ всякаго возраженія съ чей бы то ни было стороны. 23 іюля 1535 года онъ не только подтвердилъ городу Ригѣ всѣ привиллегіи и свободу вѣры, но еще издалъ распоряженіе, по которому никакой бюргеръ безъ основательной причины не могъ быть арестованъ и его имущество не могло быть конфисковано. Рига охотно признала главенство надъ собою Бриггена и присягнула ему; о претекторствѣ надъ Ливоніею, однако, не было рѣчи: со смертію Плетенберга кончилось и протекторство.

Происшествіе, о которомъ разсказываетъ здѣсь Рюссовъ, дѣйствительно взволновало все ливонское дворянство, недопускавшее и мысли, чтобы горожане осмѣлились не только казнить, но и судить дворянина-помѣщика. Ускель по Рюссову — это Іоганъ Икскуль, ризенбергскій помѣщикъ. За что онъ убилъ своего крѣпостнаго крестьянина — неизвѣстно, но весьма вѣроятно, что этотъ крестьянинъ задолго прежде бѣжалъ отъ своего помѣщика, поселился въ Ревелѣ, быть можетъ, обзавелся здѣсь семьею и пріобрѣлъ себѣ здѣсь права горожанина. Иначе невозможно объяснить себѣ, почему ревельское городское управленіе, магистратъ и городской фохтъ, такъ горячо вступились въ дѣло по убійству крестьянина.

Дворянство Гарріена и Вирланда крѣпко досадовало на ревельцевъ, и этою именно досадою и объясняется нижеслѣдующее происшествіе, разсказываемое Рюссовымъ.

43. Турниръ въ Ревелѣ, 1536 г.

Въ 1536 г., на Срѣтеніе Господне, Германъ ф. Брюггеней въѣхалъ въ Ревель, въ каковое время въ Ревелѣ ему и присягали. И когда магистръ находился въ ратушѣ въ гостяхъ, едва не случилось большое несчастіе между дворянами и бюргерами. Потому что одинъ дворянинъ и одинъ купеческій прикащикъ хотѣли въ честь магистра дать на рынкѣ турниръ. И когда купеческій прикащикъ сбилъ (выбилъ изъ сѣдла?) дворянина, то нѣкоторымъ изъ дворянъ это было очень непріятно, что купецъ одержалъ побѣду на аренѣ передъ княземъ-магистромъ и другими сословіями: въ средѣ дворянъ послышались недовольныя рѣчи, чрезъ что поднялся такой шумъ между дворянами и бюргерами съ ихъ сторонниками, что всѣ лѣзли вонъ изъ кожи, и ничего не было слышно кромѣ одних угрожающихъ криковъ. Магистръ съ ратуши усмирялъ крики рукою и словомъ, бросилъ въ шумящій народъ свою шляпу съ головы и хлѣбъ со стола, дабы усмирить толпу; но ничего не помогло. Гильдіи и пивные дома были на скоро заперты, чтобы тѣ, которые въ нихъ находились, не могли выйти и усилить тревогу. Наконецъ, это смятеніе усмирилъ Ѳома Фегезакъ, бургомистръ, который былъ человѣкъ значительный.

Прим. перев. Надобно полагать, что купеческій прикащикъ былъ изъ рода городскихъ патриціевъ, т. е. изъ потомковъ

какого либо дворянскаго рода (въ XIII столѣтіи не мало дворянскихъ родовъ поселилось въ Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ, пользовавшихся правами вассаловъ), иначе онъ не могъ бы учавствовать въ турнирѣ. Бургомистръ Фегезакъ успокоилъ волненіе, по свидѣтельству Арндта, обѣщаніемъ основательнаго разслѣдованія дѣла. Магистръ высказался не только не въ благопріятномъ для дворянства смыслѣ, но еще велѣлъ арестовать самыхъ безпокойныхъ дворянъ (Андрея фонъ Декена съ сыновьями). Не смотря на всѣ протесты дворянъ, арестованныхъ держали въ заключеніи до 9 декабря 1538 года, когда коммисія, составленная по этому дѣлу, подъ председательствомъ орденскаго ландмаршала Генриха ф. Галена (впослѣдствіи магистра), рѣшила освободить арестованныхъ, что и было утверждено магистромъ Конечно, ревельское происшествіе возбудило эстляндское дворянство сколько противъ магистра, столько же и противъ ревельскихъ горожанъ, а это возбужденіе и подало поводъ къ процессу, обстоятельно разсказанному Рюссовымъ въ слѣдующей за симъ главѣ и отчетливо обрисовывающему отношенія земства къ городу въ древней Ливоніи.

44. Распря между ревельцами и дворянствомъ.

И хотя и передъ тѣмъ всегда существовали большое несогласіе, ненависть и зависть между дворянствомъ и бюргерами въ Ливоніи, въ особенности же между ревельскими бюргерами и гарріенскими и вирскими дворянами, однако это несогласіе возрасло еще болѣе отъ вышеприведенныхъ причинъ. Поэтому-то великій магистръ Германъ фонъ Брюггеней, дабы предупредить всякое бѣдствіе, принужденъ былъ назначить нѣсколькихъ коммисаровъ, которые должны были уничтожить и примирить всѣ спорныя дѣла между двумя сторонами. Этими комисарами были: Іоаннъ фонъ Менкгузенъ, епископъ эзельскій и курляндскій, Іоаннъ фонъ деръ Рекъ, командоръ феллинскій, и Рембертъ ф. Шаренбергъ, командоръ ревельскій. И когда они прибыли въ Ревель въ 1543 году на св. Витта, тогда присутствовало въ Ревелѣ и все дворянство земель Гарріена и Вирланда. Тогда обѣ стороны, то есть все дворянство изъ названныхъ мѣстъ и весь совѣтъ (магистратъ) со всѣми старшинами и всѣмъ бюргерствомъ города Ревеля, были приглашены на соборъ въ зданіе гильдій, гдѣ ревельцевъ обвиняли самымъ сильнымъ образомъ по многимъ пунктамъ, между которыми пунктами слѣдующіе четыре были главными, именно:

Во первыхъ, ревельцы не хотѣли дать свободы дворянству въ гавани, дабы оно могло торговать съ иноземцами и по своему усмотрѣнію продавать или вымѣнивать свой зерновой хлѣбъ, между тѣмъ какъ ревельцы имѣли свободу торговать и вести дѣла внутри страны съ дворянствомъ и всѣми крестьянами безъ всякаго препятствія. Такъ какъ ревельцы пользовались свободой у дворян-

ства, то и они не должны были стѣснять или запрещать дворянству въ ихъ гавани свободно вести торгъ съ иноземцами.

Во вторыхъ, ревельцы, къ великому позору и безчестію всего дворянства, приказали схватить и судить знатнаго мужа изъ дворянъ изъ за бѣглаго крестьянина, чего они, дворяне, долѣе ни въ какомъ случаѣ не намѣрены терпѣть или дозволять. И если бы снова представился подобный случай, то приличный судья для дворянъ — командоръ ревельскій, а не городской фохтъ. Поэтому ревельцы должны удерживаться отъ подобной несправедливости и не дозволять болѣе никакому крестьянину задерживать въ городѣ людей изъ помѣщичьей свиты (дворовыхъ).

Въ третьихъ, ревельцы причинили дворянству большое насиліе и несправедливость при въѣздѣ великаго магистра, такъ какъ ревельцы не только въ этотъ разъ, но и въ другое время часто нападали на улицѣ на многихъ дворянъ, а также на ихъ слугъ, и въ послѣднемъ смятеніи и нападеніи дали дворянамъ много поводовъ къ жалобамъ, и кромѣ того беззаконнымъ образомъ приписывали дворянству многія несправедливости.

Въ четвертыхъ, ревельцы также принимали у себя и брали подъ свое покровительство дворянскихъ крѣпостныхъ наслѣдственныхъ (Erbbauern) крестьянъ, когда послѣдніе убѣгали отъ своихъ помѣщиковъ, чрезъ что дворянскія деревни и земли должны были оставаться въ запустѣніи и незаселенными. И если дворяне посылали кого нибудь въ городъ, чтобы отыскать и привести обратно бѣглыхъ крестьянъ, то надъ посланными городскіе носильщики (трегеры) и слуги (гаусъ-кнехты) насмѣхались, поносили и били ихъ, чего дворяне ни въ какомъ случаѣ долѣе терпѣть не намѣрены, а желаютъ, дабы ихъ крестьяне были имъ выдаваемы всегда, во всякое время, безъ малѣйшаго прекословія. Въ случаѣ же если бюргеру понадобится молодой парень для домашней прислуги, то онъ долженъ имѣть на это согласіе помѣщика.

На эти пункты и параграфы магистратъ и община отвѣчали такимъ образомъ: вопервыхъ, что касается гавани, то они не могутъ скрыть, что магистратъ и община города Ревеля въ эти времена не создавали ничего новаго, а придерживались лишь того, что вошло въ обыкновеніе съ давнихъ поръ. И гавань города Ревеля открыта для всякаго, кто изъ сосѣдей въ нее пріѣдетъ съ цѣлью купить, что каждому потребно для необходимаго обихода, если только это несопряжено съ обманомъ для бюргеровъ, что не можетъ быть терпимо городомъ. Потому что ежегодно читается публичное объявленіе для бюргеровъ, что гость съ гостемъ не долженъ заключать торговыхъ дѣлъ. И если бы въ городѣ Ревелѣ перестала существовать разница въ торговлѣ, то законы города, которые были ревельцами употребляемы столь многіе годы свободно и мирно, стали бы ненужными, и

они, ревельцы, тѣ древніе законы и достохвальные обычаи намѣрены еще хранить. Равно содержаніе гавани стоитъ городу значительно большихъ денегъ, нести кои расходы жители города должны одни, почему нѣтъ въ томъ несправедливости, если бюргеры въ сравненіи съ чужими пользуются нѣкоторыми выгодами. Поэтому ревельцы надѣются на Бога и всѣхъ справедливыхъ людей, что ни одинъ чужой человѣкъ не будетъ пользоваться ихъ городомъ и ихъ гаванью на равнѣ съ бюргерами. Наконецъ, этотъ пунктъ порѣшили на томъ, что дворяне будутъ ссыпать свой хлѣбъ въ городѣ, и при случаѣ и времени могутъ его продавать съ выгодою.

Во вторыхъ, что касается дворянина, котораго они приказали казнить, то ихъ отвѣтъ таковъ: У нихъ въ городѣ Ревелѣ ведется честное, божественное любекское право, утвержденное римскими императорами, которымъ они пожалованы отъ прежнихъ властей, и которое сохранили даже до сего дня. Этимъ правомъ они всегда предлагали пользоваться всякому, кто того желалъ, будь онъ высокаго или низкаго званія, богатымъ и бѣднымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, бюргерамъ и крестьянамъ. И если кто нибудь пойманъ въ ихъ городѣ и обвиненъ въ проступкахъ, достойныхъ наказанія, то они берутъ на себя судить по этому дѣлу всякаго, будь преступленіе совершено въ какой бы то ни было странѣ. Такъ ведется въ городѣ Любекѣ и во всѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ любекское право; значитъ они должны его держаться, въ чемъ не хотятъ попускать умаленія. Наконецъ, комисары согласились на томъ, что если впослѣдствіи встрѣтится случай, что дворянинъ убьетъ крестьянина, и друзья крестьянина захотятъ задержать въ городѣ свиту дворянина, то объ этомъ слѣдуетъ сначала дать знать ревельскому командору.

Касательно третьяго пункта, что, въ послѣдній почетный пріемъ князя-магистра, дворянамъ и ихъ родственникамъ во время смятенія нанесено большое насиліе и оказана несправедливость, и что ревельцы дали къ тому много поводовъ: то это можно опровергнуть на точныхъ основаніяхъ. Потому что дворяне и ихъ родственники не только въ послѣднемъ смятеніи, но и прежде часто подвергали ревельцевъ большимъ насмѣшкамъ. И они слышали уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что многіе изъ дворянскихъ родственниковъ въ городскомъ гильдейскомъ зданіи между прочими своими пѣснями, которыя они беззаконно пѣли, выказывая презрѣніе къ городу, публично произносили и эти слова: «Они хотятъ бить бюргеровъ по головамъ, такъ что кровь будетъ стоять на улицѣ», и еще другія насмѣшливыя рѣчи. Также дворянинъ и членъ совѣта въ Гарріенѣ публично говорилъ ратману города: «Два раза ревельцамъ примѣряли и надѣвали красную шапку (били по главамъ до крови); этому онъ всегда противился и старался отстранить, но теперь видитъ, что иначе быть не можетъ: коршунъ долженъ

налетѣть на цыплятъ». Изъ такихъ и подобныхъ словъ достаточно видно, кто первый былъ склоненъ къ несогласію и далъ къ нему поводъ.

На четвертый пунктъ, касающійся выдачи крестьянъ, ихъ отвѣтъ таковъ: они, ревельцы, нашли старинный обычай, до нихъ существовавшій, что если чужіе люди приходили въ ихъ городъ, которыхъ они не желали имѣть и не приглашали, то пришельцы могли по своей волѣ свободно уйти такимъ же образомъ, какъ пришли Но выдавать крестьянъ, взятыхъ подъ стражу и связанныхъ, какъ отъ нихъ того требуютъ, подобнаго еще никто не запомнитъ, и въ такомъ видѣ не будетъ существовать и впредь, и они къ этому также и не обязаны. Потому что они пожалованы особенными привиллегіями отъ датскихъ королей, которые въ то время царствовали въ Эстляндіи; эти привиллегіи состоятъ въ томъ, что они въ своемъ городѣ должны и могутъ держаться тѣхъ самыхъ правъ во всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, какія (права) существуютъ въ имперскомъ городѣ Любекѣ. Но въ городѣ Любекѣ не хватаютъ и не выдаютъ связанными чужихъ людей или крестьянъ; поэтому они не признаютъ себя обязанными дѣлать что либо подобное, которую привиллегію и древній обычай ихъ владѣтельныя особы также подтвердили. Поэтому имъ неприлично позволить какого бы то ни было человѣка изъ ихъ города тащить или вести вонъ схваченнаго или связаннаго, чего не дозволяютъ ихъ городскія права, и что для нихъ было бы невыносимо. И такъ какъ дворянство желаетъ, что если бюргеръ хочетъ держать у себя крестьянина, то долженъ для этого испросить согласіе на то его господина, то ихъ отвѣтъ на это таковъ: на чемъ всякій хорошій человѣкъ изъ дворянъ согласится съ бюргеромъ или крестьяниномъ по дружбѣ или по праву, то они охотно съ тѣмъ согласны.

Но когда дворяне не хотѣли удовольствоваться этимъ рѣшеніемъ и этимъ отвѣтомъ, то бургомистръ Ѳома Фегезакъ держалъ такую рѣчь: Если ужъ вопреки ихъ, ревельцевъ, надеждамъ и увѣренности ихъ права и привиллегіи въ этомъ городѣ вмѣняются ни во что, то ревельцы по крайней мѣрѣ оставятъ за собою то право, что дворяне должны взять на себя обязанность: каждый дворянинъ долженъ взять въ свой дворъ и перевести въ свои деревни всѣхъ своихъ больныхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, которые находятся у ревельцевъ въ ихъ госпиталяхъ, оспенныхъ лазаретахъ и богадѣльняхъ, а также и тѣхъ, которые лежатъ тамъ и сямъ на улицахъ, кромѣ того еще дворяне должны согласиться на то, что съ этихъ поръ ревельцы не станутъ болѣе принимать въ свой городъ крестьянъ, женщинъ, слугъ и служанокъ, которые у своихъ помѣщиковъ состарѣлись, заболѣли или обѣднѣли, а будутъ ихъ отправлять къ помѣщику; тогда они здоровыхъ крестьянъ также станутъ выдавать, которое условіе было чрезвычайно тяжело. Наконецъ,

коммисары нашли лучшимъ, чтобы таковыхъ крестьянъ (крестьянъ-хозяевъ, поселившихся на дворянскихъ земляхъ и жившихъ тамъ извѣстное время, а затѣмъ покинувшихъ землю, оставивъ ее необработанною), не принимать въ городѣ, но отсылать къ ихъ помѣщикамъ.

И хотя этотъ раздоръ между упомянутыми партіями былъ на этотъ разъ разобранъ и улаженъ коммисарами, но всетаки скрытая ненависть и своекорыстіе всегда оставались между ними. Такъ какъ было въ странѣ старое обыкновеніе, чтобы въ ливонскихъ городахъ происходили ярмарки, и во время ихъ все дворянство собиралось вмѣстѣ, и потому не назначались цѣны никакимъ вещамъ, годнымъ для употребленія дворянамъ, до ихъ прибытія, и каждый купецъ могъ такъ дорого запрашивать за свой товаръ и продавать его, какъ только могъ. Затѣмъ же, когда дворяне разъѣзжались, тогда только назначались цѣны на разные товары, и они продавались дешевле прежняго; это также не мало сердило дворянъ. Поэтому они запретили своимъ крестьянамъ привозить хлѣбъ бюргерамъ, но доставлять его только своимъ помѣщикамъ, а бюргеры затѣмъ должны были очень дорого покупать хлѣбъ отъ дворянъ.

Прим. перев. Раздоръ между городомъ (Stadt) и земствомъ (Land) составлялъ обычное явленіе въ древней Ливоніи. Рига постоянно враждовала со своими властителями: архіепископомъ и орденомъ. Существенную причину раздора составляли матеріальные интересы: городъ и земство желали обезпечить за собою, по возможности, лучшее и выгодное кормленіе. Ссорясь изъ за выгодъ кормленія, города и земства не поддерживали другъ друга, чѣмъ и обусловливалась слабость Ливоніи.

45. *Ссоры купцовъ съ ремесленниками.*

Подобныя же несогласія и раздоры въ то же время происходили между купцами и ремесленниками въ ливонскихъ городахъ: такъ какъ купцы не хотѣли ни въ какомъ случаѣ допускать, чтобы ремесленникъ покупалъ что нибудь въ гавани или у воротъ или велъ торгъ съ чужеземцемъ. Не малая ненависть была также изъ за одѣянія ихъ женъ и дочерей, изъ за того, что жена ремесленника не смѣла быть одинаково одѣта съ женою купца. Въ Дерптѣ дочь одного скорняка нарядилась однажды точно также какъ дочь купца и пошла въ церковь, тогда магистратъ города Дерпта велѣлъ нѣсколькимъ городскимъ служителямъ (кнехтамъ) подстеречь ее. Когда эта честная бѣдная дѣвушка вышла изъ церкви и неожидала ничего дурнаго, городскіе слуги выскочили и передъ всѣмъ народомъ сорвали съ нея ея нарядъ и опозорили ее. Ремесленникамъ также не хотѣли давать бюргерскаго титула или званія. Для устраненія подобныхъ раздоровъ, магистръ назначилъ нѣсколькихъ коммисаровъ,

а именно Беренда ф. Шмертена, фохта виттенштейнскаго, и Франца фонъ Апстеля, командора ревельскаго, которые должны были рѣшать въ Ревелѣ всѣ спорныя дѣла. И хотя раздоры были отчасти прекращены, однако старая непріязнь дворянъ къ бюргерамъ, купцовъ къ ремесленникамъ всегда оставалась и увеличивалась со дня на день, пока надо всѣми ими не пролетѣлъ великій коршунъ

Прим. перев. Ссоры купцовъ, составлявшихъ свой собственный, и ремесленниковъ, составлявшихъ свои отдѣльные союзы, извѣстные подъ именемъ гильдій, были обычнымъ явленіемъ въ ливонскихъ городахъ. Ссоры эти также происходили единственно изъ за того, что каждая корпорація имѣла въ виду свои личные интересы.

46. Пожаръ въ Ригѣ, 1547 г.

Въ 1547 году, послѣ Вознесенія Христова, днемъ начался въ Ригѣ за городомъ большой пожаръ, перешедшій также и въ городъ, и причинившій большой убытокъ. Въ самомъ городѣ сгорѣло много домовъ, принадлежавшихъ соборному монастырю вмѣстѣ съ церквами, а за городомъ — много амбаровъ съ купеческимъ имуществомъ и товарами.

Прим. перев. Пожаръ этотъ случился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ торжественнаго въѣзда въ Ригу архіепископа Вильгельма, происходившаго 17 января 1547 г. По смерти архіепископа Шенинга (10 августа 1539 г.), его коадъюторъ Вильгельмъ вступилъ въ полное управленіе архіепископствомъ. Онъ совершенно равнодушно смотрѣлъ на распространеніе реформаціи и требовалъ единственно, чтобъ отступившія къ лютеранству имѣнія не выходили изъ подъ его свѣтской зависимости. Рига никакъ не соглашалась присягать новому архіепископу и никакъ не желала возвращать ему имѣнія, находившіяся въ городской чертѣ. Вслѣдствіе этого распри и раздоры тянулись цѣлые годы. Архіепископъ Вильгельмъ, по своимъ связямъ и родству (онъ былъ братъ перваго прусскаго герцога Альбрехта), являлся человѣкомъ довольно сильнымъ, что крайне не нравилось ни вассаламъ, ни горожанамъ. Съ распространеніемъ реформаціи, они начали стремиться къ тому, чтобы и духовные сановники ихъ и сами архіепископы были людьми, по возможности, незначительными, и добились того, что 29 іюля 1546 г. на ландтагѣ въ Вольмарѣ было постановлено, чтобы архіепископы, епископы и магистры отнюдь не назначали себѣ коадъюторовъ изъ германскихъ владѣтелей, и если бы кто впослѣдствіи поступилъ вопреки этому постановленію, то капитулы, рыцари, города и всѣ подчиненные обязаны не оказывать тому повиновенія и подавать помощь противъ него. Находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Вильгельмъ подписалъ это постановленіе, а потомъ 6 ноября 1546 г. въ Нейермюленѣ согласился и на то, что рижане въ своихъ духовныхъ дѣлахъ станутъ подчиняться не архіепископу, а будущему собору.

Послѣ только этого соглашенія, архіепископъ Вильгельмъ торжественно вступилъ въ Ригу 27 января 1547 г. съ огромною свитою и въ сопровожденіи магистра Бриггена, его коаютора Реке и орденскаго маршала Генриха ф. Галена. Пожаръ, происходившій лѣтомъ этого года въ Ригѣ, истребившій архіепископскій дворъ и всѣ зданія, въ которыхъ жили каноники, много уменьшилъ богатства архіепископа и его капитула.

Здѣсь не излишне замѣтить, что въ день торжественнаго въѣзда орденъ подтвердилъ всѣ права и свободы Риги, а 3 февраля подтвердилъ ихъ и архіепископъ, причемъ и орденъ, и архіепископъ обезпечили въ Ригѣ свободу евангелическаго ученія. Такое подтвержденіе пришлось очень кстати, потому что Шмалькальденскій союзъ, къ коему принадлежала Рига съ 1531 г., вслѣдствіе несчастнаго сраженія при Мюльбергѣ, распался, и дѣла протестантовъ значительно ухудшились противъ прежняго.

Императоръ Карлъ V, видя совершенную невозможность возстановить въ Германіи единство церкви посредствомъ собора, 15 мая 1548 года издалъ такъ называемый аугсбургскій интеримъ, предоставлявшій протестантамъ весьма ограниченныя права. Ливонскій орденъ и ливонскіе епископы приняли этотъ интеримъ; Рига и другіе ливонскіе города отказались принять его. Вслѣдствіе этого возникли новыя препирательства и распри.

47. Канатные плясуны въ Ревелѣ, 1547 г.

Въ 1547 году въ Ливонію прибыло изъ Италіи нѣсколько искателей приключеній, которые были замѣчательными эквилибристами и фокусниками. Когда они предложили городу Ревелю свои услуги, то магистратъ велѣлъ протянуть необыкновенно длинный канатъ, отъ высокой верхушки колокольни св. Олофа (Олая) до канатнаго двора. И когда этотъ канатъ крѣпко на крѣпко натянули и прикрѣпили, то заперли всѣ ворота города, исключая однихъ большихъ береговыхъ воротъ, въ которые вышла вся городская община, старый и молодой, чтобъ смотрѣть на представленія эквилибристовъ. Когда-же народъ весь собрался за ворота, то одинъ изъ фокусниковъ на томъ же канатѣ высоко отъ земли выдѣлывалъ въ воздухѣ такія штуки, что удивительно и, по причинѣ большой вышины, страшно было смотрѣть на него. А послѣ того, какъ онъ достаточно долго показывалъ свои чудеса, другой по тому же канату быстро перелѣтѣлъ черезъ рвы, пруды и городскіе валы къ канатному двору. То же самое они показывали и въ другихъ ливонскихъ городахъ.

Прим. перев. Магистръ Бриггенъ умеръ 4 февраля 1549 года отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ это время въ Ливоніи. Еще при своей жизни, въ 1541 году, Бриггенъ назначилъ себѣ коадъюторомъ орденскаго маршала Іоанна фонъ-деръ-Реке, который, по смерти магистра, и вступилъ въ управленіе орденскими

дѣлами, признанный магистромъ всѣми сановниками безъ всякихъ споровъ.

48. Іоаннъ фонъ-деръ-Реке, сорокъ третій магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1549 — 51 г.

Въ 1549 г. Іоаннъ ф. Реке сталъ магистромъ ливонскимъ; въ правленіе этого магистра заразительная чума, начавшаяся еще при прежнемъ магистрѣ, свирѣпствовала по всей Ливоніи въ продолженіи пяти лѣтъ.

Прим. перев. Іоаннъ фонъ деръ Реке умеръ лѣтомъ 1551 года, и въ должность магистра вступилъ орденскій маршалъ Генрихъ фонъ Галенъ.

Въ кратковременное управленіе Реке вопросъ объ аугсбургскомъ интеримѣ сильно занималъ и Ригу и ея властителей. Было сказано выше, что ливонскіе города не приняли интерима. Архіепископъ жаловался на то, что Рига не отдаетъ имѣній соборному капитулу и не желаетъ подчиняться его духовной власти. Императоръ назначилъ коммисію для разбора претензій и, считая архіепископа плохимъ католикомъ, позволилъ городу владѣть домами и недвижимостями архіепископа и его капитула, находящимися въ городѣ, впредь до собора. Коммисія въ началѣ 1551 года собралась въ Вольмарѣ, она состояла изъ магистра Реке, епископа курляндскаго Мюнхгаузена, епископа дерптскаго Реке и орденскаго маршала Галена. Архіепископъ требовалъ, чтобы Рига заплатила ему 100 т. гульденовъ вознагражденія за убытки (потомъ онъ понизилъ эту сумму до 80,000 тысячъ, а потомъ — до 70,000), а комисары требовали, чтобы соборный капитулъ былъ торжественно введенъ въ рижскій соборъ, при колокольномъ звонѣ и пѣніи „Тебѣ Бога хвалимъ". Городъ давалъ только 20,000 марокъ, но и слышать не хотѣлъ о торжественномъ входѣ капитула. Заспорили, но Реке уже не дожилъ до конца спора.

При Реке же происходило дѣло Шлита, заслуживающее, чтобы вспомнить о немъ.

Ливонія находилась въ мирѣ съ Москвою, такъ какъ перемиріе (см. выше стр. 304) постоянно возобновлялось. Военныя дѣйствія, по псково-новгородской границѣ, продолжавшіяся почти непрерывно съ самаго епископа Альберта, стихли съ 1509 г., но ливонскіе властители очень хорошо видѣли, что имъ рѣшительно не подъ силу бороться съ московскимъ государствомъ, въ особенности, когда послѣ присоединенія къ Москвѣ Новгорода и Пскова ясно обнаружилось, что московское государство будетъ продолжать и оканчивать начатыя псковичами и новгородцами дѣла и возстановлять потерянное достояніе русскаго міра.

Знали силы московскаго государства, но видѣли также, что Восточная Россія немедленно же перестанетъ быть предметомъ

эксплуатаціи, какъ только познакомится съ плодами западнаго образованія. Ганза, выгодно торговавшая съ нашими сѣверными общинами, никакъ не допускала новгородцевъ до равенства съ собою въ цивилизаціи, и всячески препятствовала русскимъ знакомиться съ европейскою техникою. Было чрезвычайно выгодно держать Русь въ черномъ тѣлѣ, но Руси это было невыгодно, и потому то Іоаннъ III такъ легко согласился на первое предложеніе датчанъ уничтожить ганзейскую контору въ Новгородѣ (см. выше стр. 302).

Ливонцы также очень желали бы, чтобы ихъ русскіе сосѣди не знакомились съ европейскою техникою, понимая, что это знакомство будетъ пагубно Ливоніи, и еще въ 1539 г. епископъ дерптскій сослалъ невѣдомо куда пушечнаго мастера за то, что тотъ хотѣлъ ѣхать въ Москву служить царю. Дѣло Іоанна Шлита, происходившее въ 1549 году, совершенно ясно указало на сколько ливонцы боялись московскаго царя. Объ этомъ дѣлѣ Геннингъ и Гревенталь разсказываютъ такъ:

Іоаннъ Шлитъ, саксонецъ родомъ, находясь въ службѣ у великаго князя московскаго, взялся доставить въ Москву всякаго рода ремесленниковъ и въ особенности людей, знающихъ военное искуство. Императоръ Карлъ V видѣлся со Шлитомъ въ Аугсбургѣ 31 января 1548 года, и далъ ему письменное дозволеніе набирать на службу въ Москву всякаго рода мастеровъ и художниковъ. Пользуясь такимъ дозволеніемъ, Шлитъ набралъ въ Германіи болѣе 100 человѣкъ (по ливонскимъ лѣтописцамъ — 300, по Карамзину — 123, что вѣрнѣе) постройщиковъ церквей, крѣпостей, оружейныхъ мастеровъ, литейщиковъ, живописцевъ и разнаго рода мастеровъ (въ числѣ нанятыхъ мастеровъ находились и 4 богослова, для наученія латинству московскаго царя и его бояръ). Съ этими людьми Шлитъ прибылъ въ Любекъ, но тутъ былъ задержанъ и посаженъ въ тюрьму подъ предлогомъ стараго долга, въ сущности же по просьбѣ ливонскихъ городовъ, приславшихъ императору представленіе о томъ, какъ опасно пускать въ Московію ученыхъ людей. Императоръ, однако, не одобрилъ поступка любчанъ и разрѣшилъ Шлиту ѣхать дальше. Шлитъ прибылъ въ Ливонію, но былъ опять задержанъ. Орденъ послалъ императору просьбу объ упраздненіи права, дарованнаго Шлиту набирать въ Москву ученыхъ людей, во вниманіе опасности, которая грозитъ христіанству (т. е. латинству) именно изъ Москвы. На этотъ разъ императоръ принялъ просьбу ордена и написалъ магистру: „Симъ повелѣваемъ твоему благочестію, не взирая ни на какіе наши паспорты, не пропускать никого, ѣдущаго изъ нашей священной имперіи въ Москву и другія земли и націи, и задерживать всякаго, кто станетъ туда проникать съ нашими паспортами, а равнымъ образомъ и Ганса Шлита со всѣми его бумагами, которыя онъ взялъ отъ насъ, о чемъ извѣстить насъ, или вслучаѣ нашего отсутствія, нашего любезнаго брата, и дожидаться нашего о томъ рѣшенія“.

Одинъ пушечный мастеръ Гансъ, котораго везъ Шлитъ, хотѣлъ и послѣ этого письма императора все-таки пробраться въ

Москву, но въ 1551 г. былъ задержанъ въ Шванебергѣ и посаженъ въ тюрьму. Ему удалось бѣжать изъ тюрьмы, о побѣгѣ его дали знать въ пограничный городокъ Маріенбургъ; здѣсь его схватили, отослали назадъ въ Шванебергъ, и тутъ отрубили голову.

Обстоятельства эти сдѣлались извѣстными московскому правительству, и оно дѣло Шлита вспомнило ливонцамъ, т. е. ордену и епископамъ, когда пришло время къ развязкѣ съ Ливоніею. Это время уже наступало съ половины XVI столѣтія, и Рюссовъ, приступая къ описанію событій этаго времени, дѣлаетъ слѣдующую характеристику ливонскаго общества, въ средѣ котораго ему пришлось жить и быть очевидцемъ катастрофы, постигшей Ливонію.

49. Доброе старое время въ Ливоніи.

После того какъ я, противъ моего желанія и мыслей, попалъ на эти ливонскія исторіи, то я долженъ что-нибудь написать также и о старомъ ливонскомъ управленіи, обычаяхъ, правахъ и образѣ жизни, бывшихъ въ наибольшемъ употребленіи при послѣднихъ магистрахъ, для того, чтобы молодые люди, родившіеся при перемѣнѣ стараго ливонскаго управленія, а также и ихъ потомки могли видѣть, почему всемогущій Господь ниспослалъ на Ливонію такую большую перемѣну и такое тяжелое наказаніе.

Управленіе и быть орденскихъ магистровъ, епископовъ, каноииковъ и дворянства, какъ я видѣлъ и испыталъ отъ временъ Газенкампа до правленія послѣдняго магистра, были слѣдующаго рода:

После того какъ Ливонія была пріобрѣтена прежними старыми магистрами, епископами и нѣмцами, покорена и съ самаго начала занята многими нѣмцами, а затѣмъ въ ней было построено много городовъ, мѣстечекъ, замковъ и крѣпостей, для большей безопасности отъ враговъ, а также после того какъ Вольтеръ ф. Плетенбергъ одержалъ побѣду надъ московитами и заключилъ продолжительный миръ, такъ что ливонцамъ на много лѣтъ нечего было бояться войны, тогда, чѣмъ дальше, тѣмъ больше изо дня въ день какъ между правителями, такъ и подданными, стали распространяться большая самоувѣренность, праздность, тщеславіе, пышность и хвастовство, сластолюбіе, безмѣрное распутство и безстыдство, такъ что нельзя вдоволь разсказать или описать всего. Нѣкоторые орденскіе магистры, ради добрыхъ праздныхъ дней (изъ праздности), впали въ такой развратъ, что стыдно о томъ и вспомнить. О ихъ наложницахъ нечего и говорить, такъ какъ это не считалось у нихъ стыдомъ: подержавши у себя наложницу нѣкоторое время, они выдавали ее замужъ, а себѣ брали другую новую.

Точно также бывало и у епископовъ и каноииковъ. Если наложница какого-нибудь епископа старѣла или больше не нравилась ему, то онъ выдавалъ ее замужъ за какого-нибудь безземель-

наго (бѣдняка), подаривъ ему въ приданое мельницу или участокъ земли, и нѣсколько разъ бралъ себѣ новую дѣвку (friche Dirne) и опять выдавалъ ее замужъ. Точно также поступали каноники и аббаты. И когда одинъ ревельскій каноникъ, Іоаннъ Бланкенбергъ, привезъ свою законную жену изъ Германіи въ Ревель, то онъ не осмѣлился признаться епископу и другимъ каноникамъ, что она съ нимъ вѣнчана, но долженъ былъ говорить, что она его наложница и служанка. И когда это узналъ другой человѣкъ, то Іоаннъ Бланкенбергъ далъ ему откормленную свинью, чтобы только тотъ не разглашалъ, что у него законная жена, такъ какъ это считали у святыхъ католическихъ мужей большимъ позоромъ и грѣхомъ.

Если же всѣ орденскіе сановники, епископы и каноники, будучи начальствомъ, хранителями душъ и пастырями овецъ, вели такую жизнь и сами играли въ кости, то и ихъ подданные, дворяне и не дворяне, могли открыто вести ту же игру; это позволялось у старыхъ и молодыхъ безо всякаго страха. И этихъ женщинъ всѣ называли не непотребными женщинами, а хозяйками (Meierinnen) и жещинами, внушающими мужество (Muthgeberinnen). Порокъ, наконецъ, сталъ на столько обыденнымъ, что многіе не считали его болѣе грѣхомъ и стыдомъ, и многіе знатные люди тотчасъ же послѣ смерти своихъ женъ, не горюя долго, брали себѣ новыхъ хозяекъ, и хозяйничали съ ними до тѣхъ поръ, пока опять не замѣняли ихъ другими. Многіе же уважали своихъ наложницъ больше, чѣмъ законныхъ женъ, что причиняло послѣднимъ не мало огорченій.

А когда этотъ порокъ распространился повсемѣстно, то и нѣкоторые евангелическіе священники внутри страны не стыдились держать, подобно другимъ, наложницъ или хозяекъ. Въ то время во всей странѣ не было ни одного суперъ-интендента, который обратилъ бы вниманіе на подобные грубые пороки. И многіе церковнослужители мало заботились о поученіяхъ и проповѣдяхъ и ничего больше не дѣлали, какъ только разъѣзжали отъ одного кирхшпильнаго юнкера (приходскаго помѣщика) къ другому и отъ одного свободнаго жителя къ другому, разъѣзжали между крестьянами, и заставляли хорошенько себя угощать. Который же церковнослужитель былъ веселымъ человѣкомъ, умѣлъ шутить и умѣлъ устроить веселый пиръ и говорить, какъ имъ нравилось слушать, тотъ былъ настоящимъ проповѣдникомъ (пасторомъ) для этого народа. Поэтому между ливонскими проповѣдниками были въ то время многіе, которые не осмѣливались обличать грубые пороки. И никогда здѣсь въ странѣ не видѣли или не слышали, чтобы наложничество или нарушеніе супружеской вѣрности было наказываемо орденскими чинами, епископами или дворянствомъ.

Единственное наказаніе разврата встрѣчалось однако у братьевъ конюшихъ или слугъ орденскихъ сановниковъ. Если кто-

нибудь изъ нихъ подлежитъ наказанію за развратъ, то его сейчасъ же всѣ братья-конюхи съ трубами и барабанами везли изъ замка по всему городу и по площади до воротъ города и затѣмъ во всемъ платьѣ, подвязкахъ и башмакахъ бросали въ колодезь и совершенно мочили, и такимъ образомъ стыдили передъ всѣмъ народомъ. Затѣмъ его вели совершенно мокраго опять при звукахъ трубъ и барабанномъ боѣ по тѣмъ же улицамъ и переулкамъ въ замокъ, гдѣ фохтъ конюшихъ братьевъ (одинъ изъ самыхъ старыхъ слугъ) и давалъ ему разрѣшеніе (отпущеніе грѣха).

Если же правители, епископы и каноники и другіе нѣмцы, которые лучше должны бы были знать, что они дѣлаютъ, погрязли въ упомянутомъ грубомъ порокѣ, то и неразумнымъ туземцамъ не было стыдно погрязать въ подобномъ распутствѣ, вести содомскій и эпикурейскій образъ жизни, хуже котораго не встрѣчалось ни у какого народа во всемъ христіанствѣ. Большая часть туземныхъ крестьянъ ничего не знала о брачной жизни. Ибо, если у крестьянина жена была больна, или состарѣлась, или больше не нравилась, то онъ могъ прогнать отъ себя эту женщину и взять вмѣсто нея другую. И если кто либо спрашивалъ у крестьянъ или укорялъ ихъ ихъ, зачѣмъ они не живутъ въ супружествѣ, то они отвѣчали: «Это старый ливонскій обычай—и отцы наши дѣлали точно то же». Нѣкоторые говорили, что тѣ, которыхъ не вѣнчали съ ихъ женами передъ алтаремъ, ѣдятъ точно также, какъ и законные супруги. Нѣкоторые говорили: «Дѣлаютъ же такъ наши господа и дворяне, почему же бы намъ того же не дѣлать?» Нѣкоторые говорили также, что это не ихъ вина, если они не живутъ въ супружествѣ, а вина помѣщиковъ, которые на это не обращаютъ вниманія. Причина же по чему помѣщики не обращаютъ вниманія, по ихъ мнѣнію, та, что помѣщики, послѣ смерти родителей, легче могутъ отстранять отъ отцовскаго наслѣдства незаконнорожденныхъ крестьянскихъ дѣтей и присвоивать себѣ всѣ ихъ имѣнія и движимыя имущества.

Что-же касается до обыденной жизни и занятій орденскихъ братьевъ, каноников и дворянства, то въ тѣ времена вся жизнь ихъ проходила не въ чемъ либо другомъ, какъ въ травлѣ и охотѣ, въ игрѣ въ кости и другихъ играхъ, въ катаньѣ верхомъ и разъѣздахъ съ одного пира на другой, съ однихъ знатныхъ крестинъ на другія, съ одного вака на другой, съ одной ярмарки на другую. И очень мало можно было найти людей, годныхъ для службы гдѣ либо внѣ Ливоніи при королевскихъ или княжескихъ дворахъ, или на войнѣ.

Послѣ того какъ здѣсь упомянуто о ливонскихъ пирахъ, крестинахъ, вакахъ и ярмаркахъ, то прилично также вкратцѣ разсказать, какъ они нѣкогда происходили здѣсь въ странѣ.

Вопервыхъ, если предстоялъ дворянскій пиръ или свадьба, то ужь за четверть года приглашались, большею частью письменно,

дворяне изо всѣхъ ливонскихъ земель въ тотъ городъ или мѣстечко, въ которомъ назначалось быть пиршеству. И хотя дворянскія усадьбы въ Ливоніи были велики, но онѣ для такихъ большихъ съѣздовъ оказывались малыми, почему дворяне справляли свои пиршества всегда въ городахъ и большихъ мѣстечкахъ, гдѣ были выстроены обширные гильдейскіе дома именно для такихъ пиршествъ. Дворяне не довольствовались трубачами и музыкантами одного города, но нанимали военную музыку (литаврщиковъ) у властителей страны и трубачей изъ другихъ городовъ. Когда же пріѣзжали невѣста и женихъ со всѣми зваными гостями, то въ суботу наканунѣ всего большаго собранія устраивался богатый пиръ и ужинъ. Передъ ужиномъ все общество въ двухъ партіяхъ, одной со стороны жениха и другой со стороны невѣсты, великолѣпнымъ цугомъ ѣхало въ поле, гдѣ большіе и тяжелые жеребцы и легкіе кони, украшенные золотыми цѣпями и перьями и другими уборами, должны были гарцовать и танцовать подъ сѣдоками. Изъ этихъ коней каждый стоилъ больше девяти ластовъ ржи и не былъ годенъ больше ни къ какому дѣлу, какъ только къ подобному хвастовству. И когда собирались въ полѣ, то старѣйшій изъ дворянъ держалъ рѣчь и благодарилъ всѣхъ собравшихся знатнаго и низкаго происхожденія за то, что они прибытіемъ своимъ почтили жениха и невѣсту, и вмѣстѣ съ тѣмъ ласково просилъ, чтобы они окончили эту христіанскую свадьбу при всеобщемъ веселіи. И что если кто либо имѣетъ вражду съ другимъ, то чтобы онъ не вспоминалъ о ней здѣсь. Кто согласенъ поступить такъ, тотъ долженъ поднять руку и обѣщать это. Тогда они всѣ поднимали руки и давали обѣщаніе и держали слово до тѣхъ поръ, пока не получали пива. Затѣмъ они снова ѣхали въ городъ при барабанномъ боѣ и звукѣ трубъ съ большой стрѣльбой и шумомъ, будто выиграли большую битву или взяли крѣпость. И когда они возвращались въ городъ, то должны были два раза проѣхать чрезъ весь городъ, гдѣ невѣста со своими подругами, украшенная жемчугомъ, золотомъ и вызолоченными тканями, а также и высокой короной до того, что вслѣдствіе большой тяжести она едва могла держаться на ногахъ, должна была смотрѣть на всадниковъ съ высокаго гильдейскаго крыльца. Наконецъ, обѣ партіи раздѣлялись и затѣмъ по всему городу, по всѣмъ улицамъ, скачкой и бѣгомъ доказывали свое рыцарство. Затѣмъ каждый отправлялся въ свое пристанище, снималъ сапоги и шпоры и отправлялся въ гильдію и тамъ веселился до полуночи. Въ слѣдующее воскресенье жениха съ невѣстой, съ военными барабанами и трубами, съ большими свѣчами и факелами, великолѣпно и пышно провожали въ церковь, гдѣ органисты и канторы (пѣвчіе) — конечно, не безъ подарковъ — не мало старались. Послѣ проповѣди, жениха и невѣсту вели къ алтарю, гдѣ пасторъ почти полчаса не могъ добиться отъ невѣсты: «да». Послѣ вѣнча-

нія, новобрачныхъ съ одинаковою пышностью и великолѣпіемъ вели изъ церкви назадъ въ гильдію, гдѣ снова былъ приготовленъ великолѣпный пиръ и обѣдъ. Тотчасъ послѣ пира или обѣда, безъ благодарности или хвалебныхъ пѣсней, гости начинали танцовать и ухаживать за дамами, и не было недостатка ни въ пьянствѣ, ни въ излишествѣ. И дворовые кнехты или слуги (Hofsknechte) въ Ливоніи имѣли право, какъ дома, такъ и въ чужомъ мѣстѣ, не стоять передъ своими помѣщиками или прислуживать имъ — это должны были дѣлать только юнги (мальчики) — сами же слуги садились за особенный столъ и требовали угощать ихъ подобно помѣщикамъ. Тутъ то происходило безмѣрное пьянство, особенно у слугъ орденскихъ и дворянскихъ, тутъ то одинъ передъ другимъ выпивалъ половину или цѣлый ластъ (пивная мѣра) маленькихъ кубковъ съ пивомъ одинъ за другимъ, и держалъ все одинъ кубокъ у рта и наливалъ въ него пиво изъ другихъ кубковъ, пока не выпивалъ ихъ всѣхъ залпомъ. Точно тоже долженъ былъ дѣлать и его соперникъ, если не хотѣлъ, чтобы тотъ всадилъ ему въ животъ короткій кинжалъ. Такое пьянство не происходило безъ того, чтобы не проливали очень много пива; гильдейскій полъ становился совершенно мокрымъ отъ пролитаго пива, такъ что нужно было вездѣ настилать сѣна, если хотѣли стоять на полу, ходить или танцовать. Кто могъ наилучше пить и бражничать, драться, колоть и бороться, ругаться, проклинать и призывать на другихъ чуму, тотъ считался первымъ молодцомъ и его сажали выше всѣхъ и почитали его больше всѣхъ. Когда всѣ напивались до безумія, тогда начинали бороться, драться и колоть другъ друга, не только на улицѣ и въ сѣняхъ, но и въ самой гильдіи, гдѣ сидѣли женщины и дѣвушки, и всѣ должны были вскакивать на высокія столы и скамейки. Тогда они хватались за чаши, которыя были величиной съ боевой мечъ и которыя можно было удержать только обѣими руками. Тогда многимъ разсѣкали головы и отрубали руки, такъ что цирульникамъ приходилось работать день и ночь. Неприлично здѣсь описывать все то, что происходило къ оскорбленію цѣломудренныхъ ушей и глазъ юношей, какъ то: убійства и тому подобные ужасы.

Въ слѣдующій понедѣльникъ новобрачныхъ опять вели въ ближайшую церковь. Тамъ имъ говорилась проповѣдь о бракѣ. Послѣ проповѣди, когда органисты и канторы кончали пѣть, они снова отправлялись въ гильдію, гдѣ гости какъ накануне снова веселились.

Послѣ свадьбы городскимъ кабакамъ и виннымъ погребамъ было много дѣла, пока гости всѣ разъѣзжались. А такъ какъ на помѣщичьихъ свадьбахъ все должно было быть великолѣпно и всего вдоволь, то невѣроятно, сколько на одной свадьбѣ съѣдалось откормленныхъ быковъ, овецъ, свиней, гусей, куръ, индюковъ, дичи и рыбъ, и сколько мѣръ выпивалось пива. Однако, смиреніе свое они

выказывали тѣмъ, что не ѣли серебряными ложками и не пили изъ серебряныхъ или оловянныхъ кубковъ.

Подобнымъ же образомъ праздновали дворяне и крестины. Если у кого нибудь изъ дворянъ рождалось дитя, то онъ долженъ былъ нанимать особеннаго писаря, который за шесть недѣль до крестинъ обязанъ былъ писать приглашенія ко множеству дворянъ и орденскихъ братьевъ въ гости и въ кумовья. И когда въ суботу гости охотно съѣзжались, то начинался христіанскій пиръ, какъ его называли, и веселились до полуночи. Въ слѣдующее воскресенье, пасторъ говорилъ проповѣдь, а послѣ проповѣди крестилъ дитя, причемъ была цѣлая куча кумовей. А когда кончался обрядъ крещенія, тогда приготовлялся великолѣпный обѣдъ и пиръ; тогда сходились всѣ, и помѣщики, и слуги, и ихъ хорошо угощали и ухаживали за ними. Послѣ обѣда только начинали настоящимъ образомъ пить, пѣть и танцовать съ радостью. И кто изъ молодыхъ людей и наилучше могъ работать голосомъ и выдѣлывать трели въ непристойныхъ пѣсняхъ, того больше всѣхъ любили и почитали, и эти непристойныя пѣсни со всего свѣта собирались въ Ливонію, гдѣ ихъ очень уважали, и всѣ, старые и молодые, усердно занимались ими. Въ такихъ собраніяхъ на крестинахъ и другихъ семейныхъ праздникахъ слышались очень странныя рѣчи, какъ у дворянъ, такъ и слугъ. Слуги (кнехты) всегда желали войны и тревогъ, и обыкновенно говаривали при попойкахъ: «Тутъ не обращаютъ вниманія на добраго молодца: еслибы Господь далъ хорошую войну, тогда добрый молодецъ былъ бы всѣмъ милъ и пріятенъ!» И всѣ говорили: «Сохрани насъ Господи отъ нѣмецкой войны, русскіе же намъ не страшны!» Дворяне, подвластные епископамъ (епископскіе вассалы), любили болтать объ орденской власти и говорили открыто: «Орденскіе попы никуда не годятся; если бы у насъ былъ нѣмецкій князь, гораздо лучше было бы въ странѣ». А приверженцы ордена говорили имъ въ отвѣтъ: «У насъ господа добрые и желанные, съ ними мы вмѣстѣ сидимъ за столомъ, ѣдимъ и пьянствуемъ съ ними; и если мы котораго нибудь ударимъ кувшиномъ по головѣ, то на другой день мы все-таки будемъ добрыми друзьями; при нѣмецкомъ князѣ того не было бы!»

Въ Ливоніи существовалъ такъ же старый обычай: когда дворяне съѣзжались или встрѣчались въ городахъ, дворахъ и селахъ, то они дружески привѣтствовали другъ друга поцѣлуями. Поэтому если настоящему дворянину встрѣчалась толпа женщинъ и дѣвушекъ дворянокъ, то, по старому ливонскому обыкновенію, онъ не могъ, да и не хотѣлъ бы проходить мимо, но одну за другою обнималъ и цѣловалъ; и когда одна толпа женщинъ проходила мимо и подходила другая, то онъ и съ этими долженъ былъ дѣлать то же, и такъ

далѣе. Это обыкновеніе впослѣдствіи совершенно уничтожилось во время продолжительной московитской войны.

Всѣ деревни помѣщиковъ и дворянъ были раздѣлены на ваки (округи, по эстонски вакъ — мѣра хлѣба). Большихъ и богатыхъ деревень приходилось по одной или по двѣ въ вакѣ, а маленькія и бѣдныя деревни соединялись по нѣсколько вмѣстѣ въ одинъ вакъ, такъ что у каждаго помѣщика и дворянина было нѣсколько ваковъ по числу его деревень. И каждый вакъ долженъ былъ ежегодно устраивать для своего господина или помѣщика (юнкера) приличное пиршество, къ которому должны были собираться всѣ крестьяне и батраки, принадлежавшіе къ ваку, чтобы платить господину или помѣщику ежегодную подать или дань. Орденскіе братья начинали собираться по вакамъ съ Михайлова дня; туда отправлялась также вся ихъ дворня со всѣми окрестными дворянами и батраками, нѣмцами и не нѣмцами. А когда была уплачена дань, тогда начиналась разгульная жизнь во всю ширину. Тутъ только начиналось ливонское искуство, рыцарскія игры и добродѣтели. Тогда выносились большія деревянныя чаши, называемыя каусами (по эстонски каусъ — чаша) такой величины, что въ нихъ можно было купать дѣтей; двое пили въ перегонку съ двумя другими и такъ далѣе не только изъ однихъ каусовъ, но и изъ большихъ и маленькихъ чашъ, пока у пьющихъ не мутилось въ глазахъ и они болѣе не видѣли другъ друга; а кто оставался послѣднимъ и перепивалъ всѣхъ остальныхъ, того на другой день провозглашали храбрымъ героемъ и его почитали и славили, будто онъ покорилъ какую землю. Другіе же, которые не хотѣли провозносить его, говорили, что онъ пилъ не честно, но съ хитростію, или что у него были хорошіе помощники, иначе ему не достались бы честь и слава. Тогда они снова начинали бороться съ большими и малыми каусами, и всякій изо всѣхъ силъ старался выказать себя рыцаремъ и пріобрѣсть награду. Встрѣчались тамъ и дворянскіе мальчики, лѣтъ по 14, которые, по примѣру старыхъ, пили также на перерывъ одинъ передъ другимъ изъ половинныхъ и цѣлыхъ кубковъ и кружекъ съ крышками и упражнялись въ этомъ искуствѣ. Этотъ праздникъ ваковъ продолжался по всей землѣ съ Михайлова дня до Рождества у всѣхъ орденскихъ сановниковъ, правителей и дворянъ. Затѣмъ начинались свадьбы, которыя обыкновенно происходили между Рождествомъ и масляницею ради санной дороги: зимой легче было ѣздить изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ, чѣмъ лѣтомъ.

Лѣтомъ же усердно разъѣзжали по всѣмъ годовымъ храмовымъ праздникамъ, на которые сосѣдъ, зять и другъ непремѣнно являлся къ другому; и къ храмовному празднику всѣ крестьяне и батраки кирхшпиля запасались добрымъ пивомъ, и считалось не

малымъ стыдомъ, если и самый бѣднѣйшій крестьянинъ не варилъ пива къ храмовному празднику. Нѣсколько ластовъ (мѣръ) пива привозилось также на продажу къ церкви ко времени сбора крестьянъ. Когда-же крестьяне съѣзжались въ суботу наканунѣ праздника изъ за нѣсколькихъ миль большими толпами со своими женами, служанками и слугами, то они тотчасъ же начинали пьянствовать и веселиться подъ свои волынки, гуденье коихъ вечеромъ слышно было за цѣлую милю, и это продолжалось всю ночь до свѣтлаго утра. А когда начиналась проповѣдь, крестьяне полупьяные приходили въ церковь и тамъ такъ болтали и галдѣли, что пасторъ отъ ихъ крика не могъ ничего ни слышать, ни видѣть. Затѣмъ, когда они тѣмъ-же путемъ какъ пришли, уходили изъ церкви, тогда снова начиналось пьянство, танцы, пѣніе и скачка, такъ что можно было оглохнуть отъ ихъ крика, пѣнія женщинъ и служанокъ, а также отъ звука многихъ волынокъ. Такъ все время праздновали простые крестьяне и слуги, не безъ раздора, брани, убійства и другихъ грубыхъ пороковъ, грѣха и стыда; но помѣщики, безземельные нѣмцы и ненѣмцы, составлявшіе нѣчто особенное, возвращались со своими гостями въ дома и нѣсколько дней веселились между собой. И эти храмовые праздники происходили не только въ апостольскіе, но и въ праздники Богородицы и Всѣхъ Святыхъ.

Невозможно также описать вкратцѣ, что за ужасныя вещи дѣлались на Ивановъ день. Въ три ночи на Ивановъ день, на Петра и Павла и въ день посѣщенія дѣвою Маріею Елисаветы, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, дворахъ и деревняхъ, не исключая ни одного, по всей землѣ только и виднѣлись что костры, вокругъ которыхъ съ полнымъ веселіемъ плясали, пѣли и скакали и не жалѣли большихъ волынокъ, которыя были въ большомъ употребленіи во всѣхъ селахъ. Къ тому же большія безобразія происходили въ часовняхъ св. Витта и остальныхъ часовняхъ, а также на крещеніе св. Іоанна въ монастырѣ св. Бригиты, по причинѣ отпущенія грѣховъ, такъ какъ къ этому времени изъ дальнихъ мѣстностей собирались въ большой толпѣ множество нѣмцевъ и чужеземцевъ. Ненѣмецкіе крестьяне собирались туда ради отпущенія грѣховъ и идолопоклонства, а также и суевѣрія; нѣмцы же дворяне ради своихъ бѣглыхъ крестьянъ, которыхъ хотѣли розыскать и накрыть тамъ, а бюргеры съ различнымъ народомъ изъ города ради большаго торжества, ежегодно происходившаго тамъ. Туда привозили также много мѣръ пива изъ города Ревеля и изо всѣхъ окрестныхъ шинковъ и деревень. А когда крестьяне и ихъ жены и служанки приносили на алтарь свои жертвы восковыми свѣчами, лошадьми, быками, телятами и овцами, сдѣланными изъ воску, чтобы тѣмъ получить благодать, здоровье или обиліе скота, то женщины три раза вертѣли надъ головой шиллингъ или пфеннингъ, а затѣмъ

бросали его также на алтарь и отходили прочь. И когда они такимъ образомъ совершали свое мнимое богослуженіе, то ни одинъ человѣкъ не можетъ достаточно повѣрить тому, что за эпикурейскій образъ жизни вели они, какое тамъ происходило пьянство, пляски, скачки и пѣніе, и какой ужасный шумъ шелъ отъ большихъ волынокъ, собранныхъ тамъ со всей земли, а также что тамъ происходилъ за развратъ, разгулъ, побоища и убійства со всѣми безобразіями идолопоклонства.

Невозможно, чтобы на горѣ Венеры вели болѣе эпикурейскую жизнь, чѣмъ здѣсь, при этомъ отпущеніи и богомольи, вели идолопоклонники крестьяне; не смотря на то, они были въ безумной увѣренности, что подобное безчинство составляетъ особенно пріятную Богу службу и что этимъ они заслужатъ у Бога большую милость. Такое идолопоклонство и безбожіе происходило не только въ монастырѣ св. Бригиты, но и во всѣхъ монастыряхъ и часовняхъ по всей странѣ.

Хотя всемогущій Господь милостиво надѣлилъ Ливонію истиннымъ и чистымъ ученіемъ святаго Евангелія съ помощью аугсбургскаго исповѣданія, однако, во многихъ мѣстностяхъ Ливоніи находилось не много людей, знавшихъ что-либо о словѣ Божіемъ и о хожденіи въ церковь: ихъ главное вниманіе обращалось, особенно у крестьянъ и батраковъ, на то, чтобы каждое воскресенье одинъ сосѣдъ ѣхалъ къ другому, у котораго было хорошее пиво, за милю или за двѣ, и веселился бы тамъ все воскресенье, а также и понедѣльникъ. Причины же, почему они впали въ такое тунеядство и презрѣніе къ хожденію въ церковь, слѣдующія: Вопервыхъ, во всей странѣ не было ни одной хорошей школы, которая давала бы простыхъ священниковъ, знающихъ мѣстный ненѣмецкій языкъ, почему церкви, не исключая школъ, много лѣтъ стояли пустыми и распадались. Во вторыхъ, если при церкви и былъ пасторъ, то онъ обыкновенно былъ иностранецъ и не зналъ туземнаго языка и говорилъ проповѣди нѣмцамъ по нѣмецки, ненѣмецкіе же крестьяне не понимали его. Поэтому, они никогда не приходили въ церковь и пріучились къ тунеядству, но все-таки должны были платить жалованье пастору, между тѣмъ какъ нѣмцы давали ему ежегодно каждый только одинъ окорокъ. Въ третьихъ, орденскіе братья и епископы черезъ-чуръ мало заботились о спасеніи душъ и благосостояніи бѣдныхъ крестьянъ, говоря, что Ливонія не ихъ отечество, и заботились только о томъ, чтобъ имѣть всего вдоволь на свои дни.

Такъ какъ славнымъ лѣнивымъ днямъ (праздникамъ) въ Ливоніи въ то время не видѣлось ни конца, ни мѣры, то не мало расходовъ выходило на нихъ ежегодно. А хотя Ливонія довольно плодородна всякимъ хлѣбомъ и въ то время всегда сѣяли и жали больше ячменю, чѣмъ ржи, не смотря на то, каждый годъ можно

было вывозить на корабляхъ нѣсколько тысячъ мѣръ ржи, не производя дороговизны въ странѣ и даже не замѣчая нужды въ вывезенной ржи, но нельзя было тронуть ни одной мѣры солоду или ячменю, такъ какъ его потребляли на мѣстѣ: многіе дворяне ежегодно употребляли на своемъ дворѣ больше двадцати ластовъ солоду! Случилось, что одинъ старый ливонскій дворянинъ, которому управляющій записалъ въ годовой счетъ восемь ластовъ солоду, очень удивился тому, что его вышло не больше, и сказалъ, что хотя онъ и состарѣлся, но не повѣрилъ бы, что ему на цѣлый годъ хватитъ такъ мало солоду, какъ въ этому году. И на этой, а также и на многихъ другихъ усадьбахъ былъ особенный дворъ, на которомъ каждую недѣлю убивали большаго вола и много овецъ, ягнятъ, куръ и гусей, и сковорода или котелъ цѣлый годъ никогда не сходили съ огня. Такое обыкновеніе было у многихъ дворянъ, имѣвшихъ отъ 80 до 100 крестьянъ. Въ домахъ же орденскихъ братьевъ, у которыхъ доходы были больше, все было гораздо на большую ногу; тамъ даже отъ простыхъ конюховъ или слугъ погребъ никогда не запирался, они же день и ночь такъ пьянствовали, что весной ихъ умирало цѣлыя кучи. И если кто-либо, дворянинъ или недворянинъ долженъ былъ идти въ замокъ по своимъ дѣламъ, тому и думать нечего было вернуться домой трезвымъ, а не пьянымъ. Считалось честью и славой у ливонскихъ дворянъ угощать крѣпкими напитками и быть гостепріинными у себя дома ко всѣмъ, высокаго и низкаго происхожденія; этому примѣру слѣдовали также и подданные, такъ что, наконецъ, пьянство и роскошь не считались болѣе порокомъ, а честью и добродѣтелью; у знатныхъ людей поэтому усердно заботились объ угощеніяхъ, такъ что, наконецъ, во всѣхъ земляхъ въ то время лучшей похвалой ливонцевъ было то, что они славные пьяницы, о чемъ и упоминается ао многихъ исторіяхъ. И хотя всемогущій Господь ничего не забылъ даровать ливонцамъ и украсилъ ихъ добрыми дарами тѣла и духа, но большая часть изъ нихъ употребляла во зло эти дары неумѣреннымъ обжорствомъ и пьянствомъ, пышностью и тунеядствомъ. Въ большихъ собраніяхъ не слышно было у нихъ разговоровъ о важныхъ предметахъ или переговорахъ, но только о зайцахъ, лисицахъ, собакахъ и борзыхъ и о другихъ безполезныхъ предметахъ, а нѣкоторые изъ нихъ хвалились, что у нихъ столько собакъ и борзыхъ, что на нихъ ежегодно выходитъ шесть или семь ластовъ хлѣба.

Каковъ былъ бытъ и образъ жизни бюргеровъ въ городахъ, нужно также вкратцѣ упомянуть здѣсь. Бюргеры и купцы въ городахъ также не мало упражнялись въ изобиліи, тщеславіи, роскоши и хвастовствѣ. И если должна была происходить свадьба какого-нибудь купца, то она непремѣнно назначалась въ воскресенье, а свадьба въ будній день повела бы, по ихъ мнѣнію, за собой боль-

ніе оговоры, позоръ и стыдъ. А когда свадьба была назначена, тогда на пиръ приглашалась вся община, а также и всѣ чужеземные купцы. Послѣ того какъ жениха и невѣсту съ торжественной процессіей провожали въ церковь и обратно въ большую гильдію, то сейчасъ же на обѣдъ подавались превосходныя кушанья, которыя запивались виномъ и пивомъ. Тамъ можно было видѣть много сокровищъ въ видѣ серебряныхъ ложекъ, кубковъ и стопъ. Но послѣ обѣда серебряная посуда тотчасъ же убиралась; тогда опять доставали большіе и маленькіе оловянные кувшины, изъ которыхъ одинъ въ изобиліи наливалъ другому. Послѣ обѣда и хвалебнаго пѣнія начиналась пляска до ужина. На послѣобѣденную проповѣдь могъ тогда идти, кому хотѣлось. Послѣ ужина опять начинались танцы и пьянство до полуночи. На этихъ свадьбахъ очень тщеславились великолѣпными нарядами и уборами. У знатнѣйшихъ кафтаны были подбиты мѣхомъ рыси, леопардовъ и куницъ, а у простыхъ — волчьимъ и лисьимъ мѣхомъ. У женщинъ не было также недостатка въ серебряныхъ и вызолоченныхъ головныхъ уборахъ, каждый вѣсомъ въ болѣе чѣмъ двѣ лотовыя марки, и въ золотыхъ и серебряныхъ, вызолоченныхъ шейныхъ цѣпочкахъ, увѣшанныхъ драгоцѣнными вещами, и въ серебряныхъ и вызолоченныхъ поясахъ вмѣстѣ съ вызолоченными сумками, всего вѣсомъ болѣе 60 лотовъ, а также во множествѣ дорогихъ золотыхъ кольцахъ, пуговицахъ и шнуркахъ, а у дѣвушекъ — въ серебряныхъ и вызолоченныхъ и жемчужныхъ головныхъ перевязкахъ, и во многихъ большихъ и толстыхъ запонкахъ и пряжкахъ, вѣсомъ въ нѣсколько лотовыхъ марокъ, и въ большихъ поясныхъ цѣпочкахъ и сумкахъ около тридцати лотовъ вѣсомъ, и въ большихъ четкахъ, украшенныхъ разными драгоцѣнностями; всѣмъ этимъ была украшена каждая женщина и дѣвушка. И если кому нибудь захотѣлось бы пріобрѣсть серебро и золото, носимое на свадьбахъ женой и дочерью простаго бюргера того времени, то онъ могъ бы вести значительную торговлю на эти деньги и безъ нужды питаться ими съ женой и дѣтьми.

Въ лѣтніе дни забавой и препровожденіемъ времени у бюргеровъ было то, что при наступленіи лѣтнихъ дней между Пасхой и Троицей, гильдія и общества одно за другимъ стрѣляли въ птицу; это происходило такъ, что прострѣлившаго птицу въ прошломъ году и называемаго старымъ королемъ, вели въ воскресенье послѣ обѣда при звукахъ трубъ и длинной процессіей всѣхъ гильдейскихъ братьевъ между двумя старшинами общины въ поле къ птичьему столбу; всѣ жители, и старъ, и младъ, отправлялись туда смотрѣть на эту забаву не безопасную отъ желѣзныхъ стрѣлъ, которыя многихъ ранили. Послѣ того какъ они полдня стрѣляли въ птицу и, наконецъ, сбивали ее, тогда немедленно новому королю съ большимъ торжествомъ всякій желалъ счастія и бла-

гополучія. Не малая радость была тогда у друзей короля и у тѣхъ, которые держали за него пари и выиграли. Вскорѣ послѣ того новаго короля вели съ трубами и прежней процессіей всѣхъ гильдейскихъ братьевъ между двумя старшинами изъ общины по всему городу въ гильдію. Въ городѣ передъ всѣми дверьми стояло множество народу, мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ, дѣтей и всякой челяди, которые смотрѣли на новаго короля съ большимъ удивленіемъ и радостію. Король долженъ былъ нести въ рукѣ серебряную птицу на шестѣ, а его стальной лукъ вмѣстѣ со стрѣлой, которою онъ свалилъ птицу, несли высоко передъ нимъ. Когда же они приходили въ гильдію, гдѣ все было великолѣпно приготовлено, ихъ жены и дочери уже находились тамъ для пира. Тогда королю выбирали въ королевы одну изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, которая должна была все время сидѣть и танцовать только съ нимъ, не смотря на то, былъ ли онъ женатъ или нѣтъ. И такой праздникъ птичьяго столба продолжался три воскресенья подрядъ послѣ Пасхи, поэтому и проповѣдники (пасторы) праздновали время послѣ обѣда въ эти три воскресенья, такъ какъ всякій охотнѣе шелъ къ птичьему столбу, чѣмъ въ церковь.

На Троицу бюргеры и подмастерья справляли май и выбирали изъ своей среды майскаго графа, который могъ бы по своему состоянію наилучше угостить ихъ, и съ большимъ великолѣпіемъ ввозили его въ городъ. Подобныя майскія графства производились впослѣдствіи всѣми въ каждое лѣтнее воскресенье, не безъ многократнаго легкомыслія. Въ нѣкоторыхъ веселыхъ мѣстностяхъ были устроены особые птичьи столбы, гдѣ молодые орденскіе братья, бюргеры и подмастерья въ цѣлое лѣто каждое воскресенье стрѣляли птицу ради какой нибудь драгоцѣнности; много народу, молодаго и стараго, кучами собиралось, чтобы смотрѣть на подобную забаву, и такимъ образомъ проводили воскресенье.

Въ то время какъ эта стрѣльба въ птицъ была въ большомъ уваженіи у молодыхъ орденскихъ братьевъ, бюргеровъ и купеческихъ прикащиковъ, дворяне стали также заниматься этой забавой и строить птичьи столбы у своихъ приходскихъ церквей незадолго до перемѣны въ Ливоніи; многіе пріѣзжали туда на Троицу за 10 миль ради птичьяго столба и болѣе заботились о стрѣльбѣ въ птицъ, чѣмъ о словѣ Божіемъ. Между тѣмъ, какъ они стрѣляли въ птицъ, въ домѣ пастора устраивался знатный пиръ, на которомъ они смѣялись надъ своей стрѣльбой и веселились.

Бюргеры также и въ зимніе дни, около Рождества и масляницы, не мало роскошествовали въ своихъ гильдіяхъ, а ремесленники — въ своихъ компаніяхъ. А когда кончалось пьянство у подмастерьевъ, то они въ посту брали большую ель, обвѣшанную розами, ставили ее на базарѣ и поздно вечеромъ отправлялись къ ней съ

толпами женщинъ и дѣвушекъ, сначала пѣли и обвивали дерево, а затѣмъ зажигали его, такъ что въ темнотѣ оно ярко горѣло. Затѣмъ подмастерья хватали другъ друга за руки и попарно скакали и плясали вокругъ огня, а фейерверкеры должны были пускать ракеты ради хвастовства. И хотя это строго обличалось пасторами, но они мало обращали на то вниманія. Не было также ни конца, ни мѣры катанью на каруселяхъ съ женщинами и дѣвушками, и днемъ, и ночью, часто на зло и печаль пасторамъ, обличавшимъ подобныя вещи.

Эта упомянутая большая роскошь ливонцевъ была очень на руку московитамъ; пока ливонцы вели такой образъ жизни, московиты во время обдумывали свои выгоды, въ изобиліи запасались орудіями, порохомъ и свинцомъ и разными военными припасами и выписывали одного оружейнаго мастера изъ Германіи и Италіи за другимъ. И хотя ливонцы хорошо знали о томъ, но они совершенно утопали въ роскоши и безпечномъ пьянствѣ, такъ что не обращали на то вниманія, но даже въ изобиліи открыто и тайно доставляли русскимъ мѣдь, олово и другіе товары, послужившіе имъ при занятіи Ливоніи, что извѣстно всему свѣту.

Все это разсказано здѣсь не для того, чтобы кто либо думалъ, что въ то время между всѣми ливонцами, дворянами и не дворянами совсѣмъ ужь не было умныхъ людей и богобоязливыхъ христіанъ. Напротивъ! Здѣсь въ самомъ дѣлѣ было много добрыхъ людей между всѣми сословіями, которые не находили никакого удовольствія въ упомянутомъ образѣ жизни. Нѣкоторые дворяне, ради спасенія душъ и блаженства своихъ бѣдныхъ крестьянъ, держали при своихъ дворахъ на собственныя средства и жалованье пасторовъ, знающихъ ненѣмецкій языкъ, которые должны были каждое воскресенье обучать крестьянъ и челядинцевъ катехизису. И многія добродѣтельныя вдовы и матроны дворянки не стыдились, за неимѣніемъ пастора при церкви, читать своимъ крестьянамъ и челяди въ своихъ дворахъ пять частей катехизиса на туземномъ нарѣчіи и убѣждать ихъ всѣхъ жить въ страхѣ Божіемъ. Нѣкоторые посылали также своихъ дѣтей въ высшія школы и княжескіе дворы далеко въ Германію и открыто говорили, что никому не совѣтуютъ держать своихъ сыновей долго въ Ливоніи, такъ какъ дома они ни чему не учатся, и если бы даже и выучились, то дитя, воспитанное дома, похоже на быка и неопытно, хотя бы и было очень способно.

Многіе дворяне говорили также, что сколько-бы у нихъ ни было сыновей, они ни одного не оставятъ при себѣ, но пошлютъ ихъ къ королевскимъ, курфирстскимъ и княжескимъ дворамъ; такіе дворы составляютъ благородныя воспитательныя школы, гдѣ гофмейстеръ и маршалы назначены, чтобы смотрѣть за придворными людьми; тамъ молодые люди могутъ научиться дисциплинѣ и почтительности. Здѣсь же въ странѣ они научаются только пьянству,

роскоши и другимъ порокамъ; таковы были благородныя рѣчи и добродѣтели. Эти люди хорошо видѣли и чувствовали ошибки, немощи и недостатки бѣдной, извращенной Ливоніи, но ничего не могли сдѣлать противъ большинства, взявшаго верхъ.

Здѣсь не говорится также о тѣхъ, которые родились или были дѣтьми во время перемѣны и разрушенія Ливоніи, и незнакомые со старымъ бытомъ и образомъ жизни выросли въ продолжительной войнѣ и долгой привычкой, ежедневнымъ опытомъ и упражненіями стали такими добрыми войнами противъ московитовъ, какихъ во всемъ свѣтѣ нельзя лучше пожелать или найти. Но здѣсь говорится о старомъ ливонскомъ бытѣ, преданіяхъ и жизни, которую вели задолго до упомянутаго времени въ продолжительномъ мирѣ и большемъ богатствѣ и благосостояніи, о жизни, взявшей совершенно верхъ незадолго до перемѣны старыхъ ливонскихъ правителей.

Этотъ магистръ Іоаннъ фонъ-деръ-Реке управлялъ два года въ добромъ мирѣ и умеръ въ Феллинѣ и былъ погребенъ тамъ же.

Прим. перев. То, что писалъ въ этой главѣ Рюссовъ о ливонскомъ обществѣ, жившемъ въ первой половинѣ XVI столѣтія, подтверждаетъ и русскій лѣтописецъ, князь Курбскій, самъ участвовавшій въ ливонской войнѣ, предводительствуя русскими войсками въ Ливоніи. Онъ говоритъ (I, 69): „Понеже тамъ земля зѣло богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, яже и вѣры христіанскія отступили и обычаевъ, и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ поудалилися, и ринулись всѣ къ широкому и пространному пути, сирѣчь, къ пьянству многому и невоздержанію, и къ долгому спанію, и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопролитію междоусобному, яко есть обычай праздныхъ ради догматовъ, таковыхъ и дѣламъ послѣдовали. И сихъ ради, мню, и не попустилъ имъ Богъ быть въ покоѣ и въ долготу дней владѣти отчинами своими“.

Изнѣженностью, праздностью, лѣнью ливонскаго общества дѣйствительно объясняется многое въ той катастрофѣ, которая постигла Ливонію съ 1558 г., но тутъ самъ собою возникаетъ вопросъ — что причинило это общую разнузданность, эту общую изнѣженность и общее разложеніе?

Ясный и удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ вся предшествовавшая исторія Ливоніи. Въ Ливоніи въ теченіи цѣлыхъ 3½ столѣтій не выработалось ничего прочнаго, ничего на чтобы орденъ и епископы могли опереться въ постигшіе ихъ дни невзгоды, не выработалось, но и не могло выработаться.

Ливонія никогда не была монархіей, потому что не имѣла монарха; не была и республикой, потому что въ ней не было народа. Ливонія была не что иное, какъ нѣмецкая колонія, въ которой колонисты, разбившись на корпораціи, не въ примѣръ больше заботились о своихъ личныхъ и корпораціонныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ или прочности своей колоніи.

Колонисты утвердились въ Ливоніи, благодаря отсутствію всякой политической связи между туземными племенами и еще болѣе благодаря тѣмъ условіямъ, при которыхъ въ XIII вѣкѣ существовали полоцкое княжество и вѣчевыя республики Псковъ и Новгородъ (см. выше стр. 187). Они утвердились сравнительно въ короткое время, въ какія нибудь 25 лѣтъ (рѣшительное покореніе Ливоніи началось только со дня основанія Риги, съ 1201 г., и заключилось штурмомъ Юрьева, въ августѣ 1224). Но утверждаясь въ краѣ, огнемъ и мечомъ (слѣдуетъ понимать буквально) проповѣдуя религію любви, колонисты не замедлили обнаружить, что все ихъ общество строилось на почвѣ личныхъ, эгоистическихъ выгодъ, но никакъ не на гражданской почвѣ. Первымъ ихъ дѣломъ послѣ покоренія Юрьева былъ дѣлежъ земель (1226 г.) на три части (Рига, духовенство, орденъ), а этотъ дѣлежъ уже ясно показывалъ, что колонисты имѣли въ виду главнѣйшимъ образомъ обезпечить себѣ выгодное, прочное и обильное кормленіе.

Первые колонисты разбились на двѣ обширныя групы: города и земство. Колонисты, основавшіеся и сѣвшіе въ городахъ, всѣ мѣры приняли и всякое стараніе приложили, чтобы имъ были обезпечены выгоды и кормленіе отъ торга и промысла; земскіе колонисты, т. е. духовенство и орденъ съ ихъ вассалами, приложили всѣ усилія, чтобы покоренные туземцы кормили ихъ обильными данями и даровымъ трудомъ.

Колонисты-бюргеры и колонисты-земцы блистательно достигли своей цѣли къ началу XVI столѣтія. Бюргеры, разбившись на три корпораціи (магистратъ, большая, т. е. купеческая, и малая, то есть ремесленная, разбившаяся въ свою очередь на многія цехи), гильдіи, успѣли овладѣть всѣми выгодами торга съ русскими и такъ оградить себя, что выгодами торга и промысла могли пользоваться лишь бюргеры, а попасть въ бюргеры было трудно даже нѣмцу (постороннему) и совершенно невозможно ненѣмцу.

Колонисты-земцы: духовенство, орденъ и ихъ вассалы не замедлили постепенно обратить покоренныхъ туземцевъ (ненѣмцевъ, какъ ихъ называли даже до нашихъ дней) въ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, обезпечили себѣ даровой ихъ трудъ и обильный доходъ со своихъ земель.

Обезпечивъ себѣ хорошіе доходы и сытное кормленіе, ни колонисты-бюргеры, ни колонисты-земцы затѣмъ ни мало не обращали вниманія на то, что между ними и обращенными въ крѣпостныхъ крестьянъ туземцами — лежитъ непроходимая бездна, что масса ливонскаго населенія удерживается въ повиновеніи только силою оружія.

Городъ (Stadt) и земство (Land) мало думали затѣмъ и о взаимной связи между собою: бюргеръ, прелатъ, рыцарь и вассалъ, т. е. дворянинъ, чувствовали каждый отдѣльно свое существованіе гораздо болѣе, чѣмъ гражданскую связь другъ съ другомъ; они не хотѣли такой связи, чтобы какимъ-нибудь образомъ не умалить сво-

ихъ доходовъ жертвами на какое-либо общее дѣло, какъ бы оно полезно и необходимо ни было.

Колонисты, обезпечившись хорошимъ кормленіемъ, стали жить-поживать привольно, роскошно, въ свое удовольствіе. Заботиться было не о чемъ: народъ былъ покоренъ, платилъ дань и работалъ на своихъ господъ, хотя и ненавидѣлъ ихъ безпредѣльно.

Хорошее и сытное кормленіе произвело большую изнѣженность и распущенность и все то, что описано Рюссовымъ въ этой главѣ. Отъ общей изнѣженности и распущенности не далеко уже и до совершеннаго разложенія.

Протестантство ни мало не обновило ливонскаго общества, ни мало не способствовало къ доставленію прочной связи ему. Что же касается до туземцевъ, то для нихъ было рѣшительно все равно, считаютъ ли ихъ католиками или протестантами, потому что они не имѣли ровно никакого понятія о вѣрѣ, которую исповѣдывали. Предковъ ихъ крестили огнемъ и мечомъ, преданія христіанъ для нихъ не свѣтились чѣмъ нибудь отраднымъ; господа довольствовались, что крестили ихъ, но о наученіи ихъ христіанству никто никогда и не думалъ. Туземцы оставались тѣми же язычниками, какими были ихъ предки: прежній ли католическій патеръ или новый протестантскій пасторъ для туземцевъ все равно были чужіе люди: они не знали ихъ языка.

Какъ бы то ни было, но разгульная жизнь колонистовъ требовала и большихъ денегъ. Велики были доходы съ имѣній, но денегъ все же не хватало на роскошь и обжорство, отсюда пошли вымогательства, отсюда произошло и крайнее обѣдненіе крестьянъ. Въ то время, когда у дворянъ (см. Бреденбаха, 10) и у горожанъ на ихъ празднествахъ разливалось бочками пиво, эсты и латыши питались скуднымъ толокномъ и, вслучаѣ неурожая, грызли древесную кору и коренья травъ.

При такихъ порядкахъ былъ ли какой расчетъ туземцамъ поддерживать своихъ господъ? Расчета никакого не было, потому то въ рѣшительную минуту они не только не поддержали колонистовъ, но отвернулись отъ нихъ и выдали ихъ головами московскому войску, точь въ точь какъ въ концѣ XVIII столѣтія простой народъ въ Польшѣ отвернулся отъ своей Рѣчи Посполитой въ рѣшительную для нея минуту и головою выдалъ ее на раздѣлъ сосѣдямъ вмѣстѣ съ самимъ собою, въ надеждѣ, что хуже никакъ не будетъ, а лучше очень быть можетъ.

Ливонская колонія, при самомъ своемъ началѣ, не имѣла подъ собою гражданской почвы, потому и разлетѣлась прахомъ при первомъ серьезномъ напорѣ на нее московскаго государства.

Первые же признаки серьезной опасности обнаружились въ послѣдній годъ магистерства фонъ деръ Рекке.

Въ 1550 году предъ окончаніемъ срока перемирія съ русскими отъ дерптскаго епископа Іодока фонъ деръ Рекке и магистра было послано въ Москву посольство для продолженія перемирія. Царь согласился продолжить перемиріе, но уже не болѣе какъ на 5

лѣтъ, и при этомъ посламъ было замѣчено (см. Грефенталя, 113), что дерптцы должны возстановить и открыть Николаевскую православную церковь, закрытую съ 1548 года, что ливонскій орденъ не долженъ препятствовать свободному обращенію московской земли съ европейскими странами по торговлѣ и ремесламъ (дѣло Шмита, см. выше стр. 318), наконецъ, было объявлено посламъ, что дерптское епископство изстари платило дань великимъ князьямъ въ Псковѣ и потому слѣдуетъ продолжать этотъ старый обычай.

Тогдашніе московскіе дипломаты имѣли полное право заговорить о дерптской дани, потому что имѣли предъ собою документъ, не подлежавшій ни сомнѣнію, ни спору. Въ договорной грамотѣ 1474 г. съ ливонцами было ясно и положительно сказано: „Святыя Божіи церкви въ Юрьевѣ, въ русскомъ концѣ и русскій конецъ держать имъ (честному бискупу юрьевскому и посадникамъ и всѣмъ юрьевцамъ) честно по старинѣ и по крестному цѣлованію, а не обижать. Дани благовѣрныхъ великихъ князей русскихъ царей, старые залоги честному бискупу юрьевскому за 8 лѣтъ отдать тотчасъ же, по крестному цѣлованію, а отъ этого времени благовѣрнымъ великимъ князьямъ русскимъ царямъ на честномъ бискупѣ юрьевскомъ дань свою брать по старинѣ, по тому крестному цѣлованью“.

Въ Плетенберговомъ договорѣ 1503 г. условіе о дани было подтверждено, но московское правительство, однако, не получало никакой дани, но и не хотѣло изъ за дерптской дани разрыва съ Ливоніею, потому что дѣла казанскія и крымскія, въ царствованіе Василія Іоанновича, а затѣмъ событія, происходившія въ малолѣтство царя Іоанна, были все такого рода, что искать дани никакъ не приходилось. Московское правительство и въ 1550 году напомнило только о дани, но не пожелало и въ этотъ разъ настаивать на старинѣ, давъ ливонцамъ перемиріе на 5 лѣтъ.

По возвращеніи посольства, „честный бискупъ юрьевскій“, Іодокъ фонъ-деръ-Рекке, сообразивъ, что Москва никакъ не броситъ вопроса о дани, а чрезъ 5 лѣтъ непремѣнно накинется на Ливонію, рѣшился на поступокъ, лучше всякихъ словъ характеризующій, до какой распущенности и деморализаціи достигло ливонское общество, въ которомъ всякій заботился прежде всего о себѣ. Онъ заложилъ дерптскія епископскія имѣнія за порядочную сумму денегъ и уѣхалъ на свою родину въ Вестфалію, обѣщая возвратиться въ Дерптъ въ самое скорое время.

Онъ и не думалъ, однако, возвращаться: на ливонскія деньги купилъ себѣ имѣніе въ Вестфаліи, перешелъ въ протестантство, женился на какой то вестфальской монастырской дѣвушкѣ (послушницѣ) и сталъ продавать свое дерптское епископство чуть ли не съ аукціона. Покупатели явились. То были нѣкто Петръ Тизенгаузенъ и сынъ везельскаго шляпника Германъ Вейландъ. Тизенгаузенъ носилъ знатное имя и имѣлъ знатную родню, но Германъ, много лѣтъ бывшій аббатомъ (игуменомъ) Фалькенаускаго монастыря (близь Дерпта, см. выше стр. 189) и скопившій себѣ

большія деньги, предложилъ Іодоку хорошую сумму и получилъ епископство.

Счастливаго покупателя дерптскіе каноники приняли охотно, быть можетъ, и потому, что Германъ (см. Гіерна, 205) былъ человѣкъ ограниченный, безхарактерный, такой человѣкъ, при которомъ всякій изъ окружавшихъ его могъ дѣлать, что хотѣлъ. Его соперникъ Тизенгаузенъ получилъ шуточное прозваніе Gernbischof'а (охотника до епископства).

То, что сдѣлалъ Іодокъ, дѣлали послѣ и другіе орденскіе сановники (вестфальцы, по рожденію, см. выше стр. 301). Чуть лишь они подмѣтили, что ливонскіе дни были сочтены, какъ каждый изъ нихъ старался собрать побольше денегъ и бѣжать въ Вестфалію, потому что Ливонія для духовенства и ордена и ихъ вассаловъ была лишь средствомъ кормленія, но никогда не отечествомъ. Этимъ вполнѣ объясняется та жалкая роль, которую играли властители Ливоніи во время войны, о которой будетъ рѣчь ниже.

50. Генрихъ фонъ Галенъ дѣлается сорокъ четвертымъ магистромъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1551 — 57 г.

Казань и Астрахань присоединяются къ Россіи 1551 (52 и 53).

Въ 1551 г. Гинрикъ ф. Галенъ былъ назначенъ на магистерскую должность въ Ливоніи. Въ управленіе этого магистра, московиты отняли у татаръ оба царства казанское и астраханское. Когда они въ 1551 г. осадили городъ Казань, то они взяли его подкопами и взрывами, взяли въ немъ въ плѣнъ царя съ женой и отвезли ихъ въ Москву. Не много времени спустя, они подчинили своей власти также и царство астраханское, лежавшее дальше; съ этими обоими царствами московиты до тѣхъ поръ вели большія войны, за коими забывали и оставляли въ покоѣ Ливонію. (Это пишетъ Рюссовъ въ первомъ изданіи своей лѣтописи; во второмъ же изданіи (1584 г.) о Галенѣ онъ писалъ):

Этотъ магистръ по причинѣ московитскихъ войнъ жилъ въ совершенномъ мирѣ. Московитамъ въ правленіе этого магистра было довольно дѣла съ царствами казанскимъ и астраханскимъ; они взяли царство казанское и царя вмѣстѣ съ царицей взяли въ плѣнъ въ городѣ Казани, которымъ овладѣли подкопами и взрывами. Послѣ того какъ отецъ великаго князя велъ почти 30 лѣтъ большія войны съ царствомъ и городомъ Казанью и все-таки не могъ подчинить ихъ, сынъ его, Иванъ Васильевичъ, начавши свое царствованіе, захотѣлъ также попытать счастія и осадилъ городъ Казань, отъ котораго зависѣла судьба всего царства, и подкопалъ городъ и положилъ пороху подъ валъ. Когда все было приготовлено, такъ что скоро могло быть зажжено, онъ снялся со своимъ лагеремъ и притворился, будто хочетъ отступить. Поэтому горожане въ большомъ числѣ

выбѣжали на валъ и смѣялись вслѣдъ московитамъ, но не успѣли оглянуться, какъ валъ вмѣстѣ съ ними взорвало на воздухъ; остальные были страшно перепуганы и должны были сдаться московитамъ, которые снова начали штурмъ. Такимъ образомъ московиты овладѣли городомъ и царствомъ казанскимъ. 1552 г. 9 іюля; день этотъ русскіе записали въ своемъ календарѣ какъ праздничный. Тогда московиты увезли изъ Казани плѣнныхъ царя и царицу въ Москву.

Въ слѣдующемъ году они овладѣли также и другимъ татарскимъ царствомъ, а именно астраханскимъ, которое лежитъ гораздо дальше и не такъ могущественно какъ казанское.

Но пока оба эти татарскіе цари владѣли еще своими царствами, это было большой опорой и выгодой для ливонцевъ. Но послѣ завоеванія этихъ царствъ, московиты стали черезъ чуръ сильны не только для провинціи Ливоніи, но и для другихъ сосѣднихъ державъ; князь ихъ сталъ называться царемъ казанскимъ и царемъ астраханскимъ. — Слово царь значитъ по татарски король; но нѣмцы сдѣлали изъ этого слова императоръ.

Прим. перев. По смерти Реке, ливонскимъ магистромъ сталъ орденскій маршалъ Генрихъ фонъ Галенъ. Онъ подтвердилъ всѣ привиллегіи города Риги, которая и присягнула ему, затѣмъ привелъ къ окончанію переговоры между архіепископомъ Вильгельмомъ и Ригою. По договору, заключенному 16 декабря 1551 г., Рига обязалась уплатить архіепископу 18,000 марокъ, и за то получила въ свое пользованіе рижскій соборъ (Domkirche); дома и имѣнія канониковъ въ городской чертѣ городъ возвратилъ архіепископу, но безъ всякаго вознагражденія за многолѣтнее пользованіе.

Договоръ этотъ на нѣкоторое самое, впрочемъ, короткое время прекратилъ внутреннія распри въ Ливоніи.

Рюссовъ совершенно правъ, отмѣчая въ своей лѣтописи паденіе царствъ казанскаго и астраханскаго событіемъ, имѣвшимъ важнѣйшее значеніе для Ливоніи. Казань была взята царемъ Іоанномъ Васильевичемъ 2 октября 1552 г., астраханское царство покорилось въ началѣ іюля 1554 г. Московское правительство, однако, очень хорошо видѣло, что, не обладая всѣми средствами европейскаго государства, еще не возможно вступить съ успѣхомъ въ окончательную борьбу съ магометанскимъ востокомъ и Турціею, но получить эти средства, не имѣя своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ, было невозможно; гавани же эти были въ чужихъ рукахъ, въ рукахъ сосѣдей, понимавшихъ, что государство московское будетъ непобѣдимо, если къ своимъ громаднымъ матеріальнымъ силамъ присоединитъ еще и науку. Имѣть свои гавани на Балтійскомъ морѣ и войти въ непосредственное сообщеніе съ западною Европою сдѣлалось, со времени паденія царствъ казанскаго и астраханскаго, задачею Іоанна, къ выполненію ея онъ и началъ съ 1554 г. стремиться всемѣрно. Успѣхъ не увѣнчалъ, однако же, его стремленій. Они осуществились, но уже гораздо позднѣе, лишь въ 1710 году.

51. *Ревель и Любекъ раздѣляются, 1552 г.*

Лѣтомъ въ 1552 году городъ Любекъ прислалъ своихъ пословъ, а именно доктора Германа Фалькс и Альбрехта Клебера, ратсгеровъ, вмѣстѣ съ двумя бюргерами, а именно Гансомъ фонъ Рентельномъ и Гансомъ Грепциномъ, къ ревельцамъ, чтобы потребовать и водворить свою старую свободу въ торговлѣ. И когда они ничего не могли добиться, то съ пустыми руками вернулись назадъ въ Любекъ. Черезъ нѣкоторое время любекцы снова снарядили въ городъ Ревель посольство, а именно Германа Плопіеса и Готшалка фонъ Виккедена, а въ третій разъ — своего секретаря Германа Бойтина, который вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ также въ Россію. А когда эти послы всё ничего не добились въ Ревелѣ, тогда стало замѣтно, что большая дружба обоихъ городовъ разойдется.

Прим. перев. Любекскій секретарь, конечно, ѣздилъ въ Москву по торговымъ дѣламъ. Позднѣе, въ 1562 г. любекское правительство писало къ окольничему Петру Головину, чтобы онъ замолвилъ доброе слово за ганзу. Въ то самое время, какъ московское государство старалось пробраться къ берегамъ Балтійскаго моря, морскія державы въ западной Европѣ старались на востокѣ открыть новые рынки для своихъ товаровъ. Англичане въ особенности заботились о такихъ рынкахъ, и въ 1552 г., когда ревельцы расходились съ любчанами, составили уже компанію для открытія новыхъ странъ на сѣверѣ и новыхъ торговыхъ путей. Компанія снарядила для этого особую экспедицію, которая и отправилась въ море 20 мая 1553 года. Ченслеръ, капитанъ одного корабля этой экспедиціи, 24 августа 1553 года, прибылъ въ Архангельскъ (Холмогоры) и съ этого времени начинаются торговыя сношенія московскаго государства съ Англіею къ досадѣ, конечно, ганзы.

52. *Пожаръ въ Ревелѣ, 1553 г.*

Въ 1553 г., въ воскресенье передъ Троицей, послѣ обѣда, большой и ужасный пожаръ начался около ревельскаго собора въ домѣ одного мясника; этотъ мясникъ въ воскресенье варилъ пиво и пивной котелъ стоялъ у него на огнѣ; въ то же воскресенье въ обѣдъ была свадьба одного бюргера въ ревельской большой гильдіи. И когда гости всё веселились тамъ, тогда разразилось большое несчастіе съ огнемъ, такъ что изъ веселія скоро стало большое горе.

Большая часть домовъ около собора, а также нѣсколько домовъ въ городѣ сгорѣли до тла; былъ страшный огонь, который залеталъ черезъ весь городъ до Ставенской улицы далеко отъ собора и сжегъ также нѣсколько домовъ на этой улицѣ.

53. Переговоры съ московитами, 1554 г.

Когда сословія ливонскія услышали о счастіи московитовъ и о ихъ побѣдѣ надъ татарскими царствами, они хорошо знали, что теперь конецъ продолжительному миру и что теперь имъ будетъ плохо; поэтому они отправили своихъ пословъ къ московитамъ, чтобы заключить дальнѣйшій миръ. Когда же эти послы, противъ всякаго ожиданія, услышали невозможныя условія и предложенія московитовъ по поводу дани, то, не исполнивъ дѣла, вернулись домой и объявили о томъ своимъ властителямъ; всѣмъ сословіямъ Ливоніи этимъ была задана важная забота. Они тотчасъ-же послали къ московитамъ другихъ пословъ, а именно Іоанна Бокгорста и Отто фонъ Гротгузена со стороны великаго магистра, и Вольдемара (Вольмера) Врангеля и Дидерика Кафера со стороны епископа дерптскаго. Эти послы отправились въ Москву въ 1554 году на Oculi, но тамъ они услышали только однѣ несправедливости отъ московитскаго царя. Онъ велѣлъ своему канцлеру и совѣтникамъ напомнить и требовать отъ нихъ невозможной и огромной дани за безчисленные годы; на это послы отвѣтили вопросомъ, по какимъ причинамъ великій князь требуетъ дань съ ливонцевъ, между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ господиномъ ливонцевъ и ливонцы также никогда не были его данниками. А также великій князь никогда не завоевывалъ страны и не отдавалъ ее въ ленъ ливонцамъ и ни въ какое время не накладывалъ послѣ побѣды дани, кромѣ той, которая отдается побѣдителю отъ побѣжденныхъ; можно также доказать, что ливонцы издавна часто вели большія войны съ русскими, но никогда не начинали войны изъ за дани, а также и ни въ какихъ мирныхъ трактатахъ не упоминается о дани.

Канцлеръ и совѣтники царя все настаивали и говорили, что дерптское епископство съиздавна всегда платило дань; послы епископа отрицали это, говоря, что никакъ нельзя доказать, что дерптскіе жители были когда-либо данниками великаго князя московскаго; поэтому великій князь не долженъ требовать ничего новаго и не бывалаго; христіанскому государю-де никакъ не прилично требовать того, чего ему не должны, и чего онъ не желаетъ самому себѣ, то пусть онъ и другимъ не дѣлаетъ подобныхъ непріятностей.

На это они снова отвѣтили: «Великій князь желаетъ дани и не уступитъ ни на волосъ». Послы же изо всѣхъ силъ снова требовали, чтобы имъ доказали грамотами и бумагами за печатями, что епископскіе обитатели Дерпта обязаны давать великому князю дань деньгами или другими вещами. На это канцлеръ царя снова отвѣтилъ, что въ грамотахъ написано, что епископы дерптскіе платили великому князю дань, что на ихъ языкѣ значитъ подать; въ чемъ же она состояла и сколько ея было, онъ не хотѣлъ объяснить.

Послѣ долгихъ споровъ, послы получили миръ на пятнадцать лѣтъ, съ условіемъ, что всѣ спорныя дѣла между Россіей и Ливоніей, а также и дань, будутъ улажены въ продолженіи трехъ лѣтъ.

Прим. перев. Эта глава требуетъ поясненій, такъ какъ собственно съ этого посольства и начинается распаденіе Ливоніи.

Было сказано уже (см. выше стр. 334), что въ 1550 году между Москвою и Ливоніею было заключено перемиріе на пять лѣтъ! Срокъ истекалъ, потому 6 января 1554 г. на ландтагѣ въ Вольмарѣ, магистръ Галенъ и епископъ дерптскій Германъ порѣшили послать въ Москву посольство. Предварительно были посланы два гонца спросить: примутъ-ли посольство? Однимъ изъ гонцевъ былъ извѣстный впослѣдствіи рижскій бургомистръ и историкъ Ніенштедъ (вестфалецъ родомъ, торговалъ въ Дерптѣ, въ 1571 г. переселился въ Ригу, здѣсь съ 1585 по 1605 годъ былъ бургомистромъ и игралъ важную роль, умеръ въ 1622 году). Гонцевъ хорошо приняли въ Москвѣ, угостили и отослали назадъ въ Ливонію сказать, чтобъ ливонцы прислали настоящихъ пословъ.

Послы, именно тѣ самые, которые перечислены въ этой главѣ, отправились въ апрѣлѣ 1554 г. въ Москву и чрезъ мѣсяцъ прибыли сюда, замѣтивъ по дорогѣ, что къ ливонской границѣ уже тянутся цѣлые обозы съ провіантомъ и порохомъ, что на каждыя 4 или 5 миляхъ отстроены ямскіе дворы съ большими конюшнями и сараями.

Пословъ ласково приняли, и царь велѣлъ вести переговоры съ ними окольничему Алексѣю Адашеву и дьяку Михайлову. Послы предложили возобновить перемиріе на 50 лѣтъ, но Адашевъ объявилъ, что „нѣмцы уже давно не платятъ дани съ юрьевской волости, русскихъ купцовъ обижаютъ, церкви и концы русскіе на себя завели: за это неисправленіе государь положилъ свой гнѣвъ на магистра, епископа и на всю землю ливонскую, и намѣстникамъ своимъ перемирія не велѣлъ давать“.

Послы на это отвѣчали такъ, какъ разсказано у Рюссова, но онъ не прибавляетъ, что Адашевъ показалъ имъ договоръ съ Плетенбергомъ и сказалъ: „Удивительно, какъ это вы не хотите знать, что ваши предки пришли въ Ливонію изъ-за-моря, вторгнулись въ отчину великихъ князей русскихъ, за что много крови проливалось; не желая видѣть разлитія крови христіанской, предки государевы позволили нѣмцамъ жить въ занятой ими странѣ, но съ условіемъ, чтобъ они платили дань великимъ князьямъ; но они обѣщаніе свое нарушили, дани не платили: такъ теперь должны заплатить всѣ недоимки“.

Послы отвѣчали, что въ старыхъ писаніяхъ не находили, чтобы великому князю платилась дань и просили о продолженіи перемирія.

Бояре сказали, что съ каждаго ливонскаго человѣка каждый годъ надобно платить по гривнѣ московской, или по 10 денегъ. Бояре, однако, не могли документально доказать, что въ старину пла-

тилась дань именно въ этомъ размѣрѣ *). У пословъ — говоритъ Ніенштедъ — чуть глаза изо лба не выскочили: на счетъ дани у нихъ не было никакого наказа, просить о сбавкѣ значило бы признать право московскаго государства на дань: потому они просили отсрочить этотъ вопросъ, но Адашевъ рѣшительно потребовалъ уплатить дань чрезъ два года по приговору магистра и епископа.

Кромѣ вопроса о дани, московское правительство возбудило вопросъ и о тѣхъ православныхъ церквахъ, которыя находились въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ для русскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ сюда, и которыя были разорены при введеніи реформаціи (о разореніи этихъ церквей свидѣтельствуетъ Бреденбахъ). Московское правительство требовало возстановленія этихъ церквей и устраненія разныхъ недоумѣній между нѣмецкими и русскими купцами.

Спорили не мало, но въ концѣ концевъ послы согласились заключить перемиріе на 15 лѣтъ и написать перемирную грамоту, по которой дерптскій епископъ обязуется платить со своей области дань по гривнѣ нѣмецкой съ каждаго человѣка, исключая людей церковныхъ, въ 3 года заплатить недоимку за 50 лѣтъ; церкви русскія очистить и русскимъ людямъ во всемъ учинить управу безволокитно; русскимъ гостямъ и купцамъ съ ливонскими и иностранными купцами дозволить свободную торговлю всякимъ товаромъ, кромѣ панцырей; пропускать въ Москву всѣхъ иностранцевъ, которые придутъ изъ за моря служить царю; не помогать польскому королю и великому князю литовскому противъ Москвы. Послы выговорили, что такъ какъ они согласились на дань безъ вѣдома магистра и епископа, то послѣдніе имѣютъ право и не согласиться на это условіе.

Московское правительство согласилось на такую оговорку, и царь приказалъ новгородскому намѣстнику князю Дмитрію Ѳедоровичу Палецкому написать съ нѣмецкими гостями перемирную грамоту съ тѣмъ, чтобы послы привѣсили къ грамотѣ свои печати, а царь пошлетъ послѣ своихъ пословъ въ Ливонію, чтобы магистръ и епископъ отрѣзали посольскія печати и взамѣнъ ихъ привѣсили свои.

Послы тогда были отпущены въ Новгородъ для написанія грамоты (московское правительство заключало договоры со шведами и ливонцами не иначе, какъ чрезъ своихъ псковскихъ и новгородскихъ намѣстниковъ, не допуская до равенства съ царемъ ни короля шведскаго, ни властителей ливонскихъ). Здѣсь 15 іюня 1554 года было заключено перемиріе на 15 лѣтъ на изложенныхъ выше условіяхъ. Къ перемирной грамотѣ послы привѣсили свои печати, а съ русской стороны привѣсили печати князь Палецкій, намѣстникъ

---

*) Вопросъ о дани, по мнѣнію составителя этой книги, еще не раслѣдованъ съ надлежащею полнотою. Въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ съ епископомъ юрьевскимъ отъ 1474 года говорится о дани какъ о старинѣ, но въ какомъ именно размѣрѣ юрьевскому бискупу приходилось платить эту дань — съ точностію неизвѣстно. Что епископъ Альбертъ обязался платить дань полоцкому князю за крещеныхъ ливовъ, то это несомнѣнно, но что никогда не платилъ, и полоцкій князь не имѣлъ силы заставить платить, то и это несомнѣнно. Кажется, что дань съ Юрьева выговорена была въ 1234 году княземъ Ярославомъ (см. выше стр. VIII).

псковскій, бояре новгородскіе и купеческіе старосты Алексѣй Зырковъ и Иванъ Бурзуловъ.

Послы послѣ этого уѣхали домой, оставивъ подлинную грамоту въ Новгородѣ, и неподозрѣвая, кажется, въ какую сильную опасность они поставили Ливонію этимъ своимъ договоромъ.

54. Отношенія къ Швеціи, 1554 — 55 г.

Въ 1554 году Беренда Шмертена, ордепсфохта и владѣльца Виттенштейна, послали къ Густаву, королю шведскому, просить короля начать серьезную войну съ московитами. То же самое хотѣлъ сдѣлать и магистръ ливонскій. Когда же въ 1555 г. король шведскій началъ войну съ московитами, и былъ увѣренъ, что магистръ по обѣщанію также поможетъ ему противъ русскихъ, то магистръ и не подумалъ идти на войну. Этимъ король шведскій былъ принужденъ заключить миръ съ московитами, которому послѣдніе до нельзя были рады, такъ какъ переговоры между Россіей и Ливоніей еще не были совершенно окончаны.

Прим. перев. По отъѣздѣ ливонскихъ пословъ изъ Новгорода, начались съ особенною силою пограничные споры со шведами. Непріязнь между новгородцами и шведами, начавшаяся еще до прибытія нѣмцевъ въ Ливонію, никогда не стихала, шведы постоянно стремились утвердиться въ новгородскихъ земляхъ, новгородцы отбивали нападенія и сами, при случаѣ, нападали на шведскія владѣнія. Послѣ долгихъ ссоръ и войнъ, границы опредѣлили въ XIV столѣтіи и положили рѣкѣ Сестрѣ быть предѣломъ между Швеціею и Россіею. Шведы постоянно нарушали эту границу: косили сѣно на русскихъ земляхъ, толкуя, что границею должна служить не рѣка Сестра, а другая рѣка Сестрія. Русскіе съ своей стороны переходили за рѣку Сестру и грабили шведскихъ поселянъ. Въ 1554 году шведы напали на монастырь св. Николая на Печенгѣ. Тогда новгородскій намѣстникъ князь Палецкій, послалъ въ Стокгольмъ Никиту Кузьмина требовать объясненій. Шведы задержали Кузьмина, за это царь Іоаннъ Васильевичъ приказалъ новгородскому воеводѣ Ногтеву открыть военныя дѣйствія противъ шведовъ.

Ногтевъ захватилъ нѣкоторыя шведскія мѣста, но былъ разбитъ. Успѣхъ этотъ ободрилъ шведовъ, оскорблявшихся тѣмъ, что московскій царь рѣшительно не допускалъ шведскаго короля до переговоровъ съ собою.

Въ сентябрѣ 1555 г. шведы осадили Орѣшекъ и не имѣли успѣха; русскіе осадили Выборгъ, и хотя города не взяли, но страшно опустошили окрестности (продавали плѣннаго мужчину за гривну, дѣвку за 5 алтынъ). Шведскій король еще до войны искалъ помощи у ливонскаго ордена. Магистръ обѣщалъ помочь (Ніенштетъ, впрочемъ, говоритъ, что не только не обѣщалъ, но даже отказалъ), но

не помогъ, а это и побудило Густава Вазу мириться съ Россіею на всей ужь волѣ царя. Онъ написалъ грамоту, которая начиналась такъ (см. Соловьева, VI, стр. 137): Мы, Густавъ, Божіею милостію, свейскій, готскій и вендскій король челомъ бью твоему вельможнѣйшеству князю государю Ивану Васильевичу о твоей милости. Великій князь и царь всея Русскія земли!“ Іоаннъ отвѣчалъ, что если „король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое клятвопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ намъ бить своимъ челомъ покорно своими большими послами, то мы челобитье его примемъ и велимъ намѣстникамъ своимъ новгородскимъ подкрѣпить съ нимъ перемирье по старымъ грамотамъ“.

Большіе послы пріѣхали и съ новгородскимъ намѣстникомъ заключили миръ рѣшительно на всей волѣ Іоанна. Границы были оставлены по старинѣ; шведы своихъ плѣнныхъ выкупятъ, а русскихъ возвратятъ безденежно; король будетъ сноситься съ новгородскими намѣстниками; установлялась взаимная свободная торговля и свободный проѣздъ въ другія земли, и пр.

Это происходило въ 1556 году. Войною со Швецію и объясняется, почему московское правительство года полтора оставляло ливонцевъ въ покоѣ и только въ 1556 году возобновило дѣло о перемиріи, заключенномъ въ Новгородѣ ливонскими послами въ 1554 году, но не утвержденномъ ни магистромъ Галеномъ, ни дерптскимъ епископомъ Германомъ.

55. *Ландтагъ въ Перновѣ, 1555 г.*

Въ 1555 году осенью викскіе дворяне и многіе другіе собрались на ландтагъ въ Перновъ; тамъ между другими ничтожными вещами они совѣщались также и о танцахъ: какъ слуга или кто либо другой, не принадлежащій къ дворянамъ, долженъ въ танцахъ обращаться съ особой дворянскаго происхожденія; объ этомъ они составили постановленіе и объявили во всей странѣ. Но о большой опасности, очевидно угрожавшей странѣ, въ то время совершенно не заботились.

Прим. перев. Когда послы изъ Новгорода прибыли въ Дерптъ (въ іюлѣ 1554 году), то дерптскій епископъ тотчасъ же далъ знать рижскому архіепископу и магистру о договорѣ, какъ о документѣ, касавшемся всей Ливоніи, такъ какъ въ немъ было сказано, что если дерптскій епископъ не будетъ платить дани, то вся Ливонія отвѣчаетъ за это и должна принудить дерптскаго епископа къ платежу. Архіепископъ рижскій созвалъ ландтагъ въ Лемзаль на 13 января 1555 г., чтобы разсудить слѣдуетъ-ли Дерпту платить дань или же надлежитъ воспротивиться этому общими силами.

Постановленія этого ландтага неизвѣстны, но кажется, что дѣло кончилось ничѣмъ: разъѣхались, ничего не порѣшивши.

Ландтагъ въ Перновѣ 1555 года, о которомъ упоминаетъ Рюссовъ, не имѣлъ отношенія къ перемирной грамотѣ. Ливонцы

весь 1555 годъ, когда шла война между русскими и шведами, ничего не дѣлали, ни къ чему не готовились. По словамъ Гіарна (Monum. Liv., I, 208) ливонскій магистръ не подалъ помощи шведамъ, разсуждая, что для Ливоніи будетъ хорошо, если два сосѣднія государства станутъ между собою воевать: Москва тогда забудетъ свои притязанія и оставитъ Ливонію въ покоѣ.

Расчетъ оказался самымъ неудачнымъ, потому что Москва какъ только заключила миръ со Швеціею, немедленно же въ іюнѣ 1556 г. обратилась на Ливонію.

56. Сужденія о кометѣ, 1556 г.

Въ 1556 году, въ посту, огненная комета долгое время видна была надъ Ливоніею.

Въ то же время ливонскіе чины собрались на сеймъ въ Вольмаръ. Когда они всѣ сидѣли на пиру, между прочимъ также и одинъ дерптскій каноникъ — имъ принесли извѣстіе, что на небѣ показалась странная, необыкновенная звѣзда, похожая на метлу; поэтому просили каноника, чтобы онъ вышелъ посмотрѣть на звѣзду и чтобы онъ, какъ ученый, сказалъ о ней свое мнѣніе. Тогда этотъ каноникъ началъ говорить, что онъ хорошо знаетъ, что это за вещь. Это комета, а онѣ обыкновенно не предвѣщаютъ ничего добраго. Такъ какъ каноникъ, знатный и ученый мужъ, такъ легковѣрно судилъ о кометѣ, то впослѣдствіи тѣ же люди, и не самые ничтожные, слышавшіе это, называли другія кометы, видѣнныя послѣ того, также только вещами и говорили, какъ и каноникъ: «Эти вещи не предвѣщаютъ ничего добраго».

Прим. пер. Комета 1556 г., о которой говоритъ здѣсь Рюссовъ, есть комета, извѣстная у астрономовъ подъ именемъ Фабриціевой. Англійскій астрономъ Галлей считалъ (едва-ли справедливо) ее тождественною съ кометою 1264 г.; нѣкоторые ожидали возвращенія ея въ 1848 году, но ожиданія не исполнились.

57. Келарь Терпигоревъ въ Дерптѣ, 1556 г.

Тѣмъ-же лѣтомъ въ іюнѣ, московитъ прислалъ своего посла, а именно келаря Терпигорева, упрямаго, заносчиваго человѣка, съ подаркомъ и почтеніемъ къ епископу дерптскому; ради великаго князя посла приняли въ Дерптѣ съ большею честью и уваженіемъ. Подъѣхавъ къ трапезной епископа, чтобы сообщить о своемъ дѣлѣ, посолъ велѣлъ нести передъ собой подарокъ и поминки великаго князя, присланные епископу дерптскому, которые были слѣдующіе: вопервыхъ сѣть или тенета, плетенная изъ шелковыхъ шнурковъ;

за этой сѣтью вели двухъ московитскихъ борзыхъ псовъ. За собаками несли чрезвычайно пестрый и затѣйливый платокъ или простыню. Всѣ жители Ливоніи очень удивлялись этимъ страннымъ дарамъ московита, и на разные лады понимали и судили о подобномъ изъявленіи почтенія.

Порученіе, данное этому послу, состояло въ объявленіи, что его великій князь желаетъ получить дань немедленно и ждать больше не намѣренъ. Добрый совѣтъ какъ бы былъ дорогъ въ такое время! Тогда собрались всѣ совѣтники епископства и города Дерпта вмѣстѣ съ епископскимъ канцлеромъ и совѣтовались между собой, что дѣлать въ такомъ важномъ дѣлѣ. Тогда епископъ со своими совѣтниками и канцлеромъ сочли самымъ лучшимъ обѣщать дань, и обѣщаніе скрѣпить печатью. На это Іоаннъ Генкъ, бургомистръ дерптскій, отвѣтилъ, что это, по его мнѣнію не годится: что обѣщано и скрѣплено печатью, то необходимо исполнить, а однимъ обѣщаніемъ не раздѣлаешься съ московитомъ. На это епископскій канцлеръ Юргенъ Гольтшуръ возразилъ: «Господинъ бургомистръ! Вы больше знаете толку во льнѣ и козловыхъ шкурахъ, чѣмъ въ подобныхъ дѣлахъ: Московитъ строгъ и можетъ съ нашей землей такую шутку пошутить и такой вредъ ей нанести, отъ котораго она не скоро опомнится. Я думаю, что должно привѣсить свои печати и обязаться платить дань, но на дѣлѣ ни на волосъ не будемъ платить. Московитъ и не пойметъ какъ мы внесемъ дѣло въ имперскій камерный судъ: все, что постановится здѣсь, тамъ уничтожится». На томъ они порѣшили и привѣсили печати къ договору о дани московитамъ, а именно съ каждаго человѣка по рижской маркѣ, въ то время стоившей около 1/4 талера, или любекскій шиллингъ, а то, что оставалось неуплаченнымъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ вносили дань, епископъ дерптскій долженъ былъ по совѣсти уплатить въ теченіи трехъ лѣтъ. Отъ дани никто не освобождался, кромѣ духовенства.

Московскій посолъ, келарь Терпигоревъ, принявъ припечатную грамоту, подалъ ее своему секретарю, и когда послѣдній сталъ ощупывать ее, то келарь взялъ отъ него грамоту, положилъ ее себѣ за пазуху и громко сказалъ своему секретарю въ присутствіи всѣхъ окружающихъ: «Нѣтъ не такъ! Ты не умѣешь обращаться съ грамотою; вѣдь это маленькое дитя, которое нужно холить и кормить бѣлымъ хлѣбомъ и сладкимъ молокомъ. Когда же ребенокъ подростетъ, то навѣрное заговоритъ и принесетъ большую пользу нашему великому князю». Тогда онъ сказалъ также одному бургомистру Іоанну Дерстельману: «Пусть дерптцы подумываютъ, какъ бы добыть денегъ, потому что когда ребенокъ подростетъ, то ему понадобятся деньги и онъ потребуетъ ихъ». Когда дѣло было рѣшено подобнымъ образомъ и посолъ возвратился въ Россію съ грамотой, и всѣ подробности стали

извѣстными по всѣмъ городамъ и землямъ, дворянамъ и недворянамъ, тогда они стали жалѣть о сдѣланномъ. Нѣкоторые говорили: «Что мы надѣлали! Мы припечатали всю Ливонію московиту». Другіе говорили: «Лучше мы сто талеровъ провоюемъ съ московитомъ, чѣмъ хоть одинъ талеръ дадимъ ему дани». А Юргенъ Гольтшуръ все твердилъ, что дѣло слѣдуетъ только внести въ имперскій камерный судъ, а ужъ императоръ поставитъ московитовъ въ границы.

Прим. перев. Царскій посолъ, келарь Терпигоревъ, былъ присланъ въ Дерптъ для окончательнаго скрѣпленія договора, заключеннаго въ Новгородѣ въ 1554 году и исполненія тогдашней обычной формы: епископъ долженъ былъ отрѣзать у перемирной грамоты посольскія печати и вмѣсто нихъ привѣсить печати свою и магистрову.

Терпигорева помѣстили въ домѣ какого-то Андрея Ватермана на рынкѣ и на другой день позвали его на аудіенцію въ епископскій замокъ. По обычаю, предъ посломъ несли подарки (по Рюссову: сѣть, пару собакъ и шитый платокъ; по Ніенштету: шелковую епанчу, пару собакъ, да узорами шитое сукно), и по обычаю же, посолъ, представляясь епископу, сказалъ: „Царь и великій князь всей Русіи Иванъ Васильевичъ приказалъ спросить о здоровьѣ епископа и магистра. Присылали вы въ Москву пословъ вашихъ къ царю и великому князю всея Русіи и просили продолжить миръ, и государь, царь и великій князь ихъ пожаловалъ: миръ имъ далъ; а они поднесли государю за свою печатью грамоту, которую государь имъ приказалъ написать на томъ, что епископъ и магистръ печать пословъ отрѣжутъ, и привѣсятъ свои печати — епископскую и магистрову. И приказалъ мнѣ государь не долго здѣсь оставаться“.

Епископъ Германъ поблагодарилъ посла, изъявилъ свое удовольствіе о царскомъ здоровьѣ и отпустилъ посла въ его помѣщеніе. Посолъ, уходя, сказалъ: „Если мнѣ скоро не будетъ отвѣта, то я уѣду безъ вашего отвѣта — ждать не стану“.

Затѣмъ начался совѣтъ. Мнѣніе канцлера Юргена Гольцшира было принято. Онъ предлагалъ: при врученіи послу припечатанной грамоты прочесть въ слухъ протестъ въ томъ смыслѣ, что ливонцы, безъ согласія римскаго императора, не вправѣ обязываться платежемъ дани, и этотъ протестъ внести въ имперскую камеру.

По одобреніи мнѣнія Гольцшира, немедленно-же послали къ императору просьбу о посылкѣ къ московскому царю посольства и отвращеніи грозящаго Ливоніи зла.

Терпигорева послѣ этого снова позвали въ замокъ, отдали ему грамоты съ новыми печатями, и ораторъ прочелъ протестъ, а писаря стали его записывать (см. Ніенштета, 46 и слѣд.).

— Что это говорили и что записываютъ? — спросилъ Терпигоревъ.

Толмачъ объяснилъ ему.

— А какое дѣло моему государю до императора — сказалъ Терпигоревъ сердито. Дали мнѣ грамоту, довольно: не станете государю дани платить — самъ соберетъ!

Насмѣшливый тонъ Терпигорева, когда онъ пряталъ грамоту, разсердилъ епископскихъ совѣтниковъ. Терпигоревъ, провожаемый нѣмецкими гофъ-юнкерами, когда пришелъ домой, еще разъ раздосадовалъ нѣмцевъ. Отдавая своему подьячему грамоту, онъ сказалъ:

— Смотри-жъ ты у меня, береги этого теленка, чтобы онъ выросъ великъ и разжирѣлъ.

Москвитяне, въ глазахъ нѣмцевъ, завернули полученнаго теленка въ шолковую ткань и уложили въ обитый сукномъ ящикъ.

Дерптцы роскошно угостили посла. Терпигоревъ благодарилъ за хлѣбъ-соль и послѣ обѣда заявилъ, что ему еще нужно поговорить въ совѣтѣ объ одномъ дѣлѣ. Ему назначили аудіенцію на другой день.

Въ назначенное время Терпигоревъ пришелъ въ совѣтъ и былъ предварительно угощенъ въ особой комнатѣ. Послѣ угощенія онъ вошелъ въ залъ совѣта, сопровождаемый какимъ то русскимъ. Посолъ заявилъ, что у этого человѣка на псковской дорогѣ разбойники убили брата и отняли нѣсколько сотъ талеровъ. Этотъ русскій просилъ управы у епископа, но не получаетъ ее. По крестному же цѣлованію, за убійство отвѣчаетъ вся околица или платежемъ за пограбленное, или выдачею убійцы. Пусть епископъ велитъ заплатить этому русскому за пограбленное.

Послали этаго русскаго къ епископу и тотъ отвѣчалъ, что люди той околицы, гдѣ совершилось убійство, живутъ далеко отъ Дерпта, надобно подождать, пока ихъ вызовутъ. Терпигоревъ отвѣчалъ: Ждать мнѣ долго нельзя: пусть совѣтъ заплатитъ деньги, а послѣ получитъ съ тѣхъ, кто платить обязанъ. „У насъ нѣтъ столько денегъ" — отвѣчали совѣтники. „У васъ подъ ратушей стоитъ двѣнадцать бочекъ золота" — говорилъ Терпигоревъ.

Нѣкоторые засмѣялись, а бургомистръ Дорстельманъ сказалъ: Можетъ быть тамъ и есть деньги, да ключей нѣтъ у насъ: одни у города Риги, другіе у города Ревеля; безъ ихъ воли нельзя притронуться къ этому золоту.

Терпигоревъ не настаивалъ, но сказалъ: „Ну, такъ напоминайте же епископу, чтобъ изъ вашихъ грамотъ и печатей вышло вамъ добро — а это будетъ тогда, когда вы дань заплатите, иначе станется вамъ несчастіе великое!"

Съ этими словами, онъ — говоритъ Ніенштетъ — простился и уѣхалъ.

58. *Война между орденомъ и архіепископомъ Вильгельмомъ.*

Ратники. 1556 и 1557 г.

Тѣмъ же лѣтомъ въ 1556 г. началась внутренняя война между маркграфомъ Вильгельмомъ бранденбургскимъ, архіепископомъ рижскимъ, и магистромъ Генрихомъ ф. Галеномъ со всѣмъ орденомъ,

совершенно неожиданно и очень скоро, она произошла изъ за того, что магистръ узналъ, что архіепископъ переговаривался съ ландмаршаломъ, Каспаромъ фонъ Мюнстеромъ, о томъ, какъ бы поставить всю Ливонію подъ покровительство польскаго короля. Поэтому весь орденъ скоро собрался итти войной на архіепископа, а такъ какъ магистръ Генрикъ фонъ Галенъ по причинѣ своей глубокой старости и слабости самъ не могъ идти въ походъ, то полководцемъ былъ назначенъ Вильгельмъ фонъ Ферстенборгъ, коадъюторъ магистра.

Когда Каспаръ фонъ Мюнстеръ замѣтилъ, что орденъ не шутитъ, то бѣжалъ къ польскому королю и оправдывалъ себя печатнымъ заявленіемъ. Архіепископъ же и герцогъ Христофоръ Мекельнборгскій, коадъюторъ архіепископа, были осаждены орденомъ въ Кокенгузенѣ и взяты въ плѣнъ; герцогъ Христофъ былъ признанъ невиноватымъ и отпущенъ въ Германію. Архіепископа же отвезли въ Шмильтенъ и держали тамъ въ заточеніи цѣлый годъ. Этимъ Сигизмундъ Августъ, король польскій, дядя архіепископа, и Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій и герцогъ прусскій, родной братъ архіепископа, были принуждены начать войну съ ливонскимъ орденомъ, чтобы освободить архіепископа изъ тюрьмы.

Когда впервые разнесся слухъ объ архіепископѣ рижскомъ и ландмаршалѣ, то по всей странѣ поднялась ужасная тревога. Сильно кричали о томъ, что архіепископомъ и его братомъ, герцогомъ прусскимъ, приготовлена цѣлая куча кораблей съ рыцарями и ратниками (кнехтами), которые неожиданно должны были напасть на Ливонію. Поэтому посылали письма за письмами, день и ночь, къ дворянамъ-помѣщикамъ, чтобы они немедленно по прочтеніи писемъ вооружали по числу своихъ имѣній ратниковъ и отправлялись бы къ гавани и на морской берегъ, чтобы помѣшать вторженію непріятеля. Въ то время у многихъ неопытныхъ ливонцевъ, не думавшихъ о войнѣ, не было ни ратниковъ, ни оружія по числу ихъ имѣній; поэтому должны были на скоро отправиться въ походъ ненѣмецкіе подконюшіе (Stalljunge) и старые шестифердинговые кнехты (служившіе за шесть ферданговъ — Sechsferdingsknechte), которые уже почти до полусмерти спились и обабились, и навѣрное во всю жизнь ни разу не выстрѣлили. Когда же они напялили на себя старую заржавѣвшую броню и должны были двинуться въ путь, то сначала крѣпко перепились и клятвенно обѣщали вмѣстѣ жить и умереть. Затѣмъ многіе изъ нихъ полумертвые сидѣли на коняхъ и, наконецъ, двинулись въ поле. Тогда жены, дѣвушки, служанки и дѣти такъ выли и плакали, будто эти воины никогда болѣе не могутъ вернуться.

Когда они всѣ подошли къ морскому берегу и гаванямъ, то тамъ не нашли ни корабля, ни какого либо человѣка, угрожавшаго имъ: ихъ страхъ былъ совершенно напрасенъ. Послѣ того какъ

они оставались тамъ безъ дѣла нѣсколько недѣль и опорожнили телѣги со съѣстными запасами и пивныя бочки, воротились домой не безъ славы и чести, по ихъ мнѣнію.

Такова въ то время была большая безпечность въ странѣ и неопытность въ войнѣ. И когда они на скорую руку стали собирать ландскнехтовъ (жолнѣровъ, наемныхъ солдатъ), то былъ большой недостатокъ въ барабанщикахъ. И когда съ трудомъ нашли одного, умѣвшаго бить въ барабанъ, то всѣ неопытные ремесленные подмастерья оказались лучшими боевыми людьми. А когда вечеромъ разставляли стражу, то бюргеры и жители старые и молодые кучами сбѣгались на площадь и смотрѣли на эволюціи ландскнехтовъ съ такимъ удивленіемъ и усердіемъ, что многіе забывали изъ за этого свой ужинъ. Многіе также выбѣгали изъ церкви во время проповѣди, заслышавъ барабанный бой. Такимъ чудомъ считалась тогда война! Къ осени явились изъ Германіи на службу ордену и городамъ многіе всадники и кнехты (пѣхотинцы). Тогда дворяне запаслись добрыми конными кнехтами и отправились въ Баушке въ Курляндію, чтобы занять тамъ границу противъ короля польскаго и герцога прусскаго. И когда нѣмецкіе ландскнехты пошли за своимъ предводителемъ чрезъ ливонскія земли и проходили со своими женами и дѣтьми черезъ дворы дворянъ и деревни, и по своему обыкновенію требовали продовольствія и входили въ дома въ высокихъ сапогахъ, вышитыхъ платьяхъ и съ длинными копьями и боевыми мечами, тогда всѣ дворяне, крестьяне, женщины, дѣвушки и вся челядь такъ глазѣли на нихъ, будто явилось заморское чудовище. Ибо прежде они не видывали такихъ гостей, тѣмъ болѣе что тѣ явились теперь такъ неожиданно.

Послѣ того какъ оба войска поляковъ и ливонцевъ въ полномъ вооруженіи почти цѣлый годъ вели борьбу, дѣло было наконецъ улажено посредничествомъ Фердинанда, римскаго императора, и другихъ государей. Наконецъ, между обѣими сторонами былъ заключенъ въ Пастволъдѣ (Позволѣ) на литовской границѣ договоръ въ такомъ видѣ, что магистръ заплатитъ польскому королю шестьдесятъ тысячъ талеровъ за военныя издержки и освободитъ архіепископа рижскаго изъ тюрьмы и даруетъ ему снова прежній санъ со всѣми отнятыми городами, крѣпостями и замками, что и случилось въ 1557 г. Въ томъ же году умеръ магистръ Гинрикъ фонъ Галенъ, управлявшій шесть лѣтъ.

Нѣкоторые пишутъ, что причина этой войны магистра съ архіепископомъ маркграфомъ Вильгельмомъ была та, что упомянутый архіепископъ не хотѣлъ принимать лютеранскаго вѣроисповѣданія, пишутъ, что ливонскія сословія при этомъ мирномъ договорѣ подчинились польской коронѣ, чего быть не могло. Маркграфъ Вильгельмъ, архіепископъ рижскій, принялъ евангелическое ученіе, распространен-

ное Мартиномъ Лютеромъ, гораздо раньше, чѣмъ магистръ и всѣ орденскіе братья. А также и ливонскія сословія во время заключенія этого мира въ Пасвольдѣ съ королемъ польскимъ не отдавались подъ защиту польской короны; и только впослѣдствіи въ московитскую войну, когда московиты совершенно стали тѣснить ихъ и они не получали никакой помощи и никакого утѣшенія отъ римской имперіи, которой они еще подчинялись, то нѣкоторые изъ нихъ, по безвыходной нуждѣ, сдались королю датскому, другіе королю польскому, а нѣкоторые королю шведскому.

Прим. перев. Легкомысліе, съ какимъ дерптскій епископскій совѣтъ согласился на предложеніе епископскаго канцлера и отпустилъ Терпигорева съ утвержденною грамотою по истинѣ замѣчательно, и даже необъяснимо. Думали, вѣроятно, что московское правительство и царь Іоаннъ Васильевичъ послушаются безсильной имперской камеры и оставятъ ливонцевъ въ покоѣ. Гроза надвигалась очевидная, а между тѣмъ ни властители Ливоніи, ни ливонскія сословія не только не думали о какихъ либо военныхъ мѣропріятіяхъ противъ Россіи, но напротивъ свои силы и средства съ невѣроятнымъ ослѣпленіемъ стали тратить на междоусобную войну, возникшую между орденомъ и архіепископомъ.

Въ этой главѣ Рюссовъ превосходно характеризуетъ немощность, слабость ливонскаго общества, тѣмъ не менѣе эта глава требуетъ нѣсколькихъ объясненій, такъ какъ причины и поводы къ усобицѣ были не тѣ, какія указаны лѣтописцемъ.

Выше уже было замѣчено (см. стр. 315), что на ландтагѣ, происходившемъ въ 1546 г. въ Вольмарѣ, ливонскія сословія постановили, чтобы архіепископы, епископы и магистры не назначали себѣ коадъюторовъ, т. е. помощниковъ по должности изъ германскихъ владѣтелей, и что архіепископъ Вильгельмъ самъ подписалъ это опредѣленіе вмѣстѣ съ прочими. Когда архіепископъ Вильгельмъ узналъ о результатахъ посольства въ Москву въ 1554 г. и увидѣлъ, что вопросъ о дани можетъ накликать на Ливонію большую бѣду, то сообразилъ, что рижскому архіепископству было бы гораздо выгоднѣе имѣть архіепископомъ человѣка родовитаго, за котораго могли бы заступиться иностранные государи, чѣмъ человѣка неродовитаго. Въ этихъ видахъ онъ въ 1554 г. назначилъ себѣ коадъюторомъ семнадцатилѣтняго Христофора (Христіана), герцога мекленбургскаго и родственника польскому королю, могущему оказать серьезную помощь Ливоніи противъ Москвы. Рижскій соборный капитулъ и архіепископскій совѣтъ согласились на этотъ выборъ, присягнули Христофу, который торжественно и вступилъ въ Ригу 25 ноября 1555 года. Магистръ и орденъ взглянули на такое назначеніе крайне неодобрительно, а какъ вольмарскимъ ландтагомъ 1546 года было также постановлено, что всѣ сословія обязаны возстать противъ назначенія коадъютора изъ германскихъ принцевъ, потому магистръ Галенъ, не взирая на посредническія убѣжденія польскаго короля, созвалъ

сословія на ландтагъ въ Венденъ, здѣсь объявилъ поступокъ архіепископа противозаконнымъ и немедленно послалъ только что предъ тѣмъ назначеннаго динабургскимъ командоромъ Готгарда Кетлера (впослѣдствіи магистръ) въ Германію набирать жолнѣровъ (ландскнехтовъ) для войны съ архіепископомъ.

Архіепископъ Вильгельмъ, узнавъ, что Кетлеръ отправился за жолнѣрами, написалъ шифрованное письмо къ своему брату, герцогу прусскому Альберту съ просьбою прислать на помощь архіепископу изъ Пруссіи жолнѣровъ, но не сухимъ путемъ, а водою, и указывалъ, что прусскіе жолнѣры могутъ высадиться въ Динаминдѣ, Салисѣ и Перновѣ. Гонецъ, везшій это письмо въ Кенигсбергъ, былъ захваченъ въ Курляндіи, и письмо было расшифровано и прочтено какимъ то секретаремъ. Вѣсть о письмѣ распространилась по Ливоніи и произвела ту панику, о которой раскаываетъ Рюссовъ.

Престарѣлый магистръ Галенъ, получивъ извѣстіе объ архіепископскомъ письмѣ, ополчился на архіепископа, пригласилъ къ участію въ походѣ дворянъ и назначилъ себѣ коадъюторомъ феллинскаго командора Вильгельма Фирстенберга, человѣка запальчиваго и мало способнаго. Назначеніе это страшно оскорбило орденскаго маршала Каспара фонъ Мюнстера, потому что со временъ магистра Фрейтага фонъ Лорингофена вошло уже въ обычай, что коадъюторомъ магистру назначался не кто либо изъ орденскихъ сановниковъ, а именно орденскій маршалъ. Мюнстеръ счелъ назначеніе Фирстенберга личною обидою для себя и не замедлилъ пристать къ архіепископу. Онъ и архіепископъ положили передать всю Ливонію подъ покровительство Польши (архіепископъ Вильгельмъ прежде, при самомъ началѣ своего архіепископства, подумывалъ отдать Ливонію своему брату подъ главенство короны польской, соединивъ въ одно цѣлое всѣ бывшія орденскія владѣнія въ Пруссіи и Ливоніи). Мюнстеръ отправился въ Польшу и Пруссію для переговоровъ.

Вотъ тутъ то и началось общее ополченіе ливонцевъ, отвыкшихъ въ теченіе 50 лѣтъ отъ всякой войны и та траги-комическая картина, которую нарисовалъ Рюссовъ.

Польскій король послалъ къ архіепископу своего гонца по имени Ланскаго, желавшаго пробраться въ Ригу безъ паспорта. Розитенскій командоръ Вернеръ Шаль ф. Белль схватилъ этого гонца и такъ его избилъ, что тутъ на третій день умеръ отъ ранъ. Рига 8 іюня 1556 года отказала въ повиновеніи своему духовному владыкѣ, а 16 іюня, въ то время, когда въ Дерптъ пріѣхалъ Терпигоревъ, ливонскіе епископы объявили себя противъ архіепископа и пристали къ ордену.

Немедленно послѣ такого объявленія, орденъ взялъ и ограбилъ замокъ рижскаго капитула Кремонъ; 21 іюля, послѣ двухъдневной осады былъ взятъ и сожженъ Роненбургъ; рыцари пришли въ архіепископство, ограбили его, и принудили канониковъ присягнуть магистру. 29 іюня Фирстенбергъ со своими жолнѣрами и рижскимъ отрядомъ подступилъ къ Кокенгузену, гдѣ пребывалъ архіепи-

скопъ. Герцогъ Христофъ самъ явился въ станъ рыцарей, сдался въ плѣнъ, и былъ отвезенъ сперва въ Венденъ, а потомъ въ Трейденъ. На слѣдующій день сдался и архіепископъ Вильгельмъ. Его отвезли въ Адзель, и назначили на содержаніе ему доходы со Шмильтена и Адзеля, но маріенбургскій командоръ Филиппъ Шалль фонъ Белль (см. Кельха, 218), которому поручено было попеченіе объ архіепископѣ, бралъ себѣ деньги въ карманъ, оставляя стараго Вильгельма въ нуждѣ.

Въ это самое время пришло императорское утвержденіе Фирстенберга въ должности коадъютора; престарѣлый Галенъ немедленно же удалился на покой, всецѣло предоставивъ Фирстенбергу завѣдываніе орденскими дѣлами.

Польскій король Сигизмундъ Августъ не замедлилъ заступиться за своего племянника и потребовалъ у ордена освободить архіепископа и возстановить его на архіепископство. Орденъ послалъ королю собственноручное письмо Вильгельма, которымъ онъ передавалъ свое архіепископство обратно сословіямъ. Король, подозрѣвая, что архіепископъ вынужденъ былъ насиліемъ написать такое письмо, лѣтомъ 1557 г. двинулъ къ Бауску (въ Курляндіи) сильное войско, состоявшее будто бы изъ 100,000 человѣкъ. Противъ этой силы Фирстенбергъ могъ выставить лишь 7,000 нѣмцевъ, нѣсколько сотъ крестьянъ и нѣсколько взводовъ заграничныхъ жолнѣровъ. Съ такими силами нельзя было и думать о борьбѣ съ польскою арміею, и потому, когда прибыли императорскіе послы посредниками, Фирстенбергу (въ маѣ 1557 г. Галенъ умеръ) ничего не оставалось дѣлать, какъ мириться на всей волѣ королевской. Миръ былъ заключенъ въ Позволѣ (въ 7 миляхъ отъ Бауска) 5 сентября 1557 году. Поэтому миру архіепископъ возстановлялся во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ и владѣніяхъ, ему предоставлялась власть надъ Ригою вмѣстѣ съ орденомъ, герцогъ Христофъ признанъ коадъюторомъ съ подчиненіемъ ему епископскаго совѣта; орденъ долженъ былъ заплатить архіепископу 60,000 талеровъ за военныя издержки и пр.

Фирстенбергъ долженъ былъ (см. Ніенштета, стр. 42) лично явиться въ королевскій лагерь въ Позволь и просить у короля прощенія. Розитенскій командоръ долженъ былъ принести присягу, что посла Ланскаго убилъ не намѣренно и вознаградить братьевъ убитаго. Орденъ долженъ былъ возвратить все пограбленное въ архіепископствѣ или заплатить деньгами.

Орденъ позвольскимъ миромъ былъ униженъ до крайности и могъ утѣшиться развѣ тѣмъ, что чрезъ недѣлю послѣ позвольскаго мира Фирстенбергъ, 14 сентября 1557 года, заключилъ оборонительный и наступательный союзъ ордена съ Польшею. Въ это же время былъ заключенъ союзъ и Швеціи съ Польшею и Литвою, которымъ обѣ стороны обязались дѣйствовать совмѣстно противъ ихъ прирожденнаго врага-московскаго государя.

Всѣ эти происшествія были очень хорошо извѣстны московскому правительству, а союзъ ордена и Швеціи съ Польшею и Литвою послужилъ лишь къ новому раздраженію Москвы и рѣшимости покончить съ Ливоніею.

59. Вильгельмъ фонъ Ферстенборгъ дѣлается сорокъ пятымъ магистромъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи 1557—59.

Пророкъ въ Ливоніи 1557 г.

Въ 1557 г. Вильгельмъ фонъ Ферстенборгъ занялъ магистерскую должность въ Ливоніи.

Въ томъ же году зимой изъ верхне-германскихъ земель, чрезъ Польшу и Пруссію, въ Ливонію пришелъ очень странный и удивительный человѣкъ, по имени Юргенъ; онъ прошелъ почти всѣ ливонскіе города и земли совершенно босый, голый, покрытый только однимъ мѣшкомъ; длинные волоса висѣли у него по плечамъ; всѣ жителя Ливоніи очень удивлялись, что верхне-германецъ, непривычный къ большому ливонскому холоду, можетъ переносить голымъ такой сильный морозъ. И хотя у него небыло ни чулокъ, ни башмаковъ, однако у него ноги были такія горячія, что снѣгъ таялъ у него подъ подошвами, гдѣ онъ стоялъ. Когда ему хотѣли давать платье, чулки и башмаки, онъ нехотѣлъ брать ихъ, не смотрѣлъ даже на подарки, и не принималъ пищи, не заработанной раньше. Когда ему предлагали работу, онъ охотно брался за нее; всякую простбрабочую работу въ одинъ день успѣвалъ столько надѣлать, сколько простой рабочій (кнехтъ) могъ исполнить только въ нѣсколько дней: потому ливонскіе рабочіе крестьяне вездѣ считали его за чудо. При работѣ онъ черезъ каждый часъ становился на колѣни и молился, а послѣ молитвы опять принимался усиленно работать, и за работу никогда ничего не бралъ кромѣ ѣды; также никогда никого не ругалъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ пришелъ въ Ливонію, онъ говорилъ: Господь послалъ его, чтобы наказать жадность, высокомѣріе и тунеядство ливонцевъ. Онъ повсемѣстно обличалъ людей въ этихъ порокахъ. Онъ усердно также ходилъ въ церковь и слушалъ, о чемъ тамъ проповѣдывали; а если проповѣдники (пасторы) спрашивали его о чемъ нибудь, онъ называлъ ихъ лицемѣрами. Иные считали его безумнымъ, иные за чудака, другіе же говорили, что онъ знаменіе Господне и что нибудь да непремѣнно случится въ Ливоніи доброе ли, худое ли. Когда онъ поѣхалъ изъ Ревеля въ Нарву, то и пропалъ; говорятъ, что его убили крестьяне.

60. Поводъ къ русской войнѣ 1557 г.

Въ 1557 г. когда всѣ несогласія между Польшей и Ливоніей были улажены, и всѣ конные и пѣшіе кнехты (жолнѣры) были отпущены и уѣхали изъ страны, когда всѣ думали, что теперь миръ упроченъ, тогда снова начала тлѣть искра московской дани, которая скоро стала угрожать пожаромъ всей Ливоніи. Въ это время великій князь московскій написалъ враждебное письмо всѣмъ чинамъ Ливоніи,

слѣдующаго содержанія: «Вильгельмъ, магистръ ливонскій, и архіепископъ рижскій, и епископъ дерптскій и другіе епископы и всѣ жители Ливоніи! — Вы прислали къ намъ своихъ пословъ знатныхъ мужей, Іоанна Бокгорста и Отто Гротгузена, Вальмера Врангеля съ его спутниками, съ повинной головой, чтобы мы помиловали великаго магистра и архіепископа и епископа дерптскаго и другихъ епископовъ и всѣхъ жителей Ливоніи, и приказали бы нашимъ намѣстникамъ въ Новгородѣ и Псковѣ заключить съ ними миръ по старинѣ. Но мы приказали нашимъ намѣстникамъ не заключать мира ради вашей несправедливости и хотѣли искать на васъ вашу неправду. Но Іоаннъ Бокгорстъ, вашъ посолъ съ товарищи, обѣщалъ намъ, что великій магистръ и архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій и всѣ жители Ливоніи исправятъ ихъ неправду, очистятъ русскія церкви и церковныя земли, позволятъ торговать нашимъ гостямъ и купцамъ ливонскими и заморскими всякими товарами, кромѣ оружія (панцырей); что епископъ дерптскій соберетъ дани и все оставшееся неуплаченнымъ за всѣ прошедшіе годы, съ каждаго человѣка по нѣмецкой маркѣ, и пришлетъ намъ эту дань въ три года мира. И что впредь епископъ будетъ выдавать безпрекословно намъ эту дань и безъ всякихъ стѣсненій будетъ пропускать изъ за моря изъ всѣхъ земель людей, желающихъ поступить къ намъ на службу. И что вы ни въ какомъ дѣлѣ ничѣмъ небудете помогать королю польскому или великому князу литовскому, о чемъ ясно написано въ перемирной грамотѣ. Наши намѣстники въ великомъ Новгородѣ и Псковѣ цѣловали крестъ на перемирной грамотѣ, приложили къ ней свои печати для нашего посла келаря Терпигорева, для того чтобы по этой грамотѣ вы справедливо рѣшили всѣ дѣла съ нами и нашими намѣстниками, какъ и написано въ грамотѣ. Но до этого часа вы не уладили еще ни одного изъ всѣхъ этихъ дѣлъ ни съ нами, ни съ нашими намѣстниками. И мы, чтобы не проливать христіанской крови, часто напоминали вамъ письмами, чтобы вы во всѣхъ дѣлахъ честно исполняли перемирную грамоту и оставили ваши несправедливыя и лживыя рѣчи и признали бы свою вину, чтобы не проливалась невинная кровь. Но вы не обратили вниманія на наше помилованіе, и нашу охранную грамоту вы взяли только затѣмъ, чтобы затянуть дѣло. Такъ какъ вы ни во что ставите божескіе законы и всякую правду, и не смотря на крестное цѣлованіе пренебрегли нашей милостью, то ради справедливости нашей мы намѣрены призвать на помощь всемогущаго Бога и отплатить вамъ за ваши неправды и нарушеніе крестнаго цѣлованія, насколько намъ поможетъ всемогущій Господь. А пролитая кровь будетъ пролита не ради нашей, по вашей неправды, знайте это! Поэтому теперь ради вашей неправды мы покажемъ вамъ нашу великую власть. Этого моего слугу, котораго я посылаю вамъ, вы по перемирной грамотѣ не задерживайте, а отправляйте

его назадъ. Писано нашимъ величествомъ, при нашемъ дворѣ, въ городѣ Москвѣ, въ ноябрѣ 1557 г.»

Это письмо принесло всѣмъ ливонскимъ чинамъ не малое огорченіе и заботу. Епископъ дерптскій сильно надѣялся, что московита нѣкоторымъ образомъ можно будетъ удовлетворить принесеніемъ клятвы въ томъ, что жители дерптскаго епископства никогда не давали никому дани; что ни изъ какихъ старыхъ книгъ и бумагъ нельзя узнать, а также никто изъ старыхъ людей не помнитъ, чтобы когда-нибудь они платили дань великому князю; напротивъ, изъ старыхъ бумагъ видно только, что въ старину пограничные жители дерптскаго епископства пользовались правомъ ставить въ лѣсу на псковской землѣ борти, за что ежегодно давали часть меду русскому начальнику, чего въ нѣкоторые годы не было выдаваемо; далѣе нашли, что когда-то въ древности дерптцы давали ежегодно даръ въ церковь Живоначальныя Троицы во Псковѣ за лѣсъ-ли, быть можетъ, принадлежащій этой церкви, или изъ благочестиваго приношенія — неизвѣстно. Когда никакіе извороты ничего не помогали, и ливонцы узнали изъ послѣдняго письма, что московитъ не шутитъ, то они немедленно тотчасъ же снарядили новое посольство въ Москву; для этого посольства выбраны были Клаусъ Франке и Элертъ Крузе, которые въ 1557 г. зимою уѣхали въ Москву съ порученіемъ по мѣрѣ силъ добиваться постояннаго мира и уничтожить невозможную большую дань, которая не можетъ быть внесена безъ оскорбленія совѣсти и превосходитъ годовую арендную плату и доходы всѣхъ владѣльцевъ и дворянъ во всемъ дерптскомъ епископствѣ.

Когда упомянутые послы прибыли въ Москву, то они со всѣмъ возможнымъ усердіемъ вели переговоры съ московитомъ и наконецъ достигли того, что московитъ понизилъ требуемую сумму на 40000 талеровъ, которые они должны были выплатить тотчасъ же, не медля; кромѣ того дерптское епископство обязано выдавать ежегодно великому князю 1000 венгерскихъ гульденовъ. Этимъ миръ былъ закрѣпленъ и одобренъ съ обѣихъ сторонъ. Когда былъ въ Москвѣ заключенъ миръ между Россіей и Ливоніей, то по всѣхъ улицамъ была большая радость и ликованіе. Черезъ нѣсколько времени великій князь послалъ своихъ людей къ ливонскимъ посламъ въ ихъ подворье, чтобы получить 40000 талеровъ; но у нихъ не было денегъ. Тогда великій князь страшно разсердился и велѣлъ спросить пословъ — незатѣмъ-ли они пріѣхали, чтобы дурачить его: пусть они ѣдутъ домой, онъ скоро пойдетъ за ними и самъ возьметъ деньги съ Ливоніи. Послы вызывались доставить заложниковъ и самимъ не уѣзжать изъ страны, такъ какъ деньги прибудутъ безъ замедленія, но ничего не помогло. Тогда онъ тотчасъже велѣлъ объявить своимъ воинамъ, чтобы тѣ вооружались противъ Ливоніи. Послѣдніе

скоро должны были выступить, и черезъ короткое время пошли въ слѣдъ за ливонскими послами.

(Въ его Ферстенберга правленіе когда весь раздоръ и несогласія между архіепископомъ и его приверженцами и орденомъ были улажены, скоро вспыхнулъ новый огонь. Миръ съ московитомъ окончился; такъ какъ онъ сталъ упорно требовать съ дерптскаго епископства большую дань за безчисленные годы, то это доставило большое огорченіе всѣмъ ливонскимъ чинамъ, а особенно же епископу.

Въ то время епископомъ дерптскимъ былъ абатъ фалькенаскій Германъ, сынъ везельскаго сапожника; этого Германа совѣтники дерптскаго епископства избрали не ради споспѣшествованія христіанской религіи или благочестія, но изъ за его денегъ. Епископство Дерптъ было обремѣнено большими долгами прежнимъ епископомъ, Іостомъ фонъ-деръ-Реке, который всѣ имѣнія епископства дерптскаго заложилъ и взялъ подъ нихъ залогъ огромную сумму денегъ, и съ этими деньгами уѣхалъ изъ страны въ Мюнстеръ; тамъ женился и оставилъ епископство дерптское на бобахъ; поэтому дерптцамъ нужно было имѣть властителя, у котораго были бы деньги, а самъ онъ могъ быть чѣмъ угодно, и титулъ ему могли дать во всякое время; и такъ деньги стали теперь въ Дерптѣ епископомъ. А представители дворянства и города Дерпта держали въ рукахъ правленіе и имѣли властителемъ у себя чурбанъ (какъ лягушки въ эзоповой баснѣ): каждый дѣлалъ что хотѣлъ, не обращая вниманія на высшее начальство. Вообще, своя воля у каждаго, исключая бѣдняковъ, стояла выше всего. Когда же московитъ потребовалъ дань съ большими угрозами, тогда епископъ Германъ долженъ былъ раскошелиться; поэтому онъ сталъ трусить и началъ переговариваться со своимъ канцлеромъ Юргеномъ Гольтшуромъ, какъ бы ему попасть подъ тайное покровительство московита. Совѣтники же дворянства и города совершенно лишились разсудка и разума, и добрый совѣтъ былъ бы дорогъ имъ.

И хотя нѣкоторые дворяне были на столько богаты и могущественны, что каждый изъ нихъ своими деньгами съ малымъ убыткомъ для себя могъ бы помочь несчастію, но не одинъ изъ нихъ не хотѣлъ дать ни одного талера, пока московитъ не взялъ всего вмѣстѣ съ ихъ землями и людьми. Тогда магистръ хотѣлъ вести переговоры съ московитомъ, и московитъ настолько умилостивился, что спустилъ требуемую сумму на 50000 талеровъ. Но ливонцы не согласились на то, но сочли большимъ униженіемъ купить миръ. Когда же они охотно далибы деньги, то московитъ уже не захотѣлъ брать; такъ и должно было быть, чтобы отецъ дома потребовалъ когда-нибудь отчета. Поэтому здѣсь не могъ помочь никакой совѣтъ или переговоры). *)

---

*) Означенное въ скобкахъ взято изъ 1-го изданія лѣтописи.

Прим. перев. По новгородской перемирной грамотѣ 1554 г. дерптцамъ слѣдовало уплатить дань въ 1557 г. Не находя въ дерптскихъ архивахъ, какъ свидѣтельствуетъ Рюссовъ, никакихъ документовъ о дани, дерптскій епископъ и его совѣтъ въ мартѣ 1557 г. послалъ въ Москву пословъ (по Бреденбаху — Гергарда Флеминга, Валентина Мельхіора и Генриха Винтера; по русскимъ лѣтописямъ — Валентина, да Мельхеля, да писаря Гануса) просить, чтобы царь сложилъ дань по гривнѣ съ человѣка. Просьба была самая неосновательная, потому что уже послѣдній договоръ, привезенный Терпигоревымъ, составлялъ неоспоримый документъ: дань должна была быть уплоченною по силѣ этого документа.

Окольничій Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ, переговаривавшіе въ 1554 г., переговаривали и теперь, и сказали посламъ (Лѣтоп. львов. V, 168): „По перемирнымъ грамотамъ и по вашему челобитью государь на васъ дань положилъ, и послы наши крестъ цѣловали и бискупъ юрьевскій крестъ цѣловалъ предъ посломъ намѣстника новгородскаго келаремъ Терпигоревымъ — платить дань по гривнѣ съ человѣка, опричь церковныхъ людей. Какъ же вы теперь просите сложить дань? Третій годъ исходитъ, а вы не исправились въ своемъ цѣлованьи: такъ знайте же, что государь самъ будетъ собирать свою дань на магистрѣ и на всей ливонской землѣ.“

Послы уѣхали въ мартѣ, не удостоившись даже быть у государя (Бреденбахъ, впрочемъ, говоритъ, будто они были у царя и царь укорялъ ихъ въ томъ, что они заслужили гнѣвъ Божій за оставленіе прежняго благочестія и принятія протестантства).

Вслѣдъ за тѣмъ въ апрѣлѣ московское правительство запретило русскимъ купцамъ ѣздить въ Ливонію, позволивъ, однако, нѣмцамъ пріѣжать въ Россію, а царь отправилъ князя Шестунова строить городъ и гавань (корабельное пристанище при устьѣ рѣки Наровы, ниже Ивангорода). Въ ноябрѣ 1557 г., когда истекъ срокъ платежа, царь объявилъ войну Ливоніи тою грамотою, которая приведена Рюссовымъ въ этой главѣ (несомнѣнно, что союзъ, заключенный орденомъ съ Польшею 14 сентября 1557 г., противорѣчившій перемирной грамотѣ съ Россіею 1555 г., ускорилъ разрывъ). Вслѣдъ за царскимъ письмомъ, въ ноябрѣ, къ ливонскимъ границамъ двинулось 40,000 войско подъ начальствомъ бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея и воеводъ: князя Михаила Васильевича Глинскаго, царицына брата Данила Романовича и др.; подлѣ русскихъ полковъ шли татары, черемисы, мордва, черкесы пятигорскіе.

Магистръ Фирстенбергъ созвалъ ландтагъ въ Венденѣ и тутъ рѣшили послать къ царю за опасною грамотою для пословъ. Грамоту дали, и въ декабрѣ 1557 г. въ Москву послы прибыли (по Рюссову — Франке и Крузе; по Фабрицію — Іоаннъ Таубе и Элегардъ Краузе: по русскимъ лѣтописямъ — отъ магистра Клатусъ да Томасъ, да Мельхеръ, а отъ бискупа юрьевскаго Елертъ, да Христофоръ, да Власъ Бека). Съ ними переговаривали прежнія лица: Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ.

Послы били челомъ, чтобы государь оставилъ поголовную дань по гривнѣ съ человѣка, а взялъ бы единовременно за прошлыя недоимки 18,000 руб. по московскому счету, да ежегодно Юрьевъ будетъ платить по 1000 венгерскихъ золотыхъ. Царь согласился и потребовалъ деньги, но у пословъ денегъ не было, тогда раздраженный Іоаннъ, видя желаніе нѣмцевъ обмануть его, велѣлъ посламъ ѣхать назадъ, а войску вступить въ Ливонію.

Гіэрнъ говоритъ, будто послы отправились въ Москву безъ денегъ, понадѣявшись на обѣщанія московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Ливоніею, что если миръ будетъ заключенъ, то они дадутъ посламъ денегъ въ займы подъ вексель, но царь подъ смертною казнію запретилъ посламъ давать денегъ въ займы. Фабриції разсказываетъ, что передъ отъѣздомъ позвали пословъ къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Въ январѣ 1558 г. русское войско перешло чрезъ ливонскую границу изъ Пскова.

61. Начало войны съ русскими, 1558 г.

Въ 1558 г., 22 января, московитъ съ сильнымъ войскомъ пришелъ въ Ливонію, напалъ на земли въ епископствѣ рижскомъ, дерптскомъ и Вирландѣ, грабилъ, жегъ и убивалъ, и причинилъ большой убытокъ убійствомъ, грабежемъ, пожаромъ и взятіемъ въ плѣнъ, безъ всякаго сопротивленія, ливонцевъ; то, чего онъ не могъ захватить съ собой изъ скота и хлѣба, онъ уничтожилъ; много скота онъ загонялъ въ сараи, затѣмъ поджигалъ и сжигалъ ихъ со скотомъ.

Прим. перев. Перейдя ливонскую границу 22 января, Шигъ-Алей отпустилъ напередъ себя воеводу князя Барбашина съ русскими и татарскими полками съ приказаніемъ раздѣлиться на меньшіе отряды и воевать ливонскія земли въ разныхъ направленіяхъ, а самъ съ главными силами направился на Дерптъ. Отряднымъ начальникамъ — князю Барбашину, князю Репнину, Даніилу Адашеву и другимъ велѣно укрѣпленныхъ мѣстъ не трогать, но разорять лишь одни посады и деревни. Отряды эти прошли верстъ полтораста вдоль ливонской границы, опустошая и сжигая все встрѣчное. Сопротивленія нигдѣ не было. Собравъ огромную добычу и полонъ, отряды соединились съ Шигъ Алеемъ, подходившимъ къ Дерпту. Изъ Дерпта на встрѣчу московскому войску выслали ничтожный отрядъ, человѣкъ въ 500, который былъ немедленно же разбитъ на голову. Въ Дерптъ, какъ укрѣпленный городъ, сбѣжалось множество народа: нечего было ѣсть, негдѣ было всѣмъ размѣститься и цѣлыя толпы принуждены были скрываться въ городскихъ рвахъ. Зимняя стужа стояла страшная, и люди прятавшіеся въ рвахъ, частію замерзли, частію погибли отъ голода, а частію были перебиты русскими, когда тѣ подошли къ Дерпту.

Дерптцы не выходили изъ за стѣнъ, стрѣляли со стѣнъ по московскимъ ратникамъ, и видѣли гибель народа, столпившагося въ рвахъ.

Шигъ-Алей, однако, не начиналъ осады, но простоявъ подъ Дерптомъ трое сутокъ, снова раздѣлилъ свое войско на отдѣльные отряды, самъ пошелъ за рѣку Амовжу (Эмбахъ) къ морю, а другихъ воеводъ направилъ на Нейгаузенъ, Киримпе и Маріенбургъ. Изъ Раковора (Везенберга) и Муки (Фалькенау) на встрѣчу Шигъ-Алею вышли небольшіе ливонскіе отряды, но были разбиты. Алей пожегъ посады встрѣчныхъ городковъ и, дойдя до Пиркельна, поворотилъ на Нарву (Ругодивъ), окрестности которой были уже выжжены княземъ Шестуновымъ, выступившимъ изъ Ивангорода.

Десять дней отряды воеводъ воевали — говоритъ лѣтописецъ (Никон. лѣт, VII, 297,299) — у Новаго Городка, Киримпе, Маріенбурга, Вибиша: посады пожгли и людей побили многихъ, и полону безчисленное множество поимали.

Русскіе отряды ходили по Ливоніи цѣлый мѣсяцъ и въ февралѣ вступили обратно въ русскіе предѣлы: Шигъ-Алей у Ивангорода, а прочіе воеводы — у Нейгаузена.

„Далъ Богъ вездѣ нѣмцевъ побивали — говоритъ тотъ же лѣтописецъ, — а государевыхъ людей побили Шенна, да въ загонахъ 5 сыновъ боярскихъ, да стрѣльцевъ 10 человѣкъ, да 3 татариновъ, да боярскихъ человѣкъ 15, а иные люди далъ Богъ всѣ здоровы“.

Остались всѣ здоровы, потому что ни магистръ, ни рыцари не выходили изъ своихъ замковъ: военное братство потеряло уже всякій воинскій духъ и не отваживалось выйти на защиту своихъ же единоплеменниковъ, потому что русское войско совершало крайнія жестокости по преимуществу надъ нѣмцами. Наиболѣе пострадало дерптское епископство: деревни и посады были истреблены до тла, московскіе ратники брали въ плѣнъ только юношей и дѣвицъ, отъ 10 до 12 лѣтъ отъ роду, избивая прочихъ встрѣчныхъ, по обычаю того времени, самымъ свирѣпымъ образомъ — взрывали порохомъ, обмазывали смолою и зажигали и пр.

Шигъ Алей, выступивъ въ концѣ февраля 1558 года изъ Ливоніи, получилъ приказаніе пріостановить военныя дѣйствія.

62. *Легкомысліе ливонцевъ.*

Въ то же время справлялъ въ Ревелѣ свадьбу одинъ изъ дворянъ и очень знатный членъ гарріенскаго совѣта; на эту свадьбу было приглашено все дворянство изъ всѣхъ эстонскихъ земель, а также многіе изъ епископства рижскаго со многими орденскими братьями, такъ что друзья полагали, что одна гильдія не будетъ довольно велика для всѣхъ ожидаемыхъ гостей. Поэтому были наняты также и другія гильдіи, что до сихъ поръ было еще неслыханнымъ дѣломъ. Родные невѣсты говорили также, что будетъ такая пышная и веселая свадьба, что правнуки даже будутъ вспоминать о ней. Когда они предполагали окончить свадьбу пышно и по воз-

можности весело, вдругъ пришло извѣстіе, что русскіе пришли въ землю съ сильнымъ войскомъ, грабятъ и жгутъ. Тогда большая радость превратилась въ горе и печаль, и пусть правнуки и ихъ потомки вспоминаютъ объ этой свадьбѣ. Хотя явилось горе, однако, свадьбу справили и окончили какъ обыкновенно. Тамъ многіе дерзко похвалялись и одинъ передъ другимъ цѣлыми и половинными ластами (мѣрами) пили противъ русскихъ, такъ какъ въ пьянствѣ они были сильные бойцы. Когда же свадьба окончилась и дѣло дошло до боя, тогда многіе изъ нихъ бѣжали не только отъ русскихъ, но и отъ сосенъ и кустовъ, коихъ они издали принимали за русскихъ. Слово и крикъ: Назадъ! назадъ! (Wende! Wende!) были сначала въ большемъ употребленіи у нихъ; надъ этимъ словомъ русскіе очень издѣвались.

63. *Новые переговоры.*

Московитъ началъ эту войну не съ намѣреніемъ покорить города, крѣпости или земли ливонцевъ; онъ хотѣлъ только доказать имъ, что онъ не шутитъ, и хотѣлъ заставить ихъ сдержать обѣщаніе, и запретилъ также своему военному начальнику осаждать какую либо крѣпость. Когда московитскій военный начальникъ и предводитель царь Сигалей, плѣнный татарскій король, совершилъ походъ въ Ливонію и отправился назадъ изъ той страны и еще нѣсколько дней ждалъ на границѣ у Нарвы свое войско, разсѣявшееся по разнымъ сторонамъ Ливоніи для грабежа, тогда изъ Москвы пришла быстро почта съ письмами отъ великаго князя; великій князь писалъ, чтобъ царь Сигалей отъ собственнаго имени написалъ всѣмъ ливонскимъ городамъ и напомнилъ имъ напослѣдокъ о ихъ клятвенномъ обѣщаніи, даннымъ послѣднему послу. Затѣмъ царь Сигалей написалъ немедленно всѣмъ ливонскимъ владѣтелямъ и чинамъ въ февралѣ 1558 г. слѣдующее: Такъ какъ ливонцы не сдержали своего клятвеннаго обѣщанія царю всея Россіи, но обманули его, то царь всея Россіи былъ принужденъ идти на нихъ войною; эту войну они сами, ливонцы, навлекли на страну своей несправедливостью. Если же они впредь хотятъ, чтобы ихъ страна была цѣла и невредима, то тотчасъ же должны отправить посольство съ обѣщанными деньгами къ великому князю. Когда прибудетъ посольство, тогда онъ будетъ ходатайствовать съ другими князьями и воеводами за ливонцевъ, чтобы въ Ливоніи болѣе не проливалось человѣческой крови.

Когда орденскій магистръ и другіе чины получили эту грамоту, то не знали откуда бы скоро достать 40,000 талеровъ, такъ какъ магистръ въ прошлый годъ совершенно истратилъ деньги въ польской войнѣ, и епископъ дерптскій также не зналъ, что дѣлать, такъ какъ заплатилъ недавно долги своего предшественника

Іоста ф. Ребе и выкупилъ заложенныя земли и возвратилъ ихъ епископству. Эта упомянутая сумма легко нашлась бы у какого нибудь дворянина или купца, если бы они дать захотѣли; но никто не хотѣлъ разставаться съ деньгами. Каждый отъ большой безпечности и веселой жизни думалъ, что опасность совсѣмъ не велика. Наконецъ, послѣ долгаго промедленія, ливонскіе города, а именно Рига, Ревель и Дерптъ, собрали 60,000 талеровъ. Но такъ какъ упомянутые города лежали далеко другъ отъ друга, то эти деньги они не могли скоро собрать.

Прим. перев. Получивъ письмо Шигъ Алеево, магистръ созвалъ на 13 марта 1558 года ландтагъ въ Венденѣ. На этомъ ландтагѣ не обошлось безъ споровъ: одни предлагали собрать войско и послѣ Пасхи идти опустошать московскія земли, другіе совѣтовали собрать тысячъ 60 талеровъ и послать царю. Мнѣніе въ пользу мира одержало вверхъ. Денегъ, однако же, достать было не такъ легко: орденъ израсходовался на польскую войну, въ кассѣ архіепископа рижскаго съ разореннаго рыцарями архіепископства ничего не было, дерптскій епископъ выкупилъ имѣнія, заложенныя Іодокомъ, и былъ безъ денегъ, а епископъ курляндскій и эзельскій, имѣя уже тогда свои планы, на отрѣзъ отказались дать что-либо на спасеніе отечества. Выручили, однако, города: Рига, Ревель и Дерптъ. Ніенштетъ говоритъ: Дерптъ далъ 10,000 талеровъ, я самъ считалъ эти деньги; было тогда по запискѣ вложено 60,000 талеровъ, я самъ находился при этомъ, а мой тесть, бургомистръ Дитрихъ Мейеръ далъ отъ себя 500 талеровъ.

Тогда послали гонца (Степана Местерева, нѣмчина по рускимъ извѣстіямъ) за опасною грамотою для пословъ, и когда грамота была доставлена, снарядили въ Москву посольство изъ четырехъ лицъ отъ магистра и двухъ отъ дерптскаго епископа, при чемъ позаботились, чтобы послы были католики, такъ какъ знали, что московское правительство неблаговолило къ протестантамъ. Въ числѣ пословъ были братъ магистра Готгардъ Фирстенбергъ и Іоаннъ Таубе. Послы выѣхали съ деньгами въ концѣ апрѣля и прибыли въ Москву въ половинѣ мая 1558 г., но уже было поздно: дѣла успѣли принять другой оборотъ.

64. Потеря Нарвы и слѣдствія того, 1558 г.

Между тѣмъ русскій подошелъ къ Нарвѣ съ войскомъ и сильными военными снарядами. Такъ какъ ливонская Нарва лежала очень близко къ Россіи и только маленькая рѣчка раздѣляла здѣсь Ливонію отъ Россіи, то русскій съ той стороны рѣчки изъ собственной земли обстрѣливалъ Нарву, бросалъ бомбы и ядра, но причинилъ мало вреда до 12 Мая. Тогда начался большой пожаръ на

Кордъ Ульке́нѣ въ домѣ одного цирульника; этотъ неожиданный пожаръ сжегъ весь городокъ Нарву. При этомъ же пожарѣ московитъ взялъ приступомъ Нарву. А граждане, видя, что все потеряно, отступили со своими женами и дѣтьми въ замокъ и вели оттуда переговоры съ русскими о позволеніи уйти со всѣмъ, что у нихъ еще было; русскіе обѣщали имъ свободный пропускъ и исполнили свое обѣщаніе. И такъ московитъ завоевалъ и добылъ и городъ Нарву и замокъ 12 мая 1558 г.

Тогда нѣкоторые орденскіе сановники и помѣщики въ той мѣстности, а именно Гердъ Гюенъ фонъ Анстерать, фохтъ везенбергскій, Дидерихъ фонъ Штейнкуль, фохтъ піенплотскій, Гинрикъ фонъ Калленбахъ, фохтъ тольсборгскій, и многіе другіе съ большаго страха покинули свои дома (замки), такъ какъ въ доброе время не укрѣпили ихъ отъ нападенія. Когда везенбергскіе бюргеры, дворяне и не дворяне уходили изъ Везенберга и отправлялись въ Ревель, то утѣшали другъ друга королемъ датскимъ и говорили: «Пусть себѣ русскіе берутъ земли и города, король датскій снова отниметъ ихъ у нихъ». Тогда же были покинуты замки Эцъ, Ніэгузъ, Лаисъ и другіе, которые московитъ взялъ безъ боя.

Когда московитъ завоевалъ и занялъ Нарву съ другими упомянутыми замками, тогда только ливонцы прислали ему 40,000 талеровъ. Но московитъ не хотѣлъ принять ихъ, а сказалъ, что у него денегъ довольно: онъ пріобрѣлъ въ Ливоніи болѣе, чѣмъ стоимость этихъ денегъ. А такъ какъ счастье благопріятствуетъ ему, то онъ будетъ пользоваться имъ и утѣшаться при этомъ своимъ правымъ дѣломъ; деньги же пусть они отнесутъ назадъ своимъ господамъ. Когда деньги были привезены назадъ изъ Москвы, и Нарва была покорена съ другими замками, тогда ливонцы начали жалѣть, что такъ долго промедлили съ деньгами. Но тогда уже нечего было дѣлать.

Прим. перев. Ливонскіе послы запоздали съ данью. Они прибыли въ Москву въ половинѣ мая 1558 г, когда московское правительство получило уже донесеніе о событіи, измѣнившемъ положеніе дѣлъ — о взятіи Нарвы, происшедшемъ совершенно неожиданно и даже вопреки приказанія, отданнаго ивангородскимъ воеводамъ, при возвращеніи Шигъ-Алея въ Россію, чтобы они не трогали этой нѣмецкой крѣпости, а дожидались результатовъ ливонскаго посольства. Воеводами въ Ивангородѣ были князь Григорій Григорьевичъ Куракинъ и Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, а дьякомъ у нихъ состоялъ Шестакъ Воронинъ. Ивангородъ же стоялъ какъ разъ противъ Нарвы, отдѣляемый отъ этой крѣпости неширокою Наровою.

Великимъ постомъ 1558 года, соблюдавшимся тогдашними русскими съ особенною строгостію, нарвцы-лютеране, несоблюдавшіе никакихъ постовъ, забавы-ради, „съ пьяна", какъ говоритъ Никонов-

ская лѣтопись, начали пускать стрѣлы въ Ивангородъ и убили нѣсколькихъ русскихъ. Воеводы донесли объ этомъ царю, а въ городъ прислали запросъ на счетъ выстрѣловъ, произведенныхъ въ то время, когда уже была дана опасная грамота. Нарвцы отвѣчали, что то князецъ (нарвскій фохтъ, которымъ въ то время былъ Эрнстъ фонъ Шнелленбергъ) стрѣляетъ, и имъ, нарвцамъ, его не унять. Выстрѣлы повторялись, русскіе не отвѣчали, въ ожиданіи царскаго приказа по ихъ донесенію. На вербной недѣлѣ, въ апрѣлѣ 1558 г., пришла наконецъ царская грамота къ воеводамъ: царь приказывалъ стрѣлять по Ругодиву со всего наряду (пушекъ), но ливонской границы не переходить и ливонскихъ украинъ не воевать. Русскіе тогда открыли огонь по Нарвѣ каменными ядрами.

Въ городѣ открылся мятежъ. Черный народъ возсталъ на фохта, рыцарей и ихъ войско (30 рыцарей и 150 всадниковъ) и изъявлялъ готовность отдаться во власть Москвѣ. Двое ратмановъ, Іоакимъ Крумаузенъ и Арндтъ фонъ Деденъ, имѣвшіе отъ царя грамоты на свободную торговлю въ Руси, также были расположены поддаться Москвѣ. Оба эти ратмана въ великую суботу, 9 апрѣля, явились въ Ивангородъ къ русскимъ воеводамъ и отъ имени города заявили, что нарвцы просятъ царя взять ихъ на свое имя, а за князьца (фохта) не стоятъ: воровалъ онъ на свою голову. Воеводы отправили этихъ ратмановъ въ Москву, взявъ заложниками двухъ чиновныхъ нарвцевъ: Ивана Бѣлаго да Ашпирче, сказано въ Никоновской лѣтописи.

Ратманы прибыли въ Москву 1 мая (двумя недѣлями ранѣе ливонскихъ пословъ), и имѣли переговоры съ Адашевымъ, который объявилъ имъ волю государя: „Выдайте вашего князьца изъ Вышгорода (кремля), отдайте Ругодивъ русскимъ воеводамъ, а государь васъ пожалуетъ: не разведетъ васъ изъ домовъ, вольностей не нарушитъ, ни старины вашей, ни мира; иначе этому дѣлу не бывать“.

Ратманы согласились, представлялись царю, били челомъ, чтобы государь взялъ Ругодивъ, получили жалованную грамоту, цѣловали крестъ (присягнули) государю и были отпущены съ честью, а воеводамъ данъ приказъ защищать Ругодивъ отъ магистра и ордена.

Между тѣмъ въ Нарвѣ, когда прекратилось бомбардированіе изъ Ивангорода, жители отдумали поддаться царю и послали за помощью къ магистерскому коадъютору Готгарду Кетлеру, который и не замедлилъ прибыть подъ Нарву съ ревельскимъ командоромъ Зеегафеномъ, приведшимъ за собою ревельскихъ жолнѣровъ. Жолнѣры имѣли стычку съ русскими, но разсудили, что безопаснѣе уйти, и 3 мая дѣйствительно ушли назадъ въ Ревель.

11 мая въ Нарвѣ произошелъ большой пожаръ *). Какъ только русскіе увидѣли изъ Ивангорода, что Нарва объята пламе-

*) Любопытно извѣстіе объ этомъ пожарѣ русскаго лѣтописца (Никон. лѣт. VIII, 307): Цирульникъ Кордтъ Фолькенъ варилъ пиво, а въ гостяхъ у него были новоприбывшіе рижане. Они увидѣли икону Богородицы, оставленную русскими купцами, и, подгулявши, стали глумиться надъ иконою и бросили ее въ огонь. Вдругъ пламя поднялось изъ подъ котла къ верху и охватило потолокъ. Поднялся вихрь и разнесъ огонь по всему городу.

немъ, то бросились, кто на лодкѣ, кто на доскѣ, чрезъ рѣку, выперли желѣзныя городскія ворота и посыпали въ городъ. Нарвцы сдались, русскіе стали тушить пожаръ, а вспомогательное нѣмецкое войско, стоявшее подъ Нарвою, отступило въ свой лагерь, кинувъ городъ на произволъ судьбы.

Въ Вышгородѣ (кремлѣ нарвскомъ) заперся нѣмецкій гарнизонъ (въ томъ числѣ и ревельскій командоръ Зеегафенъ), но, видя невозможность держаться, и получивъ завѣреніе русскихъ, что ихъ свободно выпустятъ съ оружіемъ, сдалъ Вышгородъ, выговоривъ дозволеніе выйти изъ города и жителямъ съ ихъ семействами, но безъ имущества; тѣ же, которые добьютъ челомъ государю, сохранятъ невозбранно свое достояніе. Поздно вечеромъ 11 мая кончились переговоры. Воеводы поцѣловали крестъ въ томъ, что сдержатъ обѣщаніе, и гарнизонъ къ утру 12 мая очистилъ Нарву.

Къ полудню 12 мая выпущенные изъ Нарвы гарнизонъ и жители пришли въ рыцарскій лагерь. Здѣсь произошелъ пожаръ, во время котораго они лишились всего, что вынесли съ собою изъ Нарвы. Кетлеръ и Зеегафенъ отступили въ Везенбергъ, но скоро и его покинули на произволъ судьбы. Нарвскіе воеводы начали преслѣдовать рыцарей, взяли Везенбергъ, Нейшлотъ (Сыренскъ), Тольсбургъ и др. замки, почти безъ всякаго сопротивленія: фохты и дворяне разбѣгались во всѣ стороны, а черные люди присягали московскому царю.

Взятіе Нарвы торжествовали во всей Россіи: во всѣхъ городахъ пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ. Царь приказалъ въ Нарвѣ и Сыренскѣ строить церкви, починить и занять русскими гарнизонами взятые замки, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ объявлять, что всѣ принявшіе русское подданство остаются на своихъ мѣстахъ, при своихъ правахъ по старинѣ. Поселяне являлись къ русскимъ начальникамъ для присяги московскому государству не только изъ занятыхъ воеводами земель, но и изъ другихъ далекихъ волостей.

Ливонскіе послы въ это время со своими 60,000 талеровъ находились въ Москвѣ и хлопотали, чтобы русскіе не брали, по крайней мѣрѣ, дани съ ливонцевъ поголовно. Отвѣтъ имъ послѣдовалъ такой, къ какому они должны бы были быть готовыми съ того времени, какъ кончилось объединеніе Восточной Россіи: „Если вашъ магистръ и всѣ рыцари и бискупы хотятъ отвратить гнѣвъ государя и его ратную силу отъ земли своей, то пусть сдѣлаютъ такъ, какъ сдѣлали цари казанскій и астраханскій: пусть сами явятся къ царю и ударятъ челомъ всею ливонскою землею, а потомъ поступятъ такъ, какъ угодно будетъ царю".

Впрочемъ, есть извѣстія (Ніенштетъ, 50), что московское правительство скоро понизило свои требованія: согласилось принять привезенныя послами деньги, но требовало, чтобы Ливонія уступила царю занятыя русскими области. Послы не имѣли никакихъ на подобныя уступки полномочій, потому и не могли давать какого либо согласія. Ихъ отпустили изъ Москвы и денегъ не взяли.

65. *Русскіе укрѣпляютъ Везенбергъ.*

Въ это время московитъ сталъ укрѣплять отъ нападенія замокъ Везенбергъ, послѣ Нарвы самый лучшій и знатный изо всѣхъ, занятыхъ въ этотъ разъ, къ которому принадлежала вся провинція Вирландъ и около котораго лежало также прекрасное большое селеніе. Московитъ велѣлъ насыпать длинную гору передъ замкомъ совершенно отвѣсно и стѣну съ обѣихъ сторонъ повысилъ; монастырь, приходскую церковь и гильдію съ другими бюргерскими домами, построенными изъ камня, онъ совсѣмъ сломалъ, а камни употребилъ на свою постройку; на верху на горѣ и кругомъ на стѣнѣ онъ построилъ большой крѣпкій больверкъ, блокгаузы, башни и бойницы, изъ которыхъ можно было стрѣлять во всѣ стороны; изъ огромныхъ, толстыхъ бревенъ тамъ построено было около ста помѣщеній, въ которыхъ могло размѣститься до тысячи человѣкъ. Помѣщенія эти составили предмѣстье (Форбургъ). Нѣмецкій же замокъ составилъ отдѣльное помѣщеніе и провіантскій складъ; въ немъ не смѣлъ жить ни одинъ русскій, кромѣ воеводы.

Прим. перев. Въ то самое время, когда русскіе, послѣ взятія Нарвы, брали одинъ за другимъ эстонскіе замки, и въ то самое время, когда въ Москвѣ находились ливонскіе послы и выслушивали предложенія уже не о дани, а о сдачѣ всей Ливоніи, царь приказалъ двинуть со стороны Пскова 40 тысячное войско для дѣйствій противъ Нейгаузена (Новаго Городка) и Дерпта. Передовымъ полкомъ (авангардомъ) этого войска командовали бояринъ князь Андрей Мих. Курбскій (лѣтописецъ), да воевода Данило Ѳед. Адашевъ; правымъ крыломъ командовали князь Серебряный и Сабуровъ; лѣвымъ — князь Щепинъ и Квашнинъ; сторожевой полкъ (аріергардъ) находился подъ командою князей Темкина и Звенигородскаго. Большимъ полкомъ командовали и распоряжали дѣйствіями всѣхъ частей войска князья Петръ Ивановичъ Шуйскій и Ѳедоръ Ив. Троекуровъ съ воеводою Андреемъ Ив. Шеинымъ.

Русское войско осадило Нейгаузенъ въ первыхъ числахъ іюня 1558 г. Магистръ Фирстенбергъ съ 2,000 орденскаго и 1,000 дерптскаго епископскаго войска для противодѣйствія русскимъ сталъ лагеремъ близъ Киремпе, и здѣсь три недѣли провелъ въ рѣшительномъ бездѣйствіи. Рыцари — говоритъ Бреденбахъ — все это время гуляли и пировали, не думая о Нейгаузенѣ. Тамъ заперлось человѣкъ 600 нѣмцевъ и отчаянно оборонялись. Русскіе овладѣли городомъ; тогда начальникъ гарнизона Иксуль фонъ Паденормъ, видя совершенную невозможность дальнѣйшей обороны, 30 іюня сдалъ русскимъ Новый Городокъ, выговоривъ себѣ и жителямъ, которые не пожелаютъ присягать Москвѣ, право свободнаго выхода изъ крѣпости. Они вышли въ этотъ же день, но на дорогѣ были всѣ обобраны (дисциплиною въ тѣ времена воюющія войска отнюдь не отличались).

Магистръ, получивъ извѣстіе о взятіи Нейгаузена, приказалъ сжечь Кирнмпе, и самъ поспѣшно отступилъ подъ Валкъ, покинувъ на произволъ судьбы дерптское епископство.

Русскіе воеводы со всѣмъ войскомъ двинулись къ Дерпту, и 11 іюля 1558 года съ осадною артиллеріею и многочисленнымъ обозомъ стали въ виду этого города.

66. Прежняя роскошь везенбергцевъ.

Въ везенбергской крѣпости во время нѣмецкаго правленія жило богатое бюргерство; здѣсь дешевы были и хорошая пища, и всѣ вещи. Въ то время здѣсь можно было купить шефель ржи за 4 любекскихъ шиллинга, быка за 3 талера, а бочку пива за горнъ—гульденъ. Съѣстное въ Везенбергѣ, какъ и во всѣхъ ливонскихъ мѣстечкахъ, долго не залеживалось. Всѣ земли кругомъ были переполнены дворянами, безземельными жителями и крестьянами, которые все, что имъ нужно было, покупали въ мѣстечкахъ, а это было очень выгодно мелочнымъ торговцамъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ, портнымъ и другимъ ремесленникамъ, чрезъ что они становились гордыми и заносчивыми, и въ праздничные дни не знали что имъ дѣлать отъ избытка. Поэтому между большинствомъ началась безпутная и дурная жизнь: отъ этого въ Везенбергѣ самой большой честью и славой считались денное и ночное обжорство, пьянство и распутство, а также драки, бои и поединки. У кого былъ рубецъ на щекѣ, тотъ хвастался имъ будто золотою цѣпью, и такой человѣкъ въ Везенбергѣ почитался вездѣ первымъ. Подобный рубецъ на щекѣ везенбергцы считали знакомъ мужества и выносливости, поэтому во всей странѣ рубецъ такой вошелъ въ поговорку и назывался везенбергскимъ когтемъ. Когда встрѣчали кого-либо съ рубцомъ на щекѣ, то всегда говорили: «Въ какой бы онъ чести былъ въ Везенбергѣ!» Но нѣкоторые разумные открещивались отъ нихъ, говоря: «Да спасетъ насъ Господь отъ феллинскаго танца, отъ виттенштейнскаго пьянства и отъ везенбергской чести». Очень рѣдко большинство ходило здѣсь въ церковь. Многіе, которые въ молодыхъ годахъ служили у господъ въ Везенбергѣ, признавались, что они круглый годъ, и день и ночь, находились въ питейныхъ домахъ, гдѣ пировали ихъ господа, но въ везенбергской церкви они никогда не бывали, по той причинѣ, что ихъ господа никогда не ходили въ церковь и не прилежали къ ней также и слугъ своихъ. Послѣдній городской фохтъ или судья въ этой крѣпости осмѣлился обличить во лжи пастора въ церкви на каѳедрѣ, когда послѣдній говорилъ противъ везенбергскихъ пороковъ; многіе вмѣняли ему это въ большую мужественную смѣлость.

67. Потеря Дерпта, конецъ епископства, 1558 г.

Тѣмъ-же лѣтомъ 1558 года, когда московитъ увидѣлъ, что земли и замки въ Ливоніи такъ счастливо и легко доставались ему, и онъ не встрѣчалъ никакого сопротивленія, то явился и къ Дерпту со своими орудіями. И хотя онъ ни разу не выстрѣлилъ и не поранилъ ни одного человѣка, не смотря на то изъ большаго страха и легкомыслія ему безпрекословно сдали Дерптъ 18 Іюля, послѣ того какъ онъ даже недѣли не стоялъ подъ нимъ. Городская знать, заранѣе знавшая и ожидавшая, что это такъ случится, собрала въ большихъ массахъ всѣ деньги, принадлежащія церквамъ, больницамъ и малымъ дѣтямъ, гдѣ только не находили, и велѣли перенести въ свои дома, чтобы при бѣгствѣ тѣмъ легче было унести съ собой тѣ деньги. Хотя они еще до московита благополучно вывезли деньги изъ Дерпта, но вслѣдъ затѣмъ магистръ послалъ нѣсколькихъ людей, чтобы удобнѣе ограбить ихъ на дорогѣ; потому Вильгельмъ Вифферлингъ, ревельскій бюргеръ, отнялъ у всѣхъ дерптцевъ, на которыхъ успѣлъ напасть, ихъ деньги и драгоцѣнности и большое сокровище деньгами, серебромъ и золотомъ, доставилъ въ пользу магистра.

Но невозможно описать сколько сокровищъ взялъ московитъ въ этомъ городѣ деньгами, серебромъ и золотомъ, и всякими драгоцѣнностями и уборами отъ епископа, каноников, дворянъ и бюргеровъ. Отъ одного лишь дворянина, по имени Фабіана Тизенгузена, московитъ взялъ болѣе 80000 талеровъ чистыми деньгами. Вообще московитъ добылъ тогда въ Дерптѣ такое множество различныхъ запасовъ и товаровъ, что на нихъ легко было бы дерптцамъ достигнуть долгаго безопаснаго мира или же вести сильную войну съ московитомъ, чѣмъ городъ и вся земля были бы сохранены невредимыми. Но тогда никто не хотѣлъ разставаться съ деньгами. И хотя каждый хвасталъ, что лучше провоюетъ 100 талеровъ, чѣмъ одинъ талеръ дастъ московиту въ дань ради мира, однако когда пришла бѣда, то никто не захотѣлъ ничего дать ни для мира ни для войны; а отъ этого они лишились не только своего города, земли и людей, но и всѣхъ своихъ сокровищъ и благосостоянія. И хотя многіе изъ нихъ замуровали или закопали въ церквахъ подъ могильными плитами свои сокровища серебромъ и золотомъ, однако ничего не помогло. Потому что русскіе въ то время, а также и послѣ, обыскали всѣ стѣны, всѣ могилы и могильные памятники и забрали себѣ всѣ запрятанныя тамъ сокровища.

Послѣ того какъ московитъ занялъ городъ Дерптъ со всѣмъ епископствомъ и замками, а епископъ Германъ былъ увезенъ въ Москву, гдѣ онъ наконецъ умеръ, тогда пришелъ конецъ епископству, которымъ болѣе трехъсотъ лѣтъ управляли нѣмецкіе владыки. Дерптская земля была пріобрѣтена и замокъ вмѣстѣ съ городомъ

построенъ въ пользу нѣмцевъ Германомъ, первымъ епископомъ, родомъ изъ Бремена; и Германомъ же послѣднимъ епископомъ, родомъ изъ Везеля, потеряна, отнята у нѣмцевъ и сдана московиту. Тѣмъ не менѣе упомянутаго епископа, который носилъ одно только званіе, не мѣшаясь въ управленіе, нельзя такъ сильно обвинять, какъ епископскихъ и городскихъ совѣтниковъ, управлявшихъ всѣмъ и всѣми дѣлами. Чтобы ни на кого изъ нихъ не пала вина, они обвинили во всемъ происшедшемъ канцлера Юргена Гольтшура, будто онъ причиной всему бѣдствію: поэтому Юргена Гольтшура посадили въ Гапсалѣ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Существенною же причиною несчастія было то, что дерптскіе бюргеры нисколько не укрѣпили своего города отъ нападенія и во время продолжительнаго мира нисколько не думали о томъ, что можетъ наступить война; у нихъ крѣпче всего были построены своекорыстіе, жадность, притѣсненіе ближняго, роскошь, тщеславіе, новыя выдумки, пышныя свадьбы, крестины и ежедневные гости. Хотя у нихъ въ городѣ была прекрасная, сильная артиллерія, орудія и боевыя снаряды, но не было надлежащаго вала, бастіоновъ, или бойницъ съ которыхъ можно было бы дѣйствовать орудіями. Потому то эти орудія и боевые снаряды послужили больше въ пользу непріятелю, чѣмъ городу.

Прим. перев. Овладѣніе Дерптомъ и дерптскимъ епископствомъ составляло самое важное и самое существенное пріобрѣтеніе для русскихъ войскъ не только въ компанію 1558 года, но и во всю войну, столь успѣшно начатую въ январѣ этого года и столь безуспѣшно кончившуюся въ 1582 году запольскимъ миромъ.

Нельзя обвинять магистра Фирстенберга, если онъ, послѣ взятія Новаго Городка, отступилъ къ Валку, покинувъ на произволъ судьбы дерптское епископство. Располагая ничтожными силами, что онъ могъ сдѣлать противъ войска, хотя и совершенно неустроеннаго, но многочисленнаго и несомнѣнно одареннаго превосходными боевыми качествами?

Еще послѣ январскаго вторженія русскихъ, когда русскіе отряды воротились домой, перейдя обратно ливонскую границу у Ивангорода и у Новаго Городка, Фирстенбергъ разослалъ по всей Ливоніи приказъ ополчаться всѣмъ и выступить къ Дерпту всему ополченію какъ только покажется первая трава. Трава показалась въ однихъ мѣстахъ черезъ чуръ поздно, въ другихъ не показалась вовсе. Не показалась трава вовсе у рижскаго архіепископа, отвѣтившаго на призывъ къ общему ополченію тѣмъ, что ему самому приходится защищать свои замки Маріенгаузенъ и Шванбургъ; епископъ эзельскій уже подумывалъ о продажѣ датчанамъ всего своего епископства; не показалось травы и въ Гарріенѣ и Вирландѣ, такъ какъ тамошніе рыцари обсуждали вопросъ не объ ополченіи, а кому выгоднѣе сдаться — датчанамъ или шведамъ. Коадъюторъ магистра Кетлеръ стоялъ въ Феллинѣ для защиты этой

крѣпости отъ вторженія съ сѣвера. При всеобщей распущенности и видимомъ разложеніи всего общества, Фирстенбергу, оставленному на произволъ судьбы всею землею, ничего не оставалось дѣлать, какъ бросить на произволъ судьбы и дерптское епископство. Въ Дерптѣ очень хорошо понимали наступившую опасность: дерптцы составили потому нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. — Видя, что на императора плохая надежда, совѣтъ сталъ разсуждать, что дѣлать, отъ кого просить помощи и покровительства — отъ короля ли польскаго, шведскаго или датскаго. Мнѣнія раздѣлились; тутъ-то сталъ посреди собранія дерптскій бургомистръ Антонъ Тиль и, выяснивъ собранію, что отъ кого бы не просить помощи, все равно — никто не захочетъ безкорыстно воевать съ московитомъ, сказалъ (см. Геннинга, 22): „Принесемъ все наше частное достояніе на пользу земли нашей; продадимъ наши драгоцѣнности, наймемъ войска и сами станемъ противъ врага. Если на это рѣшимся, то будемъ честные и храбрые люди!"

Тиль забылъ, что Ливонія давно уже оскудѣла честными и храбрыми людьми. Его совѣтъ, возможный къ исполненію только въ здоровомъ, а не разлагающемся обществѣ — не возбудилъ никакого сочувствія; совѣтъ постановилъ обратиться за помощью ко всѣмъ тремъ королямъ за разъ, что, конечно, было равнозначительно не получить помощи ни отъ кого, какъ это въ самомъ дѣлѣ и было.

30 іюня, какъ было уже сказано, Новый Городокъ былъ взятъ; магистръ и епископъ, находившіеся подъ Киримпе, ссорились другъ съ другомъ и, видя, что имъ помочь Новому Городку нельзя, стали отступать: магистръ потянулся къ Валку, а епископъ — въ Дерптъ. Московское войско преслѣдовало отступавшихъ, отбило обозъ и снаряды у нихъ и едва-было не захватило въ плѣнъ епископа, который, однако, успѣлъ спастись и пришелъ въ Дерптъ, всего съ 80 всадниками и 80 жолвѣрами.

Епископъ заперся въ Дерптѣ. Московское войско стало медленно подвигаться къ Дерпту, занимая встрѣчные городки, приводя къ присягѣ черный народъ и жестоко истребляя нѣмцевъ. Рускій главнокомандующій, князь Шуйскій, приближаясь къ Дерпту, послалъ предложеніе городу сдаться московскому царю. Дерптцы отказались сдаваться, надѣясь отбиться.

А между тѣмъ въ самомъ Дерптѣ кипѣли распри и раздоры: протестанты заперли соборъ, не пускали католиковъ служить обѣдни; католики вопіяли на притѣсненія. Но вотъ показались передовыя русскія войска и епископскіе дворяне (см. Ніенштета, 50) ночью бѣжали изъ города. Канцлеръ Гольцшуръ предложилъ сдѣлать вылазку съ нѣсколькими лютеранскими дворянами. Ему отворили ворота; онъ вышелъ, и вмѣсто того, чтобъ ударить на московскій авангардъ, пошелъ туда же, куда побѣжали первые бѣглецы — къ Ригѣ. За нимъ побѣжала цѣлая толпа горожанъ.

Ночью казаки напали на замокъ Варбекъ, находившійся при впаденіи Эмбаха въ Пейпусъ, и овладѣли имъ безъ сопротивле-

нія. Весь гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ бургграфа Гельмута, оказался пьянымъ! Гельмутъ вступилъ въ русскую службу.

11 іюля на зарѣ, московское войско стало въ виду Дерпта. Городъ заволновался, но не бранною тревогою, а религіозными распрями. Оставшіеся дворяне-католики уговаривали бюргеровъ стоять крѣпко и не сдаваться; бюргеры-протестанты говорили: пусть епископъ Германъ и католики отрекутся отъ папства и примутъ евангелическую истину, тогда будемъ стоять дружно. Кое-какъ, однако, бросили препираться о вѣрѣ и рѣшились сражаться.

Главныя московскія силы сосредоточились у воротъ св. Андрея; здѣсь русскіе насыпали высокій валъ и съ него открыли пальбу по городу. Нѣмцы отвѣчали на выстрѣлы, но, кажется, что пальба не причиняла особеннаго вреда ни городу, ни осажденнымъ. Во вторникъ 12 и въ среду 13 іюля стоялъ густой туманъ, мѣшавшій прицѣльности выстрѣловъ. Нѣмцы — говоритъ Бреденбахъ — попробовали сдѣлать вылазку, но воротились безъ успѣха, да еще и съ ранеными. Тогда отъ магистрата прибыла, какъ пишетъ Ніенштетъ, къ епископу депутація съ предложеніемъ отправить гонцевъ къ магистру съ просьбою о помощи. Епископъ согласился и гонцы (двое нанятыхъ латышей) были отправлены въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, второй гонецъ поѣхалъ чрезъ 3 часа послѣ перваго.

Въ четвергъ, 14 іюля, московскіе люди насыпали новыя батареи и ядра начали падать на крыши домовъ. Цѣлыя сутки продолжалось непрерывное обстрѣливаніе, причинившее значительный вредъ городу: деревянныя крыши и стѣны обваливались и давили людей.

Въ пятницу, 15 іюля, князь Шуйскій прислалъ новое предложеніе сдать городъ, обѣщая пощаду, вслучаѣ сдачи, и разореніе вслучаѣ несогласія. Въ девятомъ часу утра русскіе открыли сильнѣйшій огонь по городу. Женщины — говоритъ Бреденбахъ — вопили и возбуждали всеобщее отчаяніе. Тутъ сказали, что воротился гонецъ отъ магистра. Ратманы отправились къ епископу и прочли письмо, въ которомъ магистръ сожалѣлъ о печальномъ положеніи города, говорилъ, что не дѣлаетъ чести дворянамъ, если они покинули епископа, своего господина, желалъ успѣха и счастія оборонѣ, присовокупляя, что онъ не въ состояніи помочь городу, такъ какъ у непріятеля большая сила въ полѣ и онъ, магистръ, не можетъ въ скорости вступить въ битву съ русскими.

Письмо это привело въ отчаяніе гражданъ. Епископъ уговаривалъ держаться, но его слова и утѣшенія мало помогали, въ особенности, когда увидѣли, что московскія ядра стали сокрушать городскія стѣны. Бюргеры рѣшились сдаться, и въ 12 часовъ дня магистратъ послалъ двухъ своихъ членовъ къ князю Шуйскому спросить на какихъ условіяхъ желаетъ онъ сдачи. Шуйскій далъ условія, вовсе не тягостныя городу. Магистратъ отправился къ епископу и заявилъ, что Шуйскій человѣкъ честный и добрый и что ему можно сдать городъ, если онъ поручится въ точномъ исполненіи пунктовъ сдачи. Епископъ, видя безполезность убѣжденій продолжать оборону, послалъ князю Шуйскому просьбу о перемиріи.

Князь далъ дерптцамъ на размышленіе двое сутокъ и приказалъ прекратить пальбу съ русскихъ батарей.

Каноники, лютеранскіе пасторы и вся община (магистратъ и гильдіи) собрались на совѣтъ въ двухъ гильдейскихъ залахъ. Поднялись немедленно споры и раздоры. Каноники и всѣ католики были противъ сдачи; лютеране и лютеранскіе пасторы не противились сдачѣ, лишь бы только русскіе обезпечили имъ свободу вѣроисповѣданія и не касались ихъ церквей и школъ. Ніенштетъ и Бреденбахъ говорили, что обѣ партіи не щадили укоризнъ другъ другу.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Дерптѣ, какъ и въ Нарвѣ, были люди, желавшіе присоединенія къ Москвѣ. Въ Дерптѣ указывали на какого то Люстферна, какъ на приверженца московскаго, и еще до осады арестовали нѣсколько приверженцевъ и подвергали ихъ пыткѣ. Очень возможно, что именно чрезъ нихъ Шуйскій узналъ о разноголосицѣ въ Дерптѣ, и потому просимъ (см. Бреденбаха, 28) въ Дерптѣ сказать, что онъ отнюдь не будетъ никого насильно присуждать къ подданству царю: всѣмъ дается добрая воля — кто не желаетъ присягать, тотъ можетъ вытти изъ города безъ всякаго задержанія; кто присягнетъ — останется на мѣстѣ и его имущества никто не тронетъ.

Такое заявленіе князя Шуйскаго расположило дерптцевъ къ сдачѣ. Въ воскресенье, 17 іюля, собрался вновь общій совѣтъ, на которомъ присутствовалъ самъ епископъ. Каноники еще противились, но епископъ и большинство собранія рѣшились сдаться и въ силу такого рѣшенія были составлены, для предъявленія князю Шуйскому, условія сдачи. Одни условія были составлены отъ епископа, а другія условія — отъ магистрата и общины.

Епископъ въ своихъ условіяхъ просилъ предоставить ему во владѣніе монастырь Фалькенау (Муку, во 2 миляхъ отъ Дерпта на Эмбахѣ) со всѣми принадлежащими къ нему землями, людьми и судомъ, дерптскій капитулъ долженъ былъ оставаться католическимъ и подсуднымъ епископу; епископскіе вассалы остаются при своихъ имѣніяхъ.

Магистратъ и община просили сохранить за городомъ аугсбургское исповѣданіе, оставить неприкосновенными магистратъ и гильдіи и ихъ привиллегіи, сохранить школы; судъ, мѣры, вѣсы оставить прежніе; дозволить апеляціи въ Ригѣ по старинѣ; гражданъ не выводить въ московскіе предѣлы. Однимъ словомъ оставить всѣ порядки, все городское устройство и хозяйство по старинѣ. Кто не пожелаетъ оставаться въ Дерптѣ, можетъ вытти, взявъ съ собою свое имущество, а чего взять не можетъ, то оставить у ближнихъ и получить послѣ; если же захотятъ послѣ возвратиться, то дозволить такой возвратъ.

Уполномоченные отъ епископа и отъ города отправились въ русскій станъ къ князю Шуйскому и предъявили свои условія. Условія были читаны по нѣмецки и тутъ же переводились словесно на русскій языкъ. Князь Шуйскій заявилъ, что условія слѣдуетъ переписать и по русски, чтобы лучше сообразить ихъ содержаніе. Если окажется — говорилъ князь — все какъ слѣдуетъ, то надѣюсь,

что государь на все соизволитъ. Я въ милости у государя и надѣюсь также сдержать все, что пообѣщаю.

Нѣмцы дали своего переводчика, а князь своего, и пока переводчики писали пункты, князь объявилъ уполномоченнымъ: „Скажите епископу и всѣмъ, кто хочетъ съ нимъ ѣхать, чтобы собирались поскорѣе; я дамъ имъ провожатыхъ, чтобы кто не обидѣлъ ихъ“.

Князь принялъ условія. Въ понедѣльникъ, 18 іюля, епископъ и всѣ, кто не желалъ оставаться въ городѣ, а также дерптскій гарнизонъ съ оружіемъ, вышли изъ Дерпта. Ихъ пропустили чрезъ войско и конныя дѣти боярскія, назначенныя проводить епископа и прочихъ дерптцевъ, примкнули къ нимъ. Когда они удалились, Шуйскій далъ знать въ городъ, чтобы въ русскій станъ прибыли магистратъ и выборные отъ общины для проводовъ его, князя, въ городъ.

Магистратъ, выборные и два члена дерптскаго капитула представились князю, который ихъ принялъ весьма ласково и обнадеживалъ въ царской милости. Затѣмъ началось вступленіе русскихъ войскъ порядкомъ, заранѣе назначеннымъ княземъ. Шествіе открывалъ воевода съ мирнымъ знаменемъ: онъ въѣхалъ въ городъ, приглашая жителей оставаться спокойными и ничего не бояться. Затѣмъ слѣдовалъ другой воевода съ отрядомъ дѣтей боярскихъ для занятія замка. Послѣ него шелъ третій воевода съ отрядомъ стрѣльцевъ, который занялъ караулы на рынкѣ и по улицамъ.

Когда князю дали знать, что замокъ и караулы уже заняты, онъ самъ поѣхалъ въ городъ, предшествуемый магистратомъ, выборными отъ города и членами капитула, и расположился въ замкѣ. Немедленно же было объявлено по городу, чтобы ратные люди подъ смертною казнію не смѣли обижать жителей; жителямъ же запрещалось продавать ратнымъ людямъ вино.

Магистратъ и община прислали князю въ подарокъ ящикъ вина, пива, свѣжей рыбы и зелени, а чрезъ нѣсколько дней новый властитель города далъ въ замкѣ роскошный обѣдъ магистрату, гильдіямъ и всѣмъ почетнымъ бюргерамъ.

Князь Шуйскій сохранялъ самую строгую дисциплину въ войскахъ, занявшихъ Дерптъ, и не допустилъ никакого своевольства и насилія, что произвело весьма благопріятное впечатлѣніе въ городѣ. Все что принадлежало епископу было отписано на государя; войска размѣстились въ домахъ тѣхъ жителей, которые оставили городъ. Вотъ въ этихъ то домахъ московскіе ратники и набрали себѣ всякаго добра, которое было оставлено хозяевами и о которомъ упоминаетъ Рюссовъ.

Кромѣ имущества епископа и домовъ, оставленныхъ жителями и отписанныхъ въ казну, русскіе взяли въ Дерптѣ 552 пушки и большой запасъ пороха и свинца.

Такъ русскіе снова овладѣли своею старинною отчиною— Юрьевымъ, находившимся въ рукахъ нѣмцевъ съ 1224 г.

68. *Какъ бѣжали изъ замковъ.*

Когда Берентъ фонъ Шмертенъ, фохтъ и сановникъ Виттенштейна, услышалъ, что Дерптъ завоеванъ московитомъ, то бѣжалъ съ большаго страха со всей своей дворней и оставилъ незанятымъ и совершенно открытымъ великолѣпный крѣпкій замокъ Виттенштейнъ (Вейсенштейнъ). Этотъ замокъ въ изобиліи былъ снабженъ всевозможными жизненными припасами. Когда-же нѣмецкіе кнехты, которымъ московитъ позволилъ уйти изъ Дерпта въ Ревель и Ригу, проходили мимо Виттенштейна и нашли замокъ отвореннымъ и пустымъ, то они вошли въ него и весело угостили себя виттенштейнскимъ виномъ и пивомъ и взяли съ собой, что имъ понравилось, а замокъ оставили въ такомъ же видѣ, какъ и нашли его. Еслибы мимо проходило хоть немного русскихъ, то они легко моглибы занять замокъ. Затѣмъ Каспаръ Ольденбокемъ, молодой, храбрый человѣкъ, занялъ этотъ замокъ и съ немногими людьми мужественно сопротивлялся русскимъ.

Тѣмъ же лѣтомъ, 26 іюля, Францъ фонъ Апстель, командоръ ревельскій, также бѣжалъ изъ замка и города Ревеля; несмотря на то, онъ поступилъ честно, такъ какъ передалъ замокъ ревельскій одному дворянину, Христофору Менникгузену, въ пользу короля датскаго. Этотъ Христофоръ Менникгузенъ принялъ замокъ именемъ короля датскаго, однако безъ его приказа, и почти цѣлый годъ владѣлъ имъ. Ревельцы вмѣстѣ съ гарріенскими дворянами были этимъ принуждены отправить своихъ пословъ, а именно Бруно Ведтберга и Фабіана Тизенгузена младшаго отъ упомянутаго дворянства, и Иво Гегскаго и Іодокума Клаудіума, синдика, и Іеспера Бретгольда отъ Ревеля къ Христіану, королю датскому, просить у него утѣшенія и помощи противъ московита, такъ какъ Гарригенъ и Вирландъ вмѣстѣ съ городомъ Ревелемъ были сначала датскими и замокъ Ревель съ принадлежащими къ нему землями теперь опять перешелъ къ королю. Но такъ какъ достопочтенный король очень хорошо понималъ, что это можетъ повести за собой столкновеніе съ московитомъ, то онъ не могъ утѣшить пословъ немедленной помощью, но послалъ въ замокъ Ревель нѣсколько тысячъ пластовъ сала и другихъ съѣстныхъ припасовъ, а также нѣсколько орудій, пороху и свинцу; послы же снова пошли домой.

Короткое время спустя, король Христіанъ умеръ, и упомянутые дворяне-послы также умерли въ этомъ путешествіи. Фабіанъ Тизенгаузенъ былъ похороненъ въ Даніи, а Бруно Ведтбергъ умеръ на возвратномъ пути на кораблѣ, были привезенъ мертвымъ въ Ревель и тамъ погребенъ.

Когда ратные люди въ ревельскомъ замкѣ узнали, что изъ Даніи пришло небольшое утѣшеніе деньгами, то, не зная есть-ли у

нихъ настоящій господинъ или нѣтъ, они, за неимѣніемъ денегъ, предложили ревельскому магистрату купить замокъ Ревель и разрушить за ничтожную сумму: нѣкоторые бюргеры совѣтовали принять его, и на его мѣстѣ построить бюргерскіе дома и жилища. Но магистратъ и община не захотѣли этого.

Прим. перев. Вѣсть о взятіи Дерпта произвела въ Ливоніи большое смятеніе. Въ Валкѣ, куда магистръ отступилъ съ орденскимъ войскомъ, покинувъ сильно укрѣпленный Дерптъ — на произволъ судьбы, рыцари и дворяне начали разсуждать у кого просить помощи: у поляковъ, у датчанъ, у шведовъ или у всѣхъ разомъ. Среди разсужденій о томъ, какъ и куда посылать посольства, было получено извѣстіе о сдачѣ Дерпта. Собраніе разошлось: одни спѣшили укрыться въ своихъ замкахъ, другіе бѣжать за границу.

Общее мнѣніе тогдашнихъ ливонцевъ было то, что епископъ Германъ и его канцлеръ Гольцшуръ сдали Дерптъ измѣною изъ личныхъ выгодъ. Магистръ же, считая измѣнниками всѣхъ тѣхъ дерптцевъ, которые оставили городъ, не желая присягать московскому государю, послалъ противъ нихъ какого-то орденскаго служиваго Вильгельма Виссерлинга. Этихъ дерптцевъ, направившихся въ Ревель, провожалъ русскій отрядъ и оставилъ ихъ, когда они достигли мѣстностей, не занятыхъ русскими войсками. Тутъ то Виссерлингъ напалъ на несчастныхъ путниковъ и обобралъ ихъ до чиста. Дерптцы лишились уже рѣшительно всего: недвижимыя ихъ имущества въ Дерптѣ были отписаны въ русскую казну, движимости въ Дерптѣ забрали русскіе ратные люди, а все что они вывезли съ собою, обобрали свои же рыцари.

Фирстенбергъ обратилъ въ орденскую казну и тѣ 60,000 талеровъ, которые возили въ Москву ливонскіе послы и которые не были приняты московскимъ правительствомъ. Фирстенбергъ присвоилъ эти деньги ордену, говоря что это русскія деньги, хотя, конечно, зналъ, что онѣ принадлежатъ не русскимъ, а тѣмъ городамъ (Ригѣ, Ревелю и Дерпту), которые собрали ихъ на уплату дани. Затѣмъ онъ арестовалъ подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ и сдачѣ Дерпта какого то любчанина Пинекруля, венденскаго виноторговца Фалька и надворнаго дерптскаго епископскаго служиваго Люстфера. Ихъ допрашивали и пытали въ Венденѣ и ничего не добились. Арестовали и Гольцшура, держали цѣлый годъ съ тюрьмѣ и потомъ выпустили по настоянію императора и нѣмецкихъ князей. Лучшимъ доказательствомъ невиновности дерптскаго епископа и его канцлера въ измѣнѣ служитъ ихъ дальнѣйшая судьба. Въ концѣ августа того же 1558 года, по царскому повелѣнію, дерптскаго епископа увезли изъ Фалькенау въ Москву, гдѣ онъ и умеръ въ бѣдности, хоть ему, по словамъ Курбскаго, и данъ былъ „удѣлъ до живота его, сирѣчь градъ одинъ съ великою властію". Гольцшуръ, выпущенный изъ тюрьмы, вступилъ въ службу къ епископу эзельскому и курляндскому Минхаузену и умеръ въ Гапсалѣ 6 сентября 1559 года, если не въ

крайности, то и не въ богатствѣ. Еслибы епископъ Германъ и его канцлеръ сдали Дерптъ измѣною, то московское правительство, конечно, и богато наградило бы ихъ за оказанную услугу, потому что Дерптъ составлялъ весьма важный пунктъ для русскихъ, но наградъ-то именно и не было, напротивъ московское правительство имѣло причины быть недовольнымъ Германомъ, когда приказало вывезти его изъ Ливоніи въ противность даже дерптской капитуляціи.

Какъ бы то ни было, но паденіе Дерпта навело панику на ливонцевъ: фохты бросали свои города; бюргеры кидали свои имущества и бѣжали, куда глаза глядятъ. Московскіе воеводы посылали отряды изъ Нарвы и изъ Юрьева (этимъ именемъ Дерптъ сталъ называться тотчасъ же, какъ русскіе вступили въ него) во всѣ стороны. Отряды забирали города безъ всякаго сопротивленія и овладѣвали оставленными тамъ имуществами и большими запасами пива и вина. Репнинъ изъ Везенберга доходилъ до моря и взялъ города Паддисъ, Потушинъ (Пэддисъ), Торборгъ (Торльсбургъ). Отряды Заболоцкаго и Колычева взяли Лаисъ, Оберпаленъ, Рингенъ и мн. др. Вообще до октября 1558 года русскіе взяли 20 городовъ съ ихъ волостями. Вездѣ черные люди охотно присягали государю и вездѣ воеводы ставили гарнизоны и строили православныя церкви для утвержденія благочестія въ покоряемой странѣ, которую они считали древнимъ достояніемъ Руси.

Ревель и Рига не сдавались, хотя князь Шуйскій вскорѣ послѣ взятія Дерпта и писалъ этимъ городамъ о сдачѣ, обѣщая еще большія свободы и права, чѣмъ они имѣли, и грозя разореніемъ вслучаѣ отказа.

69. *Ревель въ нуждѣ 1558.*

Тѣмъ же лѣтомъ 1558 г. московитъ послалъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ и купцовъ изъ Дерпта въ города Ригу и Ревель, чтобы убѣдить ихъ добровольно сдаться подъ его защиту. Когда же послы ничего не могли достигнуть, то московитъ послалъ къ городу Ревелю складную грамоту (объявленіе войны). Тогда было приказано, чтобы всякій бюргеръ срылъ или сжегъ свой садъ, дачу (Lusthof), сарай, баню и дровяной дворъ; такой убытокъ многіе выкупили бы шестью стами талерами, еслибы было возможно. Тогда ревельцы не въ шутку стали укрѣплять свой городъ и поспѣшно построили большой рондель передъ глиняными воротами, а также множество другихъ валовъ, стѣнъ, рвовъ и другихъ оборонительныхъ построекъ, чтобы съ Божьею помощью было на что положиться; въ этой работѣ должны были принимать участіе и всѣ бюргеры и подмастерья. Еслибы московитъ, когда взялъ Дерптъ, немедленно двинулся къ Ревелю, то городъ недолго удержался бы противъ него. Потому что въ то время онъ нигдѣ не былъ хорошо укрѣпленъ отъ нападенія, бюргеры не привыкли къ войнѣ и были неопытны и увѣрены въ своей без-

опасности. Многіе изъ нихъ были на столько малодушны, что изъ трусости выслали изъ страны своихъ женъ и дѣтей, а многіе отправили свои имущества серебромъ, золотомъ и деньгами, чтобы избѣгнуть несчастія, котораго всю жизнь не забудутъ. Но всемогущій Господь и донынѣ милостиво сохранилъ городъ отъ хитрости и власти московита.

Прим. перев. Ревель чуть было не попалъ въ датскія владѣнія, какъ сказано было Рюссовымъ въ предшествовавшей главѣ. Предложеніе князя Шуйскаго о сдачѣ пришло въ то время, когда магистратъ и община еще не знали, что скажетъ датскій король на просьбу ихъ о помощи. Русскій посолъ, привезшій грамоту, былъ принятъ ревельцами не въ городѣ, а въ загородномъ дворѣ, принадлежавшемъ магистрату. Магистратъ отвѣтилъ послу: „Будемъ оставаться вѣрны нашему законному господину магистру по нашей присягѣ и обязанности, и не уподобимся тѣмъ легкомысленнымъ, которые поступили вѣроломно и сдали свой городъ. Надѣемся на помощь Всемогущаго".

Когда посолъ уѣхалъ съ угрозами, ревельцы и принялись за работы по укрѣпленію своего города.

70. Краткій перечень причинъ московитской войны съ Ливоніею, которыя московитъ довелъ также до свѣдѣнія римскаго императора Фердинанда.

Послѣ того какъ съ давнихъ временъ въ ливонскихъ городахъ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ дозволено было строить русскія церкви, въ которыхъ русскіе купцы моглибы совершать свое богослуженіе, а также съ давнихъ временъ въ упомянутыхъ городахъ всѣ русскіе купцы имѣли свободный доступъ въ улицы и въ торговые дома (амбары), въ которыхъ свободно и безпрепятственно могли всякому продавать свои товары; къ тому же магистръ ливонскій, архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій вмѣстѣ съ магистратомъ этого города не только грамотами, скрѣпленными печатями, но и клятвенно обѣщались выплатить великому князю дань за три года. Эту клятву за своими печатями ливонцы совершенно забыли и поступили противъ всякаго стараго согласія и справедливости: русскія церкви обратили въ оружейные склады и живодерни, иконы нашего Спасителя, досточтимыхъ апостоловъ и мучениковъ сожгли и совершенно обезчестили; у русскихъ купцовъ отняли ихъ свободный рынокъ, торговлю и торговые дома (амбары) и вели съ ними только побочную торговлю, лишили ихъ всѣхъ старыхъ льготъ и преимуществъ; также упорно ему (московскому государю) отказали въ должной дани, даже не хотѣли знать ничего, несмотря на то, что онъ (государь) часто письмами и черезъ своихъ пословъ усовѣ-

щевалъ ихъ поступать справедливо: онъ (царь) охотно помогъ бы имъ и далъ бы совѣтъ, какъ добрый врачъ; несмотря на то они съ умысломъ отвергли эти напоминанія и стремились къ собственной погибели, и сердце ихъ, какъ фараоново, пребывало окаменѣлымъ: поэтому онъ (царь) долженъ былъ начать войну съ ними, испытать ихъ страхомъ и побудить къ справедливости. Но они все еще оставались непреклонными; поэтому они должны страдать, будучи теперь наказываемы мечемъ и огнемъ. И это не его (царя) вина, а собственная вина ливонцевъ и т. д.

Прим. перев. Эта глава есть не что иное, какъ изложеніе отвѣта московскаго правительства на письмо императора Фердинанда, которое онъ писалъ, когда ливонцы просили его заступничества. Императоръ, получивъ отвѣтъ на свое письмо, извѣстилъ ливонцевъ, что ему прискорбны несчастія ихъ, но римская имперія, занятая войною съ турками, не въ силахъ защищать христіанства на всѣхъ пунктахъ. Императоръ указывалъ, что ливонцы могутъ просить помощи у сосѣднихъ государей, которые должны предупредить усиленіе Москвы ради собственной безопасности.

Надобно полагать, что этотъ совѣтъ былъ полученъ магистромъ въ Валкѣ, куда предъ взятіемъ Дерпта собрались рыцари и дворяне для обсужденій мѣръ противъ Москвы. Вслѣдствіе этого совѣта и начались сужденія у кого именно просить помощи: у поляковъ, датчанъ, у шведовъ или у всѣхъ разомъ, сужденія, прерванныя вѣстію о взятіи Дерпта.

71. Готгардъ Кетлеръ, сорокъ шестой и послѣдній магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, 1559 — 61.

Въ 1559 г. послѣ того какъ Вильгельмъ Фэрстенбергъ отказался отъ магистерскаго сана по причинѣ своей глубокой старости и избралъ мѣстомъ своего жительства Феллинъ, и страна находилась въ исключительномъ и удивительномъ положеніи, и многіе замки и земли были потеряны и всѣ запасы страны были уничтожены, и остальныя земли находились еще въ несогласіи и большой опасности: тогда Готгардъ Кетлеръ, коадъюторъ прежняго магистра, былъ провозглашенъ магистромъ и въ томъ же году принималъ присягу въ Ревелѣ. Тогда онъ откупилъ и занялъ замокъ Ревель отъ кнехтовъ (жолнѣровъ), занимавшихъ его отъ имени короля датскаго, но не получавшимъ никакого извѣстія отъ него; онъ заботился и искалъ средствъ также къ тому, какъ бы остановить непріятеля, чтобы онъ ни на пядь не шелъ дальше въ Ливонію. Для этого онъ долженъ былъ заложить нѣкоторыя земли и замки. Тогда онъ заложилъ замокъ Грубинъ герцогу прусскому и за дворъ въ Кегелѣ, лежавшій недалеко отъ Ревеля, онъ взялъ съ города 30000 талеровъ; на эти

деньги онъ нанялъ ратниковъ и около Мартинова дня въ 1559 г. со значительнымъ войскомъ выступилъ въ походъ и сталъ около церкви въ Нуггѣ въ епископствѣ дерптскомъ; въ этомъ походѣ участвовалъ также герцогъ Христофоръ Мекельнборгскій. А войско русскихъ, недавно пришедшее изъ Россіи, стояло въ 6 миляхъ оттуда; это войско сговорилось съ русскими въ Дерптѣ окружить и неожиданно напасть на войско магистра. Но ратники магистра также думали о своей выгодѣ и справились раньше: наканунѣ Мартинова дня они вечеромъ неожиданно напали на русскихъ въ ихъ лагерѣ, убили многихъ изъ нихъ и одного изъ знатнѣйшихъ воеводъ съ многими боярами привели въ лагерь къ магистру.

Этимъ же разомъ, послѣ того какъ Готгардъ Кетлеръ занялъ замокъ Рингенъ, истребилъ въ немъ всѣхъ русскихъ и разрушилъ замокъ, онъ вмѣстѣ съ герцогомъ Христофоромъ Мекельнборскимъ, коадъюторомъ архіепископа рижскаго, подошелъ къ городу Дерпту и осаждалъ его нѣсколько времени. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ русскими и не достигнувъ ничего, они отступили. На возвратномъ пути магистръ подошолъ къ Лаису, осадилъ этотъ замокъ, построивъ батареи и окопы, обстрѣливалъ его и два раза ходилъ на приступъ, но оба раза проигралъ. Въ этихъ двухъ приступахъ убито нѣсколько сотъ отборныхъ кнехтовъ и ревельскій гауптманъ Вольфъ фонъ Штрасборгъ. Такъ какъ подошла зима и не было счастія, магистръ и герцогъ снова отступили со стыдомъ и позоромъ. Ратники, по неблагопріятности счастія и недостатка въ деньгахъ, разсердились и разошлись. Артиллерія же и орудія были доставлены въ Феллинъ.

Примъ. перев. Готгардъ Кетлеръ происходилъ изъ знатнаго вестфальскаго рода и родился въ 1517 году. Двадцатилѣтнимъ юношею онъ прибылъ въ Ливонію и вступилъ въ тевтонскій орденъ. Получивъ очень хорошее по своему времени образованіе и отличаясь несомнѣнными воинскими талантами, онъ скоро занялъ видное положеніе въ орденѣ и въ то время, когда между орденомъ и архіепископомъ рижскимъ послѣдовалъ разрывъ (см. выше стр. 351), онъ уже былъ динабургскимъ командоромъ, слѣд. принадлежалъ къ высшимъ сановникамъ ордена. Въ концѣ 1555 г., когда орденъ рѣшился начать открытую войну съ архіепископомъ, магистръ Галенъ послалъ Кетлера въ Германію вербовать тамъ жолнѣровъ. Въ Любекѣ, гдѣ было принято на службу ордену нѣсколько отрядовъ жолнѣровъ, Кетлеръ познакомился съ Соломономъ Геннингомъ (писатель и ливонскій историкъ) и подружился съ нимъ. Кетлеръ привелъ въ Ливонію жолнѣровъ, столь удивлявшихъ ливонцевъ, отвыкшихъ отъ войны, и былъ, по пріѣздѣ, назначенъ феллинскимъ командоромъ. Вскорѣ послѣ этого, въ 1556 году, онъ былъ отправленъ посломъ въ Польшу, здѣсь познакомился съ воеводою виленскимъ, извѣстнымъ Николаемъ Радзивиломъ и впо-

слѣдствіи всегда находился въ хорошихъ отношеніяхъ какъ съ Радзивиломъ, такъ и съ королемъ Сигизмундомъ Августомъ.

Въ Валкѣ, куда магистръ Фирстенбергъ отступилъ въ іюлѣ 1558 г. (см. выше стр. 366), рыцари рѣшились избрать коадъютора Фирстенбергу, человѣку, какъ было уже замѣчено, малособному, къ тому же и старому. Выборъ палъ на Кетлера, который принялъ эту должность, хотя и видѣлъ, что ливонскія дѣла находятся въ отчаянномъ, даже безнадежномъ положеніи. Съ іюля 1558 г. Кетлеръ становится во главѣ ордена, въ качествѣ пока коадъютора.

Въ маѣ 1559 г. Фирстенбергъ совершенно удалился на покой въ Феллинъ; орденскіе сановники избрали на его мѣсто въ томъ же мѣсяцѣ Кетлера, который и управлялъ дѣлами ордена до самаго распаденія Ливоніи.

6 сентября 1558 года въ Москвѣ была дана жалованная грамота Дерпту, подтверждавшая пункты капитуляціи, но съ нѣкоторыми измѣненіями довольно, впрочемъ, важными. Осенью 1558 года князь Шуйскій уѣхалъ въ Москву, а въ Дерптъ начальникомъ на его мѣсто прибылъ князь Дмитрій Ивановичъ Курлятевъ. Русское войско, по обычаю того времени, вышло изъ ливонскихъ областей въ свои предѣлы, оставивъ въ занятыхъ городахъ небольшіе гарнизоны. Новый коадъюторъ, получивъ свѣдѣніе, что главныя русскія силы вышли изъ Ливоніи, рѣшился открыть наступательныя дѣйствія и, снарядивъ войска на добытыя подъ закладъ деньги, выступилъ въ походъ подъ Рингенъ. Князь Курлятевъ, приказавъ арестовать и увезти во Псковъ нѣсколькихъ дерптцевъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ рыцарями, донесъ царю о движеніи Кетлера. Царь приказалъ двинуть въ Ливонію войско изъ пограничныхъ городовъ и волостей, но русское войско не могло скоро собраться. Кетлеръ въ ноябрѣ 1558 г. осадилъ Рингенъ, гдѣ русскій гарнизонъ состоялъ всего изъ 90 человѣкъ подъ начальствомъ сына боярскаго Русина Игнатьева. Игнатьевъ отбивался храбро пока достало пороху. Кетлеръ взялъ Рингенъ и посылалъ свои отряды въ Псковскую землю, которые сожгли посадъ у Краснаго и разорили нѣсколько областей.

Кетлеръ, провѣдавъ, что русское войско уже выступило въ походъ, не рѣшился осадить Дерпта, и вышелъ изъ дерптской области. Русское войско дѣйствительно подходило. Царь, однако, не хотѣлъ раззорять вдосталь ливонцевъ, и въ декабрѣ 1558 г. приказалъ князю Курлятеву написать магистру съ приглашеніемъ бить государю челомъ и исправиться, чтобы не лилась напрасно христіанская кровь. Магистръ не отвѣчалъ на это письмо, тогда былъ данъ приказъ русскому войску вступить въ Ливонію.

Русское войско, состоявшее подъ главнымъ начальствомъ князя Микулинскаго, перешло границу 15 янв. 1559 г. Съ этого дня начался второй походъ на Ливонію, едва-ли не опустошительнѣйшій перваго. Русскіе отряды, истребляя и избивая все встрѣчное, прошли до самой Риги въ длину верстъ на 600, а въ ширину на 150

и 200 верстъ и взяли 11 городковъ, не удерживая ихъ за собою. Оба побережья Западной Двины были опустошены, подъ самой Ригой русскіе пожгли корабли. Этотъ походъ, лучше сказать погромъ, продолжался цѣлый мѣсяцъ, съ 15 января по 17 февраля 1559 года. Русскіе нигдѣ не встрѣчали отпора: все бѣжало передъ ними опрометью, куда глаза глядятъ. Рыцари не выходили изъ своихъ замковъ, по прежнему, и только одинъ разъ подъ городкомъ Чесминымъ нѣмцы дали отпоръ русскому отряду, но были разбиты и потеряли 400 человѣкъ убитыми. Жестокое и лютое разореніе Ливоніи стихло, когда за ливонцевъ начались ходатайства отъ сосѣднихъ государей.

72. *Датскіе послы ѣдутъ въ Россію, 1559 г.*

Въ тоже время черезъ Ревель проѣхало въ Москву пышное датское посольство, а именно господинъ Клаусъ Уръ, рыцарь, и Петръ Бильде съ докторами и дворянами; ревельцы и другіе ливонцы очень радовалися этому посольству въ надеждѣ, что оно будетъ говорить въ пользу Ливоніи. Но ничего нельзя было ни услышать, ни узнать объ этомъ.

Прим. перев. Разгромъ, постигшій Ливонію въ январѣ и февралѣ 1559 г., побудилъ ливонцевъ снова обратиться къ сосѣднимъ державамъ за помощью. Соломона Геннинга и Ромберта Гильдесгейма послали въ Швецію, Кетлеръ обратился въ Польшу, съ Даніею уже прежде шли переговоры.

Въ Швеціи послы добились очень немногаго. Король Густавъ Ваза, осторожный и наученный уже опытомъ неудачною войною съ Москвою (см. выше стр. 343), рѣшительно не хотѣлъ принимать участія въ ливонскомъ дѣлѣ, ссылаясь, что и рыцари въ свое время не подали помощи шведамъ. Но однакоже обѣщалъ просить царя за ливонцевъ, и дѣйствительно просилъ, но не очень усильно (см. Соловьева, VI, стр. 153): „Мы просимъ васъ — писалъ Густавъ Ваза, за ливонцевъ собственно не для нихъ (потому что они и съ нами не очень хорошо поступили), но чтобъ угодить императору, который намъ приказывалъ и просилъ объ этомъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что мы немедленно хотимъ отправить посланника къ ливонцамъ, велимъ спросить у нихъ, хотятъ ли они пасть вамъ въ ноги и все исполнить какъ слѣдуетъ? Мы дадимъ вамъ знать, какой отвѣтъ получимъ отъ нихъ“. Іоаннъ отвѣчалъ Густаву: „Мы прежде думали, что ты отъ себя хлопочешь за ливонцевъ, что тебѣ такъ надобно; а теперь ты пишешь, что дѣлаешь это для императора; такъ если ливонское дѣло тебѣ не очень надобно, то ты бы къ ливонцамъ и не посылалъ, чтобы они били мнѣ челомъ“.

Шведское посредничество ни къ чему не послужило, не послужило на этотъ разъ и посредничество польское.

Еще зимою 1558 г., тотчасъ послѣ рингенскаго похода, коадъюторъ рижскаго архіепископа началъ сношенія съ королемъ польскимъ Сигизмундомъ-Августомъ, и ссылаясь на позвольскій договоръ 1557 г. (см. выше стр. 352) просилъ короля выручить Ливонію изъ бѣды, когда наступитъ въ томъ надобность. Король обѣщалъ переговорить съ царемъ и послѣ того, какъ русское войско опустошило южныя части Ливоніи, послалъ въ Москву литовскаго сановника Тышкевича. Въ мартѣ 1559 г. Тышкевичъ имѣлъ переговоры съ Адашевымъ больше, впрочемъ, о литовско-русскихъ дѣлахъ, чѣмъ о ливонскихъ. Переговоры эти не повели ни къ какимъ результатамъ. Когда Тышкевичъ намекнулъ только о Ливоніи, то Адашевъ на отрѣзъ сказалъ, что Ливонія земля царская, и царь наказываетъ своихъ строптивыхъ подданныхъ (Карамзинъ, VIII, прим. 548).

Датское посредничество оказалось для ливонцевъ болѣе полезнымъ, чѣмъ шведское и польское. Ревельцы, не ожидая ни откуда помощи, обратились къ датскому королю Христіану съ просьбою принять ихъ въ свое подданство, такъ какъ нѣкогда Эстонія и Ревель были подъ властью Даніи. Король отказалъ ревельцамъ, не желая, подобно Густаву-Вазѣ, ввязываться въ войну съ Москвою, но обѣщалъ, однако, ходатайствовать за ливонцевъ въ Москвѣ. Онъ назначилъ и пословъ въ Москву, но умеръ, неотправивъ ихъ. Послы эти, поименованные Рюссовымъ, поѣхали въ Москву чрезъ Ревель уже отъ имени новаго датскаго короля Фридриха II. Король просилъ, чтобы царь запретилъ своимъ войскамъ входить въ Эстонію, какъ принадлежащую Даніи. Іоаннъ отвѣчалъ (см. Соловьева VI, стр. 154): „Мы короля отъ своей любви не отставимъ; какъ ему пригоже быть съ нами въ союзномъ пріятельствѣ, такъ мы его съ собой въ пріятельствѣ и союзной любви учинить хотимъ. Тому уже 600 лѣтъ, какъ великій государь русскій Георгій Владиміровичъ, называемый Ярославомъ, взялъ землю ливонскую всю и въ свое имя поставилъ городъ Юрьевъ, въ Ригѣ и Колывани церкви русскія и дворы поставилъ и на всѣхъ ливонскихъ людей дани наложилъ. Послѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ невзгодъ, тайно отъ нашихъ прародителей, взяли было они изъ королевства датскаго двухъ королевичей; но наши прародители за то на ливонскихъ людей гнѣвъ положили, многихъ огню и мечу предали, а тѣхъ королевичей датскихъ изъ своей ливонской земли вонъ выслали. Такъ Фридрихъ король въ нашъ городъ Колывань не вступался бы“. На просьбу не притѣснять ливонцевъ царь велѣлъ отвѣчать посламъ: „Всѣ ливонцы отъ прародителей нашихъ извѣчные данники; какъ мы остались послѣ отца своего трехъ лѣтъ, то наши непріятели пограничные, видя то, наступили на наши земли, а люди ливонской земли, смотря на наши невзгоды, перестали платить дань, и въ Ригѣ церковь нашу во имя Николая Чудотворца, гридни и палаты отдали литовскимъ панамъ и купцамъ; въ Колывани русскіе гридни и палаты колыванскія люди за себя взяли, а въ Юрьевѣ церковь Николы Чудотворца разорили, конюшню на томъ мѣстѣ поставили, а улицами русскими, палатами и погребами юрьевцы сами завладѣли“.

Царь, однако, далъ датскимъ посламъ опасную грамоту на имя ливонскихъ правителей, въ которой говорилось, что для короля Фридриха царь жалуетъ перемиріе ливонскому ордену отъ мая до ноября 1559 г., чтобы въ это время или самъ магистръ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или прислалъ бы самыхъ знатныхъ людей для заключенія вѣчнаго мира.

Перемиріе было дано, но Кетлеръ въ Москву не поѣхалъ, знатныхъ людей не послалъ, а пользуясь перемиріемъ, вошелъ въ сдѣлку съ королемъ польскимъ, какъ съ государемъ, имѣвшимъ самыя существенныя побужденія вступиться за Ливонію, чтобы не дать Москвѣ усилиться на ея счетъ.

73. *Татарскіе послы въ Ливоніи, 1559 г.*

Въ томъ же 1559 году татаринъ также прислалъ своихъ пословъ къ магистру ливонскому; отъ имени своего государя, послы обѣщали магистру помощь противъ московита и пожелали ему также жить съ миромъ въ своей землѣ; они пожелали и напомнили также, чтобы магистръ черезъ своихъ пословъ съ подарковъ (поминкомъ) посѣтилъ когда нибудь ихъ государя, чтобы освѣдомиться о его здоровьѣ.

Прим. перев. Татаринъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Рюссовъ, есть Девлетъ-гирей, ханъ хищнической крымской орды, жившей грабежемъ и разбоемъ въ южныхъ предѣлахъ Россіи и Польши. Зимою, въ концѣ 1558 года, какіе то татары дали знать Девлетъ-гирею, что въ Москвѣ нѣтъ никого: царь де отправился со всѣми силами въ Ливонію, къ Ригѣ. Девлетъ-гирей, давно уже не получавшій поминковъ изъ Москвы, злобясь на Москву за походы Ржевскаго и Вишневецкаго на его собственные улусы, рѣшился на зимній походъ, чтобы напасть на беззащитныя южно-русскія окраины и ограбить ихъ. Собравъ тысячь до 100 крымскихъ хищниковъ, ханъ послалъ съ ними царевича Магметъ-гирея на Рязань, Тулу и Кострому. Но достигнувъ рѣки Мечи, крымцы, узнавъ, что Іоаннъ въ Москвѣ и что наиболѣе страшные для нихъ князь Вишневецкій и бояринъ Иванъ Шереметевъ въ Ливонію вовсе не ходили, а находятся на своихъ мѣстахъ въ Бѣлевѣ и Рязани, поворотили назадъ, поморивъ зимою лошадей и людей.

Въ началѣ 1559 года, когда русское войско (тысячъ до 130, по увѣренію нѣмецкихъ лѣтописцевъ) опустошало ливонское побережье Западной Двины, царь послалъ князя Вишневецкаго съ съ 5,000 на Донъ, а окольничаго Данилу Адашева съ 8,000 въ городокъ на Пселѣ, чтобы оттуда выплыть на Днѣпръ и промышлять надъ Крымомъ. Промыселъ, въ особенности Адашева, былъ очень удаченъ. Русскіе побывали въ самомъ Крыму, освободили плѣнныхъ русскихъ и литовскихъ, понаказали крымцевъ. Въ Москвѣ, однако,

все лѣто ждали крымцевъ, но ханъ не приходилъ: казаки донскіе и малороссійскіе (черкасы) не давали ему покоя, грабя его собственные улусы.

Вотъ, быть можетъ, причина почему царь далъ перемиріе Ливоніи съ мая по ноябрь 1559 г.: ему нужно было сосредоточить войска на югѣ, чтобы отразить ожидаемое вторженіе крымцевъ.

Девлетъ-гирей, конечно, слышалъ о русско-ливонской войнѣ и потому прислалъ пословъ къ магистру. Расчетъ хищника былъ, кажется, тотъ, чтобы получить поминки съ магистра и совмѣстно съ нимъ воевать съ Москвою. Но магистру было не изъ чего давать поминокъ, потому и посольство татарское кончилось ничѣмъ.

74. *Какъ погибаетъ ревельская торговля.*

Послѣ того какъ Ливонія начала продолжительную войну съ московитомъ, чѣмъ затруднила и уменьшила торговлю какъ заграничныхъ, такъ и ливонскихъ купцовъ съ русскими, тогда особенно плохо было любекскимъ купцамъ, которыхъ главная торговля была съ Ревелемъ. Поэтому, когда торговля въ Ревелѣ совершенно пріостановилась и у нихъ, любчанъ, не было никакой непріязни къ русскимъ, то они стали ѣздить въ Нарву и впродолженіи всей войны проѣзжали мимо Ревеля большими толпами, вывозили и ввозили много товаровъ, въ противность стараго соглашенія ганзейскихъ городовъ. Это не мало сердило ревельцевъ. Поэтому ревельскіе купцы на свой собственный счетъ и рискъ снарядили нѣсколько кораблей съ орудіями, чтобы нападать на любчанъ и мѣшать имъ ѣздить въ Нарву. Изъ за этого возникла необыкновенно сильная ненависть, зависть и вражда между любчанами и ревельцами. До того же времени всегда между упомянутыми партіями была такая тѣсная дружба и братство, что если бюргеръ изъ Ревеля пріѣзжалъ въ Любекъ или любекскій бюргеръ въ Ревель, то нельзя было бы предположить, что не братъ навѣщаетъ роднаго брата. Точно также принимались и уважались дѣти бюргеровъ обѣихъ этихъ городовъ. Теперь же эта большая дружба между упомянутыми городами была совершенно расторгнута ѣздой въ Нарву. Любчане публично объявили въ свое оправданіе что нѣкоторыми старыми королями шведскими имъ была дарована привиллегія ѣздить съ кораблями въ Россію до Ніи (Невы). Къ тому же они будто бы получили отъ нѣкоторыхъ прежнихъ ливонскихъ магистровъ льготу безпрепятственно торговать въ общихъ ливонскихъ военныхъ гаваняхъ и съ московитомъ; что имъ и было дозволено римскимъ императоромъ того времени. И что въ этой войнѣ они не первые были въ Нарвѣ, но было нѣсколько ревельцевъ, которые сами указывали имъ дорогу въ Нарву; а если ревельцы торгуютъ со своимъ открытымъ врагомъ, то почему бы имъ того

не дѣлать, особенно если у нихъ нѣтъ вражды съ московитомъ. Впослѣдствіи не только любекскіе города при Балтійскомъ морѣ, но и всѣ французы, англичане, шотландцы и датчане большими толпами отправлялись въ Нарву и вели тамъ большую торговлю, происходившую сперва въ Ревелѣ, различными товарами, золотомъ и серебромъ; изъ за этого городъ Ревель сталъ пустымъ и бѣднымъ городомъ. Тогда-то ревельскіе купцы и бюргеры стаивали въ розовомъ саду и на валахъ и съ большой тоской и печально смотрѣли, какъ корабли неслись мимо города Ревеля въ Нарву. Однако, корабли въ этой нарвской поѣздкѣ часто терпѣли неудачу: ежегодно много кораблей тонуло въ морѣ, недоходя до Нарвы, и многіе ежегодно попадались въ плѣнъ военнымъ кораблямъ короля шведскаго и кораблямъ морскихъ разбойниковъ. Не смотря на то, они никакъ не прекращали эти поѣздки. Въ то время городъ Ревель былъ печальнымъ городомъ, не знавшимъ ни конца, ни мѣры своему несчастію.

Прим. перев. Есть извѣстія (см. Monum. ant. liv., V, 600), что города Любекъ, Гамбургъ и др., не обращая вниманія на свое племенное родство съ ливонскими нѣмцами, не только не прекращали своей торговли съ Россіею, во время войны, но и доставляли въ Нарву и Ивангородъ оружіе и снаряды, нужныя русскимъ для войны съ Ливоніею. Потому то ревельцы дѣйствовали не безъ основаній, когда снарядили военные корабли, чтобы не допускать любчанъ въ Нарву.

75. *Епископства Эзель и Курляндія дѣлаются датскими, 1559 г.*

Въ 1559 г. Іоаннъ Менникгузенъ, епископъ земель Эзеля и Курляндіи также бѣжалъ изъ своихъ двухъ округовъ, и изъ страха передъ московитомъ передалъ земли королю датскому, Фредериху II, который принялъ ихъ въ пользу своего брата, герцога Магнуса.

Прим. перев. Описывая нравы и обычаи ливонскаго общества (см. выше стр. 327), Рюссовъ замѣчаетъ, что орденскіе братья и епископы чрезъ чуръ мало заботились о спасеніи душъ и благосостояніи бѣдныхъ крестьянъ; они говорили, что Ливонія для орденскихъ братьевъ и епископовъ не есть отечество, и заботились они только о томъ, чтобы имѣть вдоволь всего на свои дни. Епископъ курляндскій и эзельскій Іоаннъ фонъ Мингаузенъ принадлежалъ къ числу такихъ эгоистовъ. Епископство эзельское (западная часть нынѣшней Курляндской губерніи, начиная отъ Гольдингена) имѣло своихъ отдѣльныхъ епископовъ. Въ 1541 г., по смерти курляндскаго епископа Германа Коппенберга, по рекомендаціи гольдингенскаго командора Эрнста фонъ Мингаузена, курляндскимъ епископомъ былъ назначенъ его племянникъ Іоаннъ фонъ

Мингаузенъ, который 4 мая 1541 г. далъ обязательство ордену, что безъ согласія и одобренія ордена не передастъ епископства ни въ чьи руки. Въ томъ же 1541 г. новый курляндскій епископъ сдѣланъ былъ администраторомъ эзельскаго епископства, которымъ правилъ епископъ Буксгевденъ, умершій въ 1543 доду. Въ этомъ году Мингаузенъ сдѣланъ былъ и эзельскимъ епископомъ, и такимъ образомъ въ его рукахъ соединилось управленіе двумя епископствами. Когда въ 1557 году возникъ раздоръ между орденомъ и архіепископомъ, когда русскіе стали угрожать независимости Ливоніи, Мингаузенъ рѣшился совершить выгодную для себя сдѣлку и въ 1558 году предложилъ королю датскому Христіану III купить у него оба епископства. Сдѣлка эта, однако же, въ 1558 г. не состоялась, но когда Кетлеръ въ слѣдующемъ 1559 г. пошелъ на сдѣлку съ королемъ польскимъ, то епископъ Мингаузенъ вновь обратился къ датскому королю Фридриху II (преемнику Христіана) съ предложеніемъ купить епископства. Король, по совѣщаніи съ своею матерью, рѣшился на эту покупку въ томъ вниманіи, что ему слѣдовало дать своему младшему брату Магнусу земли въ Гольштейнѣ и онъ расчиталъ, что выгоднѣе купить для Магнуса два епископства въ Ливоніи, чѣмъ отдавать ему часть Гольштейна. Сдѣлка совершилась 29 сентября 1559 года въ Ниборгѣ: король не допытывался у Мингаузена имѣетъ ли онъ право продавать епископства безъ согласія и одобренія ордена, но заключилъ договоръ съ Мингаузеномъ, по которому тотъ уступилъ оба епископства королю за 30,000 талеровъ съ признаніемъ главенства надъ этими епископствами римской имперіи. Фридрихъ II немедленно же назначилъ своего брата Магнуса епископомъ эзельскимъ и курляндскимъ и весною 1560 года съ деньгами и рекомендательными письмами отправилъ его въ Ливонію. Епископъ же Мингаузенъ, получивъ 30,000 талеровъ, удалился въ Вестфалію, тамъ принялъ протестанство и, слѣдуя примѣру Іодова фонъ-деръ-Рекс (см. выше стр. 335) женился, не смотря на свои преклонныя лѣта.

76. Маріенборгъ взятъ русскими, 1560 г.

Зимой въ 1560 году московитъ снова не сидѣлъ сложа руки, но со всѣмъ войскомъ напалъ на Ливонію и послѣ Крещенія завоевалъ и взялъ прекрасный замокъ и крѣпость Маріенборгъ, сданный ему Каспаромъ фонъ Зибергомъ, комендантомъ замка, и другими нѣмцами, бывшими съ нимъ въ замкѣ. Въ то же время московитъ не взялъ ни одной ливонской крѣпости силой или голодомъ, или продолжительной осадой, но онѣ всѣ были сданы ему изъ большаго малодушія, изъ совершеннаго и измѣнчиваго легкомыслія. Завоевавъ замокъ Маріенборгъ, московитъ страшно свирѣпствовалъ въ епископствѣ рижскомъ, убивая и сожигая; онъ до тла сжегъ мѣстечко Шмильтенъ. Точно также онъ бушевалъ и свирѣпствовалъ и въ Курляндіи, не встрѣчая никакого сопротивленія.

Прим. перев. Обстоятельства, вынудившія московита не сидѣть, по выраженію Рюссова, сложа руки, требуютъ нѣкотораго поясненія.

Было сказано выше (см. стр. 382), что московское правительство дало перемиріе ливонцамъ съ мая по ноябрь 1559 года, для короля Фридриха, какъ сказано было въ опасной грамотѣ, въ сущности же для того, что царю нужны были войска на югѣ Россіи противъ ожидавшагося вторженія крымцевъ. Во время этого шестимѣсячнаго перемирія, Кетлеръ и архіепископъ рижскій также не сидѣли сложа руки, но употребляли всѣ средства, чтобы противъ русскихъ возстановить силы сосѣднихъ государствъ.

Въ маѣ 1559 года Кетлеръ принялъ должность магистра ливонскаго ордена вмѣсто удалившагося на покой Фирстенберга, въ Москву не поѣхалъ и пословъ къ царю не послалъ, но вмѣсто того послалъ командора рижскаго замка Георга Зиберга въ Аугсбургъ на имперскій сеймъ, а самъ вмѣстѣ съ нѣсколькими орденскими сановниками отправился въ Краковъ просить польскаго короля о помощи. Король созвалъ сеймъ въ Вильнѣ на 24 іюня и предложилъ присутствовать на немъ и ливонскимъ депутатамъ. Изъ Кракова Кетлеръ отправился въ Вѣну къ императору, но тутъ не добился ничего существеннаго, и изъ Вѣны поѣхалъ въ Вильну.

Въ маѣ же 1559 г. обратился за помощью къ польскому королю и архіепископъ рижскій. Архіепископъ рижскій соглашался отдаться подъ власть королю, платить ему извѣстную дань, но съ условіемъ состоять членомъ германской имперіи.

Въ Аугсбургѣ Георгъ Зибергъ изложилъ членамъ сейма бѣдственное положеніе Ливоніи и такъ тронулъ ихъ, что они предложили ему взять 100,000 дукатовъ на веденіе войны, но Зибергу показалось мало этой суммы и онъ ее не взялъ, за что, конечно, его не поблагодарили въ Ливоніи. Аугсбургскій сеймъ опредѣлилъ написать къ московскому государю отъ имени императора увѣщаніе, которое, само собою разумѣется, на московскаго царя не произвело равно никакого впечатлѣнія (увѣщаніе это было написано 19 ноября 1559 г. и отправлено въ Москву съ гонцомъ; изъ Москвы отвѣчали, что съ гонцами о важныхъ дѣлахъ переговаривать не намѣрены).

Ливонцы обращались за помощью и къ ганзейскимъ городамъ, и къ другимъ государямъ Европы, и нигдѣ ничего не получили: имъ оставалась единственная надежда на короля польскаго, интересы котораго дѣйствительно требовали не давать усиливаться Москвѣ на счётъ Ливоніи. Кетлеръ прибылъ на виленскій сеймъ, и 3 сентября въ Вильнѣ заключилъ договоръ (подписанный 15 сентября), по которому король польскій обѣщалъ помочь и защитить Ливонію, но за эту помощь и защиту орденъ и архіепископъ должны были дать королю въ залогъ ливонскія земли отъ Друи по теченію Двины до Ашерадена и самый Ашераденъ съ его волостью. Ордену было представлено право выкупить эти земли за 600,000 гульденовъ, считая въ гульденѣ 24 литовскихъ гроша. Подобный же договоръ былъ заключенъ и съ архіепископомъ (договоръ былъ окончательно

утвержденъ въ февралѣ 1561 года). Архіепископъ заложилъ королю замки Леневарденъ и Маріенгаузенъ и дворы Бирзенъ и Любань съ правомъ выкупить ихъ за 100,000 гульденовъ. Король принялъ на себя обязанность охранять Ливонію отъ московскаго государя.

Магистръ, возвратившись въ Ливонію и разсчитывая на польскую помощь, заложилъ городу Ревелю Кегельскій дворъ за 30 тыс. гульд., на эти деньги нанялъ нѣмецкихъ жолнѣровъ, и въ ноябрѣ 1559 года, когда истекъ срокъ перемирію, открылъ военныя дѣствія. Вмѣстѣ съ коадъюторомъ рижскаго архіепископа, герцогомъ Христофоромъ Мекленбургскимъ, онъ пошелъ на Дерптъ, гдѣ вмѣсто Курлятева начальствовалъ князь Андрей Ивановичь Ростовскій. Вечеромъ на Мартиновъ день онъ напалъ на московскаго воеводу Плещеева, стоявшаго у Рюггена, разбилъ его и подступилъ къ Дерпту. Князь Ростовскій распоряжался обороною очень искусно: не допустилъ Кетлера до города ближе чѣмъ на версту и заставилъ его простоять подъ Дерптомъ безъ всякой пользы цѣлыхъ 50 дней. Кетлеръ отступилъ и осадилъ Лаисъ, въ которомъ начальствовалъ стрѣлецкій голова Андрей Кошкаревъ. Осада была рѣшительно неудачною: Кошкаревъ перебилъ не мало нѣмцевъ, подбилъ ихъ два орудія, и заставилъ снять осаду. Нѣмецкіе жолнѣры, не получивъ жалованья, забунтовали. Кетлеръ вынужденъ былъ отпустить ихъ на зимнія квартиры, а артиллерію отправить въ Феллинъ.

Московскіе воеводы: князья Шуйскій, Серебрянный и Мстиславскій, не замедлили отплатить ливонцамъ за ихъ нападеніе на Дерптъ. Въ первыхъ числахъ января 1560 года они осадили пограничную и сильную ливонскую крѣпость Маріенбургъ (Алистъ). Комендантъ этой крѣпости Каспаръ фонъ Зибергъ сдался на капитуляцію (Кетлеръ обвинилъ его въ измѣнѣ и засадилъ въ крѣпость Кирхгольмъ, гдѣ онъ и умеръ). Русскіе, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, пошли, по примѣрамъ январскихъ походовъ 1558 и 1559 г., опустошать нетронутыя еще ливонскія земли, разорили до тла Шмильтенъ и нѣкоторые земли рижскаго архіепископа, ворвались въ Курляндію и здѣсь „бушевали“, какъ выразился Рюссовъ, точно также какъ и въ архіепископствѣ рижскомъ, истребляя и сжигая все встрѣчное.

Помощи отъ короля не было, а къ довершенію бѣдъ нѣмецкіе жолнѣры, не получая жалованья, стали грабить своихъ нанимателей. Положеніе ордена ухудшалось съ часу на часъ.

77. Герцогъ Магнусъ Гольштейнскій, 1560 г.

Въ томъ же году въ праздникъ Пасхи герцогъ Магнусъ Гольштейнскій, братъ короля Фредерика II датскаго, прибылъ (16 апрѣля) въ Аренсбургъ на Эзель и принялъ епископства Эзель и Курляндію. По этому случаю у всѣхъ въ Ливоніи давались большіе радостные пиры, было веселье и ликованіе. Между тѣмъ король датскій принялъ на себя заботу о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ

будетъ ихъ пускать пустыми. На что рѣшился нашъ господинъ генералъ-губернаторъ — неизвѣстно, и не было о томъ объявлено жителямъ, но, однакоже, знаютъ, что деньги не были выданы. Между тѣмъ непріятель на цѣлый день пріостановилъ бомбардированіе и усердно работалъ на своихъ батареяхъ, такъ что мы опасались, что скоро начнется болѣе сильное бомбардированіе.

17 ноября непріятель цѣлый день не открывалъ огня, но усердно работалъ на батареяхъ, чему старались мѣшать наши пальбой изъ пушекъ. Говорили, что теперь непріятельское войско состоитъ изъ 30,000 человѣкъ, а также что и его царское величество лично находится при войскѣ. Въ городѣ съ третьяго дня (какъ непріятель началъ бомбардированіе) не трогали ни колоколовъ, ни часовъ, а также не было богослуженія въ общественныхъ церквахъ, но все было совершенно тихо.

18 Ноября до обѣда непріятель былъ спокоенъ, послѣ обѣда онъ началъ бомбардировку со своей другой батареи, выстроенной по ту сторону Коброна, но бомбы большею частью не долетали, такъ что пять бомбъ упало въ Двину; вечеромъ въ 9 часовъ нѣсколько бомбъ попали въ городъ, и разрушили нѣсколько домовъ.

19 ноября онъ началъ пальбу уже съ 4-хъ часовъ, хотя и не такую сильную какъ 15-го числа, но все таки дѣло было плохо, такъ какъ непріятель пускалъ сегодня первыя огненныя ядра (гранаты), отъ которыхъ загорѣлись многія мѣста въ городѣ, но были впрочемъ всѣ потушены; какъ только непріятель пускалъ огненное ядро, то вслѣдъ за нимъ тотчасъ же летѣла бомба; этимъ онъ хотѣлъ пугать тушившихъ огонь, происходившій отъ огненныхъ ядеръ. Въ 5 часовъ вечера онъ прекратилъ пальбу.

20 ноября въ 10 часовъ утра онъ снова началъ жестокое бомбардированіе, и такъ какъ наши сняли сегодня превосходные куранты съ колокольни св. Петра и непріятель замѣтилъ это, то большую часть ядеръ направлялъ въ эту колокольню и въ близи лежащую нашу школу; все зданіе часто потрясалось отъ большаго треска, происходившаго при разрывѣ бомбъ. Неисповѣдимое милосердіе Божіе сохранило насъ еще и въ этотъ день, зато бомбы сегодня причинили гораздо болѣе вреда, чѣмъ въ прошлый понедѣльникъ; очень много зданій разрушено, но Господь милостиво хранилъ людей: на сколько я знаю, убитъ только одинъ человѣкъ, одному же оторванъ носъ. Къ вечеру непріятель снова прекратилъ бомбардировку.

NB. Съ третьяго дня довольно сильно морозитъ, и если такъ будетъ дальше, то Двина скоро замерзнетъ.

21 ноября. Сегодня, въ послѣднее воскресенье Trinitatis, мы уже съ самаго утра сильно боялись, что непріятель во время богослуженія (которое мы однако не совершали) будетъ сильно палить; однако онъ былъ оченъ спокоенъ, и во весь день пустилъ только

около 10 штукъ бомбъ: мы рѣшили, что дурная погода съ сильнымъ вѣтромъ и снѣгомъ, начавшаяся вчера и стоявшая цѣлый день, помѣшала ему въ его намѣреніи. Многіе набожные отцы семействъ заключили сегодня со слезами и рыданіемъ старый церковный годъ въ погребахъ и домахъ, такъ какъ непріятель не допустилъ насъ совершить это въ настоящихъ Божьихъ храмахъ.

22 ноября въ обѣденное время съ непріятельской стороны снова началось бомбардированіе, но наши показали себя сегодня очень храбрыми. По своей прежней привычкѣ, онъ къ вечеру снова пріутихъ. Это еще было большимъ счастіемъ для тѣхъ, которымъ не представлялось случая спать, какъ только въ своихъ домахъ.

23 ноября. Вчера вечеромъ, совсѣмъ поздно, непріятель пустилъ опять нѣсколько бомбъ и огневыхъ ядеръ, и всю ночь пускалъ по нѣскольку въ часъ, чѣмъ причинилъ большой страхъ, такъ какъ теперь нельзя было спокойно спать въ домахъ. Цѣлый же день онъ былъ спокоенъ.

24 ноября. Въ прошлую ночь непріятель снова пускалъ бомбы и огневыя ядра и продолжалъ пальбу всю ночь до утра до 8 часовъ; днемъ онъ былъ большую частью спокоенъ, къ вечеру, онъ снова началъ, но въ 8 часовъ снова остановился; затѣмъ ночью былъ также довольно спокоенъ.

25 ноября. Сегодня непріятель совсѣмъ пріостановилъ пальбу, не бросилъ ни одной бомбы, но сломалъ большую часть задвинскихъ строеній и перетащилъ дрова въ Кобронъ-шанецъ.

26 ноября. Въ прошлую ночь непріятель совершенно сжегъ Койенгольмъ, а также и различные вокругъ лежащіе дома и сады, что было принято большею частью за знакъ его отступленія.

27 ноября не случилось ничего особеннаго и непріятель былъ тихъ; къ вечеру одинъ изъ нашихъ капитановъ, по имени Фогель, Знаменскаго полка, хотѣлъ перейти къ непріятелю, но его догнали недалеко отъ Коброна.

28 ноября. Въ первое воскресенье адвента (филиппова поста) непріятель былъ снова спокоенъ, но у насъ всетаки не осмѣлились совершать богослуженія и открыто праздновать новый церковный годъ; поэтому мы снова принуждены были съ большой печалью начинать нашъ новый церковный годъ, какъ окончили старый.

Кромѣ того говорятъ, что въ тѣ дни, когда непріятель былъ тихъ, онъ бомбардировалъ Динаминдскіе шанцы, и пустилъ уже 300 бомбъ; правда-ли это — навѣрное не извѣстно, такъ какъ мы не можемъ имѣть сообщенія съ тѣмъ мѣстомъ.

29 и 30 ноября все было совершенно тихо.

1 декабря. Такъ какъ уже нѣсколько дней непріятель было тихъ, было рѣшено, чтобы на недѣлѣ въ каждой церкви говорилась проповѣдь, что и было исполнено.

2 декабря не случилось ничего особеннаго.

3 декабря наши пошли съ 18 человѣкъ на развѣдки и дошли даже до непріятельскихъ траншей, но такъ какъ траншеи были слишкомъ недоступны, то они ничего не добились, и только убили одного и привели домой 3-хъ плѣнныхъ.

4 декабря снова все было тихо.

5 декабря, во второе воскресенье адвента (филипова поста), наши снова совершали богослуженіе во всѣхъ церквахъ; мы уже почти кончали службу, какъ непріятель началъ сильно бомбардировать городъ. Въ церкви св. Петра (въ которой я былъ съ моими учениками) только что начали пѣть: «Пріими отъ насъ Господи, истинный Боже» и т. д. какъ непріятельскія двѣ бомбы упали недалеко отъ церкви; это произвело такой ужасъ, въ особенности по своей неожиданности, что прихожане почти всѣ разбѣжались изъ церкви и тѣмъ снова окончилось наше вновь начатое богослуженіе. Сегодня въ первый разъ опять заиграли органы, такъ какъ ихъ не трогали 42 недѣли по случаю смерти Гольштинскаго принца. Однако, Господь знаетъ, когда на нихъ снова заиграютъ въ его славу, такъ какъ въ этотъ день церкви были очень повреждены бомбами. Теперь мы поняли отчего онъ такъ усердно работалъ въ Кобронъ-шанцѣ, такъ какъ онъ пускалъ всѣ бомбы съ Коброна. Онъ началъ съ половины десятаго и продолжалъ до 8 часовъ вечера; онъ въ часъ бросалъ по 16 бомбъ, которыя такъ опустошали, особенно на Зюндерской и Свиной (Schweine, нынѣ Schwimmstrasse, Поемная улица) и у насъ по сосѣдству, что невозможно это описать никакимъ перомъ. Съ нашего задняго дома была сорвана половина крыши; недалеко отъ насъ въ Святомъ Духѣ (богадѣльня) сильно повредило многіе дома и убило 9 человѣкъ. Однимъ словомъ, въ этотъ день онъ причинилъ домамъ и людямъ болѣе вреда, чѣмъ во все время, которое онъ пробылъ тамъ. Но при этомъ непріятель не имѣлъ ни какой выгоды, такъ какъ со всѣхъ бастіоновъ съ Двинской сторонъ и изъ цитадели храбро бомбардировали и стрѣляли изъ пушекъ; непріятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, чтобы ему не отвѣтили на него двумя или тремя.

6 и 7 декабря непріятель, а слѣдовательно и наши, были совершенно тихи; онъ снова открылъ огонь въ половинѣ десятаго, сильно бомбардировалъ и продолжалъ до полудня; въ два часа онъ пустилъ около 40 бомбъ; хотя наши и хотѣли отвѣчать, какъ въ прошлое воскресенье, однако имъ мѣшала дождливая погода, она же была виной, что непріятель долженъ былъ прекратить пальбу въ означенное время. Когда же въ два часа пополудни дождь немного поутихъ, непріятель снова началъ бомбардированіе и продолжалъ до пяти часовъ вечера. Сегодня опять къ нашему прискорбію бомбы падали довольно успѣшно: жалко смотрѣть, какъ обезображены красивыя церкви и дома. Хотя мы не могли до сихъ поръ пожало-

ваться на сильный морозъ, но мы должны ожидать его, а куда укроешься отъ холоду, извѣстно лишь Господу. Замѣчательно также, что 16 или 18 дней тому назадъ начало довольно сильно морозить, и за тѣмъ выпалъ большой снѣгъ; теперь онъ начинаетъ ужасно таять, такъ что большая часть погребовъ залита водой, а такъ какъ мы бѣдные люди при началѣ бомбардировки снесли въ погреба большую часть нашихъ лучшихъ пожитковъ, то онѣ теперь почти всѣ перепорчены. Это несчастіе произошло отъ большой воды, образовавшейся изъ снѣга и проникнувшей также черезъ толстыя стѣны погребовъ. Такъ праведному Судіи угодно было поразить насъ со всѣхъ сторонъ различными казнями.

9 декабря непріятель былъ снова спокоенъ цѣлый день.

10 декабря непріятель началъ пальбу въ 6 часовъ утра и продолжалъ весь день до половины седьмаго вечера; эта сильная бомбардировка снова причинила много вреда и людямъ и домамъ.

11 декабря опять цѣлый день былъ тихъ.

12 декабря, въ третье воскресенье адвента, непріятель совершенно прекратилъ стрѣльбу, но только появился въ большихъ силахъ передъ Ивановскими воротами и дѣлалъ видъ, что хочетъ напасть на форштатъ; затѣмъ изъ нашихъ было отправлено 1000 человѣкъ, но такъ какъ непріятель подходилъ близко, то наши также не рѣшались на нападенія. Наконецъ непріятель удалился, и наши также возвратились на свои мѣста.

13 декабря. Въ прошлую ночь въ часъ непріятель началъ бомбардировать и продолжалъ до половины третьяго, въ это время онъ бросилъ 24 бомбы. Это замѣчательный день и заслуживаетъ быть записаннымъ у всѣхъ насъ въ сердцахъ желѣзнымъ грифелемъ, ибо это одинъ изъ самыхъ бѣдственныхъ дней для Риги. Случилось несчастіе такого рода:

Въ половинѣ 10-го утра въ цитадели въ одну пороховую башню, въ которой по общему мнѣнію было 1,200 бочекъ пороху, попалъ огонь (откуда—извѣстно только одному всевѣдущему Господу); бочки загорѣлись, а также и недалеко стоящая башня, въ которой было 1800 бомбъ, большое число гранатъ и пушечныхъ ядеръ; все это взлетѣло на воздухъ, и это случилось такъ внезапно, какъ будто наступилъ конецъ свѣта: по всему городу летали бомбы, гранаты и ядра, будто ихъ сѣяли или шелъ дождь; прекрасная цитадель была вся разрушена кромѣ 2 домовъ, а также обвалился валъ съ Двинской стороны, такъ что черезъ него можно было проѣхать рядомъ тремъ телѣгамъ; городъ былъ также сильно обезображенъ, такъ какъ въ многіе дома попало по пяти штукъ. Самое печальное то, что погибло ужаснымъ образомъ множество людей; сколько именно, еще неизвѣстно, но число уже доходитъ до 1000, и все еще откапываютъ новыхъ. Однимъ словомъ сегодняшнее несчастіе такъ велико, что

еслибы непріятель бомбардировалъ насъ цѣлый годъ, онъ не могъ бы причинить большаго вреда. О Господи! Неисповѣдимы судьбы твои!

Вечеромъ въ 4 часа непріятель снова началъ и снова пустилъ 24 бомбы.

Прим. перев. Проломъ въ валу цитадели, образовавшійся вслѣдствіе этого взрыва, шведы загородили тройнымъ рядомъ рогатокъ и штурмфаловъ, а остатки погибшихъ людей похоронили, кажется, въ самой цитадели. При устройствѣ въ 1870 году садика въ цитадели на площади предъ бывшею артиллерійскою казармою было взрыто съ глубины не большей 1 аршина множество человѣческихъ костей. Повидимому, это были жертвы взрыва 13 декабря.

14 декабря перешелъ къ намъ отъ непріятеля одинъ поручикъ, который сообщилъ, что непріятель хочетъ уйти и что уже ушло 8000 человѣкъ; но ему мало повѣрили, непріятель же прекратилъ стрѣльбу на цѣлый день.

Прим. перев. Поручикъ сообщилъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Князь Репнинъ не только не думалъ объ отступленіи, но въ этотъ день, 14 декабря, заложилъ на половинномъ разстояніи между Ригою и Динамюндомъ двѣ батареи, одну на лѣвомъ берегу Двины, а другую — на правомъ. На лѣвомъ берегу батарею строилъ полковникъ Ласси (впослѣдствіи графъ, фельдмаршалъ и лифляндскій генералъ губернаторъ), на правомъ берегу работами распоряжался полковникъ Пфенигбиръ. Батареи эти, обстрѣливая Двину, препятствовали подвозу съѣстныхъ припасовъ въ Ригу изъ Динаминда; по Двинѣ на малыхъ канонирскихъ лодкахъ разъѣзжалъ кіевскаго пѣхотнаго полка полковникъ Клачковскій и пресѣкъ всякій подвозъ въ Ригу какъ съ моря, такъ и съ верхнихъ мѣстностей Двины. Съ новаго года въ Ригѣ уже обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ, послѣдствіемъ этого недостатка было появленіе заразительныхъ болѣзней и чумы.

15 и 16 декабря непріятель началъ въ 8 часовъ снова бросать бомбы, продолжалъ цѣлый часъ и пустилъ за это время 24 штуки, послѣ обѣда онъ снова началъ и пустилъ 12 штукъ.

17 декабря. Въ прошлую ночь, въ половинѣ 4-го, непріятель снова началъ бомбардировать и пустилъ 16 бомбъ, затѣмъ онъ цѣлый день былъ спокоенъ. Въ тотъ же день я пошелъ въ цитадель, чтобы хорошенько осмотрѣть тамъ убытки, которыхъ я увидѣлъ больше, чѣмъ способно описать мое перо. Сколько душъ было тамъ заживо похоронено и сколько покрыла земля, которыхъ болѣе не отыщутъ.

18 декабря непріятель былъ тихъ весь день и всю слѣдующую ночь.

19 декабря въ четвертое воскресенье адвента, въ половинѣ 9-го, непріятель снова началъ бомбардированіе, продолжалъ до 10 часовъ, пустилъ за это время 33 бомбы, причинившія большія поврежденія въ церквахъ и домахъ.

20 декабря. Вчера нѣсколько мясницкихъ гезелей вышли привести немного скота; но такъ какъ они отлучились слишкомъ далеко, то были пойманы казаками, раздѣты до нага и свирѣпо умерщвлены; двое изъ нихъ сегодня принесены; непріятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла.

21 декабря, въ 2 часа пополудни, непріятель снова пустилъ 21 бомбу.

22 декабря онъ весь день былъ тихъ.

23 декабря нѣсколько бюргерскихъ слугъ (кнехтовъ) поѣхали за дровами и хотя у нихъ было для защиты нѣсколько войска, однако, на нихъ напали казаки, спрятавшіеся за песчаными горами и увели съ собой 20 слугъ; за исключеніемъ этого непріятель весь день не стрѣлялъ, какъ и въ теченіе 24 декабря.

25 декабря, въ день Рождества, непріятель утромъ въ 8 часовъ пустилъ 3 бомбы, на которыя тотчасъ же отвѣтили наши; послѣ обѣда онъ пустилъ снова три, на которыя также отвѣтили нашими со шведскимъ двойнымъ зарядомъ.

26 декабря. Въ прошлую ночь непріятель сжегъ нѣсколько домовъ, стоявшихъ у луговъ, что темной ночью произвело сильное зарево въ городѣ. Утромъ въ 8 часовъ онъ началъ пускать бомбы и до обѣда пустилъ 21. Послѣ обѣда въ два часа онъ снова началъ и пустилъ 12 штукъ. Наши также не оставались праздными, но сильно стрѣляли; непріятель укрѣплялъ Кобронъ-шанецъ кругомъ палисадами и испанскими рейтерами; когда наши находили удобное время, то усердно стрѣляли въ рабочихъ.

27 декабря. Въ прошлую ночь непріятель совершенно сжегъ стоявшую на Фоссенгольмѣ пильную мельницу (которою цѣнили въ 7000 рейхсталеровъ); цѣлый день за тѣмъ не слышно было пальбы.

28 декабря непріятель весь день былъ спокоенъ.

29 декабря, въ 2 ч. пополудни, непріятель снова началъ бросать бомбы; въ половинѣ шестаго отъ нихъ загорѣлся на Массельской улицѣ домъ, такъ какъ тамъ на чердакѣ было сѣно; и хотя употребили всѣ усилія, чтобы прекратить пожаръ, но вѣтеръ сильно раздувалъ его и сжегъ также близь лежащій домъ. Это причинило большой страхъ, отчасти оттого, что дулъ довольно сильный вѣтеръ, отчасти и оттого, что непріятель пускалъ сюда больше всего бомбъ; не смотря на то, въ 6 час. огонь былъ все таки потушенъ. Когда непріятель болѣе не видѣлъ пламени, онъ пересталъ также бомбардировать, бросивъ 50 бомбъ. Всю ночь затѣмъ онъ былъ спокоенъ. Бомбы сегодня долетали до нашего дома довольно близко, и со всѣхъ

сторонъ ихъ лежало по нѣскольку, но всеблагій Господь сегодня еще милосердо охранилъ нашъ домъ со всѣми нашими.

30 декабря непріятель не стрѣлялъ цѣлый день; къ вечеру отъ непріятеля къ намъ перешелъ дезертиръ, сообщившій, что они нуждаются въ хлѣбѣ, а также, что вчера наши бомбы разбили одну изъ непріятельскихъ мортиръ и убили 12 человѣкъ.

31 декабря. Въ прошлую ночь изъ нашихъ пятеро перешли къ непріятелю, больше же ничего не случилось. И такъ мы заключили для Риги 1709 годъ съ большимъ страхомъ и обильными слезами о предстоящей еще опасности.

1710 годъ, 1 января. Сегодня въ день Новаго года, утромъ въ 8 часовъ, снова началось наше мученіе; непріятель продолжалъ бросать бомбы до 10 часовъ, сегодня онѣ причинили большій ужасъ, чѣмъ до сихъ поръ, такъ какъ были чинены особеннымъ образомъ и большею частью лопались на воздухѣ съ ужаснымъ трескомъ и затѣмъ причиняли много вреда; въ два часа онъ бросилъ 23 штуки.

2 января непріятеля не было слышно цѣлый день.

3 января до обѣда въ 11 ч. непріятель бросилъ 5 бомбъ. Послѣ обѣда въ 2 часа онъ снова началъ и бросилъ 32 бомбы, которыя каждый разъ причиняли много вреда.

4 января. Сегодня, вчера и третьяго дня наши сами застрѣлили болѣе ста лошадей, такъ какъ недостатокъ въ фуражѣ значительно усиливается; сначала вся наша кавалерія доходила до 700 человѣкъ, но теперь очень уменьшилась по вышеназваннымъ и другимъ причинамъ, много лошадей ходятъ также какъ по городу, такъ и по форштату безъ хозяевъ и корму, потому и падаютъ и околѣваютъ; а также ежедневно по нѣскольку изъ нашихъ переходятъ къ непріятелю. Сегодня непріятель построилъ новую и ближайшую батарею, наши хотѣли помѣшать ему стрѣльбой, но это разсердило непріятеля и онъ началъ снова бросать бомбы и бросилъ 20 штукъ.

5 января. Такъ какъ непріятель усердно работалъ поздно вечеромъ, то наши сильно стрѣляли, не смотря на то, непріятель мало заботился о томъ, но продолжалъ работать; наши не прекращали стрѣльбу до 12 часовъ ночи.

6 января, въ день Крещенія, въ половинѣ десятаго утра непріятель снова началъ бомбардировать, причемъ четвертый выстрѣлъ едва не лишилъ меня жизни, еслибы меня не оградило неисповѣдимое милосердіе Господа: да будетъ Ему за эту милость хвала, слава, честь и благодареніе. Непріятель, бросивъ 24 бомбы, прекратилъ пальбу въ 12 часовъ.

7 января. Сегодня рано утромъ наши увидѣли, какъ у непріятеля поднялось 7 ракетъ, которыя были приняты за знакъ, что къ непріятелю идетъ помощь, а также непріятель сильно рабо-

талъ въ Коброиъ-шанцѣ; не смотря на то, наши начали усиленно стрѣлять и бросать бомбы; онъ же весь день не начиналъ стрѣльбы.

8 января непріятель былъ тихъ цѣлый день.

9 января, утромъ въ 4 часа, непріятель снова началъ бросать бомбы, продолжалъ до 6 часовъ и бросилъ пятнадцать штукъ, затѣмъ замолчалъ до 8 часовъ вечера, опять стрѣлялъ до 10 часовъ и бросилъ снова 16 штукъ.

10 января непріятель не бросалъ бомбъ, но сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ по нашимъ работавшимъ у Двины людямъ, однако, нѣсколько ядеръ проникло также и въ городъ.

11 января онъ снова стрѣлялъ изъ пушекъ, но не бросалъ бомбъ.

12 января, послѣ обѣда въ часъ, непріятель снова началъ бомбардировать и бросилъ 24 бомбы; сегодня бомбы достигали такой высоты, какъ еще никогда не было до сихъ поръ; наши очень храбро стрѣляли въ отвѣтъ.

13 и 14 января не случилось ничего особеннаго, только съ обѣихъ сторонъ храбро стрѣляли изъ пушекъ, каждый по непріятельскимъ рабочимъ, однако съ обѣихъ сторонъ съ малымъ успѣхомъ.

15 января. Въ прошлую ночь наши сдѣлали вылазку, но лучше бы не дѣлали, такъ какъ ни мало не выиграли тѣмъ.

16 января. Вчера вечеромъ, въ половинѣ одиннадцатаго, непріятель отплатилъ намъ за нашу вылазку, начавъ по своему обыкновенію въ одно и то же время бросать бомбы, продолжалъ до 12 часовъ ночи и бросилъ 21 штуку.

17 января произошло нѣсколько стычекъ между нашими людьми, поѣхавшими за дровами, и казаками, хотѣвшими запретить имъ это; они поймали одного изъ нашихъ людей, за то у насъ остался одинъ изъ казаковъ. Такія стычки происходили нѣсколько дней сряду.

18 января. Сегодня въ полдень, въ половинѣ одиннадцатаго, непріятель бросалъ бомбы, продолжалъ до двѣнадцати часовъ и бросилъ 22; послѣ обѣда, въ четыре часа, онъ бросилъ опять 7.

19 и 20 января не случилось ничего особеннаго, только наши кнехты сталкивались съ казаками.

21 января. Въ прошлую ночь 24 купеческихъ прикащика и предводитель господинъ маіоръ Бокъ съ однимъ поручикомъ и 4 рядовыми сдѣлали вылазку, убили пятерыхъ и привели съ собой одного плѣннаго.

22 января непріятель, а также и наши были совершенно спокойны.

23 января, въ третье воскресенье послѣ крещенія, утромъ въ половинѣ восьмаго непріятель снова началъ бомбардированіе, про-

должалъ до десяти часовъ и бросилъ 21 бомбу. Въ два часа пополудни онъ снова началъ, при этомъ вторая бомба упала на нашъ дворъ, тотчасъ же лопнула, во всемъ домѣ перебила всѣ окна, разбила двери, отбила всѣ пробои и замки у амбаровъ и домовъ; въ комнаты, въ которыхъ я находился съ пятью лицами, къ намъ влетѣли стекла, свинецъ и камни, однако великая чудесная десница Господа охранила насъ такъ, что ни одинъ изъ насъ не былъ раненъ. Хотя мы всѣ видѣли смерть передъ глазами и уже прощались съ жизнью, но Божіе милосердіе спасло насъ и на этотъ разъ. Непріятель бросилъ десять бомбъ. Вечеромъ въ половинѣ седьмаго онъ снова началъ въ третій разъ и бросилъ 17, слѣдовательно сегодня всего 48 бомбъ. Нужно замѣтить, что сегодня бомбы причинили большой вредъ зданіямъ. Вечеромъ онъ бросилъ одну штуку, которую неизвѣстно за что можно было принять: это была не бомба, не огненное ядро, но каркасса; за ней видно было, когда непріятель пустилъ ее, хвостъ длиною отъ 12 до 15 локтей, она была наполнена гранатами и нѣсколькими картечными пулями и наполнена горючимъ веществомъ, такъ что пробила два слоя земли и застряла въ третьемъ и издавала изъ себя огонь, который былъ потушенъ нарочно приставленными къ тому людьми. Она производила сильные удары и хотя гранаты оглушали, но безъ поврежденія людей, ее всетаки потушили, такъ что она не имѣла успѣха. Загорѣлись отъ бомбы также два маленькихъ дома на Петровскомъ кладбищѣ, но скоро пожаръ былъ потушенъ

24, 25, 26 и 27 января все было совершенно тихо.

28 января, послѣ обѣда въ 3 ч., онъ снова началъ бросать, продолжалъ до половины 5 и бросилъ 22 бомбы.

29 января все было совершенно тихо.

30 января въ воскресенье утромъ въ половинѣ 5 бомбардировка снова началась, продолжалась до седьмаго часа и было брошено 27 бомбъ.

31 января опять все было тихо.

1 февраля. Утромъ въ 8 часовъ онъ снова бомбардировалъ и бросилъ 21 бомбу.

2 февраля. Теперь недостатокъ въ провіантѣ очень усиливается и нужда ростетъ съ каждымъ днемъ, прекрасныя дорогія лошади падаютъ съ голода по улицамъ и околѣваютъ; также и люди часто умираютъ, въ одинъ день хоронятъ отъ 12 до 16, а иногда и болѣе; повидимому, правый Господь наказываетъ насъ сразу всѣми тремя казнями; непріятель же сегодня молчалъ цѣлый день.

3 февраля, утромъ въ 9 часовъ, онъ снова бомбардировалъ и бросилъ 25 бомбъ. Вечеромъ въ шесть часовъ непріятель снова бомбардировалъ до четверти восьмаго и бросилъ 21 бомбу. Наши тогда начали также бомбардировать изо всѣхъ силъ, начали вмѣстѣ

съ непріятелемъ и стрѣляли до половины одиннадцатаго, всего бросили 99 бомбъ, которыя имѣли довольно успѣха.

4 февраля все было совершенно тихо.

5 февраля, послѣ обѣда, онъ снова началъ въ 2 часа и бросилъ снова 20 бомбъ, которыя причинили очень сильный вредъ и людямъ и домамъ.

6 февраля, въ воскресенье Septungesime утромъ въ 9 час., онъ снова началъ и снова бросилъ 24 бомбы, которыя по случаю туманнаго воздуха не имѣли особенно сильнаго дѣйствія.

7 февраля непріятель опять былъ спокоенъ.

8 февраля, послѣ обѣда въ половинѣ третьяго, непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ 25 бомбъ; одна бомба зажгла амбаръ, но, слава Богу, пожаръ былъ благополучно потушенъ.

9 февраля. Въ прошлую ночь къ намъ перебѣжалъ одинъ изъ непріятелей; по его словамъ, онъ убѣжалъ изъ за трудной работы и холода. Онъ сообщилъ, что пока еще непріятель будетъ бомбардировать насъ съ Двины изъ Коброна и будетъ стараться съ открытаго моря подойти къ сушѣ со своими смертоносными орудіями, но онъ говорилъ, что ничего не знаетъ о предполагаемомъ штурмѣ.

10 февраля все было совсѣмъ тихо.

11 февраля, до обѣда послѣ десяти часовъ, непріятель снова бросалъ бомбы, продолжалъ до одиннадцати часовъ и бросилъ 25 бомбъ, изъ которыхъ послѣдняя попала въ соборъ и такъ повредила его, какъ не повредили его всѣ прежнія, вмѣстѣ взятыя.

12 февраля. Въ прошлую ночь непріятель совершенно неожиданно бросилъ 4 бомбы, причемъ къ несчастію нашего дома одна бомба попала къ намъ и лоппула на дворѣ передъ домомъ. Кусокъ, вѣсомъ около 80 фунтовъ, ударилъ въ нашу баню, въ которой спали наши постойные солдаты вмѣстѣ съ нашими слугами, числомъ пять, съ одной женщиной и двумя дѣтьми. Хотя упомянутый кусокъ упалъ къ нимъ и перебилъ двери, окна и ружья, но людямъ онъ не причинилъ ни малѣйшаго вреда. Слѣдующій день непріятель былъ тихъ.

13 февраля, въ воскресенье Sexagesima въ полдень въ половинѣ двѣнадцатаго, непріятель бросилъ сначала 2 бомбы, затѣмъ онъ выстрѣлилъ изо всѣхъ своихъ орудій съ Коброиъ-шанца или Петровскаго шанца, какъ его теперь зовутъ русскіе, изъ тридцати другаго разбора, состоящихъ изъ $1/4$, $1/2$ и $3/4$ картауна, затѣмъ снова 2 бомбы; такъ онъ продолжалъ во второй и третій разъ и бросилъ всего 12 бомбъ и сдѣлалъ 90 выстрѣловъ. Чего онъ хотѣлъ достигнуть этимъ, здѣсь въ городѣ очень разнообразные слухи, и изо всѣхъ можетъ быть ни одинъ не правъ. Нужда же въ городѣ очень усиливается: быстро ростетъ голодъ какъ между гарнизономъ, такъ

и между гражданами, смертность также сильно продолжается и Господь знаетъ, что еще будетъ.

14 февраля, послѣ обѣда въ половинѣ третьяго, непріятель снова бросилъ 25 бомбъ. Теперь красивый городъ во многихъ мѣстахъ очень опустошенъ и похожъ на груду камней: жалко смотрѣть на прекрасныя городскія церкви и на Петровскую колокольню. Думаютъ, что если еще нѣсколько бомбъ попадутъ въ эту колокольню, то она обрушится, хотя это и прекрасная новая башня и построена безъ малаго лѣтъ тридцать тому назадъ.

15 февраля. Въ прошлую ночь, въ 12 часовъ, непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ 14 бомбъ; наши точно также сильно стрѣляли въ отвѣтъ. День затѣмъ онъ былъ спокоенъ.

16 февраля. Сегодня послѣ обѣда, въ 4 часа, наши увидѣли, что командующій офицеръ надъ непріятельской артиллеріей ѣдетъ въ Кобронъ, и стали по немъ стрѣлять изъ пушекъ; когда непріятель замѣтилъ это, онъ началъ стрѣлять по нашимъ работавшимъ около Двины людямъ, но съ обѣихъ сторонъ безъ успѣха.

17 февраля. Сегодня утромъ въ 7 часовъ непріятель началъ бомбардировать и бросилъ 25 бомбъ, которыя причинили большой вредъ строеніямъ, изъ людей же, благодаря Бога, не былъ раненъ ни одинъ; наши сегодня также очень храбро стрѣляли въ отвѣтъ.

18 февраля все было совершенно тихо.

19 февраля. Сегодня въ обѣдъ, въ 12 часовъ, непріятель снова началъ такъ стрѣлять, какъ въ прошлое воскресенье: снова изо всѣхъ орудій сразу вокругъ Коброна, даже пѣхота дала залпъ изъ мушкетовъ. 12 бомбъ снова попали въ городъ, но по Божьему милосердію причинили мало вреда.

20 февраля къ намъ явился перебѣжчикъ, сообщившій, что къ непріятелю пришло сто человѣкъ на помощь и что дня черезъ два или три ждутъ его царское величество; тогда они навѣрное отважутся на штурмъ. Сегодня вечеромъ, въ 8 часовъ, онъ бросилъ тринадцать бомбъ, изъ которыхъ впрочемъ многія упали въ Двину.

21 февраля непріятель былъ совершенно тихъ; мы между тѣмъ дѣлали всевозможныя приготовленія, чтобъ храбро выдержать штурмъ. И такъ мы теперь и постъ начали съ большимъ страхомъ, печалью и ужасомъ.

22 февраля непріятель былъ снова тихъ, мы же продолжали свои приготовленія.

23 февраля ничего не случилось.

24 февраля, послѣ семи часовъ, непріятель снова началъ бросать бомбы и бросилъ 25; сегодня также были убиты бомбами сапожникъ съ женой.

25 февраля не случилось ничего.

26 февраля непріятель былъ тихъ.

27 февраля въ первое воскресенье поста. Въ прошлую ночь въ 2 часа непріятель бросилъ 25 бомбъ, которыя причинили большой вредъ домамъ, но людей не ранили. Сегодня въ 10 часовъ случилось странное происшествіе: непріятель былъ настолько изобрѣтателенъ, что совсѣмъ новымъ способомъ прислалъ намъ газетное извѣстіе. А именно онъ бросилъ 4 бомбы, но безъ фитилей, онѣ были также безъ пороху, но вмѣсто него наполнены опилками и въ каждой бомбѣ было отъ 3 до 4 записокъ слѣдующаго содержанія: «Вѣрныя извѣстія и написанныя безъ всякой лжи: 10 февраля 1710 г. въ русскій лагерь прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что войска его царскаго величества съ мечемъ въ рукѣ завоевали крѣпость Эльбингъ. По этому случаю, 12 февраля былъ празднованъ великій тріумфъ въ московитскихъ шанцахъ: цѣлый день стрѣляли. Послѣ этого тріумфа, 15 февраля, изъ Москвы въ Юнгфернгофъ прибылъ курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что турецкій султанъ прислалъ подписанные трактаты о соблюденіи мира еще на 20 лѣтъ. Онъ выдастъ короля шведскаго головою его царскому величеству, ради чего въ русскомъ лагерѣ праздновали одинаково и 19 февраля и стрѣляли не только изъ орудій, но и изъ ружей.» Когда упомянутыя 4 бомбы влетѣли въ городъ и замѣтили, что онѣ не лопались, подошли къ нимъ, открыли жерло и къ величайшему удивленію нашли то, о чемъ я говорилъ, что произвело глубокое раздумье.

28 февраля и 1 марта непріятель молчалъ.

2 марта, вечеромъ въ 8 часовъ, непріятель бросилъ 20 бомбъ, которыя сильно поранили двухъ человѣкъ.

3 и 4 марта непріятель былъ спокоенъ.

5 марта, въ часъ пополудни. непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ девятнадцать бомбъ, которыя причинили большой вредъ людямъ, такъ что десять человѣкъ были сильно ранены, изъ нихъ уже нѣкоторые умерли.

6 и 7 марта непріятель былъ совершенно тихъ.

8 марта. Вчера, вечеромъ въ десять часовъ, непріятель опять бомбардировалъ и бросилъ девятнадцать бомбъ, которыя причинили большой вредъ людямъ, такъ что ранено было девятнадцать человѣкъ, изъ которыхъ уже большая часть умерла. Сегодня въ три часа пополудни непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ девятнадцать бомбъ, которыя снова сильно поранили людей.

9 марта непріятель былъ тихъ.

10 марта, утромъ въ семь часовъ, онъ снова бросилъ девятнадцать бомбъ.

11 марта, въ два часа пополудни, непріятель снова бросилъ девятнадцать бомбъ. Сначала предполагали, что непріятель уйдетъ съ открытіемъ весны, однако стоитъ сильная оттепель, а непріятель

еще не двигается; напротивъ полагаютъ, что онъ передвинулся къ сторонѣ суши.

Прим. перев. Въ этотъ день къ войскамъ Репнина прибылъ фельдмаршалъ Шереметевъ. По его приказанію двѣ береговыя батареи были усилены и вооружены большимъ числомъ орудій.

12 марта. Сегодня утромъ до шести часовъ непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ девятнадцать бомбъ, которыя каждый разъ наносили большой вредъ людямъ. Послѣ обѣда солдатамъ (послѣ того какъ былъ отданъ пароль) объявили, что генералъ-губернаторъ получилъ письмо изъ стокгольмскаго сената, въ которомъ сообщалось, что его королевское величество заключилъ съ великимъ султаномъ наступательный и оборонительный союзъ; что его королевское величество уже выступилъ съ 100,000 христіанскими невольниками и прійдетъ на помощь къ стѣсненной Ригѣ, лишь только на поляхъ будетъ кормъ для лошадей. Султанъ же напалъ со всѣмъ своимъ войскомъ на Ассафъ (Азовъ). Такъ какъ изъ нашихъ солдатъ уже многіе убѣжали, то ихъ офицерамъ было приказано доставить ихъ имена, для прибитія къ позорному столбу; тѣ же, которые еще убѣгутъ и будутъ пойманы, безъ пощады будутъ повѣшаны. Въ половинѣ 8-го вечеромъ онъ снова бросилъ шестнадцать бомбъ. Достойно жалости то, что эта недѣля была очень несчастна для насъ, такъ какъ много людей было избито бомбами, многіе же лишились здоровья и сдѣлались калѣками.

13 марта. Сегодня, въ воскресенье, въ церкви св. Іакова (единственной во всемъ городѣ, гдѣ еще идетъ служба) было прочитано съ каѳедры вчерашнее посланіе нашего всемилостивѣйшаго короля. Непріятель былъ спокоенъ цѣлый день, а также и 14 не случилось ничего.

15 марта непріятель снова былъ спокоенъ цѣлый день, чему сильно радовался весь городъ, такъ какъ непріятель былъ спокоенъ уже три дня; многіе говорили по этому поводу, что онъ отступаетъ и вывезъ также свои мортиры и орудія изъ Коброна; насколько же это было правдоподобно, оказалось сегодня вечеромъ: въ половинѣ девятаго, непріятель бросилъ девятнадцать бомбъ и тѣмъ положилъ конецъ радости.

16 марта. Сегодня пришелъ къ намъ одинъ изъ нашихъ шпіоновъ, котораго узнали непріятели; его спина почти вся была сожжена на огнѣ, оба уха, носъ и кусокъ языка отрѣзаны и отданы ему назадъ; ужасное зрѣлище представлялъ онъ! Вечеромъ, послѣ 6 часовъ, къ намъ перешелъ одинъ изъ непріятелей, урожденный шведъ и взятый въ плѣнъ полтора года тому назадъ при левенгауптскомъ дѣлѣ, но какъ его выпустили, онъ тщательно скрываетъ.

17 марта. Сегодня въ обѣдъ въ часъ непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ девятнадцать бомбъ.

18 марта мы праздновали по весьма похвальному установленію первый постный день молитвъ, въ который однако непріятель привѣтствовалъ насъ утромъ въ восемь часовъ девятнадцатью бомбами.

19 марта, послѣ обѣда въ 2 ч., непріятель снова бросилъ девятнадцать бомбъ.

20 марта, въ воскресенье Laetare, непріятель былъ тихъ.

21 марта утромъ, послѣ шести часовъ, непріятель снова бомбардировалъ и бросилъ девятнадцать бомбъ, изъ которыхъ одна упала въ нашъ пороховой складъ на Масссльскомъ бастіонѣ и зажгла немного пороху и гранатъ; это произвело ужасный трескъ и снова поранило многихъ людей.

22 марта непріятель молчалъ.

23 марта непріятель бомбардировалъ особымъ образомъ: онъ бросилъ утромъ въ шесть часовъ четыре бомбы, въ половинѣ осьмаго снова четыре, въ десятомъ снова четыре, въ двѣнадцать часовъ опять четыре, въ половинѣ втораго три и въ половинѣ четвертаго четыре, всего 23 бомбы, изъ нихъ послѣднія четыре сильно поранили 7 человѣкъ, и нѣсколькихъ убило очень плачевнымъ образомъ.

24 и 25 марта непріятель былъ совершенно спокоенъ, и въ эти оба дня опять много толковали объ отступленіи непріятеля.

26 марта, утромъ въ семь часовъ, непріятель снова бросилъ 4 бомбы, въ 8 часовъ 4, въ 9 часовъ 4, въ часъ 4, въ половинѣ четвертаго 3, всего 19 бомбъ.

Съ 27 марта до 1 апрѣля непріятель былъ спокоенъ.

2 апрѣля утромъ въ 9 часовъ непріятель снова началъ бомбардировать и бросилъ 20 бомбъ, но выстрѣливши, ждалъ часъ, а иногда и полтора часа.

3 апрѣля онъ началъ утромъ въ 5 часовъ и бросилъ 24 бомбы, также какъ и вчера.

Прим. перев. Въ этотъ день вскрылась Двина и русскія войска были вызваны изъ зимнихъ квартиръ.

4 апрѣля, утромъ въ половинѣ двѣнадцатаго, онъ снова бомбардировалъ и бросилъ 3 бомбы, въ половинѣ перваго 4, въ половинѣ третьяго 2 раза по 4.

5 апрѣля. Въ прошлую ночь въ 3 ч. онъ бросилъ 4, въ шесть часовъ 4, въ два часа 3 бомбы. Вечеромъ въ девять часовъ 4.

6 апрѣля. Въ прошлую ночь въ часъ онъ снова бросилъ 4, въ семь часовъ 4, въ половинѣ девятаго 4, въ половинѣ десятаго 3, въ два часа 4 бомбы.

7 апрѣля. Въ прошлую ночь въ часъ непріятель снова бросилъ 4, между третьимъ и четвертымъ часами 4, черезъ четверть

часа по одной. въ восемь часовъ опять 1, въ двѣнадцать часовъ 3, въ часъ 2, въ четыре часа 4.

8 апрѣля. Въ страстную пятницу и непріятель былъ тихъ.

9 апрѣля въ прошлую ночь въ двѣнадцать часовъ непріятель снова бросалъ бомбы, но теперь навѣрное нельзя знать сколько, такъ какъ онъ въ промежуткахъ стрѣляетъ изъ пушекъ. Онъ бросалъ бомбы въ четыре, въ шесть, въ двѣнадцать, въ девять, въ половинѣ втораго, въ половинѣ четвертаго. 10 апрѣля, въ день св. Пасхи онъ снова бросалъ ночью въ часъ, утромъ въ пять часовъ, въ восемь, въ одиннадцать, въ половинѣ третьяго, въ четыре часа, то одну бомбу, то двѣ, то три, а также и четыре, какъ ему вздумается и такъ мы должны были праздновать нашу Пасху съ такой же печалью, какъ прошлое Рождество и Новый годъ.

11 апрѣля непріятель былъ совершенно спокоенъ.

12 апрѣля, утромъ въ четыре часа, онъ снова началъ, затѣмъ въ половинѣ восьмаго, въ половинѣ девятаго. Послѣ обѣда въ половинѣ втораго, въ половинѣ четвертаго. Вечеромъ въ девять час.

13 апрѣля. Въ прошлую ночь непріятель бросалъ много бомбъ; утромъ въ шесть часовъ 3, въ восемь 3, въ девять часовъ 4, въ два часа 3, въ четыре часа 3.

Прим. перев. Въ этотъ день у Шереметева происходилъ военный совѣтъ: было рѣшено тѣснѣе обложить Ригу. Тогда же были заложены двѣ новыя береговыя батареи противъ Гофцумбергена, въ 2-хъ верстахъ отъ рижской крѣпости. Постройкою батарей распоряжались: генералъ Савельевъ и подполковникъ Озеровъ.

14 и 15 апрѣля непріятель былъ совершенно тихъ.

Прим. перев. 15-го апрѣля къ осадному корпусу прибылъ изъ Полоцка князь А. Д. Меньшиковъ и привезъ съ собой повелѣнія царя на счетъ дальнѣйшей блокады. Вслѣдствіе этихъ повелѣній противъ гофцумбергенской батареи, увеличенной и названной въ честь Меньшикова Александръ-шанцемъ, былъ построенъ мостъ чрезъ Двину, а самый шанецъ вооруженъ 24 орудіями. Къ половинѣ апрѣля подъ Ригою сосредоточился весь осадный корпусъ, отдѣльными частями котораго командовали: князь Репнинъ, Ренцель и Алдартъ.

16 апрѣля. Сегодня утромъ въ пять часовъ непріятель бросилъ 3, въ восемь часовъ снова 3, въ одиннадцать часовъ 3, въ два часа 4 бомбы и 4 пушки, снова 4 бомбы и 4 пушки. Къ непріятелю пришло также въ 7 часовъ 7 струговъ, въ восемь часовъ 30 и нѣсколько лодокъ, украшенныхъ бѣлыми и красными значками.

Сегодня наши должны были сдѣлать вылазку, но такъ какъ трое нашихъ дезертировали, то она и не состоялась. Сегодня вечеромъ въ половинѣ седьмаго опять бѣжалъ одинъ, почему и завтрашняя вылазка вѣроятно также не состоится

17 апрѣля. Сегодня въ одиннадцать часовъ непріятель бросилъ 25 бомбъ и, кажется, что онъ бросаетъ только изъ 8 мортиръ, такъ какъ къ намъ долетали по 8 одна за другой.

18 апрѣля непріятель былъ тихъ.

19 апрѣля, утромъ въ шесть часовъ, непріятель бросилъ 8, въ одиннадцать часовъ 8 бомбъ, на которыя оба раза наши храбро отвѣчали. Послѣ обѣда въ четыре часа онъ снова началъ и бросилъ до шести часовъ 56 бомбъ, во весь день значитъ 72 бомбы.

20 апрѣля непріятель былъ снова спокоенъ.

21 апрѣля, послѣ обѣда, въ часъ, непріятель снова бросилъ 5 бомбъ, въ половинѣ третьяго 5; наши какъ вчера, такъ и сегодня, сильно отстрѣливались.

22 апрѣля онъ снова былъ спокоенъ.

23 апрѣля. Сегодня утромъ въ шесть часовъ непріятель снова бросилъ 5 бомбъ, въ девять часовъ 5, въ одиннадцать часовъ 5, въ часъ 5, въ три часа 5, въ семь часовъ 5, въ девять часовъ 5; всего 35 бомбъ. Наши сегодня не сдѣлали ни одного выстрѣла.

24 апрѣля. Въ прошлую ночь въ часъ непріятель бросилъ 5, въ три часа два раза по пяти бомбъ. Утромъ въ семь часовъ 5, въ девять часовъ 5, въ одиннадцать часовъ 5, въ часъ 5, въ семь часовъ два раза по пяти, всего 45 бомбъ.

25 апрѣля. Въ прошлую ночь въ часъ онъ снова бросилъ 5 бомбъ, затѣмъ весь день былъ спокоенъ.

26 апрѣля. Сегодня утромъ въ девять часовъ непріятель бросилъ 5 бомбъ, въ половинѣ одиннадцатаго 3, въ два часа 4, въ три часа 2, въ шесть часовъ 5, въ девять часовъ 5, всего 24 бомбы.

27 апрѣля. Въ прошлую ночь въ одиннадцать часовъ непріятель бросилъ 5, послѣ трехъ часовъ 5 бомбъ. Утромъ въ семь часовъ 5, въ девять часовъ 5, въ одиннадцать 5, въ два часа 3, въ четыре часа 3, всего 36 бомбъ.

28 апрѣля непріятель не бомбардировалъ Въ обѣдъ же, послѣ двѣнадцати часовъ, четыре изъ нашихъ рыбачьихъ лодокъ, снабженныя бассами (маленькими орудіями) и немногимъ экипажемъ, подъ командой капитана Шрагге, вышли къ непріятельскимъ баттареямъ. Милосердый Господь защитилъ ихъ, такъ что хотя непріятельскія лодки окружали ихъ какъ рой пчелъ и непріятель съ обѣихъ сторонъ сильно обстрѣливалъ ихъ, но у нихъ не было ни одного раненаго или убитаго, а только одинъ парусъ былъ прострѣленъ ядромъ; наши же напротивъ потопили одну непріятельскую лодку, убили и ранили многихъ и привезли съ собой 5 плѣнныхъ.

29 апрѣля. Сегодня въ одиннадцать часовъ непріятель бросилъ 5 бомбъ, въ двѣнадцать часовъ 4, въ часъ 4, въ два часа 4, въ три часа 4, въ пять часовъ 4, въ шесть часовъ 5, всего 26.

30 апрѣля. Въ прошлую ночь непріятель въ двѣнадцать часовъ началъ бомбардировать, продолжалъ до четырехъ часовъ и бросилъ всего 32 бомбы. Весь день онъ молчалъ.

1 мая, въ воскресенье, въ одиннадцать часовъ непріятель бросилъ 9 бомбъ, въ часъ 5, въ два часа 3, въ четыре часа 4, въ шесть часовъ 4, всего 25; а также сегодня непріятель между часомъ и двумя внизу у Мюльграбена сдѣлалъ три раза по 36 пушечныхъ выстрѣловъ; чтобы это значило, опять неизвѣстно.

2 мая непріятель былъ спокоенъ.

3 мая, утромъ въ десять часовъ, непріятель бросилъ 9 бомбъ, въ двѣнадцать часовъ 9, въ три часа снова 9, и такъ всего 27.

4 мая. Сегодня въ часъ пополудни непріятель бросилъ 5 бомбъ, въ три часа 7, въ пять часовъ 9, всего 21.

5 мая. Въ прошлую ночь въ часъ непріятель снова бросилъ 9, въ три часа 7, въ пять часовъ 9; утромъ въ восемь часовъ 7; затѣмъ весь день былъ тихъ, какъ былъ тихъ и 6, 7 и 8 мая.

Что случилось кромѣ того
Извѣстно лишь тому,
Кто держитъ нашу жизнь
Въ своихъ отеческихъ рукахъ.
Да изгонитъ онъ своимъ всемогуществомъ
Всякую злость, зависть и коварство
Какъ изъ города, такъ и извнѣ его.

9 мая, послѣ обѣда въ половинѣ перваго, непріятель снова началъ бомбардировать и бросилъ сначала 10, а затѣмъ 9 бомбъ и еще 4. Вечеромъ въ девять часовъ онъ бросилъ снова 10 и затѣмъ 9, всего вмѣстѣ 42 бомбы.

10 мая. Въ прошлую ночь непріятель бомбардировалъ очень часто; иногда бросалъ по одной, иногда по 3 или 4; слѣдующій день онъ былъ тихъ.

Въ теченіе 8 — 14 дней непріятель построилъ также съ Двинской стороны, равно на островахъ Лошадиномъ и Луки (Pferde und Lucasholm) нѣсколько баттарей, также съ суши у Шулце-гофа 4 баттареи и почти всѣ ихъ уставилъ пушками. Нашъ прекрасный форштатъ теперь большею частію разрушенъ, на обоихъ-же форштатскихъ церквахъ повѣшены смоляные вѣнки, чтобы въ случаѣ крайности зажечь ихъ. Сегодня вечеромъ въ половинѣ десятаго онъ бросилъ 19 бомбъ.

11 мая. Сегодня утромъ въ восемь часовъ онъ снова бомбардировалъ и бросилъ 9 бомбъ. Вечеромъ въ девять часовъ онъ бросилъ снова 9.

12 мая. Въ прошлую ночь въ половинѣ третьяго онъ снова бросилъ 9 бомбъ; сегодня вечеромъ въ пять часовъ снова 9.

13 мая. Въ прошлую ночь въ три часа непріятель снова бросилъ 21 бомбу. Сегодня въ обѣдъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа 11 бомбъ, въ пять часовъ 11, въ девять часовъ вечера 7, всего 50.

14 мая. Сегодня вечеромъ въ девять часовъ непріятель бросилъ 9 бомбъ, и затѣмъ снова 6. Съ Юнгфернгофа слышна сильная пальба, при этомъ трубили въ рога и били въ литавры; эта продолжалось также и въ слѣдующій день, 15 мая, въ воскресенье.

Прим. перев. Съ половины мая въ осадномъ корпусѣ обнаружилась чума, причинившая огромную смертность. Съ половины мая до конца осады отъ чумы въ осадномъ корпусѣ умерло 9,800 человѣкъ. Чума въ войскахъ сильно тревожила царя (см. Пр. Сб. I, стр. 294),

16 мая. Въ прошлую ночь въ 12 часовъ непріятель бросилъ четыре раза по 8 бомбъ, вечеромъ въ 7 часовъ снова 8.

17 мая. Въ прошлую ночь казаки были на лугу и увели съ собой многихъ людей, а также убили нѣсколькихъ. Сегодня утромъ они опять увели двухъ купеческихъ прикащиковъ изъ сада, лежащаго не далеко отъ города; въ половинѣ третьяго въ прошлую ночь онъ снова бросилъ 8 бомбъ, а утромъ въ половинѣ десятаго 12.

Прим. перев. Въ этотъ день князь Меньшиковъ изъ подъ Риги отправился къ царю въ Петербургъ. Русскіе въ это время (съ 21 марта по 12 іюня) осаждали Выборгъ.

18 мая утромъ въ четыре часа непріятель бросилъ 8 бомбъ, въ половинѣ десятаго 8, въ пять часовъ 8, въ 10 часовъ 8.

19 мая, въ день Вознесенія Господня, утромъ въ десять часовъ непріятель снова бросилъ 8, въ четыре часа 8, въ шесть часовъ 8, въ восемь часовъ опять 8, всего 32 бомбы.

20 мая непріятель весь день былъ спокоенъ.

21 мая. Въ прошлую ночь непріятель бросилъ 27 бомбъ, затѣмъ весь день былъ тихъ.

22 мая. Въ прошлую ночь онъ снова бросилъ 18 бомбъ; въ слѣдующій день онъ ужасно жегъ какъ съ Двинской стороны, такъ и со стороны суши, такъ что дымъ отъ этого стоялъ почти надъ всѣмъ городомъ; вечеромъ въ половинѣ десятаго онъ бросилъ 16 бомбъ.

23 мая. Сегодня утромъ въ восемь часовъ непріятель бросилъ 9 бомбъ, и продолжалъ также жечь.

24 мая. Отъ сегодняшняго дня до 29-го непріятель былъ тихъ и въ это время было много рѣчи о помощи намъ и объ отступленіи непріятеля. Нѣкоторые даже увѣряли, что мортиры уже увезены изъ Коброна, на сколько это было вѣрно, скоро оказалось.

30 мая. Въ прошлую ночь въ половинѣ двѣнадцатаго онъ снова началъ и бросилъ 27 бомбъ, затѣмъ весь день былъ спокоенъ.

31 мая. Въ прошлую ночь въ двѣнадцать часовъ онъ бросилъ снова 12 бомбъ; сегодня также къ Динаминду прибыло шесть большихъ кораблей; когда съ нихъ были сдѣланы сигнальные выстрѣлы, то они возбудили въ городѣ необычайную радость.

1 іюня. Вчерашняя радость солоно досталась намъ сегодня, такъ какъ вчера вечеромъ въ десять часовъ непріятель началъ бомбардировать, продолжалъ до 4 часовъ утра и бросилъ 152 бомбы, которыя причинили большой вредъ и домамъ и людямъ; но самое большое несчастіе началось съ одинадцати часовъ, когда непріятель ворвался въ форштатъ черезъ Рауенскіе ворота; такъ какъ это случилось неожиданно и на форштатѣ ночевало много людей, то ужасъ былъ особенно великъ. Наша стража на форштатѣ держалась на сколько возможно хорошо, но должна была наконецъ уступить силѣ: поэтому наши зажгли красивую церковь св. Георгія, а также нѣсколько домовъ и садовъ и одну вѣтряную мельницу; 4-мя другими немедленно овладѣлъ непріятель, а также кордегардіею у Рауенскихъ воротъ и двумя маленькими полевыми орудіями. Стража у Рауенскихъ воротъ осталась еще на своемъ посту. Послѣ обѣда въ пять часовъ наши произвели вылазку съ 600 человѣкъ пѣхоты, а также 80 человѣкъ кавалеріи пошло съ ними для прикрытія, подъ предводительствомъ полковника Горна. Они сошлись съ непріятелемъ и вели себя очень храбро; они также обратно отняли двѣ вѣтряныя мельницы, изъ которыхъ одну тотчасъже зажгли; но такъ какъ къ непріятелю подошла помощь, то они сражаясь отступили, убивъ нѣсколькихъ непріятелей и ранивъ многихъ. Съ нашей стороны также пало нѣсколько рядовыхъ. Ранены были капитанъ Іегеръ, Засъ, Бальнбахъ и Куплеръ, поручикъ Катеръ, корнеты Нотгельферъ и Вестіусъ, изъ которыхъ на слѣдующій день нѣкоторые умерли.

Прим. перев. Въ первыхъ числахъ іюня Шереметевъ построилъ три батареи со стороны нынѣшняго Петербургскаго форштата, недалеко отъ нынѣшней Александро-Невской церкви. Батареи эти были вооружены 14 пятипудовыми мортирами. Съ этихъ то батарей и происходило дальнѣйшее весьма разрушительное обстрѣливаніе города.

2 іюня. Въ прошлую ночь непріятель точно также напалъ на Ивановскія ворота, и наши снова должны были отступить, а также въ эту ночь онъ бросилъ 51 бомбу. Вчера вечеромъ къ намъ перешелъ дезертиръ; онъ сообщилъ, что у непріятеля войско числомъ до 13,000 человѣкъ и что во вчерашней стычкѣ у него было 4000 человѣкъ; если-бы наши могли выдержать еще одинъ залпъ, то непріятель ушелъ бы съ форштата, а также сказалъ, что

они (русскіе) слышали про наше подкрѣпленіе, что нашъ милостивѣйшій король прибудетъ къ Динаминду, часть прибудетъ къ Пернову и затѣмъ черезъ Литву прійдетъ генералъ Крассау со своимъ войскомъ. Сегодня утромъ опять пришелъ дезертиръ, показанія котораго вполнѣ согласны со вчерашними.

Сегодня 3 іюня, послѣ обѣда, наши числомъ въ 300 человѣкъ снова сдѣлали вылазку, оттѣснили непріятеля назадъ къ Ивановскимъ воротамъ и зажгли стоявшіе еще дома, точно также прекрасная церковь Спасителя, построенная лишь 22 года тому назадъ, въ нѣсколько часовъ совершенно сгорѣла; церковь же св. Георгія стояла всего только 5½ лѣтъ. Они также разрушили палисады, насколько могли дойти до нихъ; между тѣмъ непріятель бросилъ изъ Коброна 15 бомбъ.

3 іюня. Въ прошлую ночь онъ бросилъ 6 бомбъ, день затѣмъ онъ усиленно работалъ, чему наши старались помѣшать непрерывной стрѣльбой; несмотря на то непріятель настолько подвинулъ свои работы, что наши вылазки мало могутъ имѣть успѣха. Вечеромъ въ 10 часовъ онъ бросилъ съ Коброна 15 бомбъ.

4 іюня. Въ прошлую ночь непріятель бросилъ 21 бомбу.

5 іюня не случилось ничего особеннаго.

6 іюня. Вечеромъ въ 10 часовъ непріятель бросилъ 28 бомбъ; у нашихъ теперь обыкновеніе: каждый вечеръ, когда стемнѣетъ, бомбардировать со стороны суши, что благодаря Богу, не остается безъ успѣха.

7 іюня. Сегодня вечеромъ, въ 10 часовъ, непріятель бросилъ 15 бомбъ.

8 іюня. Сегодня непріятель бросилъ 7 бомбъ, вечеромъ въ 10 часовъ опять 15.

9 іюня. Вечеромъ въ 10 часовъ непріятель бросилъ 21 бомбу.

10 іюня. Сегодня послѣ обѣда наши корабли у Динаминда пришли въ движеніе; большой бомбардирный корабль съ 5 другими подошелъ къ непріятельской батареѣ, вытѣснилъ его изъ двухъ батарей, но такъ какъ дулъ совершенно противный вѣтеръ, то корабль отошелъ и они вечеромъ опять вернулись.

11 іюня. Сегодня къ вечеру явился отъ непріятеля барабанщикъ; его предложеніе было объявлено намъ 12-го іюня, въ 1-е воскресенье послѣ Троицы, а именно что непріятель требуетъ сдачи города увѣдомляя, что еще можно заключить благоразумный договоръ; въ противномъ же случаѣ на городъ нападутъ со всѣхъ сторонъ со всей строгостью и усердіемъ, и онъ будетъ принужденъ сдаться огнемъ и бомбами, и тогда не пожалѣютъ ни одного человѣка, даже ребенка въ люлькѣ. Сегодня объ этомъ совѣщались генералитетъ и магистратъ, завтра рѣшеніе будетъ объявлено гражданамъ и спросятъ объ ихъ мнѣніи. Къ вечеру пришелъ другой барабанщикъ, который

потребовалъ размѣна плѣнныхъ: размѣнъ были допущенъ и 10 ихъ человѣкъ были даны взамѣнъ 8 нашихъ.

13 іюня. Все это было объявлено гражданамъ и всякому, что, какъ легко угадать, произвело большое замѣшательство, поэтому и слѣдующій день былъ проведенъ въ совѣщаніяхъ. Сегодня также перешелъ дезертиръ, который сообщилъ, что наше подкрѣпленіе въ самомъ дѣлѣ подвигается; въ Польшѣ происходила битва съ его королевскимъ величествомъ Августомъ, и убито 8000 человѣкъ; теперь войско стоитъ въ Курляндіи и будетъ здѣсь черезъ 5 или 6 дней, поэтому мы, по его мнѣнію, не должны были соглашаться, такъ какъ непріятелю приходится такъ же плохо, какъ и намъ въ городѣ.

14 іюня. Сегодня было написано наше рѣшеніе, которое состояло изъ слѣдующаго: во первыхъ мы требовали 4 недѣли перемирія и затѣмъ, чтобы нѣкоторые были допущены въ Динаминдъ, чтобы узнать, можемъ ли мы надѣяться на помощь и каковы дѣла въ Швеціи, однако барабанщикъ сегодня еще не ушелъ отсюда. Вечеромъ въ 10 часовъ казалось, что непріятель намѣренъ оставить лежащіе у Песочныхъ воротъ Табакъ-шанцы, такъ какъ онъ стянулъ сюда свои войска; поэтому наши начали сильно стрѣлять и продолжали до часу.

15 іюня. Сегодня утромъ въ 9 часовъ барабанщикъ ушелъ. Послѣ обѣда въ 2 часа непріятель достаточно выразилъ свое мнѣніе о нашемъ рѣшеніи, потому что открылъ ужасное бомбардированіе съ Коброна изъ 4 мортиръ и со стороны суши съ четырехъ батарей изъ 20 мортиръ, и продолжалъ всю ночь до утра и бросилъ всего 365 бомбъ, которыя причинили большой вредъ людямъ, церквамъ и домамъ.

16 іюня. Утромъ въ 9 часовъ онъ снова началъ и продолжалъ весь день и всю ночь.

17 іюня. И сегодня было тоже, что и вчера: непріятель бросалъ очень большія бомбы, которыя сильно повредили дома и церкви, нѣкоторые даже разрушилъ до основанія. Сегодня вечеромъ къ намъ перешелъ дезертиръ, который сообщилъ, что непріятельское войско имѣетъ въ Литвѣ и Курляндіи 15,000 человѣкъ, которые были два раза разбиты нашимъ королемъ и поэтому наши подкрѣпленія не могли еще прійти.

18 іюня. Непріятель всю прошлую ночь сильно бомбардировалъ, и мы съ большимъ прискорбіемъ узнали, что 100 человѣкъ ужаснымъ образомъ разорваны бомбами; онъ продолжалъ бомбардированіе также сегодня цѣлый день. Да прекратитъ наконецъ великій Господь по своей святой волѣ нашу великую нужду, такъ какъ мы вполнѣ къ несчастію терпимъ всѣ три бѣдствія страны: извнѣ намъ угрожаетъ война, а внутри голодъ и чума, наши люди начинаютъ уже ѣсть конину, а также многія другія непотребныя вещи;

люди страшно валятся, такъ что въ эту осаду умерло 22,000 душъ. Да поможетъ намъ всемогущій Господь, тогда мы будетъ спасены, человѣческая же помощь безсильна.

Съ 19 до 26 іюня бомбардировка продолжалась съ одинаковой силой. Послѣ того, какъ мы до сихъ поръ напрасно ждали подкрѣпленія, съѣли весь провіантъ и гарнизонъ очень уменьшился, нашъ генералъ послалъ сегодня, 28 го іюня, барабанщика, который долженъ былъ хлопотать о перемиріи; онъ пришелъ сегодня вечеромъ въ половинѣ десятаго и принесъ рѣшеніе, что перемиріе начнется завтра, 29 іюня съ 7 часовъ, и будетъ продолжатся до 30 іюня до 7 часовъ. Въ это время здѣсь разсматривались наши условія договора.

1 іюля. Сегодня въ 8 часовъ вышли наши депутаты отъ короны, дворянства, магистрата и граждапъ и съ непріятельской стороны прибыли также нѣсколько; слѣдовательно сегодня было сдѣлано начало капитуляціи.

5 іюля. Вечеромъ въ 7 часовъ войска его царскаго величества вошли въ городъ, предводительствуемыя его превосходительствомъ господиномъ генераломъ Репнинымъ. Сначала шли 20 прекрасныхъ подручныхъ лошадей, затѣмъ нѣсколько высшихъ офицеровъ, затѣмъ самъ упомянутый генералъ съ нѣсколькими офицерами, всѣ верхами, затѣмъ полкъ гранадеровъ особенно хорошо обмундированныхъ. За ними слѣдовали 50 курьеровъ, нѣсколько изъ нихъ несли очень большой корабельный флагъ, другіе несли прекрасные вымпелы. За тѣмъ шелъ артиллерейскій полкъ, затѣмъ знатное духовное лицо въ коляскѣ, запряженной 4 бѣлыми конями. Затѣмъ полкъ драгувъ; затѣмъ еще 4 полка. Въ этихъ семи полкахъ были до 10,000 человѣкъ. Они заняли тотчасъ главныя караулы и посты въ городѣ и также половину цитадели. Большое корабельное знамя было утверждено въ цитадели на высокомъ валу.

7 іюля. Вечеромъ въ 4 часа произошелъ недалеко отъ полковой церкви пожаръ, онъ сначала сильно охватилъ окрестности, а также и полковую церковь, по его превосходительство генералъ Репнинъ самъ потрудился лично поѣхать туда и отрядилъ немедленно 1000 русскихъ, которые съ изумительной быстротой и крайнимъ усердіемъ въ короткое время съ Божьей помощью потушили опасный пожаръ.

9 іюля. Чума все еще съ каждымъ днемъ увеличивается и къ несчастію уже люди падаютъ на улицахъ. Кажется не хватитъ живыхъ, чтобы погребать умершихъ. Да сжалится Господь Богъ опять надъ нами и да взойдетъ опять надъ нами солнце милости послѣ такъ долго претерпѣваемыхъ невзгодъ. Весь нашъ магистратъ, къ сожалѣнію, состоитъ изъ трехъ бургомистровъ и четырехъ ратсгеровъ и трехъ секретарей; все духовенство изъ однаго священ-

ника, гимназія изъ двухъ профессоровъ и соборная школа изъ двухъ товарищей, оставшихся въ живыхъ послѣ чумы.

10 іюля. Въ прошлую ночь должно быть началась бомбардировка Динаминда. Сегодня же, особенно ночью, здѣсь въ Ригѣ очень хорошо была слышна пальба, такъ какъ вѣтеръ доносилъ къ намъ гулъ отъ выстрѣловъ.

12 іюля. Сегодня вечеромъ выступилъ шведскій гарнизонъ, однако здѣсь остались всѣ лифляндскіе, эзельскіе и другіе офицеры и рядовые, между прочимъ также генералы Клотъ и Альбедиль; бывшій главный военный комисаръ Эрнгеймъ умеръ на этихъ дняхъ и былъ похороненъ мускетерами, его гробъ былъ сколоченъ изъ четырехъ неоскобленныхъ досокъ.

14 іюля. Сегодня приносили присягу въ вѣрности, причемъ происходили слѣдующія торжества:

Утромъ въ 8 часовъ дворянство и граждане отправились верхомъ встрѣтить его свѣтлость генерала фельдмаршала; отъ Карловскихъ воротъ до замка всѣ улицы были заняты солдатами. Въ 11 часовъ начался въѣздъ: впереди ѣхали двое знатныхъ гренадерскихъ офицеровъ, у которыхъ на шапкахъ былъ прикрѣпленъ драгоцѣнный камень; за ними слѣдовали 38 паръ гренадеровъ верхами и съ обнаженными шпагами въ рукахъ; у нихъ точно также на шапкахъ было прикрѣплено по прекрасному богемскому камню. За ними слѣдовали 16 слугъ знатныхъ господъ верхами, затѣмъ шли 36 прекрасныхъ подручныхъ коней, покрытыхъ богато шитыми чапраками съ серебряными стременами; затѣмъ четыре пустыя коляски, запряженные шестерками. Затѣмъ его превосходительство генералъ Галлартъ въ коляскѣ, запряженной шестеркой; за нимъ ѣхали двѣ коляски съ высшими господами и пустыя коляски, всѣ запряженныя шестью лошадьми. Затѣмъ ѣхали верхомъ граждане съ обнаженными шпагами въ рукѣ. За ними ѣхало дворянство точно также верхомъ и съ обнаженными шпагами въ рукѣ. Ихъ предводителемъ былъ господинъ баронъ и полковникъ фонъ Менгенъ. Затѣмъ ѣхали верхомъ три знатныхъ генерала, а за ними придворная гвардія генералъ-фельдмаршала, состоявшая изъ семидесяти двухъ человѣкъ, одѣтыхъ въ желтое; затѣмъ ѣхала коляска съ важными господами и наконецъ генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ въ собственной и богато вызолоченной коляскѣ, запряженной шестью бѣлыми и гнѣдыми конями; съ нимъ сидѣлъ статсъ-ратъ Левель (баронъ фонъ Левенвольде). Передъ коляской ѣхало нѣсколько трубачей и два барабанщика, барабаны которыхъ были обиты серебряной жестью сильно вызолоченной. Затѣмъ несли богато вышитый штандартъ. Рядомъ съ коляской шли по турецки одѣтые лакеи, за коляской шелъ отрядъ литаврщиковъ, четыре трубача, два валторниста и восемь гобоистовъ, всѣ одѣтые въ желтое съ изобильной серебряной

оторочкой; ихъ лошади были украшены желтыми парчевыми попонами. Наконецъ, верхомъ ѣхали еще нѣсколько слугъ, которые заключали шествіе. Затѣмъ они всѣ двинулись къ замку и во время шествія выстрѣлили изо всѣхъ орудій, бывшихъ въ городѣ и цитадели. Въ замковой церкви господинъ суперъ-интендентъ (Либоріусъ Депкинъ) говорилъ проповѣдь о присягѣ, послѣ которой съ хорошей музыкой и при стрѣльбѣ изо всѣхъ орудій, было пропѣто: «Тебе Бога хвалимъ». Затѣмъ дворянство и рыцарство въ замкѣ дали присягу. Когда это совершилось, генералъ-фельдмаршалъ отправился на площадь, гдѣ было воздвигнуто большое возвышеніе и обтянуто красными покрывалами; на возвышеніи былъ поставленъ на трехъ ступенькахъ стулъ, обтянутый краснымъ бархатомъ и обшитый золотой бахромой; надъ стуломъ былъ сдѣланъ пологъ, также изъ краснаго бархата съ золотой бахромой. Когда они прибыли на площадь, то вышли изъ экипажей и пошли въ сопровожденіи генераловъ и государственныхъ чиновъ къ возвышенію; когда они взошли на него, генералы и военные чины стали около престола съ права и съ лѣва. Генералъ-фельдмаршалъ же на самой высокой ступенькѣ, по лѣвую сторону стула, совсѣмъ не садился. Затѣмъ весь магистратъ взошелъ на возвышеніе и далъ присягу, которую имъ прочиталъ оберъ секретарь Фельдманъ. Затѣмъ были допущены также господа старшины (гильдій) и приносили присягу вмѣстѣ со всѣми гражданами, бывшими на площади. Затѣмъ господинъ генералъ-фельдмаршалъ опять сѣлъ въ коляску, и въ третій и послѣдній разъ выстрѣлили изо всѣхъ орудій. Затѣмъ они почти въ томъ же порядкѣ выѣхали изъ города, въ сопровожденіи дворянъ и гражданъ, которыхъ отлично угостили въ ихъ лагерѣ. И такъ, послѣ того какъ осада продолжалась три четверти года и въ это время было брошено 7,084 бомбы, этотъ городъ и вся Лифляндія подпали подъ покровительство его царскаго величества, съ тѣмъ однако условіемъ, что его сіятельство генералъ Нильсъ Штрембергъ выступилъ съ малочисленнымъ гарнизономъ со всѣми почестями, съ колокольнымъ звономъ и поднятыми знаменами, шестью пушками и четырьмя мортирами и двумя гаубицами. Да устроитъ Господь все къ лучшему и такъ, чтобы все клонилось къ славѣ Его святаго имени, къ прославленію Его царства и исполненію Его воли. Аминь.

Осада и сдача Ревеля
въ 1710 году.

(Статья Грефенгагена, читанная 27 сентября 1872 г. въ эстонскомъ литературномъ обществѣ и помѣщенная въ второмъ томѣ „Beiträge zur Kunde Est.-Liv.- и. Kurlands", стр. 26—64).*

Перенесемся мысленно ко временамъ начала Сѣверной войны. Данія, ближайшій непріятель шведовъ, была разгромлена при первомъ столкновеніи съ Карломъ XII и должна была заключить Травендальскій миръ. Побѣдоносныя шведскія войска сосредоточились въ концѣ августа 1700 года въ Шоненѣ и Блекингенѣ и чрезъ четыре недѣли отправились по Балтійскому морю; куда именно, этаго никто не зналъ, потому что въ это самое время съ одной стороны угрожали Лифляндіи, а именно Ригѣ, саксонцы и поляки, съ другой стороны городъ Нарва уже нѣсколько недѣль былъ осажденъ русскими войсками.

Сначала казалось, что Карлъ намѣренъ высадиться въ Курляндіи; флотъ его появился у Виндавы, но вслѣдъ затѣмъ повернулъ на сѣверъ и 6 октября 1700 г. Карлъ высадился съ 11,500 человѣкъ у Пернова. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, во время коихъ король производилъ у Руэпа смотръ пришедшимъ изъ Риги подъ командою генерала Веллинга войскамъ, армія съ королемъ выступила къ Ревелю. Но прежде еще король благосклонно принималъ въ Перновѣ депутацію эстляндскаго дворянства и города Ревеля. Депутація едва успѣла возвратиться въ Ревель, какъ разнеслись слухи, что король уже находится недалеко и намѣренъ въ ближайшіе дни вступить въ городъ.

---

*) Протоколы ревельскаго магистрата служили главнѣйшимъ источникомъ для этой статьи.

25 октября магистратъ, гильдіи и черноголовые (послѣдніе подали предварительно противъ участія Канутовой гильдіи въ торжествахъ встрѣчи протестъ, который на этотъ разъ обошелся безъ серьезныхъ послѣдствій) собрались на перновской дорогѣ «за песками у трехъ крестовъ». Восемьдесятъ черноголовыхъ ѣхали верхомъ во главѣ шествія; за ними магистратъ и старшины гильдій въ каретахъ. День былъ дождливый и бурный; встрѣчающимъ короля пришлось ждать на дорогѣ съ 11 часовъ утра до 6 часовъ по полудни. Наконецъ прибылъ конный гвардейскій полкъ. Отъ него-то депутація узнала, что король въ тотъ день уже не прибудетъ. Такъ какъ кромѣ того уже наступило время запирать городскія ворота, то депутація возвратилась въ городъ. По дорогѣ между Четочной и Карри-колодезною улицами стояли жители предмѣстья съ горящими факелами и на рынкѣ ожидали короля городскіе граждане, стоявшіе рядами. Всѣ должны были разойтись по домамъ; но вскорѣ узнали, что король неожиданно заѣхалъ куда-то въ деревню, переночуетъ тамъ и прибудетъ въ Ревель навѣрное на слѣдующій день. 26 числа шествіе устроилось снова. Магистратъ и гильдіи собрались уже на рынкѣ, дожидаясь лишь черноголовыхъ, чтобы выступить, какъ вдругъ бургомистръ сообщилъ имъ, что шествіе сегодня не можетъ состояться, потому что черноголовые, возобновивши свой вчерашній протестъ, рѣшительно отказываются принять участіе во встрѣчѣ короля. Не было никакихъ видовъ на немедленное улаженіе возникшаго столь не кстати этикетнаго вопроса, такъ что не оставалось ничего другаго, какъ разойтись, потому что шествіе, безъ участія въ немъ черноголовыхъ, было не мыслимо. Но чуть только собравшіеся разошлись, раздались отъ собора пушечные выстрѣлы, извѣщавшіе приближеніе короля. Вслѣдъ затѣмъ началась пальба изъ всѣхъ пушекъ на городскихъ валахъ.

Король пріѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи генералъ-лейтенанта Ренскьельда чрезъ Соборныя ворота и отправился въ замокъ. Если это можно было считать демонстраціею, служившею отвѣтомъ на отсутствіе встрѣчи со стороны города, то во всякомъ случаѣ она не была сопряжена ни съ какимъ болѣе глубокимъ нерасположеніемъ къ населенію, потому что когда вскорѣ затѣмъ явилась къ королю депутація магистрата съ поздравленіемъ, то король не только выслушалъ терпѣливо и благосклонно рѣчь бургомистра Струэруса, но даже возвратилъ поднесенные ему городскіе серебряные позолоченные ключи, со словами: «Оставьте ихъ у себя, я знаю, что они въ хорошихъ рукахъ». Сверхъ того генералъ Ренскьельдъ объяснилъ депутаціи, что король знаетъ, сколь много городъ сдѣлалъ для своего укрѣпленія и что онъ вполнѣ довѣряетъ вѣрности и храбрости населенія. Король не принялъ даже поднесеннаго ему

городомъ для его кухни подарка 10 воловъ и 50 овецъ, отвѣтивъ, что они ему не нужны.

5 ноября король выступилъ со своими войсками къ Везенбергу, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ корпусомъ Веллинга. Походъ туда и особенно отъ Везенберга былъ весьма затруднителенъ. Въ деревняхъ недоставало мѣста для квартированія, пришлось стоять бивуаками подъ открытымъ небомъ. Край за Земмекскимъ ручьемъ, гдѣ уже русскіе производили прежде фуражировку, сильно пострадалъ, такъ что въ немъ не хватало самыхъ простыхъ съѣстныхъ припасовъ. За то отпоръ со стороны непріятеля былъ незначителенъ. Онъ пытался правда занять важныя ущелья и проходы у Пюгаегги и Зилламели, но тщетно.

19 ноября Карлъ явился съ 5,000 человѣкъ пѣхоты, 3,000 человѣкъ кавалеріи и 37 пушками въ Лагенѣ въ самой близости укрѣпленнаго лагеря русскихъ, напалъ на нихъ на слѣдующее утро и, не смотря на то что ихъ было, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ больше, разбилъ ихъ и вступилъ въ Нарву. Побѣда была одержана полная! Какое множество трофеевъ принесла и сколь много надеждъ пробудила она! Ревельскій магистратъ, казалось, былъ совершенно правъ, когда въ своемъ поздравительномъ письмѣ къ королю и къ освобожденной Нарвѣ высказалъ радостное увѣреніе, что теперь странѣ обезпечены миръ и свобода.

Казалось, что «московиты» какъ въ тѣ времена называли русскихъ, если не навсегда, то на долгое время отброшены; казалось, что съ 20 ноября перемѣнится весь политическій строй Европы. А между тѣмъ вышло иначе — и какъ быстро произошелъ внезапный поворотъ дѣлъ! Едва Карлъ 17 іюня 1701 г. выступилъ изъ своего лагеря подъ Дерптомъ и отправился на югъ, русскіе снова появились и прежде чѣмъ совершилась годовщина битвы подъ Нарвой, оберъ-вахтмейстеръ баронъ Розенъ 4 сентября потерпѣлъ у Раппина пораженіе и попалъ въ плѣнъ. Правда, это пораженіе не имѣло важнаго значенія, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же день полковникъ Шлиппенбахъ одержалъ гораздо большую побѣду надъ русскими, которыхъ онъ оттѣснилъ до самаго Пскова, однако оно все-таки оставалось пораженіемъ, за которымъ вскорѣ послѣдовало другое, болѣе значительное. 30 декабря русскіе напали на полковника Шлиппенбаха у Эррастфера и совершенно его разбили. Вслѣдъ затѣмъ они удалились въ свои предѣлы, но въ іюлѣ 1702 года появились снова числомъ въ 80,000 человѣкъ. Корпусъ Шлиппенбаха въ 6,000 человѣкъ вынужденъ былъ искать убѣжища за Эмбахомъ; русскіе преслѣдовали его и разбили въ тотъ самый день, въ который Карлъ XII одержалъ блестящую побѣду у Клиссова 19 іюля. Пораженіе это имѣло роковыя послѣдствія для всей страны. Укрѣпленныя мѣста Лаисъ, Трикатенъ, Зербенъ, Маріенбургъ и Вольмаръ попали въ руки

русскихъ. Войска Шереметева опустошили Лифляндію (см. Приб. Сб. I, 300). Если еще припомнить, что въ тотъ же годъ вся Ингерманландія и часть Кареліи съ Нотебургомъ, Ніеншанцемъ, Ямою и Копорьемъ были завоеваны русскими, то надо признать, что блескъ нарвской побѣды потухъ прежде, чѣмъ прошли два года. Правда, что старыя передовыя крѣпости Лифляндіи, Нарва и Дерптъ, все еще держались и не допускали русскихъ занять край окончательно, однако и это не долго продолжалось. Въ маѣ 1704 г., послѣ неудачи шведской флотиліи подъ Лешеромъ на Эмбахѣ, русскія войска могли уже приступить къ осадѣ Дерпта. Въ іюнѣ того же года, почти одновременно, началась осада Нарвы, и оба города, послѣ продолжавшагося нѣсколько недѣль обстрѣливанія, взяты приступомъ: первый 14 іюля, второй 7 августа.

Такимъ образомъ опасность приближалась и къ городу Ревелю, который, сознавая это, въ январѣ постановилъ приступить немедленно къ постройкѣ контръ-эскарпа. Въ февралѣ мѣсяцѣ городской архивъ перенесенъ въ сводчатые погреба кемерейства. Въ началѣ августа гимназія, женское училище, русская церковь и городская конюшня очищены и въ нихъ устроены госпитали на 1,300 больныхъ солдатъ. Расквартированные въ окружности города и въ предмѣстьяхъ 1000 человѣкъ солдатъ введены въ городъ. Военныя событія выдвинулись на столько на первый планъ, что магистратъ постановилъ пріостановить на одинъ мѣсяцъ всѣ судебныя дѣла. Послѣ сдачи Нарвы опасность сдѣлалась еще большею.

31 августа созвано публичное общее собраніе магистрата, такъ какъ разнеслись слухи, будто на Лаксбергѣ появился русскій казачій отрядъ полковника Буша. Слухи эти оказались совершенно основательными. Послѣ тщетной попытки Шлиппенбаха задержать у Везенберга проникшіе въ Эстляндію со стороны Нарвы конные отряды, русскіе приблизились къ городскимъ пастбищамъ Ревеля, захватили находившіяся тамъ стада и преслѣдовали бѣжавшихъ жителей до самаго ревельскаго предмѣстья, гдѣ ихъ столь много было убито, что городъ вынужденъ былъ впослѣдствіи позаботиться о ихъ погребеніи на кладбищѣ св. Варвары. Жители предмѣстья старались спастись въ городѣ, что однако удалось лишь немногимъ, потому что городскія ворота были вскорѣ заперты и заняты войскомъ, которое никого не впускало. Комитетъ магистрата цѣлый день оставался въ ратушѣ, откуда посредствомъ своихъ уполномоченныхъ издавалъ всѣ приказанія, касавшіяся защиты города. На городскіе валы и башни поставлены были къ пушкамъ люди и бухгалтеръ Петръ Бушъ долженъ былъ взобраться на башню церкви св. Олафа, чтобы слѣдить оттуда за движеніями русскихъ. Черезъ каждый часъ онъ спускалъ съ башни записку о томъ, что дѣлаютъ русскіе; это продолжалось съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера; но когда Бушъ сообщилъ

что русскіе отступили къ Фестской корчмѣ, то ему велѣли сойти съ башни. Вечеромъ генералъ-губернаторъ приказалъ, чтобы на удобныхъ мѣстахъ предмѣстья поставлены были сильные отряды для защиты отъ новыхъ нападеній русской кавалеріи. Эта мѣра оказалась, впрочемъ, лишнею. Русскіе, убѣдившись, что крѣпости нельзя взять кавалеріею, отступили на нѣсколько миль отъ города.

Эпизодъ 31 августа убѣдилъ эстляндскаго генералъ-губернатора, что имѣющіяся на лицо оборонительныя средства недостаточны, и заставилъ его сосредоточить всѣ находившіяся въ его распоряженіи войска въ городѣ и предмѣстьяхъ.

Хота это и было тяжкимъ бременемъ для жителей, но за то такою мѣрою устранена была опасность нападенія на Ревель въ расплохъ. Весь край отъ Ревеля на востокъ былъ совершенно предоставленъ на произволъ русскихъ. Послѣ 1704 года наступилъ для Эстляндіи нѣкоторый промежутокъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ сказать, нѣкотораго рода перемиріе. Восточная часть этой провинціи до Земескаго ручья была уже окончательно присоединена царемъ къ Россіи и составила вмѣстѣ съ Нарвою особую губернію; на югѣ стояли русскіе передовые посты на границѣ Эстляндіи, западная часть провинціи была еще совершенно свободна отъ русскихъ. Петръ I, повидимому, убѣдился, что ему нельзя произвести успѣшнаго наступательнаго движенія на защищаемыя морскими крѣпостями части края, пока не будетъ нанесенъ шведскому могуществу смертельный ударъ въ лицѣ дѣйствующей на югѣ арміи Карла XII. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, Ревель кое какъ держался еще въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ. Вывозная и ввозная морская торговля не прекращалась; даже съ завоеванными уже частями Эстляндіи возобновлены были торговыя сношенія. По уговору обѣихъ воюющихъ сторонъ, караваны въ 12 — 16 телѣгъ, снабженные открытыми листами (изъ которыхъ нѣкоторые понынѣ сохранились въ архивѣ губернскаго правленія) и сопровождаемые барабанщикомъ или парламентеромъ доходили до русскихъ аванпостовъ, которые пропускали ихъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, въ Нарву, Псковъ или даже и въ Новгородъ.

Воспользуемся этимъ шестилѣтнимъ quasi-перемиріемъ, чтобы составить себѣ картину тогдашняго состоянія Эстляндіи и Ревеля въ топографическомъ, военномъ и экономическомъ отношеніяхъ, потому что иначе мы не были бы въ состояніи составить себѣ вѣрнаго понятія объ исходѣ дѣлъ. Начнемъ съ города.

Въ Ревелѣ въ 1708 году жителей, кромѣ Соборной части и Соборнаго предмѣстья, Тенисберга и гарнизона, состояло около 11 тысячъ, изъ которыхъ 1,800 жили въ предмѣстьи; со включеніемъ же Соборной части и пр. Ревель могъ имѣть 15 тысячъ жителей, но никакъ не 40 тысячъ, какъ утверждаетъ Рихтеръ. Это, въ сравненіи

съ нынѣшнимъ, столь немногочисленное населеніе совершенно соотвѣтствовало тогдашнимъ размѣрамъ города На планѣ Ревеля отъ 1688 г., находящемся въ инженерномъ управленіи, видимъ, что тогдашнія предмѣстья занимали едвали четвертую часть нынѣшнихъ. На всемъ пространствѣ отъ большой дерптской дороги до моря, т. е. въ нынѣшней второй и отчасти первой части предмѣстья, не было тогда никакихъ домовъ. Тогдашнія предмѣстья доходили лишь до нынѣшнихъ Большой и Малой Дерптскихъ, Варвариной, обѣихъ Четковыхъ улицъ, Тенисберга и Соборнаго предмѣстья.

Картина Олеаріуса отъ 1663 года, изображающая тогдашнее состояніе города Ревеля, показываетъ, не смотря на разныя свои неточности и перспективные недостатки, что около Ревеля не было въ то время никакихъ валовъ. Есла однако Рюссовъ въ своей лѣтописи говоритъ о стѣнахъ, башняхъ и валахъ въ Ревелѣ въ половинѣ XVI столѣтія, то подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать лишь валообразныя укрѣпленія; на вышеупомянутомъ планѣ 1688 г. городъ обозначенъ какъ крѣпость, какою она была до недавнихъ лѣтъ, со всѣми валами, бастіонами, равелинами, редутами и капонирами — лишь гласиса съ контръ-эскарпомъ нѣтъ на этомъ планѣ. Въ теченіи двадцати шести лѣтъ, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга оба упомянутыя изображенія Ревеля, городъ превратился изъ средневѣковой крѣпости, т. е. изъ крѣпости со стѣнами, башнями и рвами, въ крѣпость съ бастіонными валами по системѣ Вобана. Документы объ этихъ перестройкахъ подтверждаютъ это вполнѣ, хотя изъ нихъ не видно, въ который именно годъ приступлено было къ постройкѣ валовъ. Вѣроятно въ началѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. во время правленія Ядвиги и Элеоноры и Карла XI. Уже то обстоятельство, что Ревель до половины нашего столѣтія считался крѣпостью, хотя въ немъ не были произведены никакія новыя укрѣпленія, доказываетъ, что онъ во время сѣверной войны былъ еще весьма значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ. Впрочемъ, въ началѣ этой войны укрѣпленія Ревеля не были еще совсѣмъ окончаны; только въ 1704 году приступлено было къ устройству гласиса и контръ-эскарповъ, которые какъ кажется были окончены въ теченіи шести лѣтъ до сдачи города. Палисадныя работы на валахъ и во рвахъ, постройки сводчатыхъ зданій и пороховыхъ погребовъ, равно какъ и разныя другія оборонительныя работы были производимы во время осады.

Вооруженіе Ревеля не соотвѣтствовало однако крѣпостнымъ веркамъ его; объ этомъ имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства отъ 1706 и 1707 гг. 21 октября 1706 года магистратъ сообщаетъ генералъ-губернатору, что гражданство не въ состояніи поставить требуемое отъ него число пушекъ. Въ этомъ сообщеніи говорится между прочимъ: «Мы узнали отъ распорядителей защитою города, что еще нужно болѣе 100 пушекъ разныхъ сортовъ, для того, чтобы все

было какъ слѣдуетъ устроено, и мы понимаемъ, что надо будетъ для той же цѣли и соотвѣтствующее количество ядеръ и пороху, не говоря о томъ, что будутъ стоить лафеты и другія принадлежности». Трудно предположить, что всѣ требуемыя пушки были въ самомъ дѣлѣ и поставлены; по крайней мѣрѣ послѣ сдачи найдено въ городѣ лишь 40 пушекъ, 10 мортиръ и 4 гаубицы.

Кромѣ того магистратъ пишетъ въ концѣ 1708 года генералъ-губернатору: «Мы просили ваше превосходительство 2 сентября содѣйствовать къ тому, чтобы недостающее еще значительное число пушекъ, равно какъ и нужныя снаряды, были присланы сюда изъ Стокгольма, потому что мы уже прежде объ этомъ просили, но до сихъ поръ ничего не сдѣлано».

Въ послѣдствіи магистратъ указываетъ и на то, что построенныя съ большими расходами укрѣпленія скорѣе вредны, нежели полезны, такъ какъ для нихъ не хватаетъ орудій. Изъ записокъ слѣдующаго года видно, что лафеты изготовлялись такъ сказать въ послѣднюю минуту.

Городъ содержалъ отъ себя роту артиллеріи во 100 человѣкъ съ 2 капитанами и 1 поручикомъ, а казна — 136 артиллеріистовъ съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ, изъ которыхъ высшій былъ и командующимъ всею артиллеріею. Что касается гарнизона, то трудно опредѣлить, сколько именно полковъ стояло въ Ревелѣ во время осады и сдачи. Въ дневникѣ Петра Великаго говорится о 6 полкахъ, по протоколу магистрата, однако, послѣ сдачи вышло изъ города 9 знаменъ, т. е. полковъ. Несомнѣнно лишь то, что въ іюлѣ 1710 года въ Ревелѣ находились: 1) пѣхотный полкъ барона Ливена, состоявшій изъ 23 офицеровъ, 67 унтеръ-офицеровъ, 23 музыкантовъ, 817 солдатъ или 5 ротъ; 2) гаррійскій полкъ барона Богислава Палена, состоявшій изъ 25 офицеровъ и 1,078 солдатъ; 3) пѣхотный полкъ Ивана Берента гр. Меллина, состоявшій изъ 23 офцеровъ и 633 солдатъ; 4) баталіонъ полковника Гюне въ 400 человѣкъ; 5) эстляндскій дворянскій кавалерійскій полкъ барона Тизенгаузена въ 316 чел.; 6) 200 человѣкъ гольштинской пѣхоты, прибывшей въ Ревель не задолго до закрытія городскихъ воротъ, 9 сентября. Весь гарнизонъ состоялъ такимъ образомъ, вѣроятно, изъ 3,900 человѣкъ солдатъ при 110 офицерахъ; кромѣ того 100 человѣкъ городскихъ войскъ, отрядъ черноголовыхъ въ 100 человѣкъ и 8 ротъ гражданскихъ по 50 — 60 человѣхъ, такъ что весь гарнизонъ можно полагать въ 4,500 человѣкъ. Изъ шведской эскадры, бывшей въ Ревелѣ, осталось тамъ въ 1710 году лишь одно военное судно, корветъ «Галландъ», къ которому отъ времени до времени присоединялась маленькая бригантина.

Изъ этихъ войскъ въ началѣ войны стояли въ городѣ лишь часть офицеровъ и артиллеріи и получали отъ города квартир-

ныя деньги, въ то время, какъ прочія войска были расквартированы по сосѣднимъ имѣніямъ и на предмѣстьи. Въ 1704 году все это перемѣнилось. Вмѣсто квартирныхъ денегъ офицеры получали квартиры и войска мало по малу расквартированы въ самомъ городѣ, такъ что въ началѣ 1710 г. весь гарнизонъ уже находился въ городѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, число которыхъ было весьма значительно. Такъ при наленскомъ полку было 255 женъ и 326 дѣтей, при ливенскомъ 170 женъ. Общій итогъ женъ и дѣтей простирался до 2,000 душъ, такъ что на каждый изъ 600 городскихъ домовъ приходилось постою около 12 человѣкъ. Конечно, это была чрезвычайно обременительная расквартировка, тѣмъ болѣе, что тогдашніе дома имѣли мало жилыхъ помѣщеній, многіе изъ домовъ оказывались вовсе невыгодными, многіе же опять были по разнымъ обстоятельствамъ изъяты отъ квартирной повинности, вслѣдствіе чего среднее число расквартировки еще болѣе увеличивалось. Поэтому понятно, что магистратъ и гражданство постоянно возставали противъ воинскаго постоя. По этому случаю завязалась обширная переписка между магистратомъ и гильдіями съ одной и между ревельскимъ командующимъ войсками и Стокгольмомъ съ другой стороны. Даже находившемуся на походѣ въ Польшѣ и Саксоніи королю докучали длинными и постоянно повторявшимися въ своихъ выводахъ бумагами по этому дѣлу. Что король къ этимъ жалобамъ относился неблагосклонно и что онъ не много уважалъ чужія права, объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственноручно подписанное письмо, присланное изъ лагеря подъ Грабиномъ отъ 27 сентября 1701 года, въ которомъ онъ пишетъ:

«Мы съ немалымъ неудовольствіемъ узнали изъ жалобы нашего королевскаго генералъ-губернатора графа Акселя-де-ла-Гарди, что вы отказываетесь давать квартиры пѣхотному полку полковника Нирота подъ предлогомъ, что ожидаете нашего рѣшенія, въ то время какъ вамъ слѣдуетъ точно исполнять приказанія, даваемыя вамъ отъ нашего имени генералъ-губернаторомъ. Обращая ваше вниманіе на преступность таковаго вашего поведенія, мы предостерегаемъ васъ отъ дальнѣйшаго непослушанія приказаніямъ нашего генералъ-губернатора, иначе мы не преминемъ наказать васъ въ примѣръ другимъ и наказать такимъ образомъ, который будетъ въ состояніи предостеречь другихъ отъ подобнаго непослушанія».

Что эти рѣзкія угрозы короля сильно подѣйствовали на негостепріимныхъ ревельцевъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ обширные квартирные списки ревельскаго архива.

Однако съ квартирнымъ вопросомъ дѣло не окончилось. Еще король не успѣлъ прибыть въ Ревель, какъ магистратъ получилъ отъ губернатора приказаніе поставить для войскъ 2,000 ластовъ ржи. Правда требовалось не безплатно, но городъ все-таки на-

личныхъ денегъ не получилъ, а получилъ лишь ассигновки на аренду и имѣнія казны, которыя однако въ виду усиливающихся военныхъ бѣдствій и общаго обѣднѣнія не имѣли почти никакого значенія. Требованія по поставкѣ хлѣба и фуража повторялись затѣмъ чаще и сдѣлались невыносимымъ бременемъ.

Все это однако не обременяло финансовъ города и его населенія столь тягостно какъ двѣ другія повинности: работы по укрѣпленіямъ и контрибуціи.

Всѣ крѣпостные верки Ревеля, всѣ его глубокіе рвы и высокіе гранитные эскарпы были сооружены подъ управленіемъ содержимаго городомъ инженернаго офицера исключительно изъ городскихъ средствъ.

Повинность эта лежала на гражданахъ въ видѣ подати по укрѣпленіямъ, которую собирали распорядители по городской защитѣ и выплачивали наемнымъ рабочимъ по предъявленіи ими особой жестяной отмѣтки (одна такая находится въ музеѣ). Подать эта составляла въ 1704 г. 13,000 талеровъ.

Контрибуція было военная подать, взимаемая безъ опредѣленнаго способа сбора, и, какъ кажется, лишь по поверхностной оцѣнкѣ. Въ началѣ войны потребовано было съ Ревеля 10,000 талеровъ, въ 1704 и 1706 контрибуція опредѣлена была въ 3,000 талеровъ; въ 1710 г. въ 2,000 тал. Эта послѣдняя подать уже не состоялась, потому что въ то время, какъ по ея поводу велись переговоры, война окончилась. Въ то время какъ финансовое бремя Ревеля возрасло, экономическія дѣла города все болѣе разстраивались. Со времени войны торговля постоянно падала и торговый флотъ Ревеля, который имѣлъ въ ганзейскія времена собственный флагъ, состоялъ нынѣ изъ одного купеческаго судна. Упадку торговли, кромѣ войны, способствовали и повторявшіеся въ 1695—6 и—7 г., далѣе въ 1704, 1705 и 1708 годахъ, неурожаи.

Если бросимъ взглядъ на состояніе провинціи въ тѣ времена, то главными источниками всѣхъ политическихъ и матеріальныхъ бѣдствій, достигшихъ въ 1710 г. своей высшей степени, были двѣ государственныя мѣры: редукція и конная служба. Послѣдняя требовала съ каждыхъ 15 гаковъ земли поставку лошади и снаряженіе 1 всадника; со времени сѣверной войны 2 всадниковъ, т. е. со всей Эстляндіи 700 всадниковъ.

Въ случаѣ неисполненія или неудовлетворительнаго исполненія конной службы взимались большіе штрафы, которые въ 1701 г., когда Карлъ XII производилъ близъ Дерпта смотръ эстляндскому дворянскому полку, составили сумму въ 32,000 тал. Кромѣ конной службы, лежавшей бременемъ лишь на землевладѣльцахъ, послѣдніе должны были вмѣстѣ съ крестьянами нести подводную по-

винность; крестьяне же одни должны были нести контрибуцію т. е. поставлять хлѣбъ, фуражъ и проч.

Сколь мало правительство могло или желало требовать лишь возможное и справедливое, это видно изъ прошенія эстляндскаго дворянства къ королю отъ 17 марта 1704 года, въ которомъ говорится, что отъ крестьянъ потребованы не только мясо, солонина, гречиха, пиво, шубы, рукавицы, чулки и рубахи, но въ 1701 г. даже столь много шерсти, сколько страна не можетъ дать потому что нѣтъ въ ней столько овецъ, сколько нужно для поставки съ нихъ шерсти.

Все это, однако, было еще кое какъ сносно, пока не появился непріятель; но въ 1702 году начались набѣги, опустошавшіе всю страну нещаднымъ образомъ.

Слѣдующія заявленія землевладѣльцевъ, взятыя изъ архивовъ эстляндскаго дворянства и касающіяся конной службы, отъ которой по резолюціи короля отъ 27 іюля 1706 г. освобождались разоренныя непріятелемъ имѣнія, свидѣтельствуютъ объ общемъ обѣдненіи:

1) Такъ какъ моя усадьба Эррасъ была въ началѣ войны непріятелемъ совершенно сожжена и до сихъ поръ находится въ его власти, то я ссылаюсь на резолюцію В. К. В. Ревель 23 октября 1707 года. Фабіанъ Эрнстъ Унгернъ-Штернбергъ.

2) Съ моего имѣнія Паддаса, лежащаго за Земмескимъ ручьемъ и находящагося во власти непріятеля, я никакихъ доходовъ не получилъ, потому и не могу исполнять конной службы и ссылаюсь на резолюцію В. К. В. Ревель, 23 октября 1707 г.

3) Такъ какъ имѣнія Гулліель въ Екатерининскомъ и Эррина въ Мало-Маріинскомъ кирхшпиляхъ въ 1703 года непріятелемъ были сожжены и усадьба Гулліель нѣсколько недѣль тому назадъ непріятелемъ разорена, то я, ссылаясь на резолюцію В. К. В., не могу болѣе исполнять конной службы. 23 октября 1707 года. Густавъ Христіанъ фонъ-деръ-Паленъ.

4) Такъ какъ имѣніе Метапе въ Везенбергскомъ кирхшпилѣ нѣсколько недѣль тому назадъ было разорено, то я согласно съ резолюціею В. К. В. не могу болѣе исполнять конной службы. Иванъ Андрей фонъ-деръ-Паленъ.

5) Съ моего имѣнія Тамкаса, заложеннаго маіору Шульману, я исполнялъ конную службу; хотя оно и не сгорѣло, но было въ прошедшій годъ три раза разорено, такъ что на немъ не осталось ни лошадей, ни скота, крестьяне остались голыми, 13 дѣтей похищено и пр. До сихъ поръ я содержалъ моего всадника; во время этой войны, долженъ былъ его нѣсколько разъ снаряжать, потому что 2 года тому назадъ, онъ много потерялъ въ дѣлѣ подъ Мурентофомъ и въ прошедшій годъ въ деревнѣ Мидаль всѣ его вещи съ лошадью сгорѣли, я все-таки хочу содержать всадника въ службѣ

моего всемилостивѣйшаго короля, если только Богъ дастъ мнѣ немного спокойно пользоваться доходомъ съ имѣнія; но другого всадника, который въ дѣлѣ подъ Эррастомъ убитъ былъ и съ лошадью, я содержать не могу. Ревель, 4 ноября 1707 года. Генрихъ Брюммеръ.

6) Такъ какъ мои имѣнія Меддерсъ и Реггеферъ, лежащія въ Вирландѣ, въ началѣ войны были непріятелемъ совершенно опустошены, вслѣдствіе чего я долѣе не могу исполнять конной службы и ссылаюсь на резолюцію В. К. М. Валкъ, 10 ноября 1707 года. Нильсъ Штакельбергъ.

Такія же заявленія поступили съ имѣній барона А. Икскуля, О. Конст. Икскуля, О. Фаб. Врангеля, Юргена Кнорринга, Р. В. Гауэншильда и Фр. Вил. Кнорринга.

На сколько страна была истощена подъ конецъ сѣверной войны, это видно изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ: Въ 1710 году 150 дворянскихъ семействъ, чтобы спастись отъ голодной смерти, должны были просить хлѣбной ссуды изъ казенныхъ складовъ. Дворянство не было въ состояніи заплатить 300 талеровъ процентовъ съ суммы за проданный ему Юргеномъ Икскулемъ дворянскій замокъ. Что должно было произойти, если дѣла доходили до такихъ крайностей?

Военные планы царя въ отношеніи къ прибалтійскому краю были ясны. Ему надо было прежде всего побѣдить непріятеля въ открытомъ полѣ — это было сдѣлано въ сраженіяхъ подъ Эррастферомъ и Гуммельсгофомъ — затѣмъ взять укрѣпленныя мѣста на границѣ Лифляндіи и Ингерманландіи и затѣмъ приступить къ осадѣ приморскихъ крѣпостей. Въ числѣ послѣднихъ Ревель занималъ первое мѣсто, потому что онъ имѣетъ прямое морское сообщеніе со Швеціею, въ то время какъ въ Ригѣ и Перновѣ сообщеніе со Швеціею можно было пресѣчь посредствомъ береговыхъ батарей на рѣкѣ. Обстоятельство, что до Ревеля послѣдняго дошла очередь, совершенно соотвѣтствуетъ тогдашнему положенію дѣлъ и примѣненному къ нему русскому военному плану. Въ составленіи и обдуманномъ осуществленіи этого плана состоитъ неоспоримая заслуга Петра Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ и его превосходство надъ Карломъ XII, который не умѣлъ соображать даже ближайшихъ предстоящихъ дѣлъ. Дѣйствія Петра I, въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1704 по 1709 г., ясно свидѣтельствуютъ о способности его улучить удобную минуту и не принимать ничего, не обезпечивши себѣ прежде путь къ цѣли. Когда корпусъ Левенгаупта оставилъ Лифляндію, то къ Петру конечно подступало искушеніе предпринять нападеніе на слабѣйшую крѣпость Перновъ и пресѣчь такимъ образомъ сообщеніе между Ригою и Ревелемъ по сухопутной дорогѣ — однако, онъ устоялъ противъ этого искушенія и выжидалъ спокойно времени, пока нанесенъ былъ шведамъ главный ударъ подъ Полтавою, послѣ котораго ему уже ничто не могло мѣшать въ занятіи послѣднихъ убѣжищъ шведской военной

силы. Значительныя усилія, какія вынужденъ былъ сдѣлать Петръ, чтобы завоевать Ригу, доказываютъ, какъ сомнителенъ могъ бы быть результатъ, еслибы осада Риги предпринята была раньше.

Но возвратимся къ судьбамъ Ревеля въ 1710 г.

Въ самомъ началѣ этого года появились предвѣстники предстоящихъ военныхъ событій. 2 января магистратъ долженъ былъ собраться въ воскресенье для чрезвычайнаго совѣщанія, чтобы выслушать сообщеніе предсѣдателя о приближеніи къ городу непріятельской кавалеріи на разстояніе 9 миль. Съ 31 августа 1704 г. это былъ первый признакъ приближавшейся вновь опасности. Магистратъ постановилъ алармировать населеніе. Магистратскіе служители должны были сообщить восьми бюргеръ-капитанамъ приказаніе побудить всѣхъ гражданъ и жителей немедленно запастись амуниціею и ружьями, не раздѣваться ночью, такъ чтобы могли быть готовыми на первый бой барабана. 4 января опасенія внезапнаго нападенія на городъ все еще не прекращались. Комендантъ потребовалъ, чтобы граждане и въ наступающую ночь были готовы явиться по барабану, и приказалъ держать приготовленными ракеты, смоляные вѣнки и пр. Не смотря на увѣренія капитана стоявшаго на рейдѣ военнаго судна, что ему не трудно защищать большія и малыя береговыя ворота посредствомъ пушекъ отъ непріятельскаго нападенія, генералъ губернаторъ настаивалъ на томъ, чтобы малыя ворота были заложены кирпичемъ. Но вскорѣ оказалось, что непріятель предпринялъ только развѣдку и затѣмъ удалился, вслѣдствіе чего и тревога въ городѣ прекратилась. Но за то военное начальство предъявило городу новыя требованія; городъ долженъ былъ поставить новыя лафеты для 12 пушекъ, привезенныхъ изъ Гапсаля, дополнить оказавшійся недостаточнымъ запасъ смоляныхъ вѣнковъ и фонарей для валовъ и приступить къ окончанію работъ на валахъ. Кромѣ того вице-губернаторъ Паткуль сообщилъ магистрату секретно, что гарнизонъ снабженъ хлѣбомъ лишь на январь мѣсяцъ. Откуда же взять средства для удовлетворенія всѣмъ новымъ требованіямъ?

Магистратъ заявилъ гражданству, что такъ какъ средства городской кассы исчерпаны, то онъ не можетъ обойтись безъ сбора контрибуціи, опредѣленіе способа и размѣровъ которой онъ предоставлялъ гражданству. Гражданство отвѣтило, что новую контрибуцію оно должно отклонить тѣмъ болѣе, что потребованная военнымъ начальствомъ перестройка капонировъ доказываетъ ошибочность распоряженій по части оборонительныхъ работъ, послѣдствія чего долженъ нести тотъ, кто виновенъ. Гражданство указало тутъ вмѣстѣ съ тѣмъ на другой источникъ финансовыхъ средствъ, именно на серебряныя сокровища черноголовыхъ, лежащія безъ всякой пользы въ складѣ, въ то время какъ городъ могъ бы воспользоваться частью этого серебра и заложить его.

Это предложеніе гильдіи нашло въ магистратѣ отголосокъ. Магистратъ созвалъ представителей черноголовыхъ и сообщилъ имъ мнѣніе общины. Предсѣдатель напомнилъ имъ, сколь доблестно поступили ихъ предки, построившіе на свой счетъ укрѣпленія между Глиняными и Карри-воротами и нещадившіе во времена бывшихъ войнъ ни своего имущества, ни крова; онъ припомнилъ имъ, что они и теперь могутъ прославиться, если послѣдуютъ примѣру предковъ и предоставятъ городу требуемые имъ 2000 лот. серебра для средствъ на защиту города. На черноголовыхъ подѣйствовали эти ссылки на доблесть и безсмертіе: они согласились на требуемую отъ нихъ жертву. Но когда дѣло дошло до выдачи серебра, тутъ они начали раскаеваться въ своемъ согласіи, ссылались, что, для обезпеченія своего имущества на случай обстрѣливанія города, они должны перестроить свой домъ; однимъ словомъ, отнѣкивались и, наконецъ, надо было прибѣгнуть къ совершенно другимъ доводамъ, нежели къ ссылкамъ на лавры, чтобы получить съ нихъ прежде всего 1500 лотовъ серебра и затѣмъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ остальные 500 лотовъ.

Если бѣдный городъ такимъ образомъ избавился на время отъ крайнихъ денежныхъ затрудненій, то за то ему пришлось испытать общую нужду въ другой формѣ. Нищенство приняло столь опасные размѣры, что обыкновенныя средства для противодѣйствія ему оказались тщетными. Въ началѣ февраля мѣсяца магистрату было сообщено, что къ 81 нищимъ, которые набрались въ пріютахъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, прибавилось еще 32 нищихъ дѣтей, которыя шляются по улицамъ и визгливымъ голосомъ просятъ милостыни.

Ко всему этому наступило время года, въ которое даже и при хорошемъ урожаѣ и въ мирное время запасъ хлѣбовъ истощается; появился наплывъ въ городъ раззоренныхъ контрибуціею и непріятельскимъ нашествіемъ крестьянъ. Всѣ принимаемыя противъ этого наплыва мѣры оставались тщетными; напрасно старшины противодѣйствія нищенству выгоняли цѣлыя толпы нищихъ изъ города; нищіе, вышедши чрезъ одни ворота, возвращались въ городъ чрезъ другія и когда сторожамъ въ воротахъ было приказано не впускать въ городъ нищихъ, послѣдніе вкрадывались въ городъ при помощи хитрости, переодѣвшись въ одолженную приличную одежду или же, скопившись въ толпу, насильственно врывались въ городъ. Въ частной благотворительности не было недостатка: ратсгеръ Бухау, напримѣръ, одинъ кормилъ ежедневно 50 человѣкъ и предоставилъ свой домъ больнымъ; но что же это помогало, когда въ концѣ марта число нищихъ возрасло до 2,000 человѣкъ. Тутъ пришлось подумать о другихъ средствахъ. Сначала магистратъ посылалъ городскихъ служителей съ корзинами изъ дома къ дому собирать хлѣбъ и

сельдей, которые затѣмъ раздѣлялъ между нищими; затѣмъ два раза въ недѣлю происходила публичная раздача пищи близь палисада предъ Глиняными воротами. Въ то же время начали проявляться опасные признаки разнузданности солдатъ. 8 марта представители пекарскаго цѣха жаловались магистрату, что 100 человѣкъ паленскаго полка съ унтеръ-офицерами разграбили булочныя. Вскорѣ затѣмъ тѣ же солдаты угрожали разграбить мясныя лавки, если не получатъ достаточное количество пищи.

Губернаторъ Паткуль понималъ опасность и значеніе происходящаго отъ недостатка продовольствія мятежа и созвалъ немедленно представителей города и провинціи на совѣщаніе, которое происходило 7 февраля въ земскомъ зданіи. Со стороны дворянства явились Г. Д. Икскуль, Рейнгольдъ Унгернъ, Христіанъ Паленъ, Б. Розенъ, Фр. Леве, Фаб. Тизенгаузенъ, Т. И. Беллинкгаузенъ, О. Ф. Врангель, далѣе два представителя Гаррьена, три Вирланда, три Гервена и два Вика; со стороны города — бургомистръ Христофоръ Михаэль, синдикъ І. Гернетъ, ратсгеры Шотенъ, Бухау, Гюкъ, Каль съ секретаремъ и нѣкоторыми представителями гильдій. Ландратъ Утернъ, открывъ засѣданіе, сообщилъ, что губернаторъ Паткуль требуетъ для продовольствія гарнизона 400 ластовъ хлѣба и 3000 талеровъ, за что предлагаетъ городу доходъ съ казенныхъ арендныхъ имѣній Дагдена и Моона. Вмѣстѣ съ тѣмъ собранію было изложено бѣдственное положеніе края и указано, что Вирландъ съ Гервеномъ находятся съ 1704 г. во власти непріятеля и были оба вмѣстѣ съ частью Гарріена опустошены, такъ что одинъ Викъ остался еще пощаженнымъ, но что и тотъ уже истощенъ контрибуціями и другими военными повинностями и не можетъ тоже больше ничего давать. Представители дворянства заявили, что большая часть дворянства живетъ въ городѣ и положительно не можетъ исполнить требованія Паткуля; скорѣе это возможно городу, въ распоряженіи котораго находятся вѣроятно назначенные для вывоза хлѣбные запасы. Бургомистръ Михаэль не замедлилъ въ своемъ возраженіи изложить не менѣе бѣдственное положеніе города, торговля котораго уже 15 лѣтъ сряду страдаетъ упадкомъ; онъ указалъ на то, что городъ заплатилъ въ теченіе прошедшаго года 21,000 талеровъ, что жители сами нуждаются въ хлѣбѣ и что требованію губернатора нельзя удовлетворить ни изъ частныхъ, ни изъ публичныхъ средствъ. Сословные представители разошлись, чтобы собраться вновь послѣ совѣщаній въ своихъ кружкахъ. Второе собраніе рѣшило отклонить требованіе Паткуля. Тотъ отвѣчалъ, что онъ немедленно сообщитъ объ этомъ въ Стокгольмъ, но что предварительно, пока получено будетъ пособіе оттуда, онъ вынужденъ будетъ произвести подробный осмотръ всѣхъ имѣющихся въ городѣ хлѣбныхъ запасовъ и въ случаѣ нужды приступить къ экзекутивнымъ мѣрамъ, что и случилось. Паткуль послѣ

долгихъ переговоровъ понизилъ контрибуцію на половину, но и ту пришлось собрать при помощи экзекуціи.

Къ чести города и всей провинціи надо сказать, что не смотря на постоянное почти разногласіе въ воззрѣніяхъ на требованія казны и на средства населенія, а также не смотря на строгія мѣры правительства, чувства вѣрности жителей къ Швеціи и ея королю ни мало не измѣнились. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы городскаго и дворянскаго архива, равно какъ и радость, съ которою принято было извѣстіе о послѣдней побѣдѣ шведскихъ войскъ въ сѣверной войнѣ, т. е. о нападеніи Стенбока на датскій лагерь у Гельзингборга, 11 марта 1710 года. Извѣстіе объ этой побѣдѣ было получено въ Ревелѣ 23 марта и подало поводъ къ торжественному богослуженію. Магистратъ и гражданство процессіею отправились въ церковь и послѣ богослуженія сдѣланы были 32 выстрѣла. Это было въ послѣдній разъ, когда городской порохъ исполнилъ свою должность на ревельскихъ валахъ.

Но чуть прошло это празднество, городу пришлось снова узнать, что ему предстоятъ новыя бѣдствія.

Въ укрѣпленіяхъ города замѣченъ былъ весьма опасный пробѣлъ близъ Систернскихъ воротъ, которыя вслѣдствіе этого нужно было снабдить новымъ бастіономъ или редутомъ. Городская община не понимала этой надобности; она возражала, ссылаясь на генералъ-квартирмейстера Пальмквиста, который ее увѣрилъ, что уже больше никакихъ укрѣпленій не понадобится. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ приступлено было къ постройкѣ бастіона, на которомъ работало ежедневно 200 человѣкъ и употреблено 80,000 бревенъ.

16 іюня послѣдовала новая тревога; двѣ роты дворянскаго полка должны были провести ночь, не раздѣваясь: ночью съ форпостовъ дали знать о движеніи русскихъ, жители были разбужены барабаннымъ боемъ и всѣ 8 бюргерскихъ ротъ должны были становиться подъ ружье. По утру, однако, узнали, что русскіе снова отступили.

Какъ за прежнею, такъ и за этою тревогою слѣдовали тягостныя для города распоряженія и перемѣны. Бюргеры не только должны были выходить на ученья, но и содержать караулы на валахъ. Тягостнѣе же всего была квартирная повинность, потому что всѣ войска, за исключеніемъ Тизенгаузенскаго кавалерійскаго полка, оставшагося въ предмѣстьѣ, вступили въ городъ. Съ накопленіемъ войскъ, начали развиваться въ городѣ болѣзни: понось и лихорадки свирѣпствовали уже между солдатами. Въ 1710 г. появилась въ феллинскомъ, дерптскомъ и каркусскомъ уѣздахъ чума. Для огражденія города отъ чумы предприняты были разныя мѣры; крестьянъ не впускали въ городъ и заставляли ихъ останавливаться «на пескахъ», гдѣ съ ними посредствомъ обкуриванія можжевельни-

комъ производили нѣкотораго рода дезинфекцію, однако все это не помогло. 11 августа произошелъ въ городѣ первый случай чумы, и вскорѣ затѣмъ отъ чумы умерло нѣсколько человѣкъ изъ лучшихъ слоевъ населенія.

Съ паденіемъ Риги и Пернова началось сосредоточеніе русскихъ войскъ около Ревеля. 15 августа появились русскіе отряды на Лааксебергѣ. Тутъ пришлось городу исполнить наконецъ давнишнее требованіе губернатора Паткуля, касающееся срытія домовъ въ окружности города, чтобы не мѣшать орудіямъ на валахъ. Никакой мѣрѣ магистратъ и гражданство не противились столь энергично, какъ этой. Городъ отвѣтилъ Паткулю, что, не считая огромныхъ матеріальныхъ потерь, происходящихъ отъ срытія предмѣстья, наплывъ населенія въ городъ увеличится до того, что санитарное состояніе города сдѣлается самымъ опаснымъ. Гражданство обязалось приступить къ срытію домовъ, но только тогда, когда приблизится опасность. Паткуль довольствовался тѣмъ, что въ началѣ августа было срыто 6 домовъ предъ береговыми воротами. Но теперь послѣ появленія русскихъ Паткуль не терпѣлъ дальнѣйшихъ возраженій. На большомъ военномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовали и представители города и земства, онъ потребовалъ рѣшительно срытія всѣхъ домовъ на протяженіи 150 сажень отъ палисада. Чрезъ посредничество коменданта полковника Ребиндера, поступившаго на мѣсто Бистрома, районъ срытія уменьшенъ былъ на половину. Городъ подчинился необходимости и срылъ 19 августа 49 домовъ. Паткуль не довольствовался этимъ и потребовалъ еще срытія домовъ въ Христинскихъ долинахъ, деревянной церкви св. Карла и окружавшихъ ее домовъ. Когда городъ медлилъ исполненіемъ этого распоряженія, тогда Паткуль послалъ туда 23 августа солдатъ, которые сожгли всѣ означенные дома.

Тутъ появился вопросъ, куда же дѣвать всѣхъ лишившихся крова жителей, состоявшихъ по большей части изъ извозчиковъ, рыбаковъ, плотниковъ и мелкихъ ремесленниковъ. Изъ нихъ 60 чел. размѣстили въ гимназіи въ квартѣ и 70 въ терціи, вообще во всей гимназіи и въ сосѣдней съ нею типографіи размѣстили 180 челов., другихъ помѣстили въ городскомъ домѣ на старомъ рынкѣ, остальныхъ же въ разныхъ городскихъ башняхъ. Населеніе города достигло теперь крайнихъ предѣловъ, тѣснота явилась сильнымъ союзникомъ чумы.

Мы должны теперь обратить вниманіе на дѣйствія русскихъ.

Еще въ декабрѣ 1709 г. нарвскій комендантъ полковникъ Василій Зотовъ получилъ приказаніе вступить съ тремя драгунскими полками въ Эстляндію, чтобы пресѣчь сообщеніе Ревеля съ остальнымъ краемъ. Прежде чѣмъ Зотовъ приблизился къ городу, онъ получилъ въ Везенбергѣ отъ генерала Бауэра приказъ выступить къ

Феллину и остановиться тамъ. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ апрѣлѣ 1710 г. онъ получилъ приказаніе итти чрезъ Оберъ-Паленъ къ Ревелю. Къ нему присоединился недалеко отъ Ревеля, 15 августа, бригадиръ Ивашкій съ 6 пѣхотными полками (петербургскимъ, троицкимъ, владимірскимъ, азовскимъ, ярославскимъ и смоленскимъ) и съ баталіономъ гренадеръ. Петербургскій полкъ пошелъ по перновской, гренадерскій по петербургской дорогѣ. 18 августа присоединился къ нимъ еще и генералъ-маіоръ князь Волконскій во главѣ многочисленнаго коннаго отряда. Вскорѣ за нимъ прибылъ изъ Пернова главнокомандующій всѣми осадными войсками, генералъ-лейтенантъ Феликсъ Бауэръ съ 6 драгунскими полками (кіевскимъ, вятскимъ, невскимъ, троицкимъ, новотроицкимъ и ямбургскимъ) и остановился лагеремъ близъ Гарка (въ 11 верстахъ отъ Ревеля).

Какова именно была численность всѣхъ осадныхъ русскихъ войскъ — неизвѣстно, такъ какъ о численности отдѣльныхъ полковъ нигдѣ не упоминается. О военныхъ дѣйствіяхъ этихъ осадныхъ войскъ сообщаетъ «Марсова книга» (стр. 144), что войска по прибытіи генерала Бауэра сильно напали на Ревель. Въ «Дневникѣ Петра Великаго» (въ изданіи Бакмейстера) описываются опустошенія, какимъ былъ бы подвергнутъ городъ въ случаѣ продолжительнаго обстрѣливанія. Всѣ эти свѣдѣнія противорѣчатъ однако подробнымъ извѣстіямъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ, записанныхъ въ протоколахъ магистрата, судя по которымъ дѣло вообще до обстрѣливанія города не доходило и дойти не могло, потому что непріятельскія войска подвинулись лишь къ Лааксбергу, чтобы тамъ соорудить единственную береговую батарею противъ шведскихъ судовъ; съ упомянутаго мѣста и съ Лааксберга обстрѣливаніе города было невозможно.

Дѣйствія береговой батареи, о которыхъ «Дневникъ» говоритъ, что они воспрепятствовали приближенію непріятельскихъ судовъ, отвергаются въ протоколахъ, утверждающихъ (согласно съ русскими источниками), что еще 8 сентября высадились на берегъ 200 человѣкъ гельзингскаго пѣхотнаго полка и что на слѣдующій день происходило совѣщаніе о томъ, сколькими выстрѣлами слѣдуетъ привѣтствовать ожидаемое прибытіе новаго губернатора Ливена. Въ промежуткѣ времени отъ 9 до 15 сентября привезены были въ городъ изъ Стокгольма запасы хлѣбовъ и аммуниціи. Даже обложеніе города не было полное, такъ какъ съ одной стороны сообщеніе съ Цигельскоппелемъ никогда не было пресѣчено и съ другой стороны есть вѣрныя свидѣтельства, что еще въ половинѣ сентября пригоняли въ городъ изъ Іоганнсгофа скотъ и лошадей.

Наиболѣе чувствительными для города оказывались дѣйствія осаждающихъ въ отношеніи къ снабженію города водою, такъ какъ единственный водопроводъ, по которому вода изъ главнаго бассейна, т. е. изъ такъ называемаго верхняго озера, доставляема была въ

городъ, при самомъ прибытіи Зотова попалъ въ его власть, и притокъ воды въ городъ немедленно былъ прекращенъ, вслѣдствіе чего и мельницы въ городѣ лишились воды. Какъ ни велики были затрудненія, въ которыя городъ былъ поставленъ этимъ обстоятельствомъ, они все таки не достигали тѣхъ размѣровъ, о которыхъ разсказываютъ «Марсова Книга» и «Дневникъ», утверждающія, будто жители города вынуждены были употреблять къ приготовленію пищи дождевую или даже морскую воду. Такой нужды не было, потому что въ городѣ находилось тогда какъ и теперь нѣсколько колодезей, которыхъ было достаточно для удовлетворенія крайней потребности. Водяныя мельницы замѣнены были конными и ручными. Само собою разумѣется, что эти средства не могли бы помочь, и потому гарнизонъ долженъ былъ прежде всего помышлять о томъ, какъ бы вытѣснить русскихъ отъ водопровода, ведущаго отъ верхняго озера къ городу. Въ самомъ дѣлѣ обстоятельство это и подало мысль къ предпріятію вылазки.

О ходѣ плана этой вылазки находятся въ ревельскихъ архивахъ довольно подробныя свѣдѣнія. Еще 24 августа прибылъ въ городъ русскій парламентеръ съ письмомъ къ губернатору Паткулю и на другой день выѣхалъ обратно изъ города. Городскіе и дворянскіе представители жаловались, что имъ не было ничего сообщено о цѣли и содержаніи переговоровъ съ непріятелемъ. Еще болѣе неудовольствія возбудили эти односторонніе переговоры Паткуля у офицеровъ, которые сочли нужнымъ войти съ своей стороны въ совѣщанія съ сословными представителями безъ вѣдома Паткуля. Совѣщанія эти произошли 9 сентября въ ратушѣ, и въ нихъ участвовали кромѣ магистрата и представителей обѣихъ гильдій, подполковникъ Рутенскьельдъ и комендантъ, полковникъ Ребиндеръ.

Полковникъ Ниротъ указалъ на свирѣпствующую въ городѣ чуму, отъ которой помирало ежедневно 50 — 60 солдатъ, такъ что слѣдовало опасаться вскорѣ значительнаго уменьшенія гарнизона и сдачи города непріятелю безъ всякаго сопротивленія. Такъ какъ извѣстно было, что шведскій сенатъ въ Стокгольмѣ обѣщалъ Ревелю помощь, то, по мнѣнію Нирота, необходимо было и городу сдѣлать съ своей стороны все возможное, а именно предпринять вылазку для вытѣсненія непріятеля отъ верхняго озера. Ниротъ, ссылаясь на обстоятельство, что Паткуль получилъ отъ генерала Бауэра уже нѣсколько писемъ, содержанія которыхъ не хочетъ сообщить другимъ офицерамъ, просилъ собраніе обратить на это вниманіе и доложилъ, что онъ и остальные три полковника сообща постановили предпринять вылазку. Такъ какъ Паткуль не соглашался на это предпріятіе, то Ниротъ предложилъ, чтобы нѣкоторые представители магистрата и гражданства отправились къ нему и изложили ему необходимость такой вылазки.

Бургомистръ Михаэль заявилъ, что городъ и гражданство, согласно съ данной имъ королю и Швеціи присягой, готовы сдѣлать все, что возможно для обороны города, но вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ, что дѣлать въ случаѣ дурнаго исхода вылазки? Ниротъ отвѣтилъ, что вылазка ни въ какомъ случаѣ не потребуетъ столько жертвъ, сколько требуетъ чума. Эльтерманъ Штоль увѣрялъ отъ имени гражданъ, что они при вылазкѣ будутъ всячески помогать, а именно исполнять службу на валахъ и у городскихъ воротъ. Бургомистръ Реймерсъ напомнилъ собранію, что вице-губернаторъ Паткуль составляетъ высшее начальство въ городѣ и что безъ его согласія нельзя брать на себя отвѣтственность за вылазку. По предложенію старшинъ Штоля и Лаптинга, постановлено вступить по этому дѣлу въ сношенія съ дворянствомъ. 10 сентября произошло новое собраніе тѣхъ же лицъ. Ниротъ настаивалъ еще рѣшительнѣе, нежели прежде, на принятіе энергическихъ мѣръ, именно на томъ, чтобъ Паткулю не было болѣе дозволено принимать отъ русскихъ писемъ и не сообщать объ ихъ содержаніи. Затѣмъ пригласили въ собраніе старшину черноголовыхъ Штампеля и спросили его, желаютъ ли черноголовые дѣйствовать съ ними сообща. Штампель отвѣтилъ, что черноголовые готовы исполнить свои обязанности къ королю и городу.

Въ тотъ же день происходило и въ замкѣ совѣщаніе, въ которомъ участвовали вышеупомянутые офицеры и нѣсколько дворянъ. Паткуль пригласилъ Нирота заявить ему о своихъ намѣреніяхъ, вслѣдствіе чего тотъ сообщилъ ему подробно свой планъ вылазки; Паткуль счелъ планъ Нирота совершенно безнадежнымъ и заявилъ, что не можетъ съ нимъ согласиться. Ниротъ затѣмъ отъ своего и отъ имени другихъ офицеровъ подалъ протестъ и торжественное заявленіе, что не желаетъ взять на себя отвѣтственность предъ Господомъ Богомъ и королемъ.

12 сентября собрались члены дворянства, магистрата и обѣихъ гильдій съ тѣмъ, чтобы продолжать совѣщанія о вылазкѣ. Магистратъ и гильдіи заявили снова готовность сдѣлать все, что надобно и возможно; но такъ какъ все это чисто военное дѣло, то рѣшеніе предоставили коменданту Ребиндеру. 11 сентября вечеромъ Паткуль приказалъ сообщить черноголовымъ приготовиться на вылазку, изъ чего видно, что онъ въ концѣ все-таки поколебался въ своемъ сопротивленіи противъ вылазки, которая, впрочемъ, какъ извѣстно, не состоялась. Большое вліяніе на такой исходъ дѣлъ имѣло безъ сомнѣнія политическое положеніе дворянства, которое со времени редукціи не относилось къ Швеціи столь лойяльно, какъ городъ, и не видѣло въ приближавшейся перемѣнѣ господства никакого несчастія.

Важное значеніе имѣетъ слѣдующее письмо ландрата барона Рейнгольда Унгерна къ предводителю дворянства Таубе отъ 22 сентября 1710 года.

«Многоуважаемый братъ! Вчера я, по желанію присутствовавшихъ гг. ландратовъ и дворянства, подалъ свой голосъ въ пользу подачи прошенія генералъ-маіору (Паткулю). Бѣдствія наши достигли уже крайнихъ предѣловъ, но намъ предстоитъ еще новое бѣдствіе и нѣтъ надежды на какую либо помощь, кромѣ Господа Бога. Мы обязаны присягою нашему королю и шведской коронѣ, однако, противъ Божьяго всемогущества человѣкъ безсиленъ: Его волѣ мы должны подчиняться и она посредствомъ тяжкаго дѣйствія является на сторонѣ непріятеля противъ насъ. Мы должны въ такомъ затрудненіи помнить и о потомствѣ, и о честномъ своемъ имени, которое мы сохраняли въ теченіе многихъ столѣтій. Намъ не ввѣрена защита города и потому мы должны выслушать прежде всего мнѣніе гражданства и ни въ какомъ случаѣ не подавать раньше нашего прошенія губернатору. Я слышалъ, что сегодня нѣкоторые черноголовые были въ замкѣ и просили дозволенія къ вылазкѣ и поддержки послѣдней посредствомъ пѣхотныхъ войскъ. Гражданство хочетъ такимъ образомъ заявить свою вѣрность, дворянство же не можетъ ничего сдѣлать. Это все притворство, которое можетъ въ будущемъ послужить къ опаснымъ примѣрамъ и притязаніямъ.

Надо намъ быть осторожными, чтобы въ будущія перемѣнчивыя времена не подвергнуться тяжкой отвѣтственности и порицанію. Прошу обратить на это вниманіе какъ господъ ландратовъ, такъ и нѣкоторыхъ дворянъ. Несчастіе мое велико, ибо я лишился своего лучшаго имущества и мнѣ еще угрожаетъ опасность. Богъ знаетъ, что будетъ еще со мною и моимъ домомъ. Мое мнѣніе то, что намъ не слѣдуетъ дѣйствовать опрометчиво, это я и хотѣлъ напомнить другимъ. Остаюсь господина брата слугою. Рейнгольдъ Унгернъ-Штернбергъ».

О дальнѣйшихъ переговорахъ между Паткулемъ и Ребиндеромъ болѣе не имѣется никакихъ свѣдѣній. Обстоятельство, что вылазка не состоялась и что о ней больше не упоминается, объясняется ужасными размѣрами, которые приняла въ это время чума.

Трупы лежали по улицамъ безъ погребенія, такъ какъ ихъ не успѣвали хоронить, не смотря на устраненіе всѣхъ погребальныхъ обрядовъ. Колокольный звонъ былъ пріостановленъ консисторіею еще 10 сентября, и трупы отправляли не въ церкви, а на форштатскія кладбища, расширенныя прикупленными къ нимъ новыми землями. Больницы, которыя, какъ выше сказано, были переполнены нищими, почти совсѣмъ вымерли, такъ что въ нихъ оставалось лишь 5 человѣкъ.

Капитанъ Кеплеръ заявилъ 15 сентября, что онъ не можетъ болѣе исполнять службы на валахъ, потому что у него изъ всей роты оставалось только 15 человѣкъ солдатъ.

Въ городской милиціи 26 сентября состояло лишь 26 человѣкъ здоровыхъ. Наиболѣе многочисленный полкъ Паткуля состоялъ изъ 90, остальные изъ 60 — 70 человѣкъ.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, должна была исчезнуть всякая мысль о вылазкѣ. Общее бѣдствіе достигло крайнихъ предѣловъ. Магистратъ и гражданство обратились 21 числа къ Паткулю съ запросомъ, можно ли ожидать помощи извнѣ, или нѣтъ, такъ какъ бѣдствіе и смертность въ городѣ свирѣпствуютъ на столько, что въ непродолжительномъ времени всѣ должны будутъ погибнуть. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было созваніе большаго собранія въ замкѣ, въ которомъ участвовали ландраты, дворяне, магистратъ, старшины гильдій и разные другіе представители гражданства и которому представлены были универсалъ Петра Великаго отъ 16 и письмо Меньшикова отъ 17 августа, полученные Паткулемъ наканунѣ. По прочтеніи этихъ бумагъ сословные представители заявили, что они просятъ отсрочить рѣшеніе о столь важномъ дѣлѣ до ближайшаго вторника.

Съ тѣхъ поръ развязка дѣлъ быстро подвигается впередъ.

26 числа члены дворянства, а также магистратъ и гильдіи собрались для совѣщанія о сдачѣ города; въ то же время происходилъ у губернатора военный совѣтъ. Всѣ три собранія порѣшили, что сдача города неизбѣжна. Объ этомъ рѣшеніи немедленно увѣдомили генерала Бауэра и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено взять на время переговоровъ двухъ заложниковъ отъ русскихъ и дать, съ своей стороны, двухъ же заложниковъ изъ дворянъ.

27 числа гарнизонъ, дворянство и городъ составили условія сдачи. 28 числа происходили переговоры въ Гаркѣ, въ которыхъ участвовали бургомистръ Реймерсъ, синдикъ Гернетъ и эльтерманъ Лаптингъ. 29 сентября депутація возвратилась съ подписаннымъ съ обѣихъ сторонъ договоромъ о сдачѣ, которая и послѣдовала на другой день.

Уменьшившійся съ 4,000 на 400 человѣкъ шведскій гарнизонъ вышелъ чрезъ большія береговыя ворота съ 6 полевыми пушками, развернутыми знаменами и съ музыкою изъ города; гарнизонъ сѣлъ на прибывшую за нѣсколько дней раньше въ гавань шведскую эскадру. Одновременно вошли въ городъ чрезъ Соборныя ворота русскія войска, числомъ въ 2,000 человѣкъ.

Такимъ образомъ совершилось взятіе Ревеля и историческое событіе завоеванія Прибалтійскаго края. Въ Петербургѣ по этому случаю совершено было благодарственное молебствіе и отчеканена медаль съ невѣрною впрочемъ помѣткою 11 іюля.

Въ Ревелѣ продолжали хоронить умершихъ ибо смертность не прекратилась со снятіемъ осады. По исчисленію Кербера число умершихъ до прекращенія чумы въ началѣ 1711 г. простиралось до 15,000 человѣкъ. Князю Меньшикову поднесенъ былъ магистратомъ подарокъ, стоимостью въ 1,000 червонцевъ. Принялъ ли онъ подарокъ — неизвѣстно.

Городъ Ревель не хотѣлъ однако выйти изъ государственной связи, въ которой находился въ теченіе 150 лѣтъ, безъ заявленія своей вѣрности и преданности къ Швеціи и безъ оправданія сдачи. Магистратъ постановилъ 4 октября 1710 года написать Карлу XII письмо, отправленію котораго однако помѣшалъ генералъ Бауэръ.

Вотъ текстъ этого письма:

«Всемилостивѣйшій король и повелитель!

Хотя вашему королевскому величеству изъ нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеній и докладовъ извѣстны наше бѣдственное положеніе и бѣдствія, постигшія обѣднѣвшій Ревель и его гражданъ вслѣдствіе продолжительной войны, упадка торговли и промысла, многочисленныхъ большихъ расходовъ, контрибуцій и другихъ военныхъ тягостей, голода, неурожаевъ и чумы, а равно извѣстны и истощеніе нашихъ силъ, а также и очевидная угрожавшая намъ опасность, о которой мы докладывали губернатору в. к. вел. и шведскому правительству, тѣмъ не менѣе мы усердно желали остаться, если бы была воля Божія, вѣрными подданными в. к. в. и Швеціи, и для этой цѣли мы охотно и какъ вѣрнымъ подданнымъ подобаетъ готовы были жертвовать в. кор. вел. и Швеціи своею жизнью, кровью и имѣніемъ. Но такъ какъ несчастіе не ходитъ въ одиночку, то горе это постигло и Ревель и его гражданъ, ибо вслѣдствіе нашихъ грѣховъ насъ коснулась строго карающая десница Божія, отъ которой не можетъ уйти никто изъ смертныхъ; коснулась насъ столь тяжко, что весь городъ наполнился умершими отъ свирѣпствующей, заразительной чумы и гарнизонъ, солдаты и служащіе при пушкахъ, падали мертвыми на караулахъ, какъ объ этомъ вѣроятно и генералъ-маіоръ и вице-губернаторъ Дитрихъ Фридр. Паткуль докладывалъ. Такъ какъ мы въ виду такихъ постигшихъ насъ бѣдствій, не видя никакой надежды на помощь и спасеніе или защиту, вынуждены были подчиниться Божьему провидѣнію и нагрянувшей на насъ силѣ, поддаться его царскому величеству на основаніи прилагаемыхъ при семъ условій сдачи города, то мы утѣшаемъ себя надеждой, что ваше кор. величество не прогнѣваетесь на насъ за замедленіе въ высылкѣ этого доклада, происшедшее вслѣдствіе разныхъ препятствій и смерти секретарей. Изъ приведенныхъ выше причинъ, такъ какъ рука Всевышняго была противъ насъ и мы вслѣдствіе недостатка оборонительныхъ средствъ и свирѣпствованія

чумы вынуждены были сдаться, мы надѣемся, что ваше королевское величество не отнесется неблагосклонно къ этой сдачѣ, въ которой мы желаемъ быть оправданы предъ Господомъ Богомъ, вашимъ величествомъ и нашимъ потомствомъ, по напротивъ признаемъ, что мы по мѣрѣ силъ и возможности въ теченіе 150 лѣтъ состоянія Ревеля подъ защитою славной памяти вашихъ предковъ и Швеціи всегда были вѣрными подданными и охотно готовы жертвовать вашему величеству и Швеціи своею кровью и имуществомъ. Намъ остается лишь молить Господа Бога, Царя Царей, чтобъ онъ управлялъ сердцами Своихъ помазанниковъ такъ, чтобы мы, послѣ продолжительныхъ испытанныхъ бѣдствій, наконецъ, могли насладиться желаемымъ миромъ. Остаемся вашего королевскаго величества вѣрноподданными.

Бургомистръ и магистратъ, а также эльтерманъ и община города Ревеля».

Примѣчаніе переводчика. *Содержаніе актовъ, состоявшихся при вступленіи Лифляндіи, Эстляндіи и острова Эзеля въ русское подданство.*

Со взятіемъ Ревеля, кончилось и шведское господство въ бывшихъ ливонскихъ земляхъ. Жители Лифляндіи и Эстляндіи присягнули на русское подданство, хотя эти земли, на основаніи договоровъ съ тогдашнимъ королемъ польскимъ Августомъ II, имѣлось въ виду передать ему, Августу, какъ курфирсту саксонскому. Такая передача предполагалась не только по первоначальному договору 1700 года, но и была подтверждена особою статьею въ договорѣ, заключенномъ 20 октября 1709 года въ Торнѣ, и затѣмъ снова подтверждена въ договорѣ, заключенномъ въ польскомъ городѣ Ярославлѣ 29 мая 1711 года, гдѣ, между прочимъ, было сказано: «понеже со стороны его королевскаго величества польскаго отъ его императорскаго величества требовано, дабы особенный артикулъ въ Торнѣ 1709 года, октября въ 20 день между обѣими ихъ величествами учиненный, что княжество лифляндское со всѣми городами и мѣстами его королевскому величеству польскому, яко курфирсту саксонскому и его наслѣдникамъ, присвоено и уступлено быть имѣло, паки подтвержденъ былъ, того ради его царское величество на то соизволилъ: помянутый особенный артикулъ симъ паки въ такой силѣ, въ какой тогда постановленъ, подтверждаетъ и содержать обѣщаетъ».

О согласіи или несогласіи дворянства и городскихъ сословій Лифляндіи и Эстляндіи ни на отобраніе этихъ областей отъ Швеціи, ни на передачу ихъ королю Августу II — никто и никогда не спрашивалъ, и когда въ 1711 году возникла война съ Турціею, кончившаяся для Россіи чрезвычайно неудачно, то въ вознагражденіе сво-

ихъ убытковъ и потерь, дѣйствительно огромныхъ, царь рѣшился присоединить къ Россіи Лифляндію и Эстляндію безъ всякихъ уже передачъ этихъ земель королю Августу, не оказавшему помощи. Царь осуществилъ свое намѣреніе, добился такого вознагражденія, но только чрезъ десять лѣтъ борьбы, кончившейся, какъ извѣстно, Ништатскимъ миромъ, заключеннымъ 30 августа 1721 г. и прекратившимъ, наконецъ, великую сѣверную войну, продолжавшуюся болѣе двадцати лѣтъ.

Царь, согласно договорамъ, первоначально смотрѣлъ на древнія ливонскія земли, какъ не подлежавшія передачѣ королю Августу. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется весьма многое въ его дѣйствіяхъ по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи. Петръ не щадилъ этихъ земель, выводилъ во внутреннія губерніи плѣнниковъ не только сотнями, но и тысячами, а фельдмаршалъ Шереметевъ, исполняя царскія повелѣнія, прошелъ Ливонію изъ конца въ конецъ, предавая огню и мечу все встрѣчное, какъ то нѣкогда бывало въ походы Іоанна Грознаго.

Полтавская битва, по своимъ послѣдствіямъ, была изъ важнѣйшихъ, какія только происходили во все время сѣверной войны. Эта битва обусловила дальнѣйшую судьбу сѣверныхъ государствъ: Россія заняла первенствующее положеніе въ системѣ ихъ, а съ небольшимъ чрезъ годъ послѣ «викторіи», бывшія нѣкогда орденскія ливонскія земли (за исключеніемъ курляндскаго герцогства) явились уже во власти русскихъ.

Поступленіе Лифляндіи и Эстляндіи въ русское подданство совершилось хотя и силою оружія, но по царскимъ универсаламъ (воззваніямъ), по капитуляціямъ и акорднымъ (договорнымъ) пунктамъ, заключавшимся не съ Ливоніею, не представлявшею никакой цѣльной юридической личности, а съ корпораціями дворянства и горожанъ.

Когда Шереметевъ въ началѣ октября 1709 года прибылъ въ Динабургъ и отсюда двумя колонами двинулся на Ригу, то начальникъ первой колоны генералъ-поручикъ Боуръ, шедшій къ Ригѣ по правому берегу Двины, распространилъ царскій универсалъ къ лифляндскому дворянству. Универсалъ этотъ не дошелъ до насъ, но можно полагать, что онъ былъ одинаковаго содержанія съ универсаломъ, съ коимъ тотъ же генералъ Боуръ обращался впослѣдствіи, въ сентябрѣ 1710 г., къ жителямъ Эстляндіи. Въ этомъ же универсалѣ, напечатанномъ въ полномъ собраніи законовъ, подъ № 2287, между прочимъ, сказано что царь не только намѣренъ оставить безъ всякаго нововведенія во всей эстляндской землѣ и городахъ евангелическую религію и всѣ ихъ древнія привиллегіи, вольности, права и преимущества (которыя, какъ всему міру извѣстно, въ шведское время всегда нарушаемы были) по точному ихъ смыслу и

понятію свято хранить и содержать, но и обѣщаетъ при случаѣ умножить оныя еще обширнѣйшими и важнѣйшими.

Царскій универсалъ къ лифляндскому дворянству не повлекъ за собою никакихъ послѣдствій. Графъ Штрембергъ, рижскій комендантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шведскій генералъ-губернаторъ Лифляндіи, на царскій универсалъ отвѣтилъ своимъ воззваніемъ къ лифляндцамъ, приглашая ихъ оставаться вѣрными Швеціи; въ отвѣтъ на воззваніе Штремберга, фельдмаршалъ Шереметевъ издалъ новое воззваніе (оба эти воззванія хранятся въ архивѣ лифляндскаго дворянства), оставшееся также безъ послѣдствій.

Приходилось рѣшить дѣло оружіемъ и Шереметевъ рѣшилъ его тѣмъ, что обложилъ рижскую крѣпость и къ іюню 1710 года довелъ осаду до того, что съ заложеніемъ батарей на мѣстности близь нынѣшней Александро-Невской церкви, городу и крѣпости оставалось или сдаться на капитуляцію или подвергнуться штурму, къ которому Шереметевъ, конечно, прибѣгнулъ бы какъ къ окончательной развязкѣ всякой осады. Развязка послѣдовала, однакоже, болѣе мирнымъ путемъ.

Шереметевъ, не приступая къ штурму, предложилъ осажденнымъ сдаться, а такъ какъ Россія вела войну со Швеціею, но никакъ не съ ливонскими сословіями или корпораціями, потому и предложеніе о сдачѣ послѣдовало со стороны Шереметева не къ лифляндскому дворянству или рижскимъ бюргерамъ, а къ лицу, защищавшему крѣпость и въ то же время состоявшему высшимъ представителемъ государства, которому принадлежала Ливонія, къ графу Штрембергу. Графъ Штрембергъ согласился на сдачу и предложилъ свои условія. Фельдмаршалъ Шереметевъ, по обсужденіи этихъ условій, принялъ ихъ. Вотъ эти то условія Штремберга, принятыя и подписанныя Шереметевымъ 4 іюля 1710 г., и составили рижскую капитуляцію, названную Шереметевымъ генеральною. Она состояла изъ 65 пунктовъ (см. полн. собр. закон. ном. 2277). Въ нихъ излагались условія сдачи рижской крѣпости и ея цитадели, выхода изъ крѣпости шведскаго гарнизона, сдачи казенныхъ шведскихъ зданій и пр. и пр. Условія эти, конечно, имѣли лишь временное значеніе. Но въ генеральной капитуляціи Штрембергъ, какъ представитель верховной шведской власти, упомянулъ въ 14 пунтахъ и объ охраненіи правъ состоящій ввѣреннаго ему генералъ-губернаторства (нынѣшней Лифляндской губерніи). Эти 14 пунктовъ, также принятые Шереметевымъ, обезпечивали будущность всѣхъ обывателей: дворянъ, духовныхъ, горожанъ и проч., не какъ цѣльнаго самостоятельнаго общества, а какъ подданныхъ шведскаго короля. Въ четырехъ изъ нихъ (33, 36, 39 и 53) подтверждаются лифляндскому дворянству древнія права его, вотчины, суды, свободное отправленіе лютеранской вѣры, сохраненіе нѣмецкихъ обычаевъ и нѣмецкаго языка

въ судахъ и канцеляріяхъ, и обезпечивается владѣніе заставами и арендами. Въ десяти другихъ пунктахъ (45, 46, 48, 50, 52 — 57) обѣщано рижскимъ бюргерамъ свободное отправленіе вѣры, подтвержденіе древнихъ привиллегій, судовъ, магистрата, обезпеченіе торговли, городскихъ доходовъ и т. д.

Въ то самое время, когда состоялась генеральная капитуляція, лифляндское дворянство, многіе члены котораго изъ своихъ деревень укрылись въ Ригѣ, составили свои условія подчиненія русскому господству, а рижскія сословія, т. е. магистратъ и обѣ гильдіи—свои. И дворянство, и рижскіе бюргеры хлопотали исключительно о своихъ интересахъ, прилагая всякое стараніе, чтобы ихъ старинныя права и преимущества остались за ними и при наступавшемъ новомъ порядкѣ вещей. Дворянство не мѣшалось въ дѣла горожанъ, рижскіе горожане тѣмъ болѣе не входили въ дѣло дворянъ. Дворяне составили свои условія, рижскія сословія свои и представили ихъ Шереметеву одновременно съ генеральною капитуляціею Штремберга.

Шереметевъ принялъ условіа какъ отъ лифляндскихъ дворянъ, такъ и отъ рижскихъ бюргеровъ; нѣкоторые изъ пунктовъ утвердилъ своею властію, другіе же, какъ превосходившіе власть главнокомандующаго, представилъ на окончательное утвержденіе царя.

Вотъ эти то условія, получившія царское утвержденіе, и составляютъ такъ называемые акордные (договорные) пункты. Въ нихъ заключаются всѣ главныя общія основанія мѣстныхъ узаконеній, дѣйствующихъ въ Лифляндской губерніи и по нынѣ, потому и важно знать сохраненія чего именно добивалось лифляндское дворянство и чего хотѣли рижскія городскія сословія.

Акордные пункты лифляндскаго дворянства состояли изъ 30 главныхъ статей и 3 придаточныхъ (см. пол. собр. зак. ном. 2279). Въ пунктахъ этихъ испрашивалось:

1) Сохраненіе Аугсбургскаго исповѣданія.

Какъ въ области (Land), такъ и въ городахъ, сохранить евангелическую вѣру по правиламъ аугсбургскаго исповѣданія; консисторіи, церкви и школы въ уѣздахъ и городахъ оставить по прежнему, назначивъ имъ содержаніе изъ коронныхъ доходовъ; пасторовъ опредѣлять по представленію прихожанъ (п. 1 — 3).

2) Права дворянскаго и земскаго состояній.

а) Въ порядкѣ общественныхъ учрежденій.

Возстановить прежній провинціальный штатъ*) и рыцарство оставить при прежнихъ правахъ (п. 5). Во всѣхъ округахъ (дистриктахъ) сохранить нижніе и высшіе суды, опредѣлять въ оные

*) Подъ именемъ провинціальнаго штата разумѣются земскіе дворянскіе чины, какъ-то: ландраты, ландмаршалъ, суды и другія дворянскія земскія учрежденія.

изъ шляхетства той земли и изъ прочихъ искусныхъ тамошнихъ уроженцевъ нѣмецкой націи, съ назначеніемъ имъ жалованья изъ публичныхъ доходовъ (п. 6). Въ судахъ дѣла рѣшать по лифляндскимъ привиллегіямъ, древнимъ обыкновеніямъ, и по извѣстному древнему лифляндскому шляхетскому праву (nach den alten livländischen Ritterrechten), а за недостаткомъ нужныхъ постановленій въ оныхъ (wo diese deficiren möchten) по общимъ нѣмецкимъ правамъ, пока не будетъ полное земское уложеніе собрано и издано (п. 10).

б) Въ порядкѣ службы.

Шляхетству и мѣстнымъ уроженцамъ пользоваться преимущественнымъ правомъ, при опредѣленіи ко всѣмъ гражданскимъ и воинскимъ достоинствамъ (п. 11).

в) Въ порядкѣ суда и уголовныхъ дѣлъ.

По уголовнымъ дѣламъ дворянству (Adel) подлежать только суду коронному (п. 7). Наказаніе преступниковъ противъ правительства и государственныхъ учрежденій не распространять на другихъ, а тѣмъ менѣе на цѣлое общество (п. 8).

г) Въ порядкѣ податей и повинностей.

На дворянскія имущества не налагать податей, кромѣ издревле существующихъ (п. 18). Дворянамъ, владѣльцамъ домовъ въ городахъ, пользоваться дворянскими привиллегіями и свободою отъ всѣхъ личныхъ городскихъ тягостей (п. 26).

д) По имуществу.

«Шляхетскія маетности впредь никому, кромѣ лифляндскихъ шляхтичей, покупать не вольно будетъ, и которыя противно сему проданы, шляхтичамъ же выкупать (п. 19).»

Обезпечивается неотъемлемое владѣніе имуществами, пріобрѣтенными законно отъ частныхъ лицъ и отъ казны, куплею или закладомъ, пока выкуплены не будутъ (п. 12, 14). Аренды государственныхъ маетностей шляхетству предоставляются (п. 17).

Пункты эти были утверждены Петромъ слѣдующими резолюціями отъ 12 октября 1710 года (см. полн. собр. зак. № 2304):

1) На генеральное прошеніе о подтвержденіи рыцарству и земству привиллегій, правъ, обыкновеній, вольностей, владѣнія и справедливости (Gerechtigkeiten, jurisdictio) въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ (а особливо привиллегіи Сигизмунда Августа 1561 года), послѣдовало таковое рѣшеніе: «Его Величество даетъ симъ свое милостивѣйшее подтвержденіе на все то, что отъ генералъ

фельдмаршала графа Шереметева шляхтѣ и земскимъ жителямъ именно позволено, изъявляетъ равную милость и на прочія ихъ поддавнѣйшія прошенія. А именно по предложеннымъ пунктамъ и генеральному прошенію отъ рыцарства и земскихъ жителей, будетъ оное имѣть его царскаго величества всемилостивѣйшее генеральное подтвержденіе на всѣ привиллегіи, права и вольности онаго рыцарства.»

2) При университетѣ въ Лифляндіи (бывшемъ тогда въ Перновѣ) разрѣшено имѣть искусныхъ профессоровъ лютеранскаго закона съ тѣмъ, чтобы при университетѣ опредѣлить профессора славянскаго языка (п. 4).

3) Учрежденіе провинціальныхъ чиновъ утверждено; но рѣшеніе о жалованьѣ и чинахъ ландратовъ отложено (п. 5) *).

4) На составленіе новаго земскаго уложенія соизволено (п. 10).

5) Имущества, обращенныя изъ монастырскихъ въ вѣдомство гражданское, оставлены въономъ; имущества коронныя оставлены при коронѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ охранены законно пріобрѣтенныя частными лицами закладныя и арендныя права къ симъ имѣніямъ (п. 13 и 14).

6) На прошеніе, чтобы на дворянскія имущества тягостей, кромѣ издревле существующихъ, не налагать, послѣдовало рѣшеніе: «что въ мирное время шляхетныя маетности не будутъ отягощены иными налогами, кромѣ тѣхъ, которые при шведскомъ правительствѣ существовали; но что въ военное время вѣрная шляхта не отречется въ свои маетности на квартиры войско принять и необходимое ему пропитаніе дать.» (п. 18).

Акордные пункты, предложенные Шереметеву депутатами города Риги, состояли изъ 22 статей (см. полн. собран. закон. ном. 2278). Въ нихъ городскія сословія испрашивали:

1) Свободное отправленіе аугсбургскаго исповѣданія.

Аугсбургское исповѣданіе сохранить безъ перемѣны во всѣхъ городахъ принадлежащихъ гражданскимъ и духовнымъ округамъ; возстановить бывшія въ польское время консисторіи безъ апелляціи; предоставить магистрату выборъ и опредѣленіе пасторовъ и служащихъ при гимназіи, латинскихъ и нѣмецкихъ училищахъ (п. 1).

2) Общее подтвержденіе привиллегій.

Городу сохранить принадлежащіе ему земли, доходы, преимущества, привиллегіи, судебную расправу, обычаи, вольности, на водѣ и на сухомъ пути, какъ оные издревле отъ магистровъ, епископовъ, королей польскихъ и шведскихъ переходили какъ вообще,

---

*) Оно послѣдовало въ рѣшеніи на меморіалъ 1712 года Марта 1.

такъ и въ частности (п. 2). Городскія привиллегіи подвергать разсмотрѣнію и распространять не иначе, какъ съ участіемъ магистрата въ новомъ постановленіи (п. 17).

3) Права городскаго состоянія въ составѣ общества.

а) Городскія учрежденія.

Магистратъ и судей, какъ въ полицейскихъ, такъ и въ судебныхъ дѣлахъ, съ принадлежащими къ нимъ служителями оставить при ихъ званіяхъ, привиллегіяхъ, правахъ и жалованьѣ изъ доходовъ города (п. 4). Магистратъ и городъ Ригу оставить при прежнихъ достоинствахъ (alten Würden), преимуществахъ, судопроизводствѣ; а особливо при бургграфскомъ правѣ; равно какъ и магистратъ при власти избранія и опредѣленія служителей духовнаго и мірскаго званія (п. 9). Не вводить и не постановлять ни въ городѣ, ниже въ чертѣ его (Gebiet) ни судей, ни правъ, кромѣ до сего времени бывшихъ; также ни въ канцеляріи, ни въ перепискѣ не употреблять другаго языка кромѣ нѣмецкаго (п. 10). Большую и малую гильдію, компаніи, амты (цехи) и заведенія какъ духовныя, такъ и мірскія, въ городѣ и внѣ онаго, сохранить въ настоящемъ положеніи, при ихъ доходахъ, подъ бывшимъ до сего времени городовымъ управленіемъ (п. 5). Не дозволять къ стѣсненію существующихъ амтовъ учрежденіе новыхъ ни въ городѣ, ни въ округѣ онаго (п. 7).

б) Общественныя городскія имущества.

Городу сохранить въ полномъ владѣніи, какъ его древній патримоніальный округъ, такъ и мастности, пожалованныя ему въ послѣдствіи, съ зависящими отъ нихъ землями, доходами, правами и всѣмъ, что къ тому принадлежитъ (п. 3 и 14).

4) Права городскаго состоянія въ особенности каждому лицу принадлежащія.

«Чтобы всѣ городскіе амты, коллегіи, цехи и компаніи, равно какъ и всѣ граждане и жители шляхетные и не шляхетные остались, какъ изстари водилось, при своихъ мастностяхъ, привиллегіяхъ, правахъ, шрагахъ, исправленіяхъ и владѣніи, какъ въ городѣ, такъ и внѣ онаго и въ уѣздахъ» (п. 7).

5) Права въ порядкѣ податей и повинностей.

На просьбу города не обременять его никакими постоями (кромѣ казармъ), контрибуціями и иными налогами, послѣдовала резолюція: «необыкновенными налогами или чрезвычайными контрибуціями никто отягощенъ не будетъ“ (п. 16).

Городъ просилъ о покровительствѣ торговли, о сохраненіи употребленія прежней крупной монеты, о неумноженіи таможенныхъ пошлинъ и налоговъ, о разрѣшеніи свободнаго торга мачтами и лѣсомъ русскимъ, а особливо о томъ, чтобъ оставить ему древнее его стапельное право. Государь все сіе повелѣлъ отложить до спокойнаго времени и дальнѣйшаго розыскания и собранія полныхъ свѣдѣній.

Послѣ покоренія Риги, генералъ-поручику Боуру было поручено взять остальные находившіеся еще во власти шведовъ крѣпости — Перновъ и Ревель. Порученіе это было исполнено имъ въ сравнительно очень короткое время: Перновъ сдался на капитуляцію, заключенную 12 августа 1710 года. Въ Перновской капитуляціи, состоявшей изъ 41 пункта (см. пол. собр. зак. ном. 2280), содержались 17 пунктовъ, относившихся къ правамъ и преимуществамъ жителей. Изъ нихъ въ девяти (18 — 26) говорится объ охраненіи аугсбургскаго исповѣданія, подтверждаются права дворянства и земства и порядокъ судопроизводства, освобождаются дворянскіе домы въ городахъ отъ постоя, подводъ и пр.; восемь пунктовъ (27 — 34) имѣютъ предметомъ подтвержденіе правъ гражданъ.

Ревельская крѣпость сдалась генералу Боуру по капитуляціи, заключенной 29 сентября 1710 г. (см. полн. собран. закон. ном. 2297). Въ капитуляціи этой, состоявшей изъ 31 пункта, имѣются 13 пунктовъ, обезпечивавшихъ права и привиллегіи. Въ девяти (12 — 20) обѣщается свобода аугбургскаго вѣроисповѣданія, сохраненіе учрежденій, имуществъ церквей и пасторовъ. По прочимъ четыремъ, военные и гражданскіе чины, владѣющіе домами въ городѣ, освобождаются отъ постоя, караула, поставки подводъ и проч. (п. 21); сохраняются въ своей силѣ облигаціи, закладныя и т. д. (п. 22); подтверждаются права гражданъ, живущихъ въ Вышгородѣ (п. 24); обѣщается опредѣлить въ губернаторы эстляндскіе лицо, знающее по нѣмецки, и сохранить нѣмецкую канцелярію (п. 26).

Въ Ревелѣ, при сдачѣ его Боуру, произошло то же самое, что и при сдачѣ Риги Шереметеву: эстляндское дворянство и ревельскія городскія сословія предложили на утвержденіе, независимо общей капитуляціи, свои особые акордные пункты.

Въ акордныхъ пунктахъ эстляндскаго дворянства, состоявшихъ изъ 41 статьи (пол. соб. зак. ном. 2299), испрашивалось:

1) Сохраненіе аугсбургскаго исповѣданія.

Сохранить аугсбургское исповѣданіе во всей его чистотѣ; опредѣлять въ училища къ должностямъ только лицъ сего исповѣданія; пасторовъ избирать по прежнему; надъ ними имѣетъ быть

поставленъ епископъ, изъ среды городскаго и земскаго духовенства (п. 1). Соборную кирху въ Вышгородѣ, издревле шляхетству принадлежащую, оставить за нимъ: въ ней иному служенію, кромѣ нѣмецкаго, не быть (п. 33).

2) Общее подтвержденіе правъ и привиллегій.

Утвердить и сохранить отъ слова до слова всѣ привиллегіи, донаціи, статуты, вольности и обычаи, предоставленные всему краю (dem Lande) и въ особенности дворянству королями датскими, гохмейстерами и магистрами безъ всякаго нарушенія (п. 2 и 38). Все, что въ рижской и перновской капитуляціяхъ поставлено, и что здѣшнему рыцарству и дворянству обще съ земскими служителями и обывателями какимъ бы образомъ въ пользу служить можетъ, почитать такъ точно, какъ бы все оное именно здѣсь включено было (п. 40).

3) Права въ составѣ дворянскаго общества.

а) Возстановленіе ландратовъ и ландмаршаловъ.

Двѣнадцати ландратамъ и ландмаршалу возвратить ихъ прежнія почести, достоинства и чины, которые они получили отъ датскихъ королей, гохмейстеровъ и магистровъ (п. 5).

б) Устройство ландтага.

«Сохранить существовавшее въ правленіе датскихъ королей, магистровъ и шведскихъ королей, права рыцарства собираться на ландтаги и сеймы, по предварительному извѣщенію о томъ правительства, для разрѣшенія общественныхъ своихъ дѣлъ, а также и для разсужденія, когда правительство пожелаетъ къ чему-либо побудить земскихъ чиновъ, и воспослѣдовавшее рѣшеніе, въ случаѣ важности обсуждаемаго предмета, передавать на утвержденіе генералъ-губернатора и такъ далѣе до высшаго правительства (п. 8).

4) Земское учрежденіе въ порядкѣ полиціи и суда.

Генералъ-губернатора опредѣлить изъ нѣмцевъ, исповѣдывающихъ вѣру евангелическую (п. 6). Оставить въ прежнемъ положеніи и достоинствѣ земскую полицію и судоустройство, какъ оныя изстари и отъ магистровъ существовали (п. 4). Въ оберъ-ландгерихтѣ предсѣдательствовать генералъ-губернатору, въ отсутствіи его старшему ландрату и производить дѣла на нѣмецкомъ языкѣ (п. 6). На содержаніе суда и ландратовъ возвратить въ ихъ владѣніе помѣстья, въ прежнія времена на сей предметъ назначенныя (п. 7).

На просьбу отмѣнить бурггерихтъ въ Вышгородѣ, чтобы никто изъ дворянъ (kein Edelmann) не былъ оному подвѣдомъ послѣ-

довала резолюція: «остается въ прежнемъ положеніи до разрѣшенія Государя» (п. 22).

Судей за ихъ приговоры не обвинять и не подвергать отвѣтственности (п. 29). Въ верхнихъ и нижнихъ судахъ иныхъ судей, кромѣ существующихъ, не опредѣлять и инаго языка, кромѣ нѣмецкаго, не вводить (п. 31).

5) Права дворянства и земства, въ особенности каждому лицу принадлежащія.

а) Въ порядкѣ уголовнаго суда.

Жителямъ наслаждаться «всеобщимъ земскимъ, городскимъ и домашнимъ миромъ» (Land- Stadt- und Hausfrieden). Виновныхъ судить и наказывать по существующимъ законамъ, безъ предосужденія кому-либо другому, а тѣмъ менѣе цѣлому обществу (п. 30). За измѣну судить по земскимъ правамъ въ судѣ, которому преступникъ подлежитъ, и наказаніе чинить ему одному лично, не трогая ни семейства его, ни имущества, которое слѣдуетъ его ближнему родственнику (п. 13).

б) По имуществу и обязательствамъ.

Помѣщикамъ и настоящимъ владѣльцамъ оставить и возвратить въ полную собственность, какъ они сперва владѣли по привилегіямъ, даннымъ (донаціямъ) и закладнымъ, имѣнія предоставленныя шляхетству королями шведскими, вознаградивъ то, что тогда было утрачено (п. 3). Государственныя маетности отдавать лицамъ изъ мѣстнаго шляхетства на сходную и обыкновенную аренду (п. 19).

в) Права въ порядкѣ податей и повинностей.

Принадлежащія дворянству (Ritter- und Landschaft), также и земскихъ служителямъ (Landesbedienten) домы и мѣста, какъ въ Вышгородѣ, такъ и въ городѣ, внутри и внѣ онаго, не облагать постоемъ, контрибуціями, рабочими днями, подводами и т. п. (11 и 28).

На просьбу, отмѣнить пошлину за гербовую бумагу, послѣдовала резолюція: «отлагается до разрѣшенія его Царскаго Величества» (п. 31).

Акордные пункты города Ревеля, состоявшіе изъ 33 статей (пол. соб. зак. ном. 2298), заключали въ себѣ:

1) Сохраненіе свободы аугсбургскаго исповѣданія.

Богослуженіе евангелической вѣры по аугсбурскому исповѣданію во всѣхъ городскихъ кирхахъ сохранять ненарушимо (п. 2). Изъ городскихъ кирхъ и школъ никакихъ украшеній и другой

собственности не обирать; пасторовъ, профессоровъ и учителей не лишать жалованья и доходовъ и противъ воли ихъ самихъ не удерживать (п. 3 и 5). Дозволить городу пользоваться правомъ епископальнымъ по прежнему обыкновенію (п. 4).

2) Общее подтвержденіе привиллегій.

Подтвердить всѣ данныя городу и его жителямъ отъ королей датскихъ, гохмейстеровъ, магистровъ и королей шведскихъ привиллегіи, акты, вольности, свободы, обыкновенія, королевскія резолюціи вообще и въ особенности, и сохранить ихъ навсегда по словесному разуму безъ всякаго толкованія (п. 1 и 33). Ежели городъ Рига или Перновъ другія какія выгоды для себя выговорили, то и ихъ предоставить Ревелю такъ точно бы какъ объ оныхъ нарочно здѣсь договорено было (п. 31).

3) Права городскаго состоянія въ составѣ городскаго общества.

Сохранить вольное избраніе членовъ магистрата (freie Rathswahl), съ присвоенными имъ чинами и правомъ опредѣлять во всѣ городскія должности; сохранить городскія гильдіи, какъ большую купеческую съ ея привиллегированными шрагами, такъ и шварценгейптеровъ и святаго Канута (т. е. малую) (п. 9).

4) Городскіе доходы и имущества.

Сохранить городу всѣ его имущества, отнятыя возвратить и подтвердить ему всѣ его доходы при портовомъ сборѣ: акцизы безъ рекогниціи, вѣсовыя деньги (die Wage), полупроцентный сборъ со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и т. п. (п. 9). Освободить городскія имущества (Stadtgüter) отъ ленныхъ обязанностей и конной повинности (п. 9).

5) Законы гражданскіе и учрежденія судебныя.

На просьбу сохранить городу общее имперское право и статутъ города Любека, послѣдовала резолюція: «сей пунктъ отлагается до дальнѣйшаго всемилостивѣйшаго рѣшенія Его Царскаго Величества» (п. 6).

На просьбу опредѣлить въ городъ губернатора знающаго нѣмецкій языкъ; всѣ повелѣнія (Befehle) издавать на языкѣ нѣмецкомъ; въ канцеляріяхъ и судахъ никакого кромѣ нѣмецкаго языка не употреблять, послѣдовала резолюція: «генералъ Бауеръ надѣется, что Его Царское Величество сіе позволитъ» (п. 25).

На просьбу учредить въ Эстляндіи особенный трибуналъ, отъ котораго дальнѣйшей апелляціи не допускать, послѣдовала ре-

золюція: «Какъ сей пунктъ съ справедливостію сходенъ: того ради Его Царское Величество оный всемилостивѣйше позволяетъ» (п. 7).

6) Права городскаго состоянія, въ особенности каждому лицу принадлежащія.

а) Въ порядкѣ суда и уголовныхъ дѣлъ.

Виновныхъ въ измѣнѣ судить и наказывать по обыкновеннымъ городскимъ правамъ, не привлекая къ отвѣтственности лицъ преступленію непричастныхъ (п. 8).

б) Въ порядкѣ службы.

Гражданскія должности въ городѣ при таможнѣ, почтовомъ дворѣ и другія раздавать здѣшнимъ гражданамъ и жителямъ (п. 12).

в) Въ порядкѣ налоговъ и повинностей.

Не отягощать городъ воинскими постоями (п. 14).

На просьбу освободить городъ отъ сбора за гербовую бумагу, послѣдовала резолюція: «Его Царскаго Величества милости передается» (п. 25).

г) По имуществу и по обязательствамъ.

Городскимъ жителямъ и гражданамъ, которые имѣютъ маетности по наслѣдству или въ деревняхъ, какой закладъ или же иммиссіи, пользоваться въ оныхъ равнымъ съ дворянами правомъ. Также если кто изъ дворянъ, за своихъ родителей или предковъ, остался должнымъ и долговъ не заплатилъ, потому что у него маетности въ казну отписаны были, то когда должники свои маетности опять получатъ, они обязаны заплатить сіи долги безъ всякаго извиненія въ давности (п. 18). Не воспрещать никому, по заплатѣ слѣдующихъ городу пошлинъ, отправиться вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ на постоянное житье въ другое мѣсто (п. 20 и 21).

д) Въ отношеніи торговли.

Утвердить городу свободу мореплаванія и торговли (п. 22 и 23); устроить почту; не воспрещать никому свободнаго переѣзда по собственнымъ дѣламъ; гражданамъ не препятствовать ѣздить въ другія земли Царскаго Величества, товары привозить и вывозить съ обыкновенною пошлиною (п. 16). Не дозволять никому, кто въ гражданство не записанъ, или въ городское сословіе не вступилъ, продавать въ городѣ товары или рукодѣлія (п. 29).

По принятіи жителями Прибалтійскаго края подданства россійскаго, Петръ Великій пожаловалъ особыя грамоты: 1) лифляндскому дворянству; 2) городу Ригѣ; 3) эстляндскому дворянству; 4) городу Ревелю.

Въ жалованной лифляндскому дворянству грамотѣ 30 сентября 1710 года (2301), служащей основаніемъ всѣхъ состоявшихся въ послѣдствіи жалованныхъ грамотъ изображено: «Черезъ сіе вѣрному нашему рыцарству и земству въ Лифляндіи и ихъ наслѣдникамъ всѣ ихъ напредъ сего благопріобрѣтенныя привиллегіи, съ которыми намъ уже поддались, а особливо привиллегію Сигизмунда Августа, данную въ Вильнѣ 1561 года, статуты, рыцарскія права, вольности, принадлежности (елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются), праведныя владѣнія и собственности, какъ тѣ, которыми они дѣйствительно владѣютъ и пользуются, такъ и тѣ, которыя они отъ своихъ предковъ по своимъ правамъ и принадлежностямъ притязаніе имѣютъ, за насъ и за нашихъ законныхъ наслѣдниковъ, симъ и силою сего милостивѣйше подтверждаемъ и укрѣпляемъ и обѣщаемъ, что они и ихъ наслѣдники какъ прямо и справедливо есть при всемъ томъ совершенно и непрестанно содержаны и охранены будутъ, «однакожъ наше и нашихъ государствъ высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда».

Подобныя ограниченія находятся во всѣхъ почти актахъ прежнихъ государей, подтверждавшихъ права обывателей Прибалтійскаго края. Въ грамотѣ императора Карла V, 30 октября 1527 г., по потвержденіи привиллегій эзельскаго дворянства во всѣхъ пунктахъ, статьяхъ и условіяхъ ихъ, прибавлено: «не въ предосужденіе однакожъ намъ, имперіи нашей, нашимъ властямъ и всякому имѣющему законныя права.»

Въ жалованной эзельскому дворянству грамотѣ датскаго короля Фридриха II-го 14 марта 1562 года сказано: «не въ предосужденіе однакожъ нашему и нашего королевскаго высочества верховному обладанію и другимъ правамъ».

Въ актѣ о присоединеніи Лифляндіи къ великому княжеству литовскому, 26 декабря 1566 г., Сигизмундъ Августъ при подтвержденіи прибавляетъ: «предоставляя однакожъ во всѣхъ пунктахъ, статьяхъ и условіяхъ вышеупомянутаго соединенія права высочества и верховнаго обладанія и всѣ регаліи и преимущества, принадлежащія намъ и великому герцогству нашему.»

Въ жалованной городу Ригѣ грамотѣ польскаго короля Стефана Баторія 16 ноября 1582 г., по подтвержденіи всѣхъ при-

виллегій, сказано: «но съ тѣмъ, чтобы все вышеупомянутое не было противно данной намъ присягѣ на подданство и вѣрность и публичному праву».

Въ жалованныхъ лифляндскому дворянству грамотахъ: королевы Христины 17 августа 1648 г., правительницы Гедвиги Элеоноры 23 ноября 1663 г. и Карла XI 10 мая 1678 г. сказано: «однакожъ наше и нашихъ государствъ высочества и права оставляя безъ предосужденія и вреда».

Въ жалованныхъ эстляндскому дворянству грамотахъ Густава Адольфа 17 сентября 1613 г. и 24 ноября 1617 г. сказано: «поколику они не противны королевскимъ регаліямъ и правамъ».

(См. ист. св. объ осн. мѣстн. законод., стр. 114).

Грамоты, жалованныя Петромъ Великимъ эстляндскому дворянству и городамъ Ригѣ и Ревелю не только въ основаніяхъ, но и въ самихъ выраженіяхъ своихъ сходны съ грамотою, данною лифляндскому дворянству, только не заключаютъ въ себѣ означенныхъ выше сего особыхъ ограниченій.

Послѣ Петра Великаго, наши государи постоянно подтверждали права и привиллегіи дворянскихъ обществъ и городовъ лифляндскихъ и эстляндскихъ въ жалованныхъ грамотахъ, которыя были даваемы ими при вступленіи на престолъ. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ писались, однако, такого рода оговорки, что дальнѣйшее сохраненіе правъ и преимуществъ прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ и городовъ зависитъ отъ усмотрѣнія царствующаго государя, какъ монарха самодержавнаго.

Со введеніемъ въ силу свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ (съ 1 января 1846 г.) съ совершенною точностію опредѣлены какъ учрежденіе властей и мѣстъ губернскаго управленія, такъ и законы о мѣстныхъ состояніяхъ. Этотъ сводъ, устранившій дѣйствіе всѣхъ самоуправныхъ актовъ, заимствуетъ свою силу также отъ единой власти самодержавной, какъ то и выражено въ нижеслѣдующихъ двухъ статьяхъ введенія, гласящихъ такъ:

Ст. 1. Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ. Законы въ Имперіи дѣйствуютъ или единообразно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями.

2. Сіи измѣненія въ общихъ законахъ именуются узаконеніями мѣстными. Заимствуя силу свою такъ же, какъ и законы общіе, отъ единой власти самодержавной, сіи узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены, и объемлютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе общихъ законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу.

Выселеніе жителей Дерпта
въ 1708 году.

(Статья, составленная по запискамъ дерптскаго пастора Іоанна Генриха Гротіана и напечатанная въ „Dörptsche Zeitung“ 1873 года въ ном. 162 — 163).

12 февраля 1708 года, послѣ произнесенной проповѣди (это была послѣдняя проповѣдь, говоренная мною въ Дерптѣ) мнѣ было сообщено магистратскимъ служителемъ неожиданное извѣщеніе: Такъ какъ весь магистратъ и всѣ бюргеры должны были выѣхать отсюда въ Россію въ Вологду, и именно въ продолженіи трехъ дней, то и я долженъ былъ приготовиться къ такому же отъѣзду. Этотъ слишкомъ короткій срокъ былъ наконецъ продолженъ на 6 дней. Я не въ состояніи разсказать, какъ хитро и скрытно вели русскіе свои дѣла съ нами, какъ они хотѣли воспользоваться нашимъ бѣднымъ имуществомъ, котораго они такъ добивались, особенно оберъ-комендантъ.

Они говорили тѣмъ, которые были высылаемы изъ Дерпта 19 мая 1707 года, что они отправляются въ Россію по извѣстнымъ причинамъ, но не надолго и скоро возвратятся домой: поэтому они должны отправится въ путь налегкѣ, самое же тяжелое, т. е. самое лучшее, оставить. Многіе позволили себя уговорить, но то, что они оставили, они видѣли въ послѣдній разъ.

Намъ же, которые оставлялись въ Дерптѣ до другаго времени, нми положеннаго, они (русскіе) клялись свято, что на переселенцахъ не тронутъ и волоска. Его Царское Величество сдержитъ свое данное обѣщаніе. Что же касается выселенныхъ изъ Дерпта дворянъ и людей солдатскаго званія, вмѣстѣ съ немногими купцами и ремесленниками, то на это имѣлась своя важная причина, которую мы частью сами знали. Его Царское Величество имѣетъ особенную

склонность къ мануфактурамъ и проч. Между тѣмъ съ нѣкоторыми членами магистрата случилось большое несчастье, чѣмъ всѣ бюргеры были поставлены въ большую горесть.

Любезное бюргерство было угощаемо въ ратушѣ сообразно тому времени и обстоятельствамъ Его Царскимъ Величествомъ, многими магнатами Его Величества и послами Даніи и Саксоніи, когда въ 1704 г. послѣ покоренія Нарвы Его Царское Величество снова пріѣхалъ въ Дерптъ Его Царское Величество былъ очень доволенъ и обѣщалъ бюргерству вольностей въ десять разъ больше противъ прежняго, которыми они пользовались во времена шведовъ.

Городъ Дерптъ имѣлъ еще отъ прежнихъ военныхъ временъ, отъ предковъ Его Царскаго Величества великолѣпную привиллегію, сохранить которую стоило очень многаго, и теперь можно бы было эту самую привиллегію поднести и предложить Его Царскому Величеству съ вѣрноподданнѣйшей просьбой о подтвержденіи ея, такъ какъ къ тому представлялся самъ собою желанный случай. Но объ томъ не подумалъ ни одинъ ни бургомистръ, ни магистратъ, что было съ ихъ стороны весьма пагубной ошибкой. Хотя хитрый литератъ, бургомистръ Іоаннъ Реммииъ, и хотѣлъ исправить эту ошибку и когда онъ, нѣсколько дней спустя, въ присутствіи магистрата и старшинъ обѣихъ гильдій желалъ счастливаго пути генералъ-фельдмаршалу Шереметеву, то онъ, Реммииъ, въ тайнѣ отъ другихъ, имѣлъ упомянутую привиллегію за пазухой, представилъ ее и просилъ ходатайства о ней у фельдмаршала. Бургомистръ этотъ полагалъ, что похлопоталъ умно и съ пользой для бюргерства, но жестоко ошибался. Но возвращаюсь къ вышеупомянутой царской милости и удобному случаю. Его Царское Величество въ хорошемъ расположеніи духа, началъ самъ разсказывать по голландски, что графъ Дальбергъ, генералъ-губернаторъ рижскій, былъ причиною настоящей войны. Въ то время, какъ Его Царское Величество хотѣлъ продолжать на эту тему, членъ магистрата Шлитеръ перебилъ государя и произнесъ злосчастныя слова: «О, Ваше Величество, это былъ старикъ!» На это Его Царское Величество сильно разгнѣвался и выразился впослѣдствіи будто бы такъ: «Малаго недоставало, чтобы онъ этому безвременному оратору.... Онъ, царь, видитъ, что въ дерптцахъ еще сидитъ шведское сердце, но только онъ его изъ нихъ выгонитъ». Конечно, намъ это дорого обошлось, и стоило всѣмъ земной свободы и благосостоянія.

Кромѣ упомянутой потери и милости Его Царскаго Величества и привиллегій, совмѣстно съ tacito apellatione акорднаго пункта, оберъ-комендантомъ назначенъ былъ къ намъ Кирила Нарышкинъ, который усердно гонялъ насъ (uns rechtschaffen zu Thor und Paaren trieb) и старался сокрушить наши сердца.

Ближайшія причины нашего отправленія въ Россію были такія: Іоаннъ Ольдекопъ, пасторъ въ Эксѣ, человѣкъ безпокойный и мстительный, безъ всякой нужды вмѣшался въ споры воюющихъ государей. Одинъ шведскій маіоръ, предводительствуя нѣсколькими ротами драгунъ, велъ партизанскую войну, употребляя шпіонами нѣкоторыхъ крестьянъ. Этотъ маіоръ должно быть узналъ о проказахъ Ольдекопа, велѣлъ привести его въ Ревель подъ конвоемъ и держалъ его тамъ, однако praestito juramento пасторъ возвратился къ своему приходу. Нѣсколько времени спустя, Ольдекопъ снова подъ конвоемъ былъ привезенъ въ Ревель, а потомъ въ Ригу, гдѣ противъ него было объявлено тяжелое обвиненіе отъ королевскаго гофгерихта. Но Ольдекопъ защищалъ себя и свое дѣло безъ адвоката такъ хорошо, что снова получилъ свободу и отпущенъ домой. Во время послѣдняго процесса госпожа Ольдекопъ была въ твердомъ убѣжденіи, что причиною несчастія ея мужа были нѣкоторые люди изъ Дерпта со своими запрещенными и тайными перепискамя. Поэтому она обвинила одного крестьянина изъ Зотаги, что онъ служитъ шведамъ шпіономъ. Этотъ человѣкъ передъ и послѣ пытки (ante et post torturam) показалъ на члена магистрата Клауса Кроппа 15 августа, въ день Успенія, что онъ, Кроппъ, годъ тому назадъ, говорилъ на форштатѣ, что шведы завтра придутъ и т. д. Шведы дѣйствительно пришли, захватили и угнали пасшихся на лугу лошадей русскихъ рейтаровъ. Такъ какъ Кроппъ объ этомъ умолчалъ и шпіона не выдалъ, то это послужило причиной его смерти. Далѣе Кроппъ, будучи пытанъ, указалъ на члена магистрата Карстенъ Мюллера, что онъ получалъ изъ Ревеля письма отъ своей жены. Но всемогущій Богъ защитилъ послѣдняго въ его невинности, такъ это показаніе ему неповредило. Однако ему много стоило, чтобы сохранить свое званіе. Шпіонъ кромѣ себя самаго вовлекъ въ несчастіе еще и другихъ крестьянъ изъ Зотаги и одинъ изъ нихъ показалъ на члена магистрата Авраама Морезина, что онъ ему тайнымъ образомъ на форштатѣ далъ письмо отъ Зотагскаго амтмана Зоннебаха. Морезинъ былъ арестованъ 4 декабря 1707 г. Онъ, правда, предъявилъ письмо, и заявилъ, что за отсутствіемъ оберъ-коменданта давалъ для прочтенія это письмо коменданту Балку, но такъ какъ Зоннебахъ перешелъ на сторону шведовъ, то возникло подозрѣніе, что подобныя переписки случались неоднократно и опаснаго свойства, хотя въ представленномъ письмѣ не заключалось ничего подобнаго. Морезину ставили въ вину: 1) то, что письмо было вскрыто, Морезинымъ, и прочитано ранѣе нежели комендантомъ Балкомъ; 2) то, что означенное письмо не было передано плацъ-маіору какъ лицу justitiariae и 3) то, что онъ не назвалъ подателя письма и не представилъ его въ судъ. Вотъ причины смерти этихъ лицъ, насколько тогда объ этомъ можно было узнать, и нашей жалкой

ссылки. И я, испытавшій счастіе и несчастіе въ своей должности проповѣдника при моей христіанской, нѣмецкой общинѣ, св. Іоанна крестителя съ 1699 г. до сихъ поръ, какъ въ Дерптѣ, такъ и въ Вологдѣ въ Россіи до 1713 г. 9 сент., когда это писалъ, то писалъ не для того, чтобы этимъ кого либо обидѣть, а въ свидѣтельство истины, и чтобы потомки знали, что намъ пришлось пережить, и учились бы по нашему примѣру своевременно обращаться къ Богу отъ своихъ грѣховъ, подвизаться въ истинномъ благочестіи, и убѣдились бы какъ должно молитвой, христіанской простотой и мудростью осторожно примѣняться во времени. Прибавляю къ вышесказанному еще эти немногія слова:

Когда намъ, какъ выше сказано, 12 февраля 1708 г. была объявлена ссылка въ Россію, то мы отправились — я и Михаилъ Виттенбергъ, эстонскій пасторъ, 13 февраля къ первенствующему бургомистру Іоанну Реммину и просили, чтобы, такъ какъ мы и всѣ бюргеры должны ѣхать, а пасторъ В. всѣмъ извѣстенъ своимъ жалкимъ и несостоятельнымъ положеніемъ, я же получилъ съ 1704 г. до сихъ поръ только за одну четверть, именно сорокъ талеровъ, все остальное осталось мнѣ не уплоченнымъ (и теперь я за 1713 годъ ничего еще не получилъ), то чтобы г. бургомистръ и магистратъ, какъ покровители церкви св. Іоанна, сдѣлали милостивое распоряженіе, чтобы намъ серебряная церковная утварь была защитана loco salarii и выдана намъ. Бургомистръ отвѣчалъ намъ: такъ какъ господа проповѣдники къ этому стоятъ ближе, нежели кто либо, то онъ ихъ просьбу представитъ на разсмотрѣніе достопочтенному магистрату. Въ суботу, 14 февраля, онъ приказалъ просить къ себѣ членовъ магистрата, однако не нашолъ ничего сообщить имъ кромѣ того, что онъ съ ними вмѣстѣ in processione намѣренъ отправиться къ коменданту Балку и передать ему печать города (это былъ кусокъ стали), чему Балкъ язвительно разсмѣялся, а остальныхъ угостилъ нѣсколькими кубками водки. Между тѣмъ коварный Реммипъ приказалъ настоятелямъ церквей чрезъ своего служителя Іоанна, чтобы они собственноручно принесли къ коменданту на домъ церковную утварь по инвентарю (что и исполнено), составленному въ особенномъ спискѣ церковными администраторами Петромъ Зидербергомъ и Иваномъ Гиллемъ, и приложеннымъ къ rei acta memoriam. Не смотря на то, бургомистръ Реммипъ 16 февраля ходилъ къ исповѣди и святому причащенію, нося клеймо позора на своей совѣсти, что однако мнѣ въ то время еще не было извѣстно.

Когда намъ пришлось уѣзжать, пришли со мною проститься полковникъ и комендантъ Балкъ, сталъ плакать и соболѣзновать о нашемъ несчастіи и предупреждалъ меня, какъ своего друга, чтобы я прежде всего взялъ съ собою провіанту, овса и сѣна, потому что мы этихъ продуктовъ получимъ мало. Это онъ дѣлалъ во мно-

гихъ мѣстахъ и другихъ заставлялъ говорить то же самое. Кто былъ мало мальски позажиточнѣе, тотъ ни въ какомъ случаѣ не получалъ даровой подводы, а только самые бѣдные; но такъ какъ остальные никакъ не могли тронуться съ мѣста безъ лошадей, то въ крайней нуждѣ было выставлено еще нѣсколько клячъ на продажу. Все это дѣлалось для того, чтобы принудить насъ оставить имъ на расхищеніе большую часть нашего скуднаго имущества; въ сущности же за деньги провіанту вездѣ можно было получить вдоволь. Чтобы убѣдиться, что имъ будетъ чѣмъ утолить свою алчность, они приказывали дѣлать обыскъ у самыхъ достаточныхъ изъ насъ, записывали и осматривали то, что мы оставляемъ, и вездѣ должно было быть разглашено, что наши сундуки станутъ обыскивать за воротами. Такимъ образомъ, никому не было позволено возвратиться въ его домъ, когда онъ уже выѣхалъ изъ него въ саняхъ, потому что часовые стояли у дверей и отгоняли прочь, говоря: теперь это царское. И въ доказательство того, какъ бургомистръ Іоганъ Реммипъ былъ расположенъ къ гражданамъ и еще желаетъ имъ добра, онъ почти въ каждомъ домѣ объявилъ чрезъ своего вѣрнаго слугу Іогана, сына Петра, чтобы подъ страхомъ смерти, никто не смѣлъ брать изъ Дерпта съ собою ни клочка исписанной, или чистой бумаги, а чтобы всѣ бумаги выдать и отослать въ домъ комендапта. Затѣмъ нагрузили нѣсколько саней древнѣйшими бумагами, письмами и т. д., но комендантъ отослалъ ихъ обратно и велѣлъ сказать, что онъ требовалъ только ненужныя бумаги для патроновъ. Тутъ только поняли каково было намѣреніе честнаго бургомистра, между тѣмъ чрезъ этотъ послѣдній его подвигъ, вѣнчавшій все, сожжено множество важныхъ документовъ, записей, обязательствъ и проч., добыть которые снова невозможно.

Наконецъ, 18 февраля 1708 г. тронулись мы въ Вологду, въ Россію, потому что тамъ назначенъ былъ сборный пунктъ намъ и гражданамъ Нарвы, гдѣ насъ приказано раздѣлить на три группы: въ Казань, Устюгъ и Вологду. Наша партія состояла изъ 837 чел. Во Псковѣ намъ доставили подводъ вдоволь, но ими снабжали прежде другихъ тѣхъ, кто болѣе всего могъ подчивать распоряжавшихся нами офицеровъ; отставать они однако не смѣли позволять никому; какъ и когда этимъ господамъ было угодно, днемъ или ночью, должны мы были странствовать далѣе, дѣлать привалъ или останавливаться. Изрѣдка они приэтомъ приказывали бить въ барабаны, и тогда уже не было пощады ни беременнымъ, ни находящимся въ родахъ, больнымъ или здоровымъ, молодымъ или старымъ, все должно было двигаться, какъ будто за нами гнался непріятель. Такъ прибыли мы въ Вологду 24 марта, и насъ размѣстили у русскихъ мѣщанъ, на подобіе солдатъ.

Въ августѣ и подъ осень прибылъ къ намъ нашъ стольникъ и раздѣлилъ насъ на партіи. Кто не хотѣлъ оставлять Вологду, долженъ былъ поплатиться.

Въ Вологдѣ остались бургомистръ Боль, члены магистрата Таборъ, Газефельдеръ и Мюллеръ, пасторъ Гротіанъ, секретарь Ф. Кельнеръ, эльтерманъ Зингельманъ, докманъ Гренъ, всего около 50 человѣкъ. Въ Казань отправились между прочимъ бургомистръ Ремминъ, фискалъ Визенъ, купцы Штральборнъ и Краббе; всего 67 чел. Въ Устюгъ 18 человѣкъ, между которыми находились вицбургомистръ Іоганъ Петерсонъ и пасторъ Виттенбергъ. Въ Москву отправилось 120 и въ Варины 26 человѣкъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ счетъ не шли тѣ, кто не принадлежалъ къ магистрату, или къ гильдіямъ, или кто не былъ пасторомъ, кистеромъ или музыкантомъ.

Изъ этой толпы народа мало кто плакалъ при выѣздѣ изъ Дерпта. Причины тому слѣдуетъ искать: 1) въ общемъ несчастіи, коснувшемся всѣхъ; 2) еще и въ томъ, что съ 1704 года до того времени мы пережили, узнали, видѣли и слышали много сценъ, несчастныхъ случаевъ и потрясающихъ душу горестей; въ особенности большой опасности подвергались съ 15-го августа 1707 года всѣ и каждый изъ бюргерства, не исключая никого. Русскіе подозрительно смотрѣли на всѣ наши дѣла и поступки, считая ихъ за измѣну; къ тому же бремзинскіе драгуны побили всадниковъ, такъ что водоосвященіе въ день Крещенія Господня русскіе не совершали съ обычнымъ торжествомъ, а исполнили обрядъ въ церкви. Съ тѣхъ поръ ни одинъ бюргеръ не смѣлъ выходить за ворота, хотя, бы то и съ часовымъ, какъ это дѣлалось прежде, для покупки необходимаго продовольствія отъ крестьянъ за воротами и палисадомъ, русскіе же покупали. И хотя это барышничество было для насъ убыточно и тяжело, но оберкомендапту на то никто не жаловался; когда же онъ убѣдился въ нашемъ стойкомъ терпѣніи, то велѣлъ сказать магистрату, чтобы выбрать изъ каждой гильдіи по два члена, которымъ дозволить закупать для ихъ собратій жизненные припасы за воротами. Въ замѣнъ того всѣ тѣломъ и душой, имуществомъ и кровью дѣлались отвѣтственными, если одинъ изъ избранныхъ провинится. Намъ же достаточно было извѣстно, какъ легко придраться къ кому либо, по обычаю русскихъ, кого хотятъ поймать. Не смотря на то магистратъ скоро согласился и назначилъ избранныхъ людей. Но бюргеры не дозволяли этого, такъ какъ рисковали своею жизнью; такимъ образомъ хитрость эта не удалась. Потому что по истинѣ это была ловушка, дабы подъ предлогомъ мнимой справедливости повергнуть насъ въ погибель, лишивъ всего. О наша скудость, наша скудость, которую они у насъ и на насъ видѣли въ церквахъ, на

свадьбахъ, на похоронахъ и т. д., и въ которой мы показывались и въ нашемъ бѣдствіи, и которою мы грѣшные, такъ щеголяли и такъ хвастались, она была имъ сучкомъ въ глазу, и на нее то текли у нихъ слюнки! Они говорили, вы еще можете ходить въ золотѣ и серебрѣ, то есть въ позументахъ на башмакахъ, что было въ модѣ даже у дочерей ремесленниковъ, потому что въ Дерптѣ не было порядка, всякій носилъ что хотѣлъ и за что могъ заплатить. Подмастерья, ремесленники наряжались въ позументы какъ оберофицеры, носили въ рукахъ испанскія трости и парики на головахъ, и въ этомъ маленькомъ городкѣ двое мужчинъ и нѣсколько женщинъ занимались приготовленіемъ париковъ. . . . Когда шла проповѣдь въ нѣмецкой церкви или въ церкви св. Іоанна, то улицы, прилегавшія къ церкви, наполняли лошади, кареты и коляски. Когда въ 1708 году 7-го февраля происходило послѣднее торжественное погребеніе, и послѣ проповѣди тѣло по христіанскому обряду было опущено въ могилу передъ ризницею, то случилось наконецъ то, что оберкомендантъ Нарышкинъ, приглашенный и присутствовавшій при печальной церемоніи, вышелъ изъ своего кресла и пошелъ къ могилѣ съ комендантомъ, полковникомъ Балкомъ, и осматривалъ всѣ гробы, находившіеся въ выложенной кирпичемъ могилѣ, и подробно спрашивалъ, кто такіе похоронены въ находящихся тамъ гробахъ. Между прочими гробами одинъ былъ очень роскошенъ и съ золотыми коймами, объ этомъ онъ нѣсколько разъ спрашивалъ у носильщиковъ, кто въ немъ похороненъ. Ему разсказали, что это гробъ жены аптекаря Газенфельдера, умершей въ первыхъ родахъ, которую похоронили болѣе чѣмъ съ дворянскою пышностью (phantasia); что же случилось? Вскорѣ послѣ того, какъ насъ выслали изъ Дерпта, онъ велѣлъ раскрыть всѣ могилы и гробы и осмотрѣть трупы, нѣтъ ли при нихъ золота и серебра. Вотъ на что способна страстная алчность и пустое высокомѣріе, но все таки у Господа еще оставались Его приверженцы, дорожившіе его словомъ и ожидавшіе съ живой надеждой на божеское избавленіе. . . .

Prognostica divina нашего несчастія, кромѣ прочихъ другихъ, слѣдующія: 1) Въ 1694 году въ Ревелѣ, Дерптѣ и другихъ мѣстахъ слышался въ воздухѣ громкій крикъ: горе, горе, горе! Весною 1701 года видѣли много солнцъ, соединенныхъ на подобіе)(— и этотъ знакъ отчеканенъ на шведскихъ серебряныхъ монетахъ. Подобныя phaenomena, какъ большее число солнцъ, нежели одно, огненныя пирамиды танцовавшія по очереди, и одерживавшія верхъ одна надъ другой, также были видимы.

(Тутъ пасторъ Гротіанъ подробно разсказываетъ о различныхъ явленіяхъ, видѣнныхъ въ Дерптѣ, напримѣръ о небесномъ

шарѣ, въ видѣ головы, который лопнулъ какъ ракета, о неземномъ громѣ трубъ и литавръ и т. д. Знаменія и чудеса не кончаются также и въ Вологдѣ; поперегъ луны проходитъ черное бревно, оно исчезаетъ, затѣмъ проходятъ два бревна, такъ что луна совершенно помрачается. Наконецъ изъ мѣсяца вокругъ него распространяются лучи, которые соединяются между собою и висятъ въ видѣ цѣпей).

20 февраля 1708 г. были освобождены 447 человѣкъ не нѣмецкаго происхожденія, работники, слуги и служанки, съ тѣмъ чтобы шли изъ Дерпта со своими пожитками на всѣ четыре стороны. Всадники (рейтары) подстерегли ихъ за городомъ и обобрали ихъ. 28 февраля изгоняются ткачи не нѣмецкаго происхожденія, всего 20 человѣкъ. 9 марта русскіе перетащили органъ церкви св. Іоанна въ Нарву, дабы оттуда препроводить его въ Петербургъ.

Когда мы 10 февраля находились уже всѣ за городомъ и еще оставались на лугу, стали стрѣлять по три раза изъ всѣхъ орудій, какія только стояли на всѣхъ бастіонахъ вокругъ города, и это въ знакъ великой радости о нашихъ страданіяхъ, и полученной пограбленной добычи, о нашемъ оставленномъ скудномъ имуществѣ. Мы же съ закатомъ солнца отправились въ далекій путь на Вендау, и такъ далѣе ночью. На другое утро прибыли мы на Аю. У всякаго изъ насъ при каждыхъ саняхъ находился вооруженный мушкатеръ и всадники (рейтары) ѣхали въ авангардѣ, въ аріергардѣ и по обѣимъ сторонамъ, дабы никто не могъ бѣжать. И такимъ образомъ гнали насъ день и ночь, пока не прибыли мы въ воскресенье въ Псковъ. Въ этотъ городъ русскіе перетащили награбленное въ Дерптѣ, между прочимъ и мою библіотеку, упакованную въ 8 большихъ товарныхъ бочкахъ; я не разстался бы съ нею и за 1000 рублей, но Богъ явился судьею на земли. Потому что въ 1710 году въ Псковѣ появилась чума, и когда городъ почти весь вымеръ и опустѣлъ, сдѣлался пожаръ, сжегшій и испепелившій этотъ городъ вмѣстѣ съ награбленнымъ добромъ, огромнымъ количествомъ пороха и пр. Послѣ нашего отъѣзда изъ Дерпта 15 марта изволилъ туда прибыть Его Царское Величество, и рано утромъ 16 марта выѣхалъ въ Псковъ, откуда послалъ вслѣдъ насъ указъ, на счетъ нашего раздѣленія на партіи и квартировки; 15 мая русскіе начали въ Дерптѣ расправу, и всѣмъ несчастнымъ преступникамъ прочитали кровавый приговоръ. 19 мая вечеромъ въ половинѣ девятаго былъ повѣшенъ Клаусъ Кроппъ (на полѣ Климента Яана, по нарвской дорогѣ за Дерптомъ), а вслѣдъ за нимъ Авраамъ Морезинъ на новой висѣлицѣ. Въ тотъ же день и на слѣдующій на казенной висѣлицѣ были повѣшены два крестьянина и еще три человѣка.

24 мая были выпущены изъ подъ неповиннаго ареста Іоаннъ Реммертъ и Христофоръ Морезинъ, которые прибыли въ Вологду 2 іюня.. Изъ записокъ этого Морезина описали мы здѣсь

то, что случилось до тѣхъ поръ послѣ нашего отъѣзда изъ Дерпта. Утромъ 12 іюля 1708 г., нашъ любезный Дерптъ русскіе сожгли и безжалостно опустошили. (Въ этомъ мѣстѣ Гротіанъ снова упоминаетъ о знаменіяхъ, которыя толковали какъ дурныя предзнаменованія).

Въ 1700 году у Дерпта начали строитъ военные корабли, которые и на Пейпусѣ также находились, но мало повредили Россіи. Въ 1703 году одинъ изъ нихъ сѣлъ на песокъ; имъ командовалъ шведъ, по имени Лекеръ, и такъ какъ русскіе напали на него съ многочисленныхъ рыбачьихъ лодокъ и взобрались на него, другіе же корабли не могли скоро подать ему помощи, то онъ взорвалъ себя на воздухъ со всѣми, находившимися на кораблѣ.

2 мая 1704 года отплылъ наконецъ нашъ флотъ отъ Дерпта. Русскіе стояли на Порказарѣ въ числѣ 14,000 хорошихъ солдатъ и стерегли непріятеля. У нихъ были свои шпіоны между нашими крестьянами, выслѣдившіе и передавшіе русскимъ объ отъѣздѣ нашего флота; русскіе во время перешли на другую сторону и расположились у помѣстья Кастеръ, гдѣ рѣка Эмма съуживается, по обоимъ ея берегамъ. Шведскіе командиры веселились при звукахъ литавръ, напивались до безумія и такъ продолжали всю ночь на пролетъ до другаго утра и подъѣхали между тѣмъ близко къ Кастеру. Солдатамъ, назначенымъ на этотъ флотъ, не было выдано ни патроновъ, ни даже кремней въ ихъ мушкетамъ, все это намѣревались имъ выдать въ устьѣ Пейпуса, даже самъ командовавшій ими оберофицеръ капитанъ Іоганъ фонъ Левенштернъ остался въ Дерптѣ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать за прочими только 2 мая. Въ такой безпечности подъѣхали они къ непріятелю. И хотя нѣкоторые изъ нашихъ граждапъ, ѣздившіе на Пейпусъ покупать рыбу и видѣвшіе переправу русскихъ, заблаговременно дали шведамъ объ этомъ знать, но эти буйныя головы всѣмъ пренебрегали; они даже не послали никого на рекогносцировку и не взяли съ собою драгунъ для конвоя до Пейпуса. Потому то и плыли одинъ корабль за другимъ прямо въ руки къ непріятелю. Только немногіе изъ экипажа спаслись, и принесли намъ въ 12 часовъ печальную вѣсть. Погибло 14 кораблей съ 198 орудіями. Непріятель же не имѣлъ намѣренія нападать на Дерптъ, а на Нарву. Но такъ какъ ему чрезъ это открытъ былъ проходъ, то онъ блокировалъ Нарву и осадилъ Дерптъ 4 іюля, въ первый день Троицы. У насъ, во первыхъ, недоставало орудій, во вторыхъ укрѣпленій, въ третьихъ хорошихъ солдатъ, такъ какъ у насъ былъ только скитскій полкъ, также финскій полкъ подъ командой полковника Тизенгаузена, изъ котораго въ живыхъ остался только одинъ батальонъ подъ командой подполковника Таубе, Врангеля и Гастфера, состоявшихъ изъ земской милиціи необученныхъ крестьянъ.

Четвертый недостатокъ причинилъ магистратъ, не имѣвшій денегъ для раздачи ремесленникамъ подмастерьямъ и другимъ бѣглецамъ, хотѣвшимъ охотно нести службу. Въ пятую ошибку впалъ маіоръ артиллеріи, запретившій стрѣлять, потому что его жена родила. Шестую бѣду надѣлалъ инженерный капитанъ, сложивъ свой дровяной складъ у палисадовъ. При штурмѣ непріятель зажегъ эти дрова, отчего загорѣлись и палисады и непріятелю открылась широкая брешь. Непріятель подвинулся послѣ хорошаго и долгаго отпора съ нашей стороны до русскихъ воротъ, уже разрушенныхъ выстрѣлами, но нѣсколько разъ былъ прогоняемъ обратно. Наконецъ на зарѣ и когда ворота была разсрѣляны какъ рѣшето, комендантъ по договору 13 іюля сдалъ городъ непріятелю. Договоръ былъ правда принятъ и утвержденъ, но очень дурно исполненъ. Безпечность, безумная отвага, слѣпота и вѣроломство въ войнѣ суть такія божескія наказанія, отъ которыхъ все погибаетъ.

Въ Швеціи ежегодно празднуютъ 4 покаянныхъ и молитвенныхъ дней, но никто не думаетъ о своемъ исправленіи, потому непріятелемъ ихъ самъ правосудный Богъ. Отнимаетъ-ли онъ у нихъ одинъ городъ за другимъ, то они говорятъ непріятель взялъ этотъ городъ. Мало заботятся они о бѣдныхъ подданныхъ, главное дѣло въ томъ, чтобы Станислава сдѣлать королемъ, что и случилось 2 іюля 1704 года. Но что же произошло: то, что повсемѣстно и вездѣ счастіе, сопровождавшее въ битвахъ шведское оружіе, исчезло и совершенно отвернулось отъ него. Но такъ какъ не хотѣли спасти и помочь бѣднымъ, оставленнымъ въ безпомощномъ состояніи лифляндцамъ противъ своихъ могущественныхъ враговъ, хотя и должно это было сдѣлать и въ то время еще была возможность — потому то и случилось впослѣдствіи, что въ 1710 г. въ Лифляндіи нигдѣ не нашлось команды шведовъ для защиты страны. И что еще, шведскіе профессора въ Дерптѣ, обмакнувъ носъ въ рюмкѣ (по пословицѣ: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ), публично говорили въ 1690 году: чрезъ шесть лѣтъ въ Лифляндіи не будетъ ни одного нѣмца, и на пѣснь: къ Тебѣ одному въ нашей бѣдѣ и т. д. (хотя вся рижская книга духовныхъ пѣсней пользуется королевской привиллегіей) многіе не стыдились выражаться: это сочинилъ плутъ. Такъ ненавистно было для шведской націи терпѣть на ряду съ собою въ Лифляндіи нѣмцевъ. Но Богъ повернулъ все это на оборотъ; потому что въ 1700 году большая часть профессоровъ разбѣжалась изъ Пернавы, хотя война только что начиналась и до нихъ было еще далеко. За то Е. К. В. приказалъ такихъ бѣглецовъ высѣчь и лишить ихъ мѣстъ. Въ 1710 году, Рига, Перновъ, Ревель и т. д. должны были сдаться Царю. Такимъ образомъ великолѣпныя провинціи (которыя шведы называли проклятой Ливоніей, а жителей измѣнниками) были отторгнуты отъ шведской короны. И

если кое гдѣ въ Ливоніи еще и оставались природные шведы, то всѣ они скрывались подъ нѣмецкими именами. Потому что иначе русскіе ихъ тамъ бы не оставили.

Почти шесть лѣтъ должны были оставаться дерптцы въ ссылкѣ: только въ 1714 году императоръ Петръ дозволилъ имъ возвратиться на родину. Въ февралѣ уѣхали изъ Вологды Гротіанъ и многіе дерптскіе бюргеры. Въ Нарвѣ узнали они, что ихъ родной городъ въ развалинахъ, въ которыхъ живутъ гады и хищные звѣри; имъ приказано остаться въ Нарвѣ. Однако, Гротіанъ получилъ позволеніе отправиться въ Дерптъ. Здѣсь нашелъ онъ все такъ, какъ слышалъ о судьбѣ Дерпта; тамъ онъ принялъ предложенное ему мѣсто въ Оденпэ, гдѣ и подвизался до своей смерти, послѣдовавшей въ маѣ 1720 года.

Примѣчаніе переводчика. Не одни дерптцы были высланы изъ своего города: одновременно съ ними въ томъ-же 1708 г. выселены во внутренніе города Россіи и жители Нарвы. Въ этомъ году, 29 февраля, нарвскій магистратъ (см. Ганзена — Geschichte der Stadt Narva, стр. 251) объявилъ жителямъ, что, вслѣдствіе нынѣшнихъ конъюнктуръ, непремѣнная воля Его Царскаго Величества есть, дабы всѣ жители этого города, проживавшіе здѣсь въ шведскія времена, были переселены изъ Нарвы въ Россію. Поэтому всѣ жители должны приготовиться въ дорогу и выѣхать изъ Нарвы въ теченіе восьми дней со дня этого объявленія. При отъѣздѣ дозволяется каждому продать свое движимое имущество, а непроданное оставить за своею печатью на сохраненіе въ безопасномъ мѣстѣ.

Подобному-же переселенію, кромѣ жителей Дерпта и Нарвы, подверглись и жители Ингерманландіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что русское правительство подозрѣвало дерптцевъ, нарвцевъ и ингерманландцевъ въ преданности къ Швеціи, и опасалось, что шведы, при продолжавшейся еще войнѣ, могутъ воспользоваться такою преданностью во вредъ Россіи.

Царское повелѣніе въ отношеніи Нарвы было исполнено безъ всякихъ послабленій. 5 марта 1708 г. изъ Нарвы отправился первый транспортъ переселенцевъ. То были простые люди: носильщики, извощики, мастеровые и рабочіе люди. На другой день, 6 марта, въ Вологду же отправилась вторая партія такихъ же людей. 7 марта также въ Вологду выѣхало нѣсколько бюргеровъ. 8 марта туда же выѣхали семейства бургомистра Датмера и другихъ членовъ магистрата. 9 марта, во вторникъ, выѣхали въ Вологду прочіе члены городскаго управленія съ ихъ семействами въ Вологду и Москву.

Наконецъ 25 и 26 марта выѣхали остальные нарвцы, которыхъ и разселили въ Вологдѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Воронежѣ.

Въ Нарвѣ осталось, однакоже, нѣмцевъ и финновъ человѣкъ съ 300. Съ ними былъ оставленъ насторъ Брюйнингъ, тотъ самый, который впослѣдствіи былъ лично извѣстенъ Петру, уже въ должности лифляндскаго суперъ-интендента, и императрицею Екатериною I пожалованъ 6 марта 1726 года (вмѣсто недоданной ему за 14 лѣтъ половины его жалованья) въ Перновскомъ уѣздѣ, въ Тарвастскомъ кирхшпилѣ мызою Сусленомъ «безъ аренды», т. е. безъ внесенія въ казну арендныхъ денегъ.

Нарвскіе и дерптскіе переселенцы прожили въ назначенныхъ для нихъ городахъ до 1714 года, когда получили разрѣшеніе возвратиться на родину. Находясь въ русскихъ городахъ, мастеровые и рабочіе люди скоро нашли себѣ и работу, и выгодныя занятія, но семьи высшихъ сословій бѣдствовали, такъ что для нихъ присылали вспомоществованіе даже изъ Архангельска. Вотъ что объ этомъ пишетъ Веберъ въ своемъ сочиненіи «Das veränderte Russland» (см. Русск. Арх. 1872 г., стр. 1107).

«По завоеваніи Дерпта и Нарвы русскими, всѣ жители этихъ городовъ, взятые въ плѣнъ, числомъ 1,600 человѣкъ, выселены были во внутрь Россіи, въ Казань, Астрахань, Сибирь, Вологду и Москву; когда же прошедшимъ лѣтомъ (1714 г.) всѣ эти плѣнные были разъисканы и имъ объявлено, что они могутъ возвратиться на родину, то, вслѣдствіе этого повелѣнія, человѣкъ 200 изъ нихъ, людей зажиточныхъ, воротились въ Нарву, и теперь давно уже находятся тамъ; другіе же, доѣхавъ до Москвы, остались тамъ и представили царю слезное прошеніе, что такъ какъ они потратили на проѣздъ все что имѣли, то и не могутъ ѣхать далѣе. Вслѣдствіе этого, его величество приказалъ дать имъ въ Москвѣ 200 повозокъ съ лошадьми, для доставленія ихъ на родину. Въ настоящее время люди эти хотя и проживаютъ уже въ Нарвѣ, но дѣла ихъ вообще плохи. Большая же часть плѣнныхъ добровольно осталась въ мѣстахъ, куда были высланы, потому что тамъ они могли добыть лучшія средства существованія, и не захотѣли покидать свои вновь пріобрѣтенные дома и земли».

Въ другомъ мѣстѣ Веберъ замѣчаетъ (см. тамъ же стр. 1162).

Въ проѣздъ мой (Веберъ пріѣхалъ въ Россію въ качествѣ брауншвейгъ-люнебергскаго резидента въ 1714 году и прожилъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, смотря по мѣстопребыванію царскаго двора, до конца 1719 г.) черезъ Нарву я нашелъ этотъ городъ все въ томъ же плачевномъ состояніи, какъ и въ прошломъ году, съ тою только разницею, что съ того времени возвратилось туда до 70 семействъ, плѣнныхъ изъ Казанской и Астраханской областей.

Семейства эти были въ самомъ бѣдственномъ положеніи, едва имѣли насущный хлѣбъ и вовсе безъ денегъ, чтобы исправить свои разрушенные дома, или начать какую нибудь торговлишку или оборотъ. Уведенные также въ плѣнъ изъ совершенно разрушеннаго и разореннаго города Дерпта и теперь снова возвратившіеся на родину жители этого города также проживаютъ большею частью въ Нарвѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, изъ всего бывшаго нарвскаго и дерптскаго населенія, возвратились на родину, какъ я выше упомянулъ, только шестая часть».

Нѣтъ сомнѣнія, что судьба, постигшая жителей Нарвы и Дерпта, внушила опасенія и рижанамъ. Между ними появился слухъ, что и ихъ всѣхъ поголовно выселятъ въ Москву, какъ то усматривается изъ нижеслѣдующаго документа.

Отношеніе рижскаго коменданта
въ рижскій магистратъ
изъ первой поры русскаго владычества.

(Изъ арх. риж. магистр.).

Благошляхетный и благомудрый бургомистръ и магистратъ.

Узнавъ, что въ городѣ доселѣ распространенъ былъ слухъ о томъ, будто бы жители отведены будутъ въ Москву, каковыя рѣчи совершенно неосновательны, о чемъ въ самоскорѣйшемъ времени и прибито будетъ объявленіе, благошляхетному и благомудрому магистрату симъ подтверждается смотрѣть за искорененіемъ между гражданами таковой ложной молвы, а также и за тѣмъ, чтобы впредь таковыхъ рѣчей не было, причемъ тотъ, кто впредь будетъ распространять таковыя, будетъ взятъ подъ стражу и подвергнутъ подобающему наказанію. Такъ какъ, сверхъ того, достаточно извѣстно, что бывшій почтъ директоръ Грепъ съ ратманомъ Ульрихомъ оказали въ высшей степени достойную наказанія дерзость, не только вскрывая получаемыя здѣсь изъ Москвы и Германіи письма, но и сочиняя пасквили и дѣлая многія другія вещи, къ величайшему ущербу Его Великоцарскаго Величества, то да благоволитъ благошляхетный и благомудрый магистратъ описать и запечатать принадлежащее упомянутымъ Грепу и Ульриху и находящееся въ здѣшнемъ городѣ имущество, а также взять подъ стражу, если кто изъ членовъ ихъ семействъ здѣсь окажется, съ освобожденіемъ ихъ не ранѣе представленія достаточнаго залога. Благошляхетный и благомудрый магистратъ не преминетъ отъ тѣхъ гражданъ, у коихъ слу-

жать рабочими принадлежавшіе прежде къ здѣшнему гарнизону шведы, отобрать подписку въ томъ, что они, въ случаѣ надобности, во всякое время обязуются ихъ представить, съ доставленіемъ мнѣ таковой подписки, въ коей каждый долженъ поименовать находящагося у него шведа. Причемъ наистрожайше внушить гражданамъ, чтобы никто изъ нихъ не дерзалъ въ своихъ конвертахъ отправлять письма шведскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, куда бы то ни было. Кромѣ того, вслѣдствіе приближенія зимы, настоятельно необходимо исправить казармы и караульни; въ противномъ же случаѣ не останется другаго способа, какъ расположить солдатъ по домамъ гражданъ. Необходимо также хорошенько присматривать за огнемъ, на какой конецъ благошляхетный и благомудрый магистратъ долженъ поставить на башнѣ человѣка, который, увидя въ городѣ пожаръ, могъ бы подать знакъ колокольнымъ звономъ, а равно требуется держать во всякое время въ готовности пожарные ведра, насосы и другіе, необходимые для тушенія инструменты. Солдатамъ будетъ отданъ приказъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ такихъ случаяхъ, отъ коихъ упаси Боже, собралось достаточное число людей, какъ для помоги при тушеніи, такъ и для воспрепятствованія бывающему обыкновенно въ такихъ случаяхъ грабежу и воровству. Такова всемилостивѣйшая воля Его Великоцарскаго Величества, а потому тѣмъ менѣе имѣются сомнѣнія во всеподданнѣйшемъ повиновеніи благошляхетнаго магистрата. Рига, 6 октября 1710 года.

Благошляхетнаго и благомудраго магистрата готовый къ въ услугамъ

К. Г. Б. д'Остенъ.

своею рукою.

Примѣчаніе переводчика. По поводу этого отзыва не излишне замѣтить слѣдующее:

Лифляндское и эстляндское дворянство, конечно, не имѣло ни причинъ, ни поводовъ быть особенно довольнымъ шведскимъ правительствомъ, принявшимъ въ отношеніи этого сословія въ последней четверти XVII столѣтія такого рода мѣропріятія, которыя не могли способствовать пріязни между шведами и ливонскими помѣщиками. Достаточно вспомнить шведскій законъ о редукціи, т. е. объ отобраніи въ казну имѣній, неправильно перешедшихъ въ частное владѣніе и шведскія оцѣночныя правила крестьянскихъ повинностей, чтобы не находить никакого преувеличенія въ сказанномъ. Ливонскіе помѣщики въ огромномъ большинствѣ были довольны совершившеюся въ 1710 г. перемѣною.

Но если шведы не имѣли себѣ пріятелей и приверженцевъ между лифляндскими помѣщиками, то нельзя этого сказать про лифляндскихъ горожанъ и крестьянъ, изъ числа которыхъ шведы имѣли себѣ доброжелателей.

Доброжелательствующіе шведамъ горожане, не смотря на строгія воспрещенія нашего правительства, не прочь были сообщить шведамъ такого рода свѣдѣнія, сообщеніе которыхъ въ военное время могло послужить во вредъ нашимъ войскамъ. Вотъ существенная причина почему русское правительство прибѣгло въ 1708 году въ отношеніи Нарвы и Дерпта къ такой крутой мѣрѣ, какъ выселеніе жителей.

Наше правительство не довѣряло ни нарвцамъ, ни дерптцамъ и, подозрѣвая (не безъ основаній), что они могутъ въ 1708 году, когда шведы не были еще окончательно вытѣснены изъ Ливоніи, сообщить послѣднимъ свѣдѣнія о нашихъ войскахъ и дальнѣйшихъ планахъ, рѣшилось выслать ихъ подальше отъ границы.

Рижскій комендантъ полковникъ д'Остенъ въ своемъ отзывѣ заявляетъ, что русское правительство въ 1710 г. вовсе не предполагало выселять рижанъ. О выселеніи рижанъ рѣчи дѣйствительно не было, но имѣется, однако же, документъ, свидѣтельствующій, что еслибы рижане и лифляндскіе помѣщики не были благоразумны и подали бы ясные и положительные поводы къ сомнѣніямъ на ихъ счетъ, то судьба ихъ была бы та же самая, что и дерптцевъ. Документъ этотъ: докладная записка лифляндскаго генералъ-губернатора, князя Репнина, поднесенная царю въ Петербургѣ 10 февраля 1720 года (см. XVIII Вѣкъ», IV, 49). Испрашивая царскаго разрѣшенія по разнымъ вопросамъ, князь Репнинъ во второмъ пунктѣ спрашивалъ:

Въ военномъ уставѣ напечатано: во время аларму или атаки гражданскихъ или купецкихъ людей употребить съ ружьемъ въ пристойныхъ мѣстахъ; а въ Ригѣ купечество разныхъ вѣръ и націй, и надѣюся разному сумнѣнію быть, и въ вышеозначенное время (ежели случится, чего не дай Боже) какъ оное купечество употребить?

Отвѣтъ царя на этотъ вопросъ былъ: Кой часъ услышишь о прибытіи непріятеля, тогда немедленно, ружья обобравъ, оставить только старыхъ и малыхъ, да женскій полъ, прочихъ всѣхъ выслать вонъ изъ города и сказать подъ смертною казнію, чтобъ шли всѣ въ нашу землю, а не ино куды.

Далѣе, въ слѣдующемъ третьемъ пунктѣ, князь Репнинъ спрашивалъ: Также и съ уѣздомъ, гдѣ живетъ шляхетство, на которыхъ въ вѣрности мало (мнится мнѣ) упованію быть, какъ поступить?

Царскій отвѣтъ гласилъ: Уѣзднымъ велишь такожъ удалиться внутрь, а въ городъ не пускать.

Имѣя такія положительныя повелѣнія, князь Репнинъ, конечно, ни мало не затруднился бы выслать во внутреннія губерніи не только всѣхъ рижанъ поголовно, но и все дворянство, вслучаѣ какой либо высадки шведовъ въ лифонскія земли.

Донесенія рижскихъ депутатовъ,

отправленныхъ въ Петербургъ со всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ по случаю заключенія Ништатскаго мира въ 1721 г.

Въ 1718 году лифляндскій генералъ-губернаторъ, сенаторъ, князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, управлявшій Лифляндіею съ іюля 1713 году, былъ переведенъ губернаторомъ въ Кіевъ, а на его мѣсто лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ князь Аникита Ивановичъ Репнинъ, тотъ самый, который блокировалъ Ригу въ 1709 году и первый занялъ рижскую крѣпость.

Князь Аникита Ивановичъ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Петра Великаго и дѣятельный участникъ во всѣхъ войнахъ и походахъ съ 1700 года, въ послѣднихъ числахъ іюля 1721 года, когда вопросъ о заключеніи мира съ Швеціею подходилъ къ концу, былъ вызванъ въ Петербургъ. Въ припискѣ къ письму отъ 26 іюля 1721 года (будетъ помѣщено въ числѣ указовъ) значилось: «Также надобно вамъ пріѣзжать сюда самому къ 15 числу августа, понеже (писалъ царь собственноручне) на завтріе начнется князь-папы новоселье».

Князь Репнинъ, уѣзжая въ Петербургъ, передалъ управленіе Лифляндіею вице-губернатору Воейкову.

Было отчего и за чѣмъ вызывать въ Петербургъ Репнина; была причина и царскому веселью: двадцатилѣтняя война со шведами кончилась, Ништатскій миръ былъ подписанъ 30 августа. Какъ же не сдѣлать участникомъ торжествъ лицо, девятнадцать лѣтъ дѣлившее съ царемъ труды, заботы, лишенія, побѣды и славу?

По заключеніи Ништатскаго мира, флота капитанъ Госларъ былъ посланъ въ Ригу съ манифестомъ о мирѣ и слѣдующимъ царскамъ указомъ къ вице-губернатору Воейкову (см. XVIII вѣкъ, IV, стр. 68):

«Господинъ вицъ-губернаторъ. Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ 21 лѣтнюю такъ жестокую и опасную войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить изволилъ, которой миръ заключенъ августа въ 30-е въ Нейштатѣ и онымъ вамъ поздравляемъ. И за сію толикую божескую милость надлежитъ трикратно благодареніе учинить: первое тотчасъ, какъ вѣдомость придетъ, другое октября 22 дня, третье января 28 дня, дабы два послѣднія во всемъ государствѣ вдругъ отправлены были. И всѣ три съ троекратною пушечною стрѣльбою. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день сентября 1721 года.

P. S. Сіе, какъ ландратамъ и шляхетству, такъ и магистрату объявить, такожъ и всему народу».

Царское повелѣніе было исполнено, во всей точности: Госларъ прибылъ въ Ригу 28 сентября и въ тотъ же день манифестъ о мирѣ былъ прочитанъ въ цитадели (въ гарнизонной православной церкви — нынѣ Петропавловскій соборъ), въ лютеранской соборной церкви и въ лютеранской церкви св. Іакова въ присутствіи вице-губернатора, дворянства, магистрата, гильдій и бюргерства при пушечной пальбѣ.

Отъ дворянства и городскихъ сословій постановили отправить въ Петербургъ особую депутацію привѣтствовать царя съ заключеніемъ мира. Депутація отъ города Риги состояла: отъ магистрата: изъ бургомистра Хр. Циммермана, ратсгера Шварца и секретаря Петра фонъ Шифельбейна; отъ большой гильдіи — изъ эльтермана Іог. Геше и старшины Самуила Фельмана; отъ малой гильдіи: изъ эльтермана Іог. Ольтмана и старшины Фр. Клюгена.

Депутація эта отправилась изъ Риги въ половинѣ октября 1721 года и при дурной погодѣ и по непроѣздным дорогамъ добралась до Петербурга 2 ноября. Секретарь Шифельбейнъ о пребываніи депутаціи въ столицѣ сообщалъ магистрату. Его донесенія сохранились въ магистратскомъ архивѣ и изъ нихъ въ «Rigasche Stadtblätter» 1878 года были помѣщены слѣдующія извлеченія:

Отъ 3 ноября, слѣд. на другой день по пріѣздѣ въ Петербургъ, Шифельбейнъ писалъ:

Я полагалъ, что теперь то мы черезчуръ счастливы, такъ какъ, на первыхъ же порахъ, его высококняжеская свѣтлость, нашъ генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, при вчерашнемъ нашемъ ему всепокорнѣйшемъ представленіи, воззрѣлъ на насъ милостиво и представилъ намъ бракосочетавшуюся вчерашняго дня супругу свою изъ рода Мусиныхъ-Пушкиныхъ и сестру бывшаго нашего губернатора

князя Голицына. Его Императорское Величество изволилъ присутствовать при этомъ бракосочетаніи и вчерашняго числа утромъ отправился отсюда въ Кроншлотъ, откуда Е. И. В. съ приближенною придворною свитою возвратится сегодня къ вечеру. Хотя его свѣтлость, нашъ генералъ-губернаторъ и былъ очень къ намъ милостивъ, однако не обѣщалъ намъ навѣрное доставить всеподданнѣйшую у Его Величества аудіенцію, но внушилъ намъ засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе прочимъ высокимъ имперскимъ и государственнымъ министрамъ и притомъ просить ихъ доложить объ насъ Его Величеству; впрочемъ, его свѣтлость обнадежилъ насъ, что поговоритъ о томъ съ другими и дастъ намъ знать о всемилостивѣйшемъ Его Величества повелѣніи за два дня впередъ. . . .

Какъ выше сказано, до сегодняшняго утра мы чрезвычайно радовались оказанной намъ, съ перваго же разу, ласковости, какъ вдругъ печальное и весьма прискорбное извѣстіе [1]) лишило насъ всякаго духу и помѣшало дальнѣйшему развитію веселаго настроенія, не говоря уже о томъ, что при обширности здѣшняго мѣста, не малыхъ намъ стоило хлопотъ, безъ экипажа и точныхъ свѣдѣній, попасть туда, гдѣ живутъ оные господа. Экипажей здѣсь не даютъ на прокатъ, какъ въ другихъ большихъ городахъ, а нужно занимать ихъ у пріятелей, или выпрашивать часа на два; улицы же не имѣютъ еще названій. Всемогущій Богъ да вознаградитъ своими великими щедротами милую нашу родину какъ за недавно понесенные, такъ и за прежніе убытки, и да сохранитъ ее отъ дальнѣйшаго несчастія...»

Въ донесеніи 6 отъ ноября депутаты пишутъ слѣдующее:

«4 ноября, подъ вечеръ, высококняжеская свѣтлость генералъ-губернаторъ нашъ, князь Репнинъ, чрезъ секретаря своего Клемке, далъ намъ знать, что Его Величество на другой день, въ воскресенье, въ 6 часовъ утра, изволитъ отправиться въ сенатъ, гдѣ мы можемъ имѣть случай быть допущенными предъ лице Его Величества. Вслѣдствіе такого извѣщенія, на другой день, въ 5 часовъ утра, отправились мы, хотя еще темно было, за рѣку [2]), гдѣ встрѣтились съ дворянскими депутатами, незадолго передъ нами переправившимися; когда же, черезъ часъ, прибыли и депутаты города Пернова, то дворянствомъ единогласно было рѣшено, въ виду ежеминутнаго ожидаемаго прибытія Его Величества, отправиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, куда вскорѣ затѣмъ, въ 7 часовъ, прибылъ всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ, въ сопровожденіи канцлера имперіи, графа Головкина, вице-канцлера, барона Шафирова и кабинетнаго секретаря Макарова; когда же

---

[1]) А именно: 26 октября взлетѣла въ Ригѣ на воздухъ только что отстроенная съ большими издержками у кютерскихъ воротъ пороховая башня.

[2]) Въ то время сенатъ помѣщался на Васильевскомъ острову, въ зданіи нынѣшняго университета. Прим. переводч.

Его Великоцарское Величество (снявъ кафтанъ на подкладкѣ и оставшись въ красномъ платьѣ, въ лентѣ своего ордена) остановился посреди залы, недалеко отъ канцлерской комнаты, то г. ландратъ Паткуль выступилъ впередъ и въ изящной рѣчи принесъ Его Величесту какъ благодарность за извѣщеніе о заключеніи столь дославнаго мира, такъ и всеподданнѣйшее поздравленіе отъ имени всего дворянства и рыцарства. Послѣ того приблизился и г. бургомистръ Циммерманъ, который, для вящаго отличія, представленъ былъ Его Величеству г. вице-канцлеромъ Шафировымъ, яко бургомистръ города Риги, и произнесъ краткую, разумную и изящную рѣчь, на что Его Величество сказалъ: добро! (dobbro), послѣ него подошли и перновцы для заявленія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, на коихъ, какъ и на насъ, Его Величество изволилъ воззрѣть милостивыми очами. Въ половинѣ девятаго Его Величество вышелъ изъ сената и хотѣлъ пѣшкомъ отправиться въ церковь, но, такъ какъ вода поднялась уже до того, что нельзя было подойти, то, при обходѣ четырехъ фрегатовъ, намъ дарована была еще милость по одиночкѣ вѣрноподданически облобызать руку Е. И. В.; хотя рядъ нашъ былъ длиненъ, а вѣтеръ очень силенъ, несмотря на то Е. И. В. имѣлъ терпѣніе осчастливить своею милостію всѣхъ: депутатовъ рыцарства нашего города и перновскихъ. Затѣмъ, напоръ воды, возбужденный сильнымъ сѣверозападнымъ вѣтромъ, залилъ не только сей островъ, но и весь Петербургъ, такъ что причинило великіе убытки. Наводненіе это задержало насъ до другого утра на томъ берегу, гдѣ мы, т. е. г. бургомистръ Циммерманъ съ обоими эльтерманами, сегодня были у г. тайнаго совѣтника Толстаго, такъ какъ у г. канцлера и г. вице-канцлера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, барона Остермана, мы были уже въ суботу.

Въ письмѣ отъ 10 ноября 1721 года депутаты пишутъ:

......«Съ неменьшею милостію дозволено было намъ, 7 ноября, въ 3 часа, приблизиться къ августѣйшей особѣ Ея Величества. Каммергеръ Балкъ провелъ насъ заднимъ дворомъ Зимняго дворца Ея Императорскаго Величества; на крыльцѣ привѣтствовалъ насъ каммергеръ Шепелевъ (Chapelloff), послѣ чего оба они ввели насъ въ переднюю Ея Величества, гдѣ находились вицеканцлеръ, баронъ Шафировъ съ г-жею Кампенгаузенъ и г-жею Вильбоа, которые, по входѣ нашемъ, вошли въ покои Ея Величества. Чрезъ нѣсколько времени Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня наша изволила войти къ намъ, въ сопровожденіи упомянутыхъ барона и двухъ каммергеровъ; за нею слѣдовали также обѣ статсъ-дамы съ двумя придворными фрейлинами; когда же Ея Императорское Величество изволила милостиво воззрѣть на насъ, то ландратъ Паткуль вкратцѣ, въ немногихъ словахъ, принесъ поздравленіе отъ имени лифляндскаго рыцарства и земства. Затѣмъ слѣдовали депутаты

отъ нихъ и лобызали одежду Ея Величества, послѣ чего его высокостепенство, первенствующій бургомистръ, всеподданнѣйше поздравилъ Ея Величество Государыню Императрицу благоприличною и благолѣпною рѣчью, при благосклонномъ выраженіи лица Ея Величества, отъ имени всѣхъ трехъ рижскихъ сословій; за нимъ послѣдовали и мы съ изъявленіемъ всеподданнѣйшихъ чувствъ, имѣвъ также счастіе облобызать одежду Ея Величества. Послѣ всѣхъ слѣдовали перновцы. Всемилостивѣйшая Государыня наша благоволила еще разъ дать уразумѣть намъ свое сожалѣніе объ насъ, по поводу дурнаго и продолжительнаго пути во время нашей поѣздки, а также и о томъ, что намъ пришлось испытать здѣсь бѣду, по случаю возвышенія воды, произведеннаго западно-югозападнымъ вѣтромъ, а не сѣверозападнымъ, какъ мы недавно писали, причинившимъ, вслѣдствіе наводненія, много убытку. Послѣ сей, всемилостивѣйше дарованной намъ аудіенціи, при чемъ Ея Императорское Величество была украшена драгоцѣнными камнями и лентою свего ордена, слѣдовало имѣть также аудіенцію французскому министру г. Кампредону, а вечеромъ того же дня Ихъ Императорскія и Великоцарскія Величества изволили присутствовать на свадьбѣ г. президента главной магистратской коллегіи, сочетавшагося бракомъ съ дочерью графа Головина. Мы же, между тѣмъ, въ тотъ вечеръ и на другое утро просматривали потребованные отъ насъ и высланные пункты, для ознакомленія съ ними, дабы, при представленіи знатнымъ государственнымъ министрамъ, быть въ состояніи сообщить предварительное понятіе о нѣкоторыхъ изъ нихъ...,

......Никому и въ голову не придетъ, какъ дорого въ здѣшнемъ мѣстѣ жить, такъ что можно бы проберечь средства города и значительно сократить расходы на столько человѣкъ. Благошляхетный и благомудрый магистратъ дастъ намъ знать о своемъ высокоблагосклонномъ мнѣніи и, въ подкрѣпленіе даннаго намъ порученія, съ тѣмъ вмѣстѣ въ самоскорѣйшемъ времени поможетъ намъ и воспособитъ присылкою еще отъ 400 до 500 рублей.

Депутаты возвратились по домамъ въ декабрѣ 1721 года. Нѣтъ сомнѣнія, что, привѣтствуя царя съ заключеніемъ мира, они благодарили его также и за то, что въ Ништатскомъ трактатѣ упоминалось и о сохраненіи правъ и преимуществъ ливонскихъ, отошедшихъ къ Россіи провинцій, именно въ слѣдующихъ статьяхъ (см. пол. соб. зак. ном. 3819):

Ст. IX. Всѣ жители провинцій лифляндской и эстляндской, равно какъ острова Эзеля, дворяне и недворяне, и города, лежащіе въ сихъ провинціяхъ, магистраты, гильдіи и цехи при привиллегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и преимуществахъ, которыми

они подъ шведскимъ правленіемъ пользовались, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

Ст. X. Въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе къ совѣсти, а напротивъ того евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ нимъ принадлежитъ на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ шведскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ оныхъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема.

Ст. XI. Возвратить забранныя шведскимъ правительствомъ помѣстья всѣмъ лицамъ, которыя справедливыя требованія на оныя имѣютъ и права свои законнымъ образомъ доказать могутъ.

Эта статья имѣла особенно важное значеніе для лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, какъ о томъ говорится ниже во вступленіи къ матеріаламъ по исторіи крестьянскаго сословія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Рескрипты и указы Императора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ.

(Продолженіе. См. томъ I, стр. 300).

1715-й годъ.

55.

Господинъ губернаторъ. Писалъ къ вамъ господинъ генералъ князь Репнинъ, что солдатамъ противу указа недодано провіанту въ россійскую мѣру на мѣсяцъ человѣку муки по 11 фунтовъ съ того времени, какъ они поставлены въ Лифляндахъ на квартиры, по февраль мѣсяцъ; того для оной провіантъ велите имъ дать противъ гварнизонныхъ солдатъ.

Такожъ которые офицеры и солдаты корпуса его имѣютъ квартиры въ городѣ, и тѣмъ велите давать дрова. Онъ же пишетъ, что квартиры въ городѣ отведены солдатамъ его зѣло тѣсны и поставлены на дворѣхъ у ремесленниковъ однихъ; того для велите ихъ ставить у всѣхъ мѣщанъ кромѣ бургомистровыхъ, ратсгеровыхъ и шляхетскихъ дворовъ и пока онъ, генералъ князь Репнинъ, въ Ригѣ будетъ жить, то пароль и лозунгъ гварнизоннымъ полкамъ велите принимать отъ него; такожъ коликое число будетъ онъ на полки свои требовать отъ васъ пикъ, и оныя велите ему изъ цейхгауза выдать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 4 день Марта 1715 года.

56.

Господинъ губернаторъ. Понеже вы паче другихъ извѣстны, что въ Ригѣ попы зѣло плохи, отъ чего немалой есть стыдъ отъ тамошнихъ жителей, того для сыщите въ Смоленскѣ добрыхъ и

искусныхъ поповъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ, сколько потребно, и вышлите ихъ въ Ригу при себѣ, а которые въ Ригѣ непотребные, тѣхъ отпусти. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 7 день Апрѣля 1715 года.

Въ 1710 г. русскіе не застали въ Ригѣ ни одной православной церкви. По повелѣнію Петра, въ этомъ году деревянная лютеранская церковь въ цитадели обращена въ православную и освящена во имя апостоловъ Петра и Павла. Церковь эта существовала до 1776 г. Вслѣдъ за симъ обращена въ православную церковь рыцарей въ замкѣ, — та самая, въ которой 5 Іюля 1710 г. оберъ-пасторъ Либоріусъ Депкинъ говорилъ рѣчь на текстъ: «всякъ властемъ придержащимъ да повинуется», по окончаніи коей рыцарство и духовенство присягнули Петру. Церковь эта освящена въ имя Успѣнія Пресвятой Богородицы, и предназначалась для генералъ-губернаторовъ. Послѣ къ приходу ея причислены были городскіе крѣпостные артиллеристы (см. № 108).

Около этого же времени Петръ повелѣлъ возобновить въ городѣ разрушенную во время бомбардированія Риги въ 1710 г. католическую церковь Маріи Магдалины и освятить оную во имя Алексѣя человѣка Божія.

Въ 1715 г. заложена Благовѣщенская (Николаевская) церковь для православныхъ жителей Московскаго форштата.

Эти четыре церкви существовали во все время царствованія Петра. Замковая и Алексѣевская церкви существуютъ и по настоящее время, но на мѣстѣ деревянной церкви въ цитадели въ 1776 г. заложена каменная, а Благовѣщенская церковь перенесена на нынѣшнее мѣсто въ 1770 г., сгорѣла въ 1812 и отстроена вновь въ 1818 г.

Прочія девять церквей (нынѣ въ Ригѣ православныхъ церквей 13) основаны уже въ позднѣйшія времена.

По содержанію сего указа были назначены въ цитадельскую гарнизонную церковь изъ Смоленска причетники Ленючевскій и Зборомирскій.

57.

Господинъ губернаторъ. Посланъ въ Ригу изъ недорослей Константинъ Баклановскій, котораго отдайте въ школу для науки нѣмецкаго и французскаго языковъ, такожъ чтобъ учился и геометріи, а за ученье мастерамъ также и ему на пищу велите давать по разсмотрѣнію. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 25 день мая 1715 г.

Надобно полагать, что этотъ Баклановскій былъ изъ числа тѣхъ 1006 человѣкъ недорослей и дворянъ, которые были представлены царю на смотръ вслѣдствіе указа 1714 г.

У Голикова есть еще извѣстіе, что при началѣ дѣла Алексѣя Петровича камеръ-пажъ Баклановскій, находясь въ кабинетѣ царя, подсмотрѣлъ указъ о взятіи подъ стражу Кикина и Вяземскаго, поспѣшно вышелъ изъ компаты, чтобы послать объ этомъ Кикину извѣстіе. Извѣстіе и было послано, но царскій гонецъ обогналъ посланнаго Баклановскимъ гонца. Поспѣшный же выходъ Баклановскаго показался царю подозрительнымъ; начались розыски, и обнаружилось, что Кикинъ обѣщалъ Баклановскому двадцать тысячъ рублей, если онъ дастъ знать ему заблаговременно объ опасности. Баклановскій былъ высѣченъ.

58.

Господинъ губернаторъ. Просили насъ господа Статы Голландскіе чрезъ особливую грамоту свою, что понеже купцы ихъ Гол-

ландскіе нынѣ на корабляхъ своихъ много посылаютъ соли въ Ригу и Ревель, которую тамъ по обыкновенію съ тѣхъ кораблей мѣщаномъ въ краткое время, которое воинскіе корабли ихъ у Риги стоять имѣютъ, никоимъ образомъ столь великаго числа продать не могутъ. Того ради, дабы мы въ разсужденіи толь великаго иждивенія къ вооруженіи ихъ голландскихъ воинскихъ кораблей, которые для защиты купечества въ Балтическое море отъ нихъ отправляются, такожъ и ради умноженія впредь въ пристаняхъ нашихъ торговли, позволили токмо на сей годъ, а въ другіе не въ примѣръ, чтобъ они ту соль въ Ригѣ и Ревелѣ въ амбары складать могли, и потомъ изъ оныхъ мѣщаномъ продавать, и когда голландскіе корабли сего лѣта въ Ригу съ солью придутъ и тамошнимъ мѣщаномъ въ такое краткое время продавать не мочно будетъ, то вы дайте позволеніе голландцамъ ту соль, ради вышеозначенныхъ причинъ, въ амбары складать и тамошнимъ мѣщаномъ изъ оныхъ продавать токмо на сей годъ, а впредь имъ до нашего указу того отнюдь не дозволять. Петръ. Съ Котлина острова, іюня въ 4 день 1715 г.

59.

Указъ Рижскому губернатору господину князю Голицыну.

О какихъ дѣлахъ будетъ вамъ предлагать указомъ нашимъ отъ гвардіи нашей маіоръ Ушаковъ, то коего предложенія исправляйте неотложно. Петръ- Съ Котлина острова, іюня въ 4 день 1715 г.

60.

Господинъ губернаторъ. Понеже предлагаетъ намъ здѣсь рижскій житель голландецъ Янъ Пальмъ о строеніи кораблей въ Ригѣ, и для осмотру на корабельное строеніе лѣсовъ посылаемъ съ нимъ нынѣ корабельнаго мастера Юрью Рамза да курьера нашего Танѣева, и когда они къ вамъ пріѣдутъ, то дайте имъ для конвою до тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ надобно осматривать корабельные лѣса, солдатовъ сколько пристойно; такожъ и въ прочемъ, чего они будутъ у васъ требовать, чините имъ всякое вспоможеніе, дабы ни въ чемъ имъ остановки не было. Петръ. Съ Котлина острова, въ 5 день іюня 1715 г.

61.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное изъ Риги іюля отъ 6 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что въ прошломъ 1714 и въ нынѣшнемъ 1715 годахъ по указу для гарнизонныхъ нуждъ изъ наличнаго числа въ Ригѣ купеческой ржи задержана половина и чтобъ для нынѣшнихъ пришедшихъ кораблей оная рожь была увольнена. И по полученіи сего по указу рижскимъ жителямъ, такожъ англійскимъ и голландскимъ купцамъ, дайте позволеніе хлѣба своего стараго и новаго отпустить за море двѣ

трети, а одну треть въ запасъ для нужнаго случая оставить. Петръ. Въ 17 день іюля 1715 г., съ корабля Питеръ-Майландъ, стоящаго у Ревеля.

Нужный случай однако не встрѣтился въ 1715 г. 11—22 Ноября 1714 г. Карлъ XII явился въ Штральзундѣ и близко сошелся со знаменитымъ интриганомъ Герцемъ. Какъ ни желалъ Петръ поступать рѣшительно, но его убѣжденія плохо дѣйствовали на союзниковъ. Весь 1715 г. прошелъ въ переговорахъ, взятъ былъ только Штральзундъ (12 Декабря 1715 г.) датчанами и пруссаками; русскія же войска въ Померанской кампаніи этого года не участвовали.

62.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего, полкъ драгунскій, который въ Курляндіи, велите вывесть въ Рижскій дистриктъ, а оставьте тамъ въ командѣ подполковника князя Голицына только 200 человѣкъ. Петръ. Отъ Ревеля, въ 17 день августа 1715 г.

Русскія войска занимали Курляндію въ 1715 г. для защиты морскихъ береговъ ея отъ вторженія шведовъ. Отрядомъ командовалъ князь Репнинъ.

63.

Господинъ губернаторъ. Когда прибудетъ въ Ригу господинъ генералъ Вейдъ и коликое число будетъ отъ васъ требовать въ дополнку пѣхотныхъ своихъ пяти полковъ (изъ рижскаго гварнизону) солдатъ, и то число ему отправьте безъ задержанія, а то число что́ ему отдадите велѣно сенаторамъ отправить къ вамъ рекрутъ; такожъ по возможности ссудите его полковыми лошадьми и прочимъ чего онъ будетъ отъ васъ требовать, и что́ ему отдано будетъ, о томъ къ намъ пишите. И то все немедленно велимъ къ вамъ сенаторамъ дослать. Петръ. На кораблѣ Питеръ-Майландъ, въ 21 день августа 1715 г.

Дѣло шло объ укомплектованіи арміи Шереметева, готовившейся къ вступленію въ Померанію. Но походъ въ Померанію въ этомъ году не состоялся, ибо вспыхнувшее возстаніе поляковъ противъ саксонскихъ войскъ побудило Долгорукаго, изъ опасенія, чтобы вся Корона и Литва не пристала къ противникамъ Августа II, остановить Шереметева въ Польшѣ «для заданія страху конфедератамъ». Петръ былъ сильно недоволенъ княземъ Григоріемъ Өедоровичемъ Долгорукимъ за остановку русскихъ войскъ въ Польшѣ, но безъ этой остановки едва ли бы конфедераты согласились на миръ, послѣдовавшій въ началѣ 1716 г.

64.

Господинъ губернаторъ. Когда объявитель сего письма съ лошадьми нашими пріѣдетъ въ Ригу, тогда велите имъ отвесть квартиры и давать людямъ провіантъ, а лошадямъ фуражъ. Петръ. Изъ Ревеля, въ 23 день августа 1715 г.

P. S. Такожъ и прочее что принадлежитъ къ конюшнѣ, какъ къ починкѣ фурмановъ желѣза или иное что, безъ чего немочно пробыть, и на то по росписямъ Семена Алабердѣева велите имъ отпускать денегъ съ росписскою, или велите то для нихъ покупать.

65.

Господинъ губернаторъ. Понеже съ рижскаго, венденскаго и перновскаго уѣздовъ въ положенное число къ гаванной работѣ многое число бревенъ сюда не довезено, и для того, по полученіи сего указа, объяви ландратомъ, чтобы они конечно велѣли достальныя бревна вырубить и вывозить зимою въ Ревель. Такъ же и сверхъ того, что̀ на нихъ положено будетъ вывозить лѣсу вновь, о которомъ указъ будетъ писать князь Меньшиковъ, и тотъ прибавочной лѣсъ, по письмамъ его, велите рубить и возить такожъ безъ всякаго задержанія. Петръ. Изъ Ревеля, августа въ 23 день 1715 г.

66.

Господинъ губернаторъ. Когда будетъ къ вамъ писать генералъ-фельдцехмейстеръ Брюссъ о приготовленіи судовъ по артиллерійскіе припасы къ Либау, и по тому исполняйте не отложно. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день сентября 1715 г.

67.

Господинъ губернаторъ. Писали вы къ намъ, что Петру Бестужеву, которому приказано смотрѣть надъ ландратомъ, жалованье ничего не опредѣлено, и для того нынѣ опредѣлите ему жалованья по 800 рублей денегъ, да хлѣба по 200 четвертей въ годъ изъ тѣхъ доходовъ, которые сбираются съ земли, и велите ему давать съ того времени, какъ сей указъ получите. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 день октября 1715 г.

68.

Господинъ губернаторъ. Прежде сего изъ Ревеля писали мы къ вамъ, дабы недовезенной лѣсъ рижскаго, съ венденскаго и перновскаго уѣздовъ къ дѣлу ревельскаго гавана велѣли довезть, о чемъ и нынѣ подтверждаемъ, дабы конечно весь доимочный лѣсъ былъ по зимѣ довезенъ, и сверхъ того тѣми же уѣздами велите поставить лѣсу къ тому же гаванному дѣлу 8,000 бревенъ (мѣрою отъ 4 до 5 саженъ), чтобъ конечно нынѣ были вырублены и по зимнему пути у Ревеля поставлены. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 день Октября 1715 г.

P. S. Приложенное при семъ письмо къ фельдмаршалу Шереметеву отправь по первой почтѣ немедленно, ибо нужное есть.

Послѣдовавшій за симъ указъ отъ 27 Октября 1715 г., писанъ собственноручно царемъ, но столь неразборчиво, что прочесть и разобрать его я не могъ. Указомъ этимъ предписывалось приготовить по 50 подводъ на каждомъ стану для проѣзда по Лифляндіи въ Ригу: контръ-адмирала (10), адмирала (9), генерала Вейде (6), доктора Арескина (3), генералъ-адъютанта Парышкина (2), капитана Сляева (2), секретаря Макарова (2), поручика Мишукова (2), Олсуфьева (2), Яна кухмистра (2), верховымъ (2), поварамъ и подключникамъ (7). Поѣздка государя въ этомъ году не состоялась, она была отложена до Января 1716 г.

69

Господинъ губернаторъ. Посланъ къ вамъ указъ юфтенъ*), которое дѣло публикуй и смотри, по истеченіи двухъ лѣтъ, чтобъ сей указъ былъ весьма исправленъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 3 день ноября 1715 г.

70.

Господинъ губернаторъ. Министра Левольда большему сыну объяви нашимъ указомъ, чтобъ онъ уѣхалъ съ подполковникомъ отъ гвардіи господиномъ княземъ Долгорукимъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 20 день декабря 1715 г.

P. S. Ефимки пошлиннаго сбору, которое есть нынѣ на лицо, у Ильи Исаева отправьте туды, куда скажетъ вамъ подполковникъ нашъ отъ гвардіи господинъ князь Долгорукій.

71.

Господинъ губернаторъ. Прежде сего писано къ вамъ августа отъ 23, да октября отъ 22 чиселъ, чтобъ вы недовезенный лѣсъ, который положенъ съ рижскаго, венденскаго и перновскаго уѣздовъ къ строенію ревельскаго гавана и сверхъ того, по письму князя Меньшикова, прибавочно 8000 бревенъ въ указную мѣру конечно симъ зимнимъ путемъ велѣли вывозить, не опуская удобнаго времени, ибо ежели гавань въ морозы нынѣ не отдѣлаютъ, то послѣ нельзя будетъ ничего дѣлать; и для того опредѣлите къ той лѣсной возкѣ ландрата, чтобъ онъ той работы смотрѣлъ. Также возьмите съ рижскихъ жителей къ тому гаванному дѣлу 3000 пудъ желѣза и отправьте въ Ревель. Петръ. Въ 28 день Декабря 1715 г.

P. S. Когда пріѣдутъ въ Ригу мастеровые люди изъ Франціи, которые тамъ наняты въ нашу службу, Кононъ Зотовъ и Лафоттъ, и оныхъ безъ задержанія сюда отправь, давъ имъ подводы, сколько они будутъ требовать.

Также освѣдомися, не присланы ли въ Ригу какіе ящики съ книгами изъ Кенигсберга отъ бургомистра тамошняго Негелина (ежели присланы или впредь пришлются), то немедленно къ намъ пришли, и о томъ спроси почтмейстера и рижскихъ купцовъ, которые съ помянутымъ Негелинымъ и имѣютъ корреспонденцію.

---

*) Указъ о дѣланіи юфти?

1716-й годъ.

72.

Господинъ губернаторъ. Понеже мы довольно уже къ вамъ писали о приготовленіи бревенъ къ ревельскому гавану и какая въ томъ есть нужда, чтобъ въ нынѣшніе морозы (пока на морѣ крѣпокъ ледъ) тотъ гаванъ и цитадель обдѣлать, о чемъ и нынѣ паки подтверждаемъ, дабы то конечно было исполнено, и хотя мы писали къ тебѣ, дабы къ той работѣ нарочно опредѣленъ былъ одинъ изъ ландратовъ, однако мы заблагоразсудили, чтобъ тебѣ нынѣ на нѣкоторое время самому въ Ревелѣ побывать, и тамъ все лучшимъ образомъ обще съ господиномъ фельдмаршаломъ и губернаторомъ княземъ Меньшиковымъ тое работу опредѣлить, не опуская удобнаго времени пока есть морозы, для чего помянутый князь Меньшиковъ завтра отсель въ Ревель поѣдетъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, генваря въ 6 день 1716 г.

73.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего указа велите Лифляндіею до Риги для насъ паки приготовить подставныя подводы противъ того по скольку и прежде было поставлено и чтобъ оныя готовы были къ 20 числу сего мѣсяца. Петръ. Изъ С.-Петербурга, генваря въ 7 день 1716 г.

P. S. И чтобъ не меньше было какъ по 60 или по 70 подводъ на каждомъ стану.

Приложенное при семъ письмо о сей же матеріи къ подполковнику князю Голицыну отправьте немедленно.

74.

Господинъ губернаторъ. Послали мы въ Либау галернаго подмастерья Мокея Черкасова для дѣла тамъ трехъ скампавей (и Голицыну о томъ писанъ отъ насъ указъ, при семъ посылаемъ къ вамъ копію), однакожъ ежели чего къ тому дѣлу не могутъ тамъ вскорѣ сыскать, а именно желѣза или чего инаго, о чемъ будетъ писать помянутый подполковникъ, то велите отправлять изъ Риги на счетъ адмиралтейской безъ задержанія. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 15 день генваря 1716 г.

Копія съ указа князя Голицына отъ 14 января 1716 г.:

Послали мы къ вамъ галернаго подмастерья Мокея Черкасова, которому велите въ Либау сдѣлать три скампавеи и что къ тому дѣлу надобно лѣсовъ (кромѣ дубовыхъ, которые отсель посланы), также и прочаго чего онъ Мокей будетъ отъ васъ требовать, то

велите заранѣе заготовливать, также велите ему къ той работѣ дать плотниковъ изъ солдатъ сколько потребно, ибо отсель послано къ нимъ плотниковъ только 6 человѣкъ.

Въ Либавской гавани зимовалъ въ это время русскій галерный флотъ. 24 Января 1716 г. полубольной Петръ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ царицею за границу. Цѣль поѣздки его была пользоваться Пирмонтскими минеральными водами, а главнѣйшее ускорить и кончить переговоры съ союзниками, убѣдить ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ шведовъ, чтобъ какъ можно скорѣе кончить войну. 1 Февраля государь прибылъ въ Ригу и оставался здѣсь до 8 Февраля.

75.

Указъ губернатору господину, князю Голицыну.

Понеже, какъ видѣть мочно, всѣмъ городамъ много шведскихъ адгерентовъ [1]) есть, того ради зѣло опасно поступать надобно, дабы чего тайнаго не учинили зла, согласясь съ посторонними мнимыми друзьями [2]), чему предварить по слѣдующему:

а.

На всякіе три мѣсяца перепись поголовную имѣть жителямъ и ихъ служителямъ [3]).

б.

Всѣхъ пріѣзжихъ (ктобъ они ни были) дневальному полковнику самому распрашивать, и ежели кто мало подозрителенъ будетъ, того брать за арестъ и сыскивать.

в.

Мужикамъ для продажи всячины учинить рынокъ за городомъ, а въ городъ кромѣ необходимыхъ нужныхъ потребъ не пущать, яко дрова, сѣно, хлѣбъ, которые только въ двои вороты впускать и выпускать, а именно въ одни отъ рѣки, и въ другіе отъ Табашнова шанца, и когда впускать, считать людей и записывать, и чтобъ оные весьма не ночевали въ городѣ, но къ вечеру паки выѣзжали, а кто не выѣдетъ сыскивать у кого ночевалъ, по запискѣ къ кому ѣхалъ, также не надлежитъ въ день болѣе 300 человѣкъ впускать.

---

[1]) Сторонниковъ.

[2]) Указъ о воспрещеніи жителямъ княжествъ Лифляндскаго и Эстляндскаго и также шведскимъ военноплѣннымъ непозволительной переписки со шведами состоялся нѣсколько прежде. Онъ помѣщенъ въ П. С. З. подъ № 2974, томъ V.

[3]) Была ли перепись — неизвѣстно; но въ 1767 г въ Ригѣ считалось 20,003 жителя; въ 1801 г. 28,483; въ 1823 г. 39,764; въ 1849 г. 57,906; въ 1867 г. 102,000.

г.

Въ фурманахъ и въ возахъ осматривать, нѣтъ ли ружья и людей, и для того только вскрывать фурманы, а въ нихъ ящиковъ и прочихъ мелочныхъ вещей не разбивать.

д.

Ежели войска саксонскія въ Курляндію или въ Литву на квартиры станутъ, тогда не усыпное око на нихъ имѣть, чтобъ чего не сдѣлали сложась съ жителями, чего для тогда двойные караулъ и конныя частыя патрулины дѣлать; лѣсъ противъ города пилить и прочую всякую осторожность имѣть, не вѣря никакимъ ихъ ласкательствамъ и увѣреніямъ.

е.

Лѣтомъ корабли подъ палубами добрымъ офицерамъ осматривать, дабы чего не было противнаго, равнымъ же образомъ суды и плоты (на которыхъ чуланы есть) сверхъ Двины идущіе осматривать у Юнгфернгофа искусному офицеру, нѣтъ ли лишнихъ людей и не гораздоль много, и ежели много, хотя и не лишнее, то къ городу вдругъ не допускать, а именно болѣе 1,000 вдругъ не припущать къ городу. Петръ. Въ Ригѣ, въ 7 день Февраля 1716 г.

76.

1716 г. Февраля въ 8 день. Изъ привозныхъ соляныхъ денегъ, которыя сюда привезены, оставить здѣсь 4000 р. на расходы царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ и отдать ихъ Александру Кикину съ роспискою.

Да генерала маіора Балка женѣ, когда она сюда пріѣдетъ, дать на проѣздъ Прусами *) триста рублевъ.

Подписи нѣтъ, но подчеркнутыя слова написаны царемъ собственноручно.

Царевна Марія Алексѣевна весною 1716 г. слѣдовала въ Карлсбадъ, и въ Октябрѣ 1716 г. возвратилась въ Петербургъ. Ее провожалъ Кикинъ, главный участникъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя, впослѣдствіи казненный въ Москвѣ въ началѣ Марта 1718 г.

Генеральша Балкъ, сестра камергера Монса, была статсъ-дамою супруги царя и впослѣдствіи, въ ноябрѣ 1724 г., сослана въ Тобольскъ.

77.

Господинъ губернаторъ. Заслуженное жалованье господину Бестужеву, котораго ему отъ васъ не выдано, нынѣ велите выдать съ того времени, какъ онъ началъ быть въ Ригѣ у коммисіи. Петръ. Изъ Либау, Февраля въ 14 день 1716 г.

Ср. № 97.

---

*) Т. е. чрезъ Пруссію.

78.

Господинъ губернаторъ. Шнявы также и тялки съ амуницiею, которыя зимовали у Риги, по вскрытiи льду, отправьте съ капитаномъ-поручикомъ Мухановымъ [1]), а куды ему съ ними итти, о томъ ему даны отъ насъ пункты, и что къ тому потребно (о чемъ онъ Мухановъ будетъ вамъ предлагать), то заранѣе, по коихъ мѣстъ ледъ не вскроется, велите ему отправлять. Такожъ поручику Мортомъ-Энгелю, который отправленъ съ помянутымъ Мухановымъ, велите дать жалованья, на счетъ адмиралтейской, на три мѣсяца. Петръ. Изъ Либау, февраля въ 14 день 1716 г.

Муханову царь приказалъ слѣдовать съ эскадрою и десантомъ къ Данцигу, забирая въ пути непрiятельскiе суда и транспорты, какiе бы ни шли съ провiантомъ или оружiемъ въ Швецiю.

79.

Господинъ губернаторъ. Доносителя сего Растрелiя съ товарищи, когда они въ Ригу прибудутъ, примите ласково и отправьте ихъ въ С.-Петербургъ безъ задержанiя, давъ имъ подводы, сколько они будутъ требовать. Петръ. Изъ Кенигсберга, въ 15 день Февраля 1716 г.

Парижскiй архитекторъ, скульпторъ и рѣзчикъ Растрелли былъ нанятъ въ русскую службу съ сыномъ и съ воспитанникомъ за 1500 рублей въ годъ.

80.

Господинъ губернаторъ. Понеже билъ челомъ намъ генералъ князь Репнинъ, дабы ему отдать въ венденскомъ дистриктѣ мызу Сесвегенъ въ аренду, и по полученiи сего указу оную ему отдайте въ аренду, такъ какъ и прочимъ отдаются. Петръ. На кораблѣ Питеръ-Майландъ при Ревелѣ, въ 21 день августа 1715 г.

Неизвѣстно, по какой причинѣ, но указъ этотъ полученъ въ Ригѣ 22 марта 1716 г. Впослѣдствiи Сесвегенскими мызами владѣлъ генералъ фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ. Наслѣдники Бутурлина продали эти мызы въ 1770 г. императрицѣ Екатеринѣ за 135 тысячъ рублей; императрица же, въ 1778 г., подарила ихъ генералъ-маiору Семену Зоричу.

81.

Господинъ губернаторъ. Когда поѣдетъ изъ Петербурга въ Курляндiю племянница наша царевна Анна, тогда приготовьте ей Лифляндiею подводы, а о числѣ тѣхъ подводъ, по времени къ которому ихъ надобно будетъ поставить, спишитесь съ князь Александромъ Даниловичемъ Меньшиковымъ, такожъ дайте тогда знать о

---

[1]) Ипатомъ Калинычемъ.

числѣ подводъ и въ Курляндію къ Бестужеву, дабы онъ зналъ, сколько ихъ приставить и къ которому времени. Петръ. Изъ Данцига, марта въ 22 день 1716.

Ср. № 6. Оберъ-раты (Oberraht — совѣтъ герцогскій), управлявшіе Курляндіею отъ имени Фердинанда, послѣдняго потомка дома Кетлера, были въ это время сильно заняты вопросомъ: кому быть герцогомъ по смерти бездѣтнаго Фердинанда. Царь, подъ предлогомъ, что оберъ-раты плохо уплачиваютъ Аннѣ Іоановнѣ 5 проц. съ займа и ежегодную вдовью пенсію въ 40 тысячъ рублей, приказалъ вдовствующей герцогинѣ имѣть постоянное жительство въ Курляндіи. Бестужеву повелѣно было приготовить для герцогини два дома: одинъ въ Митавѣ, а другой въ Вирцау. Въ 1716 г. Анна Іоанновна поселилась въ Митавѣ, и тогда же Петръ началъ переговоры съ королемъ Августомъ о бракосочетаніи вдовствующей герцогини съ герцогомъ Саксенъ-Вейсенфельскимъ. Переговоры, какъ извѣстно, кончились ничѣмъ.

82.

Господинъ губернаторъ. Когда прибудутъ чрезъ Курляндію въ Ригу отъ капитана Норова суконные мастеры и овчары, которыхъ онъ Норовъ нанялъ въ Шлезіи и въ Польшѣ, и оныхъ принявъ, отправьте въ Петербургъ, а что имъ надобно подводъ, о томъ снеситесь съ Петромъ Бестужевымъ, ибо Курляндіею ему велѣно ихъ отправлять. Такожъ дайте о подводахъ заранѣе знать въ Петербургъ князь Александру Даниловичу, дабы онъ отъ Дерпта до Петербурга велѣлъ имъ противъ тогожъ давать подводы. Петръ. Изъ Данцига, апрѣля въ 30 день 1716 г.

83.

Господинъ губернаторъ. Когда объявитель сего письма Бартель Дистервальтъ прибудетъ въ Ригу (который отсель ѣдетъ для житья въ Петербургъ съ фамиліею), тогда оному дайте отъ Риги до Петербурга подводы сколько надлежитъ безъ задержанія, такожъ когда присланы будутъ чрезъ Курляндію отъ капитана Норова и т. д. (Слѣдуетъ повтореніе предъидущаго указа слово въ слово. Подписано). Петръ. Изъ Дерпта, апрѣля 29 дня 1716 г.

Петръ прибылъ къ Данцигъ 18 февраля и жилъ тутъ по 1 мая. Девять недѣль провелъ царь въ переговорахъ со своими подозрительными и своекорыстными союзниками. 8 апрѣля было совершено здѣсь бракосочетаніе племянницы царя Екатерины Ивановны съ Мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ. 1 Мая царь выѣхалъ въ Штетинъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ, а послѣ въ Альтонѣ съ датскимъ королями, и только 23 мая уговорились на счетъ высадки русскихъ войскъ въ Шонію, и только тогда Петръ поѣхалъ лечиться въ Пирмонтъ.

84.

Господинъ губернаторъ. Пишете вы, что пеньку отправленную изъ Порѣчья отъ маіора Ушакова (которую надлежитъ отдать

королю датскому), въ Полоцкѣ поляки задержали, и ежели по сіе время оной не отпустили, то, по полученіи сего указа, пошли изъ Риги солдатъ 300 человѣкъ вооруженныхъ съ добрымъ командиромъ и вели оное пеньку взять сильно и привезть въ Ригу. Петръ. Изъ Пирмонта, въ 11 день Іюня 1716 г.

85.

Господинъ губернаторъ. Когда присланы будутъ къ Ригѣ корабли королевскаго величества датскаго для взятья пеньки (которая куплена и прислана отъ маіора Ушакова), и оную отдайте немедленно. Петръ. Изъ Пирмонта, въ 11 день Іюня 1716 г.

P. S. Съ тою же пенькою отпустите имъ обѣщанныя мачтовыя деревья, которыя имъ обѣщали числомъ 200 мачтъ

Изъ Пирмонта государь 14 Іюля поѣхалъ въ Гановеръ.

86.

Господинъ губернаторъ. Отправлены отсель въ Петербургъ мастеровые французы: архитекторъ Леблонъ съ фамиліею и съ подмастерьями, и когда они въ Ригу пріѣдутъ, тогда примите ихъ ласково и удовольствуйте ихъ въ дорогу подводами и прочимъ, чего они будутъ требовать. Также посланный съ ними курьеръ Шушеринъ ежели будетъ отъ васъ требовать на пищу имъ въ дорогу денегъ, то дайте по своему разсмотрѣнію, дабы помянутой Леблонъ, будучи отъ Риги въ дорогѣ, ни въ чемъ нужды не имѣлъ. Петръ. Изъ Шверина, въ 23 день Іюня 1716 г.

Въ Пирмонтѣ, на минеральныхъ водахъ, государь пробылъ съ 26 Мая по 14 Іюня. Съ Леблономъ ѣхало 18 человѣкъ различныхъ мастеровыхъ, нанятыхъ во Франціи царскимъ агентомъ Конономъ Зотовымъ. Жалованье Леблону назначено 5000 р. въ годъ, кромѣ квартиры; прочимъ художникамъ и мастеровымъ отъ 200 до 400 р. каждому.

Изъ Шверина государь пріѣхалъ въ Ростокъ, гдѣ уже стояла русская галерная эскадра съ дессантомъ, назначеннымъ къ Копенгагену.

87.

Господинъ губернаторъ. Билъ челомъ намъ надворный совѣтникъ господинъ Рагузинскій, дабы отдать въ аренду мызу Лаудану съ Лубаною, которая въ рижскомъ уѣздѣ о 20 $^1/_4$ гаковъ, лифляндскому жителю, тамошнему его прикащику Дебраску противъ того, какъ и прочимъ въ аренду даются; и по полученіи сего указа ту мызу Савину прикащику въ аренду отдайте, ежели прежняго откупщика срокъ вышелъ, изъ того жъ платежу, по чему прежде съ

оной въ казну приходило; а ежели прежняго откупщика срокъ не вышелъ, то велите отдать съ торгу. Петръ. Изъ Гановера, въ 17 день іюня 1716 г.

Это тотъ самый графъ Савва Лукичъ Владиславичъ Рагузинскій, который въ декабрѣ 1725 г. былъ отправленъ посломъ въ Китай, заключилъ 14 іюня 1728 г. трактатъ о границахъ и торговлѣ съ Китаемъ. Его царь узналъ еще въ 1702 г., когда онъ былъ греческимъ купцомъ и торговалъ въ Азовѣ.

88.

Господинъ губернаторъ. Объ отпускѣ сюды къ королевскому величеству датскому пеньки и мачтовыхъ деревъ указъ уже къ вамъ посланъ, по которому отправляйте немедленно. Такожъ просили насъ здѣшніе королевскаго величества совѣтники, что они по указу королевскому перевели въ Ригу денегъ до 6 тысячъ ефимковъ на покупку тамъ матеріаловъ, надлежащихъ къ адмиралтейству, и дабы съ тѣхъ денегъ пошлинъ у нихъ не брать, того для пошлинъ съ помянутаго числа денегъ, на которыя они будутъ покупать матеріалы, брать не велите. Петръ. Изъ Копенгагена, въ 1 день августа 1716 г.

Петръ прибылъ въ Копенгагенъ еще 5 іюля. Время проходило въ безконечныхъ переговорахъ о высадкѣ въ Шонію до самаго октября, когда уже нельзя было думать о походѣ.

89.

Господинъ губернаторъ. Когда торговые корабли отъ Риги пойдутъ назадъ, то отпустите сюда на оныхъ для нашего флоту деревъ на мачты и райны досокъ пильныхъ, противъ приложенной при семъ вѣдомости, ибо здѣсь въ томъ нужда не малая; а на сколько чего по цѣнѣ отпустите, о томъ къ намъ пишите, которыя деньги велимъ вамъ послѣ заплатить изъ соляныхъ денегъ. Петръ. Изъ Копенгагена, въ 1 день августа 1716 г.

P. S. Росписки при семъ послать не успѣли, но прислана будетъ на будущей почтѣ, однако, между тѣмъ старайтесь тѣхъ деревъ довольное число приготовить къ посылкѣ.

90.

Господинъ губернаторъ. Понеже господа Голландскіе Статы, какъ чрезъ грамоту свою, такъ и чрезъ своего министра здѣсь пребывающаго, насъ просили, чтобъ ихъ голландскихъ купцовъ товары, отправленные на корабляхъ въ Ригу и Ревель, которыхъ они за поздностію времени не могутъ всѣхъ продать, позволить сло-

жить въ тѣхъ городѣхъ, того ради мы на то ихъ прошеніе соизволили, и сей нашъ указъ къ вамъ отправили, повелѣвая вамъ оставшіеся ихъ товары, которые опи не могли успѣть продать за поздностію времени, позволить имъ сложить въ Ригѣ такъ, какъ и въ прошломъ году по нашему указу съ товары ихъ было учинено. Петръ. Изъ Копенгагена, въ 6 день октября 1716 г.

91.

Господинъ губернаторъ. Въ бытность нашу здѣсь билъ челомъ намъ Гузенской почтмейстеръ Фридрихъ Говерсъ, чтобъ долги его на должникахъ его въ Ригѣ доправить и отдать ему, также и по смерти которыхъ должниковъ остались пожитки, чтобъ ихъ до указу удержать, пока съ нимъ не расплатятся: того для съ помянутыми его должниками рижскому магистрату велите учинить справедливость, по правамъ, какъ надлежитъ, немедленно. Петръ. Изъ Фридрихштата, въ 27 день октября 1716 г.

Повелѣвъ войскамъ своимъ стать на зимнія квартиры въ Мекленбургѣ, и флоту отправиться въ Ревель, царь 16 октября оставилъ Копенгагенъ.

92.

Господинъ губернаторъ. Пишетъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что Казанскій драгунскій полкъ, по указу изъ Сената, отправляется къ Смоленску, а понеже тамъ безъ нашего караулу и безъ разъѣздовъ быть не мочно, того для, по полученіи сего указу, оставьте въ Курляндіи того полку драгунъ для карауловъ и разъѣздовъ роты двѣ или три съ добрыми офицерами и дайте о томъ отъ себя знать по указу нашему, дабы они о томъ вѣдали. Петръ. Изъ Любека, въ 3 день ноября 1716 г.

93.

Господинъ губернаторъ. Понеже просилъ насъ фельдмаршалъ господинъ графъ Шереметевъ, дабы ему данъ былъ въ Ригѣ тотъ дворъ, въ которомъ жилъ генералъ-маіоръ Полонскій, того для, по полученіи сего укалу, помянутой дворъ, въ которомъ жилъ Полонскій, отдайте ему фельдмаршалу во владѣніе. Петръ. Изъ Альтеноу, ноября въ 23 день 1716 г.

Послѣ покоренія Риги, Шереметевъ получилъ въ награду отъ царя Пебальгскія мызы, и теперь еще состоящія во владѣніи его наслѣдниковъ.

94.

Господинъ губернаторъ. Понеже какимъ образомъ отъ штурму разорился Ревельской гаванъ, о томъ уже ты вѣдаешь, того

для, по полученіи сего указу, поѣзжай въ Ревель немедленно и возьми съ собою одного или двухъ очередныхъ ландратовъ и что надлежитъ до починки того гавана, то чините съ совѣту генерала фельдмаршала князя Меньшикова, что зѣло нужно, и будь тамъ до совершенія того дѣла. Петръ. Изъ Амстердама, въ 21 день декабря 1716 г.

Царь нашелъ нужнымъ послать Голицыну и дубликатъ этого указа отъ 25 декабря. Указъ полученъ 2 января 1717, а дубликат 7 января.

(Продолженіе будетъ).

Депутація города Риги

при погребеніи Петра Великаго

въ 1725 году.

По смерти Петра Великаго, послѣдовавшей 28 января 1725 года, были отправлены отъ дворянскихъ обществъ и городовъ Лифляндіи и Эстляндіи депутаціи какъ для присутствія при погребеніи императора, такъ и для привѣтствія съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины I и испрошенія утвержденія правъ и преимуществъ дворянства и городовъ.

Депутатами отъ города Риги отправлены были: бургомистръ Хр. Циммерманъ, оружейничій (Munsterherr) Ад. Г. Шварцъ, судебный фохтъ М. Каспари и секретарь Г. ф. Бревернъ; отъ большой гильдіи: старшина Вильг. ф. Остгофъ и Іог. Кенигфельсъ, а отъ малой гильдіи: старшина Іоганъ Кордтъ, Мейеръ и Фридрихъ Беккъ.

По прибытіи въ Петербургъ, частію 26, частію 27 февраля, депутація явилась къ лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину, гдѣ рѣшенъ былъ споръ съ депутатами города Ревеля, кому идти впередъ при погребальномъ шествіи. Чѣмъ окончился этотъ споръ, видно изъ помѣщаемаго ниже текста донесенія, сохранившагося въ архивѣ рижскаго магистрата и помѣщеннаго въ Rig. Stadtblätter 1878 г.

«Депутаты отправились немедленно въ Зимній дворецъ Ея Императорскаго Величества, гдѣ въ Бозѣ почившій императоръ и въ Бозѣ почившая царевна (великая княжна) Наталія лежали на па-

радныхъ одрахъ, и облобызали у послѣдней руку: у почившаго же Государя Императора лицо было уже покрыто бѣлымъ крепомъ, почему и нельзя уже было облобызать руки Его, — а оттуда въ назначенный дворомъ для депутатовъ городовъ: Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта, Пернова и Выборга, домъ г. адмирала Крейца (куда г. бургомистръ Циммерманъ и г. оружейничій Шварцъ отправились уже въ 7 часовъ утра) и нашли тамъ всѣхъ господъ депутатовъ вышеупомянутыхъ городовъ. Чрезъ нѣсколько времени зашла рѣчь о мѣстахъ во время шествія, причемъ ни ревельцы не хотѣли уступить первенства рижанамъ, ни послѣдніе ревельцамъ, потому, во 1-хъ, что рижскій магистратъ возведенъ въ дворянское достоинство; во 2-хъ, потому что Рига въ шведскія времена, по королевскому повелѣнію, всегда занимала мѣсто непосредственно послѣ города Стокгольма, а въ 3-хъ потому, что, при коронованіи въ Москвѣ нынѣ царствующей Императрицы, рижскіе депутаты шли впереди ревельскихъ: ревельцы же приводили въ свою пользу, что ревельскій магистратъ также возведенъ въ дворянское достоинство *); что въ титулѣ Эстляндія помѣщена прежде Лифляндіи; что эстляндскій гербъ стоялъ по правую сторону блаженной памяти Его Императорскаго Величества, пока Онъ покоился на парадномъ ложѣ, лифляндскій же гербъ съ лѣвой стороны; затѣмъ, что послѣ трехдневныхъ споровъ между эстляндскимъ и лифляндскимъ рыцарствомъ, дѣло рѣшено было такъ, что первенство осталось за эстляндскимъ. Наконецъ и послѣ продолжительныхъ преній, во избѣжаніе всякаго раздора и всякихъ несообразностей, постановлено и за благо сочтено окончить этотъ споръ о первенствѣ метаніемъ жребія, безъ предосужденія, однако, той или другой стороны, при каковомъ случаѣ безпристрастная судьба рѣшила дѣло въ пользу рижскихъ депутатовъ.

После чего, въ 12 часовъ, по данному пушечными выстрѣлами сигналу, начался обрядъ погребенія въ Бозѣ почившаго Императора и въ Бозѣ почившей царевны (великой княжны) Наталіи слѣдующимъ образомъ:

Впереди шли 1 сержантъ, 24 рядовыхъ и 1 гофъ-фурьеръ; за ними 4 литаврщика и 48 трубачей, распредѣленныхъ такъ, что 1 литаврщикъ шелъ впереди 11 трубачей, по 3 въ рядъ, коимъ всѣмъ предшествовалъ маршалъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантъ Центровіусъ. За литаврщиками и трубачами шли 36 пажей, съ ихъ гофмейстеромъ позади, и 24 придворныхъ служителя: этотъ отдѣлъ замыкался фурьеромъ. Непосредственно за придворными служителями слѣдовали англійскіе, голландскіе и гамбургскіе купцы, числомъ 36, предшествуемые маршаломъ, по имени Маріотомъ. За ними слѣдовали депутаты завоеванныхъ городовъ, какъ то: Риги, Ревеля,

*) Позднѣйшая приписка гласитъ: «что не основательно».

Нарвы, Пернова, Дерпта и Выборга, числомъ 21, маршаломъ коихъ былъ нарвскій ратманъ Карлъ Георгъ Шварцъ. За депутатами поименованныхъ городовъ слѣдовали депутаты лифляндскаго, эстляндскаго и дерптскаго рыцарства, въ предшествіи ландмаршала барона Унгерна. За ними шелъ опять гофъ-фурьеръ. За маршаломъ, шедшимъ передъ военнымъ знаменемъ и за самымъ этимъ знаменемъ, несеннымъ полковникомъ Воейковымъ, слѣдовалъ боевой конь, ведомый двумя подполковниками, а именно: подполковникомъ Кенигомъ и подполковникомъ Хвостовымъ (Kwastow). 32 областныя знамени и 32 лошади, представлявшія области, съ гербомъ каждой изъ нихъ на лбу и съ обоихъ боковъ, несомыя частію поручиками, частію капитанъ-поручиками и маіорами и сопровождаемыя прапорщиками и капитанами, слѣдовали за боевымъ конемъ.»

Затѣмъ донесеніе описываетъ шествіе во всемъ его протяженіи и въ заключеніе замѣчаетъ, что «вся процессія замыкалась фурьеромъ и нѣсколькими нижними чинами». Во время шествія, продолжавшагося съ 12 часовъ полудня до 7 часовъ вечера, звонили во всѣ колокола и каждую минуту стрѣляли съ крѣпости и адмиралтейства.

«28 февраля» — продолжаетъ донесеніе — «гг. депутаты хотѣли засвидѣтельствовать должное почтеніе его высококняжеской свѣтлости г. генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору князю Репнину. Но его высококняжеская свѣтлость весь день были на дежурствѣ у тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора (каковое дежурство отправляемо было въ церкви всѣми вельможами имперіи, въ теченіе 6 недѣль). Того же числа пополудни, поднесено было депутатамъ гольштинскому двору, князю Меншикову, князю Репнину и другимъ знатнымъ придворнымъ особамъ нѣкоторое количество фруктовъ, какъ то: лимоновъ и апельсиновъ, каковые маленькіе подарки приняты были весьма милостиво.

1 марта, въ 7 часовъ утра, всѣ гг. депутаты были милостиво приняты его высококняжеской свѣтлостью княземъ Меншиковымъ, который благодарилъ ихъ, въ присутствіи депутатовъ рыцарства, за вчерашній подарокъ и зная, что гг. депутаты доселѣ еще не имѣли аудіенціи у Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, самымъ благосклоннымъ образомъ обѣщалъ доставить имъ таковую. Затѣмъ его высококняжеская свѣтлость упомянулъ, что Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая Государыня наша, разрѣшила каждому, какъ изъ городскихъ такъ и изъ земскихъ депутатовъ, отправиться домой.

Того же числа, пополудни, всѣ гг. депутаты представлялись его высококняжеской свѣтлости, г. генералъ-фельдмаршалу и лифляндскому генералъ-губернатору, князю Репнину, который, по

смиренной просьбѣ ихъ, наиблагосклоннѣйше обѣщалъ доставить имъ аудіенцію у Всемилостивѣйшей Государыни нашей.

2 марта того же мѣсяца, гг. депутаты засвидѣтельствовали достодолжное почтеніе его княжеской свѣтлости, князю Долгорукому, его сіятельству, великому канцлеру графу Головкину и великому адмиралу графу Апраксину, предъ коими наилучшимъ образомъ ходатайствовали о дѣлахъ милой своей родины. Въ тотъ же день гг. депутаты были у его превосходительства г. генералъ-прокурора Ягужинскаго и г. тайнаго совѣтника барона Остермана, но никого изъ нихъ не застали дома. Въ тотъ же день его высококняжеская свѣтлость князь Репнинъ прислалъ къ г. бургомистру Циммерману переводчика Эйхлера съ приказаніемъ, чтобы гг. депутаты на другой день, въ 3 часа, явились ко двору, поелику Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая Государыня наша, всемилостивѣйше обѣщала даровать намъ въ тотъ день аудіенцію.»

«3 марта, въ 4 ч. пополудни, гг. депутаты допущены были на аудіенцію у Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей. По выслушаніи весьма изящной рѣчи бургомистра Циммермана, который, изъявивъ отъ имени города всеподданнѣйшее соболѣзнованіе о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, поздравилъ Ея Величество съ восшествіемъ на престолъ, поручивъ всеподаннѣйшій городъ Ригу дальнѣйшей милости и покровительству Ея Императорскаго Величества, Государыня чрезъ его превосходительство, г. тайнаго совѣтника барона ф. Остермана, говорившаго отъ имени Всемилостивѣйшей Государыни нашей, завѣрила вѣрноподанный городъ въ своей императорской милости и всемилостивѣйше допустила каждаго изъ депутатовъ къ облобызанію руки. По непремѣнному приказанію его высококняжеской свѣтлости, г. генералъ-фельдмаршала и генералъ-губернатора, князя Репнина, всѣ депутаты были въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ. 3 марта, гг. депутаты заявили отъ имени города соболѣзнованіе и поздравленіе его королевскому высочеству герцогу Голштинскому, причемъ его королевское высочество милостивѣйше обѣщалъ охотно сдѣлать для преуспѣянія города Риги все съ его стороны возможное.

5 числа гг. депутаты представились его превосходительству, г. тайному совѣтнику, барону ф. Остерману и т. д.»

«Того же числа писано благошляхетному магистрату, что, по отсутствію его высококняжеской свѣтлости, князя Репнина, нашего генералъ-губернатора (который отправился обратно въ Ригу) и по наступленію поста, по городскимъ дѣламъ нельзя сдѣлать ничего плодотворнаго, а потому гг. депутаты на слѣдующей недѣлѣ хотятъ пуститься въ обратный путь въ Ригу.»

«Имѣвъ затѣмъ наиблагосклоннѣйшія «прощальныя представленія» у высшихъ сановниковъ имперіи, депутаты вручили 12

марта «генералъ-губернатору Ягужинскому», отъ имени города, прошеніе, относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, каковое прошеніе онъ сначала принялъ, но немедленно же возвратилъ, сказавъ, что у него бумаги, пожалуй, могутъ затеряться, и приказавъ подать ихъ въ канцелярію Правительствующаго Сената, а также и тѣ, кои вручены были судебнымъ войтомъ Каспари сенатскому секретарю Шульцу. Просительные пункты эти касались: 1) общаго подтвержденія всѣхъ привиллегій и т. под.; 2) утвержденія за городомъ имѣній Иксуль и Кирхгольмъ; 4) освобожденія города отъ отпуска довольствія гражданскимъ чиновникамъ; 4) освобожденія отъ постройки кораблей или дарованія просимой половинной льготы; 5) разрѣшенія: въ уплату долговыхъ на городѣ претензій съ стороны шведскихъ васалловъ и кредиторовъ зачислять изъ тѣхъ суммъ, кои шведская корона состоитъ должна городу и 6) всемилостивѣйшаго разрѣшенія поданныхъ 19 ноября 1721 года 28 пунктовъ.»

14 марта депутаты отправились обратно въ Ригу, куда прибыли частію 26, частію же не ранѣе 28 числа.

Примѣчаніе переводчика. Въ дополненіе къ этимъ донесеніямъ не излишне присовокупить слѣдующія подробности.

Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, человѣкъ, безспорно, способный и талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно своекорыстный, навлекъ на себя безчисленными злоупотребленіями по службѣ полное неудовольствіе императора. Онъ оштрафовалъ своего давняго любимца огромною суммою и выразился однажды про него такъ (см. Соловьева, XVIII т., стр. 156): «Меньшиковъ въ беззаконіи зачатъ, въ грѣсѣхъ родила мать его, и въ плутованьѣ скончаетъ животъ свой, и если онъ не поправится, то быть ему безъ головы». Меньшиковъ, однако, не исправлялся, тогда императоръ въ февралѣ 1724 года вызвалъ лифляндскаго генералъ-губернатора князя Репнина въ Петербургъ, отрѣшилъ Меньшикова отъ должности президента военной коллегіи и назначилъ на эту должность Репнина.

7 мая 1724 года въ Москвѣ происходило коронованіе супруги Петра Екатерины Алексѣевны и въ этотъ день князь Репнинъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ съ оставленіемъ въ должностяхъ президента военной коллегіи и лифляндскаго генералъ-губернатора.

Гибель Меньшикова казалась неизбѣжною: онъ былъ въ явной опалѣ у Петра именно за свое чрезмѣрное корыстолюбіе, но лѣтомъ того же 1724 г. Петръ сильно занемогъ, оправился во второй половинѣ сентября, въ началѣ октября, вопреки совѣтамъ своего медика Блюментроста, осматривалъ Ладожскій каналъ, былъ на Олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ и въ Старой Русѣ, въ первыхъ

числахъ ноября поѣхалъ водою въ Петербургъ, но тутъ у мѣстечка Лахты, спасая людей съ бота, сѣвшаго на мель, сильно простудился, стоя по поясъ въ водѣ, и уже не могъ оправиться. 16 января 1725 г. болѣзнь усилилась, а 28 января, въ 6 ч. утра, великаго императора уже не стало: Екатерина находилась при немъ безотлучно и закрыла ему глаза.

Императоръ умеръ, не назначивъ себѣ преемника. Родовитые вельможи: Голицынъ, Долгорукій, фельдмаршалъ князь Репнинъ, младшій Апраксинъ и другіе желали возвести на престолъ великаго князя Петра Алексѣевича, но лица, занимавшія высшія государственныя должности, выдвинутые Петромъ, во главѣ которыхъ стояли Меньшиковъ, Толстой, Ягужинскій и другіе, видя личную для себя опасность отъ воцаренія Петра, приложили всякое стараніе, чтобы возвести на престолъ Екатерину. Сторона Меньшикова взяла перевѣсъ, когда къ ней присталъ князь Репнинъ и канцлеръ Головкинъ. Екатерина Алексѣевна была объявлена императрицею въ самомъ скоромъ времени послѣ смерти Петра, такъ что въ Петербургѣ узнали утромъ 28 января одновременно какъ о кончинѣ императора, такъ и о восшествіи на престолъ императрицы.

30 января набальзамированное тѣло покойнаго императора было выставлено въ малой дворцовой залѣ, а генералы Брюсъ и Бокъ занялись приготовленіемъ печальной залы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о прибытіи въ Петербургъ на погребеніе покойнаго императора депутаціямъ отъ различныхъ городовъ, въ томъ числѣ и городовъ Лифляндіи и Эстляндіи.

13 февраля гробъ императора былъ перенесенъ въ печальную залу; въ первыхъ числахъ марта подлѣ императорскаго гроба поставили другой гробъ шестилѣтней дочери Петра, цесаревны Наталіи.

8 марта тѣло императора было вывезено въ Петропавловскій соборъ. Громадная процессія раздѣлялась на 166 номеровъ. По окончаніи литургіи Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ знаменитую рѣчь: »Что се есть? До чего мы дожили о россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ?»

Тѣло императора посыпали землею, закрыли гробъ, разослали на немъ императорскую мантію и оставили на катафалкѣ подъ балдахиномъ среди церкви. Тамъ оставался онъ до 21 мая 1731 года.

Рижскіе депутаты прожили въ Петербургѣ недѣлю послѣ перенесенія тѣла императора въ соборъ. Они доносили магистрату, будто фельдмаршалъ Репнинъ уѣхалъ въ Ригу еще до 5 марта. Это несправедливо: фельдмаршалъ Репнинъ не могъ выѣхать изъ Петербурга ранѣе 18 марта, ибо только въ этотъ день получилъ слѣдующій указъ императрицы:

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору лифляндскому господину князю Репнину.

Ѣхать вамъ въ Ригу и, пріѣхавъ, чинить слѣдующее:

1) Осмотрѣть всѣ магазейны, также артиллерію и амуницію, и въ чемъ есть недостатокъ, о томъ писать къ намъ, также въ сенатъ и въ воинскую коллегію, а наипаче имѣть стараніе о провіантѣ, чтобъ его всегда было въ магазейнахъ года на два, а по нуждѣ на полтора.

2) Развѣдать подлинно, всѣ ли рижскіе жители и лифляндское шляхетство и обыватели у присяги были, и ежели которые не были, о тѣхъ развѣдать подлиннѣе, для чего не были, и кто противны явились, о такихъ разыскивать и писать къ намъ.

3) Осмотрѣть фортификацію рижскую и цитадель, и гдѣ испортилось, въ тѣхъ мѣстахъ велѣть починить.

4) Питеръ-шанцъ, по вашему мнѣнію, также генералъ-маіора Кулонова и другихъ инженеровъ, надлежитъ снесть, а вмѣсто того сдѣлать траншаментъ на острову.

5) И какъ для сихъ, такъ и для исправленія губернскихъ дѣлъ надлежитъ вамъ быть тамъ на будущее лѣто, а между тѣмъ о нужныхъ дѣлахъ, о чемъ принадлежитъ, писать къ намъ, также и въ сенатъ; а въ осень, о пріѣздѣ вашемъ сюда, присланъ будетъ къ вамъ указъ.

6) Дѣла воинской коллегіи, въ небытіи вашемъ, исправлять членамъ, кои съ вами были, а между тѣмъ на время прикажемъ вѣдать генералу фельдмаршалу господину князю Меньшикову.

7) Освѣдомиться, не сыщутся-ли на выкупъ какіе закладные амты въ Курляндіи, также о прежнихъ покупныхъ курляндскихъ амтахъ, которые куплены на наши кабинетныя деньги, прислать къ намъ вѣдомость: коликое число оныхъ въ сборѣ было на прошлые годы денегъ и прочаго, и на что издержаны и что за тѣмъ есть въ остаткѣ.

8) О прочемъ, хотя чего здѣсь и не записано, а усмотрите что нужно будетъ намъ и государственному интересу, о томъ о всемъ развѣдывать и чинить, какъ честному въ свѣтѣ и доброму генералъ-фельдмаршалу надлежитъ, и наипаче имѣть осторожность отъ стороны Польской и Курляндіи, и ежели что новое услышите, о томъ писать къ намъ и въ сенатъ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, марта 18 дня 1725 г.»

Неизлишне здѣсь замѣтить, что Репнинъ и Меньшиковъ жили давно не въ ладахъ между собою, а назначеніе перваго президентомъ военной коллегіи, конечно, усилило нерасположеніе этихъ лицъ другъ къ другу. Свое нерасположеніе они выказывали гласно и не стѣсняясь. Такъ Лефортъ писалъ своему двору 7 ноября 1724

года: «Третьяго дня, на крестинахъ у Ягужинскаго, Меньшиковъ и Репнинъ сильно побранились между собою, взводя другъ на друга обвиненія въ семи смертныхъ грѣхахъ» (см. Herrmann, Geschichte des russischen Staates, IV, 443).

Возведеніе на престолъ Екатерины было торжествомъ и спасеніемъ для свѣтлѣйшаго князя. Въ послѣдніе дни жизни Петра онъ былъ уже на краю гибели; онъ бы погибъ непремѣнно, еслибы воцарился шестилѣтній Петръ Алексѣевичъ, но восшествіе на престолъ Екатерины, ревностной его защитницы предъ покойнымъ императоромъ, измѣнило все: онъ получилъ власть, какую только подданный можетъ имѣть, и получилъ обратно должность президента военной коллегіи. Меньшиковъ постарался удалить Репнина изъ Петербурга, но замѣчательны выраженія, употребленныя Екатериною въ пунктѣ о президенствѣ: она не отнимала этой должности у фельдмаршала, поручила Меньшикову какъ бы временное исправленіе ея. Это объясняется тѣмъ, что Екатерина не хотѣла обижать родовитыхъ людей, между которыми Репнинъ занималъ далеко не послѣднее мѣсто и которые были сильно возбуждены противъ подавляющаго значенія Меньшикова, человѣка вовсе не родовитаго.

Ливонскіе депутаты, привѣтствуя императрицу съ восшествіемъ на престолъ, ходатайствовали и о подтвержденіи правъ и преимуществъ ливонскихъ дворянскихъ обществъ и городовъ. Ходатайства ихъ были уважены и жалованныя грамоты лифляндскому шляхетству, эстляндскому княжеству и городу Ревелю состоялись 1 іюля 1725 г. (см. пол. соб. зак. пом. 4,743). Но Рига подтвержденія своихъ правъ и преимуществъ не получила, конечно, потому что рижскіе депутаты вручили генералъ-прокурору (а не генералъ-губернатору, какъ они писали) Ягужинскому свои прошенія, въ которыхъ кромѣ общаго подтвержденія правъ и преимуществъ, ходатайствовали о другихъ пунктахъ, подлежавшихъ рѣшенію сената. Подтвержденіе правъ и преимуществъ Риги послѣдовало 13 октября 1728 г. уже въ царствованіе Петра II.

Независимо отъ общаго подтвержденія правъ и преимуществъ ливонскихъ дворянскихъ обществъ, императрица Екатерина сенатскими указами отъ 8 іюля и 22 сентября 1725 г. пожаловала на содержаніе лифляндскихъ ландратовъ въ Венденскомъ уѣздѣ въ Трикатенскомъ кирхшпилѣ имѣнія: замокъ Трикатенъ, Альтврангельсгофъ, Плангофъ, Лубенгофъ, Липскальнъ и Ваценгофъ — всего 78½ гаковъ, а указомъ 31 мая 1725 г., назначила эстляндскія мастности Куймецъ и Напель быть, по прежнему, за ревельскимъ оберъландгерихтомъ.

Возвратившись въ Ригу въ концѣ марта 1725 г., князь Репнинъ жилъ уже не долго. Онъ умеръ въ этомъ городѣ 3 іюля

1726 г. и погребенъ въ Алексѣевской церкви. Въ замковой церкви и понынѣ хранится доска, на которой вырѣзана слѣдующая надпись:

Inclytus antiquo Russorum ex sanguine princeps,
Impleui partes principis egregii.
Smolensko vitam, Petrus mihi magnus honores,
Mars palmas, Riga at postera fata dedit.
Sortes sicce meas summo moderante Iehovah
Quinquaginta annos, octo et in orbe fui.

(т.-е. знаменитый князь изъ древняго русскаго рода, я выполнилъ обязанности доблестнаго князя. Смоленскъ далъ мнѣ жизнь, Петръ Великій почести, Марсъ пальмы, Рига-же послѣдующія судьбы. Произволеніемъ Божіимъ я прожилъ на семъ свѣтѣ 58 лѣтъ).

Должность лифляндскаго генералъ-губернатора оставалась не замѣщенною до 30 декабря 1726 года. Въ этотъ день состоялся именной указъ (см. пол. собр. зак. пом. 4993), объявленный сенату изъ верховнаго тайнаго совѣта. Въ указѣ этомъ повелѣвалось генералъ-кригсъ-комисару Григорію Петровичу Чернышеву ѣхать въ Ригу, принять отъ генерала Бока пункты (инструкціи), данные ему свѣтлѣйшимъ княземъ Меньшиковымъ, и управлять Лифляндіею по пунктамъ князя Репнина.

Къ исторіи крестьянскаго сословія въ Прибалтійскомъ краѣ.

I

Вступленіе.

Предполагая помѣщать подъ этою рубрикою матеріалы и статьи по крестьянскому вопросу въ Прибалтійскомъ краѣ, составитель этой книги считаетъ неизлишнимъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній на счетъ того положенія, въ которомъ находились лифляндскіе и эстляндскіе крестьяне въ то время, когда Лифляндія и Эстляндія окончательно вошли въ составъ Россійской имперіи.

Извѣстно, что русскіе застали крестьянъ въ Лифляндіи и Эстляндіи людьми уже обращенными въ крѣпостное состояніе. Извѣстно также (см. Приб. Сб. I, стр. 472), что трудно и даже невозможно сказать съ какого именно года эсто-латышскія племена, населявшія земли Ливоніи, обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ своихъ господъ, потому что это обращеніе совершалось постепенно и было результатомъ той системы землевладѣнія, которую принесли съ собою германскіе пришельцы.

Имѣются неоспоримыя свидѣтельства, что въ первые времена утвержденія пришельцевъ въ Ливоніи императоръ Фридрихъ II, папы Иннокентій III, Гонорій III и Григорій IX запрещали ордену порабощать ливонскихъ туземцевъ, грамотами старались обезпечить за ливонскими туземцами личную свободу, право собственности, владѣніе вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они пользовались до обращенія

въ христіанство. Но не грамотами и даже не договорами съ туземцами можно было бороться съ силою вещей, съ порядками, возникавшими на почвѣ, въ которой явились двѣ крайности: побѣдители (меньшинство) и побѣжденные (громадное большинство).

Чтобы удержать въ повиновеніи массы побѣжденныхъ, пришлось основать военное братство, пришлось за тѣмъ раздавать покоренныя земли въ лены вассаламъ.

Вассалъ, принявъ ленъ, долженъ былъ исполнять и свои обязанности въ отношеніи къ властителю; обязанъ былъ нести лично военную службу на конѣ и ставить съ лена извѣстное количество ратниковъ, обязанъ былъ также держать въ повиновеніи и туземное населеніе его лена. Но военная служба, но необходимость взиманія податей и сборовъ вызывали ропотъ и волненіе въ туземцахъ, до того времени вольныхъ. За ропотомъ слѣдовали возстанія, за возстаніями слѣдовали укрощенія, за укрощеніями слѣдовали наказанія и лишенія правъ и собственности, за лишеніемъ собственности послѣдовало въ концѣ концевъ то, что туземцы, какъ справедливо замѣтилъ Самсонъ въ своемъ сочиненіи объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія въ Прибалтійскомъ краѣ, постепенно и мало по малу сдѣлались сами собственностію своихъ владѣльцевъ.

Крѣпостное состояніе ливонскихъ туземцевъ развивалось съ годами и лишь со второй половины XV столѣтія является во всей своей силѣ. Ливонскіе туземцы ко второй половинѣ XV столѣтія были уже крѣпкими земли и стали именоваться бауэрами (Bauer, Paur) или наслѣдственными людьми — Erbleute *).

Если ленная система обусловила крѣпостное состояніе, то та же система и появленіе вассаловъ повлекло за собою раздѣленіе помѣщичьихъ земель на двѣ части: на земли мызныя и на крестьянскія дачи. Мызныя земли крестьяне обязаны были обрабатывать для своихъ господъ, крестьянскія дачи обрабатывались крестьянами для собственнаго своего пропитанія. Когда появилось такое раздѣленіе — опять же нельзя сказать со точностію, но только оно было очень древнее, едвали не современное первому появленію вассаловъ. Раздѣленіе земель на мызныя и крестьянскія повлекло за

*) Названіе бауэръ (Paur, Paurschaft) въ первый разъ встрѣчается въ актѣ соглашенія рыцарства, заключеннаго въ Ваймелѣ въ 1342 года. Въ актѣ подчиненія Сигизмунду Августу крестьяне называются rustici.

Не всѣ однакоже ливонскіе туземцы были обращены въ крѣпостныхъ людей. Нѣкоторые за оказанные ордену или епископамъ заслуги освобождались отъ крестьянскихъ повинностей и службъ и составили состояніе земскихъ свободныхъ людей (Freie, Landfreie); къ числу такихъ людей принадлежали короли курляндскіе (curische Könige), жившіе около Гольдингена.

За тяжкое преступленіе крестьянинъ обращался въ дрелла — совершеннаго уже раба своего помѣщика.

собою и раздѣленіе крестьянъ на три разряда: хозяевъ (Hakenmänner), батраковъ - работниковъ (Losbinder, Lostreiber) и дворовыхъ людей.

Хозяинъ пользовался крестьянскимъ участкомъ, за что въ пользу своего господина отбывалъ разныя барщины и повинности по его назначенію безъ малѣйшаго контроля со стороны властителя земли (епископа изъ ордена). Батракъ не имѣлъ осѣдлости, не имѣлъ земли и находился въ службѣ у крестьянина-хозяина. Дворовые люди состояли на службѣ у помѣщика, въ его дворѣ.

Лишившись собственности, сдѣлавшись собственностью властителя и его рабочею силою, ливонскіе туземцы чрезвычайно обѣднѣли, а крайнее обѣдненіе повлекло за собою не только огрубеніе, но даже одичаніе всей массы туземцевъ, какъ бы въ оправданіе старинаго изреченія «горе побѣжденнымъ!».

Мы видѣли картину ливонскаго общества средины XVI столѣтія, нарисованную ревельскимъ пасторомъ (см. выше стр. 319 — 326). Крестьянинъ въ это время уже не имѣлъ никакой собственности; все что онъ вырабатывалъ принадлежало его господину, какъ accessorium. Помѣщику принадлежалъ судъ гражданскій и уголовный въ его владѣніяхъ; онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими подданными, не говоря уже объ исправительныхъ наказаніяхъ, которыя помѣщикъ могъ по произволу налагать на своихъ крестьянъ. Судьба и положеніе крестьянъ ухудшались съ каждымъ годомъ, но иначе и не могло быть: само ливонское общество, основанное не на гражданской почвѣ, къ срединѣ XVI столѣтія стало видимо разлагаться и тутъ-то, когда разложеніе пошло со всѣхъ сторонъ, Ливонія съ 1558 г. является театромъ войны продолжительной и чрезвычайно опустошительной.

Къ 1561 году ливонское зданіе рухнуло, распавшись на части. Наступилъ новый порядокъ вещей, какъ въ части отошедшей къ Рѣчѣ Посполитой Польской, такъ и въ части, отошедшей къ Швеціи.

Орденъ прекратилъ свое существованіе; въ 1566 году со смертію послѣдняго рижскаго архіепископа Вильгельма, прекратило свое существованіе и рижское архіепископство; бывшіе братья рыцарства и бывшіе вассалы обратились въ дворянское сословіе. Многочисленныя орденскія имѣнія, не розданныя въ лены и служившія на содержаніе орденскихъ братьевъ и сановниковъ, обратились въ имѣнія государственныя, сдававшіяся въ аренду на помѣщичьемъ правѣ; нѣкоторыя изъ бывшихъ епископскихъ имѣній были приписаны къ новому епископству венденскому, къ церквамъ и богоугоднымъ заведеніямъ, а бывшіе епископскіе и орденскіе лены обратились въ помѣщичьи земли. Сообразно такимъ перемѣнамъ, происшедшимъ съ 1561 года въ земляхъ, приставшихъ къ Польшѣ, появились крестьяне королевскіе, т. е. казенные разныхъ именованій: старостинскіе,

экономическіе и проч.; крестьяне монастырскіе, приписанные къ епископству, церквамъ и богоугоднымъ заведеніямъ и, наконецъ, крестьяне помѣщичьи (Rustici dominis subditi). Почти тоже самое произошло и въ Эстляндіи, отошедшей къ Швеціи.

Польское правительство, вводя въ новоприсоединенныхъ земляхъ польскіе порядки, ничего, однако, не сдѣлало для улучшенія быта крестьянъ. Правда, король Стефанъ Баторій въ 1582 г. объявилъ лифляндскому дворянству, что необходимо облегчить участь туземнаго населенія, угнетеннаго страшнымъ образомъ (miris modis). Чрезъ четыре года, въ 1586 г., сендомирскій и маріенбургскій воевода Богуславскій, именемъ короля Стефана, предложилъ на ландтагѣ лифляндскому дворянству прекратить на будущее время жестокія наказанія крестьянъ и не налагать на нихъ повинностей свыше установленныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, поставляя на видъ дворянству, что лифляндскіе крестьяне до того угнетены, «что во всемъ мірѣ, даже между варварами и язычниками ничего подобнаго не видано». Значитъ, положеніе польскихъ «хлоповъ», для которыхъ, по единогласному свидѣтельству современниковъ, Рѣчь Посполитая Польская была адомъ, было лучше тогдашняго положенія ливонскихъ туземцевъ. Но ливонскіе дворяне отвѣтили, что если нѣкоторые помѣщики обходятся жестоко со своими крестьянами, то должны за это и отвѣчать, большая же часть дворянъ оказываетъ своимъ крестьянамъ дѣйствительное вспоможеніе. Говорятъ, будто Баторій, между прочимъ, хотѣлъ замѣнить тѣлесныя наказанія денежными пенями, но что крестьяне, находившіеся въ страшной нищетѣ, сами протестовали противъ денежныхъ взысканій. Король, узнавъ объ этомъ, будто бы воскликнулъ: «Phryges non nisi plagis emendatur!» (то есть рабы фригійцы только побоями исправляются). Есть извѣстіе, что въ 1597 году король Сигизмундъ III запретилъ арендаторамъ казенныхъ имѣній облагать крестьянъ новыми произвольными поборами, что на ландтагѣ 1598 г. дворянство хотѣло сдѣлать такое же постановленіе и въ отношеніи помѣщичьихъ имѣній, отказавшись отъ привиллегіи исключительнаго торга въ своихъ имѣніяхъ и разрѣшивъ крестьянамъ продавать излишекъ своихъ произведеній и покупать нужное для себя въ городахъ.

Но въ польскія времена все и окончилось благими пожеланіями, такъ какъ и самое польское господство продолжалось на дѣлѣ не болѣе 40 лѣтъ. Въ самомъ началѣ XVII столѣтія, началась война между Швеціею и Польшею и ливонскія поля на цѣлыхъ 30 лѣтъ сдѣлались снова ареною военныхъ стычекъ, сраженій, набѣговъ и хозяйства польскихъ, шведскихъ и русскихъ солдатъ. Каково было это хозяйство, можно судить изъ того, что къ 1630 г. въ рижскомъ уѣздѣ изъ 17 церквей остались неразоренными 6; въ дерптскомъ изъ 27 осталось 7. Множество мѣстечекъ было разорено

до чиста, а въ имѣніяхъ число способныхъ къ работѣ крестьянъ уменьшилось до самой послѣдней степени. Въ имѣніи Гохрозенъ, напримѣръ, въ 35 усадьбахъ насчитывалось только 13 человѣкъ, способныхъ къ работѣ, въ имѣніи Кадферъ, въ 30 усадьбахъ, только восемь человѣкъ.

Тридцать лѣтъ прошло въ смутахъ, пока, наконецъ, польскій король Сигизмундъ III, въ сентябрѣ 1629 года, по Альтмаркскому трактату уступилъ Лифляндію шведамъ, впредь до заключенія окончательнаго мира, который и послѣдовалъ въ Оливѣ, но уже въ 1660 г. Польша на всегда отказалась отъ Лифляндіи, оставивъ за собою только южную часть ея, такъ называемую польскую Лифляндію, которою она владѣла съ 1557 г.

Лифляндія съ 1629 г. снова соединилась съ Эстляндіею и испытала новыя перемѣны. Польскіе порядки были отмѣнены и замѣнены порядками шведскими.

Къ чести шведскаго правительства слѣдуетъ сказать, что оно много заботилось о внутреннихъ дѣлахъ Лифляндіи и Эстляндіи, преобразовало и улучшило администрацію края и судебную часть; многія изъ распоряженій и мѣропріятій шведовъ дѣйствуютъ даже по нынѣ (напр. о ландтагахъ); многія изъ шведскихъ мѣропріятій были для своего времени безусловно хороши; многія долго сохранялись, наприм., положеніе о казенныхъ крестьянахъ. Не умѣстно, однако же, въ этой замѣткѣ излагать подробности шведскаго господства, но умѣстно, сказать, что короли шведскіе, начиная съ Эриха XIV до Карла XI, старались по возможности улучшить бытъ и положеніе ливонскихъ крестьянъ и опредѣлить наконецъ такимъ образомъ крестьянскія повинности, чтобъ обуздать помѣщичій произволъ, при существованіи котораго не мыслимо никакое улучшеніе сельскаго быта.

Еще въ 1601 году, слѣд. до присоединенія Лифляндіи къ Швеціи, герцогъ Зюдерманландскій (впослѣдствіи король Карлъ IX) предложилъ лифляндскимъ дворянамъ даровать своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ свободу и дозволить ихъ дѣтямъ посѣщать школы, но это предложеніе кончилось ничѣмъ. Густавъ Адольфъ въ 1632 году отнялъ у дворянъ право гражданскаго и уголовнаго суда надъ крестьянами, и оставилъ помѣщикамъ только право домашнихъ наказаній (Hauszucht); въ томъ же 1632 году была произведена ревизія всѣмъ вообще землямъ.

Но самыя важныя и рѣшительныя мѣропріятія по крестьянскому вопросу послѣдовали лишь полстолѣтіе спустя послѣ Густава Адольфа, именно во время короля Карла XI. Въ 1681 г. на ландтагѣ въ Ригѣ генералъ-губернаторъ Лейтунъ снова предложилъ дворянству освободить крестьянъ въ видахъ поднять экономическое состояніе края, но дворянство отвергло это предложеніе какъ преждевременное. Съ этого именно времени и начинается по крестьянскому

вопросу рядъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшими были: превращеніе лифляндскихъ леновъ въ маплены, дарованіе права владѣнія земскими имуществами всѣмъ шведскимъ дворянамъ и рижскимъ гражданамъ, опредѣленіе крестьянскихъ повинностей, положеніе объ управленіи казенными имѣніями, наконецъ такъ называемая редукція или отобраніе въ казну имѣній, неправильно отошедшихъ изъ казеннаго въ частное владѣніе.

Превращеніе леновъ въ маплены (императрица Екатерина II, приступая къ введенію въ Лифляндію и Эстляндію общаго учрежденія о губерніяхъ, всѣ маплены въ 1783 году обратила въ аллодіи, т. е. наслѣдственныя вотчины) совершилось примѣненіемъ въ Лифляндіи Норчерпинскаго сеймоваго постановленія 1604 г., въ силу котораго: 1) при всякомъ вступленіи на престолъ, владѣльцы вотчинъ обязаны были, каждый отдѣльно, просить отъ короля утвержденія ихъ правъ; 2) никому не дозволялось отчуждать или отдавать вотчину въ заставное владѣніе, не представивъ о томъ королю на случай не соизволитъ ли онъ пріобрѣсти это имѣніе; 3) вотчина умершаго безъ наслѣдниковъ мужескаго пола въ нисходящей прямой линіи, возвращается въ казну и не переходитъ къ наслѣдникамъ по линіямъ боковымъ и 4) если умершій оставитъ дочь, то казна обязана дать ей приданое, или же, если мужъ ея окажется того достойнымъ, отдать вотчину въ ленъ ему и его наслѣдникамъ мужескаго пола по нисходящей линіи.

Такое превращеніе леновъ въ маплены предшествовало къ принятію въ Лифляндіи и Эстляндіи постановленія сеймовъ 1655 и 1681 года, по которому полагалось отобрать въ казну во всѣхъ областяхъ шведскаго государства всѣ вотчины, принадлежавшія когда либо правительству и поступившія въ частное владѣніе незаконнымъ образомъ.

Здѣсь опять не умѣстно разсуждать худо или хорошо поступило шведское правительство, примѣнивъ законъ объ отобраніи имѣній (редукціи) къ Лифляндіи и Эстляндіи, достаточно лишь замѣтить, что просьбы и ходатайства дворянъ о нераспространеніи закона о редукціи на лифляндскія и эстляндскія неказенныя имѣнія не помогли. Свой отказъ шведское правительство основывало на томъ, что въ грамотѣ архіепископа Сильвестра (см. выше стр. XXI, 259 и 262) выраженіе до «пятаго колѣна мужескаго и женскаго» не означаетъ вѣчнаго владѣнія, а должно быть принято буквально, къ тому же и привилегія Сигизмунда Августа 1561 г. (см. выше стр. 403) никогда не была утверждаема шведскими королями.

Въ 1681 году редукція началась въ Лифляндіи. Были учреждены три коммисіи: редукціонная, разбиравшая права, по которымъ имѣнія дошли до тогдашнихъ владѣльцевъ; ликвидаціонная, разсматривавшая и удовлетворявшая долговыя требованія част-

ныхъ лицъ, давшихъ правительству деньги въ займы подъ залогъ имѣній; обсервაціонная, разсматривавшая прежнее управленіе отобранныхъ въ казну имѣній и подвергавшая наказанію виновныхъ въ упущеніяхъ или подлогахъ. Шведскіе комисары начали отбирать въ казну сперва только имѣнія, которыя по постановленію 1604 года должны были считаться незаконно пріобрѣтенными уже при Карлѣ XI, а потомъ всѣ вообще имѣнія, владѣнія которыхъ выходило изъ предѣловъ, постановленныхъ на Норчепингскомъ сеймѣ. Никакихъ послабленій при редукціи не дозволялось, и единственное облегченіе, допущенное королемъ, состояло въ томъ, что имѣнія, приносившія дохода не болѣе 600 талеровъ, отданы бывшимъ ихъ владѣльцамъ въ вѣчную аренду съ пожалованіемъ одной трети или всей арендной суммы. Отъ этого произошли названія имѣній терціальныхъ и граціальныхъ. Комисары дѣйствовали столь рѣшительно, что изъ 6323 гаковъ, находившихся въ рукахъ частныхъ лицъ, 5223 были отобраны въ казну и только 1021 гакъ оставлены за дворянствомъ и 79 за пасторами. Такимъ образомъ $^5/_6$ всѣхъ лифляндскихъ имѣній сдѣлались казенными и слѣд. подлежавшими къ сдачѣ въ аренду, а лишь $^1/_6$ часть осталась за дворянами и пасторатами.

Въ то самое время, когда крутой законъ приводился въ исполненіе въ Лифляндіи и Эстляндіи, шведское правительство занималось обсужденіемъ весьма важныхъ, а для крестьянъ безусловно полезныхъ, мѣропріятій по опредѣленію крестьянскихъ повинностей и барщинныхъ работъ и составленію положенія для управленія казенныхъ имѣній.

Такія мѣропріятія дѣйствительно составляли предметъ крайней необходимости. Во 1-хъ крестьянскія повинности въ земляхъ Лифляндіи и Эстляндіи были весьма разнообразны и совершенно произвольны. Такъ, напримѣръ, въ 1601 г., подати натурою съ одного гака крестьянской земли, съ котораго барщинная работа, по старинному обычаю, должна была производиться двумя плугами (или сохами) ежедневно, въ бывшемъ дерптскомъ епископствѣ не превышали $3^1/_3$ четвертей (10 лофовъ) ржи, $2^2/_3$ четвертей (8 лофовъ) ячменя и $1^1/_3$ четверти (4 лофа) овса; въ окрестностяхъ-же Тарвастскаго замка (Перновскаго уѣзда) подати натурою съ одного же гака составляли уже по $6^2/_3$ четверти ржи, ячменя и овса, $^1/_2$ четверти гороху. Во 2-хъ многочисленныя казенныя имѣнія, образовавшіяся въ большинствѣ своемъ изъ бывшихъ орденскихъ имѣній и изъ отобранныхъ, вслѣдствіе редукціи, сдавались въ аренду и управлялись арендаторами на помѣщичьемъ правѣ. Арендаторъ казеннаго имѣнія имѣлъ право требовать съ крестьянъ, водворенныхъ въ этомъ имѣніи, исполненія барщинныхъ работъ, но если количество этихъ работъ не было опредѣлено съ совершенною точностію, то сколько могло возникать и дѣйствительно возникало жалобъ на произволъ и насилія?

Неопредѣленность и неравномѣрность сборовъ и барщинныхъ работъ крайне вредно отзывались на положеніи крестьянъ, не были выгодны и казнѣ, потому именно шведское правительство и рѣшилось уравнять повинности соразмѣрно съ находящеюся въ крестьянскомъ пользованіи землею и тѣмъ самымъ возвысить стоимость и доходность казенныхъ имѣній. Установивъ что слѣдуетъ считать гакомъ (участкомъ земли, съ котораго исчислялись всѣ повинности какъ господскія, такъ и государственныя), произведя въ 1683 — 1687 г. обмежеваніе (это обмежеваніе было произведено черезъ-чуръ поспѣшно и неудовлетворительно) всѣхъ лифляндскихъ вотчинъ, шведское правительство издало оцѣночныя правила, полную податную систему и опредѣлило повинности крестьянъ. Въ 1696 году было издано положеніе объ управленіи казенными имѣніями, дѣйствовавшее въ Лифляндіи до самаго учрежденія палаты государственныхъ имуществъ, при чемъ установлялись штрафы съ арендаторовъ за всякій переборъ въ повинностяхъ, запрещалось наряжать крестьянъ въ чужія имѣнія, урѣзывать крестьянскія земли, отбирать у хозяевъ дворы безъ законной на то причины. Въ 1697 г. шведское правительство рѣшилось распространить положеніе о казенныхъ имѣніяхъ на всѣ частныя имѣнія и объявило ландтагу повелѣніе принять это положеніе въ основаніе для опредѣленія обоюдныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, но начавшаяся съ 1700 г. сѣверная война воспрепятствовала довершенію крестьянской реформы. Законодательство и мирное развитіе снова уступило мѣсто оружію.

Положеніе ливонскихъ земель, присягнувшихъ Петру Великому въ 1710 году, было самое печальное. Еще въ 1702 г., дабы «войска шведскія не имѣли въ Лифлянтахъ довольства», Борисъ Петровичъ Шереметевъ прошелъ всю Лифляндію вдоль и поперегъ, истребляя все встрѣчное: остались цѣлыми «Перновъ да Ревель и межъ ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ около моря-же, да Рига». Въ слѣдующемъ 1703 году Шереметевъ «учинилъ плѣнъ и разореніе» Эстляндіи.

Плѣнъ и разореніе въ тѣ времена означало совершенное истребленіе движимаго и недвижимаго имущества жителей и уводъ въ плѣнъ всего, что не успѣвало спастись въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ и болотахъ. Многія города, сотни деревень и городковъ опустѣли и превратились въ развалины.

Въ 1709 г. голодъ, а въ 1710 г. чума увеличили несчастія ливонцевъ нѣмцевъ и ненѣмцевъ. Шведская редукція разорила еще до войны все дворянское сословіе Лифляндіи и Эстляндіи; война, голодъ и чума довершила разореніе и помѣщиковъ, и горожанъ, и крестьянъ ливонскихъ.

Но вотъ совершилась новая перемѣна. Ливонія сдѣлалась, наконецъ, тѣмъ, чѣмъ судили ей быть ея географическія условія,

самый ходъ ея исторіи, — сдѣлалась нераздѣльною частію Россійской имперіи.

Мы видѣли (см. выше стр. 466 и 470) чего желали, чего просили, чего добивались лифляндское и эстляндское дворянства въ рѣшительную для нихъ минуту. Дворянства желали и добивались полной отмѣны разорительныхъ для нихъ шведскихъ мѣропріятій по редукціи и, по возможности, возстановленія того, что они уже имѣли до перемѣны, происшедшей съ 1561 года. Главная же забота дворянъ была та, чтобы въ 1-хъ имъ были возвращены имѣнія, отобранныя у нихъ шведами; во 2-хъ, чтобы мѣстные дворяне исключительно были землевладѣльцами въ краѣ и, наконецъ, въ 3-хъ, чтобы казенныя имѣнія, число которыхъ въ тѣ времена, до обратнаго возвращенія владѣльцамъ, было весьма значительно и едва ли не въ шесть разъ превосходило число частныхъ владѣній, были сдаваемы въ аренду исключительно дворянамъ же. Что дворяне хлопотали о своихъ выгодахъ, то это и понятно и естественно, но что заботу о своихъ выгодахъ они довели до совершеннаго забвенія выгодъ своихъ крестьянъ, то это, конечно, не дѣлаетъ имъ чести. Предлагая Шереметеву договорныя статьи, дворяне ни единымъ словомъ не упомянули о крестьянахъ и о томъ, что шведское правительство положило прочное основаніе обезпеченію хозяйственнаго ихъ быта установленіемъ неотъемлемаго поземельнаго надѣла и обязательной нормы издѣльной повинности (вакенбухи). О крестьянахъ вспомнили только въ 21 статьѣ акордныхъ пунктовъ, въ которой сказано: «Такожде и во время войны съ Россіею отвезенное крестьянство оттуда отпущается и каждый изъ оныхъ въ прежнее мѣсто безопасно отправляется, дабы земля крестьянъ имѣла, и чтобъ не осталось она въ явный вредъ отчасти не обработана», т. е. хлопотали о возвращеніи рабочей силы и больше ничего, безъ малѣйшаго упоминанія о правахъ крестьянъ, для которыхъ Bauerland (крестьянская земля) и Wackenbuch (вѣдомость повинностямъ—своего рода уставная грамота) составляли привиллегію, конечно, поважнѣе всякихъ привиллегій de non apellando или шраговъ шварцгейптеровъ (черноголовыхъ—нѣкогда военное братство, а впослѣдствіи общество холостяковъ — купцовъ).

Какъ бы то ни было, но почти всѣ просьбы и ходатайства дворянъ были приняты и утверждены. Законъ о редукціи былъ отмѣненъ при самомъ вступленіи Лифляндіи и Эстляндіи въ русское подданство, а за тѣмъ по заключеніи Ништатскаго мира (см. выше стр. 495) были учреждены въ Лифляндіи (въ октября 1721 года), а потомъ и въ Эстляндіи, такъ называемыяреституціонныя коммисіи, подчиненныя сенату.

Въ 1723 г. (П. С. З. ном. 4397) этимъ коммисіямъ было предписано, чтобы онѣ и мастности прямымъ владѣльцамъ, которыя кому по правамъ и по доказательнымъ документамъ безспорно при-

надлежатъ, возвращали и во владѣніе отдавали, не ожидая на такія безспорныя дѣла конфирмаціи правительствующаго сената, а о которыхъ маетностяхъ произойдутъ какіе споры, о нихъ, учиня сентенціи, для апробаціи присылать въ сенатъ. При возвращеніи имѣній реституціонныя коммисіи не обращали никакого вниманія на различіе между вотчинами и граціальными и терціальными имѣніями, вѣчными арендами и ленами, розданными по положенію Норчепингскаго сейма 1604 г. Кромѣ того было высочайше соизволено, чтобы владѣльцы леновъ были навсегда освобождены отъ обязанности просить, при перемѣнѣ правленія, о подтвержденіи своихъ правъ на лены.

При возвращеніи имѣній дворянству дѣло не обошлось безъ споровъ. Прежде всего дворянство заспорило съ рижскими гражданами. Извѣстно, что шведское правительство даровало рижскимъ гражданамъ право владѣть вотчинами на томъ же основаніи, какъ и лифляндскіе дворяне, съ тѣмъ, чтобы граждане, наравнѣ съ прочими владѣльцами, исправляли надлежащія повинности и обыкновенную службу, и состояли по владѣнію земскими имуществами въ вѣдомствѣ судовъ земскихъ. Это право было подтверждено гражданамъ въ числѣ прочихъ правъ и преимуществъ, полученныхъ ими при вступленіи въ русское подданство. Дворянство же съ своей стороны ходатайствовало о предоставленіи ему исключительнаго права на покупку и выкупъ дворянскихъ имѣній, каковое право и получило по 19 пункту аккордныхъ пунктовъ 1710 г. Такимъ образомъ въ правѣ на земское владѣніе рижскіе граждане столкнулись съ дворянствомъ. Дворянство хотѣло устранить рижскихъ гражданъ отъ всякихъ правъ на владѣніе имѣніями; граждане же съ своей стороны не безъ основаній доказывали, что они пользовались правомъ земскаго владѣнія во все продолженіе польскаго и шведскаго правленій и что фельдмаршалъ Шереметевъ, при заключеніи условій сдачи, не могъ и не хотѣлъ предоставить какія бы то ни были новыя дворянству права, а подтвердилъ обѣимъ сторонамъ только то, что каждому изъ нихъ принадлежало по закону. Тогда дворянство обратилось къ барону Левенвольде, посланному Петромъ Великимъ въ Лифляндію для устройства дѣлъ этого края и тотъ, въ разрѣшеніе спора между рижскими гражданами и дворянствомъ, далъ 27 сентября 1711 года слѣдующую резолюцію: «Такъ какъ сообразно благопріобрѣтеннымъ и при нынѣшней перемѣнѣ правительства подтвержденнымъ его царскимъ величествомъ привиллегіямъ рыцарства, чтобы оно одно имѣло право покупать дворянскія имѣнія въ Лифляндіи, то по силѣ 19 пункта капитуляціи, всѣ граждане, которые въ прежнее время купили дворянскія имѣнія, обязаны отдать оныя дворянамъ за продажную цѣну, и все, что къ тому причиняется». Не мѣшаетъ замѣтить, что право выкупа, предоставленнаго дворянству, неограни-

чивалось никакимъ срокомъ, и эта неопредѣленность подавала поводъ къ немалымъ пререканіямъ и даже злоупотребленіямъ.

Вслѣдъ за этимъ возникъ вопросъ объ арендномъ содержаніи государственныхъ имуществъ. Многія изъ этихъ имуществъ находились во владѣніи гражданъ по заставамъ отъ шведскаго правительства. Дворянство, подавъ 1 марта 1712 г. всеподданнѣйшій меморіалъ (см. П. С. З. ном. 2496) о разныхъ своихъ нуждахъ, въ 9 пунктѣ этого меморіала ходатайствовало объ отмѣнѣ гражданамъ владѣнія имѣніями по закладному праву какъ несовмѣстнаго съ дворянскими правами и преимуществами, ибо въ привиллегіяхъ дворянства именно сказано, что никто, кромѣ дворянина, маетностями въ землѣ владѣть не можетъ, и въ шведскія времена тѣмъ дворянству сильно предосужденіе учинено, что гражданамъ владѣть маетностями позволено было. Ходатайствуя объ отмѣнѣ закладнаго права для гражданъ, дворянство просило объ исключительномъ допущеніи его ко владѣнію государственными арендами. За отсутствіемъ государя, отвѣты на названный меморіалъ были даны княземъ Меньшиковымъ; въ резолюціи противъ 9 пункта было объявлено дворянству, что оно, при пользованіи государственными арендами, всегда должно имѣть преимущество предъ гражданами, но что Его Царское Величество и «гражданъ обижать не хочетъ.»

Впослѣдствіи право преимущественнаго пользованія казенными арендами было предоставлено дворянству и вновь подтверждено въ 1745 году (смотри П. С. З. номеръ 8319). Въ 1763 г. это право было опять подтверждено (см. П. С. З. ном. 11984), съ изъятіемъ, однако же, случаевъ всемилостивѣйшаго пожалованія арендъ. Право пользованія казенными арендами дворянамъ, принадлежащимъ къ сословіямъ рыцарствъ: лифляндскаго, эстляндскаго и эзельскаго, продолжалось до 1840 г. Въ этомъ году правительство, преобразовавъ общій порядокъ управленія государственными имуществами, преобразовало и порядокъ отдачи въ арендное содержаніе казенныхъ имѣній въ Прибалтійскомъ краѣ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 9 іюня 1840 г. было постановлено: казенныя имѣнія отдавать въ арендное содержаніе неиначе какъ съ торговъ и всѣ состоянія равномѣрно допустить къ полученію казенныхъ имѣній въ аренду. Съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ сохраняется и по настоящее время.

Пріобрѣвъ себѣ въ 1710 г. обширныя права по владѣнію имѣніями и деревнями, по арендамъ казенныхъ мызъ и пр., дворяне не явились, однакоже, щедрыми по отношенію къ крестьянамъ. Шведскія оцѣночныя правила повинностей и работъ пришли въ совершенное забвеніе. Дворянство возвратилось ко временамъ Сигизмунда-Августа, и съ тѣмъ вмѣстѣ возвратился и старый произволъ. А произволъ пошелъ старый до того, что въ 1710 г. русское прави-

тельство выпуждено было требовать отъ помѣщиковъ, чтобъ они не препятствовали свободѣ браковъ между крестьянами, а чрезъ нѣкоторое время выпуждено было издать запрещеніе арендаторамъ казенныхъ имѣній самовольно располагать повинностями крестьянъ, брать ихъ въ услуженіе или отдавать ихъ службу въ наемъ другимъ хозяевамъ.

Правительство конечно не желало помѣщичьяго произвола, но помѣщики, опираясь на жалованныя грамоты, крѣпко стояли на своемъ, такъ что въ 1739 г. лифляндскій ландратъ баронъ Розенъ, отъ имени дворянства, донесъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, что всякое имущество, пріобрѣтенное крѣпостнымъ, необходимо принадлежитъ помѣщику, какъ accessorium, что нельзя не только уменьшить, но даже опредѣлить мѣру исправительныхъ наказаній, что слѣдуетъ воспретить пріемъ жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ, такъ какъ злоупотребленій власти нѣтъ и не можетъ быть, ибо разореніе крестьянъ влечетъ за собою и разореніе помѣщика, слѣд. помѣщикъ уже въ своихъ интересахъ не можетъ угнетать и разорять крѣпостныхъ. Отвѣта не послѣдовало, по крайней мѣрѣ отвѣтъ юстицъ-коллегіи на это заявленіе неизвѣстенъ. Знаемъ лишь, что серьезныя мѣры объ улучшеніи быта ливонскихъ крестьянъ начинаются гораздо позднѣе, только къ концу XVIII столѣтія.

Но было ли по крайней мѣрѣ правительство довольно лифляндскими арендаторами и ландратскою коллегіею въ первые годы послѣ Ништатскаго мира? Едва-ли было довольно, какъ то читатель усмотритъ изъ нижеслѣдующихъ документовъ, относящихся къ царствованію Анны Іоанновны, слѣд. ко времени 15 — 20 лѣтъ, протекшему послѣ Ништатскаго мира и учрежденія реституціонныхъ коммиссій.

II

Указы о лифляндскихъ арендахъ, состоявшіеся въ царствованіе Анны Іоанновны.

(Извлечены изъ бывшаго генералъ-губернаторскаго архива).

1.

Кабинетскій указъ генералу директору экономіи (должность соотвѣтствующая управляющему государственными имуществами) Фелкерзаму отъ 12 ноября 1735 г.

Крестьяне подданные нашихъ Маріенбургскихъ въ Лифляндіи мастностей всеподданнѣйше жалобу къ намъ приносили, какъ о учиненныхъ имъ отъ помѣщика несносныхъ насильствахъ и утѣсне-

ніяхъ, такъ же и о неполученіи по прошеніямъ своимъ у ландгерихта судебной расправы и справедливости, какъ вы то изъ приложенной при семъ копіи съ поданной намъ челобитной пространнѣе усмотрѣть имѣете, а понеже такія въ земляхъ и надъ подданными нашими чинящіяся насильства и непозволяемые поступки намъ не инако какъ весьма противны быть могутъ по неотмѣнному нашему наикрѣпчайшему и всемилостивѣйшему намѣренію, чтобъ каждому въ основательныхъ своихъ жалобахъ безъ наималѣйшаго изобиженія и лицемѣрности всегда надлежащая справедливость и правосудіе показано было.

Того ради мы нашего статсъ комисара фонъ Салцена определили и отсюду отправили, чтобъ онъ такія жалобы и обиды надлежащимъ образомъ изслѣдовалъ въ присутствіи двухъ къ томужъ отъ насъ изъ регирунга да изъ шляхетства опредѣленными персонами, якоже мы вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ вы потому какъ изъ регирунга также изъ шляхетства по одному человѣку, кого вы къ тому наиспособнѣйшаго и исправнѣйшаго быть разсуждаете, выбрали и къ общему съ помянутымъ фонъ Салценомъ разсмотрѣнію и прилежному изслѣдованію и поправленію всѣхъ такихъ крестьянамъ учиненыхъ обидъ также и съ стороны земскаго суда при оныхъ дѣлахъ и происхожденіяхъ показанныхъ поступковъ съ надлежащимъ наставленіемъ такимъ образомъ опредѣлили, дабы о немедленномъ и справедливомъ прекращеніи и поправленіи всѣхъ такихъ жалобъ прилежное попеченіе приложено и къ намъ обстоятельное о всемъ доношеніе и извѣстіе прислано было.

Впрочемъ мы отъ васъ всемѣрно ожидаемъ, что вы по должности чина вашего наиприлежнѣйше того смотрѣть будете, дабы такіе нашимъ о благополучіи нашихъ подданныхъ всемилостивѣйшимъ намѣреніемъ весьма противные безпорядки между шляхетствомъ не происходили, и особливо такими отъ арендаторовъ надъ крестьянами насильствами и утѣсненіями наши маетности разорены и такимъ безпорядочнымъ администраціямъ отданы не были, такъ же и наипаче то надлежащимъ образомъ престеречь потребно, чтобъ при земскихъ судахъ по регулѣ справедливости и правосудія безъ наименѣйшаго пристрастія или лицемѣрности всегда поступлено и никому свободная къ онымъ дорога къ полученію справедливыхъ во всемъ рѣшеній препятствована не была, въ чемъ мы на ваше вѣрное радѣніе весьма надѣемся. А ежели въ вышеписанномъ дѣлѣ явится крестьянская жалоба основательна, то имѣете оного капитана Липгарта депосидировать и администрацію кому иному достойному поручить. По Ея Имп. Вел. указу (подписали): Андрей Остерманъ, Павелъ Ягужинской, князь Алексѣй Черкасской.

P. S. Понеже вышепомянутой статсъ-коммисаръ фонъ Салценъ при означенной коммисіи главнѣйшимъ членомъ отъ Ея Имп.

Величества имянно опредѣленъ того ради, при учрежденіи отъ васъ по вышеписанному указу прочихъ къ оному дѣлу присутствовать имѣющихъ персонъ, такимъ образомъ поступать надлежитъ, чтобъ онъ фонъ Салценъ безъ всякаго прекословія президіумъ при оной коммисіи имѣлъ.

2.

Кабинетскій указъ генералу экономіи директору Фелькерзаму отъ 5 іюня 1736 г.

Доношеніе ваше отъ 5 мая исправно здѣсь получено, въ которомъ о произведенномъ въ дѣлѣ капитана Липгарда изслѣдованіи, и какимъ образомъ оное окончалось доносите, представляя свое всеподданнѣйшее мнѣніе, что хотя по обстоятельствамъ дѣлъ и онаго Липгарда поступковъ владѣнія оной нашей маетности по прежнему нашему къ вамъ указу его конечно лишить надлежитъ, тобъ однакоже онъ въ разсужденіи показанныхъ отъ васъ причинъ еще на нынѣшній годъ и пока другой способной и достаточной арендаторъ сыщется, кому такая важная аренда повѣрена быть моглабъ, при оной оставленъ былъ. Но понеже тѣхъ маетностей крестьяне нынѣ вновь сюда пріѣзжая на помянутаго Липгарда челобитную о продолжающемся отъ него по окончаніи учрежденной коммисіи еще вящимъ огорченіемъ, безпорядочномъ управленіи и великихъ онымъ крестьянамъ утѣсненіяхъ подали, также и притомъ на рѣшеніе оной коммисіи и что отъ ней мало сатисфакціи имъ исходатайствовано, жалобу приносили, а мы также оное рѣшеніе никакъ и толь наименьше апробовать можемъ. Понеже съ одной стороны жалобы крестьянскія не прекращены, а съ другой стороны отъ него, Липгарда, за его противъ нашихъ регламентовъ погрѣшенія и безпорядочные поступки никакое поправленіе учиниться не имѣетъ. Того ради онъ далѣе при той маетности малѣйше оставленъ быть не можетъ, но мы вамъ чрезъ сіе на крѣпко повелѣваемъ безъ всякаго замедленія ему, Липгарду, оную аренду нынѣ отнять, и пока другому достойному арендатору, какого сыскать трудно не будетъ, отдана быть можетъ, оныя маетности между тѣмъ временемъ управленію добраго и надежнаго какого администратора поручить. А впротчемъ что до поступковъ часто помянутаго капитана Липгарда и до показанныхъ отъ него какъ крестьянамъ обидъ, такъ и противъ насъ разорительнымъ управленіемъ нашихъ маетностей не малыхъ погрѣшеній касается, то оные справедливымъ изслѣдованіемъ разсмотрѣны и поправлены быть имѣютъ, а крестьяне обыкновенные свои въ казну нашу дачи неотмѣнно очистить и заплатить должны. А Липгарду надлежитъ не токмо онымъ крестьянамъ за показанные имъ обиды и убытки по

достаточномъ оныхъ доказательствѣ справедливое удовольствованіе инымъ какимъ образомъ, а не отпущеніемъ того что не ему, но въ казну нашу заплочено быть имѣетъ, учинить, также и каждому то, еже ему безъ причины отнято возвратить, но и притомъ же за безпорядочное маетностей нашихъ управленіе и за показанное тѣмъ противъ насъ погрѣшеніе по надлежащему особливо наказанъ быть имѣетъ.

По Ея Императорскаго Величества указу
(подп.): Остерманъ, князь Черкасскій.

3.

Кабинетскій указъ экономіи директору Фелькерзаму отъ 22 іюня 1736 г.

Въ Деритскомъ уѣздѣ Оберъ-Паленскаго крейза мызы Войсики крестьяне поданнымъ намъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ били челомъ, какимъ образомъ онымъ, когда изъ села Певра по указу переведены были, вмѣсто того такая земля показана, на которой никакимъ образомъ пропитаніе свое имѣть не могутъ, и въ крайнѣйшей мизеріи безъ жилища и по миру шатаются, какъ вы изъ приложеннаго при семъ съ онаго прошенія оригинала усмотрите, и по прежнимъ отъ оныхъ же крестьянъ при Рижской губерніи *) имѣющимся прошеніямъ вамъ извѣстно быть можетъ; вы по такой челобитной для справедливаго тѣхъ бѣдныхъ людей удовольствованія и до конечнаго разоренія недопущенія надлежащее размотрѣніе такимъ образомъ учинить имѣете, что ежели они на прежнемъ ихъ мѣстѣ, потому что тамо новой гофъ-лагеръ учрежденъ быть имѣетъ, оставлены быть не могутъ, тобъ по меньшей мѣрѣ имъ при переведеніи ихъ такое мѣсто показано было, гдѣбъ они пропитаніе свое имѣть могли, дабы люди напрасно разорены и намъ о томъ болѣе жалобы и прошеніи не были.

По Ея Императорскаго Величества указу
(подп.) Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій.

4.

Высочайшій указъ къ управлявшему временно рижскою губерніею генералъ-маіору фонъ-Бисмарку отъ 15 сентября 1737 г.

Божіею милостію Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-маіору фонъ-Бисмарку.

Яко мы съ обыкновеннымъ государственно материнскимъ попеченіемъ во всѣхъ случаяхъ о томъ, что къ лучшей пользѣ и къ

*) При управленіи Рижской губерніи.

приращенію нашихъ вѣрныхъ подданныхъ служить можетъ всемилостивѣйше усердствуемъ, и оное споспѣшествовать стараемся, тако мы и нынѣшнее состояніе нашего княжества Лифляндскаго и какимъ образомъ оное по претерпѣнныхъ въ прежнихъ временахъ разныхъ бѣдствахъ всегда въ лучшее процвѣтаніе и благополучіе приведено быть можетъ и нашимъ щедротнымъ правительствомъ радоваться имѣлобъ, во всемилостивѣйшее разсужденіе приняли.

Мы усматриваемъ не безъ сожалѣнія, что хотя лифляндское шляхетство всегда славу, что охотно къ службѣ прилежали, имѣли, такожъ и нынѣ многіе изъ нихъ въ нашей военной и прочей службѣ обрѣтаются, однакожъ оныхъ неменьше дома сидятъ, и лучшіе свои годы, не употребляя ихъ ни въ нашу ниже въ отечественную службу, пропущаютъ, и понеже сіе ослабленіе отъ большой части и оттого происходитъ, что шляхетство понеже въ прежнихъ временахъ отъ тяжкой войны и иныхъ бѣдствъ зѣло много претерпѣло, тѣми способами, чтобъ дѣтей своихъ потребнымъ образомъ воспитать и чему обучать, оскудѣваетъ. Ибо хотя намѣреніе отдачу публичныхъ мастностей на аренду всегда было чрезъ оную раззоренному шляхетству паки вспомогать, и добрыя службы тѣхъ, которыя предъ нами и нашею имперіею достойными себя учинили наградить, слѣдовательножъ каждого толь наипаче къ службѣ и благоповеденію побуждать, то однакожъ раздачею мастностей въ арендъ отъ нѣсколького времени не вовсе потому поступается, понеже не токмо такія персоны, которыя знатные собственные пожитки имѣютъ, но и такія, которыя не изъ шляхетства и никакихъ о себѣ заслугъ предъявить не могутъ, почитай наилучшія аренды разными способами себя доставили, такожде оными арендами отчасти такимъ образомъ пользовалися, что они сами себѣ собственныя мастности накупать могутъ. И тогда арендные мастности только къ тому употребляютъ, дабы хотя и съ разореніемъ оныхъ свои собственные въ лучшее состояніе привесть, такожде зажиточные и заводные мѣщане, которые инако торговлю и комерцію отправлять имѣютъ, себѣ деревни накупаютъ, а другіе на арендахъ содержутъ, или инако себѣ притязаютъ, слѣдовательноже съ одной стороны шляхетство утѣснено и у скудныхъ способъ паки поправиться отнятъ, а съ другой же стороны комерція въ содержаніи и процвѣтаніи которой общему благу однакожъ великая нужда есть, вовсе препебрегается.

Того ради мы въ разсужденіи того по матернему попеченію всемилостивѣйше за благо изобрѣли, о нашихъ въ Лифляндіи имѣющихся публичныхъ коронныхъ мастностяхъ, которые на аренду раздаются, такое опредѣленіе учинить, чтобъ такіе аренды отъ сего времяни никому иному какъ только такимъ персонамъ отданы были, которые изъ тамошняго шляхетства суть, и собственныхъ довольныхъ пожитковъ себя и своихъ дѣтей по природѣ содержать не имѣютъ,

и или сами или же дѣти ихъ въ нашей дѣйствительной службѣ обрѣтаются, и намъ и своему отечеству заслуги показать стараніе и раченіе прилагаютъ.

И тако по сему основанію, нынѣ при прошествіи срока постановленныхъ донынѣ арендныхъ контрактовъ и когда оные по присланнымъ отъ васъ къ намъ представленіямъ вновь розданы быть имѣютъ, поступать надлежитъ. И яко по силѣ нашего вышеизображеннаго всемилостивѣйшаго намѣренія обстоятельствы челобитчиковъ, кои объ арендахъ просятъ, наилучше тамо на мѣстѣ разсмотрѣны быть могутъ; тако и на то, что вы о такой арендной раздачѣ къ намъ прислали, ибо означенные въ оныхъ вѣдомостяхъ персоны и обстоятельства ихъ и имѣющіеся иногда заслуги здѣсь неизвѣстны, особливо же недавно присланное извѣстіе съ первополученною росписью тѣхъ, которымъ новые аренды по тамошнему мнѣнію розданы быть могутъ не весьма сходственна, вамъ только сіе во всемилостивѣйшую резолюцію дается, что вышеизображенное наше соизволеніе при такой новой раздачѣ правиломъ служить, и по оному въ такой раздачѣ достальныхъ еще арендъ тамо поступать имѣетъ, а притомъ же и надлежащая консервація публичныхъ маетностей не пренебрежена быть надлежитъ. И мы пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостью благосклонны. Анна.

5.

Кабинетскій указъ генералъ-маіору фонъ Бисмарку отъ 13 апрѣля 1739 г.

Разные доношеніи ваши исправно здѣсь получены, на которые къ отвѣту находится слѣдующее:

Что касается до поданнаго вамъ отъ лифляндскихъ ландратовъ представленія о разныхъ при новой ревизіи съ общаго съ ними ландратами сношенія предвосприимаемыхъ новостяхъ, то намъ отчасти не безъ удивленія быть можетъ, что оные ландраты нынѣ не токмо зѣло частыя но и такія новыя представленіи и требованіи чинятъ, къ которымъ они никакого права не имѣютъ и которые весьма неприличные и къ явному доходовъ нашихъ умаленію служить имѣлибъ и сверхъ того всякіе новости, о которыхъ донынѣ обыкновенія не было, и всякія весьма неосновательныя жалобы о наложенныхъ будто на землю отягощеніяхъ и обидахъ въ себѣ содержатъ. Еже намъ толь наипаче непріятно быть имѣетъ, понеже вся лифляндская земля подъ нашимъ государствованіемъ во всемъ такіе дѣйствительные знаки нашей императорской милости всѣми токмо вожделаемыми облегченіями и прочими выгодами получаетъ, что они о чемъ жаловаться, или еще чего болѣе требовать, воистинно причины не-

имѣютъ. Помянутое ландратское о ревизіи представленіе департаменту объ экономіи, яко до котораго оное дѣло принадлежитъ, сообщено быть имѣетъ, дабы оной о такихъ предложеніяхъ и о состоятельствѣ и пользѣ оныхъ основательное разсмотрѣніе имѣть и на то мнѣніе и изъясненіе свое подать могъ. И потомъ уже вамъ столь лучшимъ основаніемъ резолюцію свою на то взять возможно будетъ и для того оное представленіе при семъ назадъ посылается.

Что принадлежитъ до раздачи арендовъ и до присланнаго отъ васъ для конфирмаціи нашей реестра тѣмъ маетностямъ, которые по тамошнему расположенію новымъ арендаторамъ отданы быть имѣлибъ, то по прежнимъ нашимъ о томъ дѣлѣ резолюціямъ и указамъ весьма надлежало при томъже реестрѣ прислать имена прежнихъ арендаторовъ, которые до нынѣ тѣми маетностми владѣли, купно съ изъясненіемъ о ихъ состояніи какимъ образомъ оная ихъ диспосиція къ пользѣли или поврежденію тѣхъ маетностей была и для какой причины ихъ отъ аренды отставить и другимъ оную отдать за благо и потребно признавается, понеже наше намѣреніе при томъ не было, чтобъ прежніе арендаторы, которыхъ администрація безпорочна и къ пользѣ и приращенію маетностей была, безъ причины и для того токмо, что срокъ арендовъ минулъ, оныхъ лишены были и для того такое о прежнихъ арендаторахъ извѣстіе весьма потребно есть для взятія о вновь предложенной раздачи резолюціи, которая вамъ впредь, какъ скоро оное изъясненіе отъ васъ пришлется, немедленно дана будетъ.

Впротчемъ вамъ стараніе имѣть надлежитъ, что понеже тамошніе обыватели, на которыхъ доимочные казеннаго хлѣба ливранціи еще имѣются, напредъ сего въ неисправномъ привозѣ худымъ и весьма труднымъ путемъ и дорогою всегда отговаривались, тобъ нынѣ когда путь свободенъ становится, тѣ ливранціи безъ дальнѣйшаго отлагательства очищены были и тѣмъ то еже изъ магазейновъ продано паки дополнено быть могло; о чемъ вы потребное опредѣленіе учинить имѣете. Объ опредѣленіи на порожное въ гофгерихтѣ вице-президентское мѣсто мы представленіе отъ васъ достойнаго какого по вашему разсужденію къ тому кандидата мимо тѣхъ, которые отъ ландратовъ тамошнихъ представлены были, ожидаемъ, понеже оные ландраты къ такой пресентаціи никакого права не имѣютъ.

По Ея Императорскаго Величества указу
(подп.): Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкассвій.

III

Русскіе бѣглые люди въ Курляндіи въ 1783 г.

Бѣгство крестьянъ составляло одно изъ обыкновенныхъ явленій въ Россіи XVIII столѣтія. Отъ произвола своего помѣщика, отъ бѣдности, отъ невозможности сыскать для себя правый судъ, русскій крестьянинъ бросалъ домъ, родину и шелъ въ дальнія незнакомыя земли добывать себѣ кусокъ хлѣба вольнымъ трудомъ. Изъ средней и южной Россіи во всѣ стороны шли бѣглецы, оставляя въ запустѣніи цѣлыя волости и деревни. Такъ къ 1742 г. по одному уѣзду Переяславля-Залѣсскаго обезлюдѣло 68 помѣщичьихъ деревень. Изъ великороссійскихъ губерній крестьяне преимущественно шли въ степи Запорожья и Малороссіи, въ Пермь, Оренбургъ, Астрахань и Сибирь, но значительно большія массы шли также и на западъ: въ Литву и Ливонію. Число бѣглыхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній было дѣйствително громадно: за время отъ 1719 по 1728 годъ, военная коллегія, къ коей приписаны были податныя сословія, насчитывала бѣглыхъ 198,876 человѣкъ. На заводахъ Акинфія Демидова въ 1755 г. оказалось пришлыхъ крестьянъ 6852, на другихъ заводахъ 4493. Въ 1741 г. въ оренбургскихъ крѣпостяхъ насчитывалось бѣглыхъ, записанныхъ въ службѣ, 5154 человѣка.

Не всѣ крестьяне покидали родину съ цѣлію честно снискивать себѣ пропитаніе въ другомъ мѣстѣ; многіе, покидая свои деревни и пожитки, разрывали всѣ связи съ обществомъ и за лишеніе свободы мстили обществу разбоемъ. Въ половинѣ XVIII вѣка средняя Россія была переполнена разбойничьими шайками. Плаваніе по Волгѣ, Окѣ, путешествіе по большимъ дорогамъ сдѣлались чрезвычайно опасными. Образовались разбойничьи шайки въ десятки, даже сотни человѣкъ, вооруженные не ножами или кистенями, а ружьями и даже пушками, и смѣло вступали въ схватку съ воинскими командами, высылавшимися для укрощенія разбоевъ. Въ 1756 г. доносилъ съ Волги майоръ Бражниковъ, что «имѣлъ онъ бой съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человѣкъ и ранено 5, и изъ разбойниковъ убито до смерти эсаулъ и еще 5 человѣкъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены». Разбойники мало того, что врывались въ селенія, жгли дома, забирали помѣщичьи оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ, но нападали даже на города. Такъ въ ночь на 3-го марта 1756 г. разбойничья шайка напала на Алатырь, разбила провинціальный магистратъ и похитила солянаго сбора 946 рублей.

Правительство употребляло всевозможныя усилія уничтожить разбои, прекратить побѣги крестьянъ, но не достигало успѣха, ибо причина побѣговъ и естественное дополненіе ихъ разбоевъ крылась въ общемъ недовольствѣ низшихъ сословій своею долею. Это недовольство началось, наконецъ, выражаться въ крестьянскихъ бунтахъ и возстаніяхъ, правительство усмиряло ихъ оружіемъ, но общаго броженія, общаго ропота прекратить было не въ силахъ. Броженіе и ропотъ усиливались со дня на день и, наконецъ, разразились пугачевщиной, едва было не ниспровергшей и престолъ Екатерины и весь государственный строй Россіи. Государство спаслось только послѣ принятія чрезвычайныхъ мѣръ, но тѣмъ не менѣе условія, въ которыхъ жилъ крестьянинъ при Елисаветѣ, неизмѣнялись во все продолженіе XVIII вѣка, естественно, что и слѣдствія такихъ условій — побѣги, разбои и бунты шли безъ перерыву въ теченіе всего прошлаго столѣтія.

Мы уже имѣли случай говорить, что ливонскій крестьянинъ въ XVIII столѣтіи былъ также крѣпостнымъ своему помѣщику и подобно крестьянину великорусскому несъ также непомѣрно высокія повинности, доводившія его до крайней нищеты и отчаянія.

Бѣгство крестьянъ изъ Эстляндіи и Лифляндіи отнюдь не составляло рѣдкаго явленія. Ливонскій крестьянинъ бѣжалъ въ Россію, въ Литву, а при случаѣ уходилъ за море къ шведамъ. Въ замѣнъ бѣглецовъ туземныхъ въ Ливонію являлись бѣглецы русскіе и число тѣхъ и другихъ увеличилось до того, что правительство вынуждено было въ 1740 г. учредить особую коммисію [1]) для отыскиванія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и лифляндскихъ бѣглыхъ въ Россіи. Указомъ 6 октября 1753 года [2]) эта коммисія была упразднена, потому что ожидаемаго успѣха чрезъ тѣ коммисіи не получено. Изъ Лифляндіи и Эстляндіи выслано бѣглыхъ только 1125 душъ и «хотя, сказано въ указѣ, по присланнымъ изъ рѣченныхъ коммиссій вѣдомостямъ оныхъ бѣглыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи еще остается не малое число; однакожъ, отъ тѣхъ губерній въ невысылкѣ бѣглыхъ въ отговорки представлено, что за неравнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ (въ Лифляндію изъ Россіи выслано всего 45 душъ обоего пола, а въ Эстляндію 104 души) тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ причинится великое разореніе». Велѣно высылать бѣглыхъ чрезъ канцеляріи губернскія, провинціальныя и воеводскія. 31 октября 1758 года [3]) этотъ указъ былъ снова подтвержденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось отсылать незаконнорожденныхъ, оказавшихся въ Эстляндіи между бѣглецами, въ военную коллегію для опредѣленія въ солдаты, и не возвращать

[1]) П. С. З. №№ 9023 и 2300.

[2]) П. С. З. № 10,139.

[3]) П. С. З. № 10,886.

изъ великороссійскихъ губерній лифляндцевъ и эстляндцевъ, принявшихъ православіе или женившихся на россіянкахъ, въ Лифляндію и Эстляндію.

О томъ, какъ велико было число русскихъ бѣглыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи офиціальные акты не упоминаютъ ни слова, но уже самое учрежденіе коммисій о выдачѣ оныхъ доказываетъ, что число ихъ было не маловажно. Главнымъ притономъ русскихъ бѣглецовъ была, впрочемъ, не Лифляндія и не Эстляндія. Помѣщики, правда, принимали ихъ, принимали ихъ и на мызахъ коронныхъ, но все же въ этихъ земляхъ было довольно энергическое управленіе, заставлявшее и выдавать бѣглецовъ. Слѣдов. пребываніе въ Лифляндіи и Эстляндіи для бѣглаго оказывалось неудобнымъ и невсегда безопаснымъ. За то сосѣдняя земля — Курляндія оказывалась пріютомъ очень надежнымъ. Здѣсь герцогское правительство неимѣло никакого серьезнаго значенія между помѣщиками. Помѣщикъ въ своемъ имѣніи чинилъ судъ и расправу, не обращая вниманія не только на повелѣнія изъ Митавы, но и на королевскіе универсалы. Курляндскій помѣщикъ охотно принималъ къ себѣ бѣглаго: онъ обходился ему дешево и если только бѣглый оказывался хорошимъ и исправнымъ работникомъ, то и не выдавалъ его ни въ Россію, ни въ Лифляндію. Слѣдствіемъ этаго было то, что въ Курляндію начали являться бѣглецы все въ большемъ и большемъ количествѣ, до такой степени, что генералъ-аншефъ Броунъ, вступившій въ управленіе Лифляндіею въ мартѣ 1762 года, началъ дѣлать представленія высшему правительству въ Петербургѣ о побужденіи курляндцевъ выполнять условія Оливскаго трактата (1660 г.). Онъ прямо говорилъ, что «число бѣглецовъ изъ Лифляндіи столь велико, что многія мѣстности тамо уже опустошились, и отъ того лифляндскіе помѣщики пришли въ разореніе». Императрица, вслѣдствіе донесеній Броуна, приказала написать промеморію курляндскому правительству и повелѣла (30 марта 1765 г.) министру при курляндскомъ дворѣ дѣйствительному статскому совѣтнику Симолину, «переведя (промеморію) на нѣмецкій языкъ, за своимъ подписаніемъ, подать самому его свѣтлости герцогу, препровождая насильнѣйшими именемъ нашимъ представленіями, чтобъ онъ чинимыми, по содержанію той промеморіи, о скорой и безотлагательной въ нашу сторону распоряженіями оказалъ намъ особливую угодность во взаимство нашего благоволенія, которое стараемся при всякихъ случаяхъ ему оказывать».

Въ меморіалѣ, поданномъ Симолиномъ герцогу Эрнсту Бирону, русское правительство прежде всего напоминало содержаніе 5 артикула § 4 Оливскаго мирнаго трактата, въ коемъ было постановлено бѣглецовъ лифляндскихъ изъ Курляндія и Литвы, а курляндскихъ и литовскихъ изъ Лифляндіи выдавать безъ всякаго судебнаго порядка со всѣми ихъ (бѣглецовъ) принадлежностями, что только

при нихъ сыскано или ими съ собою взято при побѣгѣ, а не при новомъ ихъ помѣщикѣ нажито будетъ. Согласно сему постановленію, лифляндцы выдавали и выдаютъ курляндскихъ бѣглецовъ безъ всякихъ отговорокъ и волокитъ, но курляндское шляхетство «недовольно, что долговременныя проволочки (при выдачѣ лифляндскихъ бѣглыхъ) дѣлаетъ, но большею частію и дотого оными доводитъ, что лифляндскіе помѣщики, чрезъ понесеніе многихъ, при выручкѣ бѣглыхъ своихъ крестьянъ, убытковъ (не упоминая о трудахъ), достаютъ оныхъ напослѣдокъ ровно какъ бы покупкою вновь. Такимъ образомъ, лифляндскіе помѣщики, отъ времени до времени безвинно лишаясь своихъ крестьянъ, а къ тому еще оные отъ нѣкоторыхъ курляндскихъ шляхтичей будучи и подговариваемы, число сихъ бѣглецовъ нынѣ такъ умножилось, что простирается до нѣсколько тысячъ человѣкъ, чрезъ что многія уже маетности въ Лифляндіи опустошены находятся». — «Продлительства и волокиты отъ курляндскихъ помѣщиковъ бываютъ нарочно для того, дабы между тѣмъ могли они бѣглыхъ лифляндскихъ крестьянъ выслать чрезъ границу въ Литву и въ польскую Лифляндію, гдѣ они уже, какъ въ морѣ, тонутъ, и на вѣки избываютъ». Къ тому же «лифляндскіе помѣщики людей своихъ въ Курляндіи безъ опасенія и отыскивать не могутъ, по причинѣ, что посылаемые за тѣмъ люди почитаются за шпіоновъ, и, по заарестованіи, многія недѣли, власно какъ злодѣи, жестоко содержутся». Лифляндская губернская канцелярія неоднократно заявляла уже курляндскому правительству, что если подобный порядокъ, какимъ поступаютъ курляндцы, отмѣненъ не будетъ, то и въ Лифляндіи принуждены будутъ требованія о курляндскихъ крестьянахъ отсылать къ земскимъ судамъ, но на всѣ заявленія послѣдовали лишь пустыя отговорки. Перечисливъ эти отговорки и показавъ всю несостоятельность ихъ, русское правительство поручило Симолину требовать: «дабы его свѣтлость герцогъ сохранилъ у себя въ такомъ дѣлѣ, которое точно трактатомъ опредѣлено, судебный порядокъ и вмѣсто того изволилъ бы принять такія мѣры, чтобъ лифляндскіе истцы, адресуясь прямо къ высшему правительству, могли находить тамъ скорое и безотговорочное, по справедливымъ ихъ искамъ, удовлетвореніе, и что ея императорское величество ожидаетъ того непремѣнно, какъ во взаимство оказываемаго завсегда къ его свѣтлости своего благоволенія, такъ точно и вслѣдствіе Оливскаго трактата».

Неизвѣстно, было ли уважено это представленіе Симолина; по всей вѣроятности — нѣтъ. Курляндцы принимали къ себѣ бѣглыхъ по прежнему, не разбирая, выходили ли они изъ Лифляндіи или изъ великорусскихъ губерній. Офиціальные акты того времени не указываютъ на численность бѣглыхъ. Много... деревни запустѣли — вотъ обыкновенныя слова донесеній того времени. Пустѣли

деревни въ Россіи и тщетно правительство вызывало бѣглецовъ воротиться, обѣщая забвеніе всего прошлаго. Бѣглецы не возвращались, обживались на новыхъ мѣстахъ, селились въ сосѣднихъ съ Россіею странахъ колоніями, не смѣшиваясь съ туземцами и сохраняя во всей чистотѣ свой языкъ, нравы и обычаи.

Русскіе бѣглецы, прибывавшіе въ Курляндію, селились на помѣщичьихъ земляхъ, преимущественно въ Семигаліи и по Двинѣ. Долго оставалось неизвѣстнымъ — какъ велико было ихъ число. Не знали о томъ въ Россіи, не знали и въ Курляндіи. Первую попытку къ опредѣленію численности русскихъ выходцевъ въ Курляндіи сдѣлалъ графъ Броунъ въ 1783 г. Какъ ни слаба была эта попытка, но все же она даетъ приблизительное понятіе о числѣ русскихъ, пребывавшихъ въ Курляндіи въ концѣ прошлаго столѣтія.

30 сентября 1782 г. за № 3551 графъ Броунъ доносилъ правительствующему сенату:

«Когда по всевысочайшему ея императорскому манифесту, состоявшемуся ноября 16 дня прошлаго 1781 г. [1]), и по указу правительствующаго сената того же года декабря 10 дня учинена здѣсь въ Лифляндіи въ городѣ Ригѣ къ новой ревизіи генеральная перепись всякаго рода о россійскихъ и лифляндскихъ жителяхъ, и къ сему опредѣленъ былъ въ Ригѣ, и въ форштатѣ, и по ближнимъ островамъ, рижскаго 3 баталіона секундъ-маіоръ Петръ Тарбѣевъ, то онымъ, по его неусыпному старанію, сыскано безпашпортныхъ и праздношатающихся россійскихъ и особство бѣлорусскихъ крестьянъ немалое число, которые и отправлены на прежнее ихъ жилище къ нынѣшней ревизіи за конвоемъ [2]). И какъ отъ Риги курляндскаго вѣдомства городъ Митава находится въ ближайшемъ разстояніи, гдѣ извѣстно россійскихъ людей для купеческаго торгу и прочихъ промысловъ имѣется немалое число, то дабы и оные нынѣшней переписи миновать не могли, посланъ былъ отъ меня рѣченный секундъ-маіоръ Тарбѣевъ въ помянутый городъ Митаву къ тамошнему россійскому министру, чтобъ, по дозволенію тамошняго курляндскаго правительства, живущихъ въ Митавѣ и около оной россійскихъ

---

[1]) П. С. З. № 15,278. Манифестъ объ учиненіи во всей имперіи новой ревизіи. Этимъ манифестомъ повелѣвалось окончить перепись къ 1783 году. Послѣдняя же до того ревизія была въ 1763 г.

[2]) По ревизіямъ, производившимся въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ, число жителей города Риги было:

къ 1760 г.	—	14,028 чел.	къ 1820 г.	—	41,777 чел.
„ 1783 „	—	27,840 „	„ 1823 „	—	39,764 „
„ 1794 „	—	27,813 „	„ 1836 „	—	56,377 „
„ 1798 „	—	27,789 „	„ 1849 „	—	57,906 „
„ 1801 „	—	28,483 „	„ 1867 „	—	102,000 „
„ 1805 „	—	32,023 „			

людей переписать. О чемъ его свѣтлость герцогъ курляндскій не только оказался согласенъ, по посланному секундъ маіору Тарбѣеву объявилъ, что у него и въ прочихъ курляндскихъ мѣстахъ, а особливо въ мѣстечкѣ Туккумѣ, россійскихъ и бѣлорусскихъ бродягъ имѣется не малое число, отъ которыхъ происходятъ одни только непорядки и воровство, и онъ бы охотно желалъ, чтобы ихъ изъ Курляндіи забрать въ прежніе ихъ жилища; но я и къ поиску и забранію, также и запенмѣніемъ отъ его свѣтлости герцога курляндскаго письменнаго дозволенія, самъ собою приступить не могъ, но за нужное почитаю о вышеписанномъ представить правительствующему сенату: но повелѣно-ль будетъ, по сообщенію съ его свѣтлостію герцогомъ курляндскимъ, для сыску и забранія россійскихъ и бѣлорусскихъ безпашпортныхъ всякаго званія людей и крестьянъ, означеннаго секундъ-маіора Тарбѣева съ воинскою командою въ Курляндію отправить, о томъ имѣю ожидать ея императорскаго величества указа».

Генералъ-прокуроръ князь Александръ Вяземскій на это донесеніе отвѣтилъ (27 октября 1782 г.) графу Броуну, что государыня согласна отправить маіора Тарбѣева съ командою въ Курляндію для забранія россійскихъ бѣглецовъ и что объ этомъ въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ и указъ изъ сената.

По полученіи указа (9 ноября за № 13,948) графъ Броунъ незамедлилъ сообщить содержаніе его курляндскому герцогу Петру Бирону и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ, герцогъ, готовъ дѣлать всякое вспоможеніе Тарбѣеву и весьма желаетъ, чтобы сыскъ бѣглыхъ послѣдовалъ не въ одномъ митавскомъ, но и во всѣхъ другихъ уѣздахъ Курляндіи, но это дѣло, прибавлялъ герцогъ, вашему сіятельству извѣстно — сколь мало отъ моей доброй воли зависитъ.

Нарядивъ для поисковъ въ Курляндіи воинскую команду (1 унтеръ офицеръ и 8 рядовыхъ отъ Сибирскаго; 1 капралъ, 1 барабанщикъ и 8 рядовыхъ отъ Пашебургскаго пѣхотныхъ полковъ), Броунъ далъ Тарбѣеву для руководства слѣдующую инструкцію:

1) По прибытіи въ Митаву явиться во первыхъ у россійскаго министра г. Криднера, и чрезъ министра получить отъ герцога курляндскаго послушнаго ордера къ помѣщикамъ и къ прочимъ поссесорамъ о выдачѣ бѣглецовъ.

2) Россійскихъ бѣглыхъ и безпашпортныхъ людей забирать безъ всякаго притѣсненія и безъ показанія владѣльцамъ огорченія и присылать ихъ подъ конвоемъ въ лифляндскую генералъ-губернскую канцелярію.

3) Если конвойныхъ солдатъ окажется мало, то требовать въ добавокъ отъ герцогскаго правительства чрезъ Криднера, а если въ

томъ отказано будетъ, то требовать воинскихъ людей отъ лифляндской генералъ-губернской канцеляріи.

4) По прибытіи въ каждое мѣсто, требовать выдачи бѣглецовъ отъ помѣщика или управителя добровольно, но если кто ко взятію бѣглецовъ допускать не будетъ, то взять отъ такаго помѣщика или управителя крѣпкую подписку въ томъ, что у него бѣглецовъ нѣтъ и что онъ безпашпортныхъ русскихъ людей держать у себя не будетъ, а о такихъ владѣльцахъ, которые по слухамъ россійскихъ бѣглыхъ людей содержатъ и ко взятію недопустятъ, рапортовать въ Ригу и давать знать министру.

5) Исходатайствовать чрезъ министра, чтобъ курляндское правительство публиковало жителямъ никому бѣглыхъ не держать, а представлять ихъ министру.

6) Русскихъ людей съ пашпортами не забирать, но отбирать подписки, что они, по истеченіи срока ихъ пашпортовъ, явятся на свои мѣста.

7) Вышедшихъ изъ Россіи съ давнихъ лѣтъ переписать кто, откуда вышли, а отъ помѣщиковъ ихъ брать подписки, что они будутъ смотрѣть за сими людьми и недопустятъ ихъ до побѣга съ ихъ земель, а когда подписокъ давать не будутъ, то тѣхъ россійскихъ людей брать подъ караулъ и отсылать въ Ригу.

8) Собирать всюду свѣденія — гдѣ въ Курляндіи проживаютъ бѣглецы; обывателямъ притѣсненій не дѣлать и безденежно ничего не брать.

9) Принять прогоновъ изъ рижской рентереи 100 р. 10 к. Провіантъ на команду, по истеченіи полумѣсяца, требовать или изъ митавскаго магазейна или покупать за деньги.

10) Всякаго вспоможенія требовать отъ министра.

Въ заключеніе Броунъ напоминаетъ Тарбѣеву указъ Петра I отъ 24-го января 1724 года: государственныхъ дѣлъ тайности въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій.

Въ концѣ декабря 1782 года, Тарбѣевъ выступилъ изъ Риги и 5 января 1783 года донесъ графу Броуну, что онъ по прибытіи въ Митаву, получилъ отъ курляндскаго правительства открытое повелѣніе и отправляется въ Туккумъ: «Команда въ порядкѣ, писалъ Тарбѣевъ, только цирульникъ Никита Мерлушкинъ въ Митавѣ отлучился тому назадъ три дня и нигдѣ не найденъ.» (Мерлушкина не нашли и послѣ. Онъ увеличилъ собою число бѣглыхъ, за поискомъ которыхъ былъ посланъ.)

Слухъ о прибытіи Тарбѣева въ Курляндію, конечно, не замедлилъ распостраниться между бѣглыми и тѣ въ свою очередь не замедлили принять мѣры для своей безопасности — бѣгствомъ въ

другія, болѣе дальнія и болѣе безопасныя страны. Подвергались аресту только захваченные случайно. Такъ изъ Туккума Тарбѣевъ отправилъ въ Ригу только 22 человѣка; въ Гольдингенѣ арестовалъ бѣглыхъ 39 человѣкъ (въ томъ числѣ и 1 крестьянина, бѣжавшаго съ мызы Шмильтенъ, принадлежавшей графу Броуну); въ Либавѣ арестовалъ 26 человѣкъ; въ Пильтенскомъ округѣ 150 человѣкъ. Испросивъ у Броуна усиленіе своей команды и наставленіе о пропитаніи арестованныхъ, Тарбѣевъ изъ Пильтенскаго округа направился въ Семигалію. Здѣсь былъ главный притонъ бѣглыхъ. Тутъ Тарбѣевъ нашелъ русскихъ выходцевъ, живущихъ деревнями и дворами на владѣльческихъ земляхъ, въ столь значительномъ числѣ, что объ арестованіи ихъ небольшою командою не могло быть и рѣчи. Тарбѣевъ ограничился только переписью ихъ и пройдя вдоль и поперегъ всю Семигалію, воротился въ Ригу 25 октября, проведя въ назначенной ему командировкѣ 10 мѣсяцевъ.

Слѣдующее донесеніе графа Броуна правительствующему сенату (13-го ноября 1783 г.) показываетъ какихъ результатовъ достигъ Тарбѣевъ при исполненіи возложеннаго на него порученія:

«По указу правительствующаго сената, данному мнѣ въ 9-й день ноября 1782 г., отправленъ былъ, по сношенію съ его свѣтлостію герцогомъ, въ герцогства Курляндію и Семигалію для забранія живущихъ тамъ россійскихъ бѣглецовъ здѣшняго 3 баталіона секундъ-маіоръ Петръ Тарбѣевъ съ командою изъ состоявшихъ при Ригѣ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ. Въ бытность его тамо съ декабря мѣсяца прошлаго 1782 г. по 26-ое октября сего года, какъ по справкѣ изъ присланныхъ отъ него рапортовъ явствуетъ, выискалъ и прислалъ сюда въ разныя времена разнаго рода бѣглыхъ россійскихъ, бѣлоруссцевъ, лифляндцевъ и эстляндцевъ мужеска пола 217, да женска 58; отдалъ подъ росписки динабургскаго нижняго земскаго суда мужескаго пола 96, да женскаго 3; бѣлорусскимъ помѣщикамъ, по вѣрному свидѣтельству, возвратилъ бѣжавшихъ предъ поимкою за два и за три мѣсяца мужескаго пола 21, и того мужескаго пола 334, да женскаго 62 души. А по возвращеніи своемъ оттуда, рапортомъ отъ 25-го минувшаго октября, объявилъ, что, по сношенію съ динабургскимъ магистратомъ, ему дано знать, что изъ Семигаліи возвратились и дѣйствительно въ купцы и мѣщане записаны 250 семей, и вѣдомства курляндскаго въ Оберъ-ландѣ найдено имъ разнаго рода Россіи принадлежащихъ бѣглыхъ людей, жительствующихъ своими домами 4514 душъ, изъ коихъ отъ поисковъ его, маіора Тарбѣева, въ Полоцкъ въ крестьяне и мѣщане записавшихся и уволенныхъ туда съ билетами для забранія своихъ семействъ и пожитковъ явилось 2855, а прочія 1659 душъ находятся безъ пашпортовъ, коихъ онъ, по многочисленности и по малому количеству своей команды, не только забрать, но и приступа, предвидя опасность, над-

лежащимъ образомъ сдѣлать не осмѣлился; а подласкавшись и увѣривъ тѣхъ бѣглецовъ, что никакихъ худыхъ для нихъ слѣдствій не произойдетъ, и буде они, раскаявшись, пожелаютъ возвратиться въ Россію, то предоставленъ имъ путь, на высокомонаршемъ милосердіи основанный, избрать родъ жизни по произволу, довольствовался только тѣмъ, что ихъ переписалъ, и, обнадеживъ всякою милостію, впушилъ охоту возвратиться. А посему поводу, дабы изъ нихъ кто не перемѣнилъ своего намѣренія и не сдѣлалъ утечки, приступилъ, хотя не къ вѣрному, однакожъ видъ крѣпости имѣющему средству обуздать и спокойно остаться въ ихъ жилищахъ, то есть обязалъ круговою порукою, выбралъ изъ нихъ старшинъ и прочихъ симъ подчинилъ съ такимъ притомъ наказомъ, чтобы въ сумнительныхъ дѣлахъ доносили находящемуся въ Митавѣ здѣшнему министру. Маіоръ Тарбѣевъ притомъ доноситъ, что оные бѣглецы имѣютъ жительство въ Оберъ-ландѣ, начиная отъ Якобштата, который лежитъ противъ бѣлорусскаго мѣстечка Крейцбурга, продолжается селеніями до послѣдней оберъ-ландской мызы Варновичь, лежащей неподалеку литовскаго мѣстечка Друи называемаго. И такъ буде правительствующимъ сенатомъ заблагоразсуждено будетъ сихъ въ Оберландѣ поселившихся бѣглецовъ приказать забирать, то оный маіоръ предполагаетъ такимъ образомъ: надлежитъ приказать нарядить команду полевыхъ солдатъ, состоящую въ 300 человѣкахъ съ пристойнымъ числомъ командировъ, и, раздѣля оную на двѣ части, одну послать отъ Крейцбурга чрезъ Якобштатъ, о другую отъ Креславля, бѣлорусскаго жъ мѣстечка, до мызы Варновичь, такъ чтобы сіи двѣ команды составили отъ литовской границы кордонъ, и главный начальникъ находился бы въ серединѣ въ мызахъ Лассенъ или Шейдернъ, и чтобы сіе учинилось въ зимнее время, въ которое бѣглецы по лѣсамъ укрывательства сдѣлать не могутъ.»

За тѣмъ графъ Броунъ, принимая во вниманіе 28 лѣтнюю службу маіора Тарбѣева и его труды и усердіе, просилъ сенатъ пожаловать Тарбѣева не только слѣдующимъ чиномъ, но и другою какою либо милостію.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, правительствующій сенатъ (указомъ отъ 20-го декабря 1783 г. за № 12253) предписалъ графу Броуну: требовать отъ курляндскаго правительства выдачи бѣглыхъ, на основаніи конвенціи, заключенной 10-го мая 1783 г. между Россіею и Курляндіею *). Графъ Броунъ видѣлъ, что ограничиться однимъ требованіемъ совершенно безполезно, и потому, донося сенату о полученіи сказаннаго указа, присовокупилъ: что къ забранію бѣглыхъ ни правительство курляндское, ни помѣщики не противорѣчатъ, но только вывесть и выпроводить бѣглецовъ въ Россію некѣмъ,

---

*) П. С. З. № 15,731.

которой ради причины они въ спокойномъ ихъ пребываніи и оставлены, а инако бъ они разбѣжались, и навѣрное сказать можно, что чрезъ высылку съ курляндской стороны оныхъ весьма мало или совсѣмъ никого не возвратится, буде способовъ съ здѣшней употреблено не будетъ.

Дабы способы были дѣйствительно употреблены и дѣло по выдачѣ бѣглыхъ ускорилось, графъ Броунъ, по своему обыкновенію, обратился прямо къ генералъ-прокурору князю Вяземскому и послалъ съ Тарбѣевымъ къ нему въ Петербургъ слѣдующе письмо:

«Сіятельный князь, милостивый государь мой! Правительствующаго сената указомъ отъ 20-го минувшаго декабря, на доношеніе мое состоявшимся, повелѣно за выводомъ оставшихся и проживающихъ въ Курляндіи и Семигаліи россійскихъ людей, коихъ маіоръ Тарбѣевъ, по ихъ многолюдству, съ собою забрать не могъ, истребовать отъ курляндскаго правительства, на основаніи постановленія, учиненнаго минувшаго года мая въ 10-й день между ея императорскимъ величествомъ и герцогомъ и чинами герцогствъ Курляндіи и Семигаліи, что и возложено на собственное мое попеченіе, почему рапортомъ отъ 30-го того же декабря хотя правительствующему сенату отъ меня представлено, что доставленіе бѣглецовъ россійскихъ по конвенціи съ курляндской стороны совсѣмъ ненадежно, особливо жъ по превосходству числа ихъ въ иныхъ деревняхъ противъ природныхъ курляндцевъ, на какой конецъ правительство и помѣщики курляндскіе, нескрывая тѣхъ бѣгдецовъ, предоставляютъ забраніе и выводъ ихъ на попеченіе здѣшней стороны, то, однако, не предвидя къ тому иныхъ способовъ къ лучшему въ дѣлѣ семъ успѣху, какъ отправить паки въ Курляндію помянутаго маіора съ командою, по представленію моему отъ 18-го ноября минувшаго 1783 года, за нужное почелъ отправить его напередъ къ вашему сіятельству съ тѣмъ, дабы онъ обстоятельства и важность сего дѣла объяснилъ подробнѣе и услышалъ ваши о томъ заключенія, а при томъ побуждаюсь васъ, милостивый государь мой, препоручить его въ особую вашего сіятельства милость и покровительство, покорнѣйше прося употребить ваше благосклонное предстательство о награжденіи того маіора Тарбѣева чиномъ и иною милостію, ибо онъ, по трудамъ и усердію своему въ службѣ, по истинѣ, заслуживаетъ къ себѣ уваженіе. Впрочемъ имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Г. Броунъ, 13-то января 1784 г.»

Отвѣтъ князя Вяземскаго не замедлилъ послѣдовать:

«Сіятельный графъ, милостивый государь мой! Вслѣдствіе полученнаго мною съ г-мъ маіоромъ Тарбѣевымъ почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства отъ 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, имѣю честь увѣдомить, что, по всегдашней моей къ вашему сіятель-

ству преданности, не оставилъ я, въ угодность вашу, донесть ея императорскому величеству какъ о трудахъ г-на Тарбѣева, такъ и относительно намѣреваемаго отправленія въ Курляндію онаго же маіора съ командою для вывода оттуда россійскихъ бѣглецовъ; а посему всемилостивѣйшая государыня, въ уваженіе трудовъ г-на Тарбѣева высочайше указать соизволила выдать ему 1000 рублей, о исполненіи чего и предписано мною здѣшнему казначейству для остаточныхъ суммъ учрежденному. Что же принадлежитъ до вышеупомянутаго отправленія команды въ Курляндію, въ ономъ ея величество надобности находить не изволитъ, почитая ближайшимъ средствомъ къ удержанію крестьянъ отъ побѣговъ и къ возвращенію побѣглыхъ то, ежели они увидятъ, что помѣщики ихъ, поступая съ ними человѣколюбиво и слѣдовательно помня какъ свою, такъ и ихъ прямую пользу, не будутъ причинять имъ никакого изнуренія излишними сверхъ силъ ихъ требованіями, ибо извѣстно вашему сіятельству, что всякій крестьянинъ, пользуясь свойственнымъ состоянію его спокойствіемъ и избыткомъ и будучи потому твердъ въ своемъ жилищѣ, не будетъ имѣть нужды оставлять оное и искать наудачу въ другомъ мѣстѣ неизвѣстныхъ еще ему выгодъ. О чемъ имѣя честь сообщить вашему сіятельству, пребываю съ совершеннымъ почитаніемъ и истинною преданностію на всегда вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга князь Александръ Вяземскій. Января 27-го дня, 1884 года.»

Отвѣтъ этотъ, въ которомъ такъ ясно и положительно выраженъ былъ взглядъ императрицы на причину крестьянскихъ побѣговъ, прекратилъ всякія дальнѣйшія попытки къ выводу русскихъ бѣглыхъ изъ Курляндіи. Они спокойно остались на своихъ мѣстахъ. Нынѣшніе русскіе обитатели деревень въ древней Семигаліи (Зельбургскій уѣздъ) — это потомки тѣхъ русскихъ выходцевъ, которымъ впервые составилъ списки маіоръ Тарбѣевъ.

Секундъ маіоръ Тарбѣевъ былъ впослѣдствіи плацъ-маіоромъ въ Аренсбургской крѣпости на островѣ Эзелѣ. О дальнѣйшей судьбѣ Тарбѣева читаемъ въ запискахъ Добрынина (см. Рус. Стар., X, 341) слѣдующее:

...«Вдругъ неожиданно (въ концѣ 1800 г.) получается указъ изъ сената, съ прописаніемъ именнаго высочайшаго повелѣнія, что бѣлорусскій (т. е. витебскій) губернаторъ Сѣверинъ,» за многія смертоубивства, случившіяся въ его губерніи, отставляется отъ службы». Онъ выѣхалъ въ деревню, пріобрѣтенную трудами губернаторскими, состоящую душъ изъ 400 мужескихъ, и отстоящую отъ Витебска верстъ на 25.

«На мѣсто его вступилъ генералъ маіоръ Тарбѣевъ, лѣтъ ему было подъ 60. Онъ изъ плацъ-маіоровъ — забылъ какой на Балтійскомъ морѣ крѣпости — пожалованъ почти вдругъ генералъ-маіоромъ, кавалеромъ и витебскимъ губернаторомъ. Человѣкъ былъ хорошій, зналъ службу. Много читалъ, много помнилъ и охотникъ былъ разсказывать о дѣйствіяхъ и поведеніяхъ знаменитыхъ особъ, служившихъ, особливо въ Россіи, которыхъ онъ или зналъ или объ нихъ читалъ. Столовъ и баловъ у него никогда не бывало; но для малаго количества лицъ былъ онъ каждодневно гостепріимчивъ, не скупъ и ласковъ. Жена его, нѣмка, сама присматривала въ кухнѣ, а иногда и занималась; почему каждое на столѣ блюдо было въ наилучшемъ вкусѣ и опрятности. Онъ уже былъ старъ для безпокойной губернаторской должности. Отставленъ съ половинною пенсіею, и умеръ въ деревняхъ, пожалованныхъ ему на 12 лѣтъ».

(Изъ дѣлъ бывш. генер.-губ. архива).

Путешествіе императрицы Екатерины II-й по Эстляндіи и Лифляндіи въ 1764 году.

Ко времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины II-й (28 іюня 1762 года) все то, къ чему стремились и чего добивались ливонскія привиллегированныя сословія въ 1710 году при предстоявшей перемѣнѣ правительства, развилось уже въ весьма значительной степени.

Ливонскіе дворяне желали сдѣлаться единственными землевладѣльцами и единственными арендаторами (поссесорами) казенныхъ имѣній въ Лифляндіи и Эстляндіи — и достигли желаемаго: они получили обратно имѣнія, отобранныя у нихъ шведами по редукціи, и къ срединѣ XVIII ст. явились уже не мнимыми, а дѣйствительными господами Land'а, такъ какъ, составивъ изъ себя корпорацію ни для какихъ дворянъ, кромѣ коренныхъ, не доступную, въ своихъ рукахъ имѣли земскія суды и полицію и почти неограниченную власть надъ своими крестьянами.

Бюргеры ливонскихъ городовъ усердно желали и добивались, чтобы ихъ корпораціи были также недоступны ни для кого изъ постороннихъ, и имѣли свое управленіе, свои суды, свои старинныя вольности — и достигли желаемаго: къ срединѣ XVIII столѣтія они уже почти совсѣмъ уединились, замкнулись и отъ Land'а и отъ небюргеровъ, сами разбившись на цехи и корпораціи, чтобы выгоды отъ городскаго торга и промысловъ не перепадали куда либо на сто-

рону не только небюргерамъ (это было и немыслимо), но даже отъ однаго цеха къ другому. Цеховое устройство бюргеровъ къ срединѣ XVIII столѣтія дошло уже до большаго развитія.

Небюргеры въ Ригѣ были лишь терпимыми городскими жителями: они не только не имѣли никакого участія въ городскомъ управленіи, но не могли торговать въ городѣ, а лишь на форштатахъ и при томъ на извѣстныхъ, весьма ограничительныхъ условіяхъ. Но и сами бюргеры обнаруживали большую нетерпимость даже въ отношеніяхъ между собою. Такъ дерптскіе мясники приносили жалобы на мясниковъ рижскихъ или перновскихъ, если тѣ покупали скотъ не въ Ригѣ или Перновѣ, а въ Дерптѣ. Слесарь даннаго города преслѣдовалъ кузнеца того же города, если тотъ осмѣливался починить замокъ, и оба вмѣстѣ устраивали облаву (Bönsenjagd) на всякаго кто осмѣливался въ ихъ городѣ, не будучи цеховымъ, подковать лошадь или придѣлать ключь къ замку. Къ срединѣ XVIII столѣтія дошло уже даже до того, что въ Ригѣ написали три похоронные гимна: одинъ для ратсгеровъ, другой для купцовъ, третій для ремесленниковъ, и музыканты ни подъ какимъ видомъ не смѣли на похоронахъ какого либо простаго бюргера играть гимнъ, слѣдующій ратсгеру или купцу. Stadt и Land, всегда старавшіеся отмежеваться другъ отъ друга, къ срединѣ XVIII столѣтія отмежевались между собою уже такъ основательно, что не могли никоимъ образомъ мѣшать другъ другу въ пользованіи торгомъ и промысломъ, подлежавшимъ Stadt'у, и въ пользованіи доходами съ частныхъ и казенныхъ имѣній, подлежавшемъ Land'у.

Приносило ли, однако, большія выгоды привиллегированнымъ сословіямъ и лицамъ ихъ стремленія къ замкнутости, къ кастѣ, къ исключительному пользованію доходами съ земли, съ торговъ и промысловъ? Богатѣли ли они по крайней мѣрѣ? Потому что какъ, повидимому, было не богатѣть бюргерамъ, когда въ городскихъ населеніяхъ только они одни имѣли обширныя права на выгоды отъ торговъ и промысловъ, на занятіе городскихъ доходныхъ мѣстъ; какъ повидимому было не богатѣть помѣщикамъ, вполнѣ обезпеченнымъ въ даровомъ трудѣ своихъ крестьянъ, и какъ было не богатѣть вообще всей массѣ привиллегированныхъ лицъ, не превосходившей въ срединѣ XVIII столѣтія общею своею численностію въ городахъ и деревняхъ, съ женами и дѣтьми, 100,000 человѣкъ, когда въ ихъ исключительную пользу было предоставлено въ краѣ такъ много всякаго рода льготъ и прибылей.

Должны были богатѣть и даже сильно богатѣть, но на дѣлѣ этаго не замѣчалось; напротивъ, уже въ срединѣ XVIII столѣтія начинаетъ обнаруживаться, что исключительность и нетерпимость плохіе союзники истиннаго успѣха какъ Land'а, такъ и Stadt'а.

Туземный ливонскій помѣщичій крестьянинъ въ срединѣ XVIII столѣтія былъ существомъ рѣшительно безправнымъ. Всѣ повинности и работы его зависѣли, какъ заявила сама лифляндская ландратская коллегія въ 1739 году, отъ усмотрѣнія помѣщиковъ, а это сводилось въ концѣ концевъ къ тому, что крестьянинъ не могъ быть увѣренъ даже въ завтрашнемъ днѣ. Крестьянинъ-хозяинъ и батракъ не могли быть увѣрены, что обрабатываемые ими для себя земельные участки останутся за ними и впредь, потому что отъ усмотрѣнія помѣщика зависѣло прирѣзать крестьянскіе участки къ мызной землѣ, увеличить господскую запашку, перевесть хозяина-крестьянина съ его участка на другой или зачислить его или батрака въ дворовые, или наконецъ продать и хозяина и батрака другому владѣльцу съ семьею или даже безъ семьи. Вздумаетъ помѣщикъ строиться — онъ приказываетъ всей своей волости возить лѣсъ и ставить рабочихъ; вздумаетъ ловить рыбу, послать-ли куда подводы — онъ наряжаетъ на это изъ крестьянъ кого вздумается и сколько вздумается. Поборамъ совершенно произвольнымъ не было конца, какъ не было никакихъ ограниченій въ домашней расправѣ.

Жаловаться на произволъ? Но куда же и кому было жаловаться, когда помѣщичій крестьянинъ въ срединѣ XVIII столѣтія не имѣлъ даже права подать въ земскій судъ прошенія на произвольныя распоряженія своего владѣльца, ибо таковое ему право было предоставлено впервые только съ 12 апрѣля 1765 года, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Помѣщики любили въ тѣ времена (да и послѣ) утверждать, что имъ не было ни видовъ, ни разсчетовъ разорять своихъ крестьянъ. Дѣйствительно, разсчета не было, но алчность, своекорыстіе и властолюбіе часто, даже черезъ чуръ часто брали перевѣсъ надъ человѣколюбіемъ и надъ правильнымъ сознаніемъ своихъ собственныхъ выгодъ, брали перевѣсъ и въ концѣ концевъ подрывали въ краѣ крестьянское благосостояніе.

Ливонскій помѣщичій крестьянинъ половины XVIII столѣтія не имѣлъ права ни на какую собственность: онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ рабочею силою своего помѣщика, и вслѣдствіе того претерпѣвалъ всѣ бѣдствія, проистекающія отъ нищеты. Живя изо дня въ день, не видя даже никакого разсчета въ томъ, чтобы стараться объ улучшеніи быта своего и своего семейства, помѣщичій крестьянинъ впадалъ въ пьянство, мельчалъ даже ростомъ и породою. Это былъ не бодрый и сильный земледѣлецъ, а тощій, хилый пахарь, изъ рукъ котораго валится всякая работа. Но и то сказать — человѣку безправному, не имѣвшему будущности ни для себя, ни для своей семьи, что оставалось дѣлать, какъ или бѣжать изъ своей деревни или предаться необузданному пьянству?

Полное безправіе помѣщичьихъ крестьянъ влекло за собою обѣднѣніе ихъ; крестьяне бѣднѣли, но отъ этого неминуемо бѣднѣли и имѣнія. Слѣдовательно, возвращеніе ко временамъ Сигизмунда Августа оказывалось для помѣщиковъ по своимъ результатамъ дѣломъ не только далеко не блистательнымъ, но и угрожавшимъ разореніемъ имѣніямъ. Во всякомъ же случаѣ крестьянское безправіе помѣщикамъ въ особенный прокъ не служило да и служить не могло, если хозяева-крестьяне и ихъ батраки являлись плохою, совсѣмъ ненадежною рабочею силою въ имѣніи.

Но если не особенно богатѣли помѣщики, сдѣлавшись исключительными землевладѣльцами и поссесорами въ краѣ, то не особенно богатѣли и привиллегированныя городскія сословія, хоть и пользовались исключительными правами на хорошее кормленіе, на выгоды отъ торговли и промысловъ въ ихъ городахъ. Первенствующее въ Ригѣ сословіе, рижскій магистратъ, напримѣръ, являлся рѣшительно не состоятельнымъ содержать на городской счетъ рижскую крѣпость, не могъ удѣлять на этотъ предметъ даже 10,000 рублей въ годъ, какъ того требовала военная коллегія.

Это фактъ неоспоримый. Рижская торговля, вмѣсто увеличенія и развитія, вмѣсто доставленія хорошихъ барышей и выгодъ рижскимъ купцамъ, падала изъ года въ годъ и падала до того явно и сильно, что императрица Екатерина II немедленно же, по вступленіи своемъ на престолъ, признала необходимымъ самой вступиться въ дѣло и принять такого рода мѣры, которые бы не дали окончательно упасть рижской коммерціи. Прежде всего она поручила сенату запросить тогдашняго лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна, какія, по его мнѣнію, причины довели рижскую торговлю къ 1762 году до совершеннаго упадка. Броунъ донесъ, что торговля въ Ригѣ упала вопервыхъ вслѣдствіе соперничества курлянцевъ и пруссаковъ и во вторыхъ, что всего важнѣе, упала отъ безпорядочнаго внутренняго управленія, дающаго чрезъ чуръ большое мѣсто произволу привиллегированныхъ лицъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ торговыхъ дѣлахъ. Указаніе на безпорядочное внутреннее управленіе побудило государыню прежде всего дать уставъ о рижской коммерціи, а для этого сенатъ указомъ отъ 17 апрѣля 1763 года (П. С. З. ном. 11,798) предписалъ Броуну составить подъ своимъ предсѣдательствомъ для сочиненія устава о рижской коммерціи особую коммисію, въ которую назначить динаминдскаго инспектора Даля и по два человѣка выборныхъ отъ дворянъ, отъ рижскихъ купцовъ и россійскаго купечества. Коммисія была учреждена, но только въ другомъ составѣ*),

---

*) Назначеніе состава коммисіи о рижской коммерціи составляетъ довольно любопытный эпизодъ изъ новѣйшей лифляндской исторіи.

и разработала уставъ о рижской коммерціи, получившій высочайшее утвержденіе 1 декабря 1765 г. (см. П. С. З., № 12,518) и вступившій въ силу съ 1766 г. Этотъ уставъ въ связи съ другими мѣропріятіями, въ особенности съ принятіемъ въ казенное вѣдомство всѣхъ портовыхъ таможенныхъ сборовъ, сданныхъ съ 1758 г. на откупъ на 6 лѣтъ оберъ-инспектору Николаю Шемякину, оказавшемуся въ «безпорядочномъ правленіи», поднялъ рижскую торговлю такого рода улучшеніями внутренняго управленія, которыя были для того времени наиболѣе цѣлесообразны. Не явись этаго устава, рижская коммерція очутилась бы въ самомъ печальномъ видѣ, при которомъ рижскимъ купцамъ пришлось бы, быть можетъ, совершенно разориться.

Цеховые ремесленники не особенно процвѣтали въ срединѣ XVIII столѣтія: они съ неудержимою силою начали уже стремиться

Въ сентябрѣ 1763 года генералъ-губернаторъ Броунъ, съ разрѣшенія государыни, былъ въ Петербургѣ и письменно доложилъ въ сенатѣ, что учрежденіе коммисіи, въ которой назначено ему быть председателемъ, да при немъ двумъ ландратамъ и изъ купечества нѣмецкаго и русскаго по два человѣка, не достигнетъ своей цѣли, а было бы лучше назначить, подъ главнымъ его, Броуна, правленіемъ презусомъ коммисіи кол. сов. Щербачева, затѣмъ изъ рижскаго магистрата назначить одного члена, законы и коммерцію знающаго, и динамюндскаго инспектора Даля, но буде Щербачева назначить нельзя, то выбрать другаго, человѣка знающаго и нѣмецкій языкъ, и коммерцію. Докладъ Броуна по учрежденію коммисіи былъ читанъ въ сенатѣ 10 сентября 1763 года. Государыня лично присутствовала въ этотъ день въ засѣданіи сената и самъ Броунъ находился также въ сенатѣ, но въ другой комнатѣ. По выслушаніи доклада, государыня собственноручно приписала къ мнѣнію Броуна о выборѣ вмѣсто Щербачева человѣка знающаго нѣмецкій языкъ и коммерцію «и природный Россійскій». Государыня, очевидно, не слишкомъ довѣряла безпристрастію привиллегированныхъ. Затѣмъ государыня повелѣла: учредить коммисію, какъ представляетъ Броунъ, но опредѣлить въ нее одного россійскаго члена и той коммисіи учредить порядки, сообразныя съ интересами Ея Величества и полезностями Россіи.

По отбытіи государыни изъ сената, сенаторы начали разсуждать почему именно Броунъ устраняетъ изъ коммисіи членовъ отъ русскаго купечества и отъ земства, и затѣмъ положили призвать въ присутствіе сената Броуна. Броунъ былъ тогда же приглашенъ въ присутствіе и пояснилъ, что ландраты исключены имъ отъ того, что въ коммерціи не свѣдущи, а русское купечество исключено потому, что понятія о важности рижскаго торга не имѣетъ. По выслушаніи объясненій Броуна, сенатъ приказалъ: учредить въ Ригѣ коммисію, какъ представлялъ Броунъ, но въ составъ ея прибавить двухъ депутатовъ отъ земства (ландратовъ) и изъ русскихъ купцовъ опредѣлить двухъ: вяземскаго купца Ивана Барышникова, да масальскаго Антона Хлюстина.

Такимъ образомъ презусомъ коммисія явился «природный Россійскій» и членами двое русскихъ купцовъ. Главное же правленіе коммисіею поручено было Броуну (см. пол. соб. зак. № 11,940).

Императрица сильно интересовалась задачами коммисіи и торопила исполненіе ихъ.

«Александръ Ивановичъ! — писала она 20 октября 1763 года генералъ-прокурору Глѣбову — Я весьма желала знать, послана ли изъ сената къ генералу Броуну резолюція на представленіе его коммисіи для разсмотрѣнія рижской коммерціи, дабы онъ съ 1 числа ноября съ Божіею помощію могъ оную начать; если не послана, то скорѣе онымъ дѣломъ поспѣшите. Екатерина». (См. Сборн. Рус. Ист. Общ. VII, 322).

къ тому положенію, въ которомъ ихъ засталъ въ 1845 — 47 году генералъ-губернаторъ Головинъ, и о которомъ писалъ такъ (см. Чтенія въ императорскомъ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1871 г. книга 1, стр. 115):

«Прежде цехи имѣли цѣлію: обезпечить воспитаніе ремесленнаго юношества, облегчить каждому снискиваніе себѣ пропитанія добросовѣстнымъ трудомъ, отъ обмана и дурныхъ издѣлій, способствовать усовершенствованію ремеслъ и доставить недужнымъ и обѣднѣвшимъ ремесленникамъ помощь и призрѣніе. Ничего того нѣтъ въ Ригѣ. Мастера не только не заботятся о ремесленномъ и нравственномъ развитіи своихъ учениковъ, но безпрерывными угнетеніями, вымогательствомъ усиленныхъ работъ, дурнымъ обращеніемъ и даже содержаніемъ, ожесточили ихъ противъ себя и довели до крайняго своеволія и разврата. Употребляя во зло монополію, мастера лишаютъ учениковъ и подмастерьевъ платы, соразмѣрной съ ихъ трудами, и содержа часто не цеховыхъ помощниковъ, воспрещаютъ подмастерьямъ работать самимъ по себѣ, а въ случаѣ нарушенія сего требованія, равно какъ за учрежденіе не цѣховыми даже не большой мастерской, преслѣдуютъ ихъ съ такимъ ожесточеніемъ, что общественный говоръ справедливо обозначилъ это преслѣдованіе названіемъ «охоты за немастеровыми». Достиженіе званія мастера, исключая дѣтей и родственниковъ мастеровъ, сопряжено съ огромными издержками и притѣсненіями, а для русскихъ почти недоступно, вслѣдствіе чего число русскихъ въ большихъ цехахъ составляетъ лишь $^1/_{414}$ общаго итога. Можно откупиться отъ странствованія, отъ подмастерскаго урока, даже иногда отъ пробной работы на званіе мастера, и всегда отъ взысканія за найденные въ ней недостатки. Сверхъ того, званіе подмастерья очень часто дается лѣнивымъ ученикамъ, дабы избавиться отъ нихъ, и даже самое званіе мастера продается за 26 рублей, подъ условіемъ лишь работать не въ Ригѣ. Цеха стараются удалить изъ Риги лицъ, могущихъ быть, по своему искуству, опасными совмѣстниками общей ремесленной посредственности. Денежныя пожертвованія, вынужденно дѣлаемыя ремесленниками, обращаются большею частію на ѣду и пьянство мастеровъ, а поступающія въ цеховыя кассы сильно расходуются на безплодныя тяжебныя издержки, и даже на подкупы: отъ того, не смотря на стѣсненіе потребителей въ пользу цеховъ и на высокія продажныя цѣны издѣлій, ремесленники не зажиточны въ своемъ краѣ и значительная часть не въ силахъ платить подушной подати, что ведетъ опять къ новымъ злоупотребленіяхъ. Цеховой судъ почти исключительно руководствуется требованіями мастеровъ. Напримѣръ, судъ заставилъ одного русскаго сѣдельника выѣхать изъ дому своего отца, телѣжника, подъ тѣмъ только предлогомъ, что, живя вмѣстѣ, они могутъ, вопреки цеховымъ уставамъ, помогать другъ другу; подвергъ выговору булочнаго мастера

за то, что тотъ не продалъ по таксѣ, а подарилъ два хлѣба бѣдному русскому».

Для отклоненія хотя важнѣйшихъ безпорядковъ, генералъ Головинъ дозволилъ цеховымъ подмастерьямъ ралотать самимъ по себѣ.

Однимъ словомъ стремленія къ замкнутости, къ исключительности, не слишкомъ то служили въ пользу ни дворянамъ, ни бюргерству. Дворянство отъ безправія крестьянъ не особенно много выигрывало: доходность имѣній еще отнюдь не увеличивалась отъ того, что крестьяне, въ своихъ службахъ и повинностяхъ, зависѣли отъ полнаго произвола помѣщика. Бюргеры-купцы и бюргеры ремесленники, разбившись на свои корпораціи и цехи, не особенно процвѣтали, напротивъ шли прямою дорогою если не къ конечному разоренію, то во всякомъ случаѣ къ полному застою и кастамъ, исключающимъ уже одною своею неподвижимостью всякій дѣйствительный успѣхъ общества.

Тѣмъ не менѣе полнаго застоя не произошло.

Съ половины XVIII столѣтія, между привиллегированными сословіями начинается по не многу противодѣйствіе исключительности и кастѣ. Просвѣтительный періодъ, пробудившій Германію, оказалъ свое вліяніе и на лифонцевъ. Съ половины XVIII столѣтія, въ краѣ все чаще и чаще начинаютъ появляться изъ Германіи гофмейстеры (домашніе учители), вносившіе съ собою въ дворянскіе усадьбы и бюргерскіе кружки новыя идеи, шедшія въ рѣшительный разрѣзъ съ духомъ касты и неподвижности. Въ 1750 году рижскіе купцы Гейде и Цукербекеръ основали въ Ригѣ первую ложу вольныхъ каменьщиковъ (масоновъ), въ которую вступили Лабади и Фитингофъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ своего времени (см. Приб. Сб. I, 455). Вслѣдъ за просвѣтителями изъ Германіи, каковы была Гаманъ и Гердеръ, начинаютъ появляться просвѣтителями и прирожденные лифонцы, каковыми были дерптскій бургомистръ Гадебушъ и оберъ-паленскій пасторъ Гупель. Начинаютъ заводиться книжныя лавки, издаваться газеты (издателемъ первой газеты «Rig. Anzeiger» былъ ратсгеръ Винклеръ). Новыя книги, новыя идеи свое дѣло сдѣлали: свѣтъ началъ заглядывать въ отдаленныя захолустья края и ясно началъ обнаруживать неприглядныя стороны порядка вещей, бывшаго результатомъ черезъ чуръ ужь развившихся эгоистическихъ стремленій къ кастѣ. Въ средѣ дворянъ начинаютъ появляться люди, сознающіе, что безправіе крестьянъ есть источникъ ихъ нищеты, что улучшеніе крестьянскаго быта требуется сколько справедливостію, столько же и прямыми выгодами помѣщиковъ. Нашлись люди, готовые отъ словъ перейти къ дѣлу. Изъ числа дворянъ, признавшихъ необходимость измѣнить и улучшить отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, первымъ былъ ашераденскій и ремерсгофскій вотчинникъ баронъ Карлъ-Фридрихъ Шульцъ.

Баронъ Шульцъ родился 19 января 1720 г. Въ 1732 г. онъ поступилъ въ сухопутный шляхетскій корпусъ; въ 1739 году былъ выпущенъ на службу въ кирасирскій полкъ корнетомъ; въ 1743 г. вышелъ въ отставку и вступилъ въ управленіе своими родовыми имѣніями. Въ 1747 году былъ избранъ депутатомъ дворянской кассы, а въ 1759—лифляндскимъ ландратомъ. Въ 1762 г. былъ отправленъ въ Петербургъ депутатомъ отъ лифляндскаго дворянства для исходатайствованія утвержденія правъ и преимуществъ дворянскаго общества со стороны верховной власти; въ 1763 г. онъ присутствовалъ на коронаціи императрицы Екатерины II въ Москвѣ; въ началѣ 1764 г. возвратился въ Ригу, а въ 1765 г. сложилъ съ себя званіе ландрата. Онъ умеръ въ Ашераденѣ 21 января 1782 г.

Не сложна біографія Шульца, тѣмъ не менѣе въ новѣйшей исторіи Ливоніи имя его занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ, а въ исторіи ливонскаго крестьянства, безспорно, первое мѣсто. Выйдя въ отставку въ 1747 г., вступивъ въ управленіе ашераденскимъ и ремерсгофскимъ имѣніями, баронъ Шульцъ не могъ не видѣть, что улучшеніе сельскаго хозяйства и слѣд. процвѣтаніе его вотчинъ не возможно безъ улучшеній крестьянскаго быта, а улучшеніе же этаго быта не возможно до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не будетъ обезпеченъ въ своей собственности и не будетъ имѣть точнаго опредѣленія своихъ службъ и повинностей. Поставивъ себѣ цѣлію дать своимъ имѣніямъ хорошее управленіе и порядочное устройство, онъ выписалъ изъ Стокгольма межеваго инженера Линдрота для обмежеванія мызныхъ и крестьянскихъ земель въ своихъ имѣніяхъ. Обмежеваніе дало возможность ему опредѣлить и назначить норму крестьянскихъ службъ и повинностей въ имѣніяхъ и тѣмъ установить такія отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ, которыя бы устраняя произволъ, обезпечивали бы пользы и крестьянина и самаго помѣщика. Баронъ Шульцъ опредѣлилъ эти отношенія въ крестьянскомъ положеніи для своихъ имѣній, извѣстномъ подъ именемъ ашераденскихъ законовъ. Законы эти группировались около слѣдующихъ 4 пунктовъ:

1) Крестьянинъ считается крѣпостнымъ и подчиненнымъ своему помѣщику, но помѣщикъ не можетъ ни удалить, ни продать, ни подарить крестьянина изъ того помѣстья, къ коему онъ приписанъ.

2) Всякій заработокъ крестьянина считается полною и неотъемлемою его собственностію. Пока крестьянинъ исправно платитъ подати и несетъ службы, помѣщикъ не можетъ удалить крестьянина съ его участка земли.

3) Крестьянинъ не долженъ нести никакихъ податей и службъ, кромѣ означенныхъ въ вакенбухахъ.

4) Крестьянинъ имѣетъ право принести въ судъ жалобу на своего помѣщика вслучаѣ посягательствъ послѣдняго на крестьянскую личность или собственность.

Переведя положеніе свое на латышскій языкъ и раздавъ его для руководства и исполненія въ своихъ вотчинахъ, баронъ Шульцъ въ 1763 г., будучи уже ландратомъ, предложилъ ашераденскіе законы распространить на всю Лифляндію и съ этою цѣлію разослалъ свое положеніе помѣщикамъ, чтобы они могли ознакомиться съ его основною мыслію и планами. Но никто не только не хотѣлъ слышать о реформахъ, считая ихъ дѣломъ и не нужнымъ, и убыточнымъ, напротивъ всѣ громко негодовали на ландрата, вводящаго опасныя новизны.

Шульцъ не терялъ, однакоже, надежды сдѣлать что либо полезное для ливонскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и въ самомъ дѣлѣ его надежды исполнились въ скоромъ времени, потому что съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II начались новыя времена и во всей Россіи.

Когда манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины II былъ объявленъ повсемѣстно во всѣхъ губерніяхъ, то, по заведенному при прежнихъ государяхъ порядку, ливонскія привиллегированныя сословія выслали въ Петербургъ депутаціи для привѣтствія Екатерины II и испрошенія подтвержденія правъ и преимуществъ сословіямъ, дарованныхъ прежними государями. Лифляндская дворянская депутація (въ составѣ ея былъ, какъ сказано выше, ландратъ баронъ Шульцъ Ашераденскій) первая получила жалованную грамоту. Государыня подписала жалованную грамоту лифляндскому рыцарству, дворянству въ подтвержденіе прежнихъ ихъ правъ и привиллегій 19 декабря 1762 г. (см. П. С. З. ном. 11727). За тѣмъ 29 января 1763 г. состоялся (см. П. С. З. ном. 11743 г.) именной, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ, указъ объ именованіи рыцарства и земства лифляндскаго и эстляндскаго «благородными».

«Александръ Ивановичъ! — писала императрица Глѣбову 21 января 1763 г. — конфирмацію лифляндцамъ заготовить надлежитъ точную по Государя Императора Петра Великаго» (см. Сборн. Русск. Ист. Общ, VII, 229).

И конфирмаціи ливонцамъ заготовлялись въ томъ же смыслѣ и съ тѣми же оговорками, какъ было при Петрѣ Великомъ, но онѣ выдавались сословіямъ не одновременно всѣмъ, а когда сословія сами просили о конфирмаціи.

Жалованная грамота городу Ригѣ, магистрату и общему мѣщанству съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ, преимуществъ, вольностей, уставовъ и привиллегій, дарованныхъ этому городу, была выдана, по просьбѣ повѣреннаго Риги ратсгера Ягана Генриха Фоншика 27 августа 1763 г. (см. П. С. З., ном. 11,904).

Въ тотъ-же день была дана жалованная грамота рыцарству и земству княжества лифляндскаго (П. С. З. ном. 11905).

Жалованныя грамоты городу Ревелю, бургомистрамъ и ратманамъ и общему мѣщанству были выданы, по просьбѣ повѣреннаго

городскаго синдика Карла-Генриха Сандерпъ - Горста, 21 сентября 1763 г. (П. С. З. ном. 11,932), и въ тотъ же день, по просьбѣ предводителя эстляндскаго дворянства Фридриха-Іогана Ульриха, дана жалованная грамота рыцарству и земству княжества эстляндскаго (ном. 11,933).

Кромѣ того были даны 17 февраля 1764 года жалованныя грамоты городамъ Нарвѣ, Аренсбургу и Пернову (П. С. З. 12,049, 12,050 и 12,052). Жалованная грамота эзельской провинціи ландратамъ и благородному рыцарству была дана 17 марта 1764 (П. С. З. ном. 12,092) и въ тотъ же день была дана жалованная грамота города Дерпта бургомистрамъ, ратманамъ и всему мѣщанству (П. С. З. ном. 12,093).

Утверждая за привиллегированными ливонцами ихъ права и преимущества въ томъ объемѣ и съ тѣми же оговорками, какъ было утверждено Петромъ Великимъ, императрица, однако же, не признавала соотвѣтствующимъ выгодамъ и пользамъ русскаго государства отчужденность и особность окраинъ его, и свои взгляды на этотъ счетъ вполнѣ ясно и положительно высказала въ наставленіи князю Вяземскому при вступленіи имъ (въ февралѣ 1764 г.) въ должность генералъ-прокурора на мѣсто Глѣбова, быть недовольною которымъ государыня имѣла всѣ причины и поводы. Указывая новому генералъ-прокурору, на что именно ему слѣдуетъ обратить вниманіе при исполненіи своей должности, государыня въ 9 пунктѣ наставленія указала, какъ слѣдуетъ поступать въ отношеніи окраинъ государства. Пунктъ этотъ гласитъ такъ (см. Сборн. Русск. Ист. Общ. VII, 338):

«Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями; нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакоже, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть болѣе нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также и смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда-же Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бы персона какая была произведена въ оное достоинство».

Въ этомъ пунктѣ заключается разгадка, почему князь Вяземскій, когда состоялось учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., когда очередь реформы губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій дошла до Ливоніи, такъ дѣятельно помогалъ Броуну въ открытіи ревельскаго и рижскаго намѣстничествъ. Не вражда къ племени, какъ утверждали тогдашніе мѣстные противники

екатерининскихъ реформъ, а прямое исполненіе инструкціи побудило его къ дѣйствіямъ по отношеніи къ Ливоніи въ томъ именно смыслѣ и направленіи, въ какомъ онъ дѣйствовалъ въ 1783 г.

Какъ бы то ни было, но императрица, утвердивъ (ибо отрѣшеніе всего вдругъ непристойно бы было) права и преимущества дворянскихъ и городскихъ сословій въ Эстляндіи и Лифляндіи, сдѣлавъ распоряженія о сочиненіи новаго устава о рижской коммерціи, подчинивъ апеляціонныя дѣла по Лифляндіи и Эстляндіи вѣдомству 2-го департамента сената, пожелала лично побывать въ Прибалтійскомъ краѣ и посѣтить важнѣйшія города его: Ревель, Перновъ, Ригу и Дерптъ, чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ ихъ.

Государыня предполагала выѣхать изъ Петербурга во второй половинѣ іюня 1764 года и сообразно тому еще весною дано было знать Броуну, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе о поставкѣ для проѣзда государыни и ея свиты въ Ригу казенныхъ лошадей отъ полковъ, квартировавшихъ въ Лифляндіи. Извѣстіе о предполагаемомъ путешествіи государыни быстро распространилось въ краѣ. Съ Петра I, ни одинъ изъ его преемниковъ не былъ ни въ Эстляндіи, ни въ Лифляндіи; привиллегированныя сословія знали, что государыня желала ближе ознакомиться съ ихъ краемъ, потому дворянства и города, которые она желала посѣтить, приложили все стараніе, чтобы представиться государынѣ въ лучшемъ видѣ и радушнымъ пріемомъ увѣрить ее въ своей преданности и благодарности за утвержденныя права.

Лифляндское дворянство прежде всего заявило Броуну, что оно готово поставить отъ себя, для проѣзда государыни въ Ригу, лошадей. Броунъ донесъ о томъ въ Петербургъ и получилъ въ отвѣтъ слѣдующій рескриптъ (см. Сб. Рус. Ист. Общ. VII, стр. 361):

«Господинъ генералъ Броунъ! Изъ реляціи вашей я усмотрѣла, что дворянство лифляндское съ прискорбностію принимаетъ, что полковыя лошади, а не лифляндскія, повелѣли мы поставить для проѣзду нашего въ Ригу. Объявите всему дворянству наше особливое благоволеніе за ихъ въ семъ случаѣ къ намъ усердіе и дайте притомъ знать, что мы сіе сдѣлали изъ особливаго уваженія къ земледѣльному времени, дабы не отягчать тѣмъ народа, и что таковыя лошади уже поставлены; однакожъ, ежели гдѣ еще онѣ не выставлены, или гдѣ полковымъ лошадямъ подмога понадобится, то мы и на то соизволяемъ, чтобъ лифляндскія поставлены были подводы, только бы то безъ отягченія земледѣлію было. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, іюня 14 дня 1764 г.».

Въ воскресенье, 20-го іюня 1764 года, въ 6 часовъ по полудни, государыня выѣхала изъ Петербурга, при пушечной пальбѣ съ адмиралтейства и Петропавловской крѣпости, — оставивъ великаго князя Павла Петровича на попеченіе графа Никиты Ивановича Панина.

Въ свитѣ Государыни находились: генералъ-адютантъ графъ Григорій Орловъ, гетманъ Малороссіи графъ Кирила Разумовскій, братъ Панина, Петръ Ивановичъ Панинъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Нарышкинъ, статсъ-секретари: Елагинъ и Кузьминъ, и нѣкоторыя статсъ дамы.

Въ 9$_1/_2$ часовъ вечера, поѣздъ прибылъ въ Красное Село. Здѣсь петербургскій генералъ-губернаторъ Ушаковъ и надворный совѣтникъ Волковъ поднесли государынѣ хлѣбъ, соль и плоды.

Въ Красномъ Селѣ государыня пробыла весь слѣдующій день до 7 часовъ вечера.

Въ Чирковцѣ и Опольѣ, поѣздъ останавливался только для перемѣны лошадей, и въ 4 часа утра, 22-го іюня, прибылъ въ Ямбургъ. Государыня пѣшкомъ прошла по мосту чрезъ Лугу, и къ 6-ти часамъ утра приближалась къ Нарвѣ. За три версты предъ городомъ императрицу ждалъ весь нарвскій магистратъ и почетнѣйшіе горожане. Въ сопровожденіи ихъ, ея величество вступила въ форштатъ при пушечной пальбѣ съ крѣпости. Здѣсь встрѣтили ее командующій полевыми войсками стоявшими у Нарвы, генералъ-маіоръ фонъ Бенкендорфъ, а на гласисѣ Ивангородской крѣпости нарвскій оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ Барановъ. Русскіе купцы поднесли государынѣ хлѣбъ, соль и плоды. У Водяныхъ воротъ ждалъ прибытія Императрицы преосвященной Инокентій (Нечаевъ), епископъ псковскій и нарвскій съ духовенствомъ. Государыня вышла изъ экипажа, приложилась къ кресту и, по выслушаніи привѣтственнаго слова преосвященнаго, пѣшкомъ прошла въ Вышгородъ въ замокъ, при колокольномъ звонѣ и пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ. Тутъ же у Водяныхъ воротъ представились ея величеству генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа, артиллеріи генералъ-маіоръ Фелькерзамъ и инженеръ генералъ-маіоръ Александръ Никитичь Гербель, а также штабъ и оберъ-офицеры артиллеріи и инженеровъ.

Въ 12 часовъ государыня принимала у себя православное духовенство и архимандрита Святогорскаго монастыря. За тѣмъ оберъ-гофмаршалъ графъ Карлъ Сиверсъ представилъ государынѣ: евангелическое городское духовенство, эстляндское рыцарство, предводимое ландратомъ барономъ Штакельбергомъ, нарвскій магистратъ и купечество. За тѣмъ представились почетныя дамы, пребывавшія въ Нарвѣ. На всѣ произносимыя по нѣмецки рѣчи, отвѣчалъ, отъ имени ея величества, на русскомъ языкѣ графъ Орловъ.

Къ обѣденному столу были приглашены: епископъ Инокентій, генералитетъ, бургомистры, и почетнѣйшіе горожане съ ихъ женами. Послѣ обѣда государыня отправилась смотрѣть водопадъ на рѣкѣ Наровѣ и устроенныя тутъ пильныя мѣльницы. Отсюда государыня пѣшкомъ прошла въ Ивангородъ, въ церковь Успѣнія Пресвятыя Богородицы. Въ половинѣ 9-го часа вечера, ея величество

оставила Нарву, сопровождаемая толпами народа. Магистратъ и почетнѣйшіе горожане провожали государыню до первой гостиницы за городомъ.

Въ 10 часовъ вечера поѣздъ прибылъ въ Лагену (17 верстъ отъ Нарвы), имѣніе обер-гофмаршала графа Сиверса. Здѣсь государыня пробыла въ гостяхъ у Сиверса до 7 часовъ вечера слѣдующаго дня. Во время обѣда, предъ окнами государыни, танцовали и пѣли крестьянскія дѣвушки.

24-го іюня, въ 11 часовъ утра, государыня остановилась въ Кольке, имѣніи графа Штейнбока, и пробыла тутъ до 7-ми часовъ вечера. Оттуда государыня отправилась въ Ревель, назначивъ пребываніемъ своимъ Екатериненталь, увеселительный замокъ, построенный близь Ревеля Петромъ І-мъ. За милю предъ Ревелемъ, государыню встрѣтилъ маіоръ преображенскаго полка графъ Алексѣй Орловъ съ эскадрономъ лейбъ гвардіи коннаго полка. На границѣ же городской земли ждали государыню: генералитетъ, ландраты и эстляндское рыцарство, ревельскій магистратъ и купечество, и отрядъ шварцгейтеровъ. Государыня пересѣла въ придворный экипажъ и, сопровождаемая всѣми сказанными лицами, при пушечной пальбѣ съ крѣпости и съ кораблей, стоявшихъ въ гавани, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ церквей и стрѣльбѣ пяти пѣхотныхъ полковъ дивизіи генералъ-аншефа графа Румянцева, стоявшей лагеремъ у Ревеля, прибыла въ Екатериненталь въ полночь 24-го іюня.

На другой день назначенъ былъ въ 11 часовъ пріемъ у государыни. Прежде всѣхъ представлялось православное духовенство; протоіерей привѣтствовалъ государыню отъ имени всѣхъ ревельскихъ жителей. За духовенствомъ представлялись ландраты и все рыцарство, подъ предводительствомъ ревельскаго генералъ-губернатора, генералъ-фельдмаршала Гольштейнъ-Бека. Отъ имени дворянства, говорилъ рѣчь предводитель его фонъ-Ульрихъ. Послѣ дворянства представлялись по очереди: евангелическое духовенство, магистратъ, дамы, флагманы и морскіе офицеры, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры полевыхъ войскъ и наконецъ оберъ-комендантъ Тизенгаузенъ со штабъ и оберъ-офицерами гарнизона. Къ обѣду были приглашены: почетныя дамы, генералитетъ и ландраты. Въ 7-мъ часовъ по полудни ея величестро, въ сопровожденіи генералитета, отправилась къ гавани для осмотра работъ, производившихся здѣсь генералъ-фельдмаршаломъ Минихомъ. Отсюда государыня проѣхала въ городъ, по больщой улицѣ къ рынку, гдѣ предъ ратушею были построены, въ честь ея, великолѣпно украшенныя позолоченными статуями тріумфальныя ворота. Безчисленныя толпы народа окружали и провожали карету императрицы. На рынкѣ русское купечество поднесло ей хлѣбъ, соль и плоды.

Государыня осталась отмѣнно довольною оказаннымъ ей пріемомъ въ Ревелѣ и 26 іюня писала о томъ въ Петербургъ Неплюеву и князю Вяземскому (см. Сб. Рус Ист. Общ. VII, 362): «Я надѣюсь къ 12 іюля къ вамъ быть. Здѣсь весьма мнѣ ради и не знаютъ что затѣять, чтобъ показать свое удовольствіе. Я звана обѣдать къ рыцарству, а на другой день къ мѣщанству, и всѣ во истину съ великимъ усердіемъ. Въ Петровъ день послѣ обѣда поѣду отселѣ къ Балтійскому Порту водою. Впрочемъ, желаю вамъ здраствовать. а я навсегда къ вамъ добросклонна».

Къ Панину государыня въ тотъ же день писала такъ:

«Никита Ивановичъ! Усмотрѣла я изъ письма вашего съ удовольствіемъ, что сынъ мой, слава Богу, здоровъ, и что вы отправились въ Царское Село. Я со всею свитою сюда пріѣхала въ добромъ здоровьѣ; братъ вашъ говоритъ, будто онъ веселѣе не вояжировалъ; здѣсь намъ весьма ради и истинное усердіе кажется во всѣхъ видно. Я звана обѣдать къ рыцарству, къ мѣщанству и къ генералъ-губернатору, а въ Петровъ день послѣ обѣда поѣду въ Балтійскій Портъ водою; Полянскій опасно боленъ. Что до англійскаго трактата касается, я надѣюсь, что вы будете стараться къ возвращенію моему привести сіе дѣло къ положенію».

На другой день, 28-го іюня, въ воскресенье, ея величество, въ сопровожденіи генералитета, отправилась въ городскую церковь Казанской Божіей Матери. По окончаніи обѣдни, ея величество, со всею свитою, поѣхала въ ратушу къ обѣду, который ревельскіе горожане давали въ честь ея прибытія. При выходѣ изъ кареты, государыню встрѣтили жены и дочери бургомистровъ и ратсгеровъ, а 12-ти лѣтнія дѣвушки, дочери почетнѣйшихъ горожанъ, усыпали путь ея величества цвѣтами. Обласкавъ дѣтей, государыня сѣла ко столу. Ей прислуживали два старшихъ бургомистра. Тотчасъ послѣ обѣда, оберъ-гофмаршалъ Сиверсъ открылъ балъ съ принцессою Гольштейнъ-Бекъ. Балъ продолжался до 7 часовъ вечера. Государыня, послѣ бала, прибыла въ Екатериненталь, переодѣлась въ армейскій мундиръ и въ сопровожденіи генералитета, отправилась въ лагерь — на смотръ дивизіи графа Румянцева (пять пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ полка). По окончаніи маневровъ, всѣ генералы и штабъ-офицеры войскъ были приглашены къ ужину въ особо раскинутую для того палатку. Государыня пробыла здѣсь до полуночи.

28-го іюня праздновалось восшествіе на престолъ. Въ 11 часовъ утра былъ большой пріемъ поздравленій. Вечеромъ генералъ-губернаторъ давалъ маскарадъ.

Во вторникъ, 29-го іюня, въ день Петра и Павла, государыня, въ 10 часовъ утра, принимала поздравленія съ тезоименитст-

вомъ наслѣдника цесаревича, и была на обѣдѣ, данномъ въ честь ея дворянствомъ.

30 іюня былъ назначенъ отъѣздъ изъ Ревеля. Въ 8 ч. ут., въ Екатериненталь собрались генералитетъ, представители дворянства и горожанъ, для прощанія съ ея величествомъ. Государыня, облагодаривъ горожанъ за ихъ ласковый пріемъ, и завѣривъ городу Ревелю свою милость и на будущее время, въ 9½ ч. утра, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка поѣхала въ городъ, съ тѣмъ чтобы, пересѣвъ на ожидавшій ея въ гавани военный корабль «Папа Климентъ», посѣтить Балтійскій Портъ и осмотрѣть производившіяся тамъ фельдмаршаломъ Минихомъ работы. Лишь только Государыня вступила на корабль, вмѣсто адмиральскаго флага, взвился императорскій штандартъ Одушевленіе и восторженные ура моряковъ долго не прекращались: послѣ смерти основателя русскаго флота, моряки въ первый разъ видѣли въ средѣ своей повелительницу имперіи. Государыня обѣдала на кораблѣ, потомъ играла въ карты (государыня очень любила эту забаву), но вѣтеръ былъ такъ слабъ, что продолжать путешествіе на кораблѣ оказывалось не удобнымъ. Государыня пересѣла на императорскую яхту «Великомученица Екатерина» и благополучно прибыла въ Балтійскій портъ, 1-го іюля въ 6 часовъ утра. Здѣсь ее уже ожидалъ фельдмаршалъ Минихъ. По осмотрѣ, строившихся въ Балтійскомъ портѣ моловъ, государыня прибыла къ обѣду въ квартиру фельдмаршала.

2-го іюля Государыня смотрѣла съ берега морскіе маневры. Въ 7 часовъ вечера, она выѣхала изъ Балтійскаго Порта по дорогѣ въ Перновъ. Въ Кошѣ встрѣтилъ государыню эстляндскій генералъ-губернаторъ и депутаты эстляндскаго рыцарства. Это была послѣдняя станція Эстляндіи. Здѣсь государыня простилась съ принцемъ Гольштейнъ-Бекомъ и рыцарствомъ. Слѣдующая станція Галикъ находилась въ Лифляндіи, гдѣ ожидали уже императрицу лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ и депутаты лифляндскаго рыцарства. На границѣ Эстляндіи были воздвигнуты тріумфальныя ворота. Государыня прибыла въ Галикъ 2-го іюля, въ 9 часовъ утра, и была привѣтствована Броуномъ и дворянами, отъ имени которыхъ говорилъ рѣчь ландратъ Брюнингъ. Въ 2 часа по полудни, государыня переправилась на паромѣ чрезъ рѣку Пернаву и вступила, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, въ крѣпость. Православное духовенство, генералъ-фельцейхмейстеръ Вильбоа, комендантъ Посьетъ, магистратъ и толпы народа встрѣтили и провожали государыню до приготовленной для нея квартиры въ домѣ вдовы Фалькъ. Здѣсь представлялись императрицѣ: духовенство, штабъ и оберъ-офицеры войскъ; магистратъ же поднесъ государынѣ оду, написанную оберъ-фохтомъ Вихелемъ, на нѣмецкомъ языкѣ, въ честь ея прибытія въ Перновъ.

Въ воскресенье, 4-го іюля, ея величество была у обѣдни въ гарнизонной Александроневской церкви, а послѣ обѣда осматривала крѣпость, въ сопровожденіи Вильбоа и посѣтила ратушу.

5-го іюля, въ 4 часа по полудни, государыня выѣхала изъ Пернова по дорогѣ въ Ригу. Передъ отъѣздомъ изъ Пернова государыня 5-го іюля писала Панину: «Никита Ивановичъ! Сегодня двѣ недѣли какъ я изъ Петербурга, и хотя я крайне спѣшу, но нынѣ сама вижу, что нѣсколько дней болѣе замѣшкаю на дорогѣ, нежели я надѣялась. Я сегодня выѣду изъ Перпау, а послѣ завтра пріѣду въ Ригу. Vortre frère se porte bien; il m'a demande hier, si vous étiez en vie; faites mes compliments au Grand Duc; quand je reviendrai à la ville, je vous dirai des horreurs de Port Baltique» (т. е. вашъ братъ здоровъ, онъ меня спрашивалъ, живы ли вы? Поклонитесь отъ меня великому князю. По возвращеніи въ городъ, я вамъ разскажу ужасы о Балтійскомъ Портѣ). *)

На другой день, государыня послала Панину новое письмо: «Никита Ивановичъ! Съ удовольствіемъ я усмотрѣла изъ письма вашего отъ 30 іюня, что сынъ мой здоровъ и что царскосельское житье ему нравится; записку для графа Сольмса и отвѣтъ господину Реннепкамфу при семъ обратно посылаю; не имѣю ничего прибавить. Весьма вы хорошо сдѣлали, что ошибку вице канцлера поправили въ разсужденіи ангальтскихъ посланниковъ; знать у князя Алекс. Михайл. Голицына спѣха велика была ѣхать къ Москвѣ. Что вы пишите о Ржеускомъ, то уже мнѣ самой въ голову пришло, и я хотѣла его, естьли онъ въ бытности моей въ Ригу пріѣдетъ, точно такъ принять, какъ вы вздумали; что же до прочихъ о немъ распорядковъ касается, я сіе на ваше попеченіе полагаю. Моя дорога весьма теперь мѣшкотно продолжается по причинѣ неслыханныхъ песковъ и большихъ жаровъ. Я вчерась только могла отъѣхать отъ Пернау три станціи, что учинитъ 60 верстъ, изъ которыхъ 40 ѣхала шагомъ, и такъ я не прежде четверга буду въ Ригу. Me voila bien loin de aux compte, mais enfin comment faire, à moins que de vouloir crever hommes et chevaux on ne saurait avancer (т. е. и такъ я очень удалилась отъ своего расчета, но наконецъ что дѣлать? Подвигаться можно впередъ развѣ переморивъ и людей и лошадей). Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. Екатерина. Изъ мызы, которой имя знала, да позабыла, 6 іюля 1764 г.»

---

*) Рогервикъ служилъ мѣстомъ ссылки для преступниковъ. Имяннымъ указомъ, объявленнымъ изъ сената 8 августа 1762 г., было повелѣно: преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, отправлять въ Рогервикъ изъ мѣстъ по сю сторону Москвы, а изъ мѣстъ за Москвою ссылать въ Нерчинскъ. Рогервикъ переименованъ Балтійскомъ Портомъ имяннымъ указомъ, даннымъ сенату въ 20 день августа 1762. (П. С. З. ном. 11,639 и 11,648). Ссыльные употреблялись на работы по постройкѣ мола и содержались въ чрезвычайной тѣснотѣ и нечистотѣ.

По всѣмъ станціямъ, гдѣ только ни останавливался императорскій поѣздъ, государыня была встрѣчаема съ величайшими почестями и торжествомъ. Дворянство, повторяемъ, не щадило издержекъ, чтобъ придать путешествію императрицы характеръ празднества для края.

8-го іюля Государыня приближалась къ Ригѣ.

Здѣсь уже давно шли приготовленія къ пріему императрицы. Еще 5-го іюня Броунъ разослалъ публикацію ко всему лифляндскому дворянству, чтобъ оно съѣжалось въ Ригу къ 22-го іюня, для представленія ея величеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ сделаны были распоряженія о перемѣщеніи улицъ, о приведеніи домовъ въ опрятный видъ, приготовлялось помѣщеніе для государыни и ея свиты во дворцѣ (нынѣ уѣздное училище). Магистратъ съ своей стороны публиковалъ 19-го іюня запрещеніе носить, во все время пребыванія государыни въ Ригѣ, трауръ и выгонять скотъ на пастбище чрезъ городъ. Потомъ 2-го іюля генералъ-губернаторъ напоминалъ жителямъ Риги содержаніе высочайшихъ указовъ 12-го іюля 1762 г. и 11 іюня 1863 г., которыми строго запрещалась подача какихъ бы то ни было прошеній лично Государынѣ, и объявлялъ, что въ случаѣ необходимости прибѣгнуть кому либо къ защитѣ верховной власти, прошенія должно подавать состоящимъ въ свитѣ ея величества дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ Елагину и Кузьмину, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ, что лицо, подавшее прошеніе по какому либо дѣлу, разрѣшеніе коего зависитъ отъ обыкновенныхъ или судебныхъ инстанцій, неминуемо подвергнется взысканію, опредѣленному указомъ 12-го іюля 1762 г.

8-го іюля, государыня прибыла поздно ночью на послѣднюю станцію предъ Ригою, Белленгофъ. На границу городской земли, въ Нейермюленѣ, прибыли для встрѣчи государыни: послѣдній принцъ курляндскій Петръ Биронъ, генералитетъ, представители дворянства и города. Но государыня, утомленная продолжительнымъ путемъ, остановилась въ Белленгофѣ и увѣдомила Броуна собственноручнымъ письмомъ, что она намѣрена прибыть въ Ригу на слѣдующій день 9-го іюля къ 9-мъ часамъ утра.

Къ назначенному времени Петръ Биронъ, генералитетъ, рыцарство, ландратская коллегія и магистратъ ждали государыню за 4 версты передъ городомъ. Вся дорога отъ Белленгофа до Риги была полита водою, такъ какъ въ то время стояла очень сухая погода. По прибытіи къ мѣсту, гдѣ ждали императорскій поѣздъ генералитетъ и представители, государыня пересѣла въ придворную карету. Депутаты отъ магистрата и обѣ роты городской гвардіи открывали въѣздъ государыни въ городъ. Непосредственно за ними слѣдовала императрица, по сторонамъ ея кареты ѣхали верхами: Петръ Биронъ, графъ Орловъ, Разумовскій, Вильбоа, Нарышкинъ, Броунъ и другія

лица. Потомъ слѣдовалъ эскадронъ кирасирскаго его высочества наслѣдника цесаревича полка. За конвоемъ слѣдовало дворянство подъ предводительствомъ ландмаршала барона Будберга, потомъ статсъ-дамы, гофъ-фрейлины и прочая свита въ 20 великолѣпныхъ каретахъ, заказанныхъ городомъ собственно по случаю пріѣзда государыни. Когда поѣздъ былъ въ 2-хъ верстахъ отъ Риги, по данному ракетой сигналу, началась пушечная пальба со всѣхъ верковъ крѣпости и колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ. Безчисленныя массы народа встрѣтили государыню, такъ что поѣздъ подвигался впередъ съ большимъ трудомъ. У Песочныхъ воротъ была устроена тріумфальная арка. Здѣсь стоялъ весь магистратъ и оба эльтермана города. Бургомистръ Фегезакъ, подойдя къ каретѣ, поднесъ государынѣ на шелковой подушкѣ восемь ключей отъ городскихъ воротъ и привѣтствовалъ прибытіе государыни рѣчью. Государыня приняла ключи и чрезъ нѣсколько времени возвратила ихъ бургомистрамъ. Поѣздъ вступилъ въ городъ чрезъ Песочныя ворота, при непрерывной пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ, восклицаніяхъ народа и медленно подвигался по Известковой улицѣ ко дворцу. Предъ дворцомъ ждалъ государыню епископъ Инокентій съ крестомъ. Государыня, приложившись къ кресту и выслушавъ привѣтственное слово преосвященнаго, вступила во дворецъ. На лѣстницѣ встрѣтили ее герцогъ курляндскій Эрнстъ Іоганъ Биронъ со своею супругою, генералитетъ, придворныя дамы и кавалеры. Дѣвицы, дочери почетнѣйшихъ лицъ въ городѣ, усыпали путь по лѣстницѣ цвѣтами.

По вступленіи въ залу ея величества, были немедленно допущены къ аудіенціи: ландмаршалъ Будбергъ, президентъ гофъ-герихта тайный совѣтникъ баронъ Менгденъ, президентъ консисторіи ландратъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ и генералъ-суперинтендентъ Цимерманъ.

Въ этотъ день къ столу императрицы были приглашены особы первыхъ 4 классовъ (45 персонъ).

Съ наступленіемъ ночи, замокъ, домъ дворянства, магистратъ, домъ шварцгейптеровъ и всѣ дома въ городѣ и на форштадтахъ освѣтились великолѣпною иллюминаціею. На рынкѣ были пущены фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, и народное гулянье не прекращалось всю ночь.

Но не до веселья было самой императрицѣ.

Въ то самое время, когда происходилъ торжественный въѣздъ императрицы въ Ригу, курьеръ отъ Панина везъ изъ Петербурга донесеніе о событіи, происходившемъ въ ночь на 5 іюля въ Шлиссельбургѣ, вслѣдствіе котораго было убіеніе Іоанна Антоновича. «Никита Ивановичъ! — писала 9 іюля 1764 г. государыня Панину, Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши рапорты и всѣ дивы, про-

иешедшіе въ Шлиссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть!»...

10 іюля, въ суботу, въ 10 ч. утра происходилъ торжественный пріемъ у императрицы, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) православное духовенство съ иконами. Епископъ Инокентій произнесъ рѣчь. 2) Рыцарство и ландраты. 3) Магистратъ. Рѣчь произнесъ Фегезакъ. 4) Лютеранское духовенство. Рѣчь говорилъ пасторъ Эссенъ. 5) Бюргеры. 6) Русское купечество. Оно поднесло государынѣ на большомъ вызолоченномъ блюдѣ хлѣбъ, соль и плоды. Государыня поручила Броуну увѣрить магистратъ и городъ Ригу въ ея неизмѣнной къ нимъ императорской милости и защитѣ. Затѣмъ ландратъ Менгденъ и ландмаршалъ Будбергъ просили ея величество осчастливить лифляндское дворянство принятіемъ приглашенія къ обѣду и балу. Государыня обѣщала быть въ ритерсгаузѣ 11 числа. Въ этотъ же день она обѣдала у генералъ-губернатора Броуна. Въ 7 ч. вечера она осматривала нѣкоторые верки рижской крѣпости и посѣтила Царскій садъ, разведенный Петромъ I.

Въ этотъ день прибылъ отъ Панина курьеромъ Кашкинъ и подалъ первый допросъ Мировича. На другой день, 11 іюля, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ съ письмами государыни къ Панину и Неплюеву, по Шлиссельбургскому дѣлу. «Я нынѣ, писала государыня къ Панину, болѣе спѣшу какъ прежде возвратиться въ Петербургъ, дабы сіе дѣло скорѣе окончить и тѣмъ дальныхъ дурацкихъ разъясненій пресѣчь. Я въ четвергъ отселѣ поѣду».

Въ воскресенье, 11 іюля, государынѣ представлялись всѣ офицеры войскъ, стоявшихъ лагеремъ подъ Ригою. Послѣ пріема, государыня была въ Алексѣевской церкви у обѣдни, совершавшейся преосвященнымъ Инокентіемъ. По отслушаніи обѣдни и молебна государыня отправилась къ обѣду, который въ честь ея прибытія давало дворянство въ ритерсгаузѣ. Въ числѣ приглашенныхъ гостей находились между прочимъ преосвященный Инокентій и императорскій римскій посланникъ князь Лобковицъ. Въ 5 часовъ пополудни государыня оставила ритергаузъ, осматривала рижскую цитадель, была въ Петропавловской церкви (нынѣ соборъ), а вечеромъ посѣтила маскарадъ, который шварцгейптеры давали въ своемъ домѣ.

Государыня въ этотъ день писала Панину:

«Никита Ивановичъ! Бискупъ виленской Масальскій прислалъ сюда Бандре спросить у меня, велю ли я ему сюда пріѣхать и ждать ли ему меня въ Митавѣ. Я въ семъ послѣднемъ городѣ ему означила свиданіе, дабы избѣгнуть множества embarras въ пріемѣ и угощеніи; а между тѣмъ я брату вашему приказала завтрашній день въ пріѣздъ мой въ Митавѣ съ нимъ говорить и увѣрить его моимъ именемъ, что я твердо и непремѣнно въ своихъ сентиментахъ пребываю и пребуду; что я пріѣхала сюда для единыхъ

экономическихъ дѣлъ и министра по иностранному департаменту со мною нѣту; однакожъ, если онъ имѣетъ что время нетерпящаго мнѣ донести, то бъ онъ ему, Петру Ивановичу, о томъ сказывалъ, а впрочемъ адресовался бы къ моимъ министрамъ, и коммисіи дала брату вашему, дабы онъ отклонилъ отъ меня политическую конференцію, въ которую я неохотно вступаю. Еще диссиденты прислали сюда одного дворянина, котораго имя вы изъ приложенной піесы (просьбы диссидентовъ, подпись: George Guillaume Tournauw) усмотрите, сей мнѣ представленъ былъ и самъ подалъ оный Memoire. Я ему сама словесно дала наикрѣпчайшее увѣреніе о стараніи моемъ въ ихъ фаверъ, которыя нынѣ снова пріиму съ большимъ стремленіемъ, только здѣсь отъ разныхъ сихъ и другихъ помянутыхъ хлопотъ весьма для меня скучно. Сейчасъ получила ваше письмо отъ 8 іюля и не оставлю его безъ примѣчанія».

Въ понедѣльникъ, 12 іюля, государыня, послѣ пріема дворянства, явившагося благодарить ее за вчерашнее посѣщеніе, въ 1 часу пополудни въ сопровожденіи всей своей свиты, епископа Иннокентія и генералитета, отправилась пѣшкомъ въ зданіе ратуши къ обѣду, который въ честь ея давали рижскіе горожане. Зданіе ратуши въ это время перестраивалось и не было еще вполнѣ окончено, но въ воспоминаніе пребыванія въ немъ императрицы, постановлено: днемъ освященія и открытія зданія—считать 12 іюля. Послѣ обѣда въ комнатахъ нижняго этажа ратуши былъ данъ концертъ. Вниманіе государыни обратилъ италіянскій дуэтъ, пропѣтый двумя рижскими дамами. Благодаря горожанъ за пріемъ, ея величество неоставила своею благодарностію и этихъ дамъ. По окончаніи концерта, императрица возвратилась во дворецъ также пѣшкомъ. Въ 6 часовъ попол. она отправилась въ лагерь, въ 12 верстахъ отъ Риги, для смотра стоявшихъ въ немъ войскъ. Маневры, изображавшіе ходъ сраженія при Пальцихѣ, продолжались до 10 часовъ. Къ 12 часамъ почи государыня возвратилась въ городъ. Въ этотъ вечеръ рыцарство давало маскарадъ, но государыня на немъ не была.

Во вторникъ, 13 іюля, назначенъ былъ отъѣздъ въ Митаву. На первой станціи, въ 27 верстахъ отъ Риги, герцогъ съ обоими своими сыновьями: Петромъ и Карломъ ожидали государыню въ нарочно раскинутой для нея палаткѣ. Во время перемѣны лошадей, государыня, въ ознаменованіе своей неизмѣнной милости къ герцогу, возложила на наслѣдната принца орденъ св. Андрея Первозваннаго. За двѣ версты передъ Митавою государыня пересѣла въ герцогскую карету и въ 3 часа пополудни прибыла въ митавскій замокъ. На лѣстницѣ она была встрѣчена герцогинею, епископомъ виленскимъ Масальскимъ и нѣкоторыми польскими дворянами. Послѣ обѣда государыня принимала оберъ-ратовъ, курляндское дворянство и духовенство. Всѣмъ лицамъ, находившимся въ свитѣ государыни (графъ

Орловъ, Разумовскій, Нарышкинъ и прочіе), герцогъ раздалъ золотыя медали, нарочно выбитыя въ память посѣщенія императрицею Митавы. Государыня выѣхала изъ Митавы въ Ригу въ 7 ч. веч. Принцъ Петръ, ѣхавшій верхомъ возлѣ кареты ея величества, бросалъ народу серебряные жетоны. Принцъ Карлъ провожалъ Государыню до Риги, куда поѣздъ прибылъ въ 1 часу ночи. Улицы были освѣщены фонарями (въ Ригѣ постояннаго освѣщенія улицъ въ тѣ времена еще не было), а жители со свѣчами въ рукахъ, при громѣ пушекъ, проводили государыню къ дворцу.

14 іюля Государыня осматривала работы по укрѣпленію береговъ рѣки Двины, производившіяся капитаномъ Вейсманомъ.

Въ этотъ же день государыня писала Панину (см. Сборн. Русск. Ист. Общ. VII, 368) по дѣлу Мировича, и о пребываніи своемъ въ Митавѣ сообщила слѣдующее:

«Я вчерашній день была въ Митавѣ и видѣла бископа Виленскаго. Онъ человѣкъ лѣтъ 26. Кажется уменъ и при мнѣ скроменъ былъ, но сказывалъ мнѣ герцогъ, что наканунѣ того дня онъ показывалъ великое хвастовство, и герцогъ весьма разумно ему (если вѣрить его словамъ) отвѣтствовалъ. Онъ, бископъ, за столомъ сидѣлъ съ хозяиномъ противъ меня, а герцогиня по правую сторону возлѣ меня, а гетманъ съ лѣвой. Герцогъ принялъ меня съ великолѣпіемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для пріему и деньги кидалъ въ народъ. Послѣ стола я сюда обратно пріѣхала, хотя они усиленно просили, чтобъ я ночевала, но я сказала, что я здѣсь (въ Ригѣ) слово дала до вечерней зари, которую и до возвращенія своего бить не велѣла, возвратиться. При чемъ двѣ медали въ гостинецъ великому князю и къ вамъ посылаю. Завтра я отсель къ вамъ въ обратный путь поѣду. Народъ здѣшній ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣли мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома. Je vous écris ceci pour vous montrer, que les Livoniens commencent à avoir des influences de leurs conquérants (т. е. пишу къ вамъ это для показанія, что ливонцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ побѣдителей). Сейчасъ получила письмо ваше отъ 10 іюля, изъ котораго съ удовольствіемъ усмотрѣла, что сынъ мой здоровъ и что репорты изъ Шлиссельбурга не требуютъ резолюціи».

15 іюля, въ четвергъ, назначенъ былъ отъѣздъ государыни изъ Риги. Когда магистратъ и гражданство собрались въ ратушѣ, чтобы итти на прощаніе къ ея величеству, въ залу вошелъ генералъ-губернаторъ Броунъ и объявилъ собранію, что ея величество поручила ему выразить магистрату и городу ея благоволеніе за пріемъ и вѣрноподданническое усердіе, что ея величество завѣряетъ городъ въ своей милости и впредь, что въ воспоминаніе посѣщенія города она повелѣла графу Орлову доставить въ ратушу ея порт-

ретъ, — что Ея Величество вмѣстѣ съ симъ разрѣшаетъ город[illegible] выбить въ память пребыванія ея въ Ригѣ медаль.

Въ 1 ч. по [illegible] улицамъ, по коимъ предстояло отправляться поѣзду, выстр[illegible] гвардія и начался большой съѣздъ во дворецъ. Русскіе купцы [illegible] Государынѣ на богатомъ серебряномъ блюдѣ хлѣбъ и со[illegible] Въ сопровожденіи огромной свиты генералитета, рыцарства, горожанъ и [illegible] народа государыня выѣхала изъ Риги въ 6 часовъ пополудни.—[illegible]ратъ, ландраты и генералитетъ провожали поѣздъ до [illegible] Здѣсь епископъ Инокентій произнесъ прощальное слово Государынѣ.

Дальнѣйшій путь Императрицы былъ [illegible] Дерпту.

«Иванъ Ивановичъ, князь Александръ Алексѣевичъ! [illegible] сала государыня 16 іюля Неплюеву и Вяземскому — Вчерашній [illegible] я выѣхала изъ Риги и не могла за великими песками до полуночи далѣе отъѣхать какъ 45 верстъ, гдѣ и ночевала. Завтра надѣюсь пріѣхать въ Дерптъ. Съ удовольствіемъ усмотрѣла изъ письма вашего отъ 12 іюля, что за помощію Божіею въ городѣ все благополучно».

Броунъ и депутаты отъ лифляндскаго дворянства провожали императрицу отъ Риги до границы Лифляндіи. На каждой станціи устраивались торжественныя встрѣчи, иллюминаціи, такъ что путешествіе государыни являлось дѣйствительнымъ празднествомъ.

«Никита Ивановичъ! — писала государыня 18 іюля Панину. Два письма ваши, отъ 14 и 15 числа іюля, я получила вчера и сегодня. Кажется, Веймарнъ (генералъ-поручикъ, производившій слѣдствіе по дѣлу Мировича) съ умомъ взялся за дѣло, чему свидѣтельствуетъ приказъ, въ крѣпость Шлиссельбургскую имъ отданный. Вашими распоряженіями я вывѣ, какъ по большей части и всегда, весьма довольна Я теперь двѣ версты подъ Дерптомъ нахожусь; а какъ свита моя отъ большихъ песковъ еще не вся съѣхалась, то до завтра здѣсь останусь, а тамъ поѣду до Петергофа».

Въ Дерптъ государыня прибыла 18 іюля въ 2 часа утра и остановилась въ имѣніи Ропкой графа Сиверса. Послѣ пріема генералитета и городскихъ чиновъ, государыня отправилась въ Дерптъ къ обѣдни въ церковь Успенія Божіей Матери и, по окончаніи богослуженія, удалилась въ Ропкой, гдѣ русское купечество поднесло ей хлѣбъ, соль и плоды. Послѣ обѣда государыня осматривала верки дерптской крѣпости. Вечеромъ Дерптъ былъ иллюминованъ.

Вотъ любопытный рекриптъ императрицы, касающійся этой иллюминаціи.

«Господинъ лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ. Во время шествія нашего чрезъ Дерптъ, маурмейстеръ Мелькъ представилъ тамъ иллюминацію, состоящую въ картинѣ, коей содержаніе въ

печатномъ листкѣ при семъ прилагается. А какъ намъ извѣстно, что онъ сіе представленіе сдѣлалъ съ позволенія генералъ фельдцейхмейстера Вильбоа, нынѣ же дошло до насъ, что онъ за то осуждается къ наказанію, того ради прикажите онаго Мелька немедленно отъ всякаго наказанія и штрафа сдѣлать свободнымъ ежели только за то одно онъ къ чему нибудь приговоренъ, и буде нѣтъ другихъ дѣлъ, кои бы его тому подвергали. Екатерина. 27 декабря 1767 г. Москва.»

На картинѣ съ одной стороны была изображена императрица сидящая на тронѣ; надпись въ нѣмецкихъ стихахъ подъ изображеніемъ гласила:

Всемилостивѣйшая Государыня!

Повергаемся къ стопамъ твоимъ, да снидетъ на насъ твоя милость и защита, ибо тяжелымъ бременемъ лежитъ на насъ судейская должность нашего магистрата. Раздоръ и споры царствуютъ между его членами, въ ущербъ правосудію и полиціи.

На другой сторонѣ картины былъ изображенъ городъ (Дерптъ). У однихъ воротъ за столомъ сидятъ члены магистрата и по одаль отъ нихъ бьютъ кого-то палкою, изъ другихъ воротъ выходятъ жители города, оставляя магистратъ управлять пустыми домами.

19-го іюля, въ 4 часа по полудни, государыня отправилась въ дальнѣйшій путь. 20-го іюля поѣздъ прибылъ въ Ревель, пограничную станцію между Лифляндіею и Эстляндіею; здѣсь встрѣтилъ и принялъ государыню принцъ Гольштейнъ-Бекъ съ эстляндскими депутатами; генералъ же губернаторъ Броунъ съ депутатами отъ лифляндскаго рыцарства, простившись съ государынею, отправился въ обратный путь въ Ригу. 21-го іюля государыня проѣхала чрезъ Нарву, гдѣ простилась съ принцемъ Гольштейнъ-Бекомъ и эстляндскими депутатами, и въ тотъ же день въ 12 часовъ прибыла въ Ямбургъ, гдѣ ее уже ожидалъ петербургскій генералъ-губернаторъ Ушаковъ и Волковъ. Весь день 22-го іюля Государыня пробыла въ Гостилицахъ, имѣніи генералъ-фельдмаршала графа Алексѣя Григорьевича Разумовсакго.

Изъ Гостилицъ государыня, изъявляя Панину свое удовольствіе за его распоряженія по дѣлу Мировича, писала: «Я въ воскресенье на куртагъ къ вамъ буду, къ которому и Веймарнъ пріѣхатъ можетъ, и тогда уже положимъ на мѣстѣ, какъ далѣе быть. Истинно, я сама и вся свита моя столь отъ дороги устали, что, не отдыхавъ, въ городѣ, гдѣ все на меня навалитъ, пріѣхать невозможно. Впрочемъ, желаю вамъ здравствовать.»

23 іюля въ 10 часовъ утра государыня прибыла въ Петергофъ.

Императрица провела въ путешествіи по Эстляндіи и Лифляндіи цѣлый мѣсяцъ. Жители прибалтійскаго края никогда не забывали этого посѣщенія государыни и отзывались о ней самымъ восторженнымъ образомъ. Иначе и быть не могло: императрица

владѣла дѣйствительно искуствомъ внушать къ себѣ довѣріе и преданность.

Но посреди торжествъ, празднествъ, великолѣпныхъ иллюминацій, пріемовъ имѣла ли возможность государыня вникнуть въ положеніе обитателей Эстляндіи и Лифляндіи, узнать гдѣ кроется причина непорядковъ дворянства, купечества и крестьянства этихъ странъ. Источники, изъ которыхъ мы заимствовали нашъ разсказъ о пребываніи императрицы въ прибалтійскомъ краѣ, объ этомъ не говорятъ ни слова; они подробно и обстоятельно разсказываютъ о пирахъ, о тостахъ и рѣчахъ, но умалчиваютъ о впечатлѣніи, какое произвелъ край и его порядки на императрицу, и о ея распоряженіяхъ на счетъ края.

За день до отъѣзда изъ Риги, именно 14-го іюля, Государыня подписала слѣдующее повелѣніе Броуну:

«Извѣстно намъ, что нѣкоторые лифляндскіе помѣщики на бывшую послѣднюю въ Лифляндіи ревизію неудовольствіе имѣютъ, того ради прикажите публиковать, чтобъ всѣ такія жалобы свои принесли вамъ отъ сего числа въ мѣсяцъ, которыя вамъ разобравъ, съ мнѣніемъ своимъ представить въ камеръ-контору лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, и такое же представленіе прислать и къ намъ» [1]).

Предписывая Броуну разобрать жалобы рыцарства, государыня вмѣстѣ съ тѣмъ приказывала ему принять мѣры къ облегченію участи крестьянъ и преимущественно обратить вниманіе на огражденіе крестьянъ отъ всякаго увеличенія барщины. Броунъ успокоилъ Государыню обѣщаніемъ, что само рыцарство озаботится пресѣченіемъ злоупотребленій, возникающихъ отъ неопредѣленности отношеній помѣщика къ крестьянамъ [2]), что на первомъ ландтагѣ, онъ неупустить заявить и будетъ настаивать на приведеніи высочайшей воли въ исполненіе.

Представивъ Государынѣ изложеніе жалобъ рыцарства, Броунъ назначилъ собраться рыцарству на ландтагъ въ январѣ 1765 года. Въ назначенный срокъ ландтагъ открылся. По старинному обычаю, члены ландтага, подъ предводительствомъ своего ландмаршала Будберга, изъ церкви отправились въ замокъ для привѣтствія генералъ-губернатора.

Въ отвѣтной своей рѣчи Броунъ сказалъ, что жалобы крестьянъ на помѣщиковъ дошли до ея императорскаго величества и государыня къ крайнему неудовольствію своему убѣдилась,

---

1) Независимо сего указа Государыня, въ бытность свою въ Ригѣ, подписала 14-го іюля указъ о назначеніи 15 т. руб. на постройку строеній для судебныхъ мѣстъ въ Ригѣ, Венденѣ и Перновѣ.

2) Рихтеръ. Исторія крестьянскаго сословія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, стран. 170.

въ послѣднюю бытность свою въ Эстляндіи и Лифляндіи, что эти жалобы справедливы, и происходятъ во 1-хъ отъ того, что крестьянинъ не имѣетъ собственности; во 2-хъ, что повинности крестьянъ ни чѣмъ не опредѣлены и произвольно увеличиваются со дня на день, и въ 3-хъ, что за проступки и за невыполненіе непомѣрно тяжкой барщины помѣщики налагаютъ на крестьянъ неслыханно тяжкія и жестокія наказанія. Вслѣдствіе сего Броунъ предлагаетъ ландтагу: 1) движимость крестьянскую признать полною собственностію крестьянъ, 2) повинности крестьянина привести къ опредѣленной нормѣ и 3) ограничить произволъ въ наказаніяхъ.

Въ предложеніи этомъ (говорятъ, что его писалъ баронъ Шульцъ) между прочимъ, говорилось: «За лифляндскими крестьянами не признается рѣшительно никакой собственности, ниже въ томъ, что они зарабатываютъ себѣ потомъ и кровію. Въ пользованіи землею и имъ самимъ выстроеннымъ жильемъ, крестьянинъ столь же мало обезпеченъ, какъ и птицы на крышѣ, а относительно скудной своей движимости онъ обезпеченъ еще менѣе. Понравится-ли господину крестьянская лошадь, скотина, подушка, или что бы то ни было, онъ преспокойно забираетъ себѣ за цѣну, назначаемую имъ по своему усмотрѣнію, а иногда и безъ всякаго вознагражденія. Даже годовой урожай, столь тяжкими трудами добываемый крестьяниномъ на скудное пропитаніе себя и своей семьи, не обезпеченъ отъ помѣщика. Есть-ли возможность, чтобы крестьяне, при самомъ бѣдственномъ положеніи старались о пріобрѣтеніи чего-либо, когда они ни на единый часъ не могутъ быть увѣрены въ обладаніи тѣмъ, что они пріобрѣли?»

Едва-ли съ удовольствіемъ выслушало рыцарство рѣчь генералъ-губернатора Броуна, и воротилось въ ритергаузъ, въ настроеніи духа далеко не миролюбивомъ. Лишь только члены ландтага заняли свои мѣста, къ нимъ обратился баронъ Шульцъ съ убѣжденіями позаботиться объ участи крестьянъ и ввести ашераденское положеніе во всей Лифляндіи. «Давно пора уничтожить право обращать человѣка въ рабочую скотину», сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи. Собраніе едва выслушало рѣчь Шульца и ярость дворянства не знала предѣловъ. Преданіе говоритъ, что баронъ Шульцъ едва не былъ выброшенъ въ окно изъ ритергауза, а положеніе его было сожжено. Но какъ бы то ни было, ландтагъ, послѣ сильныхъ, бурныхъ и самыхъ продолжительныхъ преній сдѣлалъ, когда Броунъ далъ понять, что улучшеніе быта крестьянъ есть непремѣнная воля государыни и что правительство само возметъ на себя починъ реформы, если дворянство ничего не уступитъ для крестьянъ, постановленіе, обнародованное въ патентѣ 12 го апрѣля 1765 г.: «Хотя крѣпостное состояніе латышей и основано на естественномъ духѣ ихъ; хотя все, чѣмъ крестьянинъ владѣетъ, и есть неотъем-

лемая собственность его помѣщика, тѣмъ не менѣе рыцарство объявляетъ, что пріобрѣтенные крестьяниномъ скотъ, деньги и хлѣбъ остаются собственностію его, крестьянина, если только онъ ничего не долженъ помѣщику; что существующія повинности не должны подлежать возвышенію; въ случаѣ же несоблюденія этихъ правилъ, крестьянину предоставляется право жаловаться на помѣщика въ орднунгсъ-герихтѣ, но подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія за подачу несправедливой жалобы. Помѣщикъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 200 альбертовыхъ талеровъ, не долженъ продавать своихъ крестьянъ на рынкѣ, и въ особенности не продавать мужа безъ жены, или жену безъ мужа».

Обнародовавъ это постановленіе, Броунъ съ своей стороны опредѣлилъ мѣру домашнихъ исправительныхъ наказаній 10-ю парами розогъ не свыше 3-хъ ударовъ каждою парою и истребовалъ отъ всѣхъ помѣщиковъ показанія о повинностяхъ, отбываемыхъ крестьянами.

Постановленія эти были непосредственнымъ слѣдствіемъ посѣщенія императрицею прибалтійскаго края и составляли очень долгое время, до самаго 1804 г., руководство при опредѣленіи отношеній между крестьянами и помѣщиками. Жалобы рыцарства на ревизію 1757 г. какъ извѣстно (П. С. З. № 13241) восходили на разсмотрѣніе сената, который указомъ 23-го января 1769 г., признавъ эти жалобы неосновательными, рѣшилъ сбирать въ Лифляндіи съ публичныхъ и приватныхъ мызъ подати по ревизіи 1757 г.

Свиданіе преосвященнаго Иннокентія съ оберъ-пасторомъ Эссеномъ въ 1764 г.

Въ 11 томѣ: Mittheilungen aus der livländischen Geschichte, издаваемыхъ обществомъ исторіи и древностей прибалтійскихъ губерній — помѣщена г-мъ Бухгольцемъ слѣдующая любопытная замѣтка о преосвященномъ Иннокентіѣ (Нечаевѣ):

Неизвѣстно съ точностію — находились ли во время неоднократныхъ посѣщеній Риги Петромъ Великимъ и его супругой вмѣстѣ съ ними и особы высшей іерархіи православнаго духовенства, для отправленія богослуженія при ихъ величествахъ. Кажется, только въ 1764 году Рига въ первый разъ увидѣла у себя православнаго епископа. Когда въ Ригѣ ожидали къ 9 іюля 1764 года Екатерину II, то сюда прибылъ, для ея встрѣчи и отправленія богослуженія, епископъ псковскій и рижскій Иннокентій. Вотъ что пишетъ о немъ тогдашній оберъ-пасторъ церкви св. Петра, Эмануилъ Іустинъ фонъ Эссенъ, въ своей памятной книжкѣ, находящейся въ рижскомъ архивѣ городскаго суперинтендента:

«Я посѣтилъ его (преосвященнаго Иннокентія) нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда и нашелъ въ немъ человѣка чрезвычайно тонкаго обращенія, свѣдущаго и скромнаго. Чрезъ нѣсколько дней онъ отдалъ мнѣ визитъ со всѣмъ своимъ духовенствомъ и подарилъ мнѣ различныя гравюры, изображавшія православныхъ святыхъ, и красиво переплетенный экземпляръ проповѣдей іеромонаха и придворнаго проповѣдника Платона, напечатанныхъ въ этомъ году въ С.-Петербургѣ in 4°. Чтобы познакомить его со всѣми членами здѣшняго протестантскаго духовенства, я предложилъ, не угодно-ли будетъ ему осмотрѣть близълежащій каѳедральный соборъ (Domkirche) и

городскую библіотеку. Когда онъ на это изъявилъ согласіе, то я поторопился созвать всѣхъ духовныхъ лицъ въ ризницу; всѣ они встрѣтили его при входѣ въ церковь и вѣжливо привѣтствовали, на что онъ отвѣчалъ такимъ же любезнымъ привѣтствіемъ и другими пріятными рѣчами. Потомъ онъ обошелъ не только всю церковь, но и библіотеку, для которой предложилъ въ подарокъ русскую библію, въ трехъ томахъ изданія 1757 года въ форматѣ средней восьмушки. Побуждаемые этимъ примѣромъ и достохвальными качествами этого мужа, наше духовенство тотчасъ же рѣшилось отдарить и его достопримѣчательной книгой. Для этого была куплена Fabricii Bibliotheca Graeca, въ семи красивыхъ томахъ, въ сафьянномъ переплетѣ, цѣною въ 16 альб. рейхсталеровъ. Сочиненіе это съ приличною надписью было поднесено ему на слѣдующій день, въ собственномъ его домѣ, вмѣстѣ съ libris simbolicis editione Rechenbergii, господиномъ проповѣдникомъ (Ober-Wochenprediger) Рейсперомъ и мною отъ имени всего духовенства. Мы распростились съ преосвященнымъ съ обоюднымъ увѣреніемъ въ дальнѣйшей дружбѣ и готовности къ услугамъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Важнѣйшія опечатки.

Страница	Строка	*Напечатано:*	*Читайте:*
XXX	29	до 200	до 100
5	31	защищается	защищалась
16	37	Никентій III	Иннокентій III
43	5	меченосцевъ тевтонскимъ	меченосцевъ съ тевтонскимъ
52	16	папъ	панъ
54	30	ободрялъ	одобрялъ
65	3	задержали	содержали
76	6	въ XII-го, XIII-го и XIV го вѣка	въ XII-мъ, XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ
98	18	рижскому	римскому
159	18	Будучи пасторомъ	Будучи пасторомъ эстонской общины
219	1	архіепископомъ	архіепископствомъ
238	14	1240	1340
238	15	1337 г.	1347 г.
239	39	Ледовигъ, Релковичъ	Ледовичъ, Селковичъ
240	6	1533 г.	1583 г.
371	15	просимъ	прислалъ

